

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ: ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
MODERN EURASIA: A SOCIAL GEOGRAPHICAL ANALYSIS

**СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ:
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**MODERN EURASIA:
A SOCIAL GEOGRAPHICAL ANALYSIS**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АССОЦИАЦИЯ РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ
БАЙКАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ СО РАН
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА
РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

**СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ:
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**MODERN EURASIA:
A SOCIO-GEOGRAPHICAL ANALYSIS**

Материалы Международной научной конференции
(XIV научная Ассамблея АРГО)

(10–19 сентября 2023 г., г. Улан-Удэ)

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра СО РАН
2023

Редакционная коллегия:

В. С. Батомункуев, кандидат географических наук,
А. Г. Дружинин, доктор географических наук, профессор,
Э. Д. Санжеев, кандидат географических наук,
Н. Р. Зангеева, кандидат географических наук

С 56 **Современная Евразия: общественно-географический анализ = Modern Eurasia: a socio-geographical analysis:** мат-лы Междунаро-д. научн. конф. (XIV научная Ассам-блея АРГО) (10–19 сентября 2023 г., г. Улан-Удэ) / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. С. Бато-мункуев; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова; Байкальский институт природо-пользования СО РАН; Ассоциация российских географов-обществоведов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2023. – 496 с.

ISBN 978-5-7925-0656-5

DOI 10.31554/978-5-7925-0656-5-2023-9-494

Сборник содержит материалы Международной научной конференции «Современная Евразия: общественно-географический анализ», состоявшейся в Бурятском государственном университете 10–19 сентября 2023 г. в рамках XIV научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). В сборнике представлены результаты научных исследований, посвященных теоретическим, методическим, прикладным вопросам общественной географии, геополитическим аспектам, культурно-географическим и туристско-рекреационным проблемам развития территорий.

Адресуется научным работникам, сотрудникам органов государственной и муниципальной власти, преподавателям вузов, аспирантам и студентам.

The proceedings contain the materials of the International Scientific Conference “Modern Eurasia: A Socio-Geographical Analysis”, held at the Buryat State University on September 10-19, 2023. The conference was held within the framework of the XIV Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Geographers and Social Scientists (ARGO). The proceedings present the results of scientific research devoted to theoretical, methodological, applied issues of social geography, geopolitical aspects, cultural-geographical and tourist-recreational problems.

Tourist and recreational problems of territorial development.

It is addressed to researchers, employees of state and municipal authorities, university profes-sors, graduate students and undergraduates.

УДК 911(4/5)
ББК 26.8(4/5)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ: ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»	
Анимиаца Е.Г., Власова Н.Ю. Урал: промышленная колея, или Новый путь развития?	10
Бакланов П.Я. Геополитический периметр России: европейские и азиатские сегменты	13
Батомункуев В.С., Гомбоев Б.О., Цыбикова А.Б., Мотошкина М.А., Лыгденова А.Б. Геостратегические основы сбалансированного пространственного развития Азиатской России и территорий сопредельных государств в условиях цикличности природных и общественных процессов	15
Безруков Л.А. Транспортабельность товаров и географическая структура экспорта внутриконтинентальных стран (на примере Монголии)	18
Гончиков Ц.Д., Урбанова Ч.Б. К 35-летию высшего географического образования в Республике Бурятия	20
Замятин Д.Н. Метагеография Евразии: от метагеополитики к планетарным геокультурам	24
Зырянов А.И. Районирование России и туризм	26
Коломак Е.А. Оценка влияния агломерационных эффектов на экономические показатели предприятий юга Сибири	28
Корытный Л.М., Машуков М.Ю. Место Ангаро-Байкальского региона в географическом пространстве Северо-Восточной Азии	32
Мартынов В.Л., Сазонова И.Е., Субетто Д.А. Прогноз в социально-экономической географии: основные подходы, методы и концепции	35
Мошков А.В. Территориально-отраслевая структура евразийского пространства Российской Федерации	38
Суслов Н.И., Исупова Е.Н., Иванова А.И. Этническое разнообразие и экономический рост в российских регионах	41
Тулохонов А.К. Новые социальные вызовы для современной России: риски, проблемы, выводы	42
Федоров Г.М. О роли Калининградской области в реализации проекта «Большой Евразии»	45
Чистобаев А.И. Медико-географический менеджмент в сфере здоровьесбережения: опыт и результаты фундаментальных и прикладных разработок	47
Эминов З.Н. Единство тюркских государств – основа регионального развития	50
ДОКЛАДЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПАНЕЛИ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ «НАШЕ НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ»	
Дружинин А.Г. Сергей Борисович Лавров: сила лидерства, обаяние личности, глубина и масштаб сохраняющих свою актуальность научных идей	52
Шупер В.А. Сергей Борисович Лавров – предшественник и современник	55
МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ НА СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЯХ СЕКЦИЯ 1 ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ: ТЕКУЩАЯ АНАЛИТИКА И ПРОГНОЗ. ФОРМИРОВАНИЕ «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ»: ФАКТОРЫ, АКТОРЫ, РИТМИКА, ФОРМАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, РОССИЙСКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ	
Агафощин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Особенности государственной политики Швеции по отношению к сирийским и иракским мигрантским сообществам	59
Андреев М.В. Пространственная диффузия идей панисламизма в Российской Федерации	61
Бадалов Э.С. Современные тенденции урбанизации в исламских странах Азии и Азербайджане	63
Бардаханова Т.Б. Использование сельскохозяйственных земель в российских регионах Северной Азии: эффективность и устойчивость	64
Грибанова Г.И. Полярный шелковый путь в контексте российско-китайского сотрудничества в Евразии	66
Деточенко Л.В., Фесенко В.В. Геополитический и геоэкономический факторы российско-китайских отношений: реалии и возможные направления развития	68
Жирнова Л.С. Этнический фактор и эффект соседства в электоральном поведении в Латвии (на примере «Русского союза Латвии»)	72
Затолокин А.С., Петров Ю.В. Социальные аспекты ESG-стратегирования в контексте евразийских детерминант	75

Земцов С.П., Царева Ю.В., Белицкий М. Эффект колеи как детерминанта деловой активности на территории Северной Евразии за последние века	77
Ибрагимов А.И. Новый миропорядок и особенности геополитического поведения малых стран (азербайджанский случай)	79
Иманов Ф.А., Нагиев С.К. Размещение населения и трудовых ресурсов в Азербайджане	80
Zaur T. Imrani. Regional economic-geographic model of sustainable development	86
Итегелова А.П. Образование в области родных языков коренных малочисленных народов как основа культурного разнообразия регионов	91
Каледин Н.В. Геополитическая регионализация в Евразии: историческая динамика и перспектива	93
Калуцков В.Н. Исторические дороги России в Сибирь и их образы в русской литературе	96
Кудрявцев А.Ф. Финно-угорский мир как геокультурный феномен	100
Лубсанова Н.Б. Оценка устойчивости природно-хозяйственных систем Северной Азии на основе критериев ресурсопотребления и природоемкости	102
Макушин М.А., Горячко М.Д. Влияние санкционной политики ЕС на угольную отрасль России: прогнозы и реалии	105
Павлов К.В., Зенькова И.В., Никифоров С.А. Эффективность логистических центров при транспортировке продукции на зарубежные рынки из Республики Беларусь	107
Панасюк М.В., Пудовик Е.М. Формирование современного евразийского образовательного пространства: опыт кафедры географии и картографии Казанского университета	110
Родионова И.А. О расширении БРИКС	111
Садыкова Э.Ц., Бильгаев А.В., Жамьянова Ю.Б. Анализ влияния мирохозяйственных связей на социально-экономические процессы регионов	114
Сазонова О.А., Сазонова Н.В., Марциневская Л.В. О влиянии цифровых технологий на современные миграционные отношения	118
Сидоров В.П. Геополитические и геоэкономические метаморфозы современной Евразии	121
Уставщикова С.В. Современная демографическая ситуация в республиках Средней Азии	123
Федорко В.Н. Россия в системе внешнеторговых связей Узбекистана	125
Шерин Е.А. Географическая структура внешней торговли Сибири и Монголии	129
Щитова Н.А., Белозеров В.С., Есикова В.О., Сопнев Н.В. Территориальная дифференциация процессов распределения и мотивации выбора иностранными студентами места обучения в России	131
СЕКЦИЯ 2	
ПРОБЛЕМНОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ: ПОДХОДЫ И ИДЕИ	
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	
Антюфеева Т.В., Есипова С.А. Механизмы регулирования трансграничного природопользования в государствах-участниках Евразийского экономического союза: современное состояние и перспективы развития	135
Бадина С.В. Оценка экономического ущерба от деградации многолетней мерзлоты в прибрежной зоне Печорского и Карского морей	137
Балина Т.А., Николаев Р.С., Чекменева Л.Ю., Чижова Л.О. Динамика и территориальные различия заболеваемости органов дыхания населения России	139
Барина В.А., Земцов С.П. Оценка динамики и факторов экологической эффективности как характеристики устойчивого развития регионов России	142
Бешенцев А.Н., Базаров К.Ю., Батомункуев В.С., Рыгзынов Т.Ш. Геоинформационное обеспечение Большой Евразии	145
Бочарников В.Н. Охотничье хозяйство в Приморском крае: актуальность осуществления биотехнических мероприятий и тесного взаимодействия с сельским и лесным хозяйством	147
Wang Juanle. China – Mongolia – Russia Economic Corridor collaborative innovation platform and demonstration applications	150
Галустов К.А. Экологические и экокультурные конфликты как индикатор воздействия городских режимов на трансформацию городского пространства Санкт-Петербурга	150
Закиров И.В., Саттарова Г.А. Общественно-географические аспекты устойчивого развития	153
Ковалев Ю.Ю., Полуэктова Е.А. Глобальное изменение климата и особенности экологической модернизации хозяйства Монголии	156
Колдобская Н.А. Конфликт функций места и его экологические последствия: пример Саларьево	158
Кузнецова Э.А., Гольцман А.В. Медико-географическая оценка комфортности климатических условий Российской Арктики	161
Кузьмин Ю.В. Российские исследователи Монголии: итоги научного проекта РФФИ	164

Меркушев С.А., Полякова Я.Р., Субботина Т.В. Оценка качества среды городов-миллионеров России: новые возможности и проблемы	167
Новиков А.Н. Страноведение: место в системе географических наук и современное применение методологии на региональном уровне	169
Панков С.В. Исторический процесс заселения как фактор трансформации первичных естественных ландшафтов Тамбовской области	171
Прудникова Т.Н. Особенности земледелия Северо-Западной Монголии	174
Савельев П.С., Савельева П.Б., Засядь-Волк В.В., Демидов М.О. Влияние эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения на социально-экономическое развитие региона (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области)	176
Xu Shuxing, Wang Juanle. Ecosystem services assessment and trade-off synergies on the Mongolian Plateau	178
Сат С.А., Андреев С.Г., Аюржанаев А.А., Батоцыренов Э.А., Супруненко А.Г. Особенности радиального прироста хвойных пород деревьев в малом водосборном бассейне Восточного Забайкалья	179
Хабибуллина А.Р., Кубышкина Е.Н., Уразметов И.А. Рекорды метеорологических явлений на базе метеорологической станции Казанского федерального университета	181
Хальчевский Д.Н., Михеева Н.М. Конфликтный потенциал Индии: этноконфессиональные признаки	184
Яковлев С.В. Экологические проблемы естественного воспроизводства осетровых видов рыб в Волго-Каспийском регионе	188
Мандах Н., Солонго Ц., Уянга Б. Управление пастбищными угодьями: прошлые и современные проблемы	191

СЕКЦИЯ 3

ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЕВРАЗИЙСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДИНАМИКИ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ. МИФОЛОГЕМЫ И РЕАЛИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Бабкин Р.А., Медведникова Д.М. Пространственные особенности инвестиционной привлекательности Московской метрополии	192
Бабурин В.Л. Подходы к оценке сравнительной эффективности экономики регионов России	195
Демидова К.В., Макушин М.А., Бобровский Р.О. Реализация экспортно-ресурсного потенциала зоны БАМ	197
Дугарова Г.Б., Богданов В.Н., Емельянова Н.В., Антипина Ю.В. Анализ экономического потенциала (на примере Иркутска и Улан-Батора)	199
Заборцева Т.И. Восточная Сибирь: проектный формат развития	202
Заляза Н.Ю., Лучников А.С. Территориальная дифференциация черной металлургии России на современном этапе (региональный уровень)	204
Зырянов Г.А. Географические особенности реформы административно-территориального деления Русской православной церкви 2011–2022 гг.	208
Иванова Ю.П., Шатунов А.А. Новые векторы сотрудничества Volkswagen AG с китайскими автопроизводителями	211
Кашин А.А. Оценка степени диверсифицированности экономики российских регионов	214
Комов И.В., Яковенко Н.В. Инвестиционное развитие как инструмент стимулирования социально-экономического развития региона (Воронежская область)	217
Кравченко Н.А., Юсупова А.Т. Партнерские взаимодействия предприятий как основа формирования единого экономического пространства (на примере Южно-Сибирского макрорегиона)	222
Красноярова Б.А., Биче-оол Т.Н. Республика Тыва: неприемлемость пути «догоняющего» развития	225
Куница М.Н. Внешнеторговые связи Брянской области: особенности евразийского вектора	228
Лимпинская А.А. Влияние геополитики на организованный выездной международный туризм в регионе (на примере Пермского края)	231
Макар С.В. Геоэкономические акценты: к особенностям обеспеченности благоустроенным жильем населения регионов российского Дальнего Востока	234
Малов В.Ю., Мелентьев Б.В. Транспортный комплекс азиатской части России: год 2035	235
Мельникова Л.В. Структурный анализ региональных различий уровня и роста производительности труда	238
Оберюхтина Т.Е. Направления сотрудничества Турции и Свердловской области	241
Осоргин К.С., Столбов В.А. Внутриконтинентальная территория – страна и регион: общее и особенное	243

Потоцкая Т.И. География регистрации и деятельности крупных транснациональных компаний в России	245
Рожко М.В., Рубцов В.А. Влияние инфраструктуры на конкурентоспособность муниципальных образований Республики Татарстан	248
Саввинова А.Н. Социально-экономические проблемы ограниченно доступных, отдаленных и труднодоступных населенных пунктов республики Саха (Якутия)	251
Самбуров К.В., Самбунова С.А. Пространственная организация пассажирского железнодорожного сообщения дальнего следования в зоне влияния Байкало-Амурской магистрали	254
Сидоров И.В. Географические особенности выставочной деятельности в оборонно-промышленном комплексе России	257
Смирнов И.П., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. Полимасштабный подход к классификации сельских территорий (на примере Тверской области)	261
Сорокин Е.А., Лучников А.С. Лесопромышленный кластер Республики Карелия: территориально-отраслевая структура	264
Степанов А.В., Бурнасов А.С., Валиахметова Г.Н., Илюшкина М.Ю. Внешние экономические вызовы для индустриальных районов Российской Федерации в условиях турбулентности мировой экономики (на примере Свердловской области)	267
Столбов В.А. Прогнозирование развития регионов Арктической зоны России на основе действующей системы стратегического планирования: возможности, проблемы, результат	269
Супрунчук И.П. Региональные особенности развития профессионального футбола в России	272
Чихичин В.В. Образ Северного Кавказа: наиболее характерные элементы	276
Шадрин А.И. Изучение Енисейской Сибири в свете пространственных преобразований	279

СЕКЦИЯ 4

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Биктимиров Н.М., Мустафин М.Р. Особенности протекания миграционных процессов в регионе во время пандемии коронавируса Covid-19	283
Богатуров Д.С. Расселение русских в Республике Дагестан в XXI веке	285
Борисенко М.А., Быков Н.И. Особенности расселения населения на начальном этапе российского освоения Алтайского края	287
Вульфович Р.М. Основные факторы формирования агломераций как детерминант динамики территорий России (кейсы: Санкт-Петербург и Улан-Удэ)	290
Гонтарь Н.В. Особенности концентрации населения в крупнейших городах России	293
Грибок М.В. Об опыте разработки телевизионной инфографики по итогам Всероссийской переписи населения	296
Гусаков Т.Ю. Региональные формы самоорганизации сельского населения на Крымском полуострове	299
Даньшин А.И. Оценка потенциала малого города для развития агропромышленной функции	302
Добрякова В.А. Моделирование пространственно-временного изменения численности населения Тюменской области	305
Житин Д.В. Особенности динамики и пространственной локализации крупнейших этнических групп Российской Федерации	306
Замалетдинов Р.И., Хамидуллина Р.М., Шигапов И.С. Динамика структуры функциональных зон г. Казани в XX–XXI вв.	309
Кириллов С.Н., Козлов М.О., Слипенчук М.В. Территориальное развитие и анализ комфортности проживания в Троицком административном округе Москвы	311
Лекомцев А.Л. Ижевская агломерация как ядро пространственной организации систем населенных пунктов Удмуртии	314
Любичанковский А.В. Этноконфессиональный состав населения сквозь призму ментально-географических репрезентаций	317
Мальганова И.Г., Фрузенкова А.В. Городские метаморфозы: пространственные и социально-экономические аспекты развития г. Казани	320
Монгуш С.П. Демографический прогноз населения национальных республик Ангаро-Енисейского макрорегиона	324
Полтев А.Е., Сазонова Н.В. Современные медико-демографические проблемы Белгородской области	327
Поспищенко М.А. «Нелегкие кадры» в легкой промышленности России: проблемы и перспективы	332
Попкова Л.И. Города Центрального Черноземья: критерии истинности	334
Размахнина Ю.С., Фартышев А.Н. Влияние этничности на итоги выборов в Восточной Сибири (по данным социологических опросов в Иркутской области, Бурятии и Забайкальском крае)	336
Сафронов С.Г. Население БПТ: проблемы учета, современная динамика и структура	338

Соловьев И.А., Зольникова Ю.Ф. Основные черты миграции молодежи в России	342
Филиппова В.В. Компактность расселения коренных малочисленных этносов в республике Саха (Якутия): сходства и различия	345
Харимаева В.Г., Зангеева Н.Р. Ретроспективный анализ старения населения азиатской части России	348
Цыденов Б.Б., Гончиков Ц.Д., Урбанова Ч.Б. Динамика численности населения в Забайкальском крае	351
Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Морковская Д.Н., Ткачев Е.В. Детерминанты динамики и тенденций расселения Белгородской области	353

СЕКЦИЯ 5

ПОРУБЕЖНЫЕ, ТРАНСГРАНИЧНЫЕ И ЛИМИТРОФНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ЕВРАЗИИ: ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Бадмаев А.Г. Об истории одной из крупнейших в СССР узкоколейных железных дорог – Хандагатайской УЖД	356
Бадмаев Н.Б., Цыдыпов Б.З. Глобальное изменение климата и земельная реформа в России: пространственно-временная динамика пахотных угодий в Республике Бурятия	358
Битюкова В.Р. Подходы к созданию комплексной типологии экологической ситуации муниципалитетов Байкальской природной территории	361
Болхосоева Е.Б., Габеева Д.А., Доржонова Ю.Д. Анализ статистических показателей уровня жизни населения Республики Бурятия	363
Водичев Е.Г. Трансграничные территории: фактор трансграничности в региональном развитии на востоке России	366
Диденко Д.Ю., Михеева Н.М. Динамика территориальной электоральной поляризации в Республике Бурятия	368
Иванова С.Н. Демографическое развитие территорий Азиатской России в постсоветский период	371
Катровский А.П. Вызовы развитию малых городов в приграничных с Белоруссией регионах России: перечитывая и переосмысляя работы Г.М. Лаппо	375
Li Xiaoling. Evolution of Spatial organization patterns of economic cooperation between Heilongjiang province of China and Far East of Russia	379
Лой Д.К., Тургель И.Д. Перспективы создания трансграничных территорий (на примере Трансмонгольской железнодорожной магистрали)	379
Лялина А.В., Волошенко К.Ю., Новикова А.А., Фарафонова Ю.Ю. Межрегиональная миграция населения в российском порубежье в интересах экономической безопасности	383
Макаров А.В., Бешенцев А.Н., Макарова Е.В. Монгольский коридор Экономического пояса Шелкового пути	389
Рыбкина И.Д., Орлова Е.С. Приграничные территории регионов Западной Сибири: водно-ресурсные оценки и векторы развития	392
Ткаченко Г.Г., Шведов В.Г. Российско-американские отношения в геополитическом регионе Берингия – ретроспектива и современное состояние	394
Ушаков Е.А. Границы как фактор развития административно-территориальных единиц (на примере муниципального уровня)	397
Федорова А.С. Опыт межрегионального сотрудничества Республики Саха (Якутия) с сопредельными территориями	399
Швец А.Б., Вольхин Д.А. Причерноморье после геополитического рубикона России	401

СЕКЦИЯ 6

ТУРИЗМ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ И РЕСТРУКТУРИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Адашова Т.А. Арктический туризм восточных регионов России: современное состояние и перспективы развития	404
Алексеева Ю.П. Природно-экологическая ситуация Республики Татарстан и ее влияние на туристско-рекреационный потенциал	406
Бабинов В.А., Урбанова Ч.Б. Формирование туристско-географического бренда города Улан-Удэ	409
Батоцыренов Э.А., Андреев С.Г., Сат С.А., Супруненко А.Г. К вопросу о дате основания Цаган-Усунской Николаевской церкви (Республика Бурятия)	412
Баутиста Х., Гераськина Э.С., Мустафин М.Р. Шаманский туризм в Саяногорске: символы и этническая идентичность	415
Булатова Г.Б., Рубцова А.В., Мингалиев Т.Р. Каменная архитектура города Чистополь как один из факторов развития внутреннего туризма	417

Булатова Г.Ф., Бунаков О.А. Религиозный туризм как приоритетное направление развития Республики Татарстан	421
Верхозина Е.В., Верхозина В.А. Проблема сохранения качества воды и устойчивости экосистемы озера Байкал при активном развитии регионального туризма	423
Вишняков Н.В. Значение архитектурного наследия Волгоградской области в контексте повышения туристской аттрактивности региона	425
Джумаев Б.А. Влияние транспортной инфраструктуры на туристскую отрасль Узбекистана	427
Захарова Ю.С. Инновационные подходы к развитию туризма в регионе (на примере проекта «Неизвестный Татарстан»)	430
Зырянова И.С. Маркеры самостоятельного туризма	433
Ивлиева О.В., Ма Цзя, Лю Чэнь. Последствия пандемии Covid-19 применительно к туризму в Китае	435
Комарова Е.Е. Проблемы развития речного туризма в Республике Татарстан	437
Коньшев Е.В., Смирнов В.Е. Ментальное туристско-рекреационное пространство как новое направление исследования в рекреационной географии	439
Куклина М.В., Хадбаатар С., Красноштанова Н.Е., Труфанов А.И., Богданов В.Н., Дирин Д.А. Трансформация транспортной доступности и развитие туризма на территориях «Саянского перекрестка»	441
Логвина Е.В. Сельский туризм в Российской Федерации – как одно из перспективных направлений сферы туризма	444
Максанова Л.Б.-Ж, Будаева Д.Г., Андреева А.М. Развитие экотуризма в национальных парках России: анализ двух парков у Байкала	446
Максимов Д.В. Россия – морская держава: несколько слов о развитии морского круизного туризма в стране	449
Миненкова В.В. Кавказская тропа как проект комплексного регионального развития туристского пространства	452
Петелин С.М. Анализ основных показателей развития туризма в Российской Федерации	455
Писаренко С.В., Константинова А.С. Формирование туристского бренда «Промышленный край – Ленинградская область»	457
Санжеев Э.Д. Современное состояние развития туризма на сопредельных территориях России, Китая и Монголии	460
Сергеева А.М., Омирзакова М.Ж., Канитаева К.П. Интеграция сельского хозяйства и сельского туризма в Актюбинской области Республики Казахстан	463
Хребтова Т.А., Максанова Л.Б.-Ж. Влияние колебаний уровня озера Байкал на рекреационный потенциал прибрежных территорий (в границах Республики Бурятия)	468
Черных В.Н. Перспективы использования объектов криогенной природы в туристско-рекреационной деятельности на территории Байкальского региона	471
Шабалина С.А. Роль геополитического фактора в развитии туризма между Россией и Китаем	473
Эйдельман Б.М., Фахрутдинова Л.Р., Эйдельман Л.О. Территориальное брендинг как один из важных факторов развития туризма в современных условиях	478
Яковенко И.М., Страчкова Н.В. Мифологические ресурсы как фактор развития туризма в Крыму	480
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	483

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник объединяет тезисы докладов участников международной научной конференции «Современная Евразия: общественно-географический анализ», приуроченной к очередной XIV Ежегодной научной Ассамблее АРГО, которая проходит с 10 по 19 сентября 2023 года в Улан-Удэ (Республика Бурятия, Россия) на научно-организационной базе Байкальского института природопользования РАН и Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.

В числе участников данной конференции (являющейся, вне сомнения, наиболее масштабной за весь период деятельности АРГО) – 329 российских и зарубежных учёных, включая пяти академиков РАН и 75 докторов наук (52 – географических, 14 – экономических, 3 – исторических, 2 – социологических, 2 – биологических, 1 – политологических, 1 – доктор культурологии), а также 140 кандидатов наук. Кроме того, в качестве слушателей традиционно проводимой в рамках Ассамблеи АРГО школы молодых географов-обществоведов принимают участие 32 аспиранта и студента, представляющие широкий спектр вузов России.

На конференции, структурированной в шесть тематических секций, презентуются итоги научных исследований, проводимых практически во всех основных центрах развития общественно-географического образования и науки России, включая Барнаул, Белгород, Биробиджан, Благовещенск, Брянск, Владивосток, Владикавказ, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Казань, Калининград, Краснодар, Красноярск, Курск, Кызыл, Москву, Новосибирск, Оренбург, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саратов, Симферополь, Смоленск, Ставрополь, Тамбов, Тверь, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Уфу, Читу, Ханты-Мансийск, Якутск. Участниками конференции являются также коллеги-географы из Азербайджана, Белоруссии, Боснии и Герцеговины (Республика Сербская), Великобритании, Казахстана, Китая, Монголии, Узбекистана и Чили.

Размещённые материалы конференции свидетельствуют, что российская общественная география сохраняет высокую степень взаимодействия между своими региональными центрами, поддерживает устойчивые международные контакты, демонстрируя, при этом, широкий спектр своих тематических направлений и интересов. Объединяемые сборником тексты иллюстрируют также выраженную полимасштабность культивируемых их авторами подходов (в том числе и столь необходимое приоритетное внимание к пространственной динамике Азиатской части Российской Федерации), сочетающуюся с повышенным интересом к процессам и явлениям на уровне конкретных регионов, городов, чьё социально-экономическое развитие всё более детерминируемо сложным, трансформирующимся евразийским геополитическим и геоэкономическим контекстом.

Современная Россия находится в фактическом эпицентре масштабных глобальных (подобных «тектоническому сдвигу») изменений, напрямую влияющих в том числе и на исследуемые общественной географией пространственные факторы, структуры, процессы. Значимость общественно-географического знания в этих условиях объективно возрастает, равно как усиливается и «запрос» со стороны российского социума на внятную, соответствующую современным реалиям теорию территориальной организации общества, на проблемно сфокусированную аналитику, на практикоориентированные наработки. В этих условиях сверхважными для нашего сравнительно немногочисленного и рассредоточенного по обширнейшему пространству «от Владивостока до Калининграда» профессионального сообщества становятся вопросы дальнейшей внутрикорпоративной консолидации, наращивания продуктивного межрегионального сотрудничества, в том числе и в формате организуемых и проводимых Ассоциацией российских географов-обществоведов своих ежегодных научных Ассамблей.

Сегодня как никогда важно участие представителей географической науки в анализе и решении новых вызовов, возникающих в связи с западными санкциями и СВО на Украине. В связи с современными глобальными процессами и значимым поворотом интересов России на восток возникают новые приоритеты российского общества и экономики. Для их реализации необходимы применение знаний, накопленных в историческом прошлом Евразии, создание условий для её сбалансированного развития, прежде всего в пределах Азиатской России и укрепления разностороннего сотрудничества с нашими восточными соседями.

А.К. Тулохонов, академик РАН,
научный руководитель
Байкальского института природопользования СО
РАН, доктор географических наук, профессор

А.Г. Дружинин, президент АРГО,
доктор географических наук, профессор,
директор Северо-Кавказского НИИ экономических
и социальных проблем Южного федерального
университета, главный научный сотрудник ИМП РАН,
ведущий научный сотрудник ИГРАН

**ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ: ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»**

УДК 332.1

Анимица Е.Г., Власова Н.Ю.

*Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург*

УРАЛ: ПРОМЫШЛЕННАЯ КОЛЕЯ, ИЛИ НОВЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ?

***Аннотация.** Целью данной статьи является изучить тенденции постсоветского развития промышленности Уральского макрорегиона, выявить, насколько промышленность сохраняет свою значимость как один из традиционных видов деятельности. Анализ структуры занятости и структуры объема отгруженной продукции за более чем 20 лет, а также расчет коэффициентов локализации, демонстрирует, что промышленное производство все еще играет важную роль в экономике Уральского региона, оставаясь одной из ведущих отраслей специализации.*

***Ключевые слова:** индустриализация, промышленная структура, специализация, макрорегион, Урал.*

Урал относится к старопромышленным регионам страны с выраженной специализацией на промышленном производстве, в структуре которого преобладает горнодобывающая и металлургическая промышленность, тяжелое машиностроение.

Индустриализация Урала началась еще с Петровских времен, когда данный регион был выбран как одна из баз для развития казенных заводов, необходимых для развития обороноспособности страны.

В советский период ускоренные темпы индустриализации, строительство промышленных гигантов усилили роль Урала как «Опорного края державы». Великая отечественная война дала еще один импульс индустриализации, когда на Урал было перемещено огромное количество промышленных предприятий. В своей работе Н.В. Новикова выделяет периоды резкого роста удельного веса занятых в промышленности: «1929-1945 гг. (с 33,79 до 46,33 %)» [1, с.165].

В результате к середине 1980-х годов «Урал превратился в типичный старопромышленный регион, в экономике которого доминируют машиностроение и энергоемкие отрасли тяжелой индустрии, в частности металлургия, горнодобывающее, химическое, тяжелое машиностроение, успешно развивающиеся более ста лет» [2, с. 222].

Однако в постсоветский период процессы индустриализации начинают резко замедляться, а в ряде случаев даже идти в обратном направлении. Приватизация многих промышленных предприятий привела к падению занятости, сокращению выпуска промышленной продукции, а зачастую к перепрофилированию или даже к закрытию предприятий. «Резкое сокращение объемов промышленного производства на Урале в период постсоветского кризиса следует рассматривать как результат затухания третьего промышленного уклада, сопровождающегося стремительным изменением отраслевой и территориальной структур регионов» [3, с. 42].

Что же представляет собой промышленность Урала сегодня? Удалось ли традиционного индустриальному региону сохранить свою промышленную специализацию, или он начинает терять позиции среди других регионов страны?

Уральский макрорегион включает семь территорий, из которых пять имеют четко выраженный индустриальный характер (Свердловская, Челябинская области, Пермский край, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика) и две – индустриально-аграрный (Курганская, Оренбургская области).

Посмотрим, как изменилась численность занятых в важнейших промышленных видах деятельности Урала – добыче полезных ископаемых и в обрабатывающих производствах (табл. 1).

Из таблицы видно, что за двадцать лет численность занятых в добыче полезных ископаемых сократилась на 53 тыс. чел., а численность занятых в обрабатывающих производствах на 583 тыс. чел. в целом по Уралу. Причем наибольшее падение численности занятых как в добывающем секторе, так и по обрабатывающим производствам наблюдалось в Свердловской области. Это может говорить о более быстрой реструктуризации экономики региона и о перетекании занятых в другие виды деятельности, в частности в сферу услуг.

Сократилась и доля занятых в промышленности, в том числе и в обрабатывающих производствах практически по всем субъектам РФ, входящим в Уральский макрорегион (табл. 2).

**Динамика численности занятых в отдельных видах деятельности
в Уральском макрорегионе, тыс. чел.**

Субъект РФ	Добыча полезных ископаемых				Обрабатывающие производства			
	2000	2005	2021	2021 к 2020	2000	2005	2021	2021 к 2020
Курганская область	0,3	0,9	1,1	0,8	78,7	75,6	53,6	-25,1
Оренбургская область	45	30	40,6	-4,4	177,2	130,6	104,5	-72,7
Пермский край	23,3	18,3	17,2	-6,1	293,8	311,7	229,4	-64,4
Республика Башкортостан	49,4	36,4	36,7	-12,7	355,5	304	244,5	-111
Свердловская область	52,6	47,2	28	-24,6	555,9	544	408,4	-147,5
Удмуртская Республика	10,2	11,5	12,6	2,4	194,8	190,8	143,6	-51,2
Челябинская область	29,4	24,7	20,8	-8,6	442,9	455,1	382,8	-60,1
Урал	210,2	169	157	-53,2	2098,8	2011,8	1566,8	-532

Рассчитано по: Регионы России: Социально-экономические показатели, Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С.108-109.

**Удельный вес занятых в промышленных видах деятельности в Уральском макрорегионе
в общей численности занятых, %**

Субъект РФ	Добыча полезных ископаемых			Обрабатывающие производства		
	2000	2005	2021	2000	2005	2021
Курганская область	0,1	0,2	0,4	18,0	17,4	17,7
Оренбургская область	4,4	2,9	4,8	17,4	12,8	12,3
Пермский край	1,8	1,4	1,5	22,3	23,6	19,9
Республика Башкортостан	2,8	2,0	2,2	20,4	16,9	14,8
Свердловская область	2,6	2,3	1,4	28,0	26,0	20,2
Удмуртская Республика	1,3	1,5	1,8	25,4	24,9	20,7
Челябинская область	1,9	1,5	1,2	28,0	27,2	21,9
РФ	1,7	1,6	1,6	19,1	17,2	14,1

Рассчитано по: Регионы России: Социально-экономические показатели, Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С.110-112;
Регионы России: Социально-экономические показатели, Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С.126-127.

Анализ структуры объема отгруженной продукции по видам экономической деятельности «обрабатывающие производства», показывает, что Урал сохраняет свои позиции в металлургическом производстве, производстве готовых металлических изделий, а также в производстве машин и оборудования. Так, если в 2021 г. доля этих видов деятельности в РФ была 22,5 % и 11,9 % соответственно, то во многих субъектах РФ, входящих в Уральский макрорегион, доля была значительно выше (табл. 3.).

Металлургическими центрами остаются Свердловская, Челябинская и Оренбургская области. Производство машин и оборудования занимает лидирующее место в Курганской области, Республике Башкортостан и Удмуртской Республике. Срединное положение Урала дает возможность активно развивать связи по поставкам сырья из других регионов страны, а также из зарубежных стран, одновременно налаживая связи по поставкам готовой продукции [4].

Как отмечают Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш: «В постсоветское время усилилась роль промышленной специализации многих городов и районов, зависимых от состояния ключевых предприятий. Как всюду в России, выросла роль экспортных производств: металлургии и химии. В худшем положении оказались угледобыча и машиностроение, сменившие в некоторых городах исходную рудно-металлургическую специализацию» [5, с. 21-22].

Коэффициенты локализации показывают, насколько данный вид деятельности развит в регионе по сравнению со средним по стране (табл. 3).

Коэффициенты локализации рассчитываются как отношение удельного веса численности занятых в данном виде деятельности в регионе к удельному весу в том же виде занятости в целом по стране. Их динамика показывает, что, несмотря на сокращение численности занятых в промышленности, Уралу удалось сохранить свое место в экономике России как места концентрации промышленного производства.

Таблица 3

Удельный вес объемов отгруженной продукции (работ, услуг) по ряду видов экономической деятельности в Уральском макрорегионе в общей численности занятых в обрабатывающих производствах, %

Субъект РФ	Производство металлургическое; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство электрического оборудования	Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; производство автотранспортных средств
Курганская область	22,3	0,7	34,4
Оренбургская область	45,2	0,6	3,6
Пермский край	10,2	6,5	8,2
Республика Башкортостан	5,0	1,9	12,1
Свердловская область	64,3	4,2	9,6
Удмуртская Республика	35,3	16,8	11,1
Челябинская область	66,1	2,2	8,9
РФ	22,5	4,9	11,9

Составлено по: Регионы России: Социально-экономические показатели, Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 594-597.

Таблица 4

Коэффициенты локализации по численности занятых в Уральском макрорегионе

Субъект РФ	Добыча полезных ископаемых			Обрабатывающие производства		
	2000	2005	2021	2000	2005	2021
Курганская область	0,1	0,1	0,3	0,9	1,0	1,3
Оренбургская область	2,6	1,8	3,0	0,9	0,7	0,9
Пермский край	1,1	0,9	0,9	1,2	1,4	1,4
Республика Башкортостан	1,6	1,3	1,4	1,1	1,0	1,0
Свердловская область	1,5	1,4	0,9	1,5	1,5	1,4
Удмуртская Республика	0,8	0,9	1,1	1,3	1,4	1,5
Челябинская область	1,1	0,9	0,8	1,5	1,6	1,6

Рассчитано по: Регионы России: Социально-экономические показатели, Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С.110-112; Регионы России: Социально-экономические показатели, Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С.126-127.

Многие исследователи подчеркивают, что промышленность Урала сталкивается с серьезными инфраструктурными ограничениями. Еще с 2005 г. вынашивалась идея сооружения нового транспортного коридора вдоль Восточного склона Уральских гор для связи с Северным, Полярным и Приполярным Уралом был провозглашен проект «Урал промышленный – Урал Полярный» [6]. Однако данный проект так и не был реализован. Тем не менее, идея остается востребованной. Необходима также и трансформация промышленной структуры с учетом разворачивающейся промышленной революции [7].

Проведенный анализ показывает, что невзирая на структурные потрясения, Урал сохраняет промышленную специализацию, а в ряде случаев даже наращивает ее. Все свидетельствует «об удержании Уральским макрорегионом своей генетической памяти – решающей роли промышленности в структуре экономики» [8, с. 225]. Безусловно нужны системные действия по технологическому обновлению существующих предприятий, по развитию новых инновационных производств, более быстрому развитию новых технологических укладов. Новая геополитическая ситуация открывает новые возможности для промышленного развития Урала. Заметное усиление роли государства в планировании и развитии промышленного производства, а также системная поддержка отраслей ВПК, вероятнее всего будет усиливать промышленную специализацию Урала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новикова Н.В. Новая индустриализация: региональная парадигма. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 2018. 261 с.
2. Новикова Н.В. Новая индустриализация в экономическом пространстве макрорегиона: теория и методология исследования: дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург. 2018. 350 с.
3. Денисова О.Ю. Трансформации территориальной и отраслевой структуры производительных сил Уральского экономического района в постсоветский период: осмысление причин и последствий // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 7 (382). С. 39-48.
4. Срединный регион: теория, методология, анализ / Е.Г. Анимича, А.А. Глумов, Е.Б. Дворякина [и др.] 2-е изд., доп. и перераб. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2009. 508 с.

5. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Среднеуральский меридиан: поляризация пространства старопромышленных регионов // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152. № 5. С. 3-25.
6. Концептуальные основы формирования и реализации проекта «Урал промышленный – Урал полярный» / А.И. Татаркин, Л.М. Аверина, Р.И. Акьюлов [и др.]. Екатеринбург: Издательство «Экономика», 2007. 361 с.
7. Урасова А.А. Трансформация региональной промышленной структуры в условиях технологической эволюции / А.А. Урасова // Экономика промышленности. 2022. Т. 15. № 2. С. 198-205.
8. Силин Я.П., Анимита Е.Г., Новикова Н.В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 2019. 371 с.

Evgeny G. Animitsa, Natalia Yu. Vlasova
Ural State University of Economics, Ekaterinburg

URAL: AN INDUSTRIAL PATHWAY OR A NEW DEVELOPMENT TREND?

Abstract. *The purpose of the paper is to explore the trends of post-Soviet industrial development in the Ural macro-region, to identify the current industry importance as one of the traditional activities of this region. The analysis of the employment structure and the structure of the volume of shipped products for more than 20 years, as well as the calculation of localization coefficients, demonstrates that industrial production still plays an important role in the Ural region' economy, remaining one of the leading branches of specialization.*

Keywords: *industrialization, industrial structure, specialization, macro-region, Urals.*

УДК 911.3

Бакланов П.Я.
*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
г. Владивосток*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРИМЕТР РОССИИ: ЕВРОПЕЙСКИЕ И АЗИАТСКИЕ СЕГМЕНТЫ

Аннотация. *В качестве важнейшей характеристики геополитического положения страны предлагается выделять и оценивать её геополитический периметр. Под последним понимается все сочетание её геополитических отношений, складывающихся с соседними странами на всем протяжении государственной границы за определенный период времени. В настоящее время Российская Федерация имеет более 60 тыс. км государственной границы, с 18-ю соседними странами с различными геополитическими отношениями с ними. Для современной России в её геополитическом периметре выделено 10 сегментов, в том числе 4 в пределах европейской части, 5 в азиатской и северный арктический – как евразийский. В значительной мере эти сегменты пересекаются с трансграничными регионами, в том числе в трансграничных бассейнах морей и рек. Важными показателями являются трансграничные градиенты, выделяемые в политической, социально-экономической и экологической сферах.*

Ключевые слова: *геополитическое положение, геополитический периметр страны, геополитические отношения, сегменты, трансграничные регионы, трансграничные градиенты.*

В геополитическом положении страны особое значение имеют складывающиеся отношения с соседними странами. Для России, с протяженностью ее государственных границ в несколько десятков тысяч километров, система таких отношений важна для обеспечения ее национальной безопасности. Для более глубокого и всестороннего изучения и оценок подобных геополитических отношений предлагается выделять и оценивать «геополитический периметр» страны.

Геополитический периметр России – это всё сочетание её геополитических отношений, складывающихся с соседними странами на всем протяжении государственной границы за определенный период времени.

В настоящее время Российская Федерация имеет более 60 тыс. км государственных границ, с 18-ью соседними странами. В том числе – с 6-ью (Латвия, Белоруссия, Грузия, Южная Осетия, Монголия, Китай) Россия имеет только наземные границы, с 10-ью (Норвегия, Финляндия, Эстония, Литва, Польша, Украина, Абхазия, Азербайджан, Казахстан, Корейская Народно-Демократическая Республика) – наземные и морские и с 2-мя странами (США и Япония) – только морские. Всего Россия имеет более 22 тыс. км – наземных границ (включая границы по рекам и озерам) и более 38 тыс. км – морских.

С каждой из этих стран складываются определенные геополитические отношения, как сочетания позиций и интересов России к территории (и акватории) соседней страны, а также сочетания позиций и интересов этой соседней страны к территории России, в сфере разных форм как многостороннего сотрудничества, так и конкуренции. Все подобные геополитические позиции и интересы могут быть представлены

в больших интервалах: от конфронтационных и конфликтных до – сотрудничества и стратегического партнерства с целью обеспечения устойчивого развития обеих стран.

В каждый определенный период времени между двумя соседними странами формируется система геополитических отношений, состоящая из двух взаимосвязанных частей: сочетания отношений одной страны к другой и – её отношений с первой. Общий тип геополитических отношений 2-ух соседних стран складывается из взаимодействия их позиций и интересов и в обобщенном виде может быть представлен следующим рядом:

- конфронтационные, конфликтные;
- ограниченное сотрудничество (в некоторых областях, в ограниченных пределах);
- многостороннее сотрудничество;
- стратегическое партнерство (долгосрочное, во многих областях, с целью достижения и поддержания устойчивого развития стран).

В геополитическом периметре России в настоящее время сложились разные типы геополитических отношений с соседними странами. По преобладающему типу геополитических отношений можно выделить несколько сегментов (табл. 1).

Таблица 1

Типы сегментов в геополитическом периметре России

Сегменты периметра	Соседние страны	Тип геополитических отношений
Скандинавско-Прибалтийский	Норвегия, Финляндия, Эстония, Литва, Латвия, Польша	Конфронтационно-конфликтный
Российско-Белорусский	Белоруссия	Стратегическое партнерство
Российско-Украинский	Украина	Конфронтационно-конфликтный
Кавказский	Абхазия, Южная Осетия, Грузия, Азербайджан	Сотрудничество
Российско-Казахстанский	Казахстан	Стратегическое партнерство
Российско-Монгольский	Монголия	Сотрудничество
Российско-Китайский	Китай	Стратегическое партнерство
Российско-Корейский	Корейская Народно-Демократическая республика	Ограниченное сотрудничество
Тихоокеанский	Япония, США	Конфронтационно-конфликтный
Арктический	Пространство Северного Ледовитого океана с выходом к США и Канаде	Конфронтационно-конфликтный

Из них первые четыре (1÷4) сегмента – европейские, пять (5÷9) следующие – азиатские. Арктический сегмент является в целом – северным евразийским.

В общем – лишь в 6-ти сегментах – это около 1/3 геополитического периметра России – к настоящему времени сложились геополитические отношения сотрудничества и стратегического партнерства. В пределах почти 2/3 всего геополитического периметра преобладают конфронтационно-конфликтные отношения. И это представляет реальную угрозу национальной безопасности России.

Геополитические отношения соседних стран имеют свойство качественно изменяться во времени под влиянием как внутренних, так и внешних условий, и обстоятельств. Так, большие изменения произошли по сравнению с геополитическим периметром СССР (1970-1980-ых годов), с его геополитическими отношениями и их сегментами. В ряде сегментов, особенно западных, отношения сотрудничества изменились на конфликтные и конфронтационные.

Наиболее благоприятным трендом их трансформации в целом является развитие и укрепление различных форм сотрудничества, включая и приграничное.

Для укрепления национальной безопасности страны представляется целесообразным построение моделей наиболее эффективных геополитических отношений для каждого отдельного сегмента геополитического периметра, включая модели соответствующих двухсторонних отношений. Важнейшими количественными параметрами таких моделей могут стать трансграничные градиенты, отражающие различия и соотношения однородных показателей приграничных территорий (районов) России и соседних стран в экономической, социальной и экологических сферах. Например, трансграничные градиенты производства валового регионального продукта на душу населения, размеров доходов разных групп населения, демографических показателей, состояния окружающей среды и т.п. Важны и оценки тенденций изменения таких показателей и их градиентов. Благоприятным трендом здесь следует считать выравнивание различий однородных показателей, достижение их более высоких уровней и значений в обеих странах.

Важны и трансграничные градиенты в политической сфере, на основе оценок сходства и различий в политических системах и предпочтениях.

В пространственном отношении сегменты геополитического периметра пересекаются с различными трансграничными регионами. Многие из них являются достаточно целостными в природно-ресурсном и экологическом отношении географическими системами. Это, например, трансграничные бассейны морей: Баренцева, Балтийского, Черного, Каспийского, Берингова, Охотского и Японского; трансграничные бассейны рек: Днепра, Урала, Амура, Туманной, и другие. Для того, чтобы достигать и обеспечивать национальную безопасность и устойчивое развитие в таких крупных регионах необходима разработка совместных международных долгосрочных программ устойчивого природопользования и развития, охватывающих трансграничные регионы в целом. Такие программы могут включать и модели соответствующих геополитических отношений.

Таким образом, геополитический периметр страны и его отдельные сегменты являются важными характеристиками геополитического положения страны или ее крупного региона.

В целом необходим мониторинг геополитического периметра нашей страны и развития многосторонних взаимовыгодных связей и сотрудничества с соседними странами. В этом – важнейшая предпосылка укрепления ее национальной безопасности и долгосрочного устойчивого развития.

Petr Ya. Baklanov

Pacific Geographical Institute of the FEB RAS, Vladivostok

GEOPOLITICAL PERIMETR OF RUSSIA: EUROPEAN AND ASIATIC SEGMENTS

Abstract. *As the most important characteristic of the country's geopolitical position, it is proposed to define and assess its geopolitical perimeter. The geopolitical perimeter is understood here as a complete combination of its geopolitical relations that were developed with neighboring countries along the whole length of the state border over a certain period. Currently, the Russian Federation has more than 60 thousand km of its state borders and various geopolitical relations with 18 neighboring countries. Ten segments have been identified in the geopolitical perimeter of modern Russia, including four within its European part, five in the Asiatic part, and the northern arctic segment - as a Eurasian one. Largely, these segments intersect with transboundary regions, including sea and river transboundary basins. Transboundary gradients identified in the political, socio-economic and environmental spheres are the important indicators.*

Keywords: *geopolitical position, geopolitical perimeter of a country, geopolitical relations, segments, transboundary regions, transboundary gradients.*

УДК 911.3

**Батомункуев В.С., Гомбоев Б.О., Цыбикова А.Б.,
Мотошкина М.А., Лыгденова А.Б.**

*Байкальский институт природопользования СО РАН
г. Улан-Удэ*

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СБАЛАНСИРОВАННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ И ТЕРРИТОРИЙ СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИКЛИЧНОСТИ ПРИРОДНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. *Рассмотрена актуальность исследования геостратегических основ сбалансированного пространственного развития Азиатской России и территорий сопредельных государств в условиях цикличности природных и общественных процессов и методы их изучения. Показаны результаты исследования, в которых рассмотрены циклические составляющие по трём блокам: «Природа», «Хозяйство» и «Население». Показана синхронизация фаз хозяйственного и геодемографического развития субъектов Азиатской России.*

Ключевые слова: *Азиатская Россия, сбалансированное развитие, цикличность природных и общественных процессов, геостратегические основы.*

Актуальность. Актуальность исследования обусловлена поиском и идентификацией геостратегических приоритетов развития регионов Азиатской России и сопредельных территорий Казахстана, Монголии и Китая. Масштабность объекта исследования, наряду с оценкой ключевых факторов сбалансированного пространственного развития, ставит задачу комплексного подхода к выбору методов исследования. Методология исследования осуществляется с учётом цикличности как фундаментального свойства природных и общественных процессов.

В соответствии с содержанием работы определены следующие задачи:

– теоретическое обоснование и методическое обеспечение определения геостратегических основ сбалансированного пространственного развития в условиях цикличности природных и общественных процессов;

- проведение сопряженного анализа цикличности природных и общественных процессов в рамках крупной субконтинентальной системы, включающей как природные, так и социально-экономические элементы;
- выявление взаимозависимости между ними для определения направлений устойчивого сбалансированного развития территории с отдельным или сопряженным учетом влияния на него природных или общественных процессов в различных комбинациях.

Методы исследования. В целом пространственное развитие – это научная категория, в рамках которой рассматриваются количественные и качественные приращения в отдельных социальных и экономических (хозяйственных) компонентах и их сочетаниях, которые вызывают изменения их пространственных характеристик [1]. Очевидно, что эти приращения могут быть разнонаправленными, - как с положительными, так и с отрицательными значениями, отражая тем самым природу цикличности естественных и общественных процессов.

Нами принято, что сбалансированное пространственное развитие – это процесс, обеспеченный комплексом природных, экономических и социальных факторов и условий, как внешних, так и внутренних, формирующих интегрированное эколого-социально-экономическое развитие на макро-мезо-и микроуровнях, трансформацию данных факторов и условий и создание механизма регулирования этой трансформацией для сохранения и создания благоприятной окружающей природной среды, повышения уровня экономического развития территории и качества жизни населения [2].

На данном этапе наших работ мы принимаем гипотезу, что устойчивое развитие возможно лишь в рамках планетарной природно-хозяйственно-социальной (эколого-экономико-социальной) системы и в пределах длинных временных рядов с промежутками до 100 лет.

При оценке развития природно-хозяйственно-социальных систем с временными промежутками 1-3-5-10 лет и по отдельным группам стран на разных стадиях развития или по континентальным и субконтинентальным пространствам (а в крупнейших государствах, - и по крупным внутристрановым частям), условие устойчивости, указанное выше, нарушается. В данном случае доминирующим фактором, влияющим на пространственное развитие, выступает цикличность природных и общественных процессов.

Для сопряжённого анализа цикличности природных и общественных процессов могут быть приняты следующие положения: цикличность – фундаментальное свойство функционирования и развития природных и экономических (хозяйственных) систем, один из главных универсальных принципов эволюции (коэволюции) природы и общества; цикличность присуща всем ныне известным уровням организации материального мира; познание закономерностей цикличности в динамике природных и хозяйственных систем создает основу для прогнозирования их функционирования и развития в пространстве и во времени.

Результаты и обсуждение. Блок «Природа». Данные по годовым характеристикам водных ресурсов по субъектам и годовым характеристикам по количеству лесной площади, пройденной пожарами по субъектам, приведены в один график по исследуемой территории. В рассматриваемый период практически во всех регионах наблюдается отрицательная корреляция между пожарами и объемом стока водных ресурсов. Высокие скачки речного стока относительно среднемноголетнего показателя ведут к неблагоприятным воздействиям воды, таким как наводнения, подтопления, низкие же показатели годовых показателей речного стока, тоже неблагоприятны, так как ведут к увеличению пожаров и засух [3]. В качестве примера сравнения динамики речного стока и площади, пройденной лесными пожарами, приведена Республика Бурятия (рис. 1).

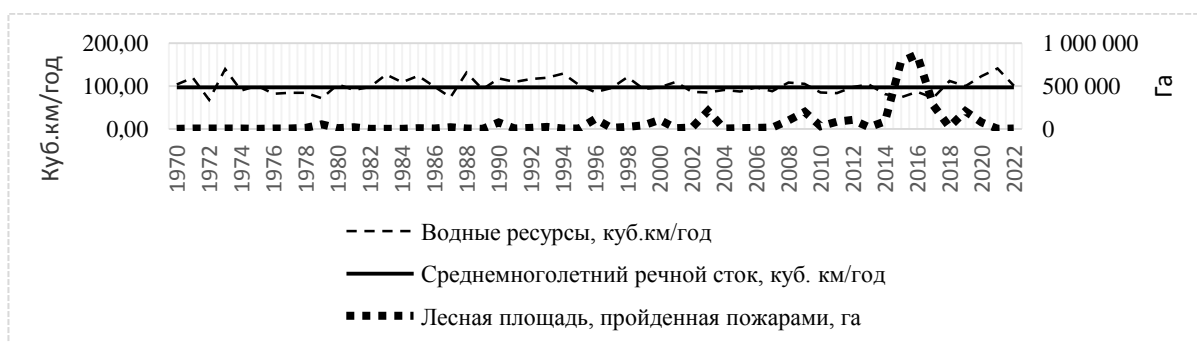

Рис. 1. Республика Бурятия ДВФО: наложение данных с 1970 по 2022 г. по водному стоку с лесной площадью, пройденной пожарами

Блок «Хозяйство». Обобщающей характеристикой развития субъектов Азиатской России по хозяйственному блоку является динамика физического объема ВРП субъектов исследуемой территории [4, 5, 6]. В ходе выполнения работ были собраны и проанализированы данные по динамике индекса физического

объема ВРП в процентах к 2000 г. На основании проведенного анализа субъекты Азиатской России были сгруппированы в 4 группы:

- регионы с наименьшим устойчивым ростом физического объема ВРП (в процентах к 2000 г.);
- регионы со средним устойчивым ростом физического объема ВРП (в процентах к 2000 г.);
- регионы с наибольшим устойчивым ростом физического объема ВРП (в процентах к 2000 г.);
- регионы с неустойчивым ростом физического объема ВРП (в процентах к 2000 г.).

По группам с устойчивым ростом физического объема ВРП был выведен средний рост по группе и проведено их сравнение с динамикой ВВП России и мирового ВВП (рисунок 2).

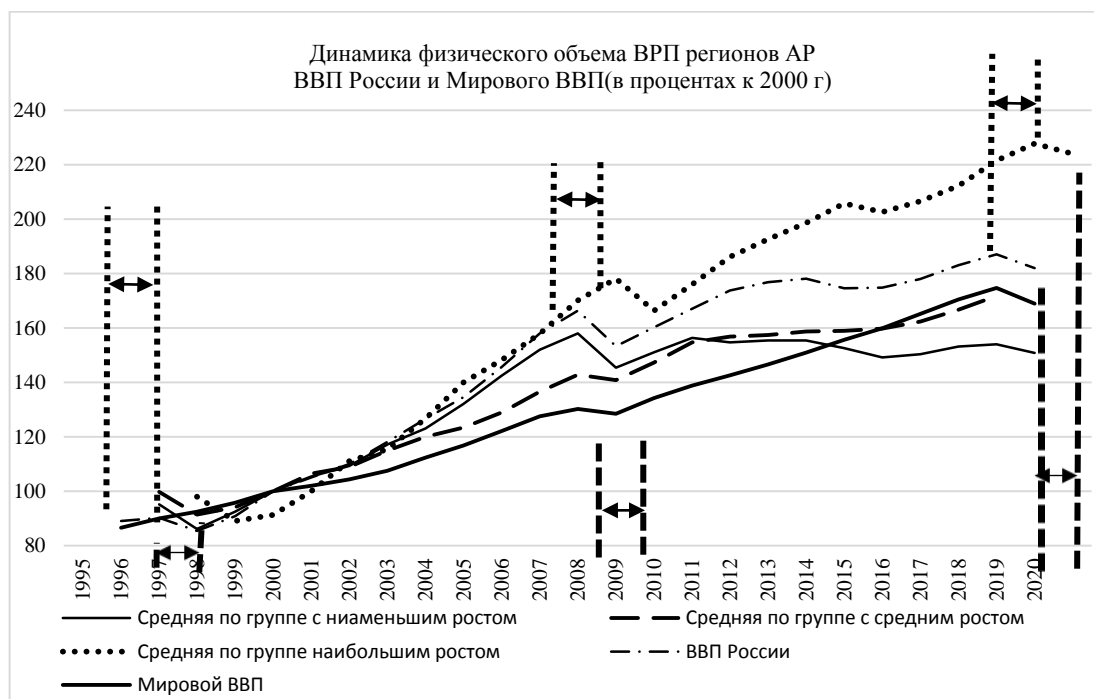

Рис. 2. Динамика физического объема ВРП регионов Азиатской России, ВВП России и мира

Анализ полученных данных выявил два краткосрочных цикла, в течение которых происходит подъём и спад хозяйственной деятельности. Продолжительность этих коротких циклов составляет 11-12 лет. Кроме этого, в пределах выделенного цикла 2009, 2010 гг. – 2020, 2021 гг. на фазе подъёма наблюдается незначительное снижение объёма ВРП рассматриваемых групп и ВВП России. Данную флуктуацию мы назвали «полуциклом».

Блок «Население». В целом, динамика численности населения субъектов Азиатской России показывает преобладание её снижения. Нами были выделены три группы субъектов:

- с численностью менее 0,6 млн. человек;
- с численностью от 0,6 до 1,7 млн. человек;
- с численностью более 1,7 млн. человек.

Изменение численности населения по анализируемым группам происходит, так же как и по экономическим показателям, в циклических параметрах. При этом изменение численности населения не имеет явно выраженных пиков снижения и роста, а скорее данную динамику можно описать как фазы спада и относительной стабильности численности населения. Эти фазы спада и относительной стабильности с периодичностью 5-6 лет и 11 лет, что сопоставимо с фазами, выделенными по динамике экономических параметров [7]. Демографическая фаза в 5-6 лет согласуется с флуктуацией («полуциклом») хозяйственного развития рассматриваемой территории.

При синхронизации фаз хозяйственного и геодемографического развития выявляется запаздывание спада численности населения от спада физического объема ВРП на 1-2 года.

Заключение. В рамках рассматриваемой темы проведено теоретико-методологическое обоснование геостратегических основ сбалансированного пространственного развития в условиях цикличности природных и общественных процессов, рассмотрены и определены методические подходы к анализу цикличности природных и общественных процессов, осуществлена апробация идентификации циклического развития в условиях коротких циклов по природному, хозяйственному и геодемографическому блокам субъектов Азиатской России.

Работа выполнена в рамках бюджетного проекта БИП СО РАН № 122021800169-0.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакланов П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам / П.Я. Бакланов // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2017. – № 6. – С. 4-12.
2. Отчет о научно-исследовательской работе лаборатории геостратегических исследований и пространственно-го развития БИП СО РАН № FWSU-2019-0001 «Роль Азиатской России и сопредельных территорий в пространственном развитии страны в современных геополитических условиях» (заключительный), Улан-Удэ, 2021.
3. Замолодчиков, Д. Влияние изменений климата на леса России: зафиксированные воздействия и прогнозные оценки / Д. Замолодчиков, Г. Краев // Устойчивое лесопользование. – 2016. – № 4(48). – С. 23-31.
4. Хазин М. Воспоминание о будущем. Идеи современной экономики / М. Хазин. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик»/ «Сфера», 2019. – 463 с.
5. Меньшиков С.М. Длинные волны в экономике / С.М. Меньшиков, Л.А. Клименко. - М.: 1989. с. 32-33.
6. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: Избранные труды / Н. Д. Кондратьев. – М.: Академический проект; Альма Мастер, 2015. – 640 с.
7. Прохорова И.С. Технологический потенциал развития инновационной экономики в России: пределы и ограничения шестого технологического уклада. Вестник университета. 2020;(2):68-75. 2022. – URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-2-68-75> (дата обращения 17.06.2022).

V.S. Batomunkuev, B.O. Gomboev, A.B. Tsybikova,
M.A. Motoshkina, A.B. Lygdenova
Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

GEOSTRATEGIC FOUNDATIONS FOR BALANCED SPATIAL DEVELOPMENT OF ASIAN RUSSIA AND THE TERRITORIES OF NEIGHBORING STATES UNDER THE CYCLE OF NATURAL AND SOCIAL PROCESSES

Annotation. The relevance of the study of the geostrategic foundations of the balanced spatial development of Asian Russia and the territories of neighboring states in the conditions of the cyclic nature of natural and social processes and methods for studying them are considered. The results of the study are shown, which consider the cyclic components in three blocks: "Nature", "Economy" and "Population". Synchronization of the phases of economic and geodemographic development of the subjects of Asian Russia is shown.

Keywords: Asian Russia, balanced development, cyclic nature and social processes, geostrategic foundations.

УДК 911.3

Безруков Л.А.

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
г. Иркутск

ТРАНСПОРТАБЕЛЬНОСТЬ ТОВАРОВ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭКСПОРТА ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛИИ)

Аннотация. Сформулировано понятие «транспортабельность товара» и предложена схема группировки видов товаров по транспортабельности. Осуществлена оценка распределения экспортных товаров Монголии с учетом их транспортабельности по зонам удаленности. Выявлена закономерность вывоза малотранспортабельных минерально-сырьевых товаров почти исключительно в ближние страны, главным образом в Китай, тогда как в дальние страны экспортируются более дорогостоящие виды продукции.

Ключевые слова: транспортабельность товара, экспорт, зоны удаленности, внутриконтинентальное положение, Монголия.

Благодаря резкому падению транспортных издержек, произошедшему во второй половине XX в., возникают суждения о том, что транспортно-коммуникационный фактор больше не играет былой роли, а «принцип платы за расстояние» теряет свое влияние. Однако снижение транспортных издержек очень дифференцировано по районам и странам, так как для отдельных видов транспорта были характерны различные темпы удешевления перевозок. Самое значительное их удешевление произошло на морском транспорте. В итоге, это привело к еще большей транспортно-экономической поляризации пространства в континентально-океаническом разрезе. Основные конкурентные преимущества получили приморские районы и страны, тогда как для внутриконтинентальных высокие транспортные издержки остались важным препятствием эффективного выхода на мировой рынок. Транспортные издержки сильно различаются еще и по видам товаров – эти издержки по-прежнему велики при перевозках массовых сырьевых грузов сухопутным транспортом.

Вопрос дифференциации транспортных издержек по видам товаров рассмотрим на примере географической структуры экспорта внутриконтинентальной Монголии. Начнем с понятия «транспортабельность товара», которое означает относительные возможности преодоления им расстояния, выраженные

через цену (ценность) единицы веса или массы. Согласно нашей схеме группировки видов товаров по транспортабельности [1], все они, исходя из цен единицы массы, распределены по шести следующим категориям: очень высокая транспортабельность (свыше 1000 тыс. долл./т), высокая (100-1000), повышенная (10-100), средняя (1-10), пониженная (0,1-1), низкая (ниже 0,1 тыс. долл./т). Дорогие виды товаров (с высокой ценой единицы массы) могут перевозиться на большие расстояния, тогда как дешевые товары – на относительно меньшие расстояния, поскольку затраты на транспортировку становятся сравнимыми с ценами их производства. При перевозках дешевых товаров (сырья) с низкой транспортабельностью неизбежно ограничение средней дальности сухопутных поставок, сопровождаемое жесткой локализацией соответствующих товарных рынков.

Учитывая средние экспортные цены 2019 г., основные виды вывозимых товаров Монголии распределяются следующим образом: в категорию низкой транспортабельности входят уголь и железная руда; пониженной – нефть и плавиковый шпат; средней – медный, цинковый, свинцовый, молибденовый и вольфрамовый концентраты, медь рафинированная, шерсть и мясо; повышенной – кашемир; высокой – одежда из кашемира; очень высокой – золото. Можно отметить общую закономерность: чем выше степень обработки продукции (за исключением золота) и готовности для конечного потребления, тем лучше экономические возможности ее транспортировки (выше транспортабельность).

Измерению подлежали кратчайшие фактические расстояния по железнодорожным и морским путям от столицы Монголии Улан-Батора до столиц или главных портов стран-импортеров. Поскольку определялись «экономические» расстояния, для морских путей введен поправочный понижающий коэффициент (0,25), учитывающий удешевление морских перевозок по сравнению с железнодорожными в расчете на единицу расстояния. Все страны-импортеры товаров Монголии сгруппированы в зависимости от «экономических» расстояний по четырем зонам удаленности со следующими градациями этих зон (тыс. км): первая – 0-2, вторая – 2-4, третья – 4-6, четвертая – свыше 6.

В товарной структуре экспорта Монголии в 2019 г. всецело доминировали – 89,9 % – минерально-сырьевые товары, где основной вклад вносят каменный уголь, медный концентрат, железная руда, золото, нефть, плавиковый шпат, цинковый концентрат. Меньшее значение имеют свинцовый, молибденовый, вольфрамовый и оловянный концентраты, медь рафинированная. Географическая структура экспорта Монголии отличается высокой концентрацией – 89,3 % его объема приходится на Китай.

При оценке распределения экспортных товаров Монголии по зонам удаленности в первую зону вошли ближайшие регионы Китая и России, а также Республика Корея и КНДР. Во второй зоне находятся страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, часть Казахстана, прочие регионы Китая, часть восточных регионов России. Третья и четвертая зоны включают более отдаленные государства Юго-Западной и Центральной Азии, регионы Европейской России, а также Европу, Северную и Южную Америку, Африку, Австралию и Океанию.

Наибольшая часть экспорта Монголии по массе (95,7 %) идет в близлежащие страны, то есть в первую зону, тогда как ее доля в стоимости экспорта существенно меньше – 71,7 %. Во второй-четвертой зонах, наоборот, удельные веса стоимостных объемов экспорта доминируют над весами натуральных, превышая их в 6,5-7,3 раза. Получается, что товаропроизводители Монголии стремятся вывозить самую многотоннажную сырьевую продукцию в ближние страны, тогда как в дальние уходят более дорогостоящие виды продукции (шерсть, пряжа, одежда, золото и др.).

подавляющую часть экспортируемых минерально-сырьевых товаров потребляет Китай: 100 % железной руды, нефти, медного, цинкового и свинцового концентрата, свыше 98 % – угля, 65-85 % – рафинированной меди, плавикового шпата и молибденового концентрата. При этом поставляемые в Китай виды минерального сырья с наиболее низкой транспортабельностью оседают в ближней первой зоне. Так, на долю непосредственно прилегающего к Монголии Автономного района Внутренняя Монголия приходится по стоимости более 2/3 монгольского экспорта в Китай. В то же время более дорогие и соответственно транспортабельные виды товаров вывозятся, кроме Китая, на дальние расстояния в другие страны.

Таким образом, с удалением от Монголии стран-импортеров растет доля вывоза туда такой продукции, которая прошла определенные стадии обработки, что ведет к уменьшению транспортных издержек в конечной цене продукции. Минеральное же сырье, как наименее транспортабельная продукция, почти полностью направляется в ближние страны (в основном в Китай).

Столь сильное влияние транспортабельности экспортируемых товаров на распределение их по зонам удаленности определяется во многом ключевыми особенностями географического положения Монголии – отсутствием выхода к морю и «зажатостью» между двумя мощными державами – Россией и Китаем. Вследствие определенной однотипности осваиваемых ресурсов и экспортной специализации Монголии и восточных регионов России последняя не нуждается в монгольском минеральном сырье, а его транзит по российской территории к морским портам затрудняется недостаточной пропускной способностью желез-

ных дорог. Поэтому экспорт Монголии жестко привязан к рынку ближайших регионов Китая и находится в сильной зависимости от транзита через его территорию к морским портам. Усиливая хозяйственное взаимодействие со смежными областями соседних стран, Монголия активно использует принцип «континентальных соседств», однако его позитивный эффект ограничивается монополизмом главного внешнеэкономического партнера – Китая.

Развитие горнодобывающего сектора в обозримой перспективе будет по-прежнему определять рост экономики Монголии. Уже сейчас величины монгольского экспорта по ряду минерально-сырьевых товаров превосходят российские: по плавленому шпату – в 70 раз, молибденовым рудам и концентратам – в 50 раз, медным – в 8 раз [2]. Не столь уж значительно уступает монгольский экспорт российскому по железной руде, цинковым и вольфрамовым рудам и концентратам, углю. При этом по углю и меди в ближайшей перспективе возможно обострение конкуренции между экспортерами Монголии и восточных регионов России за внешние рынки, прежде всего за рынок Китая [2].

Наиболее приоритетным направлением экспортной специализации Монголии и восточных регионов России представляется увеличение глубины переработки минерального сырья в полуфабрикаты или готовую продукцию. В этом случае рентабельные расстояния перевозки многократно увеличиваются, а размеры рынков сбыта расширяются, что позволяет устранить жесткую прикрепленность экспорта сырья к близлежащим странам и регионам и ослабить остроту международной конкуренции.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках проекта № 20-55-44023.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Гео, 2008. 369 с.
2. Безруков Л.А., Фартышев А.Н. Особенности внешней торговли Монголии: риски для России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 3. С. 101-109. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-101-109

Leonid A. Bezrukov

V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

TRANSPORTABILITY OF GOODS AND GEOGRAPHICAL STRUCTURE OF EXPORTS OF INTERNATIONAL COUNTRIES (BY THE EXAMPLE OF MONGOLIA)

Abstract. *The concept of "transportability of goods" is formulated and a scheme for grouping types of goods according to transportability is proposed. An assessment was made of the distribution of Mongolian export goods, taking into account their transportability in remote areas. A regularity was revealed for the export of low-transportable mineral raw materials almost exclusively to neighboring countries, mainly to China, while more expensive types of products are exported to distant countries.*

Keywords: *transportability of goods, export, remoteness zones, inland position, Mongolia.*

УДК 378:91 (572.54)

Гончиков Ц.Д., Урбанова Ч.Б.

*Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ*

К 35-ЛЕТИЮ ВЫСШЕГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Аннотация. *В статье отражены основные моменты из истории организации и развития высшего географического образования в Республике Бурятия. Особое внимание уделяется на основополагающие принципы организации учебной и научной деятельности, а также на результаты работы коллектива географического отделения.*

Основным результатом деятельности научно-педагогического коллектива отделения является подготовка более двух тысячи профессиональных географов и 68 кадров высшей квалификации. Они работают не только в школьной образовательной среде, но и в БНЦ СО РАН, в вузах, в министерствах и ведомствах, бизнесе и т.д.

Ключевые слова: *кафедра географии и геоэкологии, учебный план, принципы организации, результаты, учебная, научная работа, студенты, выпускники, диссертационный совет, защита, кандидаты наук.*

Современное состояние и достижения географического отделения Бурятского государственного университета имеют свою историю. Байкальский регион, предложенный акад. В.А. Коптюгом в качестве мировой модельной территории устойчивого развития, постоянно испытывал дефицит в специалистах географического профиля, обеспечивающих комплексный, интегральный подход в системе «Природа – об-

щество». Решению этой задачи во многом способствует развитие современного высшего географического образования в регионе.

Как известно, конец XX века - начало XXI века характеризовался активными политическими преобразованиями и экономическими реформами, постепенно менялась обстановка в стране и в мире. В этот период в образовательном пространстве России были созданы новые кафедры и факультеты, в том числе и в Республике Бурятия. Происходящее реформирование всей системы образования было связано с необходимостью подготовки высококвалифицированных специалистов.

В 1988 году было открыто географическое отделение в составе биолого-химического факультета Бурятского государственного педагогического института имени Доржи Банзарова. Большая предварительная работа по обоснованию необходимости географической специальности началась задолго до открытия.

Открытие географического отделения была связана с нарастающей востребованностью в подготовке профессиональных географов, способных принимать активное участие в решении двух основных проблем – обеспечении учителями-географами средних школ (в то время дефицит составлял 66%) и кадрами различных отраслей хозяйства республики в условиях Байкальского региона.

С повышением интереса к уникальному озеру Байкал и Байкальскому региону, с признанием его в качестве мировой модельной территории устойчивого развития, на фоне всеобщей глобализации социально-экономических процессов, в Республике Бурятия стали проводиться разного рода крупные международные мероприятия (совещания, конференции, фестивали и т.д.).

В первые годы основное внимание уделяли вопросам рациональной организации учебного процесса и создания учебной и материальной базы будущей кафедры. 7 октября 1989 г. т.е. ровно через год была открыта новая в БГПИ кафедра географии. В состав первой кафедры географии вошли 6 человек: Ц.Д. Гончиков – заведующий кафедрой, к.г.н., доцент; Ц.Ц. Цырендоржиев – к.г.-м.н., доцент; С.С. Бахрунова – к.п.н., ст. преподаватель; В.Х. Гончикова – ст. преподаватель; С.Е. Кутейников – ассистент; М.В. Мантурова – лаборант. Позднее по мере увеличения контингента студентов и появления новых учебных дисциплин были приглашены на кафедру ещё 4 сотрудника: к.г.-м.н., ст. научн. сотрудник Т.Т. Тайсаев, Э.Ц. Дамбиев, Л.В. Хышектуева и Г.Б. Батомункуева.

30 апреля 1997 г. на базе кафедры географии были образованы 2 кафедры – кафедра экономической и социальной географии, заведующий д.г.н., профессор Б.Л. Раднаев и кафедра физической географии, заведующий д.г.н., профессор К.Ш. Шагжиев.

В августе 2015 г. в результате объединения двух кафедр была образована кафедра географии и геоэкологии, заведующий д.г.н., профессор Б.О. Гомбоев.

Основные результаты за 35-летнюю научно-педагогическую деятельность коллектива географического отделения сводятся к следующему. Географическое отделение выпустило свыше 2000 профессиональных географов. Наши выпускники трудятся во многих отраслях хозяйства республики: в средних школах, практически во всех ВУЗах г. Улан-Удэ, в БНЦ СО РАН, в министерствах и ведомствах, бизнесе и т.д.

При организации географического отделения уделяли особое внимание на 3 основополагающие принципиальные положения:

- поставить на должный уровень учебно-методическую работу как основной залог дальнейшего продвижения в образовательном пространстве;
- в учебном процессе помимо общих и региональных географических закономерностей особо выделять эколого-географические аспекты в соответствии с экологической ситуацией оз. Байкал и Байкальского региона, а также потребностями Республики Бурятия в географических кадрах.
- установить тесные контакты с фундаментальной географической наукой (БНЦ СО РАН) и научно-практическими организациями для повышения уровня научной подготовки студентов и приобретения ими системы практических навыков.

Необходимо все же отметить, что в дальнейшем, как показало время, мы выбрали правильную стратегию развития и получили хорошие результаты.

На первых этапах становления географического отделения и кафедры нами были разработаны и реализованы в учебных процессах четыре учебных плана по специальности «География и биология» для дневного отделения, а также по специальности «География» для открывшегося позднее заочного отделения. Были подготовлены специальные учебно-методические комплексы по всем дисциплинам кафедры. В 1995 году в связи с переходом на новый вузовский статус нами также был разработан учебный план по университетской программе по специальности 012500 «География», который успешно прошел экспертизу и был рекомендован учебно-методическим объединением университетов России (МГУ) для организации учебного процесса в условиях классического университета.

Как известно, аудиторный фонд – один из главных вопросов при организации учебного процесса. Учебные аудитории, включая наглядные пособия, оборудовали и готовили силами самой кафедры. Основную часть материально-технической базы – учебники, атласы, настенные карты, геологические материалы, метеорологические и геодезические приборы также сами доставали и собирали, т.к. централизованно заказывать уже было невозможно в условиях сложной ситуации страны.

Помимо аудиторных занятий, полевые практики являются важнейшими составляющими полноценного учебного процесса. Полевые практики студентов II, III и IV курсов, включая комплексные маршрутные, естественно, проходили в настоящих полевых условиях

Особое внимание уделяли именно научно-практической подготовке студентов через научно-практическое исследование эколого-географических проблем оз. Байкал и Байкальского региона. Постоянно проводились выставки научной и учебной литературы преподавателей в связи недостатком литературы, помимо централизованных новых поступлений в библиотеки БГПИ. Следует также подчеркнуть, что в то время многие мероприятия проводились впервые в практике организации учебного процесса. К примеру, по инициативе кафедры были организованы и успешно работали экологический клуб «Экос», воскресная экологическая школа, цикл радиопередач. Еще в далеком 1993 г. по инициативе нашей кафедры на базе нашего пединститута была организована I межрегиональная студенческая научная экологическая конференция, где принимали участие студенты из разных вузов гг. Улан-Удэ, Чита, Благовещенск, Владивосток, Иркутск и Новосибирск. Наши студенты стали активно участвовать в научных, студенческих конференциях и олимпиадах, проходящих не только в нашем регионе, но и в Москве, Новосибирске и других городах.

Кафедра проводила активную научно-методическую работу с учителями города и республики, а также со школьниками. Постоянно читали лекции на курсах повышения квалификации учителей географии в БИПКРО. Были инициаторами организации школьных географических олимпиад в республике. Через Министерство образования республики стали проводить районные, городские и республиканские олимпиады. Вплоть до начала 2000-х годов, в течение почти 10 лет постоянно разрабатывали специальные задания для географических олимпиад районного, городского и республиканского уровней. Только в последующем в республику стали поступать централизованные задания из Москвы. Постоянно участвовали в работе научно-практических конференций школьников «Шаг в будущее». Часто проводили летние географические школы, направленные на приобретение школьниками практических навыков работы в полевых условиях.

С целью повышения уровня научной подготовки будущих специалистов кафедрой привлекались к работе со студентами ученые-практики из БНЦ СО РАН, в основном сотрудники БИРП - директор, д.г.н., академик РАН А. К. Тулохонов; д.н.г., проф. Б.Л. Раднаев; с.н.с., д.г.н., проф. Д.Д. Мангатаева; д.г.н. А.Н. Бешенцев; с.н.с., д.б.н., проф. В.И. Убугунова и др. Нами была разработана учебная программа спецкурса «Основы рационального природопользования», для чтения которого приглашались специалисты, чья профессиональная деятельность была связана с данной проблематикой, - зам. Председателя Президиума БНЦ д.г.н., проф. В.Е. Викулов, начальник Гидрометцентра РБ к.г.н. В.К. Татарников, зав. лабораторией Института биологии, д.с.-х.н. Г.Д. Чимитдоржиева, в.н.с., д.г.н., проф. А.Б. Иметхенов. Одновременно повышался уровень научного потенциала самой кафедры: были защищены докторская (Т.Т. Тайсаев) и кандидатская (Э.Ц. Дамбиев) диссертации. Э.Ц. Дамбиев в конце 90-х годов успешно защитил докторскую диссертацию.

В последующем на наших географических кафедрах сформировался своеобразный «клуб» докторов, т.е. работали известные доктора наук, профессора К.Ш. Шагжиев, В.Е. Викулов, Т.Т. Тайсаев, А.Б. Иметхенов, Б.Л. Раднаев, Д.Д. Мангатаева, Э.Ц. Дамбиев, внесшие большой вклад в исследование эколого-географических и социально-экономических проблем Байкальского региона. Постоянно привлекались к учебной работе акад. А.К. Тулохонов, д.г.н., проф. А.Н. Бешенцев, д.б.н., проф. Убугунова, д.с.-х.н., проф. Г.Д. Чимитдоржиева, начальник Гидрометцентра к.г.н., В.К. Татарников и многие другие. В настоящее время у нас работают 2 доктора географических наук – заведующий кафедрой, проф. Б.О. Гомбоев и директор БИП СО РАН, проф. чл.- корр. РАН Е.Ж. Гармаев.

Географическое отделение готовило учителей географии и биологии. Первый выпуск учителей географии и биологии состоялся в 1993 г. В последующем, как и по всей стране, отделение перешло на подготовку бакалавров и магистров. В 1998 г. на географических кафедрах была открыта аспирантура, где проходят подготовку кадры высшей квалификации.

В текущем 2023 г. завершает учебу 30-й выпуск. Контингент студентов значительно расширился: к нам поступают учиться выпускники из многих соседних регионов Сибири. В магистратуру и аспирантуру, кроме своих граждан, поступают иностранцы (Монголия, Корея, Китай). Необходимо отметить, что ранее

заложенные традиции не только сохранились, но и развиваются. Наши студенты принимают активное участие во многих международных и всероссийских конференциях, в экспедициях русского географического общества, межрегиональной олимпиаде по географии, а также в международной образовательной акции «Географический диктант». Кафедра продолжает участвовать в таких мероприятиях, как «Вернадские чтения», «Давыдовские чтения», «Экологические проблемы Байкальского региона», интерактивные географические площадки и др.

«25 марта 1998 г. приказом ВАК РФ был создан диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата по географическим наукам: специальность 11.00.11 – охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. 12 января 2001 г. диссертационный совет был переутвержден с правом защиты уже по двум специальностям: 25.00.36 – геоэкология и 25.00.24 – экономическая, социальная и политическая география. С 11 января 2005 г. он реорганизован в докторский совет с правом защиты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по трем специальностям: 25.00.36 – геоэкология; 25.00.24 – экономическая, социальная и политическая география; 25.00.23 – физическая география и биогеография, география почв и геохимия ландшафтов. 10 марта -2010 г. был утвержден объединенный с БИП СО РАН диссертационный совет при БГУ по двум специальностям: 25.00.24 – экономическая, социальная, политическая и рекреационная география; 25.00.36 – геоэкология (географические науки). Совет работал до 2013 г. [1]

С 1998 по 2012 г. защитились на нашем совете 57 соискателей, в том числе 38 выпускников географического отделения БГФ БГУ. 9 выпускников защитили кандидатские диссертации в других городах, на других диссертационных советах, включая другие специальности» [2].

Научные исследования кафедры нацелены на решение вопросов обеспечения устойчивого развития Байкальского региона. Основные направления исследований кафедры можно объединить в два блока. Первый объединяет исследование проблем взаимодействия социально-экономических и природных систем на Байкальской природной территории и особенности их территориальной организации. В соответствии с этим на кафедре ведутся исследования по нескольким направлениям:

- разработка методологических основ сбалансированного эколого-географического развития региона;
- территориальная дифференциация хозяйственной нагрузки на природную среду бассейна на оз. Байкал;
- эколого-географические проблемы отраслей хозяйства и систем жизнедеятельности населения и региональные эколого-экономические аспекты природопользования Байкальского региона;
- эколого-экономические проблемы устойчивого развития;
- особенности расселения и геодемографического развития Байкальского региона.

Второй блок объединяет исследования в области обеспечения экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов и включает:

- эколого-географические проблемы рационального природопользования;
- охрана и рациональное использование природных ресурсов;
- этноэкологические проблемы традиционного природопользования коренных народов;
- проблемы антропогенной трансформации ландшафтов [1].

Кафедра ведет научные исследования по грантам Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда, Федеральных целевых программ «Интеграция» и «Фундаментальные исследования – университеты России» и др. Научные исследования проводятся в тесной взаимосвязи с институтами БИЦ СО РАН, а также с другими научно-исследовательскими организациями России и зарубежных стран.

Кафедра имеет тесные связи с кафедрой экономической и социальной географии МГУ им. Ломоносова, ИГУ, Институтом географии СО РАН, Институтом природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН (г. Чита), Тихоокеанским институтом географии ДВО РАН (г. Владивосток), Институтом геоэкологии АН Монголии, Институтом окружающей среды республики Корея, Пекинским государственным университетом и т.д. Осуществляется совместное Российско-Китайское исследование проблем устойчивого развития хозяйств на монгольском плато (Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия и Нормальный университет Внутренней Монголии, г. Хух-Хото, КНР).

За последние годы кафедра, наряду с другими научными организациями Сибири и Дальнего Востока, активно сотрудничает с Институтом окружающей среды Корея по проблемам развития «зеленой» экономики. В 2017 г. издана совместная монография «Территориальные структуры производственных ресурсов в контексте «зеленой» экономики», Седжоу: KEI, 2017 – 516 с.

Таким образом, кафедра географии и геоэкологии географического отделения факультета биологии, географии и землепользования БГУ к своему юбилею подошла как крупное и известное в России и за рубежом учебно-научное подразделение университета и готова к дальнейшему активному участию в исследованиях проблем устойчивого развития региона и в подготовке географических кадров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончиков Ц.Д. К 25-летию высшего географического образования в Республике Бурятия / Актуальные эколого-географические и социально-экономические проблемы Байкальского региона и сопредельных территорий: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 28-29 мая 2013 г.) / Под науч. ред. Ц.Д. Гончикова. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. – 246 с. С. 4-11.
2. История кафедры. Режим доступа: <http://www.bsu.ru> (дата обращения 23.04.2023 г.)

Tsyben D. Gonchikov, Chimit B. Urbanova
Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ON THE 35TH ANNIVERSARY OF HIGHER GEOGRAPHICAL EDUCATION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract: *the article reflects the main points from the history of the organization and development of higher geographical education in the Republic of Buryatia. Special attention is paid to the fundamental principles of the organization of educational and scientific activities, as well as to the results of the work of the staff of the geographical department.*

The main result of the activity of the scientific and pedagogical team of the department is the preparation of more than a thousand professional geographers and about 60 highly qualified personnel. They work not only in the school educational environment, but also in the BSC SB RAS, in universities, ministries and departments, business, etc.

Key words: *department of geography and geoecology, curriculum, principles of organization, results, educational, scientific work, students, graduates, dissertational council, defense, candidates of science.*

УДК 910.1, 327, 303.1, 304.42

Замятин Д.Н.
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва*

МЕТАГЕОГРАФИЯ ЕВРАЗИИ: ОТ МЕТАГЕОПОЛИТИКИ К ПЛАНЕТАРНЫМ ГЕОКУЛЬТУРАМ

Аннотация. *Геокультурные особенности и трансформации государств и крупных регионов определяют специфику их геополитических траекторий. Любая крупная геокультура может осмысляться как планетарная, располагающая собственными планетарными картографиями и паттернами воображения. Северная Евразия может рассматриваться как поле пересечения и взаимодействия различных планетарных геокультур, формирующих перспективы земного развития. Планетарное влияние крупной локальной цивилизации связано с наличием оригинальной планетарной геокультурной картографии воображения, с возможностью успешной трансляции этих масштабных геокультурных образов вовне, в зоны влияния других крупных земных цивилизаций. Сопространственность в её цивилизационном и геокультурном измерении означает наличие множественных целенаправленных планетарных мышлений, развёртывающих масштабные пространственные коммуникативные паттерны. Всякая сопространственная цивилизация или геокультура является тотально пограничной – её пограничность обусловлена постоянным процессом геокультурной самоадаптации во взаимодействии с другими геокультурами и цивилизациями. Метагеополитика исследует генезис, формирование и различные трансформации планетарных картографий воображения, ориентированных на достижение соответствующих геополитических, геоидеологических и геокультурных целей. Метагеополитические исследования Северной Евразии должны быть направлены на выявление, в первую очередь, планетарных геокультурных картографий воображения. Северная Евразия может рассматриваться как пространство взаимодействия западной евроафриканской картографии воображения, базирующейся на евро-индийской (или индоевропейской) метагеографической оси, и восточноазиатской картографии воображения, тесно коррелирующей с российско-китайской метагеографической осью.*

Ключевые слова: *метагеография, геокультура, метагеополитика, Северная Евразия, планетарность, картографии воображения, пограничность, сопространственность.*

Евразия – материк, чей географический образ требует размещения, соотнесения с другими географическими образами на метауровне, в метагеографическом пространстве. Метагеография Евразии учитывает особенности ее географии – физической, культурной, политической, социально-экономической – однако прямого соответствия здесь нет. Есть определенные автономные особенности и законы метагеографического развития Евразии, тем более что сами термин и понятие Евразии по своей содержательной сути – метагеографические – опирающиеся на мощные геокультурные традиции воображения Европы и Азии в их давних и древних противопоставлениях, нераздельностях, неслиянностях и взаимозависимостях, но следующие в своей онтологической разработке некоей, безусловно, внутренней идее.

Осознание, выходящей за рамки традиционной географии, идеи Евразии происходит, как известно, в эпоху позднего европейского/западного модерна – сначала благодаря возникновению и концептуальному развитию геополитики, имеющей очевидные, в том числе, империалистические и идеологические корни, а затем благодаря пересекающимся и взаимодействующим с ней гуманитарно-идеологическим утопиям с различными национально-консервативными оттенками как научно-идеологического, так и художественно-идеологического планов. Здесь мы не будем подробно касаться историко-генетического пласта данной проблемы; наша задача – попытаться исследовать в первоначальном приближении некоторые структурные основания метагеографии Евразии – так, как они могут быть выявлены и/или явлены в контексте концепций и теорий локальных цивилизаций. Следует учесть, тем не менее, что мы не придерживаемся каких-либо жестких классификаций и типологий локальных цивилизаций, предпочитая использовать более или менее устоявшиеся географические образы нескольких вполне зримых в своем феноменологическом облике цивилизационных целостностей.

Геокультура – процесс и результаты развития *географических образов* в конкретной культуре, а также «накопление», формирование традиции культуры осмысления этих образов. Определенная культура «коллекционирует» определенные географические образы, приобретая при этом те или иные образно-географические конфигурации. Современная геокультура представляет собой серии *геокультурных (культурно-географических) образов*, интерпретирующих локальные *геокультурные пространства*. В эпоху антропоцена геокультурные характеристики и параметры становятся ключевыми триггерами в геополитическом осмыслении планетарных проблем.

Планетарность – ключевое понятие, анализ которого может помочь осознанию наиболее значимых черт *картографического поворота* – так, по всей видимости, лучше назвать онтологические изменения в человеческой пространственности, накапливавшиеся довольно незаметно на протяжении тысячелетий человеческой истории. Конечно, этот переворот в его завершающей фазе можно уверенно отнести к эпохе Модерна, когда стремительно формировавшиеся современные общества стали интенсивно пользоваться всё более и более совершенными географическими картами, сопровождавшими, «оркестровавшими» и оформлявшими реальные и ментальные захваты большинства территорий и акваторий Земли. По сути дела, карты, картографические атласы, а также и глобусы стали главным символом человеческой планетарности в её пространственной динамике.

Образно-географическое пространство Северной Евразии открывается как метапространство, представляющее принципиально новые способы и дискурсы воображения. Пучок географических образов Северной Евразии вполне может мыслиться как метапространство без строго национальных/ националистических маркеров, как метапространство, собирающее признаки, символы, знаки «трудных пространств» и тем самым как бы предлагающее идентифицировать себя с определённой цивилизацией – здесь-и-сейчас. Иначе говоря, собственно конкретный пространственный опыт, в его образно-географических результатах, версиях, манифестациях и может предстать как потенциал вновь развёртывающейся цивилизации.

Локальные цивилизации по ходу своих периодических модернизаций и специализаций (то есть процессов осмысления и воображения собственной территории) должны разрабатывать всё новые и новые образы времени и пространства, соответствующие как внутренним, так и внешним вызовам (политическим, социальным, культурным и т.д.). Вследствие этого, всякая цивилизация оказывается источником «излучения», иррадиации слабых или сильных оригинальных пространственно-временных образов, знаков и символов, благодаря которому она может либо расширять зоны своего цивилизационного влияния, либо балансируя, постепенно утрачивать свои традиционные территории. Мы можем практически говорить о *цивилизациях-образах*, создающих в эпоху глобализации неустойчивое, изменчивое, «плывущее» ментальное поле, где происходят взаимодействие, симбиоз, столкновения и конфликты различных цивилизационных представлений.

Основную метагеографическую проблему России можно сформулировать так: идеологическая инерция старых образно-географических комплексов, «удерживает» страну к западу от Урала и тормозит процессы ментального дистанцирования по отношению к Европе. Соответственно, главную метагеографическую задачу России, которая решается уже приблизительно на протяжении 400 лет, можно обозначить как поиск привлекательных, эффективных идеологических образов Зауралья, способных ментально «развернуть» страну к востоку, в сторону Сибири, Дальнего Востока, Центральной Азии и Китая.

Геополитика в пределах метагеографии означает, что традиционные географические карты могут служить для некоторых конечных операционалистских фиксаций и последствий метагеополитического дискурса и анализа, однако сам метагеополитический дискурс должен опираться в своём развитии и функционировании на географические/геополитические образы, картографируемые как вполне автономные метапространства, лишь частично, и не всегда прямо, подобные соответствующим традиционным картографическим представлениям. Основываясь на таком метагеографическом видении/воображении российской цивилизации, следует сразу же подчеркнуть очевидное дискурсивное дистанцирование кон-

цепта русской Евразии по отношению к образу Европы; в ходе этого дистанцирования Россия может трансформироваться в образном отношении до Севера Евразии, или *Северной Евразии*.

Dmitry N. Zamyatin

National Research University Higher School of Economics, Moscow

THE METAGEOGRAPHY OF EURASIA: FROM METAGEOPOLITICS TO PLANETARY GEOCULTURES

Abstract. *Geo-cultural features and transformations of states and large regions determine the specifics of their geopolitical trajectories. Any large geo-culture can be conceived as a planetary one, with its own planetary cartographies and imaginative patterns. Northern Eurasia can be considered as a field of intersection and interaction of various planetary geocultures that shape the prospects for terrestrial development. The planetary influence of a large local civilization is associated with the presence of an original planetary geo-cultural cartography of the imagination, with the possibility of successfully translating these large-scale geo-cultural images outside, into the zones of influence of other large terrestrial civilizations. Co-spatiality in its civilizational and geo-cultural dimension means the presence of multiple purposeful planetary thinking that unfolds large-scale spatial communication patterns. Any co-spatial civilization or geo-culture is totally borderline – its borderline is due to the constant process of geocultural self-adaptation in interaction with other geo-cultures and civilizations. Meta-geopolitics explores the genesis, formation, and various transformations of planetary imaginative cartographies focused on achieving their respective geopolitical, geo-ideological, and geo-cultural goals. Meta-geopolitical studies of Northern Eurasia should be aimed at identifying, first of all, the planetary geo-cultural cartographies of the imagination. Northern Eurasia can be considered as a space of interaction between the Western Euro-African cartography of the imagination, based on the Euro-Indian (or Indo-European) meta-geographic axis, and the East Asian cartography of the imagination, which is closely correlated with the Russian-Chinese meta-geographic axis.*

Keywords: *metageography, geoculture, meta-geopolitics, Northern Eurasia, planetarity, cartographies of the imagination, borderline, co-spatiality.*

УДК 911.6

Зырянов А.И.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

РАЙОНИРОВАНИЕ РОССИИ И ТУРИЗМ

Аннотация. *Комплексное районирование страны в наибольшей степени востребовано сферами образования и туризма. В туристском районировании России следует учитывать физико-географические и социально-экономические характеристики территории, исторические особенности и факторы технологии туризма. Россия в туристском отношении районирована на две части – европейскую и азиатскую, которые делятся на мегарегионы, например, Западная Сибирь. Мегарегионы делятся на макрорегионы, например, Золотое Кольцо. Ниже следует уровень субъектов федерации, а еще ниже – подробный уровень районирования.*

Ключевые слова: *туристское районирование, Россия, Пермский край, Республика Бурятия.*

Районирование – традиционный метод географии, осуществляется для научных, учебных и самых различных практических целей. Для чего особенно необходимо районирование страны? Несмотря на то, что оно нужно для управления страной, для координации ее хозяйственных отраслей и к нему обращаются по различным большим государственным причинам, оно просто необходимо людям. Когда человек в первый раз узнает о районировании страны? Он узнает об этом на школьных уроках. Районирование страны важно для просвещения, образования, для понимания разнообразия и богатства нашей страны. Оно важно для изучения России и географии в целом.

Районирование связано даже не столько с нуждами государства, сколько реализует потребности каждого конкретного человека, всей массы людей нашей страны, а также граждан зарубежных стран, интересующихся Россией. Районирование гораздо более требуется для путешествий миллионов людей, то есть для туризма, и гораздо меньше – для отраслей производства.

Скажем, москвич отправился в Улан-Удэ. Допустим, он первый раз едет в Бурятию, но это один из очень многих регионов страны и человеку незнакомый. Он понимает, что едет в Сибирь, и поэтому уже более наглядно представляет пространство. Узнавая, что регион отнесен к Дальневосточному федеральному округу, человек понимает, что Бурятия – не просто Сибирь, а, по крайней мере, Дальняя Сибирь, он знает, что это район Байкала. Такое схематичное районирование выстраивается у путешественника при мыслях о поездке, отражая школьные и житейские представления о строении территории России.

При районировании страны цели туризма и просвещения совпадают. И та и другая сферы хотели бы получить сетку с максимально интегральным взглядом. В идеале, страна должна быть разделена на ее районы, с названиями и наполнением которых абсолютно все бы жители, а не только специалисты, были бы согласны. Это обоюдная цель сферы туризма и сферы просвещения. Это согласуется еще и потому, что туризм – это особенное образование, осуществляемое в наиболее интересной, популярной и массовой форме.

Туристское районирование страны в отличие от всех иных делимитаций, должно быть максимально совокупным. В нем должно гармонично учитываться природа, хозяйство и население, также история, а еще и туристская технология (маршрутное планирование, транспортные возможности, маркетинг места, брендинг и др.). Каким должно быть туристское районирование России? Оно должно устраивать туристскую отрасль и туристскую деятельность, оно должно устраивать сферу образования, быть географически точным и при этом хорошо понимаемым жителями страны.

Кирпичиками туристской карты нашей страны являются субъекты федерации (регионы), поскольку каждый из них имеет особенное географическое положение, свои характерные условия и ресурсы, отраслевой туристский профиль, состояние инфраструктуры, развитость въездных и внутренних потоков, популярные маршруты. Обычно регион является сформированной дестинацией или представляет собой группу дестинаций. В регионе развитие туризма направляется региональной администрацией, поэтому субъект федерации является довольно скоординированной туристской системой. В связи с этим география туризма нашей обширной страны складывается из украшенной туризмом мозаики субъектов РФ. Районы более масштабные (макрорегионы и мегарегионы) целесообразно представлять как группы смежных субъектов федерации.

В нашей стране применяется два наиболее известных вида районирования. Первое – деление на экономические районы, которое было принято в СССР, второе – современная нарезка на федеральные округа. Обе сетки нужно учитывать при создании туристского районирования, однако они разработаны для других целей, одна создана для планового развития народного хозяйства, другая – для задач современного оперативного управления страной, поэтому вторая сетка довольно часто меняется. Эти сетки в основном различаются между собой. Согласованность сеток в некоторых частях страны может свидетельствовать о высоком уровне целостности выделенных районов на этих территориях. Так, довольно согласуются федеральные округа и экономические районы на Севере, Северо-Западе, в Центре и в Черноземье Европейской части страны, где экономические районы попарно объединяются в федеральные округа. В остальных территориях эти сетки очень различны. Оригинально для традиционной географии положение большой Тюменской области за пределами Сибирского округа. Все это следует учитывать при создании карты туристских районов России

Общепризнанного туристского районирования в нашей стране еще нет. Его сложно безукоризненно выполнить, поскольку туризм – сфера многоресурсная, многофакторная, быстро развивающаяся и меняющаяся. Это процесс еще и творческий, поэтому районирование каждый специалист может сделать по своему усмотрению, исходя из собственных аргументов и оценок.

Как подразделяется территория России для туристских целей? Во-первых, европейская и азиатская части страны под туристским взглядом выделяются более отчетливо, нежели с позиции многих других отраслей хозяйства. В европейскую часть включаются и субъекты федерации, расположенные на российском Кавказе и на Урале.

В европейской части страны, которая часто именуется - Европейская Россия и Урал, выделяется мегарегион Север и Северо-Запад, в котором вырисовываются следующие туристские макрорегионы: Карелия и Кольский полуостров, Русский Север и Печора, Санкт-Петербург и Северо-Запад.

В европейской части наибольшее число подразделений выделяется в мегарегионе Центральный пояс. Это туристские макрорегионы – Столичный регион, Верховья Волги и Днепра, Золотое кольцо, Литературный край, Черноземье, Средняя Волга, Междуречье Камы и Вятки.

В мегарегионе Юг выделяются туристские макрорайоны – Волго-Донские степи, Крым, Западный Кавказ и Кубань, Центральный Кавказ и Ставрополье, Восточный Кавказ и Прикаспий. Мегарегион Урал подразделяется на туристские макрорегионы Средний Урал и Южный Урал.

Во второй – азиатской части России, которая именуется Сибирь и Дальний Восток, выделяются три мегарегиона.

Мегарегион Западная Сибирь подразделяется на туристские макрорегионы Северо-Западную Сибирь в составе Тюменской области с автономными округами и Юго-Западную Сибирь. Мегарегион Восточная Сибирь включает следующие туристские макрорегионы: Енисейский меридиан, Байкал и Забайкалье, Якутия. Мегарегион Тихоокеанская Россия подразделяется на туристские макрорегионы Дальний Северо-Восток и Дальний Юго-Восток.

Таким образом, территория России в туристском аспекте подразделяется на две части света, на семь мегарегионов и двадцать пять макрорегионов. На более низком уровне районирования туристские ячейки представляют собой области, республики, автономные округа, автономную область и города федерального значения. При этом, административно-территориальное деление – важнейший уровень в структурировании территории России для целей туризма.

Еще ниже находится уровень дробного туристского районирования. В Пермском крае, например, выделяется семь туристских районов этого уровня. В районировании очень отчетливо проявляются основные географические особенности территории. В Пермском крае к таким основным особенностям относится свойство бассейновости – согласованность структуры региона с речным бассейном Камы, что проявляется и в туристском районировании. В отличие от Пермского края, в Бурятии особенно важен другой фактор при туристском районировании.

Основные особенности территории, на наш взгляд, это такие характерные отличия, которые можно увидеть на общегеографической карте. Общегеографическая карта говорит нам о том, например, что Бурятия – один из самых горных регионов в России. Каркас пространственной структуры Бурятии строится не столько на особенностях системы городов, как это обычно в регионах России, а сильно зависит от орографии. Возможно, это самый орографически структурированный регион страны. Республика имеет конфигурацию территории, соответствующую системе горных хребтов, при этом направления растянутости региона соответствует направлениям хребтов, изгибы формы региона – соответствуют изгибам хребтов и межгорных долин. Следует отметить и особенность гидрографии Бурятии – владение основной частью речного бассейна оз. Байкал.

Горность и орографичность республики находит выражение в отделенности расстояниями, пересеченным рельефом и транспортными сложностями туристских направлений друг от друга, которые трудно объединить общими маршрутами. Сейчас таких направлений (туристских зон) несколько. Первая в Тункинском и Окинском районах, вторая представляет столицу республики и ее окружение с ближайшими берегами Байкала, третья формируется на севере Байкала, четвертая проявляется в меньшей степени на границе с Монголией около Кяхты. В республике характерна очаговость туристского развития. Четыре туристских зоны в разных частях республики – это четыре ядра дробных туристских районов.

Alexander I. Zyrianov

Perm State National Research University, Perm

ZONING OF RUSSIA AND TOURISM

Abstract. *Comprehensive zoning of the country is most in demand in the areas of education and tourism. The tourist zoning of Russia should take into account the physical-geographical and socio-economic characteristics of the territory, historical features and factors of tourism technology. In terms of tourism, Russia is divided into two parts - European and Asian, which are divided into mega-regions, for example, Western Siberia. Mega-regions are divided into macro-regions, for example, the Golden Ring. Below is the level of subjects of the federation, and even lower - the fractional level of zoning.*

Keywords: *tourist zoning, Russia, Perm region, Republic of Buryatia.*

УДК 330.111.42

Коломак Е.А.

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН,*

г. Новосибирск

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,*

г. Новосибирск

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ЭФФЕКТОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЮГА СИБИРИ

Аннотация. *В работе оценивается влияние агломерационных эффектов на выпуск и прибыль предприятий юга Сибири. Используется база данных СПАРК-Интерфакс за 2019-2020 гг., методы включают карты и эконометрический анализ. Результаты показали значимый вклад агломерационных сил в производительность и рентабельность фирм. Сокращение расстояния до регионального центра в 2 раза увеличивает выпуск на 1,6 %, а прибыль на 5,1 %, что соответствует среднероссийским оценкам.*

Ключевые слова: *агломерационные эффекты, предприятие, выпуск, прибыль, эмпирический анализ, Сибирь.*

Агломерационная экономика и тенденции в пространственной концентрации экономической активности являются производными от развития инфраструктуры в регионе и от уровня транспортных затрат. В отношении восточной России, где система расселения часто носит очаговый характер, а транспортная освоенность и плотность населения – низкие, высказываются сомнения, что агломерационные эффекты имеют значимое влияние на экономические результаты [1; 2; 3].

В данной работе оценивается влияние агломерационных факторов на экономические показатели предприятий юга Сибири, тестируемыми гипотезами анализа являются:

1. На территории сибирских регионов агломерационные эффекты являются значимыми и отражаются на экономических и финансовых показателях предприятий.
2. Близость к региональной столице, которая является самым крупным рынком труда, товаров, выполняет функции образовательного и научного центра территории, создаёт преимущества для предприятий [4; 5; 6].

Источником информации выступала база данных СПАРК-Интерфакс. Из большого числа показателей, включенных в базу, были выбраны те, которые определяют пространственную привязку, финансовые результаты деятельности, а также дополнительные контролирующие характеристики, которые могут оказывать существенное влияние на работу предприятия. Список переменных включал следующие показатели: адрес, ОКВЭД, возраст предприятия, заработную плату, форму собственности, доходы, активы, выручку, себестоимость и валовую прибыль. Информация имеет панельную структуру, период охватывает два года: с 2019 по 2020 гг., что позволяет контролировать индивидуальные особенности предприятий.

В регрессионных моделях использовался подход расширенной производственной функции, где наряду с активами предприятия и заработной платой вводились переменные расстояния до региональной столицы, при этом контролировалась форма собственности, возраст фирмы и отраслевая принадлежность. Перечень дополнительных контролирующих переменных определялся как доступной информацией, так и значимостью отдельных факторов для функционирования предприятий. В теоретических работах приводятся аргументы, а в эмпирических исследованиях даются подтверждения того, что частные предприятия демонстрируют большую эффективность по сравнению с государственными. Возраст фирмы тоже может играть существенную роль в мотивации к снижению издержек и в силе стимулов к расширению масштабов производства. Кроме этого, значительное влияние на показатели бизнеса имеет сфера деятельности и продуктовая специализация. С точки зрения возможной реакции на агломерационные силы целесообразно выделять сельское хозяйство, промышленность и услуги.

Чтобы убедиться в устойчивости оценок агломерационных эффектов изучалось их влияние на два показателя: выручка и прибыль предприятия, и оценивались следующие уравнения:

$$\ln(Y_{it}) = \alpha + \beta_1 \ln(K_{it}) + \beta_2 \ln(L_{it}) + \beta_3 \ln(A_{it}) + \beta_4 B_i + \beta_5 S_i + \beta_6 \ln(D_i) + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{it}$$

$$\ln(P_{it}) = \alpha + \beta_1 \ln(K_{it}) + \beta_2 \ln(L_{it}) + \beta_3 \ln(A_{it}) + \beta_4 B_i + \beta_5 S_i + \beta_6 \ln(D_i) + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{it},$$

где Y_{it} – выручка предприятия i в году t ; P_{it} – прибыль предприятия i в году t ; K_{it} – активы предприятия i в году t ; L_{it} – заработная плата занятых на предприятии i в году t ; A_{it} – возраст предприятия i в году t ; B_i – фиктивная переменная, принимающая значение 0, если вид деятельности предприятия i относится к сельскому хозяйству, 1, если предприятия относится к промышленности и 2, если предприятие относится к сфере услуг (переменная не меняется во времени); S_i – фиктивная переменная, принимающая значение 0, если предприятие i является частным и 1 – во всех остальных случаях (переменная не меняется во времени); D_i – расстояние от предприятия i до регионального центра (переменная не меняется во времени); μ_i – неизменный во времени индивидуальный эффект предприятия i ; λ_t – общий для всех предприятий временной эффект года t ; ε_{it} – ошибка регрессии.

Сформулированные тестируемые гипотезы предполагают статистически значимый положительный эффект для выпуска и прибыли концентрации деловой активности и близости производителей к крупному рынку, то есть $\beta_6 > 0$.

На картах распределения размера средней выручки и средней прибыли, объединяющей все рассмотренные субъекты федерации, можно выделить три кластера более высоких значений, которые разделены зонами, окрашенными светлым цветом, отражающим относительно низкий уровень показателей (рис. 1–2). Первый кластер объединяет Новосибирскую, Кемеровскую, Томскую области и Алтайский край, второй представлен Омской областью, третий – Красноярским краем. Такое распределение соответствует представлению о тесноте пространственных связей на индустриальном юге Сибири и различиях в степени интегрированности экономик регионов.

Рис. 1. Средняя выручка предприятий выборки
 Источник: рассчитано авторами по данным СПАРК-Интерфакс

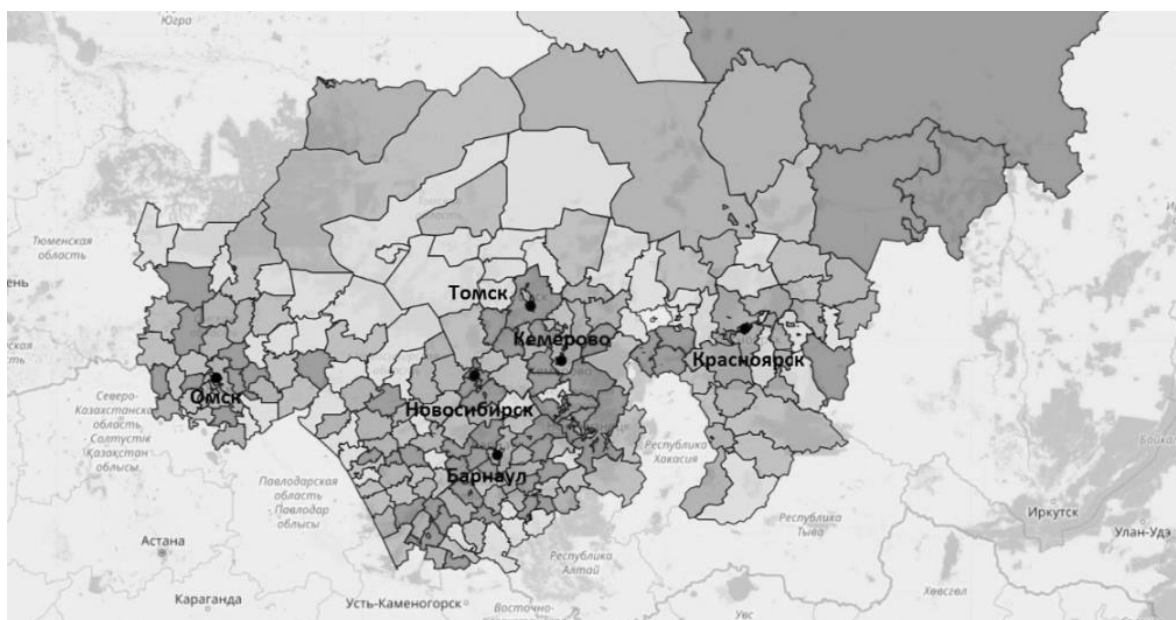

Рис. 2. Средняя прибыль предприятий выборки
 Источник: рассчитано авторами по данным СПАРК-Интерфакс

Результаты оценивания регрессионных уравнений представлены в табл. 1. Расчёты подтверждают закономерности связи продуктивности и рентабельности предприятий с возрастом, формой собственности и отраслевой принадлежностью, предсказанные в литературе. При этом агломерационные силы являются положительными и статистически значимыми и для выручки, и для прибыли. Вполне закономерно, что их влияние в большей мере сказывается на рентабельности, чем на объёмах выпуска, при сокращении расстояния от предприятия до регионального центра в 2 раза выручка увеличивается в среднем на 1,6 %, а прибыль – на 5,1 %, что является выше оценок для России в целом.

Подводя итог, можно сказать, что несмотря на то, что регионы находятся в азиатской части страны, закономерности пространственного развития, выявленные для России, проявляются и на их территориях. Полученные результаты микроэкономического анализа подтвердили, что в областях и краях юга Сибири работают агломерационные эффекты, причём их вклад в показатели прибыли фирм оказался достаточно высоким и соответствует, и даже превышает среднероссийский уровень. Такие значимые количественные оценки потенциальных эффектов от взаимодействия распределённых в пространстве производителей опровергают распространённое мнение, что на востоке России агломерационные эффекты либо не наблюдаются совсем, либо незначительные.

Результаты регрессионных оценок для выручки предприятий

	Выручка	Прибыль
Константа	3,282*** (0,086)	0,891*** (0,109)
Заработная плата	0,441*** (0,005)	0,361*** (0,007)
Активы	0,461*** (0,005)	0,558*** (0,007)
Возраст	-0,290*** (0,011)	-0,198*** (0,014)
Отрасль	0,227*** (0,018)	0,210*** (0,022)
Форма собственности	-0,442*** (0,071)	-0,620*** (0,093)
Расстояние до региональной столицы	-0,016*** (0,006)	-0,051*** (0,007)
Число наблюдений	20841	18718

Примечание: в скобках указана робастная стандартная ошибка, *** - 1%-й и ** - 5%-й уровень значимости.

Следует отметить, что экономика регионов имеет специфическую пространственную структуру, и результаты, очевидно, являются следствием сочетания факторов, включающих пространственную концентрацию деловой активности в региональных центрах, разнообразный рынок труда, товаров и услуг, относительно низкие барьеры взаимодействия экономических агентов, находящихся вблизи столиц.

Значимые положительные агломерационные эффекты являются аргументом в пользу инициирования и реализации не только государственных, но и частных инфраструктурных проектов, улучшающих транспортную сеть внутри территории и снижающих барьеры взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гордеев В., Магомедов Р., Михайлова Т. Агломерационные эффекты в промышленности России // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24, № 8. С. 19-20.
2. Идрисов Г., Михайлова Т. Пространственная организация как фактор развития. Москва: РАНХиГС Дело, 2019. 60 с.
3. Лавриненко П., Михайлова Т., Ромашина А., Чистяков П. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития // Проблемы прогнозирования. 2019. Т. 174, № 3, С. 50-59.
4. Ago T., Morita T., Tabuchi T., Yamamoto K. Elastic labor supply and agglomeration // Journal of Regional Science. 2018. V. 58. No 2, pp. 350-362. DOI: 10.1111/jors.12361.
5. Brulhart M., Sbergami F. Agglomeration and growth: Cross-country Evidence // Journal of Urban Economics. 2009. V. 65. No 1, pp. 350-362. DOI: 10.1016/j.jue.2008.08.003.
6. Kolomak E.A., Nezavitina A.O. Assessment of the Spatial Externalities of Major Cities on the Housing Market of Small and Medium-Sized Cities // Regional Research of Russia. 2021. V. 11. No 3, pp. 308–314. DOI: 10.1134/S2079970521030072.

Evgeniya A. Kolomak

*Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk;
Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk*

**ASSESSMENT OF THE IMPACT OF AGGLOMERATION EFFECTS
ON THE ECONOMIC PERFORMANCE OF ENTERPRISES IN THE SOUTH OF SIBERIA**

Abstract. *The paper assesses the impact of agglomeration effects on the output and profit of firms in the south of Siberia. The SPARK-Interfax database for 2019-2020 is used, methods include maps and econometric analysis. The results confirmed a significant contribution of the agglomeration forces to the productivity and profitability of firms. Reducing the distance to the regional center by 2 times increases output by 1.6%, and profit by 5.1%, which corresponds to the estimates for average Russia.*

Keywords: *agglomeration effects, firm, output, profit, empirical analysis, Siberia.*

МЕСТО АНГАРО-БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

***Аннотация.** Ангаро-Байкальский регион в рамках бассейновой концепции природопользования рассматривается в составе Енисейского природно-ресурсного района Северо-Восточной Азии. В нем выделяются три района-бассейна – Ангары, Селенги, остальных притоков Байкала. Проведен анализ основных географических и экологических особенностей региона. Определен территориальный и водно-ресурсный «вес» региона и его частей.*

***Ключевые слова:** бассейновый подход, внутриазиатские разноранговые территории, водные ресурсы, географические закономерности, речной сток.*

На научном международном форуме в ноябре 2019 г. в Пекине по инициативе Института географических исследований и природных ресурсов КАН утвержден новый интеграционный исследовательский и геополитический международный проект как некоторый разворот китайской инициативы «Один пояс – один путь». Впервые географическое пространство было официально представлено как Северо-Восточная Азия (СВА), создан центр (ассоциация) СВА. Основными странами в её составе предполагаются Китай и Россия, с участием Монголии и других стран Внетропической Азии в тихоокеанском бассейне. Были избраны руководящие органы Ассоциации. В развитие инициативы в 2020 г. в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН создан Международный научный центр по проблемам трансграничных взаимодействий в Северной и Северо-Восточной Азии [1].

В то же время вопрос о границах СВА остается открытым. По нашему мнению, его перспективно решать на основе бассейнового подхода, поскольку естественные границы-водоразделы снижают межгосударственные противоречия, таксоны обладают определенным единством и целостью как в физико-географическом, так и в экономическом аспекте [2–4]. При таком подходе в СВА входят полностью восточно-сибирские и дальневосточные субъекты РФ, то есть западная граница СВА проходит по западной границе Красноярского края, республик Хакасия и Тыва. Также в составе СВА видятся северо-восточные и частично восточные провинции Китая, а Монголия, Япония, Северная и Южная Корея должны входить целиком. Северные и восточные границы определены морскими «фасадами» окраинных морей Северного Ледовитого и Тихого океанов, а южная, исходя из бассейнового подхода, – южным водоразделом р. Хуанхэ (рис. 1).

Логично и природно-ресурсное районирование также проводить на основе бассейнового принципа, причем набор ресурсов для каждого природно-ресурсного района-бассейна, как правило, специфичен. При природно-ресурсном районировании СВА выделены районы-бассейны четырех крупнейших рек Азии – Енисея, Лены, Амура и Хуанхэ, а также акватории Восточно-Сибирского, Чукотского, Берингового, Охотского, Желтого морей с прилегающими территориями бассейнов впадающих в них рек (см. рис. 1) [5].

При этом особое место в географическом пространстве СВА (пожалуй, и всей Евразии) занимает Ангаро-Байкальский регион. Он включает три района-бассейна: крупнейшего притока Енисея Ангары, самого крупного притока Байкала – Селенги, и остальных рек, впадающих в Байкал (см. рис. 1). Он является одновременно и трансграничным, поскольку находится на российской и монгольской территориях, и межсубъектным – принадлежит Красноярскому краю, Иркутской области, Республике Бурятия и Забайкальскому краю. С недавних пор регион стал и межкрупным – после передачи Республики Бурятия и Забайкальского края из Сибирского в Дальневосточный Федеральный округ. Площадь региона 2110 тыс. км², что составляет 60,4 % от площади Енисейского природно-ресурсного района и почти 10 % от площади СВА (табл. 1).

В центре региона находится оз. Байкал – феномен мирового значения. С макрогеографической точки зрения рассматриваемая территория обладает всеми признаками хозяйственно-культурной и ландшафтно-экологической целостности. Среди других особенностей важно отметить, что это место взаимопроникновения мировых цивилизаций: индустриальной христианской; кочевнической буддийской; таежной языческой. В транспортно-географическом отношении регион представляет собой звено межконтинентальных транзитных железнодорожных магистралей – Транссибирской и Байкало-Амурской, имеет прямой железнодорожный выход через Монголию в Китай. Через него проходит одно из звеньев проекта «Один пояс – один путь», то есть экономико-транспортный коридор Китай-Монголия-Россия [6].

Велика роль основных функций Ангаро-Байкальского региона в общественном территориальном разделении труда. Он относится к числу важных источников удовлетворения внутренних и экспортных потребностей России в разнообразных природных ресурсах. Здесь особенно выделяется Иркутская область, которая занимает 7-е место в стране по величине суммарного природно-ресурсного потенциала, образуемого минерально-сырьевыми, гидроэнергетическими, водными, лесными, рекреационными ресурсами [7].

Рис. 1. Бассейновое природно-ресурсное районирование Северо-Восточной Азии

Таблица 1

Характеристики природно-ресурсных районов и бассейнов СВА

№	Район	Основные бассейны	Площадь, тыс. км ² (включая акваторию)	Площадь, тыс. км ² (без акватории)	Площадь районов, % от площади СВА	Речной сток, км ³ /год	Речной сток, % от стока района
I	Енисейский	Енисей Ангара Байкал (без учета Селенги) Селенга Таймыра Пясины	3492	3132	16,5	624,4 142,4 27,1 30,6 38,5 29,0	90,3 20,5 4,0 4,4 5,5 4,3
II	Ленский	Лена Хатанга Оленек Анабар	3038	2869	14,4	530,0 104,0 32,5 17,6	77,4 15,2 4,7 2,7
III	Чукотский	Кольма Индирикка Яна Камчатка Анадырь	6237	3139	29,5	123,0 50,5 33,8 30,0 13,6	49,1 20,1 13,4 12,0 5,4
IV	Амурский	Амур	1941	1941	9,2	344,0	100,0
V	Японский	Исикари Нактонган	2114	599	10,0	14,8 12,0	55,2 44,8
VI	Синайский	Хуанхэ Хайхэ Сяньхэ	2378	1951	11,3	592,2 23,0 20,0	93,2 3,7 3,1
VII	Бессточный	Керулен	1924	1924	9,1	0,55	100,0

Общая площадь СВА – 21124 км². Общий речной сток СВА – 2864 км³/год.

Уже сегодня в регионе создан самый крупный на востоке страны промышленно-хозяйственный комплекс, в который входят сформировавшиеся в советское время Иркутско-Черемховский, Братско-Усть-Илимский, Нижнеприангарский ТПК, Улан-Удэнский промузел, а также мощный Улан-Баторский индустриальный комплекс.

стриальный центр, расцветший в последнее десятилетие. Поэтому он по праву выступал и выступает мощной базой освоения дальневосточных и северных районов России, южной, западной и восточной Монголии. Ангаро-Байкальский регион в его российской части – полигон реализации ряда программ общегосударственного значения – энергетической, транспортной, производства цветных металлов, лесопромышленной, отдельных отраслей оборонного комплекса, рекреационно-туристической.

Однако при анализе перспектив экономического развития Ангаро-Байкальского региона необходимо учитывать фактор глубинного внутриконтинентального макроположения и гигантских сухопутных расстояний [8]. В транспортно-географическом отношении регион даже более континентален, чем лишённые выхода к морю государства Центральной Азии и внутренние провинции Канады. Из доходов предприятий-товаропроизводителей и предприятий, потребляющих ввозимую продукцию, из доходов населения и финансово-экономических систем Ангаро-Байкальского региона в целом через оплату транспортных издержек «выкачивается» очень значительная часть образующихся здесь финансовых ресурсов, что определяет сокращение бюджетных поступлений и снижение уровня жизни населения. Повышенные транспортные издержки на грузоперевозки представляют собой своеобразную отрицательную дифференциальную ренту местоположения, которая выплачивается в той или иной форме другим (транзитным) российским регионам, федеральному центру и мировому сообществу. Тем не менее, эксплуатация природных ресурсов способна принести высокую дифференциальную ренту, перекрывающую во многом минусы дорогостоящих перевозок. Наиболее детально это исследовано Л.А. Безруковым и А.Ф. Никольским на примере гидроэнергетики [9].

Социально-экономическое развитие Ангаро-Байкальского региона имеет также свою специфику в связи с тем, что его сердцевина – бассейн Байкала – имеет особый режим природопользования. Объявление оз. Байкал и его окружения объектом Всемирного природного наследия привлекло внимание всего мирового сообщества, подчеркнуло роль великого озера и как уникального явления природы, и как места организации зоны рекреации планетарного значения, а в будущем – как источника только экологически ориентированного землепользования и бизнеса в целом. Это предопределяет особое внимание здесь к охране природы и диктует запрет на многие виды производства, дабы не допустить изменений окружающей среды и сохранить байкальскую воду для человечества. Однако в настоящее время территория байкальского бассейна, как и региона в целом испытывает сильное антропогенное воздействие, что приводит к возникновению ряда экологических проблем [10].

На планете в условиях приближающегося водного кризиса водный фактор социально-экономического развития относится к приоритетным. Ангаро-Байкальский регион благодаря Байкалу уже сегодня имеет здесь значительные преимущества, что стало основой развития Ангарского каскада ГЭС, водоемких и энергоёмких производств в ангарской части региона. В дальнейшем, при возрастании дефицита пресной воды в мире, стратегическая роль огромного байкальского резервуара будет только усиливаться.

Основной исходной водноресурсной характеристикой для экономики является средний многолетний сток рек. Доли и площади Ангаро-Байкальского региона, и стока (7 % от стока СВА) заметны (см. табл. 1). Определены территориальные и водноресурсные параметры трех входящих в регион районов-бассейнов.

В задачи предстоящих исследований входит поиск путей совершенствования использования водного потенциала Ангаро-Байкальского региона, с учетом природоохранных ограничений, на основе экономико-географической оценки и достижений тематического картографирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пармон В.Н. Трансграничные взаимодействия на востоке России: научное сопровождение и задачи сибирского отделения РАН / В.Н. Пармон, В.А. Крюков, В.Е. Селиверстов // Регион: экономика и социология. 2020. № 2. С. 226-258.
2. Коротный Л.М. Географическая делимитация макрорегиона Северо-Восточной Азии: предпосылки, состав, границы / Л.М. Коротный // Известия РАН. Сер. геогр. 2022. № 1. С. 14-23.
3. Коротный Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании / Л.М. Коротный. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2001. 183 с.
4. Коротный Л.М. Бассейновая концепция: от гидрологии к природопользованию / Л.М. Коротный // География и природные ресурсы. 2017. № 2. С. 5-16.
5. Коротный Л.М., Богданов В.Н. Бассейновое природно-ресурсное районирование Северо-Восточной Азии / Л.М. Коротный, В.Н. Богданов // Территориальная организация природы и общества сибирского макрорегиона в условиях глобальной нестабильности: материалы Научных чтений, посвященных 100-летию Ю.П. Михайлова. Иркутск: Изд-во ИГ им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2022. С. 122-123.
6. Коротный Л.М. Зона Транссиба как международный евразийский транспортный коридор / Л.М. Коротный. Иркутск: Изд-во ИГ им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2016. 251 с.
7. Башалханова Л.Б., Безруков Л.А., Ващук Л.Н., Ильичева Е.А. Природно-ресурсный потенциал Иркутской области / отв. ред. Л.М. Коротный. Иркутск: Изд-во ИГ им. В. Б. Сочавы СО РАН, 1998. 236 с.

8. Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном региональном развитии / Л.А. Безруков. Новосибирск: Академическое Изд-во «ГЕО», 2008. 369 с.
9. Безруков Л.А. Межрегиональное перераспределение ренты ангарских ГЭС / Л.А. Безруков, И.И. Думова, А.Ф. Никольский, С.В. Подковальников, В.А. Савельев // Регион: экономика и социология. 1997. № 4. С. 117-128.
10. Коротыный Л.М. Экологические проблемы озера Байкал и его окружения / Л.М. Коротыный // Россия 2017. Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра Обсерво. Москва: ООО «Новый век медиа», 2017. С. 409-420.

Leonid M. Korytny, Michael Yu. Mashukov
V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

THE PLACE OF THE ANGARO-BAIKAL REGION IN THE GEOGRAPHICAL SPACE OF NORTH-EAST ASIA

Abstract. *The Angara-Baikal region, within the framework of the basin concept of nature management, is considered as part of the Yenisei natural resource region of Northeast Asia. Three basin areas are distinguished in it - the Angara, the Selenga and other tributaries of Baikal. The analysis of the main geographical and ecological features of the region has been carried out. The territorial and water-resource "weight" of the region and its parts is determined.*

Keywords: *basin approach, intra-Asian territories of different ranks, water resources, geographical patterns, river runoff.*

УДК 911.7

Мартынов В.Л., Сазонова И.Е., Субетто Д.А.
*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург*

ПРОГНОЗ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ И КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. *Важнейшей функцией науки является прогностическая. В социально-экономической географии эта функция развита слабо, хотя первые работы в этом направлении появились в 60-х годах XX века. Экономико-географический прогноз, как и физико-географический, должен иметь пространственный характер. Требуется более широкое использование существующих концепций пространственного развития общества, а также создание новых одновременно с разработкой методов и подходов экономико-географических исследований, позволяющих давать прогнозы пространственной трансформации общества.*

Ключевые слова: *социально-экономическая география, прогноз, подход, метод, концепция.*

Социально-экономическая (общественная, гуманитарная и т.д.) география на протяжении последних десятилетий неуклонно теряет свои позиции. Экономико-географы (будем называть представителей нашей науки так, как они назывались десятки лет) постоянно пытаются изменить траекторию развития своей науки, но пока что трудно сказать, что их усилия привели к каким-либо положительным результатам.

Любой из нас со школьных времён помнит фразу о том, что каждая наука лишь настолько наука, сколько в ней математики. На самом деле это не так. Каждая наука лишь настолько наука, насколько развита её прогностическая функция, другими словами, насколько эта наука позволяет «видеть будущее» и работает на него. Одной из главных проблем социально-экономической географии можно полагать то, что эта функция крайне слаба, если о ней вообще можно говорить. Экономико-географы блестяще объясняют прошлое и описывают настоящее, но будущего в экономико-географических работах практически нет. А если и есть, то характеризуется оно с экономических, социологических, экологических, политологических позиций, поскольку в огромном большинстве случаев имеет «внепространственный» характер.

Авторы далеки от мысли о том, что они первые, кого заинтересовала проблема прогноза в социально-экономической географии. Более полувека назад этими же вопросами задавались два классика географической научной мысли, расхоронившиеся между собой буквально во всём. Это Ю.Г. Саушкин и Л.Н. Гумилёв.

Ю.Г. Саушкиным в 1967 г. была написана статья «Прогноз в экономической географии» [1], не потерявшая своей актуальности до настоящего времени. Последними по времени выхода работами, опирающимися на разработанные Ю.Г. Саушкиным подходы к экономико-географическому прогнозированию, являются статьи В.Л. Бабурина «Ю.Г. Саушкин и географический прогноз» [2], а также А.П. Катровского

и В.Е. Шувалова «Юлиан Глебович Саушкин: творческое наследие и современность» [3], вышедшие в 2021 г. Прогноз в понимании Ю.Г. Саушкина – это прогноз чисто научный, не допускающий никаких «вольностей». Подобные подходы к прогнозированию социальных и экономических процессов проявляются в это время и в западной науке. Однако, как справедливо замечает В.Л. Бабурин, «зарубежные подходы были технологически более «математизированы», но по глубине охвата проблем работы Ю.Г. Саушкина и его последователей существенно глубже» [2, С. 36-37]. Тем не менее следует отметить, что каких-либо концепций именно географического, то есть пространственного, прогнозирования Ю.Г. Саушкин всё же не предлагал.

Воззрения и труды Л.Н. Гумилёва совершенно несходны с воззрениями и трудами Ю.Г. Саушкина. Научные взгляды этих учёных были прямо противоположными, что ярко проявилось в ходе дискуссии о «единстве географии» в 60-е годы [4]. Различия эти во многом объясняются их разным жизненным опытом. Ю.Г. Саушкин на протяжении практически всей своей деятельности был преподавателем Московского государственного университета. Его подходы к исследовательской деятельности отличались фундаментальностью и академичностью. Л.Н. Гумилёву довелось побывать заключённым и солдатом, экспедиционным рабочим и профессором Ленинградского государственного университета. Его отличала невероятная энциклопедичность знаний. Но основные научные достижения Л.Н. Гумилёва опирались не на фундаментальность и академизм, а на то, что можно назвать «озарением». Насколько можно судить по трудам Л.Н. Гумилёва, ему сначала приходили в голову казавшиеся первоначально совершенно невероятными идеи, а затем под эти идеи подводилась фактическая основа. Л.Н. Гумилёв никогда не писал о прогнозировании как таковом, однако начиная с середины 60-х годов XX в., большинство его трудов было посвящено проблеме эволюции этносов и природы, эволюция же предполагает не только описание происшедших изменений, но и предположения по поводу дальнейшего развития. Сам же Л.Н. Гумилёв утверждал, что его теоретические построения являются историко-географическими, и к современности, а тем более к будущему не применимы.

Однако на самом деле «пассионарная теория» Л.Н. Гумилёва представляет собой очень хороший инструмент для понимания как происходящих ныне процессов, так и прогноза будущих, поскольку с её помощью можно определять «временные рамки» разных стадий этногенеза и соответственно общественного развития в пределах тех или иных территорий: «При прочих равных условиях от момента пассионарного толчка ... до возвращения в новое состояние равновесия – гомеостаз – проходит около 1200-1500 лет...» [5]. Правда, следует отметить, что в попытках дать «сводное расписание» эволюции общества Л.Н. Гумилёв был далеко не первым. Так, в начале XX в. русский исследователь В.А. Мошков полагал, что циклы общественного развития продолжаются по четыреста лет, и делил каждый цикл на четыре части [6].

В основу «циклических» теорий общественного развития положен исторический принцип, в котором первично время, а пространство вторично. Для географии первичным является пространство. Экономико-географический прогноз, как и физико-географический, основывается на анализе развития пространственных систем. Первым шагом для такого анализа следует считать выявление самих пространственных систем. Для физической географии это проще, чем для экономической – возвышенности и низменности, водораздельные равнины и пойменные луга, природные зоны и высотные пояса (примеры можно продолжить) и т.д. обнаруживаются без больших усилий. Однако многие природные системы, например, тектонические, также скрыты от «непосредственного наблюдения» и выявляются с помощью полевых, геофизических, космических и подобных им методов исследования. Многие общественно-географические системы (например, путей сообщения и т.д.) также определяются легко, но выявление других (геодемографических, социальных и т.д.) сложно, иногда очень сложно. Развитие любой пространственной системы представляет собой процесс взаимодействия составляющих её частей относительно друг другу, и самой пространственной системы относительно других аналогичных систем. В любом географическом анализе ключевое значение имеют относительные показатели, хотя учёт абсолютных показателей также важен. Преимущественное внимание к использованию относительных показателей в социально-экономической географии можно считать главным её отличием от многочисленных «региональных» наук.

Основным методом прогнозирования является метод экстраполяции. Этот метод применим главным образом для анализа и прогноза внутренних процессов, происходящих в самой пространственной системе, то есть под воздействием процессов самоорганизации. Проблемы пространственной самоорганизации общества подробно разобраны в трудах В.А. Шупера (см., например, [7]). Если бы пространственные системы развивались только под действием процессов самоорганизации, то метода экстраполяции для прогнозов было бы вполне достаточно. Но все эти системы на любом пространственном уровне представляют собой части более крупных систем.

Процессы, происходящие в более крупных системах, для систем, входящих в их состав, можно определить, как внешние, соответственно в данном случае решающее значение будут иметь процессы организации, имеющей как пространственный, так и «внепространственный» характер. «Пространственный» характер имеет, например, изменение пространственной структуры производительных сил. Это очень важный фактор, который зачастую «выпадает» из рассмотрения географов. Так, например, формирование в последние десятилетия XX века «пояса нестабильности» от Балканского полуострова до Средней Азии, проходящего в том числе через территорию современной России (проблемы развития юга России с экономико-географической точки зрения подробно изучены А.Г. Дружининым [8]) можно связать со снижением значения входящих в него территорий в системе глобального разделения труда в связи со смещением производительных сил дальше к югу, в тропические и экваториальные страны. «Внепространственный» характер определяется действием политических, военных, экономических факторов, которое зачастую имеет скачкообразный, а иногда и близкий к катастрофическому характер. К «внепространственным» факторам следует отнести так же воздействие научно-технического прогресса, появление новых сфер деятельности и технологий производства. Эти факторы, к сожалению, зачастую никакому, в том числе географическому, прогнозированию не поддаются.

Большое значение имеет также теоретико-методологическая база экономико-географического прогноза. Одним из авторов данной статьи двадцать лет назад была предложена концепция коммуникационной среды [9; 10]. Эта концепция иногда используется экономистами (см., например, [11; 12]), но в социально-экономической географии она какого бы то ни было распространения не получила. Понятно, что прогноз пространственного развития мира, зарубежной Европы и России, который давался с применением этой концепции на рубеже XX – XXI веков, оправдался далеко не во всём. Но в отношении многих пространственных особенностей современного мира этот прогноз оказался верным. Представляется, что разработка концепций и подходов, позволяющих прогнозировать пространственное развитие общества, во-первых, должна стать одним из «столбовых» направлений развития социально-экономической географии, и, во-вторых, способствовать выходу социально-экономической (общественной, гуманитарной и т.д.) географии из нынешнего её незавидного состояния.

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда (проект № 23-27-10001).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Саушкин Ю.Г. Прогноз в экономической географии // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 1967. № 5. С. 39-45.
2. Бабурин В.Л. Ю.Г. Саушкин и географический прогноз // Региональные исследования. 2021. № 3 (73). С. 28-41. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-3
3. Катровский А.П., Шувалов В.Е. Юлиан Глебович Саушкин: творческое наследие и современность // Региональные исследования. 2021. № 3 (73). С. 5-13. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-1
4. Гумилёв Л.Н. По поводу «единой» географии: (Ландшафт и этнос: III) // Вестник Ленинградского университета). 1967. № 6, в. 1. С. 120-129.
5. Гумилёв Л.Н., Ермолаев В.Ю. Горе от иллюзий // Вестник высшей школы (Alma Mater). 1992. № 7-9.
6. Мошков В.А. Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики. Т. 1. Происхождение человека. Варшава, 1907. 239 с.
7. Shuper V.A. Self-organization at the break in the trajectory of socioeconomic development: challenges for Russia // Regional research of Russia. 2020. V. 10. Issue 3. P. 344-351. DOI: 10.1134/S2079970520030120
8. Дружинин А.Г. Российский Юг: подходы и критерии делимитации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2022. Т. 8. № 2. С. 3-13.
9. Мартынов В.Л. Коммуникационная среда и региональное развитие России. СПб.: Гидрометеиздат. 2000. 159 с.
10. Мартынов В.Л. Коммуникационная среда мира и общественное развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 1. С. 27-33.
11. Дружинин П.В. Рост агломераций и эффективность экономики // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 3 (70). С. 149-156. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-149-156/
12. Дружинин П.В. Концентрация ресурсов в Москве: влияние на экономику Центрального федерального округа // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 3. С. 115-140. DOI: 10.14530/se.2022.3.115-140.

FORECASTING IN SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY: BASIC APPROACHES, METHODS AND CONCEPTS

Abstract. *The most important function of science is prognostic. In socio-economic geography, this function is poorly developed, although the first works in this direction appeared in the 60s of the XX century. The economic and geographical forecast, as well as the physical and geographical one, should have a spatial character. There is a need for wider use of existing concepts of spatial development of society, as well as the creation of new ones simultaneously with the development of methods and approaches of economic and geographical research that make it possible to predict the spatial transformation of society.*

Keywords: *Socio-economic geography, forecast, approach, method, concept.*

УДК 332

Мошков А.В.

*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
г. Владивосток*

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В работе рассматриваются особенности дифференциации территориально-отраслевой структуры Евразийского пространства Российской Федерации в разрезе федеральных округов. Приводятся расчеты обобщенной характеристики различий в структуре экономики федеральных округов с помощью индекса В. Рябцева. Отмечены особенности сложившейся территориально-отраслевой структуры экономики, обусловленные действием совокупности благоприятных и негативных факторов (географических, природно-ресурсных, демографических, социально-экономических, геополитических).*

Ключевые слова: *Евразийское пространство, структура валовой добавленной стоимости, федеральные округа, виды экономической деятельности, структурные различия, валовой региональный продукт на душу населения, доходы населения.*

Введение. Понятие «Евразия», как особый исторический, этнический и культурный ареал, отличается имманентными природно-ландшафтными, политико-территориальными и этническими характеристиками. [2]. Особенности территориально-отраслевой структуры экономики, формирующейся в пределах Евразийского пространства на территории федеральных округов Российской Федерации, возникают под воздействием совокупности благоприятных и негативных социально-экономических, природно-ресурсных, демографических и геополитических факторов и условий [1; 4].

В пределах Северо-Европейской части Евразийского пространства выделяются следующие федеральные округа – Северо-Западный, Центральный, Приволжский и Уральский, где ведущими факторами формирования и развития структуры экономики выступают значительный научно-производственный потенциал, развитая инфраструктура, высококвалифицированные трудовые ресурсы, наличие разнообразного природно-ресурсного потенциала (отдельные компоненты которого значительно выработаны за длительное время использования). Для Северо-Западного округа характерно также и выгодное экономико-географическое положение в Балтийском и Баренцевом трансграничных регионах.

Кроме этого, в Европейской части можно выделить и Южно-Европейский сегмент Евразийского пространства России, где расположены Южный и Северо-Кавказский округа. Благоприятные факторы развития экономики – выгодное экономико-географическое положение (ЭГП) между Прикаспийским и Черноморским трансграничными морскими бассейнами, значительный демографический и природно-ресурсный (в том числе рекреационный) потенциалы.

Азиатская часть Евразийского пространства представлена наиболее крупными по размеру территории федеральными округами – Сибирским и Дальневосточным, где важнейшими факторами формирования структуры экономики выступают: богатый и во многом слабоосвоенный, природно-ресурсный потенциал, выгодное ЭГП относительно ведущих мировых центров Азиатско-Тихоокеанского региона, при слабой инфраструктурной освоенности территории и низкой плотности населения.

Материалы и методы. Для оценки структурных различий в экономике Российской Федерации нами была проанализирована сложившаяся пространственная дифференциация федеральных округов по видам экономической деятельности за 2019 г. (табл. 1).

При анализе сложившихся пространственных различий в структуре экономики федеральных округов важно получить обобщенную характеристику этих различий. Для этого может быть использован индекс В.

Рябцева [3; 4], поскольку значения этого показателя существенно не зависят от числа градаций структур, что особенно важно, учитывая значительную дифференциацию структуры экономики федеральных округов Российской Федерации.

Таблица 1

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости, произведенной в федеральных округах Российской Федерации в 2019 г. (в текущих ценах, % к итогу)

Виды экономической деятельности	Российская Федерация	Федеральные округа							
		Центральный	Северо-Западный	Приволжский	Уральский	Южный	Северо-Кавказский	Сибирский	Дальневосточный
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство	4,1	3,0	2,8	5,7	1,6	9,3	14,1	4,2	5,4
Добыча полезных ископаемых	13,5	0,8	7,3	15,7	44,1	5,9	0,6	17,7	28,7
Обрабатывающие производства	16,8	18,0	18,3	21,9	13,3	13,8	7,3	21,1	4,8
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; водоснабжение и пр.	3,5	3,3	3,7	3,6	3,0	3,5	3,2	4,0	3,5
Строительство	5,4	4,7	4,7	5,7	6,0	6,2	10,7	4,6	6,8
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	14,2	22,0	11,8	10,9	6,0	13,6	15,8	9,3	9,2
Деятельность гостиниц и предприятий общепита	1,0	0,9	1,1	0,9	0,6	2,0	3,0	0,8	1,0
Транспортировка и хранение; деятельность в области информации и связи	10,3	11,3	13,6	8,1	7,0	11,8	7,2	9,8	12,0
Деятельность финансовая и страховая	0,5	0,9	0,4	0,2	0,1	0,2	0,1	0,2	0,1
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	10,0	12,0	12,8	9,2	5,3	11,9	10,0	8,4	6,3
Деятельность административная; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	7,9	5,9	8,7	6,5	4,9	8,7	12,0	8,1	10,5
Деятельность профессиональная, научная и техническая	2,3	6,7	4,8	3,2	2,7	2,5	1,1	2,7	1,9
Образование	3,0	2,6	3,2	3,1	2,0	3,4	6,0	3,5	3,7
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; культура, спорт и пр.	5,0	4,7	6,3	4,8	3,2	6,5	8,3	5,1	5,7
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; прочие	2,5	3,2	0,5	0,5	0,2	0,7	0,6	0,5	0,4

Источник: [5].

Результаты и их обсуждение. В результате действия совокупности благоприятных и негативных факторов на экономику федеральных округов, сформировались особенности их отраслевой структуры валовой добавленной стоимости. Например, под влиянием природно-ресурсных факторов в структуре Уральского, Сибирского и Дальневосточного макрорегиона отмечается высокая доля такого вида деятельности, как добыча полезных ископаемых. Выгодное ЭГП Северо-Западного, Сибирского, Южного и Дальневосточного округов, объясняет высокую долю в их структуре транспорта и связи. Наличие высококвалифицированных трудовых ресурсов и значительного научно-производственного потенциала, характерно для структуры Приволжского, Северо-Западного и Центрального округов (рис. 1).

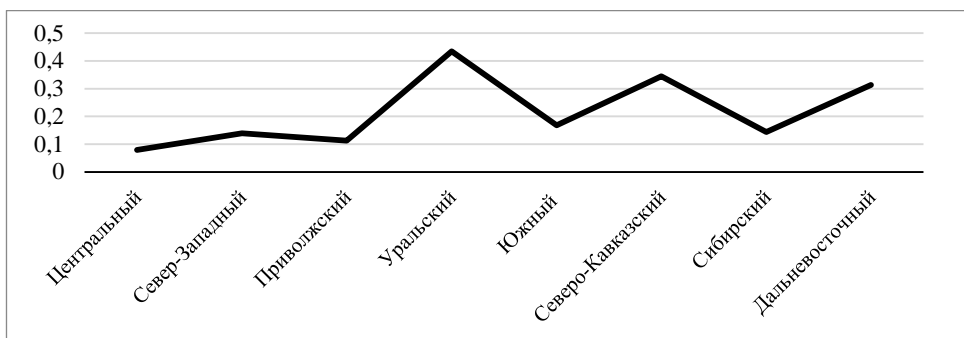

Рис. 1. Уровни различия отраслевой структуры валовой добавленной стоимости федеральных округов Евразийского пространства России (по Рябцеву), на 2019 г. Рассчитано по: [5]

Отраслевая структура Европейского сегмента Евразийского пространства России (Центральный, Северо-Западный, Приволжский округа), отличается низким уровнем различия от отраслевой структуры Российской Федерации в целом. В первую очередь, за счет высокой доли обрабатывающих производств и отраслей инфраструктуры. В тоже время, в структуре Уральского округа отмечается значительный уровень различия от структуры экономики Российской Федерации в целом, что обусловлено высокой долей видов деятельности, занятых добычей полезных ископаемых. По этому показателю, структура Уральского округа ближе к Азиатским регионам Евразийского пространства России.

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости южного сегмента Евразийского пространства России – округа Южный и Северо-Кавказский, при сравнении со отраслевой структурой Российской Федерации в целом, отличается высоким уровнем различия (Южный – характеризуются как «существенный» и Северо-Кавказский – «значительный»). Это объясняется наличием в их отраслевой структуре более высокой, чем в среднем по Российской Федерации, доли сельского хозяйства, строительства и значительно низкой – промышленных видов деятельности (добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства).

Отраслевая структура экономики Азиатского сегмента Евразийского пространства (Дальневосточного округа) отличалась значительным уровнем отличия от отраслевой структуры Российской Федерации в целом. В Сибирском округе, наоборот, показатель отличия от структуры экономики Российской Федерации в целом характеризовался как «низкий» (наряду с округами, расположенными в Европейских сегментах Евразийского пространства России).

Выводы. В Евразийском пространстве России, в целом, различия в отраслевой структуре экономики возрастают от центра к его окраинам (в южном сегменте и восточном Азиатском), а также при переходе от Европейского сегмента к Азиатскому.

Федеральные округа, расположенные в Европейских сегментах (Северно-европейский Южно-европейский) Евразийского пространства, обладают структурой более близкой к структуре Российской Федерации в целом, чем восточная часть Азиатского сегмента (Дальневосточный Федеральный округ). Прежде всего, различия вызваны действием совокупности факторов, обуславливающих высокую долю в структуре валовой добавленной стоимости экономики округов добывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, транспорта и связи, инфраструктурных видов деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Структурные трансформации хозяйства в Тихоокеанском регионе России // Экономика региона. 2016. № 2, Т. 12., вып. 1. С. 46-63.
2. Дружинин А.Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2020. 268 с.
3. Зарова Е.В., Чудилин Г.А. Региональная статистика: учебник. М.: Финансы и статистика, 2006. 624 с.
4. Мошков А.В. Пространственные особенности территориально-отраслевой структуры экономики федеральных округов Российской Федерации // Естественные и технические науки. 2018. № 6 (120). С. 64-70.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021. Стат. сб. М.: Росстат, 2021. 1112 с.

Anatoly V. Moshkov

Pacific Geographical Institute of the FEB RAS, Vladivostok

TERRITORIAL AND SECTORAL STRUCTURE OF THE EURASIAN SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The paper examines the features of differentiation of the territorial and sectoral structure of the Eurasian space of the Russian Federation in the context of federal districts. Calculations of generalized characteristics of differences in

the structure of the economy of federal districts using the V. Ryabtsev index are given. The features of the current territorial and sectoral structure of the economy are noted, due to the action of a combination of favorable and negative factors (geographical, natural resource, demographic, socio-economic, geopolitical).

Keywords: *Eurasian space, structure of gross value added, federal districts, types of economic activity, structural differences, gross regional product per capita, income of the population.*

УДК 332.1

Суслов Н.И., Исупова Е.Н., Иванова А.И.

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН,
г. Новосибирск*

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Аннотация. *В статье рассматривается влияние этно-лингвистического разнообразия на темпы экономического роста в регионах РФ. Полученные эмпирические результаты подтверждают, что этническое разнообразие поддерживает экономический рост в российских регионах и что значимость политики перераспределения средств с целью выравнивания доходов населения усилилась, особенно в национальных и многоэтнических регионах.*

Ключевые слова: *этно-лингвистическое разнообразие, экономический рост.*

Вопросам взаимного влияния этнического разнообразия и экономического развития, в рамках направления социально-экономических исследований, сформировавшегося за последние 25 лет, посвящено уже большое количество научных работ. За последнее десятилетие появился ряд статей, посвященных российской экономике. Исследовались разные сферы экономической жизни, включая экономический рост и гетерогенность населения в аспектах этнического, лингвистического, религиозного разнообразия, с которыми, как правило, связываются и культурные различия.

Авторами признается, что культурные, лингвистические и религиозные различия могут влечь за собой издержки для общества, связанные с преодолением недоверия и непонимания, возникновение различного рода конфликтов, что, в конечном итоге, может сказаться на производительности труда в коллективах, снижении инвестиционной активности и торможении экономического роста и даже перманентной стагнации [1]. Однако, в то же время взаимопроникновение культур, дополнение компетенций людей и взаимное обучение – есть ресурс развития и может способствовать экономическому росту. Такую двойственность этнического разнообразия отмечают Альберто Алесина и Элиана Ла Феррара [2]: «Конфликт предпочтений, расизм, предубеждения часто приводят к действиям, которые оказываются субоптимальными с позиции общества в целом, к подавлению меньшинств, что может вызвать гражданские войны или, по крайней мере, разрушительные процессы, связанные с политической нестабильностью. Но этническое смешение также предоставляет разнообразие в возможностях, накопленном опыте, культуре, что может оказаться производительным и обеспечивать инновации и созидание. США есть впечатляющий пример такого «плавильного котла» расовых различий».

В данной работе для объяснения воздействия этнического разнообразия на экономический рост используется простая модель разнообразия, построенная как дополненная модель Таллока [3]. В указанной модели каждый агент имеет единицу ресурса и решает, использовать ли ее для производства продукта или для осуществления деятельности, направленной на присвоение ренты, которая создается этими же агентами в процессе производственной деятельности. Здесь понятие ренты включает, очевидно, часть природной ренты, а также административную ренту, все ресурсы и доходы, распределяемые в обществе в результате нерыночных, зачастую скрытых торгов, которые мы называем «ренто-ориентированная деятельность», относящаяся к сфере перераспределения. Полученное решение как равновесие Нэша затем «используется» гипотетическим социальным регулятором (с англ. «social planner») для постановки задачи максимизации общего дохода в экономической системе в зависимости от параметра разнообразия – числа участвующих групп населения. Стоят ли за действиями социального регулятора реальные силы, устремляющие систему к оптимуму по разнообразию, пока не обсуждается. Однако само понятие оптимального разнообразия как решения задачи в явном виде может быть использовано в экономическом анализе, что мы и попытались сделать.

В исследовании мы строим панельные модели роста для 82 субъектов федерации России, используя данные об уровне этнической гетерогенности (рассчитываем индекс этнолингвистической фракционализации) на основании переписей населения за 2002 и 2010 гг. с добавлением к классическим регрессорам переменных качества институтов в регионах РФ. Полученные эмпирические результаты под-

тверждают, что этническое разнообразие поддерживает экономический рост. Кроме того, в нашей работе мы показываем, что эластичности темпов роста по начальному уровню разнообразия различаются по регионам и периодам времени и зависят как от самих индексов этнолингвистической фракционализации, так и от начального уровня дохода на душу населения в регионе. С позиции теоретической модели можно сделать вывод о существовании оптимального уровня этнического разнообразия, поддерживающего экономический рост, а также о том, что данный уровень, определяемый параметрами толерантности населения к представителям других этносов, не достигнут ни в одном из российских регионов.

Анализ проведен для двух периодов времени – 2003-2010 гг. и 2011-2018 гг. Он продемонстрировал усиление значимости воздействия этнического разнообразия на экономический рост в российских регионах. На основе полученных оценок мы также демонстрируем, что значимость политики перераспределения средств с целью выравнивания доходов населения усиливается, особенно в национальных и многоэтнических регионах. На фоне повышения значимости политики выравнивания доходов мы предполагаем рост степени толерантности этнических групп друг к другу.

Рассмотрение эмпирических результатов через призму теоретической модели позволяет сформулировать определенные выводы, полезные для формирования экономической политики для принятия практических мер в сфере распределения средств, формирования поведения агентов экономики. Во-первых, можно заключить, что политика выравнивания доходов региональных бюджетов и домашних хозяйств, включая поддержку национальных и многоэтнических юрисдикций, проявляла себя положительно, что оказалось особенно важным на фоне общего ухудшения финансового обеспечения после экономического кризиса 2009 г. Соответственно, на наш взгляд, такая политика должна сохраняться и далее. Во-вторых, важное значение имеет масштаб теневой перераспределительной деятельности: чем он выше, тем больше вычета из объема общих усилий требует обеспечение такой деятельности, соответственно, снижается полезный продукт, производимый обществом. Следовательно, эффективными будут все меры, направленные на снижение доли теневой экономики, которая достигает в России больших размеров [4]: снижение нагрузки на бизнес; стимулирование частных инвестиций; повышение качества предоставляемых государством общественных благ и рост доверия к нему со стороны экономических агентов и населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Easterly W., Levine R. Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions. *Quarterly Journal of Economics*. 1997, Vol. 112, No. 4, pp. 1203-1250. <https://doi.org/10.1162/003355300555466>.
2. Alesina A., La Ferrara E. Ethnic Diversity and Economic Performance. *Journal of Economic Literature*. 2005, Vol. XLIII, pp. 762-800.
3. Tullock G. *The Politics of Bureaucracy* – Washington: Public Affairs Press, 1965. 228 p.
4. Сулов Н.И., Мельтенисова Е.Н. Анализ воздействия роста цен энергии на размеры теневой экономики в странах мира // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3 (27). С. 12-43.

Nikita I. Suslov, Ekaterina N. Isupova, Anastasia I. Ivanova
Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk

ETHNIC DIVERSITY AND ECONOMIC GROWTH IN THE REGIONS OF RUSSIA

Abstract. *The article examines the impact of ethno-linguistic diversity on the rate of economic growth in the regions of the Russian Federation. The empirical results obtained confirm that ethnic diversity supports economic growth in Russian regions and that the importance of the policy of redistribution of funds in order to equalize incomes of the population has increased, especially in ethnic and multi-ethnic regions.*

Keywords: *ethno-linguistic diversity, economic growth.*

УДК 327

Тулохонов А.К.

*Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ*

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РИСКИ, ПРОБЛЕМЫ, ВЫВОДЫ

После февраля 2022 г. Россия вступила в принципиально новый исторический этап жестокой конфронтации с коллективным Западом, в котором у нее есть единственный выход - победа в защите своих жизненных интересов. Однако для этого необходимы определенные условия и прежде всего, выявить истоки и причины специальной военной операции (СВО) на Украине, а более всего прогнозировать геополити-

тические и социально-экономические следствия, ближние и дальние перспективы развития страны после завершения СВО, а войны рано или поздно кончаются.

В первую очередь предстоит оценить результаты военных действий на всей прифронтовой полосе, масштабы восстановительных работ и разработать планы вхождения экономики новых российских регионов в структуру народного хозяйства России. При этом необходимо в равной степени учитывать прежнюю экономическую специализацию всей Новороссии и возможность создания новых экономических региональных связей.

После более чем года военных действий становится понятно, что военным руководством России допущены стратегические и тактические ошибки в оценке военного потенциала противника. Из опыта военных действий во время Великой Отечественной войны мы помним, как за один год фашисты были отброшены на сотни километров от Сталинграда и Москвы, освобождены многие районы Нечерноземья, а к 1944 г. советские войска уже вышли к государственной границе. Между тем, за год с лишним после начала СВО до сих пор продолжаются артиллерийские обстрелы Донецка, Луганска, а нацисты даже вторгаются на территорию Белгородчины. И мятеж ЧВК «Вагнер» говорит о том, что не все гладко в «датском королевстве».

Принципиально важно отметить недостатки идеологической и информационной составляющей СВО. Как известно только в правде сила. Однако в официальных сообщениях Министерства обороны освещаются только количественные параметры российских достижений в уничтожении националистов, а как известно, что в любой войне не бывает потерь только с одной стороны. В той же войне голос Левитана ежедневно говорил не только о победах, но и о потерях советских войск и народ верил ему, а сегодня он все больше слушает иные «голоса». Хотя, как говорил Александр Третий: «Если нас ругает Запад, значит мы все делаем правильно»

Мы категорически проигрываем информационную войну. История свидетельствует, о том, что любую патриотическую идеологию можно сформировать за сравнительно небольшой отрезок времени. Именно так был воспитан советский комсомол и пионерия уже к началу Великой Отечественной войны. За тридцать лет после распада СССР на Украине возродилась убежденная нацистская молодежь с русофобскими лозунгами. Между тем, в российской Конституции утверждается, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст.13). Соответственно патриотическое воспитание молодежи свелось пока только к пению гимна и подъему флага в школах. Эти результаты рельефно проявились в результатах мобилизации прошлого года и оттоке призывников. И вряд ли с таким воспитанием, кто-то будет повторять подвиг Матросова или ринется защищать собственность олигархов. Можно быть уверенным и в том, что даже с самым новейшим вооружением без патриотов в современной войне победить не возможно.

Наши современники очень плохо знают историю, а противники тем более. Для них должен быть подготовлен видеоряд памятников на Бородинском поле. На его главном обелиске высечены слова: «Европа оплакивает падение храбрых сыновей на полях Бородинских. Генералов убито 3, ранено 30. Воинов до 20 000 чел., ранено 40 000 чел». Рядом еще одна мемориальная доска о тех, воинах с которыми пришел с Наполеоном и уже не вернутся домой: «Франция, Италия, Неаполь, Австрия, Бавария, Вюртембергия, Саксония, Вестфалия, Пруссия, Голландия, Испания, Португалия, Польша, Швейцария, Германский Союз. Всех 20 языков. Вывели из строя пехоты 145 тыс.чел., конницы 40000, орудий 1000». На третьей доске отмечается: «Москва занята неприятелем 2 сентября 1812 г. Александр Первый вступил в Париж 19 марта 1814 г».

Вот краткая история и учебник для тех, те кто приходит к нам с мечом. Необходимо для всех российских школьников экскурсию на Бородино сделать обязательной, а также издать краткий учебник по истории вражеских походов на Русь с времен польских шляхтичей, шведов под Полтаву, турок на Азов, Наполеона на Москву, французов в Крымской войне 1854г. и немцев в Первую и Вторую мировые войны. История должна чему-то их учить.

Идет отечественная война в которой участвуют все народы большой России. И я на всех уровнях обсуждения отмечаю, что Селенгинский полк из Бурятии участвовал в победе над Наполеоном, бил англичан и французов в Крымской войне. Его имя выбито на памятниках на Бородинском поле, на стене Смоленского Кремля, в Георгиевском зале Кремля, а его потомки защищали Москву в декабре 1941 г. в составе 93-й Восточно-Сибирской дивизии и почти полностью погибли у деревни Кузовлево и захоронены на этом мемориале.

И теперь о чеченцах и бурятах, участвующих в СВО знает даже и Папа Римский, а мое открытое письмо украинскому коллеге - академику Руденко «зачем вы к нам пришли» известен всем моим землякам на фронте. И я уверен, что Россия будет жить, пока защищают все ее народы.

В учебниках военной географии отмечается, что при любых военных действиях, прежде всего, необходимо составить кадастр наиболее уязвимых техногенных объектов как с нашей, так и со стороны противника, которые имеют стратегическое значение для жизнеобеспечивающих отраслей экономики. В первую очередь должны быть поражены все вражеские транспортные и энергетические центры и защищены свои. Удивительно, что при наших возможностях еще существуют на Украине аэродромы, с которых взлетают самолеты противника, на линии фронта появляются «Леопарды», видные на любых космоснимках, работает Интернет и телевидение. Может кому-то это надо?

Однако СВО и западные санкции не должны закрывать глаза на другие наши проблемы. Между тем, с точки зрения политической географии на других российских границах назревают новые социальные процессы, которые в потенциале могут спровоцировать аналогичные или более разрушительные военные столкновения.

В контексте событий, происходящих на Украине, особую актуальность представляет изучение политических и социальных процессов, происходящих в Средней Азии, где на протяжении более 7 тыс. км. Россия граничит с мусульманским Востоком, в котором, как и на Украине, все больше активизируются сепаратистские и националистические процессы. Как известно в политике и экономике не бывает друзей, а есть только собственные интересы и поведение руководителей многих стран СНГ подтверждает этот тезис. В равной степени не стоит ожидать благодарности на любую поддержку наших соседей.

Как отметил З.Бжезинский, в перспективе США надеются здесь создать «Евразийские Балканы» по старому сценарию, который по своим следствиям может быть значительно масштабнее украинского конфликта. А как известно его прогнозы имеют привычку сбываться. А это «мягкое подбрюшье» Азиатской России» и здесь любые политические потрясения напрямую угрожают самому существованию Российского государства и ее расчленению на составные части или тому, о чем так мечтают наши недруги.

На восточном фланге границ Азиатской России расположена Монголия, имеющая исторически близкие отношения с Россией. Однако официальный визит Макрона, папы Римского и другие последние события сближения интересов руководства этой страны с Западом также внушают опасения для российской геополитики. Руководство Монголии отклонило приглашение на празднование 9 мая, хотя вклад Монголии в Победу над фашизмом не менее важен, чем поставки по ленд-лизу. А мы помним, что именно с победы на Халхин-Голе начиналась Вторая мировая война. И здесь смыкаются общие интересы России, Китая и Монголии против милитаристской Японии, которая вновь угрожает нашему Дальнему Востоку.

В свете этих событий следует отметить, что в России нет ни одного монументального памятника победе во Второй мировой войне и в том числе над Японией, который одновременно должен отражать заслуги Забайкальского фронта и водружен на стыке границ наших трех стран. Нет такого памятника и на Поклонной горе, где есть монументы всем другим фронтам победившим фашизм.

Следует отметить, что современные геополитические процессы на наших границах во многом повторяют события перед Великой Отечественной войной, когда Советский Союз был в окружении недружественных стран и также не был готов к войне. Однако в преддверии той войны руководство страны в годы первых пятилеток создало необходимый тыл. Только благодаря политической воле руководства страны и патриотизму почти «голыми руками» были построены авиационные заводы в Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ, Комсомольск на Амуре, в Арсеньеве. Появилась Магнитка, Кузбасс, Норильск, начался БАМ, добывалось золото Магадана.

Между тем, западные санкции неизбежно приведут к смещению новых промышленных и аграрных кластеров на восток, к новым рынкам сбыта. И здесь главная задача - это сохранение существующего населения и привлечение дополнительных трудовых ресурсов за счет создания новых правовых, экономических механизмов. При этом не может оплата труда в Сибири, при равных условиях, быть меньше, чем в столице.

И это далеко не полный перечень проблем, возникающих в связи с событиями СВО и противодействием коллективному Западу. И вместе с тем такой системный взгляд на все российское приграничье позволяет сделать вывод о необходимости научного обсуждения и обоснования роли академической науки в разработке федеральной программы под условным названием «Россия после специальной военной операции на Украине: истоки, риски, проблемы и решения». И наука, имея необходимое поручение руководства страны, должна и может дать ответ на все поставленные задачи. Нельзя в темной комнате на ощупь искать несуществующую черную кошку.

SPECIAL MILITARY OPERATION AND NEW CHALLENGES FOR RUSSIA:
RISKS, PROBLEMS, CONCLUSIONS

УДК 911.3:332(470+476)

Федоров Г.М.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград

О РОЛИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ»

Аннотация. В условиях продолжающейся усиливаться конфронтации между Россией и странами Запада стала нереализуемой сформулированная в начале 2000-х гг. стратегия развития Калининградской области как региона сотрудничества между РФ и ЕС. Оцениваются возможности включения области в формирующуюся стратегию «Большой Евразии».

Ключевые слова: Большая Евразия, Калининградская область, региональная стратегия.

Российский эксклав на Балтике – Калининградская область – благодаря своему географическому положению мог стать «регионом сотрудничества» между Россией и ЕС. Соответствующая стратегия регионального развития была утверждена в 2003 г. [1]. Хотя в 2007 г. ее сменила стратегия, в которой обращалось внимание на негативные следствия расширения в 2004 г. НАТО и ЕС, задачи интеграции области в Балтийский макрорегион оставались одними из приоритетных. В измененной стратегии говорилось о превращения области «в эффективный плацдарм реализации российской национальной стратегии в Европе в целом, и на Балтике в частности» [2].

С введением в 2014 г. Евросоюзом антироссийских санкций сотрудничество России и ЕС, в том числе на Балтике (где оно было особенно развито), по инициативе западных стран стало свертываться. А в 2022 г. совершенно прекратилось, за исключением торговли, объемы которой, снижавшиеся и ранее, сильно уменьшились. В таких условиях прежние идеи об образовании трансграничного региона, включающего Калининградскую область и соседние регионы Польши и Литвы, о создании биполярной территориальной системы городов «Калининград – Трехградье» [3] (и даже триполярной системы, с включением также литовской Клайпеды [4]), стали нереализуемыми. Да и сама идея включения в «Большую Евразию» ее запада, где расположены страны ЕС, если и может быть осуществлена, то только в отдаленном будущем. Так что предлагавшийся автором ранее проект включения Калининградской области (вместе с соседями по трансграничному региону) в широтные трансевразийские маршруты [5] также пока несвоевременен.

Каков же выход из сложившегося, весьма сложного для эксклавной области, геоэкономического положения? Не формировать же здесь автаркический, «самодостаточный» хозяйственный комплекс или исключительно «военный форпост» (о котором в свое время писал С. Шахрай [6]). Хотя существенные элементы того и другого в региональной стратегии должны присутствовать как обеспечение экономической безопасности региона и военно-политических интересов России.

Полагаем, что, во-первых, область следует рассматривать не саму по себе, а в рамках перспективной для реализации социально-экономической системы «Санкт Петербург и Ленинградская область – Калининградская область» [7, 8]. Тогда три балтийских региона России могут стать выходом «Большой Евразии» в Атлантику, к странам Латинской Америки и Африки. Пока же взаимные социально-экономические связи между восточной и западной частями этой системы не слишком тесны. Но в рамках ее формирования возможно создание межрегиональных отраслевых и межотраслевых кластеров в судостроении, рыбопромышленном комплексе, IT-индустрии, автомобилестроении, в образовании, здравоохранении, туризме и рекреации [10].

Во-вторых, как показал опыт функционирования в области комплекса «Содружество Соя», перерабатывающего сырье из Бразилии и Парагвая и поставляющего растительное масло и шрот (соевый жмых, используемый кормопроизводстве) в другие регионы страны и за рубеж, для развития экономики области весьма эффективны хозяйственные связи с дружественными странами. В области может использоваться и другое сырье, которым располагают эти государства. Они же являются, и в еще большей мере могут являться, и импортерами других видов производящейся в регионе продукции. Возможно и расширение районов промысла рыбы и морепродуктов в их экономических зонах.

В-третьих, упрочиваются экономические связи внутри Евразии с Белоруссией и ее областями, со странами Азии. Поставщиком узлов и деталей для сборки автомобилей может стать Китай. Для Индии на Прибалтийском судостроительном заводе в Калининграде построены и продолжают строиться фрегаты, и подобные связи также могут расширяться. Развивается сотрудничество торгово-промышленных палат области и Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Таджикистана.

Прежние расчеты на развитие сотрудничества со странами Запада, сказавшиеся на сильной зависимости обрабатывающей промышленности (а отчасти и сельского хозяйства) от поставок товаров их ставших недружественными стран, негативно повлияли на развитии калининградской экономики в 2022 г., когда 60 % прежних поставок оказались под незаконными санкциями (правильнее: рестрикциями) ЕС. Обрабатывающая промышленность области в 2022 г. произвела продукции только 80,5 % от уровня 2021 г. (РФ – 98,7 %). Особенно пострадали развитые в области и зависящие от импорта производства автотранспортных средств (в 2022 г. их выпуск составил 30,4 % от уровня 2021 г.), мебели (56,1 %), бытовых приборов (59,2 %), компьютеров, электронных и оптических изделий (63,2 %) [11].

При этом возрос выпуск товаров, менее зависящих от импорта из недружественных стран: пищевой продукции, лекарственных средств, резиновых и пластмассовых изделий, ряда стройматериалов и др. [11]. Усилилась реструктуризация внешнеторговых связей путем замены ненадежных торговых партнеров [12]. Так, на крупнейшем в области предприятии «Автотор», уже началось производство автомобилей на основе поступающих по Транссибу комплектующих из Китая [13].

В-четвертых, евразийская интеграция предоставляет новые возможности развития туризма на российской Балтике, в том числе в Калининградской области, со все более широким привлечением туристов не только из Европейской части страны, но и из восточных российских регионов, а затем из Китая и стран Центральной Азии.

В-пятых, уже активно развивается сотрудничество между калининградскими университетами и вузами Белоруссии, Китая, Казахстана и Средней Азии, ведется подготовка кадров для Индии, Китая, африканских стран.

Можно утверждать, что совершенствование отраслевой структуры экономики, реструктуризация внешних связей и развитие кооперации с другими российскими регионами, включение балтийских регионов России (включая Калининградскую область) в широтные евразийские маршруты с выходом в Атлантику, обеспечит решение проблем экономического развития области в рамках общей стратегии развития Большой Евразии.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФ №22-27-00289 «Обоснование реструктуризации международных связей и мер обеспечения военно-политической безопасности российских регионов на Балтике в условиях углубления геополитических противоречий».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление администрации Калининградской области от 15 июля 2003 года № 392 «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469726126?marker> (дата обращения: 20.01.2023).
2. Постановление правительства Калининградской области от 7 марта 2007 г. № 95 «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на средне- и долгосрочную перспективу». [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469731701> (дата обращения: 20.01.2023).
3. Пальмовский Т. Новая Балтийская биполярная модель межрегионального сотрудничества // Вестник Калининградского гос. ун-та. Сер. Регионоведение. 2004. Вып. 6. С. 66-75.
4. Одинг Н.Ю., Федоров Г.М. Активизация российского участия в трансграничном сотрудничестве на Балтике // Вестник РГУ им. И.Канта. Сер. Экономические и юридические науки. 2009. № 3. С. 63-69.
5. Федоров Г.М. Проект «Большая Евразия» среди факторов развития эксклавной Калининградской области // Вестник БФУ им. И. Канта. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 35-48.
6. Шахрай С. Калининград – Кенигсберг – Кролевец ... // Независимая газета, 1994, 26 июля.
7. Анохин А.А., Федоров Г.М. О формировании регионов – международных коридоров развития в западном зарубежье России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2019. Т. 64, № 4. С. 545-558.
8. Федоров Г.М. Калининградские альтернативы: 25 лет спустя. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. 315 с.
9. Ивченко В.В. Программно-стратегическое развитие приморского региона России: теория, методология, практика. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2003. 207 с.
10. Федоров Г.М., Волошенко К.Ю., Жданов В.П. Стратегия развития и экономическая безопасность Калининградской области. Аналитический доклад / под ред. А.П. Клемешева, Г.М. Федорова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022.

11. Индекс производства (оперативные данные) (ОКВЭД2). [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57806ЕМИСС> (дата обращения: 27.01.2023).

12. Федоров Г.М., Новикова А.А. Реструктуризация внешних торговых связей Калининградской области (2014-2022). Аналитический доклад. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022.

13. «Автотор» начал собирать китайские автомобили // Ведомости, 2023. 30 января. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/01/30/960958-avtotor-kitaiskie-avtomobili> (дата обращения: 30 января 2023).

Gennady M. Fedorov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

ON THE ROLE OF THE KALININGRAD REGION IN THE IMPLEMENTATION OF THE GREATER EURASIA PROJECT

Abstract. *In the context of the continuing confrontation between Russia and Western countries, the strategy for the development of the Kaliningrad region as a region of cooperation between the Russian Federation and the EU formulated in the early 2000s has become unrealizable. The possibilities of including the region in the emerging strategy of "Greater Eurasia" are being assessed.*

Keywords: *Greater Eurasia, Kaliningrad region, regional strategy.*

УДК 911.3; 338.4

Чистобаев А.И.

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург

МЕДИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ: ОПЫТ И РЕЗУЛЬТАТЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ РАЗРАБОТОК

Аннотация. *Представлены основы медико-географического менеджмента в здоровьесбережении населения российских регионов. Раскрыты подходы к интегральной оценке состояния и динамики общественного здоровья, к обеспечению взаимодействия власти и бизнеса в развитии сферы здравоохранения, включая медицинский туризм.*

Ключевые слова: *медицинская география, общественное здоровье, региональная среда, регионы России, органы власти и бизнеса, медицинский туризм.*

Введение. В Указах Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 (ред. от 15.03.2021 г.) «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» и от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2030 года» определены приоритетные направления научно-технологического развития страны, к числу которых отнесено и здоровьесбережение, а в качестве первоочередной цели и стратегической задачи названо сохранение населения, здоровье и благополучие людей. Эти приоритеты научно-технологического развития, отвечающие на большие вызовы, актуализируют научные исследования, в том числе и в области медицинской географии.

Перечень авторских проектов по здоровьесбережению. В рамках государственного задания СПбНЦ РАН по фундаментальным научным исследованиям (№ 42/15 2015) выполнен проект «Влияние городской среды на качество жизни населения: теория и методология» (руководитель), опубликована монография [1]. По гранту РФФИ № 18-05-00328 «Теория и методология интегральной оценки состояния здоровья населения в изменяющихся социально-экономических условиях жизни» (руководитель) разработаны методология и методика математического моделирования динамики состояния общественного здоровья в условиях информационного дефицита. При выполнении грантов РФФИ № 19-05-00104 «Пространственно-временные особенности и закономерности развития медицинского туризма на глобальном и региональном уровнях организации системы здравоохранения» (исполнитель) и № 19-45-22-0009 «Разработка теоретико-методологических основ развития и механизма управления лечебно-оздоровительного туризма в природно-общественной системе Алтайского края» (исполнитель) обоснована стратегия развития и территориальной организации названных видов туризма. Ныне выполняется грант РФФИ № 23-28-00279 «Траектории развития рынка российского медицинского туризма в условиях реформирования мирового порядка» (руководитель).

Медико-географический аспект здоровьесбережения. Здоровьесбережение непосредственно связано с термином «здоровье» – как индивидуального, так и общественного: первое отражает формирование и поддержание всей совокупности условий повседневной жизни и рассматривается как позитивное состояние, характеризующее личность в целом; второе – жизнеспособность общества как социально-демографической категории, возможности и перспективы социально-экономического роста в конкретной

региональной среде [2]. Такое понимание здоровья отдельного человека и совокупности людей (социумов) соответствует современным постулатам медицинской географии, определяет ее функции и задачи.

С позиций медицинской географии, теоретические основы которых заложил А.А. Шошин [3], здоровьесбережение обеспечивается в ходе выполнения комплекса мер нормативно-правового, организационно-управленческого, социально-экономического, валеологического, психолого-педагогического характера в сфере здравоохранения, в том числе и в относящихся к ней туристско-рекреационных учреждениях. Все эти меры направлены на формирование, сохранение и укрепление здоровья отдельного человека (индивидуума) и здоровья населения, проживающего в конкретной региональной среде с присущими ей особенностями окружающей среды, уклада и образа жизни людей. Действенность управленческих процессов измеряется от статике («что есть») к динамике («что было» – «что стало») [4]. Целевая функция здоровьесбережения состоит в повышении уровня резервов здоровья, оптимальной активности, максимальной продолжительности и продуктивности жизни людей.

Категория «медико-географический менеджмент» в здоровьесбережении. Научное обоснование этой категории и введение ее в общественно-географическую литературу осуществлено руководителем одного проекта и исполнителем других названных выше проектов З.А. Семеновой [5; 6]. Медико-географический менеджмент – это научно-практическая деятельность по изучению воздействия природных и общественных факторов и явлений на формирование, сохранение и укрепление здоровья населения, а также по обеспечению эффективного управления этими процессами. Как учебная дисциплина, этот вид менеджмента направлен на подготовку специалистов-менеджеров для лечебно-оздоровительного, в том числе медицинского, туризма. Алгоритм менеджмента – это моделирование, экспериментирование, социологические измерения; в совокупности эти методов обеспечивают комплексность подхода к разработке перечисленных выше и им подобных проектов [6]. Так, методы моделирования использованы при выявлении динамики состояния общественного здоровья на уровне ряда субъектов РФ и муниципальных районов; методы экспериментирования – при решении вопросов обеспечения медицинских структур кадровым составом и оборудованием, получения дефицитной информации; методы социологических измерений – при решении проблем, связанных с ролью персонала в выборе направлений действий по достижению приоритетных целей, а все они, вместе взятые, определили интегральный подход к оценке динамики общественного здоровья, принятию управленческих решений по развитию и территориальной организации сферы здравоохранения. При прогнозно-аналитических оценках общественного здоровья, разработке стратегии и программ здоровьесбережения использованы информационно-статистические ресурсы [7], картографические методы и материалы [8; 9], ГИС-технологии [10], анкетирование и экспертиза [11].

Интегральная оценка общественного здоровья. Длительное время оценка состояния и динамики здоровья населения базировалась на балльно-индексном методе. Однако, как показывает опыт, этот метод во многом субъективен, не всегда обеспечивает получение должной достоверности результатов. Это обстоятельство побудило нас к поиску методов математического моделирования для оценки состояния и динамики общественного здоровья. Достижение поставленной цели стало возможным при создании и апробации соответствующего алгоритма исследования. В его основу мы заложили индикативный и индексный подходы, метод сводных показателей, модели рандомизации неопределенности, применяемой при информационном дефиците. По собранным и обработанным материалам первичная апробация алгоритма исследований осуществлялась на примере Республики Саха (Якутия), а затем проводились более детальные расчеты по республикам Карелия и Коми, Архангельской (с выделением Ненецкого автономного округа) и Мурманской областям. Во всех этих регионах установлена тенденция позитивного роста состояния общественного здоровья в 2001-2019 гг., но, вместе с тем, выявились характерные для них различия в показателях. Так, 1-е место заняла Мурманская область, 2-е – Архангельская область, 3-е – Республика Коми, 4-е – Республика Карелия, 5-е – Ненецкий автономный округ [12]. Такие тренды состояния и динамики общественного здоровья обусловлены различным состоянием среды обитания населения, в первую очередь, сферы здравоохранения. Полученные результаты могут быть использованы в практике управления здоровьесбережением, в том числе при разработке документов стратегического пространственного планирования на уровне субъектов РФ и муниципальных образований.

Взаимодействие власти и бизнеса в сфере здоровьесбережения. Эта форма сотрудничества, известная как государственно-частное партнерство (ГЧП), получила широкое распространение за рубежом. Что касается нашей страны, то она до сих пор остается относительно новым явлением. В сфере здоровьесбережения ГЧП проявляется, главным образом, в инфраструктурном обустройстве медицинских и лечебно-оздоровительных учреждений, в поставках оборудования и снаряжений. Зачастую функции управления берут на себя медицинские работники, не имеющие достаточных знаний в области маркетинга и менеджмента, соответствующих навыков работы в условиях рынка. Необходимо создавать специальные

модели управления, осуществлять мониторинг и контроль организационных форм ГЧП, разрабатывать нормативные и правовые документы, которые регламентировали бы участие государства и бизнеса в этом виде предоставления услуг. Об этом – на примере лечебно-оздоровительного туризма – идет речь в одной из наших статей [13].

Медико-географический менеджмент в медицинском туризме. Этому аспекту посвящен ряд наших публикаций [5; 6; 14; 15]. В нынешних условиях переформатирования мирового порядка происходит смена целевых установок, связанных, прежде всего, с переориентацией геополитического вектора на Восток, что кардинально меняет географию рынка медицинского туризма, о чем подробно пойдет речь в нашем новом проекте. Здесь отмечу главное: 1) существенно возрастет международный срез медико-географического менеджмента; 2) эффект развития медицинского туризма проявляется не только в медицине, но и в «зеленой» экономике [16]; 3) основная задача исследований – выявление факторов катализаторов, то есть ускоряющих ход развития медико-туристской отрасли, и факторов ингибиторов, то есть замедляющих ход развития этой отрасли [17].

Заключение. В ходе проведенной нами разработки и апробации теоретико- методологических основ медико-географического менеджмента установлена актуальность и высокая эффективность использования его при организации здоровьесбережения. Дополнительным аргументом доказательства сказанного является и тот факт, что петербургскими врачами медико-географический подход положен в основу выявления воздействия разных вариантов застройки и инфраструктурной обустроенности урбанизированных территорий на распространение туберкулеза. Таким образом, исследования в области медико-географического менеджмента все в большей мере получают выход в практику государственного и муниципального управления, а также бизнес-сообществ.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РНФ 23-28-00279 «Траектории развития рынка российского медицинского туризма в условиях переформатирования мирового порядка».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семенова З.А., Чистобаев А.И. Медицинская география и здоровье населения: эволюция знания: моногр. СПб: СПб НЦ РАН, СПбГУ. Изд-во «Европейский Дом», 2015. 252 с.
2. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Индивидуальное и общественное здоровье как категория медицинской географии // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2011. Вып. 3. С. 83-91.
3. Шошин А.А. Основы медицинской географии. М. – Л.: АН СССР. 1962. 147 с.
4. Chistobaev A.I., Semenova Z.A., Grudtcyn N.A. Dynamics and strategic directions of public health preservation in Russian Federation // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2019. Т. 6. № 3. С. 1380-1392.
5. Семенова З.А. Медико-географический менеджмент: предпосылки становления и развития // Актуальные проблемы современной экономической, социальной и политической географии. Материалы XXVII сессии МАРС (г. Пенза) / под ред. С.С. Артоболевского, Л.Н. Синцера. М.: МГПУ, 2011. С.211-214.
6. Семенова З.А. Модификация методов менеджмента в медицинской географии // Географический вестник. 2016. № (36). С. 132-137.
7. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Статистический метод в медико-географических исследованиях // Географический вестник. 2013. №1 (24). С. 18-26.
8. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Медико-географическое картографирование в бывшем СССР и современной России // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2013. № 4. С. 109-118.
9. Чистобаев А.И., Дмитриев В.В., Семенова З.А., Огурцов А.Н., Грудцын Н.А. Интегральная оценка и картографическое моделирование общественного здоровья как индикатора качества жизни // Интер Карто. Интер ГИС. 2020. Т. 26. № 3. С. 91-104.
10. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Геоинформационные системы и технологии в медицинской географии // Вестник СПбГУ. Сер. 7. 2010. Вып. 1. С. 132-137.
11. Дунец А.Н., Семенова З.А., Акимов О.С., Грудцын Н.А., Чистобаев А.И. Актуальные проблемы лечебно-оздоровительного туризма в Алтайском крае по результатам анкетирования респондентов. // Географический вестник. 2021. № 2 (57). С. 151-162.
12. Чистобаев А.И., Дмитриев В.В., Семенова З.А., Грудцын Н.А., Огурцов А.Н. Общественное здоровье в регионе: опыт интегральной оценки // Здравоохранение Российской Федерации. 2022. № 66 (3). С. 251-258.
13. Чистобаев А.И., Семенова З.А., Грудцын Н.А. Менеджмент партнерства государства и бизнеса в лечебно-оздоровительном туризме. // Вестник национальной академии туризма. 2019. № 3 (51). С. 32-35.
14. Semenova Z.A., Chistobaev A.I., Dildina V.P. A Geographic approach to measuring and organising affordable medical and therapeutic tourism for people with dementia // Quaestiones Geographicae. 2020. Vol. 39. No 4. P. 65-71.
15. Semenova Z.A., Chistobaev A.I., Grudtcyn N.A. Management of the public-private partnership in health tourism // Espacios. 2020. Vol. 41. No 15. P. 14.
16. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Медицинский туризм – новая отрасль экономики // Государство и бизнес. Современные проблемы экономики. Материалы IX междунар. науч.-практич. конф. Т.3. 2017. С. 160-164.
17. Чистобаев А.И. Сфере туризма необходим географический менеджмент (О статье С.А. Тархова «Пространственный подход в географии туризма») // Географический вестник. 2020. № 3. С. 170-173.

MEDICAL-GEOGRAPHICAL MANAGEMENT IN THE FIELD OF HEALTH SAVING: EXPERIENCE AND RESULTS OF FUNDAMENTAL AND APPLIED DEVELOPMENTS

Abstract. *The basics of medical and geographical management in the health protection of the population of Russian regions are presented. Approaches to the integral assessment of the state and dynamics of public health, to ensuring the interaction of government and business in the development of the healthcare sector, including medical tourism, are disclosed.*

Keywords: *medical geography, public health, regional environment, regions of Russia, authorities and business, medical tourism.*

УДК 91; 914/919

Эминов З.Н.

*Институт Географии им. акад. Г.А. Алиева НАНА
при Министерстве науки и образования Азербайджанской Республики,
г. Баку (Республика Азербайджан)*

ЕДИНСТВО ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ – ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Распад СССР стал причиной серьезного экономического спада, национально-этнических и приграничных конфликтов. Но проведенные за короткое время экономические реформы дали свои результаты. Тюркоязычные страны после приобретения независимости начали самостоятельно эксплуатировать богатые нефтегазовые ресурсы и экспортировать их на мировой рынок. Эти меры позволили им получать достаточно финансово-технических ресурсов и между этими странами расширились экономические и социально-культурные связи. В результате интеграция между странами позволяет создание региональных организаций.*

Ключевые слова: *тюркоязычные страны, интеграция между странами, социально-экономическое развитие, региональное сотрудничество.*

В конце XX века на политической карте Евразии произошли серьезные изменения. В результате распада СССР были образованы 14 независимых стран. Из них пять стран – Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан входит в группу тюркоязычных стран [1].

Разрыв экономических связей, старение техники и технологии на предприятиях не позволяли их функционированию и производимые продукции не отвечали современным требованиям. Поэтому за короткое время были остановлены большинство производственных и обслуживающих предприятий. Глубокий экономический кризис привел к снижению доходов населения и уровня жизни.

Для выхода из кризиса было необходимо проведение экономических реформ. Отдельные страны по-разному проводили эти реформы. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан увеличили добычи нефтегазовых ресурсов и, используя полученные доходы, увеличили внутренние инвестиции на национальную экономику. Узбекистан тоже имеет достаточные запасы природного газа.

Вместе с тем, новые независимые страны начали сближение с Турцией в социально-экономическом, культурном, научно-техническом направлении. Они были заинтересованы в получении материально-технической, финансовой, технологической поддержки из этой страны, чтобы получить выход на мировой рынок и использовать опыт проведения экономических реформ. Связи в различных направлениях требовали более организованного действия и для этого необходимо было создание региональных организаций тюркоязычных стран.

В 1992 г. на встречах министров культуры шести тюркоязычных стран в Баку и Стамбуле, был одобрен совместный проект по установлению связей в области культуры [2].

В Алматы 12 июля 1993 г. было подписано соглашение о создании «Организации совместного развития тюркской культуры и искусства» (Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi – TürkSOY).

К 2015 г. количество участников этой организации достигло 16-ти, так как к ним присоединились тюркоязычные образования в пределах Российской Федерации и некоторые автономные регионы других стран. Наряду с ТюркСой, в Алматы в 1992 г. было учреждено Единство управления тюркским искусством и языками.

Напряженность между Турцией и Россией в конце ноября 2015 г. привела к выходу из ТюркСой Башкортостана, Тывы, Алтая, Хакасии и Саха-Якутии. Татарстан воздержался, сохранив нейтралитет.

С 1992 г. проводится саммит глав независимых тюркоязычных государств. В ноябре 2008 г. на Конференции спикеров парламентов в Стамбуле был подписан Меморандум о создании Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ТюркПа).

Целью ТюркПА является определение механизмов формирования отношений между тюркоязычными странами на парламентском уровне, сближение политических взглядов, обмен информацией, продвижение тюркской культуры, расширение экономических связей, реализация совместных проектов, поиск решений проблем в тюркском мире.

В политическом сотрудничестве тюркоязычных стран более активное участие приняли Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан и Турция. Узбекистан отказался от сотрудничества в этой сфере. Руководство страны отдавало предпочтение двусторонним отношениям, пренебрегая многосторонними, считая, что они не дают конкретных результатов. Однако с 2019 г. Узбекистан принял участие в этой организации. Четыре страны, наиболее заинтересованные в расширении сотрудничества, создали Совет Сотрудничества Тюркоязычных Государств, то есть Тюркский Совет. Соглашение о его создании было подписано 3 октября 2009 г. в Нахичеванской АР, являющейся частью Азербайджанской Республики [3].

После создания Тюркского Совета другие созданные ранее организации, такие как ТюркСой и ТюркПа, вошли в его состав, таким образом расширив и дополнив его. В его состав входит и Академия наук.

Наряду с этим, Тюркский Совет включает Совет МИД-ов, Комитет высокопоставленных лиц, Совет Старейшин тюркоязычных стран. На заседаниях ТС обсуждаются наиболее важные предложения, а в случае достижения согласия, решения принимаются на саммитах ТС. Тюркский Совет утверждает решения ТюркСой и других комитетов.

Резиденции (секретариаты) организаций, входящих в Тюркский Совет, действуют в разных странах. Так, секретариат ТС находится в Стамбуле, Академия ТС расположена в Астане, секретариат ТюркСой – в Анкаре, а секретариат ТюркПа – в Баку.

После договоренности, достигнутой в Нахичеване в 2009 г., сотрудничество тюркоязычных стран расширилось, приняв форму организации. После этого роль встреч (саммитов) глав государств возросла, и они были подсчитаны [4]. Так, после саммита в Нахичеване за период 1992-2010 гг. было проведено 10 таких встреч. Последующие считаются саммитами ТС. Первый саммит состоялся 21 октября 2011 г. в Алматы (Казахстан). 12 ноября 2021 г. в Стамбуле состоялся VIII саммит лидеров Совета Сотрудничества Тюркоязычных Государств (Тюркский Совет) – было решено переименовать название организации. Теперь он называется Организацией Тюркских Государств.

Таким образом, анализ динамики основных тенденций социально-экономического и демографического развития тюркоязычных независимых государств и государственных образований показывает наличие благоприятного природного и экономического потенциалов для перехода к устойчивому развитию.

После обретения республиками СССР независимости в 90-е годы XX в. политические, экономические и культурные связи между ними расширились [5]. Республики, входящие в состав Российской Федерации, играют важную роль в социально-экономическом развитии страны в целом.

Укрепление и поддержание единства тюркоязычных государств и образований является важной задачей и служит общему развитию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Экономическая, социальная и политическая география мира. Регионы и страны / под ред. С.Б. Лаврова и М.В. Каледина. М., 2003. 928 с.
2. География и этнос тюркского мира. Экономическая и социальная география. Баку, 2021. 374 с.
3. География и этнос тюркского мира. Региональная география. Баку, 2022. 446 стр.
4. Самигуллин Э.В. Экономика Тюркского мира: состояние, оценка, проблемы, перспективы. Бишкек, 2015. 187 с.
5. Турецкая Республика. Справочник. М., 2000, 344 с.

Zakir N. Eminov

*Institute of Geography ANAS named by H.A. Aliyev
Ministry of Science and Education of Azerbaijan,
Baku, Republic of Azerbaijan*

THE UNION OF THE TURKIC-SPEAKING STATES – IS THE BASIS OF REGIONAL DEVELOPMENT

Abstract. *Although the disintegration of the USSR paved the way for the serious economic decline, national-ethnic and border conflicts, the economic reforms implementing in a short time have led to the positive results. The use of the rich oil and gas resources of the independent Turkish-speaking countries and their export to the world market allowed them to gain great financial and technical resources. These processes led to the expansion of socio-cultural and economic relations between the countries and the creation of a regional organisation for inter-country integration.*

Keywords: *Turkic-speaking states, multinational integration, socio-economic development, regional cooperation.*

МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПАНЕЛИ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ «НАШЕ НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ»

УДК 911.3

Дружинин А.Г.

*Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону;
Институт географии Российской академии наук,
г. Москва*

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ ЛАВРОВ: СИЛА ЛИДЕРСТВА, ОБАЯНИЕ ЛИЧНОСТИ, ГЛУБИНА И МАСШТАБ СОХРАНЯЮЩИХ СВОЮ АКТУАЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ИДЕЙ

***Аннотация.** Статья посвящена Сергею Борисовичу Лаврову, профессору, доктору географических наук, президенту Русского географического общества, заведующему кафедрой экономической и социальной географии Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, его научному наследию, сохраняющему безусловную актуальность и в третьем десятилетии XXI столетия.*

***Ключевые слова:** научное наследие, Сергей Борисович Лавров, российская социально-экономическая география, геополитика, глобальные проблемы, евразийство.*

Памяти Учителя

Наука – это, в первую очередь, созидающие её личности-творцы, новаторы, лидеры. Многовековая историография российской общественной географии вмещает в себя десятки и десятки сохраняемых нашей коллективной памятью славных имен; в их чередой достойное место по праву принадлежит и профессору, доктору географических наук **Сергею Борисовичу Лаврову** (1928-2000 гг.), блестящему интеллектуалу и настоящему профессионалу, в течение двух сложных, наполненных глобальными потрясениями и изменениями десятилетий (1980-90-е годы прошлого столетия) достойно выполнявшему миссию **лидера** в масштабе не только отечественной общественной географии, но и в целом (с 1995 г. в качестве президента Русского географического общества) всей системы географических наук.

Профессору С.Б. Лаврову, его яркой личности и бесспорным научным достижениям посвящён целый ряд очерков и статей; значительная их часть, при этом, относится непосредственно к началу 2000-х гг. [1–4]. О фундаментальном вкладе Сергея Борисовича в географическую науку (и, в первую очередь, непосредственно в её обществоведческий «блок») в ещё большей мере свидетельствуют его многочисленные, разнящиеся по своему жанру и тематике монографии, брошюры, статьи, очерки, тезисы научных конференций. Впрочем, во всём, что связано с именем и делами С.Б. Лаврова, есть для меня и сугубо личностная составляющая: судьба подарила возможность познакомиться с Сергеем Борисовичем ещё школьником в 1978 г., а в 1986-м защитить кандидатскую диссертацию под его руководством; горжусь и тем, что далее Сергей Борисович выступал научным редактором моих книг, одним из оппонентов по докторской диссертации, неизменно оставаясь, при этом, мудрым наставником, надёжным другом семьи, человеком, с которого невозможно не «делать жизнь».

С момента Ухода С.Б. Лаврова прошло уже практически 23 года. Наступила иная эпоха, появились, утверждаясь в науке, очередные молодые поколения географов-обществоведов. Но, как это ныне можно абсолютно уверенно констатировать, профессиональные взгляды и позиции Сергея Борисовича не утратили своей значимости и ценности. Более того, современный нам вновь радикально изменившийся геополитический контекст существеннейшим образом актуализировал научное и идейно-политическое наследие Сергея Борисовича, требуя нового прочтения и осмысления его многоплановых подходов и идей. Предлагаемая статья – попытка вычленив важнейшие из них, системно раскрыв мировоззренческие позиции нашего Старшего Коллеги и Учителя.

Свою яркую и насыщенную позитивом научную карьеру С.Б. Лавров начинал (в 1960-е годы), прежде всего, как географ-зарубежник, германист, продолжая и далее, практически всю жизнь, «мониторить» присущие миру процессы и проблемы, а также постоянно «держат руку на пульсе» зарубежной географической науки. Всячески акцентируя значимость страноведческого анализа, полагая что последний требует «глобально-многогранного подхода» [5], С.Б. Лавров многократно подчёркивал, что **зарубежное**

страноведение должно быть предельно сфокусировано на учёте значимых для той или иной территории хозяйственных, технологических и иных изменений, а также их возможной проекции на интересы и позиции нашей страны. Через многие научные монографии и статьи Сергея Борисовича «красной нитью» проходит и иной мировоззренческий, методологический постулат: **тщательнейшим образом отслеживая тенденции в развитии мировой науке, российские географы-обществоведы не должны бездумно и слепо заимствовать воспроизводить зарубежные идеологемы и подходы.** К последним необходимо относиться внимательно, вдумчиво, взыскательно, критично.

Являясь современником (и одним из ключевых акторов) пришедшейся на 1960-80-е годы широкой дифференциации экономической и социальной географии (С.Б. Лавров характеризовал эти процессы как «социологизацию», «экологизацию» и «экономизацию» нашей науки [6]) и всячески поддерживая новые формирующиеся направления (в особой мере – экономическую географию Мирового океана, чей стремительный «взлёт» пришёлся на 1970-80-е гг. [7], а также политическую географию, начавшуюся формироваться в СССР с середины 1980-х годов [8]), Сергей Борисович, тем не менее, был убеждён: **в исследованиях (и исследовательском сообществе) должны превалировать интегративные процессы и подходы** [6]. Особую объединительную миссию возлагал он, при этом, на Всесоюзное (Русское) географическое общество [9], бывшее в период его вице-президентства и президентства подлинно общественной, ориентированной на действительно приоритетные вопросы пространственного развития страны, самоуправляющейся (именно учёными-географами!) структурой.

Ключевым, основополагающим же моментом единства в географии, продуктивного симбиоза её общественной и природоведческой «ветвей» согласно С.Б. Лаврову призвана была статья **экологическая тематика** [10], с конца 1970-х гг. стремительно утверждавшаяся как в общемировой, так и в общесоюзной интеллектуальной повестке. «*Современные экологические задачи*, отмечал Сергей Борисович в одной из своих статей (замечу, многие из его ключевых работ выполнены в соавторстве с другими маститыми учёными той эпохи, но это лишь дополнительное подтверждение как абсолютного научного авторитета Сергея Борисовича, так и его перманентных практических усилий по консолидации научной элиты), – *настоятельно требуют интеграции внутри географии*» [11, с. 4]. «*Раздробленность*, отмечал профессор С.Б. Лавров вместе со своими соавторами, – *вчерашний день науки, сегодня нужны комплексные подходы, стыковой характер исследований, более широкий кругозор учёных* [12, с. 67].

Став одним из фактических «драйверов» экологизации географических исследований, видя не только глобальный масштаб, но и повсеместность региональных, местных проявлений экологических проблем, осознавая, что «*ни плановая экономика в СССР, ни рыночное хозяйство на Западе не обеспечили экологическое благополучие*» [10, с. 48], С.Б. Лавров уже с начала 1980-х гг. одним из первых в среде советских географов масштабно разрабатывает пионерную по тем временам тематику глобализации, акцентирует внимание на **глобальных проблемах современности** (в первую очередь, на гонке вооружений, на вероятностных последствиях термоядерного конфликта – как наиважнейшей в их ряду [13]), фундаментальном влиянии последних на общественно-географические структуры и процессы. Предельно актуализированной представляется в этой связи и ещё одна магистральная исследовательская установка Сергея Борисовича: «*сквозной линией всех направлений географических исследований должна стать их связь с глобальной проблематикой*» [13, с. 191].

Культивируемое профессором С.Б. Лавровым научное мировоззрение корреспондировало с чётко выраженной позицией патриота, государственника, коммуниста, человека с предельно активной гражданской позицией. «**Россицентрированность**» его **научно-политических идей** особым образом проявилась уже после разрушения Советского Союза, однозначно определяемого Сергеем Борисовичем как национальная катастрофа (с распадом СССР, подчёркивал он, Россия стала *страной-должником, страной-просителем, лишилась союзников и надёжной безопасности* [14]). Ещё три десятилетия назад (когда мейнстримом в российском обществе были представления о позитиве «интеграции в мировое сообщество», ныне сполна продемонстрировавшие свою иллюзорность) С.Б. Лавров практически в каждой своей очередной статье подчёркивал, что **концепция универсализма, стремление однозначно приписать нас к Западу, к Европе – страшны и губительны для России** [14; 15]. Тонко чувствуя и тщательно анализируя глубинные общепланетарные социально-экономические процессы, он указывал, что **мир и после 1991 года остаётся многополюсным, а России жизненно необходим «разворот на Восток».**

Интеллектуальным ответом на обозначившиеся после 1991 г. для страны вызовы по мнению С.Б. Лаврова призвана стать в том числе и «**геополитизация**» **общественной географии**, формирование ориентированной на интересы именно нашей страны геополитики как одной из «*самых перспективных сфер географического анализа*» [16]. Фундаментом, отправным моментом российской геополитики,

согласно Сергею Борисовичу, способна выступить «изумительная школа евразийства» [9, с. 12], чьи идеи и постулаты, подмечал он, не нравятся «ни за океаном, ни тем в России, кто заражён «европоцентризмом» и давно уже считает страну «региональной» [15, с. 43].

Следуя установкам классиков евразийства (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др.), цenia и всячески популяризируя «евразийские» взгляды своего ближайшего коллеги и сподвижника Л.Н. Гумилёва [17], Сергей Борисович абсолютно однозначно полагал, что «Россия сформировалась как уникальная держава (отнюдь не империя), скрепляющая срединную часть Евразии [15, с. 16]. Подчёркивал он и заведомую фальшивость доминировавшей в постсоветский период «идентификации России с Российской Федерацией» [15, с. 16], считая, что «сфера жизненных интересов России должна быть чётко обозначена... это и будет русской (российской) геополитикой» [15, с. 21].

По мнению Сергея Борисовича, мы, русские, россияне, должны «быть самими собой, никому не подражая, а определяя и отстаивая государственные интересы России» [15, с. 44]. Великой державой, при этом, мы «можем оставаться лишь, сохраняя многонациональность страны, воплощая взаимодействие православной и мусульманской культуры» [15, с. 62]. Думая в сложнейший период 1990-х годов о перспективе, о путях национального возрождения, профессор С.Б. Лавров был уверен, что выход из «геополитического вакуума» (сохраняющегося для нашей страны, кстати, и поныне в стремительно меняющейся Евразии [18; 19]) «возможен только при росте притягательности нынешней России, реального, а не «бумажного» объединения вокруг неё. А это, в свою очередь, зависит от превращения России в страну производителей, а не лавочников, осознания необходимости опоры на собственные силы, линии государственности в её политике, отрешения от пессимизма и мазохизма «перестроечных» лет» [с. 17]. Фокусировал внимание Сергей Борисович и на экономических условиях ренессанса российского государства, отмечая, что «если не будет проведена коренная перестройка экономики в сторону высокотехнологичных отраслей, не может быть и речи о выживании страны как великой державы» [15, с. 53].

Будучи по-настоящему крупным учёным, совмещавшим широчайший научный (и общегуманитарный) кругозор с безукоризненным владением инструментарием пространственного анализа, и являясь, при этом, человеком, безраздельно преданным профессии, Сергей Борисович чётко осознавал, что **география призвана выполнять мировоззренческую, идеологическую роль**. Во всех ситуациях он отстаивал нашу общественную географию и её интересы, делал всё для развития науки, считая, что последняя не должна, не может являться «вещью в себе», дистанцируясь от современных её социально-экологических и политико-экономических проблем и вызовов. Эти вызовы, как видится, достигли своего апогея именно сейчас, в условиях жёсткого переформатирования глобального миропорядка, требующего от российской общественной географии не только интеллектуальной сверхмобилизации, но и серьёзных концептуальных и инструментальных «прорывов», равно как и структурных, тематических, по ряду аспектов идеологических, ценностных изменений [20]. Идеи профессора С.Б. Лаврова, его творческий путь и жизненные установки – обретают в этой связи особую ценность, способны выступать и исходной «точкой опоры», и необходимым стратегическим ориентиром. Сама же Память о Сергее Борисовиче должна не просто сохраняться, а быть предельно конструктивной, деятельностной, нацеливающей нас на продуктивную работу и позитивную национальную перспективу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аксёнов К.Э. Идеи С.Б. Лаврова и основные направления современной западной геополитики // Геополитика: современное состояние и проблемы. СПб.: РГО. 2001. С. 46-55.
2. Бринкен А.О., Селивестров Ю.П. Сергей Борисович Лавров и Русское географическое общество // Геополитика: современное состояние и проблемы. СПб.: РГО. 2001. С. 7-23.
3. К 90-летию со дня рождения С.Б. Лаврова // Известия РГО. 2018. № 4. С. 84-85.
4. Сергей Борисович Лавров – Крупный учёный, общественный деятель, организатор науки // Географический журнал. 2010. № 4. С.8-9.
5. Лавров С.Б., Сдасюк Г.В. Страноведение: прошлое и будущее // Известия ВГО. 1978. № 1. С. 6-16.
6. Лавров С.Б. Интеграционные тенденции в географии // Советская география. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 1984. С. 28-41.
7. Дружинин А.Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Сер. геогр. 2016. № 6. С. 7-16.
8. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М: Аспент Пресс, 2002. 479 с.
9. Лавров С.Б. 150 лет Русскому географическому обществу (юбилейный доклад) // Известия РГО. 1996. Т. 128. Вып. 3. С. 6-13.
10. Лавров С.Б. Концепция устойчивого развития (социально-экономические и региональные аспекты) // Русское географическое общество: новые идеи и пути. СПб., 1995. С.45-56.
11. Жекулин В.С., Лавров С.Б. География и общество. М: Знание. Науки о Земле. 1987. № 6. 48 с.

12. Агафонов Н., Анучин В., Лавров С. Новейшие задачи советской географии // Коммунист. 1983. № 5. С. 65-75.
13. Лавров С.Б., Сдасюк Г.В. Этот контрастный мир. Географические аспекты некоторых глобальных проблем. М.: Мысль. 1985. 207 с.
14. Лавров С., Фроянов И. Русский народ и государство. СПб.: Изд. дом «Время», 1995. 44 с.
15. Лавров С.Б. В каком мире мы живём? (размышления геополитика). СПб.: ООО «Время». 2001. 88 с.
16. Лавров С.Б. Геополитика: возрождение запретного направления // Известия РГО. 1993. № 4. С.36-41.
17. Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
18. Дружинин А.Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону. Таганрог. 2020. 268 с.
19. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону. Таганрог. 2021. 270 с.
20. Дружинин А.Г. Развитие российской общественной географии: современные вызовы и опыт прошлого // Географический вестник = Geographical bulletin. 2022. № 2 (61). С. 17-33.

Alexander G. Druzhinin

North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems into the Southern Federal University, Rostov-on-Don;

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**SERGEY BORISOVICH LAVROV:
THE POWER OF LEADERSHIP, THE CHARM OF PERSONALITY, THE DEPTH AND SCALE
OF SCIENTIFIC IDEAS THAT REMAIN RELEVANT**

Abstract. *The article is devoted to Sergey Borisovich Lavrov, Professor, Doctor of Geographical Sciences, President of the Russian Geographical Society, Head of the Department of Economic and Social Geography of the Leningrad (St. Petersburg) University, his scientific heritage, which remains absolutely relevant in the third decade of the XXI century.*

Keywords: *scientific heritage, Sergey Borisovich Lavrov, Russian socio-economic geography, geopolitics, global problems, Eurasianism.*

УДК 911.3

Шупер В.А.

*Институт географии Российской академии наук,
г. Москва*

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ ЛАВРОВ – ПРЕДШЕСТВЕННИК И СОВРЕМЕННОК

Аннотация. *С.Б. Лавров сейчас, на переломе эпох особенно близок нам как один из тех, кому мы обязаны возрождением евразийства. Как организатор науки, он сыграл огромную роль в сохранении для Л.Н. Гумилёва возможности работать и хоть что-то публиковать. В постсоветский период он решительно противостоял интеллектуальному неокOLONIALИЗМУ, отстаивал суверенное целеполагание для страны.*

Ключевые слова: *С.Б. Лавров, Л.Н. Гумилёв, евразийство, устойчивое развитие, суверенное целеполагание.*

Парадокс в том, что справедливость требует оценивать человека в контексте его времени, но осознать значение его личности и его вклада мы можем только в контексте нашего. Соответственно этому мы выбираем и наиболее значимые достижения предшественников, и наиболее важные грани их личности. Сергей Борисович Лавров (1928-2000), замечательный учёный и организатор науки, сейчас, на переломе эпох особенно близок нам как один из тех, кому мы обязаны возрождением евразийства. Как организатор науки, он сыграл огромную роль в сохранении для Л.Н. Гумилёва (1912-1992) возможности работать и хоть что-то публиковать, а затем написал прекрасную книгу «Лев Гумилёв. Судьба и идеи» [5], вышедшую перед самой его кончиной. Эта книга – интереснейший источник знаний не только о жизни и творчестве Л.Н. Гумилёва, но и о взглядах самого С.Б.: «я заразился у Л.Н. интересом к *евразийству* [здесь и далее курсив источника – В.Ш.] – важнейшей и актуальнейшей геополитической концепции для России. В гумилёвском обращении к евразийству всё понятно и логично, но есть нечто загадочное и даже мистическое в том, что первые его слова об евразийстве прозвучали лишь на рубеже 80-90-х гг. Почему? Было ли это чем-то сокровенным, долго хранимым «про себя» и оглашённым только перед катастрофой распада страны? «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство», – эта фраза Л.Н. прозвучала совсем незадолго до его смерти – в 1992 г. Фраза – завещание нам» [5, с. 12].

Если Л.Н. Гумилёв, всю жизнь испытывавший утеснения разной тяжести – от заключения в лагере до невозможности опубликовать свои книги, на склоне лет всё же дождался заслуженной славы, то С.Б., который, скорее, был баловнем судьбы (за исключением тяжелейшего выживания в блокадном Ленинграде в

отроческие годы), не закончил жизнь в зените признания и популярности, хотя и был президентом РГО, что всегда считалось очень почётным. Произошло это во многом в силу его аристократизма и просто брезгливости. С.Б. считал ниже своего достоинства бежать впереди паровоза, он выстраивал своё отношение и к идеям, и к людям в зависимости от своего мнения о них, а не от ожидаемых прибылей и убытков. Так, он не порвал с гроссмейстером В.Л. Корчным (1931-2016), с которым был дружен с детства, после того как тот стал невозвращенцем и был лишён советского гражданства. Преданность старой дружбе была сильнее любых карьерных соображений у процветающего номенклатурного учёного, в 1968-1972 гг. – секретаря парткома ЛГУ. Не пример ли это западным учёным, свободным людям из свободных стран (по их самооценке), с готовностью рвущим связи с российскими коллегами, в том числе и с большим ущербом для науки, в угоду политической конъюнктуре?

В бытность секретарём парткома ЛГУ С.Б. сумел спасти от ареста двух сотрудников, причём в одном случае это далось ему очень нелегко. «Учёный, о котором идет речь, остался на свободе и до сих пор [в 2001 г. – В.Ш.] читает лекции в Санкт-Петербургском государственном университете. Можно только догадываться, какого напряжения стоила эта история Лаврову – силы были явно не равными» [6]. Кто сейчас помнит, что в середине 80-х гг. в темплан издательства «Наука» была включена по квоте ГО СССР книга опального Б.Б. Родомана «Очерки теоретической географии»? Она не вышла тогда в свет исключительно в силу непредставления рукописи автором.

Время евразийства наступает только сейчас. «События в мире во многом подтверждали *актуальность евразийства*. Оно вряд ли вышло бы из анабиоза при всех усилиях Л.Н., если бы не было востребовано жизнью – вакуумом в идеологии «новой России» [5, с. 349]. Этот вакуум сейчас интенсивно заполняется. Нельзя не отметить только что вышедшую программную статью Т.В. Бордачёва, в которой прямо сказано: «Отношения с Ордой, несмотря на экзистенциальный характер, не были для Русского государства антагонистическими в той же мере, как это было свойственно его взаимодействию с католическим Западом» [2]. В следующей статье Т.В. Бордачёв устанавливает параллели с ныне происходящими драматическими событиями: «Исторической аналогией произошедшего в 2022 г. выхода России из институтов, правил и всего распорядка жизни в рамках глобализации во главе с США может быть прекращение выплаты Москвой в 1472 г. «ордынского выхода», то есть дани, что многие историки считают завершением периода зависимости Руси от татар» [3].

Евразийство много шире Евразии, оно предполагает пересмотр всего мирового порядка. С.Б. писал о Л.Н. Гумилёве: «Показательно, что в последних интервью чётко звучал *мотив евразийства*, более того – *спасительности евразийства для России*, и новое противопоставление: уже не «Запад – Восток», а шире – «Запад – не-Запад» [5, с. 348-349]. Здесь Л.Н. Гумилёв и С.Б. Лавров фактически опередили нас на три десятилетия: «Неслучайно, что придуманное летом 2022 г. понятие «мировое большинство» стало настолько привлекательным для значительной части российских наблюдателей. Оно, **во-первых**, отражает наше собственное открытие мира за пределами Запада, а, **во-вторых**, стремится формализовать оценку состояния внешних условий, ставшую, судя по всему, одним из факторов российской решительности в украинском вопросе» [3].

Тектонические сдвиги не только в геополитических реалиях, но и в их осознании приводят к постепенному принятию взгляда на Россию как на империю с «дышащими» границами [7]. Здесь также следует обратиться к книге С.Б.: «Л.Н. утверждал, что *исконных земель не бывает*. Каждый народ-этнос возникает в историческом времени, завоёвывает или занимает территорию, меняет на новую, а ему кажется, что он всегда там жил. Л.Н. опровергает это заблуждение: *всегда никто не жил*. В другом интервью Л.Н. уточнял: «Навечно закреплённых за каким-то народом земель и территорий не существует» [5, с. 355]. Соответственно «стремление к объединению, как утверждал Л.Н., было связано с пассионарным подъёмом народов Евразии, а распад происходил по причине упадка пассионарности. Каждый распад *уносил множество жизней и причинял много горя*» [там же, с. 352].

Вероятно, самой важной чертой личности и стиля мышления С.Б. следует считать его вольнодумство. Независимость и незашоренность мышления, брезгливое отторжение как мейнстрима, так и его противотечения, определили предрасположенность С.Б. к географо-психологической концепции Л.Н. Гумилёва и теплоту отношений с её создателем. Здесь же берут исток его усилия по воссозданию запрещённой политической географии и развитию исследований в области всегда интересовавшей его геополитики, как только это позволила изменившаяся обстановка в стране. Эти же черты личности сделали главным направлением духовных исканий С.Б. в постсоветский период противостояние интеллектуальному неоколониализму. Как патриот и государственник, он прекрасно понимал, что политический суверенитет невозможен без идеологического, а потому, вопреки дувшим тогда ветрам, противостоял идеологии либерального глобализма.

«Мифологемы устойчивого развития в последние годы С.Б. анализировал на фоне появившейся проблемы так называемой глобализации, основной тезис которой заключается во всеобщей монополизации хозяйства, информации, отношений между странами, вопросов экологического и социального состояния и т.п. Национальные границы при этом играют все меньшую роль, а «география фирм» принимает глобальные масштабы. Короче, можно сказать, что это закабаление народов и государств транснациональными корпорациями и мультинациональными банками. Некое единение сил для устойчивого развития мира. Но для кого и кто руководит этим? Анализ этой проблемы в России наиболее ясно и определенно сделал С.Б., который вполне справедливо поставил вопрос: «Кому это выгодно?» ... С.Б. прямо указал, что фактически все придуманные идеи глобализации и связанные с ней проблемы устойчивого развития: якобы антропогенная причина потепления климата, роль парниковых газов и озоновых дыр в изменении климата и т.д. – все это есть попытка подчинения народов и государств группе своеобразных «властителей мира», сосредоточенных в различных всемирных организациях типа Всемирного банка развития, Всемирного совета предпринимателей по вопросам устойчивого развития, Международного валютного фонда и ряда других. Во главе всех них стоят лидеры капиталистического мира, зависимые от главных империалистических государств, всегда проводивших и проводящих политику дестабилизации экономики государств другого мира, притеснения и вытеснения из реальных зон развития всех инакомыслящих развивающихся стран... Как заявил А. Орехов в статье «Глобальное закабаление» («СПб ведомости», 24.03.2001), сущность утопической концепции «устойчивого развития» – это «согласование национальных стратегий и национальных планов действий в интересах устойчивого развития – прерогатива США». Отвлечение мировой ответственности на проблемы устойчивого развития выгодно только США и их партнерам по «большой семьёрке». Что-то, наверно, имеют и российские деятели, протаскивающие эту нежизненную идею в российских структурах и в обществе» [4]. К сожалению, весьма вредные для развития страны представления об устойчивом развитии (неистощительное природопользование невозможно даже теоретически) и антропогенной природе глобального потепления ещё далеко не преодолены и сейчас.

У С.Б. было немало сподвижников в СПбГУ в борьбе за суверенное целеполагание для страны, попросту говоря, за право думать своей головой. Вот что писал А.А. Анохин (1942-2021), принявший у С.Б. заведование кафедрой экономической и социальной географии: «С.Б. Лавров совершенно справедливо отметил, что устойчивое развитие – «это исключительно удачное сочетание правильной констатации и абсолютно ложного, хорошо упрямого в туманные слова вывода». Суть последнего заключается в ограничении промышленного развития в странах развивающегося мира, хотя главными виновниками загрязнения окружающей среды выступают индустриально развитые государства. Когда же речь зашла о переходе от громких деклараций к практическим действиям, США, а на долю этой страны приходится более 20 % выбросов «парниковых» газов планеты, в одностороннем порядке вышли из международного соглашения, предусматривающего сокращение выбросов» [1]. К несчастью, весьма многие из этих прекрасных людей тоже ушли от нас. Среди них и Ю.П. Селивёрстов (1929-2002), проработавший президентом РГО лишь два года после кончины С.Б.

Аристократическая широта взглядов, подходов и личности в целом позволяли С.Б. поддерживать самые лучшие отношения с людьми совершенно другой идеологической ориентации, оказывая им при необходимости ценнейшую помощь. Автор этих строк в 1981 г. подвергся разнузданным политическим обвинениям со стороны «чёрного оппонента» ВАК и был спасён лишь благодаря решительным и энергичным действиям С.Б. (тогдашний каламбур – «Если бы не Лавров, то не снискал бы я лавров»), явно исходившего из того, что взгляды меняются, а принципы остаются. Если, разумеется, они есть. Теперь людям, глубоко переосмыслившим свои взгляды, предстоит продолжать дело С.Б. по достижению суверенного целеполагания для страны. Работы осталось ещё очень и очень много.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анохин А.А. Большой ученый, истинный универсал, добрый, обаятельный человек. Таким мы запомнили Сергея Борисовича Лаврова // Вестник СПбГУ, № 14-15 (3568-69) / 25 мая 2001 г. URL: <http://old.journal.spbu.ru/2001/14/21.html> (дата обращения: 02.01.2023).
2. Бордачёв Т.В. Русская внешнеполитическая культура и Орда: статья-гипотеза // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 210-237. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rus-vneshpol-kultura-i-orda/> (дата обращения: 02.01.2023).
3. Бордачёв Т. Как не разочаровать историю // Россия в глобальной политике. 2023. 03.01.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ne-razocharovat-istoriyu/> (дата обращения: 03.01.2023).
4. Бринкен О.А., Селивёрстов Ю.П. Сергей Борисович Лавров и Русское географическое общество // Вестник СПбГУ, № 14-15 (3568-69) / 25 мая 2001 г. URL: <http://old.journal.spbu.ru/2001/14/24.html> (дата обращения: 02.01.2023).

5. Лавров С. Лев Гумилёв. Судьба и идеи. М.: Сварог и К, 2000. 408 с.
6. Орехов А. Евразийский геополитик (записки о Сергее Лаврове) // Газета Завтра, 2001, № 31(400) URL: https://booksafe.net/read/gazeta_zavtra-gazeta_zavtra_400_31_2001-242540.html#p32 (дата обращения: 03.01.2023).
7. Филиппов А., Ломанов А., Лукьянов Ф. Здесь и сейчас: дышащие границы 2022-го / Итоги Лектория СВОП // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zdes-i-sejchas-itogi-svop/> (дата обращения: 03.01.2023).

Vyacheslav A. Shuper

*Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences,
Moscow*

SERGEY BORISOVICH LAVROV – PREDECESSOR AND CONTEMPORARY

Abstract. *S. B. Lavrov is especially close to us now, at the turning point of the epochs, as one of those to whom we owe the revival of Eurasianism. As an organizer of science, he played a huge role in preserving the opportunity for L.N. Gumilev to work and publish at least something. In the post-Soviet period, he resolutely opposed to intellectual neocolonialism, defended sovereign goal-setting for the country.*

Keywords: *S.B. Lavrov, L.N. Gumilev, Eurasianism, sustainable development, sovereign goal-setting.*

ДОКЛАДЫ НА СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

СЕКЦИЯ 1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ: ТЕКУЩАЯ АНАЛИТИКА И ПРОГНОЗ. ФОРМИРОВАНИЕ «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ»: ФАКТОРЫ, АКТОРЫ, РИТМИКА, ФОРМАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ, РОССИЙСКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

УДК [911.3+ 325.14](485)

Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В.
Институт Африки РАН, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ШВЕЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СИРИЙСКИМ И ИРАКСКИМ МИГРАНТСКИМ СООБЩЕСТВАМ

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции миграционной политики Швеции, основные приоритеты которой за последние полвека сменились с регулирования трудовой миграции из европейских стран на прием и расселение беженцев из развивающихся государств. На примере сирийского и иракского мигрантских сообществ делается вывод о недостаточной эффективности миграционной политики Швеции в силу нарастания территориальной сегрегации инокультурного населения.

Ключевые слова: Швеция, мигранты, миграционная политика, сирийцы, иракцы, уязвимые районы.

Швеция имеет длительный и богатый опыт принятия и расселения инокультурных мигрантов. С конца 1970-х годов структура иммиграции в Швецию начала трансформироваться, что было обусловлено уменьшением спроса на рабочую силу ввиду низкой экономической конъюнктуры в стране и общего сокращения занятости в промышленности. Возможность получения разрешения на работу в Швеции осталась фактически лишь у граждан Скандинавии, а с вступлением в ЕС в 1995 г. – еще и у граждан стран-членов ЕС. Таким образом, в результате изменения приоритетов в миграционной политике страны трудовых мигрантов из развитых государств – преимущественно соседних стран Скандинавии и государств Европы – сменяют вынужденные переселенцы из развивающихся стран [1]. Особенно данный процесс активизировался с началом Европейского миграционного кризиса в 2016 г., когда в Швецию прибыло более 140 тыс. беженцев из Сирии и Ирака.

Прием преимущественно инокультурных мигрантов, в том числе из Сирии и Ирака, приводит в Швеции к росту численности мусульманской общины, которая стала в стране фактически «вторым большинством». Так, доля мусульман в религиозном населении Швеции составляет почти 14 %, а их численность – не менее 950 тыс. человек [Ibidem]. Особенности проводимой властями Швеции социальной политики и расселения мигрантов-мусульман обуславливают сложности интеграции последних в шведское общество. Поэтому именно шведские власти одними из первых в Европе признали наличие в стране территорий с высоким уровнем преступности и повышенной долей мигрантов в структуре населения, получивших название «уязвимых районов» (utsatta områden – швед.) [2], в которых со стороны государства фактически утрачена монополия на власть.

До начала 1980-х годов иммиграция в Швецию рассматривалась как экономический вопрос, связанный с функционированием рынка труда. Управление внешней миграцией находилось в руках Совета по рынку труда, который занимался вопросами найма и трудоустройства иммигрантов, их интеграции и предоставления места жительства [3]. В результате интенсификации потоков вынужденных переселенцев в страну и увеличения миграционной нагрузки на крупнейшие шведские города в 1980-е годы была создана Миграционная служба Швеции, которая в 1985 г. начала политику рассредоточения мигрантов в рамках «Стратегии всей Швеции» («Hela Sverige strategin»). Ее целью было ускорение процесса интеграции беженцев, которое – по мысли ее авторов – достигалось в результате их более равномерного расселения в средние и малые по численности населения коммуны страны, имевшие необходимые объемы жилищного фонда и свободные рабочие места для размещения и трудоустройства переселенцев [4]. Лицам, получившим убежище, предоставляли социальное жилье в определенной коммуне, где они должны были проживать в течение не менее 18 месяцев, однако штрафы или другие наказания в случае смены места проживания предусмотрены не были.

От «Стратегии всей Швеции» власти страны отказались в 1994 г., приняв закон о приеме просителей убежища, предоставивший им возможность двух опций в выборе места проживания [5]. Этот закон преду-

сма­три­вал воз­мож­ность раз­ме­ще­ния бе­жен­цев как в со­ци­аль­ном жи­лье («Anläggningsboende», АВО), пре­дос­тав­лен­ном вла­стя­ми ком­му­ны, так и воз­мож­ность са­мос­то­ятель­но­го вы­бо­ра жи­лья («Eget boende», ЕВО). Бе­жен­цы, пре­дпо­чи­таю­щие АВО, не име­ли воз­мож­ность вы­бо­ра му­ни­ци­паль­но­го про­жи­ва­ния, и, как пра­ви­ло, раз­ме­ща­лись вла­стя­ми в не­боль­ших ком­му­нах, в то вре­мя как вы­брав­шие ЕВО об­ыч­но се­ли­лись у дру­зей или род­ствен­ни­ков в круп­ных ком­му­нах, что по­сте­пен­но при­во­ди­ло к фор­ми­ро­ва­нию сег­ре­ги­ро­ван­ных тер­ри­то­рий с вы­со­кой до­лей ми­грант­ско­го на­се­ле­ния [6–8].

Все ка­те­го­рии бе­жен­цев, не­за­ви­си­мо от вы­бран­но­го ими ва­ри­ан­та про­жи­ва­ния, по­лу­ча­ли фи­нан­со­вую по­мощь от го­су­дар­ства. Од­на­ко бе­жен­цы, ко­то­рые раз­ме­ща­лись в са­мос­то­ятель­но вы­бран­ном жи­лье, име­ли пра­во толь­ко на су­точ­ные по­со­бия, а рас­хо­ды на жи­лье дол­жны бы­ли в зна­чи­тель­ной сте­пени по­кры­вать за счет соб­ствен­ных средств. Вла­сти стра­ны ожи­да­ли, что лишь не­боль­шая до­ля но­во­при­быв­ших бе­жен­цев са­мос­то­ятель­но вы­берет свое жи­лье, од­на­ко в дей­стви­тель­но­сти в до­кри­зис­ный пе­ри­од 1998–2010 гг. бо­лее по­ло­ви­ны вы­нуж­ден­ных ми­гран­тов вы­би­ра­ли имен­но ЕВО, что при­ве­ло к обост­ре­нию про­бле­мы сег­ре­ги­ро­ван­ных тер­ри­то­рий с вы­со­кой до­лей ми­грант­ско­го на­се­ле­ния [9; 10].

Уси­ле­ние ми­гра­ци­он­ной на­груз­ки на Шве­цию в пе­ри­од Евро­пей­ско­го ми­гра­ци­он­но­го кри­зиса, про­бле­мы рас­се­ле­ния бе­жен­цев, обост­ри­вши­е­ся на фоне кри­ми­на­ли­за­ции рай­о­нов с по­вы­шен­ной кон­цен­тра­цией ми­гран­тов, тре­бо­ва­ли об­нов­ле­ния ми­гра­ци­он­ной по­ли­ти­ки стра­ны [11]. Од­ним из ша­гов в этом на­прав­ле­нии стал при­ня­тый 1 мар­та 2016 г. за­кон о при­еме вновь при­быв­ших им­ми­гран­тов, со­глас­но ко­то­ро­му все му­ни­ци­паль­но­сти Шве­ции бы­ли обя­за­ны раз­ме­щать у себя бе­жен­цев [12]. Чис­ло бе­жен­цев, ко­то­рое дол­жна бы­ла при­нять та или иная ком­му­на, опре­де­ля­лось, ис­хо­дя из си­ту­а­ции на рын­ке тру­да, раз­ме­ра тер­ри­то­рии и ко­личес­тва уже на­хо­дя­щих­ся в ее пре­делах про­си­те­лей убе­жи­ща и бе­жен­цев. В 2020 г. в ре­зуль­та­те в­не­се­ния по­пра­вок в За­кон 1994 г. [13] при­бы­ваю­щие в стра­ну бе­жен­цы, же­лаю­щие са­мос­то­ятель­но по­се­лить­ся в вы­де­лен­ных вла­стя­ми 32 «со­ци­аль­но-эко­но­ми­че­ски уяз­ви­мых» рай­о­нах, те­ря­ли фи­нан­со­вую под­дер­жку со сто­ро­ны го­су­дар­ства [14].

Од­на­ко по­ли­ти­ка швед­ских вла­стей, на­прав­лен­ная на бо­лее рав­но­мер­ное рас­пре­де­ле­ние в стра­не бе­жен­цев из Си­рии и Ира­ка, не смо­гла в пол­ной ме­ре дос­тичь своей це­ли. На­ибо­лее вы­со­кая кон­цен­тра­ция вы­ход­цев из Си­рии и Ира­ка на­блю­да­ется в трех на­ибо­лее на­се­лен­ных лё­нах стра­ны – Сток­гольм, Вест­ра-Гёталанд и С­ко­не, в ко­то­рых со­сре­до­то­че­но око­ло 60 % их об­щей чис­лен­но­сти. О вы­со­ком уровне сег­ре­га­ции си­рий­ско­го и ира­кско­го со­об­ществ в Шве­ции сви­де­тель­ствует тот факт, что вы­ход­цы из Ира­ка и Си­рии яв­ля­ют­ся круп­ней­ши­ми ми­грант­ски­ми груп­па­ми, про­жи­ваю­щи­ми в уяз­ви­мых рай­о­нах, со­став­ляя со­от­вет­ствен­но 7,1 и 5,3 % их на­се­ле­ния. В це­лом, на тер­ри­то­рии этих рай­о­нов про­жи­ва­ет 27,5 % ира­кцев и 15,8 % си­рий­цев стра­ны.

Ис­сле­до­ва­ние вы­пол­не­но за счет гран­та Рос­сий­ско­го на­уч­но­го фон­да № 19-18-00054-П, <https://rscf.ru/project/19-18-00054/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Agafoshin M.M., Gorokhov S.A. Impact of external migration on changes in the Swedish religious landscape // Balt. Reg. 2020. Vol. 12. no. 2. p. 84–99.
2. Utsatta områden – polisens arbete. [Электронный ре­сурс]. URL: <https://polisen.se/om-polisen/polisens-arbete/utsatta-omraden> (дата обращения: 15.12.2022).
3. Haberland Y., Birgier D.P., Lundh C., Elldér E. Selectivity and Internal Migration: A Study of Refugees' Dispersal Policy in Sweden // Front. Sociol. 2019. 4:66.
4. Åslund O., Edin P., Fredriksson P., Grönqvist H. Peers, neighborhoods, and immigrant student achievement: evidence from a placement policy // Am. Econ. J. Appl. Econ. 2011. 67–95.
5. SFS 1994:137. “Lag om mottagande av asylsökande m.fl.” [Электронный ре­сурс]. URL: <https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=1994:137> (дата обращения: 12.12.2022).
6. Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Refugees from Syria and Iraq in Sweden: resettlement during the migration crisis // Baltic Region. 2022. Vol. 14. no. 4. p. 98–112.
7. Wennström J, Öner Ö. Political Hedgehogs: The geographical sorting of refugees in Sweden. // Statsvetensk Tidskr. 2020. no. 122. p. 671–685.
8. Vogiazides L., Mondani H. A geographical path to integration? Exploring the interplay between regional context and labour market integration among refugees in Sweden // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020 Vol. 46. no. 1. p. 23–45.
9. Bevelander P., Mata F., Pendakur R. Housing Policy and Employment Outcomes for Refugees // Int Migr. 2019. no. 57. p. 134–154.
10. Горохов С.А., Ага­фо­шин М.М., Дмит­ри­ев Р.В. Уяз­ви­мые рай­о­ны как форма тер­ри­то­ри­аль­ной эк­склю­зии ми­грант­ских со­об­ществ в Шве­ции: при­мер Гётеборга // Геополитика и эко­геодинамика реги­о­нов. 2022. Т. 8. № 3. С. 92–101.
11. Гришин И.В. Иммиграция и общество: проблемы взаимоадаптации в Швеции. Интеграция инокультурных ми­гран­тов: пер­спек­ти­вы ин­тер­куль­ту­ра­ли­зма / И.П. Цап­ен­ко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 122–151.

12. SFS 2016:38. "Lag om mottagande av vissa nyanlända invandrare för bosättning". [Электронный ресурс]. URL: <https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=2016:38> (дата обращения: 12.12.2022).

13. SFS 2019:1204. "Lag om ändring i lagen (1994:137) om mottagande av asylsökande m.fl.". [Электронный ресурс]. URL: <https://svenskforsattningssamling.se/sites/default/files/sfs/2019-12/SFS2019-1204.pdf> (дата обращения: 12.12.2022).

14. Emilsson H., Öberg K. Housing for Refugees in Sweden: Top-Down Governance and its Local Reactions // Int. Migration & Integration. 2022. Vol. 23. p. 613–631.

Maksim M. Agafoshin, Stanislav A. Gorokhov, Ruslan V. Dmitriev
Institute for African Studies RAS, Moscow

FEATURES OF SWEDEN'S STATE POLICY TOWARDS SYRIAN AND IRAQI MIGRANT COMMUNITIES

Abstract. *The article analyzes the evolution of Sweden's migration policy, whose main priorities over the past half century have changed from regulating labor migration from European countries to accepting and resettling refugees from developing countries. As in the case of the Syrian and Iraqi migrant communities the authors make conclusion about the insufficient effectiveness of Sweden's migration policy due to the increasing territorial segregation of the foreign-cultural population.*

Keywords: *Sweden, migrants, migration policy, Syrians, Iraqis, vulnerable areas.*

УДК 911

Андреев М.В.

*Международный институт мониторинга развития демократии,
парламентаризма и соблюдения избирательных прав
граждан государств – участников МПА СНГ,
г. Санкт-Петербург*

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФУЗИЯ ИДЕЙ ПАНИСЛАМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В работе представлены результаты применения подходов теории пространственной диффузии политических инноваций к изучению современных геополитических процессов. Автором выявлены пространственные принципы и закономерности распространения современных геополитических концепций на основе анализа результатов диффузии инновации панисламизма на территории Российской Федерации в период с 1992 по 2020 годы.*

Ключевые слова: *пространственная диффузия политических инноваций, геополитические концепции, идеологии, неоевразийство, пантюркизм, панисламизм.*

Политические идеи продолжают выступать одной из движущих сил геополитических процессов. На сегодняшний день изучению форм, типов и уровней политической мысли посвящены многочисленные научные работы [1]. В условиях текущих геополитических трансформаций, глобальных вызовов и угроз большой интерес представляет изучение причин успешности/неудачи распространения той или иной геополитической идеи или идеологии, особенностей их влияния на общественно-географическое пространство.

Рассматривая идеи, направленные на изменения глобального политико-географического (геополитического) пространства, как информацию, способную территориально распространяться, оказывать влияние на все сферы жизни общества, представляется важным определить пространственные принципы и закономерности распространения геополитических концепций.

Теоретико-методологическим базисом в решении поставленной исследовательской задачи выступает теория пространственной диффузии инноваций (Т. Хегерstrand). Согласно ее положениям, экономические, культурные, технологические, социальные и, в частности, политические нововведения зарождаются в «центрах» и распространяются за их пределы, трансформируя местную среду, или наоборот – адаптируясь к местной среде, или вовсе могут быть «вытолкнуты» местом [2].

Пространственная диффузия геополитических идей и концепций связана со стадиями геополитических инноваций [3]. На разных стадиях такой инновации могут возникать несвойственные для определённой территории, ранее выступающей периферией, явления, например, новые практики социального взаимодействия, формы борьбы или сотрудничества, политический дискурс и т.д. Каждая практика может рассматриваться как отдельно взятый пространственно-временной диффузионный процесс.

Современные геополитические концепции, имеющие сторонников и другие ресурсы политико-географического пространства, создавая новые и используя существующие политические институты, стремятся реализоваться в географическом пространстве посредством прохождения инновационных ста-

дий, с момента возникновения концепции, до установления контроля над территорией, пространственного управления (индуктивный подход).

Важно учитывать тот факт, что политические субъекты могут использовать политические идеи не только как программы или концепции преобразования географического пространства и его подсистем, но и как инструмент мобилизации социальных ресурсов (населения) с целью реализации политическими субъектами их интересов, тем самым используя политические идеи.

Важной составляющей политических идей являются географические образы и геополитические представления, в которых могут быть заложены геополитические проекты или концепции, предназначенные не только для отдельных регионов мира (пример – идеи атлантизма в США и странах Европейского союза), но и для глобального геополитического пространства (например, концепция многополярного мира для БРИКС) [4].

Для выявления пространственных закономерностей распространения современных геополитических концепций была выбрана концепция *панисламизма*, активно проявившая себя на территории современной РФ после 1991 г. На основе анализа выборки новостей и событий [5] были определены центры и периферии (регионы) прохождения инновационных стадий перечисленных концепций в период с 1992 по 2020 гг.

Панисламизм представлен тремя кластерами центров, относящихся к Северо-Кавказскому, Приволжскому и Уральскому Федеральным округам, при этом если в период 1990-х гг. населенные пункты Северного Кавказа определяли инновационный процесс панисламизма, то уже с начала 2000-х гг. инновация распространяется в регионы Приволжского и Уральского Федерального округов.

Концепция панисламизма проходит вторую волну инновации на территории России после столетнего перерыва. Следует отметить, что сторонники панисламизма смогли пройти все инновационные стадии: адепты концепции осуществляли территориальный контроль в Чечне (1996-1999 гг.), Дагестане (1993-1999 гг.) и Карачаево-Черкессии (1993 г.). Отметим, что контроль был осуществлен лишь на уровне сельских населенных пунктов, за исключением региона Чечни, где панисламисты участвовали в управлении всей республикой. К 2020 г. инновация панисламизма находится на стадиях 3 и 4 с эпизодическими проявлениями на стадии 5.

Пространственными принципами реализации панисламизма как политической инновации выступают принципы диффузионности, стадийности (от стадии возникновения идеи до осуществления политической власти), волнового и центр-периферийного распространения явления, пространственно-временной системности, ресурсного обеспечения инновации.

Пространственные закономерности диффузии панисламизма как политической инновации проявляются в ее распространении в тех регионах и городах, где имеются для нововведения подходящие ресурсы, в частности, идентичность, отраженная в положениях данной концепции.

Пространственное распространение концепции как инновации зависит от фактора географической дистанции. При этом инновация стремится распространиться в столичном регионе, интеллектуальном центре. Успешность ее пространственной диффузии зависит от уровня численности, сложности организации населенного пункта как потенциального центра реализации (наиболее доступными для прохождения инновационных стадий выступают сельские населенные пункты, которые наиболее удалены от региональных центров и их агломераций). Распространение инновации может исключать прямой, каскадный или иерархический тип диффузии по причине развития дистанционных информационно-коммуникационных технологий. Важной для нас закономерностью выступает наличие не более двух импульсов значительного расширения зоны распространения инновации в рамках территории государства.

Таким образом, следует отметить важность и перспективность прикладного применения и развития подходов теории пространственной диффузии инноваций, в частности, для нужд геополитической науки и политической географии. Это позволит приблизиться к прогнозированию пространственно-временных аспектов распространения и реализации геополитических идей и концепций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ООО «Науч.-изд. центр ИНФРА-М», 2017. 251 с.
2. Журавлев А.Н. Диффузия политических нововведений как пространственный процесс: дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 1993. 250 с.
3. Аксенов К.Э., Андреев М.В. Городская символическая политика и пространственная диффузия геополитических инноваций в Российской Федерации // Известия РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 6. С. 870-887.
4. Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.

5. Научно-информационный бюллетень «Россия и мусульманский мир». [Электронный ресурс]. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/prochie-nauchnye-zhurnaly/rossiia-i-musulmanskii-mir/o-zhurnale/>.

Maxim V. Andreev

International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations (IPA CIS IIMDD), Saint Petersburg

SPATIAL DIFFUSION OF THE PAN-ISLAMIC IDEAS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The paper presents the results of applying the approaches of the theory of spatial diffusion of political innovations to the study of contemporary geopolitical processes. The author has identified the spatial principles and patterns of extension of modern geopolitical concepts based on the analysis of the results of diffusion of pan-Islamic innovation in the Russian Federation 1992-2020.*

Keywords: *spatial diffusion of political innovation, geopolitical concepts, ideologies, neo-Eurasianism, pan-Turkism, pan-Islamism.*

УДК 911.375

Бадалов Э.С.

*Институт Географии им. акад. Г.А. Алиева НАНА
при Министерстве науки и образования Азербайджанской Республики,
г. Баку (Республика Азербайджан)*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УРБАНИЗАЦИИ В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ АЗИИ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Большинство стран Исламского мира расположены на самом большом континенте – Евразия. Исламский мир сам по себе выполняет функцию объединения разных культур и стремится соединить несущие элементы исламского мировоззрения.

По сравнению с развитыми государствами страны Исламского мира характеризуются средним уровнем урбанизации. Это связано с уровнем социально-экономического развития, а также с геополитическим, историко-географическим и военно-политическим положением этих стран. В современном мире развитие любого государства во многом зависит от тенденций и эффективности функционирования его городов, которые являются двигателями экономического роста этих стран. Развитие научно-технического прогресса и индустриализации в Исламских странах в конце XX – начале XXI вв. вызвало резкое увеличение концентрации населения и экономической деятельности в крупных городах и агломерациях.

В Исламских странах Азии проживает до 1,2 миллиарда человек, и более половины из этого количества приходится на городское население. В Азии в их размещении выделяются четыре региона, из которых наиболее урбанизированный – Западный, высокоурбанизированный – Юго-Восточный, среднеурбанизированный – Центральный и слабоурбанизированный – Южный. Обосновано, что согласно концепции эволюционного развития Дж. Джиббса, уровень урбанизации первых двух регионов соответствует 5 стадии. Следующие регионы соответствуют, соответственно, 4 и 3 стадии. С позиций концепции урбанизационного перехода выявлены и охарактеризованы особенности урбанизации исламских стран на различных географических уровнях – глобальном и региональном. Сравнительная характеристика регионов развивающихся стран позволила выявить немало общих и индивидуальных черт георбанистического развития.

Рассмотрены этапы эволюции агломераций и мегагородов Исламских стран. В рамках концепции урбанизационного перехода выделяются процессы макро-, мега- и мегалополизации. Увеличение количества городов-«миллионеров», их средней людности, удельного веса в иерархии поселений и ежегодном приросте городского населения раскрывает сущность процесса макрополизации.

Изучение современных тенденций урбанизация имеет большое практическое значение в определении перспективного развития городов Азербайджана.

Etibar S. Badalov

*Institute of Geography ANAS named by H.A. Aliyev
Ministry of Science and Education of Azerbaijan,
Baku, Republic of Azerbaijan*

MODERN TRENDS IN URBANIZATION IN THE ISLAMIC COUNTRIES OF ASIA AND AZERBAIJAN

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ

Аннотация. Объект исследования - российские регионы Северной Азии: Алтайский и Забайкальский края, Амурская, Омская и Тюменская области, Республики Бурятия и Тыва. Методические подходы, предложенные автором, позволяют оценить эколого-экономическую эффективность и устойчивость использования сельскохозяйственных земель. Полученные результаты отражают проблемы и узкие места в сельскохозяйственном землепользовании модельных регионов и могут быть использованы при разработке рекомендаций по улучшению управления земельными ресурсами.

Ключевые слова: сельскохозяйственные земли, эффективность, эколого-экономические выгоды, ущерб, затраты, типологизация, устойчивость, российские территории Северной Азии.

Введение. Сравнительный анализ изменений землепользования и их движущих сил является важным инструментом выявления изменений региональных экосистем [1; 2]. Сельскохозяйственное использование земель оказывает сильное воздействие на природную среду, в результате которого растут эколого-экономические ущербы и упущенные выгоды, дополнительные затраты на проведение почвозащитных мероприятий и мер по вовлечению в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель. Но земля обладает важной способностью при правильном ее использовании повышать свои производственные возможности [3; 4]. Во многих определениях устойчивости землепользования отражается возможность получения необходимого количества сельскохозяйственной продукции при достижении максимального эффекта с учетом поддержания экологического равновесия [3].

Исследование выполняется в рамках программы научных исследований лаборатории экономики природопользования БИП СО РАН. В качестве объекта исследования рассматриваются регионы Северной Азии в пределах России – Алтайский край, Амурская область, Забайкальский край, Омская область, Республика Бурятия, Республика Тыва и Тюменская область. Целью исследования является выявление на этих территориях отличительных черт эколого-экономической эффективности и устойчивости использования сельскохозяйственных земель.

Методы и материалы. Предложен методический подход к оценке эколого-экономической эффективности использования сельскохозяйственных земель на основе соотнесения результатов сельскохозяйственной деятельности за вычетом экологических издержек с затратами на производство продукции сельского хозяйства. Под экологическими издержками понимается совокупность эколого-экономического ущерба в результате нарушений в использовании земельных ресурсов в сельском хозяйстве и эколого-экономических затрат на проведение мероприятий по улучшению состояния, качества почв, вовлечению неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот и пр. [5; 6].

Устойчивость землепользования неразрывно связана с оценкой земель, оценкой причиненного ущерба и эффективностью их использования. Для проведения оценки устойчивости применяются различные подходы в зависимости от поставленных целей: индексный анализ [7], основанный на применении индексов к различным видам ландшафтов, балльная оценка эколого-экономической устойчивости [4; 8; 9].

На основе изученной научно-методической литературы для исследования эколого-экономической устойчивости сельскохозяйственного землепользования регионов предлагается следующий алгоритм:

1. Расчет первичных показателей: четырех показателей, характеризующих экономическое состояние земель (коэффициент интенсивности вовлечения земли в с/х оборот; доля с/х угодий в землях с/х назначения; доля пахотных земель в с/х угодьях; доля посевных площадей в общей площади пахотных земель); и четырех показателей, характеризующих экологическое состояние земель (коэффициент экологической стабильности территории; коэффициент антропогенной нагрузки с/х угодий на окружающую среду; коэффициент антропогенной напряженности территории; коэффициент экологической напряженности территории) с использованием коэффициентов оценки экологических свойств различных видов земельных угодий [4, 10];

2. Приведение показателей экономического и экологического состояния земель к сопоставимому виду с использованием балльной шкалы перевода [11];

3. Объединение результатов оценки экономического и экологического состояния земель на основе расчета совокупных баллов как среднегеометрического значения произведения соответствующих компонентов [4];

4. Типологизация модельных регионов с использованием результатов балльной оценки: выделение трех типов эколого-экономического состояния сельскохозяйственных земель (эффективные, устойчивые, нестабильные) с тремя степенями их проявления (высокое, среднее, низкое) [4].

В качестве исходных материалов использовались данные из следующих источников: 1) Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». Социально-экономические показатели по субъектам РФ <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>; 2) Сельское хозяйство в России. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226>; 3) Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2018 г. Москва, 2019. 198 с. https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalnyy-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/?sphrase_id=1444504; 4) Росреестр (<https://rosreestr.gov.ru/>).

Результаты и выводы. Проведенный анализ ряда экономических показателей и параметров использования сельскохозяйственных земель за длительный период с начала 2000-х годов до настоящего времени показывает:

- Рассматриваемые в исследовании российские трансграничные территории Северной Азии территории РФ не вносят значительный вклад ВВП РФ, за исключением Тюменской области (вклад которой в ВРП в разные годы составлял от 8 до 12 % ВВП РФ и определялся специализацией области на добыче полезных ископаемых, ее удельный вес в ВРП достигал 63,7 % в 2018 г.);

- Удельный вес продукции сельского хозяйства в ВРП рассматриваемых регионов РФ с 2005 г. не превышает 10 %, за исключением Алтайского края, хотя динамика показателя и в этом регионе показывает снижение с 27 % до 13 %;

- По объему продукции сельского хозяйства (в долл. США) в большинстве модельных регионов в последние годы наблюдалась тенденция к росту производства по сравнению с началом 2000-х гг., за исключением трех регионов (Республика Бурятия, Забайкальский край и Тыва);

- Несмотря на двукратное сокращение доли сельского хозяйства Алтайского края в ВРП, производство продукции сельского хозяйства в данном регионе (в долл. США) выросло почти в 2 раза в 2019 г. по сравнению с 1995 г.;

- Значения коэффициентов эффективности сельскохозяйственного использования земель ниже единицы показывают превышение затрат на производство сельскохозяйственной продукции над эколого-экономическими выгодами от аграрного природопользования, что свидетельствует о нарушении баланса между природной средой и использованием земельных ресурсов в сельском хозяйстве. В целом по Российской Федерации баланс между природной средой и аграрной экономикой хрупок: превышение эколого-экономических выгод над совокупными затратами составляет всего 1,7 %. Наилучшим среди модельных регионов является показатель эффективности Тюменской области. Несмотря на то, что регион является только третьим по объемам производства сельскохозяйственной продукции и вторым по получаемой прибыли, а разница между площадями восстановленных и нарушенных земель меньше показателей Алтайского края и Омской области, в Тюменской области значительно ниже затраты на восстановление земель, что повлияло на итоговое значение коэффициента.

Результаты балльной оценки и выявленные типы эколого-экономического состояния сельскохозяйственных земель российских регионов Северной Азии показывают, что Алтайский край, единственный в рассматриваемой группе регионов, по совокупной балльной эколого-экономической оценке относится к устойчивому типу состояния с высоким уровнем проявления степени устойчивости. Показатели Тюменской и Омской областей также позволяют отнести эти регионы к устойчивому типу развития, но со средней степенью проявления устойчивости. Забайкальский край, Тыва и Бурятия по итоговой экономической оценке относятся к нестабильному типу, причем, наихудший показатель – у Республики Бурятия. При этом показатели итоговой экологической оценки этих трех регионов имеют наиболее высокие значения, что позволило отнести их к эффективному типу состояния, что, в конечном счете, увеличило их совокупную эколого-экономическую оценку до уровня, как в среднем по России.

Предлагаемые к использованию показатели и методические подходы для оценки эффективности и устойчивости использования сельскохозяйственных земель позволяют оценить разные аспекты сложного взаимодействия природной среды и сельскохозяйственного производства, структурировать узкие места и проблемные ситуации на модельных территориях, могут быть использованы в качестве инструментария исследования, а также для разработки рекомендаций по улучшению управления земельными ресурсами.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственной программы научных исследований Байкальского института природопользования СО РАН 0273-2021-0003 № АААА-А21-121011590039-6.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. OECD (2020), Towards Sustainable Land Use: Aligning Biodiversity, Climate and Food Policies, OECD Publishing, Paris. [Электронный ресурс]. URL: <http://doi.org/10.1787/3809b6a1-en>
2. Analysis of Land Use/Cover Change and Driving Forces in the Selenga River Basin / Y. Ren, Z. Li, J. Li, Y. Ding, X. Miao. Sensors. 2022, Vol. 22, 1041.
3. Долматова, Л.Г. Обеспечение устойчивого развития современного землепользования с учетом взаимосвязи экономических и экологических факторов / Л.Г. Долматова, И.А. Петрова // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Социально-экономические науки. 2018. № 5. С. 46-51.
4. Ткачева О.А., Мещанинова Е.Г. Эколого-экономические аспекты устойчивости сельскохозяйственного землепользования // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. 2013. № 1 (09). С. 169-181.
5. Методические положения рационального использования сельскохозяйственных земель с учетом агроэкологических, экономических и ресурсных ограничений в регионах России [Текст] / А.М. Югай, А.В. Колесников, М.П. Тушканов и др. М.: НИПКЦ Восход-А, 2009. 204 с.
6. Юрлова В.А. Принципы и методы системы эколого-экономической оценки сельскохозяйственных земель // Вестник СГГА. 2014. Вып. 3 (27). С. 164-172.
7. Кочуров, Б.И. Геоэкологическое картографирование / Б.И. Кочуров. М.: Изд. центр «Академия», 2009. 192 с.
8. Разработка методических подходов решения геоэкологических проблем агроландшафтов в условиях техногенного воздействия: отчет о НИР / ФГБОУ ВО Государственный университет по землеустройству. М., 2017. 97 с.
9. Губанова, Т.М. Оценка экологической устойчивости агроландшафтов (на примере сельского поселения муниципального района Чувашской республики) / Т.М. Губанова, И.В. Никонорова // Вестник Удмуртского университета. Серия биология. Науки о земле. 2018. Т. 28, Вып. 3. С. 242-248.
10. Мещанинова Е.Г., Ткачева О.А. Оценка эколого-экономического состояния землепользований Ростовской области // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2013. № 2. С. 63-69.
11. Мещанинова Е.Г., Ткачева О.А. Формирование экономического механизма устойчивого землепользования // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2012. № 3 (87). С. 23-29.

Taisiya B. Bardakhanova

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

AGRICULTURAL LAND USE IN THE RUSSIAN REGIONS OF NORTH ASIA: EFFICIENCY AND SUSTAINABILITY

Abstract. *The object of the study is the Russian regions of North Asia: Altai Krai, Amur Oblast, Zabaykalsky Krai, Omsk Oblast, The Republic of Buryatia, Tyva Republic and Tyumen Oblast. The methodological approaches proposed by the author make it possible to assess the environmental and economic efficiency and sustainability of the use of agricultural land. The results obtained reflect the problems and bottlenecks in the agricultural land use of the model regions and can be used to develop recommendations for improving land management.*

Keywords: *agricultural land, efficiency, environmental and economic benefits, damage, costs, typology, sustainability, Russian territories of North Asia.*

УДК 339.9

Грибанова Г.И.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ПОЛЯРНЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕВРАЗИИ

Аннотация. *Расширение сотрудничества в Арктике представляет собой важный элемент стратегического партнерства между КНР и РФ. Совместная инициатива «Полярный шелковый путь» направлена на укрепление взаимодействия стран. Несмотря на общее стремление к установлению более тесных связей, китайско-российские отношения характеризуются рядом проблем. Тем не менее, развитие сотрудничества в Арктике является одной из областей, в которых две страны могли бы тесно сотрудничать и иметь взаимодополняющие интересы.*

Ключевые слова: *Арктика, инициатива «Пояс и путь», «Полярный шелковый путь», Россия, Китай, интересы, сотрудничество, противоречия.*

Руководство КНР выступило с инициативой «Пояс и путь» в 2013 г. Главная идея заключалась в формировании торговых и инфраструктурных сетей, соединяющих Азию с Европой и Африкой на древних маршрутах Шелкового пути и за их пределами. При этом изначально считалось, что Российская Федерация плохо вписывается в этот проект, поскольку Китай заинтересован в диверсификации транспортных маршрутов и источников энергии, сбыте своих товаров в страны Центральной Азии, а также в развитии отсталых регионов своей страны. Сотрудничество с Россией представлялось вероятным в основном за счет использования Транссибирской магистрали и Северного морского пути (СМП). Даже несмотря на

значительную экономию времени транспортировки грузов, из-за отсутствия развитой инфраструктуры, а также суровых климатических условий, они считались неэффективными.

Однако в 2015 г. стало очевидно, что такое понимание проекта «Новый шелковый путь» с точки зрения китайско-российских отношений оказалось неверным. В мае 2015 г. президентами двух стран был подписан документ о согласовании инициативы «Пояс и путь» с ЕАЭС [1]. В опубликованном в 2017 г. в КНР «Видении морского сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь»» [2] были сформулированы основные принципы и предложены конкретные действия по строительству и развитию «Морского шелкового пути XXI века». Особое внимание было при этом уделено готовности Китая к сотрудничеству в Арктике. Важнейшим свидетельством серьезности арктических намерений КНР стала публикация в январе 2018 г. «Белой книги», в которой была четко сформулирована позиция руководства страны по Арктике, в том числе амбициозный план по развитию Полярного шелкового пути [3].

Особо следует отметить, что Китай называет себя «околоарктическим государством», вводя таким образом в оборот не только новый термин, но и целую концепцию, исходящую из идеи значительной географической близости Китая к Полярному кругу, что дает ему возможность заявить о своих правах на арктические богатства. Уделяя особое внимание Полярному шелковому пути, который должен укрепить взаимосвязь регионов и внести вклад в устойчивое развитие Арктики, Китай подчеркивает необходимость своего участия в строительстве и модернизации инфраструктуры в Арктике. Это означает желание Пекина сотрудничать со всеми арктическими державами в развитии морских маршрутов: СМП, Северо-Западного прохода, а также Центрального (Трансполярного) прохода, который предположительно откроется через Северный Ледовитый океан через Северный полюс.

Получив в 2013 г. статус постоянного наблюдателя при Арктическом совете, КНР может вносить предложения и заявления в рамках рабочих групп, тем самым участвуя в управлении и регулировании арктической деятельности. В будущем Пекин намерен расширить свои права и статус в рамках данной организации для обеспечения своих национальных интересов в регионе. Но как неарктическое государство, не имеющее территориального суверенитета в регионе, перспективы Китая в значительной степени зависят от его сотрудничества и согласования его интересов с арктическими государствами.

Двусторонние отношения с Россией занимают особое место в арктическом направлении внешней политики страны. Прежде всего, это связано с тем, что китайско-российское стратегическое партнерство предусматривает продвижение совместных инициатив на мировой арене, поддержание многополярности и повышение значимости принципов международного права. Кроме того, Россия обладает самой большой арктической зоной и самой протяженной береговой линией в Северном Ледовитом океане, а СМП проходит через ее территориальные воды. Таким образом, РФ рассматривается Пекином как ключевая страна региона, без согласия которой невозможно принимать какие-либо решения в рамках арктической повестки дня.

В свою очередь, Россия также нуждается в партнерстве с Китаем в Арктике, поскольку она крайне заинтересована в китайских инвестициях в экономику региона. Это также определенный противовес амбициям, проявляемым США в полярном регионе, усугубляемым тем фактом, что из пяти арктических держав Россия является единственным государством, не являющимся членом НАТО, что создает дополнительные угрозы ее национальной безопасности в Арктике.

Основой стратегических интересов Китая в Арктике являются торговые пути и доступ к источникам энергии. СМП по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал сокращает время и затраты на транспортировку товаров из Китая в Европу. Кроме того, Малаккский пролив, который также важен для китайских грузоперевозок, довольно уязвим с точки зрения безопасности. Россия же с помощью китайских инвестиций в СМП, включая те из них, которые предназначены для модернизации арктических портов, сможет получать экономические выгоды от плавания иностранных торговых судов по этому маршруту.

Решающим для претензий Китая на экономическое присутствие в Арктике является его участие в российских энергетических проектах. Сокращение инвестиционных и технологических возможностей России из-за западных санкций оказалось чрезвычайно выгодным для КНР. На данный момент китайские компании уже начали сотрудничество с российским бизнесом по разработке месторождений за полярным кругом, в первую очередь, путем осуществления значительных инвестиций.

Несмотря на то что в целом российско-китайское сотрудничество в Арктике является взаимовыгодным, видение России и Китая по ряду вопросов дальнейшего развития региона не совпадает. При этом в ситуации усиливающейся конфронтации между РФ и Западом, беспрецедентных экономических и финансовых санкций против России, будет крайне сложно управлять арктическими амбициями Китая.

На наш взгляд, существует три сценария дальнейшего развития двусторонних отношений в Арктике.

Согласно первому варианту, Пекин поддержит арктическую политику России и будет способствовать положительному решению Комиссии ООН по границам континентального шельфа относительно россий-

ской заявки на расширение своего шельфа в Арктике. Кроме того, учитывая политику Китая в Южно-Китайском море, в том числе в отношении пролива Цюньчжоу между островом Хайнань и материковым Китаем, следует ожидать, что Пекин не будет настаивать на нейтралитете СМП, поскольку это ослабит его собственные позиции в споре о Южно-Китайском море.

Второй сценарий предусматривает союз Китая с Соединенными Штатами и Европой, в рамках которого будет активно продвигаться концепция «общего наследия человечества» в отношении Северного Ледовитого океана, а также двух основных арктических маршрутов – Северо-Западного прохода и Северного морского пути. В этом случае вполне вероятно, что эта идея будет поддержана другими азиатскими странами, в том числе Индией, Южной Кореей, Японией и Сингапуром, которые уже заявили о своих собственных интересах в Арктике. Очевидно, что арктические державы останутся в меньшинстве, поэтому они не смогут сохранить свои лидирующие позиции в регионе. Однако из-за обострения американо-китайских отношений такой сценарий маловероятен в среднесрочной перспективе.

Третий сценарий исходит из намерений Китая стать великой морской державой и построить собственный ледокольный флот, что неминуемо снизит значимость России для освоения Пекином Арктики. Необходимо также учитывать, что Китай развивает двустороннее сотрудничество с другими арктическими странами, что также ставит под угрозу его дальнейшее взаимодействие с Москвой.

В любом случае, в краткосрочной перспективе сотрудничество в российско-китайских отношениях будет преобладать над соперничеством. «Мягкая сила» играет важную роль во внешней политике Китая, поэтому применение военной силы в Арктике практически исключено. Кроме того, Пекин выступает против милитаризации региона. В то же время следует иметь в виду, что Китай может рассматривать территорию Российской Арктики как временный плацдарм для продвижения своих интересов и влияния в Арктическом регионе. По мере таяния ледников и освобождения морских транспортных маршрутов от препятствий Китай сможет самостоятельно перемещаться в Арктике, не заходя в российские порты. А хорошо налаженные двусторонние отношения Китая с полярными странами обеспечат его ресурсами на долгое время. Очевидно, что сотрудничество с Россией также будет продолжаться, но нам не следует рассчитывать на его безусловно взаимовыгодный характер в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>
2. Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative. 2017-06-20. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-06/20/c_136380414.htm.
3. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

Galina I. Gribanova

St. Petersburg State University, Saint Petersburg

POLAR SILK WAY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN EURASIA

Abstract. *Increased Arctic cooperation has evolved as an important element in the strategic partnership between the PRC and the RF. The joint Polar Silk Road initiative is aimed at strengthening China's engagement with Russia. But despite the shared ambition to build closer ties, the Chinese–Russian relationship is complex. Nevertheless, developing relations in the Arctic is one of the areas where two countries could work on closely together and have complementary interests.*

Keywords: *Arctic, the Belt and Road Initiative, Polar Silk Road, Russia, China, interests, cooperation, contradictions*

УДК 911.3

Деточенко Л.В.¹, Фесенко В.В.²

¹*Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград;*

²*Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОРЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: РЕАЛИИ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются российско-китайские отношения в международной сфере. Анализируются основные показатели и особенности внешнеэкономического взаимодействия России и Китая. Определяются потенциально возможные направления развития российско-китайских отношений.*

Ключевые слова: внешняя торговля, геополитика, геоэкономика, национальные интересы, стратегическое партнёрство.

Начало XXI века ознаменовалось множеством важных (особенно геополитических) событий, как для Российской Федерации, так и для всего человечества в целом. Всё большее количество стран постепенно начинает отказываться от роли «статистов» (что особенно наглядно проявляется на различных значимых международных мероприятиях) и заявлять о собственных геополитических интересах. Это приводит к различным изменениям в интеграционных процессах, как созидательного порядка, так и разрушительного, к противостоянию геополитических интересов (вплоть до конфликтов) стран в стратегически обусловленных для них регионах мира. Говоря иными словами, обостряются отношения в трёхчленной пространственной структуре мирового хозяйства: центр, полупериферия и периферия. Вектор этого обострения направлен на различные сферы национальных интересов, в первую очередь, на геополитическую, геоэкономическую и геокультурную стороны государственного суверенитета. Более того, всё больше и больше стран в мире не просто декларируют это понятие, а предпринимают попытки его реальной реализации, как в своём развитии, так и в рамках всего мира.

На взгляд авторов, наиболее ярко о своих национальных интересах (после кризисных 90-х прошлого столетия), особенно в сфере безопасности, заявила Российская Федерация, выражая, таким образом, стремление к возвращению статуса мировой державы. Этому противодействует коллективный Запад во главе с США, накладывая на Россию всё новые и новые ограничения в различных сферах жизнедеятельности, что обуславливает возрастание рисков и угроз её национальным интересам. Это противодействие ещё более обострилось после начала специальной военной операции на территории Украины. Очевидно, что сложившаяся ситуация, с одной стороны, предопределила поиск путей нейтрализации этих рисков и угроз. С другой, показала иллюзорность мифологемы «...Запад нам поможет» (то есть, процесса интеграции в западный мирохозяйственный уклад), или (в геополитическом аспекте) – «...Европа от Лиссабона до Владивостока».

В этой связи разрешение возрастающих внешнеполитических проблем России в авторской позиции видится в разработке новой государственной геополитической концепции, учитывающей современные реалии стремительно изменяющейся геополитической картины мира. Предполагается, что данная концепция должна носить комплексный характер, и ориентирована на взаимовыгодное сотрудничество между странами, независимо от их уровня социально-экономического развития и особенностей общественного устройства. А поскольку взаимоотношения между странами представляет собой достаточно непростой феномен, вышеуказанный прагматизм вполне допускает выбор более предпочтительных направлений и объектов сотрудничества. В этой связи вполне оправдан вектор поворота в различных сферах международного сотрудничества нашей страны с Запада на Восток. Более того, это направление приобрело за последний год стратегическое значение, и в нём, на наш взгляд, особое место уделяется Китайской Народной Республике.

Экономика Китая по целому ряду макроэкономических показателей находится на первых позициях в мировом хозяйстве. Так, по номинальному ВВП за 2022 г. Китай по-прежнему остаётся на втором месте после США (18,46 трлн долларов США против 24,8 трлн долларов), а по паритету покупательной способности этот показатель вывел Китай на первое место в мире – по оценке МВФ за 2021 г. он составил 27206 млрд долларов США против американских 22996 млрд долларов [1]. Показатели России за тот же период значительно уступают вышеуказанным: 1,7 трлн долларов США (12 место) и 4494 млрд долларов (6 место) [1].

По объёму товарооборота КНР за 2021 г. занимал первое место в мировой экономике – 6,04 трлн долларов США при положительном сальдо в 0,68 трлн долларов (11,26 % от общего товарооборота). США занимали второе место с показателями: 4,68 трлн долларов при отрицательном сальдо в объёме 1,18 трлн долларов (25,2% от общего товарооборота) [2]. Россия по этому показателю за 2021 г. занимает более низкое место в мировом рейтинге: её внешнеторговый оборот составил, по данным Банка России, 798,0 млрд долларов США, в том числе экспорт – 494,0 млрд долларов (12 место), импорт – 303,9 млрд долларов (21 место) с положительным сальдо в объёме 190,1 млрд долларов США (23,8 % от общего товарооборота) [3].

Вышеуказанные показатели, особенно по внешнеторговой сфере, достаточно убедительно свидетельствуют об открытости экономических моделей упомянутых стран в глобализирующейся мировой экономике, но при разном понимании идеи и процесса глобализации. В этой связи авторская позиция солидаризируется с точкой зрения Д.В. Гордиенко в том, что данный процесс «...есть интеграция пространства путем развития системы коммуникаций, но без навязывания партнерам западных политических и культур-

ных моделей с их идеями демократии и либеральных ценностей» [4, с. 262]. Такая позиция Китая и России позволяет более эффективно развивать с учётом собственных возможностей торгово-экономическое сотрудничество со многими странами мира.

По итогам 2021 г., согласно статистическим данным Торгового представительства России в Китае со ссылкой на данные Главного таможенного управления КНР, российско-китайский товарооборот вырос на 35,8 % до 146,89 млрд долларов США. При этом импорт из КНР в Россию увеличился на 33,8 % и составил 67,57 млрд долларов США, а экспорт из России в Китай – на 37,5 % до 79,32 млрд долларов США [5]. По расчётам Д.В. Гордиенко – это 13 место России в объёме китайского экспорта и 10 – китайского импорта [4, с. 264-265]. Для России Китай по итогам 2021 г. по-прежнему остаётся главным торговым партнёром – 18,7 % от общего российского товарооборота («коллективный Запад – ЕС, США, Великобритания, Южная Корея, Япония» – 50,2 %) [6; расчёты авторов].

Достаточно жёсткие санкции, введённые «коллективным Западом» в отношении России после 24 февраля 2022 г., ответные российские антисанкционные решения существенно повлияли на экспортно-импортные цепочки России. В этой связи отметим, что только за 11 месяцев 2022 г., по данным главного таможенного управления КНР, товарооборот между Россией и Китаем вырос на 32 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил почти 172,5 млрд долларов США. Объём китайского экспорта в Россию составил 67,3 млрд долларов США (рост на 13,4 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), Россия же поставила в КНР товаров на 105 млрд долларов США (рост на 47,5 %) [7; 8, с. 193]. Энергоносители – основная статья доходов России в торговле с КНР, главные поставки из Китая в Россию приходится на продукцию машиностроения и химической отрасли.

Проведённый статистический анализ позволяет предположить дальнейшее расширение российско-китайских торгово-экономических связей. Более того, помимо жёсткого санкционного режима в отношении России этому, на авторский взгляд, будет способствовать также не только обострение борьбы за мировое лидерство между США и Китаем, но и откровенная антикитайская деятельность США, в первую очередь, в тайваньском вопросе и реакции Китая на российскую СВО. Иными словами, сложившаяся ситуация в этом стратегическом треугольнике создаёт благоприятные условия для сближения национальных позиций по многим сферам жизнедеятельности России и Китая.

В этой связи следует подчеркнуть, что для Китая характерен путь развития именно двусторонних отношений между странами. Это выражено желанием сохранения свободы маневра и применения различных стратегий и тактик для соблюдения собственных национальных интересов. Особенно здесь стоит отметить модель стратегического партнерства, понимание которой постоянно развивается и модифицируется. Если ранее термин «партнерство» был применим для всех партнеров КНР, то сейчас существует диверсифицированный подход к государствам в зависимости от степени приоритетности и важности государств для Китая. Количество названий у этих партнерских отношений великое множество, каждое несет в себе отдельный характер отношения Китая к сотрудничеству с определенной страной. Делятся они на три больших группы: это глобальные партнерские отношения, стратегические партнерские отношения и обычные партнерские отношения. К глобальным партнерским отношениям относятся только «... отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Россией» [9, с. 71].

В контексте вышеизложенного авторская позиция позволяет предположить некоторые потенциально возможные направления перспектив развития российско-китайских отношений.

1. На современном этапе российско-китайские отношения носят стратегический, уникальный и взаимодополняющий характер, обе страны совместно поддерживают статус государственного суверенитета. Профессор Пекинского педагогического университета Ли Син так характеризует специфику данных отношений: «...Россия самый важный партнер по стратегическому сотрудничеству, важная узловая страна вдоль экономического пояса «Шелкового пути», пример сосуществования, общего развития, поиска точек соприкосновения при сохранении различий и развития сообщества. Это доказывает, что китайско-российские отношения находятся на самом нормальном уровне и, следовательно, являются лучшими в истории. Это новый тип партнерства» [10, с. 91]. В начале 2021 г. глава МИД КНР Ван И подчеркивал, что «...практическое сотрудничество двух стран продвигается вперед вопреки обстоятельствам, у стратегического сотрудничества России и Китая нет конца, нет запретных зон, нет верхнего предела, две страны не будут создавать союз, вступать в конфронтацию и действовать против третьих стран, две страны должны воспринимать друг друга в четырех качествах – как стратегическую опору, как дипломатический приоритет, как шанс на развитие и как глобального партнера» [11, с. 14-15]. Эти высказывания, на наш взгляд, свидетельствуют о наличии политического доверия между Россией и Китаем, чего нельзя отметить в сравнении с китайско-американскими или российско-европейскими отношениями. С другой стороны, российско-китайские отношения представляются весьма непростыми и носят деликатный характер. Во-

первых, в историческом контексте (примерно за последние полтора века) российско-китайские отношения можно представить в некоем дискретном формате: сотрудничество-конфронтация по различным аспектам. Во-вторых, китайская сторона в силу исторически сложившейся ментальности всегда выступала (и выступает!) в качестве очень непростого «переговорщика». В-третьих, в настоящее время в качестве доминирующего фактора, определяющего характер российско-китайских отношений, выступает геополитический фактор.

2. Разнообразная санкционная антироссийская истерия со стороны коллективного Запада практически предопределила вектор поворота России в международной сфере на Восток, обусловив в качестве приоритетного направления китайское. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет предположить перспективное расширение, в частности, внешнеэкономических российско-китайских связей: увеличение внешне-торгового оборота между РФ и КНР может происходить как за счет сокращения внешней торговли России с недружественными странами, так и реализации различных масштабных совместных проектов, в частности экономического пояса «Шёлковый путь». Рискнём предположить, что в контексте стратегического партнёрства такой сценарий вполне реалистичен. В этой связи уместно отметить, с определённой долей достоверности, статью, опубликованную 16.12.2022 г. в «The Wall Street Journal». В ней, со ссылкой на источники в правительстве Китая, сообщается том, что «...председатель КНР Си Цзиньпин поручил увеличить импорт российской нефти, газа и продукции сельхозназначения, а также призвал укреплять энергетическое партнёрство с Россией в Арктике и инвестировать в российскую инфраструктуру, в том числе в порты и железные дороги [12]. С другой стороны, сырьевая структура российского экспорта во внешне-торговом обороте с Китаем, на наш взгляд, может сыграть «злую шутку» с Россией, то есть, сырьевой приоритет во внешней торговле нашей страны в состоянии дестимулировать развитие экономики и спровоцировать увеличение риска технологического отставания России в развитии глобальных процессов, где инициаторами в настоящее время выступают коллективный Запад и тот же Китай.

3. Массовый уход западных компаний с внутреннего российского рынка предоставляет хорошие возможности для развития бизнеса другим экономическим агентам, в частности китайским компаниям. Конечно, существует проблема вторичных санкций, что вызывает опасения у иностранных инвесторов, но в отношении Китая она вполне решаема в силу наличия, на наш взгляд, в настоящее время политического доверия между руководством обеих стран.

Подводя итог вышесказанному, авторская позиция исходит из того, что в настоящее время российско-китайские отношения в международной сфере развиваются достаточно успешно и находятся в стадии приоритетного стратегического партнёрства. Перерастут ли они в обозримой перспективе в отношения реальных союзников, может показать только время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Топ-60 стран мира по объёму ВВП – 2022: место России в списке [Электронный ресурс]. URL: <https://Top-RF.ru/places/161-reiting-stran-mira-po-vvp.html>
2. Мировой экспорт/импорт товаров [Электронный ресурс]. URL: <https://trendeconomy.ru>
3. О внешней торговле в 2021 году [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html
4. Новые горизонты экономики КНР в 14-й пятилетке (2021-2025 гг.) / Рос. акад. наук, Ин-т Китая и совр. Азии; сост. П.Б. Каменнов, А.Д. Александрова; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИККА РАН, 2022. 320 с.
5. Российско-китайский экспорт-импорт, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://seanews.ru/2022/02/07/ru-rossijsko-kitajskij-jekspport-import-2021/>
6. О внешней торговле в 2021 году [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.htm.l
7. Главное таможенное управление Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/tjzd/inde.html>
8. Цзоу Сютин. Российско-украинский конфликт: направления и тенденции российско-китайского экономического и торгового сотрудничества / Российско-китайские исследования • 俄中研究 • Russian & Chinese Studies 2022. Т. (卷 Vol.) 6, № 3. С. (页 pp.) 190-198.
9. 门洪华, 刘笑阳: “中国伙伴关系战略评估与展望” 载 世界经济与政治 2015 第 2 期第 65-95 页 (Мэнь Хуньхуа, Лю Сяоян: Китайское стратегическое партнёрство. Оценки и перспективы. Мировая экономика и политика, 2015, № 2, С. 65-95. (на кит.).
10. Ли Син. О месте России во внешней политике КНР в новую эпоху / Российско-китайские исследования • 俄中研究 • Russian & Chinese Studies 2022. Т. (卷 Vol.) 6, № 2. С. (页 pp.) 84-92. (на кит.).
11. Россия – Китай: отношения на рубеже 20 летия «Большого договора» / отв. ред. А.С. Давыдов, С.В. Уянаев; Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИККА РАН, 2022. 208 с.
12. Партнёрство Китая и России бьёт рекорды вопреки давлению Запада [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-12-16/WSJ-ne-imeet-granic->

GEOPOLITICAL AND GEO-ECONOMIC FACTORS OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: REALITIES AND POSSIBLE DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

Abstract. The article examines Russian-Chinese relations in the international sphere. The main indicators and features of foreign trade cooperation between Russia and China are analyzed. Potential possible directions for the development of Russian-Chinese relations are being determined.

Keywords: foreign trade, geopolitics, geo-economics, national interests, strategic partnership.

УДК 324, 323.15

Жирнова Л.С.

Институт международных исследований МГИМО МИД России,
г. Москва

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ЭФФЕКТ СОСЕДСТВА В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ В ЛАТВИИ (НА ПРИМЕРЕ «РУССКОГО СОЮЗА ЛАТВИИ»)

Аннотация. В статье анализируются результаты голосования за Русский союз Латвии на выборах 2011, 2014 и 2018 годов в региональном разрезе. С помощью корреляционного, пространственного автокорреляционного и двухфакторного пространственного анализа выявляются кластеры высокой и низкой поддержки партии и оценивается их устойчивость от выборов к выборам. Фиксируется средняя корреляция между результатами партии в регионе и долей русских в соседних муниципалитетах.

Ключевые слова: пространственный анализ, выборы, Латвия, русские, электоральная география, этнический раскол, Русский союз Латвии

Введение. В современных геополитических условиях повышается значение исследования электоральной динамики партий, которые открыто постулируют поддержку русскоязычного населения в странах ближнего зарубежья. В данной статье рассматриваются результаты одной из таких партий – «Русского союза Латвии» – на протяжении трёх электоральных циклов (выборы 2011, 2014 и 2018 гг.). РСЛ (до 2014 г. партия ЗаПЧЕЛ – «За права человека в единой Латвии») – одна из старейших политических сил в Латвии, которая зародилась ещё в начале 1990-х годов, но до сих пор продолжает сохранять важное значение в латвийской политике.

Более трети населения Латвии являются русскоязычными¹, однако среди граждан страны этот показатель составляет только четверть², поскольку большая доля русскоязычных остаются негражданами без права голоса даже на муниципальных выборах. На фоне этого и других жёстких ограничений прав русскоязычных в Латвии этнолингвистический раскол на протяжении всех лет независимости оставался ключевым для латвийской политики.

В рассматриваемый период на русскоязычный электорат опирались две партии: «Согласие» и Русский союз Латвии. «Согласие» фактически сохраняло монополию на «русские» голоса, благодаря чему оно обгоняло на выборах даже ведущие латышские политические силы (с результатом 28,3 % в 2011 г., 23 % в 2014 г. и 19,8 % в 2018 г.), однако оставалось вне правительства из-за «красных линий» латышской правящей элиты против партии, которую они считали «прокремлёвской». Само «Согласие» неоднократно отрицало, что является «русской» партией, заявляя, что выступает за национальное примирение и пользуется поддержкой в том числе и латышей. В итоге из сколь-нибудь заметных партий только «Русский союз Латвии» сохранял приверженность защите русскоязычных, подчёркивая, что построение процветающей Латвии невозможно без учёта интересов крупнейшего национального меньшинства.

Призывы РСЛ не привели к значимым результатам – с 2010 г. представителей партии больше нет в Сейме. В 2011 г. РСЛ получил 0,78 % голосов, в 2014 г. – 1,58%, в 2018 г. – 3,2 %. Однако утверждать, что она была полностью вытеснена «Согласием», нельзя, поскольку она сохраняла представительство как на

¹ Iedzīvotāju skaits un īpatsvars pēc tautības un valstiskās piederības gada sākumā. Centrālā statistikas pārvalde. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.lv/lv/statistikas-temas/iedzivotaji/iedzivotaju-skaits/tabulas/ire060-iedzivotaju-skaits-un-ipatsvars-pec> (дата обращения: 30.09.2021).

² 60,8 % Latvijas iedzīvotāju dzimtā valoda ir latviešu. Centrālā statistikas pārvalde. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/statistikas-temas/iedzivotaji/meklet-tema/2747-608-latvijas-iedzivotaju-dzimta-valoda-ir-latviesu> (дата обращения: 30.09.2021).

муниципальном, так и на европарламентском уровне. В Брюсселе партию представляет её председатель Татьяна Жданок, политик, за свою многолетнюю карьеру не проигравший ни одних выборов, в которых она участвовала. Такие результаты показывают, что у партии есть ядро поддержки, изучению которого, а точнее, его сопоставлению с расселением русскоязычных и посвящена данная статья.

Латвийские выборы и партийная система регулярно становятся предметом интереса латвийских и российских исследователей. Зачастую в центре их внимания находится этнолингвистический раскол в латвийском электорате и обществе. Эту особенность партийно-политического ландшафта отмечают практически все исследователи, но особое внимание ей уделяют Я. Икстенс и И. Балцере [1], Б. Зепа и И. Шупуле [2], А. Солопенко [3]. Среди российских исследователей следует отметить работы Р.Х. Симоняна [4] и В.В. Воротникова [5], которые как дают комплексную оценку партийной системы, так и анализируют результаты отдельных выборов.

Специфика данной работы состоит в использовании методов пространственного статистического разведочного анализа, которые позволяют уточнить выводы о базовом совпадении ареалов расселения русских избирателей³ и электората РСЛ, сделанные в работах других исследователей.

Этнический фактор в голосовании за РСЛ. Первым шагом к оценке значимости этнического фактора в пространственном распределении голосования за РСЛ служит корреляционный анализ. На протяжении трёх электоральных циклов результаты партии демонстрировали сначала высокую, а затем среднюю корреляцию с долей русских в 119 регионах: 0,777 в 2011 г., 0,660 в 2014 г. и 0,608 в 2018 г.

Индекс Морана показывает, насколько высокий результат партии в регионе совпадает с высоким результатом в соседних регионах. У РСЛ он находится в средних значениях - 0,406 в 2011 г., 0,394 в 2014 г. и 0,362 в 2018 г. – это ниже, чем у «Согласия», то есть пространственная зависимость в голосовании за Русский союз Латвии выражена меньше, чем за «Согласие». Картограмма локального индекса Морана за 2011 г. фиксирует два кластера высокой поддержки в Латгалии и Земгале (обозначены серым), а также два кластера низкой поддержки в Курземе и Видземе (обозначены чёрным). В 2014 и 2018 гг. кластер соседства высоких значений поддержки РСЛ в Земгале уже не фиксируется, а кластер соседства низких значений в Видземе и Курземе разрастается.

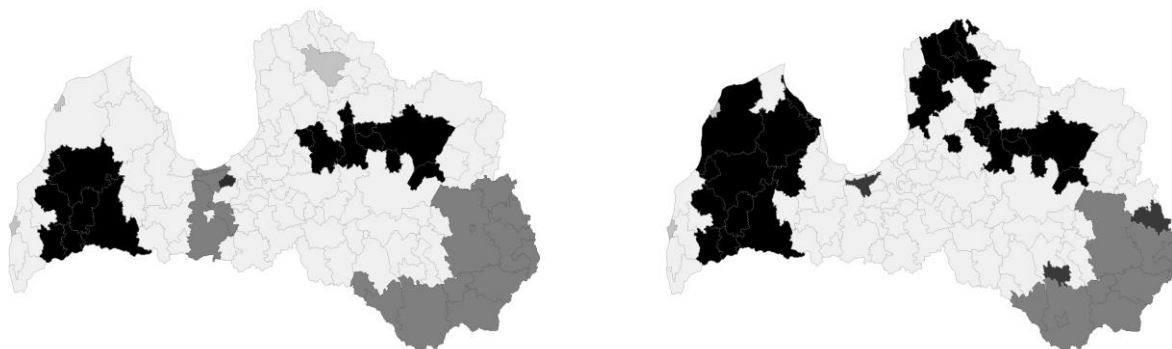

Рис. 1. Картограммы локального индекса Морана по голосованию за Русский союз Латвии в 2011 и 2014 гг.

Чтобы оценить эффект соседства для двух переменных, используется двухфакторный индекс Морана, который показывает, насколько высокий уровень одного показателя в регионе совпадает с высоким средним показателем доли другого показателя в соседних регионах. Двухфакторный индекс Морана для доли поддержки РСЛ в регионе и доли русских в соседних регионах оказался ниже, чем для «Согласия», но находится в средних значениях: 0,460 в 2011 г., 0,428 в 2014 г. и 0,411 в 2018 г. Картограммы локального индекса Морана по доле проголосовавших за РСЛ в регионе и доле русских в соседних регионах фиксируют те же кластеры высоких значений (серые) в Латгалии и вокруг Риги, а также кластеры низких значений (чёрные) в Курземе и Видземе.

Если сравнить долю русских в регионе со средней долей поддержки РСЛ в соседних регионах, в 2011 г. двухфакторный индекс Морана по этим показателям составил 0,418, в 2014 г. 0,387, а в 2018 г. 0,366, что опять же является средним значением. Что касается двухфакторных локальных индикаторов пространственной автокорреляции по доле русских в регионе и голосованию за РСЛ в соседних самоуправлениях, вновь наблюдаются кластеры низких значений в Курземе и Видземе и кластер высоких значений в Латгалии, а кластер высоких значений в центральной Латвии еще просматривается в 2011 г., но к 2018 г. полностью теряется.

³ Решено остановиться на доле русских, поскольку последние данные по доле русскоязычных по регионам публиковались в 2011 г. и не отражают последних миграционных изменений.

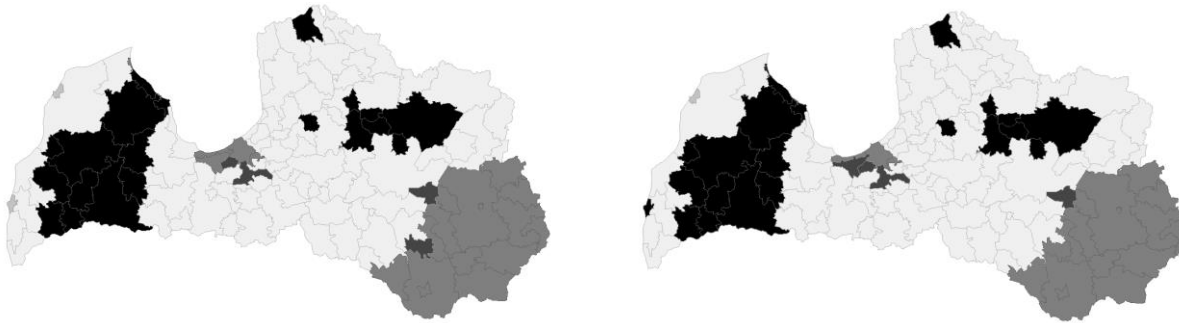

Рис. 2. Картограммы двухфакторного локального индекса Морана по голосованию за Русский союз Латвии в регионе в 2011 и 2018 гг. и доле русских в соседних регионах

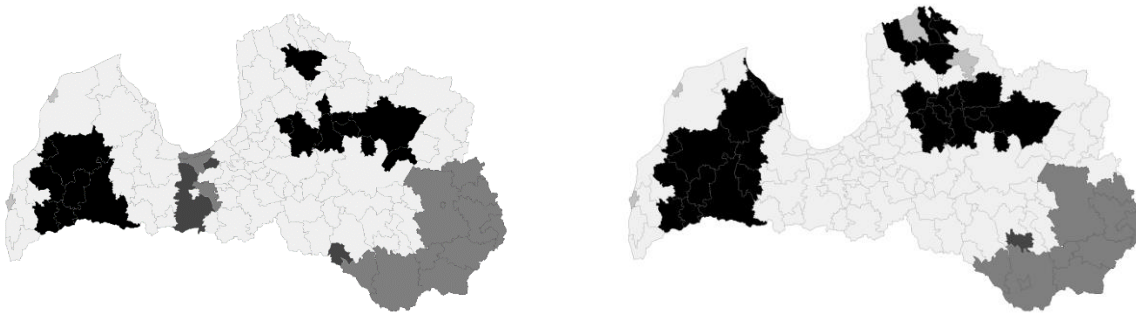

Рис. 3. Картограммы двухфакторного локального индекса Морана по доле русских в регионе и голосованию за Русский союз Латвии в соседних регионах в 2011 и 2018 гг.

Итак, разведочный статистический анализ голосования за Русский союз Латвии фиксирует его прямую корреляцию с долей русских в регионе. В целом, кластеризация поддержки РСЛ напоминает расселение русских в Латвии, однако при двухфакторном анализе голосования за РСЛ в регионе и доли русских в соседних регионах, а также доли русских в регионе и голосования за РСЛ в соседних регионах выявлен более слабый эффект соседства – индекс Морана приобретает средние значения, ниже, чем при корреляционном анализе. Более точно вес эффекта соседства в голосовании за Русский союз Латвии будет оценён в последующих исследованиях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, граничащих с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ikstens J., Balcere I. (2019). Latvia: Office-seeking in an Ethnically Divided Polity. Coalition Governance in Central Eastern Europe. Eds. G. Ikonoski, T. Bergman, W. C. Muller. Great Britain: Oxford University Press. P. 252-302. <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198844372.001.0001>.
2. Zepa V., Šūpule I. (2006). Ethnopolitical Tension in Latvia: Factors Facilitating and Impeding Ethnic Accord. Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions. Ed. Nils Muižnieks. Riga. P. 33-40.
3. Межевич Н.М., Солопенко А.В. (2021). Избирательная система Латвийской Республики // Современные избирательные системы. Москва: Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. С. 185-368.
4. Симонян Р. Х., Кочегарова Т.М. (2014). Партия «Согласие» вновь побеждает (по результатам парламентских выборов в Латвии) // Ежегодник ИМИ МГИМО МИД России. № 3-4 (9). С. 155-171.
5. Воротников В.В. (2018). Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 5 (5). С. 85-90.

Lidia S. Zhirnova
Institute of International Studies
MGIMO University Foreign Ministry of Russia, Moscow

ETHNIC FACTOR AND NEIGHBOURHOOD EFFECT IN LATVIAN ELECTORAL BEHAVIOUR (CASE OF LATVIAN RUSSIAN UNION)

Abstract. *The article studies the election results of the Latvian Russian Union in 2011, 2014 and 2018 in the regional context. Correlational, spatial autocorrelational and bivariate spatial analysis allows to identify neighbourhood clusters of high and low support and evaluate their sustainability. An average correlation between the voting support of the party and the proportion of Russians in the neighbouring regions is traced.*

Keywords: *spatial analysis, elections, Latvia, electoral geography, ethnic cleavage, Latvian Russian Union.*

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ESG-СТРАТЕГИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ

***Аннотация.** В статье рассмотрено ESG-стратегирование как инструмент общественного сбалансированного развития. Предметным полем представлено использование ESG-повестки в Тюменской области, включая корпорации-общественные акторы на её территории.*

***Ключевые слова:** ESG-стратегирование, Тюменская область, Евразия, детерминанты.*

Сегодня мировое сообщество претерпевает крупнейшие геополитические трансформации [1; 2], преобразующие международные отношения по всем направлениям. Ранее продвигаемые принципы сегодня уже не актуальны: «Спорт вне политики!»; «Наука вне границ!»; «Неприкосновенность частной собственности!». Были ли они когда-нибудь чем-то большим, чем продвигаемыми слоганами для рекламы западной демократии – предмет отдельного исследования. Сегодня жребий брошен, и Рубикон перейдён, за которым, прежде всего, евразийское пространство!

В евразийском контексте возникает многополярность, в которой, с одной стороны, очень сложно принимать специфические правила игры, с другой стороны, есть разнообразие этих самых правил. Глобализация не уходит с мировой арены, ей на смену приходит глокализация [3; 4], вбирающая в себя черты глобального и местного. И в этом направлении возрастает потребность в продукции общественной географии, как для внешнего, так и внутреннего потребления, прежде всего, в части «географизирования исследований» [5]. Одним из перспективных направлений выступает ESG-стратегирование, которое постепенно переходит из формата красивого словосочетания в конкретный инструмент, а в текущем геополитическом контексте – в суверенное программирование пространственно-ориентированных основ общественного сбалансированного развития.

И здесь уже сложились евразийские детерминанты, которые нуждаются в отдельных детальном исследовании. Так, Китай в 2015 г. стал первым государством, установившим критерии зеленых проектов. А Индия еще с 2013 г. ввела требования к компаниям по раскрытию отчетов об ответственности бизнеса [6]. Всё это обусловлено тем, что ESG-повестка выступает гарантом к достижению поставленных целей, так как в ее основах стоит установка конкретного плана действий на ближайшие годы, в котором заложены алгоритмы и вероятности возможных событий.

В современной российской действительности усилилось социальное направление в ESG-политике компаний [7], что отражает и евразийскую практику. Для Китая, Индии, стран Персидского залива, Центральной и Юго-Восточной Азии вопросы сохранения своих сообществ в эпоху глобальных перемен являются более насущными, чем «борьба» с глобальным потеплением. В контексте данного социального вектора ESG-стратегирование становится принципиальным на региональном, и муниципальном уровне, когда местные сообщества определяют свои параметры качества жизни. Для более конкретного анализа ситуации возьмём Тюменскую область (без автономных округов), которая входит в топ 10 регионального рейтинга ESG по данным RAEX, НРА и других.

Прежде всего, отмечаем национальное разнообразие. На момент переписи населения 2021 г. на территории области зафиксированы представители почти 140 национальностей. Из-за чего в регионе достаточно много нюансов возникает при реализации корпоративных проектов. Так как на территории региона сохранилась национальная приуроченность к доминирующим видам природопользования.

Нефтедобывающие корпорации при реализации своих проектов воздействуют на систему природопользования коренных малочисленных народов Севера (в границах Уватского района выделено несколько стойбищ демьянских ханты), для которых сохранение охотничьих угодий и рыболовных участков является приоритетным видом договороспособности. И эта детерминация присуща и другим азиатским регионам [8], на стыке взаимосвязи сохранения безопасной окружающей среды, от которой зависит экстенсивное натуральное природопользование, от которого напрямую зависит уровень и качество жизни населения.

Во-вторых, отмечаем экономико-географическую дифференциацию региона, которая обусловлена историческими, политическими и экономическими причинами. В результате, на территории области сформировались очаги традиционного природопользования: КМНС в Уватском районе, изолированного хозяйства Тюменского Заболотья, таёжного хозяйства в Юргинском районе, рыбного промысла в Армизонском

районе, а также сельскохозяйственные латифундии в восточных районах, скотоводческие артели в южных районах, национальные хозяйства в центральных районах. Но, самым большим элементом поляризации, выступает дифференциация между городским округом городом Тюменью и всей остальной территорией. Город показал самый стремительный рост численности жителей среди крупных городов РФ [9]. Такой же рост произошёл и по уровню, и по качеству жизни тюменцев, чего нельзя зафиксировать по отношению к другим территориям области.

В-третьих, сам статус сложноустроенного субъекта РФ накладывает политические и геоэкономические социальные последствия. Неопределённость взаимоотношений с автономными округами, жители которых активно мигрируют в областной центр, тем самым увеличивая стоимость жизни в городе. В это же время, голоса избирателей тюменских сообществ растворяются во время выборов губернатора и парламента Тюменской области, так как в них голосуют и жители автономий, которых существенно больше. Северяне, де-факто, выбирают власти для южан, хотя у них есть и свои парламенты, и свои губернаторы, которые никак не зависят от областных властей. «Больше половины областного парламента – депутаты с Севера. Они принимают законы, которые их не касаются. Это политологический анекдот» [10].

Таким образом, уже сегодня возникла острая потребность в ESG-стратегировании развития региона, муниципалитетов, отдельных корпораций. Исходя из обозначенных нами социальных аспектов территории, предлагаем следующие рекомендации по развитию ESG повестки для Тюменской области и корпораций-общественных акторов на её территории.

1) Геоинформационное представление сведений по экологическому состоянию муниципалитетов. И здесь, опять же, отмечаем соответствующие детерминации в Азии. Например, Китай проводит быструю и жесткую политику в рамках этой повестки. Оперативно создаются большие базы геоинформационных данных с открытым доступом, когда в режиме онлайн любой может зайти и просмотреть их. На их основе можно разработать или доработать уже существующие геоинформационные порталы под новые вызовы.

2) Выделение территориальных общественных систем [11; 12] внутри регионов, чтобы при проведении инвестиционного планирования не сталкиваться с неожиданными социальными рисками.

3) Продвижение принципа социального лицензирования [13] природопользования, которое закрепляется в составе экологической документации, как наиболее точно учитывающей специфику местности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сидоров А.А. Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15. № 4. С. 81-101. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-81-101>
2. Энергопередел, или как мировая гибридная война разрушила глобализм. ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/16697499> (дата обращения: 16.01.2023).
3. Ионов И.Н. Смена темпоральных режимов и противоречивые образы национального // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 24-33. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3\(76\)-24-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2022-3(76)-24-33)
4. Hasan S. Public diplomacy or public glocalization? Rethinking public diplomacy in the post-truth era // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. 2022. No1. pp. 157-175.
5. Дружинин А.Г. Развитие Российской общественной географии: современные вызовы и опыт прошлого // Географический вестник. 2022. № 2 (61). С. 17-33. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-2-17-33>
6. Восточный экспресс: как страны Азии и Ближнего Востока развивают ESG-повестку. РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://esg-sber-world.rbc.ru/> (дата обращения: 16.01.2023).
7. «Шаги назад»: что будет с ESG-проектами после ухода иностранных компаний. РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/632873db9a794758d8eef01e> (дата обращения: 16.01.2023).
8. Шапхаев С.Г. Влияние деятельности ресурсодобывающих и транспортных компаний на традиционное природопользование: взгляд эколога // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 55-60.
9. Преображенский Ю.В. Экономико-географическое и сетевое положение крупнейших российских городов в постсоветский период // Географический вестник. 2020. № 1 (52). С. 84-95. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2020-1-84-95>
10. Шафранов-Куцев Г.Ф., Зборовский Г.Е. Интервью сердитого эксперта // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Т. 2. № 4. С. 8-22.
11. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный потенциал и региональный капитал: «возможное»-«реальное»-«необходимое» // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 4. С. 1014-1027. <https://doi.org/10.17059/2016-4-4>
12. Михайлов В., Рунге Й. Идентификация человека. Территориальное общество и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52-62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
13. Рябова Л.А. Социальная лицензия на деятельность добывающих компаний и достижение социальной устойчивости муниципалитетов Арктики: зарубежный опыт // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4 (55). С. 34-49.

SOCIAL ASPECTS OF ESG-STRATEGIZING IN THE CONTEXT OF EURASIAN DETERMINANTS

Abstract. The article considers ESG-strategizing as a tool the social balanced development. The subject field is the use of the ESG agenda in the Tyumen region, including corporations-public actors in its territory.

Keywords: ESG-strategizing, Tyumen region, Eurasia, determinants.

УДК 913

Земцов С.П.¹, Царева Ю.В.¹, Белицкий М.^{2,3}

¹Институт прикладных экономических исследований,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва;

²Бизнес-школа Хенли, Университет Рединга,
г. Рединг (Великобритания);

³Бизнес-школа ICD, IGS-Group, г. Париж (Франция)

ЭФФЕКТ КОЛЕИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация. Для оценки эффекта колеи в географии деловой активности собраны и обработаны исторические данные об активности купечества в конце XIX века, нэпманов в 20-е гг., торговых предприятий и кооперативов в советский период и малого бизнеса в XXI веке. Выделены относительно устойчивые центры и периферия. Эконометрические расчеты подтверждают наличие связи между плотностью малого бизнеса и исторической динамикой, падающая в советский период; связь с купечеством нелинейная. Отмечается роль крепостничества и международной торговли. Выводы могут быть значимы для политики.

Ключевые слова: персистентность, зависимость от пройденного пути, укорененность, малый и средний бизнес, регионы России, купцы, НЭП, Российская империя, СССР.

Цель нашего исследования – дать историко-географическое описание процессам развития предпринимательства, или деловой активности, в России и определить, влияют ли исторические процессы и эффект колеи на его современное состояние.

Для оценки эффекта колеи собраны и обработаны исторические данные об активности купечества в конце XIX века, нэпманов в 20-е гг., торговых предприятий и кооперативов в советский период и малого бизнеса в XXI веке.

Существенные преобразования, изменения в экономике и политике на протяжении всего XX столетия должны были полностью изменить закономерности развития предпринимательства в России. Но во многих сферах наблюдается «зависимость от пройденного пути» (от англ. path dependency). Иными словами, географическое распределение экономической активности в общем случае обладает определенной инертностью, устойчивостью даже после катастрофических шоков, таких как войны, изменения границ, изменение политической и экономической системы и т.д. У эффекта *персистентности* (жизнестойкости, долгосрочной выживаемости) деловой активности можно выделить три основных объяснения.

Географическое. Первое связано с наличием определенных выгодных природно-географических условий на территории расположения поселений (это экономико-географическое положение, природные ресурсы и т.д.), что предопределяет выгоды от восстановления и/или размещения предприятий схожей специализации [1]. Иными словами, *сохраняются сочетания факторов размещения*.

Функциональное. Второе объяснение связано с *преимуществом функций мест размещения* основных фондов предприятий⁴, например многие советские предприятия возникли на месте дореволюционных, в том числе путем национализации, а российские – на развалинах советских заводов и путем приватизации [1; 2].

Социокультурное. Третье объяснение связано с институциональными факторами, со сложившейся культурой местных сообществ, в которых произошло *укоренение предпринимательства* и передача соответствующих представлений потомкам. Укоренение в данном случае происходит на местном и региональных уровнях [3]. Иными словами, в регионах и отдельных поселениях сохраняется культура предпринимательства и предприимчивости [4].

⁴ Недаром в рамках геосистемного подхода основные фонды часто называются «генами» территориальной природно-хозяйственной системы [5].

Для проверки гипотезы о персистентности предпринимательства мы использовали устойчивый для подобного рода исследований набор переменных:

$$SB_{i,t} = \alpha_1 * Econ_dev_{i,t} + \alpha_2 Market_{i,t} + \alpha_3 Institution_{i,t} + \alpha_4 Human_cap_{i,t} + \alpha_5 Agglom_{i,t} + \alpha_6 History_{i,t} + \delta$$

где SB – оценка предпринимательской активности через плотность малого бизнеса в регионе i в период t ; $Econ_dev$ – оценка уровня и динамики экономического развития; $Market$ – оценка влияния объема и близости крупных рынков; $Institution$ – оценка развития институциональной среды; $Agglom$ – оценка агломерационных эффектов; $Human_cap$ – оценка качества человеческого капитала [3; 4].

Для наглядности нами построены графики рассеяния (рис. 1).

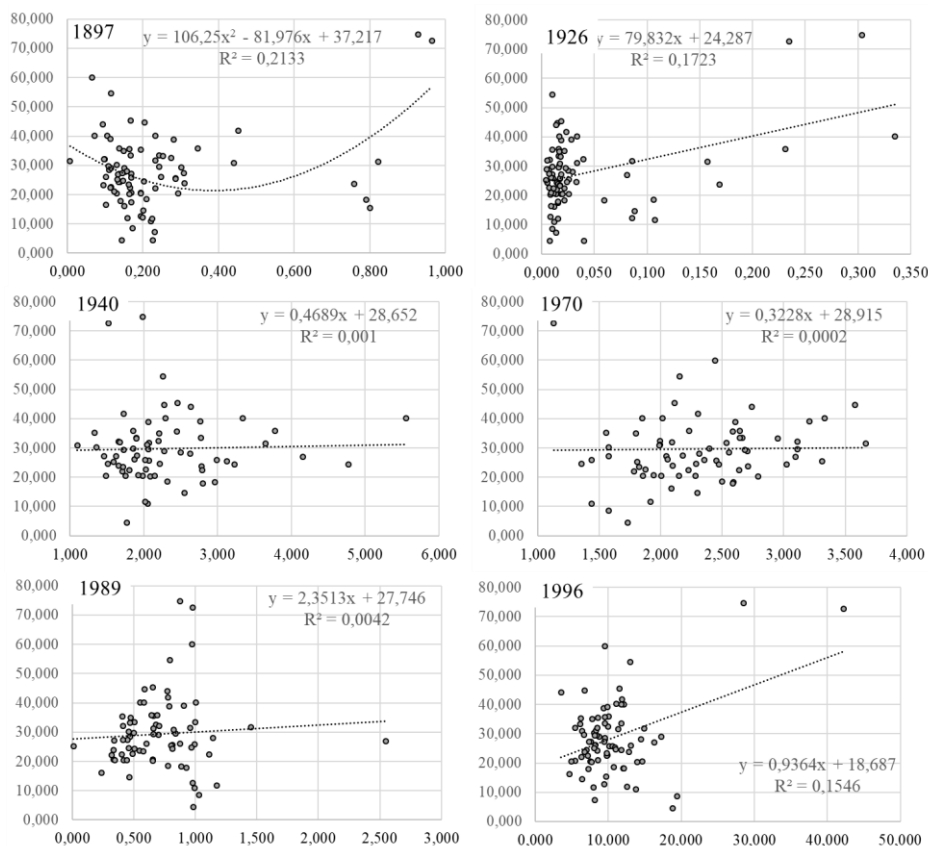

Рис.1. Графики рассеяния: по оси x – оценки уровня предпринимательской активности на указанную даты, ось y – плотность малого бизнеса в 2018 г.

Результаты эконометрического моделирования в целом подтвердили наши гипотезы.

Связь между плотностью малого бизнеса и купечеством нелинейная. Для большинства регионов характерны средние значения обоих показателей. Но есть регионы с высокой активностью малого бизнеса, в которых развивалось и купечество. Возможно им удалось сохранить деловую активность на протяжении советского периода: это столичные агломерации Ярославская, Костромская, Тверская, Рязанская и Смоленская области (исторические купеческие города и современный туризм под влиянием Москвы); Приморский и Хабаровский край (международная торговля с Китаем); Ивановская область (текстильный кластер); Камчатский край (фронтир). А есть регионы советского освоения, в которых не было много купцов, но сложились благоприятные факторы для малого бизнеса в новую эпоху: Сахалинская, Тюменская области (добывающие центры с большим потребительским рынком); Самарская, Омская, Томская, Новосибирская, Воронежская, Челябинская области, Краснодарский край, Татарстан (крупнейшие города с большими рынками).

Связь с процессами вынужденного предпринимательства во время Новой экономической политики положительная, но слабо прослеживается, в первую очередь, за счет традиционных центров внутриросийской (Москва, Санкт-Петербург) и международной торговли (Приморский и Хабаровский край).

В регионах, где плотность торговых предприятий в довоенный период (1940 г.) была выше на одно торговое предприятие (в расчете на 1000 человек населения), плотность малого бизнеса сейчас выше на 1,69 малого предприятия (в расчете на 1000 человек рабочей силы), а для кооперативов 1989 г. влияние ожидаемо сильнее – 3,42 [6]. При этом связь с развитием торговли в 1970 г. не прослеживается (переменная не значима), соответственно, плановые методы управления привели к существенным искажениям в географии деловой активности.

В исследованиях предпринимательства существенное значение играют особенности развития территории, в которой создается и функционирует бизнес. Способность фирмы выжить и добиться успеха в значительной мере зависит от свойств местного сообщества, сложившихся институтов и инфраструктуры, близости рынков, но и от историко-географических процессов на исследуемой территории. Наши расчеты подтверждают, что есть связь между современной плотностью малого бизнеса и концентрацией купцов, нэпманов, советских торговых предприятий и кооперативов в регионах России. Правда, сложно выявить основной канал влияния: географический, функциональный или социокультурный. Вероятно, в разных регионах наблюдается разное их сочетание.

Гипотезу о персистентности предпринимательства в России в целом можно считать подтвержденной. Иными словами, непросто изменить долгосрочные, базовые тренды деловой активности и предпринимательские экосистемы [7] даже при условии кардинальной смены экономического режима, но при этом политические меры, безусловно, оказывают влияние.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабурин В. Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней. М.: УРСС, 2002.
2. Xiao, J., Boschma, R., Andersson, M., 2018. Industrial Diversification in Europe: The Differentiated Role of Relatedness. *Economic Geography*, 94 (5), 514-549.
3. Audretsch D., Belitski M. (Ed.) *Developments in Entrepreneurial Finance and Technology*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2022. 320 p.
4. Fritsch M., Wyrwich M. The effect of entrepreneurship on economic development – an empirical analysis using regional entrepreneurship culture // *Journal of Economic Geography*. 2017. Т. 17. № 1. p. 157-189.
5. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука, 2007.
6. Заздравных Е.А. Исторические эффекты региональной предпринимательской активности // *Российский журнал менеджмента*. 2019. Т. 17. № 1. С. 97-120.
7. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Предпринимательские экосистемы в регионах России // *Региональные исследования*. 2019. № 2. С. 4-14.

Stepan P. Zemtsov¹, Yulia V. Tsareva¹, Maksim Belitski^{2,3}

¹*Institute of Applied Economic Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow;*

²*Henley Business School, University of Reading, Reading (Great Britain);*

³*ICD International Business School, Paris (France)*

PATH DEPENDANCE AS A DETERMINANT OF BUSINESS ACTIVITY IN THE TERRITORY OF NORTHERN EURASIA OVER THE RECENT CENTURIES

Abstract. *We have collected and processed historical data on the distribution of merchants at the end of the 19th century, NEPmen in the 20s, trade enterprises and cooperatives in the Soviet period and small businesses in Russia. We established relatively stable centers and periphery. Econometric calculations confirm the relationship between the density of small businesses and historical dynamics, falling during the Soviet period; connection with the merchant class is non-linear. The role of serfdom and international trade is noted. The findings may be policy-relevant.*

Keywords: *persistence, path dependence, embeddedness, small and medium business, Russian regions, merchants, NEP, Russian Empire, USSR.*

УДК 911.3

Ибрагимов А.И.

*Бакинский Государственный Университет,
г. Баку (Республика Азербайджан)*

НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК И ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МАЛЫХ СТРАН (АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ СЛУЧАЙ)

Трансформация политической картины мира, обусловленная СВО Российской Федерации на Украине, привела к значительным изменениям в геополитическом поведении государств. Оно стало более открытым в контексте выражения своих внешнеполитических симпатий и антипатий. Мир стал с одной стороны более хрупким и чувствительным к тем или иным проявлениям страновых симпатий и антипатий, а с другой стороны все больше наблюдается стремления к занятию своего положения в новой системе координат мировой геополитики.

Особенно это тема актуальна для малых стран, само существование которых зависит от многих факторов, как геополитических, так и социально-экономических. В нашем случае, Азербайджанская Республика, может служить хорошей иллюстрацией, вынесенного в заголовок названия доклада.

Начиная с 2020 г. после завершения 44 дневной войны, Азербайджанская Республика проводит геополитику, в контексте модели «дружественное» и «недружественное» государство. Безусловно подобное было и раньше, но в новых условиях это приняло более конкретный характер и геополитическое поведение страны приняла более адресный характер.

Aydin I. Ibragimov

Baku State University, Baku (Republic of Azerbaijan)

NEW WORLD ORDER AND FEATURES OF GEOPOLITICAL BEHAVIOR OF SMALL COUNTRIES (AZERBAIJANI CASE)

УДК 711.13

Иманов Ф.А., Нагиев С.К.

*Бакинский Государственный Университет,
г. Баку (Республика Азербайджан)*

РАЗМЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

***Аннотация.** В статье подробно рассматриваются факторы, влияющие на размещение населения и производственных сил, их региональные особенности и динамика развития. Оценивается влияние индустриализации, механизации и компьютеризации хозяйства на трудовые ресурсы и анализируется демографическая ситуация новых экономических районов. Авторами предложены меры по рациональному и пропорциональному размещению населения и трудовых ресурсов.*

***Ключевые слова:** трудовые ресурсы, городское и сельское население, концентрация производства, естественное движение населения, экономические районы*

Современное размещение производительных сил, развитие общепромышленного производства, непосредственно связано с размещением населения и использованием трудовых ресурсов. При нынешнем уровне развития отраслей хозяйства, автоматизации и компьютеризации производственных процессов вовлечение в хозяйственный оборот минерально-сырьевых ресурсов и других подземных и наземных богатств в отдельных районах страны во многом зависит от рационального использования трудовых ресурсов.

На территории Азербайджанской Республики площадью 86,6 тыс. км², по данным на 1 января 2023 г. проживает 10,201 тыс. чел.

Средняя плотность населения в Азербайджанской Республике составляет более 118 чел. В силу чрезвычайной разнообразности природных условий, развития промышленности, сельского хозяйства, исторически сложившегося навыка специализации хозяйства, отдельные зоны республики по размещению и плотности населения резко отличаются друг от друга. Наибольшая часть населения в республике, в основном, размещена в низменной-орошаемой зоне, в связи с развитием интенсивных отраслей сельского хозяйства, концентрацией промышленности и городов. По численности населения и плотности его размещения от остальных зон республики резко выделяется Бакинский и Абшерон-Хызынский экономические районы с его крупными городами Баку, Сумгайыт и Хырдалан. В указанных экономических районах, занимающих всего 6,8 % территории республики, по данным на начало 2023 г. сосредоточено 2883 тыс. человек, что составляет 28,3 % всей численности населения Азербайджанской Республики.

На одном квадратном километре зоны проживает 491 чел., что превышает плотность размещения населения республики в 4,2 раза. Более половины (52,8 %) городского населения республики сосредоточено в городах Баку, Сумгайыт и Хырдалан. В отличие от других зон республики, почти все население Абшерона проживает в городах, и занято в различных отраслях промышленности, транспорта, торговли, предприятиях сферы услуг, культуры, здравоохранения и др. Незначительная часть (всего 1,6 %) сельского населения Абшерона занято в сельскохозяйственных объектах. На обширной территории Кура-Аразской низменности (Центрально-Аранский, Ширван-Сальянский и Миль-Муганский экономические районы), занимающий в целом 21,3 % территории республики, проживает 1773,9 тыс. чел. (или 17,4 % всего населения Азербайджана). Население этой низменности, в основном занято в отраслях сельского хозяйства. Поэтому по удельному весу городского населения (38 %) она значительно уступает среднереспубликанским показателям. Необходимо отметить, что с постепенной индустриализацией отдельных районов Кура-Аразской низменности (Ширван-Сальянского, Мингечевир-Евлахского промышленных узлов) удельный вес ее сельского населения постепенно сокращается.

По размещению всего населения, в том числе городского, видное место занимает Гянджа-Дашкесанский и Газах-Товузский экономические районы. Эти районы занимают обширную территорию западного Азербайджана с его Гянджинским и Дашкесанским промышленными узлами, плодородную

прикуринскую депрессию с повсеместным развитием виноградарства, садоводства, овощеводства. На территории Гянджа-Дашкесанского и Газах-Товузского экономических районов, с площадью 12,3 тыс. км², занимающие 14,2 % территории республики, сосредоточено 1302,7 тыс. чел., что составляет к общей численности населения республики 12,8 %. Удельный вес городского населения здесь выше, чем в остальных районах (за исключением Бакинского и Абшерон-Хызынского экономических районов) республики.

В тринадцати городах и сорока шести поселках этих районов живут 593,3 тыс. чел., что составляет 45,5 % всего собственного населения и 11,1 % городского населения республики.

Нужно отметить, что внутри этих районов (за исключением Дашкесанского горнорудного района) население размещено неравномерно, в отличие от низменной и предгорной зон. На это обстоятельство повлияло развитие поливного земледелия и развития отраслей обрабатывающей промышленности, в среднегорной и высокогорной зонах.

Таблица 1

Размещение населения и трудовых ресурсов в экономических районах Азербайджанской Республики

№	Экономические районы Азербайджана	Общее количество населения, тыс. чел.	В том числе трудоспособные	Из них	
				городские	сельские
1	Бакинский	2303,1	1623,2	2303,1	0
2	Абшерон-Хызынский	579,9	305,1	532,5	47,4
3	Горный Ширван	326,8	165,0	111,8	215,0
4	Гянджа-Дашкесанский	612,1	341,0	431,2	180,9
5	Гарабагский	907,9	427,3	301,4	606,5
6	Газах-Товузский	690,6	362,1	162,1	528,5
7	Губа-Хачмазский	561,8	279,3	184,8	377,0
8	Ленкорань-Астаринский	959,4	469,9	255,4	704,0
9	Центрально-Аранский	743,2	379,0	304,7	438,5
10	Миль-Муганский	526,4	258,5	134,1	392,3
11	Шеки-Загатальский	632,9	340,4	175,5	457,4
12	Восточно-Зангезурский	345,0	176,2	71,9	273,1
13	Ширван-Сальянский	504,3	254,9	236,0	268,3
14	Нахчыванский	463,0	322,4	164,0	299,0

Следовательно, удельный вес трудоспособного населения в городах выше, чем в сельских районах. Это результат большого наличия детей среди населения сельских районов республики.

При анализе занятости населения общественно-полезным трудом выявляется следующая картина: из всего трудоспособного населения республики по данным на начало 2023 г. – 3009,6 тыс. (или 60,3 %) заняты в различных отраслях промышленности, строительства, транспорта, на предприятиях сферы услуг, культуры, здравоохранения, просвещения, в научных, научно-исследовательских и проектных институтах, в аппаратах органов государственного и хозяйственного управления и др.

Численность сельских работников во всех сферах республики на начало 2023 г. составляет 1809,9 тыс. человек из коих. Большие колебания наблюдаются в изменении численности как членов, фермерского хозяйства так и трудоспособных.

Интересно отметить, что за последние пять лет при увеличении числа сельского населения по сравнению с 2018 г. на 127,6 тыс. чел., занятые в сельском хозяйстве увеличились всего 40,6 тыс. чел. (то есть в 3,14 раза меньше). Сильно сократилось наличие сельских работников и трудоспособного сельского населения в 2023 г. по сравнению с 2018 г. такой процесс прежде всего связан как выше было сказано, с оттоком населения из сельских районов в города.

Сокращению удельного веса трудоспособного населения в сельском хозяйстве республики способствует растущая механизация сельхозпроизводства, с одной стороны, и сравнительно низкая материальная заинтересованность фермеров в отдельных районах – с другой. При интенсивном росте отраслей сельского хозяйства, на что обращено повседневное внимание правительства республики, отток трудовых ресурсов из сельских районов в промышленные, является крайне нецелесообразным. Такой процесс может отрицательно повлиять на производство сельхозпродуктов, на что за последние годы предъявляется большой спрос также и населением растущих городов и промышленных центров.

Из общей численности трудоспособного населения республики во всех сферах материального и нематериального производства занято 4988,2 тыс. человек (включая всех сельхоз работников), что составляет 36,3 % ко всему населению трудоспособного возраста.

Исходя из специфики отраслей сельского хозяйства, во многом зависящего от природных условий и сезонности сельскохозяйственного производства, имеющиеся трудовые ресурсы в сельском хозяйстве ис-

пользуются далеко не полностью и не равномерно. Достаточно сказать, что количество рабочих дней на одного работающего в месяц в целом по республике составляет 17-18 дней. В тех районах, в хозяйстве которых животноводство является важной отраслью, а также в районах Кура-Аразской низменности, отличающейся трудоемкими отраслями и сравнительно меньшим количеством атмосферных осадков, использованных рабочих дней значительно больше, чем в среднем по республике. Поэтому в отличие от других районов резкое сезонное колебание в этих хозяйствах не наблюдается.

В результате этих факторов, большие трудовые ресурсы ежегодно остаются не использованными. Из всех трудоспособных 495,3 тыс. сельских работников в течение 2008 г., принимали участие в работах сельского хозяйства всего 339,1 тыс. чел., что составляет 70 % к общему числу трудоспособных или 156,2 тыс. чел. фактически не принимали участие в сельхозпроизводстве.

В обширной Кура-Аразской низменности, где повсеместно преобладает орошаемое земледелие, в основном с развитием хлопководства сосредоточено 30 % всех работников и 34 % трудоспособных работников в республике. При среднегодовом участии сельского работника на сельхозпроизводстве в среднем на 62-65 % в наиболее интенсивный период обработки, сбора урожая (июль) не превышает 70 %, а в декабре этот процент падает до 42 %.

Из приведенных данных видно, что в течение всего года, особенно с ноября по март, сельские районы располагают большим количеством (300-320 тыс. человек) свободных рабочих рук.

Расположенная на юге страны в теплой, умеренной зоне, Азербайджан располагает всеми необходимыми природными условиями и экономическими возможностями для рационального использования трудовых ресурсов во всех своих зонах. Этого можно добиться путем смягчения сезонности отраслей сельского хозяйственного производства, расширения предприятий по обработке сельхозсырья и по строительству.

Необходимо учесть и то обстоятельство, что Азербайджан относится к числу стран с высоким уровнем роста населения и трудовых ресурсов. Опережающийся рост при этом городского населения в удельном весе всего населения, может в дальнейшем еще более усилить сложившиеся диспропорции.

Одной из главных задач на современном этапе, является учет и рациональное использование трудовых ресурсов во всех сферах материального производства. Особенно важным мероприятием является учет рационального использования рабочих сил в сельском хозяйстве, отрасли которого в силу природной среды, влияния различных факторов, носят сезонный характер.

В соответствии с этим, занятость трудовых ресурсов в сельском хозяйстве определяется сезонностью сельскохозяйственного производства. Амплитуда сезонности использования труда связана с характером и специализацией сельскохозяйственного производства в отдельных природно-экономических районах республики.

Обширные площади садов, овоще-бахчевых культур, дикорастущих плодов как в горных, так и в низменных тугайных лесах большой объем строительных работ и другие являются главным условием для повсеместного создания промышленных предприятий по обработке сельхозсырья.

Расчеты показывают, что темпы роста населения и трудовых ресурсов намного опережают темпы роста производства. Таким образом, и в дальнейшем проблема занятости трудовых ресурсов будет такой же острой, как и в настоящее время. Поэтому при учете роста трудовых ресурсов в дальнейшем их вовлечения в полезный труд, необходимо учитывать специфические условия Азербайджанской Республики.

Наряду со слабой мобильностью, приток населения в Азербайджане больше, чем отток, что является причиной дополнительного роста трудовых ресурсов. Такой процесс в свою очередь, ставит задачу поиска и организации дополнительных источников применения труда.

Одним из сложных районов по организации трудоустройства населения и использования трудовых ресурсов является Абшерон-Хызынский экономический район. Проблема трудоустройства населения особенно остро стоит в этом районе, где кроме естественного прироста наблюдается постоянный приток трудоспособного населения из сельских районов и других стран мира. Такое обстоятельство, при наличии на Абшероне значительного количества свободных трудовых ресурсов, создает трудности в поисках работы, особенно населения с недостаточной технической и специальной квалификацией при современном уровне развития техники.

Необходимо отметить, что с ростом концентрации в отраслях промышленности и других отраслях хозяйства, а также в связи с ростом населения на Абшероне, обострится и проблема обеспечения свободных трудовых ресурсов общественно-полезным трудом.

Кроме этого возникают трудности обеспечения населения жильем, продуктами питания, организацией перевозок груза и пассажиров и др. Все это ставит серьезную задачу рациональной организации использования трудовых ресурсов в республике.

Вовлечение трудовых ресурсов в народное хозяйство во многом зависит от темпов развития и роста промышленности, сельского хозяйства, транспорта и улучшением их структуры. Однако, нужно отметить, что при относительно высоком удельном весе естественного прироста населения, следовательно, трудовых ресурсов по сравнению со странами СНГ, темпы развития промышленности в Азербайджане выше. По нашему мнению, рост Азербайджанской Республики по вышеуказанным показателям надо считать нормальным, ибо республика располагает всеми необходимыми предпосылками для значительного развития всех отраслей производства. Благоприятные почвенно-климатические условия, способствующие развитию сельхозкультур, особенно трудоемких технических культур, дающие ценное сырье для легкой, пищевой промышленности, богатые месторождения минерально-сырьевых ресурсов – нефть, газ, Дашкесанское железорудное месторождение, Физизайское полиметаллическое месторождение, залежи соли в Нахчыване, Гюмюшлугское, Мехманинское свинцово-цинковое месторождения, многочисленные источники ценных минеральных вод и др., разнообразные залежи стройматериалов, рыбные богатства Куры, Мингячевирского водохранилища и Каспийского моря, наконец, многочисленные свободные трудовые ресурсы в сочетании с обширными неиспользованными земельными фондами (до 2 млн га) и при достигнутом уровне науки и техники, составляют основу для значительного поднятия темпа производства.

Отличаясь высоким темпом как естественного, так и механического прироста населения, республика принадлежит к тем районам, которые располагают излишком рабочей силы. Необходимо отметить так же и то обстоятельство, что население Азербайджана последние годы умеренно склонны к перемещению в другие регионы, что также способствует созданию излишка трудовых ресурсов.

Исходя из всего этого, необходим серьезный подход к пропорциональному и рациональному размещению производительных сил, особенно промышленных предприятий в сельских местностях республики направлением значительных капитальных вложений для этой цели.

Из всего сказанного можно констатировать, что рациональное использование трудовых ресурсов в Азербайджане ставит задачи претворения в жизнь ряда мер, к числу которых относится, главным образом, рациональное и пропорциональное размещение производительных сил во всех природно-экономических районах республики.

Учитывая большое количество свободного трудоспособного населения, сложившийся специализации отраслей промышленности и дальнейшей его перспективы на Абшероне, основное внимание нужно обратить на трудоемкие отрасли промышленности (приборостроение, радиотехника, энергетическое и электротехническое машиностроение). В связи с этим целесообразным является широкая организация производства качественного металла – стального, чугуна, цветного (из-за его недостаточности в республике) для покрытия потребностей машиностроительной и приборостроительной промышленности.

Следует идти по пути развития полевого кормодобывания, интенсификации производства кормовых культур, поднятия плодородия земель, использование отходов предприятий сферы услуг др. Необходимо размещение пригородного хозяйства по линии увеличения производства овоще-бахчевых культур, столового винограда, мяса и молока. Этого требует растущий спрос и удовлетворению городского населения, в первую очередь таких крупных промышленных центров как Баку, Сумгайыт, Гянджа, Мингячевир и др.

Одним из важных мероприятий должно являться значительное расширение предприятий сферы услуг в крупных и средних городах.

При дальнейшем развитии производства и промышленных центров особое внимание нужно обратить привлечению женского труда путем создания специфических отраслей (легкой, пищевой промышленности, приборостроения, созданием предприятий по обслуживанию населения и др.) в средних и малых городах, где это возможно (например, в Шеки, Загаталах, Губе и др.), расширить строительство домов отдыха, санаториев, туристических баз и др.

При строительстве предприятий по обработке минерально-сырьевых ресурсов, должна учитываться важность приближения их к местности и свободным трудовым ресурсам.

В целях ликвидации сезонности в использовании труда, в сельских районах, целесообразно расширить сеть предприятий по обработке сельхозсырья, особенно в районах сырьевой базы.

В горных и предгорных районах, в городах и поселках, целесообразным является восстановление и расширение кустарных промыслов (декоративной металлообработки, производства гончарных изделий, восточных сладостей, ковроткачество, шелковых платков и др.) привлекавших в прошлом немало трудовых ресурсов.

Выполнение этих мероприятий станет возможным путем расширения приема в высшие учебные заведения, гимназии, городские и сельские профессиональные училища, организацией краткосрочных курсов по подготовке и повышению квалификации. Также целесообразным является расширение приема молодежи и несовершеннолетних на работу и промышленные предприятия.

Выполнение этих мероприятий важно и потому, что на 2023 г. рост трудовых ресурсов в Азербайджане за счет роста численности, вступающей в трудоспособный возраст, увеличится более чем на 51,4 тыс. чел.

Предложенные мероприятия в связи с размещением и использованием трудовых ресурсов является ориентировочными, их окончательное решение требуют всестороннего анализа и исследования.

Обширная Джейранчельская степь, занимающая около 30 % всей территории Газах-Товузского района, лишена постоянных жителей. Только в осенне-зимнее время, в период нахождения скота на зимовке, здесь появляются временные жители – в основном животноводы.

Из табл. 2 видно, что при средней плотности населения по республике более 118 чел./км², наибольшей плотностью отличаются Лянкяран-Астаринский (158), Бакинский (1076), Абшерон-Хызинский (155.), а наименьшей Восточно-Зангезурский (46) экономические районы.

Анализируя размещения населения по отдельным экономическим районам республики (приведенным в табл. 2) можно констатировать, что преобладающая часть населения – до 80 % сосредоточена в низменной и предгорной зонах республики, то есть в районах интенсивного ведения сельскохозяйственного производства, в сочетании разнообразных отраслей промышленности, а также с хорошо развитой транспортной сетью.

Таблица 2

Размещение населения по экономическим районам Республики (по состоянию на 1 января 2023 г.)

Экономические районы	Площадь в тыс. км ²	У.в. к территории республики, %	Численность населения	У.в. к населению республики, %	Приходиться на 1 км ²	Из общего количества			
						в абсолютных цифрах		%	
						городское	сельское	городское	сельское
Бакинский	2,14	2,47	2303,1	22,6	1076	2303,1	0	100	0
Абшерон-Хызинский	3,73	4,30	579,9	5,68	155	532,5	47,4	91,8	8,2
Губа-Хачмазский	6,96	8,04	561,8	5,51	81	184,8	377,0	32,9	67,1
Шеки-Загатальский	8,84	10,21	632,9	6,20	72	175,5	457,4	27,7	72,3
Горно-Ширванский	6,13	7,08	326,8	3,20	53	111,8	215,0	34,2	65,8
Центрально-Аранский	6,69	7,73	743,2	7,29	111	304,7	438,5	40,1	59,9
Ширван-Сальянский	6,08	7,02	504,3	4,94	83	236,0	268,3	46,8	53,2
Миль-Муганский	5,67	6,55	526,4	5,16	93	134,1	392,3	25,5	74,5
Гянджа-Дашкесанский	5,27	6,09	612,1	6,0	116	431,2	180,9	70,4	29,6
Газах-Товузский	7,03	8,12	690,6	6,77	98	162,1	528,5	23,5	76,5
Гарабагский	8,99	10,38	907,9	8,90	101	301,4	606,5	33,2	66,8
Восточно-Зангезурский	7,47	8,63	345,0	3,38	46	71,9	273,1	20,8	79,2
Лянкяран-Астаринский	6,07	7,01	959,4	9,40	158	255,4	704,0	26,6	73,4
Нахчыванский	5,50	6,35	463,0	4,54	84	164,0	299,0	35,4	64,6

По удельному весу городского населения Азербайджан занимает среднее положение среди стран СНГ. В настоящее время численность городского населения в Азербайджане превосходит сельское и составляет 53 % от общей численности населения страны. За последние несколько лет наблюдается тенденция роста городского населения, как за счет естественного, так и за счет механического прироста, при постепенном уменьшении доли сельского населения.

За годы независимости в республике намного расширилась сеть городов и поселков.

С развитием рыночного способа ведения хозяйства, с индустриализацией районов, постепенно вырос удельный вес городов и естественного городского населения, что видно из прилагаемой табл. 3.

Из табл. 3 видно, что по сравнению с 1926 г., количество городского населения выросло с 649,6 тыс. чел. до 5368,5 тыс. человек, то есть увеличилось в 8 раз. За это время удельный вес городского населения возрос с 28 % до 53,1 %. В настоящее время в республике насчитывается 79 городов, против 19 городов в 1926 г.

Рост городов и городского населения за годы независимости сопровождался с развитием промышленности, с ростом старых и образованием новых городов, а самое главное, с концентрацией производства и населения на Абшеронском полуострове.

Росту городов и городского населения в Азербайджане способствуют многие факторы, главным из которых является развитие промышленности и в этой связи индустриализации районов. Если городское население в 1926 г. составляло 28 % к общему количеству населения, то в 1939 г. оно составляло 36 %, а в

1959, 1999 и 2009 гг. соответственно 48 %, 51,1 %, 53,1 %. По сей день в республике продолжается рост городского населения. Это происходит за счет естественного и механического прироста, преобразования бывших сельских населений в города, а также за счет оттока в индустриальные города сельского населения. В настоящее время отток сельского населения связан, главным образом, с поиском работы. В связи с перевооруженностью сельского хозяйства, его механизацией рост производительности труда высвобождает из сферы сельского хозяйства немало трудоспособных людей.

Таблица 3

Динамика городского и сельского населения Азербайджанской Республики

Год	Все население, тыс. чел.	В абсолютных показателях		%		Число городов
		городское	сельское	городское	сельское	
1926	2313,7	649,5	1664,2	28	72	19
1939	3205,1	1156,8	2048,3	36	64	25
1959	3698	1767,3	1930,4	48	52	40
1970	5117,1	2564,6	2552,5	50,1	49,9	45
1989	7021,2	3805,9	3215,3	54,2	45,8	46
1999	7953,4	4064,3	3889,1	51,1	48,9	70
2009	8922,4	4739,1	4183,3	53,1	46,9	77
2019	9981,5	5273,9	4707,6	52,5	47,5	77
2022	10156,4	5368,5	4787,9	52,9	47,1	79

При размещении городского населения республики обращает на себя внимание высокий удельный вес Абшеронского полуострова.

Сосредоточение свыше половины городского населения республики в Баку, Сумгайыте и Хырдалане создают условия формирования столицы республики, как одного из крупнейших промышленных центров.

Население Азербайджана отличается относительно высокими темпами естественного прироста. Достаточно сказать, что при росте рождаемости и резком уменьшении смертности на 1000 чел. естественный прирост населения по сравнению с 1926 г. в 2023 г. возрос в 4 раза, а по сравнению с 1959 г. почти в 3 раза.

Несмотря на незначительное замедление темпа прироста населения, начиная с 1960 г., все же он считается очень высоким и в этом отношении Азербайджан занимает одно из первых мест среди стран СНГ.

Если за 20 лет (1939-1959 гг.) численность населения республики возросла на 493 тыс. человек, то за десять лет (1999-2009 гг.) на 920 тыс. человек или 22,1 %.

Наряду с этим возрос и среднегодовой прирост населения, составив за 1939-1959 гг. в среднем 24,6 тыс. чел., а за последние девять лет на 155,0 тыс. чел.

Высокий естественный прирост, при слабой мобильности населения в условиях постоянного роста технической вооруженности отраслей хозяйства, автоматизации и компьютеризации производственных процессов и в этой связи при постоянном росте производительности труда высвобождает из сферы производства (главным образом от промышленности) тысячи трудоспособных людей, что из года в год пополняют баланс свободных трудовых ресурсов республики. Это в свою очередь ставит задачу в условиях рыночной экономики занять свободное население полезным трудом, а также необходимым жильем, продуктами питания и другие потребности людей.

Наряду с общим темпом роста населения, большие изменения происходят также в росте трудовых ресурсов, как целом по республике, так и внутри отдельных экономических районов.

Большие изменения при этом наблюдаются между сельскими районами и городами, следовательно, между сельским хозяйством и промышленностью. Такой процесс в настоящее время, интенсивно происходит в Ширван-Сальянском промузле, где усиленным темпом развивается нефтяная и химическая промышленность (нефтедобыча, производство йода и брома). Аналогичный процесс наблюдается в Гянджа-Дашкесанской зоне, где на базе Дашкесанского месторождения алунита совместно с зарубежными компаниями, в городе Гянджа реконструирован алюминиевый завод и другие промышленные предприятия (приборостроение, производство стройматериалов, промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья).

Процесс индустриализации промышленных узлов, районов, концентрация производства на Абшероне, способствует росту городского населения, главным образом, за счет механической миграции из сельских районов. Это служит причиной появления излишних рабочих рук в одном районе, и недостатка в другом. Это привело к тому, что удельный вес трудоспособного населения в городах значительно больше, чем в сельских районах. Из общего количества населения республики – 59 % является трудоспособным. Из всех трудоспособных – 54,5 % размещено в городах и поселках, 45,5 % в сельских местностях. Нужно отметить, что за последние 3-4 года наблюдается постепенный рост трудоспособного населения в городах за

счет уменьшения их в сельских районах, ибо процесс воспроизводства рабочих в сельских районах выше, чем в городах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агафонов Н.Т., Голубев А.Н. Категория и факторы демографической обстановки (ситуации) // Народонаселения. Прикладная демография. М.: Статистика, 1973.
2. Лаппо Г.М. География городов: учеб. пособие. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. 480 с. EDN: VWVSON
3. Иманов Ф.А., Алиева И.С., Оценка влияния антропогенных факторов на годовой сток рек Азербайджана // Водное хозяйство России. 2019. № 2. С 20-30. DOI: 10.35567/1999-4508-2019-2-2
4. Эфендиев В.А. Нагиев С.К. География населения. Баку, 2005. 375 с.
5. Эфендиев В.А., Нагиев С.К. Расселение населения Азербайджана в прибрежных районах Каспийского моря // Народы прикаспийского региона: Диалог культур: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященные 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Элиста, 2009. С. 94-96.
6. Нагиев С.К. Социально-экологическая интеграция городского социума в Азербайджане // Труды Географического общества Азербайджана. Том XIII. Баку, 2008.
7. Нагиев С.К. Малые и средние города в системе расселения Азербайджана // Известия Русского географического общества. 2009. № 141 (3). С. 76-79.
8. Нагиев С.К. Регулирование демографических процессов Большого Баку // Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию Г. Алиева. Баку, 2007. С. 108-110.
9. Эфендиев В.А., Нагиев С.К. Бакинская система расселения и транспорт // Современные исследования социальных проблем: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск: Науч.-инновац. центр, 2011. С. 369-372.
10. Burdack J., Herfert G. Neue Entwürfen an der Peripherie euroascher Großstädte. Europa Regional. 1998. No. 2. pp. 26-44.
11. Brake K., Dangschat J.S., Herfert G. Suburbanisierung in Deutschland Opladen. Leske + Budrich, 2001. 284 p.
12. Государственный статистический комитет Республики Азербайджан. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.az>

Farda A. Imanov, Salekh G. Nagiyev

Baku State University, Baku (Republic of Azerbaijan)

PLACEMENT OF POPULATION AND LABOR RESOURCES IN AZERBAIJAN

Abstract. *The article discusses in detail the factors affecting the placement of the population and production forces, their regional characteristics and development dynamics. The impact of industrialization, mechanization and computerization of the economy on labor resources is assessed and the demographic situation of new economic regions is analyzed. The authors propose measures for the rational and proportional distribution of the population and labor resources.*

Keywords: *Labor resources, urban and rural population, concentration of production, natural population movement, economic regions.*

UDK 910.1

Zaur T. Imrani

Institute of Geography ANAS named by H.A. Aliyev

Ministry of Science and Education of Azerbaijan,

Baku, Republic of Azerbaijan

REGIONAL ECONOMIC-GEOGRAPHIC MODEL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. *The transition to sustainable development should be based on the rational use of natural resources and the economic-geographic approach methods in solving regional problems. Thus, regional development is the main characteristic of implementing the sustainable development model. Today, this term has become a universal concept and a model of civil development in all countries. Moreover, the role of regions in its provision is constantly increasing. This requires new approaches in determining regional socio-economic policy, as well as new forms and methods in managing its continuity. Like other systems, the regional system has stability quality, formed under internal socio-economic processes and external influences. It accommodates itself regardless of the conditions of uncertainty. Sometimes, sustainable development is considered the same as the concept of balanced development. However, the main essence of development is the mutual management and coordination of different activities, which is regarded as practically impossible. It would be correct to consider sustainable development as a positively oriented process to meet the minimum demands of current and future generations. However, sustainable development could be construed as an unabated growth rate to meet people's needs in the long term.*

Keywords: *sustainable development, regional development, model.*

Several global problems observed worldwide and the determination of directions for their solution require the development of a new concept and its implementation. The concept should cover the principal development directions, preserve socio-economic behaviour and value systems, and meet the criteria of completeness and consistency.

The concept of sustainable development has become a development strategy in various fields in recent years. Its priority directions include preventing the inefficient use of natural resources, meeting the needs of people, and ensuring life on Earth [1]. However, some production areas find it challenging to improve the quality of products against the backdrop of increased competition. Although the new strategy provides for a reduction in the specific material and energy production capacity, global energy production and consumption continue to grow.

Humanity has economically strengthened and developed through the rapid exploitation of natural resources. However, more funds are spent on increasing production due to depleted natural resources, intensifying industrialization, supporting urbanization, and other areas. This situation will eventually cause the Earth to run out of readily available natural resources. This is one side of the issue, and the other side is achieving a balance between economic development and the social sphere. The economy can develop only to a certain extent due to the extensive consumption of natural resources without considering the state of the environment and the needs and opportunities of future generations.

The sustainable development strategy is mainly economic, social, and environmental in nature, attracting attention by meeting the physiological and personal needs of people (material, spiritual, cultural, etc.). It depends on the current situation and economic relations of production areas, the functionality of natural resources, the social lifestyle of people, the health of the ecological environment, etc.

O.S. Shimova graphically depicted sustainable development and its goals within a triangular sphere and combined them into circles (figure 1).

Y.Y. Kovalev considers sustainable development in the purposeful improvement of socio-economic and environmental conditions, the connection between nature, society, and economic growth in the process of co-evolution of territorial systems. The most critical tasks of sustainable development include: protection of the environment for human life and economic activity; the development of the economy and production of goods and services most needed by the population; achieving peaceful resolution of conflicts, social equality, and solidarity; the formation of a society based on the protection of human rights, etc. [2]. Like O.S.Shimova, Y.Y.Kovalev construes sustainable development in the context of the interconnection and close connection of structures in the "Ecology-Economy-Socializing Society" triangle (figure 2).

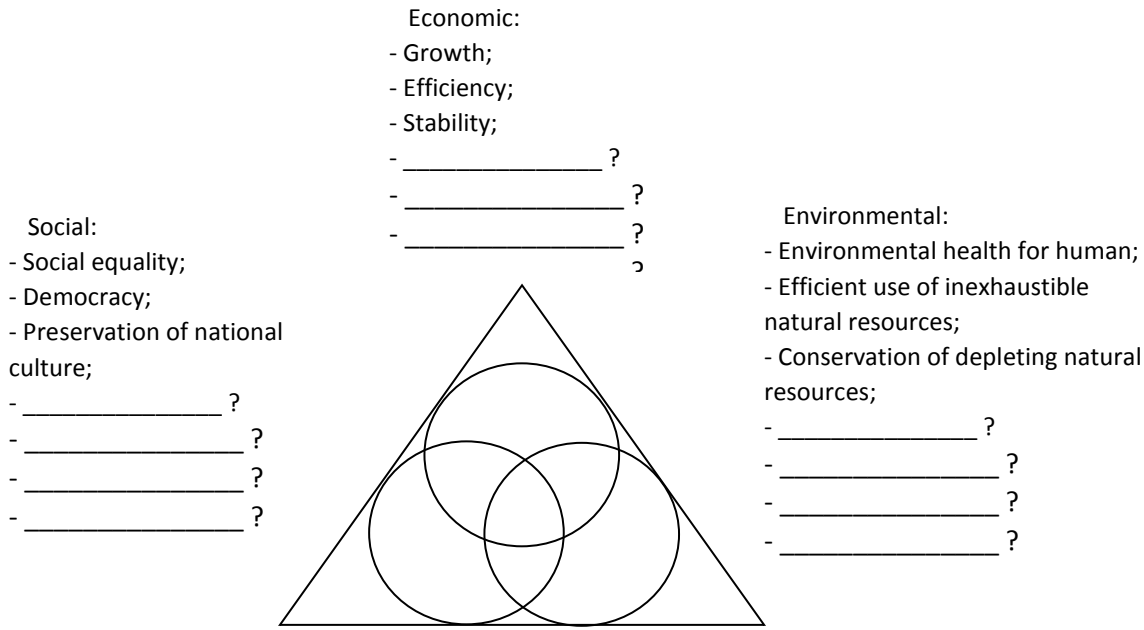

Figure 1. O.S. Shimova's sustainable development model

Unlike O.S. Shimova and Y.Y. Kovalev, T.V. Uskova presents the model of sustainable development as a component of the socio-economic system and claims that this system consists of many elements. Sustainable development, which is a complex system, is suggested as follows (figure 3). Such a model of sustainable development shows the presence of complementary but different characteristics. As a rule, the development of a system is accompanied by its qualitative and, in some cases, quantitative changes. These features ensure the integrity and dynamism of the system. The applied criteria are expressed by the availability of resources for the sustainable development of the system and their mechanisms against external influences.

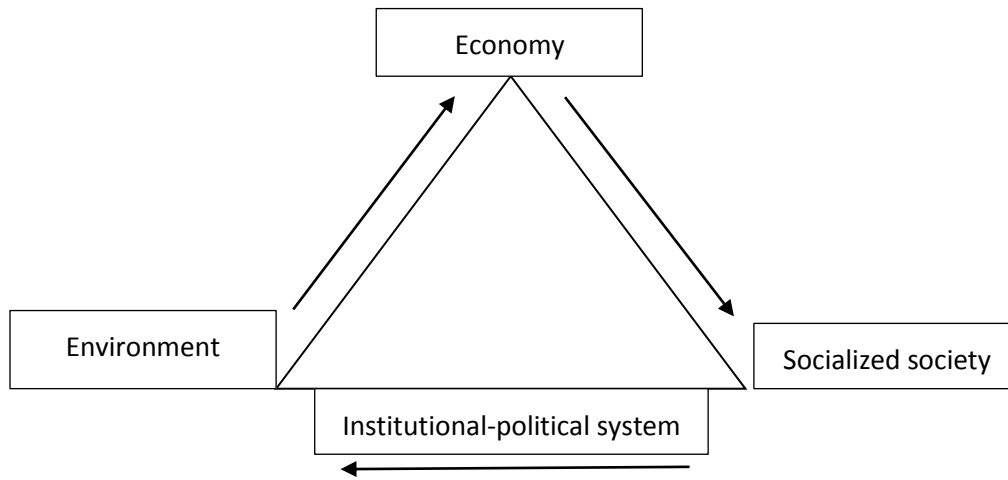

Figure 2. Y.Y. Kovalev's triangular model of sustainable development

According to S.N. Bobilev, along with models of sustainable development, the availability of indicators reflecting them is one of the essential conditions. Based on the established indicators, the needs of current generations must be met without limiting the needs of future generations. This development should reflect economic, social, and environmental aspects. For sustainable development, it is necessary to achieve economic growth first, improve the quality of life of people, and prevent environmental degradation. It provides solutions to these issues. 1) Purpose: preparation of quantitative indicators that define the specific goal of sustainable development; developing an indicator-based strategy for future development; forecasting the sustainability of production areas. 2) Control: application of control mechanisms and organization of monitoring; assessment of the effectiveness of the achieved strategy; making managerial decisions at the regional level. 3) Evaluation: conducting inter-regional comparisons; attracting foreign investments and grants. 4) Public action: ensuring the participation of communities: inter-institutional communication and informing them [3]. It should perform some critical functions along with defining sustainable development indicators and creating a mechanism for them. They include:

- indicators in national and regional strategic programs within the interests of the state (a target should be set for each indicator) should reflect the activity that determines socio-economic development;
- the form of management at different levels should take into account regulatory mechanisms that are directed in the right direction to evaluate and analyse the effectiveness of the strategy; and
- an assessment should be made on indicators reflecting socio-economic activity in the decision-making process, and information provision should be used at this time.

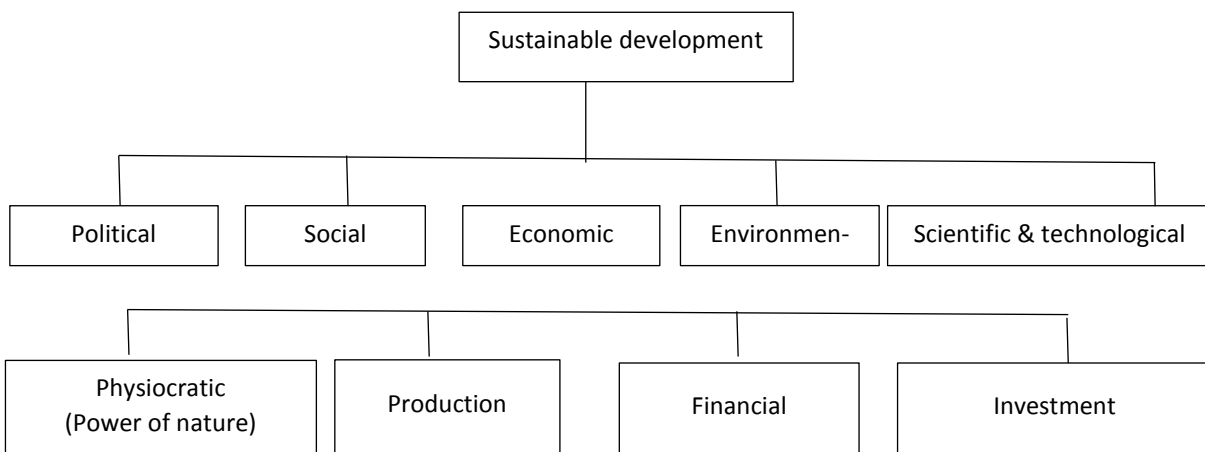

Figure 3. Sustainable development model by T.V. Uskova

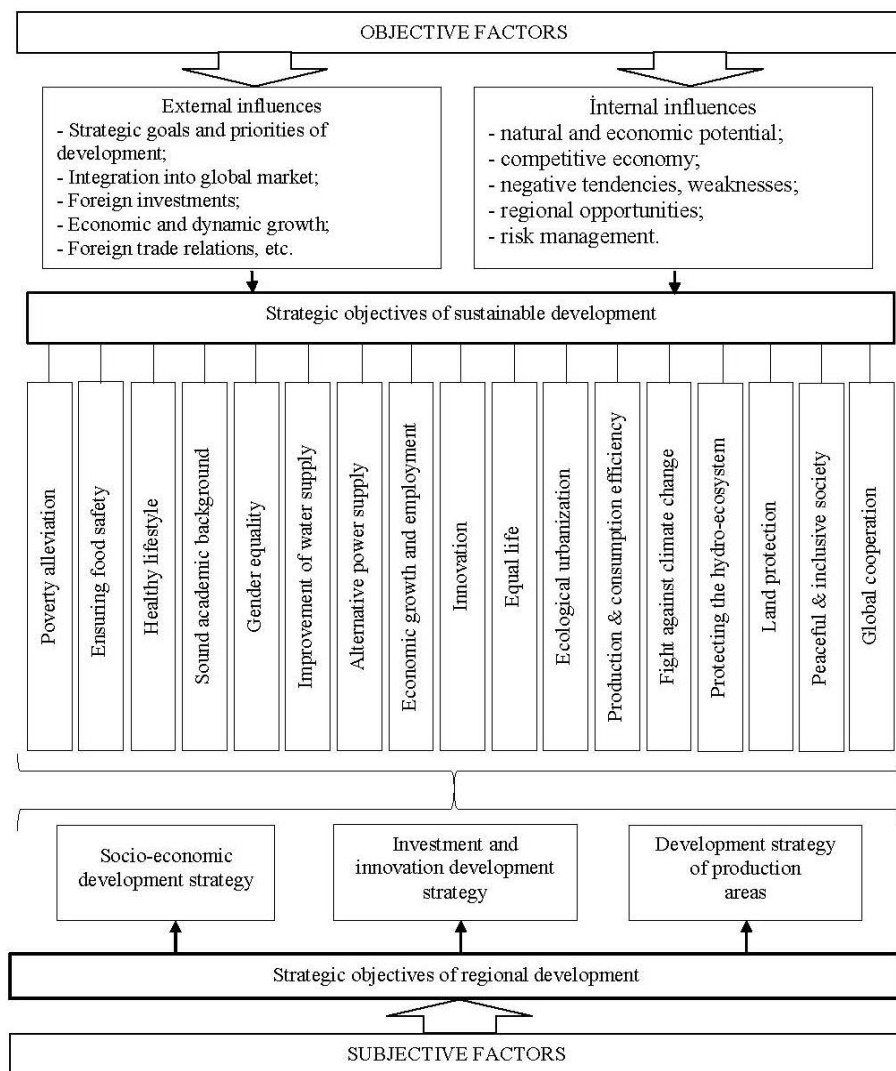
V. N. Leksin and A. N. Shvetsov defined regional sustainability as a sign of a dynamic pace of development of production areas in a socio-economically oriented system as the availability of natural resources, social status, environmental situation, economic stability, etc. They noted that sustainable development is compatible with the potential indicators of the region (contributing to a positive trend) [4]. However, the environment and its characteristics should also be taken into account.

Regional economic aspects of sustainable development include the volume of production and its structure, allocated investments, scientific and technical potential, foreign trade relations, etc. The social factors include the

demographic situation, the living standard, and health of the population, the provision of labour resources with jobs, social infrastructure, etc. The Environmental aspects envisage conditions stemming from the exploitation of natural resources, clean environment, anthropogenic impact, environmental situation, management, etc. Moreover, the regional characteristics of sustainable development are primarily determined by the use of the territory and its economic performance. The improvement and optimal management of the production areas in the territory are based on the available resources. This leads to social stability and economic growth in the region.

Sustainability is very constructive in predicting socio-economic development and solving emerging problems by building logical results. Some experts highlight that “sustainability” is not a scientific concept but a term reflecting the everyday situation [5]. This approach corresponds to improving the economic, social, environmental, technological, and informational quality, organizing regional development based on forecasting [6].

The structure of the regional economy also requires a particular approach to ensure sustainable development. The placement and management of production areas increase the continuity of competitive product production in the economy’s structure. Such inter-sectoral complexes contribute to the creation of new jobs and employment, and the profit from the sale of manufactured products in the domestic and foreign markets increases budget revenues [7]. Thus, the sustainable development of regions is measured by the efficient operation of production facilities. The sustainable development of production envisages the ability to prevent the consequences that may lead to a decrease in output. Moreover, increasing the range of products in a short period is also considered a sustainable development of production [8].

Note: The graph was compiled by Z.T. Imrani

Figure 4. Regional economic-geographical model of sustainable development

The higher the total potential of the regions, the stronger its economic stability. This will ensure a practical improvement in the quality of life of the population. The main goal of managing the sustainable development of regions is to stabilize the socio-economic situation, increase income, and minimize costs [9]. From a regional point of view, it is necessary to develop and adopt appropriate programs to ensure effectiveness in the priority

area of economic, social, and environmentally sustainable development. At this time, the most important mechanism of influence is the development of production areas.

When mentioning regional development, it should be considered as a system that forms the environment. Thus, regional development consists of several elements that act as a guarantee of stability. This includes the following:

- natural conditions, natural resources, and environment;
- socio-demographic conditions of the population;
- economic potency, the interaction between production areas;
- supply with social infrastructure: housing and utilities, water supply, transport, communication, healthcare, science, education, etc.; and
- continuous improvement of management and control system.

For more efficient implementation of the development process of industrial territories, it is necessary to create a regional economic and geographical model of sustainable development. A direction focused on developing and improving production and services to meet the demands of model consumers can become the most crucial component of science, innovation, and management in the context of global competition. In this regard, first, it is necessary to determine the strategic goals and priorities of the region's economic and geographical model of sustainable development. These include the development of socio-economic systems within the territory, ensuring a higher level of dynamics of production areas, preserving the ecosystem, and taking into account the principles of sustainable development. Nevertheless, when developing a regional economic-geographical model of sustainable development, it is necessary to consider the strategic goals and priority areas of economic growth, chosen due to an analysis of objective and subjective factors. The main requirement in choosing priorities should be strategic goals set for the future. These strategic goals should ensure the sustainability of the region's production areas and improve socio-economic indicators and the environmental situation (figure 4).

REFERENCES

1. Imrani, Z.T. Regional aspects of sustainable development policy in Azerbaijan // Republican scientific-practical conference on "Geographical problems of the regions of Azerbaijan". Baku: 2016. p. 101-104. (aze)
2. Kovalev Y.Y. The concept of sustainable development and its implementation in the European Union // International Scientific Conference on Europe in a changing world. Yekaterinburg, 2014. p. 54-65. (ru)
3. Bobylev, S.N. Indicators of sustainable development: regional dimension / S. N. Bobylev. Moscow: Akropol, CEPR, 2007. 60 p. (ru)
4. Leksin, V.N. states and regions. Theory and practice of state regulation of territorial development / V.N. Leksin, A.N. Shvetsov. Moscow: URSS, 1997. 372 p. (ru)
5. Transition to sustainable development at global, regional, and local levels. Foreign experience and problems of Russia / N.F. Glazovsky [et al.]. Moscow: KMK, 2002. 444 p. (ru)
6. Dmitrieva, T.E. Organization of forecasting of territorial development // Economics of the region. 2010. No. 4. pp. 156-164. (ru)
7. Khayrullof, D.S. Formation of the system of state regulation of the processes of socio-economic transformation and development of the Republic of Tatarstan. Kazan: Fan. Academy of Sciences of RT, 1997. 224 p. (ru)
8. Gutman, G.V. Management of the regional economy / Gutman G.V., Miroedov A.A., Fedin S.V. Moscow: Finance and statistics, 2001. 176 p. (ru)
9. Slotin, Y.S. Optimizing solutions for managing socio-economic stabilization and sustainable development of regions // Problems of managing the security of complex systems: materials of the eighth International Conference. Moscow: December 19, 2000. P. 128-132. (ru)

Имрани З.Т.

*Институт Географии им. акад. Г.А. Алиева НАНА
при Министерстве науки и образования Азербайджанской Республики,
г. Баку (Республика Азербайджан)*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

***Аннотация.** Переход к устойчивому развитию должен основываться на рациональном использовании природных ресурсов и методах экономико-географического подхода в решении региональных проблем. Таким образом, региональное развитие является основной характеристикой реализации модели устойчивого развития. Сегодня этот термин стал универсальным понятием и образцом гражданского развития во всех странах. При этом роль регионов в его обеспечении постоянно возрастает. Это требует новых подходов в определении региональной социально-экономической политики, а также новых форм и методов управления ее преемственностью. Как и другие системы, региональная система обладает качеством устойчивости, формируемой под действием внутренних социально-экономических процессов и внешних воздействий. Она приспосабливается независимо от условий неопределенности. Иногда устойчивое развитие рассматривается как то же самое, что и концепция сбалансированного развития.*

Однако основной сутью развития является взаимное управление и координация различных видов деятельности, что считается практически невозможным. Правильно было бы рассматривать устойчивое развитие как позитивно ориентированный процесс, направленный на удовлетворение минимальных потребностей нынешнего и будущих поколений. Однако устойчивое развитие можно рассматривать как неуклонный рост для удовлетворения потребностей людей в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: устойчивое развитие, региональное развитие, модель.

УДК 316.344.3

Итегелова А.П.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск

ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ РЕГИОНОВ

Аннотация: в статье анализируются образовательные учреждения территорий северных районов Якутии. На данный момент существует различия в оснащении образовательными учреждениями между территориями, особенно в некоторых северных районах. В целях сохранения национально-культурной самобытности, образования и стремления возродить родной язык коренных малочисленных народов Севера (КМНС) необходимо создавать условия для развития личности и этнокультурного сознания в условиях общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: образование, родной язык, коренные малочисленные народы Севера, культура, Якутия.

Основными задачами общеобразовательных учреждений являются создание благоприятных условий для умственного, нравственного, эмоционального и физического развития личности; Немаловажно способствовать формированию научного мировоззрения и обеспечить овладение учащимися системой знаний о природе, обществе, человеке, его труде, а также сформировать приемы самостоятельной деятельности [1]. В настоящее время сфера образования, рассматривается как источник социально-экономического развития региона. Система образования в большей степени ориентирована на повышение качества: обеспечение доступности образования, формирование единых подходов к оценке качества, совмещение задач обучения и воспитания подрастающего поколения.

Таблица

**Число общеобразовательных школ в районах проживания коренных малочисленных народов
севера Республики Саха (Якутия) (по данным статистическим данным)**

№	Районы проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)	1980	1990	2000	2010	2020
1	Абыйский	8	7	8	7	7
2	Алданский	29	30	30	26	23
3	Аллайховский	7	7	6	6	6
4	Анабарский национальный (долгано-эвенкийский)	2	4	4	4	4
5	Булунский	10	13	9	9	9
6	Верхнеколымский	4	7	8	8	4
7	Жиганский национальный эвенкийский	4	6	5	4	4
8	Кобяйский	16	19	20	18	18
9	Мирнинский	22	27	22	19	17
10	Момский	6	9	8	8	7
11	Нерюнгринский	16	30	26	22	19
12	Нижнеколымский	5	7	8	7	5
13	Оймяконский	23	23	11	9	8
14	Олекминский	31	33	35	30	30
15	Оленёкский эвенкийский национальный	4	4	4	4	4
16	Среднеколымский	10	10	12	11	11
17	Томпонский	15	16	16	13	12
18	Усть-Майский	14	13	12	10	9
19	Усть-Янский	14	17	11	10	10
20	Эвено-Бытантайский национальный	0	3	4	3	3

В Республике Саха (Якутия) насчитывается 20 муниципальных образований, где непосредственно проживают коренные малочисленные народы Севера: эвены, эвенки, чукчи, долганы, юкагиры и русские арктические старожилы. В них количество действующих школ, в которых обучаются КМНС, довольно невелико, но их число остается стабильным с 1995 по 2022 год. Например, в Алданском районе в 2020 году из 23 школ только в 5 обучаются дети из числа малочисленных народов Севера; в Кобяйском районе из 18 школ только в 2. В семи районах функционируют кочевые школы, такие как школа "Амма" № 40", "Угут" № 38", "Черода", "Нутендли", школа-детский сад "Уродан", "Куонелекен", в них по данным на 2021 год обучается 102 ребенка, в том числе 35 детей дошкольного возраста. В районах проживания КМНС в базовых школах образование ведется по индивидуальным учебным графикам и учебным планам.

Правительство Республики Саха (Якутия) поддерживает и развивает арктическое образование, которое реализуется через комплексное направление под названием "Арктическое образование", задачей которого является создание эффективной образовательной системы, гарантирующей получение детьми качественного и доступного образования. В Государственной программе "Развитие образования на 2016-2022 годы и на плановый период до 2026 года" предусмотрена подпрограмма "Дети Арктики и Севера".

Продолжается работа по развитию региональной системы арктического образования за счет сочетания основных системных блоков: - совершенствование организационной системы, позволяющей предоставлять качественное и доступное образование, квалифицированные преподавательские кадры с учетом этнокультурных особенностей северных регионов.

Для развития образования в области изучения родного языка коренных малочисленных народов Севера, как основы культурного многообразия, важно не только участие образовательных учреждений, учреждений культуры, но и необходима поддержка оленеводства, как говорит Ю.Г. Ананьев, директор совхоза "Ленин Октоп" - «Эвенка без оленя не бывает, эвенки и олень родились одновременно» [2].

Вместе все это может помочь в восстановлении традиций и не потерять знания об образе жизни коренных малочисленных народов Севера. Также важно использовать язык в повседневной жизни населения. В настоящее время это необходимо, поскольку старшее поколение чаще использует русский или якутский язык при общении с детьми, что не помогает детям закрепить знания, полученные в образовательных учреждениях. Во всем этом образованию может помочь развитие духовности и этнокультурного образования подрастающего. Необходимо выработать единую стратегию развития образования для поддержки языка коренных малочисленных народов Севера. Эффективными мерами по сохранению родных языков являются вовлечение семей в сохранение их родного языка и фольклора посредством различных форм проводимых мероприятий (конкурсы, выставки и т.д.); повышение мотивации к изучению родного языка, литературы и культуры за счет грантовой поддержки носителей языка и приверженцев родных языков коренных малочисленных народов Севера; внедрение новых технологий обучения; обеспечение современными учебниками, учебно-методическими комплексами и электронными образовательными ресурсами [3].

Исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда №21-17-00250.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России [Текст]: Учеб. пособие для студ. высш. пед. Учеб. заведений / И.Н. Андреева, Т.С. Буторина, З.И. Васильева и др.; Под. Ред. З.И. Васильевой. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 416 с.
2. Ладохина Л. «Всего один раз в год», заметки с традиционного праздника оленевода в Усть-Нюкже / Ладохина Л. // «Авангард» № 41 31 марта 1983 г (5017) с. 3.
3. Костылева Н.Б. Сохранение родных языков коренных малочисленных народов Севера в образовательном пространстве Югры / Материалы Форума учителей родных языков коренных малочисленных народов Севера [Электронный ресурс]: сборник / автономное учреждение дополнительного профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Институт развития образования»; редакционная коллегия: Е. У. Акбаш, В. В. Семёнова, О. Г. Ярлыкова, В. В. Ключова. – Ханты-Мансийск: Институт развития образования, 2019. – 88 с.

Anna P. Itegelova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

EDUCATION IN THE FIELD OF NATIVE LANGUAGES OF INDIGENOUS PEOPLES AS THE BASIS OF CULTURAL DIVERSITY OF THE REGIONS

Abstract: *The article analyzes the educational institutions of the territories of the northern regions of Yakutia. At the moment, there are differences in the provision of educational institutions between the territories, especially in some northern regions. In order to preserve the national and cultural identity, education and the desire to revive the native language of the*

indigenous peoples of the North (SIPN), it is necessary to create conditions for the development of personality and ethno-cultural consciousness in general educational institutions.

Keywords: *education, native language, indigenous peoples of the North, culture, Yakutia.*

УДК 911.3:32

Каледин Н.В.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВА

Аннотация. *Опираясь на принципы деятельностно-геопространственной концепции политической географии и геополитической регионализации рассмотрены её исторические формы в Евразии, главные регионообразующие геополитические тренды и результаты (геополитические регионы) в докапиталистический, капиталистический и современный геополитические периоды с учётом специфики геополитических эпох.*

Ключевые слова: *Евразия, геополитические отношения, геополитическая регионализация, геополитические тренды, геополитические регионы.*

1. Методологической основой исследования являются принципы деятельностно-геопространственной концепции политической географии как науки о процессах и результатах геополитической самоорганизации общества посредством геополитических отношений. В ходе них происходит взаимная адаптация деятельности политических субъектов и свойств геопространства, формируются разнообразные политико-географические (геополитические) явления (интересы, процессы, системы и др.) как формы освоения и контроля субъектами геопространства [1; 2].

Одним из типов таких отношений являются регионообразующие геополитические отношения, связывающие политических субъектов-акторов межгосударственных или (и) внутригосударственных процессов в специфические региональные геополитические общности различного типа и масштаба – *региональные геополитические системы (геополитические регионы)*. При этом региональная целостность, идентичность таких систем обеспечивается как *общностью*, так и *конфликтом* геополитических интересов субъектов регионализации, а геопространственные масштабы – конкретно-исторической линией контакта геополитических отношений разного типа [3]. Появление и трансформация геополитических региональных общностей составляют содержание процесса *геополитической регионализации (ГР)* общества, реализующегося как на межгосударственном, так и на внутригосударственном уровнях. Понять многообразие процессов ГР и геополитических регионов (ГПР) позволяет их типологизация по субъектным, геопространственным и юридическим особенностям [3].

2. ГР является одной из закономерностей геополитической самоорганизации общества в рамках *глобальной геополитической системы «де-факто»* (представленной политической картой мира) и имеет свои исторические и геопространственные особенности. Они задаются конкретно-историческими ключевыми общественными и геополитическими процессами, формирующими исторические типы геополитической самоорганизации общества и соответствующие им геополитические периоды (докапиталистический, капиталистический, современный) и эпохи (Венскую и др.) [4, с.70-96] со специфическими ГПР «де-факто» и «де-юре».

Рассмотрим с этих позиций историческую динамику процессов геополитической регионализации в Евразии, выделив в каждом из периодов основные *регионообразующие геополитические тренды*, отражавших специфику конкретно-исторических геополитических процессов.

3. **Докапиталистический период** (до XVI в.). Главный и наиболее устойчивый тренд – ГР посредством формирования крупными государствами-лидерами на базе их этнокультурных и религиозных ценностей *цивилизационно-геополитических регионов «де-факто»* преимущественно моноцентричных (древнегреческого, хеттского, вавилонского, ассирийского, персидского, древнеиндского, древнекитайского, древнеримского, западноевропейского, византийского, русского, монгольского, тюркского и др.).

Второй устойчивый тренд – формирование *религиозно-геополитических регионов и субрегионов «де-факто»* (буддистский, индуистский, исламский, христианские и др.).

Третий тренд – *военно-геополитический* – выражался в формировании военно-геополитических регионов союзов, коалиций на период войн и время действия, заключённых по их результатам договоров, соглашений.

Капиталистический период (с XVI в. до Первой мировой войны). Доминирующим трендом становится *колониально-геополитическая регионализация*. Результат – *колониально-геополитические регионы «де-юре» и «де-факто»*, интегрировавшие военными, политическими, экономическими и гуманитарными

средствами колонии и полуколонии с их державами-метрополиями: Британский, Российский, Французский, Нидерландский, Японский, Германский.

Борьба лидеров за политически и экономически значимые для них части геопространств порождала *военно-геополитический тренд* регионализации в разнообразных формах. К ним можно отнести интеграционно-геополитические процессы и союзы между ведущими державами, рождавшие на непродолжительный период полицентричные *коалиционные военно-геополитические регионы «де-юре»* (Габсбургский и Антигабсбургский блоки в Тридцатилетней войне, союзы европейских государств против французских коалиций, Антанта и Тройственный союз и др.). По результатам мирных договоров, завершавших войны, возникали *послевоенные геополитические регионы «де-юре»* с территориально-политическими изменениями, зафиксированными в мирных договорах (Вестфальском, Венском, Портсмутском и др.). Также в период военных действий складывались кратковременные *конфронтационные регионы «де-факто»* (англо-французские, российско-шведские, российско-турецкие, японско-китайские, японско-российский и др.). С учётом постоянных войн в различных частях евразийского пространства можно утверждать, что такие регионы были наиболее массовым явлением.

Процессы капитализации привели к образованию первого в мире и в Евразии *капиталистического формационно-геополитического региона «де-факто»*, представленного компактной группой стран в Европе (более десяти) и Японией в Азии.

Современный период (после Первой мировой войны). С учётом специфики Версальской, Потсдамской и Беловежской геополитических эпох ГР реализуется в следующем ряде геополитических трендов и ГПР [4, с. 59-62]:

1) *Формационно-геополитический тренд* со сложившимися в Версальскую и Потсдамскую эпохи соперничающими *капиталистическим* и *социалистическим* геополитическими регионами «де-факто» и «де-юре». Первый объединил с помощью НАТО, ЕС, СЕНТО, СЕАТО, АЗПАК, других организаций и двухсторонних договоров европейские страны, Японию, Израиль. Второй сложился из 17 стран, интегрированных коммунистической идеологией, СЭВ, ОВД, двухсторонними и многосторонними договорами. Оба региона в Евразии характеризовались внутренним полицентризмом.

В рамках противоборства двух систем в Версальскую эпоху на основе конфликтных геополитических отношений сложились *«трансевразийский конфронтационный регион» «де-факто»* с его *восточно-европейским* и *восточноазиатским* субрегионами. Межсистемное сотрудничество во Второй мировой войне в рамках антигитлеровской и антияпонской коалиций, сменившееся «холодной войной» в Потсдамскую эпоху, сопровождалось расширением пределов социалистического региона в Центрально-Восточной Европе и в Восточной Азии. Появились новые конфронтационные субрегионы «де-факто» – *биполярные корейский, вьетнамский, китайский*.

В Беловежскую эпоху в связи с распадом СССР и мировой социалистической системы в Евразии сложился *«постсоциалистический»* ГР (более 30 государств, с учётом непризнанных) с двумя векторами интеграции и соответствующими им геополитическими субрегионами «де-факто» – *«евроат-лантическим»* (интеграция с НАТО, ЕС) и *«евразийским»* (интеграция с Россией посредством СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, двухсторонних договоров).

2) *Антиколониально-геополитический тренд* в Версальскую и в Потсдамскую эпохи привёл к распаду колониально-геополитических регионов, к появлению суверенных развивающихся стран («третьего мира») и новых форм ГПР. В глобальной и евразийской геополитических системах они составили новый формационно-геополитический макрорегион «де-факто» – *«постколониальный»*. В силу различных геополитических векторов интеграции в нём сложились несколько дисперсных субрегионов: *«прозападный»* (Турция, Иран до 1979 г., Таиланд, Филиппины и др.), *«движения неприсоединения»* (Индия, Индонезия, Мьянма и др.), *«стран социалистической ориентации»* (Ирак, Сирия, Афганистан, Бангладеш и др.). Про-западный вектор развития привёл к созданию региональных военных и политико-экономических организаций (НАТО, СЕНТО, СЕАТО, АЗПАК).

На востоке Азии в конце 1990-х гг. сложился новый конфликтогенный регион «де-факто» – *«Большой Китай»* (в соответствии с политикой КНР «одна страна-две системы», интегрируя Сянган-Гонконг, Макао, Тайвань). Политико-экономические интеграционные процессы между молодыми государствами «третьего мира» привели к образованию крупных межгосударственных организаций-ГР «де-факто» (АСЕАН, ССАГПЗ, СААРК, АРСИО и др.).

3) *Этно-геополитический тренд* в результате процессов сепаратизма и сепаратизма на территории более 50 стран Евразии привёл к формированию (особенно в Беловежскую эпоху) многочисленных *этно-конфликтных ГПР*, в том числе с *непризнанными государствами* различного типа и масштаба [4, с. 223-238; 5].

4) *Цивилизационно-геополитический тренд* своим наиболее массовым результатом имел формирование в Беловежскую эпоху сопредельных формационно-геополитических субрегионов – *«евроатланти-*

ческого» (страны западной цивилизации и её контактной зоны с восточно-христианской и исламской) и «евразийского» (представители восточно-христианской, исламской, конфуцианско-буддистской цивилизаций). Их деятельность опирается на различные цивилизационные ценности, принципы, и представлена двумя результатами ГР:

а) *цивилизационно-конфликтотенными ГПР* (конфронтационными, миротворческими, санкционными), прежде всего, в контактной зоне двух субрегионов, являясь своеобразными «геополитическими трещинами, разломами» евразийского пространства. В совокупности они формируют «трансевразийскую дугу неустойчивости» как макрогеополитический конфликтотенный регион «де-факто», простирающийся от Атлантики до Тихого океана. Он включает ГПР: Российско-Евро-Атлантический (военно-политическая конфронтация стран Запада с Россией, в том числе на территории Украины); Белорусско-Евро-Атлантический, Приднестровский, Грузино-Абхазский, Российско-Абхазский и Российско-Южно-Осетинский, Российско-Грузинский, Центрально-Азиатский, Грузино-Южно-Осетинский, Южно-Кавказский, Центрально-Азиатский, Японско-Российский, Корейский [6].

В Потсдамскую эпоху также сложились цивилизационные ГПР в контактных зонах других цивилизаций – Арабо-Израильский, Греко-Турецкий, Западно-Балканский, Иранско-Евро-Атлантический, Афганско-Евро-Атлантический, Индо-Пакистанский, Китайско-Индийский, Южно-Китайского моря, Восточно-Азиатский;

б) *цивилизационно-геополитическими регионами интеграции, сотрудничества* в лице международных региональных организаций и инициатив («один пояс-один путь») межцивилизационного характера. Они выполняют функцию «геополитических скреп», способствующих постепенному расширению «евразийского» субрегиона (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, двухсторонних договоров и др.). Фундаментом их успешного развития являются взаимодополнение, близость (комплементарность) духовных принципов четырёх евразийских цивилизаций – восточно-христианской, исламской, конфуцианско-буддистской, индуистской.

Потенциал таких цивилизационно-геополитических регионообразующих отношений необходимо активнее использовать в идеологии и практике формирования и укрепления евразийских региональных общностей. Они могут стать основой цивилизационно-геополитических интеграционных отношений и формирования крупнейшего в мире геополитического макрорегиона «де-юре» – «Евразийского цивилизационно-геополитического сообщества», своеобразной «Евразийской дуги стабильности» в противовес «Евроатлантическому цивилизационно-геополитическому макрорегиону» «де-факто», сформированному и расширяемому на базе принципов западной цивилизации и её стран-партнёров сопредельных цивилизаций посредством НАТО, ЕС, АНЗЮС, AUKUS, двусторонних договоров (с Японией, Израилем и др.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 163 с.
2. Каледин Н.В. Деятельностно-геопространственная методология в общественной географии // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Т. 4, ч. 1. / отв. ред. А.А. Михайлова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2020. С. 23-31.
3. Каледин Н.В., Каледин В.Н., Гресь Р.А. Геополитические регионы и геополитическая регионализация общества // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы Междунар. науч. конф. в рамках IX ежегодной науч. ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (Барнаул, 12-19 сентября 2018 г.). Т. 2. / отв. ред. Н.И. Быков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С.152 –155.
4. Политическая география и геополитика: учебник для вузов / под ред. Н.В. Каледина, Н.М. Михеевой. Москва: Изд-во Юрайт, 2023. 389 с.
5. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М. Новый хронограф, 2012. 672 с.
6. Каледин Н.В. Конфликтотенные регионы постсоветского пространства: опыт политико-географической типологии // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз: материалы Междунар. науч. конф. (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.) / А.Г. Дружинин, В.П. Сидоров (ред.). Ижевск: Изд-во УГУ, 2021. С. 94-100.

Nikolay V. Kaledin

St. Petersburg State University, Saint Petersburg

GEOPOLITICAL REGIONALIZATION IN EURASIA: HISTORICAL DYNAMICS AND PERSPECTIVE

Abstract. *Based on the principles of the activity-geospatial concept of political geography and geopolitical regionalization, its historical forms in Eurasia, the main regional-forming geopolitical trends and results (geopolitical regions) in the pre-capitalist, capitalist and modern periods are considered, taking into account the specifics of geopolitical eras.*

Keywords: *Eurasia, geopolitical relations, geopolitical regionalization, geopolitical trends, geopolitical regions.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОРОГИ РОССИИ В СИБИРЬ И ИХ ОБРАЗЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье исследуется связь литературных путешествий с историческими дорогами в Сибирь. Вводится понятие транспортно-географического дискурса. Рассматривается опыт путешествия А.П. Чехова по Московско-Сибирскому тракту и опыт травелога героя А.Т. Твардовского по Транссибу (на материале поэмы «За далью – даль»).

Ключевые слова: литературная география, исторический путь, историческая дорога, литературное путешествие, травелог, транспортно-географический дискурс.

Понятия и термины. Под историческим путем понимается «...транзитное пространство (своеобразный коридор или полоса), по которому в течение длительных периодов исторического времени происходило перемещение людей и товаров, обеспечивающих взаимодействие между городами, странами, народами». Исторические дороги – локализованные в пространстве линейные коммуникации внутри полосы исторического пути [1, с. 53].

В данной работе термины литературное путешествие и травелог рассматриваются в качестве синонимов [2]. Литературные путешествия по одной исторической дороге, совершенные в разное время и разными авторами, дают ценный материал для выявления разных географических образов у разных путешественников. Это позволяет лучше понять исторический контекст путешествия.

Транспортно-географический дискурс предполагает рассмотрение следующих аспектов литературного путешествия:

- 1) характеристика транспортных средств и дороги;
- 2) описание придорожных ландшафтов;
- 3) дорожные испытания и дорожные образы автора или литературного героя;
- 4) разное восприятие ландшафтов при использовании разных видов транспорта;
- 5) формирование новых транспортных сетей, новых транспортных центров и связанная с этим смена образов регионов и городов.

Проблематика транспортного дискурса относится к перспективным направлениям исследования в культурной географии. Изобретение нового транспортного средства резко меняет отношение творческого человека и пространства, поскольку каждый вид транспорта привносит новую лексику, которую литераторы активно интерпретируют, создавая принципиально новые образы [3]. При этом изменяется не только скорость, темп и ритм перемещения, но и характер восприятия ландшафта. Развитие транспорта и увеличение скорости передвижения в начале XIX века привели писателей к мысли о «смерти» пространства и связанном с ней исчезновении поэтики путешествия [4, С. 12-13]. К примеру, Н.М. Карамзин для лучшего восприятия страны предпочитал неспешное передвижение в экипажах в сочетании с пешими прогулками по городам [5].

В проблематике транспортно-географического дискурса всегда присутствует региональное измерение. Это связано с тем, что новый вид транспорта формирует свою транспортную сеть, которая задает другие маршруты перемещения по региону и тем самым формирует новые образы региона. Применительно к Уралу Е.Г. Власова показала, как в региональных травелогах меняется в течение XVIII-XIX веков транспортная сеть и связанные с ней транспортные дискурсы – от гужевого к пароходному и железнодорожному транспорту. Прокладка новых дорог – это не только угасание и расцвет новых центров, но и новые образы регионов и городов и новые образные доминанты. Так, под влиянием железных дорог пермский образ Урала, связанный с развитием пароходного сообщения, сменяется на екатеринбургский. Этот культурный тренд Д.Н. Мамин-Сибиряк облек в яркую формулу: «Перми не бывать супротив Екатеринбурга» [6].

«Россия в Сибирь зашла с севера»: об одной важной географической закономерности. Известно, что Россия зашла в Сибирь с субарктической зоны [7]. В.В. Покшишевский подметил важную историко-географическую закономерность: в течении 500 лет исторические дороги в Сибирь смещаются из субарктических в южно-таежные и подтаежные широты (рис. 1).

Рис. 1. Исторические дороги в Сибирь. Составлено О.М. Железным

1. Мангазейский морской ход. XV – начало XVII в. 2. Чрезкаменная водно-волоковая дорога. XV – XVII в. 3. Сибирская водно-волоковая магистраль, включая участок Бабиновской сухопутной дороги (3*). С 1598 г. до второй половины XVIII в. 4. Московско-Сибирский сухопутный тракт. С середины XVIII в. по начало XX в. 5. Транссибирская железнодорожная магистраль. С начала XX в.

Самыми старыми историческими дорогами были проходившие по субарктическим и северо-таежным акваториям и территориям – Мангазейский морской ход, связывающий по арктическим морям Архангельск и расположенную на полярном круге «златокипящую» Мангазею, и Чрезкаменная, или Печорская, водно-волоковая дорога, шедшая через Северный и Приполярный Урал [8].

Построенная в конце XVI века Бабиновская (Верхотурская) дорога стала первой сухопутной дорогой в Сибирь; через Соликамск и Верхотурье она соединяла Волго-Камский и Обский бассейны. В результате поток товаров и людей сместился намного южнее, на Средний Урал, а городок Верхотурье, расположившийся на выходе из Сибири, почти на два столетия стал российским Клондайком – внутрироссийской пушной таможней. Эта водно-волоковая Сибирская магистраль была основной дорогой в Сибирь до первой половины XVIII века. Именно по данному маршруту везли в Сибирь и обратно непокорного протопопы Аввакума.

После открытия Московско-Сибирского сухопутного тракта в 1735 г. роль рек как транспортных магистралей в Европейской части России уменьшается. Тракт был проложен через Муром, Арзамас, Казань, Пермь, Екатеринбург [7]. В результате дорога в Сибирь смещается еще южнее, а некогда важные транспортные и административные центры такие, как Соликамск и Верхотурье угасают. По этой же причине закатывается звезда великолепного Тобольска, первой русской столицы Сибири.

Тракт в начале XX века сменяет самая южная историческая дорога в Сибирь – Транссибирская магистраль.

Московско-Сибирский тракт: опыт А.П. Чехова. Чехов путешествовал по Сибири с апреля по июль 1990 года. Маршрут его поездки в Зауралье в основном проходил по историческому Московско-Сибирскому тракту. «Сибирский тракт – самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете» [9, с. 286]. Несмотря на столь нелестный отзыв, Московско-Сибирский тракт сыграл огромную роль в освоении Сибири и формировании единого пространства России.

«Представьте вы себе широкую просеку, вдоль которой тянется насыпь в сажени четыре ширины, из глины и мусора, – это и есть тракт. Если глядеть на эту насыпь сбоку, то кажется, что из земли, как в открытой музыкальной шкатулке, выдается большой органнй вал. По обе стороны его – канавы» [9, С. 286-287]. Из Екатеринбурга южная – сухопутная – ветвь тракта шла на Тюмень, Ишим, Омск, Томск, Красноярск и заканчивалась в важном транспортном центре Сибири Иркутске. Поездка по ней во время распутицы проходила с большими трудностями: «Тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что эта безобразная, рябая полоса земли, эта черная оспа, есть почти един-

ственная жила, соединяющая Европу с Сибирью! И по такой жиле в Сибирь, говорят, течет цивилизация! (выделено мною – В.К.)» [9, с. 290].

Вместе с тем уже во всю шли работы по подготовке одного из самых амбициозных транспортных проектов России – сооружению Великого Сибирского пути (так исторически назывался современный Транссиб). И уже через год после поездки А.П. Чехова началось его строительство. В таком контексте накануне «закрытия» Московско-Сибирского тракта литературное путешествие А.П. Чехова следует рассматривать как важный **источник географических сведений** (рис. 2).

Транссиб и железнодорожный дискурс А.Т. Твардовского. Представляя путешествие героя поэмы «За далью – даль» по Транссибирской железнодорожной магистрали, Твардовский активно использует характерные элементы железнодорожного дискурса, создавая на их основе яркие поэтические образы: железнодорожная магистраль (*лестница из шпал*), паровоз (*гребет пространство паровоз*), вагон (*малый дом, твоя квартира, твой дом и улица твоя*), пассажир, соседи по купе и т.д. Неожиданно и точно передано ощущение пассажира поезда, который неторопливо начал свое движение: *когда вагон уже потек*.

При сравнении железнодорожного дискурса А.А. Фета, А.А. Блока и А.Т. Твардовского «выигрывает» последний. У А.А. Фета железная дорога была еще совсем голой, необжитой, холодной, А.А. Блок наполняет железные коробки вагонов «тысячью жизней», согревает их человеческим теплом; железнодорожная обстановка А.Т. Твардовского так знакома и мила, что он может говорить о ней, как о природе [10, с. 53]. По мнению С.Я. Маршака, богатством пассажирского опыта А.Т. Твардовский превзошел всех своих предшественников-поэтов: «А дорожный быт он умеет показывать с таким аппетитом, что и нас заражает желанием бросить все дела и махнуть куда-нибудь подальше – ну, хотя бы в тот же Владивосток» [10, с. 53].

В физическом литературном путешествии герой травелога перемещается по трассе Транссиба, а его основными элементами являются конкретные придорожные города и станции. Но основное внимание автора поэмы приковано к стержневым культурным регионам страны (автор называет их **далями**). И этот ряд оказывается очень небольшим: Москва – Волга – Урал – Сибирь – Дальний Восток. Именно они представляют собой важнейшие поэтические и «ментальные остановки» в этом путешествии (каждому из них посвящены отдельные главы поэмы). Шаг – и герой, оттолкнувшись от Москвы уже на Волге; шаг – и он уже слышит грохот металлургических заводов Урала. Еще один шаг – и он уже в Сибири радуется вместе с другими со строителями укрощению непокорной Ангары. «Перемахнув» через оз. Байкал, герой восторгается просторами Дальнего Востока. И только Тихий океан приостанавливает движение этого титана... Мысль автора парит над просторами России: опережая восточный экспресс, она летит над страной, напоминая движение гигантского героя одной из картин Бориса Кустодиева «Большевик».

Рис. 2. Маршрут путешествия А.П. Чехова от Москвы до Амура. Составлено О.М. Железным
Топонимы на карте – места, реки и регионы, получившие чеховские географические образы

Тем самым, опираясь на концепт дали, автор предъявляет нам свою **образную географическую карту России** (рис. 3).

Рис. 3. Образно-географическая карта России (по Твардовскому): крупные культурно-географические регионы (дали) и места. Составлено О.М. Железным

Жирная линия – Транссибирская магистраль: маршрут героя произведения от Москвы до Владивостока. Крупным жирным шрифтом показаны крупные культурно-географические регионы (дали по Твардовскому); мелким жирным шрифтом обозначены места, реки и регионы, получившие авторские географические образы, мелким простым шрифтом – места только упомянутые в тексте.

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Веденин Ю.А. Место исторического пути в культурно-ландшафтном пространстве Русского Севера: по следам Александра Шренка // Наследие и современность. 2020. № 3 (4). С. 52-72.
2. Литературная география России: атлас-справочник / науч. ред. Ю.А. Веденин, В.Н. Калуцков. М.: Изд-во Московского университета, 2022. 295 с.
3. Ковалева Е.А. Элементы «железнодорожного дискурса» в поэзии серебряного века: лексический аспект. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 21 с.
4. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия. Т.1 М.: «Патриот», 1994.
5. Калуцков В.Н. «Письма русского путешественника Н.М. Карамзина»: литературно-географические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 165-175.
6. Власова Е.Г. Маршруты путешествий и особенности формирования образа пространства в уральском travelogue XVIII – начале XX в. // Лабиринт. 2015. №1. С. 34-49.
7. Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркутское обл. гос. изд-во, 1951. 207 с.
8. Булатов В.Н. Русский Север. Книга вторая: Встречь солнца (XV–XVII вв.). Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1998. 352 с.
9. Чехов А.П. Из Сибири / ПСС под ред. А.В. Луначарского и С.Д. Балухатова. Т.Х. М.-Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1932. С. 269-295.
10. Маршак С.Я. Ради жизни на земле: Об Александре Твардовском. М.: Советский писатель, 1961. 108 с.

Vladimir N. Kalutskov

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

RUSSIAN LITERARY GEOGRAPHY IN THE XX-XXI CENTURIES

Abstract. *The article explores the connection between literary trip and historical roads to Siberia. The concept of transport and geographical discourse is introduced. The experience of Chekhov's trip along the Moscow-Siberian highway and the experience of Tvardovsky's hero's travelogue on the Trans-Siberian Railway (based on the poem Beyond the Distance) are considered.*

Keywords: *literary geography, historical path, historical road, literary trip, travelogue, transport and geographical discourse.*

УДК 911.3 (470) (07)

Кудрявцев А.Ф.

Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР КАК ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. *В статье дана географическая трактовка понятий «мир», «культурный (-е) мир (-ы)», в том чис-*

ле «финно-угорский культурный мир». Уточняется соответствие понятия «мир» основным географическим таксонам: «ареал», «зона» и «район». Приводятся различные по содержанию характеристики финно-угорского мира.

Ключевые слова: культурный мир, формальный, реальный и топонимический финно-угорский культурный мир.

Памятуя о том, что слово «мир» в русском языке имеет несколько значений (как омонимические, так и синонимические), необходима определенная конкретизация понятия. Считаю сделать это необходимо, так как одно из фундаментальных общенаучных и философских понятий подвергается смысловой эрозии. С чьей-то легкой руки уже существуют «миры» сумок и обоев, тканей и дверей и т.д. Такое беспорядочное «многомирие» существенно девальвирует термин, размывает его и выводит за пределы научного поля.

В русском языке под миром, по С.И. Ожегову понимается и «совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, вселенная», и «отдельная часть вселенной, планета», и более конкретные «Земля, земной шар, а также люди, население земного шара». Кроме того, «мир» означает и отсутствие вражды, ссоры, войны между людьми [1].

Таким образом, слово «мир» в русском языке является омонимом. В то время как некоторые языки (европейские) различают тот и другой «мир» (ср. *world* и *peace*, англ., *die Welt* и *der Frieden*, нем., *il mondo* и *la pace*, итал., *le monde* и *la paix*, франц. и др.). Похожая тенденция и в финно-угорских языках. Так, в удмуртском языке в первом значении слово «мир» переводится как *дунне*, а во втором как *тупан*.

В культурно-географических исследованиях определенное хождение имеет понятие «мир» для обозначения больших групп людей, объединенных по какому-либо признаку (признакам) и имеющих конкретное географическое местоположение. Например, культурный мир.

Традиция представлять большую общность людей в пространстве как некий мир ведет свое начало, очевидно, от известной в истории *Pax romana*. Римский мир – это, прежде всего, Средиземноморье – пространство, объединяющими культурными признаками которого были латинский язык, римское право, общий пантеон богов, ценности *res publica*. *Pax romana* нужен был для различения от мира варваров и *limes* служила, прежде всего, культурной границей.

Функции культурной границы выполняла и Великая Китайская стена прошлого, разделявшая китайцев, живших «за стеной» и варваров, живших к северу от нее. Любопытно, что китайцы различали варваров *вареных*, которых уже облили свет и тепло цивилизации, и варваров *сырых*, еще пребывающих во тьме и холоде невежества, пишет Ф. Бродель. Он же, как известно, вводит в научный оборот оригинальное понятие *мира-экономики* [2].

Монголы, поглотившие позднее и Китай, создали величайшую континентальную империю, «монголосферу», по П.Н. Савицкому. Являлась ли она культурным миром, имея в виду огромную внутреннюю культурную территориальную дифференциацию? Сомнительно. Тем не менее, П.Н. Савицкий в своих работах упоминает о *pax mongolica*, бывшей наиболее объемлющей из числа известных в истории [3].

Старинной реальностью был существовавший в России, почти 700 лет, своеобразный «мир». Изначально им являлась совокупность жителей сельского поселения. Другими словами, крестьянская община. Кроме того, *мир* (миряне) понимался как нечто отличное от *клира*, т.е. духовенства.

Миром была, и деревенская община в пять десятков жителей где-нибудь в Ярославской или Вологодской губернии, и десятки миллионов человек на пространстве от Пскова до Владивостока. Вся совокупность таких «миров» составляла огромный *русский мир*. К русскому миру духовно, ментально принадлежали и многочисленные диаспоры русских по всему земному шару.

Очевидно, что явными признаками русского мира как мира культурного были русский язык и православная вера. С 1832 г. по 1917 г. русский мир – это пространство, где действовала идеологическая триада: «православие, самодержавие, народность».

Новое понимание русского мира дали евразийцы. Так, П.Н. Савицкий пишет, что Евразия, или русский мир сосредоточена в трёх низменностях – равнинах (Беломорско-Кавказской, Западно-Сибирской и Туркестанской) и окаймлена горными системами. Это особый географический мир... Это особый исторический мир, с целостной евразийской культурой, во всем разнообразии ее отраслей [3].

Итак, из чего же состоит культурный мир? Основанием для образования культурного мира является то же, что и для объединения языков в ту или другую языковую группу той или иной языковой семьи. Такова, например, славянская группа языков, позволяющая говорить об основе *славянского мира*. Или, например, *тюркский мир*. Базой для его образования стала география тюркской группы языков алтайской языковой семьи. Арабский язык «сформировал» с течением исторического времени *арабский мир*. И так далее. Этот же генезис – родство языков – находится и в основе существования такого культурного феномена как *финно-угорский мир*. Имея в виду конкретную географическую привязку (локализацию) носителей того или иного языка, правомерно называть указанные культурные миры *геокультурными*.

Что представляет собой геокультурный мир (в указанной интерпретации) с точки зрения географиче-

ской систематики и, прежде всего, районирования. Как известно, любая территория географом оценивается по содержанию и концентрации насыщающих ее элементов. В этом смысле существуют три класса территорий: *ареал, зона, район*. Что есть финно-угорский мир с точки зрения методологии районирования? Это ареал, зона или он имеет признаки системы (геосистемы), то есть района?

Для начала отметим, что существует «статистический» и даже, **формальный** финно-угорский мир. Считается, что этот мир является совокупностью регионов России и зарубежных стран, в наименовании которых присутствует финно-угорский этноним. А площадь территории этого мира предстает как простая сумма площадей территорий этих регионов и стран. Получается огромная, обширная территория в восточной и северной Европе; это сотни тыс. км² и 25 млн чел. По этой причине данная территория действительно воспринимается как целый мир. Мы можем достаточно уверенно мысленно поместить его именно на уровне глобальных масштабов. Но единого языка, а это был бы сильный аргумент в пользу большей общности территории, не существует! Более того, доля людей-носителей финно-угорских языков в российских регионах не достигает и половины. В данном случае мы наблюдаем лишь факт наличия *одного признака*, отличающегося от другого на смежной территории. При этом не требуется жесткого выполнения критерия «наличие признака с показателем более 50 %» (хотя критерий в 75 % был бы предпочтительнее).

Итак, с точки зрения районирования мы можем финно-угорский мир классифицировать только как культурно-географический *ареал*, вне зависимости от площади занимаемой территории. Претендовать на статус культурно-географического *района*, то есть геосистемы с высокими требованиями к целостности территории он не может. Для этого необходимо, чтобы выполнялись требования очень тесных взаимосвязей и органической общности между такими явлениями, как: 1. язык; 2. религия; 3. идеология; 4. экономические связи; 5. этнография; 6. образ жизни; 7. антропологические черты; 8. природные условия жизни и ландшафты; 9. самосознание; 10. историческая судьба, по Л.Н. Гумилеву [5].

Это достаточно высокие требования. Это фактически признаки суверенного государства (территориальной социально-экономической, политической и культурной системы). Ничего этого культурный мир, в том числе финно-угорский, не имеет и не обязан иметь. Культурный мир, как правило, проще по своей структуре. Он охватывает реальность вширь, «работает» в поверхностном слое, не пытаясь углубиться. Кроме того, культурные миры – это миры, скорее духовной, нежели материальной культуры.

Кроме единства, целостности, связности и высокой степени корреляции важным признаком в идентификации культурного мира является его *территориальная общность, компактность, цельность*. Глядя на карту, создается впечатление, что финно-угорский мир – это, своего рода, *архипелаг*, острова которого – это ареалы (в виде единиц АД) компактного проживания финно-угорских этносов. Как писал Л.Н. Гумилев, Россия – это таёжное море от Онеги до Охоты [4]. В этом случае аналогия «Финно-угрии» как архипелага более чем уместно.

Итак, рассматриваемый мир можно квалифицировать также и как *неравномерный географический ареал*.

Если рассмотреть реальное (не формальное) расселение носителей финно-угорских языков, то площадь «островов» российской части «архипелага» заметно увеличивается, а «проливы» между ними сужаются. На карте проявляется **реальный** финно-угорский мир.

И наконец, если мы учтём «говорящий» *ландшафт* (топонимику) северной половины европейской России, то тогда на географической карте явно проступит, проявится еще один (sic!) финно-угорский мир – **топонимический**. Это мир не только людей, но и мир природы. Такой подход к изучению финно-угорского мира – *ландшафтный* – позволяет глубже, полнее познать данный культурный феномен. Исследовать надо не только духовную и материальную культуру, но и «вмещающие и кормящие» ландшафты [5], а также топонимику – «тексты» ландшафтов. В результате учета географических (ландшафтных) признаков районирования финно-угорский мир оказывается более компактным, территориально целостным, не таким дисперсным и «островным».

Представители гуманитарных наук почти 100 лет назад «создали» финно-угорский мир. Создать единых финно-угров вряд ли удастся – свойство населяющих его народов довольно размыто и на уровне обывателя практически не осознается – многие ли «простые» удмурты, марийцы, карелы, манси или коми осознают, что они, кроме всего прочего, еще живут в финно-угорском мире, который весьма многолик? Этот мир поддерживается в основном гуманитарной национальной интеллигенцией. Тем не менее, считаем важной задачей популяризацию знания, в том числе географического, о финно-угорской общности вообще, и российской её части в особенности.

Тем самым обретается смысл существования в ойкумене отдельных финно-угорских этносов, их «миров». Кроме того, понимая общее происхождение, четче осознается собственное. В то же время, финно-

угорский мир будет устойчивой культурной реальностью в случае, если составляющие этот мир части будут внутренне, в том числе территориально, более консолидированы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
2. Бродель Ф. Время мира: Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв., т.3 М.: Прогресс, 1992. 679 с. с илл.
3. Мир России – Евразия: Антология / сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высш. шк., 1995. 399 с.
4. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / предисл. С.Б. Лаврова. М.: Экспресс, 1993. 576 с.
5. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспресс, 1993. 544 с.

Andrey F. Kudryavtsev
Udmurt State University, Izhevsk

FINNO-UGRIC WORLD AS A GEOCULTURAL PHENOMEN

Abstract. The article gives a geographical interpretation of the concepts “world”, “cultural world (s)”, “Finno-Ugric cultural world”. The correspondence of the concept of “world” to the main geographical taxon: areal, zone, region is specified. Characteristics of the Finno-Ugric world, different in content, are given.

Keywords: cultural world, real and toponymic Finno-Ugric cultural world.

УДК 330.15

Лубсанова Н.Б.

Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ СЕВЕРНОЙ АЗИИ НА ОСНОВЕ КРИТЕРИЕВ РЕСУРСОПОТРЕБЛЕНИЯ И ПРИРОДОЕМКОСТИ

Аннотация. В статье представлена методика оценки социо-эколого-экономической устойчивости развития территориальных природно-хозяйственных систем на основе двухэтапной сетевой модели DEA (two-stage network DEA). В рамках подхода устойчивость системы оценивается через эффективность потребления ресурсов и природного капитала. Проведена апробация методики на примере российских регионов, расположенных в Северной Азии.

Ключевые слова: устойчивость природно-хозяйственных систем, анализ среды функционирования, неориентированная SBM-модель, Северная Азия.

На сегодняшний день все более актуальной задачей становится проблема соблюдения баланса между двумя векторами развития: с одной стороны – обеспечение динамического экономического роста, с другой – сохранение природной среды [1; 2]. В этом контексте особое значение приобретает оценка устойчивости развития, связи между деградацией окружающей среды и экономической деятельностью. В рамках решения данной задачи был разработан методический подход к оценке социо-эколого-экономической устойчивости территориальных природно-хозяйственных систем на основе двухэтапной сетевой модели DEA (two-stage network DEA). В рамках подхода устойчивость системы оценивается через эффективность потребления ресурсов и природного капитала, учитывающую взаимосвязи между компонентами природно-хозяйственных систем.

На первом этапе производится оценка элементов социо-эколого-экономической устойчивости с использованием неориентированной SBM-модели, на втором этапе – определение интегрального показателя социо-эколого-экономической устойчивости на основе мультипликативного подхода (рис. 1).

SBM-модель представляет собой модель расчета эффективности, базирующуюся на оставшихся резервах (slacks) [3]. В качестве входных переменных нами были определены показатели, характеризующие потребление ресурсов, природного капитала и экосистемных услуг, в качестве выходных – показатели характеризующие экологические, экономические и социальные аспекты развития регионов: валовой региональный продукт, показатели динамики численности постоянного населения, величины налоговых поступлений, загрязнения окружающей среды. Выбор показателей был обусловлен принципиальной значимостью и достаточной доступностью данных для проведения оценки.

Проведена апробация предложенной методики на данных по территориальным природно-хозяйственным системам российской части Северной Азии за 2010 и 2020 гг. На основе полученных данных было определено, что социо-эколого-экономической устойчивостью (значение показателя равно 1) в

2010, 2020 гг. не обладал ни один из рассматриваемых регионов (табл. 1). Наиболее близкой к устойчивому состоянию в 2020 г. является Сахалинская область, характеризующаяся максимальным приростом уровня устойчивости. Динамика социо-эколого-экономической устойчивости практически по всем анализируемым регионам является положительной, за исключением Кемеровской области.

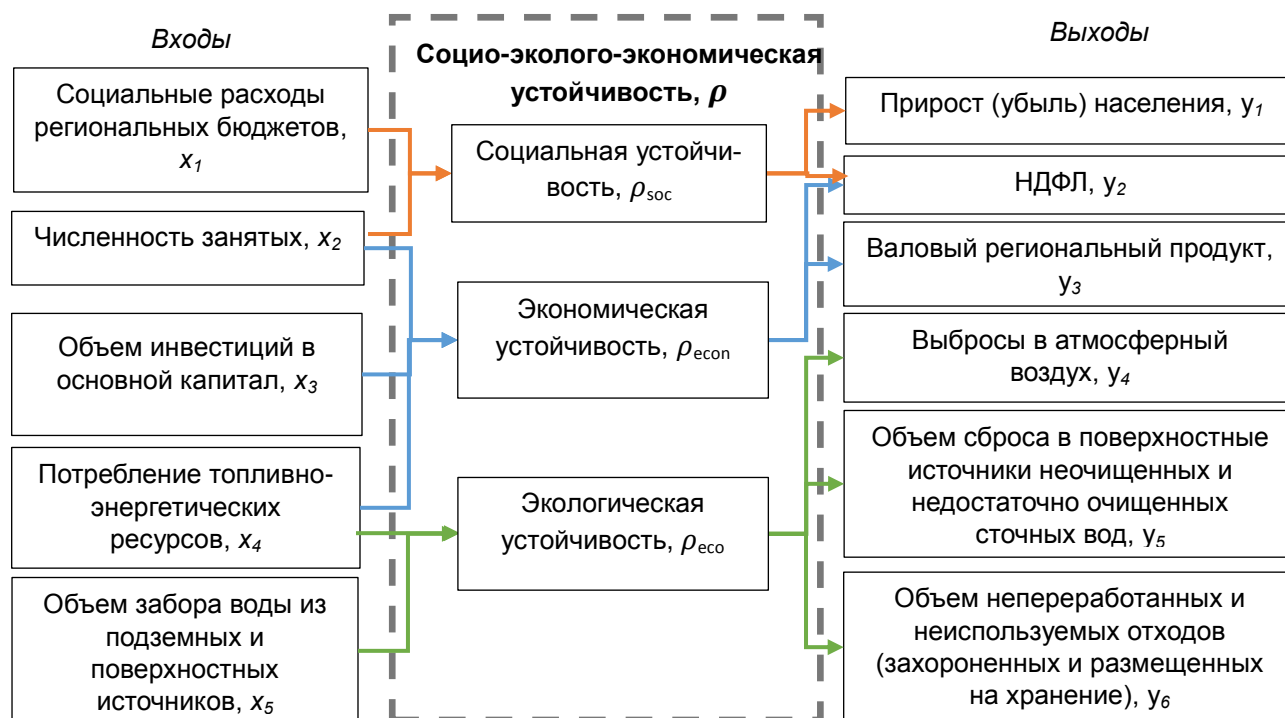

Рис. 1. Модель оценки социо-эколого-экономической устойчивости территориальных природно-хозяйственных систем

Анализ изменения элементов социо-эколого-экономической устойчивости показал, что наилучшей динамикой характеризуется экологическая устойчивость: увеличение экологически устойчивых регионов с 0 в 2010 г. до 9 в 2020 г. Показатели социальной и экономической устойчивости также демонстрируют положительную динамику (увеличение с 5 регионов до 6 и с 4 до 5 соответственно).

Проведен анализ динамики уровня дифференциации социо-эколого-экономической устойчивости территориальных природно-хозяйственных систем Северной Азии по данным за 2010, 2020 гг. Выявлено, что наблюдается рост среднего уровня как в целом социо-эколого-экономической устойчивости, так и ее элементов, межрегиональная дифференциация снижается (табл. 2).

Таблица 1

Результаты оценки социо-эколого-экономической устойчивости территориальных природно-хозяйственных систем российской части Северной Азии (по данным за 2010, 2020 гг.)

	2010				2020			
	Социальная устойчивость, ρ_{soc}	Экономическая устойчивость, ρ_{econ}	Экологическая устойчивость, ρ_{eco}	Социо-эколого-экономическая устойчивость, ρ	Социальная устойчивость, ρ_{soc}	Экономическая устойчивость, ρ_{econ}	Экологическая устойчивость, ρ_{eco}	Социо-эколого-экономическая устойчивость, ρ
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Курганская область	0,735	0,443	0,006	0,002	0,585	0,542	0,745	0,236
Свердловская область	0,825	0,475	0,249	0,098	0,780	0,765	0,554	0,330
Тюменская область	1,000	1,000	0,004	0,004	1,000	0,544	1,000	0,544
Челябинская область	0,710	0,383	0,116	0,031	1,000	0,457	0,303	0,138
Республика Алтай	0,506	0,520	0,091	0,024	0,403	0,522	1,000	0,210
Республика Тыва	0,457	0,625	0,003	0,001	1,000	0,442	1,000	0,442

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Республика Хакасия	0,566	0,354	0,435	0,087	0,467	1,000	1,000	0,467
Алтайский край	0,664	0,516	0,015	0,005	0,824	0,501	0,512	0,211
Красноярский край	0,689	0,497	0,109	0,037	0,842	0,546	0,528	0,243
Иркутская область	0,747	0,442	0,146	0,048	0,733	0,429	0,352	0,111
Кемеровская область	0,673	0,382	0,831	0,213	0,726	0,376	0,332	0,091
Новосибирская область	0,357	0,595	0,010	0,002	0,755	0,604	0,551	0,251
Омская область	0,610	0,492	0,033	0,010	0,675	0,399	0,699	0,188
Томская область	1,000	0,592	0,008	0,004	0,773	0,594	1,000	0,459
Республика Бурятия	0,342	0,384	0,168	0,022	0,464	0,531	0,407	0,100
Республика Саха (Якутия)	0,640	0,698	0,965	0,431	1,000	0,710	1,000	0,710
Забайкальский край	0,588	0,557	0,321	0,105	0,627	0,484	0,625	0,189
Камчатский край	0,866	1,000	0,016	0,014	0,884	1,000	0,797	0,705
Приморский край	1,000	0,493	0,264	0,130	0,749	0,610	0,818	0,373
Хабаровский край	0,821	0,601	0,371	0,183	0,778	0,549	0,822	0,351
Амурская область	0,765	0,474	0,044	0,016	1,000	0,408	0,587	0,239
Магаданская область	0,983	0,922	0,475	0,430	0,898	1,000	1,000	0,898
Сахалинская область	1,000	1,000	0,041	0,041	0,930	1,000	1,000	0,930
Еврейская автономная область	0,720	0,454	0,008	0,003	0,670	0,509	1,000	0,341
Чукотский автономный округ	1,000	1,000	0,497	0,497	1,000	1,000	0,791	0,791

Предлагаемая методика оценивает динамику социо-эколого-экономического развития регионов с точки зрения реализации модели устойчивого развития, сочетающей рост экономики, демографического развития и экологической эффективности. Использование метода анализа среды функционирования позволяет оценить устойчивость по всем критериям, влияющим на систему в совокупности на основе интегрального показателя, учитывающего множество различных входных и выходных параметров. А применение неориентированной SBM-модели, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает социо-эколого-экономические зависимости территориальных природно-хозяйственных систем.

Таблица 2

Динамика уровня дифференциации социо-эколого-экономической устойчивости территориальных природно-хозяйственных систем российской части Северной Азии (по данным за 2010, 2020 гг.)

	Социальная устойчивость, ρ_{soc}		Экономическая устойчивость, ρ_{econ}		Экологическая устойчивость, ρ_{eco}		Социо-эколого-экономическая устойчивость, ρ	
	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020
Среднее значение	0,731	0,782	0,596	0,621	0,209	0,737	0,098	0,382
Коэффициент вариации	27,362	22,966	36,036	34,246	125,577	33,380	149,688	65,505

Работа выполнена в рамках государственного задания БИП СО РАН № АААА-А21-121011590039-6 (мнемо-код 0273-2021-0003).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Lubsanova N.B., Maksanova L.B.-Zh., Eremko Z.S., Bardakhanova T.B., Mikheeva A.S. The Eco-efficiency of Russian Regions in North Asia: Their Green Direction of Regional Development // Sustainability. 2022. 14. 12776. <https://doi.org/10.3390/su141912776>.
- Лубсанова Н.Б., Максанова Л.Б.-Ж., Бардаханова Т.Б., Михеева А.С., Садыкова Э.Ц. Методология оценки «зеленого» вектора регионального развития // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2022. №4. С. 78-89. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2022-4-78-89>.
- Tone K.A. A slacks-based measure of efficiency in data envelopment analysis // European Journal of Operational Research. 2001. 130 (3). P. 498-509. [https://doi.org/10.1016/S0377-2217\(99\)00407-5](https://doi.org/10.1016/S0377-2217(99)00407-5).

Natalia B. Lubsanova

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

THE ASSESSMENT OF THE SUSTAINABILITY OF THE NATURAL AND ECONOMIC SYSTEMS OF NORTH ASIA BASED ON THE CRITERIA OF RESOURCE CONSUMPTION AND NATURE INTENSITY

Abstract. The article presents a methodology for assessing the socio-ecological and economic sustainability of the development of territorial natural and economic systems based on the two-stage DEA network model (two-stage network DEA).

Within the framework of the approach, the stability of the system is assessed through the efficiency of resource and natural capital consumption. The methodology was tested on the example of Russian regions located in North Asia.

Keywords: *sustainability of natural and economic systems, analysis of the functioning environment, non-oriented SBM model, North Asia.*

УДК 338.1

Макушин М.А., Горячко М.Д.
*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва*

ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕС НА УГОЛЬНУЮ ОТРАСЛЬ РОССИИ: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛИИ

Аннотация. *В статье рассматривается влияние санкционной политики стран Европейского союза (ЕС) на импорт российского угля. Вероятные потери российской угольной отрасли оцениваются по данным ФТС России, Международного энергетического агентства и ОАО «РЖД». Россия может недопоставить в страны ЕС 49 млн тонн угля (22 % экспорта угольной продукции России). Возможны три сценария развития взаимодействия российского и мирового угольного рынков: инерционный, трансформационный, а также инерционно-трансформационный.*

Ключевые слова: *экспорт угля, запрет, страны ЕС, энергетический уголь, Кемеровская область, Республика Хакасия.*

Страны Евросоюза (ЕС) с августа 2022 г. ввели поэтапный отказ от импорта угля из России [1]. Как сообщает Bloomberg, фьючерсы на уголь с поставкой в северо-западную Европу на год вперед поднялись на 7,9 % до 205 долл. за тонну [1]. Россия поставляла около 50 % энергетического угля, используемого в качестве топлива для электростанций и выработки электроэнергии. В то же время, для самой России азиатские страны-соседи (Китай, Япония, Республика Корея) и Европа являются ключевыми рынками сбыта энергетического угля.

Цель данного исследования – оценка вероятных эффектов от запрета на импорт угля странами ЕС, как для угольной отрасли России в целом, так и для основных угольных регионов, а также прогноз адаптации угольных компаний к сложившемуся институциональному контексту.

Исследование построено на статистическом полимасштабном анализе открытых данных Федеральной таможенной службы (ФТС) России [2] по объемам и стоимости экспорта угольной продукции из регионов России в страны ЕС за 2020-2021 гг. Анализ дополнялся данными ОАО «РЖД» [3] и годовых отчетов крупных угольных компаний. На основании статистики ФТС России [2] и данных Международного энергетического агентства (МЭА) [4] отмечаются наиболее вероятные сдвиги в поставках российского угля по странам и регионам мира.

По данным ФТС России [2], в 2021 г. страны ЕС составляли 22 % экспорта угольной продукции России по объему (49,35 млн т) и 20 % – по финансовым потокам (3,84 млрд долл.). Если учитывать также поставки угля на Украину, то эти цифры составят 28 % (63,56 млн т) и 27 % (5,26 млрд долл.) в год соответственно. Наиболее активно закупки угля осуществляются в марте, мае-июне и августе-декабре (отопительный сезон), поэтому эффект от запрета импорта угля из России скажется на угольной отрасли не сразу и, в первую очередь, отразится на расторжении контрактов.

За август-декабрь 2022 г. российские поставщики угольной продукции сократили экспорт в страны ЕС на 24 млн т, что соответствует примерно 2,2 млрд долл. Ситуация осложняется и на фоне роста поставок угля в страны ЕС в 2021 г.: были увеличены поставки в Нидерланды, Италию, Бельгию, Францию, Испанию, что было связано в том числе с перебоями в поставках на южноафриканском и южноамериканском направлениях. Значительно снизились поставки угля в Польшу и Германию, хотя зависимость Германии от российского угля остается высокой (закупки осуществляются даже на фоне роста стоимости угля). При этом денежные поступления от поставок угля в страны ЕС в 2021 г. по сравнению с 2020 г. не только не уменьшились, но и в большинстве случаев выросли в 1,5-2 раза. В первую очередь, от запрета на импорт российского угля пострадают поставщики энергетического угля, так как 95 % поставок в страны ЕС составляет именно энергетический уголь и только 5 % – коксующиеся марки.

В наибольшей степени запрет на импорт угля странами ЕС затронет Кемеровскую область: ЕС составляет 28-30 % в структуре поставок и 25-26 % в структуре денежных поступлений региона. Запрет также коснется Республики Хакасия: ЕС занимает 30 % в структуре поставок и 31 % в структуре денежных поступлений республики. Значительные объемы финансовых поступлений от поставок в страны ЕС получила также Новосибирская область (15-16 % в объемах поставок, 16-18 % в денежных потоках).

Наибольший удар в сокращении объемов поставок в Европу придется по таким крупным холдингам Кемеровской области, как ООО «УГМК-Холдинг» (30 % всего экспорта России в страны ЕС), АО «ХК

«СДС-Уголь», ООО «Промугольсервис»; Новосибирской области (ООО «УК «Сибантрацит»), Республики Хакасия (ООО «Разрез Аршановский»). В меньшей степени испытывает сокращение объемов крупная компания АО «СУЭК», значительные объемы поставок которой идут на внутренний рынок и на экспорт в восточном направлении.

Существует три наиболее вероятных сценария развития событий – инерционный, трансформационный и инерционно-трансформационный. В случае инерционного сценария, мы предполагаем, что текущая структура экспорта России фактически не изменится: поставки будут идти через «третьи страны» – Турцию или Сербию. Однако при подобной схеме значительно снизится маржинальность российских угольных компаний, а стоимость угля для потребителей увеличится. Также существует риск для компаний-посредников оказаться под санкциями западных стран. Экологическая политика стран ЕС так или иначе вынуждает российских угольщиков искать новые рынки сбыта.

Трансформационные сценарии достаточно разнообразны и могут включать как усиление роли крупных потребителей угля (например, Китая), так и освоение новых рынков (например, африканских и американских стран). Наиболее привлекательный сценарий в настоящее время – переориентация на поставки в Китай. Китай готов принять весь объем экспорта энергетического угля из России, предназначенного для стран ЕС, однако актуальными остаются вопросы логистики (особенно транспортировки угля по перегруженному Восточному полигону) и ценообразования (китайские партнеры требуют значительный дисконт на контракты). Переориентация на поставки в Китай через южные и северо-западные порты, которая уже происходила в течение последних двух лет, усиливается, однако влечет за собой значительный рост стоимости угля (за счет в 6-7 раз больших ставок фрахта по сравнению с дальневосточными портами).

К новым потенциальным азиатским рынкам относятся также Индия (которая в большей степени заинтересована в коксующихся углях, но может заместить и часть австралийских энергетических углей России) и Турция (потребности рынка которой значительно меньше объема экспорта угля в ЕС). Среди основных растущих потребителей угля в Азии стоит отметить Малайзию, Таиланд и Вьетнам, в которых прогнозируется рост спроса на уголь на 70 % (на 50 млн т), что потенциально создает возможности для российских угольных компаний. Ключевой проблемой, как и с поставками в Китай, являются высокие логистические издержки на доставку продукции до азиатских потребителей.

Африканский и американский растущие рынки относительно новые для России: в 2021 г. в Африку и Америку отправлено соответственно 4 % и 2,5 % от общего экспорта российского угля. На африканском рынке высока конкуренция с ЮАР, а на американском – с США и Колумбией. Отметим, что основные поставщики угля в Европу (ЮАР, Колумбия, Австралия) на фоне высоких цен на уголь в Европе могут предпочесть европейский рынок своим традиционным потребителям. Их ниши сможет занять Россия.

Наиболее вероятно, что ряд поставщиков будет стремиться к сохранению рынка европейских стран (вероятно, это будут средние компании, которые имеют значительные ресурсы для выстраивания новых цепочек поставок угля, но не так сильно подвержены репутационным рискам, как крупный бизнес), но эта доля будет невысокой и постепенно уменьшится. С другой стороны, поставщики будут заключать контракты с новыми потребителями или увеличивать долю новых рынков сбыта – в первую очередь подобного сценария будут придерживаться крупные угольные компании, которым интересны большие контракты и партии поставок.

Оптимальным вариантом в случае выбора трансформационного сценария развития станет диверсификация поставок угольной продукции: рост поставок в Турцию со стабильными объемами потребления, в Китай – с перспективой постепенного снижения потребления угольной продукции, в Индию и страны Юго-Восточной Азии – с перспективой роста поставок угольной продукции. Африканский и американский рынок на данный момент выглядят низко маржинальными для российских угольных компаний за счет слишком большого плеча доставки и высоких ставок фрахта. Тем не менее, на фоне роста производственных и энергетических мощностей ряда стран в этих регионах можно ожидать увеличение потребления угля и рост его поставок из России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. EU's full ban on Russian coal to be pushed back to mid-August-sources // Reuters. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/eus-full-ban-russian-coal-be-pushed-back-mid-august-source-2022-04-07/> (дата обращения: 15.04.2022).
2. Федеральная таможенная служба: таможенная статистика. [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 15.11.2022).
3. Обзор работы грузового железнодорожного транспорта: за 6 месяцев 2022 г. СРО Союз операторов железнодорожного транспорта, 2022. 31 с.
4. Coal 2021. Analysis and forecast to 2024. IEA Publications, 2022. 127 p.

THE IMPACT OF THE EU'S SANCTIONS POLICY ON RUSSIAN COAL INDUSTRY: FORECASTS AND REALITIES

Abstract. *The article examines the impact of the sanctions policy of the EU countries on the Russian coal import. The probable losses of the coal industry are estimated according to the data of the FCS of Russia, the IEA and JSC "Russian Railways". Russia may not supply 49 million tons of coal to the EU countries (22 % of Russia's coal exports). There are three possible scenarios for the interaction between the Russian and global coal markets: inertial, transformational, and inertial-transformational.*

Keywords: *coal export, ban, EU countries, power coal, Kemerovo region, Republic of Khakassia.*

УДК 330.336

Павлов К.В., Зенькова И.В., Никифоров С.А.
*Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
г. Новополоцк (Республика Беларусь)*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ПРИ ТРАНСПОРТИРОВКЕ ПРОДУКЦИИ НА ЗАРУБЕЖНЫЕ РЫНКИ ИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. *Для экономики Витебской области Республики Беларусь большое значение имеет развитие предприятий и организаций мясомолочной продукции, в том числе реализация их внешнеэкономического потенциала. Приоритетным направлением во внешнеэкономической стратегии остается развитие торговых связей с Китаем, со странами СНГ и, прежде всего, с Россией. Одними из важнейших факторов снижения издержек являются эффективные транспортно-логистические операции и выбор оптимального логистического центра из всей совокупности имеющихся вариантов.*

Ключевые слова: *логистический центр, транспортировка, мясомолочная продукция, Витебская область, Беларусь.*

Современный этап развития внешнеэкономической деятельности в Республике Беларусь находится на стадии реформирования экономических отношений в стране, который связан с коренным изменением форм и методов, которые применялись на протяжении десятилетий предшествующего развития. Так как белорусская экономика по существу по всем направлениям была несбалансированной, то в целом система управления, планирования и стимулирования внешнеэкономической деятельности не способствовала росту эффективности импорта и экспорта. Поскольку главным субъектом внешнеторговой деятельности Республики Беларусь сегодня являются предприятия, то именно им принадлежит первостепенная роль в развитии внешнеторговых связей с зарубежными государствами.

Условия деятельности белорусских предприятий характеризуются, прежде всего, небогатой материально-ресурсной базой страны, что делает неизбежным значительное развитие импортных операций. С другой стороны, высокие мощности национальных производителей, ограниченность внутреннего рынка сбыта, а также необходимость получения валюты для оплаты импортных контрактов ставят на первое место в списке важнейших проблем развитие белорусского экспорта. Все это говорит о том, что вопросы организации экспортно-импортной деятельности предприятий Республики Беларусь являются более чем актуальными.

В последние 10-15 лет в результате либерализации внешнеэкономической деятельности на рынке появилось множество белорусских предпринимателей. Для решения комплекса актуальных проблем, возникших в сфере внешнеэкономической деятельности, была создана система стабильного государственного регулирования с эффективной организационно-управленческой структурой, что соответствует интересам как самих участников внешнеэкономической деятельности – белорусских товаропроизводителей и потребителей, так и государства в целом [1].

Республика Беларусь располагает достаточно большим *внешнеэкономическим потенциалом* – комплексом материальных и интеллектуальных возможностей для развития внешнеэкономических связей. Прежде всего, Республика Беларусь располагает достаточным внешнеторговым потенциалом. Среди стран СНГ республике принадлежит значительная доля в производстве химических волокон и нитей – около 40 %, тракторов и минеральных удобрений – около 20 %.

Включение республики в систему международного разделения труда способствует благоприятное геополитическое положение. Через Беларусь проходят коммуникации, связывающие Россию с европейскими странами, Украину с государствами Балтии, страны Азии с Европой. Республика Беларусь имеет

экспортно-импортные связи более чем со 170 странами и поставляет на экспорт более 1000 наименований изделий [2].

В Республике Беларусь предприятие является основным звеном внешнеэкономического комплекса страны. Предприятия, имеющие выход на внешний рынок Беларуси, могут образовывать в своем составе *внешнеторговые фирмы, управления внешнеэкономической деятельности* или *отделы внешнеэкономических задач*. Их организационная структура зависит, прежде всего, от размера предприятия, объема и номенклатуры экспортной и импортируемой продукции, а также от степени сложности продаваемой продукции, опыта внешнеэкономической деятельности, организационных форм сбыта продукции [3]. Причем, внешнеторговая фирма, управление внешнеэкономической деятельностью или отдел внешнеэкономических связей не являются юридическим лицом, а функционируют как часть предприятия, в составе которого они созданы.

Для экономики Витебской области Беларуси большое значение имеет развитие предприятий и организаций мясомолочной продукции, в том числе в реализации их внешнеэкономического потенциала. Так, например, ОАО «Витебский мясокомбинат» по производству колбасных изделий и полуфабрикатов входит в пятерку крупнейших мясокомбинатов в Республике Беларусь (кроме этого предприятия на Витебщине функционируют еще несколько предприятий мясоперерабатывающей промышленности – это ОАО «Глубокский» и «Миорский» мясокомбинаты, ОАО «Оршанский мясоконсервный комбинат» и пр.). Ассортимент продукции ОАО «Витебский мясокомбинат» насчитывает более 400 наименований: колбасные изделия, продукты из свинины и говядины, продукты из шпика, мясные и мясокостные полуфабрикаты,пельмени.

Таким образом, на сегодняшний день ОАО «Витебский мясокомбинат» является одним из крупнейших предприятий мясоперерабатывающей промышленности Республики Беларусь и специализируется на производстве мясных продуктов и продуктов переработки скота. Мясо и мясные продукты являются ценными продуктами питания массового потребления [4]. Ассортимент выпускаемых мясокомбинатом колбасных изделий, продуктов из свинины и говядины насчитывает более 200 наименований, в том числе: колбасы вареные; сосиски и сардельки; колбасы полукопченые; колбасы варено-копченые; колбасы сырокопченые; продукты из свинины и говядины; продукты из субпродуктов.

В целом пути развития и задачи внешнеэкономической деятельности мясоперерабатывающей промышленности в Республике Беларусь определены направлениями социально-экономического развития Республики Беларусь на период с 2021 по 2025 гг. Среди них приоритетными следует выделить расширение экспорта и рационализация импорта. Приоритетным направлением во внешнеэкономической стратегии в Республике Беларусь остается развитие внешнеторговых связей с Китаем, со странами СНГ и, прежде всего, с Российской Федерацией, сотрудничество с которой осуществляется в рамках Договора о Союзном государстве [5]. Намечается качественное совершенствование и углубление внешнеэкономических связей: последовательное и поэтапное формирование общего экономического пространства на основе создания и развития зоны свободной торговли, платежного союза; единого научно-технического, инвестиционного и информационного пространства; объединенной транспортной и энергетической систем; общего аграрного рынка; рынка труда; расширение сотрудничества на региональном уровне, между хозяйствующими субъектами [6]. Развитие интеграционных связей со странами вне СНГ предполагается направить на обеспечение сбалансированности торговых операций и создание условий для закрепления белорусских производителей на освоенных рынках и расширения географии экспортных рынков.

Одними из важнейших факторов снижения издержек являются эффективные транспортно-логистические операции. Для выбора оптимального варианта транспортировки мясомолочной продукции из Витебской области на зарубежные рынки России, Казахстана, КНР необходимо решить проблему с выбором логистического центра по пути следования. Связано это в значительной мере с тем обстоятельством, что покупатель вынужден забирать продукцию сравнительно мелкими партиями у нескольких поставщиков из разных регионов страны, нередко отделенных друг от друга на весьма далекие расстояния. Много времени занимает (нередко до 7-10 дней) также соблюдение регламента загрузки мясомолочной продукции в связи с оформлением пакета документов (в том числе документов, связанных с таможенным оформлением).

В целях сокращения времени используют процесс унификации, а также при осуществлении выбора месторасположения распределительного центра стремятся учитывать условия и факторы (масштабы парковки, транспортную доступность логистического центра и условия подъезда к нему и пр.), способствующие более быстрому подъезду к этому центру. В этой связи очень важен выбор эффективного логистического центра из всей совокупности имеющихся вариантов.

Исследования показали, что услуги по хранению продукции и сдаче складских помещений в аренду предоставляют многие логистические центры [7]. Однако учитывая специфику мясной продукции, определяющим элементом для выбора места распределительного центра является поддержание подходящего температурного режима.

Услуги «холодного» склада оказывает значительно меньшее число организаций: «БЛТ-Логистик»; «Озерцо-Логистик»; «Евроторг-Барановичи». Однако связавшись с «Евроторг-Барановичи», было установлено, что на данный момент они не сдают складские помещения.

Таким образом, для выбора одного из возможных вариантов («БЛТ-Логистик», «Озерцо-Логистик») были проведены расчеты и сравнение их по основным показателям выявило, что наилучшим вариантом является использование логистического центра ОАО «Торгово-логистический центр «Озерцо-Логистик» [8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тихиня В.Г. Международное частное право: ответы на экзаменационные вопросы / В.Г. Тихиня. Минск: ТетраСистемс, 2016. 144 с.
2. Михайлин А.Н. Управление внешнеэкономической деятельностью фирмы: учеб. пособие / А.Н. Михайлин. Минск: МАЭП, ИИК «Калита», 2020. 112 с.
3. Соркин С.Л. Внешнеэкономическая деятельность предприятия. Организация и управление: курс лекций / С.Л. Соркин. Гродно: Изд-во Гродненского филиала негосударственного института современных знаний, 2017. 109 с.
4. В Москве вдвое увеличился спрос на продукты халал [Электронный ресурс]. / Islam.uz. Достоверно об исламе [сайт]. URL: <http://islam.uz/kutibxona/halal-haram/507-halal.html> (дата обращения: 20.11.2021).
5. Экспорт продуктов питания из России в Китай [Электронный ресурс] // Трансграничная торговая платформа [сайт]. URL: <http://o9c4.ru/topic/182-экспорт-продуктов-питания-из-россии-в-китай.htm>. (дата обращения: 21.10.2021).
6. Нахли М.Ж. Внешнеэкономическая политика развивающихся стран в условиях глобализации мировой экономики / М.Ж. Нахли. Великий Новгород.: Дактрина, 2019. 349 с.
7. Повышение конкурентоспособности экономики на основе ее инновационного развития и модернизации: системный подход: колл. моногр. / под науч. ред. д.э.н., проф. К.В. Павлова. Новополоцк: Полоцкий гос. университет, 2020. 288с.
8. Экономика на постсоветском пространстве в условиях новых патологических вызовов и процессов цифровизации: колл. моногр. / под науч. ред. д.э.н., проф. К.В. Павлова. Ижевск: Изд-во «Шелест», 2021. 644 с.

Konstantin V. Pavlov, Inga V. Zenkova, Sergey A. Nikiforov
*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
Polotsk, Belarus*

EFFICIENCY OF LOGISTICS CENTERS WHEN TRANSPORTING PRODUCTS TO FOREIGN MARKETS FROM THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *For the economy of the Vitebsk region of the Republic of Belarus, the development of enterprises and organizations of meat and dairy products, including the realization of their foreign economic potential, is of great importance. The development of trade relations with China, with the CIS countries and, above all, with Russia, remains a priority in the foreign economic strategy. One of the most important factors in reducing costs is efficient transport and logistics operations and the choice of the optimal logistics center from the totality of available options.*

Keywords: *logistics center, transportation, meat and dairy products, Vitebsk region, Belarus.*

УДК 911.3

Панасюк М.В., Пудовик Е.М.
*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ КАФЕДРЫ ГЕОГРАФИИ И КАРТОГРАФИИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. *Рассматриваются проблемы и перспективы формирования единого образовательного пространства вузов евразийских стран. Проводится анализ опыта международного сотрудничества кафедры географии и картографии Казанского университета в области разработки и ведения совместных программ бакалавриата и магистратуры, подготовки специалистов – географов, картографов и геоинформатиков стран Евразии.*

Ключевые слова: *культурная география, география высшего образования, евразийское образовательное пространство.*

Концепция евразийства, основы которой разработаны в трудах выдающихся философов и политологов – Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Н.Я. Данилевского, А.С. Панарина, Л.Н. Гумилева и др., где сле-

ланы выводы об основополагающем влиянии народов и государств Евразии на развитие человечества и на волны цивилизации, в XXI веке переживает новое возрождение. Этому способствует увеличение роли стран Евразии в современной геополитике и мировой экономике, наличие очевидных географических, культурных и экономических предпосылок интеграции этих стран [5]. Интеграционные процессы, которые наиболее интенсивно протекают в рамках пространства стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), развиваются в области формирования их единой инфраструктуры, а также общего культурного, гуманитарного, инновационного и образовательного пространства [2].

Пространство взаимодействия евразийских культур охватывает территории стран, входящих в состав международных организаций ШОС, ЕАЭС, стран-наблюдателей ШОС, а также Туркменистана, занимая 70,5 % материка Евразии [1]. Россия уделяет большое внимание расширению культурных и экономических связей на евразийском пространстве, прикладывая усилия к становлению ЕАЭС в качестве одного из наиболее значимых центров развития современного мира [10].

Интегрирующий характер процессов взаимодействия стран Евразии определяется не только фактором их географического положения, но и взаимосвязью, общностью социокультурных явлений. Цивилизационно-культурная составляющая интеграции имеет не меньшее, а, может быть даже и большее значение, чем экономическая [9]. Культурные связи, приводящие в конечном итоге к единению культур евразийских стран, являются интегратором их социумов, механизмом накопления общего жизненного опыта [8].

Формирование единого образовательного пространства является неотъемлемой частью процессов интеграции культур стран Евразии. Эти процессы становятся особо привлекательными для молодежи, которая, поддерживая их, является мобильной силой и, во многом, драйвером евразийской интеграции в области образования, в первую очередь, университетского уровня. Современные процессы создания евразийского образовательного пространства протекают в сложных условиях взаимодействия различающихся национальных систем высшего образования. Для них характерны такие тенденции, как [7] децентрализация и демократизация образования, появление и развитие новых национальных образовательных программ и стандартов, введение особых нормативно-правовых баз, создание разного рода негосударственных учебных заведений. Национальные системы высшего образования должны соответствовать новым социально-экономическим реалиям, следовать международным стандартам, обеспечивая свою международную конкурентоспособность [3]. Это, в частности, приводит к дифференциации уровня вовлеченности стран Евразии в процессы интеграции систем высшего образования. Свой отпечаток накладывают и различия в степени ориентированности на Болонский процесс, а для постсоветских стран – опыт работы в едином образовательном пространстве Советского Союза.

Россия играет центральную роль в создании евразийского образовательного пространства, во многом обеспечивая его динамику. В 2022 г. число иностранных студентов в России выросло по отношению к 2021 г. и составило свыше 350 тыс. чел. При этом почти половину из них составляют приезжающие из четырех центральноазиатских стран – Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Туркмении, поток которых не уменьшается [4].

Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ) устойчиво занимает второе место среди вузов России по количеству иностранных обучающихся. В 2021-2022 учебном году в Казанском (Приволжском) федеральном университете обучались 10 883 иностранных студента из 101 страны мира. Значительную часть контингента составляют студенты из стран Евразии, особенно из Узбекистана, Китая, Туркменистана, Таджикистана, Казахстана, Ирана, Турции [6].

Направления обучения «География», «Картография и геоинформатика» пользуются устойчивым спросом на образовательном рынке евразийских стран. В 2015-2022 гг. успешно завершили образование по программам магистратуры и бакалавриата кафедры географии и картографии студенты из Сирии, Афганистана, Казахстана, Азербайджана, Узбекистана и других стран. Образовательные программы кафедры следуют основным международным стандартам, обеспечивая: проектно-ориентированную подготовку в рамках разработки научно-исследовательских и бизнес-проектов, индивидуальные траектории обучения, возможности международной профессиональной мобильности.

Особое значение в углублении интеграционного взаимодействия кафедры с вузами стран Евразии имеют установившиеся партнерские связи с университетами Узбекистана. Основной формой взаимодействия с вузами Узбекистана является реализация совместных образовательных программ. В 2019 г. был заключен Договор о получении двустороннего образования студентами направления подготовки 05.03.03 «Картография и геоинформатика», положивший начало совместной образовательной программе КФУ и Национального университета Узбекистана (НУУЗ). Это направление подготовки было выбрано НУУЗ в связи с особой его значимостью для экономики Узбекистана и очень большой востребованностью специалистов на рынке труда. Данные обстоятельства обусловили выбор тем выпускных квалификационных работ, посвященных различным вопросам геоинформационного картографирования, разработки ГИС и баз пространственных данных для территорий Узбекистана.

В 2022 г. состоялся первый выпуск – 41 бакалавр получил два диплома – КФУ и НУУЗ. Все выпускники трудоустроены на родине по специальности, а трое в настоящее время обучаются в Казанском университете по программе профильной магистратуры, продолжая свой профессиональный рост в сфере картографии и геоинформатики. Наличие совместной образовательной программы и высокий спрос на специалистов – геоинформатиков и географов на рынках труда стран Евразии обеспечивают устойчивые перспективы расширения вовлеченности кафедры в процессы интеграции систем высшего образования евразийских стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Безруков Л.А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5-14.
2. Глазьев С.Ю. Евразийская экономическая интеграция в широком геополитическом контексте // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы. Санкт-Петербург: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2017. С. 9-28.
3. Жанбосинова А.С., Ахметова Г.М. Казахстан и Россия: вопросы интеграции высшей школы // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы. Санкт-Петербург: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2017. С. 273 – 293
4. Исследователи выяснили, почему в России больше всего студентов из Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://fergana.media/news/123422/> (дата обращения: 26.01.2023).
5. Косачев К. И. Евразийский проект: реалии, проблемы, перспективы // Евразийская интеграция в XXI веке. М.: ЛЕНАНД, 2012. С. 31-42.
6. КФУ занял второе место в РФ по количеству иностранных обучающихся [Электронный ресурс]. URL: <https://media.kpfu.ru/news/v-kfu-vozslo-kolichestvo-inostrannykh-obuchayuschikhsya> (дата обращения: 26.01.2023).
7. Левченко К.И. Россия и евразийское образовательное пространство // Труды XIII Евразийского научного форума: сб. статей (Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2021 г.). Санкт-Петербург: АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС», 2022. С. 97-104.
8. Матросова Н.К. Евразийство: динамика теоретико-методологических подходов // Труды XIII Евразийского научного форума: сб. статей (Санкт-Петербург, 18-19 ноября 2021 г.). Санкт-Петербург: АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС», 2022. С. 127-134.
9. Спирина М.Ю. Межкультурное взаимодействие: традиционные ценности как культурная константа евразийской интеграции // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы. Санкт-Петербург: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2017. С. 348-373.
10. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 27.01.2023).

Michael V. Panasyuk, Elena M. Pudovik
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

FORMATION OF THE EURASIAN EDUCATIONAL SPACE: DEPARTMENT OF GEOGRAPHY AND CARTOGRAPHY OF KAZAN UNIVERSITY EXPERIENCE

Abstract. *Problems and prospects for the formation of common educational space of universities in the Eurasian countries are considered. Analysis of the experience of international cooperation of the Department of Geography and Cartography of Kazan University in the field of joint undergraduate and graduate programs development and implementation, training geographers, cartographers and specialists in geoinformatics of Eurasian countries is being carried out.*

Keywords: *cultural geography, geography of higher education, Eurasian educational space.*

УДК 911.7

Родионова И.А.
Независимый исследователь, г. Москва

О РАСШИРЕНИИ БРИКС

Аннотация. *Основу БРИКС составляют страны Евразийского континента. Роль этого союза в глобальной энергетике в будущем может значительно вырасти при условии планируемого в будущем расширения состава участников. Зафиксировано, что по запасам и добыче энергоресурсов высока доля стран Северной Америки (USMCA), причем все показатели в расчете на душу населения в этих странах выше таковых в БРИКС и ЕС. Тем не менее имеющиеся запасы энергоресурсов в странах БРИКС позволяют обеспечивать им свою энергетическую безопасность.*

Ключевые слова: *БРИКС, ЕС, НАФТА, энергоресурсы, энергетическая безопасность.*

Введение. В современном мире идет борьба за изменение современного миропорядка и переформатирование международных отношений с целью роста влияния новых центров силы – «восходящих» стран. Но развитый Запад не хочет мириться с потерей своих позиций, когда только они диктуют миру свою волю.

Однако в новых центрах силы сосредоточены огромные человеческие, технологические, природные, в том числе минеральные ресурсы. В августе 2022 г. в Пекине состоялся XIV саммит БРИКС. Участники саммита подчеркнули важность обеспечения всеобщего доступа к дешевым, надежным, устойчивым и современным источникам энергии. С присоединением новых стран, несомненно, произойдет расширение роли этой международной организации в мировой энергетике. Основу БРИКС составляют страны Евразийского континента. Но в числе потенциальных участников союза – государства разных континентов. Это Аргентина и Иран (с возможным присоединением к блоку уже в 2023 г.), Саудовская Аравия, Египет, Турция, Нигерия и некоторые другие развивающиеся страны.

Безусловно, в совокупных показателях БРИКС определяющую роль играют данные по Китаю. На страны БРИКС приходится свыше 40 % населения планеты и около трети мировой экономики (по паритету покупательной способности валют). Однако, в расчете на душу населения показатели стран БРИКС, включая данные по запасам, добыче, потреблению энергоресурсов и генерации электроэнергии, много ниже таковых в развитых странах Запада (в том числе в США), что и будет показано ниже.

В итоговых документах саммитов БРИКС⁵ отражены вопросы формирования многополярной мировой экономики, и роль, которую играют в ней страны БРИКС⁶. Об усилении позиций Китая в мире есть многочисленные и очень интересные научные исследования, при этом подчеркивается, что у каждой из стран БРИКС есть свои сильные стороны наряду с конкретными слабыми сторонами [1; 2; 3; 4]. Подчеркивается, что диверсификация источников энергии БРИКС направлена на рост энергетической безопасности государств-членов, и что потенциал партнерства в энергетической сфере союза огромен [5; 6; 7]. Членство в БРИКС вполне может оказаться лучшей геополитической страховкой в мире, который изменился в результате санкций Запада против России. При этом торговля внутри БРИКС приобретет стратегическую роль в современной геополитике [8; 9]. На ситуацию в мировой энергетике влияет также решение ОПЕК+ в 2022 г. Напомним, что эта организация контролирует 55 % поставок нефти на мировой рынок, аккумулируя около 90 % мировых запасов нефти.

Цель данного исследования – охарактеризовать изменение позиций БРИКС в мировой энергетике с учётом потенциального вступления в союз новых государств-членов.

Проведён сравнительный анализ данных по БРИКС, ЕС и Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА, с 2020 г. – USMCA). Данные по запасам и добыче нефти, природного газа, угля в странах мира основаны на оценках корпорации «British Petroleum» (BP Statistical Review of World Energy, 2022). Учитывая вероятность расширения состава БРИКС, было принято решение пересчитать потенциал так называемых блоков «БРИКС-7» и «БРИКС-10» (при возможном в перспективе присоединении Аргентины и Ирана, а затем Саудовской Аравии, Египта и Турции).

Результаты исследования. Современный мир определяет борьба за энергоресурсы, без которых невозможно дальнейшее социально-экономическое развитие. Иллюстрируют ситуацию представленные ниже авторские расчеты (табл. 1).

Сопоставление долей в мировых запасах нефти, природного газа и угля трех стран Северной Америки, ЕС и БРИКС (ныне и на перспективу при условии расширения состава блока) показало, что вопреки широко распространенным мнениям о преимуществах России, преобладают показатели трех стран Северной Америки по запасам нефти (14 % от мирового показателя). Для сравнения: доля БРИКС – 8,7 %, 2021 г., доля России – 6,2 %. Но при расширении состава блока доля «БРИКС-7» (за счет запасов нефти в Иране – 9 %) вырастет уже до 18 % мировых, а доля «БРИКС-10» возрастет до 35 %, учитывая запасы нефти Саудовской Аравии (17 % мировых). Вот лишь тогда проявится преимущество БРИКС. Но по запасам природного газа и угля (25 и 40 % мировых соответственно) БРИКС действительно опережает страны НАФТА (USMCA) и ЕС, а с учётом вступления новых членов показатели ещё вырастут (табл. 1).

Однако по уровню запасов нефти, природного газа и угля в расчёте на душу населения совокупные показатели БРИКС серьезно уступают таковым в странах Северной Америки. Так, например, в Канаде, где доля в мировых запасах нефти – 9,7 % или 27 млрд т (2021 г.), численность населения в стране всего 40 млн человек. В то время как в России (при уровне запасов нефти 6,2 % мировых) эту величину придется разделить на 146 млн жителей страны. Доля же в мировых запасах нефти в Китае – всего 1,5 %, а численность жителей – свыше 1410 млн человек. Таким образом, выполненные расчеты показали, что запасы природного газа и угля на душу населения в трех странах Северной Америки (USMCA) выше, чем в БРИКС и ЕС.

⁵ Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, XIV BRICS Summit Beijing Declaration, 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202206/t20220623_10709037.html (дата обращения: 05.10.2022).

⁶ The Energy and Resources Institute, BRICS Energy Report, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://brics2021.gov.in/brics/public/uploads/docpdf/getdocu-41.pdf> (дата обращения: 05.10.2022).

Доля стран по запасам энергоресурсов, 2021 г., %

Регион, страна	Запасы нефти	Запасы природного газа	Запасы угля	Потребление первичных энергоресурсов
USMCA, в том числе:	14,0	8,1	23,9	19,1
США	4,0	6,7	23,2	15,6
Канада	9,7	1,3	0,6	2,3
Мексика	0,4	0,1	0,1	1,1
ЕС (27)	0,7	1,0	8,2	11,3
Итого БРИКС, в т. ч.:	8,7	25,2	40,3	40,6
Бразилия	0,7	0,1	0,6	2,1
Россия	6,2	19,9	15,1	5,3
Индия	0,3	0,7	10,3	6,0
Китай	1,5	4,5	13,3	26,5
ЮАР			0,9	0,8
«БРИКС-7»*	17,9	42,5	40,3	43,3
«БРИКС-10»**	35,2	46,8	41,4	45,4

* с учетом данных по Аргентине и Ирану. ** Учитывая возможное расширение состава организации за счёт присоединения Аргентины, Ирана, Саудовской Аравии, Египта и Турции.

Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy, 2022.

При анализе ситуации по потреблению первичных энергоресурсов в динамике фиксировалось совокупной доли трех стран Северной Америки (с 28 % в 2002 г. до 19 % в 2021 г.) и доли ЕС в мировых показателях. Но рос удельный вес БРИКС (с 23 % в 2002 г. до 40,6 в 2021 г., в первую очередь, за счет Китая). При возможном же расширении числа участников данные по «БРИКС-7» могли бы вырасти примерно до 43 % мирового показателя потребления первичной энергии (табл. 1).

Данные по добыче энергоресурсов и в генерации электроэнергии приведены в нижеследующей таблице (табл. 2).

Отметим, что по суммарному уровню добычи нефти три страны Северной Америки опережают БРИКС. Но при возможном расширении числа участников прогнозные данные по «БРИКС-7» могут вырасти. И по добыче природного газа только в случае расширения состава БРИКС до семи членов удельный вес данной организации может увеличиться до 31 % мировой добычи, а при увеличении числа участников союза («БРИКС-10») – до 36 % (табл. 2).

Таблица 2

Доля стран в мировой добыче энергоресурсов и производстве электроэнергии, 2021 г., %

Регион, страна	Добыча нефти	Добыча природного газа	Добыча угля	Производство электроэнергии
USMCA, в том числе:	25,5	28,1	7,1	18,9
США	16,8	23,1	6,4	15,5
Канада	6,3	4,3	0,6	2,3
Мексика	2,3	0,7	0,1	1,2
ЕС (27)	2,7	3,9	5,0	11,4
БРИКС, в том числе:	21,9	23,9	68,7	43,3
Бразилия	3,7	0,6	0,1	2,3
Россия	12,7	17,4	5,3	4,1
Индия	0,8	0,7	9,9	6,0
Китай	4,7	5,2	50,5	30,0
ЮАР	-	-	2,9	0,9
«БРИКС-7» *	26,6	31,2	68,7	44,1
«БРИКС-10»**	39,5	35,8	69,7	47,3

* с учетом данных по Аргентине и Ирану. ** Учитывая возможное расширение состава организации за счет присоединения Аргентины, Ирана, Саудовской Аравии, Египта и Турции.

Рассчитано по: BP Statistical Review of World Energy, 2022.

Но пока все приоритеты в этой сфере как раз у стран НАФТА, а не у их конкурентов. Хотя ныне

именно США стремятся еще упрочить свои позиции. Иными словами, США хотят завоевать европейский рынок энергоресурсов и стараются убедить страны Европейского Союза, что те должны освободиться от их зависимости в энергетической сфере от России в пользу импорта энергоресурсов из Северной Америки. При этом США опираются на энергетический потенциал своих ближайших торговых партнеров – Канады и Мексики, поставляющих энергоресурсы в основном в США. Во внешней торговле энергоресурсами (как показал анализ) также выявляются действительные причины санкционной политики стран Запада в отношении России.

Выводы. Усилия стран БРИКС по переформатированию глобального экономического порядка возможно лишь при укреплении позиций в разных сферах деятельности и секторах экономики, и, в первую очередь, в энергетике. Выполненные расчёты показали, что по многим позициям в энергетическом хозяйстве пока остаётся приоритет трех стран Северной Америки, а не стран БРИКС. При этом показатели в расчёте на душу населения в БРИКС зачастую сопоставимы с таковыми даже в ЕС и значительно ниже, чем у стран Северной Америки (USMCA). Однако показатели БРИКС в энергетике могут возрасти по мере вступления в данную организацию других развивающихся стран, что будет способствовать укреплению позиций членов союза в мировой экономике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. На пути к Китайскому миру / под ред. Н.А. Слуки. М.: Издательство Московского университета, 2018. 352 с.
2. Шавина Е., Прокофьев В. Энергетический потенциал и направления сотрудничества стран БРИКС с Россией // Геоэкономика энергетики. 2020. № 1. С. 56-71.
3. Чжоу Цайцюань Анализ структуры производства и потребления энергетических ресурсов стран-членов БРИКС // Инновации и инвестиции. 2020. № 7. С. 53-58.
4. Рязанова М.О. Факторы многостороннего энергетического сотрудничества в странах БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 5. С. 116-126.
5. Мастепанов А.М. Сотрудничество стран БРИКС в энергетической сфере как фактор прогнозирования мирового энергопотребления // Бурение & Нефть. 2016. № 1. С. 13-19.
6. Харитонова Д.В. БРИКС и энергосотрудничество в рамках «Большой Евразии» // Геоэкономика энергетики. 2019. № 4 (8). С. 16-32.
7. Sahu M. K. Cooperation among BRICS in the Development of Energy Sector. *BRICS Law Journal*. 2016, Vol. 3(1), pp. 34-41. DOI:10.21684/2412-2343-2016-3-1-34-41
8. Tilak Doshi (2022) BRICS In the New World Energy Order: Hedging In Oil Geopolitics // *Forbes*. Jul 21, 2022. Available at: <https://www.forbes.com/sites/tilakdoshi/2022/07/21/brics-in-the-new-world-energy-order-hedging-in-oil-geopolitics/?sh=2286744724bf> (date of access: 5.10.2022).
9. Родионова И.А., Шувалова О.В. Оценка перспективного позиционирования БРИКС в мировой энергетике // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2023. Т. 19, № 1. С. 167-188. <https://doi.org/10.24891/ni.19.1.167>

Irina A. Rodionova

Independent researcher, Moscow

ABOUT BRICS EXPANSION

Abstract. *The basis of BRICS is the countries of the Eurasian continent. The role of this union in the global energy industry may grow significantly in the future, provided that the number of participants is planned to expand in the future.*

It was recorded that in terms of reserves and production of energy resources, the share of North American countries (USMCA) is high, and all indicators per capita in these countries are higher than those in BRICS and the EU. Nevertheless, the available reserves of energy resources in the BRICS countries allow them to ensure their energy security.

Keywords: *BRICS, EU, USMCA, energy resources, energy security.*

УДК 911(470+571)

Садыкова Э.Ц.¹, Бильгаев А.В.^{1,2}, Жамьянова Ю.Б.¹

¹ Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ;

² Институт географии и природных ресурсов Китайской академии наук, г. Пекин (Китай)

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ РЕГИОНОВ

Аннотация. *Рассмотрены подходы к проведению анализа динамики целевых обобщающих индикаторов, определяющих мирохозяйственные связи национальных экономик на основе экономико-статистических методов. Установлены экономические факторы, которые в наибольшей степени влияют на развитие социально-экономических*

процессов в регионах. На примере России, Китая, Казахстана и Монголии показана оценка влияния мирохозяйственных связей в сфере движения капитала, торговли, инвестиций.

Ключевые слова: подходы, анализ влияния, мирохозяйственные связи, социально-экономические процессы, Россия, Китай, Казахстан, Монголия.

Введение. В современных условиях развития мирового хозяйства особый интерес представляет развитие международных процессов с точки зрения выявления характера внешних хозяйственных связей и оценки их влияния на социально-экономическое развитие стран. Исследование вопросов оценки международных процессов и формирование устойчивых мирохозяйственных связей является актуальным в деле формирования цивилизованных отношений между государствами. Накоплен определенный опыт по выявлению и формированию индикаторов, позволяющих оценить уровень развития международного сотрудничества и интеграции [1–3; 8]; основных факторов, определяющих влияние системы мирохозяйственных связей на национальные экономические интересы [9].

Целью данного исследования является оценка влияния мирохозяйственных связей на социально-экономические процессы в регионах. При помощи разработанного методического инструментария на примере России, Китая, Казахстана и Монголии проведен анализ целевых индикаторов, характеризующих развитие международных экономических связей.

Основное содержание исследований. Для оценки влияния основных факторов на индикаторы, характеризующие такие социально-экономические процессы как международную инвестиционную активность и движение капитала, развитие взаимовыгодной торговли, экспорт и импорт стран были определены следующие показатели (табл. 1).

Классификационные признаки мирохозяйственных связей России, Китая, Казахстана и Монголии отбирались по основным формам и видам международных экономических отношений, развитие которых показывает разную степень интеграции. Для оценки тесноты взаимосвязи между показателями использовался коэффициент корреляции r_{xy} .

$$r_{xy} = \frac{n \sum xy - \sum x \sum y}{\sqrt{[n \sum x^2 - (\sum x)^2] [n \sum y^2 - (\sum y)^2]}} \quad (1)$$

Расчет проводился по цепным абсолютным приростам абсолютных значений показателей за период с 2005 г. по 2018 гг. [6; 7; 10; 11].

Анализ показал, что наиболее сильную тесноту связи имеют следующие показатели. Для России коэффициент корреляции экспорта и ВВП, импорта и ВВП, ВТО и ВН составляет свыше 0,9; сильная связь установлена между ПИИ и импортом; инвестиции в ОК коррелируют с показателями ВВП, импортом, ВТО и ПИИ.

Таблица 1

Показатели для оценки тесноты взаимосвязи

1	ВВП
2	ВВП на душу населения, долл./чел.
3	ВВП по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» (ВВП по «Добыче ПИ»), млн долл.
4	ВВП по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» на душу населения (ВВП по «Добыче ПИ» на душу населения), долл./чел.
5	Валовые накопления (ВН), млн долл.
6	Экспорт товаров, млн долл.
7	Импорт товаров, млн долл.
8	Внешнеторговый оборот (ВТО), млн долл.
9	Прямые иностранные инвестиции на душу населения (ПИИ на душу населения), долл./чел.
10	Прямые иностранные инвестиции (ПИИ), млн долл.
11	Общий объем инвестиций, млн долл.
12	Инвестиции в основной капитал (Инвестиции в ОК), млн долл.
13	Инвестиции по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» (Инвестиции по «Добыче ПИ»), млн долл.
14	Инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» на душу населения, долл./чел.

Анализ коэффициентов корреляции показателей Китая позволил выявить тесную взаимосвязь между такими показателями как экспорт и импорт товаров, которые в сильной степени зависят от ВВП по «Добыче ПИ»; ПИИ и показатели экспорта, импорта и ВТО товаров значения коэффициента корреляции наблюдались в пределах свыше 0,7.

По показателям Монголии коэффициент корреляции ПИИ и импорта, ВТО показал сильную связь; на инвестиции в основной капитал очень большое влияние имели показатели импорта товаров, ВТО и ПИИ, особенно четко это проявилось в высокой степени зависимости показателя инвестиции по «Добыче ПИ».

По Казахстану коэффициент корреляции экспорта, импорта, ВТО и ВВП по «Добыче ПИ», а также ВВП по «Добыче ПИ» на душу населения составляют свыше 0,8. Коэффициент корреляции инвестиций в основной капитал и экспорта товаров, а также ВТО составил соответственно 0,7.

Таким образом, выявленные зависимости между всеми изучаемыми факторами прослеживается довольно сильная. На основе оценки индивидуальных показателей и определения тесноты связи между ними в проведенном исследовании были рассчитаны целевые обобщающие индикаторы на основе экономико-статистических методов:

1. При помощи метода многомерной средней проведена оценка индикаторов, характеризующих инвестиционную активность и движение капитала. Построен обобщающий индикатор развития торговли и движения капитала. Принятые показатели – экспорт товаров, импорт товаров, внешнеторговый оборот, прямые иностранные инвестиции.

$$I_j = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^m \frac{x_{ij}}{x_{i\text{ср}}}, \quad (2)$$

где I_j – обобщающий индекс состояния интеграции j -й страны; x_{ij} – фактическое значение i -го показателя для j -й страны; $x_{i\text{ср}}$ – среднее значение i -го показателя по странам; n – число показателей; $i = 1, 2, \dots, n$ – порядковый номер показателя; $j = 1, 2, \dots, m$ – порядковый номер страны.

2. Для того чтобы дать оценку интенсивности интеграционных процессов в сфере движения капитала, были рассчитаны:

2.1 коэффициент международной инвестиционной активности:

$$\text{инвест} = \frac{V_{\text{пии}}}{V_{\text{инвест}}}, \quad (3)$$

где инвест – коэффициент международной инвестиционной активности; $V_{\text{пии}}$ – объем прямых иностранных инвестиций; $V_{\text{инвест}}$ – общий объем инвестиций в основной капитал.

Данный показатель выражает степень «присутствия» иностранных инвестиций в странах.

2.2 Показатель значимости взаимных инвестиций (потоков):

$$m = \frac{I_{\text{пии}}}{I_{\text{общ.пии}}}, \quad (4)$$

где m – показатель значимости взаимных инвестиций; $I_{\text{пии}}$ – прямые иностранные инвестиции из государств России и сопредельных азиатских территорий; $I_{\text{общ.пии}}$ – общий объем ПИИ.

3. Измерение влияния внешних торговых связей проведено на основе индикатора экспортных поставок:

$$\text{экспортных поставок} = \frac{V_{\text{экспорта страны}}}{\text{ВВП}_{\text{страны}}}, \quad (5)$$

где $\text{экспортных поставок}$ – индикатор экспортных поставок России и сопредельных азиатских государств;

$V_{\text{экспорта страны}}$ – объем экспорта страны; $\text{ВВП}_{\text{страны}}$ – ВВП страны.

4. Применение индекса Тейла определяется как характеристика пространственной концентрации и дифференциации.

$$T = \sum \frac{Y_i}{Y} \ln \left(\frac{Y_i}{P_i} / \frac{Y}{P} \right), \quad (6)$$

где T – индекс Тейла; $Y = \sum Y_i$ – общее для совокупности значение исходного признака (ВВП, ПИИ); $P = \sum P_i$ – общее значение нормирующего признака (численность населения).

Для приведения его к шкале (0;1) проведена нормализация показателя путем преобразования на основе функции распределения: $1 - e^{-T}$.

5. Определение динамики конвергенции в странах производилась в соответствии с концепцией сигма-конвергенции, механизм которой описывается при помощи следующей формулы:

$$\text{сигма – конвергенция} = \frac{\sigma_t(Y_t, \dots, Y_n)}{\text{meant}(Y_t, \dots, Y_n)} * 100, \quad (7)$$

где σ_t – стандартное отклонение (корень квадратный из дисперсии случайной величины); Y_t, \dots, Y_n – реальный ВВП на душу населения (или другой показатель) в анализируемых странах (число стран

равно n); $meant(Y_b, \dots, Y_n)$ – среднее значение за определенный промежуток времени показателя по странам.

В работе были проведены расчеты всех вышеперечисленных целевых индикаторов России, Китая, Казахстана и Монголии. В табл. 2 представлены результаты на примере оценки влияния мирохозяйственных связей в сфере движения капитала.

Таблица 2

Коэффициент международной инвестиционной активности

Год	Россия	Китай	Монголия	Казахстан
2005	0,12154	0,11254	0,37009	0,13975
2006	0,21539	0,11343	0,38894	0,33977
2007	0,21278	0,11315	0,38992	0,43255
2008	0,21166	0,09312	0,68547	0,48050
2009	0,14624	0,05712	0,61390	0,45923
2010	0,14339	0,08879	1,01239	0,23609
2011	0,14675	0,08238	1,15525	0,40268
2012	0,12500	0,06225	1,12984	0,36933
2013	0,16365	0,06653	0,55776	0,30070
2014	0,06085	0,05678	0,11487	0,19276
2015	0,03006	0,05009	0,03665	0,20784
2016	0,14892	0,04563	0,09654	0,21095
2017	0,13456	0,04495	0,10421	0,23450
2018	0,15623	0,05523	0,09856	0,22245

Сравнительный анализ коэффициента международной инвестиционной активности свидетельствует о высоком «присутствии» иностранных инвестиций в Монголии, причем динамика данного показателя показывает крайнюю степень непропорциональности, где основная причина в значительных объемах прямых иностранных инвестициях в сектор добычи полезных ископаемых. Китай имеет самые низкие значения, что говорит о том, что государство проводит грамотную экономическую политику, направленную на привлечение собственных инвестиций для обеспечения высоких темпов социально-экономического развития.

Выводы. Анализ влияния внешних мирохозяйственных связей России, Китая, Монголии и Казахстана на социально-экономические процессы стран демонстрируют наличие процессов интеграции. Для выигрыша от международного сотрудничества необходимо менять сырьевую направленность национальных экономик. Поступательное развитие внешней торговли будет продолжаться, несмотря на турбулентность на мировых рынках. Требуется содействие иностранным инвестициям в экономику стран, при этом отрасли инвестиций должны характеризоваться использованием современных инновационных технологий.

Доклад подготовлен в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН, № АААА-А21-121011590039-6 (мнемо-код 0273-2021-0003).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вертинская Т.С. Методические основы разработки комплекса индикаторов для оценки экономической интеграции регионов стран – членов ЕЭП / Т.С. Вертинская // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 2 (19). С. 21-44.
2. Гурова И.П. Измерение глобальной и региональной торговой интеграции / И.П. Гурова // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4). С. 60-73.
3. Демина Я.В. Процессы международной экономической интеграции в АТР и интересы России: итоги 25 лет / Я.В. Демина // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 16-40.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели 2016-2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2016-2020.
5. Россия, Китай и Монголия подписали соглашение об экономическом коридоре // Лента.ру [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2016/06/24/three_friends/ (дата обращения: 01.09.2022).
6. Россия и страны мира. 2016, 2018, 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2016, 2018, 2020.
7. Садыкова Э.Ц. Индикаторная оценка международных интеграционных процессов / Э.Ц. Садыкова // Фундаментальные исследования. 2019. № 11. С. 157-162.
8. Система индикаторов евразийской интеграции II. // ЦИИ ЕАБР 2014. С. 110.

9. Тебекин А.В. Анализ влияния системы мирохозяйственных связей / А.В. Тебекин // Журнал исследований по управлению. 2021. Т. 7. № 1. С. 62-74.

10. National Statistics Office of Mongolia / NSO [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gecont.ru/cnt.php?country=mongolia> (дата обращения: 01.12.2022).

11. Report for Selected Countries and Subjects / IMF [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2017/02> – Gross domestic product based on purchasing-power-parity (PPP) valuation of country GDP (дата обращения: 01.12.2022).

Erzhena Ts. Sadykova¹, Aleksey V. Bilgaev^{1,2}, Yuliya B. Zham'yanova¹

¹Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude;

²Institute of Geographic Sciences and Natural Resources Research, CAS
University of Chinese Academy of Sciences

ANALYSIS OF THE WORLD ECONOMIC RELATIONS IMPACT ON THE SOCIO-ECONOMIC PROCESSES OF THE REGIONS

Abstract. *The study considered approaches to analyzing the dynamics of target generalizing indicators that determine the world economic relations of national economies based on economic and statistical methods. The study determined the economic factors that most significantly influence the development of socioeconomic processes in the regions. In the example of Russia, China, Kazakhstan, and Mongolia, we assessed the impact of world economic relations on capital movement, trade, and investment.*

Keywords: *approaches, influence analysis, world economic relations, socio-economic processes, Russia, China, Kazakhstan, Mongolia.*

УДК 342.9

Сафонова О.А.¹, Сафонова Н.В.², Марциневская Л.В.²

¹Воронежский государственный аграрный университет
им. Императора Петра I,

г. Воронеж;

²Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Белгород

О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается современное влияние цифровых технологий на государственную миграционную политику. В ходе рассуждений анализируется потребность развития административно-правового регулирования с применением новых видов цифровых услуг и платформ. Подчеркивается, что развитие цифровизации миграционной сферы требует усиления мер безопасности информационной среды. В заключение сформулирован вывод о том, что использование цифровых технологий является инструментом по повышению эффективности государственного управления миграционными процессами в стране.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, цифровой профиль, государственное управление, миграционная политика, миграционные отношения.*

В настоящее время цифровые технологии оказывают существенное влияние на различные сферы жизни общества, в том числе на государственное управление миграционными процессами, безопасность государства и обеспечение правопорядка. Использование современных цифровых технологий и технических возможностей способствует формированию новой технологической среды регулирования и актуализирует проблему адаптации административно-правового регулирования к возможностям применения достигнутых результатов в области цифровых технологий.

В рамках национальной цели «Цифровая трансформация» установлены следующие целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей к 2030 г.: достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 %.

В Указе Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поставлена цель по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в социальной сфере и экономике [1]. На реализацию положений вышеназванного указа направлены «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года», определяющие цели, основные задачи и приоритеты деятельности Правительства РФ по осуществлению научно-технологического и социально-экономического развития [2].

Так, приоритетами модернизации системы государственного управления, в том числе в сфере миграции, станут повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг, функций и сервисов населению, широкое использование цифровых технологий, последовательное внедрение принципов и механизмов стратегического и проектного управления, расширение участия граждан в государственном и муниципальном управлении.

Согласно Прогнозу научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. развитие приоритетного направления в средне- и долгосрочной перспективах определяется следующими окнами научно-технологических возможностей: а) современные принципы биометрической идентификации, обработки, интеграции и анализа мультимодальных биометрических данных; б) новые интерфейсы «человек – цифровая среда»; умные инфраструктуры; в) облачные инфраструктуры, сети персональных компьютеров и мобильных устройств; г) рост доли мобильных устройств; д) высокопроизводительные центры обработки данных; е) разработка технологий распознавания и анализа голоса, фото, видео и других типов изображений и сложных медийных носителей информации [3].

В соответствии со Стратегией научно-технологического развития России своевременной реакцией на подобные вызовы должно стать создание технологий, не только отвечающих национальным интересам страны и необходимых для существенного повышения качества жизни населения, но и востребованных в мире [4].

В среднесрочной перспективе приоритетами научно-технологического развития следует считать те направления, которые позволят получить научно-технические результаты, создать технологии, являющиеся основой инновационного развития, которые в свою очередь обеспечат переход к передовым цифровым технологиям, роботизированным системам, созданию систем обработки больших объемов данных, искусственному интеллекту.

Проведённый анализ позволяет выявить некоторые тенденции развития приоритетов политики государства в сфере миграции в среднесрочной и долгосрочной перспективах, одним из которых является миграционный прирост населения России.

В целях увеличения миграционного прироста будут реализованы меры, направленные на совершенствование механизмов привлечения иностранных квалифицированных работников и высококвалифицированных специалистов, наиболее востребованных российской экономикой, на создание условий по стимулированию отдельных категорий иностранных граждан к обучению в образовательных организациях профессионального образования Российской Федерации и последующему их трудоустройству, на модернизацию институтов получения разрешения на временное проживание и вида на жительство в РФ, на упрощение получения российского гражданства, в том числе выпускниками образовательных организаций, зарубежными учеными, на привлечение на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом.

Сохранит свою актуальность разработка мер, направленных на адаптацию и интеграцию в российское общество мигрантов, формирование их конструктивного взаимодействия с принимающим сообществом. Указанные мероприятия позволят обеспечить рост численности населения Российской Федерации на протяжении всего прогнозного периода.

Подчеркнём, что развитие цифровизации миграционной сферы требует усиления мер безопасности информационной среды, а также дополнительных мер для обеспечения защиты прав и интересов российских и иностранных граждан и государства в киберпространстве.

Достигнутые ранее результаты в части повышения доступности, технологичности и снижении административных барьеров при предоставлении государственных услуг должны быть обеспечены преемственными мерами, которые позволят выйти на новый уровень взаимодействия государства и населения посредством его перевода в цифровой и дистанционный формат.

Также представляется необходимым с помощью внедрения цифровых технологий и цифровых платформ обеспечить сокращение временных и административных затрат при предоставлении государственных и муниципальных услуг, осуществлении контрольно-надзорных функций, функционировании государственных и муниципальных органов.

Примером влияния цифровых технологий на миграционную сферу может служить стартовавший 1 июля 2021 г. первый совместный цифровой проект стран ЕАЭС «Работа без границ» для помощи гражданам государств – членов Евразийского экономического союза в трудоустройстве. В начале 2022 г. также планировался запуск специального мобильного приложения «Работа в ЕАЭС», который бы способствовал созданию единого рынка труда, сформировал весь пакет документов, необходимый для работы в РФ без дополнительных затрат (медицинская страховка, заключение трудового договора, выбор жилья, а в перспективе и оформление регистрации), упростил поиск вакансий, не покидая своей страны, а также исключит посредников из процесса поиска работы [5].

По информации отечественных СМИ совместная цифровая платформа союза будет нацелена на улучшение качества жизни человека, строиться с учётом государственных интересов и использованием информационных национальных систем миграционных цифровых сервисов стран – участниц [6].

Ещё одним примером является введение единого удостоверяющего личность документа для иностранных граждан, который будет содержать электронный носитель (чип) с его персональными данными и биометрическими показателями, а также информацию о действующем статусе, выданной визе, сроке её действия и другие сведения. Документ будет действителен в течение десяти лет на всей территории страны, а впоследствии, если у владельца карты не будет нарушений, она станет бессрочной [7].

Идентификационная карта, или ID-карта (от англ. *Identity Document*) – это официальный документ, удостоверяющий личность, в том числе в электронных системах разных уровней и назначений, обычно выполненный в формате пластиковой карты. ID-карта как правило содержит информацию о держателе карты в текстовом и электронном виде, включая его фотографию, имя, личный номер, образец подписи и биометрическую информацию, записанные в электронном чипе или на магнитной полосе.

Полагаем также, что стала очевидной необходимость создания единой базы цифровых профилей иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих в стране. Цифровой профиль будет содержать информацию о правовом статусе лица, его биометрические данные, сведения о месте жительства и трудоустройстве. Кроме того, новый сервис позволит мигрантам получать государственные услуги в электронном виде без необходимости посещения многофункциональных центров.

В 2022 г. планом мероприятий по реализации Концепции государственной миграционной политики предусматривались работы по созданию информационной структуры, включающей единую информационную платформу, содержащую данные об иностранном гражданине с возможностью хранения цифрового профиля.

Иностранные граждане с помощью таких цифровых профилей смогут заключать трудовые договоры с работодателем, подтверждать своё обучение, вносить обязательные налоговые и иные платежи, пользоваться удобными информационными сервисами, в том числе получать рассылку о предстоящем окончании сроков действия разрешительных документов, пребывания и необходимости выезда за пределы России [8].

Важно также отметить, что пандемия коронавируса не просто ускорила цифровую трансформацию, но и усилила связанные с этим стратегические вызовы и угрозы, а именно: а) ускоренное формирование единого глобального информационного пространства; б) обострение «цифрового неравенства»; в) неготовность к широкомасштабному предоставлению гражданам медицинских и иных социальных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); г) возможность использования потенциала ИКТ в целях подрыва национальной безопасности, нарушения государственного и общественного порядка; д) необходимость обеспечения эффективного (защищенного) документооборота; е) растущая незащищенность личной жизни и жизненного пространства; и т.д.

В этой связи, полагаем, что важное значение приобретает влияние цифровых технологий на современную государственную политику, так как страны, у которых нет собственных цифровых платформ, рискуют попасть в информационную, политическую и экономическую зависимость от чужих цифровых решений. Использование данных технологий имеет место, прежде всего, как инструмент, метод решения задач по повышению эффективности государственного управления, в том числе управления миграционными процессами в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) // Собрание законодательства РФ, 2018, № 20, ст. 2817; 2018, № 30, ст. 4717.

2. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года: утв. Правительством РФ 29.09.2018 № 8028п-П13 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/> (дата обращения: 22.01.2014).

3. Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Правительством РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/> (дата обращения: 22.01.2014). Документ опубликован не был.

4. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) // Собрание законодательства РФ, 2016, № 49, ст. 6887; 2021, № 12, ст. 1982.

5. Березина Е. Мигранты смогут оформить ИНН и СНИЛС в приложении «Работа без границ» // Российская газета. 2021. 3 июня.

6. Кузьмин В. На общей платформе // Российская газета. 2021. 7 февраля.
7. Емельяненко В. В 2022 году Россия вводит бессрочную ID-карту мигранта // Российская газета. 2021. 10 декабря.
8. Петров И. Работа без очереди // Российская газета. 2021. 29 марта.

Oksana A. Sazonova¹, Nina V. Sazonova², Larisa V. Martsinevskaya²

¹Voronezh State Agrarian University

named after Emperor Peter I, Voronezh

²Belgorod National Research University, Belgorod

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON MODERN MIGRATION RELATIONS

Abstract. *The article examines the modern impact of digital technologies on state migration policy. In the course of reasoning, the need for the development of administrative-right regulation using new types of digital services and platforms is analyzed. It is emphasized that the development of digitalization of the migration sphere requires strengthening security measures for the information environment. In conclusion, the conclusion was formulated that the use of digital technologies is a tool to improve the efficiency of state management of migration processes in the country.*

Keywords: *digital technology, digital profile, public administration, migration policy, migration relations.*

УДК 911.9

Сидоров В.П.

Удмуртский государственный университет,

г. Ижевск

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ

Аннотация. *В статье говорится о возможном формировании нового геополитического мирового порядка. Причинами этого можно считать, как геополитический и геоэкономический консерватизм и двойные стандарты «коллективного Запада», так и усиление некоторых центров силы в мире. Начало и продолжение специальной военной операции, связанные с ней невиданные ранее по масштабам экономические санкции, введенные против России и Белоруссии, ведут к фактическому геополитическому расколу в Евразии.*

Ключевые слова: *геополитический мировой порядок, центры силы, геополитика и геоэкономика.*

Сущность любого временного геополитического мирового порядка (миропорядка) определяется географической расстановкой, экономической и военной мощью центров силы в мире. Географические и структурные изменения последних ведут к глобальным или макрорегиональным военным и экономическим потрясениям и, в конечном счете, к смене миропорядка.

Следует заметить, что временная продолжительность геополитических миропорядков все больше сокращалась. Если Вестфальский миропорядок (1648-1815 гг.) продолжался почти 70 лет, то Венский (1815-1871 гг.) – уже 56 лет. В дальнейшем средняя протяженность миропорядков составляла 35-40 лет. Самым коротким оказался последний – Постсоветский (начиная с 1991 г.) – миропорядок вполне возможно станет самым коротким.

По мнению автора статьи, с которым можно и поспорить, в настоящее время главной, глобальной причиной слишком многочисленных для последних лет геополитических конфликтов, ведущих к разрушению миропорядка, является поведение так называемого «коллективного Запада». То есть, «стареющей, сытой» западной цивилизации, в центре которой – отдельный человек и культ его личности и свобод и, как следствие, гипертрофированная толерантность и терпимость. При этом Запад считает вполне допустимым использование любых средств для поддержания своего благополучия и лидерства в мире. Запад – как тот джентльмен из анекдота, который всегда играет по правилам. Если джентльмен перестает выигрывать, то он меняет правила. Именно навязывая свои правил, Запад спровоцировал целую череду «цветных» революций в конце 90-х – начале 2000-х годов, антигосударственный переворот на Украине в 2014 г. [1; 2].

С другой стороны мы видим более «молодой» и не всегда «сытый» «Восток» с культом командной игры под руководством конкретного лидера (диктатора), иногда с идеологически-религиозной нетерпимостью. «Западу» трудно предложить «Востоку» что-то идейно новое (кроме своих, казалось бы, проверенных и, самое главное единых для западного социума, ценностей) – зачастую чуждых востоку [1].

Относительный мир на границе востока и запада поддерживался исключительно военным, технологическим и экономическим превосходством коллективного Запада. Но времена меняются. Россия (усилив-

шаяся в экономическом и военном отношении) и Белоруссия не хотят быть частью единой Европы в современном ее виде. В ответ: попытка государственного переворота в Белоруссии; антироссийская пропаганда и разжигание русофобии; откровенное натравливание на Россию марионеточной Украины.

По паритету покупательной способности валют первой экономикой мира уже не первый год является Китай. Причем отставание от него второй – американской экономики – с каждым годом только увеличивается. США это очень раздражает, подталкивает к введению всяких возможных экономических санкций против КНР.

Геополитические метаморфозы Евразии ускорились после начала Россией специальной военной операции. На нашу страну обрушились тысячи экономических санкций. Антироссийская пропаганда в СМИ сменилась антироссийской истерией. В конце 2022 г. автор статьи в течение 2-х недель слушал только англоязычные «демократичные» европейские новостные каналы. И хотя он был готов, но, все-таки, был поражен однобокостью их содержания. За две недели ни слова не было сказано об обстрелах территорий ДНР и ЛНР. Их как будто нет вообще. Говорилось только об «агрессии» России, которая во все виновата. Например, даже в увеличении на четверть количества краж в датских супермаркетах. Доставалось и Белоруссии с Китаем.

Но мировая экономика в наши дни стала действительно «всемирной», в которой все со всеми связаны [3]. Нельзя безболезненно для себя изолировать Китай, Россию и Белоруссию, на которые приходится суммарно более 21 % валового мирового продукта. Даже специалисты МВФ признают, что «...специальная военная операция России и введенные в связи с ней Западом санкции в отношении Москвы «раскалывают мировую экономику на блоки и усиливают прежнюю геополитическую напряженность вроде той, которая связана с американо-китайским торговым спором». «Фрагментация может усилиться, сопровождаясь ростом ограничений на трансграничное перемещение капитала, рабочей силы и международных платежей. Она также может препятствовать многостороннему сотрудничеству ради обеспечения глобальных общественных благ. Цена такой фрагментации особенно высока в краткосрочной перспективе, так как на замену нарушенных трансграничных потоков требуется время» [4]. Экономические санкции всегда возвращаются к их авторам бумерангом финансовых потерь.

В заключении хотелось бы отметить, что да, специальная военная операция сопровождается гибелью людей, но останавливать ее нельзя ни в коем случае. Геополитическая борьба – это не пацанская драка. В геополитике лежачего бьют и добивают. У нашей страны только два пути: либо полная победа, либо полное поражение, которое, наверняка, приведет к распаду нашего государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сидоров В.П. Глобализация и геополитические конфликты // Наука и культура в условиях глобализации: сб. ст. II-ой Междунар. науч.-практ. конф. (25 октября 2018 г., г. Челябинск). Челябинск: ООО НИЦ «АнтроВита», 2018. С. 112-116. [Электронный ресурс]. URL: http://soc-is.ru/wp-content/uploads/Наука-и-культура-вусловиях-глобализации_2.pdf
2. Сидоров В.П. Геополитические конфликты: дезинтеграция и интеграция в Евразии // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дезинтеграционных процессах: материалы междунар. науч. конф. в рамках VIII ежегод. Науч. Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Пермь: ПГНИУ, 2017. С. 163-166.
3. Сидоров В.П. Устойчивость международных экономических отношений // Глобальные тенденции и национальные особенности в области управления, экономики, торговли и бизнеса: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (20 апреля 2020 г., Нижний Новгород). Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2020. С.131-134.
4. Фрагментация мировой экономики и геополитические проблемы [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/16922761?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

Valery P. Sidorov

Udmurt State University, Izhevsk

THE GEOPOLITICAL AND GEOECONOMIC METAMORPHOSIS OF THE MODERN EURASIA

Abstract. *The article talks about the possible formation of a new geopolitical world order. The reasons for this can be considered both geopolitical and geo-economic conservatism and double standards of the "collective West", as well as the strengthening of some centers of power in the world. The beginning and continuation of a special military operation, associated with it unprecedented scale economic sanctions imposed against Russia and Belarus, lead to a virtual geopolitical split in Eurasia*

Keywords: *geopolitical world order, centers of power, geopolitics and geo-economics.*

Уставщикова С.В.
*Саратовский национальный исследовательский
университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов*

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

***Аннотация.** В статье освещены региональные особенности и общие тенденции демографической ситуации в республиках Средней Азии. Численность населения продолжает расти, на фоне миграционного оттока. Традиционный тип воспроизводства населения не поменяется в обозримой перспективе. Репродуктивные намерения населения и на будущее направлены не на одного ребенка, а на среднедетную семью (2-4 детей). Новая миграционная политика РФ способствует привлечению титульных народов республик Средней Азии на постоянное место жительства в нашу страну.*

***Ключевые слова:** темп роста населения, возрастная структура населения, традиционный тип воспроизводства населения, миграция.*

Введение. Цель исследования рассмотреть современную демографическую ситуацию в Среднеазиатском субрегионе Центральной Азии. В настоящее время в этом регионе именно демографический фактор является детерминантом экономического и общественного развития. Рассматривается период 2010-2020 гг. На это время приходится годы стабильного экономического роста, осознание роли демографического фактора в развитии государств, принятие демографической политики. Признание роли России в развитии демографической ситуации.

Показатели демографической ситуации по странам имеют много общего, но есть и различия.

Основная часть. В Средней Азии четыре республики: Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан. Демографическая ситуация классически находится под влиянием традиций и менталитета этносов, состояния экономики, урбанизации, политики государства в области воспроизводства населения. В табл. отражены демографические показатели, характеризующие воспроизводство населения в регионе.

Для всех четырех республик характерны:

- значительный рост численности населения за 2010-2020 гг., тем не менее темпы роста снижаются;
- прогноз численности населения до 2035 года положительный, но темпы роста будут ниже, особенно в Узбекистане и Туркмении;
- во всех республиках выросла продолжительность жизни, женская продолжительность жизни изменилась на большее число лет, чем мужская;
- доля населения в возрасте 65+ низкая во всех республиках и пока стабильна;
- возрастная структура населения характерна для традиционного типа воспроизводства населения. По показателям прогноза роста численности населения тип воспроизводства не сменится к 2035 г.;
- трудоизбыточность будет оставаться достаточно долго, сохраняя за республиками Средней Азии роль «донора» трудовых ресурсов на международном рынке труда;
- во всех республиках идут сложные миграционные процессы. Происходит дальнейшая трансформация этнического состава населения. Отток не титульных этносов, в первую очередь, русскоязычного населения (русских, украинцев, белорусов, немцев, евреев и других коренных народов РФ), еще в большей мере влияет на рост таких демографических показателей как рождаемость, возрастная структура населения [3];
- во всех республиках идет процесс снижения младенческой смертности.

Различия в демографических процессах:

- при анализе составляющих (рождаемости и смертности) показателя коэффициента естественного прироста и его изменения за 2010-2020 гг. выяснилось, что в Киргизии и Туркменистане рост естественного прироста произошел в результате увеличения показателей рождаемости и снижения смертности. В Таджикистане снизились показатели рождаемости;
- коэффициент суммарной рождаемости снизился только в Узбекистане. В других республиках он вырос;
- доля населения в возрасте до 15 лет выросла в Киргизии, в остальных республиках стабилизировалась, снизилась. В Киргизии за рассматриваемый период повысилась рождаемость (см. показатели естественного прироста), что обусловило рост доли детей в общей численности населения;

• доля горожан растет в Узбекистане и Туркменистане [4], в Киргизии доля городского населения снижается в результате высокой рождаемости в сельской местности.

Демографическая политика, разрабатываемая правительствами этих стран, основывается на смягчении «демографической напряженности» путем усиления миграции населения. В большинстве случаев такая миграция направлена в РФ и Казахскую Республику.

Таблица

Основные показатели, характеризующие демографическую ситуацию в Республиках Средней Азии [1; 2]

Показатели	Киргизия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Темп роста населения в среднем за год (2010-2020 гг.), в %	12,4	12,4	11,5	12,2
Темп роста населения в среднем за год (2020-2035 гг.), в %	8,1	8,9	7,9	7,8
Изменения коэффициента суммарной рождаемости, 2020 г. к 2010 г.	1,2	1,03	1,2	0,89
Изменение коэффициента естественного прироста, 2020 г. к 2010 г.	1,3	0,9	1,1	1,0
Коэффициент младенческой смертности (на 1000 живорождений) 2010 / 2020 гг.	31/15	60/27	51/43	48/11
ОПЖ при рождении, прирост за 2020-2010 гг., лет	4	8	3	7
Доля населения в возрасте до 15 лет, %	2010 – 29; 2020 – 32	2010 – 38; 2020 – 34	2010 – 31; 2020 – 31	2010 – 33; 2020 – 29
Доля населения в возрасте 65 лет и старше, %	2010 – 5,0; 2020 – 5,0	2010 – 4,0; 2020 – 3,0	2010 – 4,0; 2020 – 4,0	2010 – 5,0; 2020 – 5,0
Доля городского населения, %	2010 – 35; 2020 – 34	2010 – 26; 2020 – 26	2010 – 47; 2020 – 52	2010 – 36; 2020 – 51
Доля титульного этноса, %	2009 – 70,9; 2021 – 73,8	2010 – 84,3	2010 – 78,6;	2011 – 82,3; 2021 – 84,4
Миграционный прирост на 1000 жителей, 2010/2020 гг., чел.	-3/ -1	-2 /0	-1 / -1	-1 /0

Выводы. В республиках Средней Азии, несмотря на снижение рождаемости, в целом сохранится режим расширенного воспроизводства населения. При этом большая часть населения выбирает семью с 2-3 детьми, традиционно ориентируясь на ребенка мужского пола. Рост населения будет приводить к росту урбанизированности, перераспределению населения внутри страны, ориентации молодежи на образовательную и трудовую миграцию в Турцию, Азербайджан, Россию.

Титульное население республик все чаще рассматривает Россию как постоянное место жительства, особенно в свете новой миграционной политики. Народы республик Средней Азии для трудовой, образовательной миграций и выбора постоянного места жительства выбирают субъекты России, входящие в Центральный, Приволжский, Южный федеральные округа [5; 6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Основные демографические показатели по всем странам мира в 2010 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2010_0.php (дата обращения: 20.11.2022).
2. Основные демографические показатели по всем странам мира в 2020 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2020_0.php (дата обращения: 05.12.2022).
3. Уставщикова С.В. Анализ демографических и миграционных процессов в странах Средней Азии // Материалы 3-го круглого стола, посвященного памяти д.г.н., проф. Ю.В. Поросенкова / отв. ред. Н.В. Яковенко, 2017. С. 42-44.
4. Уставщикова С. В. Демографические аспекты развития населения и урбанизации в Туркменистане // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Науки о Земле. 2019. Т. 19, Вып. 4. С. 262-266.
5. Уставщикова С.В. Узбеки России: диаспоральный фактор адаптации мигрантов из Узбекистана // Географическая наука Узбекистана и России: общие проблемы, потенциал и перспективы сотрудничества: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (13-19 мая 2019 г., Ташкент, Узбекистан) / отв. ред. Ф.Х. Хикматов, А.Г. Дружинин. Ташкент, 2019. С. 363-366.
6. Уставщикова С.В. Иностранцы студенты в России: образовательные мигранты или потенциальные постоянные жители // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2020. Т. 20. № 2. С. 104-108.

MODERN DEMOGRAPHIC SITUATION IN CENTRAL ASIA REPUBLICS

Abstract. *The article highlights regional features and general trends in the demographic situation in Central Asia Republics. The population continues to grow, against the backdrop of migration outflow. The traditional type of population reproduction will not change in the foreseeable future. The reproductive intentions of the population for the future are directed not to one child, but to a family of two to four children. The new migration policy of the Russian Federation helps to attract the titular peoples of the Central Asia Republics for permanent residence in this country.*

Keywords: *population growth rate, age structure of the population, traditional type of population reproduction, migration.*

УДК 911.3

Федорко В.Н.

*Средняя общеобразовательная школа № 233,
г. Ташкент (Республика Узбекистан)*

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. *В статье рассматривается динамика основных показателей внешнеторговых связей Узбекистана и России за период 2000-2021 годов. Анализируется место России в системе внешнеторговых связей современного Узбекистана в сопоставлении с позициями других ключевых внешнеторговых партнёров республики и на фоне динамики географической структуры её внешней торговли. Кроме того, в сравнительном ключе показаны отличительные черты товарного состава торговли Узбекистана и России.*

Ключевые слова: *внешняя торговля, внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, география внешнеторговых связей, товарная структура.*

В современных условиях, когда система внешних, в частности, внешнеторговых связей России переживает коренную трансформацию, общий вектор которой можно обозначить, как разворот на Юго-Восток, для России определённо выросла значимость всего комплекса отношений со странами постсоветской Центральной Азии. На фоне турбулентных процессов центробежного характера, явно преобладающих в самое последнее время на постсоветском пространстве, именно регион Центральной Азии приобретает ключевую роль в сохранении единого геополитического и геоэкономического ландшафта в рамках СНГ и других интеграционных форматов взаимодействия России и бывших союзных республик. В этом контексте определённый интерес, безусловно, представляет анализ позиций России в системе внешнеторговых связей центральноазиатских государств, в частности, Узбекистана.

Расчёты на базе данных табл. 1 показывают, что уровень роста валового внешнеторгового оборота Узбекистана за период 2000-2021 гг. составил 678,8 %, тогда как внешнеторговый оборот Узбекистана и России за соответствующий период времени вырос на 747,3 %. При этом опережающий рост внешнеторгового оборота республики с Россией за рассматриваемый отрезок времени был обусловлен ростом объёма импорта из России, темпы которого оказались более высокими, чем темпы роста валового объёма импорта Узбекистана (1175,1 % против 865,4 %). В то же время рост экспорта из Узбекистана в Россию показал более скромный уровень на фоне роста валового объёма экспорта республики (382,8 % против 510,4 %). Эта тенденция нашла своё отражение и в изменении сальдо (баланса) внешней торговли Узбекистана и России, которое в последние годы приобрело устойчивое отрицательное значение, как, впрочем, и общий внешнеторговый баланс республики, до начала 2010-ых гг. имевший тенденцию к росту положительного значения.

При сравнении показателей 2021 г. с показателями 2010 г. обращает на себя внимание то, что уровень роста внешнеторгового оборота Узбекистана с Россией (122,9 %) ощутимо ниже уровня роста валового оборота внешней торговли республики (190,0 %) за соответствующий период. При этом если импорт Узбекистана из России вырос практически настолько же, насколько валовый объём импорта республики (274,8 % против 278,0 %), то экспорт в Россию из Узбекистана сократился вдвое при росте валового объёма экспорта республики на 127,9 %.

В целом, данные табл. 1 свидетельствуют, что объём импорта Узбекистана из России практически линейно возрастал на всём интервале 2000-2021 гг., а объём экспорта из республики в Россию возрастал до начала 2010-х гг., а затем ощутимо снизился. Примечательно, что до начала 2010-х гг. в товарной структуре экспорта Узбекистана поступательно росла доля энергоносителей (природного газа), которая затем сни-

зилась в несколько раз. По всей видимости, именно сокращение экспорта природного газа, крупнейшим покупателем которого в конце 2000-х – начале 2010-х гг. был российский «Газпром», стало основной причиной уменьшения объёма экспорта из Узбекистана в Россию во втором десятилетии XXI века.

Таблица 1

Динамика основных показателей внешней торговли Узбекистана в целом и с Россией, в частности (2000-2021 гг.)

Показатели	Годы						
	2000	2005	2010	2015	2019	2020	2021
Внешнеторговый оборот Узбекистана	6212,1	9500,1	22199,2	24924,2	41751,0	36256,1	42170,5
Экспорт Узбекистана	3264,7	5408,8	13023,4	12507,6	17458,7	15102,3	16662,8
Импорт Узбекистана	2947,4	4091,3	9175,8	12416,6	24292,3	21153,8	25507,7
Внешнеторговый баланс Узбекистана	317,3	1317,5	3847,6	91,0	-6833,6	-6051,5	-8844,9
Внешнеторговый оборот Узбекистана и России	1010,3	2060,5	6142,9	4455,8	6669,6	5659,5	7550,5
Экспорт из Узбекистана в Россию	545,5	1026,5	4154,8	1821,1	2531,9	1485,8	2088,2
Импорт из России в Узбекистан	464,8	1034,0	1988,0	2634,7	4137,7	4173,8	5462,2
Внешнеторговый баланс Узбекистана и России	80,7	-7,4	2166,8	-813,6	-1605,8	-2688,0	-3374,0

Составлено автором по данным официального сайта Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике www.stat.uz.

Интересно также сравнить общую динамику показателей внешней торговли Узбекистана и динамику объёмов внешнеторговых связей республики с Россией на фоне пандемии коронавируса, пик которой пришёлся на 2020 г. Так, валовой внешнеторговый оборот Узбекистана в 2021 г. вырос по сравнению с 2020 г. на 116,3 %, а по сравнению с допандемийным 2019 г. – на 101,0 %, тогда как уровень роста внешнеторгового оборота республики с Россией в 2021 г. относительно 2020 г. составил 133,4 %, а в сравнении с 2019 г. – 113,2 %. Таким образом, за последние два года показатели внешнеторговых связей Узбекистана и России растут быстрее валовых внешнеторговых индикаторов Узбекистана.

Табл. 2 иллюстрирует ключевые изменения географической структуры внешнеторгового оборота Узбекистана с начала текущего столетия по настоящее время и изменение позиций России в системе внешнеторговых связей республики за соответствующий период времени.

Таблица 2

Изменение состава ведущих внешнеторговых партнёров Узбекистана за период 2000-2021 гг.

Годы	Россия	Китай	Казахстан	Республика Корея	Турция	Украина	США
2000	16,3	-	5,1	6,3	-	5,3	5,0
2005	21,7	5,1	5,4	5,9	5,5	-	-
2010	27,7	9,8	8,5	7,3	4,4	-	-
2015	17,9	19,0	10,8	7,0	4,8	-	-
2018	16,9	19,0	8,9	6,3	6,4	-	-
2019	15,7	18,1	8,0	6,5	6,0	-	-
2020	15,5	17,7	8,3	5,9	5,8	-	-
2021	17,9	17,7	9,3	4,5	8,1	-	-

Составлена автором по материалам официального сайта Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике www.stat.uz.

Обращает на себя внимание тот факт, что с середины 2000-ых гг. состав первой пятёрки внешнеторговых партнёров Узбекистана не меняется, объединяя такие страны, как Россия, Китай, Казахстан, Турция и Республика Корея. Весьма устойчив и общий удельный вес этих стран в валовом внешнеторговом обороте республики. Если в 2010 г. на их долю пришлось 57,7 % всего объёма внешней торговли Узбекистана, то по итогам 2021 г. соответствующий показатель составил 57,5 %. В течение последнего десятилетия этот индикатор слабо варьировался, демонстрируя общую стабильность географической структуры внешней торговли Узбекистана.

Однако не трудно заметить, что позиции отдельных стран в рамках ведущей пятёрки внешнеторговых партнёров Узбекистана за последние 15 лет ощутимо изменились. Главными сдвигами при этом явились резкий рост доли китайского направления при существенном снижении позиций российского вектора в структуре внешнеторгового оборота Узбекистана. Если до начала 2010-х годов удельный вес России в валовом внешнеторговом обороте республики кратно опережал показатели Китая и других стран (так, в 2005 г. на долю России пришлось 49,6 %, а в 2010 г. 48,0 % общего товарооборота с первой пятёркой внешнеторговых партнёров Узбекистана), то в период 2015-2020 гг. Китай ежегодно опережал Россию на несколько процентных пунктов в структуре внешнеторгового оборота республики. В определённой мере это было обусловлено переориентацией магистрального направления газового экспорта Узбекистана на Китай к середине 2010-х годов, в последние же годы сказывается и резкий рост импорта промышленного оборудования в республику из Китая. Однако по итогам 2021 г. Россия с небольшим преимуществом вновь вышла на первую позицию в рейтинге главных внешнеторговых партнёров республики. В этой связи интересно будет проанализировать структуру внешнеторговых связей Узбекистана в 2022 г., на которой, ожидаемо, скажутся изменения геополитической и геоэкономической ситуации на постсоветском пространстве самого последнего времени, отмеченные в начале статьи.

Менее существенными изменениями географической структуры внешнеторгового оборота Узбекистана за последнее десятилетие можно считать некоторое, почти линейного характера снижение доли Республики Корея и слабую волнообразную динамику турецкого вектора, доля которого заметно возросла в самые последние годы. Доля Казахстана, в свою очередь, сохраняется примерно на одном уровне, обеспечивая этой стране на всём протяжении 2010-2021 гг. устойчивую третью позицию в рейтинге ведущих внешнеторговых партнёров Узбекистана.

Далее проанализируем особенности товарной структуры экспортно-импортных связей Узбекистана и России на современном этапе (табл. 3). Из табл. 3 явствует, что в составе экспорта из Узбекистана в Россию доминируют хлопок, товары текстильной группы, фрукты и овощи, определённое место также занимают пластмассы и изделия из них, минеральное топливо, а также медь и цинк.

На фоне других ключевых внешнеторговых партнёров Узбекистана российская составляющая экспорта республики выделяется, главным образом, высокой долей товаров текстильной группы и, прежде всего, предметов одежды (20 % от всего узбекского экспорта в Россию). Примечательно, что на долю России, по итогам 2021 г., пришлось 59 % всего экспорта предметов одежды из Узбекистана [2]. В свою очередь, существенным удельным весом фруктов и овощей российское направление экспорта схоже с казахстанским направлением. При этом, по итогам 2021 г., на долю России пришлось 41 % всего экспорта фруктов из Узбекистана, а удельный вес Казахстана в этом секторе экспорта республики составил 22 %, по доле же в экспорте овощей из Узбекистана Россия и Казахстан были почти равны (19 % против 18 %) [2]. Таким образом, в этом секторе узбекского экспорта Россия и Казахстан могут рассматриваться в некоторой мере как конкурирующие направления.

В товарной структуре импорта из России в Узбекистан ведущие позиции занимают чёрные металлы и изделия из них, древесина и изделия из неё, а также минеральное топливо. При этом в наибольшей мере приоритет России отмечается в импорте в республику древесины (доля России в валовом импорте древесины в Узбекистан составила 89 %), жиров и масел растительного и животного происхождения (доля России – 72 %), а также бумаги и картона (удельный вес России – 50 %). На этом фоне бросается в глаза низкая доля машиностроительной продукции в структуре российского импорта в республику в сопоставлении с импортом из Китая, Турции и Республики Корея.

Обращает на себя внимание определённое сходство товарного состава импорта из России и Казахстана, в частности, проявляющееся в сопоставимых долях чёрных металлов и минерального топлива. При этом объёмы импорта этих товаров в Узбекистан из России определённо больше, чем из Казахстана. Так, по итогам 2021 г., доля России в валовом импорте в республику чёрных металлов составила 44 %, а доля Казахстана – 29 %, по минеральному топливу доля России составила 32 %, а удельный вес Казахстана – 19 % [2]. Тем не менее, в целом, в сфере импорта в Узбекистан Россию и Казахстан правомерно рассматривать как в существенной мере конкурирующие направления.

Подводя итог краткому анализу места и значения России в системе внешнеторговых связей современного Узбекистана, отметим следующее. На протяжении последних полутора десятилетий внешнеторговые связи Узбекистана обрели весьма устойчивую географическую структуру, в которой российский вектор сохраняет одну из приоритетных позиций. При этом с середины 2010-х гг. в системе внешнеторговых связей республики обозначился небольшой перевес китайского направления в сопоставлении с российским, и только в самое последнее время установился фактический паритет этих двух направлений с минимальным перевесом в пользу России. Вместе с тем, объёмы внешней торговли Узбекистана с Россией в сравнении с

другими ключевыми внешнеторговыми партнёрами республики, такими как Казахстан, Турция и Республика Корея, остаются существенно более высокими. Таким образом, географическая структура внешнеторгового оборота современного Узбекистана отличается своеобразной параллельной ориентацией на российское и китайское направления.

Таблица 3

Главные составляющие товарной структуры внешнеторговых связей Узбекистана и России и их место в торговле республики с другими ключевыми партнёрами (по итогам 2021 г.)

Статьи экспорта / импорта Узбекистана	Главные внешнеторговые партнёры Узбекистана				
	Россия	Китай	Казахстан	Турция	Респ. Корея
Экспорт					
Хлопок	22,5	35,1	0,8	30,9	21,1
Предметы одежды и принадлежности к одежде, трикотажные машинного или ручного вязания	20,0	0	2,2	0	0
Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	12,4	1	11	0,9	5,7
Пластмассы и изделия из них	5,7	2,6	5,7	5,2	2,1
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	5,3	33,3	0,6	0,6	1,5
Трикотажные полотна машинного или ручного вязания	4,8	0	0,1	0	0
Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	4,4	5,2	7,3	0,5	0,9
Прочие готовые текстильные изделия; наборы; одежда и текстильные изделия, бывшие в употреблении	3,7	0	0	0	0,2
Цинк и изделия из него	2,7	0	0	7,6	0
Медь и изделия из нее	2,4	13,6	2,1	47,4	0
Импорт					
Черные металлы	13,6	3,7	17,6	0,7	0,8
Древесина и изделия из нее; древесный уголь	11,5	0,4	0,3	0,4	0,1
Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные	9,2	0,1	10,7	0,5	0,5
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	8,4	31,2	0,9	41,6	17,9
Изделия из черных металлов	7,7	2,5	0,5	5,1	3,1
Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления	7,1	0	3,4	0,1	0
Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава	3,5	8,5	4,4	1,5	47,4
Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура	3,3	15	0,7	7,6	5,9
Пластмассы и изделия из них	3,0	5,8	0,7	5,6	7,4
Бумага и картон; изделия из бумажной массы, бумаги или картона	2,8	0,9	0,1	0,5	0,1

Составлено автором по данным сайта www.trademap.org.

Сегодня есть основания полагать, что объективный рост интереса российского государства и экономики к интенсивному всестороннему сотрудничеству с регионом Центральной Азии, в частности, с Узбекистаном, на фоне коренной перестройки системы мирохозяйственных связей, глобальной и региональной геополитической и геоэкономической ситуации будет в той или иной степени способствовать положительной динамике внешнеторговых контактов республики с Россией. Однако, не менее очевидно, что Узбекистан и Центральная Азия в целом превращаются в поле серьезной конкурентной борьбы разных внешних центров влияния, среди которых значатся и открытые геополитические и геоэкономические оппоненты России в глобальном и региональном пространстве. Эти противоречивые обстоятельства требуют

систематического, глубокого и взвешенного анализа и оценки текущей динамики внешнеторговых отношений России и Узбекистана на основе обновляющихся статистических данных, что делает более отчётливым видение трендов развития соответствующих геоэкономических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный веб-сайт Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: www.stat.uz (дата обращения: 08.01.2023).
2. Статистическая база International Trade Centre. [Электронный ресурс]. URL: www.trademap.org (дата обращения: 14.01.2023).

Victor N. Fedorko

Secondary school No. 233, Tashkent (Republic of Uzbekistan)

RUSSIA IN THE SYSTEM OF FOREIGN TRADE RELATIONS OF UZBEKISTAN

Abstract. *The article discusses the dynamics of the main indicators of foreign trade relations between Uzbekistan and Russia for the period 2000-2021. The place of Russia in the system of foreign trade relations of modern Uzbekistan is analyzed in comparison with the positions of other key foreign trade partners of the republic and against the background of the dynamics of the geographical structure of its foreign trade. In addition, the distinctive features of the commodity structure of trade between Uzbekistan and Russia are shown in a comparative manner.*

Keywords: *foreign trade, foreign trade turnover, export, import, geography of foreign trade relations, commodity structure.*

УДК 911.3:33

Шерин Е.А.

*Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
г. Иркутск*

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ СИБИРИ И МОНГОЛИИ

Аннотация. *Работа посвящена выявлению отраслевой и географической структур внешнеторгового сотрудничества Монголии и регионов Сибири. Указана роль Сибири в структуре российско-монгольского внешнеторгового сотрудничества и динамика её доли за последние годы. Рассчитаны долевые и стоимостные показатели товарооборота и основные товарные группы экспорта и импорта Монголии и каждого сибирского региона. Выявлены проблемные места их внешнеторгового сотрудничества.*

Ключевые слова: *внешняя торговля, экспорт, импорт, товарооборот, Сибирь, Монголия.*

Географическое положение России и Монголии характеризуется соседским фактором, протяжённость общей границы составляет почти 3,5 тыс. км, уступая в данном показателе только российско-казахстанскому и российско-китайскому участкам. За последние пять лет товарооборот России и Монголии колебался на уровне от 1,37 (2017 г.) до 1,86 (2021 г.) млрд долл. в год. В общероссийском масштабе товарооборот с Монголией более всего развит с тремя регионами России: Самарской (38 % или 540 млн долл. в 2020 г.), Кемеровской (13,5 % или 191,3 млн долл.) областями и Москвой (8,6 % или 123 млн долл.); большая часть российского импорта из Монголии приходится на Пермский край (36,3 % или 13,9 млн долл.) [1].

Основу современной экономики Монголии составляет экспорт продукции горнодобывающего сектора. По данным 2021 г., в горнодобывающей отрасли было сформировано 24 % ВВП Монголии. Доля экспорта к ВВП составила 59 % в 2020 г. [2]. Вызывает согласие устоявшееся мнение авторов, что ведущая роль горнодобывающей отрасли в экономике Монголии сохранится и в будущем [3].

На долю Сибири приходится от четверти до трети российско-монгольского внешнеторгового оборота. Причём тренд идёт на уверенный рост, как по стоимостным показателям, так и по доле: 26,9 % в 2017 г., 27,7 % в 2018 г., 25,8 % в 2019 г., 30,2 % в 2020 г., 32,1 % в 2021 г. [1]. Здесь и далее Сибирь мы рассматриваем не в политико-административном, а в общегеографическом толковании – с Тюменской областью (с округами), Забайкальским краем, республиками Бурятия и Якутия.

В структуре товарооборота Монголии и регионов Сибири на протяжении нескольких лет около половины стабильно приходится на один регион – Кемеровскую область: 47,6 % (174,8 млн долл.) в 2017 г., 47,4 % (216,2 млн долл.) в 2018 г., 55,5 % (252,9 млн долл.) в 2019 г. и 44,5 % (191,3 млн долл.) в 2020 г. [4]. Таким образом, Кемеровская область находится на первом месте в структуре товарооборота Монголии и сибирских регионов, как и в структуре экспорта (45,2 % в 2020 г.). При этом в структуре товарооборота

Кемеровской области по странам Монголия располагается на 15 месте с долей в 1,5 %. На экспорт товаров из Кемеровской области в Монголию приходится 99 % их товарооборота. Основу экспорта составляют нефтепродукты (46,9 % или 88,8 млн долл.), рельсы железнодорожные (27,8 % или 52,7 млн долл.), прутки железные (13,7 % или 26 млн долл.). Экспорт железнодорожных рельсов из Кемеровской области в Монголию имел взрывной рост в 2020 г. увеличившись до 52,7 млн долл. с 8,4 в 2019 г. и с нуля в 2017 г. При этом традиционного экспортного товара Кемеровской области – каменного угля – в монгольском импорте нет, по причине наличия в Монголии собственных значительных запасов каменного угля и их активной разработки.

На втором месте в структуре товарооборота (и экспорта) Монголии среди сибирских регионов располагается Иркутская область с долей в 14,9 % в 2020 г. Основу экспорта составляют минеральные удобрения и азотные соединения (28,7 % или 18,2 млн долл.), нефтепродукты и сжиженный пропан (8,2 % или 5,2 млн долл.). Третье место в структуре товарооборота (как и экспорта) Монголии из сибирских регионов занимает Новосибирская область с долей в 10 %. Основу экспорта составляют поставки пшеницы (28,7 % или 12,3 млн долл.). У остальных сибирских регионов среди экспортных товаров, направляющихся в Монголию, лидируют различные пищевые продукты (Омская область, Алтайский, Красноярский, Забайкальский края, республики Бурятия, Хакасия, Тыва), нефтепродукты и природный газ (республики Алтай, Якутия, Ямало-Ненецкий автономный округ). В Томской области основным экспортным товаром в Монголию являются провода и кабели, в Тюменской области (без округов) – стекловолокно.

Монгольский импорт составляет всего 2,2 % от совместного с Сибирью товарооборота. Кроме того, имеет место непостоянство поставок из года в год. Лидирующее место в структуре импорта Монголии в сибирские регионы стабильно занимает Республика Бурятия с долей в 26 % в 2020 г. Основу импорта до 2019 г. составляла конина, после – шерстяные носки, чулки и подобное, также была разовая поставка железнодорожных локомотивов в феврале–марте 2020 г. на сумму 1,3 млн долл. (53,3 % от импорта региона за год).

На втором месте в структуре импорта Монголии в сибирские регионы находится Томская область с долей в 21,3 % (в 2019 г. регион занимал только восьмое место). 100 % импорта (2 млн долл.) составляет плавиковый шпат.

Третье место среди сибирских регионов, импортирующих товары из Монголии, занимает Кемеровская область с долей в 20,3 % (в 2019 г. – второе место). Основу импорта составляют плавиковый шпат (70,4 % или 1,3 млн долл.) и текстильные изделия (28,8 % или 535 тыс. долл.).

У остальных сибирских регионов среди импортных товаров из Монголии лидируют плавиковый шпат и/или шерстяные чулочно-носочные изделия, стоимостные показатели поставок у них не превышают 1 млн долл. за год [4]. Не включён (кроме единичной поставки в июле 2017 г.) во внешнеторговую деятельность с Монголией лишь один сибирский регион – Ханты-Мансийский автономный округ.

В целом, товарная структура сибирско-монгольского внешнеторгового оборота в 2020 г. распределилась следующим образом: минеральные продукты (27,1 %), металлы и изделия из них (21 %), продукты растительного происхождения (16 %), продукция химической промышленности (9,2 %), пищевые продукты и напитки (7,7 %), машины, оборудование и аппаратура (4,8 %), продукты животного происхождения (3,8 %) и прочее. Пропорции товарной структуры экспорта сибирских регионов в Монголию в общих чертах совпадают со структурой общего товарооборота, так как товарооборот на 97,8 % сложен из экспорта из Сибири. Структура же импорта из Монголии выглядит иначе: минеральные продукты (51,4 %), текстильные изделия (27,4 %), транспорт (13,9 % – разовая поставка в Республику Бурятия), пищевые продукты и напитки (3,5 %), обувь, головные уборы и подобное (1,7 %), прочее.

Товаросообщение между Монголией и Сибирью осуществляется железнодорожным, автомобильным и воздушным видами транспорта через погранпереходы республик Алтай, Тыва, Бурятия и Забайкальского края, а также аэропорты. Подавляющий объём товарооборота пересекает границу Трансмонгольской магистралью (Улан-Баторская железная дорога) через погранпереход Наушки – Сухэ-Батор. В то же время для некоторых регионов юга Сибири основное значение в товарообороте с Монголией играет автомобильное сообщение, в частности, по федеральным автомобильным дорогам Р256 «Чуйский тракт» и Р257 «Енисей».

Таким образом, чётко прослеживаются, во-первых, диспропорции в структуре сибирско-монгольского товарооборота: громадное превалирование экспорта из Сибири над импортом из Монголии (в 45,1 раз). Во-вторых, однобокость товарной номенклатуры поставок из Монголии: доминирование поставок плавикового шпата и чулочно-носочных изделий (доля минеральных продуктов и текстильных изделий в 2020 г., исключая разовую поставку железнодорожных локомотивов в Республику Бурятия, составила 91,6 % от всего монгольского импорта в Сибирь). В-третьих, имеется проблема неустойчивости перспек-

тив совместного товарооборота. Так, завершение строительства нефтеперерабатывающего завода в Монголии снимет потребность в импорте российских нефтепродуктов, являющихся главным поставляемым в Монголию российским типом товаров. С другой стороны, гипотетический спад в работе российской алюминиевой промышленности или изменение технологий производства (могущие случиться, например, вследствие ужесточения санкционной политики стран-поставщиков глинозёма в отношении России) могут снять потребность России в монгольском плавиковом шпате, являющимся, в свою очередь, основной статьёй монгольского импорта в Россию. Случись два этих события, и российско-монгольский товарооборот упадёт более чем в два раза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шерин Е.А. Внешнеторговое сотрудничество Монголии и сибирских регионов // Географический вестник. 2023. № 1(64). С. 44–51. DOI: 10.17072/2079-7877-2023-1-44-51.
2. Национальное статистическое управление Монголии. [Электронный ресурс]. URL: <https://nso.mn/> (дата обращения: 14.01.2023).
3. Narankhuu B. Are natural resources a curse or a blessing for Mongolia? Mineral Economics. 2018. Vol. 31 (1), pp. 171-177. DOI: 10.1007/s13563-018-0144-0.
4. Федеральная таможенная служба России. [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2023).

Egor A. Sherin

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

FOREIGN TRADE GEOGRAPHICAL STRUCTURE OF SIBERIA AND MONGOLIA

Abstract. *The work is devoted to identifying the industry and geographical structures of foreign trade cooperation between Mongolia and the Siberian regions. The role of Siberia in the structure of Russian-Mongolian foreign trade cooperation and the dynamics of its share in recent years are indicated. The share and value indicators of trade turnover and the main commodity groups of exports and imports of Mongolia and each Siberian region are calculated. The problem areas of their foreign trade cooperation were identified.*

Keywords: *foreign trade, export, import, turnover, Siberia, Mongolia.*

УДК 911.3; 314.7

Щитова Н.А., Белозеров В.С., Есикова В.О., Сопнев Н.В.

Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОЦЕССОВ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И МОТИВАЦИИ ВЫБОРА ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ МЕСТА ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются современное состояние и трансформация образовательного иммиграционного пространства России, выявляются территориальные особенности и тенденции студенческой иммиграции в Россию, факторы выбора образования в России и проводится типология высших учебных заведений по критерию привлечения иностранных студентов. Среди стран, отправляющих молодых людей обучаться в Россию, доминирующее положение занимают страны Центральной Азии – бывшие республики Советского Союза. Прослеживается переход от гиперцентрализации к поляризации российского пространства иммиграции иностранных студентов, снижается роль столичных центров, появляются другие мощные центры притяжения иностранных студентов.*

Ключевые слова: *образовательная миграция, иностранные студенты, студенческая иммиграция.*

В настоящее время экспорт образования стал важной частью социально-экономической стратегии ведущих стран мира. В России для реализации этого направления образовательной деятельности принят комплекс государственных мер, направленных на привлечение иностранных студентов и создание благоприятных условий для их приема. В частности, федеральными законами допускается получение разрешения на временное проживание на срок освоения иностранным гражданином соответствующей программы без ежегодного уведомления [1], осуществлять трудовую деятельность в свободное от учебы время [2]. В соответствии с Указом Президента РФ [3] реализован Проект «5-100», нацеленный на повышение конкурентных позиций ведущих российских университетов на глобальном рынке образовательных услуг. Важную роль в интернационализации российского образования выполняет Федеральный проект «Экспорт образования» [4], предусматривающий комплекс мер по формированию механизма государственной под-

держки продвижения российского образования за рубежом, увеличению численности иностранных студентов к 2024 г. до 425 тыс. чел., трудоустройство в российских компаниях не менее 5 % иностранных обучающихся, завершивших обучение по программам высшего образования. К 2030 г. планируется в 1,5 раза увеличить число иностранных студентов, а более 50 тыс. иностранных студентов привлечь на постоянное место жительства в Россию [5]. В этих условиях по данным МВД РФ с 2016 по 2021 гг. миграционный поток лиц, прибывающих в страну в образовательных целях, вырос на 56 % и в 20 % регионов сократился (рис.).

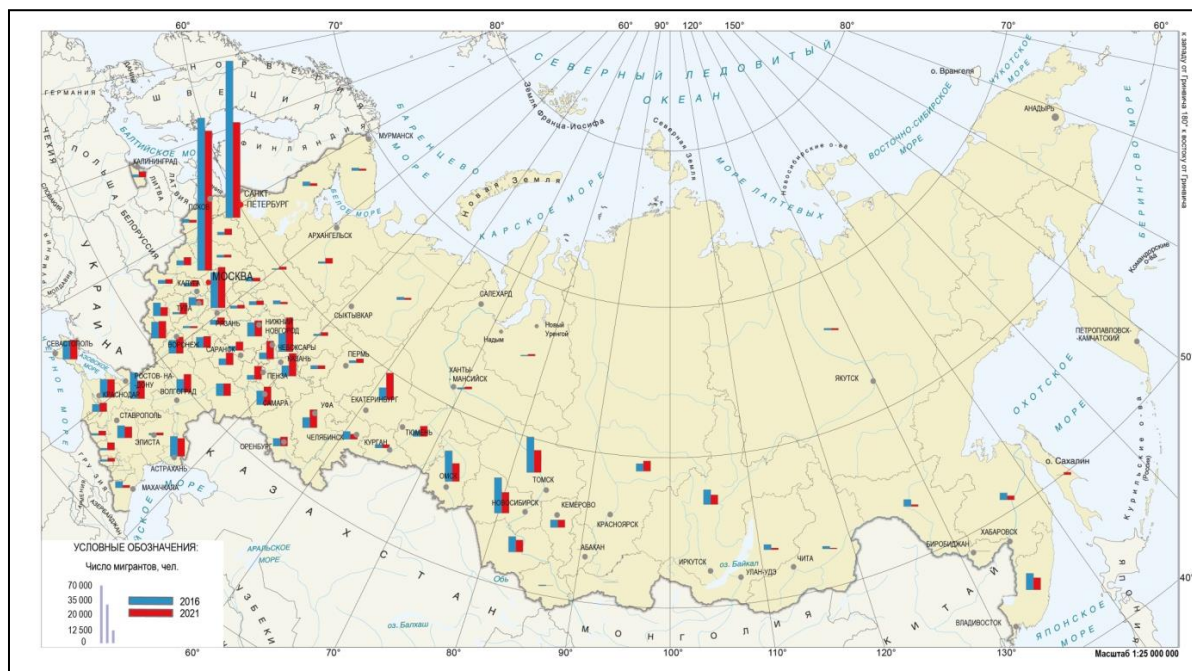

Рис. Число мигрантов, прибывших с образовательной целью в регионы России, 2016 г., 2021 г.

Как показали результаты анализа сайтов ведущих российских университетов, созданы инструменты и механизмы успешного экспорта образования. К их числу следует отнести комплекс организационно-правовых документов и локальных актов, регулирующих образовательную деятельность иностранных студентов, разработку информационного обеспечения и постановку образовательных программ на иностранных языках, совершенствование материально-технической базы, улучшение условий проживания иностранных студентов в вузах, сервисы по адаптации иностранных студентов и т.п.

Основная задача данного исследования состоит в выявлении территориальных особенностей распределения иностранных студентов по территории России. Исследование опирается на статистические данные из открытых источников и материалы массового социологического опроса, проведенного среди иностранных студентов российских вузов разного типа.

Исследования образовательной миграции характеризуются мультидисциплинарностью и множественностью подходов с явным преобладанием гуманитарных (экономических, социологических, психологических, культурологических) аспектов по различным направлениям: международная образовательная миграция как элемент внешней политики, направленной на укрепление экономического и политического влияния в мире [6]; адаптация и интеграция иностранных студентов в российские сообщества [7; 8; 9; 10; 11; 12]; студенческая иммиграция как важный фактор улучшения экономической и демографической ситуации в России через экспорт образовательных услуг [13; 14 и др.]. В стадии формирования находится понятийно-категориальный аппарат. Предлагаются разные трактовки и соотношения понятий «учебная миграция», «образовательная миграция», «студенческая миграция/иммиграция». Отсутствуют термины, позволяющие отражать характер пространственно-временных параметров миграционного процесса. Вместе с тем, очевидна пространственная детерминированность миграционных процессов. Однако, пространственные особенности, в том числе особенности пространственного поведения иностранных студентов изучены значительно слабее: география потоков образовательной миграции иностранных студентов на глобальном и региональном уровне отражены в работе [15]; моделирование центра расселения иностранных студентов в России рассмотрены в публикации [16]. Логика пространственного анализа диктует необходимость дополнения терминологического аппарата такими категориями, как «пространство высшего образования», «пространство иммиграции иностранных студентов», «образовательное иммиграционное пространство».

Территориальные особенности иммиграции студенческой молодежи в Россию нами проанализированы на разных территориальных уровнях: глобальном (как проявление тенденций развития мирового образовательного пространства); страновом (протекания иммиграции студентов в разных частях страны); локальном (установление специфических особенностей иностранной образовательной миграции в отдельных университетах).

Распад СССР и выход России в качестве самостоятельного экспортера образовательных услуг на мировой рынок привел к существенной трансформации образовательной политики страны, в том числе, и по отношению к образовательным мигрантам. Это привело:

1) К устойчивому росту числа мигрантов, прибывающих в Россию и ее регионы с учебной целью (рис.);

2) К росту численности иностранных студентов и расширению географии их прибытий.

Место России в мировом пространстве высшего образования быстро меняется. В настоящее время Россия занимает седьмое место в мире по числу иностранных студентов. В последние годы иностранные студенты рассматриваются не только как политический фактор «мягкой силы», но и как важный ресурс демографического развития страны. Высокая конкуренция в мире за образовательных мигрантов определила образовательно-иммиграционную нишу России. Главными поставщиками иностранных студентов являются некоторые страны Азии и Африки, бывшие советские республики, ныне самостоятельные государства. Наиболее востребованы российские вузы среди молодежи из стран Центральной Азии. В 2021 г. на Таджикистан приходится 13 % от общего числа иностранных студентов, на Узбекистан и Казахстан – по 12 %, Туркменистан – около 9 %. Наибольшая доля иностранных студентов из стран дальнего зарубежья приходится на Индию (около 6 %) и Китай (более 3 %). Среди важных стран-поставщиков иностранных студентов – Марокко (около 2 %), КНДР, Ирак, Сирия, Вьетнам (примерно по 1 %), Монголия и Алжир (по 0,5 %) [15].

По результатам опроса, основными притягивающими факторами выбора образования в России являются материальные причины (низкие затраты на обучение, возможность бесплатного обучения). Всего эти причины назвали более 70 % респондентов.

Идет активное формирование и трансформация странового иммиграционного образовательного пространства. Неравномерность распределения иностранных студентов по регионам России сохраняется, однако меняются векторы движения миграционных потоков, центры концентрации образовательных мигрантов, появляются новые факторы их притяжения. Прослеживается тенденция перехода от гиперцентрализации к поляризации российского пространства иммиграции иностранных студентов. Снижается роль столичных центров (Москвы и Санкт-Петербурга), появляются другие мощные центры притяжения иностранных студентов (например, Казань [16]), увеличивается доля периферийных университетов. У иностранных абитуриентов появился более широкий спектр предложений от российских университетов по всем регионам России. В 2021 г. треть иностранных студентов обучалась в Центральном, 23 % в Приволжском, около 14 – в Северо-Западном, по 10 – в Сибирском и Южном, 7 – в Уральском, около 3 – в Северо-Кавказском и 2,5 % в Дальневосточном Федеральном округе. С 2016 по 2021 гг. в 55 субъектах России увеличивался удельный вес иностранных студентов [15].

На выбор места обучения влияют такие факторы, как теплый климат (важен для жителей большинства стран Азии и Африки), полиэтничность (по мнению респондентов, в регионах с высоким уровнем полиэтничности выше уровень этноконфессиональной толерантности). Имеются примеры влияния этнокультурных аспектов на выбор университета. Например, туркменские студенты быстро осваивают на бытовом уровне карачаевский язык, что позволяет им легче адаптироваться в принимающем сообществе.

Исследование структуры потока иностранных студентов в разных университетах подтверждает гипотезу о неравномерности распределения иностранных студентов по регионам России в зависимости от страны выбытия. По нашим данным, все высшие учебные заведения можно разделить на три основных типа по критерию привлечения иностранных студентов:

- столичные вузы с высокой степенью диверсификации обучения иностранных студентов, отличаются повышенной долей студентов из стран Европы и удаленных стран Азии дальнего зарубежья;
- крупные региональные (в том числе федеральные) университеты со средней степенью диверсификации обучения иностранных студентов, с преобладанием студентов из разных стран Центральной Азии;
- средние и мелкие региональные университеты, отличающиеся доминированием студентов из одной страны.

В последнее десятилетие в России расширяется география университетских центров, реализующих образовательные программы для иностранных студентов, что во многом связано с разнообразием основных и дополнительных образовательных программ, и уровней обучения, изучением спроса на рынках труда стран, отдающих мигрантов, и разработкой для них адекватных образовательных предложений.

Исследование выполнено при поддержке РНФ № 22-27-00186 «Иммиграция студенческой молодежи в Россию в условиях затяжного демографического кризиса: стратегии и модели адаптации и интеграции».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020085> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Федеральный закон от 02.07.2021 № 16-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107020085> (дата обращения: 13.01.2023).
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201205070020> (дата обращения: 09.01.2023).
4. О приоритетном проекте «Экспорт образования» // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/27864/#:~:text=%D0%> (дата обращения: 11.01.2023).
5. Федеральный проект «Россия – привлекательная для учебы и работы страна» // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/fed_proekt_rossiya_privlekatelnaya_dlya_ucheby_i_raboty_strana/ (дата обращения: 10.01.2023).
6. Фурса Е.В., Рогова Т.М. Международная учебная миграция: тенденции и особенности современного развития // Journal of Economic Regulation, 2012. Т. 3. № 3. С. 42-51.
7. Белов Ф.Д. Учебная миграция: факторы, влияющие на привлечение иностранных и возврат российских молодых ученых // Вестник Российского университета дружбы народов, 2020. Т. 28. № 1. С. 184-195. DOI 10.22363/2313-2329-2020-28-1-184-195
8. Митин Д.Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2010. № 3. С. 123-134.
9. Витковская М.И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН) // Вестник РУДН. Серия: Социология, 2004. №6-7
10. Белозеров В.С., Щитова Н.А., Соловьев И.А., Чихичин В.В. Адаптация иностранных студентов в университетах Северного Кавказа // Демографический и миграционный портрет Кавказа, 2019. Том 5. №2. С. 125-134.
11. Антонова Н.Л., Борзова А.Ю., Булатова Т.А. [и др.] Образовательная миграция. Школы, вузы, музеи России как агенты адаптации и интеграции: коллективная монография / Н.Л. Антонова, А.Ю. Борзова, Т.А. Булатова; под ред. Е.Ю. Кошелевой; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. Томск: Изд-во Томского университета, 2019. 248 с.
12. Хаджаев З.Ш. Образовательная иммиграция в Россию: сущность и проблемы адаптации // Миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития: сб. ст. М.: Изд-во Экон-Информ, 2019. С. 380-386.
13. Воробьева О.Д., Кулаков В.М., Мкртчян Н.В. Проблемы кадрового обеспечения и экспорт образовательных услуг в Российской Федерации // Проблемы прогнозирования. 2004. № 4. С. 109-124.
14. Леденева В.Ю. Международная образовательная миграция в России: потенциал и перспективы // Социология образования. 2014. № 3. С. 68-78.
15. Миграционный атлас Российской Федерации / С.В. Рязанцев, В.С. Белозеров, Н.А. Щитова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2022. 232 с.: ил.
16. Белозеров В.С., Щитова Н.А., Есикова В.О. Геоинформационный мониторинг и моделирование процессов иммиграции студентов в Россию // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное Обеспечение устойчивого развития территорий: материалы Междунар. конф. М: Географический факультет МГУ, 2022. Т. 28. Ч. 2. С. 19-33. DOI: 10.35595/2414-9179-2022-2-28-19-33

**Natalia A. Shchitova, Vitaly S. Belozеров,
Victoria O. Esikova, Nikolay V. Sопnev**
North Caucasus Federal University, Stavropol

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF DISTRIBUTION PROCESSES AND FOREIGN STUDENTS' CHOICE MOTIVATION OF A PLACE OF STUDY IN RUSSIA

Abstract. *The article discusses the current state and transformation of the educational immigration space in Russia, identifies the territorial features and trends of student immigration to Russia, factors in choosing education in Russia, and provides a typology of higher educational institutions according to the criterion of attracting foreign students. Among the countries that send young people to study in Russia, the countries of Central Asia - the former republics of the Soviet Union - dominate. There is a transition from hypercentralization to polarization of the Russian immigration space of foreign students, the role of metropolitan centers decreases, and other powerful centers of attraction for foreign students emerge.*

Keywords: *student migration, foreign students, student immigration.*

СЕКЦИЯ 2
ПРОБЛЕМНОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ СТРАНОВЕДЕНИЕ:
ПОДХОДЫ И ИДЕИ. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

УДК 330.15

Антюфеева Т.В., Есипова С.А.
*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск*

**МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

***Аннотация.** Рассматриваются аспекты регулирования трансграничного природопользования Российской Федерации с государствами-участниками Евразийского экономического союза. Проводится анализ международно-правового регулирования использования и охраны природных ресурсов между странами ЕАЭС – Договора об Евразийском экономическом союзе и двусторонних соглашений как источниках регулирования трансграничных природных ресурсов.*

***Ключевые слова:** трансграничное природопользование, Евразийский экономический союз.*

Основополагающие геополитические процессы в мире во второй половине XX – начале XXI века связаны с созданием региональных организаций для достижения различных целей. Создание Евразийского экономического союза (далее - ЕАЭС) 1 января 2015 г. стало необходимым для всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик государств-участников – Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Армения.

Исходя из особенностей географического положения государств-участников ЕАЭС, на приграничных территориях большинства из них возникают проблемы, связанные с регулированием трансграничного природопользования.

В рамках развития евразийской экономической интеграции еще в 2012 г. были намечены долгосрочные цели, направленные на охрану окружающей среды. Они включали, в том числе, совершенствование экологической политики, охрану и рациональное использование природно-ресурсного потенциала, согласование национального природоохранного законодательства с международными правовыми актами. В настоящее время созданы правовые основы для стратегического партнерства в сфере рационального природопользования стран-участниц ЕАЭС, но проблема правового регулирования трансграничного природопользования остается важной и нуждается в первоочередном решении.

Общетеоретической и методологической основой исследования послужили труды в сфере международного экологического права и регулирования трансграничного природопользования П.Я. Бакланова [1], Д.С. Боклан [2], Ю.И. Винокурова [3] и ряда других авторов.

Правовую основу исследования составили Договор об Евразийском экономическом союзе [4], двусторонние Соглашения между странами ЕАЭС в сфере трансграничного природопользования.

Функционирование систем трансграничного природопользования основано на наличии между государствами трансграничных (разделяемых) природных ресурсов: водных ресурсов, месторождений полезных ископаемых, ареалов мигрирующих животных и экосистем в целом.

У Российской Федерации и государствами ЕАЭС сложились особые отношения в сфере правового регулирования трансграничного природопользования. Это обусловлено факторами объективного характера, в том числе наличием и протяженностью общей границы, расположением на приграничных территориях особо ценных природных экосистем (объектов) и особо охраняемых природных территорий, наличием трансграничных водных объектов, распространением ареалов обитания ценных животных на трансграничных территориях и др.

Результаты исследования:

1. Аспекты трансграничного природопользования регулируются двух- и многосторонними договорами, и соглашениями (табл.). С точки зрения правового регулирования, в последние десятилетия возникла практика заключения рамочных договоров, определяющих общие принципы взаимоотношений государств в отношении трансграничных ресурсов; их конкретизация осуществляется путем принятия дополнительных протоколов по специальным вопросам сотрудничества или соглашений по конкретным природным объектам и ресурсам.

Некоторые международные соглашения Российской Федерации в сфере трансграничного природопользования и охраны окружающей среды с государствами-участниками Евразийского экономического союза

Стороны, подписавшие соглашение	Наименование соглашения	Дата подписания	Вид природного ресурса
Российская Федерация и Республика Беларусь	Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области охраны окружающей среды	05.07.1994	Пограничные экосистемы
	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь по охране и рациональному использованию трансграничных водных объектов	25.10.2002	Трансграничные реки: Неман, Днепр, Западная Двина
	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о создании трансграничной особо охраняемой природной территории «Заповедное Поозерье»	30.09.2017	Пограничные экосистемы (трансграничный биосферный резерват «Заповедное Поозерье»)
Российская Федерация и Республика Казахстан	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области охраны окружающей среды	22.12.2004	Пограничные экосистемы (трансграничный биосферный резерват «Большой Алтай»)
	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов	07.09.2010	Трансграничные реки: Большой Узень, Малый Узень, Иртыш, Урал, Тобол, Ишим, Волга (восточные части дельты)
	Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации по профилактике и тушению лесных и степных пожаров на приграничных территориях	02.06.2012	Пограничные лесные экосистемы
	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан по сохранению экосистемы бассейна трансграничной реки Урал	03.08.2017	Экосистемы бассейна трансграничной реки Урал

2. Договор о Евразийском экономическом союзе [4] закрепляет такие принципы как «экологическая политика», «гармонизация регулирования экологических аспектов», «снижение вредного воздействия транспорта на окружающую среду и здоровье человека» и др. Специальный раздел, регулирующий отношения между странами ЕАЭС по вопросам трансграничного природопользования, отсутствует.

3. Оценка степени взаимодействия Российской Федерации со странами ЕАЭС в сфере трансграничного природопользования свидетельствует о необходимости системного подхода в организации управления природными ресурсами. Несмотря на значительные успехи в решении ряда проблем в странах ЕАЭС, создание нового формата межгосударственного взаимодействия должно активизировать разработку интегрированных стратегий для достижения устойчивого природопользования на трансграничных территориях. Российская Федерация имеет наиболее высокую степень взаимодействия в сфере трансграничного природопользования и охраны окружающей среды с Республикой Казахстан (самая протяженная граница) и Республикой Беларусь, о чем свидетельствуют упомянутые межгосударственные соглашения.

В результате сотрудничества Российской Федерацией с приграничными государствами (Республика Беларусь, Республика Казахстан) были подготовлены и реализуется ряд соглашений, регулирующих вопросы в сфере природопользования и охраны окружающей среды на трансграничных территориях. Основными направлениями взаимодействия являются: создание трансграничных особо охраняемых природных территорий; сохранение лесных экосистем от трансграничных пожаров; управление трансграничными водными объектами.

Договор ЕАЭС не является прямым источником регулирования трансграничного природопользования в государствах-участниках Евразийского экономического союза. Одним из способов решения проблем природопользования и охраны окружающей среды на трансграничных территориях стран ЕАЭС является разработка в Договоре ЕАЭС специального раздела, отражающего данные аспекты взаимодействия стран-участников.

Монголия, в настоящее время, не является государством-участником ЕАЭС, но, в соответствии с Распоряжением Совета Евразийской Экономической комиссии от 11.09.2020 г. [5], сформирована совместная исследовательская группа по изучению целесообразности заключения соглашения о свободной торговле между странами ЕАЭС и Монголией. На повестке соглашения о трансграничном сотрудничестве по сохранению водных ресурсов.

Развитие международного сотрудничества между странами способствует решению проблем трансграничного природопользования, создает условия для устойчивого развития трансграничных территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакланов П.Я. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования / П.Я. Бакланов, С.С. Ганзей: Российская акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Тихоокеанский ин-т географии. Владивосток: Дальнаука, 2008. 215 с.

2. Боклан Д.С. Международно-правовой режим охраны разделяемых водных ресурсов в контексте Евразийской экономической интеграции / Д.С. Боклан // Правозащитник. 2015. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/articles/200498879>

3. Винокуров Ю.И. Институциональное партнерство в трансграничном бассейне реки Иртыш / Б.А. Красноярова, Г.Я. Барышников, О.Н. Барышникова, Т.В. Антюфеева, С.Н. Шарабарина // Известия Алтайского краевого отделения Русского географического общества. 2018, № 1 (48), С. 17-23 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnoe-partnerstvo-v-transgranichnom-bassejne-reki-irtysh/viewer>

4. Договор об Евразийском экономическом союзе, г. Астана, 29.05.2014 г. (ред. от 24.03.2022 г.) // Справочно-информационная система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855

5. О формировании совместной исследовательской группы по изучению вопроса о целесообразности заключения соглашения о свободной торговле с Монголией // Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 11.09.2022 г., г. Минск [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429094/err_25092020

Tatiana V. Antyufeeva, Svetlana A. Esipova
Yugra State University, Khanty-Mansiysk

MECHANISMS OF REGULATION OF TRANSBOUNDARY ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. *The aspects of regulation of cross-border environmental management of the Russian Federation with the member states of the Eurasian Economic Union are considered. The analysis of the international legal regulation of the use and protection of natural resources between the EAEU countries is carried out - the Treaty on the Eurasian Economic Union and bilateral agreements as sources of regulation of transboundary natural resources.*

Keywords: *cross-border environmental management, Eurasian Economic Union.*

УДК 911.3:33

Бадина С.В.
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва;
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, г. Москва

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЩЕРБА ОТ ДЕГРАДАЦИИ МНОГОЛЕТНЕЙ МЕРЗЛОТЫ В ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЕ ПЕЧОРСКОГО И КАРСКОГО МОРЕЙ

Аннотация. *В статье предложен подход и дана количественная оценка вероятного экономического ущерба от деградации многолетней мерзлоты в прибрежных зонах Печорского и Карского морей. Учитывались два параметра: разрушение и деформация зданий и сооружений с учетом перспективных инвестиционных проектов; исчезновение значительной площади прибрежных земель в результате термоабразионных процессов.*

Ключевые слова: *Российская Арктика, Печоро-Карский регион, геокриологические риски, термоабразия, экономический ущерб, основные фонды, прибрежная зона.*

Согласно современным научным прогнозам [1], глобальное изменение климата приведет к деградации многолетней мерзлоты с последующими массовыми деформациями и разрушением основных фондов на значительной части Российской Арктики ко второй половине XXI века. При этом в контексте грядущих трансформаций береговая зона требует особо пристального внимания, так как основная часть хозяйственной деятельности в пределах криолитозоны Арктической зоны Российской Федерации сосредоточена в пределах относительно узкой полосы прибрежных земель. Во многом это обусловлено приоритетной воз-

возможностью обеспечения транспортной доступности посредством морского транспорта в столь сложных природно-климатических условиях. С другой стороны, именно прибрежные зоны Печорского и Карского морей являются наиболее экономически освоенными в пределах рассматриваемой территории.

Целью настоящего исследования является оценка двух основных видов экономического ущерба от деградации многолетней мерзлоты, характерных для прибрежной зоны Печорского и Карского морей:

1 – разрушение и деформация зданий и сооружений с учетом перспективных инвестиционных проектов;

2 – исчезновение значительной площади прибрежных земель в результате термоабразионных процессов.

В настоящее время отсутствуют достоверные и исчерпывающие сведения о стоимости зданий и сооружений, находящихся в зоне риска, а также о стоимости земельных участков. Соответственно, для решения поставленных задач были разработаны собственные методики этих стоимостных параметров для дальнейшей оценки вероятного экономического ущерба.

В целях преодоления проблемы отсутствия информации ряд исследователей использует данные о кадастровой стоимости земельных участков (например, [2]). Однако показатель кадастровой стоимости имеет ряд существенных недостатков для решения задач прогнозирования материальных ущербов от природных и/или техногенных опасностей. Во-первых, кадастровая стоимость в большинстве случаев имеет существенные расхождения с рыночной стоимостью (как правило, в сторону заниженных значений), особенно на береговых участках, где отсутствует активное хозяйственное освоение. Кроме того, кадастровые стоимости рассчитываются с периодичностью одного раза в несколько лет, что является не менее существенным лимитирующим фактором, определяющим наличие значительных несоответствий между кадастровыми стоимостями участков различных территорий в контексте реализации возможности их привязки к текущему уровню цен.

Как показали предшествующие исследования автора (например, [3]), количественные оценки методом соотношения кадастровой и рыночной стоимостей нецелесообразно производить для различных регионов и муниципальных образований, принимая во внимание существующие межрегиональные различия в подходах к оценке кадастровой стоимости. Наконец, для наименее хозяйственно развитых береговых зон, например, морей арктического бассейна, характерны значительные пробелы в информации – не произведена процедура межевания участков, соответственно, кадастровую стоимость можно оценить лишь, основываясь на аналогии с другими, схожими по характеристикам учтенными участками. Другая сложность подсчета – сопоставление участков, на которых отсутствуют и присутствуют объекты недвижимости и другие виды основных фондов, обладающих собственными рыночными стоимостями. Все это предполагает необходимость разработки унифицированного кадастра морских берегов России, включающего в себя, в том числе, значения стоимостных оценок земельных участков береговой зоны.

На основе общедоступной информации и дополнительных авторских расчетов в рамках данного исследования была составлена база данных кадастровых стоимостей земельных участков и строений, расположенных в береговой зоне рассматриваемой территории. Интеграция этих данных в прогноз отступления береговой линии до 2050 г. (по данным [4]) позволила оценить величину вероятного экономического ущерба для различных участков побережья. Установлено, что при сценарии умеренного потепления минимальный прямой ущерб от потери площади суши до 2050 г. составит около 48 млн долларов для побережья Печорского моря и 57 млн долларов для побережья Карского моря (в ценах 2022 г.).

Проведенные на основании ранее разработанных и апробированных авторских методик (например, [5]) расчеты показали, что в муниципальных образованиях Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов, имеющих выход к морю, максимальный ущерб зданиям и сооружениям вследствие деградации многолетней мерзлоты к 2050 г. может превысить 50 млрд долларов. Однако при этом возникает весьма сложный и дискуссионный вопрос о значимости проблемы фактической потери существенной площади территории Российской Федерации – насколько корректно оценивать этот риск, апеллируя к традиционным стоимостным показателям ущерба?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-17-00097 «Опасные экзогенные процессы и техногенез на берегах и шельфе Печорского и Карского морей»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации / под ред. В.М. Катцова / Е.М. Акентьева, О.А. Анисимов, М.Ю. Бардин и др. Росгидромет. Санкт-Петербург: Научные технологии СПб, 2022. 676 с.

2. Хаванский А.Д., Хорошев О.А., Меринова Ю.Ю. Оценка материального ущерба от проявления абразионных и оползневых процессов в муниципальных образованиях береговой зоны Азовского моря // Наука юга России. 2021 Т. 17(2). С. 74-82.

3. Badina S.V., Pankratov A.A. The value of buildings and structures for permafrost damage prediction: The case of eastern Russian Arctic. *Geography, Environment, Sustainability*. 2021. Vol. 14, no. 4. P. 83-92.

4. Огородов С.А. и др. Атлас абразионной и ледово-эскарпационной опасности прибрежно-шельфовой зоны Российской Арктики. Электронное издание. Версия 12.2020. Москва: НИЛ геоэкологии Севера географического ф-та МГУ, 2020. 69 с.

5. Badina S.V. Estimation of the value of buildings and structures in the context of permafrost degradation: The case of the Russian Arctic. *Polar Science*. 2021. Vol. 29. P. 100730.

Svetlana V. Badina

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow;

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

ASSESSMENT OF ECONOMIC DAMAGE FROM PERMAFROST DEGRADATION IN THE COASTAL ZONE OF THE PECHORA AND KARA SEAS

Abstract. *The article proposes an approach and gives a quantitative assessment of the probable economic damage from permafrost degradation in the coastal zones of the Pechora and Kara Seas. Two parameters were taken into account: destruction and deformation of buildings and structures, taking into account promising investment projects; the disappearance of a significant area of coastal lands as a result of thermal abrasion processes.*

Keywords: *Russian Arctic, Pechora-Kara region, permafrost-thawing risk, thermal abrasion, economic damage, fixed assets, coastal zone.*

УДК 910.1

Балина Т.А., Николаев Р.С., Чекменева Л.Ю., Чижова Л.О.

Пермский государственный национальный

исследовательский университет, г. Пермь

ДИНАМИКА И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ ОРГАНОВ ДЫХАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Аннотация. *Рассматривается современное состояние и территориальные различия заболеваемости населения России болезнями органов дыхания, в том числе туберкулезом, являющихся индикаторами качества жизни населения. На фоне резкого роста заболеваемости, вызванного COVID-19, повысился показатель смертности от болезней легких. Показано, что при общей тенденции снижения показателей заболеваемости туберкулезом, проблема сохраняется в ряде регионов Урала, Восточной Сибири и Дальнего Востока.*

Ключевые слова: *медицинская география, заболеваемость населения, туберкулез, COVID-19, регионы России.*

Заболеваемость населения традиционно рассматривается географами как важная составляющая его качества жизни, от которого зависят здоровье нации, возможность вести здоровый образ жизни на всех ступенях жизненного цикла, ожидаемая продолжительность жизни, производительность труда, социальный и трудовой капитал региона [1, с. 491]. Географы комплексно исследуют особенности размещения и пространственно-временные изменения системы здравоохранения, выявляют территориальные диспропорции и проблемы развития, оценивают доступность и эффективность функционирования. Медицинская география имеет богатый теоретико-методологический опыт изучения системы здравоохранения и уровня заболеваемости населения [2; 3 и др.], всесторонне рассматривая влияние заболеваемости (в том числе COVID-19) на социально-демографические и экономические процессы в регионах страны [4; 5; 6 и др.].

Среди многих групп заболеваний именно болезни легких оказались в фокусе внимания географов, поскольку показатели значительно выросли и имеют яркие территориальные различия в регионах России (рис. 1).

На данном графике представлена неутешительная динамика заболеваемости, обусловленная природно-климатическими факторами, особенностями системы расселения, показателями уровня и качества жизни населения и последствиями пандемии.

Среди легочных заболеваний острой проблемой остается высокая заболеваемость туберкулезом, который отражает физическое и социальное здоровье населения и имеет значительные территориальные различия [6]. При общей тенденции снижения заболеваемости населения нашей страны туберкулезом в последние десятилетия и «переносе центра внимания» исследователей на изучение распространения COVID-19 и его последствий, данная проблема не потеряла своей актуальности (рис. 2).

Анализ взаимосвязей числа умерших от болезней лёгких и заболеваемостью активным туберкулёзом позволил выделить несколько групп субъектов РФ. Первая группа регионов включает, во-первых, регионы с высокой заболеваемостью туберкулезом и относительно низкой смертностью (Чукотка и Тыва); во-

вторых, субъекты с повышенной заболеваемостью туберкулёзом и относительно низкой смертностью (Пермский край, Свердловская, Курганская, Тюменская и Омская области, а также Республика Калмыкия). Среди них регионы с суровым климатом и сложными условиями труда, в других отмечается низкий уровень жизни населения, а в некоторых, негативную роль сыграла высокая концентрация учреждений пенитенциарной системы.

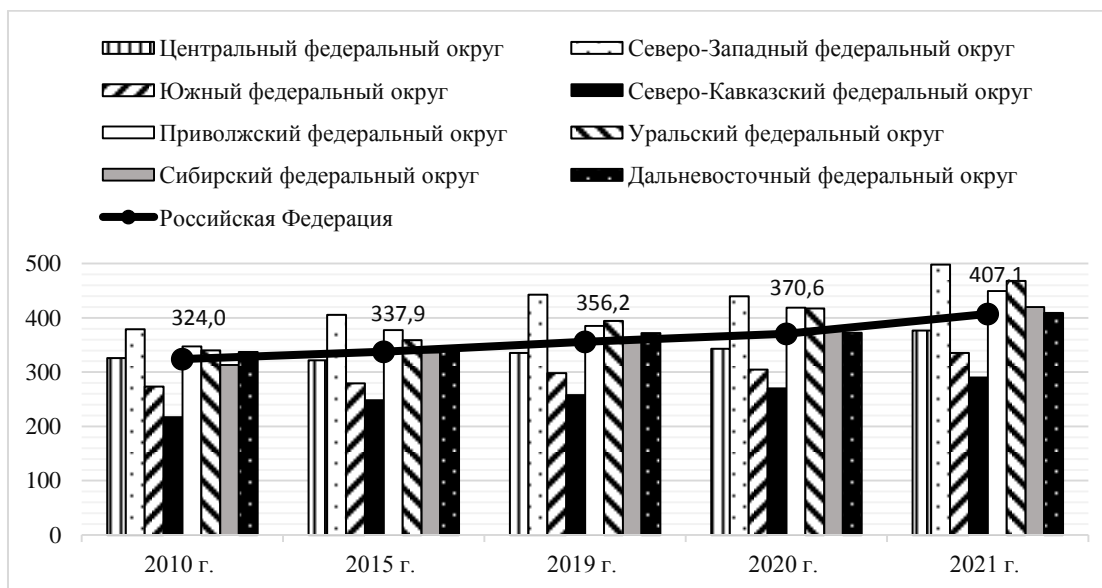

Рис. 1. Динамика заболеваемости органов дыхания по федеральным округам России (сост. по [7])

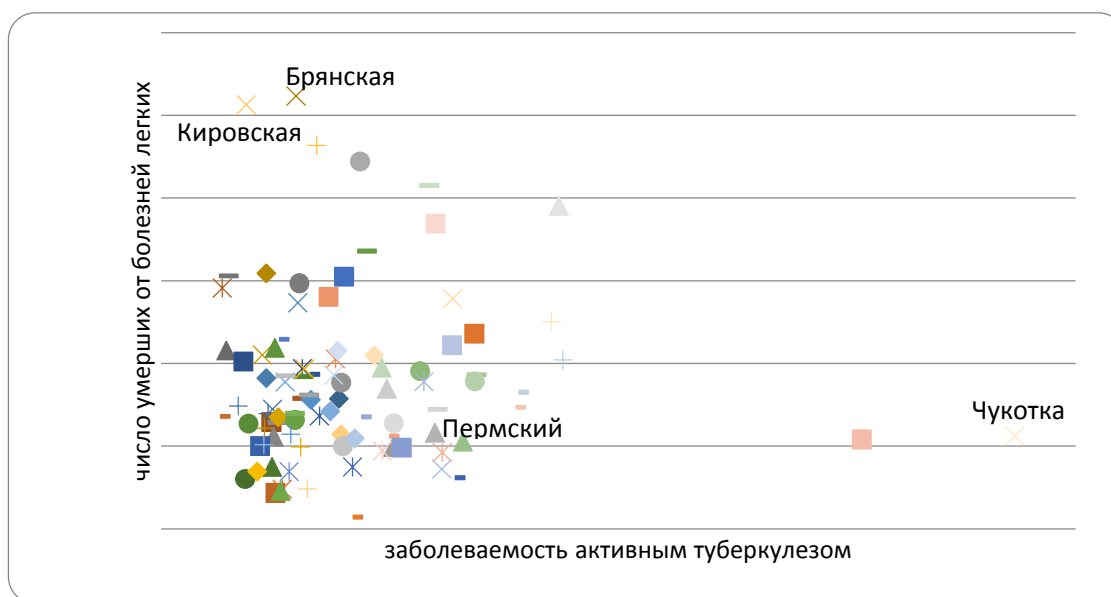

Рис. 2. Взаимосвязь показателей смертности от болезней лёгких и показателей заболеваемости туберкулёзом (сост. по [7])

Вторая группа включила наиболее проблемные регионы по соотношению общей заболеваемости и смертности органов дыхания и заболеваемости туберкулёзом. Это в основном регионы южных частей Сибири и Дальнего Востока, где выделяется подгруппа с повышенной заболеваемостью туберкулёзом и повышенной смертностью (Красноярский, Алтайский, Хабаровский и Приморский края, Оренбургская, Астраханская, Новосибирская, Кемеровская и Иркутская области) и подгруппа, где смертность высокая (Амурская и Сахалинская области, Еврейская АО, республики Башкортостан и Марий-Эл).

Третья группа регионов отличается, во-первых, относительно низкой заболеваемостью туберкулёзом и высокой смертностью (Брянская и Кировская области) и, во-вторых, относительно низкими показателями заболеваемости туберкулёзом и повышенной смертностью (Псковская, Смоленская, Курская, Рязанская, Костромская области, республики Чувашия, Северная Осетия и Крым). В этих регионах значительный вклад в рост показателей смертности внесла заболеваемость COVID-19; это преимущественно плотно заселенные регионы Центральной России с высокой долей пожилых людей, низкими доходами и проблемами в развитии системы здравоохранения.

В отдельную группу включены восточные регионы страны с низкой заболеваемостью туберкулёзом и повышенной смертностью (республики Хакасия и Бурятия, Томская и Магаданская области), а также центральные регионы (Тверская, Владимирская, Тульская, Ярославская, Белгородская, Липецкая и Новгородская области, Республика Мордовия).

Относительно благоприятная ситуация с низкими показателями заболеваемости туберкулёзом и смертности сложилась в Москве, Московской области, некоторых субъектах Поволжья и Северного Кавказа, где отмечаются наиболее высокий уровень социально-экономического развития и жизни населения, современная система здравоохранения, благоприятные природно-климатические условия.

Следует отметить, что за последнее время заболеваемость туберкулезом значительно снизилась, однако существенные территориальные различия болезни, представленные в табл., свидетельствуют о диспропорциях качества жизни населения и требуют глубоких географических исследований.

Таблица

**Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом
активного туберкулеза на 100 тыс. населения (сост. по [7])**

Регионы с низкими показателями	2005	2021	Регионы с высокими показателями	2005	2021
Белгородская область	84,0	11,4	Республика Тыва	249,6	122,6
Костромская область	49,4	11,8	Кемеровская обл.	157,3	70,3
Рязанская область	79,7	10,7	Приморский край	165,4	68,3
Вологодская область	51,0	10,4	Еврейская авт. обл.	158,8	69,6
Ненецкий авт. округ	50,0	13,5	Чукотский авт. окр.	77,1	149,4

При средних по России показателях 84,0 (2005 г.) и 31,1 случаев (2021 г.) видны значительные различия между центральными и восточными регионами по заболеваемости туберкулезом, что определяется как природными, так и социально-экономическими факторами: неблагоприятные климатические условия, сложные условия труда (занятость в добывающих отраслях), очаговый и мелкодисперсный тип расселения, затрудняющий функционирование системы здравоохранения, наличие пенитенциарной системы с высоким риском заболеваемости среди контингента и низкий уровень жизни населения. В качестве заключения необходимо подчеркнуть не только важность профилактики и своевременной диагностики заболеваемости туберкулезом, но и информирование населения о мерах его предотвращения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Столбов В.А., Шарьгин М.Д. Региональный капитал. Пермь, 2016. 528 с.
2. Субботина Т. В. Медико-географическая ситуация региона: понятие, оценка, оптимизация (на примере Пермского края) // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2022. Т. 32. № 3. С. 284-293.
3. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Статистический метод в медико-географических исследованиях // Географический вестник. 2013. № 1 (24). С. 18-25.
4. Чекушева Л. Ю. Территориальный анализ и диагностика геодемографической ситуации Пермского края: дис. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2010. 215 с.
5. Коньшев Е.В. Региональные особенности воздействия COVID-19 на туристско-рекреационное пространство России // Географический вестник. 2021. № 3 (58). С. 153-168.
6. Балина Т.А., Морсковатых Н.И. Туберкулез как индикатор качества жизни населения: географический аспект изучения // Географический вестник. 2013. № 4 (27). С. 9-16.
7. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/emiss> (дата обращения 25.01.2022).

**Tatiana A. Balina, Roman S. Nikolaev,
Larisa Yu. Chekmeneva, Lia O. Chizhova**
Perm State National Research University, Perm

DYNAMICS AND TERRITORIAL DIFFERENCES IN RESPIRATORY ORGANS MORBIDITY IN RUSSIA

Abstract. *The current state and territorial differences in the incidence of respiratory diseases among the population of Russia are considered, including tuberculosis, which are indicators of the quality of life of the population, is presented. Against the background of a sharp increase in the incidence caused by COVID-19, the death rate from lung diseases has increased. It is shown that with the general trend of decreasing tuberculosis incidence rates, the problem persists in a number of regions of the Urals, Eastern Siberia and the Far East.*

Keywords: *medical geography, population morbidity, tuberculosis, COVID-19, regions of Russia.*

Барина В.А.^{1,2}, Земцов С.П.¹¹*Институт прикладных экономических исследований,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва;*²*Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара,
г. Москва*

ОЦЕНКА ДИНАМИКИ И ФАКТОРОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

***Аннотация.** Экологическая эффективность региональных экономик определяется нами как отношение выпуска несырьевых товаров и услуг к затратам ресурсов и экологическим издержкам. Устойчивое развитие предполагает одновременный рост подушевого ВРП и экологической эффективности. В среднем региональная экологическая эффективность росла в России с 2003 г., кроме ряда северных и сибирских регионов. Экологическая эффективность росла быстрее в регионах с высокой долей наукоемких сервисов и инвестиционной привлекательностью.*

***Ключевые слова:** региональное развитие, устойчивое развитие, регионы России, экологические проблемы.*

В условиях санкционного давления резко повышаются риски экономической, социальной и экологической устойчивости регионов России. Глобальные экологические инициативы воспринимаются как потенциальное ограничение экономического роста, как угроза снижению экспорта сырья. Но в рамках парадигмы устойчивого развития рост экономики и уровня жизни возможен за счет более равномерного распределения и повышения эффективности использования ресурсов (труда, капитала, сырья), что, в свою очередь, будет сопровождаться снижением экологических издержек. Кризисные явления, слабое технологическое развитие, рост неравенства, вызванные изъянами сырьевой модели роста [1], а также снижение спроса на российские энергоносители повышают актуальность исследований возможностей устойчивого развития в России [2].

За последние двадцать лет в России наблюдался экстенсивный сырьевой рост экономики, основанный на расширении производства ресурсов и эксплуатации природных богатств в ключевых центрах добычи нефти и газа. В нашей работе, в соответствии с парадигмой устойчивого развития, экологическая эффективность – это способность экономических агентов региона увеличивать несырьевой выпуск при минимизации используемых ресурсов (труда, капитала, сырья) и уровня загрязнения окружающей среды. Одновременный рост подушевого ВРП и экологической эффективности рассматривается в статье как реализация модели устойчивого регионального развития.

В исследовании оценивается экологическая эффективность регионов России и определяются факторы ее динамики в 1998-2017 гг. Предложена авторская методика оценки экологической эффективности с использованием оболочечного анализа данных (DEA), выявлены лучшие практики регионов, реализовавших модель устойчивого развития, и факторы их реализации.

Используемый нами метод – оболочечный анализ данных, или анализа среды функционирования (от англ. data envelopment analysis, DEA), учитывает сочетание многих переменных. Регионы сравниваются между собой по соотношению результатов их деятельности с использованными ими ресурсами (выпуск к затратам) [3]. Для оценки затрат ресурсов использованы:

- труд (численность рабочей силы, млн чел.);
- капитал (стоимость основных фондов в постоянных ценах, млрд руб.);
- природные ресурсы – потребление электроэнергии (млн кВт/ч), потребление воды (млн м³);
- добавленная стоимость по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» в постоянных ценах (млрд руб.);
- экологические издержки (выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, тыс. тонн);
- выпуск, полученный путем извлечения природной ренты.

Для оценки результатов устойчивой экономической деятельности в регионе мы используем косвенный индикатор выпуска несырьевых товаров и услуг – валовый региональный продукт (ВРП) в постоянных ценах за вычетом деятельности по добыче полезных ископаемых и федеральных трансфертов, млрд руб.

Тенденции в разных регионах существенно различаются [4; 5]: более высокий ВРП сопутствует большому объему выбросов (рис. 1). Но в соответствии с зависимостью, обозначенной как кривая Кузнец

(пунктирная линия), крупные агломерации с высокими доходами населения и высокой долей услуг в экономике имеют пониженные значения выбросов. В то же время Красноярский край, Кемеровская, Оренбургская, Свердловская, Иркутская области, удаленные регионы со средним ВРП на душу населения, сохранившие энергоемкие производства, наоборот, показывают больший объем выбросов. При этом, у регионов выделяются различные траектории роста и падения выбросов в зависимости от роста экономики (выделено окружностями на графике).

На рисунке 1 непрерывной ломаной линией показана граница минимального объема выбросов при заданном подушевом ВРП. Согласно методу DEA, все регионы получают оценку от 0 до 1 по мере приближения к указанной границе. Эффективные регионы с оценкой 1 лежат на самой границе и демонстрируют лучшие практики. Наименее эффективные регионы получили оценку, близкую к нулю.

Проведя оценку экологической эффективности, мы определили несколько регионов-лидеров: Москва, Санкт-Петербург, Ярославская, Свердловская области и др. Повышение эффективности среднего российского региона до уровня лидеров при сохранении значений ВРП, основных фондов и рабочей силы потребовало бы уменьшения затрат воды, электроэнергии и выбросов на 56 %, а объема добычи полезных ископаемых – на 96 %.

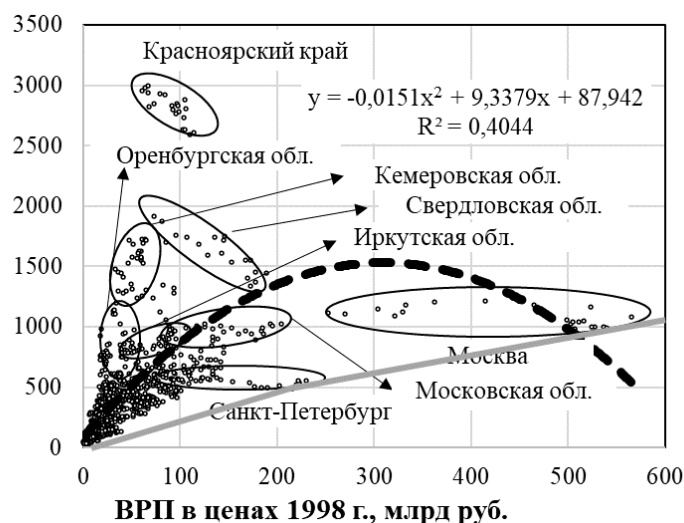

Рис. 1. ВРП в ценах 1998 г., млрд руб. (горизонтальная ось, переменная x), и выбросы в атмосферу в регионах России, млн т (вертикальная ось, переменная y), за 1998-2014 гг. Источник: на основе данных Росстата

Пространственный анализ (рис. 2) показывает, что более экологически эффективны регионы с крупными агломерациями и относительно диверсифицированной экономикой. Эффективны и отдельные регионы с высокой долей сельского хозяйства и бюджетного сектора. Низкая экологическая эффективность наблюдалась в регионах с высокой долей низкотехнологичной промышленности и соответственно с высокими удельными объемами выбросов и потребления энергии.

Сравнив динамику экологической эффективности среднего российского региона⁷ и динамику экономического роста (прирост ВВП на душу населения или ВРП на душу населения для регионов), можно выделить четыре модели регионального развития в России (рис. 3):

- устойчивое (I) – рост экономики и экологической эффективности;
- экстенсивное (II) – рост экономики, но снижение экологической эффективности;
- депрессивное (III) – падение подушевого ВВП (ВРП), сочетающееся с ростом экологической эффективности в кризисные 2009 и 2014 гг.;
- экологическая деградация (IV) – сокращение экономики при снижении экологической эффективности в кризисный 2015 г.

Для выявления и оценки влияния описанных выше факторов на динамику экологической эффективности регионов нами построено несколько многофакторных моделей. Результаты эконометрических оценок подтвердили выявленные закономерности. Подтверждено, что постиндустриальные регионы с высоким подушевым ВРП и аграрные регионы с низкой производительностью и выбросами загрязняющих веществ были более экологически эффективны даже с учетом множества иных факторов. В регионах с высокой плотностью населения экологическая эффективность выше и росла благодаря проявлению агломерационных эффектов [6].

⁷ Взяты средние арифметические значения первичных переменных для регионов России.

Оценка экологической эффективности регионов России по методике АСФ (в среднем за 2015-2017 гг.)

■ >0,9 ■ 0,55-0,9 ■ <0,55 □ Нет данных

▨ Положительная динамика экологической эффективности (среднее значения 2015-2017 / средние значения 2000-2002)

1 - Алтайский кр.; 2 - Амурская; 3 - Архангельская; 4 - Астраханская; 5 - Белгородская; 6 - Брянская; 7 - Владимирская; 8 - Волгоградская; 9 - Вологодская; 10 - Воронежская обл.; 11 - г. Москва; 12 - г. Санкт-Петербург; 13 - Еврейская авт. обл.; 14 - Забайкальский кр.; 15 - Ивановская; 16 - Иркутская; 17 - Калининградская; 18 - Калужская; 19 - Камчатский кр.; 20 - Кемеровская; 21 - Кировская; 22 - Костромская; 23 - Краснодарский кр.; 24 - Красноярский кр.; 25 - Курганская; 26 - Курская; 27 - Ленинградская; 28 - Липецкая; 29 - Магаданская; 30 - Мурманская; 31 - Мурманская обл.; 32 - Ненецкий АО; 33 - Нижегородская; 34 - Новгородская; 35 - Новосибирская; 36 - Омская; 37 - Оренбургская; 38 - Орловская обл.; 39 - Пензенская обл.; 40 - Пермский кр.; 41 - Приморский кр.; 42 - Псковская обл.; 43 - Адыгя; 44 - Алтай; 45 - Башкортостан; 46 - Бурятия; 47 - Дагестан; 48 - Ингушетия; 49 - Кабардино-Балкарсия; 50 - Калмыкия; 51 - Карачаево-Черкессия; 52 - Карелия; 53 - Коми; 54 - Марий Эл; 55 - Мордовия; 56 - Саха; 57 - Северная Осетия; 58 - Татарстан; 59 - Чья; 60 - Удмуртия; 61 - Хакасия; 62 - Чечня; 63 - Чувашия; 64 - Ростовская; 65 - Рязанская; 66 - Самарская; 67 - Саратовская; 68 - Сахалинская; 69 - Свердловская обл.; 70 - Смоленская обл.; 71 - Ставропольский кр.; 72 - Тамбовская; 73 - Тверская; 74 - Томская; 75 - Тульская; 76 - Тюменская обл.; 77 - Ульяновская обл.; 78 - Хабаровский кр.; 79 - Ханты-Мансийский АО; 80 - Челябинская обл.; 81 - Чукотский АО; 82 - Ямало-Ненецкий АО; 83 - Ярославская обл.

Рис. 2. Оценка и динамика экологической эффективности регионов России. Штриховкой отмечены субъекты федерации, развивавшиеся преимущественно по модели устойчивого развития.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Примечание: АСФ – анализ среды функционирования, оболочечный анализ данных (от англ. DEA).

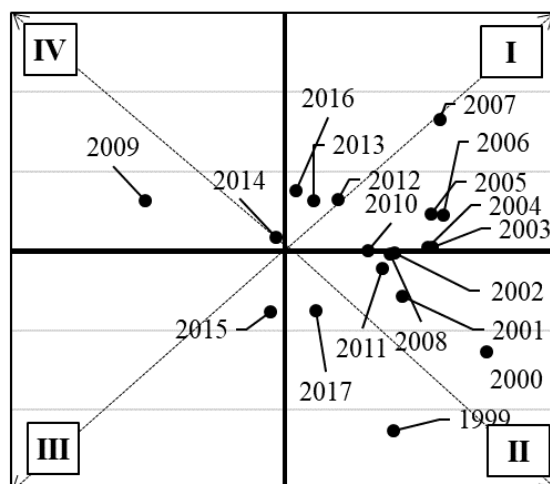

Рис. 3. Прирост ВВП на душу населения в России (горизонтальная ось) и прирост экологической эффективности среднего региона России (вертикальная ось) в 1998-2017 гг., %

Источник: на основе данных Росстата.

Примечание: методика впервые предложено в работах В.Р. Битюковой [4; 5].

Полученные результаты и выводы могут применяться при выработке рекомендаций в части локализации целей устойчивого развития в разных типах регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Идрисов Г.И., Мау В.А., Божечкова А.В. В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5-23.
- Барина В.А., Земцов С.П. Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. Т. 101. № 1. С. 23-46.
- Yureskul E., Akhremenko A. State Efficiency in Public Sector Production: Combining DEA and Mathematical Simulation. NRU Higher School of Economics. WP14/2015/01. 2015.
- Битюкова В.Р. Экологическая ситуация в регионах России в 2016 г.: рейтинговый метод оценки // Экология и промышленность России. 2017. Т. 21. № 12. С. 4-11.
- Битюкова В.Р. Экономико-географическая оценка экологических последствий трансформации территориально-отраслевой структуры хозяйства в России в 1990-2012 гг. М.: МГУ, 2014.
- Krugman P. Development, Geography and Economic Theory. Cambridge, MA: MIT Press, 1997.

THE ASSESSMENT OF THE ECOLOGICAL EFFICIENCY DYNAMICS AND FACTORS AS A CHARACTERISTIC OF A SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN REGIONS

Abstract. *The ecological efficiency of regional economies is defined by us as the ratio of the output of non-commodity goods and services to resource costs and environmental costs. Sustainable development involves correlating the growth of per capita GRP and environmental efficiency. The eco-efficiency of an average Russian region has been growing since 2003. Using econometric calculations, we have established it grew faster in densely populated areas with a high share of high-tech services, investment attractiveness, and intensive technology implementation; it decreased in most northern and Siberian regions.*

Keywords: *Regional Development, Sustainable Development, Russian Regions, Environmental issues.*

УДК 332.2; 528.92

Бешенцев А.Н.¹, Базаров К.Ю.², Батомункуев В.С.¹, Рыгзынов Т.Ш.¹

¹Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ;

²Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
г. Владивосток

ГЕОИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Аннотация. *В статье представлен опыт создания ГИС для оценки и цифровой визуализации социально-экономических процессов юго-восточной территории Большой Евразии, включающей Азиатскую часть России, Монголию и Китай. Исследуемая территория рассмотрена как территориальная социально-экономическая система. Представлен пример организации многолетних статистических данных в ГИС посредством цифровых картографических покрытий и описан функционал и назначение подсистем ГИС.*

Ключевые слова: *социально-экономические процессы, многолетние статистические данные, ГИС, цифровая визуализация.*

Термин «Большая Евразия» был введен в геополитическую лексику российским президентом В.В. Путиным в 2016 г. на Санкт-Петербургском экономическом форуме по поводу необходимости интеграции проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Стратегическим направлением развития Большой Евразии является активизация социально-экономического сотрудничества на постсоветском пространстве, с Китаем и странами СНГ, а также укрепление связей с другими азиатскими государствами [1]. Одним из значимых факторов социально-экономического развития восточных регионов России является приграничное положение с Китаем и Монголией.

В современных условиях цифровизации экономик евразийских государств эффективное развитие Большой Евразии зависит от степени информационного взаимодействия соседствующих стран в целом, и приграничных хозяйствующих субъектов в частности, при котором складываются новые формы сотрудничества и взаимоотношений, характеризующиеся интеграцией пользователей, ресурсов, технологий, инфраструктуры и национальных интересов. Важным информационным сегментом такого соседства являются единые геоинформационные ресурсы, сервисы и геопорталы. Таким образом, создание межгосударственной системы геоинформационного мониторинга социально-экономических процессов на территории азиатской части России (АЧР), Монголии и Китая (ГИС) является актуальной научно-исследовательской задачей, решение которой станет технологической основой успешного информационного межгосударственного взаимодействия и позволит оперативно реагировать на изменения социально-экономических условий в этой части Большой Евразии.

На основании системного подхода заявленная территория рассматривается как территориальная социально-экономическая система (ТСЭС), под которой понимается участок географического пространства, характеризующийся однородными социально-экономическими показателями, наличием центра управления, взаимодействием с остальными частями системы и являющийся частью системы более высокого порядка [2].

Для цифровой визуализации планово-высотных параметров земной поверхности и оценки происходящих социально-экономических процессов создана ГИС ТСЭС, проблемно ориентированная на сбор,

локализацию и цифровую визуализацию социально-экономических данных. Основной задачей ГИС является мониторинг пространственно-временного развития ТСЭС и создание актуальной и достоверной информации для органов территориального управления и планирования с целью поддержки позитивных и ослабления негативных тенденций в экономике и социальной сфере.

ГИС состоит из четырёх подсистем. *Измерительная подсистема* содержит геодезические, геохимические и геофизические приборы, предназначенные как для полевой регистрации геосвойств, так и для камеральной обработки геоданных. Наличие дифференциальной станции глобального позиционирования и беспилотного летательного аппарата обеспечивает надёжное измерение параметров геообъектов и высокую точность топографической основы исследований. Кроме того, важным источником пространственно-временных метрических данных является массив современных спутниковых материалов.

Основу *информационной подсистемы* ГИС составляют разновременные цифровые покрытия, аэрокосмическая, статистическая, литературная информация и фотографические материалы. Все пространственные и тематические геоданные локализованы на топографической основе трёх масштабных уровней: региональный – 1:1000000 (лицензионная топографическая основа ArcGIS); локальный – 1:200000 (Роскартография); местный – 1:100000 (Роскартография). Топографическая основа включает объекты: геодезическая основа, гидрография, рельеф, населённые пункты, дорожная сеть, растительность, грунты.

Тематический фонд ГИС представляет собой совокупность информационных массивов многолетних статистических данных России, Монголии и Китая, сгруппированных в три картографических покрытия «Население», «Экономика» и «Сельское хозяйство». Основные принципы включения статистических показателей в систему – доступность, комплексность, простота для понимания, использование относительных величин взамен абсолютных. Для целей международного сравнения и пересчета показателей по регионам трех стран были использованы статистические данные международных организаций – показатели Международного валютного фонда [3] и Всемирного банка [4]. Ввиду большого объема обрабатываемой статистической информации и нехватки таких показателей для каждого из рассматриваемых регионов использовались обобщенные показатели в целом по странам. В информационной среде все показатели описаны в метрических, количественных и качественных величинах, удобны для измерения и анализа, что дает возможность оперативно обновлять и интегрировать исходные данные. Система показателей является информационной мерой социально-экономической ситуации исследуемой территории, что обеспечивает их использование в качестве источников прогнозного моделирования. Например, цифровое покрытие «Население» состоит из векторного слоя государственных и административных границ и таблицы атрибутов, включающей 21 показатель (рис.).

Атрибуты	
1.	Численность населения
2.	Численность городского населения
3.	Численность сельского населения
4.	Рождаемость
5.	Смертность
6.	Естественный прирост
7.	Общий прирост
8.	Число мужчин
9.	Число женщин
10.	Число детей
11.	Трудоспособное население
12.	Старше трудоспособного населения
13.	Число занятого населения
14.	Среднемесячная заработная плата
15.	Число зарегистрированных безработных
16.	Уровень зарегистрированной безработицы
17.	Среднемесячный доход на душу населения
18.	Ожидаемая продолжительность жизни
19.	Доля городского населения в
20.	Общий коэффициент безработицы
21.	Абсолютный прирост населения

Рис. Пример организации данных в ГИС

Единая система классификации и кодирования показателей и объектов разработана на основе классификатора Роскартографии для цифровых топографических карт. Она предназначена для систематизированного представления информации о географических объектах. Главной функциональной задачей этой системы является однозначная идентификация каждого моделируемого объекта и его атрибута, обеспечивающая возможность эффективного поиска необходимых данных в информационном массиве. В целом,

информационная подсистема решает задачи накопления, структурирования, хранения и обновления первичной пространственно-временной информации на электронных носителях.

Технологическая подсистема состоит из технических и программных средств (ArcGIS), необходимых для компьютерной оценки социально-экономических объектов и процессов. Она обеспечивает надежное функционирование всех операций ГИС по сбору, хранению, обработке, визуализации и геопространственному анализу разновременных социально-экономических данных. ГИС обеспечивает возможность как интерактивной работы пользователя в режиме запроса, так и малотиражную печать информации в любом виде.

Аналитическую подсистему представляют методика геоинформационного картографирования и аналитические алгоритмы программной среды. Для интерактивной работы с тематическими векторными слоями ГИС разработана система геоинформационных запросов. Аналитическая подсистема решает задачи обработки и анализа геоданных и получения новой геоинформации.

Представленная ГИС территориальной социально-экономической системы АЧР, Монголии и Китая является программно-управляемым комплексом непрерывного геоинформационного мониторинга и цифровой визуализации социально-экономических данных и обеспечивает оптимизацию межгосударственных управленческих решений на территории Большой Евразии.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция «Большой Евразии» в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. 2018. № 3, Т. 13. С. 33-50.
2. Морозова Н.И. Развитие территориальных социально-экономических систем и его оценка по критерию качества жизни населения: дис. ... д-ра экон. наук. Волгоград, 2012. 406 с.
3. База данных Всемирного Банка. [Электронный ресурс]. URL: <http://databank.worldbank.org/>
4. Международный валютный фонд. [Электронный ресурс]. URL: www.imf.org

Andrey N. Beshentsev¹, Kirill Y. Bazarov², Valentin S. Batomunkuev¹, Tumun Sh. Rygzynov¹

¹Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude;

²Pacific Institute of Geography FEB RAS, Vladivostok

GEOINFORMATION SUPPORT OF BIG EURASIA

Abstract. *The article presents the experience of creating GIS for the assessment and digital visualization of socio-economic processes in the south-eastern territory of Greater Eurasia, including the Asian part of Russia, Mongolia and China. The studied territory is considered as a territorial socio-economic system. An example of the organization of long-term statistical data in GIS by means of digital cartographic coatings is presented and the functionality and purpose of GIS subsystems are described.*

Keywords: *socio-economic processes, long-term statistical data, GIS, digital visualization.*

УДК 639.123:59.009

Бочарников В.Н.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,

г. Владивосток

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО В ПРИМОРСКОМ КРАЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БИОТЕХНИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ И ТЕСНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СЕЛЬСКИМ И ЛЕСНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Аннотация. *Приморский край – горная страна, хребты и их составляющие, вулканические плато, приречные террасы и увалы занимают до 80 % территории. Около 1/5 территории края приходится на низменные межгорные впадины и долины рек. К охотничьим угодьям в Приморском крае отнесено 11,8 млн га или 71,9 % территории. На одного охотника приходится в среднем 667 га охотничьих угодий. На примере модельного участка, составляющего около 10 % территории края, расположенного в Юго-Восточном Сихотэ-Алине, рассматривается современный формат ведения охотничьего хозяйства.*

Ключевые слова: *охота, охотничьи угодья, биотехния, копытные, охрана природы, охотничье хозяйство, Приморский край, Сихотэ-Алинь.*

В официальной стратегии развития Приморского края улучшение текущего состояния экономики края, как и ее ресурсный потенциал связывают с четырьмя основными направлениями развития: горнодо-

бывающей промышленности; агропромышленного, лесопромышленного и рекреационно-туристского комплексов. Но на рассматриваемой нами территории Приморского края правовым основанием к ведению охотничьего хозяйства является «Схема размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории Приморского края (территориальное охотустройство), утверждена постановлением Губернатора Приморского края от 24.12.2020 г. № 187-пг. «Охота» как понятие, относящееся к хозяйственной деятельности, лишь косвенно упоминается в ФЗ «О сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятого 24 июля 2009 г.

Наш анализ показал, что ресурсы богатой в охотничьем отношении территории Приморья используются малоэффективно, и, несмотря на то, что данные по численности, представляемые охотпользователями не показывают резкого падения (за исключением кабана), плотность населения копытных животных, наиболее важных в охотничьем отношении, далеко не достигает оптимальных значений. Заметим, что в отличие от советского времени российскими законодателями и уполномоченными государственными органами как основной был введен термин «охотничьи ресурсы», понимаемые как природные запасы, которые используются по желанию (по прихоти), без специальной необходимости, за исключением немногочисленных представителей коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни. Как научная задача мной был сформулирован запрос, что следует сделать для повышения эффективности охотничьего хозяйства?

Хорошо известно, что основой природоохранных мероприятий является непосредственная охрана угодий, всех видов животных, обитающих на территории, особенно мест их зимовки и концентрации, редких, исчезающих и нуждающихся в особой охране. Для этого проводятся регулярные патрульные рейды с привлечением местных охотников и сотрудников органов охраны общественного порядка.

К охотничьей инфраструктуре относятся объекты, предназначенные для осуществления видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства, в том числе охотничьи базы, егерские кордоны, питомники диких животных, вольеры.

Мной были проведены полевые исследования на модельной территории Приморского края, которая состоит из 4-х муниципальных образований Приморского края: Лазовский муниципальный округ, Партизанский муниципальный район, Находкинский и Партизанский городские округа. Общая протяженность составляет: с севера на юг – 131,6 км, а с запада на восток – 164,2 км. В пределах рассматриваемой территории, в настоящее время размещено 21 закрепленное охотничье хозяйство, имеются общедоступные охотничьи угодья (ОДУ), суммарной площадью 1,05 млн га (рис.).

Было подтверждено, что каждый «хозяин» охотничьих угодий стремится обеспечить максимальный контроль прежде всего за «прикормленными местами», т.е. теми районами, которые находятся под их контролем.

Установлено, что для привлечения диких животных заготавливается сено ранних укосов в период цветения основных (фоновых) видов трав. Звери особенно хорошо поедают сено из клевера, люцерны, тимофеевки, злакового разнотравья. Нередко в этой связи используются договоренности по созданию высококормовых угодий с местными фермерами, работниками лесного хозяйства. Копытные животные и зайцы, питаясь растительной пищей, в которой преобладает калий, испытывают большой недостаток в натрии. Компенсировать его животные пытаются путем посещения естественных и искусственных солонцов.

Подкормка способствует решению следующих задач:

- спасение животных от бескормицы в трудные периоды года, когда естественных кормов мало или они труднодоступны;
- привлечение дичи в определенные участки угодий, где легче обеспечить их охрану, вольный выпас, отлов или добывание;
- предотвращение потрав сельскохозяйственных посевов или лесных культур;
- удержание птиц и зверей от кочевок;
- учет на подкормке;
- поддержание в угодьях оптимальной численности дичи;
- изъятие или отлов животных для различных целей (на подходах к сооружениям);
- лечение диких животных лекарствами, микроэлементами и т.п.;
- стимулирование численности видов-жертв для редких и исчезающих животных.

К мероприятиям, улучшающим кормовую базу, относятся следующие: а) посадка и посев кормовых растений; б) выкладка кормов; в) минеральная подкормка животных; г) мероприятия, направленные на увеличение численности видов-жертв; д) обустройство мест кормления; е) устройство искусственных водоемов; ж) оставление на лесосеках порубочных остатков; з) подрубка деревьев и кустарников; и) остав-

ление на полях кулис кормовых культур; к) облегчение доступа диким животным к кормам, в том числе естественным, при глубоком снежье.

Рис. География охотничьего хозяйства и маршрут полевых обследований в модельном районе Приморского края

Добыча охотничьих ресурсов, в отношении которых не утверждается лимит добычи охотничьих ресурсов, осуществляется в соответствии с нормативами и нормами в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов (приказ Минприроды РФ от 30.04.2010 г. № 138 «Об утверждении нормативов допустимого изъятия охотничьих ресурсов и нормативов численности охотничьих ресурсов в охотничьих угодьях»). Здесь отметим, что, во-первых, квота добычи охотничьих ресурсов в отношении каждого закрепленного охотничьего угодья определяется в соответствии с заявками, представленными юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, заключившими охотхозяйственные соглашения.

Во-вторых, в отношении специфики охотничьих угодий констатируем, что лесопокрытая площадь превышает 80 % территории. Тем не менее, за многие годы лесопользования значительно пострадали от рубок и пожаров темнохвойные елово-пихтовые леса, сохранившие свой первозданный вид на весьма ограниченных труднодоступных участках горных хребтов. Почти повсеместно их сменили леса производные, обедненные, пониженной или вовсе утраченной долей хвойных пород, сниженными защитными функциями, низким лесосырьевым значением. Широкое распространение вторичных лесов с молодняками густым подлеском и подростом способствует развитию высокопродуктивного охотничьего хозяйства с возможностью организации спортивной охоты на копытных, а также гарантированного наблюдения за животными без отстрела.

Основные проблемы развития охотничьего хозяйства Приморского края по мнению государственных контролирующих органов заключаются в том, что имеются:

- географические и социально-экономические препятствия в освоении охотничьих ресурсов региона – отдаленность от центра России, дорожная инфраструктура, наличие квалифицированных кадров;
- низкая товарная стоимость охотхозяйственной продукции и услуг, отсутствие развитой инфраструктуры в охотничьих хозяйствах;
- малочисленность штата государственной службы охотничьего надзора и слабое материально-техническое обеспечение государственных охотничьих инспекторов;
- пробелы в нормативной базе;
- несовершенство организационно-методического обеспечения ведения государственного учета, кадастра и мониторинга охотничьих ресурсов;
- слабая финансовая база для интенсификации использования охотничьих ресурсов и их воспроизводства.

Благодарности. Выражаю свое признание за помощь при сборе зам. министра А.Л. Суворову и инспектору Е.А. Гребенникову, сотрудникам отделов Министерства лесного хозяйства и контроля объектов животного мира Приморского края, коллегам – к.б.н. П.В Баранову и Т.К. Музыченко.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22-17-00186 «Потенциал приморских поселений для долгосрочного устойчивого развития: содержание и методы оценки на примере Тихоокеанской России».

HUNTING IN PRIMORSKY KRAI: THE RELEVANCE OF THE IMPLEMENTATION OF BIOTECHNICAL MEASURES AND CLOSE COOPERATION WITH AGRICULTURE AND FORESTRY

Abstract. Primorsky Krai is a mountainous country, ridges and their components, volcanic plateaus, riverine terraces and hummocks occupy up to 80% of the territory. About one fifth of the territory of the region falls on low-lying intermountain depressions and river valleys. Hunting grounds in Primorsky Krai include 11.8 million hectares or 71.9% of the territory. There are an average of 667 hectares of hunting grounds per hunter. On the example of a model plot, which makes up about 10% of the territory of the region, located in the South-Eastern Sikhote-Alin, the modern format of hunting management is considered.

Keywords: hunting, hunting grounds, biotech, ungulates, nature conservation, hunting, Primorsky Krai, Sikhote-Alin.

UDK 339.92

Wang Juanle

State Key Laboratory of Resources and Environmental Information System, Institute of Geographic Sciences and Natural Resources Research, Chinese Academy of Sciences, Beijing 100101, China

CHINA – MONGOLIA – RUSSIA ECONOMIC CORRIDOR COLLABORATIVE INNOVATION PLATFORM AND DEMONSTRATION APPLICATIONS

Abstract. China-Mongolia-Russia Economic Corridor has a complex and diverse natural geography and is a zone of dramatic response to global climate change, which faces ecological and disaster problems such as freeze-thaw disasters, desertification, dust storms, grassland degradation, drought and wildfires in its development process. The solution to this problem requires the joint collaboration of Chinese, Russian and Mongolian scientists. The China-Mongolia-Russia Economic Corridor Collaborative Innovation Platform can provide data integration, sharing, mining, analysis and other scientific research information environment for transnational cooperation between China, Mongolia and Russia. In the data sharing level, a large number of metadata of ecological and environmental models have been integrated to achieve the exchange and sharing of data, literature and information, etc., and the thematic knowledge applications on land cover change along the China-Mongolia Railway and land degradation on the Mongolian Plateau have been successfully released online. As for data analysis, we have built a cloud computing test environment for the data sharing and collaborative innovation platform of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor, supporting multiple programming languages such as Python and R with Jupyter Lab as the environment carrier. The platform has built-in software libraries for scientific computing, geospatial visualisation and geographic information reading, and supports multi-user remote collaborative computing. This presentation will also share the application demonstrations of our research team in the China-Mongolia-Russia Economic Corridor around desertification assessment, grass production calculation, dust storm monitoring, and land degradation driver analysis.

Keywords: Belt and Road; China-Mongolia-Russia Economic Corridor; ecological environment; green development; collaborative innovation; network platform.

Ван Хуанле

Государственная ключевая лаборатория системы информации о ресурсах и окружающей среде, Институт географических наук и исследования природных ресурсов, Китайская академия наук, Пекин 100101, Китай

КИТАЙ – МОНГОЛИЯ – РОССИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР СОВМЕСТНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА И ДЕМОСТРАЦИОННЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

УДК 911.3:32

Галустов К.А.

*Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург;
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОКУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ИНДИКАТОР ВОЗДЕЙСТВИЯ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аннотация. В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать роль и влияние городского режима на трансформацию городского пространства в Санкт-Петербурге. Согласно теории Кларенса Стоуна,

городские режимы представляют собой систему взаимодействий власти, бизнеса и общества для управления городской средой. Вместе с тем, мы полагаем, что индикатором изменений этих процессов являются городские конфликты, связанные с экологией и охраной культурного наследия. Поэтому именно на них сфокусировано основное внимание в статье. На основе исследуемой автором базы экологических и экокультурных конфликтов составлены пространственно-временные модели динамики городского режима и её воздействия на трансформацию городского пространства.

Ключевые слова: *городские режимы, городские политические режимы, трансформация городского пространства, экологические конфликты, экокультурные конфликты.*

Пространство Санкт-Петербурга традиционно притягивает к себе интерес общества, инвесторов, туристов, здесь реализуются крупные инвестиционные проекты и проводятся спортивные мероприятия. Здесь разбиваются набережные и ведётся реновация депрессивных территорий. Здесь же возникают совершенно типичные для быстро растущего города проблемы, связанные со способностью города принять рост в любых его формах.

С развитием институтов бизнеса, гражданского общества и в условиях реформирования политической системы интересы основных акторов городского развития – власти, бизнеса и общества, также быстро меняются [1; 2]. Это часто ведёт к тому, что между акторами возникают серьёзные конфликты, которые изменяют характер трансформации городского пространства. Как отмечал Анри Лефевр, все акторы в той или иной мере борются за право производства пространства и его изменения в своих интересах [3].

Закономерности и эффективность взаимодействий основных городских акторов (носителей особых интересов), анализирует так называемая «теория» городских режимов Кларенса Стоуна [4; 5]. Именно её мы выбрали в качестве основной теоретической рамки, так как она максимально полно объединяет в себе пересекающиеся интересы акторов в городском пространстве [5; 6]. Существует три основных типа городских режимов (по К. Стоуну): статус-кво, режим «роста» и прогрессивный режим среднего класса. При статус-кво акторы максимально заинтересованы в сохранении баланса и не вносят никаких идей по изменению городского пространства. Для режима роста характерен компромисс интересов власти и крупного строительного бизнеса вокруг задачи быстрого экономического роста в городе. Прогрессивный режим «среднего класса» возникает на экономически развитых территориях, где общество начинает всерьёз противостоять издержкам, возникающим на ниве идей «роста» [7; 8].

По итогам нашего анализа можно сказать, что экологические и экокультурные конфликты являются индикаторами динамики городского режима. В этой связи важно также добавить, что конфликты в центральной и полупериферийной части города, в основном, имеют экокультурный характер, тогда как на периферии – экологический. В зависимости от результатов конфликта на территории возникают или не появляются новые проекты развития и редевелопмента.

С помощью применения модели «центр-периферия» и её проецирования на городское пространство мы определили местоположение как важнейший фактор, который отражает локальную трансформацию городского режима. Различия в местоположении конфликтов оказывают значительное влияние на общественное отношение к ним, что в дальнейшем усложняет структуру использования городского пространства [9]. Количество конфликтов в центре и прилегающей к нему полупериферии заметно концентрированное, чем на периферии. Наиболее значимыми для горожан становятся конфликты, которые тяготеют к центру города, к зоне культурного наследия [10; 11]. Именно на этой территории наблюдается наибольшая продолжительность конфликта в среднем, максимальная концентрация промежуточных решений конфликтов и компромиссов [12]. Во многом объекты культурного наследия притягивают внимание более значительных слоёв городской общественности, чем на периферии.

На наш взгляд, наблюдаемые явления действительно отражают изменение городского режима, влияние общества в результатах конфликтов значительно растёт. Общее количество побед общественности и уступок со стороны власти и бизнеса может говорить о кризисе обоснованного в литературе режима «машины роста» и становлении нового режима, переходного к прогрессивному. Такую ситуацию можно было бы охарактеризовать как «переходный режим тактической (ситуативной) координации» власти с бизнесом и обществом вокруг использования городского пространства. Эта ситуация в перспективе может привести к полному транзиту режима роста в прогрессивный режим среднего класса.

Рост коллективной мобилизации горожан, активно включающихся в процессы противостояния нежелательному городскому развитию, начинается именно на локальном уровне [13; 14; 15]. Горожане, несмотря на трудности доступа к процессам принятия решений, тем не менее, начинают вмешиваться и участвовать, иногда вопреки желанию коалиций роста – власти и бизнеса [16]. Несправедливое с точки зрения общества вмешательство в локальную городскую среду в конечном счёте оказывает влияние на коллективную мобилизацию населения [17], а значит и на изменение городского режима в целом.

Следует отметить, что воздействие городского режима не подчиняется строгим административно-территориальным закономерностям протекания. Однако, в нескольких центральных и восточных районах Санкт-Петербурга сложилась ситуация, максимально похожая по форме на сложившийся прогрессивный режим среднего класса. Несмотря на критическое количество конфликтов в центре города, столкновения акторов вокруг использования городского пространства становятся всё сильнее за пределами историко-культурного ядра города, в районах значительной уплотнительной застройки советского и нового времени.

Также важно подчеркнуть, что повышение внимания к конфликту тесно связано с ростом числа публикаций в медиа, количеством информационных поводов, связанных с конфликтом. В ходе первичного анализа мы приходим к выводу о том, что конфликты, вызывающие крупный общественный резонанс, имеют существенно больше шансов завершиться в пользу общества. Разрозненная позиция власти и бизнеса значительно увеличивает вероятность победы общественности.

В этой связи мы полагаем, что в 2010-е годы в Петербурге складывается особый переходный режим ситуативной (тактической) координации акторов с переходом от режима роста к прогрессивному режиму среднего класса. Он предопределяется слабой, но всё же усиливающейся ролью городских сообществ, крупным масштабом города, сложной экономической моделью и критическим количеством объектов культурного наследия.

В городском пространстве Санкт-Петербурга также появились такие новые трансформационные особенности как расширение конфликтных зон взаимодействия акторов от центра (Центральный, Петроградский районы) к восточной полупериферии и периферии Санкт-Петербурга (Калининский, Красногвардейский, Невский районы).

Таким образом, столкновения акторов вокруг использования городского пространства становятся всё острее за пределами историко-культурного ядра города, в районах низкой мобильности населения и значительной уплотнительной застройки. Происходит увеличение числа общественных пространств в городе по отношению к коммерческим и административным пространствам.

Также, благодаря изменению городского режима, в Петербурге было сохранено значительное количество зелёных зон, объектов культурного наследия. В целом, можно отметить, что все перечисленные процессы и явления имеют сложную, мозаичную пространственную структуру и не подчиняются однозначным административно-территориальным закономерностям.

Исследования в области городского развития являются быстро развивающимся направлением в географических и социальных науках. С точки зрения практических перспектив исследования мы полагаем, что результаты данного исследования позволяют внести вклад в снижение конфликтности пространства Санкт-Петербурга, гармонизацию отношений разных акторов, достижение социальной сплочённости, что влияет на решение проблем в различных сферах городской жизни. Всё это в совокупности позволяет улучшать планирование решений по развитию городского пространства. Данное исследование может быть использовано как рекомендательный материал для органов власти, представителей бизнеса, урбанистов, политиков, географов, социологов, экономистов, других представителей научного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Dowding K. Explaining urban regimes // Intern. j. of urban and regional research. Oxford, Cambridge, 2001. Vol. 25, No 1. P. 7-19.
2. Dowding K., Dunleavy P., King D., Rydin Y. Regime Politics in London Local Government // Urban affairs rev. Chicago, 1999. Vol. 34. No 4. P. 515-545.
3. Lefebvre H. La production de l'espace (перевод с фр. С.А. Эфирова. Социологическое обозрение. Том 2, № 3, 2002.
4. Ледаев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // Политическая наука. 2008. № 3. С. 32-60.
5. Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988 // Lawrence. 1989. 328 p.
6. Саматарёва К.А. Методология исследования городского политического режима // Политическая концептология. 2017 г. № 4. С. 252-256.
7. Elkin S. City and Regime in the American Republic // Chicago, 1987. 227 p.
8. Fainstein S. City Builders: Property, Politics and Planning in New York and London. Oxford, 1994. 312 p.
9. Hillier B. and Hanson J. The Social Logic of Space. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
10. Галустов К.А. Пространственно-временные модели влияния экологического и экокультурного протеста на использование городского пространства на примере Ленинграда-Санкт-Петербурга // Вестник СПбГУ. Серия 7. География. География. 2016. № 3. С. 163-176.
11. Чернышева Л.А., Хохлова А.М. Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // Журнал исследований социальной политики, 2021. Т. 19. №. 2. С. 223-238.
12. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «Машин роста» в борьбе за городское пространство // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241-253.

13. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города. О. Хархордин (ред.) От общественного к публичному. СПб: Изд-во ЕУСПб, 2011. С. 71-304.

14. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. С. 299-305.

15. Aidukaite J., Fröhlich C. Struggle over public space: grassroots movements in Moscow and Vilnius. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2015. № 35 (7/8). P. 565-580.

16. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2019. № 22 (1). С. 162-184.

17. Закирова М. «Вот здесь видно все!»: самопрезентация городского общественного движения // *Журнал исследований социальной политики*. 2008. № 2. С. 217-240.

Kirill A. Galustov

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg;

St. Petersburg State University, Saint Petersburg

ECOLOGICAL AND ECOCULTURAL CONFLICTS AS INDICATOR OF THE IMPACT ON THE TRANSFORMATION OF THE URBAN SPACE OF SAINT PETERSBURG

Abstract. *This study analyses the role and impact of the urban regime on the urban spatial transformation of Saint Petersburg. According to the theory of Clarence Stone, urban regime is a system of interactions between government, business and society to manage the urban environment. At the same time, there is a proposition that urban conflicts related to the environment and the protection of cultural heritage could be indicator of the urban regime impact. Therefore, it is the main focus in the article. On the basis of the database of ecological and ecocultural conflicts, spatio-temporal models of the urban regime and its impact on the transformation of urban space are compiled.*

Keywords: *urban regimes, urban political regimes, transformation of the urban space, ecological conflicts, ecocultural conflicts.*

УДК 911.3:33

Закиров И.В., Саттарова Г.А.

*Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа*

ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье приведены исторические аспекты развития понятия «устойчивое развитие». Подчеркивается вклад географии в разработку концепции устойчивого развития, проведен литературный обзор публикаций. Выделены общественно-географические основы концепции устойчивого развития.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, концепция устойчивого развития, общественная география.*

Устойчивое развитие (sustainable development) предполагает такое развитие экономики, общества и технологий, при котором улучшение качества жизни человека сопровождается усилением внимания к проблемам негативного антропогенного воздействия на природную среду, справедливого распределения экономических благ, социального равенства и т.д.

Сам термин «sustainable development» довольно широко стал использоваться в зарубежных странах в 1980-х годах в связи с разработкой Всемирной стратегии охраны природы. Данный документ представил Международный союз охраны природы, и в нем были отражены цели и задачи Программы ООН по окружающей среде, Всемирного фонда дикой природы, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и ЮНЕСКО. В результате были объединены различные направления развития человечества на глобальном уровне.

В 1987 г. в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (доклад Брундтланд) была озвучена мысль, что возможно начало новой эры экономического роста только при реализации политики оптимального использования в расширении базы природных ресурсов, а развитие человечества должно отвечать потребностям ныне живущих людей, не лишая будущие поколения удовлетворять свои потребности. Авторы доклада обратили особое внимание на глобальные проблемы народонаселения и людских ресурсов, продовольственной безопасности, утраты видов живой природы и генетических ресурсов, энергетики, промышленности и урбанизации. Решение данных проблем возможно лишь на основе международного сотрудничества и институциональных реформ на уровне стран мира. Отдельное внимание уделено раскрытию концепции «устойчивого развития». Концепция устойчивого

развития предполагает определенные ограничения в сфере использования природных ресурсов в зависимости от уровня технико-технологического развития общества и от ассимиляционной способности биосферы. Усилия должны быть направлены на снижение негативного воздействия на природную среду и усовершенствование используемых технологий. Для обеспечения устойчивого и долговременного развития необходимо удовлетворить элементарные потребности всех людей и всем предоставить возможность реализовать свои надежды на более благополучную жизнь [1].

Через пять лет, в 1992 г., в Рио-де-Жанейро состоялась конференция ООН по окружающей среде и развитию, на котором была принята «Повестка на XXI век» и определены принципы устойчивого развития глобального общества. Данные двадцать семь принципов касаются различных аспектов устойчивого развития. В «Повестке дня на XXI век» прописаны необходимость международного сотрудничества в целях ускорения устойчивого развития в развивающихся странах и соответствующей национальной политики, сохранения и рационального использования ресурсов в целях развития, укрепления роли основных групп населения. Именно после этой конференции в национальное право некоторых стран были внедрены идеи и цели концепции устойчивого развития.

В 2000 г. резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН принята «Декларация тысячелетия», в которой определены фундаментальные ценности для международных отношений (свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе, общая обязанность). Особое внимание уделено вопросам мира, безопасности и разоружения, искоренению нищеты, охране окружающей среды, правам человека и демократии, защите уязвимых, удовлетворению особых потребностей Африки, укреплению Организации Объединенных Наций [2].

В 2015 г. принята Резолюция ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», определившая новые цели глобального устойчивого развития, касающиеся различных аспектов деятельности человечества [3]. При этом границы понятия устойчивого развития расширились, что привело к некоторому «размыванию» его содержания. С другой стороны, представленные семнадцать целей в области устойчивого развития (ЦУР) направлены на решение конкретных проблем мирового сообщества, связанных с нищетой, голодом, доступностью медицинских и образовательных услуг, состоянием экосистем, климатическими изменениями и т.д. Хотя данные цели разработаны для воплощения в жизнь на глобальном (мировом) уровне, их реализация возможна только на уровне стран и отдельных их территорий.

Главная цель устойчивого развития любой территории заключается в создании условий для достижения благополучия населения путем формирования саморазвивающейся социо-эколого-экономической территориальной системы; в сохранении и приумножении их культурного наследия; в обеспечении воспроизводства и долговременного использования природных ресурсов для сельского хозяйства, местной промышленности, ремесел, промыслов, туризма и других сфер хозяйственной деятельности. Как видно из формулировки цели, ее составляющие входят в предмет исследования общественной географии.

Устойчивое развитие территорий предполагает сбережение природного, поддержку демографического, расширение экономического и сохранение историко-культурного потенциала. Представленные цели устойчивого развития охватывают разные аспекты общественной жизни. Задачи, поставленные перед мировым сообществом, призваны указать пути достижения ЦУР. Каждая задача имеет свои индикаторы (показатели), по которым можно оценить степень реализации поставленных задач.

Проблема устойчивого развития планеты носит междисциплинарный характер. Но исследования географов играют важную роль в создании основ концепции «устойчивого развития». Например, на это указывал А.Г. Исаченко (1995): «... Именно география сохранила целостный взгляд на окружающий мир и осталась единственной наукой, способной наиболее широко и всесторонне охватить проблемы взаимодействия человека и природы» [4, с. 6]. «Без решения географических задач невозможно создать концепцию экологически безопасной стратегии устойчивого развития», – считает В.М. Котляков [5, с. 11].

По мнению В.П. Максакковского, стратегия выживания человечества «... потребовала такого фундаментального научного обоснования, что, видимо, не будет ошибкой сказать и о складывающейся теории устойчивого развития» [6, с. 101]. По его мнению, большой вклад в создание такой теории внесли географы и экологи В.М. Котляков [7], Н.Ф. Глазовский [8], Н.Ф. Реймерс [9], К.С. Лосев [10], С.Б. Лавров и Г.В. Сдасюк [11], А.Я. Ретеев [12] и др. Также необходимо отметить работы в области устойчивого развития географов Н.С. Касимова, Ю.Л. Мазурова, В.С. Тикунова, Д.А. Цапука и др. [13; 14; 15; 16].

Важное место в обосновании концепции устойчивого развития отводится общественной географии. Помимо экологических проблем в широкий круг вопросов устойчивого развития входят территориальные особенности экономического развития и роста, пространственная дифференциация социальной обеспеченности населения мира. Без эффективного ответа на демографические вызовы невозможен переход к

устойчивому развитию: необходимо решить проблемы демографического взрыва в одних, старения населения – в других регионах Земли. Повышение среднедушевых доходов и здоровья населения, устранение голода, нищеты также имеют территориальные различия и являются первоочередными глобальными задачами человечества, решение которых будет способствовать устойчивому развитию. В настоящее время становится очевидным, что устойчивое развитие планеты невозможно без разрешения геополитических и политико-географических конфликтов.

Таким образом, устойчивое развитие территорий является целенаправленным процессом долговременного (непрекращающегося) развития с сохранением этой способности в будущем, с качественным и справедливым градиентом развития в экологической, экономической и социальной сферах жизнедеятельности. Сбережение природно-ресурсного потенциала, использование экологически безопасных технологий, производство экологически безопасной продукции составляют основу экологического направления устойчивого развития. С экономической точки зрения, важно обеспечить устойчивость и эффективность воспроизводственных процессов, стремиться к финансовой самодостаточности территорий, привлекать инвестиции и развивать конкурентные преимущества. Социальные аспекты устойчивого развития территорий связаны с обеспечением повышения качества жизни через возможность пользоваться широким спектром услуг, инфраструктурную благоустроенность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): пер. с англ. / под ред. С.А. Евтеева и Р.А. Перелета [Электронный ресурс]. URL: <http://устойчивоеразвитие.рф/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf> (дата обращения: 15.12.2022).
2. Мамедов Н.М. Концепция устойчивого развития: глобальное видение и российская действительность // Эко-позис: экогуманитарные теория и практика. 2021. Т. 2, № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: 17.12.2022).
3. Цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 01.12.2022).
4. Исаченко А.Г. Экологическая география в связи с проблемой интеграции географических наук // Русское географическое общество: сборник научных трудов. СПб.: РГО, 1995. С. 3-23.
5. Котляков В.М. Современность географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2011. № 6. С. 4-12.
6. Максаковский В.П. Географическая культура: учеб. пособ. М.: Владос, 1998. 416 с.
7. Котляков В.М., Тишков А.А. Стратегические ресурсы и условия устойчивого развития Российской Федерации и ее регионов. М.: Ин-т географии РАН, 2014. 166 с.
8. Глазовский Н.Ф. Современные подходы к оценке устойчивости биосферы и развитие человечества // Почвы, биогеохимические циклы и биосфера. М., 2004.
9. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М.: Россия молодая, 1992. 365 с.
10. Danilov-Danil'yan V.I., Losev K.S., Reyf I.E. Sustainable Development and the Limitation of Growth: Future Prospects for World Civilization. London: Springer / Praxis London, Chichester, 2009. 262 p.
11. Лавров С.Б., Сдасюк Г.В. Этот контрастный мир. Географические аспекты некоторых глобальных проблем. М.: Мысль, 1985. 208 с.
12. Ретеюм А.Я. Мониторинг развития. М.: Хорион, 2004. 160 с.
13. Касимов Н.С., Мазуров Ю.Л., Тикунов В.С. Феномен концепции устойчивого развития и его восприятие в России // Вестник РАН. 2004. № 1. С. 28-36.
14. Касимов Н.С., Глазовский Н.Ф., Мазуров Ю.Л., Тикунов В.С. География и образование для устойчивого развития // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2005. № 1. С. 38-49.
15. Касимов Н.С., Мазуров Ю.Л. Концепция устойчивого развития и ее производные: студенческий дискурс. М.; Смоленск: Универсум, 2007. 192 с.
16. Тикунов В.С., Цапук Д.А. Устойчивое развитие территорий: картографо-геоинформационное обеспечение. М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 176 с.

Ilnur V. Zakirov, Gulnara A. Sattarova
Ufa University of Science and Technology, Ufa

SOCIAL AND GEOGRAPHICAL ASPECTS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. *The article represents the historical aspects evolution of «the concept of sustainable development». The contribution of Geography to the development of the concept of sustainable development is emphasized, a literary review of publications is carried out. The socio-geographical foundations of the concept of sustainable development are highlighted.*

Keywords: *sustainable development, the concept sustainable development, social geography.*

Ковалев Ю.Ю.¹, Полуэктова Е.А.²¹Институт географии РАН,
г. Москва²Кардымовская средняя школа
имени Героя Советского Союза С.Н. Решетова,
пгт Кардымово, Смоленская область

ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА МОНГОЛИИ

Аннотация. В статье рассматривается политика Монголии по достижению целей Парижского соглашения. Показана уязвимость природы и экономики страны к климатическим изменениям. Определены позиции страны в производстве ПГ и пути экологической трансформации ее хозяйства. Сделан вывод, что глобальное изменение климата представляет собой как угрозу экономическому развитию, так и шанс кардинальной трансформации ее хозяйства.

Ключевые слова: глобальное изменение климата, Монголия, экологическая трансформация.

Глобальное изменение климата – ключевая экологическая проблема XXI в. За последние 40 лет в мире наблюдается континуальный рост годовых температур. Монголия глубоко затронута глобальными климатическими изменениями. В стране наблюдаются чрезвычайно высокие темпы исторического потепления. По данным Министерства окружающей среды, в период с 1940 по 2015 г. средняя температура воздуха повысилась на территории страны на 2,24°C – это в два раза выше мировых показателей [1]. Рост температур ведет к прогрессирующему опустыниванию природных и антропогенных ландшафтов. Также, в результате изменения климата в Монголии увеличивается частота стихийных бедствий, таких как проливные дожди, наводнения, ураганы, гроза и град, что оказывает негативное воздействие на жизнь людей и экономику страны. Огромный ущерб животноводству страны наносят разрушительные, сильные штормы – «дзуд» в зимнее время. По данным метеослужб они становятся все более частыми и катастрофическими. Например, в результате «дзуда» в 2009-2010 гг. Монголия потеряла примерно 10,3 млн голов скота, что привело к снижению национального ВВП на 6 %. В январе 2023 г. дзудом было охвачено 70 % территории Монголии и ожидалась массовая гибель скота [2]. По индексу климатических рисков Монголия занимала в 2018 г. 17-е место в мире. Она относится к категории стран с высокой уязвимостью от климатических изменений [3].

Проблема глобального изменения климата вызвала в жизнь новое политическое поле – международную климатическую политику. Она комплексна и включает в себя институциональную, научно-технологическую и экономическую политику стран. Монголия, осознавая всю катастрофичность последствий глобального потепления, является активным актором международной климатической политики. В 1992 г. она подписала рамочную конвенцию ООН по изменению климата. В 1999 г. Монголия ратифицировала Киотский протокол. В 2016 г. страна подписала Парижское соглашение и в 2020 г. она представила в ООН свой первый определяемый на национальном уровне вклад (ОНУВ).

Выбросы антропогенных парниковых газов (ПГ) – главная причина глобального изменения климата. Главная цель международной климатической политики – стабилизация климата Земли за счет сокращения выбросов ПГ. По абсолютным показателям выбросов (56,0 млн т) Монголия занимала в 2019 г. 72 место в мире. Ее глобальная доля составляла всего 0,12 % [4]. В мировом рейтинге душевых показателей выбросов углерода страна занимала 34 место (7,1 т).

Несмотря на проводимую в стране климатическую политику, выбросы парниковых газов Монголии заметно возросли по сравнению с 1990 гг. По парниковым газам в целом эмиссии выросли на 26 млн т (с 30 до 56,0 млн т) [4]. Если рассматривать структуру выбросов ПГ, то на три главных газа – углекислый (CO₂), метан (CH₄) диоксид азота (NO₂) приходится 98,6 % всех эмиссий ПГ. При этом доля углекислого газа составляет 41 % выбросов ПГ, метана – 33 %, оксида азота – 24,6 %. В период 1990-2019 г. выбросы оксида азота увеличились в 1,4 раза, углекислого газа – в 1,8 и метана – более чем в 2 раза [4] (рис.).

Главным сектором по производству ПГ в Монголии является сельское хозяйство. На него приходится порядка 59 % выбросов ПГ (90 % метан и оксид азота). Эта национальная особенность отличает Монголию от стран-соседей (Россию и КНР), где главным источником загрязнений служит энергетический сектор. В Монголии энергетика дает 26,2 % ПГ, но более 64 % выбросов CO₂. Вместе сельское хозяйство и

энергетика Монголии производят 85 % национальных выбросов ПГ. Очевидно, что именно эти отрасли должны быть подвергнуты экотехнологической модернизации.

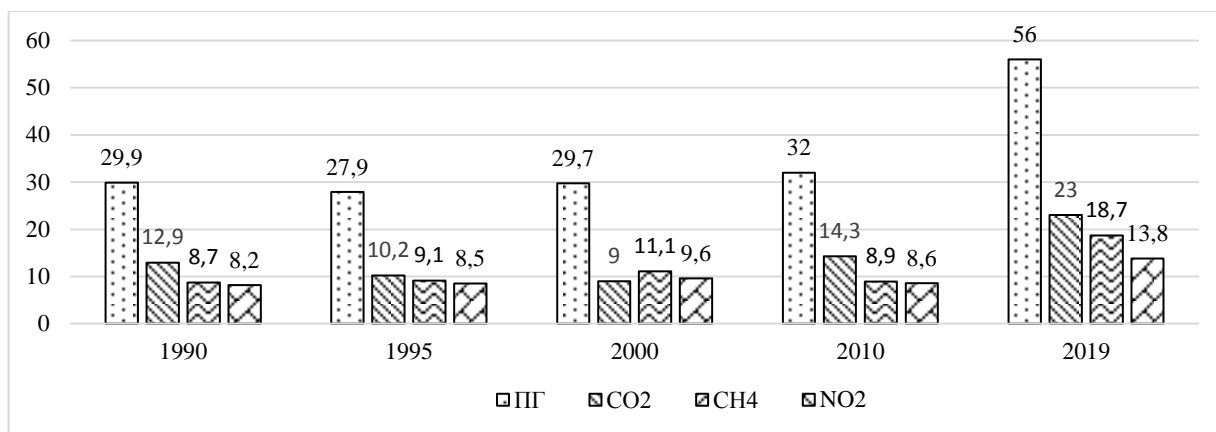

Рис. Динамика выбросов парниковых газов Монголии в 1990-2019 гг. (млн т)

Анализ экологической трансформации экономики Монголии показывает значительные изменения в энергетическом секторе. Зеленая энергетика рассматривается Правительством не только как инструмент климатической политики, но и мощный рычаг в социально-экономическом развитии регионов. Монголия обладает уникальным потенциалом для развития экологически чистой возобновляемой энергетики. По данным монгольского центра регенеративной энергетики (NREC) ее потенциальные мощности в производстве альтернативной электроэнергии составляют 2,6 ТВт [5]. При этом наиболее благоприятные возможности развития имеет ветровая энергетика (порядка 1 ТВт). Пустыня Гоби по ветровому энергетическому потенциалу, по экспертной оценке, стоит на третьем месте в мире. На втором месте по энергетическому потенциалу находится солнечная энергетика. Монголия имеет порядка 290 солнечных дней в году с солнечной инсоляцией на 70 % территории страны, превышающей 5,5 кВт ч/м² [там же]. С начала 2000-х годов в стране осуществляются проекты по развитию возобновляемой энергетики (проект 100 тыс. юрт, солнечный парк «Морон», ветровой парк «Салкхит» и др.). Благодаря этому доля возобновляемой энергетики в генерировании электроэнергии страны выросла в период 2012-2021 гг. с 1,3 % до 9,2 % [6]. При этом потенциальные мощности ветровой энергетики выросли за 10 лет в 156 раз (с 1 МВт до 156 МВт), солнечной – в 19 раз (с 5 МВт до 95 МВт). Мощности гидроэнергетики практически не изменились [там же]. По данным ОНУВ страна планирует довести долю ВИЭ в производстве электроэнергии к 2030 г. до 30 %. Пока же более 80 % всей электроэнергии вырабатывается на угольных ТЭС.

Сложнее обстоят дела с декарбонизацией (деметанизацией) сельского хозяйства. Монголия обладает одним из крупнейших в мире поголовий скота. В 2020 г. его численность составляла порядка 70 млн. Более 90 % продукции сельского хозяйства Монголии – это продукция животноводства. Практически половина трудового населения страны связано с сельским хозяйством или агропромышленным комплексом. Одновременно сельское хозяйство главный производитель парниковых газов, особенно метана (90 %) и диоксида азота. Кроме того, экстенсивное животноводство одна из причин прогрессирующего опустынивания страны и деградации ее почв. Правительство Монголии пытается провести реформы, способствующие уменьшению численности скота и увеличению эффективности животноводства. Деметанизация сельского хозяйства и борьба с опустыниванием невозможны без радикальных мер. Инструментом сокращения поголовья стад и восстановления ландшафтов мог бы стать прогрессирующий налог во взаимосвязи с численностью животных. Малые и средние овцеводческие крестьянские хозяйства, ведущие экологическое хозяйствование, наоборот, финансово поощрялись бы. Другой стимул – производство качественных продуктов, имеющих высокий спрос на мировых рынках (кашемир, хамон, различные сыры). Производство продуктов с высокой стоимостью побудят скотоводов Монголии сосредоточиться на качестве, а не на количестве. Кроме того, расширение торговых рынков с новыми продуктами (на которые в России, например, имеется высокий спрос) увеличит доходы сельского населения, приведет одновременно к сокращению эмиссий ПГ и деградации земель.

Глобальное изменение климата – прямой вызов социально-экономическому развитию Монголии. От того, каким образом страна будет реагировать на изменения, зависит ее будущее. Актуальнейшей задачей общественной географии является поиск путей инновационного развития региональных систем на основе принципов коэволюции природных и антропогенных структур в целях сохранения и дальнейшего развития общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Изменение климата и зеленое будущее Монголии 17.01.2019// Монголия сейчас [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mongolnow.com/izmenenie-klimata-i-zelenoe-budushhee-mongolii/> (дата обращения: 11.01.2023).
2. Белый дзуд: стихийное бедствие настигло Монголию [Электронный ресурс]. URL: <https://babr24.com/bur/?IDE=240029> (дата обращения: 17.01.2023).
3. Climate Risk Index// MaiResourcewatch [Электронный ресурс]. URL: <https://resourcewatch.org/data/explore/soc067rw1-Climate-Risk-Index?section> (дата обращения: 20.01.2023).
4. Total greenhouse gas emissions (kt of CO2 equivalent) – Mongolia // World Bank [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.GHGT.KT.CE?locations=MN-VE&most_recent_value_desc=true (дата обращения: 21.01.2023).
5. Länderprofil Mongolei. Mai 2013//Deutsche Energie-Agentur [Электронный ресурс]. URL: https://www.dena.de/fileadmin/dena/Dokumente/Pdf/3076_Laenderprofil_Mongolei_REG.pdf (дата обращения: 22.01.2023).
6. Renewable Energy Statistics 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irena.org/Publications/2022/Jul/Renewable-Energy-Statistics-2022> (дата обращения: 23.01.2023).

Yury Yu. Kovalev¹, Elena A. Poluektova²

¹*Institute of Geography RAS, Moscow*

²*Kardymovskaya secondary school*

named after the Hero of the Soviet Union S.N. Reshetov, village Kardymovo, Smolensk region

GLOBAL CLIMATE CHANGE AND FEATURES OF ECOLOGICAL MODERNIZATION OF THE MONGOLIAN ECONOMY

Abstract. *The article discusses the policy of Mongolia to achieve the goals of the Paris Agreement. The vulnerability of nature and the country's economy to climate change is shown. The positions of the country in GHG production and the ways of ecological transformation of its economy are determined. It is concluded that global climate change is both a threat to economic development and a chance for a radical transformation of its economy.*

Keywords: *global climate change, Mongolia, ecological transformation.*

УДК 911.3:316.482

Колдобская Н.А.

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова, г. Москва;

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», г. Москва

КОНФЛИКТ ФУНКЦИЙ МЕСТА И ЕГО ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: ПРИМЕР САЛАРЬЕВО

Аннотация. *Представленное исследование посвящено конфликту функций на территории деревни Саларьево Новомосковского административного округа Москвы, где с начала 1960-х годов функционировал полигон ТКО (твердые коммунальные отходы), которое долгое время был самым большим в Европе. В 2007 г. году он был официально закрыт, но до сих пор (февраль 2023 г.) не рекультивирован полностью. Параллельно с этим рядом с полигоном и частично на его территории был построен ЖК «Саларьево Парк», что повлекло за собой ряд социально-экономических и экологических проблем и конфликтов.*

Ключевые слова: *конфликт функций места, полигон ТКО, Саларьево, социально-экологические последствия.*

В отечественной и зарубежной социально-экономической географии существуют различные точки зрения относительно понятия функции территории, которую можно определить, как ее способность (потенциальную или реализованную) удовлетворять определенные общественные потребности, в зависимости от рамочных условий, заданных природным и ресурсным потенциалом, географическим положением, этнокультурной спецификой. В современной трактовке функция места проявляет себя не только в материально-вещественной форме, но и в субъективных образах, впечатлениях и эмоциях, посредством которых данная территория закрепляется в сознании населения, что позволяет включить ее в число направлений, прямо или косвенно занимающихся проблемами анализа функций места [1].

Одним из ярких примеров конфликта функций места является одновременное сосуществование и противоборства ЖК «Саларьево Парк» в Новомосковском административном округе Москвы и полигона ТКО «Саларьево», рекультивация которого идет с 2007 г. после его официально закрытия.

История вопроса началась более 60 лет назад, когда в овраг рядом с деревней Саларьево начали свозить мусор. К закрытию полигона 1 апреля 2007 г. его площадь составляла 59 га, объем накопленных от-

ходов 15 млн т, а высота достигала 80 м. В 2007 г. Институтом экологии города был разработан проект рекультивации полигона, в котором прописаны этапы рекультивации на 15 лет, а принятое будущее функциональное назначение полигона – рекреационное. В 2009 г. полигон был накрыт геосинтетическими и гидроизоляционными материалами, а сверху засыпан грунтом. Для отвода свалочных газов было сделано 50 скважин и сооружен дренажный коллектор. В 2016 г. ГК «ПИК» приступила к реализации своего самого крупного проекта по строительству нового микрорайона – Саларьево Парк. По официальным данным ГК «ПИК» в 2009 г. полигон был полностью рекультивирован [2]. Однако рекультивация полигона с 2009 года постоянно приостанавливалась и не была осуществлена полностью, проектной документации на соответствующие работы не существует.

В результате полевого и камерального исследования территории Саларьево были получены следующие выводы по ряду блоков:

1. Функциональное зонирование:

- территории промышленного, складского и иного (нежилого, общественного) назначения составляют более 50 % рассматриваемой зоны;
- полигон занимает значимую зону 12 %;
- вблизи полигона существует жилой ИЖС, который существовал вблизи полигона и во времена его активной эксплуатации;
- в период с 2014-2019 гг. была сокращена санитарно-защитная зона полигона путем его консервирования и организацией мероприятий рекультивации;
- на данный момент вокруг полигона происходит активная застройка жилыми и общественными зданиями. Основной застройщик ГК «ПИК»;
- проект рекультивации территории остановлен с 2018 г., не пройдена государственная экологическая экспертиза;
- не найдены документы, которые указывают об долгосрочных обязательствах поддерживать эксплуатационные характеристики полигона.

2. Современное состояние полигона и его воздействие:

- на полигон свозились отходы 4-5 классов, к ним относятся наименее опасные вещества. Однако это не исключало попадание особо опасных веществ из первых трех классов;
- был использован один из трех методов рекультивации – фиксация загрязнителей на месте. В 2009 г. был сооружен защитный экран, скважины для отвода газа и дренажный коллектор;
- одна из главных проблем – неэффективность системы сбора и отвода фильтрата, из-за чего происходит загрязнение поверхностных и грунтовых вод;
- газогеохимические исследования выявили устойчивый восходящий поток биогаза к дневной поверхности, наличие высоких концентраций метана по всей глубине опробования свалочных грунтов;
- строительные работы станции метро Саларьево спровоцировали выход на поверхность почвенного фильтрата;
- 3 этап рекультивации начался осенью 2018 г., однако в мае 2019 г. ГК «ПИК» прекратила финансирование проекта и расторгла контракт с подрядчиком, который выполнил только половину запланированных работ;
- проект рекультивации не прошел экспертизу, а начало работ не было согласовано с Мосгорстройнадзором. Разрешение на строительство не выдавалось, так как его сдача в эксплуатацию возможна только после завершения рекультивации. Обманутые жильцы устроили пикет;
- Управлением Роспотребнадзора по г. Москве выдан санитарно-эпидемиологическое заключение от 10.07.2018 г. по проекту организации расчетной СЗЗ рекультивируемого полигона ТКО «Саларьево» установлен размер расчетной СЗЗ, не превышающий 20-500 м, в северо-западном направлении – 100-200 м [3].

3. Экологические последствия:

- в теле полигона образован горизонт сильнозагрязненных токсичных техногенных вод – высокоминерализованный фильтрат с повышенным содержанием широкого спектра тяжелых металлов и органических веществ;
- в условиях отсутствия водоупора в днище полигона, образованный фильтрат проникает в нижележащие водоносные горизонты и интенсивно загрязняет их;
- фильтрат по северной и южной канавам самотеком сбрасывается в заболоченную долину ручья, притока р. Сетунь, сильно загрязняя этот водоток, и представляет опасность как дополнительный источник загрязнения бассейна р. Москвы;

- отмечается интенсивное загрязнение снегового покрова тяжелыми металлами и ионами хлора, натрия и др. в среднем в радиусе 400 м от полигона;
- источником загрязнения поверхностных вод на территории района являются также промышленно-складские предприятия, сбрасывающие, по словам местных жителей, отходы в ближайшие водоемы;
- в соответствии с РД 52.04.667-2005 «Документы о состоянии загрязнения атмосферы в городах для информирования государственных органов, общественности и населения» [4] уровень загрязнения атмосферного воздуха на территории, прилегающей к АСКЗА «Саларьево», оценивается как «повышенный» за счет стандартного показателя (SI), равного 3,1 для сероводорода;
- выделение и распространение вредных газообразных веществ: концентрация суммы углеводородов и метана в 2,5 раза превышает среднегодовые значения по городу; концентрация углеводородов за вычетом метана в 3,5 раза.

4. Конфликты в приаэродромной зоне:

Основным ограничением является расположение рассматриваемой территории в пределах приаэродромной территории аэропорта «Внуково», в третьей подзоне, где допускается этажность жилых домов до 25 этажей. В сентябре 2020 г. застройщик подал в Арбитражный суд Москвы два иска, ответчиком в которых выступает Мосгосстройнадзор. Оспаривался отказ комитета на выдачу разрешения на ввод эксплуатацию 18 и 19 корпусов жилого комплекса «Саларьево парк». Суд признал недействительным этот отказ – построенный объект не соответствует высотным характеристикам, указанным в разрешении на строительство. Вышедший в апреле 2020 г. приказ Росавиации о приаэродромной зоне аэропорта «Внуково», указывает, что корпус 18 превышает параметры, указанные по абсолютной высоте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабурин В.Л., Гладкевич Г.И., Даньшин А.И., Савоскул М.С., Сафронов С.Г. Изменение функции места и территориальные конфликты (на примере Боровского района Калужской области) // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 6. С. 72-82.
2. Информационный портал ГК «ПИК» [Электронный ресурс]. URL: https://www.pik.ru/sp?utm_source=yandex_direct&utm_medium=cpc&utm_campaign=sp&utm_content=brand_cashback_15&utm_term=astat:35866458717|ret:35866458717|dsa:35866458717|cid:70192491|gid:4791696448|aid:13265516118|pt:premium|pos:3|st:search|src:none|dvc:desktop|reg:213|adp:no|apt:none|key:%D0%BC%D0%BA%D1%80%20%D1%81%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%BE%20%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BA&keyword=%D0%BC%D0%BA%D1%80%20%D1%81%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%BE%20%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%BA&cor=0&etext=2202._8vxVL2guezDE1Ouq44MmkI0yIJyzYAqwMuY3h-HCVXwDZnBRa-Z1qsHHxoqvT7cGtqcWN0bWVseXNveWR4dQ.e63cef26bd8f673a6efe358104a35e7759bcc86c&yclid=18252005970113258375 (дата обращения: 05.01.2023).
3. Заключение экспертной комиссии государственной экологической экспертизы проектной документации «Рекультивация полигона ТБПО «Саларьево» [Электронный ресурс]. URL: http://0.db-estate.cdn.pik-service.ru/attachment_pikru/0/1fc9e2f0-cf8f-e008-d868-0e871c376751/zaklyuchenie-i-prikaz-gee-ot-17.07.18_2f60b450e53c024ff7a29_c4c44638286pdf (дата обращения: 06.01.2023).
4. РД 52.04.667-2005 «Документы о состоянии загрязнения атмосферы в городах для информирования государственных органов, общественности и населения».

Natalia A. Koldobskaya

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow;

National Research University Higher School of Economics, Moscow

THE CONFLICT OF PLACE FUNCTIONS AND ITS ECOLOGICAL CONSEQUENCES: THE EXAMPLE OF SALARIEVO

Abstract. *The presented study is devoted to the conflict of functions on the territory of the Salarievo in the Novomoskovsky administrative district of the Moscow, where since the early 1960s there has been a landfill of MSW (solid municipal waste), which for a long time was the largest in the Europe. In 2007, it was officially closed, but its recultivation is still ongoing (February 2023). At the same time, the residential complex "Salarievo Park" was built next to the landfill and partially on its territory, which led to a number of socio-economic and environmental problems and conflicts.*

Keywords: *conflict of place functions, MSW landfill, Salarievo, socio-ecological consequences.*

МЕДИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КОМФОРТНОСТИ КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Аннотация. В статье приведены результаты расчета коэффициентов корреляции наиболее информативных критериев климатической комфортности и показателей общественного здоровья для субъектов Арктической зоны Российской Федерации. Определен уровень эколого-климатической комфортности этих территории. Работа содержит характеристику типов районов по критериям биоклиматической комфортности и общественного здоровья.

Ключевые слова: климатические условия, оценка комфортности, арктическая зона.

Введение. Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) обладает значительным природно-ресурсным потенциалом и представляет зону повышенного внимания [1, с. 70].

Одна из наиболее важных проблем на пути к полноценному комплексному развитию Арктической зоны РФ состоит в дискомфорте и экстремальности природных условий арктических регионов для жизнедеятельности населения. Особую значимость приобретает задача всестороннего анализа состояния здоровья коренного населения. В последние годы выполнено много различных комплексных работ по изучению влияния окружающей среды на здоровье населения отдельных арктических районов нашей страны [2, с. 43]. Однако изменения климатических условий, зарегистрированные в последние десятилетия [3], показывают актуальность темы исследования.

Оценку комфортности природных условий используют для решения нескольких задач: определения комфортности среды для проживания населения, выявления особенностей адаптации пришлых жителей и установления возможности постоянного населения из переселенцев и др.

Материалы и методы. Методологическую основу оценки комфортности климата АЗРФ составляет сопоставление отдельных факторов климата и сочетаний метеоэлементов с требованиями различных сторон деятельности населения. В качестве основных показателей используются характеристики суровости температуры и ветра зимой, повторяемость благоприятной погоды и эквивалентно-эффективных температур в летнее время [4, с. 80].

Адаптируясь к неблагоприятным климатическим условиям – организм человека характеризуется напряжением приспособительных механизмов, резервы которых со временем истощаются, что выражается в росте общей и хронической патологии в регионах пониженной климатической комфортности среды обитания.

Для исследования взяты критерии климатической комфортности и показатели общественного здоровья по методике И.В. Добрыниной, Л.М. Акимова, С.А. Куролапа [5, с. 120], как наиболее комплексные.

Первая группа критериев – температурно-влажностные показатели. Как основной биоклиматический показатель выступает эффективная температура (ЭТ). Организм человека может испытывать одинаковые тепловые ощущения при разном сочетании значений метеорологических элементов.

Вторая группа – температурно-ветровые индексы (холодного стресса). Индекс Бодмана широко используется в практике полярных исследований и хорошо себя зарекомендовал, как индикатор ощущения холода человеком [6].

Третья группа – температурно-влажностно-ветровые (для теневых пространств) индексы. Биоклиматический показатель ЭЭТ (эквивалентно-эффективная температура) ценен тем, что его можно рассчитать, как для теплого, так и для холодного сезона года.

Четвертая группа – температурно-влажностно-ветровые (с учетом солнечной радиации) показатели. РЭЭТ – радиационная эквивалентно-эффективная температура, специалистами оценивается, как самый информационный индекс.

Результаты. Расчёт показателей комфортности производился по среднегодовым данным наблюдений для восьми субъектов арктической зоны РФ (по Республике Коми нет данных). Достаточное количество климатических данных, к которым привязаны стационарные наблюдения по показателям комфортности и полноценный охват территории исследования позволили провести статистический анализ.

Для исследования АЗРФ выбраны 12 наиболее информативных критериев климатической комфортности и общественного здоровья (таблица 1), а именно:

а) шесть показателей климата:

- температура воздуха летом (°С) – Ккл1;
- количество осадков летом (мм) – Ккл2;
- повторяемость западного направления ветра за год (%) – Ккл3;
- индекс жесткости погоды И. Арнольди летом (°С) – Ккл4;
- эквивалентно-эффективная температура летом (°С) – Ккл5;
- нормально-эффективная температура летом (°С) – Ккл6;

б) шесть критериев общественного здоровья (число случаев на 1000 населения):

- общая заболеваемость населения – Кзд1;
- новообразования – Кзд2;
- болезни органов дыхания – Кзд3;
- болезни уха и сосцевидного отростка – Кзд4;
- мочеполовые заболевания – Кзд5;
- врожденные аномалии – Кзд6.

Установлено, что снижение комфортности и усиление суровости осенних погодных условий способствуют росту числа простудных заболеваний, обострению хронических болезней уха (синдром анемопатии) и ухудшению общего самочувствия человека, а также увеличению частоты обострения артритов, артрозов и сосудистых заболеваний населения. Среди показателей уровня общественного здоровья наиболее высокий отклик в системе «климат-здоровье населения» имеют болезни мочеполовой системы, а также новообразования, врожденные аномалии и общая заболеваемость населения. Типичные статистические зависимости иллюстрирует табл. 1.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции наиболее информативных критериев климатической комфортности и показателей общественного здоровья

Критерии климатической комфортности	Показатели общественного здоровья					
	Кзд1	Кзд2	Кзд3	Кзд4	Кзд5	Кзд6
Ккл1	-0,33	-0,43	-0,21	-0,21	-0,15	-0,61
Ккл2	0,41	0,44	0,23	0,31	0,33	0,56
Ккл3	0,46	0,43	0,32	0,24	0,35	0,56
Ккл4	-0,36	-0,39	-0,28	-0,25	-0,12	-0,43
Ккл5	-0,36	-0,43	-0,28	-0,21	-0,12	-0,50
Ккл6	-0,38	-0,39	-0,29	-0,25	-0,19	-0,54

Источник: составлено авторами.

Исходные количественные значения климатических и медицинских показателей были преобразованы в балльно-рейтинговые оценки с учетом принципа: 1 – наиболее высокая климатическая комфортность (низкая заболеваемость), 2 – средние значения климатической комфортности и заболеваемости, 3 – наиболее низкая климатическая комфортность (высокая заболеваемость). Затем баллы просуммированы по каждой территориальной единице, что позволило ранжировать территории по комплексу критериев климатической комфортности и относительным показателям распространенности климатообусловленных заболеваний. Обобщенный суммирующий балл принят в качестве интегрального показателя эколого-климатической комфортности территории.

Пространственные закономерности формирования зон риска для здоровья населения, связанного с биоклиматическими показателями, иллюстрирует рис. 1, где выделено три основных градации эколого-климатической комфортности.

Низкая (минимальная) биоклиматическая комфортность (Іэкк от 164 до 191,21 баллов) отмечается в Ненецком автономном округе. Территория характеризуется наименее комфортными климатическими условиями, что выражается в низкой температуре воздуха летом, повышенной скоростью ветра. Зона комфорта биологической активной температуры здесь будет наименьшей. Уровень общественного здоровья низок и составляет 1 444,81 случая на 1000 населения в год. Возможно, это связано с захоронением радиоактивных отходов в близлежащих бухтах островов Новая Земля.

Умеренный уровень климатической комфортности (Іэкк от 138 до 164 баллов) наблюдается в трех субъектах, в Республике Карелия, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах. Из большинства анализов медико-географических критериев комфортности среды данный субъект имеет усредненные значения. Общий уровень здоровья 1147,76 на 1000 населения в год.

Высокая (максимальная) комфортность (Іэкк от 138 до 112,13 баллов) характерна для Мурманской и Архангельской областей, Красноярского края и Республики Саха. Данная группа субъектов характеризуется наиболее комфортными биоклиматическими (радиационными, термическими, ветровыми, влажностными) условиями. Высокий уровень санитарно-гигиенической обстановки согласуется с лучшими показателями здоровья населения (уровень заболеваемости населения органов дыхания, уха, мочеполовой системы, новообразованиями ниже).

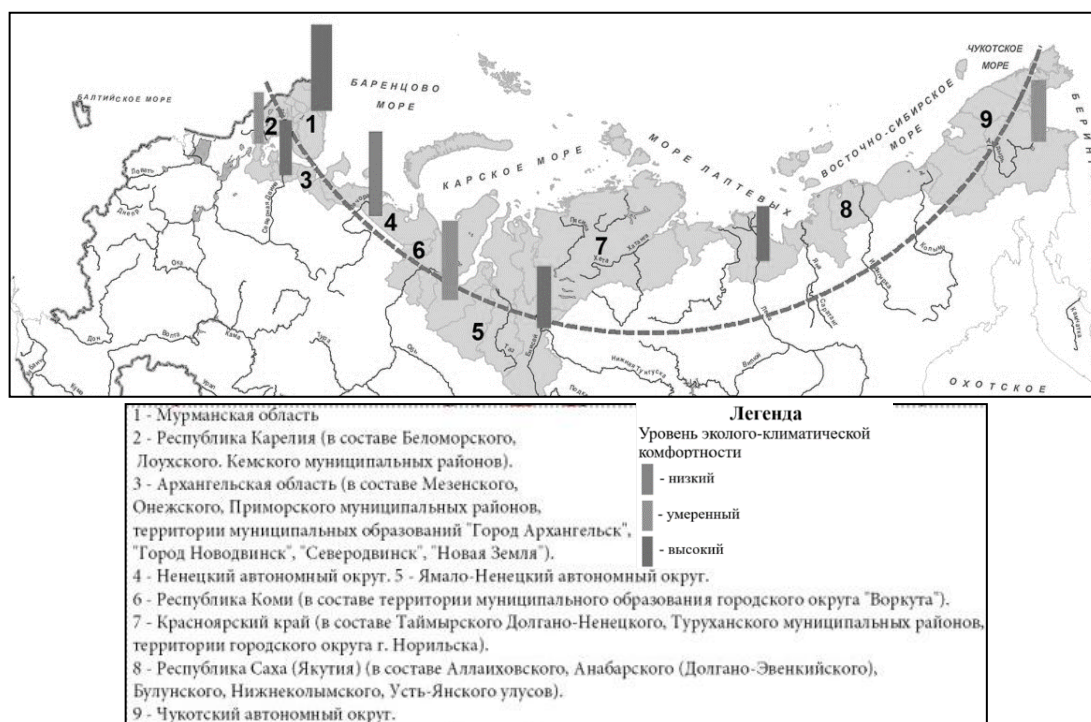

Рис. 1. Уровень эколого-климатической комфортности территории АЗРФ (составлено авторами)

Средние количественные значения критериев биоклиматической комфортности территории АЗРФ трех типов приведены в табл. 2.

Таблица 2

Характеристика типов районов по критериям биоклиматической комфортности и общественного здоровья (средние показатели) (составлено авторами)

Субъекты АЗРФ	Типы субъектов*	Критерии общественного здоровья**						Критерии биоклиматической комфортности***					
		Кзд1	Кзд2	Кзд3	Кзд4	Кзд5	Кзд6	Ккл1	Ккл2	Ккл3	Ккл4	Ккл5	Ккл6
Мурманская область	1	830,64	13,71	386,81	27,04	54,6	0,8	12,9	2	7	4,9	3,96	11,83
Республика Карелия	2	1086,05	14,05	493,62	24,68	65,5	3,8	14,1	1,2	22,6	6,7	5,7	12,59
Архангельская область	1	983,72	12,07	431,18	31,04	56,37	4,1	15,8	2	14,2	10,8	5,34	11,52
Ненецкий АО	3	1444,84	15,92	641,74	31,08	102,48	6,1	13	1,5	15,4	5,6	5,06	11,89
Ямало-Ненецкий АО	2	1191,01	14,48	549,44	26,15	81,55	3,3	14,2	2	3,82	7,2	5,94	12,63
Красноярский край	1	865,88	15,21	374,08	-	46,62	2,5	13,4	1,4	7,6	3	3,81	12,14
Республика Саха	1	950,9	9,14	474,11	-	40,91	2	12,5	1,5	4,4	7,9	3,28	11,56
Чукотский АО	2	1166,22	12	604,94	-	59	1,9	11,0	1,2	12	-1,4	-2,37	10,63

1 – наиболее высокая климатическая комфортность (низкая заболеваемость); 2 – средние значения климатической комфортности и заболеваемости; 3 – наиболее низкая климатическая комфортность (высокая заболеваемость).

* Типы субъектов по соотношению «комфортность климата – общественное здоровье»: 1 – высокая комфортность, ..., 3 – низкая комфортность; ** число случаев на 1000 населения; *** Ккл1; Ккл4; Ккл5; Ккл6 – градусы (°C); Ккл2 – мм; Ккл3 – %.

Биоклиматическая комфортность среды вносит большой вклад в формирование общественного здоровья. Важное значение приобретают ветровые, влажностные и термические показатели в летне-осенние сезоны.

Заключение. Проведенный анализ территории АЗРФ по уровню климатической комфортности позволяет оценить влияние природно-экологического потенциала, а также климата на здоровье северных жи-

телей и степень комфортности условий жизнеобеспечения. Для Арктической зоны РФ характерна общее ухудшение эколого-климатической комфортности в центральном и восточном секторах.

Медико-географические проблемы АЗРФ имеют важное значение для изучения с целью освоения данной территории. Отрицательно воздействуя на организм человека, они влекут за собой различные заболевания, что особенно сказывается на пришлых жителях. Чтобы снизить заболевания или совсем их избежать, нужно повышать здесь уровень медицинского обслуживания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тоскунина В.Э., Губина О.В., Проворова А.А., Кармакулова А.В., Воронина Л.В. Подходы к районированию и определению границ Арктической зоны Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6. С. 69-78.
2. Погорелов А.Р. Территориальная дифференциация заболеваемости населения арктических регионов России // Студенческий научный журнал «Грани науки». 2016. Т. 4, № 3. С.43-47.
3. Погонишева И.А., Кузнецова В.П., Погонишев Д.А., Лунык И.И. Европейские исследования в рамках влияния изменения климата на здоровье человека и окружающую среду // Окружающая среда и здоровье человека: опыт стран Евросоюза: материалы науч.-практ. сем. Нижневартовск: Изд. центр «Наука и практика», 2018. С. 26-32.
4. Архипова И.В., Ловцкая О.В., Ротанова И.Н. Медико-географическая оценка климатической комфортности территории Алтайского края // Вычислительные технологии. 2005. № 10 (52). С. 79-86.
5. Добрынина И.В., Акимов Л.М., Куролап С.А. Медико-географическая оценка климатической комфортности территории Воронежской области // Вестник ВГУ. Серия: География. Геоэкология. 2013. № 1. С. 120-128.
6. Кузнецова Э.А., Соколов С.Н. Гидрология, метеорология и климатология: климатические расчеты. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2019. 86 с.

Elsa A. Kuznetsova, Anna V. Goltzman
Tyumen State University, Tyumen

MEDICO-GEOGRAPHICAL ASSESSMENT OF THE COMFORT OF THE CLIMATIC CONDITIONS OF THE RUSSIAN ARCTIC

Abstract. *The article presents the results of calculating the correlation coefficients of the most informative criteria of climatic comfort and public health indicators for subjects of the Arctic zone of the Russian Federation. The level of ecological and climatic comfort of these territories has been determined. The work contains a description of the types of areas according to the criteria of bioclimatic comfort and public health.*

Keywords: *climatic conditions, comfort assessment, Arctic zone.*

УДК 930 (517.3)

Кузьмин Ю.В.
*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск*

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ МОНГОЛИИ: ИТОГИ НАУЧНОГО ПРОЕКТА РФФИ

Аннотация. *Представлены данные о предварительных научных результатах и проблемах научного проекта РФФИ «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии». Основное внимание уделено Справочнику (2022 г.), в который включены монголоеды, историки, экономисты, географы и путешественники России.*

Ключевые слова: *Справочник, монголоеды, страноведение, персоналии, географы, путешественники.*

Современное мировое и российское монголоведение развивается последние три года в сложных геополитических условиях. Пандемия, ограничение научных мероприятий и конгрессов, экономические санкции и контрсанкции ограничивают возможность научных контактов и командировок. Был отложен Конгресс монголоедов в Улан-Баторе, что тормозит развитие научной кооперации и международных проектов по монголоведению.

Последние тридцать лет развития мирового монголоведения происходило в благоприятных условиях открытых границ Монголии, отсутствия единой и жесткой методологии и развернутого международного сотрудничества. Монголия превратилась в центр мирового монголоведения, а российские монголоеды сохранили лидирующие позиции по основным направлениям монголоведческих исследований, активизировалось научное изучение Монголии в странах Востока и Запада (КНР, Япония, Южная Корея, страны ЕС и США). Европейское востоковедение и монголоведение имеет глубокие традиции изучения Китая и Монголии.

Российскому научному монголоведению более 300 лет. В XVIII веке происходило первичное накопление информации о монголах, бурятах, калмыках, были составлены первые словари и грамматики восточных языков, многие из которых так и остались в рукописях. В 1725 г. в Иркутске при Вознесенском монастыре была открыта Мунгало-русская школа, которая положила начало российскому монголоведению и маньчжуроведению. Значительную роль в донаучном этапе развития монголоведения сыграли российские переводчики-толмачи на русско-китайской и русско-монгольской границе (А. Игумнов, А. Бобровников), а также немецкие исследователи (Г. Миллер, И. Фишер, И. Георги, П. Паллас, Д. Мессершмидт, Л. Ланг и др.), находившиеся на русской службе, которые совершили научные экспедиции в Восточную Сибирь и приграничные районы. Были составлены первые немецко-монгольские и немецко-тибетские краткие словники.

Научное изучение монгольского языка, истории и культуры Монголии началось в XIX веке и связано с именами выдающихся российских ученых Н.Я. Бичурина, Д. Банзарова, Г. Гомбоева, А.В. Игумнова, А.М. Позднеева, В.Л. Котвича, Б.Я. Владимирцова, Ц.Ж. Жамцарано, которые своими трудами выдвинули российское монголоведение на передовые позиции в мировой науке [1]. В XX веке российское и советское монголоведение закрепило эти успехи и сохранило лидирующие позиции. Основные центры российского монголоведения: Институт востоковедения РАН, Институт восточных рукописей РАН, Восточный факультет СПбГУ, Калмыцкий научный центр РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Бурятский государственный университет, Иркутский и Байкальский государственные университеты в XX веке успешно продолжают дело гуманитарного изучения Монголии и подготовки специалистов-монгологов.

Современное состояние развития научной мысли России по изучению Монголии настоятельно нуждается в обобщении, анализе и систематизации накопленной за 200 лет ценной информации по персоналиям, проблемах и концепциях российского монголоведения. Смена научных поколений, изолированное развитие отдельных отраслей гуманитарного знания (монгольская лингвистика и литература, археология, этнология, история, историография, источниковедение, экономика, политология) требуют создания обобщающего Справочника российского и мирового монголоведения. Он будет полезен как опытным и особенно молодым исследователям истории, культуры и науки Монголии [2].

Авторский коллектив научного Проекта РФФИ «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции и персоналии» (Ю.В. Кузьмин, В.Д. Дугаров, О.Н. Полянская, Е.В. Нолев, В.А. Василенко) поставил задачу подготовить Биобиблиографический Справочник «Российские исследователи Монголии. XIX – начало XXI вв.», которые включает не только монголоведов, но специалистов смежных отраслей востоковедения: китаеведов, тюркологов, тибетологов, буддологов, японистов, географов, экономистов, а также дипломатов, военных, торговцев, экономистов, политологов, которые подготовили серьезные труды по Монголии. Опубликованный Справочник включает 525 персоналий, общий его объем составляет 614 страниц [3]. Справочник издан и выставлен в полнотекстовом объеме на ведущих востоковедных и монголоведных сайтах России и Монголии, и доступен всем интересующимся данной темой. Справочник был в 2021-2022 гг. обсужден в ведущих востоковедных и монголоведных центрах страны и в Монголии, замечания ведущих специалистов были учтены в работе. Работа по дополнению и уточнению информации продолжается. Отдельные биографии подготовили ведущие ученые России: Ц.П. Ванчикова, С.Л. Кузьмин, С.В. Хомяков, Д.А. Носов и др. Рецензентами книги выступили известные монголоведы страны: академик Н.Н. Крадин, д.и.н. В.В. Грайворонский, д.филол.наук, проф. А.Д. Цендина, а научным редактором – директор ИМБТ СО РАН, академик Б.В. Базаров.

Совместно с монгольской стороной Проекта РФФИ: научный руководитель – д.и.н., проф. Ж. Урангуа, был собран материал о монгольских ученых (биобиблиографический словарь), переведен с монгольского на русский язык (Ю.В. Кузьмин) и опубликован совместной работой Ю.В. Кузьмина, Ж. Урангуа: «Историки Монголии XX века» [4]. Впервые в российской историографии выполнено исследование современного состояния, проблем исторической науки в Монголии в XX веке, составлены творческие биографии ведущих историков страны (Ш. Бира, Б. Ширендыб, Б. Ринчен, Ц. Батбаяр, О. Батсайхан, С. Чулуун, Ж. Баясах, Ц. Жамбалсурэн, Ж. Урангуа, М. Зулькафиль, К. Дэмбэрэл, Р. Болд, Н. Хишигт, Л. Чулуунбаатар). Совместная работа российских и монгольских исследователей позволила собрать уникальный научный материал и укрепить научные связи двух стран.

Ведется интенсивная работа по сбору, анализу и публикации научного материала по малоисследованной в мировом монголоведении теме: «Зарубежные монголоведы». Опубликованы статьи о немецком монголоведении (В.Д. Дугаров, А.О. Гомбоев), французском монголоведении и отдельных ее представителях (Ю.В. Кузьмин), шведском монголоведении (Ж. Урангуа), чешском и венгерском монголоведении (Ю.В. Кузьмин), американском монголоведении (А. Хеубшман, В.А. Василенко). Подготовлены к печати

разделы о восточном монголоведении: китайском, японском, корейском (Ж. Урангуа), слабо известные в российской науке. Подготовлены к печати материалы об индийском монголоведении (В.А. Василенко), польском (О.Н. Полянская), украинском и израильском (Е.В. Нолев). В следующем году этот материал составит третий том «Зарубежные монголоведы. Очерки».

Для оперативной публикации научных результатов Проекта РФФИ и издания востоковедных и монголоведческих материалов создан электронный журнал «Актуальные проблемы востоковедения» и опубликованы четыре номера журнала. Главный редактор журнала – Ю.В. Кузьмин. Планируется издание четырех номеров в год и вхождение в РИНЦ и ВАК. Данное издание в перспективе может стать научной площадкой обсуждения дискуссионных проблем истории и культуры Монголии, Китая и современных политических и экономических тем международного сотрудничества со странами Востока.

Члены научного коллектива Проекта приняли активное участие в международных и всероссийских конференциях в Улан-Баторе, Улан-Удэ, Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Иркутске, Барнауле. К.и.н., доцент, зав. кафедрой отечественной и всемирной истории БГУ О.Н. Полянская выступила модератором, отв. редактором двухтомника «Банзаровские чтения» и организатором международной конференции 90-летия БГУ имени Доржи Банзарова и 200-летия со дня рождения Д.Банзарова. К.и.н., ст. науч. сотр. Е.В. Нолев принял активное участие в организации международной научной конференции, посвященной 100-летию ИМБТ СО РАН, подготовке и публикации 3-х томного издания. Профессор Ю.В. Кузьмин организовал в 2021-2022 гг. в Иркутске и Улан-Удэ четыре научных семинара по проекту, привлек к участию в них известных монголоведов и востоковедов России, которые продвинули изучение российского и мирового монголоведения.

Сложная современная мировая геополитическая ситуация, осложнение отношений со странами Запада и США и ограничение научных связей диктует необходимость расширения и улучшения отношений со странами Востока, особенно с КНР и Монголией, поэтому получение полной и достоверной информации об экспертах и исследователях этих стран поможет укреплению отношений с азиатскими государствами.

Углубленное исследование сложных вопросов истории и культуры Монголии и специализация отдельных отраслей монголоведения (лингвистика, литература, источниковедение, историография, археология, этнология, история, экономика, политология др.) привели к информационному разрыву между различными отраслями науки. Современное состояние монголоведения диктуют необходимость интеграции научного знания и преодоления этого разрыва единой области науки. Подготовка молодых исследователей Монголии также требуют полных и компактных данных о российских и зарубежных исследователях Монголии, поможет их более быстрому вхождению в сферу сложных и малоисследованных проблем современного монголоведения. Современные прорывы в востоковедении в настоящее время возможны именно на стыке различных отраслей монголоведения, интеграции достижений в различных областях востоковедения. Изучение круга исследователей Монголии позволяет выявить темы и проблемы исследований, которые не имеют последователей и не получили своего логического продолжения в монголоведении.

Проведенные историографические исследования в рамках гранта РФФИ «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии» показывают научный приоритет Российской Федерации и российских исследователей в области изучения Монголии, различных сфер монголоведческих исследований в мировой востоковедной науке.

Полный и развернутый анализ национальных школ монголоведения в России, Монголии, Франции, Германии, Чехии, Польше, Италии, Великобритании, США, КНР, Японии, Индии, Австралии и других центрах мирового монголоведения позволит получить ценную информацию об основных направлениях генезиса западной, монгольской и российской научной мысли, определить национальные интересы различных стран в Монголии. Крупные исследователи Монголии в странах мира являются также основными экспертами по международному сотрудничеству, и точная информация о них имеет особую ценность и значимость для формирования внешней политики Российской Федерации.

Существующие обзорные статьи по истории и современному состоянию монголоведения в отдельных странах не соответствуют требованиям времени и настоятельно требуют качественного анализа национальных школ монголоведения и глубокого анализа состояния гуманитарной научной мысли различных стран в условиях международной нестабильности и создания новой системы международных отношений, системы многополярного мира.

Публикация научных результатов данного Проекта стало возможным только благодаря финансовой поддержке РФФИ. Объемные библиографические Справочники «Российские исследователи Монголии. XIX – начало XXI вв.», «Историки Монголии XX века», «Монголоведы России XX века: персоналии, творческое наследие, концепции» были изданы только при серьезной финансовой поддержке Российского

фонда фундаментальных исследований. Издание данных книг укрепит престиж российского монголоведения и российской науки в мировой науке и востоковедении.

Финансирование. Выполнено в рамках проекта РФФИ 20-59-44008 Монг_а «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузьмин Ю.В. Монголоведы России XX века: персоналии, творческое наследие, концепции. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2022. 320 с.
2. Кузьмин Ю.В. Российские исследователи Монголии. Биобиблиографический словарь. Иркутск: Изд-во БГУ, 2021. 397 с.
3. Кузьмин Ю.В., Дугаров В.Д., Полянская О.Н., Нолев Е.В., Василенко В.А. Российские исследователи Монголии (XIX - начало XXI): биобиблиографический справочник / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: ООО Репроцентр, 2022. 614 с.
4. Кузьмин Ю.В., Урангуа Ж. Историки Монголии XX века. Иркутск: Изд-во Репроцентр, 2022. 404 с.

Yury V. Kuzmin
Baikal State University, Irkutsk

RUSSIAN RESEARCHERS OF MONGOLIA: RESULTS OF THE RFBR SCIENTIFIC PROJECT

Abstract. Data on preliminary scientific results and problems of the RFBR scientific project "World and Russian Mongolian studies: national schools, concepts, personalities" are presented. The main attention is paid to the Reference Book (2022), which includes Mongolian scholars, historians, economists, geographers and travelers of Russia.

Keywords: Reference book, Mongolologists, country studies, personalities, geographers, travelers.

Financing. Performed within the framework of the RFBR project 20-59-44008 Mong_a "World and Russian Mongolian studies: national schools, concepts, personalities".

УДК 911.375.4

Меркушев С.А., Полякова Я.Р., Субботина Т.В.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СРЕДЫ ГОРОДОВ-МИЛЛИОНЕРОВ РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Исследование различных сфер деятельности городов базируется на использовании различной информации. Наряду с традиционными статистическими источниками следует обратить внимание на материалы мониторинга качества среды и отдельных ее составляющих различными ведомствами и компаниями информацию информационно-справочных систем и картографические сервисы. Возникает необходимость применения современных геоинформационных технологий и открытых данных.

Ключевые слова: оценка качества среды, города-миллионеры, паспорт муниципальных образований, индекс среды, формат открытых данных.

Для городов-миллионеров характерна значительная концентрация населения, обуславливающая сочетание его разнообразных потребностей, интересов и возможностей, для реализации которых необходима качественная городская среда. В связи с этим возникает необходимость ее изучения и оценки. Комплекс мероприятий данных документов формируется, исходя из специфики каждого города, и ставит перед собой основную цель его развития – повышение уровня жизни населения и качества среды. В России реализуется ряд национальных проектов, примером которых является «Жилье и городская среда» [1].

Традиционно в сравнительных общественно-географических исследованиях качества среды городов-миллионеров используется база данных Росстата «Паспорт муниципального образования» [2]. Ликвидация поселенческого уровня в территориальной структуре местного самоуправления не оказала существенного влияния на объем информации по рассматриваемой группе городов (в отличие от большинства малых и средних), так как по городским округам информация представляется в прежнем объеме, а вклад в общий результат рядовых населенных пунктов в округах, возглавляемых городами-миллионерами, крайне незначителен.

В последние годы возможность оценки качества среды российских городов-миллионеров расширилась благодаря проведению ежегодного мониторинга качества среды и отдельных ее составляющих различными ведомствами и компаниями.

Примером исследования привлекательности городской среды может служить проект «Рейтинг российских мегаполисов» где проводится анализ качества жизни крупных городов. Данные исследования дополняются материалами опроса, проводимого исследовательским центром портала SuperJob.ru: почему жителям нравится или, наоборот, не нравится их город [3].

Минстрой РФ рассчитывает индекс качества городской среды в 1117 городах по методике, утвержденной в 2017 г. [4]. Результаты (в баллах) публикуются как по каждому городу в целом, так и по шести блокам показателей [5]. Следует отметить, что рассматриваемая методика нацелена на оценку качества среды, некоторые из применяемых в ней частных показателей свидетельствуют скорее не о средовых особенностях (условиях), а о результатах, которые достигаются городским сообществом под воздействием среды (например, количество ДТП с участием пешеходов со смертельным исходом на душу населения; посещаемость музеев и театров). Встречаются и показатели, оценивающие, по нашему мнению, не качество отдельного компонента среды, а только промежуточные результаты мероприятий, которые на это качество могут повлиять (например, количество вывезенных твердых коммунальных отходов на душу населения; доля площади, убираемая механизированным способом).

ООО «А+С Транспроект» (SIMETRA) определяет рейтинг 84 городов России по качеству общественного транспорта, опираясь на 40 промежуточных параметров качества транспортного обслуживания, объединенных в 5 групп [6]. Следует отметить, что неоднозначная реакция городских сообществ на ежегодные итоги мониторинга, особенно ярко выраженная со стороны потребителей транспортных услуг городов-лидеров рейтинга, по нашему мнению, отчасти связана с недостаточно корректным одновременным использованием результирующих показателей и более частных параметров, которые уже оказали влияние на итоговый результат. Так, относительная скорость движения общественного транспорта в сравнении со скоростью автомобильного потока определяется и развитием выделенных полос. Следовательно, логично в расчетах применять только первый показатель, а второй использовать лишь при объяснении итогового результата.

В рамках упомянутых мониторинговых мероприятий уделяется внимание особенностям размещения и доступности тех или иных объектов социальной сферы, но в результате мы видим общегородские частные и интегральные показатели, а внутригородские различия в привлекательности среды совсем не выявляются или уходят на второй план. Хотя их изучение очень важно.

Проблему отсутствия данных на уровне внутригородских территорий сегодня отчасти решает появление формата открытых данных. Большим подспорьем для выявления внутригородских различий в качестве городской среды стало появление проекта OpenStreetMap (OSM). С использованием данных OSM, можно решать такие задачи, как территориальный анализ объектов городской инфраструктуры, дорожной сети, общественного пространства или жилой застройки, но при расчёте их обеспеченности, необходимы данные распределения населения внутри городских районов.

На сегодняшний день для оценки качества городской среды все более эффективно применяются современные геоинформационные технологии. Пространственный анализ становится ключевым инструментом для выявления и анализа территориальных различий и взаимосвязей. Важный момент в исследованиях с использованием ГИС-технологий – наличие актуальной и достоверной пространственной информации.

Еще одним источником информации являются информационно-справочные системы и картографические сервисы: Google Maps, Яндекс.Карты, 2ГИС, Microsoft Bing Maps и т.д. Они предоставляют в режиме «онлайн» аналогичные пространственные данные, что и OSM.

Все большую популярность для исследований приобретают «большие данные». Для анализа внутригородских различий используют: социальные сети и блоги, мобильные устройства и приложения, интернет-площадки. Принципы сбора и обработки «больших данных» позволяют отслеживать, например, изменения привлекательности территорий города, стоимости и рентабельности жилья, передвижения населения и т.д.

Государственные и муниципальные учреждения, ведомства и компании в рамках своей рабочей деятельности взаимодействуют с пространственными данными и показателями внутригородской среды. Такая информация впоследствии хранится в архивах, в базах данных, реестрах или отчетах. Публикуется в открытом доступе лишь консолидированная информация, не обеспечивающая задачи внутригородских исследований.

Отсутствие общедоступных частных и внутригородских показателей является ограничивающим фактором для научных исследований. Для решения данной проблемы необходима разработка новых и совершенствование существующих методик сбора, обработки, анализа и интерпретации данных.

Наличие свободного доступа у научного сообщества ко всем промежуточным показателям могло бы способствовать более корректной интерпретации результатов мониторинга в научных исследованиях, оказало бы неоценимый вклад в выводе этих исследований на более высокий уровень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Национальный проект «Жилье и городская среда» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyu-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 28.01.2023).
2. Паспорт муниципального образования // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/ (дата обращения: 27.01.2023).
3. Ахмедова Ю., Рыжкова А., Веселов А. Рейтинг городов – 2017 // Русский репортер, №7 (424), 12 – 28.05.2017.
4. Об утверждении Методики определения индекса качества городской среды муниципальных образований Российской Федерации: приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 31.10.2017 года N 1494/пр // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/555650494> (дата обращения: 26.01.2023).
5. Результаты // Индекс качества городской среды [Электронный ресурс]. URL: <https://индекс-городов.рф/#/results> (дата обращения: 26.01.2023).
6. Рейтинг городов по качеству общественного транспорта // ОТ Рейтинг городов [Электронный ресурс]. URL: <https://publictransport.simetragegroup.ru/rating> (дата обращения: 27.01.2023).

Sergey A. Merkushev, Yana R. Polyakova, Tatiana V. Subbotina
Perm State National Research University, Perm

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF THE ENVIRONMENT RUSSIAN MILLIONAIRE CITIES: NEW OPPORTUNITIES AND PROBLEMS

Abstract. *The study of various spheres of activity of cities is based on the use of various information. Along with traditional statistical sources, attention should be paid to materials for monitoring the quality of the environment and its individual components by various departments and companies, information from information and reference systems and cartographic services. There is a need to use modern geoinformation technologies, open data.*

Keywords: *assessment of the quality of the environment, millionaire cities, the part of municipalities, the environment index, the format of open data.*

УДК 910.1

Новиков А.Н.

Забайкальский государственный университет,
г. Чита

СТРАНОВЕДЕНИЕ: МЕСТО В СИСТЕМЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК И СОВРЕМЕННОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. *Страноведение – это не только исследование стран, но и использование наработанных методик комплексного изучения в отношении групп стран и их частей, то есть на различных территориальных уровнях. На региональном уровне наблюдается активный рост применения страноведческих методик. Однако данное направление корректнее называть «полимасштабная комплексная география». Место страноведения в современных классификациях географических наук можно определить в рамках полимасштабной географии наряду с геоглобалистикой и регионоведением.*

Ключевые слова: *комплексные исследования, науковедение, регионоведение, страноведение, географический синтез.*

Страноведение воспринимается в современной географии в широком и узком смыслах. В узком – это изучение конкретных стран, а в широком – как междисциплинарное направление комплексного исследования территорий различного уровня: групп стран; собственно, стран и их частей (федеральных округов, областей, провинций и прочих таксонов). Главным атрибутом страноведческих исследований является географический синтез.

Синтез географических знаний можно осуществить только на примере исследования целых и единых в своем функционировании географических объектов, и не только стран, крупных регионов, областей, районов и других географических мест, но и самых мелких территориальных единиц ЛЮ и ГО; а предметом должна быть их внутренняя территориальная организация, внешние связи и отношения [1, с. 145].

Таким образом, объектами и предметом страноведения, с нашей точки зрения, могут быть любые территориальные части ландшафтной оболочки и географической оболочки, но не сами по себе, а под углом

зрения цельной географии, которую в этом смысле мы условно называем «микространоведением», в чем и состоит различие нашего и традиционно принятого толкования страноведения [1, с. 145].

Действительно, традиции комплексного изучения групп стран, их частей и городов пришли из страноведения. Профессор Ю.П. Михайлов вел речь об «игре масштабами» при распространении традиций страноведения на различных территориальных уровнях. С этих позиций можно говорить о микространоведении. В данном случае это не изучение государств с малой площадью, а использование страноведческих методик в изучении различных территориальных таксонов. Автор считает, что с позиций классификации географических наук лучше использовать термин не «страноведение», а «полимасштабная комплексная география».

Полимасштабная география – «переключение» вектора исследования предметной географии с одного географического уровня на другой: региона, страны и мира в целом. Термины «регионоведение», «страноведение» и «геоглобалистика» получили широкое распространение, обозначая географические направления. Каждое из трех направлений в свою очередь делится на следующую триаду – позиционной географии, отраслевой и районной. Позиционная география выявляет позицию территории (физико-географическое или экономико-географическое положение) в структурах более высокого порядка. Отраслевая география – анализ внутреннего содержания территории, она представлена в физической географии анализом компонентов геосфер. В учебных курсах по физической географии мы находим географию климата, географию поверхностных вод, географию почв и другие направления исследования. В социально-экономической географии это анализ производственных и социальных процессов и структур: география населения, география машиностроения и др. Замыкает триаду районная география, которая призвана продемонстрировать внутри территориальные различия. Такова географическая трилогия научного объяснения на каждом из уровней [2, с. 168]. Именно в страноведении зародилась традиция географической трилогии научного объяснения.

Опыт страноведческих работ в Забайкальском крае реализован в региональном компоненте курса «Забайкаловедение» в средних общеобразовательных школах, который состоит из семи логически взаимосвязанных модулей: «Живое слово Забайкалья», «Фольклор и литература Забайкалья», «География Забайкальского края», «Искусство Забайкалья», «История Забайкалья», «Живая природа Забайкалья», «Устойчивое развитие региона». Издатель книг – ООО «Русское слово – учебник». В общей сложности в издательстве вышло 13 учебных пособий, которые поступают в забайкальские школы и успешно используются в образовательном процессе.

Коллективом Забайкальского отделения АРГО было разработано учебное пособие «Забайкаловедение. Экономическая и социальная география Забайкальского края» [3].

В Республике Бурятия страноведческие традиции в школе реализованы в виде книги А.К. Тулохонова «Уроки родиноведения» [4]. Оно позиционируется как учебное пособие для воспитательной работы.

Создание учебных страноведческих продуктов в разрезе регионов России – это регионализация нарабатанного прошлыми поколениями географов страноведческого опыта. Накопленный за советское и постсоветское время научный кадровый потенциал в регионах, в том числе и географов-обществоведов, позволил активизировать страноведческие по характеру исследования на уровне регионов страны. Региональные научные исследования привели к организации движений по созданию энциклопедий и учебных пособий.

В Забайкальском крае реализован масштабный проект «Энциклопедия Забайкалья». Проект накопил и систематизировал огромный массив данных о природе, населении и хозяйстве. По идее, этот массив должен быть подвергнут всестороннему изучению, должен стать информационной базой для множества исследований по систематизации, типизации, картографированию. Однако переход на качественно новый уровень использования не произошёл. Все статьи «Энциклопедии Забайкалья», которые были напечатаны в серии четырёх основных и серии малых томов, выставлены на сайте <http://www.encycl.chita.ru/> [5] в электронном варианте. Ограничения использования могут быть преодолены за счёт совершенствования механизма автоматического обработки имеющейся информации. Система должна позволять не просто делать запрос по ключевому слову, но и производить дальнейшую обработку этого запроса, например, сортировку: по времени события, по районам, по персоналиям. Необходимо привлечение искусственного интеллекта к первичной обработке информации, чтобы избавить исследователя от рутинной работы по вариативному перебору информации под различные форматы. Проблема проекта «Энциклопедия Забайкалья» уже не в накоплении знаний, а в их осознании с различных методических позиций. Комбинаторика информации, её новые формы позволят получать новые знания. Должны появиться новые географические направления работ по пространственно-временной активности общества Забайкальского края в разрезе городов и муниципальных районов в различных сферах – культурная продуктивность; политическая активность; инфраструктурная оснащённость; научная изученность.

Страноведческие исследования на региональном уровне должны не только подпитывать своей информационно-аналитической базой исследования России в целом, но и выводить их на новый уровень. Регион должен занять свое место в географическом образе России, а для этого нужно кратко и ёмко назвать этот образ. Профессор А.А. Недешев [6] разработал концепцию «Забайкалье – экономический мост между Сибирью и Дальним Востоком». Название концепции, разработанной в исключительно прикладных целях, кратко и ёмко говорит о том образе, который был у Читинской области в советский период. Профессор рассмотрел Читинскую область как областной экономический район периферийно-ресурсного типа.

Ученые П.Я. Бакланов, А.Н. Новиков, А.Б. Птицын [7] представили образ Забайкальского края как контактного звена Международного трансграничного трёхзвенного региона восточного стыка границ России, Монголии и Китая.

В настоящее время образ Забайкальского края противоречив. Задача современного страноведения – адекватная, сбалансированная географическая экспертиза территории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Михайлов Ю.П. Нужно ли страноведение современной географии? // География и природные ресурсы. 2010. № 3. С. 145-150.
2. Новиков А.Н. Тринитарно-фрактальная структура географических наук // География и природные ресурсы. 2022. № 1. С. 164-171.
3. Забайкаловедение. Экономическая и социальная география Забайкальского края: учеб. пособие для 9 класса общеобразовательных организаций / В.З. Багова, О.А. Баранова, В.В. Будко [и др.]; под науч. ред. А.Н. Новикова. М.: Русское слово – учебник, 2020. 128 с.
4. Тулохонов А.К. Уроки родиноведения. Улан-Удэ: Экос, 2022. 144 с.
5. Энциклопедия Забайкалья: [официальный сайт]. URL: <http://www.encycl.chita.ru/> (дата обращения: 22.01.2023). Текст: электронный.
6. Недешев А.А. Областной экономический район. Новосибирск: Наука, 1975. 162 с.
7. Бакланов П.Я., Новиков А.Н., Птицын А.Б. Структурно-географический анализ трансграничных трёхзвенных территорий // Доклады Академии Наук. 2016. Т. 468, № 1. С. 97-99.

Alexander N. Novikov
Transbaikal State University, Chita

REGIONAL STUDY: PLACE IN THE SYSTEM OF GEOGRAPHICAL SCIENCES AND MODERN APPLICATION OF METHODOLOGY AT THE REGIONAL LEVEL

Abstract. Country studies is not only the study of countries, but also the use of established methods of comprehensive study in relation to groups of countries and their parts, that is, at various territorial levels. At the regional level, there is an active growth in the use of country studies methods. However, it is more correct to call this direction polyscale complex geography. The place of regional studies in modern classifications of geographical sciences can be determined within the framework of multiscale geography along with geoglobalistics and regional studies.

Keywords: integrated research, science of science, regional studies, country studies, geographical synthesis.

УДК 911.373.3

Панков С.В.
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ЗАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕРВИЧНЫХ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Тамбовская земля, занимающая практически половину Окско-Донской равнины и западные склоны Приволжской возвышенности, характеризуется как специфическим сочетанием ландшафтных комплексов, так и историей развития данной территории. Весь ландшафтно-исторический облик нашей земли несет на себе следы контрастности, где существовали лес и степь, низменности и возвышенности, племена кочевников и оседлых земледельцев. Современное состояние ландшафтов Тамбовской области в значительной степени определено не столько естественным развитием природы, сколько все возрастающей хозяйственной деятельностью человека.

Ключевые слова: сельские поселения, селитебная территория, топографическое положение, природная среда, ландшафтные условия.

Неотъемлемым атрибутом любой исторической эпохи любых народов являлись поселения – места проживания и хозяйственной деятельности человека. Со сменой исторических формаций менялись и типы

поселений: от стоянок неолита, городищ и селищ железного века до современных деревень, сел, поселков, городов. Но всегда оставалась связь между размещением поселений и природными условиями. Влияние оказывали социальные, экономические, военно-политические факторы, однако географический фактор чаще становился ведущим при выборе места под поселение. С.А. Ковалев отмечает [1, с. 87]: «В определенном топографическом положении селений отражаются требования общества к географической среде на известном историческом этапе». В целом зависимость размещения поселений от естественно-географических условий не вызывает сомнений ни у историков, ни у географов, хотя этот фактор оценивается по-разному.

Влияние географической среды, в частности топографических условий, особенно сильно на ранних ступенях развития общества, когда низкий уровень производительных сил не дает возможности затрачивать достаточное количество труда на преодоление естественных препятствий или разрушительных сил природы, а характер производственных отношений не обеспечивает участия в необходимых работах достаточно больших и хорошо организованных коллективов. Недооценка или игнорирование природного фактора приводит к необъективности в анализе условий формирования отдельных поселений и всей селитебной территории в целом. Необходимо учитывать и иные факторы, значение которых на определенных этапах может доминировать.

Природная среда оказывает на расселение и размещение населенных пунктов определенное влияние не только через хозяйство (как естественная база хозяйства и его территориальных различий). Сказывается и более прямое «техническое» воздействие среды, создающей различные условия, удобства или трудности, для размещения и строительства населенных пунктов; степень этого воздействия, в свою очередь, исторически меняется в зависимости от уровня развития производительных сил и с учетом этого уровня должна быть оценена. Наконец, существующее размещение поселений в его различиях может быть понято только при историческом подходе к нему.

Сельские поселения как места жительства и трудовой деятельности людей предъявляют определенные требования к условиям водоснабжения, к рельефу и грунтам, к микроклиматическим условиям, требуют возможной степени безопасности от стихийных явлений и т.д. Любой участок земной поверхности в этом отношении обладает различным сочетанием «селитебных» условий – от полной непригодности для использования в качестве строительной площадки при современном уровне техники, через длинный ряд относительно пригодных участков до оптимальных условий. Первая ступень этого ряда отбрасывается: здесь природа прямо и непосредственно лимитирует расселение. Лучшие места используются в первую очередь при прочих равных условиях.

При этом понятия удобства и пригодности различных мест с точки зрения их использования для поселения относительны, они исторически изменяются в зависимости от условий жизни людей и от возможностей преобразования природной среды, преодоления ее неблагоприятных сторон. Следовательно, степень влияния природной среды на расположение поселений, их планировки и т.п. нужно оценивать применительно к определенному историческому этапу.

Воздействие природных условий проявляется не только при строительстве населенных пунктов, но и в течение всей их жизни... Приобретение определенных черт (главным образом в рисунке расселения, топографическом положении, облике поселений, ландшафтных особенностях) под влиянием условий природной среды представляет одну из закономерностей расселения [2].

Другой группе фактов, определяемых уровнем развития общества, совершенствованием орудий труда, политической выгодой, военной целесообразностью и влияющих на размещение поселений, также принадлежит заметная роль, но лишь в те моменты исторического процесса, когда это вызвано необходимостью, и учет местных природных условий отходит на второй план.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что поселения есть историческая категория, взаимоотношающаяся с природными условиями, общественное развитие, техническое совершенствование, этнические особенности и многое другое, где наслоения последующих времен отражались на плане, ландшафтах, усложняя и дополняя их структуру и формы.

В IV-XII вв. н.э. формирование поселений Тамбовщины можно охарактеризовать как период образования новой мордовско-русской межэтнической общности. Ее образование повлекло за собой иной ход исторического развития, и, как следствие, изменился процесс формирования поселений.

Коллективизм предыдущих эпох, когда ведение хозяйства проводилось общиной, становится излишним, сковывает хозяйственную инициативу. Все чаще проявляется стремление отдельных семей обосноваться вне своего старого общинного гнезда, чтобы использовать возможности новой земледельческой техники для индивидуального хозяйства. Процесс распада общин сказывается и на планировке новых поселений. Их размеры уже не связаны с величиной отдельной семейной общины и определяются теперь

наличием в ближайшем окружении удобных пахотных земель. В связи с этим небольшие поселения мордовских племен располагались вдоль берегов Цны и ее притоков. Мордва жила на правом берегу Цны, мещера – преимущественно на левом.

Необходимо отметить, что в расположении поселений выделяются две характерные черты: 1) их ареал локализован в пределах одного бассейна, в отличие от предыдущих эпох; 2) многие поселения основаны на «унаследованных» от прошлых времен местах.

Определенной вехой в заселении Тамбовского края стало продвижение на эти земли первых русских поселенцев (IX век). Главными районами расположения славянских поселений были бассейн р. Цны, среднее течение р. Матыры, место слияния Лесного и Польного Воронежа и редкие поселения по р. Вороне и ее притокам.

Расселение славян в бассейне Цны способствовало расширению их контактов с мордовскими племенами. В IX веке среди мордвы славянское население составляло более 15 %. По данным И.И. Ляпушкина [3], восточнославянские поселения лесостепной полосы располагались в VIII-IX вв. гнездами по 3-4 поселения, отстоящие одно от другого на расстояние до 5 км.

В целом, русские деревни располагались в местах, богатых лугами и водой, размеры их были невелики, иногда использовались древние заброшенные городища (V-VII вв. н.э.) на невысоких речных берегах. Нередки случаи, когда русские селения соседствовали с мордовскими. Среди мордовских могильников встречаются захоронения русских переселенцев.

Население Тамбовского края, бывшего в XI-XIV вв. южной и юго-восточной окраиной обширного Рязанского княжества, вынуждено было нести сторожевую службу. С этой целью на наиболее вероятных путях продвижения татар были выстроены караулы (сторожи). Редкие караулы русских служилых людей по рекам Хопру, Вороне, Дону и другим вели наблюдение «за степью», откуда могли появиться татары. Местом для сторожи служит ровное поле, видимое на далеком расстоянии, часто гребень горы (острожек на Лысой горе) или высокий берег реки (острожек на реке Липовице). Напротив, запрещалось стоять в местах закрытых, например, в лесах. Как и в случаях с городищами железного века, выбор местоположения для караулов проводился с максимальным учетом особенностей ландшафта, в целом сводившимся к следующим условиям:

- 1) оборонительно-селитебный комплекс должен доминировать над окружающей местностью;
- 2) необходим надлежащий обзор на три стороны;
- 3) тыловая сторона острожка должна иметь естественную защиту (река, лес, овраг) для отхода обороняющихся и для снижения мобильности конницы кочевников.

К концу указанного периода (начало XIII века) ландшафтная обстановка изменилась незначительно. Хозяйственному воздействию подвергались все те же участки речных долин (Цны, Воронежа и их притоков) [4].

Испытывая целенаправленное воздействие человека на протяжении многих столетий, ландшафты Тамбовской равнины несут в себе следы его прошлой хозяйственной деятельности. Взаимодействие населения и географической среды через преобразование природно-территориальных комплексов разного ранга окончательно сформировали антропогенный облик края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ковалев С.А. География сельских населенных пунктов в областях Черноземного Центра // Вопросы географии. 1953. Сб. 32. С. 66-116.
2. Ковалев С.А. Сельское расселение. М.: Изд-во МГУ, 1963. 371 с.
3. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII - первая половина IX вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 128 с.
4. Панков С.В. Формирование селитебной территории // Тамбовская лесостепь: природа и общество: монография / науч. ред. Н.И. Дудник, отв. ред. Е.Е. Инякина, С.В. Панков; М-во обр. и науки РФ [и др.]. Тамбов: Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2013. С. 212-240.

Sergey V. Pankov

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov

THE HISTORICAL PROCESS OF SETTLEMENT AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE PRIMARY NATURAL LANDSCAPES OF THE TAMBOV REGION

Abstract. *Tambov land, which occupies almost half of the Oka-Don plain and the Western slopes of the Volga upland, is characterized by a specific combination of landscape complexes and the history of the territory. The whole landscape and historical appearance of our land bears the traces of contrast, where there were forest and steppe, lowlands and hills, tribes*

of nomads and settled farmers. The current state of the landscape of the Tambov region is largely determined not so much by the natural development of nature as by the increasing economic activity of man.

Keywords: rural settlements, residential area, topographic location, natural environment, landscape conditions.

УДК 904; 631.417.1

Прудникова Т.Н.

Центр биосферных исследований Республики Тыва,
г. Кызыл

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Аннотация. На космических снимках в верховьях р. Тес-Хем, на территории Северо-Западной Монголии, на абсолютных отметках около 1800 м, отчетливо дешифрируются весьма и весьма значительные следы древнего земледелия. Предполагается использование природных особенностей кайнозойской поствулканической деятельности (участков сосредоточения плодородного вулканического пепла, природного тепла, геотермических процессов) в хозяйственных практиках древнего населения.

Ключевые слова. Северо-Западная Монголия, верховье долины р. Тес-Хем, древнее земледелие, кайнозойский базальтовый магматизм, поствулканические процессы.

Река Тес-Хем, истоки которой находятся в горах Булайн-Нуруу, северных отрогах хребта Хангай Монголии, протекая более 200 км по гористой местности, выходит на равнину Убсунурской котловины (рис. 1). Прижимаясь к северному ее борту, река пересекает котловину, впадая в оз. Упса. В долине реки на всем ее протяжении, от истоков до устья, присутствуют следы земледельческой деятельности прошедших эпох – обширные земельные наделы, оросительные системы, остатки поселений.

Древнее земледелие Убсунурской котловины достаточно изучено. Получены радиоуглеродные датировки возраста оросительных систем, найдено два города, не известных в научном мире, обнаружены зерновки пшеницы, проса, овса на древних агроландшафтах. Определена палеогеографическая обстановка времени существования широко развитого земледелия на этой территории, как время с развитой лесостепью на пустынных ныне ландшафтах [1].

Дистанционные наблюдения, дешифрирование космических снимков, верховий Тес на абсолютных отметках долины реки около 1800 и более метров открыли удивительную картину земледельческой деятельности прошлого. Обширная территория в верховье реки, где Тес меняет свое направление от широтного на северо-западное, несет следы земледельческих наделов, количество которых должно исчисляться тысячами. Земельные наделы подчинены по единому порядку, размеры их небольшие (от 10х20 и более метров, рис. 2, 3). Создать и обрабатывать такое количество участков должны сотни, а то и тысячи человек.

Абсолютные отметки 1800 и более метров – не самые благоприятные условия для земледелия. Весьма и весьма значительное количество земельных наделов на этих высотах должно предполагать какие-то особые условия для их существования.

Возможно, это может объясняться присутствием в верховье реки Тесхемского (Гесеингольского - III) ареала кайнозойского базальтового вулканизма Монголии [3].

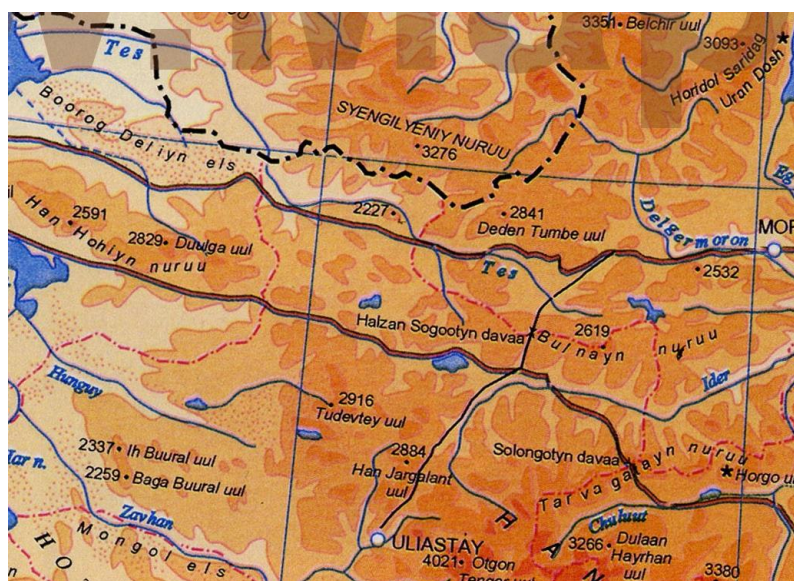

Рис. 1. Обзорная карта

Согласно отчета С.П. Михеева о поездке в Северо-Западную Монголию и Урянхайскую землю в 1910 г., при повороте р. Тес в северо-западном направлении, было «раскинуто несколько озер – остатков некогда действовавших грязевых вулканов...» [4].

Грязевые вулканы, упомянутые С.П. Михеевым, могут свидетельствовать о процессах поствулканической деятельности на этой территории. Природное тепло, геотермические процессы, плодородный вулканический пепел, могли способствовать столь развитому здесь в прошлом земледелию. Площади земельных наделов хорошо укладываются в ореол кайнозойского вулканизма (рис. 4). Приуроченность участков древнего земледелия к ареалам кайнозойского вулканизма можно наблюдать и в других районах Монголии [5].

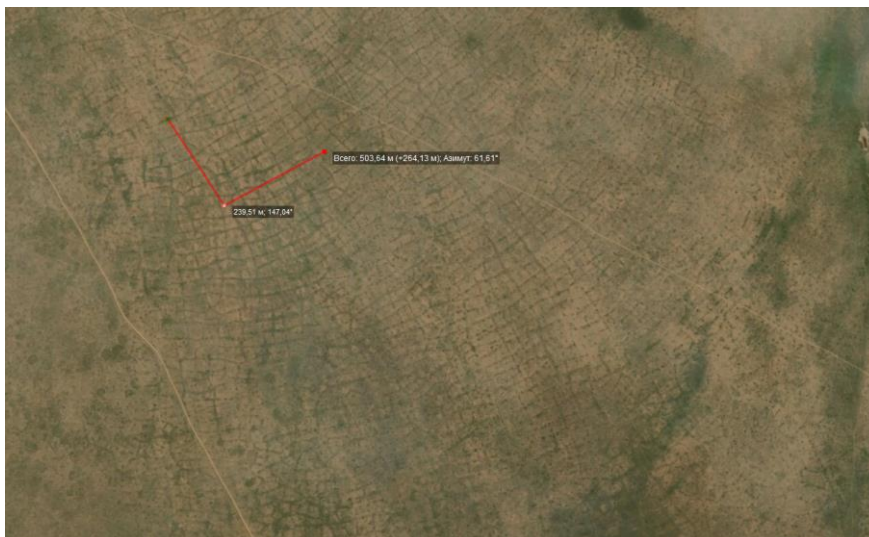

Рис. 2. Земельные наделы в верховье р. Тес. Источник: [2].

Рис. 3. Земельные наделы в верховье р. Тес. Источник: [2]

Рис. 4. III – Тесхемский ареал кайнозойского базальтового вулканизма Монголии. Источник: [3]

Исследование такой природной обусловленности земледельческого производства принесет очень интересные сведения об истории этого региона (кто были эти земледельцы, особенности их хозяйственных

практик, выращиваемые культуры, почему исчезло это многочисленное население и др.), возможно, принесет немалую пользу в восстановлении и развитии земледелия в настоящее время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Прудникова Т.Н. Древнее земледелие и трансформация ландшафтов Центральной Азии / Т.Н. Прудникова. СПб.: Сциентиа, 2020. 196 с. ISBN: 978-5-9909130-9-7
2. Монгольская Народная Республика. Национальный атлас. Улан-Батор; М.: АН МНР; АН СССР, 1990. 144 с.
3. Михеев С.П. Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию и Урянхайскую землю [Текст] / [Соч.] Ген. шт. кап. Михеева; под ред. ген. шт. полк. Болховитинова. С.-Петербург: Воен. тип., 1910. VII, 176 с., 1 л. карт. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/229340> (дата обращения: 22.04.2020).
4. Prudnikova T.N. The Properties of Agriculture-Related Objects in Arid Regions in Northwest Mongolia and the Tuva Border Areas. *Arid Ecosystems, Industrial Challenges in Arid Land Development*, Published: 04 November 2022, P. 462-472.
5. Google Планета Земля. [Электронный ресурс]. URL: <https://support.google.com/earth>

Tatiana N. Prudnikova

Biosphere Research Center of the Republic of Tuva, Kyzyl

FEATURES OF AGRICULTURE IN NORTH-WESTERN MONGOLIA

Abstract. *On satellite images in the upper reaches of the Tes-Khem River, on the territory of Northwestern Mongolia, at absolute elevations of about 1800 m, very, very significant traces of ancient agriculture are clearly deciphered. It is supposed to use the natural features of the Cenozoic post-volcanic activity (areas of concentration of fertile volcanic ash, natural heat, geothermal processes) in the economic practices of the ancient population.*

Keywords: *North-Western Mongolia, upper reaches of the Tes-Khem river valley, ancient agriculture, Cenozoic basalt magmatism, post-volcanic processes.*

УДК 332.37

**Савельев П.С.¹, Савельева П.Б.²,
Засядь-Волк В.В.³, Демидов М.О.¹**

¹*Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург;*

²*ГКУ «Ленавтодор», г. Санкт-Петербург;*

³*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

ВЛИЯНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. *В работе представлены первичные результаты исследования, направленного на изучение процессов, приводящих к неэффективному использованию земель сельскохозяйственного назначения в Ленинградской области. Влияние данных процессов рассматривается в контексте обеспечения продовольственной безопасности двух субъектов РФ – г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Данный подход обусловлен отсутствием земель сельскохозяйственного назначения в границах города федерального значения, а соответственно, отсутствием возможности прямого влияния на продовольственную самообеспеченность субъекта. В этой связи решение вопросов эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения Ленинградской области имеет особое значение для социально-экономического развития сразу двух субъектов РФ.*

Ключевые слова: *рациональное использование земель, национальная безопасность, продовольственная безопасность, землеустройство и кадастр, мониторинг земель, земли сельскохозяйственного назначения.*

Стратегической задачей по защите национальной безопасности России является обеспечение продовольственной безопасности всех её регионов. Ввиду того, что большая часть посевных площадей в Российской Федерации относятся к зонам рискованного земледелия, следовательно, не все российские регионы имеют возможность к развитию собственного сельского хозяйства, что, в свою очередь, оказывает влияние на обеспечение продовольственной безопасности страны, невозможное без системного и рационального подхода к контролю за использованием особо ценных земель – земель сельскохозяйственного назначения.

В этой связи актуальность проводимого нами исследования обусловлена необходимостью принятия разносторонних и эффективных мер, направленных на сохранение земель сельскохозяйственного назначения, ввиду их постоянного сокращения как в регионах Российской Федерации, так и в стране в целом [1].

В свою очередь, в Российской Федерации также есть субъекты – города федерального значения, в административных границах которых отсутствуют земли сельскохозяйственного назначения, а соответственно, отсутствует возможность прямого воздействия на процесс самообеспечения субъекта необходимой сельскохозяйственной продукцией. В связи с этим возникает естественная кооперация по вопросам продовольственной безопасности с соседними субъектами. Одним из примеров такого взаимодействия является взаимосвязь г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, обусловленная, в том числе, географическим положением города федерального значения.

Исходя из этого, вопросы эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения Ленинградской области приобретают особое значение как минимум для двух субъектов Российской Федерации.

В контексте социально-экономического развития регионов, эффективность использования земель сельскохозяйственного назначения, является одним из определяющих факторов обеспечения продовольственной безопасности [2; 3; 4]. Соответственно, в рамках проводимого нами исследования были поставлены две первоочередные задачи:

1. Определить причины, приводящие к процессу перевода земель сельскохозяйственного назначения в другие категории земель;
2. Определить эффективные инструменты, направленные на рациональное использование земель сельскохозяйственного назначения по их целевому назначению, для выстраивания механизмов по обеспечению продовольственной безопасности г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области в соответствии с утвержденной Доктриной продовольственной безопасности РФ и Законом Санкт-Петербурга «Об обеспечении продовольственной безопасности и поддержки сельскохозяйственного производства в Санкт-Петербурге» [5; 6].

В целях решения первой поставленной задачи нами был использован метод, основанный на ретроспективном анализе трансформационных процессов, происходящих на землях сельскохозяйственного назначения Ленинградской области с начала 90-х годов XX века. Данный подход позволил нам определить основные причины выбывания земель сельскохозяйственного назначения из оборота:

1. Отсутствие эффективного государственного контроля за использованием земельного фонда;
2. Отсутствие в ЕГРН (единый государственный реестр недвижимости, далее – ЕГРН) актуальных сведений о землях сельскохозяйственного назначения (площадь, координаты и т. д.);
3. Дegradация земель сельскохозяйственного назначения;
4. Несоответствие сведений о планируемом функциональном назначении территории, установленном генеральным планом, фактическому территориальному зонированию, утвержденному правилами землепользования и застройки конкретной территории и внесенному в ЕГРН в виде определённой территориальной зоны, устанавливающей соответствующий градостроительный регламент.

После выявления причин выбывания земель сельскохозяйственного назначения из оборота и проведения анализа существующих мер и практик по решению выявленных проблем были выработаны первоочередные меры, которые, на наш взгляд, могут оказать существенное влияние на эффективность использования и распоряжения землями сельскохозяйственного назначения в целях обеспечения продовольственной безопасности рассматриваемых регионов.

Во-первых, необходимо строгое соблюдение принципа первичности генерального плана в части планируемого расположения земель сельскохозяйственного назначения.

Во-вторых, целесообразна разработка институциональных механизмов, направленных на принудительное изъятие и передачу в фонд перераспределения муниципального района неиспользуемых или неэффективно используемых земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения.

В-третьих, должен быть наложен запрет на продажу/аренду/перевод земель сельскохозяйственного назначения, принадлежащих обанкротившимся предприятиям, без проведения предварительной оценки и мониторинга данных земель на предмет возможности их дальнейшего использования по целевому назначению.

В-четвертых, следует провести актуализацию сведений и исключение как полных, так и частичных несоответствий, и противоречий в документах территориального планирования муниципального образования.

В-пятых, требуется включение в единую федеральную информационную систему о землях сельскохозяйственного назначения (далее – ЕФСИН ЗСН) исторических схем перераспределения земель сельскохозяйственного назначения бывших колхозов и совхозов – проектов внутрихозяйственного землеустройства.

На наш взгляд, сформулированные по итогу проведенного анализа практические меры будут способствовать организации процесса эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения и позволят выстроить системный и последовательный подход в формировании федеральной и региональной земельной политики. Которая, в свою очередь, должна быть направлена на формирование рационального собственника особо ценных земельных ресурсов – земель сельскохозяйственного назначения, а также на обеспечение продовольственной безопасности и социально-экономическое развитие регионов, в контексте данного исследования – г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosreestr.gov.ru/>
2. Floor Brouwer, C.Martijn van der Heid Multifunctional rural land management: Economics and Policies / В. Floor, van der Heid. С. Martijn. England. 2009. 335 p.
3. Липски С.А. Земельные отношения и особенности государственной земельной политики в современной России: монография / С.А. Липски. М.: Изд-во ФГБОУ ВПО ГУЗ, 2014. 300 с.
4. Савельев П.С. Рациональное использование земель сельскохозяйственного назначения как основа обеспечения продовольственной безопасности региона и страны / П.С. Савельев, В.В. Засядь-Волк // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2023. № 1. С. 27-32. DOI 10.33920/sel-04-2301-04. – EDN FHWFCY
5. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».
6. Закон Санкт-Петербурга от 16.12.2015 г. № 841-168 «Об обеспечении продовольственной безопасности и поддержки сельскохозяйственного производства в Санкт-Петербурге».

Pavel S. Savelev¹, Polina B. Saveleva²,
Vladimir V. Zasyad-Volk³, Mikhail O. Demidov¹

¹North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg

²GKU "Lenavtodor", Saint Petersburg

³St. Petersburg State University, Saint Petersburg

THE IMPACT OF EFFICIENT USE OF AGRICULTURAL LAND ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG AND THE LENINGRAD REGION)

Abstract. The paper presents the primary results of a study aimed at studying the processes leading to the inefficient use of agricultural land in the Leningrad region. The influence of these processes is considered in the context of ensuring food security in two constituent entities of the Russian Federation - of St. Petersburg and the Leningrad region. This approach is due to the lack of agricultural land within the boundaries of the city of federal significance and accordingly the lack of the possibility of a direct impact on the food self-sufficiency of the subject. In this regard, addressing the issues of efficient use of agricultural land in the Leningrad region is of particular importance for the socio-economic development of two constituent entities of the Russian Federation at once.

Keywords: rational use of land, national security, food security, land management and cadaster, land monitoring, agricultural land.

UDK 504.062

Xu Shuxing^{1,2}, Wang Juanle^{1*}

¹State Key Laboratory of Resources and Environmental Information System, Institute of Geographic Sciences and Natural Resources Research, Chinese Academy of Sciences, Beijing 100101, China;

²University of Chinese Academy of Sciences, Beijing 100049, China

ECOSYSTEM SERVICES ASSESSMENT AND TRADE-OFF SYNERGIES ON THE MONGOLIAN PLATEAU

Abstract. Ecosystem service functions, as a comprehensive indicator characterizing the level of regional sustainable development, play an important role in supporting the sustainable development of human society and are the basis for achieving sustainable development. Desert ecosystems are the main ecosystem types in arid and semi-arid regions and one of the most fragile ecosystem types, providing several critical ecosystem services to support the livelihoods of their inhabitants and economic and social development, including food production, carbon fixation and oxygen release, hydrological regulation, soil conservation, biodiversity maintenance and ecotourism, creating ecological and economic values.

The Mongolian Plateau, a typical area sensitive and vulnerable to global changes, is one of the major arid zones in the northern hemisphere, as well as the core area of the Belt and Road"China-Mongolia-Russia Economic Corridor; and an important ecological barrier in northern Asia. Under the influence of climate change and unreasonable human activities such as overgrazing and uncontrolled mining, the supply capacity of ecosystem services in the region has been reduced or even disappeared completely. The ecosystem and ecosystem services vary significantly regionally due to different ecological restoration methods, grazing practices, and socio-economics in China and Mongolia.

In this study, three ecosystem services, carbon fixation, soil conservation, and wind and sand control, were quantified based on the CASA, RUSLE, and RWEQ models, which are closely related to regional land degradation, soil erosion, and dust storms, respectively; the water retention and biodiversity-related habitat quality, which are closely related to regional water scarcity, were quantified and assessed using the InVEST model; grain production was assessed using the GAEZ. Based on the quantified functions of six ecosystem services on the Mongolian Plateau in 1990, 2000, 2010 and 2020, we analyze the spatial and temporal variation of each ecosystem service and reveal the trade-offs/synergies between different ecosystem services. It is important to understand the pattern of ecosystem services and their trade-offs and synergies on the Mongolian Plateau for the ecological security of the whole northern Asia and the green and sustainable development of the Mongolian Plateau.

Keywords: Mongolian Plateau; Ecosystem Services; Trade-offs and Synergies; InVEST.

Сюй Шусин^{1,2}, Ван Хуанле^{1*}

¹Государственная ключевая лаборатория системы информации о ресурсах и окружающей среде Института географических наук и исследования природных ресурсов Китайской академии наук, Пекин 100101, Китай;

²Университет Академии наук Китая, Пекин 100049, Китай

ОЦЕНКА ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ И КОМПРОМИСС СИНЕРГИИ НА МОНГОЛЬСКОМ ПЛАТО

УДК 551.583.4

Сат С.А., Андреев С.Г., Аюржанаев А.А.,
Батоцыренов Э.А., Супруненко А.Г.

Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ

ОСОБЕННОСТИ РАДИАЛЬНОГО ПРИРОСТА ХВОЙНЫХ ПОРОД ДЕРЕВЬЕВ В МАЛОМ ВОДОСБОРНОМ БАССЕЙНЕ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Аннотация. В докладе представлены результаты изучения древесно-кольцевых хронологий сосны обыкновенной (*Pinus Sylvestris L.*), лиственницы сибирской (*Larix Sibirica Ledeb.*), сосны сибирской (*Pinus Sibirica*) произрастающих в лесостепной зоне Восточного Забайкалья. Проведен корреляционный анализ радиального прироста ширины годовичных колец с гидротермическим коэффициентом Селянинова (ГТК). Наиболее значимая связь радиального прироста с ГТК выявлена по сосне обыкновенной в III декаде июля, далее основываясь на этих данных была произведена реконструкция изменений ГТК.

Ключевые слова: радиальный прирост, сосна обыкновенная, сосна сибирская, лиственница сибирская, гидротермический коэффициент Селянинова.

Введение. Дендроклиматические исследования вносят важный вклад в решении проблем и оценки глобальных и региональных изменений климата [1]. В настоящее время на территории Западного и Восточного Забайкалья интенсивно продолжаются дендроклиматические исследования. Результаты изучения динамики радиального прироста деревьев позволили более точно оценить изменения климатических условий в данном регионе [2–5 и др.]. Также новые построенные древесно-кольцевые хронологии являются важным инструментом для датирования исторических построек [6].

Оценка изменчивости в приросте деревьев играет важную роль в определении интенсивности, длительности и характера климатических условий в течение годового периода. К тому же, установленные связи прироста ширины годовичных колец с климатическими факторами, может дать более полное понимание климатических изменений в прошлом, также помочь в прогнозировании их изменений в будущем [7].

Целью данной работы является выявление связи радиального прироста разных пород хвойных деревьев, произрастающих в условиях лесостепной зоны Восточного Забайкалья с гидротермическим коэффициентом увлажнения. Далее на основе выявленной наиболее значимой корреляционной связи произвести количественную реконструкцию гидротермического режима увлажнения для исследуемой территории.

Материал и методы. Образцы кернов отобраны по сосне обыкновенной, лиственнице и сосне сибирской с Восточного и Западного склонов долины р. Ямаровка – правый приток р. Чикой, протекающий вдоль южного склона Малханского хребта на территории Забайкальского края (50°36' с.ш. 110°15' в.д.). Сбор, обработка и измерение образцов проводились по стандартным методикам принятой в дендрохроно-

логии [8]. Процедура стандартизации выполнялась с помощью программы RCSSigFree. Полученные древесно-кольцевые хронологии по разным видам деревьев показывают хорошие корреляции между собой.

Оценка отклика полученных хронологий по разным видам деревьев на гидротермический режим. Изучение гидротермического режима увлажнения территории позволяет анализировать изменения не только в температуре, но и в осадках. Поэтому в качестве показателя увлажненности территории рассматривается гидротермический коэффициент Селянинова, где отражается комплексное влияние тепла и влаги на радиальный прирост.

Значения ГТК рассчитывали с июня по сентябрь (усредненные по 10-дневным периодам), на основе данных метеорологической станции Красный Чикой (50°37' с.ш. 108°70' в.д.). Анализ корреляции радиального прироста с ГТК выделил значимое влияние для сосны обыкновенной и лиственницы сибирской в III декаде июля, благоприятное влияние на радиальный прирост для сосны сибирской наблюдается в I декаде июля (рис. 1).

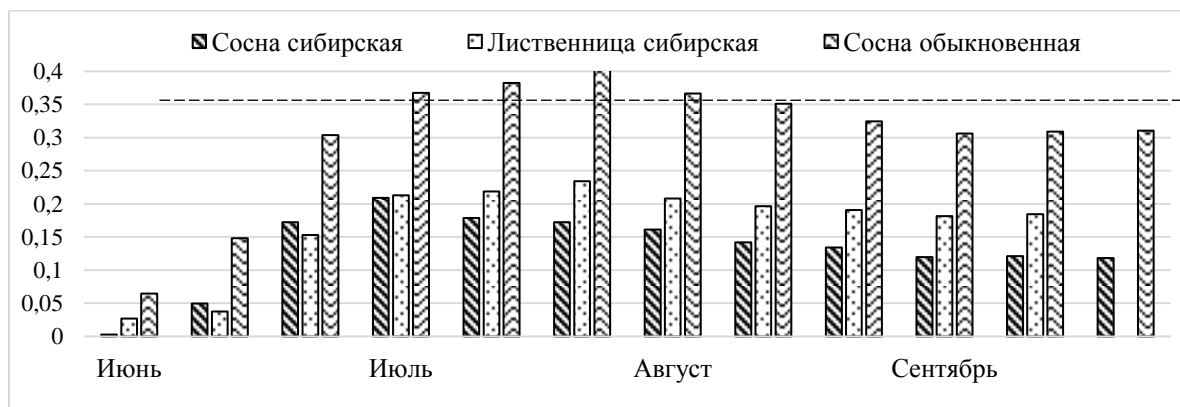

Рис. 1. Корреляция индексов прироста деревьев с гидротермическим коэффициентом увлажнения Селянинова (ГТК)

В связи с тем, что была выявлена тесная связь ($r = 0,4$) радиального прироста сосны обыкновенной с гидротермическим коэффициентом увлажнения в III декаде июля, нами была произведена реконструкция изменений ГТК до 1817 г. Выявленный сигнал популяции ($EPS > 0,85$) у хронологии получено с 1817 г, где в свою очередь дает возможность произвести надежную реконструкцию климатических условий. Также стоит отметить, что оба ряда как реконструированные, так и инструментальные имеют сходную динамику частотных изменений. Реконструкция ГТК по индексу радиального прироста сосны обыкновенной позволил выявить наиболее засушливый год за весь период (1823 г.).

В целом, на основе полученных реконструированных данных, можно говорить о том, что на исследуемой территории с начала XIX до середины XX вв. преобладали более влажные условия, с середины XX в. по настоящее время стали чаще повторяться засушливые климатические условия (рис. 2). Эти изменения могут быть связаны как с естественными климатическими факторами, так и антропогенными, в последствие увеличения выбросов парниковых газов в атмосферу, где в свою очередь являются главной причиной потепления климата, наблюдаемого с середины XX века [9].

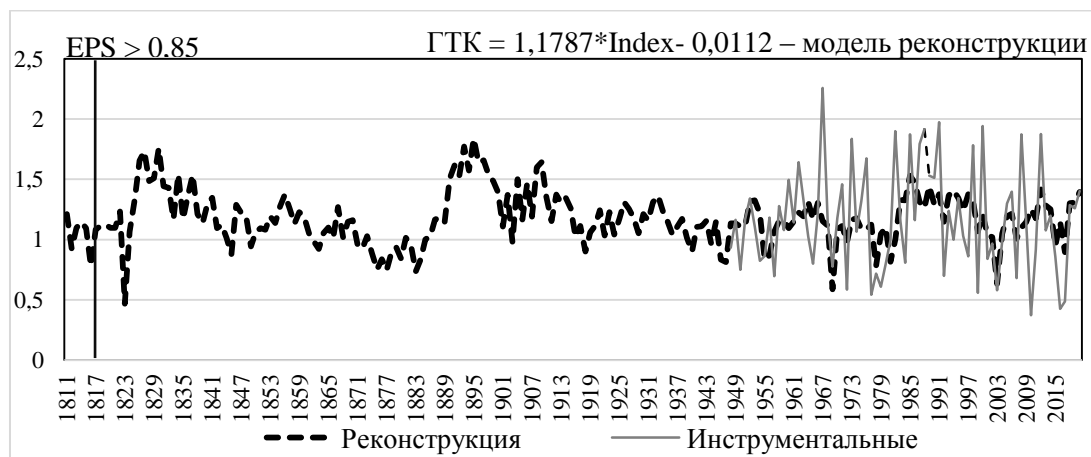

Рис. 2. Реконструкция изменений ГТК (III декады июля) на основе индексов прироста сосны обыкновенной. ГТК <1 – засушливые условия ГТК >1 – влажные условия

Заключение. Проведенный анализ взаимосвязей динамики радиального прироста ширины годичных колец с гидротермическим режимом увлажнения позволил уточнить наиболее благоприятные периоды на прирост изучаемых хвойных пород деревьев. Также выявленные значимые связи индексов прироста с влагообеспеченностью исследуемой территории дал возможность построить реконструкцию климатических условий с 1817 г., где наблюдается переход от влажных климатических условий к засушливым. Данные изменения, по всей вероятности, являются результатом комплексного воздействия природных и антропогенных факторов. Полученные новые древесно-кольцевые хронологии в дальнейшем могут использоваться для более точного датирования исторических построек и реконструкции их истории.

Работа выполнена при поддержке РФФ (грант №23-28-00963).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике / Е.А. Ваганов, С.Г. Шиятов, В.С. Мазепа. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 246 с.
2. Андреев С.Г., Ваганов Е.А., Наурзбаев М.М., Тулохонов А.К. Регистрация годичными кольцами сосны многолетних колебаний атмосферных осадков, стока реки Селенги и уровня озера Байкал // Доклады Академии наук. 1999. Т. 368. № 3. С. 400-403.
3. Андреев С.Г., Тулохонов А.К., Наурзбаев М.М. Региональные закономерности изменчивости прироста сосны в степной зоне Бурятии // География и природные ресурсы. 2001. № 1. С. 73-78.
4. Демина А.В., Белокопытова Л.В., Андреев С.Г., Костякова Т.В., Бабушкина Е.А. Динамика радиального прироста сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) как индикатор гидротермического режима лесостепи Западного Забайкалья // Сиб. экол. журн. 2017. № 5. С. 553-566.
5. Вахнина И. Л., Носкова Е. В. Изменения климатических условий Юго-Восточного Забайкалья за период вегетации по метеорологическим и дендрохронологическим данным // Гидрометеорологические исследования и прогнозы. 2021. № 3 (381). С. 80-98.
6. Андреев С.Г., Аюржанаев А.А., Батоцыренов Э.А., Супруненко А.Г., Сат С.А., Содномов Б.В., Черных В. Дендрохронологическое исследование этапного амбара XIX в. (Этнографический музей народов Забайкалья, г. Улан-Удэ) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Биология. 2022. Т. 15. № 2. С. 279-292.
7. Битвинскас, Т.Т. Дендроклиматические исследования / Т.Т. Битвинскас. Л.: Гидрометеоздат, 1974. 170 с.
8. Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии. Ч. I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: учебно-метод. пособие. Красноярск: КрасГУ, 2000. 80 с.
9. МГЭИК, 2014: Изменение климата, 2014 г.: Обобщающий доклад. Вклад Рабочих групп I, II и III в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата [основная группа авторов, Р.К. Пачаури и Л.А. Мейер (ред.)]. МГЭИК, Женева, Швейцария, 163 с.

Sayga A. Sat, Sergey G. Andreev, Alexander A. Ayurzhanayev,
Eduard A. Batotsyrenov, Andrey G. Suprunenko
Baikal Institute for Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

FEATURES OF RADIAL GROWTH OF CONIFEROUS TREES IN THE SMALL WATERSHED OF EASTERN TRANSBAIKAL

Abstract. The report presents the results of the study of tree-ring chronologies of Scots pine (*Pinus Sylvestris* L.), Siberian larch (*Larix Sibirica* Ledeb.), Siberian pine (*Pinus Sibirica*) growing in the forest-steppe zone of Eastern Transbaikalia. A correlation analysis of the radial increase in the width of growth rings with the Selyaninov hydrothermal coefficient (HTC) was carried out. The most significant relationship between radial growth and HTC was revealed for Scots pine in the third decade of July, then based on these data, the changes in HTC were reconstructed.

Keywords: radial growth, Scots pine, Siberian pine, Siberian larch, Selyaninov hydrothermal coefficient.

УДК 551.5

Хабибуллина А.Р., Кубышкина Е.Н., Уразметов И.А.
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань

РЕКОРДЫ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ НА БАЗЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. В статье рассмотрены нехарактерные максимально экстремальные метеорологические явления для природы планеты и некомфортные для жизни и хозяйственной деятельности человечества. Дан сравнительный анализ максимальных показателей, зафиксированных в мире (мировые рекорды) и рекорды метеорологических явлений

ний в городе Казань на базе метеорологической станции Казанского федерального университета (КФУ), одной из старейших в России и мире.

Ключевые слова: метеорология, погодные рекорды, температура, атмосферное давление, скорость ветра, атмосферные осадки.

Введение. Метеорологические явления, вызванные различными природными процессами, являются базовыми составляющими в жизни человечества, без помощи которых наша жизнь не имеет уже смысла. Они имеют огромное значение в областях, где успех напрямую зависит от погодных условий. Например, судоходство, авиаперелёты и даже запуск ракет в космос – всё это возможно только при благоприятной погоде. Прогноз необходим в сельском хозяйстве, спортивных играх и во многих других областях.

Ежедневный просмотр прогноза погоды: какая сегодня температура воздуха, ожидаются ли осадки, атмосферное давление в норме или повышено. Помимо ожидания средних значений температур, скорости ветра, атмосферного давления и осадков, людям хочется узнать погодные рекорды, чтобы выяснить их аномальные значения и сократить риски.

Рекорды метеорологических явлений вызывают повышенный интерес у людей из-за негативного и катастрофического воздействия на окружающую среду, с целью предотвратить или максимально уменьшить их неблагоприятные последствия на человечество. Зачастую данная тема вызывает и у школьников интерес, и в то же время затруднения в понимании различных метеорологических явлений.

В настоящее время в прогнозировании экстремальных явлений погоды задействованы самые современные технологии. И одна из них – искусственный интеллект. Его возможности в работе с большими данными позволяют не только делать прогнозы точнее, но и в определённых ситуациях создавать прогноз с нуля. Процесс создания прогноза погоды состоит из нескольких этапов – от сбора метеорологических данных до корректирования готового прогноза, где учитываются и рекордные метеорологические явления.

Большинство метеорологических явлений имеют свои рекорды. Рассмотрим наиболее важные из них: температура, атмосферные осадки, ветер и атмосферное давление. Для изучения была выбрана метеорологическая станции Казанского федерального университета. Это первая метеостанция в Казани, которая была открыта летом 1733 г. академиками – участниками Великой северной экспедиции для изучения северных и восточных областей страны, возглавляемой В. Берингом [1]. На данный момент на станции наблюдения проводятся каждые три часа.

Материалы и методы исследования. Температурные рекорды тропосферы: Температура воздуха – величина, которая отражает степень нагрева воздуха [2]. Для более глубокого анализа рассмотрим максимумы и минимумы температуры по сезонам годам в Казани, чтобы увидеть аномальные явления. Абсолютный минимум зимы был зафиксирован 31 декабря в 1978 г. и составил -44°C . Абсолютный максимум составил $+7,2^{\circ}\text{C}$ и был зарегистрирован 28 февраля 1990 г. Самым жарким днем весны стал 31 мая 2007 г., максимальный термометр зафиксировал $+36,6^{\circ}\text{C}$, а абсолютный минимум последнего весеннего месяца составил $-4,7^{\circ}\text{C}$. Абсолютная максимальная температура лета была выявлена 1 августа 2010 г. и составляла $+39,5^{\circ}\text{C}$. Абсолютный минимум зафиксирован 3 июня 1967 г. и равен $+1,2^{\circ}\text{C}$. Абсолютная максимальная температура осени наблюдалась 1 сентября 1995 г. и составляет $+32,3^{\circ}\text{C}$. Абсолютный минимум зафиксирован 30 ноября 1984 г. и равен $-26,2^{\circ}\text{C}$

Рекорды осадков: Атмосферные осадки – вода в жидком или твердом состоянии, выпадающая из облаков или осаждающаяся из воздуха на поверхность земли [2].

Зимний период времени. По количеству выпавших осадков лидирует декабрь 2010 г., когда в течение месяца выпало 148 мм. Декабрь 1877 г. вошел в историю наблюдений как бесснежный. В течение месяца не выпало ни мм осадка, когда норма суммы осадков в данном месяце составляет 39 мм. Также вошел в историю снегопад, зафиксированный 15 декабря 1907 г., когда за сутки выпало 33 мм осадков, когда норма суммы осадков за месяц составляет 50 мм, а это означает, что за день выпало 60 % месячной нормы.

Весенний период времени. По режиму увлажнения самым «мокрым» выдался апрель 2022 г., месячная сумма осадков достигла 116 мм, 17 апреля выпало 25 мм осадков – это 70 % от нормы месяца.

Летний период времени. Самым дождливым месяцем за период наблюдений на станции является: июль 2008 г. – 190 мм. Самым сухим месяцем оказался август 1971 г. – 0,1 мм. Самые сильные ливни отмечались 29 июля 1899 г., сумма осадков составила 120,7 мм.

Осенний период времени. Самым влажным месяцем за период наблюдений на станции является октябрь 1989 г. – 140 мм. Самым сухим месяцем признается октябрь 1987 г. – 0 мм.

Рекорды ветра: Ветер – это поток воздуха, который перемещается, как правило, в горизонтальном направлении из зоны высокого атмосферного давления в зону низкого [2].

Наибольшая скорость порыва ветра на станции была зарегистрирована 24 октября 1989 г. и составила 91 км/ч (25,3 м/с), по шкале Бофорта это оценивается, как сильный шторм. Также на втором месте по максимальной скорости порыва ветра являются 6 июня 2010 г., 3 октября 2015 г. и 30 мая 2018 г., в эти дни скорость составила 83 км/ч (23 м/с) и оценивается, как шторм. На третье место выходит 1 июня 2007 г., максимальная скорость ветра составила 68 км/ч (18,9 м/с) и оценивается, как очень крепкий ветер.

Рекорды атмосферного давления: Атмосферное давление – это давление атмосферы на все находящиеся в ней предметы и Земную поверхность [2]. Нормой атмосферного давления в Казани является 1001,25 гПа. Причинами отклонения атмосферного давления от нормы является, во-первых, нагревание воздуха, он увеличивается в объёме, становится менее плотным, его масса уменьшается, в связи с чем снижается и атмосферное давление. Во-вторых, когда воздух остывает, он уменьшается в объёме, становится более плотным, его масса увеличивается и атмосферное давление возрастает. Наибольшее атмосферное давление, зарегистрированное на станции, составило 1051,5 гПа 13 марта 1995 г. Наименьшее атмосферное давление наблюдалось 27 февраля 1976 г. и составило 959,75 гПа.

Результаты исследования и их обсуждение. Выяснив, какие погодные рекорды зафиксированы на станции КФУ, проведем сравнение между мировыми метеорологическими рекордами [3] и рекордами, зафиксированными на метеостанции КФУ (табл.) и установим причины их экстремумов.

Таблица

Рекорды метеорологических явлений метеостанций мира и КФУ

Метеорологические показатели	Мировые рекорды, местоположение	Рекорды КФУ
t max	+57,7 °С, Ливия, Эль-Азизия	+39,5 °С
t min	-89,2 °С, Антарктида, станция Восток	-44 °С
p max	1085,6 гПа, Монголия, Хубсугульский аймак	1051,5 гПа
p min	850 гПа, Тихий океан, западное о. Гуам	959,75 гПа
V ветра max	408 км/ч Австралия, о. Барроу	91 км/ч

Максимальная температура наблюдается в Ливии +57,7°С, на большей части территории, она лежит в тропическом климатическом поясе, где весь год господствуют тропические воздушные массы, из-за чего стоит жаркая засушливая погода. Казань же находится в умеренном континентальном поясе, где средняя температура лета составляет +25°С, максимальная температура +39,5°С была вызвана «блокирующим антициклоном».

Минимальная температура отмечена в Антарктиде, где средняя температура зимой составляет от -60°С до -70°С, в основном находится в антарктическом поясе. Средняя температура Казани достигает -12°С, то есть рекорд превышает более чем в 3,5 раза средней температуры зимы, это связано с быстрым распространением воздуха с Карского моря арктическим антициклоном.

Максимальное давление в Монголии (1085,6 гПа) связано с азиатским антициклоном, в Казани – с холодным арктическим антициклоном. Минимальное давление было отмечено в Тихом океане в тайфуне, а это разновидность тропического циклона. В Казани минимальное давление сложилось под действием антарктического циклона.

Наибольшая скорость ветра наблюдалась в Австралии и составила 408 км/ч с помощью тропического циклона Оливия, рекорд КФУ набрал 91 км/ч.

Выводы. Таким образом, мы рассмотрели, какие рекорды погодных явлений были зафиксированы на метеорологической станции КФУ, сопоставили и их с мировыми рекордами, их различие связано с разными климатическими поясами. Пришли к выводу, что нехарактерные метеорологические явления влияют на хозяйственную, селитебную, социокультурную и природно-экологическую динамику территории России и мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сайт метеорологической обсерватории КФУ. [Электронный ресурс]. URL: <https://kpfu.ru/ecology/struktura/otdelenie-ecologyafii-i-turizma/kafedra-meteorologii-klimatologii-i-ekologii/meteorologicheskaya-observatoriya>
2. География. Физическая география. 6 класс / Е.М. Домогацких, Н.И. Алексеевский, 2013. С.124-136.
3. Рекорды метеорологических явлений / А.Р. Хабибуллина, Е.Н. Кубышкина, С.К. Губеева // Материалы Региональной научно-методической конференции школьников, учителей «Реализация концепции общего экологического и географического образования: региональный компонент (с. Кутлу-Букаш, 17 ноября 2022). Казань: Новая Казань, 2022. С.10-13.

RECORDS OF METEOROLOGICAL PHENOMENA ON THE BASIS OF THE METEOROLOGICAL STATION OF THE KAZAN FEDERAL UNIVERSITY

Abstract. The article deals with uncharacteristic extreme meteorological phenomena for the nature of the planet and uncomfortable for the life and economic activity of mankind. A comparative analysis of the maximum indicators of records in the world (world records) and records of meteorological indicators in the city of Kazan based on the meteorological station of the Kazan Federal University, one of the oldest in Russia and the world, is given.

Keywords: meteorology, weather records, temperature, atmospheric pressure, wind speed, precipitation.

УДК 914/919

Д. Н. Хальчевский, Н. М. Михеева
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДИИ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Аннотация. Республика Индия – полиэтничное и поликонфессиональное государство, что таит опасность возникновения конфликта. В статье рассчитан конфликтный потенциал Индии по двум признакам: этническому и конфессиональному, для каждого из которых выявлены индикаторы. Полученные результаты свидетельствуют о высоком конфликтном потенциале на Северо-Востоке и Северо-Западе.

Ключевые слова: конфликтный потенциал, этническая мозаичность, религиозный конфликт, Индия.

На территории Индии проживают представители 3 рас (европеоиды, монголоиды, веддоиды), носители более 400 языков, последователи различных религиозных течений. Разнообразие накаляет обстановку внутри Индии и каждой её АТЕ (28 штатов и 8 союзных территорий). Современная система АТД создана в 1956 году, в ходе административной реформы границы были проведены в соответствии с лингвистическими границам. Изначально было выделено 12 штатов и 6 союзных территорий, изменения будут происходить и в будущем, так как сепаратистские настроения по сей день сильны.

Целью исследования является выявление географических закономерности конфликтного потенциала территорий Индии на уровне первого уровня АТД. В ходе работы были выделены наиболее весомые индикаторы конфликтности, разработан собственный методологический подход для исследования конфликтного потенциала, с учетом специфики АТД Индии, рассчитан конфликтный потенциал каждой АТЕ.

Индия является не самым распространенным объектом для исследования в отечественной науке. Среди общественных географов Индию изучают Сдасюк Г.В., Горохов С.А. и другие. Под руководством Аксенова К.Э. магистры программы «Политическая география и геополитика» СПбГУ исследовали конфликтный потенциал постсоветского пространства и исламского мира.

Конфликтный потенциал нами рассмотрен как интегральный показатель конфликтогенности. Конфликтный потенциал – это имманентно присущее человеку и обществу наличие противоречивых ценностей, интересов и потребностей, лежащих в основе социальной жизни [1]. В данной работе изучены этнический и конфессиональный признаки, которые описываются наиболее значимыми индикаторами.

$KП = KП(Э) + KП(К)$, конфликтный потенциал будет складываться из двух частей КП по этническому признаку и КП по конфессиональному признаку.

ЭТНИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК

Конфликтный потенциал по этническому признаку складывается из трех равновесных индикаторов: индекса этнической мозаичности, индекса культурного расстояния и индекса межэтнического общения. Эти индикаторы характеризуют три вида взаимоотношений населения в государстве: внутри региона, с соседним регионом, на государственном уровне.

$KП(Э) = ИЭМ + ИКР + ИМО$ (максимум 15 баллов).

В ходе переписей собирается информация о 121 языке. На федеральном уровне используются два языка: хинди и английский, официальными являются 22 языка [2]. Принимаем, что родной язык отвечает этнической принадлежности каждого индивида.

Индекс этнической мозаичности. Индикатором этнического признака внутри АТЕ выбран индекс этнической мозаичности [3]. Для расчета используется формула: $P_j = 1 - \sum_{i=1}^m (\pi_i)^2$, где P_j – это индекс этнической мозаичности в j-ой АТЕ, π – доля i-ого этноса в регионе j, m – число выбранных этносов.

Система оценивания ИЭМ

Баллы	Доля титульного этноса	Индекс мозаичности
0	> 90%	$P_j \in (0 ; 0,18)$
1	> 80%	$P_j \in [0,18 ; 0,35)$
2	> 60% (третий этнос незначим)	$P_j \in [0,35 ; 0,55)$
3	> 60% (третий этнос значим)	$P_j \in [0,35 ; 0,62)$
4	> 40%	$P_j \in [0,62 ; 0,70)$
5	< 40%	$P_j \in [0,70 ; 1)$

Составлено автором.

В среднем по Индии $\bar{I} = 0,78$. Наименьшее значение в Керале ($P_K = 0,06$) с доминирующим малаялам, в Уттар Прадеше ($P_{UP} = 0,11$) – хинди. Наибольших значений ИЭМ достигает в Нагаленде ($P_N = 0,94$) с распространенными языками: коньяк, ао, лотха. В Аруначал Прадеш ($P_{AP} = 0,87$) распространены ниши, ади.

Индекс культурного расстояния. В Индии распространены 4 языковые семьи. На юге преобладают языки дравидийской семьи, в Аруначал Прадеше, Нагаленде, Манипуре, Мизораме и Ладакхе – сино-тибетской. Единственный штат, в котором доминирует язык австроазиатской семьи, это Мегхалая. Остальная территория Индии населена носителями индоевропейских языков.

Индекс культурного расстояния рассчитывается как сумма условных расстояний на лингвистическом древе между доминирующими языками среди соседних АТЕ [3]. Для штатов и СТ, выходящих к государственной границе, учитываются культурные расстояния между языками приграничной АТЕ и государственным языком государства (для Пакистана и Китая доминирующим языком приграничной АТЕ первого уровня). Если языки относятся к разным языковым семьям, то начисляется 6 очков, для территорий с одним языком начисляется 1 очко за различие диалектов. Промежуточные очки начисляются в соответствии с генеалогическим древом. Например, для языков пенджаби и кашмири индоевропейской семьи расхождение происходит на уровне индоиранской группы, как показано на рисунке 1, значит соседние АТЕ Пенджаб и Дхамму и Кашмир получают по 4 очка за это расстояние.

Рис. 1. Положение двух языков на лингвистическом древе

Составлено автором по [4]

Система оценивания ИКР

Баллы	Индекс культурного расстояния
0	≤ 3
1	[3; 8]
2	[8; 13]
3	[13; 18]
4	[18; 23]
5	≥ 23

Составлено автором.

Наличие соседства языковых семей является повышающим фактором для концов числовых отрезков. На границах расселений разных расовых и языковых групп баллы наибольшие. В Ассаме ИКР равен 42, Махараштре – 26, Карнатаке – 24, Мизораме – 24. Велики значения индекса на Северо-Западе и Северо-Востоке. Наименьшие значения на островах и в НСО Дели.

Индекс межэтнического общения. Языками межэтнического общения являются хинди (для 528 млн родной, всего 692 млн), и английский (129 млн носителей). В Индии 57% говорит на хинди, 11% – на английском [5].

В большинстве штатов хинди является обязательным для изучения в школе, однако есть регионы, активно сопротивляющиеся отмене английского, как государственного языка. В Тамилнаде лишь 2% населения говорит на хинди. С 1949 года проводится политика антихиндизации партией Федерация дравидского прогресса.

Чем ниже доля государственного языка в регионе, тем выше конфликтность на всеиндийском уровне. Итоговый балл рассчитан, как среднее арифметическое значение баллов хинди и английский, округленное в сторону хинди (по причине большей распространенности первого и наличия политических инициатив к отмене статуса второго).

Таблица 3

Система оценивания долей государственных языков

Баллы	Доля хинди	Доля английского
5	$\leq 10\%$	$\leq 6\%$
4	(10% ; 25%]	(6% ; 10%]
3	(25% ; 50%]	(10% ; 15%]
2	(50% ; 75%]	(15% ; 25%]
1	(75% ; 90%]	(25% ; 40%]
0	$> 90\%$	$> 40\%$

Составлено автором.

Хинди наиболее распространен в долине Ганга и на Андаманских островах. Худшая ситуация в Южной Индии, низкая доля хинди на Северо-Востоке, в Одише и Западной Бенгалии. Проблемы с английским в хинди- и бенгалиязычных штатах. В Гоа и Чандигархе англоговорящих больше 40%, в штатах Нагаленд, Манипур, Сикким и Пенджаб, а также в СТ Дели и Пондичерри более 25%. ИМО принимает наименьшие значения в Дели и Чандигархе, по одному баллу получили Харьяна, Химачал Прадеш и Гоа. Пять баллов получает Трипура, по четыре – Керала, Тамилнад и Карнатака, Западная Бенгалия, Ассам и Мизорам.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК

Конфликтный потенциал по конфессиональному признаку складывается из двух равновесных индикаторов: индекса религиозной мозаичности и индекса конфессионального соседства. Выбраны на основании взаимоотношений населения внутри региона и между соседними, на государственном уровне индикатор не предусмотрен, исходя из отсутствия государственной религии.

КП(К) = ИРМ + ИКС (максимум 10 баллов).

По данным переписи населения 2011 года 79,8% населения исповедуют индуизм, 14,2% – ислам, 2,3% – христиане, 1,7% – сикхи, 0,7% – буддисты [6, 7]. Для жителей Индии вера занимает важное место из-за традиционного уклада жизни.

Индекс религиозной мозаичности. Используем индекс мозаичности для исследования конфессионального состава АТЕ аналогично этническому, система оценивания идентична ИЭМ.

ИРМ Индии $P_{И} = 0,34$, мозаичность невелика, в отличие от этнической. Среди АТЕ первого уровня наименьший балл (0) получили Лакшадвип, Химачал Прадеш, Одиша, Чхаттисгарх, Андрха Прадеш, Мадхья Прадеш.

Наибольшее значение (0,75) наблюдается в Аруначал Прадеше. В нем проживает 30,3% христиан, 29,0% индуистов, 23,5% доньи-поло, 11,8% буддистов. 4 балла получает Манипур со значением $P_{Ман} = 0,65$. Индуизм исповедуют 41,4% населения штата, христианство – 41,3%. Также регионом без доминирующей религии является союзная территория Ладакх. Ислам исповедуют 46,4%, буддизм – 39,7%, индуизм – 12,1%.

Индекс конфессионального соседства. В отличие от ИКР для конфессий считать культурное расстояние затруднительно, поэтому выбран ИКС, который учитывает соседство разных религий с учетом инду-мусульманского конфликта.

Большую часть территории занимает индуизм, однако на Гангской равнине и в долине Брахмапутры высока доля мусульманского населения. Мусульманский север представлен двумя СТ Джамму и Кашмир и Ладакх, частично оккупированные Пакистаном и Китаем. Единственный сикхский регион – Пенджаб. На Северо-Востоке преобладает христианское население (в основном протестанты), крупные общины католиков в Гоа и Керале. Для Лакшавипского архипелага характерно мусульманское население, на Андаманских и Никобарских островах 69% индуистов, 21% христиан.

За конфликтное соседство баллы выдаются по следующей схеме: +1 балл при доминировании в соседнем штате второй религии исследуемого (за исключением ислама),

+2 балла при соседстве с другой мировой или региональной религией (и наличии ислама как значимой религии в соседнем регионе),

+3 балла при соседстве индуизм-ислам (Индузо-мусульманская «надбавка» введена из-за многолетнего конфликта, уходящего корнями в XII век, обострившегося в 1947 году и неурегулированного по сей день).

Таблица 4

Система оценивания ИКС

Баллы	Индекс конфессионального соседства
0	= 0
1	[1 ; 2]
2	[3 ; 5]
3	[6 ; 7]
4	[8 ; 9]
5	≥ 10

Составлено автором.

Наибольший балл получает штат Ассам (14) в связи с прохождением здесь границы между христианскими и индуистскими штатами, а также из-за выхода к границе с буддистским Бутаном и мусульманским Бангладешем. Пенджаб получает 12 баллов, как «остров» сикхизма. Минимальные значения наблюдаются в штатах Телингана, Андхра Прадеш и островных СТ.

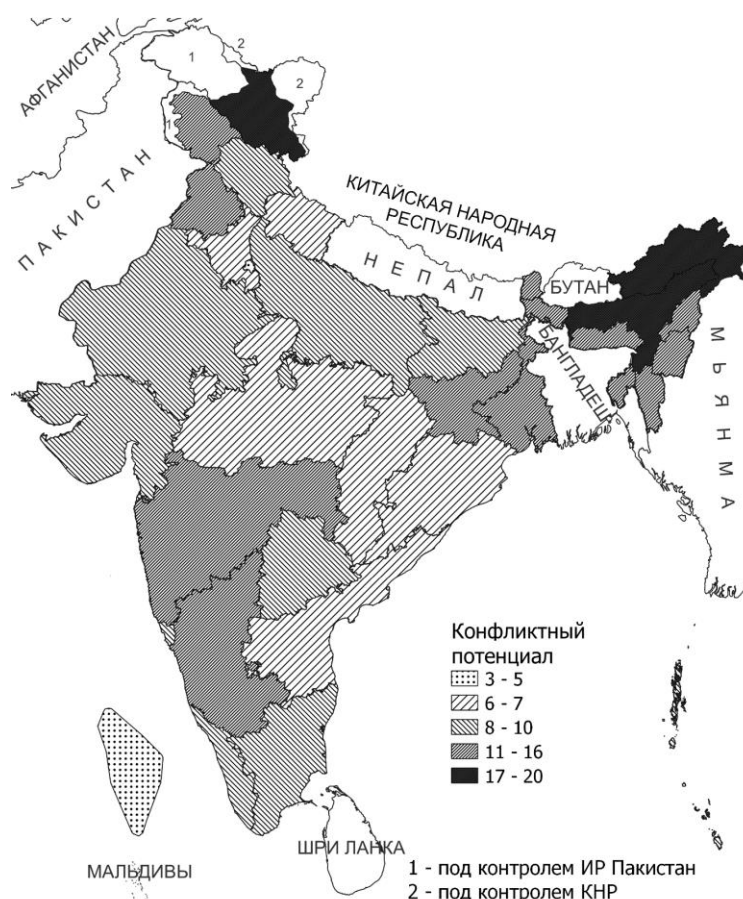

Рис. 2. Картограмма конфликтного потенциала

Составлено автором

В группу с наибольшим конфликтным потенциалом по этническому и конфессиональному признакам попали штаты Ассам и Аруначал Прадеш, СТ Ладакх. Обусловлены подобные высокие значения нахождением близ государственной границы и в зоне смены этно-конфессионального состава. Следующую группу формируют остальные штаты Северо-Востока, Сикким, Западная Бенгалия, Джаркханд, Пенджаб и Джамму и Кашмир, Махараштра и Карнатака. Наименьший конфликтный потенциал в Дели, Чандигархе и Лакшадвипе. Мадхья Прадеш, Чхаттисгарх, Одиша и Андхра Прадеш формируют пояс низкой этно-конфессиональной конфликтности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. СПб., Питер, 2007. С.376
2. Census of India 2011: C-16: Population by mother tongue URL: <https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables> (дата обращения: 14.08.2022)
3. Камалова Р.У. Этническая гетерогенность: основные понятия и проблемы измерения // Полития. 2013. № 4. С.127–149.
4. Коган А.И. Генеалогическая классификация индоарийских языков и лексикостатистика // Вестник РГГУ. Серия: филология. Вопросы языкового родства. 2016. № 4 (14) С.227–258.
5. Census of India 2011: C-17: Population by bilingualism and trilingualism. URL: <https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables> (дата обращения: 17.11.2022)
6. Census of India 2011: C-01: Population by religious community URL: <https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables> (дата обращения: 20.08.2022)
7. Census of India 2011: C-01 Appendix: Details of religious community shown under 'Other religions and persuasions' in main table C-01. URL: <https://censusindia.gov.in/census.website/data/census-tables> (дата обращения: 20.08.2022)

Khalchevskiy Dmitry N., Miheeva Natalia M,
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

CONFLICT POTENTIAL OF INDIAN STATES: ETHNO-RELIGIOUS FACTORS

Abstract. *The Republic of India is a multi-ethnic and multi-confessional state, that generates a risk of conflict. The article studies the conflict potential of India on two factors: ethnic and religious, it determines indicators for both factors. The results show a high conflict potential in the Northeast and Northwest.*

Keywords: *conflict potential, ethnic mosaic, religious conflict, India.*

УДК 574.52; 631.9

Яковлев С.В.

*Волгоградский государственный аграрный университет,
г. Волгоград*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ОСЕТРОВЫХ ВИДОВ РЫБ В ВОЛГО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. *Статья рассматривает проблемы естественного воспроизводства осетровых видов рыб в Волго-Каспийском регионе. Представлены основные этапы деградации популяций осетровых. Рассматриваются предложения для сохранения в современных условиях генофонда (биоразнообразия) восстановления численности естественных популяций проходных видов рыб Волго-Каспийского бассейна.*

Ключевые слова: *осетровые виды рыб, Волго-Каспийский бассейн, естественное воспроизводство, биоразнообразие, промысловые уловы, сохранение и восстановление популяций.*

Современное состояние численности популяции проходных (белуга, осетр, севрюга) и туводных (стерлядь) осетровых рыб Волжско-Каспийского бассейна находится в критическом состоянии.

Участок реки Волги в пределах Волгоградской и Астраханской областей является весьма важным для всего Волго-Каспийского региона. По сути дела, это единственный отрезок реки, сохранивший до сих пор первозданную речную форму. Значимость этого участка многократно повышается, принимая во внимание неординарную ситуацию, когда естественное воспроизводство всех проходных рыб: осетровых, сельдевых, белорыбицы и миноги возможно только ниже плотины Волжской ГЭС. При этом большинство естественных и искусственных нерестилищ этих рыб располагается именно в верхней части речного участка Волги в пределах Волгоградской области.

В Каспийском море и на незарегулированном участке Волги обитает 6 видов осетровых: русский осетр – *Acipenser gueldenstaedtii Brant*, севрюга – *Acipenser stellatus Pallas*, белуга – *Huso huso Linnaeus*, шип – *Acipenser Acipenser nudiventris Lovetzky*, стерлядь – *Acipenser ruthenus Linnaeus*, персидский осетр – *Acipenser persicus Borodin*.

Промысловый вылов осетровых в Волго-Каспийском бассейне, еще в недавнем прошлом, а именно в конце 80-х годов, составлял до 90 % от всего мирового вылова. Промысел осетровых по бассейну Каспийского моря в 50-х годах XIX в. был 32,8 тыс. т, к 50-м годам XX в. наблюдалось снижение численности и уловов до 10-15 тыс. т, что было вызвано неблагоприятными климатическими условиями, морским промыслом с приловом молоди осетровых, зарегулированием рек, ростом безвозвратного водопотребления. В 70-е-80-е гг. благодаря комплексу предпринятых мер (заводское воспроизводство, запрет морского лова и пр.) уловы осетровых составили до 18-22 тыс. т (табл. 1). В конце 90-х годов в связи с браконьерством уловы снизились до 3,5 тыс. т и до 200 т в 2000 г.

**Средний вылов проходных осетровых рыб за ряд периодов лет в реке Волге
в пределах Волгоградской области, т**

Период	Белуга	Осетр	Севрюга	Всего
1970-е	34,2	43,7	10,1	87,9
1980-е	47,0	71,0	13,1	131,1
1990-94-е	34,2	61,0	4,8	100,0
1995-99-е	2,1	8,1	5,0	15,2
2000-02-е	0,3	0,6	0,2	1,1
2005	0	0,171	0,015	0,186

Проходные осетровые рыбы были широко распространены в бассейне р. Волги, они поднимались на нерест почти до верховьев реки, заходили в притоки. Строительство Волгоградского гидроузла привело к потере площадей естественных нерестилищ на 100 % для белуги, на 60 % для осетра и на 40 % для севрюги. Из общего нерестового фонда 3390 га сохранилось только 372 га нерестилищ (рис. 1).

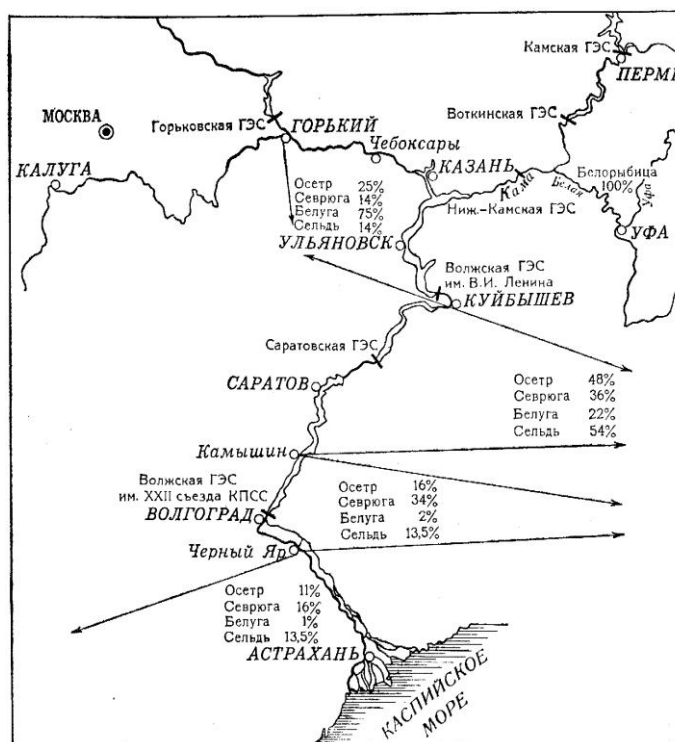

Рис. 1. Схема расположения нерестилищ проходных рыб Волжско-Каспийского бассейна

Сокращение запасов осетровых сказалось на их естественном воспроизводстве. Так как после гидростроительства основные нерестилища расположены в черте г. Волгограда, то, начиная с 90-х годов, резко сократился подход производителей на нерестилища вместе с сокращением запасов. Если в 1989 г. на нерестилища подходило более 300 тыс. нерестящихся особей, то в 1999 г. отмечены единичные экземпляры, а в 2000 г. впервые не зарегистрирован скат личинки проходных осетровых. В благоприятные годы эффективность естественного нереста белуги, осетра и севрюги на нерестилищах, расположенных в черте г. Волгограда оценивалась в 10 тыс. т (1986 г.) промыслового возврата при скате 550 млн личинок. По итогам исследований 1998 г., промысловый возврат от естественного нереста составил всего 32 т, а количество скатившихся личинок – 1,336 млн штук (табл. 2).

Сейчас стоит вопрос не о восстановлении их промысловой численности, а хотя бы о поддержании структуры популяций на уровне, позволяющем воспроизводиться.

В нижнем бьефе Волгоградского гидроузла наблюдаются резкие суточные и недельные колебания уровня воды и скорости течения, что вызывает обсыхание нерестилищ, создает на них неустойчивый скоростной режим течений, это приводит к сокращению нерестовых площадей, гибели отложенной икры. Современный уровенный режим на Нижней Волге находится в прямой зависимости от попусков воды, осуществляемых из Волгоградского водохранилища. Амплитуда сезонных колебаний уровня в приплотинной зоне ГЭС достигает 8,5 м, в районе Каменного Яра – 7,0 м, Верхне-Лебяжьего – 4,5 м. Изменился термический режим: в мае-июне температура воды в нижнем бьефе плотины стала ниже на 2-3 градуса, чем до зарегулирования, в октябре-ноябре выше на 4,5 градуса.

Эффективность естественного воспроизводства осетровых в нижнем течении Волги

Годы		1986-1995	2006	2007
Объем стока, км ³	весеннее половодье	123,1	76,6	120,2
	летняя межень	68,0	52,7	66,8
Пропущено производителей, тыс. экз.	белуга	4,2	0,4	0,5
	осетр	274,4	5,7	14,0
	севрюга	178,4	8,3	14,0
Численность скатившихся личинок, млн экз.	белуга	5,2	0,6	0,4
	осетр	161,2	12,2	20,6
	севрюга	400,1	42,8	93,4
Промысловый возврат, тыс. т	белуга	0,40	0,06	0,04
	осетр	2,84	0,25	0,36
	севрюга	1,54	0,18	0,35
Всего, тыс. т		4,78	0,49	0,75

Начиная с 1960-х годов, когда интенсивно вводились в строй рыболовные заводы, пополнение стало идти от искусственного рыборазведения. Благоприятные условия для естественного воспроизводства в дозарегулируемый период, интенсивная работа рыболовных заводов, проведение рыбохозяйственной мелиорации и других рыболовных мероприятий, а также действенная рыбоохранная работа, позволяли поддерживать численность осетровых такой, которая могла обеспечить указанные максимальные объемы промысла, зарегистрированные за последние 50 лет.

Пополнение численности осетровых в настоящее время осуществляется как за счёт естественного (незначительно), так и искусственного воспроизводства. Анализ многолетних материалов позволяет сделать вывод, что с момента строительства плотины и зарегулирования стока р. Волги у Волгограда наблюдается устойчивая тенденция снижения эффективности естественного воспроизводства осетровых. Только за 1991-1995 гг. масштабы естественного воспроизводства осетровых сократились с 12,4 тыс. т до 1,5 тыс. т в промысловом возврате, а в настоящее время они стремятся к нулю. Сейчас промысел осетровых рыб запрещен на законодательном уровне и разрешен лишь лов в целях рыбоводства, воспроизводства и акклиматизации.

Основными причинами снижения эффективности естественного воспроизводства, и, как следствие, почти полное сокращение численности волжско-каспийских осетровых рыб являются:

- сокращение площадей естественных нерестилищ;
- загрязнение воды, вызывающее массовые патологии в развитии гонад у производителей и, соответственно, в гаметогенезе, нарушениями хоуминга у производителей, из-за чего часть их вовсе не заходит в реки, а зрелые половые продукты резорбируются;
- массовое нелегальное изъятие производителей в Каспийском море и на пути к нерестилищам.

Проведенная в 2007 г. сотрудниками КаспНИРХ инвентаризация нерестилищ на участке р. Волга показала, что из имеющихся нерестилищ площадью 887,9 га в современных условиях осваиваются только 424 га. Перспективные нерестилища общей площадью 463,9 га из-за большого количества илистых отложений и малых скоростей течения в р. Волге осетровыми не осваиваются. Все нерестовые угодья по степени освоения осетровыми рыбами могут быть условно поделены на три зоны: верхнюю – 154,1 га, среднюю – 145,4 га – и нижнюю – 124,5 га.

Также в 2007 г. сотрудниками Волгоградского отделения ГосНИОРХ были проведены работы по водлазному обследованию пяти паспортизированных нерестилищ осетровых на реке Волга в границах г. Волгограда. По результатам обследования при общей площади нерестилищ на этом участке в конце 1960-х гг. равной 75,5 га, сохранившиеся галечные россыпи к настоящему моменту составляют 33,4 %, а вместе с выходами плитняка и плотной глины – 68,6 %.

Для сохранения в современных условиях генофонда (биоразнообразия) восстановления численности естественных популяций проходных видов рыб Волго-Каспийского бассейна, традиционно мигрировавших для воспроизводства потомства в р. Волга, необходимо уже сейчас обеспечить условия для:

- сохранения и поддержания процесса естественного воспроизводства в традиционных местах преднерестовых и нерестовых концентраций, оставшихся после зарегулирования р. Волги в районе г. Волгограда и использовавшихся до последнего времени проходными осетровыми видами рыб;
- решения проблемы экологизации попусков в низовья Волги с приоритетностью сохранения водных и наземных экосистем Волго-Ахтубинской поймы, дельты Волги, Северного Каспия, имеющих важнейшее значение для воспроизводства проходных, полупроходных и туводных рыб Низовьев Волги и большую социально-хозяйственную значимость не только для данного региона России;

- обеспечение высокой достоверности прогнозирования водохозяйственной обстановки в бассейнах рек Волги, Камы, Оки и их протоков на основе совершенствования научной базы прогнозов и их материального обеспечения;
- проведение работ по рыбохозяйственной мелиорации, в том числе расчистка водных объектов, мелиорация естественных нерестилищ, так как она обеспечит позитивное пролонгированное действие, одновременно увеличив запасы водных ресурсов и создав гарантированно благоприятные условия существования водных биоресурсов на протяжении последующих лет независимо от водности года.

Sergey V. Yakovlev

Volgograd State Agrarian University, Volgograd

ECOLOGICAL PROBLEMS OF NATURAL REPRODUCTION OF STURGEON FISH SPECIES IN THE VOLGA-CASPIAN REGION

Abstract. *The article considers the problems of natural reproduction of sturgeon fish species in the Volga-Caspian region. The main stages of degradation of sturgeon populations are presented. Proposals are being considered for the preservation of the gene pool (biodiversity) in modern conditions for the restoration of the number of natural populations of passing fish species of the Volga-Caspian basin.*

Keywords: *sturgeon fish species, Volga-Caspian basin, natural reproduction, biodiversity, commercial catches, conservation and restoration of populations.*

Н.Мандах, Ц.Солонго, Б.Уянга

Институт географии и геоэкологии Академии наук Монголии,
г. Улан-Батор (Монголия)

УПРАВЛЕНИЕ ПАСТБИЩНЫМИ УГОДЬЯМИ: ПРОШЛЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Скотоводство играет огромную роль в обеспечении питательных, социально-экономических и культурных потребностей Монголии. Недавние глобальные кризисы многократно усилили значение этого вида землепользования с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности и снижения зависимости от основных видов продукции. Однако скотоводы столкнулись с новым вызовом, вызванным как глобальными экологическими, так и экономическими изменениями. Несмотря на их способность легко адаптироваться к климатическим изменениям, они оказывают все большее влияние на жизнь и деятельность скотоводов как прямо, так и косвенно. Экономическая и денежно-кредитная политика также оказывает непосредственное влияние на стратегии жизнеобеспечения скотоводов в той или иной стране. Этот многофакторный процесс необходимо решать с помощью сильного управления, формируемого на основе национальной идентичности и ценностей.*

В последние годы целый ряд факторов, включая перевод земель, приватизацию, экономические приоритеты и природоохранные амбиции, привел к сокращению пастбищных угодий и, соответственно, к ущемлению прав скотоводов. С другой стороны, увеличение поголовья скота является лишь стратегией поддержания средств к существованию для скотоводов, что приводит к постепенному увеличению поголовья скота и, как следствие, к обострению ситуации с деградацией земель в стране из-за перевыпаса.

Различные политические меры, включая стимулирование скотоводов и другие экономические инструменты, применяемые в Монголии, были проанализированы с целью выявления их минусов и плюсов для поддержки устойчивого управления пастбищами. Результаты исследования показывают, что, несмотря на применение различных согласованных на международном уровне экономических инструментов, первоначальные результаты не достигаются из-за слабого управления. Действие стимулов, введенных для поддержки сельскохозяйственного производства, привело к дисбалансу в структуре стада. Более того, такие стимулы ущемляли интересы мелких фермеров, создавая социальную маргинализацию скотоводов, особенно в отдаленных сельских районах. Географическая удаленность является одним из основных факторов, определяющих неравенство среди скотоводов и в скотоводстве в целом. В процессе разработки политики, особенно в области управления земельными и природными ресурсами, руководство пастбищного хозяйства должно учитывать географические аспекты причинно-следственной цепочки.

Ключевые слова: *Скотоводы, землевладение, землепользование, стимулы, антистимулы, общинные практики.*

СЕКЦИЯ 3

ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЕВРАЗИЙСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДИНАМИКИ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ. МИФОЛОГЕМЫ И РЕАЛИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 332.12, 330.322

Бабкин Р.А.¹, Медведникова Д.М.^{2,3}

¹Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва;

²Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва;

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОЙ МЕТРОПОЛИИ

Аннотация. Исследование посвящено пространственному анализу экономического и инвестиционного развития регионов Московской метрополии, через призму влияния на нее столичной агломерации. Показан устойчивый тренд на протяжении постсоветского периода на централизацию экономической и инвестиционной активности. В исследовании показано, что благоприятное воздействие столица оказывает на Московскую область, в то время как для других субъектов метрополии позитивная роль столицы в привлечении инвестиций всё ещё остаётся противоречивой.

Ключевые слова: инвестиции в основной капитал, ПИИ, Московская метрополия, Московская агломерация, инвестиционная привлекательность, пространственно-волновая диффузия инноваций.

Московская метрополия (далее – Метрополия) представляет собой совокупность регионов, так или иначе попадающих под социально-экономическое воздействие столичного региона [1; 2]. На сегодняшний день среди регионов Метрополии только два (Москва и Московская область) обладают валовым продуктом, превышающим 1 % от общероссийского. Однако при этом они же концентрируют свыше ¼ ВВП страны. В результате столичная агломерация занимает исключительное место в России, в 4 раза превышая показатель следующей по величине Санкт-Петербургской агломерации.

Особенно интересно, что за постсоветский период, роль Московской агломерации в экономике страны выросла вдвое – с 13,5 % до 27 %, при этом роль в экономике страны других регионов Метрополии существенно сократилась (табл.).

Таблица

Доля регионов Метрополии в ВВП страны

Регион	2020 г.		Доля в 1995 г., %
	ВРП в трлн руб.	Доля, %	
Владимирская область	0,55	0,59	0,76
Костромская область	0,20	0,22	0,42
Ивановская область	0,27	0,29	0,46
Калужская область	0,56	0,60	0,58
Московская область	5,26	5,61	3,38
Рязанская область	0,46	0,49	0,74
Смоленская область	0,36	0,38	0,56
Тверская область	0,49	0,52	0,83
Тульская область	0,70	0,75	0,88
Ярославская область	0,62	0,66	1,05
г. Москва	19,86	21,17	10,25
Всего	27,74	31,28	19,91
РФ	93,81	100,00	100,00

Составлено авторами по данным Росстата.

Таким образом, если в начале 1990-х гг. доля Москвы в экономике Метрополии составляла чуть более половины, то на сегодняшний день – уже 2/3, а с учетом Подмосковья – 80 %, при этом стягивание экономических сил к ядру продолжается.

Концентрация четверти экономики России предопределяет и ключевую роль инвестиционной привлекательности агломерации. Здесь сосредоточены квалифицированные трудовые ресурсы, благоприятная институциональная среда, федеральные учреждения и штаб-квартиры крупнейших в стране компаний и банков, а большие доходы бюджета позволяют иметь значительную долю бюджетных инвестиций.

Среди окружающих регионов хорошие показатели инвестиционной привлекательности имеют Тульская (4 место в рейтинге «АСИ») и Калужская (7 место в рейтинге «АСИ» и 14 место в рейтинге «НРА») области. Остальные регионы традиционно занимают худшие позиции [3; 4], хотя по отдельным позициям Ярославская, Ивановская, и Смоленская области также периодически попадают в общестрановой топ-20 наиболее привлекательных регионов.

Субъекты, окружающие Москву и входящие в Московский метрополитенский ареал, концентрируют порядка 28,7 % (по данным на 2020 г.) всех инвестиций в основной капитал в стране. При этом 3/5 этого объема приходится на столицу и примерно по 1/5 на Московскую область и на остальные девять регионов. Доминирующее положение Москвы и Подмосковья наблюдается весь постсоветский период, хотя в отдельные годы, доля Москвы составляла менее половины – в 2007-2014 гг., при этом после кризиса 2008 г. доля столицы опускалась до 40 % (рис. 1).

Рис. 1. Доля Москвы, Московской области и Метрополии в объеме инвестиций в основной капитал в России на протяжении постсоветского периода (1990, 1995-2020 гг.)

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

В абсолютном выражении до кризиса 2008-2009 гг. инвестиции во все три обозначенных субрегиона росли. При этом рост инвестиций в экономику Москвы возобновился уже в 2011 г., сразу после кризиса и даже ускорился. В экономике Московской области восстановление роста инвестиций произошло только в 2018 г., а в экономике прочих регионов Метрополии этого так и не произошло [5].

Отдельный интерес представляет размещение прямых иностранных инвестиций в Метрополии. Москва в конце 2010-х входила в число 20 наиболее инвестиционно привлекательных городов мира [6], активно развивались разнопрофильные предприятия с иностранным капиталом в Московской области, автомобильный кластер в Калужском регионе, инвестиции шли и в другие регионы метрополии. До 2014 г. Россия занимала третье место по инвестиционной привлекательности для иностранных корпораций [7]. При этом реализация ее инвестиционного потенциала происходила во многом за счёт attractiveness Москвы и Подмосковья. За постсоветский период наблюдалась постепенная «ползучая» диффузия размещения ПИИ. Если в 1990-е гг. выделялись два основных типа размещения: либо между МКАД и малым Московским Кольцом, либо в крупных административных центрах (что было связано тяготением к более емким рынкам сбыта и связи с территориями с высоким унаследованным уровнем развития промышленности), то на втором этапе (2000-е гг.) новые предприятия появляются как на территориях, где к моменту их прихода уже располагались иностранные инвесторы, так и в новых привлекательных локациях – вдоль федеральных трасс и вблизи крупных городов. Третий этап (2010-е гг.) характеризуется рассредоточением инвесторов, поскольку самые привлекательные территории к этому времени были уже заняты на предыдущих этапах, что вынудило новых инвесторов осваивать новые локации.

Статистика накопленных прямых иностранных инвестиций показывает, что по последним данным (на 1 января 2022 г.) свыше 53 % накопленных ПИИ в РФ без учёта инвестиций из государств-офшоров⁸ приходилось на Москву, еще 4,6 % – на Московскую область, 1,0 % – на Калужскую область, а на остальные регионы Метрополии приходится менее чем по 0,3 %.

Тем не менее, пандемия, сопровождаемая резким замедлением роста ПИИ в России и в мире в целом, внесла существенные коррективы в наблюдающийся тренд «диффузии» ПИИ в соседние регионы. По итогам 2020 г. из всех регионов Метрополии концентрация страновых ПИИ увеличилась только в Москве (при чём на рекордно большую величину – +6,8 % за год), тогда как в других субъектах Метрополии осталась неизменной или незначительно снизилась – при этом это произошло несмотря на заметный «дрейф» населения из Москвы в соседние регионы в период распространения вируса.

В целом, исследование показывает, что диффузия инноваций и инвестиций из Москвы и ее огромный потребительский спрос выступают в качестве одного из ключевых факторов развития окрестных регионов. При этом дихотомия между агломерацией столицы и остальной частью огромна: Москва и Подмосковье сосредотачивают 2/3 населения, более 80 % ВВП и инвестиций в основной капитал Метрополии, а также 95 % его ПИИ. Устойчивый на протяжении постсоветского периода тренд на централизацию ресурсов в столичном регионе сохраняется, а в последние годы – усиливается.

Для периферийных регионов позитивная роль столицы в привлечении инвестиций хотя и несколько усилилась в последние годы (например, по части привлечения ПИИ), остаётся крайне малой. Показатели свидетельствуют, что Москва оттягивает на себя не только молодежь и квалифицированные кадры, но и инвестиционные потоки, которые необходимы соседним регионам для опережающего развития, при этом противоположный поток, генерируемых столицей инвестиций, в целом, пока не устойчив, в виду общей неблагоприятной экономической и инвестиционной конъюнктуры, связанных с серией кризисов последнего десятилетия. В связи с этим, для большинства периферийных субъектов метрополии продолжает быть свойственно серьёзное «обескровливание» и поглощение Московской агломерацией инвестиционных и, как следствие, трудовых ресурсов (в том числе наиболее активной и образованной части населения) и значимой части НДФЛ.

В то же время годы экономического роста показывают пример того, как насыщение столичного региона инвестиционной инфраструктурой и улучшение инвестиционного климата в стране неизбежно приведет к ее дальнейшей пространственной диффузии инвестиций в сторону окружающих регионов Метрополии.

***Благодарности:** исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-18-00251 «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций» МГИМО МИД России.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения наднагломерационного уровня в России // Известия РАН. Сер. геогр. 2019. № 4. С. 31-45. DOI: 10.31857/S2587-55662019431-45
2. Большие Данные для пространственного анализа // ЦСР. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/ru/publications/bolshie-dannye-dlya-prostranstvennogo-analiza/> (дата обращения: 03.11.2022).
3. Национальный рейтинг инвестклимата регионов // Агентство стратегических инициатив. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/188899/> (дата обращения: 03.11.2022).
4. IX Ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России // Национальное рейтинговое агентство. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ra-national.ru/ru/node/64734> (дата обращения: 03.11.2022).
5. Дружинин П.В. Концентрация ресурсов в Москве: влияние на экономику Центрального федерального округа // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 3. С. 115-140. DOI: 10.14530/se.2022.3.115-140
6. Gurova, I. (2020) Regional Distribution of Foreign Direct Investment in the Russian Economy, *Regional Research of Russia*, no. 10, pp. 318-326. DOI: 10.1134/S2079970520030041
7. Ernst & Young (2013) Coping with the crisis, the European way. Available at <http://www.iberglobal.com/Archivos/European-Attractiveness-Survey-2013.pdf> (accessed: 1 November 2022).
8. Кузнецова О.В. Формальная и реальная роль российских регионов в привлечении иностранных инвестиций (по статистике Центробанка) // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сб. науч. ст. / отв. ред. А.П. Катровский, В.Е. Шувалов, Т.И. Яськова. Смоленск: Универсум, 2016. С. 235-245.
9. Дементьев Н.П. Прямые инвестиции из-за рубежа: оценки на основе данных Банка России и Евростата // Российский экономический журнал. 2017. № 2. С. 56-69.

⁸ Минимум половина ПИИ в российскую экономику, фигурирующих в статистике Банка России и Евростата, могут считаться иностранными только формально – в действительности эти средства представляют собой инвестиции российских компаний, зарегистрированных в офшорных зонах [8; 9].

SPATIAL FEATURES OF THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE MOSCOW METROPOLIS

Abstract. The study is devoted to the spatial analysis of the economic and investment development of the regions of the Moscow metropolis, through the prism of the influence of the metropolitan agglomeration on it. The steady trend towards centralization of economic and investment activity during the post-Soviet period is shown. The study shows that the capital has a positive impact on the Moscow region, while for other metropolitan subjects the positive role of the capital in attracting investment is still controversial.

Keywords: investments in fixed assets, FDI, Moscow metropolis, Moscow agglomeration, investment attractiveness, spatial wave diffusion of innovations.

УДК 911.6

Бабурин В.Л.

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация. Исследуются вопросы эффективности региональных экономик на основе анализа макроэкономических данных. В результате проведенного исследования установлена хорошо выраженная взаимосвязь уровня индустриализации с эффективностью экономики, а также явно выраженный тренд ресурсную специализацию. Проведенный анализ позволил провести типологию регионов по двум основаниям – душевому ВРП и душевому доходу. По результатам анализа выделено шесть кластеров регионов по уровню эффективности, которые образуют хорошо выраженные территориальные группы, корреспондирующие с иными типологиями по другим параметрическим основаниям.

Ключевые слова: региональная эффективность, валовый региональный продукт, реальный сектор экономики, доходы населения, типы регионов.

Введение. Проблемы пространственной дифференциации промышленности, более широко – реального сектора экономики достаточно давно находятся в фокусе внимания экономистов и экономико-географов, как отечественных, так и зарубежных. Здесь линию можно вести, начиная от А. Вебера, Д.И. Менделеева [1]. В советской практике в центре исследовательского интереса промышленного районирования находилась категория «территориальная организация промышленности» ее различные модификации и производные [2]. А.Е. Пробст пошел дальше, предложив в качестве базовых элементов ТПК экономических районов, выражая комплексность через модель «концентров» различных порядков [3].

Категория территориальной организации промышленности наиболее подробно рассмотрена в работах А.Т. Хрущева, Паламарчука, Н.В. Гонтаря и др. [4; 5]. Н.В. Гонтарь в свою очередь подчеркивает, сохранение ключевой роли промышленности и на современном этапе развития России, обеспечивающей конкурентоспособность страны в мировой экономике, а уровень ее развития определяет доходы населения [6].

В послевоенной западной экономической географии и региональной экономике достаточно много уделялось внимания промышленному районированию. У Бекаттини, основными признаками являются наличие рядом с крупными предприятиями множество вспомогательных фирм той же отрасли [7]. По мнению Э. Малески для того, чтобы быть конкурентоспособным, регион должен быть привлекательным как для инвестиций, так и для мигрантов [8]. Э. Маркусен во главу угла ставил специализацию территории, как на ресурсах, так и на производстве товаров «...оказании услуг и торговле всем вышеперечисленным» [9]. Разумеется, исследовательское пространство географии промышленности существенно шире. Проблемами территориальной организации в той или иной мере сегодня занимаются П.Я. Бакланов, А.И. Трейвиш, И.А. Радинова, В.И. Часовский и др.

Методика расчета. Традиционно эффективность может измеряться либо в рамках моделей «затраты-выпуск», либо в рамках так называемого ресурсного метода, используемого преимущественно при составлении сметы для нового строительства. Предлагаемая методика представляет собой итеративную процедуру, последовательного выделения регионов различной природы по отношению к сходящимся параметрам

рам. В данном исследовании рассматриваются два базовых параметра ВРП (ВДВ) и Доход. Оговоримся, что прямое сопоставление этих величин для получения абсолютных и корректных значений не входит в задачи нашего исследования. Поэтому выделение типов регионов по эффективности состоит в соотношении ВРП с Доходом, как категории, отражающей эффективность демографического потенциала региона. Это важно и потому, что ВРП не только производится, но и потребляется.

Параллельно рассматривались взаимосвязь этих двух базовых параметров с долей промышленности и реального сектора экономики, уровнем урбанизации, специализацией и ЭГП (в том числе геополитического/геостратегического положения).

Обсуждение полученных результатов. Как показали расчеты, в шести северных регионах душевой ВРП в 2,0-4,6 раза превосходит душевой доход. Это самые эффективные регионы, по выбранному критерию. В эту группу ожидаемо вошли Тюменская (с округами) и Сахалинская области, Красноярский край, Якутия и Коми. Все они специализируются на ресурсных и связанных с первым переделом отраслях. Чуть выше доля обрабатывающего сегмента в Красноярском крае за счет его южной части.

Еще 12 регионов имеют значения коэффициента 1,5-2,0 и также могут быть отнесены к высокоэффективным. В нее входят оставшиеся северные и восточные регионы: Архангельская, Томская, Иркутская, Кемеровская, Магаданская области, республики Коми и Хакасия, Чукотский АО. Вместе с регионами первой группы они образуют единый «экономический материк», за пределами которого оказываются лишь Оренбургская и Астраханская области с высокой долей нефтегазохимического комплекса, Москва с ее высокоэффективной экономикой (что ломает стереотипы о ее «нахлебничестве» в стране) и приморско-приграничная и пристоличная Ленинградская область.

На долю этих высокоэффективных регионов приходится 36 % ВВП России, при в 2 раза меньшей доле в доходах.

Еще 19 регионов имеют умеренное превышение ВРП к доходу (1,2-1,5). В эту группу входят наиболее развитые регионы с многоотраслевой экономикой, при наличии, как правило, значительного отраслевого сегмента – наиболее развитые республики (Татарстан, Удмуртия и Карелия), Пермский и Камчатский края, «металлургические» – Белгородская, Вологодская, Челябинская, Липецкая, Мурманская области, «машиностроительные» – Самарская, Тульская, Новосибирская, Калужская, Ярославская и «химическая» Новгородская области. В этой же группе вторая столица – Санкт-Петербург, приморско-приграничная Калининградская область. В этой группе оказалась и Калмыкия, что можно объяснить относительно высоким удельным весом в ВДС (более ¼) транспорта нефти. На долю этого блока приходится более 20 % ВРП России при существенно меньшей доле в доходах.

Примерно паритетными по соотношению душевого ВРП и дохода являются еще 21 регион. На них приходится 11 % ВВП. Группа «середины» естественно менее «сплоченная» по специализации. Сюда входят все оставшиеся регионы с центрами городами-миллионерами, оставшиеся области Центрального экономического района и Поволжья, пригранично-приморский Приморский край, а также Республика Тыва (добывающая промышленность) и Еврейская автономная область (добывающая промышленность и транспорт) Последние два региона узкоспециализированы.

26 регионов являются неэффективными с точки зрения отношения доходов к ВРП, на которые приходится около 16 % ВВП и почти 1/3 доходов. Из них 14 имеют значения индекса от 0,8 до 1,0. К ним относятся южные Приморской, Краснодарский, Ставропольский и Алтайский края, а также Ростовская и Амурская области, Чувашия и Алтай с повышенной долей аграрного сектора, области внутренней периферии (Тамбовская, Кировская, Брянская, Псковская).

Важным является ответ на вопрос, в какой степени созданный ВРП влияет на душевые доходы населения субъектов РФ.

Рассмотрим территориальные аспекты комбинаций производящих и потребляющих регионов. Наиболее производительные регионы, с максимальным душевым ВРП, значительно превосходящим как душевой доход, так и добавленную стоимость реального сектора экономики, с максимальным удельным весом чистого экспорта и очевидным превышением производства над потреблением (в 5,5-1,5 раза), образуют единый массив от Архангельской области на западе до Чукотки и Сахалина на востоке. С юга к нему непосредственно примыкают Хакасия и Кемеровская область. За пределами этого массива два нефтегазодобывающих региона – Астраханская и Оренбургская области, приморская Ленинградская область и сохраняющая эффективность своей экономики (даже реального сектора) Москва. На этот территориальный блок (15 регионов, без Москвы, Оренбургской и Астраханской областей) приходится около ¼ ВВП и свыше 30 % реального сектора экономики России, более 50 % чистого экспорта.

Внизу рейтинга все республики Северного Кавказа и депрессивная Ивановская область. На них приходится 6 % населения, 3 % ВРП, 2 % реального сектора экономики и 39 млрд руб. дефицита внешней торговли. Это уровень наиболее депрессивных и отсталых государств мира.

Большинство индустриальных регионов имеют значения индекса свыше 0,96 (среднемирового уровня). В группе от 0,96 до 0,8 оказались основные аграрные житницы страны – Краснодарский, Ставропольский, Алтайский края, Ростовская и Амурская области, а также депрессивные Забайкальский край, Кировская, Псковская и Брянская области. На страновом уровне эти значения соответствуют большинству Европейских государств, Аргентине и Новой Зеландии. Из этого напрашивается вывод о том, что масштабы территориального маневра финансовыми ресурсами в России значительно выше, чем в мире.

Выводы. Проведенное исследование позволяет сделать несколько заключений.

Внутренняя неоднородность России по соотношению производительности социально-экономического комплекса территории чрезвычайно велика. Различия превышают 29 крат и фактически раскрывают еще один элемент территориального неравенства, с точки зрения производственно-потребительских отношений.

Важным результатом является развенчание мифа о неэффективности освоения Севера и Восточных регионов. Несмотря на многократное превышение доходов населения ресурсных регионов над доходами республик Северного Кавказа, Юга Сибири и депрессивных регионов Центральной России, их ВРП избыточен и является основой российского экспорта и доходной части бюджета.

Следует отметить формальную неэффективность Московской области, поскольку большая часть ее ВРП оседает в столице. В целом Московский столичный регион (МСР) – один из наиболее эффективных субъектов РФ.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 22-27-00425 «Центро-периферийность в российском индустриальном пространстве».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. М., 1960. 615 с.
2. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.
3. Пробст А.Е. Эффективность территориальной организации производства. М., Мысль, 1965.
4. Хрущев А.Т. География промышленности СССР. М.: Мысль, 1979. 436 с.
5. Паламарчук М.М. Минеральные ресурсы и формирование ПТК. К., 1978.
6. Гонтарь Н.В. Факторы и современные особенности размещения промышленного комплекса России: моногр. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2013.
7. Becattini, G. Industrial Districts: A New Approach to Industrial Change. Edward Elgar Publishing: Cheltenham, 2004. 224 p.
8. Malecki, E.J. Creative regions and mobile firms in a global economy. In: Anais do XX IIASP World Conference on Science and Technology Paris, Bergamo, 2004. pp. 1-12
9. Markusen, A. Sticky places in slippery space: A typology of industrial districts / The New Industrial Geography: Regions, Regulation and Institutions / Edited by T. Barnes, M.S. Gertler. Routledge: London, 2002. 352 p. pp. 106-124

Vyacheslav L. Baburin

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

APPROACHES TO ASSESSING THE COMPARATIVE EFFICIENCY OF THE ECONOMY OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. *The issues of efficiency of regional economies are investigated on the basis of the analysis of macroeconomic data. As a result of the conducted research, a well-expressed relationship between the level of industrialization and the efficiency of the economy, as well as a pronounced trend of resource specialization, has been established. The analysis made it possible to carry out a typology of regions on two grounds – mental GRP and mental income. According to the results of the analysis, 6 clusters of regions were identified by the level of efficiency, which form well-defined territorial groups corresponding to other typologies on other parametric grounds.*

Keywords: *regional efficiency, gross regional product, real sector of the economy, incomes of the population, types of regions.*

УДК 330.524+339.564

Демидова К.В., Макушин М.А., Бобровский Р.О.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва*

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПОРТНО-РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗОНЫ БАМ

Аннотация. *В исследовании дан обзор текущих запасов природных ресурсов на территории районов, примыкающих к Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Исходя из предположения, что основная их масса будет отправлена*

на экспорт, для них определен экспортно-ресурсный потенциал и объяснены причины различий в его использовании. Ими стали неоднородность и разные периоды освоения территории, по которой проходит БАМ, разный тип ресурсов.

Ключевые слова: БАМ, ресурсы, экспорт.

Байкало-Амурская магистраль (БАМ) во второй половине XX века являлась проектом не только транспортным, но и освоенческим: вместе со строительством дороги предполагалось освоение ряда месторождений, развитие лесной промышленности и создание нескольких промышленных центров.

Этот период ознаменован и большим научным интересом к проекту. С 1975 г. строительство магистрали сопровождает отделение СО РАН – Научный совет по проблемам хозяйственного освоения зоны БАМ. Свой вклад в изучение БАМ и окружающих территорий внесли такие учёные как О.А. Кибальчич [1], В.Б. Сочава [2], П.Я. Бакланов [3], А.Г. Гранберг [4], Ж.А. Зайончковская [5], М.К. Бандман [6], Е.Б. Кибалов [7], Г.П. Власов [8] и др.

Методика исследования предполагает следующее:

- экспортно-ресурсный потенциал оценен в стоимостном выражении;
- использование потенциала – это сопоставление текущего объёма экспорта и запасов;
- весь объём добываемых ресурсов экспортируется (в ценах конца 2020 г.);
- запасы минеральных ресурсов рассматривается как Запасы А+В+С₁ Государственного баланса запасов полезных ископаемых РФ, лесных – по данным лесничеств.

На районы, через которые проходит БАМ, приходится более 20 % российских запасов цинка, свинца и меди, 10 % – олова, 9 % – каменного угля, 4 % – железной руды, 2 % – титана, в меньшей степени – нефти и др. В табл. 1 ниже представлены основные месторождения указанных полезных ископаемых.

Таблица 1

Месторождения полезных ископаемых в районах зоны БАМ

Полезное ископаемое	Месторождение
Цинк	Холоднинское
Свинец	
Медь	Удоканское, Иканское, Фестивальное, Соболиное, Перевальное
Олово	Правоурмийское, Фестивальное, Соболиное
Каменный уголь	Южно-Якутский, Буреинский бассейны
Железная руда	Коршуновское, Рудногорское, Таежное, Десовское, Горкитское, Рудногорское
Титан	Большой Сэйим

Источник: составлено авторами.

Наибольшие запасы характерны для центральной части зоны БАМа, Нерюнгринский район (Республика Саха (Якутия)) – более 340 млрд долл. США, Каларский (Забайкальский край) – около 160, Тындинский (Амурская область) – около 100, Верхнебуреинский (Хабаровский край) – около 100, Нижнеилимский и Усть-Кутский (Иркутская область) – по 50, Северо-Байкальский районы (Республика Бурятия) – 40.

С точки зрения запасов древесины выделяются Зейский (250 млн м³, Амурская область), Усть-Кутский (150, Иркутская область), Солнечный (140, Хабаровский край), Тындинский (Амурская область), Нерюнгринский (по 150, Республика Саха (Якутия)) районы.

Использование потенциала крайне неравномерно и не соответствует запасам ресурсов. Так, в западной части БАМ наиболее активно реализуется лесо-ресурсный потенциал. Это связано с более ранним этапом освоения этой территории в сравнении с остальными районами, и расположением там крупных перерабатывающих комбинатов. Также разрабатываются месторождения железной руды. В Амурской области и Хабаровском крае таких мощностей не хватает и сложилась специализация на экспорте наиболее простого продукта – леса-кругляка, в результате чего территория не получает максимума от потенциально возможного к получению дохода.

Центральная часть БАМа в большей части выделяется запасами минеральных ресурсов, но с точки зрения реализации экспортного потенциала снова в большей степени выделяются районы западной части БАМа. Это, прежде всего, Усть-Кутский район, где разрабатываются нефтегазовые месторождения. В восточной – можно отметить Нерюнгринский район с запасами каменного угля, районы Амурской области за счёт добычи золота.

Можно заключить, что степень использования существующего экспортного потенциала зависит от периода освоения территории и той промышленной инфраструктуры, которую на ней успели создать, а также от типа ресурса – при прочих равных условиях энергетические ресурсы стали осваиваться более оперативно. В то же время, в зоне БАМ остаются неразрабатываемыми большое число месторождений,

что позволяет говорить о перспективах его центральной и восточной частей в ближайшие десятилетия. Для повышения возможностей реализации лесо-ресурсного в восточных районах БАМа необходимо инвестировать в перерабатывающие мощности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кибальчич О.А. Производственно-территориальная структура зоны влияния Байкало-Амурской магистрали // Вестн. Моск. ун-та. Сер. География. 1975. № 4. С. 29-35.
2. Сочава В.Б. Проблемы прикладной географии в связи с созданием Байкало-Амурской магистрали // Изв. ВГО. 1975. Т. 107. № 5. С. 385-396.
3. Бакланов П.Я. Экономическое районирование восточной зоны влияния БАМ. Владивосток, 1977. 40 с.
4. Гранберг А.Г., Кибалов Е.Б., Кин А.А. Регион БАМ: концепция развития на новом этапе. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. 211 с.
5. Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах. М.: Статистика, 1972. 160 с.
6. Бандман М.К., Малов В.Ю. Сибирь и ее проблемные регионы: подходы к разработке программ их развития // Экономист. 1997. № 4. С. 58-66.
7. Кибалов Е.Б., Кин А.А., Савватеев А.В., Хуторецкий А.Б. Оценка альтернативных механизмов развития «региона БАМ»: методический подход и результаты экспериментальных расчетов // Регион: Экономика и Социология. 1997. № 3. С. 76-102.
8. Власов Г.П., Власова Н.Г., Власов Л.Г. Государственная политика и практики по ее реализации в новых районах освоения Сибири. Братск, 2011.

Ksenia V. Demidova, Michael A. Makushin, Roman O. Bobrovsky
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

REALIZATION OF THE EXPORT-RESOURCE POTENTIAL OF THE BAM ZONE

Abstract. *The research provides an overview of the current reserves of natural resources in the Baikal-Amur Mainline (BAM) zone. Based on the assumption that the most of it will be exported, the export-resource potential is determined. Reasons for the differences in its use are explained. These reasons are heterogeneity and different periods of development of the territory through which the BAM passes, different types of resources*

Keywords: *BAM, resources, export.*

УДК 911.375

**Дугарова Г.Б., Богданов В.Н.,
Емельянова Н.В., Антипина Ю.В.**
*Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
г. Иркутск*

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА И УЛАН-БАТОРА)

Аннотация. *В статье представлен сравнительный анализ экономического потенциала Иркутска и Улан-Батора. Отобраны основные критерии оценки, определяющие наличие резерва экономического развития сейчас и в будущем. Дана подробная характеристика экономического потенциала по городам.*

Ключевые слова: *экономический потенциал, сравнительный анализ, экономические показатели, тренд развития.*

Обеспечение устойчивого социально-экономического развития городов во многом определяется их потенциалом. В рамках настоящего исследования нами проведен сравнительный анализ экономического потенциала двух городов, отобраны основные критерии оценки (объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг собственными силами и оборот розничной торговли по всем видам экономической деятельности; объем инвестиций в основной капитал; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников и др.). При этом для сравнения мы ориентировались на показатели в расчете на душу населения в единой валюте (рублях), что позволило обеспечить сопоставимость анализируемых показателей.

Сравнивая экономические показатели этих городов, мы видим, что многие значения близки (табл.). Однако темпы и тренды их изменения у них разные. Например, если за последнее десятилетие число хозяйствующих субъектов в Иркутске уменьшается, то в Улан-Баторе оно увеличилось более чем в 6 раз. Также количество занятых в экономике Улан-Батора увеличилось более чем в 2 раза, несмотря на то, что здесь представлен высокий уровень официальной безработицы.

Отметим, что с 2000 г. количество вводимого жилья в Улан-Баторе увеличилось почти в 40 раз, тогда как в Иркутске за последние 10 лет их количество практически не изменилось.

Сравнение показателей экономического потенциала

Показатели	Иркутск			Улан-Батор		
	2000	2010	2020	2000	2010	2020
Численность населения, тыс. чел.	587,2	589,9	617,5	794,5	1244,5	1597,3
Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.	2977,6	26072,1	59392,1	2214,3	7979	32815
Всего субъектов хозяйственной деятельности, тыс. единиц	19,4	31,86	26,83	9,8	26,8	64,3
Численность занятых в экономике, тыс. чел.	188,0	192,1	184,8	215,5	360,8	470,9
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	2845	19445,3	135531,1	4065,7	37857,4	... ²
Объем инвестиций на душу населения, тыс. руб.	4,8	32,9	219,5	5,1	30,4	...
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади	68,1	363,7	361,4	23,6	710,2	922,6
Оборот розничной торговли, млн руб.	18207,0	91584,2	180388,4	4602,9	19664,7	76672,5
Оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб.	31,0	155,25	292,36	5,8	15,8	48
Объем платных услуг населению, млн руб.	3686	26072,1	59292,1
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг ¹ , млн руб.	...	71219,8	93397,7
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг на душу населения, тыс. руб.	...	120,7	151,3

¹ без субъектов малого предпринимательства; ² ... – нет данных.

В отраслевой структуре обоих городов преобладают торговые, строительные и транспортные предприятия. Близкие значения имеют показатели среднемесячной заработной платы. Однако по количеству хозяйствующих субъектов, числу занятых в экономике и вводу жилья лидером является Улан-Батор. По обороту розничной торговли и объему платных услуг лидировал и лидирует г. Иркутск.

Иркутск является одним из крупных экономических, культурно-образовательных и научных центров в Сибирском Федеральном округе (СФО) и обладает большим экономическим потенциалом. Здесь он занимает здесь первое место по объему инвестиций на душу населения, второе – по обороту розничной торговли на душу населения после Новосибирска и второе – по обороту общественного питания после Красноярска [1].

Иркутск – один из крупнейших энергетических центров страны, где осуществляется управление крупнейшим энергохолдингом России – ОАО «Иркутскэнерго». В пределах городской черты расположено два крупнейших его объекта – Иркутская ГЭС (мощность 660 МВт) и Ново-Иркутская ТЭЦ (мощность 708 МВт). Наличие ГЭС и дешевой электроэнергии являются большим преимуществом, обеспечивающим значительный экономический потенциал.

В Иркутске сосредоточена половина предприятий и организаций хозяйственной деятельности Иркутской области и почти 30 % от численности занятых в ее экономике. Более 45 % оборота розничной торговли и общественного питания осуществляется в областном центре. Промышленный профиль города разнообразный: производство транспортных средств, машин и оборудования, неметаллических минеральных продуктов, пищевых продуктов; швейное производство; производство и распределение электроэнергии, газа и воды и др. В отраслевой структуре преобладают предприятия торговли, строительные, транспортные предприятия и организации, связанные с недвижимостью.

Производство машин и оборудования – это выпуск оборудования для горнодобывающей, горнообогатительной, золотодобывающей, угольной, нефтехимической промышленности и лесного комплекса. Данное направление представлено следующими предприятиями: ООО «ИЗТМ-Инжиниринг»; ЗАО «Энерпред»; ОАО «Иркутский завод дорожных машин».

Одним из первых предприятий советского этапа индустриализации в Восточной Сибири стало сооружение Иркутского завода тяжелого машиностроения (ОАО ПО ИЗТМ). Продукция ИЗТМ – машины и

оборудования для металлургической, золотодобывающей и нефтяной промышленности, горно-обогатительных комбинатов и фабрик. Крупнейшие алюминиевые заводы России являются потребителями продукции ИЗТМ. Предприятие выпускает по заказам и несерийную продукцию, продолжая оставаться и опытно-экспериментальной базой, где с различными по профилю проектно-конструкторскими организациями создавалась и создается новая современная техника.

Крупнейшим представителем производств транспортных средств является Иркутский авиационный завод – одно из базовых предприятий вертикально-интегрированного холдинга ОАО «Корпорации «Иркут», выпускающее военную и гражданскую продукцию. К производству и ремонту электронного и оптического оборудования относятся ЗАО «Иркутскэнергоремонт», ООО «Инженерный центр Иркутскэнерго».

Пищевая промышленность города представлена Иркутским масложиркомбинатом, мясокомбинатом «Иркутский», Иркутским молокозаводом, Иркутским хлебозаводом, кондитерской фабрикой «Ангара» и т.д. «Иркутский хлебозавод» – крупнейший производитель хлебобулочных и кондитерских изделий; его ассортимент ежегодно обновляется. Среди других предприятий пищевой промышленности наиболее значимы ОАО «Иркутская маслосырбаза» (выпуск натурального сливочного масла и сливочно-растительных спредов), ОАО «Молоко» (производит более 100 наименований молочных продуктов) и кондитерская фабрика «Ангара» [2].

В 2020 г. объем инвестиций в основной капитал по г. Иркутску составил 135,5 млрд руб. (табл. 1). Почти треть в структуре инвестиций в основной капитал приходится на инвестиции в транспортную сферу и связь – 31,8 %. На второй позиции – современный сектор экономической деятельности по работе с недвижимым имуществом, аренде и предоставлению услуг – 13,2 % и на третьей – «оптовая и розничная торговля, ремонт, автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» – 12,1 % [3].

Более 60 % предприятий малого и среднего бизнеса области сосредоточены в областном центре (более 50 тыс.). Малый бизнес представлен во всех видах экономической деятельности. Вполне закономерно, что большую часть занимают предприятия торговли и общественного питания, что объясняется достаточно стабильным потребительским спросом – 37,3 %, а также операции с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг – 20,8 %, строительства – 16,1 %.

Иркутск считается крупнейшим транспортным узлом, расположенным на пересечении основных международных транспортных коридоров в страны Центральной и Восточной Азии. На территории города размещен центр управления Восточно-Сибирской железной дорогой, международный аэропорт, речной порт, проходят автомобильные дороги федерального и регионального значения.

Улан-Батор является крупнейшим экономическим, социально-культурным и научно-образовательным центром Монголии, где сосредоточены Великий Государственный Хурал, правительственные и общественные, международные и частные предприятия и организации.

Энергосистема города Улан-Батор состоит из трех тепловых электростанций мощностью 220 кВт, 34 подстанций мощностью 110 кВт, 30 подстанций мощностью 35 кВт и 7422 подстанций мощностью 6-10 кВт с линиями электропередач протяженностью около 12 тыс. км, снабжающими более 400,0 тыс. потребителей. Из них крупнейшей электростанцией в Монголии является тепловая электростанция, расположенная в Улан-Баторе. Она была создана в 1987 г. мощностью 380 МВт, сейчас увеличила свою мощность до 703 МВт электроэнергии и 1373 Гкал тепла. Станция обеспечивает город на 67 % электроэнергией и 60 % тепловой энергией. Улан-Батор и его окрестности хорошо обеспечены энергией по сравнению с другими регионами Монголии, на долю их приходится около 90 % от общей установленной мощности Центральной региональной энергосистемы (CRPS) [4].

Улан-Батор – крупнейший экономический и деловой центр Монголии. В 2020 г. в Улан-Баторе было зарегистрировано 152 тыс. предприятий (76 % от общего числа предприятий в стране), из которых 43 % (65,6 тыс.) являются частными. По видам деятельности 28,7 тыс. предприятий (43,7 %) заняты в торговле; 24,2 тыс. (36,9 %) в сфере услуг; 6,6 тыс. (10,0 %) в строительстве; 5,1 тыс. (7,7 %) в промышленности; 0,9 тыс. (1,4 %) в сельском хозяйстве [5].

В Улан-Баторе развиты практически все отрасли современной промышленности. Основное место занимают легкая и пищевая промышленность, оснащенные передовыми технологиями. Они обеспечивают все население столицы основными товарами народного потребления и продуктами питания, а также производят экологически чистые продукты для внешнего рынка. В настоящее время большая часть промышленных предприятий Монголии сосредоточена в Улан-Баторе, производя примерно 40 % от общего объема промышленного производства. В Улан-Баторе находятся крупные предприятия пищевой промышленности, такие как мясокомбинат, крупнейший мукомольный завод ООО «Алтан Тариа», завод молока и

молочных продуктов АО «Суу», предприятие по производству алкоголя и других напитков. Одной из брендовых отраслей считается производство кашемира, однако в настоящее время бизнес по переработке кашемира является неустойчивым и нуждается в улучшении технологии, маркетинга и дизайна. По итогам 2020 г. предприятия столицы, работавшие в промышленном секторе, произвели продукции на сумму 10 трлн тугриков, что на 1,7 % больше по сравнению с 2019 г. [6].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНХСМ в рамках научного проекта № 20-55-44023 Монг_а.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иркутску 360 лет. Стат. сб. Иркутск: Иркутскстат, 2021. 96 с.
2. Атлас развития Иркутска. Иркутск: Изд-во ИГ им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2011. 131 с.
3. Статистический ежегодник «Муниципальные образования Иркутской области в 2020 г.» Ч. 1: Стат. сб. Иркутск: Иркутскстат, 2021. 46 с.
4. Ministry of Energy, 2021 “Energy Sector Profile-2020”. [Электронный ресурс]. URL: <http://energy.gov.mn/c/1237>
5. National Statistical office, 2021, Statistical database. [Электронный ресурс]. URL: http://1212.mn/Stat.aspx?LIST_ID=976_L26&type=tables
6. Capital Statistics Department, 2021 “Industry – 2020” Ministry of Education and Sciences, 2021 “Introduction to the Education Sector-2020”. [Электронный ресурс]. URL: https://www.meds.gov.mn/statistics-industry?category_id=11397

**Gerelma B. Dugarova, Viktor N. Bogdanov,
Natalia V. Emelyanova, Yuliya V. Antipina**
V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

ANALYSIS OF ECONOMIC POTENTIAL (ON THE EXAMPLE OF IRKUTSK AND ULAANBAATAR)

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the economic potential for Irkutsk and Ulaanbaatar; we have selected the main evaluation criteria that determine the reserve for economic development now and in the future. A detailed description of the economic potential by city is given.*

Keywords: *economic potential, comparative analysis, economic indicators, development trend.*

УДК 911.3

Заборцева Т.И.
*Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
г. Иркутск;
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск*

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ: ПРОЕКТНЫЙ ФОРМАТ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Представлен оригинальный подход к составу Восточной Сибири, а именно как два мезорегиона: Енисейская Сибирь и Байкальская Сибирь. Сравнение процесса интегрирования территорий в широкомасштабную хозяйственную деятельность страны и трансграничного окружения весьма многопланово. На первом этапе рассмотрен текущий период «инвестиционного бума» в формате инвестпрограмм первого мезорегиона и фаза-пауза – в другом. Исключением является активное продвижение эколого-социально-экономического развития южного побережья Байкала на современной платформе («эко-город Байкальск»).*

Ключевые слова: *Енисейская Сибирь, Байкальская Сибирь, инвестиционные программы, вектор развития, байкалоориентированная модель.*

Введение. Ресурсная традиционная специфика хозяйства Восточной Сибири накладывает свой отпечаток. Считаем уместным использовать в контексте статьи употребляемый (чаще историками) термин к Байкальскому региону – Байкальская Сибирь (Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край), по аналогии, в действующей Стратегии-2030 пространственного развития страны, выделенной территории – Енисейская Сибирь (Красноярский край, республики Хакасия и Тыва). Современные особенности хозяйственного комплекса Байкальской Сибири и дальнейшие перспективы его развития предопределяются местонахождением на его территории оз. Байкал, поскольку ядро региона – его водосборная площадь – имеет особый статус (режим) природопользования.

Включение оз. Байкал в список объектов Мирового наследия – главный фактор при определении рамочных экологических требований к функционированию и строительству объектов на отдельных терри-

ториях Байкальского региона (в том числе южной самой освоенной и урбанизированной части Иркутской области, а также южной и западной самых заселенных и аграрно-индустриальных частях Республики Бурятия).

С высокостатусной позиции евразийского пространства следует отметить, что пока только формируется идеология оценки степени влияния (центричности) участка Мирового наследия оз. Байкал по реализации всех выгод устойчивого пользования и развития этой уникальной территории. Возможно, практическое воплощение мастер-плана «Байкальск-2040», а также параллельное активное развитие соседней Енисейской Сибири, согласно принятым инвестпрограммам (не исключаем «включение» и мегапроекта «Один пояс – один путь») станет очередным этапом осознания доминант развития места-центра и его окружения.

Результаты. Выполнен краткий обзор комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь» (по тексту – КИП «ЕС») как института развития одной территории (Енисейской Сибири) и одного мастер-проекта (Байкальск-2040) для другой территории (Байкальская Сибирь, по соразмерности инвестиционного потенциала, заинтересованности государственных структур, частные проекты горнодобывающего профиля – для следующего этапа). Историко-географические особенности освоения, ресурсный и социально-экономические факторы «работают» на лидерование первого из мезорегионов [1]. Так, Енисейская Сибирь, уступая по численности населения Байкальской Сибири на 700 тыс. чел., превышает ее по удельному весу в ВРП страны. Здесь вырос город-миллионник Красноярск, который статусно является фокусом притяжения населения из наших более восточных территорий, у которых среднедушевой доход составляет менее $\frac{3}{4}$ от среднероссийского, тогда как здесь приближается к среднероссийскому [2]. И, наконец, на данной территории приступили к реализации КИП «ЕС» с объемом финансирования почти 2 трлн руб., включающего 32 инвестпроекта (фиксированный временной рубеж – до 2027 г.).

Социально-экономическое развитие территории усиливает сложившуюся (или прогнозируемую) специализацию в формате таких крупномасштабных инвестиционных проектов: Южный кластер, развитие инфраструктуры и освоение ресурсной базы Ангара-Енисейского района, Технологическая долина (Красноярск – Саяногорск), Международный транспортно-логистический и производственный хаб, агропромышленный парк «Сибирь», сооружение железной дороги Элегест-Кызыл-Курагино и др. [3].

В Байкальской Сибири вектор развития отраслей специализации – углубление переработки сырья на имеющемся и планируемом базовом индустриально-аграрном хозяйственном комплексе [4]. Главный фактор развития региона – байкалоориентированная (байкалоцентричная) модель, обусловленная действующим нормативно-правовым пакетом документов для Байкальской природной территории. Байкальскую Сибирь отличает низкий показатель плотности населения – 2,8 чел./км², что в 3 раза ниже среднероссийского (8,5 чел./км). Удельный же показатель объема отгруженной продукции добывающих производств составляет 3,4 %, трехкратно превышая объем отгруженной продукции обрабатывающих производств (1,1 %) [2].

«Золотой век» разработки планов развития территории Байкальской Сибири в сугубо научном формате не нашел практического продолжения по аналогии КИП «ЕС». Уместно напомнить, что «Территориальная комплексная схема охраны природы бассейна озера Байкал» (ТерКСОП), далее по тексту Схема представляла собой солидный проектный труд из 69 томов (утверждена Президиумом Совета Министров РСФСР 14.04.1990 г.) [5]. Но актуализированная ФГУНПП «Росгеолфондом» в 2009 г. (по заказу Минприроды России) указанная Схема «не прошла» на последующие институты развития (в современном формате КИП). Вместе с тем, единственным в мезорегионе крупнейшим планом (соизмеримым с КИП «ЕС» по инвестициям, более 7 % от данного комплексного проекта) является мастер-проект по развитию экогорода Байкальска. Для разработки проекта комплексного развития г. Байкальска (поручение Президента от 12.09.2019 г. № пр – 1818; последующие решение Правительства РФ и ВЭБ.РФ) в 2020 г. организовано ООО «Байкал Центр» и создано дочернее общество ООО «Центр развития Байкальского региона».

Стратегия развития г. Байкальска широко обсуждалась (автор был участником нескольких онлайн заседаний), в ней нашли отражение базовые ценности идеологии устойчивого развития. Основные содержательные направления территориального развития г. Байкальска («Байкальск-2040») муниципально-образовательного сформулированы по следующим позициям: 1) международный центр экологического туризма; 2) город для жизни и творчества; 3) город здоровья; 4) территория «зеленого производства». Обеспечение долгосрочного эколого-ориентированного социально-экономического развития позволит стать Байкальску мировым эталоном «зеленой экономики» [6]. Планируемые экономические агенты – предприятия разных отраслей и форм собственности – могут стать примерами внедрения технологий мирового стандарта, «работать» в последующем на идею комплексного эколого-экономического развития территории.

Заключение. В Стратегии пространственного развития РФ и дополняющих ее документах (в том числе в формате институтов пространственного развития) отдельные территории развития азиатской части страны получили свои «обновленные» наименования, в числе которых Енисейская Сибирь – мезорегион Восточной Сибири. Последующая практическая деятельность по реализации проектов «Енисейской Сибири», модельному проекту развития «Байкальск-2040», выделяемым в общепланетарном масштабе территории, окружающей оз. Байкал, станет залогом достойной интеграции Восточной Сибири в евразийское социально-экономическое пространство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Современная Россия: географическое описание нашего Отечества. Сибирь. Москва: Паулсен, 2020. 345 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат, 2022. 1122 с.
3. КИП «Енисейская Сибирь» [Электронный ресурс]. URL: <https://ensib.ru/investments/yenisey-siberia-cip/> (дата обращения: 30.01.2023).
4. Атлас. Байкальский регион: общество и природа. Москва: Паулсен, 2021. 320 с.
5. Тулохонов А.К. Байкальская проблема: история и документы. Улан-Удэ: ИД «Эжос», 2010. 128 с.
6. Официальный сайт Байкальского муниципального образования Слюдянский район Иркутской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorod-baikalsk.ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

Tatyana I. Zabortceva

*V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk;
Irkutsk State University, Irkutsk*

SIBERIA: PROJECT DEVELOPMENT FORMAT

Abstract. *An original approach to the composition of Eastern Siberia is presented, namely as two mesoregions: Yenisei Siberia and Baikal Siberia. The comparison of the process of integrating territories into the large-scale economic activity of the country and the cross-border environment is very multifaceted. At the first stage, the current period of the "investment boom" is considered in the format of investment programs of the first mesoregion and the pause phase in the other. The exception is the active promotion of ecological, socio-economic development of the southern coast of Lake Baikal on a modern platform («eco-city of Baikal»).*

Keywords: *Yenisei Siberia, Baikal Siberia, investment programs, vector of development, Baikal-oriented model.*

УДК 332.13

Заляза Н.Ю., Лучников А.С.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ)

Аннотация. *В статье раскрываются вопросы, связанные с особенностями территориального разнообразия развития чёрной металлургии России на современном этапе, предложена группировка регионов страны по степени внутриотраслевого разнообразия на основе расчёта индекса Хёрфиндаля-Хиришмана (ННН), выявлены причины территориально-отраслевой дифференциации чёрной металлургии, специфика отдельно выделяемых региональных группировок.*

Ключевые слова: *чёрная металлургия, территориальная дифференциация, внутриотраслевое разнообразие, индекс Хёрфиндаля-Хиришмана, промышленно-отраслевые районы.*

Введение. Металлургическая промышленность является системообразующей отраслью в современной экономике России: согласно данным Росстата, чёрная металлургия формирует 4-5 % ВВП, 6-7 % экспорта, порядка 360 тыс. рабочих мест [1]. Обращаясь к вопросу о роли чёрной металлургии в территориально-отраслевом аспекте, нельзя не отметить её важную позицию с точки зрения функционирования и проектирования современных технолого-производственных сочетаний (связей) на различных таксономических уровнях.

Целью данной работы является выявление территориальных различий в развитии чёрной металлургии России на современном этапе (на примере регионов страны) для целей обозначения регионов-лидеров и определения перспективных направлений развития отрасли. В качестве объекта выступает чёрная металлургия России как вид экономической деятельности, а предметом исследования – территориальная дифференциация отрасли.

Методология исследования. Под территориальной дифференциацией в общественной географии понимается разнообразие наполняющих территорию явлений и объектов, проявляющихся в их чередовании,

смежности и сочетаемости [2]. В данной работе мы рассматриваем территориальную дифференциацию регионов – субъектов РФ на основе выделения их значимости в развитии технологий чёрной металлургии.

Для осуществления группировки регионов нами был использован индекс Хёрфиндаля-Хиршмана (НИ). Он позволил определить степень внутриотраслевого разнообразия в субъектах РФ, выявить регионы-лидеры и аутсайдеры в развитии технологий указанного вида промышленной деятельности.

$$НИ = D_1^2 + D_2^2 + \dots + D_n^2,$$

где D_i – доля мощности i -ой группы предприятий чёрной металлургии в общей мощности предприятий в пределах субъекта, %; n – число групп предприятий чёрной металлургии, присутствующих в пределах субъекта.

Сбор необходимых данных для расчёта индекса основывался на работе с базой данных сайта Rusprofile.ru. Так, с целью уточнения списка производственных мощностей чёрной металлургии, функционирующих в настоящее время в пределах субъектов РФ, было учтено 313 предприятий, относящихся в Общем классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД–2) к группам обрабатывающих (24.1–24.3, 24.5) и добывающих (07) производств [3].

Они соотносятся с основными стадиями и звеньями пирометаллургического цикла чёрных металлов [4]. Нами учитывались предприятия от добычи руд до выпуска готового проката, других видов готовой продукции. Результатом стала сводная таблица, в которой были уточнены названия производственных объектов, их организационная форма, принадлежность к холдинговым структурам, уточнена номенклатура основной продукции. Также для заполнения таблицы были использованы официальные сайты отдельных предприятий.

В дальнейшем все предприятия по типу производственных процессов были разделены на 12 групп: 1) КПП; 2) передельные заводы; 3) ЭМЗ (мини-передельные заводы, использующие технологии электрометаллургии); 4) трубопрокатные; 5) доменные; 6) ферросплавные; 7) метизные; 8) прокатные (передельные заводы, специализирующиеся исключительно на металлопрокате, кроме трубопроката); 9) предприятия «малой металлургии»; 10) заводы, реализующие технологии порошковой металлургии; 11) литейные; 12) горно-обогатительные комбинаты (ГОКи). Каждому из них был присвоен добавочный коэффициент, соотносящийся с производственной мощностью предприятия. Например, производственная мощность КПП, выпускающего чугун, сталь и прокат, не равна мощности передельных заводов, производящих только сталь и прокат, и тем более не равна мощности небольших литейных или метизных заводов. В связи с этим использовать простую сумму предприятий в расчете индекса, на наш взгляд, не корректно. Необходимо придать отдельным группам предприятий больший «вес», то есть ввести добавочные коэффициенты (табл. 1).

Таблица 1

Добавочные коэффициенты для расчёта индекса Хёрфиндаля-Хиршмана (НИ)

Вид предприятия	Добавочный коэффициент
КПП	5-10
Трубопрокатные	1-4
Передельные	3
ЭМЗ	2
Доменные	2
Ферросплавные	2
Прокатные	2
ГОКи	1-2
Метизные	1
Малая металлургия	0,5
Порошковая металлургия	0,5
Литейные	0,5

Составлено авторами.

Безусловно, указанные коэффициенты являются субъективными и не всегда могут соответствовать реальному соотношению мощностей производственных площадок. Таким образом, следует продолжить исследование в данном направлении, оценивая роль предприятий в экономике и используя методы экспертных оценок или сравнения средних значений выпуска металлургической продукции по каждой группе.

Обсуждение результатов. По результатам расчёта НИ для 62 субъектов РФ, в которых было обнаружено хотя бы одно предприятие чёрной металлургии, была произведена их группировка по степени внутриотраслевого разнообразия на основе градации индекса (табл. 2).

Значение индекса варьируется от 1000 до 10000. Чем ниже полученное значение, тем выше степень внутриотраслевого разнообразия в регионах РФ. Это означает, что в пределах субъекта представлено

большое количество групп предприятий чёрной металлургии с различными технологиями производственных процессов, современными формами организации, а также, что предприятия размещаются, как правило, не в одном географическом центре, а в нескольких.

Таблица 2

**Распределение регионов России по степени внутриотраслевой дифференциации
(по количественным значениям ННИ)**

Степень внутриотраслевой дифференциации	Значение индекса	Количество субъектов РФ
Наиболее высокая	1848,07–2400,00	4
Высокая	2400,01–3684,21	10
Средняя	3684,22–4400,00	6
Низкая	4400,01–7551,02	23
Наиболее низкая	7551,03–10000	19

Составлено авторами.

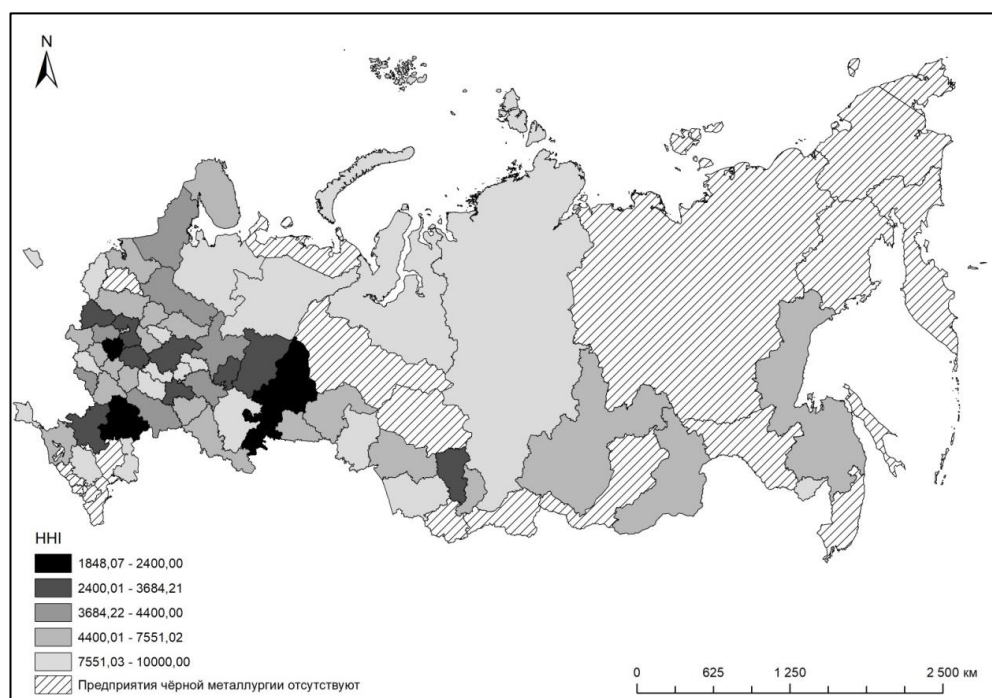

Рис. 1. Степень территориальной дифференциации чёрной металлургии России на современном этапе (региональный аспект) (составлено авторами)

Было установлено, что наибольшей степенью отраслевого многообразия обладают субъекты *первой группы*: Свердловская, Челябинская, Тульская и Волгоградская области. В указанных регионах представлено максимально большое количество групп предприятий, а также число предприятий (суммарно – 90 производственных площадок), относящихся к разным стадиям и звеньям отраслевого ЭПЦ. Здесь есть предприятия-лидеры и предприятия-спутники, формирующие через связи друг с другом отраслевые микрорайоны. Обязательным условием является сочетание традиционных и современных форм организации чёрной металлургии. В территориальном плане указанные предприятия размещены не только в одном центре, но и в других географических локациях. В Волгоградской области – Фролово, Средняя Ахтуба и Волжский; Свердловской – Берёзовский, Первоуральск, Ревда и многие др.

Их можно назвать регионами-ядрами, вокруг которых формируются металлургические базы (промышленно-отраслевые районы): Уральская и Центральная. Наличие Волгоградской области как региона лидера можно объяснить тенденциями формирования отдельной Южной металлургической базы, которая сегодня уже имеет свои сталелитейные, прокатные и иные производства, ориентирующиеся на новые факторы размещения, в том числе факторы «мягкой силы» [5] и современную электрометаллургию. В качестве сырья используются не руды чёрных металлов, а металлолом.

Вторая группа субъектов с высокой степенью многообразия сформировалась в непосредственной близости от ядер отраслевых районов, образуемых первой группой. Они представляют полупериферию чёрной металлургии в пределах баз. Исключение – Кемеровская область-Кузбасс, традиционный регион-лидер Сибирской металлургической базы, но в постсоветское время утративший объёмы производствен-

ной деятельности и многие кооперационные технолого-производственные связи с иными видами промышленной деятельности.

Практически все регионы второй группы являются традиционными центрами развития чёрной металлургии, но в настоящее время отрасль не является в них специализированной. С другой стороны, выгодное географическое положение, тесная кооперация с машиностроением (потребительский фактор) определили в них высокое внутриотраслевое разнообразие. Здесь представлены разнообразные стадии и звенья пирометаллургического цикла чёрных металлов: от передельных производств (сталь + прокат) до современных наукоёмких технологий, в том числе порошковой металлургии. Отличие данной группы от предыдущей заключается в меньших объёмах производственной деятельности, чуть меньшем количестве предприятий и их отраслевых групп (табл. 3).

Таблица 3

Количество предприятий по группам предприятий чёрной металлургии (по субъектам 1-й и 2-й групп)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Σ
Свердловская обл.	2	0	2	10	0	3	1	3	0	1	15	6	43
Тульская обл.	0	0	1	2	2	2	0	1	0	1	3	0	12
Челябинская обл.	0	2	1	3	0	4	1	2	0	2	7	3	25
Волгоградская обл.	0	1	1	4	0	1	1	0	0	0	2	0	10
Ульяновская обл.	0	0	0	1	0	0	0	0	1	1	2	0	5
Санкт-Петербург	0	0	0	3	0	0	1	3	1	1	4	0	13
Удмуртия	0	1	0	1	0	0	0	0	0	1	5	0	8
Пермский край	0	0	0	0	0	0	2	3	1	0	4	1	11
Нижегородская обл.	0	2	0	2	0	0	0	0	1	2	3	0	10
Московская обл.	0	1	0	7	0	0	2	2	0	0	3	0	15
Кемеровская обл.	1	1	0	0	0	2	0	0	0	0	0	1	5
Смоленская обл.	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	0	3
Рязанская обл.	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	2	0	4
Ростовская обл.	0	0	0	2	0	0	0	1	0	1	4	0	8

Составлено авторами. Расшифровка групп предприятий (1–12) представлена выше.

Третья группа (республики Карелия и Татарстан, Вологодская, Кировская, Саратовская, Калужская и Белгородская области) также относятся к полупериферии отраслевых районов (баз), сформированных ядерными регионами первой группы. Сходство с регионами второй группы заключается в том, что в каждом из этих субъектов есть предприятие-лидер (либо КПП, либо передельный завод с электрометаллургическими технологиями, либо ГОК). Кроме того, наблюдается тесная связь металлургии с машиностроением. Отличие от второй группы заключается в меньшем количестве отраслевых групп предприятий (3–4), представленных здесь литейными, прокатными, метизными и трубопрокатными площадками с меньшими объёмами производственной деятельности.

Периферия металлургических баз представлена *четвёртой* и *пятой группами* субъектов. Как правило, в пределах регионов 4-й группы размещаются незначительные по мощности предприятия, специализирующиеся на выпуске прокатной и литейной продукции (прежде всего трубопроката), а также ферросплавов и метизов. Такие регионы характеризуются отсутствием отраслевого лидера, наличием 2–3 предприятий, не имеющих тесных технолого-производственных связей между собой. Попадание в данный список ряда субъектов, отличающихся наличием лидера – крупнейших предприятий отрасли, активно участвующих в кооперационных взаимодействиях, обусловлено очень низким внутриотраслевым разнообразием (Липецкая, Оренбургская области).

Пятая группа характеризуется отраслевым однообразием. В пределах этих субъектов представлены предприятия, относящиеся к одной подотраслевой группе. В их экономике чёрная металлургия имеет малое значение и не является отраслью специализации. Регионы расположены в Среднем Поволжье, Европейском Севере, на территории Северного Кавказа, большей части Сибири и Дальнего Востока. Преимущественно это окраинные части страны, кроме Поволжья, выступающего в роли буферной зоны между двумя крупнейшими промышленно-отраслевыми ареалами.

Заключение. Предлагаемая группировка регионов России по степени внутриотраслевой дифференциации отвечает современным трансформационным процессам в территориально-отраслевой структуре чёрной металлургии. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1) отраслевыми лидерами России являются те регионы, для которых наиболее характерно сочетание традиционных и современных форм организации чёрной металлургии. Их основная роль заключается в формировании основных промышленных ареалов (металлургических баз);

2) значение некоторых традиционных ареалов развития отрасли в настоящее время снижается в связи с технологической отсталостью производственных мощностей, разрывом кооперационных межотраслевых связей;

3) заметно повышается значение тех регионов, где металлургическая специализация не является основной, но широко применяются электрометаллургические технологии, отвечающие современным тенденциям развития отрасли. Так, их внедрение позволило субъектам Южного ФО стать относительно самодостаточными по выпуску металлургической продукции, что становится предпосылкой для формирования новой металлургической базы. С другой стороны, отсутствие подобных технологий в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке не позволяет говорить о формировании там собственных промышленно-отраслевых районов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Печенская-Плишук М.А., Малышев М.К. Особенности развития чёрной металлургии в России и мире в 2000–2019 гг. // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1. С. 125-135.
2. Социально-экономическая география: понятия и термины / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
3. Общероссийские классификаторы. [Электронный ресурс]. URL: <https://classifikators.ru/okved> (дата обращения: 15.01.2023).
4. Заляза Н.Ю. К вопросу модернизации схемы пирометаллургического цикла чёрных металлов // Сборник материалов участников XVIII Большого географического фестиваля. СПб., 2022. С. 829-833.
5. Зубаревич Н.В., Сафронов Н.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15-26.

Nikita Yu. Zalyaza, Andrey S. Luchnikov
Perm State National Research University, Perm

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF IRON METALLURGY IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE (REGIONAL LEVEL)

Abstract. *the article reveals issues related to the identification of the territorial differentiation of the predominant metallurgy of Russia, the identified identified, proposed group differentiation of the country's regions according to the degree of intra-industry diversity based on the calculation of the Hörfindahl-Hirschmann index (HHI), the identified causes of the territorial and sectoral differentiation of exclusive metallurgy, especially specifically identified emissions groupings.*

Keywords: *ferrous metallurgy, territorial differentiation, intra-industry diversity, Hörfindahl-Hirschman index, industrial and sectoral areas.*

УДК 911.3:001.4

Зырянов Г.А.
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМЫ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 2011–2022 гг.

Аннотация. *Статья посвящена епархиальной реформе 2011-2021 гг., кардинально поменявшей административно-территориальное деление Русской православной церкви. В работе выделяются основные этапы реформы, проводится попытка определения основных факторов, повлиявших на выбор новых епархиальных центров.*

Ключевые слова: *административно-территориальное деление, Русская православная церковь, география православия, епархия, митрополия.*

Процесс реформы епархиального деления Русской православной церкви, кардинально изменивший её административно-территориальную структуру, к настоящему времени подошёл к концу. В данной работе представлена географическая оценка хода и итогов последней реформы административно-территориального деления Русской православной церкви.

Традиционная система епархиального деления православной церкви, развивавшаяся в России с X-XI вв., к концу 1930-х гг. де-факто канула в лету вследствие массовых репрессий в отношении религии. Основы АД Русской православной церкви, сохранявшиеся до 2011 г., были заложены в 1943 г., когда после потепления отношения советского государства к религии началось централизованное восстановление церкви. Советское государство стремилось к контролю над церковью, что выразилось в АД возрождённой Церкви: границы и центры епархий соответствовали региональным и республиканским, был упразднён институт территориальных викариатств [1].

После прекращения прямого государственного контроля над РПЦ начался этап восстановительного роста Церкви. Основной тенденцией трансформации АТД церкви в период 1990-2000-х гг. стало его *приведение к сетке субъектов федерации*. Итогом процесса стало исчезновение мультирегиональных епархий (за редким исключением) на территории России. Данный этап разукрупнения епархий можно определить как постсоветский: сетка церковного АТД и центрами, и границами повторяла созданную в СССР сетку светского АТД. Единичные попытки «отхода» от сложившейся сетки успехом не увенчались.

К концу 2000-х гг. децентрализация внутри РПЦ достигла своего пика. На территории России располагалось менее половины всех епархий Церкви (процессы разукрупнения украинских и белорусских епархий начались раньше), и сами они обладали высокой степенью автономии, в особенности экономической. Система внутрицерковных налогов работала крайне плохо, нередко епархии вовсе отказывались отчислять деньги в Москву или отсылали их не в полном объёме [2]. Для решения данных проблем патриархом Кириллом была проведена описываемая реформа.

Новая централизация Церкви в АТД проявилась уникальным образом. До этого она выражалась количественно, через укрупнение епархий, которыми таким образом было проще управлять. Но более такая реформа не подходила: к концу 2000-х гг. управлять возросшим количеством приходов становилось сложно даже в пределах одного региона, кроме того, сжатие епископата ещё больше ослабило бы политическую волю России в управлении РПЦ. Новая реформа выразилась не только в количественном изменении числа епархий, но и в структуре церковного АТД. В 2011 г. в РПЦ была введена так называемая «византийская», двухступенчатая система управления. За следующие 10 лет 61 из 74 епархий на территории России были разделены на несколько частей, которые в свою очередь были объединены в митрополии. Таким образом, роль церковной АТЕ 1-го уровня фактически перешла от епархии к митрополии.

За 10 лет на территории России возникло 130 новых епархий. Течение реформы можно разделить на 3 этапа.

Этап основного разукрупнения (2011-2013) стал наиболее интенсивным (72 % новых епархий). Подавляющее большинство епархий на данном этапе делилось на три части. На четыре были разделены особенно крупные епархии: Новосибирская, Нижегородская, Омская и Петербургская; на пять – только Екатеринбургская. В Московской городской епархии был введён институт территориальных викариатств, во многом совпадающих с административными округами.

На *этапе вторичного разукрупнения (2014-2017)* фактически завершился процесс первичного деления епархий. К концу этапа единой среди крупных епархий оставалась лишь Московская областная, что объясняется институциональным фактором – политическим весом управляющего епархией митрополита Ювеналия (Пояркова). Поскольку после деления крупных епархий новые кафедры стали создаваться в небольших регионах, наиболее часто при первичном делении епархии стали делиться на два.

В это время начался процесс вторичного деления епархий внутри митрополии, затронувший восемь регионов. В половине случаев во время вторичного деления разукрупнению подвергалась центральная епархия, ещё в трех регионах новая епархия была выделена из центральной и новообразованной епархий. Исключением стал Красноярский край, где из Енисейской епархии выделили «крайнесеверную» Норильскую.

На *этапе внутреннего деления епархий (2018-2021)* процесс разукрупнения окончательно перешёл в наиболее крупные по населению и территории регионы, которые стали разделяться на 5-6 епархий: Свердловская, Самарская области, Красноярский край. Это свидетельствовало о том, что реформа подошла к концу вследствие исчерпания территориального и человеческого ресурсов. Финальным «аккордом» реформы стало запоздавшее разделение Московской областной епархии на пять частей в апреле 2021 г. (рис. 1).

Перед началом реформы центры епархий (за исключением Тобольска) в России располагались в региональных столицах, отчего в структуре центров преобладали крупные и крупнейшие города. С первым этапом реформы резко повысилась доля малых и средних городов: средняя населённость новых центров уступала средней населённости старых более чем в 8 раз (93 тыс. чел. против 780 тыс. чел.). На втором этапе, когда преимущественно расформировывались епархии периферийных регионов, для которых характерно отсутствие крупных вторых городов, в $\frac{3}{4}$ новых центров проживало менее 100 тыс. чел., средняя населённость их составила 77 тыс. чел. На 3-м этапе вследствие перемещения основного вектора деления епархий в крупные регионы средний размер центра вырос до 253 тыс. чел. В итоге, наибольшую долю среди российских епархиальных центров занимают малые города (рис. 2). Из 78 городов населением более 250 тыс. только девять не получили собственную кафедру. Единственным центром епархии, не имеющим городского статуса, стал посёлок Ванино (Хабаровский край).

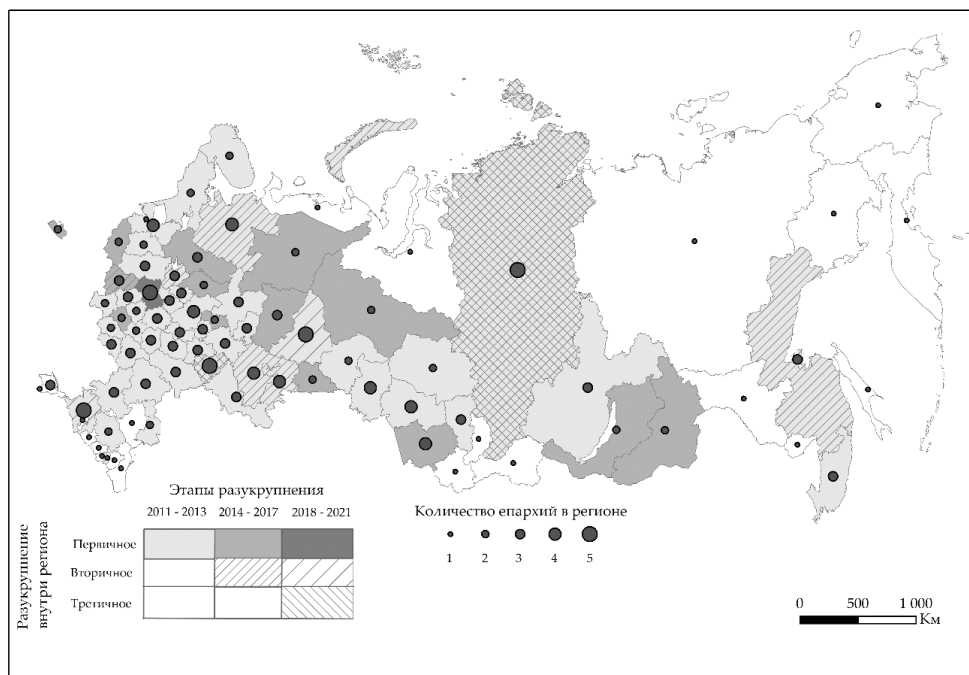

Рис. 1. Этапы церковно-административной реформы 2011-2021 гг. Составлено автором по [3].

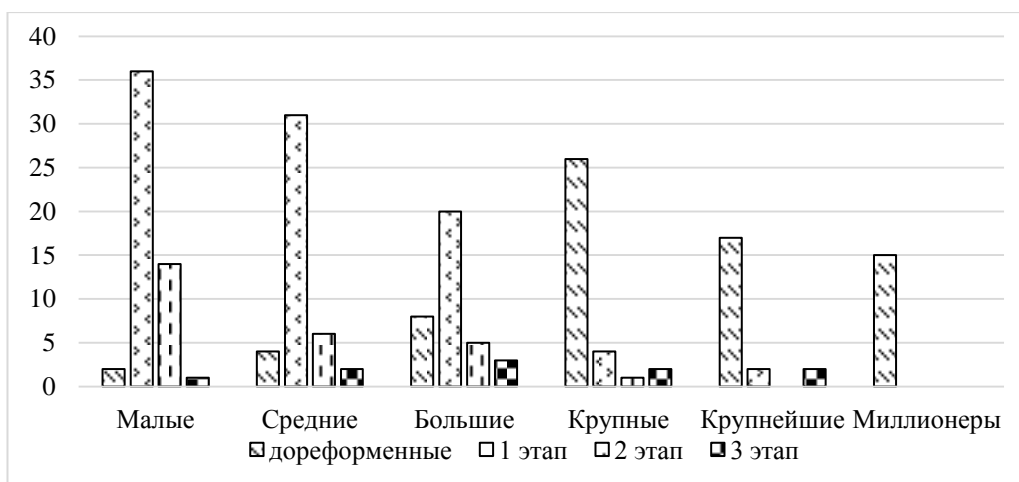

Рис. 2. Градация центров епархий на территории России по крупности. Составлено автором.

Среди факторов назначения новых епархиальных центров выделяются:

1) Абсолютной крупности. В 64 % случаев главный город епархии входит в пятерку крупнейших по количеству жителей городов своего региона. Особенно значим фактор абсолютной крупности в относительно небольших и хорошо связанных регионах, разделённых на части ещё на первом этапе реформы.

2) Относительной крупности. В 73 % епархий её центр – крупнейший город, при этом для региона он может быть относительно небольшим (Карасук, Кудымкар, Отрадный, Щигры). Данные центры характерны для периферийных епархий крупных регионов.

3) Исторический церковно-политический. Из новых центров восемь в XX в. были центрами епархий, 49 – центрами викариатств. В таких городах, как правило, сохраняется старый кафедральный собор, кроме того, возвращение центра свидетельствует о восстановлении традиции. Классические примеры таких центров – Яранск, Уржум, Краснослободск, Ардатов.

4) Исторический монастырский. При выборе такого центра город имеет второстепенное значение по сравнению с расположенной рядом обителью: так были выбраны Козельск рядом с Оптиной Пустыней и Белёв рядом со Спасо-Преображенским монастырём.

5) Историко-культурный. Центром епархии было назначено историческое поселение, игравшее в прошлом роль локального культурного и духовного центра: Соликамск, Алапаевск, Мариинск.

6) Географического положения. Наиболее заметен в регионах с очень неравномерным размещением населения, где центром периферийной епархии становится ближайший к региональному центру город: Галич, Колпашево.

7) Этноконфессиональный. Выделяется в национальных республиках, где центрами епархий становятся наиболее «русские города»: Алатырь, Чистополь, Бирск, Салават, Пятигорск (в Пятигорскую епархию также входят Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария).

Епархиальная реформа 2011-2021 гг. – уникальная для РПЦ трансформация, когда на фазе централизации административно-территориальные единицы не укрупнялись, а напротив, дробились при усложнении самой системы АД.

В качестве основного фактора выбора центрального города новых епархий превалировал расселенческий. Однако наряду с ним важную роль играли специфические для религиозных организаций факторы: вариации исторического (церковно-политический, монастырский), этноконфессиональный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сафронов С.Г. Русская Православная Церковь в XX веке: территориальный аспект. М.: Изд-во «Московский центр Карнеги», 2001. 100 с.
2. Митрохин Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Изд-во НЛЮ, 2004. 648 с.
3. Русская православная церковь. Организации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/organizations/> (дата обращения: 10.12.2022).

Grigoriy A. Zyryanov

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

GEOGRAPHICAL FEATURES OF THE REFORM OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL DIVISION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH 2011–2022

Abstract. *The article is devoted to the diocesan reform of 2011-2021, which radically changed the administrative-territorial division of the Russian Orthodox Church. The article highlights the main stages of the reform, attempts to identify the main factors that influenced the choice of new diocesan centers.*

Keywords: *administrative-territorial division, Russian Orthodox Church, geography of Orthodox Christianity, diocese, archdiocese.*

УДК 910.3

Иванова Ю.П., Шатунов А.А.

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

НОВЫЕ ВЕКТОРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА VOLKSWAGEN AG С КИТАЙСКИМИ АВТОПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ

Аннотация. *В статье рассматриваются предпосылки и стратегии сотрудничества Volkswagen AG и китайских автопроизводителей с конца XX века до настоящего времени. Выделены и охарактеризованы основные этапы взаимодействия компаний, в том числе сотрудничество в сфере производства автомобилей на новых источниках энергии.*

Ключевые слова: *сотрудничество, автомобилестроение, Volkswagen AG, Китай, совместное предприятие.*

После начала проведения реформ открытости в КНР Volkswagen AG была первой зарубежной компанией, которая выразила заинтересованность в сотрудничестве с КНР в формате совместного предприятия (СП), и в 1983 г. начала свою деятельность на производственных площадях Шанхайской автомобильной и тракторной компании (в 1990 г. переименованной в Корпорацию автопромышленности Шанхая), став тогда и оставаясь по сегодняшний день крупнейшим автопроизводителем, работающим в Китае.

На протяжении всего времени деятельность Volkswagen AG на рынке Китая и взаимоотношения компании с государством и китайскими автомобильными компаниями строились по-разному.

Можно выделить три основных этапа в работе VAG на территории КНР. На начальном этапе (1983-2000 гг.) происходило становление производства, локализация главных производственных площадок. В 1983 г. автомобильный завод в Шанхае, управляемый SAIC, был модернизирован VAG для сборки полностью разобранных комплектов компонентов для своей модели Santana. Далее, в результате сотрудничества с «Первым Автомобильным Заводом» (FAW) в 1988 г. образовалось второе совместное предприятие VAG в КНР – «FAW-Volkswagen Automotive Company, Ltd.» с локализацией в Чанчуне, которое начало свою работу в начале 1991 г. VAG не начал расширение со строительства новых заводов в КНР, а следовал своей долгосрочной стратегии, которая существенно не менялась в зависимости от региона: приобретение существующей компании и преобразование ее в прибыльную. Основываясь на фактах и цифрах, можно

сказать, что данная стратегия была удачной: VAG в 2001 г. являлась лидером среди производителей автомобилей в КНР с долей рынка 51,3 % и объемом продаж 358879 единиц [1].

Стратегия китайского правительства в то время заключалась в создании СП, при участии в которых Китай предоставлял рынок сбыта для зарубежных компаний в обмен на технологии. Договоры о создании СП ограничивали иностранную собственность до 50 %.

2001–2009 годы можно охарактеризовать как период стремительного развития компании, вызванного ростом рынка КНР. Ключевое значение имело вступление Китая в ВТО в 2001 г. Так, к 2003 г. SVW обладал пятью производственными площадками, в том числе тремя автомобильными заводами и двумя заводами по производству двигателей, с годовой мощностью 300 тыс. автомобилей и двигателей [2]. Активно шло формирование автомобильных кластеров. Компания SVW широко использовала самые передовые производственные технологии и оборудование, а ее производственные мощности достигли мирового уровня. Продукция не только продавалась на китайском рынке, но и экспортировалась в другие страны [3].

Современный этап, начавшийся в 2010 г., отличается стабилизацией темпов развития и процессами реструктуризации компании: происходит дифференциация, унификация производств, идет развитие сферы новых источников энергии.

В настоящем этапе приоритетным для Китая является всесторонняя поддержка собственных предприятий. В условиях усиливающейся конкуренции VAG приходится предпринимать инновационные решения как в управленческой, репутационной, так и в производственной деятельности. Поэтому в 2009 г. руководством компании был утвержден план развития «Стратегия 2018» [4], задачами которого были внедрение интеллектуальных инноваций и технологий для повышения удовлетворенности клиентов области качества продукции, увеличение общемирового объема продаж и увеличение их рентабельности для обеспечения финансовой стабильности. Также компания уделяет большое внимание построению первоклассной команды профессионалов, стремится стать лучшим работодателем отрасли.

В результате этих амбициозных планов, к 2016 г. на автомобильном рынке КНР были представлены уже все марки концерна, в том числе Porsche, Seat и Bugatti с модельным рядом в 150 модификаций.

Также VAG увеличил популярность брендов за счёт адаптации дизайна своих автомобилей к китайским вкусам и стандартам. Так, специально для китайского рынка компания Audi с 2012 г. начала производить специальные модификации автомобилей с удлиненной колесной базой. Более того, почти весь модельный ряд VAG был оборудован передней оптикой и задними фонарями с измененным дизайном, адаптированным под вкусовые предпочтения азиатского региона [5].

Для того, чтобы расширять модельный ряд и не понести сильных экономических потерь, необходимо было внести технологические изменения в процесс производства, оптимизировать процесс сборки, а также унифицировать ряд запчастей. В данном вопросе VAG имел большое преимущество: с конца XX века VAG развивал идеи унификации платформы для ряда моделей компаний, входящих в VAG – шло создание единой базы автомобиля, на которой будут варьироваться навесные элементы. Нарботки в сфере автомобильных платформ давали VAG преимущество перед остальными автопроизводителями, особенно в период после мирового кризиса 2008 г. Начиная с 2009 г. практически все крупные мировые производители стали разрабатывать единые платформы для своего модельного ряда с целью уменьшения расходов, но VAG еще в 2007 г. начал разработку платформы «MQB». К 2012 г. VAG переоснастил ряд совместных с SAIC и FAW заводов под сборочную линию моделей на платформе MQB, завершил постройку завода SVW в Нинбо в новой зоне залива Нинбо Ханчжоу, проектируемый специально под сборку моделей на платформе MQB, включающий в себя цеха по прессовому, кузовному, покрасочному и сборочному процессу, а также технологический центр, учебный центр и энергетический центр [6]. VAG переоснастил совместное предприятие с FAW в Фошане под выпуск запчастей для платформы MQB, и это решение позволило компании значительно укрепить свои позиции на рынке КНР. Эти меры позволили VAG значительно увеличить объемы продаж. Более того, методы преобразования в структуре производства послужили примером для китайских производителей, и были использованы ими на собственных предприятиях.

Другим важным направлением сотрудничества Volkswagen AG с китайскими компаниями в последнее десятилетие является производство автомобилей на новых источниках энергии. Для удержания своих позиций VAG был заинтересован в этом секторе, но в начале 2010-х годов не имел достаточных наработок в данной сфере. Ситуация усугубилась тем, что в сентябре 2015 г. VAG оказался в центре крупного скандала, получившего название «Dieselgate».

В июле 2016 г. VAG объявил о своей новой стратегии «Вместе 2025+», одним из основных положений которой является продвижение электромобилей.

Первым шагом воплощения данной стратегии стало подписание в сентябре 2016 г. Volkswagen AG и Anhui Jianghuai Automobile Co., Ltd. (JAC) в Вольфсбурге Меморандума о взаимопонимании, с целью достижения долгосрочного сотрудничества в совместной разработке электромобилей в Китае. Согласно ме-

морандуму, стороны были намерены вступить в обсуждения для оценки перспектив создания нового СП – «JAC Volkswagen Automotive Co., Ltd.», специализирующегося на транспортных средствах на новой энергии (NEV), для осуществления полномасштабного сотрудничества в таких областях, как исследование, разработка, производство, продажи в области NEV, а также компонентов для повышения эффективности использования топлива автомобилями с двигателями внутреннего сгорания [7]. Приоритетной стала разработка решений с нулевым уровнем выбросов вредных веществ. В соответствии с соглашением все стороны будут использовать свои технологии и сильные стороны продукта для разработки аккумуляторной модульной платформы электромобиля. СП JAC Volkswagen представил бренд SEAT в 2021 г. и совместно электрифицирует продукты этого бренда, который, согласно договору, стал ведущим брендом Volkswagen Group в данном проекте [8]. Наряду с этим, по договору о СП основной производственной площадкой должно было стать предприятие в провинции Аньхой, которое включает в себя автосборочный завод и исследовательский центр VAG. В декабре 2020 г. СП было переименовано в «Volkswagen (Anhui) Automotive Company Limited» после того, как VAG увеличил свою долю с 50 % до 75 %. Также VAG в 2020 г. купил 50 % акций родительской компании JAC – JAG. С 2018 г. начался выпуск электрического кроссовера E20X под общим брендом VAG и JAC – SOL. Данная модель является внешне переработанной версией выпускаемого с 2017 г. электрокроссовера JAC iEV7S и собирается на производственных мощностях Anhui JAC Ltd [9]. Выпуск данной модели был осуществлен только с целью наработки репутации бренда для будущей продукции.

В дополнение к основному сборочному предприятию 23 сентября 2021 г. VAG начал строительство завода по производству аккумуляторных систем в провинции Аньхой, который станет первым заводом по производству аккумуляторных батарей, полностью принадлежащий VAG в КНР. Важно, что завод площадью более 45 тыс. м² будет расположен рядом с основной производственной площадкой VW Anhui Company. VAG инвестирует более 140 млн евро до 2025 г. в новый завод и его объекты, а запуск производства намечен на вторую половину 2023 г. [10].

Также, в рамках процесса наращивания мощностей производства автомобилей на новых источниках энергии, VAG в 2020 г. переоснастил несколько сборочных линий на заводах FAW-VW и SAIC VW в Фошане и Аньтине под сборку автомобилей на модульной электрической платформе «MEB». Суммарная производственная мощность данных сборочных линий составила 600 тыс. автомобилей в год [11].

В целом удачные инвестиционные решения позволили VAG в кризисные моменты избежать высоких финансовых и репутационных потерь, это позволяло увеличивать объемы производства и продаж на всех этапах работы компании на рынке Китая. Компания внимательно относится к своей репутации. Так, например, VAG был спонсором Олимпийских игр в Пекине в 2008 г.

Глобальным итогом сотрудничества для КНР можно считать то, что VAG заложил основу развития как производства автомобилей, так и комплектующих, что позволило стать автомобильному производству Китая самым крупными в мире. Китайские автомобильные производители смогли получить необходимые финансовые ресурсы для организации собственных производств. VAG, в свою очередь, получил самый крупный рынок сбыта, а также множество производственных площадей, технологических центров и статус бренда с наибольшим числом продаж на рынке КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Zhang F. Foreign Automobile Companies in China a Case Study of Volkswagen and General Motors / Feihan Zhang, George Khabelashvili // Göteborg University. 2002. [Электронный ресурс]. URL: https://gupea.ub.gu.se/bitstream/2077/2350/1/gbs_thesis_2002_50.pdf
2. Hahn C. H. My years at Volkswagen/ C. H. Hahn // Signum. 2005. [Электронный ресурс]. URL: https://carl-hahn.de/wp-content/uploads/2022/01/Carl-H.-Hahn_My-years-at-Volkswagen-PDF.pdf
3. 上汽发展历程 = Shàngqì fāzhǎn lìchéng. Шанци фачжань личэн (История развития SAIC) // SAIC Motor Co. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.saicmotor.com/chinese/gsgk/sqfzs/index.shtml>
4. Strategy 2018 // Volkswagen AG. [Электронный ресурс]. URL: <https://annualreport2011.volkswagenag.com/managementreport/reportonexpecteddevelopments/strategy/strategy2018.html>
5. 10 Volkswagens You'll Only See in China // Forbes. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.com/sites/tychodefeijter/2016/06/03/not-for-you-10-volkswagens-that-are-only-for-china/?sh=541ba82841ad>
6. SAIC VOLKSWAGEN and Plants // Volkswagen Group China. [Электронный ресурс]. URL: <https://volkswagen-groupchina.com.cn/en/volkswagenchina/plant1>
7. Volkswagen Group and Anhui Jianghuai Automobile (JAC) aim for joint development of electric vehicles in China // Volkswagen AG. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.volkswagenag.com/en/news/2016/9/China.html>
8. Volkswagen Group China, JAC and SEAT sign new deal, driving forward e-mobility in China // Volkswagen AG. [Электронный ресурс]. URL: https://www.volkswagenag.com/en/news/2018/11/seat_e_mobility_china.html
9. JAC и Volkswagen начали выпуск совместной модели SOL E20X // Авто Ревью. [Электронный ресурс]. URL: <https://autoreview.ru/news/jac-i-volkswagen-nachali-vypusk-sovmestnoy-modeli-sol-e20x>

10. Volkswagen Group China builds battery system factory in Anhui to strengthen BEV value chain // Volkswagen AG. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.volkswagenag.com/en/news/2021/09/volkswagen-group-china-builds-battery-system-factory-in-anhui-to.html>

11. Volkswagen's EVs Are Taking Off in China, May Soon Surpass NIO's Market Share // Equal Ocean. [Электронный ресурс]. URL: <https://equalocean.com/analysis/2021102516719>

Yulia P. Ivanova, Alexander A. Shatunov

*Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg*

NEW VECTORS OF COOPERATION BETWEEN VOLKSWAGEN AG AND CHINESE AUTOMAKERS

Abstract. *The article examines the prerequisites and strategies of cooperation between Volkswagen AG and Chinese automakers from the end of the XX century to the present. The main stages of the companies' interaction are highlighted and characterized, including cooperation in the production of cars using new energy sources.*

Keywords: *cooperation, automobile manufacturing, Volkswagen AG, China, joint venture.*

УДК 911.3:332(045)

Кашин А.А.

*Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск*

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ДИВЕРСИФИЦИРОВАННОСТИ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Аннотация. *В статье представлена методика оценки степени отраслевой диверсифицированности обрабатывающей промышленности и её влияния на потенциальную устойчивость экономики к кризисным явлениям.*

Ключевые слова: *экономика региона, отраслевая структура, обрабатывающая промышленность.*

Диверсификация экономики – важный фактор регионального развития. Во многих случаях это оказывается одним из условий устойчивости во время кризисов и позволяет эффективно им противостоять. Так, во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, сильно «просели» ряд отраслей добывающей промышленности, автопром, туризм и некоторые другие. В то же время, производство товаров медицинского назначения (включая фармацевтику) и IT-сектор нарастили объёмы. Таким образом, более глубокий кризис в одних отраслях частично компенсируется менее глубоким спадом (или даже ростом) в других.

Разумеется, не всё определяется степенью диверсифицированности, но при прочих равных условиях регионы, обладающие такой характеристикой, будут увереннее противостоять кризисам и смогут быстрее и эффективнее приспосабливаться к меняющимся условиям. Другими словами, диверсифицированная структура экономики делает её более стабильной [1].

Открытым остаётся вопрос по оценке степени диверсифицированности и использованию единого показателя, позволяющего сравнивать регионы друг с другом. Однозначный эталон (условная «идеальная диверсифицированность») выявить очень сложно. Абсолютно равномерное распределение отраслей и секторов экономики как по числу занятых, так и по валовой добавленной стоимости, противоречит одному из базовых экономико-географических понятий – «специализация регионов». Ещё один из возможных подходов для оценки – сравнение отраслевой структуры экономики региона с отраслевой структурой страны в целом. Однако соответствие вряд ли можно считать фактором, определяющим устойчивость региональной экономики. В этом случае скорее будет проявляться корреляция региональных темпов экономического роста (спада) тем, что характерны для национальной экономики.

В то же время, при высокой отраслевой локализации экономика становится менее устойчивой. В случае абсолютного преобладания одной отрасли значительно повышаются риски, и в случае кризиса именно в этой отрасли вся региональная экономика получает наибольший урон. В соответствии с этим равномерное распределение по отраслям примем за условно благоприятное.

При оценке степени диверсифицированности можно брать за основу как число занятых в разных секторах экономики, так и валовую добавленную стоимость. При расчёте показателей отдельно по обрабатывающей промышленности можно использовать объём отгруженных товаров, выполненных работ и услуг по видам деятельности (группам производств – некоторым аналогам отраслей). Решающее влияние на полученные результаты оказывает агрегирование отраслей. В зависимости от степени дробности значения дифференцированности могут сильно отличаться.

Если рассматривать структуру экономики в целом, то в данных Росстата [2] отрасли агрегируются по-разному. Так, в структуре валовой добавленной стоимости выделяется 20 видов экономической деятельности, а в распределении занятых – 14 (в частности, несколько видов объединяются в группу «Другие виды деятельности», на которую в 2021 г. приходилось в совокупности 17,6 % занятых). Соответственно, сопоставлять данные сложно не только из-за разных показателей, взятых за основу, но и из-за разной степени агрегирования данных.

В данном исследовании рассмотрена диверсификация обрабатывающей промышленности. За основу взяты данные по объёму отгруженной продукции (работ, услуг) по группам производств (отраслям промышленности). Для расчётов в качестве эксперимента был использован индекс этнической мозаичности Б. Эккеля [3], рассчитываемый по формуле:

$$P_j = \sum_{i=1}^m \pi_i (1 - \pi_i),$$

где P_j – индекс мозаичности национального состава j-го региона; m – число национальностей в j-м регионе; π_i – доля i-й национальности в j-м регионе.

Несмотря на то, что данный индекс был разработан для другой сферы общественно-географических исследований, на наш взгляд, он вполне применим для оценки диверсифицированности обрабатывающей промышленности. В этом случае роль национальностей будут играть отрасли.

Значение индекса может меняться от 0 (когда вся обрабатывающая промышленность представлена одной отраслью) до 0,92 (когда доли равномерно распределены между 13 отраслями – группами ОКВЭД-ов). Чем более дробная дифференциация отраслей берётся за основу, тем ближе к единице будет теоретически возможный максимум. Так, при выделении 20 отраслей (групп производств) максимальное значение при равномерном распределении будет 0,95, а в случае выделения 50 отраслей – 0,98.

В результате все регионы были проранжированы по индексу мозаичности Эккеля (назовём его индексом отраслевой мозаичности) применительно к структуре обрабатывающей промышленности (табл. 1).

Таблица 1

Индекс отраслевой мозаичности обрабатывающей промышленности

Регион	Индекс отраслевой мозаичности	Ранг*
Смоленская область	0,8796	1
Иркутская область	0,8672	2
Московская область	0,8652	3
Томская область	0,8575	4
Рязанская область	0,8529	5
Тверская область	0,8494	6
Новосибирская область	0,8493	7
Ярославская область	0,8449	8
Чувашская Республика	0,8409	9
Кировская область	0,8403	10
Ненецкий автономный округ	0,4997	76
Липецкая область	0,4891	77
Мурманская область	0,4294	78
Красноярский край	0,4178	79
Сахалинская область	0,2765	80
Ханты-Мансийский автономный округ	0,1714	81
Камчатский край	0,0777	82
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,0738	83
Магаданская область	0,0531	84
Чукотский автономный округ	0,0354	85

*Административно-территориальное деление России – на 01.01.2022.

Исходя из рассчитанных показателей резонно было бы предположить, что регионы с низким индексом мозаичности более уязвимы к возможным кризисам, особенно в случае, если наибольшему спаду подвергаются отрасли специализации региона. Так, в Чукотском автономном округе и в Магаданской области в 2021 г. соответственно 98 % и 97 % отгруженных товаров всей обрабатывающей промышленности приходилось на продукцию металлургии; в Ямало-Ненецком округе 96 % – на нефтехимию; в Сахалинской области 85 % – на пищевую и т.д. В то же время, в этих регионах обрабатывающая промышленность в целом играет небольшую роль как в структуре валовой добавленной стоимости, так и в структуре занятых. Соответственно, даже при очень низком уровне диверсифицированности обрабатывающей промышленности риски для экономики региона в целом невелики. Так, в Чукотском автономном округе в 2020 г. (дан-

ные на 2021 г. в сводном виде на момент написания статьи ещё не опубликованы) на обрабатывающую промышленность в валовой добавленной стоимости приходилось всего 0,2 %, в Магаданской области – 0,9 %, в Сахалинской – 4,1 % при среднероссийском показателе 17,0 %. В структуре занятости ситуация аналогичная. В 2021 г. в обрабатывающей промышленности этих регионов было занято 1,5, 2,9 и 6,6 % от общей численности занятых в экономике при 14,1 % по России в целом. Противоположные примеры – Челябинская и Свердловская области. Индексы мозаичности в этих субъектах низкие (72 и 70 места среди регионов), около 65 % всех отгруженных товаров приходилось на металлургию. В то же время, здесь высокая доля обрабатывающей промышленности в валовой добавленной стоимости (30 % и 32 %, 10 и 9 места соответственно) и в структуре занятости (22 % и 20 %, 4 и 13 места).

Таким образом, реальным экономическим рискам, связанным с низкой степенью отраслевой диверсифицированности обрабатывающей промышленности, будут подвержены регионы, где обрабатывающая промышленность играет большую роль в валовой добавленной стоимости и отраслевой структуре занятости.

Для оценки степени риска в результате низкой степени отраслевой дифференцированности в первом приближении регионы были проранжированы по двум показателям:

- 1) мозаичности отраслевой структуры обрабатывающей промышленности по индексу Эккеля;
- 2) доле обрабатывающей промышленности в общей структуре занятости.

После ранжирования (с 1 по 85 места – в соответствии с количеством субъектов в 2021 г.) была вычислена разность рангов мозаичности и доли отрасли в занятости. Высокие положительные значения разности рангов говорят о том, что по мозаичности регионы занимают низкие места, а по доле в общей занятости – высокие. В таких регионах структуру обрабатывающей промышленности можно считать потенциально уязвимой в случае экономических кризисов.

Напротив, наиболее низкие значения (отрицательные и большие по модулю) характерны для регионов с высокой степенью диверсифицированности отраслевой структуры обрабатывающей промышленности и низкой ролью самой обрабатывающей промышленности в структуре экономики. Они слабо уязвимы сразу по обеим этим причинам.

В середине списка (разность рангов близка к 0) находятся регионы, в которых ранги мозаичности соответствуют рангам по роли обрабатывающей промышленности. Если высокая мозаичность сочетается с высокой ролью, отраслевую структуру таких регионов можно считать благоприятной, а сами регионы потенциально устойчивыми. Если роль обрабатывающей промышленности в структуре занятости низка, то даже низкая мозаичность не будет нести серьёзных рисков для экономики региона в целом (табл. 2).

Таблица 2

Устойчивость структуры обрабатывающей промышленности к внешним рискам

Регион	Индекс отраслевой мозаичности (ранг)	Доля обрабатывающей промышленности в занятости (ранг)	Разность рангов	Устойчивость отраслевой структуры
Челябинская область	72	4	68	низкая
Свердловская область	70	13	57	низкая
Вологодская область	71	15	56	низкая
Липецкая область	77	24	53	низкая
Тульская область	39	3	36	низкая
...				
Магаданская область	84	82	2	нейтральная
ЯНАО	83	83	0	нейтральная
Чукотский автономный округ	85	85	0	нейтральная
Ярославская область	8	10	-2	высокая
Кировская область	10	12	-2	высокая
...				
г. Севастополь	18	86	-50	нейтральная
Иркутская область	2	57	-53	нейтральная
Республика Калмыкия	25	104	-54	нейтральная
Республика Тыва	23	104	-58	нейтральная
Республика Саха (Якутия)	19	99	-61	нейтральная

Симптоматично, что все регионы, попавшие в группу риска, специализируются на металлургии и металлообработке. К Тульской области это относится в меньшей степени, однако и там на группу производств «производство металлургическое; производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования» приходится более 40 % отгруженных товаров по обрабатывающей промышленности в целом.

В качестве вывода отметим, что представленная методика нуждается в доработке, однако даёт общее представление о регионах с потенциально уязвимой отраслевой структурой обрабатывающей промышленности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. Отраслевая структура экономики российских регионов как фактор их развития в 2020 г. // Федерализм. 2021. Т. 26. № 3 (103). С. 5-28. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-3-5-28>
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.
3. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33-42.

Alexey A. Kashin
Udmurt State University, Izhevsk

ASSESSMENT OF THE DEGREE OF DIVERSIFICATION OF THE ECONOMY OF THE RUSSIAN REGIONS

Abstract. *The article presents a methodology for assessing the degree of the manufacturing industry sectoral diversification and its impact on the potential stability of the economy to crisis phenomena.*

Keywords: *regional economy, sectoral structure, manufacturing industry.*

УДК 336.228

Комов И.В.¹, Яковенко Н.В.²

¹*Воронежский государственный университет,
г. Воронеж;*

²*Воронежский государственный лесотехнический
университет имени Г.Ф. Морозова,
г. Воронеж*

ИНВЕСТИЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СТИМУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (ВОРОНЕЖСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Аннотация. *Устойчивое социально-экономическое развитие экономики регионов предусматривает необходимость привлечения инвестиционных ресурсов с применением различных методов и путей стимулирования. В статье обоснована необходимость инвестиционного развития как инструмента социально-экономического развития и конкурентоспособности региона. Рассматривается современное состояние и пути активизации инвестиционного обеспечения развития Воронежской области. Предложены основные направления стимулирования инвестиционного развития.*

Ключевые слова: *инвестиционное развитие, стимулирование, социально-экономическое развитие.*

Введение. Инвестиции выступают важнейшим элементом социально-экономической системы любого региона России, являются пирамидальной основой хозяйственного развития, стратегическим ориентиром, суть которого состоит в существенном улучшении доходности страны и ее населения, направленного на приумножение ВВП и его удвоение на перспективу. Инвестиции в экономику региона являются одним из наиболее актуальных вопросов формирования экономических ресурсов региона, использование которых позволяет усовершенствовать производство, повысить конкурентоспособность производимой продукции, создать дополнительные рабочие места, что в конечном итоге влияет и определяет объективное качество и уровень жизни населения.

Существующие диспропорции в социально-экономическом развитии регионов определяются в том числе отсутствием или недостаточными объемами инвестиционных поступлений. Инвестиции наряду с трудовым, инновационным, ресурсно-сырьевым потенциалом, емкостью внутреннего рынка и другими факторами обеспечивают конкурентные преимущества соответствующего регионального пространства [1].

Основное изложение материала

Современные реалии социально-экономического развития регионов России показывают значимость инвестиционного процесса как на макро-, так и региональном, и муниципальном уровнях. Конкурентными преимуществами Воронежской области для развития инвестиций выступают следующие обоснования:

- один из крупнейших по площади и численности населения регионов в ЦФО;
- имеет выгодное экономико-географическое и транспортное положение в экономическом пространстве России;
- имеет одну из наиболее развитых в ЦФО систем высшего образования;

- относится к регионам ЦФО, имеющим один из наиболее высоких уровней развития базовых характеристик человеческого капитала;
- отличается высоким уровнем развития ресурсного обеспечения инновационной деятельности;
- относится к регионам ЦФО, имеющим один из наиболее высоких уровней развития наукоемких отраслей промышленности (ракетно-космической, радиоэлектронной, авиастроительной, химической), динамично развивающийся сектор информационно-коммуникационных технологий, использующий потенциал ведущих вузов региона [2].

Инвестиции в основной капитал в Воронежской области по итогам 2020 г. составили 258,5 млрд руб., что на 15,7 % меньше, чем годом ранее (данные РИА «Рейтинг», основанные на данных Росстата). Объем инвестиций на душу населения составил 111,2 тыс. руб.

По объёму инвестиций регион занимает 29-е место среди других субъектов. Следует отметить, что в целом по России объем инвестиций в основной капитал снизился на 1,4 % – до 20 трлн руб. По данному показателю Воронежская область среди субъектов ЦФО занимала 3-е место как в 2015 г., так и в 2020 г. (264660 и 258514 млн руб. соответственно) (рис. 1–2).

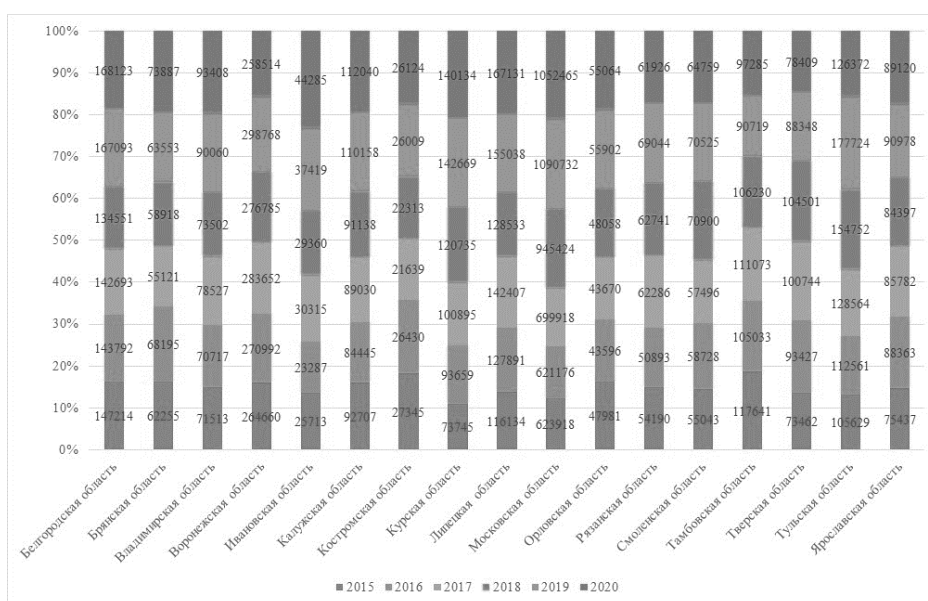

Рис. 1. Инвестиции в основной капитал по субъектам ЦФО, млн руб. (составлено по [5])

Несколько ниже были показатели в 2020 г. (258,5 млрд руб.), что обусловлено пандемией COVID-2019.

Рассматривая видовую структуру инвестиций в основной капитал, можно отметить снижение объёма инвестиций на жилые здания и помещения – 20,5 (2017) и 19,4 (2020) (рис. 2). Также и по показателю «Инвестиции в основной капитал на душу населения» отмечено снижение на 13,6 % (рис. 2) по отношению к 2019 г.

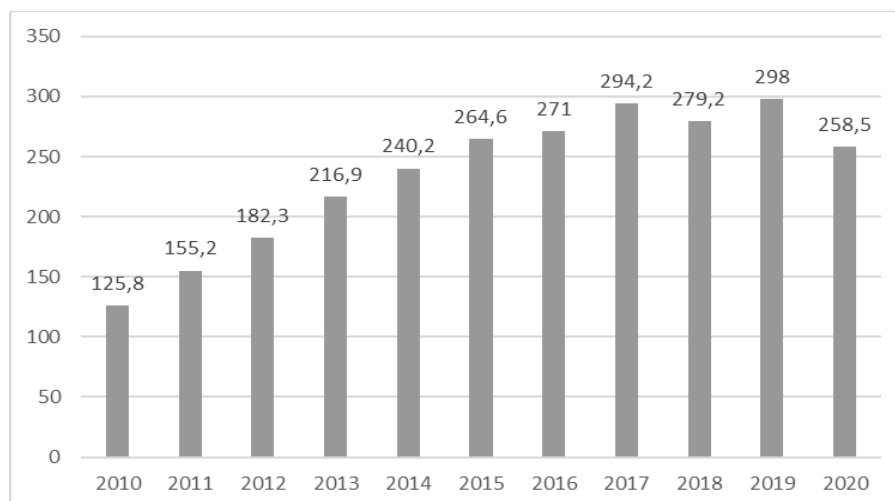

Рис. 2. Динамика инвестиций в основной капитал по Воронежской области, млрд руб., 2010–2020 гг. (составлено по [5])

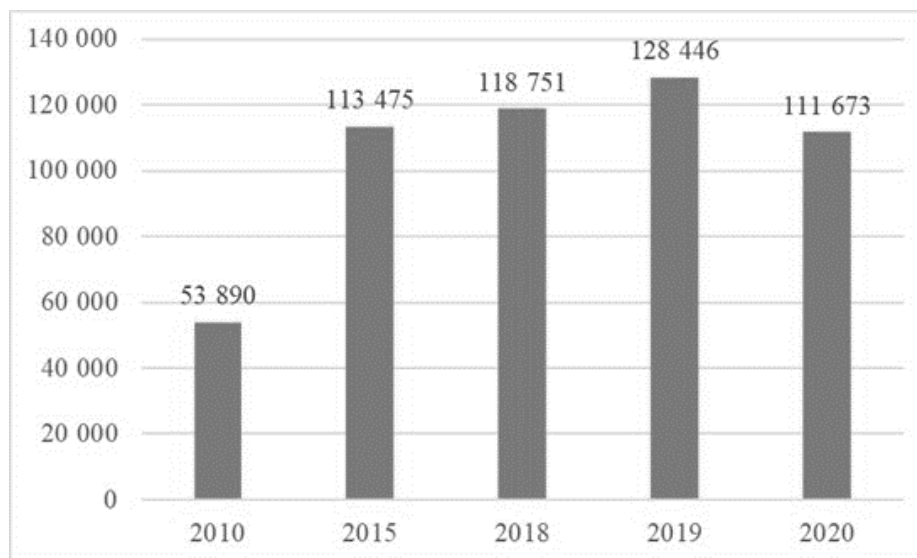

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал на душу населения по Воронежской области, млн руб. (составлено по [5])

Можно отметить положительную динамику роста доли инвестиций в машины и оборудование: по сравнению с 2017 г. произошло пусть незначительное, но увеличение на 0,33 %.

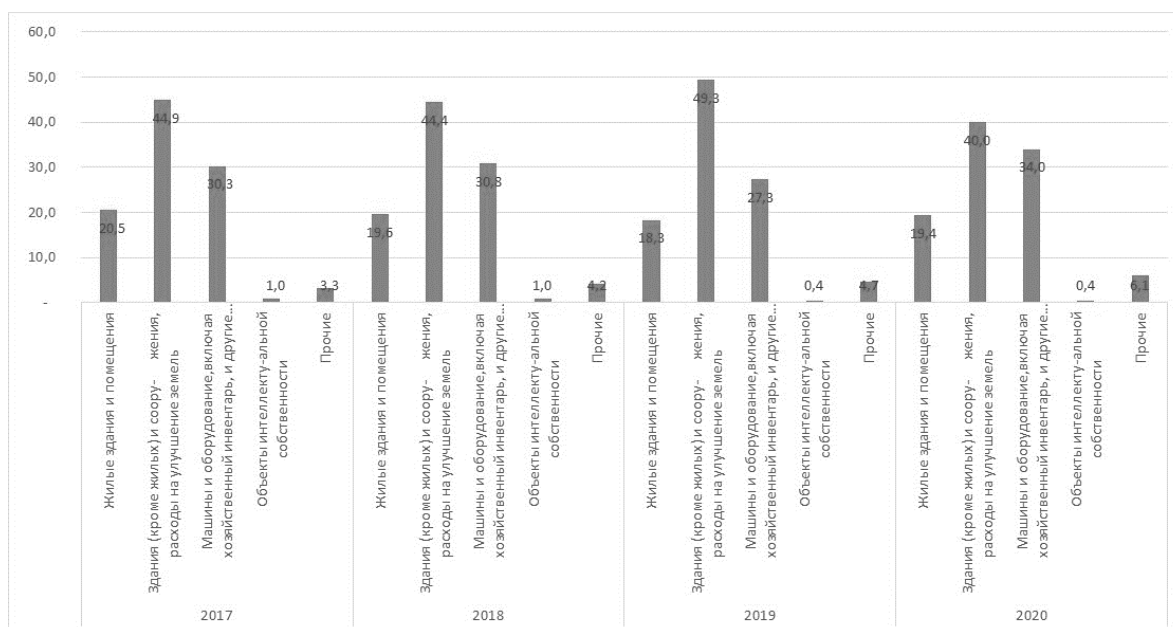

Рис. 4. Структура инвестиций в основной капитал, млн руб. (составлено по [5])

В структуре финансирования по видам инвестиций преобладает финансирование за счет собственных средств предприятий и организаций – 52,9 % инвестиций, тогда как привлеченные средства составили 47,1 %. Рассматривая инвестиции по формам собственности, можно выделить частные инвестиции – 68,2 %, тогда как государственные инвестиции составляют всего 20,3 % [22]. Наблюдается также рост частных инвестиций (на 19 %), тогда как доля государственных инвестиций выросла на 6,9 %. Что касается иностранных инвестиций, то их удельный вес в 2020 г. составил 1,9 % от общего объема инвестиций (рис. 4).

На сферу «Обрабатывающие производства» приходится 33699,4 млн руб. (21 %), это наибольший объем инвестиций по видам экономической деятельности.

На настоящий момент в области имеется 68 инвестиционных проектов, общая сумма которых составляет 251,9 млрд руб., и которые обеспечили в 2020 г. 1724 новых рабочих места.

Наибольшее количество реализующихся инвестиционных проектов в Воронежской области сосредоточено в г. Воронеж – 32 проекта, Бобровском районе – 18 проектов.

К средним по количеству реализующихся инвестиционных проектов можно отнести: Семилукский район – 10 проектов. Борисоглебский ГО – 9 проектов, Хохольский, Рамонский, Лискинский муниципаль-

ные районы – 7 проектов, Богучарский, Верхнехавский, Новоусманский районы – 6 проектов. Меньше всего реализуется проектов в ГО городе Нововоронеже, Калачеевском и Нижнедевицком районах (5), Россошанском районе (4), Грибановском, Репьевском и Новохоперском (1), Верхнемамонском, Аннинском, Воробьевском, Ольховатском и Таловском (2), Павловском, Панинском, Поворинском, Подгоренском, Кантемировском, Каширском, Бутурлиновском и Острогожском районе (3). Отсутствуют инвестиционные проекты на данный момент в Каменском, Петропавловском, Терновском, Эртильском муниципальных районах (рис. 5).

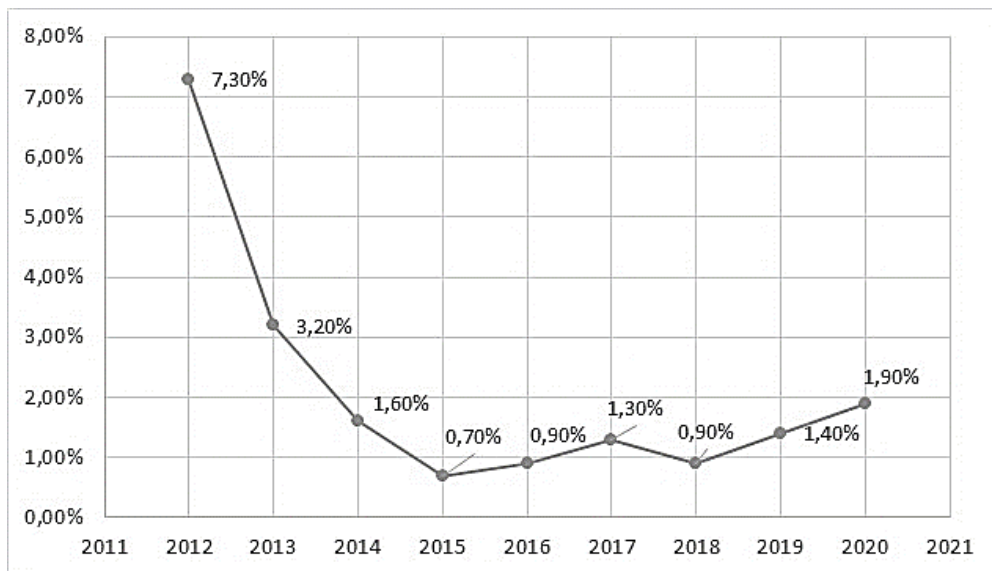

Рис. 5. Доля иностранных инвестиций в основной капитал за период 2012-2020 гг., % (составлено по [5])

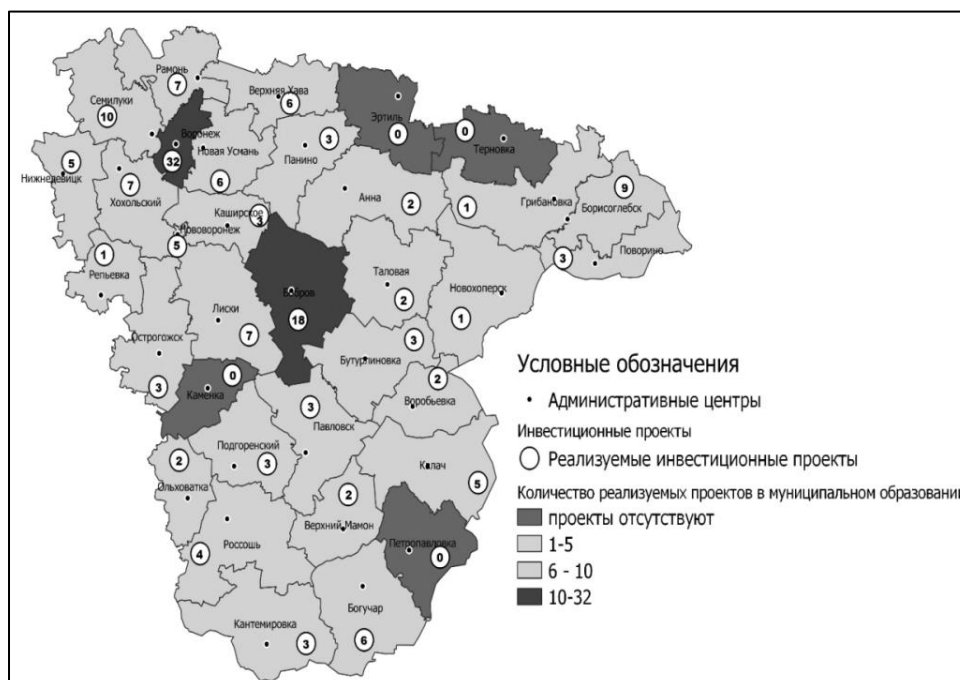

Рис. 6. Реализуемые инвестиционные проекты на территории Воронежской области (составлено авторами)

Одним из важнейших проектов в области инвестиционной политики в регионе является инновационное развитие промышленного производства. С 2020 г. в области действует проект «Новая индустриализация региона», который, по предварительным прогнозам, к 2024 г. должен привести в обрабатывающую промышленность инвестиций объемом около 80 млрд руб.

На ближайшую перспективу в регионе планируется создание новых территорий, имеющих статус с особым экономическим режимом: расширение территории ИП «Масловский»; создание индустриальных парков следующей специализации, включая агропромышленное производство («Панинский»), производство строительных материалов – «Подгоренский», широкой специализации – («Борисоглебский» и «Богучарский»).

Устранение административных барьеров
<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение субъектов инвестиционной деятельности всей необходимой информацией; • Формирование понятной нормативной базы; • Создание прямых каналов общения «бизнес-власть».
Создание инфраструктурно обеспеченных инвестиционных площадок
<ul style="list-style-type: none"> • Необходимо разработать перечень перспективных инфраструктурных площадок, с учетом частичного финансирования за счет бюджетных средств их первоначального оснащения.
Поддержка малого, среднего и инновационного бизнеса
<ul style="list-style-type: none"> • Диверсифицировать деятельность малых и средних предприятий, увеличить число малых (в первую очередь инновационных) предприятий в промышленности, сельском хозяйстве, ЖКХ и туризме; • Устранить диспропорцию в развитии малого и среднего бизнеса муниципальных образований. Создавать не только вертикально интегрированные, но и территориальные кластеры - на уровне муниципальных образований с включением в них малых и средних предприятий; • Укрепить инфраструктуру государственной поддержки малого и среднего бизнеса (центры поддержки предпринимательства, муниципальные фонды содействия предпринимательству);
Развитие человеческого капитала Воронежской области
<ul style="list-style-type: none"> • Создание базы данных по специалистам профессий, которые могут быть востребованы потенциальным инвестором • Подготовка инфраструктуры для приема легальных трудовых мигрантов (общежития, медицинские и социальные учреждения), а также российских граждан из других регионов, желающих переехать на временное или на постоянное местожительство в данный регион.
Формирование позитивного инвестиционного имиджа (бренда) Воронежской области
<ul style="list-style-type: none"> • Повышение узнаваемости региона; • Позиционирование Воронежской области в качестве инвестиционно привлекательного региона на основе его конкурентных преимуществ; • Обеспечение коммуникаций с основными целевыми группами;
Совершенствование и развитие форм поддержки инвестиционной и предпринимательской деятельности
<ul style="list-style-type: none"> • Дополнительные стимулирующие меры областной поддержки субъектов инновационной деятельности; • Развитие инструментов софинансирования за счет областного бюджета объектов социальной и инженерной инфраструктуры; • Увеличение залогового фонда области.

Рис. 7. Направления стимулирования инвестиционного развития Воронежской области (составлено авторами)

Для повышения инвестиционной деятельности и привлекательности для инвесторов, а также общего имиджа Воронежской области предлагаем следующие системные меры (рис. 7).

Заключение. Таким образом, конкурентоспособное развитие региона предполагает стимулирование реализации потенциала, использование сложившихся преимуществ, уменьшение или ликвидацию негативных свойств соответствующего пространства, и, в частности, активизацию инвестиционной деятельности.

Положительными результатами при этом должны быть: «смягчение» и поступательное решение многих социальных проблем (повышение уровня и качества жизни, сокращение безработицы, социальной дифференциации); а также ускорение темпов социально-экономического развития региона.

Внедрение государственных инвестиционных программ на основании привлечения инвестиций из государственного и местного бюджетов, собственных средств населения и предприятий создает условия для повышения конкурентоспособности и социально-экономического развития страны и ее регионов. Увеличение потока инвестиций качественно будет влиять на все экономические проекты развития региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яковенко Н.В. Стратегический мониторинг в системе комплексной программы социально-экономического развития муниципального образования: теоретические подходы / Н.В. Яковенко, И.В. Велюга // В мире научных открытий. 2011. № 4 (16). С. 262-267.
2. Закон Воронежской области от 20 декабря 2018 г. № 168-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550300779https://docs.cntd.ru/document/550300779> (дата обращения: 12.01.2023).
3. Инвестиционная декларация Воронежской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.invest-in-voronezh.ru/download/standartpdf> (дата обращения: 23.10.2022).
4. Комов И.В. Инвестиционное развитие Воронежской области / И.В. Комов // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления: материалы V всерос. межведом. науч.-практ. конф.

с междунар. уч-ем (Воронеж, 10–12 ноября 2022 г.) / под общ. ред. Р.Е. Рогозиной. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2022. С. 567-577.

5. Инвестиции в России. Росстат. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pril_Invest_2021.rar (дата обращения: 12.01.2023).

Igor V. Komov¹, Natalia V. Yakovenko²

¹Voronezh State University, Voronezh;

²G.F. Morozov Voronezh State Forestry Engineering University, Voronezh

INVESTMENT DEVELOPMENT AS A TOOL TO STIMULATE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE REGION (THE VORONEZH REGION IS AN EXAMPLE)

Abstract. Sustainable social and economic development of regional economies requires attracting investment resources using various methods and ways of stimulation. The article substantiates the need for investment development as a tool for social and economic development and regional competitiveness. The present state of affairs and ways of activating investment support for the development of the Voronezh region have been considered. The main directions for stimulating investment development have been proposed.

Keywords: investment development, stimulation, social and economic development.

УДК 332.1

Кравченко Н.А., Юсупова А.Т.

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН,
г. Новосибирск;

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
г. Новосибирск

ПАРТНЕРСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНО-СИБИРСКОГО МАКРОРЕГИОНА)

Аннотация. Представлена оценка развития партнерских взаимодействий различных агентов экономики, расположенных на юге Западной Сибири, как основы для формирования связанной локальной производственной системы. Эмпирической базой стали результаты анкетного опроса 65 компаний, ведущих деятельность на этой территории. Показано, что наиболее значимы межрегиональные связи в области науки и образования, которые могут стать основой для сотрудничества и ядром связанности экономического пространства макрорегиона.

Ключевые слова: партнерские взаимодействия, регионы юга Западной Сибири, опрос предприятий, локальные производственные системы.

Постановка проблемы. В сложившейся геополитической ситуации особенную актуальность приобретают исследования возможностей развития региональных и межрегиональных производственных систем, способных обеспечить связанность экономического пространства. Наша работа направлена на анализ и оценку состояния и возможностей развития партнерских взаимодействий различных агентов экономики, расположенных на юге Западной Сибири, как основы для формирования связанной локальной производственной системы, объединяющей кадровые, ресурсные, производственные и технологические возможности регионов для повышения устойчивости и эффективности их экономического развития. В анализ включены предприятия Новосибирской, Томской, Омской, Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай. Несмотря на большое количество объективных проблем в этих регионах, есть возможности экономического и социального развития, в том числе за счет роста связанности региональных экономик и преодоления разрывов в технологических и производственных цепочках, расширения партнерских взаимодействий.

Состояние исследований. Как подчеркивается отечественными учеными, в РФ «география часто оказывается важнее экономики», предприятия одной отрасли, размещенные в городах различного размера, демонстрируют значительные разрывы в производительности и других индикаторах конкурентоспособности. В работах отечественных ученых показано, что процессы структурной трансформации на уровне предприятий происходят крайне неравномерно. Выявлена роль агломерационных эффектов, оказывающих заметное влияние на деятельность компаний, в частности, размещение в агломерациях повышает производительность труда и конкурентоспособность компаний [1], способствует диверсификации производства, а

также оптимизации транспортных и логистических потоков [2]. Возможности роста региональной экономики связаны с формированием зон роста в крупных агломерациях. [3; 4]. В наибольшей степени преимущества от агломерации получают компании, деятельность которых основана на знаниях [5]. В исследовании компаний обрабатывающей промышленности 10 европейских регионов [6] показано, что чем меньше бизнес, тем важнее для него внутрирегиональные связи. Локальный уровень и локальная кооперация более важна для растущих секторов и новых технологических направлений, отраслей, зависящих от знаний. Одним из важнейших преимуществ агломераций служит высокая инновационная активность акторов экономики, развитие высокотехнологичных отраслей и креативных видов деятельности [7; 8; 9].

Важное значение для ожидаемых эффектов кооперационных взаимодействий имеет существующая специализация экономики регионов, которая сопровождается накоплением специфических активов, в том числе производственных и технологических знаний, навыков и ноу-хау. На рис. 1 представлены данные о структуре экономики регионов, которые можно рассматривать как некоторую укрупненную картину специализации. Здесь показаны виды деятельности, удельный вес которых в структуре региональной экономики превосходит средние показатели по России. Отметим невысокую в среднем долю отраслей «экономики знаний» – только в Новосибирской и Томской областях доля научной деятельности и деятельности в области информации и связи превосходит среднероссийский уровень, что отражает их высокий потенциал в области создания новых знаний и технологий.

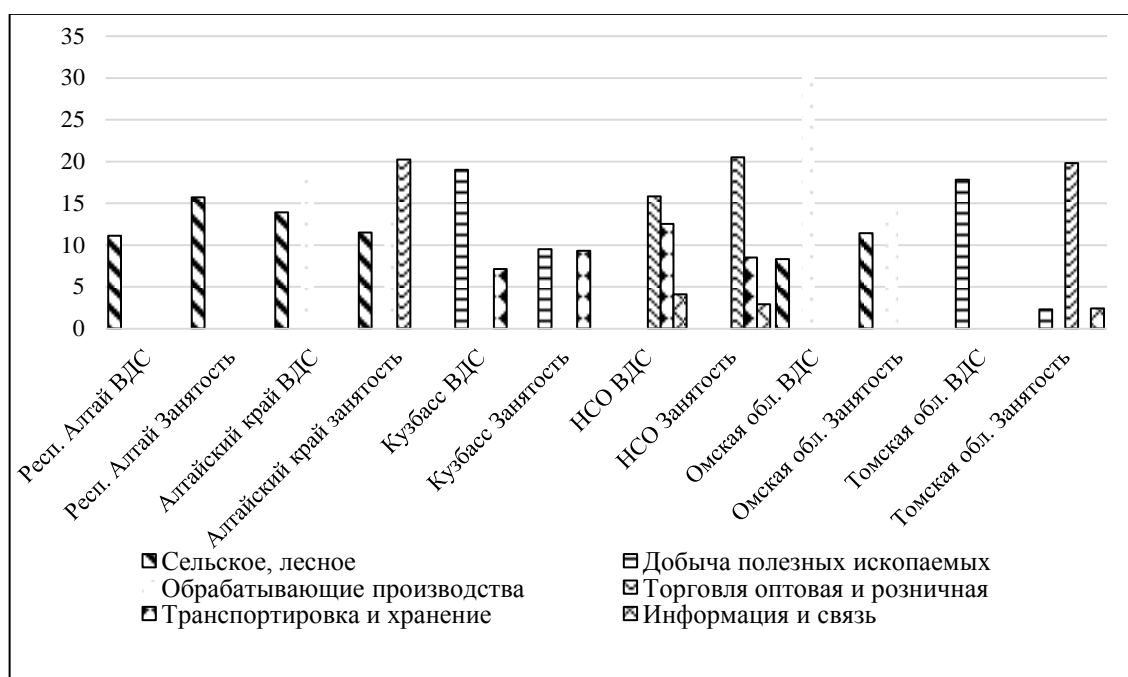

Рис. 1. Доля отдельных видов деятельности в экономике регионов юга Западной Сибири, % по отношению к ВРП и общей занятости, 2020 г. Источник: Росстат

Эмпирической базой анализа стали результаты анкетного опроса предприятий, который проводился в период с сентября 2021 г. по март 2022 г. В качестве партнеров рассматривались потребители, поставщики, конкуренты, организации, выполняющие исследования и разработки, вузы, финансовые структуры, консалтинговые фирмы, а также их локализация. В фокусе нашего внимания находятся взаимодействия компаний с НИИ и вузами. Наша базовая предпосылка состоит в том, что именно они должны стать каркасом связанности предприятий макрорегиона, основой для развития кооперации, формирования единого социально-экономического пространства.

Всего было получено 65 анкет, они включают предприятия, расположенные в Алтайском крае и Республике Алтай (26%), в Новосибирской области (20%), Красноярском крае (15%), в Омской области (14%), в Кузбассе (11%) и в Республике Хакасия (11%). Отраслевая принадлежность компаний отличается разнообразием, однако доминируют предприятия обрабатывающих производств. Значительная часть (45%) компаний выборки входит в состав бизнес-группы, государственной корпорации, холдинга или другой интегрированной организации, в кластерных образованиях участвуют значительно меньше компаний (15%).

Оценки значимости основных партнеров. В табл. 1 представлены средние оценки значимости партнеров по нашей выборке, а также результаты опроса европейских компаний [6]. Наиболее важны как для сибирских, так и для европейских компаний потребители, поставщики, исследовательские институты.

В отличие от европейских компаний, сибирские компании считают наименее важными связи с консалтинговыми организациями. Выше всего предприятия оценивают значимость образовательных учреждений. Наши результаты отражают общий потенциал науки и образования как центрального элемента кооперационных связей предприятий различных сфер деятельности, основы связанности территории.

Таблица 1

Значимость партнеров (от 0 до 3)

Тип партнера	Средняя оценка значимости	Ранг для компаний выборки	Ранг для европейских компаний [6]
Потребители	1,06	2	2
Поставщики	0,97	3	3
Конкуренты	0,62	6	5
Исследовательские организации	0,94	4	4
Вузы	1,18	1	-
Финансовые организации	0,63	5	-
Консалтинговые фирмы	0,5	7	1

Ареал взаимодействий с потребителями и поставщиками выходит за пределы юга Западной Сибири и охватывает другие российские города. Отметим, что это характерно и для малых, и для крупных компаний. Такие результаты подтверждают отсутствие региональной автономности, активную вовлеченность предприятий в межрегиональные связи и цепочки. В целом значимость государственных предприятий как партнеров (поставщиков, потребителей и конкурентов) невысока. Взаимодействия с зарубежными партнерами всех типов оказались незначимы для компаний выборки, что отражает их ориентацию на национальный рынок и облегчает их адаптацию к санкционным ограничениям.

Рис. 2. Интегральные оценки значимости партнеров

Оценки «научно-образовательных» связей с организациями Новосибирска, Томска и других городов выше общего среднего уровня значимости «материальных» партнерских взаимодействий (рис. 2). Партнерства предприятий с организациями науки и образования имеют высокую значимость и потенциал развития, они могут стать основой территориальной связанности. Особую роль в этих процессах играют крупные научные и образовательные центры.

Кооперационные связи предприятий играют важную роль реализации их потенциала, формировании конкурентоспособности, успешном развитии. Пространственная составляющая партнерских взаимодействий существенно влияет и на возможности каждой компании, и на общую экономическую среду в регионе ее деятельности. Формы и роль кооперации зависят от сложившейся отраслевой структуры региональной экономики, доминирующих типов бизнеса по размеру, интенсивности исследовательской деятельности и ряда других факторов. Наши исследования показали, что связи в области науки и образования могут стать основой внутрорегионального сотрудничества и ядром связанности экономического пространства макрорегиона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончар К.Р. Агломерационные эффекты и конкурентоспособность промышленности // Модернизация экономики и глобализация: В 3 кн. Кн. 3., М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 256-264.

2. Шмидт А. В., Антонюк В. С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 776-789.
3. Asheim B.T., Hansen H.K., Isaksen A. (2022). Economic geography of innovation and regional development. // Socio-spatial theory in Nordic geography, 2022. 295 p.
4. Buzard K., Carlino G., Hunt R., Carr J.K., Smith T.E. The agglomeration of American R&D labs. *Journal of Urban Economics*, 2017, vol. 101, issue C, P. 14-26.
5. Botler K., Jim Robey. 2020. Agglomeration Economies: A Literature Review. Prepared for the Fund of Economic Future (FFEF).
6. Arndt O., Sternberg R. (2000). Do manufacturing firms profit from intraregional innovation linkages? An empirical based answer. *European Planning Studies* 8:4, 65-85.
7. Andersson R., Quigley J.M., Wilhelmsson M. Agglomeration and the special distribution of creativity. *Regional Science*. Vol. 84. № 3. P. 445-464.
8. Zemtsov S., Barinova V., Pankratov A., Kutsenko E. Potential High-Tech Clusters in Russian Regions: From Current Policy to New Growth Areas. *Foresight and STI Governance*. 2016. vol. 10, no 3, pp. 34-52.
9. Khalimova S.R., Yusupova A.T. Influence of Regional Conditions on the Development of High-Tech Companies in Russia. *Regional Research of Russia*. 2020. Vol. 10, Iss. 3. P. 308-317.

Natalia A. Kravchenko, Almira T. Yusupova

*Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk;
Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk*

PARTNER INTERACTIONS OF ENTERPRISES AS A BASIS FOR A UNITED ECONOMIC SPACE (THE CASE OF THE SOUTH SIBERIAN MACROREGION)

Abstract. *The evaluation of partnership interactions between various economic agents located in the south of Western Siberia are presented as the foundation for the connected local production system extension. The empirical base presents the results of the survey of 65 companies. It is shown that the most significant are interregional ties in the field of science and education, which can become the field of cooperation and the core of the economic space connectivity of the macroregion.*

Keywords: *partnerships, regions of the south of Western Siberia, survey of enterprises, local production systems.*

УДК 502.3

Красноярова Б.А.^{1,2}, Биче-оол Т.Н.³

¹*Институт водных и экологических проблем СО РАН,
г. Барнаул;*

²*Алтайский государственный университет,
г. Барнаул;*

³*Тувинский государственный университет,
г. Кызыл*

РЕСПУБЛИКА ТЫВА: НЕПРИЕМЛЕМОСТЬ ПУТИ «ДОГОНЯЮЩЕГО» РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные этапы становления и развития идеологии устойчивого развития: от активного обсуждения и «сдержанного оптимизма» до «геополитической депрессии»; формирования и трансформации, модификации приоритетов от сохранения природных ресурсов к сохранению окружающей среды в целом и человека в своем социокультурном и национально-этническом разнообразии. Сформулирована необходимость индивидуального подхода к разработке региональных моделей. Для Республики Тыва показана неприемлемость пути «догоняющего» развития, который влечет повторения всех издержек индустриализации, которые связаны с истощением природно-ресурсного потенциала, деградацией окружающей среды и потерей национально-этнической самобытности местного населения. Предложена кластерно-сетевая модель развития.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, региональные модели, транспортная инфраструктура, национально-этнические традиции, кластерно-сетевая модель.*

Формирование идеологии устойчивого развития (УР) началось в 80-е годы прошлого столетия и за прошедший период прочно вошла в общественное сознание, пройдя путь от активного обсуждения самого термина «устойчивого развития» и «сдержанного оптимизма» по возможности реализации идеологии УР в докладе «Наше общее будущее» [1–3] до «геополитической депрессии» и «Будущего, которого мы хотим» [4]. В процесс «устойчивого» развития свои коррективы вносили различные геополитические и экономические события. Мировой кризис 2008 г. заставил многие страны сменить тональность, и от идеологии УР перейти к более конкретным целям сохранения собственных экономик и технологиям УР. Депрессивные течения в общественном сознании и посткризисный синдром в мировой экономике были усилены пандемией и дополнительными ограничениями реализации идеологии УР. На этом этапе была усилена экологическая риторика УР как в результате осознания растущего загрязнения окружающей среды на фоне изме-

нения климата, так и развития новых технологий. Однако деструктивные события последних лет далеко откинули мировое сообщество в своем движении к УР и требуется новое осмысление как самой идеологии, так и разработанных стратегий, и моделей.

В нашей стране в условиях разнообразия природных и социально-экономических факторов развития, несмотря на единство институциональных условий функционирования регионов – субъектов РФ, было принято, что при разработке региональных стратегий необходим индивидуальный подход, учитывающий природные особенности и социально-экономический уровень развития каждого региона.

Так, например, для сибирских регионов – Алтайского края, Кемеровской области и Республики Алтай [5], занимающих соседствующее положение, предлагаемые модели УР различны.

Для Кемеровской области, в основе экономики которой лежит угольная отрасль, модель УР строится на *принципах сбалансированности* между изъятием невозпроизводимого природного ресурса и производства конечной продукции из него.

Алтайский край отличает аграрно-индустриальный характер развития, системообразующим ресурсом здесь являются земельные ресурсы. И модель УР края должна носить поддерживаемый характер, ориентированный на *поддержку* почвенного плодородия, рост продуктивности и обеспечение неистощительного землепользования.

Для Республики Алтай с ее высоким биологическим разнообразием и богатым природным потенциалом, модель УР должна носить *приемлемый характер* и соответствовать принципу «не навреди». Республика Алтай активно подчеркивает и поддерживает свое реноме биосферно значимого региона, и при разработке очередной Стратегии... до 2035 года возвращается к еще в 1990-е годы провозглашенной ноосферной модели, основанной на принципах «зеленой» экономики.

Республика Тыва, также как и Республика Алтай, относится к горным регионам и расположена на территории гор Южной Сибири; по всем экспертным оценкам характеризуется высоким природным потенциалом, богата биологическими и минеральными ресурсами, но низким уровнем экономического развития, являясь одним из аутсайдеров – субъектов РФ по многим показателям социально-экономического развития.

В поиске своего пути УР Республика Тыва делает акцент на освоение собственного минерально-сырьевого поиска и развитие транспортной инфраструктуры, как приоритетного направления развития. На протяжении пост 90-ых лет практически все стратегические ориентиры развития республики связаны со строительством железной дороги «Кызыл-Курагино» [6; 7]. Будет дорога – интенсивный, индустриальный сценарий развития, нет дороги – отсталый, инерционный. Транспортная система важна для развития любого региона; она должна быть мультимодальна, полифункциональна, экономически эффективна и ориентирована, прежде всего, на собственные нужды экономики и населения. И если автомобильные дороги, наряду с экономической, выполняют важную социальную функцию; то железные дороги ориентированы на перевозку тяжелых грузов и высокий грузо- и пассажиропоток. В качестве тяжелых грузов из Республики Тыва можно назвать вывоз углей и разнообразных металлов, в случае освоения их месторождений [8], но прогнозировать существенный пассажирооборот нет оснований. И еще вопрос: какие грузы пойдут в республику? Можно предполагать развитие железнодорожного сообщения уже дальше по маршруту «Кызыл – Эрзин – Цаган – Тологой» через Монголию и далее в Китай, то есть транзитное использование территории не только Тывы, но и Монголии. К чему это приведет, можно только догадываться, хотя вряд ли это самое рациональное использование этого еще не нарушенного глобальной цивилизацией региона. И это чревато не только экологическими, но и экономическими, социокультурными и даже геополитическими последствиями, связанными, например, с транзитом российских грузов через территорию третьих, в данном случае Монголии, стран, в том числе учитывая далеко недостаточную разработанность институциональных основ международного сотрудничества.

А теперь вернемся к транспортной инфраструктуре и железной дороге «Кызыл – Курагино» – самом крупном инвестиционном проекте на территории республики уже более 20 лет. Транспортная система Тывы на сегодняшний день представлена автомобильным и авиасообщением, внутренним водным транспортом. Все они нуждаются в развитии и реконструкции, а основной – автомобильный транспорт – остро нуждается.

Срочно необходимо осуществить реконструкцию автодороги «Ак-Довурак (Республика Тыва) – Абаза (Республика Хакасия)», который, согласно Стратегии 2030 является аварийным, здесь запрещены пассажирские перевозки, невозможно автобусное сообщение, много мостов в аварийном состоянии или требуют ремонта. Этот участок трассы, связывающей запад Тувы и Республику Хакасия, является приоритетным для развития дорожной сети республики. Нуждаются в реконструкции и межмуниципальные дороги. Остро стоит вопрос восстановления работы малой авиации и водного транспорта. Однако по оценочным

данным, приведенным в Стратегии 2030, объем инвестиций, необходимых для реализации мероприятий по развитию транспортной инфраструктуры составляет 126474 млн рублей, в том числе железнодорожной – 126000 млн рублей; воздушного транспорта – 330,0 млн рублей; водного – 42,0 млн рублей; автомобильного – 102,0 млн рублей. То есть на развитие железнодорожной инфраструктуры заложено 99,6 % инвестиций отрасли. Трудно представить, что оставшиеся 0,5 % инвестиций обеспечат какое-то развитие инфраструктуры автомобильного или водно/воздушного сообщения, учитывая ее состояние и сложные горные условия функционирования.

Итак, строительство железной дороги и «интенсивный» сценарий развития ведет к освоению богатых месторождений полезных ископаемых республики и накоплению загрязнений, причем не только химических и физических, но и психологических. Созданные новые рабочие места мало приемлемы для местного населения, особенно на этапе первичного освоения. Они привлекают мигрантов из других регионов или стран, и активизируют процессы трансформации природных и глобализации социальных систем. И то, и другое вряд ли будет содействовать УР республики, ее населения и экономики.

Идти по такому пути, названный нами «модель догоняющего развития» – это повторение традиционного индустриального освоения территории со всеми ошибками и проблемами, с которыми столкнулась наша цивилизация и которые, в конечном итоге, привели к необходимости продвижения идеологии УР. Наша страна обладает колоссальными богатствами, но главное – это ее разнообразие – природное и социокультурное. Очень важно сохранить это разнообразие, обеспечить развитие разных народов и этносов в соответствии с их менталитетом и приоритетами. Создание горнодобывающих и перерабатывающих предприятий на территории горного региона с аграрно-ориентированным местным населением приведет не только к деградации природных систем, но и потере населением республики своих национальных традиций и самоидентичности.

На наш взгляд, для Республики Тыва более приемлема кластерно-сетевая модель развития с созданием центров – ядер экономического развития и социального обслуживания населения прилегающих территорий, связанных между собой современными коммуникациями – транспортными, инженерными, инновационно-технологическими. Анализ сложившейся системы расселения и территориальной организации хозяйства и общества [9–11], в том числе национально-этническую составляющую, позволил выделить на территории Тывы четыре кластера. Первые два – с центрами в городах Кызыл и Ак-Довурак – могут стать ядрами индустриальными развития. Два других – с центрами в селах Тоора-Хем и Эрзин – аграрно-ориентированные кластеры этнического природопользования тоджинцев и тувинцев соответственно. Тем самым можно соблюсти паритеты экономического развития региона, роста качества жизни местного населения и сохранения окружающей природной и этнокультурной среды населяющих жителей Республики Тыва.

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИВЭП СО РАН. № FUFZ – 2021-0007 «Природные и природно-хозяйственные системы Сибири в условиях современных вызовов: диагностика состояний, адаптивные возможности, потенциал экосистемных услуг».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР): пер. с английского / под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета; [предисл. Г. Харлем Брундтланд]. [Электронный ресурс]. М.: Прогресс, 1989. 371 с.
2. Коптюг В.А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года): информационный обзор. Новосибирск: Российская Академия наук Сибирское отделение, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/koptyug/ideas/unrio92/unrio92.pdf>, свободный.
3. Йоханнесбургская встреча на высшем уровне 2002 года / Конференции, заседания и мероприятия ООН (26 августа – 4 сентября). Йоханнесбург, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/events/pastevents/wssd.shtml>, свободный.
4. Саммит «Рио+20»: будущее, которого хотят не все / Конференция по устойчивому развитию. Рио-де-Жанейро, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20120623/679787921.html>, свободный.
5. Винокуров Ю.И., Красноярова Б.А., Овденко В.И., Суразакова С.П., Счастливец Е.Л. Устойчивое развитие Сибирских регионов. Новосибирск: Наука, 2003. 186 с.
6. Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.tuva.ru/content/1602/>, свободный.
7. Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550322563>, свободный.
8. Концепция развития и освоения минерально-сырьевой базы Республики Тыва до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550333683>, свободный.
9. Биче-оол Т.Н. Территориальная дифференциация антропогенной преобразованности Республики Тыва // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2021. Т. 31. № 1. С. 46-56. DOI: 10.35634/2412-9518-2021-31-1-46-56

10. Биче-оол Т.Н., Кыныраа О.В. Территориальная дифференциация культурного наследия народов России в Республике Тыва // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7. № 1. С. 73-81. DOI: 10.37279/2309-7663-2021-7-1-73-81.

11. Краснаярова Б.А., Биче-оол Т.Н., Суразакова С.П. Модели устойчивого социально-экономического развития горных регионов Южной Сибири // Устойчивое развитие горных территорий. 2022. Т. 14. № 1 (51). С. 27-35. DOI: 10.21177/1998-4502-2022-14-1-27-35.

Bella A. Krasnoyarova^{1,2}, Tatyana N. Bicht-ool³

¹*Institute of Water and Environmental Problems SB RAS, Barnaul*

²*Altai State University, Barnaul*

³*Tuvan state University, Kyzyl*

REPUBLIC OF TUVA: UNACCEPTABILITY OF THE PATH OF «CATCHING UP» DEVELOPMENT

Abstract. *The article discusses the main stages of the formation and development of the ideology of sustainable development: from active discussion and "restrained optimism" to "geopolitical depression"; formation and transformation, modification of priorities from the conservation of natural resources to the preservation of the environment as a whole and of man in his socio-cultural and national-ethnic diversity. The necessity of an individual approach to the development of regional models is formulated. For the Republic of Tuva, the unacceptability of the path of "catching up" development, which entails the repetition of all the costs of industrialization, which are associated with the depletion of the natural resource potential, environmental degradation and the loss of the national and ethnic identity of the local population. A cluster-network model of development is proposed.*

Keywords: *Sustainable development, regional models, transport infrastructure, national-ethnic traditions, cluster-network model.*

УДК 339.56:332.12 (470.31)

Куница М.Н.

*Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск*

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ВЕКТОРА

Аннотация. *Проанализирована динамика внешнеторговой деятельности приграничного региона Центральной России – Брянской области на современном этапе. Выявлена специфика международного сотрудничества, торгового оборота, экспорта и импорта в контексте преобладающего евразийского вектора. Проведена периодизация связей, отражены характерные черты и основные проблемы развития этого направления экономических отношений области.*

Ключевые слова: *внешняя торговля, товарооборот, экспорт, импорт, связи, структура, процессы, евразийский вектор, регион.*

Внешнеторговые связи – важное направление экономического развития страны и ее регионов. Их выраженной спецификой отличаются приграничные субъекты. Брянская область России имеет особое геостратегическое положение на «стыке» трех государств – Российской Федерации, Республики Беларусь и Украины, трансформация отношений которых активно влияла на особенности данной деятельности. Процессы взаимодействия со странами-соседями [3] во многом обусловили позиционирование Брянщины в экономическом пространстве Евразии. Международное сотрудничество стадийно, включает инициацию, институализацию, экстенсификацию, интенсификацию, стабилизацию и далее – угасание или модернизацию [5]. Проведена периодизация развития внешнеторговых отношений области в евразийском макро-регионе в постсоветское время.

Первый этап (1992-1999 гг.). Становление независимых государств происходило в условиях социально-экономического кризиса и требовало формирования новых моделей отношений. Долговременные торговые связи «проходили» инициацию – получали статус трансграничных в Содружестве Независимых Государств (СНГ) и трансформировались. Институализация была характерна и для контактов с другими странами. Экономические отношения области развивались по разным «траекториям» (экстенсификации, интенсификации, «сжатия»). Рост внешнеторгового оборота сменился сокращением, сальдо было отрицательным, на что повлияли проблемы правовой базы, формирования рынка, дефолт в России (рис. 1). Основной структуры вывоза являлась продукция машиностроения при значимой роли черной металлургии, де-

ревообработки, продовольствия, удобрений, ввоза – продовольствие, черные металлы, транспортные средства, ткани, пластмассы.

К концу XX века предприятия и организации Брянщины развивали отношения более чем с 80 странами мира. Доминировали связи в СНГ. Экспорт был ориентирован на дальнее зарубежье, импорт – на постсоветское пространство. Главными партнерами оставались геополитические соседи при лидерстве Украины. В 1999 г. во внешнеторговом обороте субъекта ее доля составила 25,4 %, Беларуси – 22,3 %, намного менее значимы (8-4 %) были другие «евразийцы» (Молдова, Германия, Великобритания и др.) [6]. Проблемы экономического развития России и области, регулирования внешнеторгового и таможенного взаимодействия стран усиливали важность повышения эффективности международных контактов.

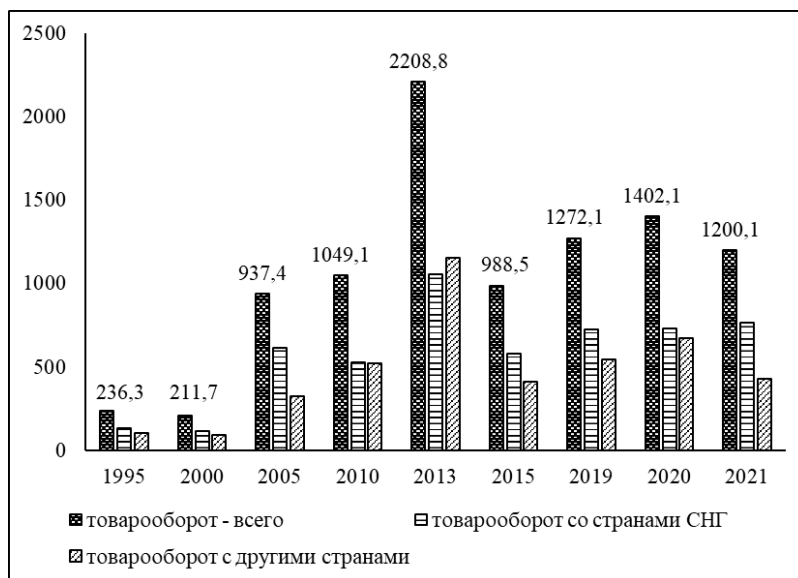

Рис. 1. Динамика величины и структуры товарооборота Брянской области по группам стран, млн долл. Составлено автором по: [1; 2; 7; 8; 9].

Второй этап (2000-2013 гг.). Для торговли Брянщины определяющую роль играла новая институционализация связей России. Многостороннее сотрудничество осуществлялось в рамках СНГ. Перестраивались двусторонние отношения. Особую роль имел Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «О создании Союзного государства» [4]. Развивались связи страны в БРИКС, региональных объединениях. В 2012 году Россия вступила во Всемирную торговую организацию. Экстенсификация деятельности отражалась на динамике внешнеторгового оборота области (рис. 1). Выросло отрицательное сальдо. В экспорте доминировала продукция машиностроения при значимой доле металлургии, промышленности стройматериалов и «химии». В импорте как ведущие чередовались группы «машины, оборудование и транспортные средства» и «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье».

Брянская область развивала связи более чем со 100 государствами. Во внешнеторговом обороте основным оставался «полюс» СНГ, хотя в отдельные годы он уступал первенство дальнему зарубежью. С 2009 г. в обстановке мирового экономического кризиса, развития интеграции в Содружестве наблюдался переход к преобладанию стран СНГ в экспорте и противоположный процесс в импорте. Произошла рокировка и в лидерстве: длительно доминировавшую Украину сменила Беларусь (в 2002 г. их доли в товарообороте области составляли 23,2 % и 18,5 %, в 2013 г. – 9,7 % и 32,4 % [1; 9]). Третью позицию в СНГ долго занимала Молдова, меньше проявлялись другие государства (Казахстан, Азербайджан, Таджикистан и др.). Особенности Европейского союза (ЕС) как «полюса» торговли области: невысокий удельный вес в товарообороте при большем значении в импорте, чем в экспорте; динамичность показателей; дифференциация по странам: основной партнер – Германия, неустойчивость позиций западноевропейских (Италии, Нидерландов и др.) и большая стабильность восточноевропейских партнеров, поддерживающих отношения и до их вступления в ЕС (в основном Польша, Латвия, Литва). Вклад Китая, стран Западной Азии был невелик. Шла трансформация состава и направлений связей.

Третий этап (2014-2021 гг.). Внешняя торговля области развивались на фоне усложнения геополитических и экономических вызовов, функционирования России в ВТО, БРИКС и других международных организациях, изменений интеграционных процессов в СНГ и Союзном государстве, усиления антиросийских санкций, активизации политики импортозамещения, пандемии. Продолжалась институционализация связей. Комплекс факторов обусловил динамизм процессов (рис. 1). В товарообороте преобладали машины, оборудование и аппаратура, продукты животного и растительного происхождения, транспорт, пласт-

массы, каучук и резина [9]. В экспорте доминировали транспортные средства, металлы, растительная продукция, машины и оборудование, древесина и товары из нее; в импорте – машины, продукты животноводства и растениеводства, пластмассы. Изменялась пространственная структура связей, рейтинг лидерства стран (табл. 1).

Таблица 1

Динамика доли стран Евразии, входящих в первую десятку партнеров Брянской области по величине внешнеторгового оборота

Страна	Доля стран в годы периода 2013-2021 гг. (%)								
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Азербайджан	-	-	3,2	-	-	-	-	-	-
Беларусь	32,4	38,9	33,9	45,9	54,4	48,2	41,2	38,5	51,4
Германия	5,1	4,6	6,8	5,2	5,4	4,8	4,9	4,4	3,9
Дания	-	-	-	-	-	-	-	2,0	-
Испания	-	-	-	-	-	-	-	3,9	-
Италия	-	2,5	2,9	2,7	2,6	3,0	3,6	2,5	2,2
Казахстан	-	2,1	8,3	4,0	2,8	3,1	2,4	-	2,3
Китай	-	2,0	-	2,3	2,7	4,3	7,3	8,4	10,0
Литва	-	-	-	2,4	2,0	1,7	-	-	1,9
Молдова	3,5	2,7	3,6	6,6	5,9	5,8	6,6	5,6	3,3
Монголия	-	-	-	-	-	-	2,8	-	2,2
Нидерланды	4,2	-	2,0	2,2	1,4	2,8	6,4	7,8	1,6
Польша	3,5	3,4	-	-	-	-	-	-	-
Сербия	-	-	-	-	1,6	-	-	-	-
Турция	7,2	12,1	2,8	-	-	-	-	-	-
Украина	9,7	8,4	8,6	9,3	7,7	6,2	5,3	3,8	4,5

Приведен краткий вариант наименования стран. Составлено автором по: [2; 8; 9].

Ведущим «полюсом» партнерства с более чем 110 странами являлось СНГ. Для него был характерен ряд особенностей: 1) перестройка отношений с Беларусью при сохранении ее первенства и смене тенденций товарооборота, усилении роли продукции АПК, преобладании в экспорте группы «металлов»; 2) дезинтеграция взаимодействия с Украиной на фоне ее неурегулированных отношений в СНГ, многоплановой антироссийской политики и денонсации договоров, контрсанкций нашей страны, переход доминанты от группы «транспорт» к сельскохозяйственному сырью и продовольствию в вывозе, рост «химии» во ввозе; 3) устойчивость позиции Молдовы (продукция растениеводства); 4) развитие связей с Казахстаном (машины и оборудование, транспорт); 5) незначительность роли других стран (Азербайджана, Армении, Таджикистана, Узбекистана и др.).

Специфика «полюса» ЕС для области: 1) сохранение невысокого удельного веса в товарообороте; 2) «перевес» значения во ввозе; 3) основа экспорта области – древесина и изделия из нее при сужении «продовольствия» и «транспорта», импорта – машины, оборудование и аппаратура; 4) практически постоянное лидерство Германии; 5) партнерство с Нидерландами и Италией; 6) резкое сужение связей с Польшей; 7) эпизодичность контактов с другими странами (Австрией, Данией, Испанией, Литвой, Францией и др.).

Усиление азиатского «полюса» проходило за счет диверсификации направлений: 1) восточноазиатского вследствие роста роли Китая (до 2 места в товарообороте области с 2019 г., преобладания животноводческой продукции в экспорте, машин, оборудования и аппаратуры, транспорта в импорте), связей с Монголией, Китайской Республикой (Тайванем); 2) западноазиатского за счет Саудовской Аравии, Турции. Отношения с другими государствами были неустойчивы. Основными проблемами области являлись невысокая экспортная ориентированность среднего и малого бизнеса, отрицательный торговый баланс, недостаточная эффективность товарной и пространственной структур внешней торговли.

Четвертый этап (с 2022 г.). Он начался с резкого нарастания комплекса геополитических и экономических вызовов безопасности и социально-экономического функционированию страны и ее субъектов, что в условиях проведения Россией специальной военной операции на Украине, тотальных санкций Запада требует трансформации парадигмы их развития и, в частности, перестройки внешнеторговых связей. За год в доминирующем «полюсе» СНГ расширилась кооперация Брянщины и Беларуси при усилении ее лидерства в товарообороте, активизировалось трансграничное сотрудничество. Необходима актуализация «Стратегии социально-экономического развития Брянской области на период до 2030 года» в контексте адаптация субъекта к изменениям на мировых рынках товаров и услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брянская область в цифрах: Стат. сб. Брянск, 2002. 130 с.

2. Брянская область. 2022: Стат. сб. Брянск, 2022. 488 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://bryansk.gks.ru/folder/31508> (дата обращения: 27.01.2023).
3. Куница М.Н. Трансформация внешнеторговых связей Брянской области России: особенности вектора ближнего соседства // Региональная экономика и управление. 2022. № 3. DOI: 10.24412/1999-2645-2022-371-16.
4. Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://mid.ru> (дата обращения: 19.01.2023).
5. Михайлова Е.В. Управление приграничным сотрудничеством и принципы выстраивания трансграничной коммуникации // Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы / под ред. В.А. Колосова и А.Б. Володина. М., 2016. С. 106-114.
6. Об утверждении Концепции развития внешнеэкономической деятельности Брянской области на 1999-2005 годы [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=104017384&page=1&rdk=1#Ю (дата обращения: 09.01.2023).
7. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B11_14p/Main.htm (дата обращения: 14.01.2023)
8. Центральное таможенное управление. Внешняя торговля субъектов ЦФО: Брянская область. [Электронный ресурс]. URL: <https://ctu.customs.gov.ru/metodik/vneshnyaya-torgovlya-sub-ektov-czfo/bryanskaya-oblast-> (дата обращения: 23.01.2023).
9. Экспорт и импорт России по товарам и странам [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-stat.com> (дата обращения: 23.01.2023).

Marina N. Kunitsa

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk

FOREIGN TRADE RELATIONS OF THE BRYANSK REGION: FEATURES OF THE EURASIAN VECTOR

Abstract. *The dynamics of foreign trade activity of the border region of Central Russia – the Bryansk region at the present stage is analyzed in the article. The specifics of international cooperation, trade turnover, exports and imports in the context of the prevailing Eurasian vector are revealed. The periodization of ties is carried out. The characteristic features and main problems of development of this direction of economic relations of the region are reflected.*

Keywords: *foreign trade, commodity turnover, export, import, communications, structure, processes, Eurasian vector, region.*

УДК 338.48-12

Лимпинская А.А.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ НА ОРГАНИЗОВАННЫЙ ВЫЕЗДНОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИЗМ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Аннотация. *Рассмотрены факторы влияния на международный выездной туризм, определено особое место геополитики среди них. Представлены и интерпретированы последствия кризисных периодов, связанных с геополитикой, для выездного международного туризма из Пермского края 2008-2023 гг. Продемонстрирован процесс переориентации географической направленности турпотоков в пользу восточных направлений. На основе проведенного исследования, определены перспективные направления развития выездного туризма в регионе.*

Ключевые слова: *геополитика, международный выездной туризм, организованный выездной туризм, туроператор (ТО), Пермский край*

Одним из актуальных направлений изучения пространственной организации международного туризма является выявление негативных факторов влияния на туристские потоки, изменение их величины, направления и динамики. Чаще других исследуется воздействие *экономических кризисов* [1–5 и др.], снижающих платежеспособность населения, но повышающих затраты и цены туристских продуктов и, как результат, падение спроса на отдых, так как он не базовая потребность. Анализируются последствия, способы и прогнозы их преодоления. В последнее время возросло внимание к оценке влияния *пандемии* на будущее туризма [6–9 и др.]. Большинство авторов признают её отрицательное воздействие на выездной туризм и считают, что оно будет преодолено как в количественном, так и в качественном отношениях, но с корректировками в пространственной и функциональной структуре туризма. Исследования о влиянии *геополитики* на туризм встречаются реже. Суждения различны, но большинство авторов [10–12] сходятся во мнении, что она оказывает существенное влияние на действия участников рынка туризма, переориентацию туристских потоков, изменение потребительских предпочтений и рыночного позиционирования туристских организаций. Даже из такого краткого обзора видно, что факторов влияния на международный

туризм много, однако, на наш взгляд, воздействие геополитики занимает особое место, так как она так или иначе связана с ними, порождает или провоцирует их. Анализируя хронологию событий, и их концентрацию во временных промежутках, выделим основные периоды кризисов, отягощенные или провоцируемые геополитикой:

- 2008–2009 гг. – мировой финансово-экономический кризис, усложненный геополитической активностью страны (признание Российской Федерацией независимости Абхазии и Южной Осетии);
- 2014–2016 гг. – российская геополитика (присоединение Крыма к России), повлекшая финансовый кризис в стране, а также глобализация террористической угрозы;
- 2020 г. и по настоящее время – пандемия COVID-19 и сопряженный с ней мировой финансовый кризис, развитие которого усугубила военная операция на Украине.

Изменения, которые произошли в выездном туризме в кризисные временные периоды, рассмотрим на примере Пермского края. Характеристика кризисных последствий представлена в табл.

Таблица

Основные последствия кризисных периодов для выездного международного туризма из Пермского края

Характеристики изменений в период		
2008-2009	2014-2016	2020-по настоящее время
Сокращение выездного турпотока на 18 %	Сокращение выездного турпотока на 75 %	Сокращение выездного турпотока: 2020 – на 88 %, 2021 – 16 %
Выполнение полетных чартерных программы в заявленном объеме	Приостановление и сокращение программ	Сокращение вплоть до полного прекращения реализации
Сохранение географии полетов, с нарастающим разнообразием в последующие 2010-2013 гг.	Значительные корректировки географии полетов, отказ от большинства европейских, исключение круглогодичных направлений из ассортимента; минимизация их числа	Зависимая от внешних обстоятельств география полетов, полная переориентация на азиатские и ближневосточные направления
Отсутствие глубины продаж, преобладание «горящих» туров, ценовой демпинг	Отсутствие глубины, исключение нерентабельных направлений в течение сезона, автоматизация ценообразования.	Постепенное восстановление глубины продаж, значительное повышение уровня цен

В 2008-2009 гг. туристы не планировали свой отдых заранее, отказывались от дорогих и предполагающих высокие траты в местах пребывания направлений, среди которых и визовые европейские. Спрос на самые популярные направления (Турция, Египет, Таиланд) ориентировался на нижний ценовой сегмент, но полетная программа была сохранена и из Перми были доступны 12 направлений (Болгария, Испания, Турция, Греция, Египет, ОАЭ, Таиланд, Франция, Германия, Австрия, Финляндия, Кипр), для реализации которой ТО был выбран путь ценового демпинга, позволивший вернуть часть средств, потраченных на формирование турпакетов. Решение связано с позиционированием крупных федеральных ТО (Pegas Touristik, Coral Travel, Anex Tour и др) на рынке региона в связи с недавним выходом: корректировки полетных программ могли сформировать у потребителей негативное восприятие бренда. Сопутствовали несовершенство адаптивности к кризисным ситуациям бизнес-технологий в работе ТО и партнерских взаимоотношений в туризме: отсутствие систем динамического ценообразования привело к систематическому вынужденному снижению цен на них перед вылетом, отсутствию глубины продаж и убыткам; отказ от зафрахтованных бортов в высокий сезон был невозможен по причине значительных финансовых потерь, а авиакомпаний-партнеров в то время у ТО не было.

Согласно мониторинга полетных программ ТО внекризисного периода (2010-2013 гг.), проведенного автором, количество туристских зарубежных направлений с прямым вылетом из Перми и число выезжающих туристов увеличивались, структура туристского предложения изменилась. Вектор предложений ТО изменился в сторону более дешевых, лишенных формальностей, азиатских и североафриканских стран – Вьетнам, Индия, Китай, Тунис; были исключены европейские – Австрия, Германия, Франция, Финляндия, на замену которым подобраны более экономичные – Черногория и Чехия. Туристам края все также были доступны Испания, Греция, Италия, Кипр, Болгария, но *преобразовательный процесс со смещением выбора ТО в пользу восточных направлений был запущен.*

За период 2014-2016 гг. столь значительное (на 75 %) сокращение числа выезжающих за границу связано с приостановкой чартерного сообщения с Турцией и Египтом – самыми массовыми направлениями выездного турпотока края. Существенное негативное воздействие на организацию туристского потока из региона оказало банкротство ТО «Лабиринт» (август 2014 г.) – консолидатора рейсов в Бургас, Кос, Родос, Барселону, Ираклион и Анталию. Остальные ТО региона прилагали все усилия для адаптации работы в кризис: началась реализация полетных программ на рейсах собственных авиакомпаний-партнеров; введена в работу система динамического пакетирования, что позволило оперативно корректировать географию выездных направлений и объем перевозки по ним. Итогом преобразовательного процесса для выездного туризма региона стали:

- сокращение числа летних выездных направлений за счет исключения большинства европейских. Из семи направлений стран Европы остались лишь три – Греция, Кипр и Болгария, чему способствовали массированная атака и активная пропаганда в СМИ о небезопасном отдыхе в некоторых странах Европы, введение санкций, запрет выезда представителям силовых структур в большинство западных стран;
- сохранившаяся географическая направленность турпотоков в зимний период на восток (Китай, Таиланд, Индия, Вьетнам, ОАЭ);
- расширение линейки бюджетных направлений: появились прямые регулярные рейсы в Тбилиси, Батуми, Стамбул, на базе которых были сформированы пакетные туры ТО;
- исключение круглогодичных пляжных направлений вылетов (Вьетнам, Таиланд и Египет).

В пандемию, на смену этапу приостановки международного авиасообщения в 2020 г., последовало частичное его возобновление в 2021 г. и турпоток из региона восстанавливался быстрыми темпами: по доступным направлениям (Турция, Египет, Кипр, Армения, Азербайджан) число туристов составило 266 тыс., то есть по отношению к 2019 г. это лишь на 16 % меньше. С начала 2022 г. основной проблемой стала транспортно-логистическая, которая в организации международных туров из региона представляется гораздо более существенной, даже по отношению к пандемийным ограничениям, поскольку влияние последних на выезды туристов уже не существенны, а вот сложности с основным компонентом турпродукта – перевозка туристов к месту отдыха – до конца не решены. По отчету международного аэропорта Пермь [17], за 9 месяцев 2022 г. на международных рейсах обслужено 95 тыс. пассажиров, что не означает падение спроса, а демонстрирует ограниченность в географии полетов, летом туристам были доступны только туры в Турцию, зимой – в Индию, Таиланд и ОАЭ.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

На региональном уровне выезды туристов по международным направлениям демонстрируют высокую восприимчивость к изменениям международной геополитической ситуации и стремление адаптироваться к ним. ТО предпочитают исключить из полетных программ региона те направления, которые рискуют быть нереализованными, и этим исключают возможность выбора для потребителей, заранее определяя его.

Основным негативным последствием воздействием геополитики на международный туризм является нарушение, а в некоторых случаях, даже разрушение туристских связей с отдельными государствами.

Мониторинг выездных турпотоков из региона демонстрирует, что процесс, связанный с их географической переориентацией с запада на восток, изначально был обусловлен финансовыми факторами, а в дальнейшем все в большей степени политическими.

В допандемийный период Греция, Кипр, Болгария входили в число основных летних выездных туристских направлений региона, а значит географическая направленность полетных программ ТО летом будет существенно скорректирована. С учетом доступности и преимущественного выбора жителей края в пользу пляжного отдыха [18], перспективным является организация круглогодичных полетных программ в уже хорошо знакомые жителям края азиатские пляжные дестинации Таиланда, Вьетнама и ОАЭ, а также ближнего зарубежья – Грузии и Армении, бюджетных выездных направлений, удовлетворяющих различные туристские цели. В будущем для расширения географии выездных туров можно рассматривать и другие ближне- и дальневосточные направления при условии наличия прямого авиасообщения, в силу среднего расположения региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Деточенко Л.В., Лобанова Н.А. Туристская отрасль России в условиях кризисного этапа развития экономики 2014-2016 годов // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. № 2 (39). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turistskaya-otrasl-rossii-v-usloviyah-krizisnogo-etapa-razvitiya-ekonomiki-2014-2016-godov> (дата обращения: 19.08.2021).
2. Келлер П. Влияние мировых кризисов на туризм // Вестник РМАТ. 2013. № 3 (9). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mirovyh-krizisov-na-turizm> (дата обращения: 07.06.2022).

3. Козлова Е.В. Международный туризм в условиях кризиса мировой экономики: тенденции и проблемы развития / Е.В. Козлова, Т.В. Солод, А.А. Завьялов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 4 (107). С. 7-12.
4. Козырев В.М. Вопросы развития российского туризма в условиях финансово-экономического кризиса // Вестник РМАТ. 2011. № 1 (1). С. 46-53.
5. Максимова Л.М. Мировой финансовый кризис и его влияние на развитие туризма // Сервис в России и за рубежом. 2009. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-finansovyy-krizis-i-ego-vliyaniye-na-razvitiye-turizma> (дата обращения: 07.06.2022).
6. Герасименко Т.И., Герасименко А.С. Некоторые географические аспекты пандемии коронавируса // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2020. № 9. С. 124-126.
7. Зырянов А.И. Особенности распространения коронавируса в течение 2020 года и влияние пандемии на туризм // Географические исследования Сибири и Алтае-Саянского трансграничного региона: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 251-261.
8. Логунцова И.В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industriya-turizma-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 18.02.2022).
9. Ханина А.В. Пандемия COVID-19 и санкции: особенности влияния на туристическую отрасль России // Сервис в России и за рубежом. 2021. Т. 15. № 3. С. 199-208. DOI: 10.24412/1995-042X-2021-3-199-208.
10. Деточенко Л.В., Лобанова Н.А. Ретроспективный анализ места стран зарубежной Азии как принимающей базы для российских туристов в условиях меняющейся геополитической ситуации современности // Известия ВГПУ. 2018. № 5 (128). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-mesta-stranzarubezhnoy-azii-kak-prinimayushey-bazy-dlya-rossiyskih-turistov-v-usloviyah-menyayusheysya> (дата обращения: 19.01.2022).
11. Мусалитина М.С., Шмарков М.С., Губарева Л.И. Новейшая история геополитики туризма // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2 (71). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/noveyshaya-istoriya-geopolitiki-turizma> (дата обращения: 18.02.2022).
12. Игнатъева И.Ф. Пространство потоков: экономический и геополитический анализ туризма // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2013. № 1 (26). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-potokov-ekonomicheskij-i-geopoliticheskij-analiz-turizma> (дата обращения: 17.02.2022).
13. Международный аэропорт Пермь. [Электронный ресурс]. URL: <https://aviaperm.ru> (дата обращения: 01.12.2022).
14. Харитонова Н.В. Состояние и перспективы выездного туризма в Пермском крае / Н.В. Харитонова, А.А. Лимпинская // Географический вестник. 2016. № 2 (37). С. 139-147. DOI: 10.17072/2079-7877-2016-2-139-147.

Alla A. Limpinskaya

Perm State National Research University, Perm

THE INFLUENCE OF GEOPOLITICS ON ORGANIZED OUTBOUND INTERNATIONAL TOURISM IN THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE PERM REGION)

***Abstract.** Factors of influence on international outbound tourism are considered, a special place of geopolitics among them is determined. The consequences of crisis periods related to geopolitics for outbound international tourism from the Perm Region in 2008-2023 are presented and interpreted. The reorientation process of tourist's flows geography in favor of eastern destinations is demonstrated. Based on the conducted research, promising directions for the development of outbound tourism in the region have been identified.*

***Keywords:** geopolitics, international outbound tourism, organized outbound tourism, tour operators (TO), Perm Region.*

УДК 332.1(045)

Макар С.В.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва*

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ: К ОСОБЕННОСТЯМ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ БЛАГОУСТРОЕННЫМ ЖИЛЬЕМ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

***Аннотация.** В контексте представлений о современном пространственном развитии России акцентированы вопросы, связанные с текущими тенденциями в обеспеченности жильем жителей Дальневосточного федерального округа (ДФО). Дополнительное финансирование его регионов с 2014 г. за счет госпрограмм не сказалось на увеличении показателей жилищного фонда макрорегиона, который по удельным показателям обеспеченности жильем находится ниже среднероссийского уровня. В ряде регионов ДФО очевидны потребности повышения качества жилья.*

***Ключевые слова:** пространственное развитие, макрорегион, Дальний Восток, пространственные структуры, геоэкономика, обеспеченность жильем, благоустройство жилья.*

Среди индикаторов процессов пространственного развития, отмеченных автором [1], жильё выступает в качестве ключевого индикатора процесса освоения пространства в двух контекстах: во-первых, создания новых жилых конструкций и увеличения абсолютных и относительных показателей жилищного фонда и, во-вторых, с точки зрения уплотнения или насыщения пространства (в контексте благоустройства жилья).

Дальний Восток как исторически сложившееся экономико-географическое понятие притягивает к себе внимание ряда стран-субъектов Евразийского континента. В последние три десятилетия Россия вынуждена неоднократно и многоаспектно обозначить данный макрорегион, в том числе в формате Дальневосточного федерального округа (ДФО), в качестве приоритета своих геостратегических интересов. Таким образом, в настоящее время он рассматривается частью опорного каркаса развития страны.

Обеспеченность жильём населения российских регионов автор предлагает рассматривать в качестве ключевого индикатора пространственного развития страны. Показатели обеспеченности жильём и уровень его благоустройства обусловлены рядом социально-экономических, демографических [2], а также действием политических факторов.

На основе выявленных количественных и качественных значений параметров жилищного фонда ДФО [3] проанализирована дифференциация регионов – субъектов ДФО по показателям обеспеченности жильём населения и благоустройству жилья, степень удовлетворенности жильём по опросам жителей. Выявлены особенности положения регионов ДФО на внутримакрорегиональном и внутрироссийском уровнях. Межрегиональную дифференциацию в ДФО целесообразно охарактеризовать с точки зрения кластерно-статистического подхода.

В целом есть основания отметить, что дополнительное финансирование регионов ДФО с 2014 г. за счет государственных программ не отразилось на росте жилищного фонда ДФО, который по удельным показателям обеспеченности жильём ниже среднероссийского показателя (2018-2020 гг.). В ряде регионов ДФО очевидны потребности повышения качества жилья (Республика Бурятия и Забайкальский край).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макар С.В. Устойчивое пространственное развитие: критерии и индикаторы // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы Междунар. науч. конф. в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Т. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 43-46.
2. Ярашева А. В., Макар С.В. Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 103-114. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114
3. Ярашева А.В., Макар С.В. Региональные жилищные проблемы населения: Дальневосточный федеральный округ // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 3. С. 89-102. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.7

Svetlana V. Makar

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

GEO-ECONOMIC ACCENTS: TO THE FEATURES OF THE PROVISION OF COMFORTABLE HOUSING FOR THE POPULATION OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST

Abstract. *In the context of ideas about the modern spatial development of Russia, issues related to current trends in the provision of housing for residents of the Far Eastern Federal District (FEFD) are emphasized. Additional financing of its regions since 2014 at the expense of state programs did not affect the increase in the indicators of the housing stock of the macroregion, which, in terms of specific indicators of housing provision, is below the Russian average level. In a number of regions of the Far Eastern Federal District, the need to improve the quality of housing is obvious.*

Keywords: *spatial development, macroregion, Far East region, spatial structures, geoeconomics, housing supply, housing improvement.*

УДК 332.1

Малов В.Ю., Мелентьев Б.В.

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН,
г. Новосибирск*

ТРАНСПОРТНЫЙ КОМПЛЕКС АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: ГОД 2035

Аннотация. *Азиатская часть России всегда была важным звеном экономики страны. В настоящее время ее значение возросло. Однако население этой огромной территории сокращается, поскольку условия жизни здесь не*

соответствуют современным требованиям к социальной инфраструктуре. Важным элементом создания здесь благоприятных условий жизни является транспортный комплекс. Как для грузовых перевозок (в том числе транзитных), так и для ликвидации транспортной дискриминации многих регионов.

Ключевые слова: Азиатская Россия, новые условия, транспортная дискриминация, новые проекты.

Современный этап развития нашей страны требует особого внимания к ее азиатской части. В особенности это касается ускорения решения задач развития транспортного комплекса, обеспечивающего как взаимосвязанности экономик Востока и Запада РФ, так и реализацию новых и усиления действующих выходов в страны АТР.

В качестве ключевых положений при прогнозировании развития транспортного комплекса Азиатской России принимаем следующие:

1. *Азиатская часть страны – это неотъемлемая часть территории России, где одной из высших целей развития государства следует считать не только сохранение, но и приумножение российского народа⁹*;

2. *«Густое население на восточных окраинах Империи закрепит их за Россией более, чем трехсоттысячная армия и дорогостоящие крепости»* (Князь А.Г Щербатов, 1910 г).

Сама по себе территория полезна уже тем, что это, прежде всего, ресурсы: почвенные, минеральные, лесные и, конечно сами люди. Именно население и его потребности должны быть в фокусе цели высшего порядка и именно к ней должна подстраиваться вся другая политика и экономика.

Сразу оговоримся, что просто так создавать условия для развития транспортной системы, не имея в виду местного, постоянного населения, нет смысла. Трудовые ресурсы – вахтовиков – можно доставлять самыми разными видами транспорта и для них понятие транспортной доступности имеет другой смысл. А с задачей ее обеспечения вполне справится «транспортный цех» компании.

Рассмотрим только два варианта направлений развития Азиатской части России. Вариант А (минимальный) базируется на предположении о том, что перед Россией не стоит задача сохранения численности населения во *всех частях страны*. Население Сибири и Дальнего Востока сокращается: достаточно сохранить численность в таких городах, как Новосибирск, Красноярск, Хабаровск, Владивосток и несколько других, создав из них новые «миллионники».

Вариант Б (Максимальный) - сохранение максимально возможного числа населенных пунктов и создание там достойных условий жизни. Другими словами, если есть потребность в ресурсах какого-либо отдаленного района, и там *уже существуют* какие-то населенные пункты, которые *могут быть* сохранены (основываясь на желаниях местного населения), то для этого пункта необходимо предусмотреть различные варианты ликвидации транспортной дискриминации, а также признать оправданными издержки по созданию там достойных условий жизни.

Используя для прогнозных расчетов оптимизационную межрегиональную межотраслевую модель [1] были получены следующие результаты (табл.).

Таблица

Прирост конечного продукта и ежегодные темпы прироста в Российской Федерации и в ее азиатской и европейской частях

Варианты	Результат (трлн руб. /%)		
	Конечный продукт Российской Федерации целом / Ежегодный темп прироста, %	Конечный продукт азиатской части РФ / Ежегодный темп прироста, %	Конечный продукт европейской части РФ / Ежегодный темп прироста, %
А	151,8 / 4,8	26,7 / 4,4	125,1 / 4,9
Б	156,3 / 5,1	32,5 / 5,2	123,8 / 5,0

Как видно, по варианту А по темпы прироста конечного продукта Азиатской части России отстают от аналогичного показателя по РФ, по варианту Б – несколько опережают. Считаем принципиально важным подчеркнуть, что по варианту Б (то есть когда в Азиатской части России созданы более благоприятные

⁹ Таковую цель поставил перед Россией еще М.В. Ломоносов, акцентирую внимание на том, что «Величие, могущество и богатство всего государства состоит в сохранении и размножении русского народа». И, вероятно, нет необходимости подчеркивать, что М.В. Ломоносов под «русскими» понимал, прежде всего, людей, считающих себя гражданами России, а не их этническую принадлежность.

условия для населения) темпы роста конечного продукта в России в целом выше, пусть всего на 0,3 % пункта.

Вывод. Для того чтобы экономика России росла быстрее, надо обеспечить ее Азиатской части ускоренные темпы, что можно сделать только на основе ускоренного роста благосостояния населения этой части страны.

Некоторое «отставание» темпов прироста конечного потребления в Европейской части России компенсируется ускоренным ростом экономики всей страны в целом и решением геополитической задачи роста численности населения восточных регионов России.

Анализ показателей изменения объемов услуг отдельных видов транспорта показывает, что те виды транспорта, которые наиболее тесно связаны с ликвидацией транспортной дискриминации населения должны к 2035 г., как минимум, удвоить объемы предоставляемых услуг, а авиационный транспорт Дальнего Востока почти утроить.

Возможный дефицит провозных способностей железных дорог по варианту А на 2035 год может составить (млн т, с учетом частичной реализацией проектов в рамках «Восточного полигона»):

- между Дальним Востоком и Восточной Сибирью – 48,0;
- между Восточной и Западной Сибирью – 54,0;
- между Западной Сибирью и Уралом – 30,0.

Полученная нами оценка дефицита провозных способностей по отдельным направлениям показывает, что на всем протяжении от Владивостока до Урала требуется создание новой железной дороги, так как перевозка на большие расстояния даже 20 млн т выделенной в данной работе номенклатуры грузов ни одним другим видом транспорта невозможна.

Возможность более интенсивного использования Среднесибирской магистрали (через Павлодар – Астану на Магнитогорск) и кратного увеличения потока грузов через Петропавловск обязательно поднимет вопрос о транспортной безопасности России. Показательно, что часть железной дороги в обход территории Казахстана на участке Омск – Курган названа «стратегической». В свою очередь, и Казахстан строит дороги в обход территории России, например, Павлодар – Семипалатинск (Семей), Кустанай (Костанай) – Актюбинск (Актобе).

Участки железных дорог от Екатеринбурга на Пермь – Киров также признаны «узкими местами», и, вероятно, таковыми и останутся в случае интенсификации потока грузов из Сибири и Урала на Север, в частности по направлению на Ямал и порт Сабетта. Возможное воссоздание Полярной дороги Салехард – Уренгой – Игарка может снять часть грузов на Ямал. Однако дефицит провозных способностей в 30 млн т между Сибирью и Уралом вряд ли возможно будет снять Полярной дорогой, строительство которой до 2035 г. не предусматривается.

Проблема связанности экономических пространств Сибири и Урала по-прежнему будет оставаться острой и кардинальным решением, на наш взгляд, могло бы стать принципиальное изменение топологии транспортной сети, в частности, создание Северо-Российской Евразийской широтной железнодорожной магистрали Ванино – Индига в составе: БАМ – Севсиб – Баренцкомур [2].

Вероятно не случайно в январе этого года высшее должностное лицо нашего государства дало поручение Правительству активизировать работу по проектированию и созданию порта Индига и участка железной дороги Индига – Ухта с возможностью дальнейшего перехода через Урал до Сургута. Здесь уместно напомнить резолюцию императора Александра III «Уже сколько отчётов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, давно пора». История действительно имеет свойство повторяться. Здесь мы еще не ставим вопрос о перспективах освоения регионов как территорий, пригодных для постоянного проживания по всей этой линии, хотя многие из них уже сегодня представляют интерес для крупных ресурсоэксплуатирующих компаний [3].

Выводы:

1) Переход от продолжения стратегии продвижения на Восток путем расширения «древовидной» структуры транспортного комплекса – к транспортной сети, позволяющей не только *осваивать, но и обживать* территорию;

2) Развитие страны во времена и царской России, и СССР было направлено на формирование *взаимосвязанной экономики* Восточных регионов страны и их заселение на основе высокодоходных рабочих мест – как одна из геополитических целей страны;

3) Результаты расчетов по критерию максимизации конечного потребления всей страны показывает, что вариант Б характерен тем, что в нем заложено предположение об *опережающем* росте потребления

разнообразных услуг (в том числе транспортных) населением регионов Азиатской России по сравнению с регионами европейской части страны;

4) Усиление взаимосвязанности регионов Юга Западной Сибири путем создания автомобильного кольца Новосибирск – Бийск – Горно-Алтайск – Таштагол – Абаза – Кызыл – Красноярск – Кемерово – Новосибирск решает одну из важнейших задач в этой части России – повышение привлекательности мест оздоровления и туризма в регионах РФ, что будет способствовать росту численности местного населения и его благосостояния;

5) История России знает примеры последствий запаздывания со строительством некоторых участков железной дороги. Это и дорога в Крым (1854 г.), и ускоренное строительство КВЖД (1904 г.), так и не справившейся с задачами необходимого подвоза вооружения и продовольствия к войскам в Порт-Артуре, и лишение в 1914 г. России связей со странами Антанты при блокировании Санкт-Петербурга и отсутствия связей с портами на Баренцевом море;

6) Создание транспортной сети Азиатской части России – это больше вложения в *будущее*, далеко не всегда вписывающееся в сиюминутную коммерческую эффективность, приверженность которой характерна многие наши транспортные ведомства, не говоря уже о частных корпорациях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. 4-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 495 с.
2. Бандман М. К. Геополитическое положение Сибири после распада СССР // Известия АН СССР. Сер. геогр., 1994, № 3. С. 85-93.
3. Новый импульс Азиатской России / под. ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова; Сиб. отд-ние РАН, ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2022. 572 с.

Vladimir Yu. Malov, Boris V. Melentyev

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk

TRANSPORT COMPLEX OF THE ASIAN PART OF RUSSIA: YEAR 2035

Abstract. *The Asian part of Russia has always been an important link in the country's economy. Currently, its importance has increased. However, the population of this vast territory is declining, because the living conditions here do not meet modern requirements for social infrastructure. An important element of creating favorable living conditions here is the transport complex. Both for cargo transportation (including transit) and for the elimination of transport discrimination in many regions.*

Keywords: *Asian Russia, new conditions, transport discrimination, new projects.*

УДК 332.12: 341.42

Мельникова Л.В.

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН,
г. Новосибирск*

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ УРОВНЯ И РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Аннотация. *Исследуются причины региональной дифференциации производительности труда в России в период 2016-2020 гг. С этой целью оценен вклад отраслевого, локализационного и регионального факторов в отклонение региональных уровней и темпов роста производительности от средненациональных. Выявлены признаки некоторой тенденции к сближению региональных уровней ПТ на фоне роста национальной производительности, а также конвергенции отраслевых структур регионов к национальной.*

Ключевые слова: *структурная декомпозиция анализ, региональная дифференциация, производительность труда.*

Дифференциация регионов по темпам экономического роста и перспективы конвергенции являются предметом постоянного внимания исследователей многорегиональной экономики. Ранее выполненный нами динамический анализ структурных сдвигов в период 2004-2019 гг. показал, что определяющий вклад в межрегиональные различия роста вносил эффект собственной конкурентоспособности, измеряемый региональным сдвигом и возникающий из различий в производительности одной и той же отрасли в разных регионах. Влияние отраслевых сдвигов, зависящих от внешнего спроса и формирующих «удачную» отраслевую структуру региона, было незначительным [1].

Отсюда логично сосредоточиться на анализе факторов, формирующих региональные различия в уровне производительности труда (далее – ПТ). В 2016-2020 гг. индекс ПТ по Российской Федерации за пятилетний период составил 107,5 %, в том числе в профессиональной, научной и технической деятельности 125 %, в сельском хозяйстве в обрабатывающих производствах около 120 %. В то же время индекс ПТ в добыче полезных ископаемых не вырос, а в строительстве и на транспорте сократился почти на 5 п.п.¹⁰ Но отраслевая структура региональной экономики не является единственным фактором, определяющим уровень ПТ. Не меньшее значение имеют растущий внутренний спрос, специфические ресурсы и навыки, благоприятные местные условия, наличие специальной федеральной политики в регионе, а отсюда – приток инвестиций и технологий в регион.

Для того, чтобы разделить вклады данных факторов в региональные различия уровня ПТ, мы выполнили структурную декомпозицию названных различий, следуя методу разложения, предложенному в [3]. В данной версии структурного анализа разница между национальным и региональным уровнями ПТ ($\rho^r - \rho$) разлагается на три компонента: отраслевой m_r , локализационный l_r и региональный c_r в соответствии с тождеством:

$$\rho^r - \rho = m_r + l_r + c_r = \sum_i (s_i^r - s_i) \rho_i + \sum_i (s_i^r - s_i) (\rho_i^r - \rho_i) + \sum_i s_i (\rho_i^r - \rho_i), \quad (1)$$

где ρ^r и ρ – производительность труда в экономике региона r и страны, соответственно; ρ_i^r и ρ_i – то же применительно к отрасли i ; s_i и s_i^r – доля отрасли i в региональной и национальной экономике, соответственно.

Первое слагаемое измеряет значимость отраслевой структуры для уровня региональной ПТ. Если структура такова, что, в предположении о средненациональных уровнях ПТ в региональных отраслях, уровень ПТ в экономике региона в целом оказывается выше, чем в экономике страны, то отраслевой компонент принимает положительное значение. Это возможно, если в регионе высока доля отраслей – национальных лидеров производительности или низка доля отраслей с низкой средненациональной ПТ.

Второе слагаемое измеряет значимость отраслевой специализации региона. При локализации производства в регионе предполагается возникновение эффектов масштаба, способствующих росту ПТ. Локализационный компонент больше нуля, если отрасли, занимающие в экономике региона долю выше средней по стране, отличаются и уровнем ПТ выше средненационального по отрасли.

Третье слагаемое учитывает прочие специфические для региона факторы, названные ранее. Региональный компонент оказывается больше нуля, если при взвешивании по национальной отраслевой структуре уровень ПТ региональной экономики в целом превышает национальный уровень.

Отраслевая структура измеряется по среднегодовой численности занятых в экономике.¹¹ Применена 18-отраслевая номенклатура ОКВЭД2 (отрасль «Добывающие производства» была исключена). Производительность труда измеряется объемами валовой добавленной стоимости на одного занятого в сопоставимых ценах 2016 г.¹² Для нивелирования региональных различий цен был построен специальный индекс:

$$I = s_w^r I_l^r + (1 - s_w^r) I_h^r, \quad (2)$$

где s_w^r – доля оплаты труда наемных работников в ВРП региона r (с учетом ненаблюдаемой оплаты и доходов); I_l^r – относительный индекс стоимости жизни в регионе, построенный на основе разработанного в [2]; I_h^r – относительный индекс стоимости 1 м² жилья на вторичном рынке региона.

Региональная дифференциация ПТ измерялась в процентных пунктах относительно национального уровня ПТ. Именно этот показатель и подлежал декомпозиции. Далее региональные отклонения по каждому компоненту усреднялись для каждого года, и наконец, – для периода 2016-2020 гг. (см. табл. 1).

Результаты структурного анализа позволяют предположить наличие некоторой тенденции к сближению региональных уровней ПТ на фоне роста национальной производительности, причем признаки конвергенции уровней ПТ более выражены в азиатских регионах России. В течение 2016-2020 гг. явно уменьшилось не только средние невзвешенные отклонения региональных уровней ПТ от национальной, но и средние абсолютные значения отклонений. На основе последних можно определить вклады каждого компонента в дифференциацию региональных показателей ПТ: в среднем, 13 % вносил отраслевой компонент, 15 % – локализационный компонент, но определяющее влияние оказывал фактор региональной конкурентоспособности, что соответствует выводам, полученным нами в [1].

География темпов роста ПТ весьма отличается от географии уровней показателя. Положительные приросты ПТ смещаются на юг и на запад. Картина территориального распределения прироста объемов

¹⁰ URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt-okved2\(08042022\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt-okved2(08042022).xlsx)

¹¹ URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58994>

¹² URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2.xlsx

ВДС схожая, что ожидаемо при повсеместном сокращении численности занятых, коэффициент корреляции между показателями роста ПТ и ВДС оказался равен 0,88.

Таблица 1

Структурная декомпозиция региональных различий в уровне производительности труда в 2016-2020 гг., в процентных пунктах

Год	Отклонение регионального уровня ПТ от национального	Компоненты отклонения		
		Отраслевой	Локализационный	Региональный
Среднее по регионам за период 2016-2020 гг.				
РФ	-1,1	-0,4	1,6	-2,2
Европейская часть	-3,6	-0,2	0,8	-4,2
Азиатская часть	4,3	-0,9	3,2	2,0
Среднее по регионам абсолютных значений за период 2016-2020 гг.				
РФ	20,3	3,3	3,9	19,1
Европейская часть	12,2	2,3	2,5	11,4
Азиатская часть	8,1	0,9	1,3	7,6

Разложение темпов роста производительности труда базируется на предположении о том, что для малых приращений разница между темпами роста ВДС и темпами роста численности занятых может служить оценкой производительности труда, то есть:

$$\approx v - h = \frac{\Delta V}{V_0} - \frac{\Delta H}{H_0}, \quad (3)$$

где V – объем валовой добавленной стоимости; H – численность занятых; v и h – темпы роста названных показателей соответственно.

Тогда темп роста производительности труда в каждом регионе можно представить, как сумму разниц между отраслевым, локализационным и региональным компонентами темпов роста объемов ВДС и занятости [3]:

$$\Delta \rho_r = r^t - \rho_r^0 = (v_r^t - v^t) + (h_r^t - h^t) = (m_r^V - m_r^H) + (l_r^V - l_r^H) + (c_r^V - c_r^H), \quad (4)$$

В этом тождестве любой из структурных компонентов будет положительным, если его положительное влияние на рост ВДС будет преобладать над его же влиянием на рост занятости, и наоборот.

В тождестве (2) региональная дифференциация годовых темпов прироста региональных объемов ВДС ($v_r^t - v^t$) и численности занятых в экономике ($h_r^t - h^t$) раскладывается на три структурных компонента аналогично тождеству (1) по формуле (3).

Результаты расчетов по 85 регионам в разрезе 19 ВЭД за 4 периода 2016-2017, 2017-2018, 2018-2019 и 2019-2020 гг. в табл. 2 представляют декомпозиции производительности труда и лежащие в их основе декомпозиции объемов ВДС и численности занятых (добыча исключена из рассмотрения). Невзвешенное среднее по каждой строке «рост ПТ» является результатом вычитания строки «рост занятости» из строки «рост ВДС». Очевидно, что региональная дифференциация по темпам роста ПТ существенно меньше, чем по уровням ПТ.

Таблица 2

Структурная декомпозиция региональных различий роста производительности труда в 2016-2020 гг., (без учета добычи, в процентных пунктах)

Год	Отклонение регионального темпа роста ПТ от национального	Компоненты отклонения		
		Отраслевой	Локализационный	Региональный
Среднее по регионам				
Рост ПТ	0,3	-0,1	-0,6	1,0
Рост ВДС	0,0	-0,1	-0,7	0,8
Рост занятости	-0,3	-0,0	-0,1	-0,2
Среднее абсолютных значений по регионам				
Рост ПТ	1,6	0,4	1,1	2,1
Рост ВДС	1,6	0,3	1,1	1,9
Рост занятости	1,0	0,2	0,2	1,1

Невзвешенное среднее превышение регионального роста ПТ над национальным, равное 0,3 %, говорит о том, что растущие регионы многочисленны, но не все из них велики по весу. Среди 52 регионов, где ПТ выросла за период 2016-2020 гг., была вся Тюменская область, но среди 33 регионов, где ПТ упала, были Москва, Санкт-Петербург, Ненецкий АО. Сравнение первой строки таблиц 1 и 2 обнаруживает, что знаки локализации-

онного и регионального компонентов полностью поменялись. Если отставание условного среднего региона от национального уровня ПТ (–1,1 %) формировалось из положительного вклада уровня и качества специализации (1,6 %) и отрицательных вкладов его отраслевой структуры (–0,4 %) и собственной конкурентоспособности (–2,2 %), то опережающий рост ПТ по сравнению с национальным (0,3 %) в этом условном регионе определяется только региональным эффектом (1,0 %), компенсирующим отрицательное воздействие структурного (–0,1 %) и локализационного эффектов (–0,6 %).

Сочетание положительного влияния локализации на уровень ПТ (статический эффект) и отрицательного влияния на рост ПТ (динамический эффект) можно объяснить. Положительный статический эффект означает, что в регионе имеют повышенный удельный вес отрасли, отличающиеся и повышенным уровнем ПТ. Отрицательный динамический эффект означает, что эти же отрасли растут относительно медленнее, чем отрасли, недостаточно представленные в регионе. Отсюда можно предполагать тенденцию к конвергенции региональных отраслевых структур к национальной структуре.

В дифференциацию региональных показателей роста ПТ, в среднем, 10 % вносил отраслевой компонент, 31 % – локализационный компонент, а остаток – региональный фактор. Сравнение с аналогичными вкладами в дифференциацию региональных уровней ПТ обнаруживает, что в динамике роль фактора локализации вырастает вдвое (с 15 до 31 %), роль отраслевого фактора сохраняется (уменьшается с 13 до 10 %), а роль регионального фактора уменьшается существенно (с 72 до 59 %).

Отраслевой фактор помогает росту Центра и Юга Европейской России. Более того, именно в 12 областях ЦФО, окружающих Москву, наблюдается положительный вклад локализационного фактора, который говорит о том, что эти регионы выигрывают от своей специализации, так что данная географическая область приобретает признаки кластера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мельникова Л.В. Пространственный анализ динамики структурных сдвигов в экономике российских регионов в 2004–2019 гг. // Регион: экономика и социология. 2021. № 3 (111). С. 54–79. DOI: 10.15372/REG20210303
2. Gluschenko K. Costs of Living and Real Incomes in the Russian Regions – Muenchen, 2022. 25 s. (MPRA Paper No. 111774). [Электронный ресурс]. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/111774/1/MPRA_paper_111774.pdf (дата обращения: 08.05.2022).
3. Oosterhaven J. Sector Structure and Cluster Economies: A Decomposition of Regional Labour Productivity / J. Oosterhaven, L. Broersma // Regional Studies. 2007. No. 5(41). pp. 639–659. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00343400601120320> (дата обращения: 08.05.2022).

Larisa V. Melnikova

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk

STRUCTURAL ANALYSIS OF REGIONAL DIFFERENCES IN THE LEVEL AND GROWTH OF LABOUR PRODUCTIVITY

Abstract. *The paper investigates the causes of regional productivity differentiation in Russia in 2016–2020. The contribution of sectoral, localization and regional factors in the deviation of regional levels and productivity growth rates from the average national ones has been evaluated. The signs of some tendency towards convergence of regional PT levels on the background of national productivity growth as well as convergence of regional industrial structures to national ones were revealed.*

Keywords: *structural analysis, regional differentiation, labour productivity.*

УДК 339.92

Оберюхтина Т.Е.

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ТУРЦИИ И СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Современный этап развития мировой экономики характеризуется повышением интереса со стороны государств на установление связей с регионами отдельных стран. В этом смысле, Свердловская область является интересным и ярким примером становления самостоятельного субъекта международных отношений. Проблема сотрудничества Свердловской области и Турецкой Республики недостаточно изучена в России. Исследователи чаще всего рассматривают картину сотрудничества стран в целом, а не по отдельным регионам.*

Ключевые слова: *регион, Свердловская область, Турецкая Республика, торговля, культура, образование.*

Свердловская область – это одна из крупнейших административных единиц России, имеющая высокий промышленный, экономический и культурный потенциал на территории Российской Федерации. На данный момент является перспективным вписывание данного региона в систему международных отношений нашей страны. Свердловская область обладает в этом плане колоссальными региональными ресурсами, способствующими достижению значимой цели – улучшению внешнеэкономического потенциала России в целом, и региона в частности. Внешнеэкономический потенциал и привлекательность региона зависит от множества факторов, но главным является географическое расположение.

Исторически выгодное географическое расположение столицы Свердловской области – Екатеринбург на границе Европы и Азии позволяет городу быть связующим мостом и оптимальным местом встречи и диалога цивилизаций Запада и Востока.

До недавнего времени предприятия и организации Свердловской области поддерживали внешнеэкономические связи более чем со 160 странами и их отдельными регионами. Рост оборота торговли произошел в основном вследствие роста экспорта в США, Китай, Вьетнам, Казахстан, Ирак, Индию. Вырос импорт из Китая, Казахстана, Франции, Германии, США, Италии, Чили [1].

Стоит отметить, что Свердловская область привлекает иностранных резидентов не только производством и ресурсами, но и сотрудничеством в сфере услуг, а именно в образовании. Все ВУЗы области с начала 2000-х активно включились в систему международной мобильности студентов, преподавателей и научных сотрудников по различным программам.

При рассмотрении географии стран-партнеров Свердловской области, можно проследить прямую зависимость от изменений во внешнеполитическом курсе страны. Если в 90-х годах прошлого столетия активно развивалось сотрудничество и программы с ФРГ, Италией и Францией, то сейчас на лидирующие позиции вышли Китай, Южная Корея, Индия и наращивают свои объемы страны Ближнего Востока. Одним из таких партнеров является Турецкая Республика [2].

Торговые отношения Турции и Свердловской области сложились и развиваются с начала формирования Российской Федерации. С 1992 г. Турецкая Республика только наращивала объемы своего присутствия в экономике региона параллельно увеличивая точки соприкосновения в других направлениях (образование, медицина, туризм и т.д.).

Так, за период 2013-2020 гг. общий торговый оборот Свердловской области и Турецкой Республики составил 2,56 млрд долларов США. За этот период Турция поднялась и стала торговым партнером области номер 7 с долей 3 %, тогда как в 90-х годах не была даже в первой десятке. Самые высокие показатели торгового оборота наблюдались в 2013-2015 гг. до обострения русско-турецких отношений из-за уничтожения российского бомбардировщика Су-24 турецкими военными в Сирии.

Резкое падение все же произошло в 2016 г. из-за подписания 28 ноября 2015 г. Указа Президента РФ о введении специальных мер в отношении Турецкой Республики. Начиная с 1 января 2016 г. на территорию РФ был запрещен ввоз 17 позиций товаров из Турции, что затронуло и Свердловскую область. Торговый оборот с Турцией в 2016 г. по сравнению с 2015 г. упал в 5 раз и составил 111,6 млн долларов США [3].

В 2017-2019 гг. показатели торгового оборота между областью и Турцией возросли, но так и не вернулись к докризисному состоянию, оставаясь на уровне 200-250 млн долларов США. Как причину здесь стоит отметить, что не все ограничения были сняты на федеральном уровне и представители бизнеса региона с опаской возвращаются к сотрудничеству с представителями Республики. Самым высоким в посткризисный период стал торговый оборот 2020 г. Благодаря контрактам, подписанным на промышленной выставке ИННОПРОМ, где Турция выступила страной-партнером. Торговый оборот между Свердловской областью и Турцией составил 340,6 млн долларов США на фоне сохранившегося кризисного состояния в сотрудничестве с другими регионами РФ [4].

Перспективы дальнейшего роста объемов сотрудничества Турецкой Республики и Свердловской области, безусловно, присутствуют. В настоящий момент наблюдается рост интереса Турции к различным формам взаимодействия и в экономике, и в культурной среде.

Культурное сотрудничество Турецкой Республики и Свердловской области развивается при поддержке Почетного консульства Турецкой Республики в г. Екатеринбурге. С целью знакомства жителей области с турецкой культурой проводятся мероприятия, ориентированные на широкую общественность (театральные показы, визиты турецких художников, тематические выставки, кинопоказы и конкурсы турецкого языка) [5]. Однако необходимо отметить, что совместные культурные мероприятия, доступные широкой общественности, до недавнего времени проводились эпизодически и только в г. Екатеринбурге. В настоящий момент ведутся переговоры об организации таких мероприятий на постоянной основе – ежегодно и с расширением географии участников.

Еще одной формой гуманитарного взаимодействия с Турцией является сотрудничество в сфере образования. В настоящее время данное направление сотрудничества расширяется и совершенствуется. В Свердловской области пять университетов осуществляют взаимодействие с турецкими ВУЗами на основании соглашений на различных уровнях [6]. Особо выделяется Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина – единственный университет области, где осуществляется подготовка специалистов-тюркологов со знанием турецкого языка. На основании подписанного соглашения между РФ и Турцией ежегодно российские студенты – тюркологи уезжают на стажировки в турецкие ВУЗы, а в составе профессорско-преподавательского коллектива работает носитель языка.

В целом гуманитарные отношения между Турецкой Республикой и Свердловской областью присутствуют в сфере культуры и образования, однако считать двухстороннее сотрудничество комплексным и последовательным сложно. Если в торговом отношении осложняющим фактором является следование общеполитическому курсу страны, а также отсутствие собственной нормативной базы для двустороннего сотрудничества, то в гуманитарном направлении – это соседское положение Республики Татарстан, с которой Турецкая Республика плотно взаимодействует объединенные единым «Тюркским миром».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Итоги ВЭД. Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области // Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области [Электронный ресурс]. URL: <https://mvs.midural.ru/itogi-ved> (дата обращения: 15.02.2023).
2. Международное сотрудничество // Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://mvs.midural.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Товарооборот России и Турции: «Все товары» // Ru-Stat: Экспорт и импорт России по товарам и странам. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-stat.com/date-M201301-202012/RU/trade/TR> (дата обращения: 28.05.2021).
4. Товарооборот Свердловской области и Турции: «Все товары» // Ru-Stat: Экспорт и импорт России по товарам и странам. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-stat.com/date-M201301-202012/RU65000/trade/TR> (дата обращения: 28.02.2023).
5. Перечень основных мероприятий, состоявшихся 2018-2019 годах и I квартале 2020 года // Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: https://mvs.midural.ru/sites/default/files/20200331tu_1.pdf (дата обращения: 20.02.2023).
6. Сотрудничество между Свердловской областью и Турецкой Республикой // Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: https://mvs.midural.ru/sites/default/files/20200331tu_co.pdf (дата обращения: 20.05.2021).

Tatiana Y. Oberiukhtina

Ural Federal University

named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,

Yekaterinburg

DIRECTIONS OF COOPERATION BETWEEN TURKEY AND THE SVERDLOVSK REGION

Abstract. *The current stage of development of the world economy is characterized by an increase in interest on the part of states to establish ties with the regions of individual countries. In this sense, the Sverdlovsk region is an interesting and striking example of the formation of an independent subject of international relations. The problem of cooperation between the Sverdlovsk region and the Republic of Turkey has not been sufficiently studied in Russia. Researchers most often consider the picture of cooperation between countries as a whole, and not for individual regions.*

Keywords: *region, Sverdlovsk region, Republic of Turkey, trade, culture, education.*

УДК 911.37; 913

Осоргин К.С., Столбов В.А.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ – СТРАНА И РЕГИОН: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы внутриконтинентальных территорий. Исследуется сходство между страновым и региональным уровнями. Выделяются основные направления развития таких территорий, их преимущества и потенциал. Отмечается роль местных сообществ в этих процессах.*

Ключевые слова: *внутриконтинентальные территории, региональное развитие, местные сообщества, региональный потенциал, региональный капитал, монгольско-российское сотрудничество.*

Проблемы внутренних (внутриконтинентальных) регионов России схожи с проблемами стран, не имеющих выхода к морю. Как известно, отсутствие выхода к мировому океану резко ограничивает возможности участия в международной торговле (90 % международных грузовых перевозок осуществляется морским транспортом), затрудняет логистику (морские коммуникации, за редким исключением, обеспечивают самые дешевые грузоперевозки), препятствует достижению геополитических целей [1]. Для таких территорий характерна двойная опасность: они более уязвимы не только сами по себе, но и крайне зависимы от благорасположения соседей. Местные сообщества, проживающие на этих территориях, отличаются особыми социально-демографическими характеристиками, своеобразным менталитетом и образом жизни населения, духовными и культурными ценностями [2]. В условиях глобализации подобное положение накладывает дополнительные ограничения на возможности успешного развития и требует нетривиальных подходов к решению этих проблем: как со стороны государства, так и со стороны активных слоёв населения, ячеек местных сообществ. Такие ячейки представлены совокупностью идей, представлений, традиций, норм и ценностей, символически опосредующих взаимодействие общества внутри себя и с окружающей средой [3].

Как показывает российский и зарубежный опыт, только нахождение эффективной рыночной ниши, чёткое позиционирование в системе территориального разделения труда создаёт необходимые предпосылки устойчивой эволюции – наращивание потенциала территории. Для внутренних территорий такой предпосылкой могут служить преимущества транзитного положения, наличие уникальных ресурсов, развитие сферы услуг и малотоннажных производств [4].

Уникальность и длительная замкнутость подобных территорий может быть трансформирована и актуализирована в региональном капитале в виде реальных инвестиционных потоков с помощью средств и методов «мягкой силы» в культурном, этническом, спортивном, креативном, информационном и других глобальных пространствах. Образ далекой, богатой, таинственной, неизведанной и самобытной страны хорошая основа для формирования мощных символических, нематериальных активов государства [5].

Как свидетельствуют глобальные тренды общественного развития, сырьевая и старопромышленная специализация, характерная, прежде всего, для внутренних районов, не является непреодолимым препятствием эффективной социально-экономической эволюции. С одной стороны, разумное распоряжение природной рентой позволило этим территориям создать и умело поддерживать благополучное общество, а с другой – успешно диверсифицировать экономику, дополняя и обогащая ее перспективными видами деятельности (финансы, туризм, логистика, спорт, строительство и т. д.). Немалую роль в отказе от «сырьевого проклятия» сыграла деятельность целевых суверенных (внебюджетных) фондов – пенсионного фонда Норвегии, фонда Аляски, стабилизационного медного фонда Чили, университетского фонда Техаса, Австралийского фонда будущих поколений, фондов провинций Канады (Сберегательный трастовый фонд «Наследие Альберты», Фонд «Поколения Квебека», Фонд «Наследие Северо-Западных территорий») и т. д. [6].

Монголия, находящаяся между двумя мировыми гигантами, Россией и Китаем, может и должна использовать китайский и российский факторы в своих национальных интересах. Сегодня КНР и РФ – первый и второй по значимости внешнеэкономические партнеры Монголии, на них приходится 3/4 импорта страны. Совместно с Китаем создана почти половина монгольских предприятий с иностранным участием.

Примером перспективного и долговременного сотрудничества между тремя странами служит монгольский инфраструктурный проект «Степной путь». Он должен стать основой создания экономического коридора Россия – Китай – Монголия и дать толчок совершенствованию всей транспортно-логистической структуры страны.

Соответствующие усилия прилагаются и с российской стороны. С целью дальнейшей переориентации газовых потоков из Западной Сибири на восток разрабатывается проект магистрального газопровода «Сила Сибири-2». Этот газопровод мощностью 50 млрд км³ в год даст возможность транспортировать через Монголию в Китай газ с месторождений Ямала и Надым-Пур-Тазовского региона Ямало-Ненецкого автономного округа [7].

Руководством «Газпрома» и Правительством Монголии подписан договор на выполнение проектно-изыскательских работ и согласован план действий совместной рабочей группы на период до 2024 г., когда предполагается начать собственно строительство газопровода. Ввод в эксплуатацию «Силы Сибири-2» ожидается к 2030 г.

Наряду с внешнеэкономическими преимуществами газопровод позволит решить и социальные задачи на территории прохождения. При реализации этого проекта дополнительным «бонусом» для России станет возможность газификации Красноярского края. Ожидается, что в зоне его досягаемости окажутся 11 городов и 16 районов региона с совокупным населением свыше 2 млн человек. Эти процессы окажут зна-

чительное влияние на последующую самоорганизацию сообществ под влиянием преимуществ совместной жизнедеятельности, роста благосостояния, повышения качества жизни людей, формирования культурной самобытности [8].

Эти проекты органично вписываются в процессы текущей трансформации евразийского пространства: углубление сотрудничества по линии ЕАЭС, что отмечено в «Концепции внешней политики Российской Федерации», и реализации китайской инициативы «Один пояс – один путь» [9].

В июне 2022 г. подписана «дорожная карта» стратегического сотрудничества между Россией (Уральский завод гражданской авиации) и Монголией (Mongolian Aircraft Industries – МАИ) в области развития местных и региональных авиалиний Монголии. По сути, уральское предприятие выступает головным центром по формированию маршрутной сети внутренних и трансграничных авиаперевозок в Монголии с использованием в том числе модернизированного самолета L-410NG (производства Чехии).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дружинин А.Г. Концепт «внутриконтинентальных соседств» в идеологемах основоположников «евразийства» // Научная мысль Кавказа. 2020. № 2 (102). С. 5-13.
2. Осоргин К.С. Участие местных сообществ в деятельности «фонда президентских грантов» (на примере Пермского края и Воронежской области) // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления: материалы V Всерос. межвед. науч.-практ. конф. с междунар. уч-ем (Воронеж, 10-12 ноября 2022 г.). Воронеж: Изд-во ВГУ, 2022. С. 673-676.
3. Осоргин К.С. Трансформация территориальной самоорганизации в контексте реформы муниципального устройства (на примере Пермского края) // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз: материалы Междунар. науч. конф. В рамках XII Ежегодной научной Ассамблеи АРГО (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.). Ижевск: Изд-во Изд. центр «Удмуртский университет», 2021. С. 463-467.
4. Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 2. С. 28-43.
5. Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный капитал / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. 530 с., ил.
6. Столбов В.А. Российские регионы в социально-экономическом пространстве страны и мира. // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (7-11 нояб. 2018 г.) / под ред. Т.В. Субботиной, Л.Б. Чупиной; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018. С. 29-35. [Электронный ресурс]. URL: www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/prostranstvennaya-organizaciya-obshestva.pdf
7. Макаров А.В. Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии / А.В. Макаров, Е.В. Макарова, А.Б. Андреев // ЭКО. 2020. № 10 (556). С. 34-49.
8. Шарыгин М.Д. Территориальная основа организации местного сообщества / М.Д. Шарыгин, К.С. Осоргин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 94-104.
9. Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/ (дата обращения: 10.01.2023).

Konstantin S. Osorgin, Vyacheslav A. Stolbov
Perm State National Research University, Perm

Abstract. *The article deals with the problems of intra-continental territories. Authors investigate similarity between the country and regional levels. The main directions of development of such territories, their advantages and potential are highlighted. The role of local communities in these processes is noted.*

Keywords: *inland territories, regional development, local communities, regional potential, regional capital, Mongolian-Russian cooperation.*

УДК 914/919

Потоцкая Т.И.
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск

ГЕОГРАФИЯ РЕГИСТРАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРУПНЫХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ

Аннотация. *На основе авторской статистической базы данных, содержащей информацию о крупнейших иностранных нефинансовых компаний, работающих в России, выявлены страны происхождения исследуемых компаний. Сделан акцент на доминировании бизнеса, зарегистрированного в экономически развитых странах, среди которых*

лидерами являются США, Германия, Франция, Великобритания, Швейцария. Определены отраслевые и географические приоритеты деятельности компаний каждой из стран в России. Выделены основные центры притяжения иностранного бизнеса в стране, как на уровне федеральных округов, субъектов РФ, так и на локальном уровне. Подчеркнута ориентация иностранных компаний на локацию предприятий в промышленных парках. Отмечен противоречивый характер их работы в условиях санкционного режима.

Ключевые слова: экономическая география, транснациональные компании, Россия.

Введение и постановка проблемы. Деятельность иностранных компаний в любой стране в условиях глобализации мировой экономики трансформирует не только отраслевую структуру национальной экономики, но и ее территориальную структуру. Это обстоятельство делает исследование географических аспектов транснационализации востребованными. В отечественной школе экономической географии сформировалось научное направление, которое часто называют «корпоративной географией», ориентированное на решение данной задачи.

При этом наиболее часто используются два научных подхода. Первый основан на анализе потоков и характера прямых иностранных инвестиций и предполагает работу на национальном и районном территориальных уровнях. Второй базируется на анализе материалов о деятельности отдельных транснациональных компаний и предполагает работу на локальном территориальном уровне. Степень эффективности применения обоих подходов в изучении заявленной темы подробно рассмотрена в ряде работ автора [1; 2]. В данном исследовании акцент сделан на результатах применения второго подхода с опорой на существующий опыт изысканий, содержащийся в работах О.В. Кузнецовой [3], А.С. Линникова [4], Н.А. Слуки [5], Л.М. Синцера [6], Е.А. Гречко [7] и др.

Материалы и методы. Исследование географии регистрации и деятельности иностранных компаний в России не обеспечено готовой репрезентативной базой данной. Ее необходимо создавать, что и было сделано автором. Она включает информацию о 100 крупнейших иностранных нефинансовых компаний, действующих в стране и содержит такие показатели как: страна регистрации компании; специализация; место расположения головного офиса в России; количество филиалов и место их расположения в России; количество собственных предприятий (производственных/торговых) и место их расположения в России и др. База данных позволяет ответить на традиционные экономико-географические вопросы: какие виды экономической деятельности в рамках иностранного транснационального бизнеса формируются в России, на территории каких субъектов РФ и площадках это происходит и какие факторы этому способствуют.

Результаты исследования. Рассматривая *географическую структуру регистрации* иностранных компаний, действующих в России, отметим, что они зарегистрированы в 16 странах, большинство из которых относится к экономически развитым.

Лидером иностранного транснационального бизнеса России являются США. В этой стране зарегистрировано 25 компаний (26 % от общего числа анализируемых компаний), с объемом выручки около 1,5 трлн руб. (18 % совокупной выручки) и величиной активов около 300 млрд руб. (18 % совокупной стоимости активов). Большинство из них в России имеют собственные предприятия. Это, как правило, компании, занятые в общепите (в данном контексте это «Макдоналдс», «Старбакс»), и розничной торговле («Леви Страус»). В свою очередь, локация головных предприятий компаний и их подразделений разная, что обеспечивает географическую диверсификацию американского бизнеса в России. Компании заняты в 12 из 16 изучаемых видах экономической деятельности. Среди них значимость компаний США наиболее существенна в информационных технологиях, потребительских товарах, общепите, фармацевтике. Самые крупные американские компании по объему выручки – «Филипп Моррис» (табачная) и «Пепсико» (пищевая).

Вторая лидерская позиция принадлежит Германии. В ней зарегистрировано 14 компаний (15 % от общего числа анализируемых компаний), с объемом выручки около 1,5 трлн руб. (18 % совокупной выручки) и величиной активов около 230 млрд руб. (14 % совокупной стоимости активов). Они заняты в 6 видах экономической деятельности. Значимость компаний ФРГ наиболее существенна в автомобилестроении, розничной торговле, химической промышленности. В связи с этим, самые крупные компании, работающие в России по объему выручки – «Фольксваген» (автомобилестроение), «Метро» (розничная торговля). В силу того, что немецкие компании присутствуют на российском рынке давно (они работали и в Российской империи, и в Советском союзе, хотя активная деятельность началась в 90-х годах XX века), они обладают большим количеством собственных производств (25 % совокупного количества).

По объему выручки компаний Японии занимает третье место – 12 компаний (15 % от общего количества) с объемом выручки около 0,9 трлн руб. (12 % совокупной выручки) и величиной активов около 180 млрд руб. (11 % совокупной стоимости активов). Они заняты в пяти видах экономической деятельности. Значимость компаний Японии наиболее высока в электронике, автомобилестроении. Самые крупные компании, работающие в России по объему выручки «Джапан Табакко Интернэшнл» (табачная), «Тойота Мо-

тор» (автомобилестроение). В силу сложности российско-японских отношений в послевоенный период, японские компании имеют малое число собственных производств, предпочитая работать или на контрактной основе, или заниматься дистрибуцией.

Несмотря на то, что во *Франции* зарегистрировано небольшое число компаний, работающих в России (из исследуемой базы только 9), все же по совокупной выручке, чистым активам, числу собственных предприятий, она занимает лидирующие позиции наравне с США и Германией (16 %, 13 %, 16 %, соответственно). Это связано, с одной стороны, с преобладанием компаний, занятых в розничной торговле и пищевой промышленности, которые вне зависимости от страновой принадлежности априори обеспечивают большие значения перечисленных показателей. С другой стороны, компании Франции входят в десятку лидирующих иностранных компаний, функционирующих в России: «Леруа Мерлен Восток», «Ашан Ритейл Россия», «Данон Трейд».

Особенность функционирования компаний *Великобритании* в России (6 компаний, 5 видов деятельности) – ориентация на производственную деятельность, основанную на использовании местной ресурсной базы: табачное производство («Бритиш Американ Табакко», «Империал Табакко»), добыча нефти («Шелл Нефть»), деревообработка («Монди»).

Области деятельности компаний Республики Кореи полностью соответствуют международной специализации страны в целом – автомобилестроение («Киа Моторс», «Хендэ Мотор»), электроника («Самсунг Электроникс», «ЛГ Электроникс»).

Функционирование компаний Швейцарии в России связано с пищевой промышленностью («Нестле Россия», «Кока-Кола»), фармацевтикой («Новартис Фарма»), оптовой торговлей зерном («Гленкор Агро»); *Дании* – с пищевой промышленностью («Балтика») и розничной торговлей («Лего Групп»); *Испании* – с производством и торговлей готовой одежды («Зара») и пищевой промышленностью («Бакарди»); *Италии* – с электроэнергетикой («Энел»), пищевой промышленностью («Ферерро», «Барилла»); *Нидерландов* – с электроникой («Филиппс», «Эпл»), пищевой промышленностью («Юнилевер»), производством и торговлей мебелью и товарами для дома («ИКЕА»); *Швеции* – с автомобилестроением («Вольво»); *Китая* – с дистрибуцией электроники («Хуавэй») и др.

Рассматривая *географическую структуру деятельности* иностранных компаний в России, обращают на себя внимание следующие аспекты. Во-первых, штаб-квартиры иностранных компаний в нашей стране размещены, как правило, в столичных регионах, обеспеченных хорошо развитой деловой инфраструктурой и административным ресурсом – в Москве (более 90 %) и Московской области (Солнечногорск, Химки Давыдово, Жуково и др.). Из других субъектов РФ наиболее привлекательны для локации штаб-квартир – Санкт-Петербург, Ленинградская область (Всеволожск), Владимирская область (Покров), Республика Коми (Сыктывкар), Калужская область (Калуга). В этом случае место локации штаб-квартиры и основного собственного производственного предприятия совпадают и определяется деятельностью специальных факторов (ресурсная база; транспортная доступность; емкость рынка; численность, стоимость и квалификация рабочей силы; стоимость аренды земли; агломерационный эффект и др.).

Во-вторых, большинство исследуемых компаний обладает собственными предприятиями. В совокупности их число превышает 200 (без учета магазинов, формирующих розничные сети и офисов продаж) и размещены они на территории 47 субъектов РФ. Основная их часть расположена в Москве и Московской области (17 % собственных производственных предприятий) и Санкт-Петербурге и Ленинградской области (15%), а также Калужской, Самарской областях, Краснодарском крае (по 5% в каждом), Ростовской, Новосибирской Владимирской областях, Республике Татарстан и др. На территории каждого из перечисленных субъектов РФ созданы индустриальные парки и особые экономические зоны, где и размещают собственные предприятия, в том числе и иностранные компании.

Из исследованных в работе иностранных компаний, большинство предприятий локализовано в индустриальных парках Московской области: «Есипово», «Богородский», «Южные врата», «Виктория», «Солнечногорск» и др.; Ленинградской области: «Ворсино», ОЭЗ «Новоорловская» и др.; Калужской области: «Калуга Юг», «Грabcево», «Ново Нордиск», «Росва» и др.; Ярославской области: «Новосёлки»; Владимирской области: «Ворша» и др.

Заключение. Оставляя за рамками данного исследования анализ влияния экономических и политических санкций на деятельность иностранных компаний в России (это было уже сделано в других работах автора [1; 2]), выделим следующие географические аспекты изучаемого явления.

Во-первых, странами происхождения крупнейших нефинансовых иностранных компаний, работающих в России, являются 16 стран, в которых они зарегистрированы. Лидерами среди них выступают: США, Германия Япония, Франция, Великобритания, Швейцария. Все они отличаются друг от друга по доле в ПИИ России, числе зарегистрированных компаний, отраслевой структуре их деятельности, числу собственных предприятий и их локации и др.

Во-вторых, иностранный бизнес присутствует во всех федеральных округах страны. Однако приоритет в инвестировании принадлежит субъектам РФ Центрального и Северо-Западного федеральных округов, что связано с локацией штаб-квартир в столичных регионах (действие общих факторов размещения) и локацией собственных производственных предприятий в индустриальных парках (действие специальных факторов).

В завершении отметим, что национальная экономика России находится в стадии кардинальной трансформации, связанной с санкционной политикой, направленной на изоляцию страны. Очевидно, это отражается на деятельности иностранных компаний и индустриальных парков, на территории которых они размещаются. Многие географы рассматривают это как негативный фактор, способный уничтожить складывающуюся отраслевую и территориальную структуры хозяйства. Однако отраслевые аналитики считают, что именно индустриальным паркам предстоит восстанавливать цепочки поставок, выступив «точкой сборки» выпадающих в результате действия санкций, производственных процессов [8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Потоцкая Т.И. Пространственно-отраслевые аспекты деятельности иностранного транснационального бизнеса в России // Географический вестник = Geographical bulletin. 2022. № 3 (62). С. 19-34.
2. Потоцкая Т.И. Географические аспекты функционирования крупного иностранного бизнеса, работающего в России // Геология, география и глобальная энергия. 2022. № 4. С.15-20.
3. Кузнецова О.В, Михайлов А. Территориальные стратегии развития крупнейших иностранных компаний в России // Федерализм. 2018. № 3. С. 74-89.
4. Линников А.С. Влияние международных санкций на деятельность иностранных компаний в России. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 21. Вып. 3. С. 141–148.
5. Слука Н.А., Карякин В.В., Колясев Е.Ф. Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1. С. 203-226.
6. Синцеров Л.М. Трансформация роли транснациональных корпораций в мировом хозяйстве и сдвиги в географии прямых иностранных инвестиций // Известия РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 6. С. 819-827.
7. Гречко Е.А. Географические различия систем корпоративного управления. Москва: ЮРАЙТ, 2020. 157 с.
8. Обзор индустриальных парков России 2022 // Индустриальные парки и ОЭЗ России [Электронный ресурс]. URL: <https://indparks.ru/materials/edition/obzor-industrialnykh-parkov-rossii-2022/>

Tatiana I. Pototskaya
Smolensk State University, Smolensk

GEOGRAPHY OF REGISTRATION AND ACTIVITIES OF LARGE TRANSNATIONAL COMPANIES IN RUSSIA

***Abstract.** Based on the author's statistical database containing information about largest foreign non-financial companies operating in Russia, the countries of origin of the companies under study were identified. Emphasis is placed on the dominance of businesses registered in economically developed countries, among which the leaders are the USA, Germany, France, Great Britain, Switzerland. The industrial and geographical priorities of the activities of companies in each of the countries in Russia are determined. The main centers of attraction for foreign business in the country are identified, both at the level of federal districts, constituent entities of the Russian Federation, and at the local level. The orientation of foreign companies to the location of enterprises in industrial parks is emphasized. The contradictory nature of their work under the sanctions regime was noted.*

***Keywords:** economic geography, transnational companies, Russia.*

УДК 332.1

Рожко М.В., Рубцов В.А.
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань

ВЛИЯНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

***Аннотация.** Среди множества слагаемых региональной конкурентоспособности особая роль отводится инфраструктурной составляющей. Влияние на региональную конкурентоспособность оказывают все основные виды инфраструктуры. Для оценки конкурентоспособности муниципальных образований Республики Татарстан по блоку показателей инфраструктурной составляющей был применен метод экспрессных оценок.*

***Ключевые слова:** конкурентоспособность, инфраструктура, метод экспрессных оценок, муниципальный район.*

Оценка конкурентоспособности и позиционирование могут быть произведены на различных иерархических уровнях. Интересным и практически значимым представляется оценка конкурентоспособности и позиционирования муниципальных образований в рамках регионов [1].

Концепция конкурентоспособности, на наш взгляд, должна выстраиваться во взаимосбалансированности всех принципов социально-экономического развития региона. В работе посвященной конкурентоспособности регионов [2] была предложена схема блоков –составляющих конкурентоспособности региона. Предложено рассматривать конкурентоспособность по четырем основным блокам: экономическому, территориальному, природно-экологическому и социально-демографическому.

Среди множества слагаемых региональной конкурентоспособности необходимо подчеркнуть роль инфраструктурной составляющей.

Инфраструктура – совокупность специфических форм, методов и процессов, а также сооружений, зданий, всевозможных коммуникаций, обеспечивающих общие условия и нормальное функционирование экономической, социальной, экологической и других областей жизнедеятельности общества, его воспроизводства и развития [3].

Инфраструктура играет важную роль в развитии региональных систем, которая состоит не только в создании условий для функционирования производственной сферы и реализации вспомогательных для социально-экономической системы функций, но и одновременно может рассматриваться как локомотив регионального развития [4].

Инфраструктурная составляющая региональной конкурентоспособности так или иначе может проявляться во всех четырех блоках составляющих, упомянутых выше.

Наиболее отчетливо инфраструктурная составляющая просматривается в экономическом блоке. Инфраструктура представлена группой показателей в подблоке «Условия развития экономики». Для оценки конкурентоспособности территориальных образований были использованы два показателя, связанных с понятием инфраструктуры: плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием и показатель основных фондов.

При более глубоком анализе влияния инфраструктуры на экономическую составляющую региональной конкурентоспособности могут быть использованы и другие показатели. Так, например, для ряда территорий большое значение могут иметь не только автомобильные, но и железные дороги, инфраструктура водного транспорта и т.д.

В социально-демографическом блоке инфраструктурная составляющая представлена элементами социальной инфраструктуры. Инфраструктура представлена группой показателей в подблоке «Социальная обстановка». Для оценки конкурентоспособности территориальных образований были использованы два показателя, связанных с понятием инфраструктуры: обеспеченность муниципальными библиотеками и уровень проникновения широкополосного доступа в Интернет.

При более глубоком анализе влияния инфраструктуры на социально-демографическую составляющую региональной конкурентоспособности могут быть использованы и другие показатели. Так, например, в оценку могут быть введены различные показатели, характеризующие развитие инфраструктуры культуры: число театров, музеев, кинозалов и т.д. В оценку могут включаться и показатели развития медицинской и образовательной инфраструктуры, так как они оказывают большое влияние на социально-демографические аспекты регионального развития.

В природно-экологическом блоке инфраструктурная составляющая представлена не так явно. Но в научной литературе выделяют понятие экологическая инфраструктура, к объектам которой относится комплекс специализированных предприятий, отдельных природоохранных объектов и т.п., которые должны обеспечить охрану окружающей природной среды, поддержание окружающей среды в благоприятном состоянии.

Таким образом, можно отметить, что влияние на природно-экологические аспекты региональной конкурентоспособности оказывает развитие инфраструктуры как снижающей воздействие на окружающую природную среду, так и обеспечивающей охрану окружающей природной среды.

Следует подчеркнуть, что роль развития экологической инфраструктуры в региональной конкурентоспособности постоянно возрастает. Регион, получающий сиюминутную прибыль за счет эксплуатации природных ресурсов и с чрезмерными нагрузками на территорию, пренебрегающий экологией, не может считаться конкурентоспособным [5].

В территориальном блоке инфраструктурная составляющая не представлена явно. В рамках данного блока нас интересует пространственная неоднородность развития территориальных образований, в том числе пространственная неоднородность развития инфраструктуры. Важным моментом является скорость развития и обновления инфраструктуры на территориях. В контексте изучения региональной конкуренто-

способности необходимо отметить роль транспортной инфраструктуры в повышении связанности территорий.

В целом, чем более развита инфраструктура, тем выше уровень конкурентоспособности территориальных образований различных иерархических рангов.

Остановимся на анализе развития инфраструктурной составляющей в оценке конкурентоспособности Республики Татарстан. Для анализа были использованы данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [6].

Так как оценка конкурентоспособности в силу постоянно изменяющихся условий требует принятия оперативных решений, была предложена и апробирована экспресс оценка конкурентоспособности. Методом экспресс оценки ранее была проведена оценка конкурентоспособности регионов Приволжского федерального округа по социально-демографическому и экономическому блокам [7].

Применение экспрессных оценок позволило более полно использовать разработанную схему блоков – составляющих конкурентоспособности, проанализировать, а также уточнить результаты, полученные другими методами оценки.

Данный метод был применен для оценки конкурентоспособности муниципальных образований Республики Татарстан по блоку показателей инфраструктурной составляющей. Исходная информация была представлена баллами.

Все муниципальные районы Республики Татарстан по группе показателей «Инфраструктура», подблока «Условия развития экономики», экономического блока составляющих конкурентоспособности, были разделены на три группы.

В первую группу вошли районы, набравшие максимальный суммарный балл. Это Альметьевский, Елабужский, Менделеевский и Нижнекамский муниципальные районы.

Во вторую группу вошли районы, набравшие средний суммарный балл. Это Балтасинский, Бугульминский, Верхнеуслонский, Зеленодольский и Кукморский муниципальные районы.

В третью группу вошли районы, с наименьшим суммарным баллом. Это Агрызский, Азнакаевский, Аксубаевский, Актанышский, Алексеевский, Альшеевский, Апастовский, Арский, Атнинский, Бавлинский, Буинский, Высокогорский, Дрожжановский, Заинский, Кайбицкий, Камско-Устьинский, Лаишевский, Лениногорский, Мамадышский, Мензелинский, Муслюмовский, Новошешминский, Нурлатский, Пестречинский, Рыбно-Слободский, Сабинский, Сармановский, Спасский, Тетюшский, Тукаевский, Тюлячинский, Черемшанский, Чистопольский и Ютазинский муниципальные районы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Трофимов А.М., Рубцов В.А., Гумашев А.Р., Рожко М.В. Конкурентоспособность и позиционирование муниципальных образований Республики Татарстан // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 4. С. 145-148.
2. Трофимов А.М., Рубцов В.А., Шарыгин М.Д., Комарова В.Н., Рожко М.В. Позиционирование и конкурентоспособность регионов в процессе социально-экономического развития // Географический вестник. 2009. № 2 (10). С. 68-77.
3. Инфраструктура // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/economics/text/2016338>
4. Зиновьева А.А., Михеева Е.Е., Шабалина С.А. Инфраструктурные проекты как инструмент сглаживания пространственной поляризации в регионе. Казань: ИД «МеДДоК», 2018. 136 с.
5. Кучерявенко Д.З., Рожко М.В. «Кризисные» и «некризисные» эколого-экономические районы // Экологический консалтинг. 2010. № 3 (39). С. 7-11.
6. Муниципальные образования Республики Татарстан 2020: статистический ежегодник 2020 / Татарстанстат. Казань, 2021. 220 с.
7. Рожко М.В., Булатова Г.Н. Методы экспрессных оценок при изучении конкурентоспособности региона (на примере Приволжского федерального округа) // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы Междунар. науч. конф. в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов / отв. ред. Н.И. Быков. Барнаул, 2018. С. 47-51.

Michael V. Rozhko, Vladimir A. Rubtsov
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

THE IMPACT OF INFRASTRUCTURE ON THE COMPETITIVENESS OF MUNICIPALITIES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract. Among the many components of regional competitiveness, a special role is assigned to the infrastructure component. All major types of infrastructure have an impact on regional competitiveness. To assess the competitiveness of municipalities of the Republic of Tatarstan on the block of indicators of the infrastructure component, the method of express assessments was applied.

Keywords: competitiveness, infrastructure, express assessment method, municipal district.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕННО ДОСТУПНЫХ, ОТДАЛЕННЫХ И ТРУДНОДОСТУПНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Аннотация. В статье рассмотрены основные социально-экономические проблемы, стоящие перед ограниченно доступными, отдаленными и труднодоступными населенными пунктами. В Республике Саха (Якутия) 323 населённых пункта относятся к ограниченно доступным, отдаленным и труднодоступным, что составляет 51% от общего числа населенных пунктов. Главной проблемой население считает неразвитость транспортной инфраструктуры и территориальные диспропорции в уровне ее развития.

Ключевые слова: доступность, ограниченно доступные, отдаленные, труднодоступные населенные пункты, проблемы жизнеобеспечения, база данных.

Понятие труднодоступности в научной и юридической литературе трактуется по-разному, встречаются понятия - «труднодоступные и отдаленные территории», «труднодоступные и отдаленные местности», «труднодоступные и отдаленные населенные пункты», «труднодоступные и отдаленные поселения», «плюсы недоступности» и др. Анализ источников показывает, что не всегда в них дается дефиниция терминов и не всегда четко установлены критерии труднодоступности. Помимо научных трудов, нормативно-правовых документов, выделение труднодоступных местностей находит отражение также в ведомственных регламентах, приказах как федеральных, так и региональных министерств и ведомств. Труднодоступность изучается многими специалистами: географами [1, 2], политологами [3, 4, 5], социологами [6], экономистами [7, 8, 9], юристами [10], этнологами и историками [11] и другими.

Список ограниченно доступных, отдаленных и труднодоступных населенных пунктов утверждается субъектами Российской Федерации, а критерии их выделения в каждом регионе регулируются региональными законами и постановлениями.

В Республике Саха (Якутия) – крупнейшем субъекте Российской Федерации, труднодоступные и отдаленные местности составляют значительную часть территории. Для обеспечения жизнедеятельности населения, в целях организации завоза социально значимых продовольственных товаров, жизненно необходимых медицинских изделий и других товаров широкого потребления законодательно закреплены перечни таких местностей. Закон Республики Саха (Якутия) от 4 октября 2002 г. 3 N 429-II «О перечне труднодоступных и отдаленных местностей в РС(Я)» устанавливает перечень труднодоступных и отдаленных местностей в республике [12]. В Законе указано, что критериями труднодоступных отдаленных местностей в Республике Саха (Якутия) признаются: отсутствие круглогодичного автотранспортного сообщения, водного сообщения; наличие естественных преград для передвижения любого вида наземного транспорта; отсутствие оборудованных посадочных площадок для авиационного транспорта; значительная отдаленность местности от улусного (районного) центра.

Если в законе 2002 г. были выделены две категории: труднодоступные и отдаленные местности, то в постановлении от 23 декабря 2021 г. № 536 «О дифференцировании населенных пунктов Республики Саха (Якутия) по транспортной доступности и отдаленности для обеспечения жизнедеятельности населения» установлены три категории: ограниченно доступные, отдаленные и труднодоступные населенные пункты [13].

На сегодня в Якутии, в перечень согласно постановлению от 13 мая 2022 г. № 277 О внесении изменения в перечень ограниченно доступных, отдаленных и труднодоступных населенных пунктов Республики Саха (Якутия) [14] включено 323 населенных пункта, что составляет 51% от всех населенных пунктов РС(Я).

На основе показателей муниципальных образований Республики Саха (Якутия) [15] и данных Росстата была сформирована база данных, содержащая перечень всех населённых пунктов, включенных в перечень. В базу данных были включены следующие данные: название муниципального образования, (муниципальный район, городской округ), населенный пункт и его тип (село, посёлок городского типа, город), географическое местоположение (широта и долгота), категории дифференцирования населенных пунктов, численность населения на 01.01.2022, преобладающий национальный состав по данным переписи 2020 г. Также в базу данных внесены данные по расстоянию от ближайшего центра улуса, аэропортов, железнодорожных станций, федеральных автомобильных дорог, наличие круглогодичной наземной транспортной

доступности, наличие объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры (отделений связи, филиалов Почты России, интернета, спутниковой связи), объектов социальной инфраструктуры (школы, медицинские учреждения) и другие данные.

Всего база данных состоит из 323 населённых пунктов из которых 15 поселений (4,6%) относятся к ограниченно доступным, 100 поселений (31%) к отдалённым и 208 поселений (64,4%) к труднодоступным. Фрагмент базы данных представлен на рисунке.

Муниципальный район	Населенный пункт	Тип населенного пункта	широта	долгота	Категория дифференцирования населенных пунктов	Численность населения на 01.01.2022, человек	Удаленность от г.Якутск, км	Удаленность от районного центра, км	Удаленность от ближайших аэропортов с действующими пассажирскими сообщениями, км.	Удаленность от станции железной дороги с дальним пассажирским сообщением, км.	Удаленность от автодорог и федеральных дорог значения, км.
Горный	Кептин	село	62.3413	124.4454	Ограниченно доступные	646	337	188	337	358	56
Ленский	Натора	село	60.5364	116.106	Ограниченно доступные	407	954	102	104	966	180
Мегино-Кангаласский	Даркылах	село	64.2666	118.4803	Ограниченно доступные	422	179	122	179	158	10
Нюрбинский	Хатынг-Сысы	село	63.3532	118.5034	Отдаленные	967	861	56	52	875	135
Оymяконский	Оymякон	село	63.4645	142.7852	Отдаленные	560	944	612	38	923	190
Оymяконский	Томтор	село	63.2652	143.2130	Отдаленные	998	877	570	3	961	152
Аldанский	Сыганнах	село	68.2223	143.3742	Труднодоступные	356	1805	160	145	1784	435
Аldанский	Кент-Кюель	село	68.0434	145.5943	Труднодоступные	195	1789	80	75	1768	481
Аldанский	Длэсу	село	68.2210	144.3124	Труднодоступные	47	1760	110	100	1739	454
Аldанский	Кутна	село	59.0056	131.4515	Труднодоступные	522	753	580	505	430	430
Аldанский	Угонн	село	59.1515	125.1732	Труднодоступные	291	547	77	80	109	109
Аldанский	Чагда	село	58.4500	130.3620	Труднодоступные	170	694	380	428	353	353
Среднеколымский	Березюва	село	67.0755	156.3525	Труднодоступные	318	1978	185	101	1998	1027
Среднеколымский	Алеко-Кюель	село	68.4050	151.5243	Труднодоступные	488	2119	218	201	2098	1127
Среднеколымский	Эбэх	село	68.2345	150.4500	Труднодоступные	446	2131	228	213	2110	1137

Рис. Фрагмент созданной базы данных «Ограниченно доступные, отдаленные и труднодоступные населенные пункты Республики Саха (Якутия)»

Все населенные пункты, внесенные в базу данных, характеризуются наличием целого комплекса проблем по обеспечению жизнедеятельности населения, главными из которых являются:

- обширность территории Якутии, сложные природно-климатические условия которые обуславливают транспортные риски (продолжительный период транспортной недоступности, наличие паромных переправ через крупные реки, а также старых деревянных мостов, которые во время половодья разрушаются, наличие автозимников и пр.);

- низкая плотность населения, обусловленная суровыми природно-климатическими условиями, значительными расстояниями между населёнными пунктами, не развитостью инфраструктуры, сложным социально-экономическим положением;

- слабое развитие транспортной инфраструктуры, что приводит к транспортной изолированности от столицы региона, районных центров и других населенных пунктов.

- проблема завоза социально значимых продовольственных товаров, сельскохозяйственной продукции, жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов и медицинских изделий, создания межсезонных запасов;

- удаленность от финансовых и технологических центров и транспортных коридоров;

- недостаточно высокий уровень развития малого и среднего предпринимательства;

- отсутствие банкоматов в небольших удаленных населенных пунктах где наблюдаются трудности с обналичиванием денег;

- базовые социальные услуги такие как специализированная медицинская помощь, подача налоговой и другой отчетности, получение специального или профессионального образования, прием в органах власти, покупка продуктов по бюджетным ценам, бытовой техники, мебели и пр. становятся доступными только в районных центрах;

- слабое развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры (во многих селах нет интернета, либо его скорость ограничена);

- проблема нехватки квалифицированных кадров (в медицине, образовании, муниципальном управлении). Прослеживается старение кадров в сфере сельского хозяйства (в оленеводстве, охотничьем хозяйстве), наблюдается утечка молодых кадров из-за трудности условий быта в труднодоступных поселениях, отсутствие занятости и безработица и др.

Все вышеперечисленные проблемы, в основном социально-экономического, транспортно-логистического характера и требуют безотлагательного решения. В этом плане, правительство РС(Я) и профильные

министерства и ведомства проводят большую работу для выработки эффективной политики в отношении обеспечения жизнедеятельности в отдаленных и труднодоступных поселениях. Например, в 2021 г. для доставки грузов, в том числе свежих овощей и фруктов в арктические районы РС(Я), осуществлялись так называемые «зеленые рейсы». Так как в отдаленных селах нет аэропортов и взлетно-посадочных площадок для приема самолетов и вертолетов, упакованные грузы овощи, фрукты и товары первой необходимости сбрасывались с самолетов. Также, во многих отдаленных, труднодоступных населенных пунктах, местное население пытается самостоятельно решить возникающие социально-экономические проблемы. Изучение локальных практик жизнеобеспечения и улучшения транспортной доступности в удаленных и труднодоступных населенных пунктах проживания КМНС было изучено нами в ходе проведения полевых экспедиционных работ по проекту РНФ №21-17-00250 в Нижнеколымском районе. Во время интервью местные жители рассказали пример местных практик улучшения транспортной доступности поселений – например жители сел, не дожидаясь дорожников сами начинают расчистку локальных автозимников после пурги, приделывая к имеющимся машинам УАЗ сварную металлическую конструкцию и работают как грейдеры. Также респонденты во время интервью упомянули о необходимости пунктов обогрева на автозимниках. Предлагают устанавливать проблесковые маячки на зимнике на основных поворотах, поскольку зимой из-за пурги нередко заметает дорогу. Поделились информацией, что в 2020 г. по автозимнику из п. Черский до с. Андриюшкино спасатели Нижнеколымского района устанавливали стационарные необслуживаемые посты «маяки помощи» - бочки на случай экстренных ситуаций.

В настоящее время состояние дорог оцениваются у 90% опрошенных как неудовлетворительные. В связи с этим вытекают проблемы с транспортировкой продуктов питания, мебели и других промтоваров которые завозятся в основном в зимнее время по автозимнику, а в летнее время по реке в период навигации. В п. Черский социально-значимые продукты по субсидируемым ценам привозят в магазин фактории, однако продукты быстро заканчиваются. В коммерческих магазинах частных предпринимателей цены высокие.

Анализ созданной базы данных показал, что текущее состояние транспортно-логистической инфраструктуры Республики Саха (Якутия) характеризуется территориальной неравномерностью развития из-за отсутствия во многих районах круглогодичных автомобильных дорог и регулярного авиасообщения. Из-за существующих значительных территориальных диспропорций в уровне развития транспортной инфраструктуры необходимо создание крупных мультимодальных хабов и развитие мультимодальных перевозок (как пассажирских, так и грузовых).

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 21–17–00250 «Межрегиональные и внутрирегиональные коммуникации коренных малочисленных народов Севера в условиях глобальных вызовов: история и современность».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бадина С.В., Панкратов А.А., Янков К.В. Проблемы транспортной доступности изолированных населённых пунктов европейского сектора Арктической зоны России ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: Материалы Междунар. конф. М: Издательство Московского университета, 2020. Т. 26. Ч. 1. с. 305–317
2. Королев А.Ю. Полюсы недоступности и природная рекреационная система [Электронный ресурс]: монография /; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2020. – 11,9 Мб; 172 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/korolev-polusanedostupnosti-iprirodnaya-reakcionnaya-sistema.pdf>. - Заглавие с экрана (дата обращения 24.03.2023)
3. Шапошников А.В. Сравнительный анализ освоения труднодоступных регионов в Австралии и России // Социология власти 2010, №6. – с. 202-208.
4. Кислицына Д.О. Принципы и механизмы решения проблемы труднодоступности в региональной политике современной России: автореферат дис. ... кандидата политических наук: - Москва, 2015. - 35 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://istina.pskgu.ru/dissertations/9273608/> (дата обращения 04.04.2023)
5. Мельник М.А., Волкова Е.С. Комплексная характеристика факторов, лимитирующих транспортную доступность отдаленных и труднодоступных территорий Томской области // Вестник КемГУ Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017, № 4. - с. 48-53
6. Михаев И.М., Михаев А.М. Проблемы и перспективы увеличения численности населения труднодоступных территорий на примере островов Курильской гряды // Теория и практика общественного развития. 2015, № 18. с. 37–40.
7. Гаврильева Т.Н., Бочкарев Н.В. Экономическая связность поселений Республики Саха (Якутия) // Труды II Гранберговской конференции: Сборник докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной памяти академика А.Г. Гранберга «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность», Новосибирск, 11–15 октября 2021 года / Сибирское отделение Российской академии наук Институт

экономики и организации промышленного производства СО РАН. – Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2021. – с. 72-90

8. Суховеев М.Е. Маркетинг территорий: концепция развития труднодоступных населенных пунктов // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 22 мая 2015 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2015. – с. 26-28

9. Делахова А.М. Вопросы обеспечения устойчивости «северного завоза» грузов на труднодоступные территории // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 4 (30). с. 14–27

10. Фомичев И.А. Понятие и критерии труднодоступных и малонаселенных местностей // Юридическая наука. – 2020. – № 12. – с. 57-60

11. Лискевич Н.А., Поршунова Л.С. От «точки роста» к труднодоступной территории: о социально-экономических проблемах северных поселений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51) с. 237-243

12. Закон Республики Саха (Якутия) от 4 октября 2002 г. 3 N 429-П «О перечне труднодоступных и отдаленных местностей в РС(Я)» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/802010254> (дата обращения 07.05.2023)

13. Постановление Правительства РС(Я) от 23 декабря 2021 г. № 536 «О дифференцировании населенных пунктов Республики Саха (Якутия) по транспортной доступности и отдаленности для обеспечения жизнедеятельности населения» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202112290009> (Дата обращения 18.05.2023)

14. Постановление Правительства РС(Я) от 13 мая 2022 г. № 277 О внесении изменения в перечень ограниченно доступных, отдаленных и труднодоступных населенных пунктов Республики Саха (Якутия), утвержденный постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 23 декабря 2021 г. № 536 «О дифференцировании населенных пунктов Республики Саха (Якутия) по транспортной доступности и отдаленности для обеспечения жизнедеятельности населения» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202205160005> (дата обращения 29.04.2023)

15. Социально-экономическое развитие МР и ГО. Данные по муниципальным образованиям [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sakha.gov.ru/mestnoe-samoupravlenie/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-mr-i-go> (дата обращения 09.01.2023).

Antonina N. Savvinova

Institute of Natural Sciences,

North-Eastern Federal University M.K. Ammosov, Yakutsk

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF LIMITED ACCESSIBLE AND REMOTE SETTLEMENTS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Abstract. *The article deals with the main socio-economic problems faced by limited access, remote settlements. In the Republic of Sakha (Yakutia) 323 settlements belong to the limited accessibility, and remote, which is 55% of all settlements. The population considers the undeveloped transport infrastructure and territorial disparities in the level of its development to be the main problem.*

Keywords: *accessibility, limited accessibility, remote settlements, livelihood problems, database.*

УДК 911.3: 656.025.2

Самбуров К.В.¹, Самбурова С.А.²

¹ООО «Центр экономики инфраструктуры», г. Москва

²Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПАССАЖИРСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ДАЛЬНЕГО СЛЕДОВАНИЯ В ЗОНЕ ВЛИЯНИЯ БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

Аннотация. *В статье рассмотрена пространственная организация дальнего железнодорожного сообщения в пределах Байкало-Амурской магистрали. Приведены основные параметры, характеризующие её структуру, выделены крупнейшие объекты, определена роль вида перевозок в обеспечении пространственной мобильности жителей, а также основные тенденции развития дальнего железнодорожного комплекса.*

Ключевые слова: *поезда дальнего следования, освоенность территории, поворот на Восток.*

Байкало-Амурская магистраль (далее – БАМ) – одна из крупнейших железнодорожных магистралей мира – проходит по малоосвоенным территориям Сибири и Дальнего Востока, отличающихся суровыми

природными условиями, а также слабой заселённостью. До строительства магистрали средняя плотность сельского населения в пределах её зоны влияния составляла около 0,5 чел./км², а почти всё городское население было сосредоточено в городах Братск, Усть-Кут, Комсомольск-на-Амуре [1]. Дальнейшее формирования системы расселения территории было связано непосредственно с развитием железнодорожной сети: в период с 1974 по 1989 гг. в пределах зоны обслуживания магистрали было построено более 50 новых населённых пунктов [2].

Территория, обслуживаемая БАМом, с точки зрения транспортной освоенности [3] относится к маргинальной зоне, сформировавшейся под воздействием одного вида транспорта с древовидной транспортной сетью. В её пределах почти все пассажирские перевозки приходятся на железную дорогу – автобусное междугородное сообщение почти не развито, авиация обслуживает только крупнейшие города на магистрали. Таким образом, пассажирское железнодорожное сообщение является единственным видом транспорта, обеспечивающим пространственную мобильность жителей на всех иерархических уровнях – от местного до странового.

В качестве объекта исследования нами было выбрано 26 единиц АТД второго уровня в Амурской и Иркутской областях, Забайкальском и Хабаровском краях, а также в Республике Бурятия. Они полностью или частично входят в зону тяготения станций БАМа и соединительных линий (рис. 1). Суммарно по данным переписи населения 2020 г. в них проживает 1071 тыс. чел. [4], при этом численность населения в них постепенно уменьшается (за период с 2016 по 2021 гг. произошло сокращение на 7,9 %).

В пределах рассматриваемой территории поезда дальнего следования за период с 2016 по 2021 гг. останавливались суммарно на 254 станциях, что составляет 9,3 % от общего числа всех обслуживаемых поездами дальнего следования станций в России. Эти станции расположены в пределах 152 населённых пунктов (при этом только в Братске поезд останавливается более чем на одной станции), которые занимают 30,6 % от их общего числа в пределах зоны тяготения БАМа (в целом по России – 1,8 % населённых пунктов обеспечены дальним железнодорожным сообщением). Такое большое число стоянок обусловлено безальтернативностью связи для территории, а также технологическими особенностями доставки рабочих на объекты. В 2016 г. суммарно по станциям БАМа было отправлено 1887 тыс. пасс. (1,7 % от общего потока в поездах дальнего следования), при этом для станций изучаемых регионов характерен постепенный рост числа отправленных пассажиров при условии сравнительно низкой парности движения поездов дальнего следования: от 1 пары на участке от Тынды до Нового Ургала до 9 пар по станциям Братска. Таким образом, подвижность на дальнем железнодорожном транспорте – 1,71 поездок на 1 жителя в год (среднее значение – 0,73). Для отдельных территорий характерны и более высокие значения рассматриваемого показателя: так, для Верхнебуреинского района он равен 6,44, что подчёркивает социальную важность для территории дальнего железнодорожного сообщения.

Наибольшее число отправленных пассажиров в дальнем следовании приходится на крупнейшие города (рис. 1): Комсомольск-на-Амуре (282 тыс. пасс.), ТYNда (218 тыс. пасс.), Братск (162 тыс. пасс.), Северобайкальск (124 тыс. пасс.), Усть-Кут (101 тыс. пасс.), что относит их к категории больших и крупных узлов [5].

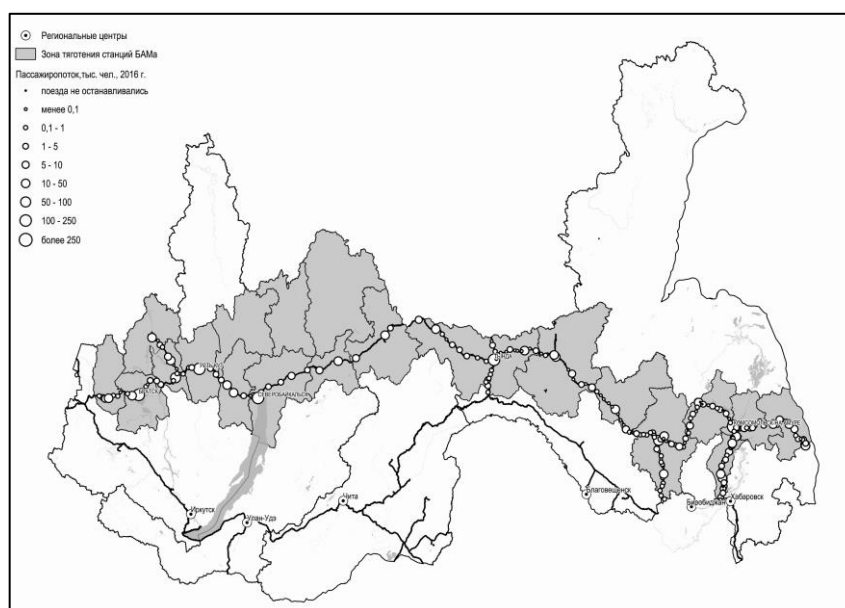

Рис. 1. Число отправленных пассажиров в поездах дальнего следования в пределах БАМа в 2016 г.

К группе населённых пунктов с числом отправленных пассажиров от 50 до 100 тыс. пасс. (средним узлам) относятся Новый Ургал и Железногорск-Илимский. Более мелкие объекты рассредоточены по территории магистрали равномерно и обслуживают посёлки и малые города.

К группе с числом отправленных пассажиров от 10 до 50 тыс. пасс. относятся уже 24 объекта, к группе от 5 до 10 тыс. пасс. – 16. При этом ряд станций такой крупности располагается вне пределов населённых пунктов. Наибольшим объектом из подобных является станция Улак в Зейском районе Амурской области (17 тыс. пасс.), которая обслуживает вахтовые потоки на Эльгинское угольное месторождение. Другим крупным подобным объектом является станция Гоуджекит (6,2 тыс. пасс.) в Северо-Байкальском районе Республики Бурятия, однако её развитие связано с туристической сферой – в её окрестностях расположен горнолыжный курорт. В целом для территории БАМа характерно большое количество станций вне населённых пунктов, на которых останавливаются поезда дальнего следования (100 из 178 станций вне населённых пунктов в России); при некоторых из них в ходе развития магистрали должны были быть созданы посёлки [2], однако в процессе строительства от этого было принято решение отказаться.

Говоря о динамике остановок поездов дальнего следования и вводе новых железнодорожных стоянок (рис. 2), стоит отметить, что в последние годы развивается строительство разъездов, и, соответственно, увеличивается количество стоянок. Это направлено на увеличение пропускной способности БАМа, что вызвано как ростом грузопотоков, отправляемых через порт Ванино, так и общей переориентацией грузопотоков на восток, связанной с текущей геополитической обстановкой. Большинство новых объектов было введено в эксплуатацию в пределах восточной части магистрали, а практически все отмены стоянок поездов дальнего следования не связаны с ликвидацией станций, как это было ранее. Причём ряд некогда ликвидированных разъездов был восстановлен: например, Московский Комсомолец в Тындинском районе Амурской области.

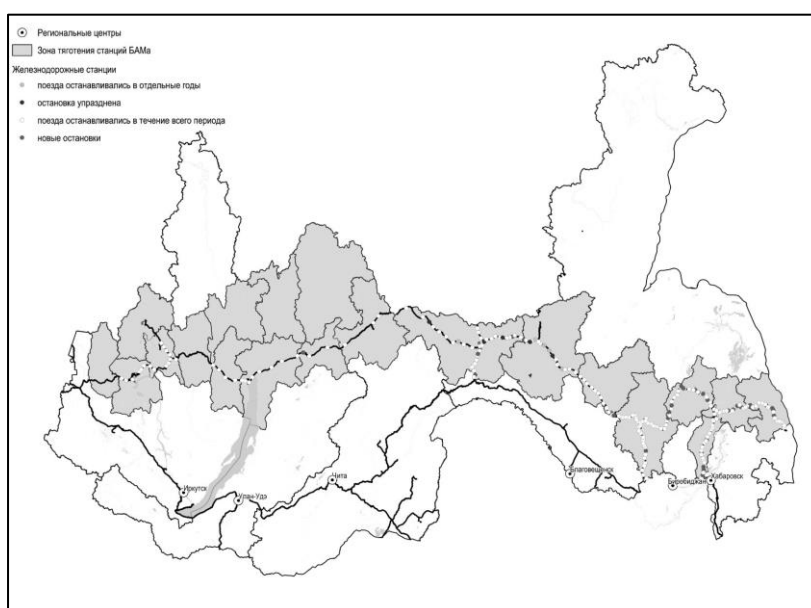

Рис. 2. Динамика остановок поездов дальнего следования в пределах БАМ в период с 2016 по 2021 г.

Подводя итоги анализа, отметим, что БАМ как объект железнодорожного транспорта уникален не только по своим параметрам длины, денежных и временных затрат на строительство, но и как объект пассажирского сообщения. Он аккумулирует сравнительно небольшие потоки, однако их роль для обеспечения мобильности жителей малоосвоенных территорий изучаемых регионов сложно переоценить. Дальнее железнодорожное сообщение выполняет важную социальную функцию, что подчёркивается как охватом населённых пунктов остановками поездов дальнего следования, так и параметрами подвижности населения. При этом на территории наблюдаются две разнонаправленные тенденции: рост числа перевезённых пассажиров и числа остановок при сокращении числа жителей. Это вызвано развитием БАМа как одной из важнейших магистралей в России – текущий проект БАМ 2.0 подразумевает строительство второго пути на протяжении всей железной дороги [6]. Однако даже такие крупные проекты не привлекают значительное число трудовых мигрантов – большинство предлагаемых вакансий – вахтовые. Разработка полезных ископаемых в пределах зоны тяготения также не подразумевает закрепления населения на территории. При этом развитие железнодорожной магистрали не приводит к развитию автодорожной сети и появлению новых подъездных путей. Автодублёр БАМа остаётся непроходимым для автотранспорта за исключением спецтехники на протяжении многих участков. Следовательно, дальнейшее пассажирское сообщение

будет сохранять своё уникальное значение для обслуживания населённых пунктов, расположенных в её пределах, а также будет постепенно развиваться как важное звено в происходящем «повороте на восток», однако это не приведёт к какому-то дополнительному импульсу для развития территории, который позволит закрепить население в зоне обслуживания БАМа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зайончковская Ж.А., Игнатьев Е.И., Кибальчич М.О., Шишкина О.В. Проблемы формирования населения в зоне БАМа // Вопросы географии. Вып. 105: Байкало-Амурская магистраль. М.: Изд-во Мысль, 1977. С. 112-126.
2. Байкалов Н.С. Исторический опыт формирования и развития населённых пунктов в зоне Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1970-е-1990-е гг.): дис. ... докт. ист. наук. / Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова. Улан-Удэ: 2022. 555 с.
3. Тархов С.А. Транспортная освоенность территории // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 2. С. 3-9.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Том 1. Численность и размещение населения [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/56580> (дата обращения: 29.01.2023).
5. Самбуров К.В. Географическое распределение пассажирских железнодорожных узлов России // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 121-130. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-10
6. БАМ 2.0. Строй будущее – зарабатывай сейчас [Электронный ресурс]. URL: <https://team.rzd.ru/career/projects/bam> (дата обращения: 30.01.2023).
- 7.

Kirill V. Samburov¹, Svetlana A. Samburova²
Center for the Infrastructure Economics LLC, Moscow
²M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

SPATIAL ORGANIZATION OF LONG-DISTANCE PASSENGER RAILWAY COMMUNICATION IN THE ZONE OF INFLUENCE OF THE BAIKAL-AMUR MAINLINE

Abstract. The article considers the spatial organization of long-distance railway communication within the Baikal-Amur mainline. The main parameters characterizing its structure are given, the largest objects are highlighted, the role of the type of transportation in ensuring spatial mobility of residents is determined, as well as the main trends in the development of the long-distance railway complex.

Keywords: long-distance trains, development of the territory, turn to the East.

УДК 914/919

Сидоров И.В.
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Аннотация. Исследование посвящено выявлению общих и географических особенностей формирования и функционирования выставок оборонно-промышленного комплекса России. Дано краткое описание всех выставок военной продукции в России. Выявлены особенности выставочной деятельности по степени территориальной концентрации выставок оборонно-промышленного комплекса. Отражены изменения географии выставок ОПК за 10 лет. Определены факторы, влияющие на локацию выставок военной продукции.

Ключевые слова: экономическая география, отраслевая выставка, выставочная деятельность, оборонно-промышленный комплекс.

Выставочная индустрия в РФ является относительно молодой отраслью сектора реальной экономики и рассматривается как эффективный инструмент социально-экономической политики государства, продвижения российских товаров и услуг, результатов научно-исследовательской и образовательной деятельности на отечественные и зарубежные рынки, формирования позитивного имиджа предприятия, города, региона или всей страны [1].

Выставочная деятельность способна не только продвигать определённые товары и услуги на рынок, но и способна развивать отдельные отрасли производства, в том числе и смежные с ними.

В настоящей сложной геополитической ситуации, особую роль играет оборонно-промышленный комплекс (ОПК), который обеспечивает не только военную безопасность, но и экономический рост нашей страны [2].

Одним из способов увеличения производства и развития ОПК является создание новых логистических цепочек, за счет расширения у предприятий ОПК сбыта продукции (причем не только военной, но и

гражданской) [3]. Для достижения подобных целей, необходимо заниматься организацией и проведением международных выставок вооружения, которые в свою очередь еще и формируют имидж страны [4].

К выставкам ОПК автор относит выставки, демонстрирующие военную продукцию – вооружение и военную технику, военно-техническое имущество и материальные средства для различных видов обеспечения воинских формирований, а также научно-техническую продукцию в военной сфере [5].

Данное исследование ориентировано на выявление географических особенностей конгрессно-выставочных мероприятий в области ОПК.

Таблица 1

Международные выставки продукции военного назначения на территории России

Название выставки	Место проведения	Количество участников (экспонентов)	Количество посетителей	Сезонность проведения
Международный военно-технический форум «Армия»	г. Кубинка (Московская область), КВЦ «Патриот»	1316	446000	ежегодно
Международный авиационно-космический салон «МАКС»	г. Жуковский (Московская область), аэродром ЛИИ имени М. М. Громова	803	460690	два раза в год
Международная выставка средств обеспечения безопасности государства «Интерполитех»	г. Красногорск (Московская область), МВК «Крокус Экспо»	372	20616	ежегодно
Международный военно-морской салон «МВМС» (IMDS)	г. Санкт-Петербург, ВК «Ленэкспо» – причальный комплекс «Морской вокзал»; КВЦ на территории туристско-рекреационного кластера «Остров Форт» в г. Кронштадт	353	100000	два раза в год
Международный салон средств обеспечения безопасности «Комплексная безопасность»	г. Кубинка (Московская область), КВЦ «Патриот»	268	40000	Ежегодно
Международная выставка и научная конференция по гидроавиации «Гидроавиасалон»	г. Геленджик (Краснодарский край), Аэропорт «Геленджик»	203	26000	два раза в год
Международная выставка вертолетной индустрии «МВВИ» (HeliRussia)	г. Красногорск (Московская область), МВК «Крокус Экспо»	114	12000	ежегодно
Выставка передовых технологий обеспечения безопасности личности, общества и государства «Экспотехностраж»	г. Санкт-Петербург, КВЦ «Экспофорум»	110	8000	ежегодно

Составлено автором по [9; 10; 11].

В условиях отсутствия разработанной географической методики и методологии изучения отраслевых выставок, автор отталкивался от опыта их изучения, изложенного в работах Т.И. Потоцкой, Е.В. Поповой [6; 7; 8], рассматривающих особенности территориальной организации выставочной деятельности.

В основу изыскания положена база данных, составленная автором с учетом как открытой информации, размещенной на официальных сайтах компаний, занимающихся организацией выставок; сайтах выставок ОПК, так и закрытой информации от Российского союза выставок и ярмарок (РСВЯ) [9; 10; 11]. При сборе информации учитывались только постоянно проводимые выставки в период 2018-2022 гг.

Ежегодно на территории России проводится 8 выставок (менее 1 % от всех отраслевых выставок России), посвященных ОПК, но при этом в них участвует свыше 3,5 тыс. экспонентов (около 21 % совокупного количества участников всех отраслевых выставок России), а посетили эти выставки свыше 1 млн чел.

Несмотря на небольшое число выставок военной продукции, все они являются уникальными и единственными в своем роде.

В ходе изучения географии выставок ОПК было выявлено несколько общих особенностей.

Во-первых, все выставки являются международными, здесь присутствуют как отечественные, так и иностранные участники. Причём в ряде выставок («Армия», «МАКС») доля иностранных экспонентов превышает 10 %. Присутствуют экспоненты из стран ближнего (Беларусь, Казахстан) и дальнего зарубежья (Китай, Индия, Иран, Чили, Бразилия и др.). Международный статус подчеркивает важность данных выставок и заинтересованность других стран в военной продукции.

Во-вторых, выставки имеют торговую политику «B2B» (business-to-business) – выставки, ориентированные на отраслевых специалистов и на активное участие компаний-производителей и торговых компаний (именно поэтому в процессе их работы проходят деловые встречи и форумы). В отдельные дни на выставках могут присутствовать обычные посетители. Для выставок ОПК характерна также торговля «B2G» («business-to-government»), что очень редко встречается на других отраслевых выставках. Такая торговая политика обозначает продажу товаров или услуг государственным учреждениям и госкомпаниям, что неудивительно, ведь военная продукция является сферой интереса различных государственных структур.

В-третьих, выставки проходят только на территории крупных выставочных комплексов (ВДНХ, «Крокус Экспо», «Ленэкспо», «Патриот») и занимают значительную выставочную площадь («МАКС» – свыше 1 тыс. м², «Армия» – более 90 тыс. м², «Комплексная безопасность» – около 30 тыс. м² и т.д.). Такие масштабы говорят об особенностях экспонируемой продукции, занимающей большую площадь (военная техника, оборудование).

В-четвертых, для привлечения большего количества участников – экспонентов и посетителей, увеличение экономического эффекта от участия в выставочном мероприятии, выставки ОПК предлагают не только продукцию военного назначения. Так, выставки «МАКС», «HeliRussia» демонстрируют также гражданскую продукцию, выставки «Интерполитех», «Экспотехностраж», «Комплексная безопасность», «Гидроавиасалон» демонстрируют продукцию для различных ведомств (МВД, МЧС, Росгвардия). Только такие выставки как «Армия» и «Международный военно-морской салон» предлагают исключительно военно-техническую продукцию.

В-пятых, отличительной чертой выставок ОПК является участие в их организации не только частных компаний (ООО «ОВК «Бизон», ОАО «Авиасалон»), но и государственных ведомств, организатор выставки «Армия» – Минобороны России, «Комплексная безопасность» – МЧС России, «Экспотехностраж» – Росгвардия, «HeliRussia» – Минпромторг России, что говорит о важности проведения подобных выставок для государства.

Что касается географии проведения выставок ОПК, то за последнее время произошли серьезные перемены. Общее число выставок за 10 лет почти не изменилось, но география их проведения заметно уменьшилась (см. таб. 2).

Таблица 2

Сравнительные данные по числу проводимых выставок военной продукции в субъектах России

Субъект РФ	Количество выставок в 2010-2011 гг.	Количество выставок в 2021-2022 гг.
Москва	2	0
Московская область	2	5
Санкт-Петербург	2	2
Омская область	1	0
Свердловская область	1	0
Краснодарский край	1	1

Составлено автором по [9; 10; 11].

Произошло укрупнение выставок и их концентрация в столичном регионе, за счет переноса из других субъектов России. Так, выставка ВТТВ-Омск и Russia Arms Expo (Нижний Тагил) объединены в одну «Армия» и проводятся в Московском регионе. Также часть выставок, проводимых в Москве перенесены в область: «Интерполитех» из ВДНХ в Москве в МВК «Крокус Экспо» г. Красногорск и «Комплексная безопасность» – из ВДНХ в КВЦ «Патриот» в г. Кубинка. Эти изменения произошли по ряду причин:

1. В Московской области за последние 10 лет улучшена выставочная инфраструктура (наличие двух крупных выставочных центров – «Крокус Экспо» и «Патриот»), а значит, увеличилась и выставочная площадь, которая необходима выставкам ОПК. Благодаря близости к Москве выставки по-прежнему привлекательны для экспонентов (особенно иностранных) и для посетителей (развитая транспортная инфраструктура);

2. Выставка в Омске, представлявшая отечественную продукцию от предприятия «Омсктрансмаш» и выставка в Нижнем Тагиле – «Уралвагонзавод», проходили параллельно и конкурировали друг с другом, потому что, посвящены были однотипному сухопутному вооружению. Объединение выставок и их пере-

нос в столичный регион позволило сформировать одну крупнейшую в России выставку вооружений («Армия») и ликвидировать конкуренцию, что, в свою очередь, позволило привлечь большое количество участников.

Отсутствие конкуренции между всеми выставками ОПК также является отличительной их чертой от большинства отраслевых выставок.

Резюмируя, можно отметить, что крупнейшие в России выставки ОПК изначально проводились в городах, имеющих специализацию по производству военной продукции (Омск, Нижний Тагил). Но в настоящее время эти выставки проходят в центрах с большим ёмким рынком и лучшей транспортной доступностью (Московская область и Санкт-Петербург).

Основным географическим выводом, можно считать выделение общих и специальных факторов, влияющих на локацию выставок военной продукции в России.

К общим факторам можно отнести: экономический потенциал территории и ёмкость рынка (это влияет на число экспонентов и посетителей); наличие развитой выставочной инфраструктуры (специализированные выставочные комплексы и центры, наличие выставочных организаций, наличие необходимого числа гостиниц, отелей); транспортная доступность региона, позволяющая принимать товары, посетителей и участников из разных регионов России и других стран.

К специальным факторам, автор относит: наличие специфических условий для демонстрации военной техники. Так, для выставок авиации и космонавтики необходим аэродром, для выставок, демонстрирующих военно-морскую тематику – выход к открытому морю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Краткий словарь терминов и ключевых понятий ивент индустрии. Индустрия встреч». Библиотека выставочного научно-исследовательского центра. Санкт-Петербург, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruef.ru/bazaznaniy/izdaniya/koriya-rc-kratkiy-slovar-terminov-i-klyuchevyh-ponyatiy-ivent-industrii-industriya-vstrech.html#/> (дата обращения: 10.12.2022).
2. Анализ роли оборонно-промышленного комплекса в экономике России / А.М. Батьковский, М.А. Батьковский, П.В. Кравчук, Е.Ю. Хрусталева // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5-1 (87). С. 85-88.
3. Пронин А.Ю. Диверсификация оборонно-промышленного комплекса – инновационный путь развития экономики России / А.Ю. Пронин // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11-3 (69). С. 10-14.
4. Назаров А.Д. Роль выставочной деятельности в развитии авиации и космонавтики в современной России / А.Д. Назаров // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 2 (54). С. 391-402.
5. Полковницкая П.В. Сущность и назначение выставок продукции военного назначения / П.В. Полковницкая // Юридический мир. 2017. № 12. С. 52-56.
6. Потоцкая Т.И. Международные ювелирные выставки. Смоленск: Изд-во «Маджента», 2005. 160 с.
7. Потоцкая Т.И. Ювелирное выставочное движение России // Маркетинг в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 47-52.
8. Потоцкая Т.И., Попова Е.В. Туристские Выставки России: региональные особенности развития // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 47. С. 44-50.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.07.2021 г. № 1846-р. Перечень международных выставок продукции военного назначения, проводимых на территории Российской Федерации в 2022 и 2023 годах. [Электронный ресурс], URL: <http://government.ru/docs/all/135510/> (дата обращения: 10.12.2022).
10. Российский союз выставок и ярмарок. Статистический обзор выставочной и конгрессной деятельности членов РСВЯ в 2019 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruef.ru/proekty-rsvya/statistika/statisticheskiy-obzor-vystavki-proshedshie-audit.html#/> (дата обращения: 10.12.2022).
11. EXPONET.RU – профессиональный интернет-портал выставочной индустрии. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exponet.ru> (дата обращения: 27.11.2021).

Igor V. Sidorov

Smolensk State University, Smolensk

«GEOGRAPHICAL FEATURES OF EXHIBITION ACTIVITY IN THE MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA»

Abstract. The research is devoted to the identification of general and geographical features of the formation and functioning of exhibitions of the Russian military-industrial complex. A brief description of all exhibitions of military products in Russia is given. The peculiarities of exhibition activity according to the degree of territorial concentration of exhibitions of the military-industrial complex are revealed. Changes in the geography of defense industry exhibitions over 10 years are reflected. The factors influencing the location of exhibitions of military products are determined.

Keywords: economic geography; industry exhibition; exhibition activities; military-industrial complex.

**ПОЛИМАСШТАБНЫЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. На материалах Тверской области рассматривается вопрос о согласованности классификаций сельских территорий, выполненных для двух территориальных уровней – районов и сельских поселений. Для классификации выбраны три ключевые признака – каркаемость территории, ее функции, развитость сельского расселения. Исследование показало, что характеристика района складывается из тех черт, которые присущи лишь небольшому числу территориальных единиц, расположенных вокруг районного центра.

Ключевые слова: муниципальные районы, Тверская область, сельские территории, каркаемость, функции территории, сельское расселение, рекреационный потенциал.

Проблема комплексного развития сельских территорий¹³ определяет востребованность исследований, связанных с группировкой территориальных единиц определенного уровня по особенностям их развития. На протяжении уже многих лет такие исследования проводятся в разных отраслях науки (географии, экономике, социологии и др.). Разнообразие получаемых результатов определяется не только принадлежностью исследователей к различным областям знания. Большую роль играют наличие информации и фантазия авторов. Часто встречаются исследования, содержащие группировки муниципальных районов того или иного субъекта РФ. В качестве примеров можно назвать работы по Бурятии [1], Новгородской [2], Пензенской [3] и другим областям.

Данная статья имеет цель не столько представить еще один подход к классификации сельских территорий, сколько продемонстрировать неизбежные упрощения в характеристиках территорий, которые вскрываются при переходе от одного территориального уровня к другому. В рамках одного исследования очень редко рассматривается территориальная дифференциация на нескольких, хотя бы двух, уровнях. Один из немногих примеров – работа А.С. Наумова с соавторами [4], где помимо типологии всех субъектов РФ рассмотрен кейс Брянской области. Однако для характеристики субъектов и внутриобластных территорий в ней использован не одинаковый набор показателей, что не позволяет сопоставлять результаты, полученные на разных территориальных уровнях.

В данной работе, на материалах Тверской области, рассматривается вопрос о соответствии, или согласованности, классификаций сельских территорий, выполненных на двух территориальных уровнях – районов и сельских поселений. Термин «сельская территория» не синонимичен «сельской местности». Он обозначает сельскую составляющую некоторой территории, рассматриваемой в официальных границах. Понимание сельской местности было изложено ранее [5].

При классификации районов (или аналогичных им муниципальных образований) были выбраны три ключевых признака – каркаемость (транспортное и метрополитенское положение) территории, ее функции, развитость сельского расселения. Также оценивался рекреационный потенциал районов. Сочетание трех основных признаков дает 11 вариантов, или классов, районов (рис. 1). Самый многочисленный (9 единиц) – прикаркасные сельскохозяйственные районы. Все они имеют развитую сеть СНП. Второй по численности класс – глубинные районы без выраженных функций и с неразвитой сетью СНП (7 единиц). Таким образом, наиболее наполненными являются крайние, состоящие из наиболее и наименее освоенных районов, классы. К остальным девяти классам принадлежат 20 районов. Наполненность всех этих классов невелика – от 1 до 3 единиц.

Хорошо просматривается основная черта территориальной структуры Тверской области. В центральной части прикаркасные районы образуют неоднократно описанный «Тверской треугольник» – наиболее освоенную часть территории области, ограниченную воображаемыми линиями Ржев – Вышний Волочек – Кимры. Ядро треугольника составляет возглавляемая Тверью группа сельскохозяйственных районов с развитой сетью СНП, основание совпадает с границей Тверской и Московской областей. Единственный прикаркасный район вне этого треугольника – Бежецкий. К треугольнику в основном примыкают срединные районы, а далее к северо-востоку и юго-западу от него расположены глубинные части области с преобладанием районов без выраженных функций и неразвитой сетью СНП.

¹³ Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554801411>

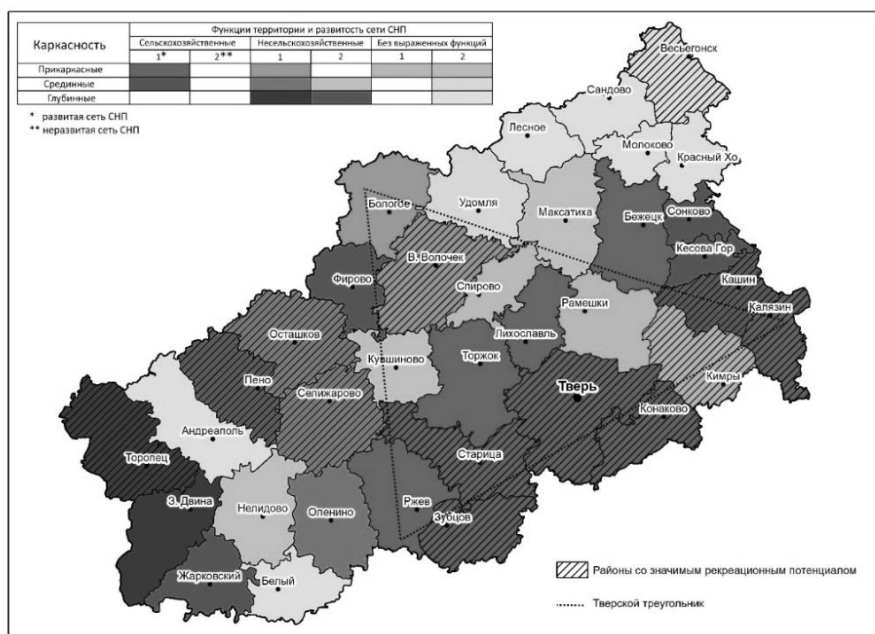

Рис.1. Классификация муниципальных районов Тверской области

Для составления внутрирайонной классификация сельских территорий был выбран Торжокский район, который относится к самому «благополучному» классу сельских районов – прикаркасным, сельскохозяйственным, с развитой сетью расселения. Для анализа взяты 22 территориальные единицы, которые соответствуют бывшим сельским поселениям, существовавшим до 2017 г. Они для удобства были названы локальными сельскими территориями (ЛСТ).

Как и при работе с районами, классификация ЛСТ проводилась поэтапно. Сначала 22 территории были сгруппированы по признаку каркасности. Представленность прикаркасных, срединных и глубинных территорий оказалось почти равной (7, 8 и 7 случаев). К прикаркасным отнесены территории, по которым проходят федеральные трассы М10 и М11, а также расположенные в пригороде Торжка.

По функциональному типу рассматриваемые территориальные единицы разделены на сельскохозяйственные (9 ЛСТ), несельскохозяйственные (4) и без выраженных функций (9). Как и при классификации районов, третьим рассматриваемым признаком была развитость системы расселения. В отличие от районного уровня, где сильна дифференциация в сети СНП и различия видны невооруженным взглядом, для локальных сельских территорий потребовалось введение специальных параметров для оценки расселения. Были выбраны два показателя – численность населения центра ЛСТ (действующего или бывшего СП) и средняя людность остальных СНП. На основе этих признаков ЛСТ были объединены в три группы по развитости расселения: развитые, переходные и неразвитые, в которых насчитывается соответственно 8, 6 и 8 территорий.

Итоговая классификация ЛСТ Торжокского района по сочетанию трех главных признаков – каркасности, функций и расселения – включает 11 вариантов, или классов (рис. 2). Шесть классов насчитывают по одной ЛСТ. Самым многочисленным (5 ЛСТ) оказался наименее благополучный класс – глубинные территории без выраженных функций и с неразвитой сетью СНП. На втором месте – сравнительно благополучный класс – срединные сельскохозяйственные территории с развитой сетью СНП (4 ЛСТ). В наиболее благополучный класс (прикаркасные сельскохозяйственные с развитой сетью СНП) вошла только одна ЛСТ.

Степень сходства отдельной локальной территории с районом в целом оценивалась по количеству общих черт. Высокая степень подобия отмечалась у тех территорий, где совпали все три признака, средняя – любые два, низкая – один. Оказалось, что на внутрирайонном уровне лишь три ЛСТ в полной мере отвечают этим характеристикам (рис. 3). В то же время ЛСТ с низкой степенью соответствия или вообще без совпадения рассматриваемых характеристик в основном находятся на периферии района. Как видно, расположение территорий с разной степенью сходства с общерайонными характеристиками в значительной мере соответствует центр-периферийной модели.

Сопоставление результатов классификаций, составленных на двух территориальных уровнях с одним и тем же набором признаков, позволило продемонстрировать те упрощения в представлениях о территории, которые неизбежно возникают при переходе от внутрирегионального уровня к внутрирайонному.

Портрет района зачастую складывается из тех черт, которые присущи лишь небольшому числу территориальных единиц, расположенных вокруг центра.

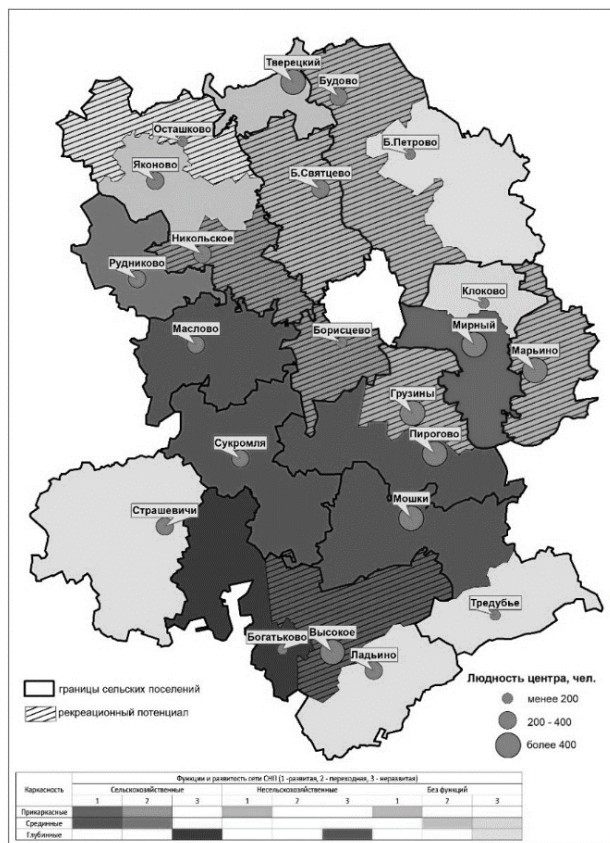

Рис. 2. Интегральная группировка локальных сельских территорий Торжокского района

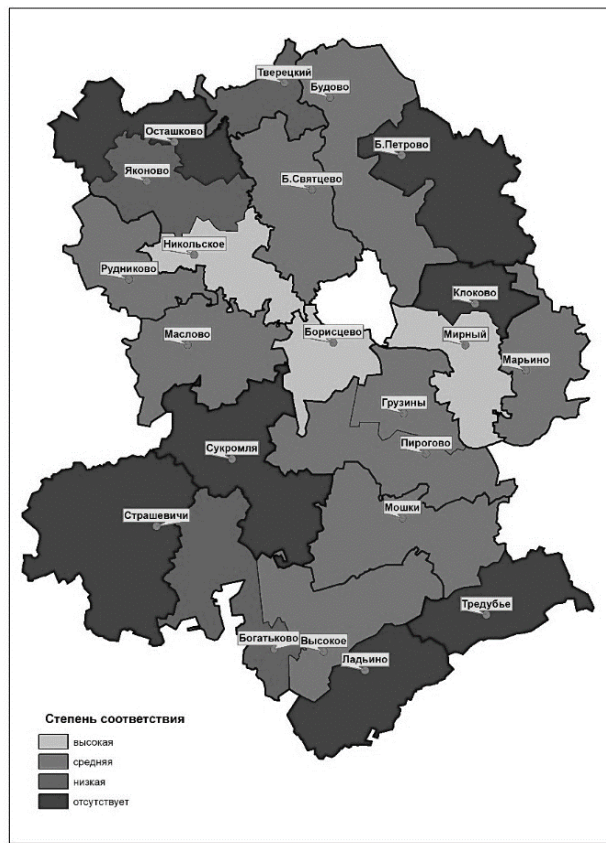

Рис. 3. Соответствие характеристик локальных сельских территорий районным

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антохонова И.В., Будажданаева М.Ц. Типологический подход к управлению социально-экономическим развитием сельских территорий региона // Проблемы современной экономики. 2016. № 4. С. 154-158.
2. Гришкина Н.И., Семенова А.В. Классификация сельских территорий как логическая операция оценки социально-экономического развития региона // Вестник РГТУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2018. № 1. С. 70-90. <https://doi.org/10.28995/2073-6304-2018-1-70-90>
3. Павлов А.Ю. Типологизация сельских территорий по уровню и устойчивости социально-экономического развития // International agricultural journal. 2019. № 4. С. 346-360.
4. Наумов А.С., Рубанов И.Н., Аблязина Н.Х. Новые подходы к типологии сельских территорий России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2021. № 4. С. 12-24.
5. Ткаченко А.А., Смирнова А.А., Смирнов И.П. Опыт географической классификации сельских районов Тверской области // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 3. С. 6-18.

Цыа P. Smirnov, Alexandra A. Smirnova, Alexander A. Tkachenko
Tver State University, Tver

A POLY-SCALE APPROACH TO THE CLASSIFICATION OF RURAL TERRITORIES (THE EXAMPLE OF THE TVER REGION)

Abstract. Based on the materials of the Tver region, the issue of the consistency of classifications of rural areas made for two territorial levels – districts and rural settlements is considered. Three key features were chosen for the classification – the frame structure of the territory, its functions, and the development of rural settlement. The study showed that the characteristics of the district are made up of those features that are inherent only in a small number of territorial units located around the district center.

Keywords: municipal districts, Tver region, rural areas, frame structure, territory functions, rural settlement, recreational potential.

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ КЛАСТЕР РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА

Аннотация. В статье рассматривается значение лесопромышленного кластера Республики Карелия в региональной экономике, характеризуются сильные и слабые стороны реализации его потенциала. Особое внимание уделено выявлению особенностей территориально-отраслевой структуры предприятий, связанных с деревообработкой и целлюлозно-бумажным производством, обоснованию причин их размещения и направлениям ее совершенствования.

Ключевые слова: лесопромышленный кластер, территориально-отраслевая структура, Республика Карелия.

Региональный лесопромышленный кластер (РЛПК) – это группа предприятий, а также связанных с ними производств и услуг, компактно размещенных на определенной территории, технологически и экономически взаимодействующих между собой с целью производства конкурентоспособной лесопромышленной продукции [4].

Как и любая другая территориально-производственная система, РЛПК является сложным образованием (рис. 1). Ядро ЛПК представлено предприятиями по обработке древесины с относительно высокой добавленной стоимостью; вспомогательные направления – предприятиями лесозаготовки, сервисными организациями и учреждениями, занимающимися его обслуживанием. Отмечается наличие в составе кластера профессиональных объединений лесопромышленников, а также управленческого компонента.

Рис. 1. Модель внутренней структуры РЛПК

Полнота внутренней структуры РЛПК, в том числе отраслевая наполненность, наличие эффективных связей между составляющими имеют решающее значение для тех регионов России, где технологии лесопользования являются территориальнообразующими видами деятельности.

Цель представленной работы – выявление особенностей территориально-отраслевой структуры РЛПК Карелии на современном этапе для обозначения направлений ее совершенствования с учетом обновления схемы лесопромышленного цикла.

Карелия входит в состав Северо-Западного федерального округа, занимающего по запасам древесных ресурсов лишь 3-е место по стране (12,3 % лесов России), уступая Сибирскому и Дальневосточному, но уже по объемам заготовки древесины он поднимается на 2-е место (58,6 млн м³ в 2020 г.). Лесопромышленный кластер СЗФО отгружает около 27 % всей произведенной отраслью продукции страны [2]. Данные объемы обусловлены исторически сложившимся характером освоением лесов, развитием активной деревообработки и целлюлозно-бумажного производства в регионах округа.

Леса занимают около 53 % территории Карелии, что составляет 1,1 % от лесного фонда России, их общая площадь равна 14,9 млн га. Доля республики в заготовке древесины – 13,6 % объема СЗФО (3,6 % – России), что равноценно 8 млн м³/год. Стоит отметить, что Карелия не входит в топ-20 самых лесистых

регионов РФ, но находится на одном из первых мест по доле деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных производств в региональной структуре обрабатывающих производств (в 2021 г. – 65,4 % стоимости оборота организаций крупного и среднего бизнеса) [5].

В отрасли лесоводства и лесозаготовки занято 2 % от населения республики, обработке древесины и производства изделий из дерева – еще 1,6 %, производстве бумаги и бумажных изделий – 2,9 %. Общее же число занятых в видах деятельности, образующих ядро РЛПК, составляет 6,5 %, что значительно выше среднероссийского показателя [3].

Кроме того, РЛПК занимает важное место в территориальном разделении труда. За 2020 г. объем экспорта продукции ЛПК Карелии составил \$282 млн. По этому показателю регион находился на 9-м месте в стране. При этом весь экспорт из Карелии за 2020 г. составил \$700 млн. В основном экспортировались «Древесина и изделия из нее» (40 % от общей стоимости экспорта РЛПК), «Книги, бумага, картон» (38 %) [5].

В целом, Республика Карелия имеет ряд преимуществ, которые должны способствовать стимулированию развитию РЛПК:

- 1) выгодное приграничное положение, близость потребителей древесины в России и Европе;
- 2) больше половины лесов Карелии составляют ценные хвойные породы. Качество карельской древесины признано на международном уровне;
- 3) наличие производственных площадок, накопленный трудовой опыт в видах деятельности, которые считаются традиционными для региона и др.

Однако в РЛПК существуют проблемы, которые не позволяют реализовать весь накопленный потенциал: истощение эксплуатационных запасов древесины в зонах расположения действующих предприятий и путей сообщения; недостаточная точность учета лесных ресурсов; недостаточное качество лесовосстановления; низкий технический уровень лесохозяйственных работ; слабо развитая дорожная инфраструктура леса; отсутствие четкой схемы взаимодействия всех лесопромышленных отраслей; относительно низкие цены на поставляемую на экспорт древесину.

Нельзя не отметить и взаимосвязанные процессы депопуляции населения и сокращения объемов лесозаготовок/лесопиления – технологической базы для всего РЛПК. Темпы депопуляции в регионе превышают среднероссийские. За последние 30 лет население Карелии уменьшилось приблизительно на 170,0 тыс. и составило в 2020 г. 622,5 тыс. чел. [5]. Эти данные сильно коррелируют с тенденциями в производстве, например, в сокращении выпуска пиломатериалов (рис. 2).

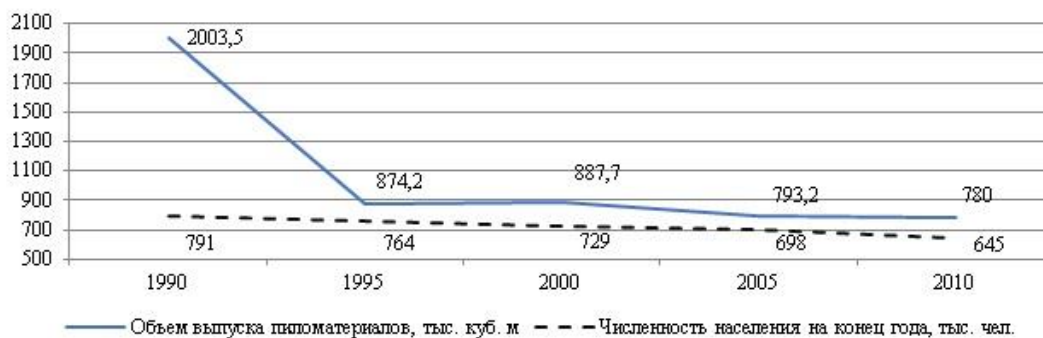

Рис. 2. Объем выпуска пиломатериалов и численность населения Республики Карелия, 1990-2010 гг. (по данным Росстата)

В связи с указанными проблемами важно выстраивать такую стратегию развития РЛПК Карелии, которая позволила бы преодолеть их в среднесрочной перспективе. Для выявления потенциальных точек роста, а также для выявления региональных диспропорций в его развитии рассмотрим территориально-отраслевую структуру кластера. Используем для этого метод энергопроизводственных циклов [1].

Нами была проанализирована база данных сайта gusprofile.ru для установления числа предприятий малого, среднего и крупного бизнеса, работающих в рамках ядра регионального ЛПК. В результате проделанной работы была составлена таблица, в которой охарактеризовано 262 компании, занимающиеся лесопромышленной деятельностью. По этим компаниям были собраны данные об их месте размещения, основных видах деятельности по группам в ОКВЭД-2.

Статистические данные позволяют говорить о важности для региона таких групп видов деятельности, как: «Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения»; «Производство бумаги и бумажных изделий». Рассмотрение собранных данных позволяет определить плотность лесопромышленных предприятий по районам республики (рис. 3).

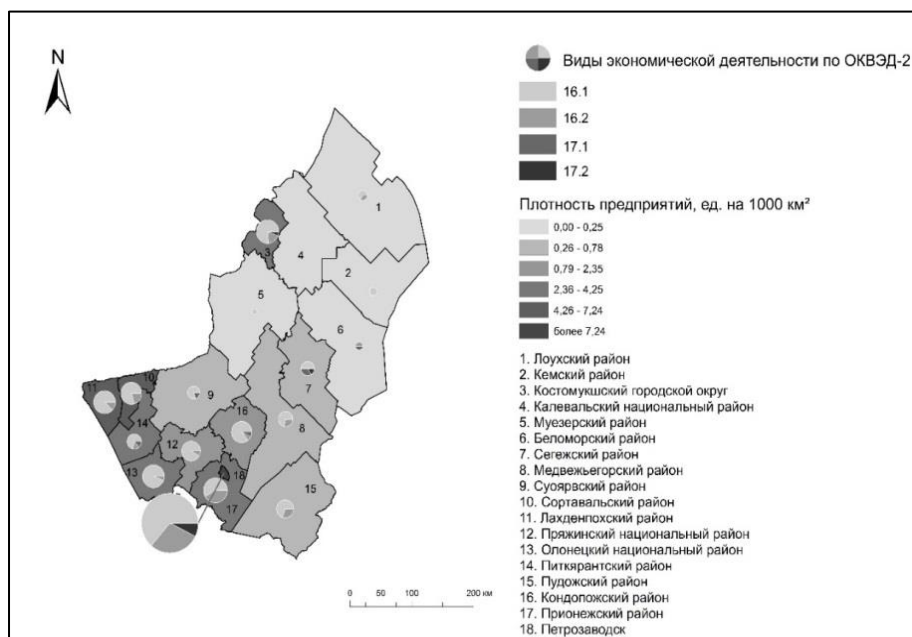

Рис. 3. Территориально-отраслевая структура ЛПК Республики Карелия (выполнено автором по данным сайта Rusprofile.ru)

Приведённые данные позволяют говорить о расположении наибольшего количества предприятий в основных городах региона, а также рядом с южной границей Карелии с Ленинградской и Вологодской областями. Подобная география лесоперерабатывающих и обрабатывающих предприятий подчиняется факторам и условиям наличия трудовых ресурсов, развития производственной и логистической инфраструктуры, выгодного транспортно-географического положения, потребления продукции. Сырьевой фактор имеет подчиненное (второстепенное) значение, несмотря на высокий лесоресурсный потенциал региона.

Таблица 1

Отраслевая структура предприятий ЛПК по муниципальным образованиям Карелии

Районы	Кол-во предприятий, занимающихся ВЭД 16.1.	Кол-во предприятий, занимающихся ВЭД 16.2.	Кол-во предприятий, занимающихся ВЭД 17.1.	Кол-во предприятий, занимающихся ВЭД 17.2.
Петрозаводск	70	32	0	8
Костомукша	13	3	0	1
Сортавала	12	3	0	0
Лоухский р-н.	2	1	0	0
Калевальский р-н.	0	0	0	0
Кемский р-н.	2	0	0	0
Беломорский р-н.	0	1	1	0
Муезерский р-н.	1	0	0	0
Сегежский р-н.	3	0	2	1
Медвежьегорский р-	5	2	0	0
Суоярвский р-н.	4	0	1	0
Лахденпохский р-н.	14	2	0	0
Питкярантский р-н.	5	1	1	0
Кондопожский р-н.	12	1	1	0
Пряжинский р-н.	11	1	0	0
Олонецкий р-н.	15	1	0	0
Прионежский р-н.	11	8	0	0
Пудожский р-н.	7	3	0	0
Итого	187	59	6	10

Составлено автором по данным базы сайта Rusprofile.ru.

Рассматривая отраслевую структуру предприятий ЛПК Карелии (табл. 1), можно отметить, что северные территории занимают в основном распиловкой и строганием древесины (16.1), то есть начальными стадиями лесопромышленного ЭПЦ, хотя данный ВЭД представлен во всех муниципальных образованиях, кроме Беломорского района. Он – лидер и по числу предприятий РЛПК. Более сложное производство – выпуск фанеры и шпона (16.2), другие завершающие стадии цикла, представленные производством готовых изделий из древесины, расположены в столице региона – Петрозаводске, приграничном Прионежском районе. Для таких предприятий решающим фактором будет ориентация на расположенные рядом рынки сбыта продукции не только в республике, но и других регионах Северо-Западного и Центрального Федеральных округов.

Относительно ограниченная география размещения предприятий у производств, занятых выпуском целлюлозы и бумаги (17.1): они расположены вблизи Ладожского и Онежского озёр. Выпуск готовых изделий из бумаги и картона (17.2) ориентирован преимущественно на потребителя.

Подводя итог, стоит обратить внимание, что в Республике Карелия нет муниципального образования, отраслевая структура которого была бы дифференцирована по всем четырём ВЭД. С другой стороны, только два муниципальных района Карелии имеют одно предприятие, либо не имеют таковых в области лесопереработки.

Лесной потенциал региона используется в недостаточной степени, в особенности непропорционального развития разных стадий отраслевого ЭПЦ, что можно объяснить разными социально-экономическими факторами, а также недостаточностью мер по поддержке специализированных предприятий, в том числе малого и среднего бизнеса. Ещё одной слабой стороной развития РЛПК является недостаточность утилизационных технологий в области переработки отходов лесопромышленной деятельности. Нельзя не отметить и недостаточное использование технологий гибкой специализации, направленную на повышение разнообразия готовых изделий из древесины на внутреннем рынке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Казаков Б.А., Лучников А.С. К вопросу использования концепции энергопроизводственных циклов для развития лесопромышленного кластера Пермского края // Вестник Твер. гос. ун-та. Сер.: География и геоэкология. 2019. № 2. С. 39-55.
2. Киселёва А.А. Кластерные основы и методический инструментарий конкурентного развития регионального лесопромышленного комплекса: дис. ... канд. экон. наук / 08.00.05. Пермь, 2015. 183 с.
3. Лесной план Республики Карелия. [Электронный ресурс]. URL: https://gov.karelia.ru/upload/iblock/ffb/12_2_562_704.pdf (дата обращения 08.02.2023).
4. Лучников А.С., Гладких Т.С. Современная территориально-отраслевая организация лесопромышленного кластера Пермского края // Прошлое, современное состояние и перспективы развития географических систем: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2014. С. 193-198.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 08.12.2022).

УДК 332.1:001.895

**Степанов А.В., Бурнасов А.С.,
Валиахметова Г.Н., Илюшкина М.Ю.**
*Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента
РФ Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

ВНЕШНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В условиях турбулентности мировой экономики, экономические санкции, введенные западными странами в период 2014-2022 гг. против Российской Федерации кардинально изменили стратегию индустриальных регионов России. Наиболее уязвимым звеном становится обрабатывающая промышленность, которая в отличие от других отраслей материального производства, глубоко вовлечена в структуру международного географического разделения труда. На примере Свердловской области, классического индустриального региона РФ, рассматриваются тенденции трансформации стратегии промышленного развития, через разработку программ импортозамещения и сохранения хозяйственной динамики региона.

Ключевые слова: санкции, промышленный регион, импортозамещение, Россия, Свердловская область, отраслевая и территориальная структура хозяйства.

В сложившихся геоэкономических условиях с высокими экономическими рисками сталкиваются, в первую очередь, промышленные регионы России с их специализацией на отраслях топливно-энергетического комплекса и обрабатывающей промышленности, с ярко выраженной экспортной ориентацией и зависимостью от импорта комплектующих, а также глубокой вовлеченностью в международное разделение труда и функционированием цепочек добавленной стоимости [1]. Соответственно, поиск путей адаптации промышленного сектора России к новым геоэкономическим реалиям приобретает исключительную академическую и политическую актуальность.

Промышленные регионы России наиболее «болезненно» реагируют на изменившуюся «нерыночную» конъюнктуру. ЕС запретил покупку в России угля, продукции чёрной металлургии, лесной и деревообрабатывающей промышленности, а принятый недавно десятый пакет санкций предполагает постепенный отказ от российской нефти и природного газа. Соответственно, в регионах с экспортной промышленной специализацией санкционные запреты могут относительно быстро привести к экономической стагнации и рецессии, а также росту безработицы со всеми вытекающими отсюда последствиями социально-экономического и политического характера [2].

Структура промышленности Свердловской области всегда отличалась относительно высокой степенью устойчивости к внешним и внутренним вызовам, как в эпоху планово-административной модели развития, так и в период рыночных реформ. Однако в силу уникальности текущих условий санкционного давления на Россию последствия ухода глобальных экономических акторов из промышленного сектора региона оценить довольно сложно.

В экономике Свердловской области главным «пострадавшим» от введения санкций, на наш взгляд, следует считать мирового производителя титана и титановых сплавов «ВСМПО-АВИСМА» (г. Верхняя Салда). Отказ ТНК «Boeing» и «Airbus» (60 % совокупного экспорта России) от покупки титана и титановых сплавов ставит перед данным предприятием довольно сложную задачу оперативно переориентироваться на новые рынки. Ситуацию усугубляет приостановка сотрудничества с британским производителем авиадвигателей «Роллс-Ройс». Для «ВСМПО-АВИСМА» альтернатива просматривается в совместном с КНР проекте производства широкофюзеляжных самолетов и расширении внутреннего спроса на титан при производстве гражданских самолетов «МС-21» и «Сухой Суперджет-150». Мультипликативный эффект санкций западных стран может негативно сказаться и на функционировании титанового кластера, формирующегося в особой экономической зоне «Титановая долина».

Аналогичная картина наблюдается у Уральского завода гражданской авиации (УЗГА, г. Екатеринбург), который в 2016 г. заключил соглашения с концерном «Airbus» на производство вертолетов, и с французской фирмой «Turbotec» на сборку и ремонт авиационных двигателей. Однако в связи с санкциями предприятие вынуждено переориентироваться на импортозамещение в производстве малой авиации (легкого многоцелевого самолета ЛМС-901 «Байкал», учебно-тренировочного самолета «Diamond DA-42T», вертолетов санитарного назначения «Bell-407»).

Санкции стали технологическим вызовом и для транспортного машиностроения Свердловской области. Так, завод «Уральские локомотивы» в рамках реализации проекта по производству комплектующих для скоростных электропоездов «Ласточка» активно включился в замещение поставок украинских электродвигателей и продукции ТНК «Siemens», заявившей об уходе с российского рынка в апреле 2022 г. Следует подчеркнуть, что в данном проекте уровень импортозамещения уже в 2017 г. составлял 62 %, а в 2019 г. увеличился до 80 %. К настоящему времени перед заводом стоит задача довести локализацию производства комплектующих для «Ласточек» до 100 % путем наращивания доли российских предприятий-смежников в производстве электровозов с асинхронным двигателем, обеспечив в первую очередь долгосрочную загрузку региональных компаний, которые будут поставлять более половины деталей для нового городского экспресса. Иными словами, замена цепочек добавленной стоимости должна стать мощным импульсом к развитию для ведущих хозяйствующих субъектов Свердловской области.

Наибольшее влияние санкции оказали на промышленные предприятия Свердловской области, имеющие сложные цепочки поставок. За короткий период количество зарубежных партнеров заметно уменьшилось. В сегменте поставок ГСМ из цепочки поставок выпали «BP», «Exxon Mobil», «Shell»; в сегменте финансового обслуживания – «Citigroup», «Deutsche Bank», «Mastercard», «Société Générale», «Visa», «Zurich Insurance Group». Ушли аудиторские и консалтинговые группы «McKinsey & Company», «Deloitte», «EY», «KPMG», «PwC», а также поставщики корпоративного программного обеспечения «Microsoft», «SAP». Перестали доставлять корреспонденцию «FedEx», «DHL», «UPS». Покинули Средний Урал поставщики машин и оборудования: «Caterpillar» и «Hitachi». Сворачивает бизнес немецкий технологический конгломерат «Siemens» [3].

В свете возрастающего санкционного давления на Россию была разработана «Программа мер по импортозамещению в промышленном комплексе Свердловской области на 2022 год» [4], которая была предложена региональным Министерством промышленности и науки и в настоящее время находится на об-

суждении профессиональным сообществом. Указанные стратегические документы позволяют раскрыть ключевые векторы, приоритетные направления и особенности перехода региона к новой промышленной политике. Кроме того, они включают более 50 инвестиционных проектов для развития импортозамещения в региональном промышленном комплексе, а также обширные статистические данные, позволяющие проанализировать отраслевую специфику и динамику развития порядка 200 промышленных предприятий и иных хозяйствующих субъектов промышленного сектора региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев А.А. (2022). Об оценке влияния международных санкций на условия функционирования отечественной промышленности. *Экономические отношения* = *Ekonomicheskie otnosheniya*, 12(2). DOI: 10.18334/eo.12.2.114858. (In Rus.).
2. Донцова О.И., Толкачев С.А., Комолов О.О. (2019). Российская промышленность: влияние санкций и перспективы импортозамещения. *Экономика, предпринимательство и право* = *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 9(4), 271–288. DOI: 10.18334/epp.9.4.41512. (In Rus.).
3. Stepanov, A.V., Burnasov, A.S., Valiakhmetova, G.N., & Pyushkina, M.Y. (2022). The impact of economic sanctions on the industrial regions of Russia (the case of Sverdlovsk region). *R-economy*, 8(3), 295-305. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.023
4. Проект программы мер по импортозамещению в промышленном комплексе Свердловской области на 2022 год. Министерство промышленности и науки Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: https://mpr.midural.ru/UPLOAD/2022/05/Prikaz_149.pdf

Anatoly V. Stepanov, Alexander S. Burnasov,
Gulnara N. Valiakhmetova, Maria Y. Ilyushkina
Ural Institute of Humanities, Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

EXTERNAL ECONOMIC CHALLENGES FOR THE INDUSTRIAL REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER THE TURBULENT CONDITIONS OF THE GLOBAL ECONOMY (THE CASE OF THE SVERDLOVSK REGION)

Abstract. *Under the conditions of the turbulence of global economy, economic sanctions imposed by the Western countries during the period of 2014-2022 against the Russian Federation, changed the strategy for the development of the industrial regions dramatically. Manufacturing industry is considered the most vulnerable in the current situation as it is involved in the structure of the international geographic division of labour more than other industries of material production. Taking the case of the Sverdlovsk region as a classical industrial area in Russia, the transformation trends in the industrial development are considered through the program design of import substitution and preservation of the business dynamics in the region.*

Keywords: *sanctions, old industrial region, import substitution, Russia, Sverdlovsk region, industrial and territorial structure of the economy.*

УДК 338.33

Столбов В.А.
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ НА ОСНОВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕЗУЛЬТАТ

Аннотация. *Рассмотрены возможности прогнозирования социально-экономического развития геостратегических регионов на основе системы стратегического планирования. На примере Арктической зоны России показана бессистемность, несогласованность, а порой и противоречивость плановых документов, принятых в субъектах федерации, что требует применения специальных методологических подходов. Результаты прогноза подтверждают возможность его реализации при достижении целей, поставленных в плановых документах.*

Ключевые слова: *Арктическая зона России, территориальное стратегическое планирование и прогнозирование, прогноз ВРП АЗ РФ до 2030 года.*

Постановка задачи и характеристика информационной базы. Основными информационными источниками прогнозирования изменения социально-экономической ситуации в Арктической зоне Российской Федерации (АЗ РФ) послужили действующие документы стратегического планирования. Всего было

обработано 27 директивных плановых документов, касающихся как российской Арктики в целом, так и регионов, полностью или частично расположенных в АЗ РФ. Среди них 13 «Стратегий социально-экономического развития...», восемь «Прогнозов социально-экономического развития...», Госпрограмма «Экономический потенциал» и «План мероприятий...» Мурманской области, а также ряд более частных документов, касающихся отдельных параметров развития арктических территорий. В наилучшей степени стратегическое планирование представлено в Республике Саха (Якутия) и Мурманской области (по 4 документа). Три плановых документа имеются в Красноярском крае, Чукотском АО и Архангельской области, по два – в республиках Карелия и Коми, и Ямало-Ненецком автономных округах. Ненецкий АО располагает только «Стратегией социально-экономического развития». Анализ плановых документов показал их весьма относительную пригодность для решения поставленной задачи. Документы не представляют собой стройную и согласованную систему целеполагания, расходящуюся по многим параметрам. Отметим характерные особенности, препятствующие их применению для поставленных целей:

1. Плановые документы разрабатываются для целостных регионов, а из девяти субъектов РФ, относимых к АЗ РФ, пять входят в нее лишь относительно небольшой частью своих территорий. Получить данные, касающиеся арктических частей этих субъектов федерации практически невозможно. Только два региона разработали и приняли к исполнению отдельные, специальные стратегии развития своих арктических территорий – Республика Саха (Якутия) и Красноярский край;

2. Материалы стратегического планирования в регионах разработаны для разных временных периодов. Значительная часть документов имеет оперативный или краткосрочный характер, их плановый горизонт ограничен 2022-2025 гг. С другой стороны, присутствуют материалы, содержащие прогнозные данные до 2036 г. и даже до 2050 г.;

3. Значительная часть официальной информации, содержащей результаты прогностических процедур, ограничивается только одним вариантом предвидения. Две трети арктических регионов (шесть из девяти) рассматривают два-три сценария будущего. В Ненецком АО это, например, «Устойчивый рост», «Опережающее развитие Арктики» и «Экономический кризис и восстановление». Что особенно интересно, в разных документах, одного и того же региона могут присутствовать совершенно не согласованные и даже порой противоречащие друг другу модели будущего. Например, в «Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха до 2035 года» рассматриваются «Базовый» и «Инновационный» варианты, а в «Прогнозе... развития Республики...» – «Базовый», «Консервативный» и «Целевой». В «Стратегии...» Республики Карелия негативный сценарий вообще не предусмотрен – модели идут по нарастающему позитиву – «Инерционная», «Целевая», «Форсированная». Противоречивы и показатели, лежащие в основе сценариев. Так, в двух «Стратегиях...» Архангельской области содержатся разные исходные данные прогноза ВРП. Сопоставить и увязать между собой такое многообразие сценариев и противоречивых данных не представляется возможным;

4. В ряде случаев в плановых документах отсутствуют основополагающие показатели. Трудно представить, как осуществлялись прогностические процедуры без предварительного определения перспективной численности населения. Такая ситуация, характерна, например, для «Стратегии...» Архангельской области. В таком случае приходилось либо обращаться к отраслевым документам аналогичного характера, где, кстати, подобные расчеты были ранее сделаны¹⁴, либо выполнять расчеты самостоятельно.

Характерные особенности и специфические черты базовых информационных материалов определили **методологию разработки прогноза**. Модель будущего была создана на основе данных, характеризующих важнейшие параметры экономики АЗ РФ: динамики валового регионального продукта; темпов роста важнейших подразделений хозяйства; изменения численности населения и т. д.

В большинстве плановых документов «полуарктических» субъектов РФ отсутствуют данные, касающиеся их полярной части. В этом случае эволюция арктических территорий принималась соответствующей тенденциям всей региональной экономики.

Почти в половине плановых документов регионов нет вариативности социально-экономических прогнозов. Это заставило уйти от разработки разных сценариев и ограничиться одним, отражающим главное направление государственной политики РФ в Арктике, – ее социальное и экономическое развитие.

В «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [1] в качестве основной цели ставится задача «сокращения межрегиональных различий», а по отношению к геостратегическим территориям (в том числе к Арктической зоне) – их опережающее (относительно «среднероссийских темпов») социально-экономическое развитие (раздел IV П-стратегии).

¹⁴Например, Комплексный план транспортного обслуживания населения Архангельской области на средне- и долгосрочную перспективу (до 2030 года) в части пригородных пассажирских перевозок. Утвержден распоряжением Правительства Архангельской области от 28 июня 2016 г. № 238-рп [Электронный ресурс]. URL: <https://transport29.ru/file/zhd/238rp.pdf> (дата обращения: 13.07.2022).

Цели Арктической стратегии определены в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [2]. Одна из целей – «ускоренное экономическое развитие территорий Арктической зоны Российской Федерации и увеличение их вклада в экономический рост страны» (пункт 9б). Таким образом, в двух основополагающих стратегиях заложено лидирующее развитие Арктической зоны.

Исходя из такого целеполагания, при наличии в правовых актах разных сценариев развития региона, выбирался самый позитивный – «инновационный», «опережающее развитие Арктики», «Целевой» и т. д.

Временной диапазон прогноза пришлось ограничить 2030 годом. Данные на этот период наиболее полно присутствуют в материалах всех арктических регионов РФ. Прогноз объемов ВРП в АЗ РФ на период до 2030 г. представлен в табл.

Таблица

Прогноз производства ВРП в регионах Арктической зоны РФ, % к 2020 году в сопоставимых ценах

Регион	Год					
	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Республика Саха (Якутия)	125,1	128,3	131,7	135,1	138,6	142,2
Чукотский АО	173,6	182,0	187,4	189,3	187,6	182,4
Архангельская область	147,5	160,1	172,7	185,3	197,9	210,6
Мурманская область	129,4	130,7	132,0	133,4	134,7	136,0
Ненецкий АО	171,5	179,7	188,0	196,2	204,4	212,7
Республика Карелия	134,1	144,4	155,6	168,9	172,2	177,5
Республика Коми	124,2	126,6	128,9	131,3	133,6	136,0
Красноярский край	127,4	130,9	134,5	138,0	141,6	145,1
Ямало-Ненецкий АО	119,3	122,9	126,0	128,9	131,9	134,9
Всего по АЗ РФ	132,7	135,6	138,3	141,0	143,3	145,5

Результат. Согласно полученным прогнозным данным, масштабы хозяйственной деятельности вырастут за десять лет в Арктической зоне РФ почти на половину. Наиболее интенсивно этот процесс будет протекать в Ненецком АО и арктической части Архангельской области (рост более чем в 2 раза), Чукотском АО и Республике Карелия (1,7-1,8 раза). Ниже средних прогнозные показатели развития в Мурманской области, Республике Коми и Ямало-Ненецком АО (135-136 %). Практически равен среднеарктическому показателю рост экономики в Красноярском крае (145 %).

Указанные темпы роста экономики в регионах АЗ РФ не являются такими уж фантастическими или запредельными. Согласно «Стратегии развития Арктической зоны... до 2035 года» [3] удельный вес Арктики в ВРП страны к 2030 г. планируется увеличить на 35,5 % (с 6,2 % в 2018 г. до 8,2 % в 2030 г.)¹⁵. Для достижения этого показателя при наших прогнозных данных за 12 лет ВРП России должен вырасти всего на 7,4 %, что даже в условиях обострившейся международной обстановки вполне реально.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08_o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения: 04.09.2022).
2. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 04.09.2022).
3. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645. С изменениями и дополнениями от: 12 ноября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/74810556/> (дата обращения: 31.08.2022).

Vyacheslav A. Stolbov

Perm State National Research University, Perm

FORECASTING THE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE ARCTIC ZONE OF RUSSIA ON THE BASIS OF THE CURRENT STRATEGIC PLANNING SYSTEM: OPPORTUNITIES, PROBLEMS, RESULTS

Abstract. The possibilities of forecasting the socio-economic development of geostrategic regions based on the strategic planning system are considered. The example of the Arctic zone of Russia shows the haphazardness, inconsistency, and sometimes inconsistency of the planning documents adopted in the subjects of the federation, which requires the use of special

¹⁵ И до 9,6% - в 2035 году.

methodological approaches. The results of the forecast confirm the possibility of its implementation when achieving the goals set in the planning documents.

Keywords: The Arctic zone of Russia, territorial strategic planning and forecasting, forecast of the GRP of the AZ of the Russian Federation until 2030.

УДК 910.1

Супрунчук И.П.

Северо-Кавказский федеральный университет,

г. Ставрополь

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ФУТБОЛА В РОССИИ

Аннотация. Проведен пространственный анализ всех профессиональных футбольных клубов России за последние 30 лет. Исследованы территориальные особенности подготовки клубами футболистов сборной России. Проанализированы региональные особенности футбола и выдвинуто предположение о существовании в стране четырех территориальных футбольных кластеров.

Ключевые слова: география спорта, новые направления социально-экономической географии, спорт и физическая культура, география футбола.

Одним из новых направлений в современной общественной географии является география спорта. Внутри нее, в свою очередь, могут формироваться исследовательские направления, посвященные отдельным спортивным видам и дисциплинам. Определенной перспективой для географического изучения в данном случае выступает футбол, как самый широко распространенный и массовый вид спорта в мире. В мировой науке достаточно работ, изучающих футбол в разных аспектах: политологическом [1; 2], историческом [3; 4] социально-экономическом [5–8]. Дискурс о российском футболе сложен и многослоен. В общественно-политическом ракурсе футбол – стереотипичный объект для шуток, инструмент получения политического капитала, фактор национального единения и гордости.

В объективном социально-экономическом плане – это крупная отрасль, часть большого мирового футбольного хозяйства. В ней циркулируют финансовые и людские потоки, создается инфраструктура. Эти процессы имеют собственную территориальную структуру, обладают региональными особенностями и могут быть географически осмысленны. Объектом исследования выступают профессиональные футбольные клубы (ПФК) как основа функционирования футбольных процессов в регионах страны. Их количество, уровень, качество подготовки кадров позволяют выявлять региональные различия в уровне развития футбола. Временные рамки охватывают современный этап развития российского футбола в 1992–2022 гг. Для удобства анализа принято обозначение: высшая лига, а затем Премьер-лига (Д-1), первая лига (Д-2) и вторая лига (Д-3).

Историко-географическое изучение советского периода (рис. 1) необходимо для понимания базы, с которой начинал свое развитие российский футбол.

Рис. 1. География клубов Д-1 чемпионата СССР по футболу в 1936–1991 гг. (по данным [9; 10]).

В СССР выделились три футбольных кластера – украинский, российский и закавказский. Можно признать условное равенство российского и украинского кластеров по вкладу в общее футбольное хозяйство, меньшую, но значительную роль играли страны Закавказья. С распадом СССР возникла необходимость переустройства футбольной отрасли, в том числе и с территориальной точки зрения. Известен пример формирования новых лиг, когда некоторые клубы искусственно повышались в статусе и занимали места клубов бывших советских республик. В результате в первые годы российский футбол имел максимально широкую географию, затем скорректированную требованиями профессиональной футбольной деятельности. Тем не менее, если взглянуть на географическое распределение ПФК (рис. 2), можно сделать несколько важных выводов.

С одной стороны, футбол «давал ростки» по всей территории страны. В круг регионов, где не было ПФК входят Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО, Еврейская АО, Республики Тыва и Коми, Магаданская область и Камчатский край. Их объединяет статус территорий Крайнего Севера. Помимо климата, неблагоприятны для развития футбола малочисленность населения и транспортная удаленность.

С другой стороны, широкое географическое распространение футбола по территории страны не отражает реальность. Во многих регионах он был краткосрочным явлением, ПФК появлялись и исчезали ввиду политических, экономических, организационных причин. Около 20-25 % ПФК функционировали в первые три года российского периода – с 1992 по 1994 гг. Искусственный подъем клубов для заполнения мест в Д-1 и Д-2 «выплеснул» в профессиональный российский футбол (особенно в низшие лиги) полупрофессиональные команды. В условиях несформированного футбольного рынка, «цена существования» ПФК была невысока. В дальнейшем, территориальная дисперсия российского футбола снижалась. Процессы рождения, роста и смерти клубов в регионах страны шли постоянно. Поэтому географию футбола в России необходимо дополнять аспектом, представленным на рис. 3. На нем отмечены регионы, где ПФК имелись непрерывно все последние 30 лет.

Рис. 2. Количество ПФК в регионах России в 1992-2022 гг.

Интересной является внутренняя территориальная структура футбола в регионах. Выделено несколько типов: моноцентрическая (один регион – один клуб), полицентрическая (несколько городов с ПФК) и двуцентрическая (один главный центр и один/несколько дополнительных). К моноцентричным футбольным регионам относятся Красноярский, Алтайский и Пермский края; Белгородская, Брянская, Вологодская, Ивановская, Липецкая, Воронежская, Омская, Астраханская, Калининградская, Ярославская, Костромская, Новосибирская, Пензенская, Рязанская, Свердловская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Тюменская, Ульяновская области; республики Адыгея, Чечня, Кабардино-Балкария, Удмуртия и Северная Осетия. Клубы из их региональных столиц представляют регион в целом, не имея конкурентов внутри.

Двуцентричную структуру имеют Владимирская, Калужская, Нижегородская, Оренбургская, Ростовская, Самарская, Челябинская области и Республика Дагестан. Полицентрическая структура характерна для Московской области, Ставропольского, Краснодарского краев и Республики Татарстан. Отдельно следует сказать о двух столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге. Понятно, что в географическом смысле нельзя говорить об их территориальной структуре. Однако со структурной точки зрения Москва может быть отнесена к полицентричным регионам (5 клубов в Д-1), а Санкт-Петербург к двуцентричным (1 клуб в Д-1 и несколько в Д-3).

Важным для футбольной отрасли является вопрос подготовки кадров, их количественные и качественные показатели. Были проанализированы карьеры всех футболистов сборной России в 1992-2022 гг., выявлены клубы и регионы, воспитанниками и уроженцами которых они являются. Так как количество подготовленных футболистов прямо пропорционально численности населения региона, данные интерпретированы с помощью расчета коэффициентов специализации (рис. 4 и 5).

Рис. 3. Регионы России, имевшие ПФК непрерывно на всем протяжении 1992-2022 гг.

Рис. 4. Коэффициент специализации регионов России по числу уроженцев в сборной страны в 1992-2022 гг.

Рис. 5. Коэффициент специализации регионов России по числу воспитанников ПФК в сборной страны в 1992-2022 гг.

География игроков сборной по месту рождения показывает лидирующее положение тех же регионов, что и по числу и качеству ПФК. Так, максимальный коэффициент специализации фиксируется в Северной Осетии (6,1), выше 2,0: в Ленинградской и Томской области, Москве. Регионы с коэффициентом более 1,0: Алтайский, Ставропольский, Краснодарский и Приморский края, республики Адыгея, Ингушетия и Карелия, Воронежская и Орловская области.

Современные футбольные реалии таковы, что не всегда возможно получить качественное футбольное образование по месту рождения. Это вызывает спортивную миграцию. В результате, география игроков сборной по клубу и региону получения образования отражает качество подготовки футбольных кадров. Выделяется три лидера – Москва, Санкт-Петербург и Северная Осетия, с коэффициентами выше 2,0. Следом расположились Республики Татарстан и Кабардино-Балкария, Ставропольский край, Самарская, Тамбовская и Ярославская области. Налицо централизация качественной футбольной подготовки в нескольких регионах России. Но также четко виден «футбольный каркас» страны, так как подготовка футбольных кадров процесс комплексный, его невозможно имитировать, в отличие от существования ПФК в регионе.

Итак, подытоживая все сказанное, можно выделить четыре территориальных футбольных кластера. Главный кластер – Центральный, выделяется по количеству ПФК и игроков сборной, здесь находятся главные клубы российского футбола. Его главные центры – Москва и Санкт-Петербург, подцентры – Воронеж, Тула, Ярославль, Липецк, Тамбов, Брянск, города Московской и Ленинградской областей. Два футбольных кластера – Южный и Урало-Поволжский примерно равны по совокупности показателей. В отличие от Центрального, в них меньше территориальные диспропорции, нет доминирующих центров. В Южном кластере центрами являются – Краснодар, Ростов-на-Дону, Сочи, Владикавказ, Нальчик, Грозный, Ставрополь, Махачкала, Волгоград и Астрахань. В Урало-Поволжском кластере, главные футбольные центры – Нижний Новгород, Казань, Самара, Екатеринбург, Уфа, Пермь, Оренбург. Наконец, наименее развитый футбольный кластер – Сибирский. Территориально он представляет собой несколько отдельных очагов-центров – Томск, Владивосток, Хабаровск, Иркутск, Красноярск, Барнаул, Новосибирск и Омск.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Armstrong G., Mitchell J. P. Global and Local Football: Politics and Europeanization on the Fringes of the EU. Routledge, 2008.
2. Giulianotti R., Robertson R. Globalization and football. Sage, 2009.
3. Crolley L., Hand D. Football and European identity: historical narratives through the press. Routledge, 2006.
4. Goldblatt D. The ball is round: a global history of football. Penguin UK, 2007.
5. Giulianotti R. Football: A sociology of the global game. Cambridge: Polity Press, 1999. Т. 160. № 5.
6. Lanfranchi P., Taylor M. Moving with the ball: The migration of professional footballers. Oxford: Berg, 2001. P. 12-13.
7. Mellor G. The Social and Geographical Make-Up of Football Crowds in the North-West of England, 1946–1962: ‘Super-Clubs’, Local Loyalty and Regional Identities //Sports Historian. 1999. Vol. 19. Iss. 2. P. 25-42.
8. Maguire K. The Price of Football: Understanding Football Club Finance. New Castle: Agenda Publishing, 2020.
9. Казаков Е. Н. История чемпионатов СССР по футболу. 1-й том (1936-1969 годы). Екатеринбург: «Издательские решения», 770 с.
10. Казаков Е. Н. История чемпионата СССР по футболу. 2-й том (1970-1991 год). Екатеринбург: «Издательские решения», 520 с.

Илья Р. Suprunchuk

North Caucasus Federal University, Stavropol

REGIONAL FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL FOOTBALL IN RUSSIA

Abstract. *A spatial analysis of all professional football clubs in Russia over the past 30 years has been carried out. The territorial features of the preparation of Russian national team football players by clubs are investigated. The regional features of football are analyzed and the hypothesis of the existence of four territorial football clusters in the country is put forward.*

Keywords: *geography of sports, new directions of socio-economic geography, sports and physical culture, geography of football.*

ОБРАЗ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

***Аннотация.** В статье посредством контент-анализа различных источников выявляются основные элементы образа Северного Кавказа на начало 2020-х годов, наиболее характерные представления россиян о географическом положении, природе, истории, населении и экономике этой территории.*

***Ключевые слова:** Северный Кавказ, образ территории, представления населения, факторы формирования образа территории.*

Образ территории – важный ресурс социально-экономического развития, особенно в настоящее время, когда информация быстро распространяется и легко доступна. Ассоциации о регионе или городе, сформированные во многом под влиянием СМИ, могут привлечь внимание потенциальных инвесторов, мигрантов, туристов. Важно, чтобы они приняли свое решение в пользу территории и не испугались негативных элементов образа, довольно часто не совсем совпадающих с действительностью.

Северный Кавказ в образном плане противоречив, что, в общем-то, является следствием социально-экономических процессов. Последние годы представления населения о нем меняются в положительную сторону благодаря, в том числе, и объективным позитивным трансформациям. И в реальном, и в ментальном плане Северный Кавказ образца, например, 2005 г. заметно и в лучшую сторону отличается от 2022 г. Цель данной статьи – обозначить наиболее характерные элементы образа Северного Кавказа начала 2020-х годов.

Какую территорию называть Северным Кавказом? Если это экономический район, то в него необходимо включать следующие регионы: Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край, Чеченская Республика. Если определять Северный Кавказ границами федерального округа, то это Ставропольский край и шесть республик (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня). В современном российском общественном сознании макрорегион «Северный Кавказ» четче сформирован все же в границах федерального округа, поэтому дальнейший анализ представлений населения об этой территории будем вести применительно к СКФО.

Материалы и методы исследования. Представления населения о территории мы выявляем через факторы, их формирующие. Нас интересовали источники, из которых потенциальные носители образа целенаправленно или в фоновом режиме получают информацию. Мы анализировали информационный портал газеты «Известия» [1] за период с 01.01.2020 г. по 25.01.2023 г., «Яндекс.Картинки» [2] на 25 января 2022 г. Также нами учитывались результаты опросов, проводимых ФОМ и ВЦИОМ. Во всех случаях единица анализа – «Северный Кавказ». Несколько элементов образа этого макрорегиона мы выявили, изучив демографическую, миграционную и этническую статистику, размещенную на Росстате.

Описывая образ Северного Кавказа, мы руководствовались географической логикой изложения, которую сформулировал Н.Н. Баранский для характеристики районов [3], то есть нас интересовали представления россиян о географическом положении, природе, истории, населении, экономике.

Первые ассоциации: географическое положение, природа, история. Словосочетание «Северный Кавказ» вызывает следующие географические ассоциации: Юг России, Кавказские горы, Черное и Каспийское моря, 45-я параллель (но это уже для более продвинутых знатоков географии). Для всех перечисленных ассоциаций характерен ментальный дуализм. Юг России – это еще и Краснодарский край, Черное море – это, в первую очередь, он. Из российских регионов Кавказские горы также есть в Краснодарском крае. На 45-ой широте расположены и Ставрополь, и Краснодар. Но контент-анализ газеты «Известия» показал, что Краснодарский край не позиционируется как часть Северного Кавказа, более того «Северный Кавказ» и «Юг России» – это разные макрорегионы нашей страны: фразы, разделяющие их союзом «и», довольно часто встречаются в публикациях.

В 2012 г. ФОМ на вопрос «Что вам приходит в голову, какие ассоциации у вас возникают, когда вы слышите словосочетание «Северный Кавказ»?» получил следующие ответы: 22 % – война, военные действия, вооруженные конфликты; 10 % – взрывы, теракты, боевики, бандиты, преступность; 8 % – беспорядки

док, нестабильность, напряженная обстановка, «болевая точка» России; 8 % – горы, море, красивая природа [4]. Спустя десять лет негативная составляющая образа, конечно же, сократилась, но в СМИ и сейчас довольно часто появляются публикации об опасном Северном Кавказе. Вот наиболее характерные заголовки «Известий» за последние два года: «В Дагестане задержаны шесть членов экстремистской ячейки» (23.01.2020), «В Карачаево-Черкесии и Дагестане разгромили две ячейки террористов» (23.10.2020), «На Северном Кавказе предотвратили 15 терактов в 2020 году» (10.11.2020), «НАК заявил о предотвращении 29 терактов на Северном Кавказе за три года» (12.10.2021) и др.

«ЯндексКартинки» [2] на запрос «Северный Кавказ» выдает фото следующих природных объектов: гора Эльбрус, живописные горные ущелья с горными же реками и озерами. Степная или морская тематики отсутствуют. Эльбрус встречается и в публикациях «Известий» (на его вершине установили флаги в память о героях ВОВ (14.05.2021)). Газеты наталкивают читателей и на негативные природные стороны горной красоты – возможные землетрясения и сходы снежных лавин: «Сергей Бодров-младший погиб 19 лет назад» (20.09.2021), «Сход снежных лавин ожидается в горах Северного Кавказа» (17.01.2022), «Без малейших колебаний: как россияне спасут от землетрясения» (13.10.2022).

За историческими ассоциациями по поводу Северного Кавказа, без обозначения подробностей, обратимся к художественной литературе. Особое значение этой территории для государства российского обозначил в 1748 г. М.В. Ломоносов в «Оде на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны», написав, что Россия разместилась на севере Евразии, «возлегли локтем на Кавказ» [5]. Во второй половине XVIII – первой половине XIX веков, когда Северный Кавказ тотально осваивался, в том числе и ментально, он пугал и поражал своей природой: «ужасною и величавой там все блистает красотой» (В.А. Жуковский, 1814 г.). Этот же поэт описывает этническое многообразие горского населения: «гнездятся и балкар, и бак, и абазек, и кумуцинец, и корбулак, и амбазинец, и чечереец, и шапсук» [6].

К середине XIX века литература зафиксировала вхождение образа Северного Кавказа в общественное сознание. В 1840 г. В.Г. Белинский писал: «грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведен русской поэзией, и только в поэме Пушкина «Кавказский пленник» в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже знакомом России по оружию» [7]. В 1852 г. Л.Н. Толстой отметил: «Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму героев нашего времени, Мулла-Нуров и т.д.» [8], то есть он признал тот факт, что отныне Северный Кавказ не отделим от ассоциаций, которые россияне черпают из литературных произведений.

Северный Кавказ – демографический донор России. Главный вклад северокавказских регионов в развитие России понятен, к сожалению, только специалистам. СКФО – единственный макрорегион России с явной положительной динамикой численности населения. За период с 2002 г. по 2020 г. оно здесь увеличилось почти на 14 %. При этом, например, за указанный период количество жителей Приволжского федерального округа сократилось на 7 %, а Сибирского – на 16 %. Наибольший вклад в этот процесс вносят Дагестан и Чечня: +23,5 % и +36,9 % соответственно [9; 10].

В СКФО в 2021 г. отмечался положительный естественный прирост (+3,5 ‰), в России он отрицательный (–7,1 ‰), как и, например, в ЮФО (–8,3 ‰) или ЦФО (–8,6 ‰) [11].

Средства массовой информации связывают демографическое благополучие Северного Кавказа с приверженностью большей доли населения здоровому образу жизни. Об этом, в частности, писала газета «Известия» («Эксперты назвали регионы с самым здоровым образом жизни», 28.09.2020). По отношению к Северному Кавказу в медийном пространстве периодически возникает тема долгожительства (газета «Известия», «Эндокринолог рассказала о регионах с наибольшим числом долгожителей», 23.08.2022).

Высокий естественный прирост закономерно привел к тому, что **Северный Кавказ – макрорегион с самым молодым населением.** Процент жителей моложе трудоспособного возраста здесь составляет 23,7 %, в России в целом – 18,8 %, в ЮФО – 18,3 %, в ЦФО – 16,7 %. Самые «молодые» регионы – Дагестан (24,9 %), Ингушетия (27,1 %) и Чечня (32,6 %) [11].

Положительное состояние демографических процессов, «молодость» населения Северного Кавказа вкуче с проблемами социально-экономического развития (об этом далее) повлияли на высокую безработицу, о чем периодически сообщают СМИ, в частности «Известия»: «Всё по местам: Росстат назвал регионы с высокой и низкой безработицей» (08.06.2021), «По душе занятие: как победить безработицу на Северном Кавказе» (24.12.2022). Переизбыток трудовых ресурсов во многом является причиной того, что Северный Кавказ вот уже многие годы является **территорией миграционного исхода населения.** В 2021 г. миграционная убыль в СКФО составила –4 чел. на 10 000, в России в целом – 30, в ЮФО – 54, в ЦФО – 49 [11].

Более известная, чем предыдущие, составляющая представлений россиян о населении Северного Кавказа – это **полиэтничность** его жителей – одна из самых высоких в нашей стране. По результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. [12], доля русских в регионах СКФО следующая: Дагестан – 3,3 %, Ингушетия – 0,7 %, Кабардино-Балкария – 19,8 %, Карачаево-Черкесия – 27,5 %, Северная Осетия – 18,9 %, Чечня – 1,2 %, Ставропольский край – 83 %. Публикации, связанные с национальной мозаичностью, имеются. Последние два года они освещают, в основном, культурные события: например, «В Дербенте пройдет первый фестиваль народов Большого Кавказа» («Известия», 07.10.2021).

Что касается социально-экономического развития, то чаще всего транслируются и, предположительно, лучше всего отражаются в сознании населения всевозможные рейтинги. В них республики Северного Кавказа традиционно занимают **закрывающие позиции**. По данным Итогового рейтинга регионов России – 2022 [13], составленного РИА Новости, Ставропольский край занимает 35-е место, Дагестан – 72-е место, Чечня – 75-е, Кабардино-Балкария – 77-е, Северная Осетия – 78-е, Карачаево-Черкесия – 82-е, Ингушетия – 83-е.

В экономическом плане, **Северный Кавказ** – это, прежде всего, **территория туризма**. В газете «Известия» об этом чуть ли не ежемесячно появляются публикации: «В АТОР рассказали об увеличении турпотока на Кавказ на 20 %» (05.10.2021), «Северный Кавказ станет единым туристическим брендом» (25.05.2022), «Регионы Северного Кавказа приняли единые стандарты кавказского гостеприимства» (01.07.2022), «Перспективы зимнего туризма на Северном Кавказе обсудили в Москве» (15.11.2022) и т.п.

Но, к слову сказать, по данным общероссийских опросов Северный Кавказ нельзя назвать очень популярным туристическим направлением. ФОМ в августе 2022 г. выяснил, что только 10 % россиян когда-либо выезжали на отдых на Северный Кавказ. По их же данным, 14 % жителей России хотели бы посетить СКФО, вне зависимости от того, бывали они здесь ранее или нет [14]. ВЦИОМ в октябре 2022 г. среди ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, имея ничем не ограниченный выбор, какое место в России Вы выбрали бы для путешествия или отдыха в этом году?» получили: «Кавказ / Северный Кавказ / горы Кавказа» – 5 %, «Дагестан» – 5 % [15].

КБ Стрелка посчитали индекс туристической привлекательности регионов России [16]. Для его расчета исследователи проанализировали социальные сети, блоги, форумы и сайты-агрегаторы отзывов. В итоге Ставропольский край и Северная Осетия были отнесены к известным регионам, Дагестан и Ингушетия – к скромным, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария – к малозаметным, а Чечня – к особым.

Были в «Известиях» публикации и о других экономических аспектах Северного Кавказа: в целом – «Правительство поручило представить инвестпрограмму Северного Кавказа» (24.06.2021); как житницы – «Путин спрогнозировал рекордный урожай зерновых в этом году» (12.05.2022); как производителя алкоголя – «Как пить дать: что будет с импортом алкоголя в Россию» (24.09.2022); в связи с развитием альтернативной энергетики – «На Ставрополье к сетям подключен новый ветропарк (05.12.2022).

В качестве вывода отметит, что средства массовой информации способствуют формированию довольно противоречивого образа Северного Кавказа в сознании россиян. Эта территория все больше обособляется от понятия «Юг России». Негативные ассоциации, связанные, прежде всего, с терроризмом все еще ощутимы в представлениях населения о ней. Северный Кавказ – демографический донор России и самый «молодой» макрорегион, но при этом для его регионов характерны низкие социально-экономические рейтинги, высокая безработица и миграционный исход населения. В экономическом плане Северный Кавказ – прежде всего, территория туризма, но при этом его туристическая привлекательность оставляет желать лучшего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Информационный портал газеты «Известия» [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 25.01.2023 г.).
2. Сервис «Яндекс.Картинки» [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/images> (дата обращения: 25.01.2023 г.).
3. Баранский Н.Н. Становление советской экономической географии: Избранные труды. М.: Мысль, 1980.
4. Обстановка на Северном Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Politika/10563> (дата обращения: 25.01.2023 г.).
5. Ломоносов М.В. Сочинения. М.: Современник, 1987. 442 с.
6. Жуковский В.А. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1985. 431 с.
7. Яковкина Е.И. Замечательные люди на КМВ. Ставрополь, 1962. 136 с.
8. Толстой Л. Н. Кавказские повести. Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. изд-во., 1973. 320 с.
9. Всероссийская перепись населения 2002 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13> (дата обращения: 25.01.2023 г.).

10. Всероссийская перепись населения 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.01.2023 г.).
11. Регионы России. Социально-экономические показатели 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 25.01.2023 г.).
12. Всероссийская перепись населения 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.01.2023 г.).
13. Итоговый рейтинг регионов России – 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20221226/itogi-1841180407.html> (дата обращения: 25.01.2023 г.).
14. Внутренний туризм. [Электронный ресурс]. URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14758> (дата обращения: 25.01.2023 г.).
15. Отпуск мечты – 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otpusk-mechty-2022> (дата обращения: 25.01.2023 г.).
16. Индекс туристической привлекательности регионов России. [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism-index.strelka-kb.com/> (дата обращения: 25.01.2023 г.).

Vasilii V. Chikhichin

North Caucasus Federal University, Stavropol

THE IMAGE OF THE NORTH CAUCASUS: THE MOST CHARACTERISTIC ELEMENTS

Abstract. *The article, through content analysis of various sources, identifies the main elements of the image of the North Caucasus at the beginning of the 2020s, the most characteristic ideas of Russians about the geographical position, nature, history, population and economy of this territory.*

Keywords: *The North Caucasus, the image of the territory, representations of the population, factors of the formation of the image of the territory.*

УДК 332.133.6

Шадрин А.И.

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
г. Красноярск

ИЗУЧЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В СВЕТЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. *В статье представлены результаты работ по изучению субъектов Российской Федерации, входящих в Енисейскую Сибирь. Предложена методика изучения пространственного развития региона. Исследование основано на междисциплинарном подходе, который обеспечивает решение поставленной задачи.*

Ключевые слова: *регион, Енисейская Сибирь, методика изучения.*

Объект изучения. Енисейская Сибирь (Красноярский край, республики Хакасия и Тува), представляющая единство природных, социокультурных, экономико-географических и экологических элементов. В соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. [1] в более крупный Ангаро-Енисейский макрорегион входят Красноярский край, Иркутская область, республики Хакасия и Тува. Экономическое сотрудничество Красноярского края с республиками Хакасия и Тува связано с их неформальным объединением в составе региона – Енисейская Сибирь.

Введение. Главными факторами расширенного воспроизводства в регионе, его комплексного развития являются инвестиции в отрасли хозяйства и повышение человеческого капитала. В условиях перехода к инновационной модели экономического развития человеческий потенциал становится основным и преимущественным компонентом национального богатства. Передовые страны с социально ориентированной экономикой основные ресурсы используют на воспроизводство человека – жилье, образование, здравоохранение, быт и т.п. [2].

Повышение человеческого потенциала региона определяется формированием комплекса объектов социальной сферы на основе достижения федеральных, региональных и местных стандартов, норм, нормативов и лучших мировых показателей. Социальный комплекс региона должен быть ориентирован на рациональное потребление населением материальных благ и предоставление услуг, реализацию социальных гарантий и достижение достойных и цивилизованных в современном понимании условий труда и быта людей.

Выявление регионов с позиций пространственного развития, отличающихся своеобразием национальных, экономических и расселенческих структур, условий жизни, является важнейшей задачей органов управления всех уровней, науки, образования и регионального человеческого сообщества.

Научная новизна. Экономико-географическое и геоинформационное моделирование причин изменяющегося социально-экономического развития и пространственной трансформации Енисейской Сибири.

Актуальность. Актуальность поставленной проблемы возникает, исходя из теоретических и практических задач, стоящих перед органами управления разного уровня, бизнес-структурами, вузами и научно-исследовательскими организациями. Проводимые научные исследования и практика проведения учебной работы в университетах свидетельствуют о внимании, уделяемом пространственным аспектам развития и размещения производительных сил в России и, в том числе, динамично развивающемуся и имеющему большое значение для России и сопредельных стран, Ангаро-Енисейскому региону и Енисейской Сибири. В связи с этим необходимо решить теоретические проблемы и практические задачи развития данного региона.

В предшествующий период не было специальных исследований по изучению взаимодействия научно-образовательного и инновационного потенциала субъектов Енисейской Сибири. Следовательно, объективно существует актуальная необходимость подготовки материалов, определяющих научные основы комплексного изучения данного региона.

В последние десятилетия в мире происходит смена вектора глобализации – от «западной доминанты» («океаническая цивилизация») к «срединному пути» – (китайский вектор глобализации). Сибирь является наиболее «государственно-слабым», и в то же время недостаточно заселенным, ресурсно-насыщенным, экономически и экологически-привлекательным регионом мира.

Территория пионерного освоения, к которым относится Енисейская Сибирь, может быть определена как малонарушенное федеральное и мировое пространство, сохраняющее первоначальный вид на крупных земельных участках и акваториях и присутствующее здесь без существенных антропогенных изменений, в перспективе развивающаяся и управляемая таким образом, чтобы сохранять естественное первозданное состояние с учетом перспектив развития региона.

Ее сущностными признаками являются:

1. Декларация, что конкретный участок существует под воздействием сил природы и человека;
2. Имеющиеся возможности для создания уникальной среды общения с человека с природой, для поддержания творческих способностей и естественного образа жизни и деятельности;
3. Имеющиеся площади части субъектов муниципального уровня и необработанных, неизмененных земель, используемых в традиционных целях;
4. Имеющиеся экологическая, геологическая или иная научная, образовательная или историческую ценность, характерная для существующих и намечаемых объектов культурного и природного наследия населения региона (в том числе аборигенного);
5. Являющаяся предметом стратегирования и управления на обозримую перспективу.

Для решения проблем цивилизованного развития Енисейской Сибири необходимо:

1. Исследование особенностей развития региональных систем производства и расселения в региональном аспекте и их качественная и количественная характеристика;
2. Оценка основных факторов, оказывающих влияние на формирование систем производства и расселения в данном регионе;
3. Разработка гибкого организационно-экономического механизма воздействия на системы взаимоувязанных поселений;
4. Исследование историко-географических особенностей освоения и заселения населением территории региона;
5. Изучение национального и религиозного состава населения;
6. Исследование системы расселения и быта коренных, старожильческих и пришлых народов;
7. Определение типов природопользования и хозяйствования в районах проживания коренных народов;
8. Изучение условий и мест традиционной деятельности населения;
9. Оценка культурного наследия, культовых и национальных памятников.

Цель изучения: основной задачей проводимой работы по изучению и практической реализации данных разделов является определение перспектив развития конкретного региона (Енисейской Сибири), развитие которого предусматривается ускоренным, по сравнению с мировыми, российскими и региональными темпами.

Задачи:

1. раскрытие закономерностей взаимосвязей между различными компонентами природы, формирующих на территории Енисейской Сибири и разнообразные природно-территориальные и хозяйственные комплексы;

2. разработка методики изучения освоения и комплексного развития Енисейской Сибири;
3. разработка теоретических основ освоения и пространственного развития Енисейской Сибири;
4. систематизация научных подходов оценки комплексного социально-экономического развития региона;
5. анализ реализуемых инвестиционных проектов по освоению и комплексному развитию Енисейской Сибири;

Методика исследования. При анализе исходной базы и сложившихся тенденций в развитии производства и непроизводственной сферы и в расселении населения в качестве базовых принимаются годы: 1970, 2000 и 2022 гг. Перспективные расчеты выполняются на период до 2030 г. Анализ и прогноз проводятся в целом по региону и по субъектам Российской Федерации.

Проведение исследований предполагает использование следующих материалов:

- Схем развития и размещения производительных сил России и экономических районов России (в частности Восточно-Сибирского);
- характеристика сдвигов в развитии и размещении производительных сил в Сибирском Федеральном округе;
- пространственная организация производительных сил по субъектам Российской Федерации (входящим в Енисейскую Сибирь);
- прогнозов комплексного использования природных ресурсов и проведения инвестиционной политики.

Методы оценки:

- *оценка места и роли региона:* природных условий и ресурсов; специализации хозяйства; особенностей географического положения; истории; населения; хозяйства; культуры; перспектив развития; административного устройства;
- *оценка экономико-географического и геополитического положения региона в современных условиях:* отношение к ближним и дальним соседям; человеческому и инновационному потенциалу; транспортным путям; источникам сырья, энергии; потребительской продукции;
- *оценка историко-географического фактора в становлении региона:* пути заселения; уровень хозяйственного и культурного развития; развитие региона.

В заключении рассматриваются: основные пути развития промышленности и сельского хозяйства, транспорта и сферы обслуживания; проблемы региона и экономико-географические пути решения этих проблем.

Результаты

- Изучены экономико-географическое и геополитическое положение Енисейской Сибири, отраслевая структура экономики, региональные особенности и факторы территориальной организации хозяйства;
- Исследована производственная и территориальная структура производства и расселения населения региона;
- Предложен механизм выравнивания объективно сложившихся различий в стартовых условиях развития производственных и расселенческих структур в пределах изучаемой территории, исключающий элемент иждивенчества.

Изучение системы производства и расселения и населения Енисейской Сибири позволит определить:

а) численность и состав населения региона, особенности его половой и возрастной структуры, занятость населения в целом по региону и по отдельным группам населенных мест, распределение занятого населения по отраслям хозяйства, источники формирования кадров, плотность населения;

б) сложившуюся сеть населенных мест, развивающихся на базе промышленности, сельского хозяйства, транспорта, других отраслей и сфер деятельности;

в) расселение занятых на предприятиях, расстояние между предприятиями и селитебными районами, способы и транспортные схемы сообщения между ними, организация перевозок трудящихся к местам работы, особенности сельского расселения населения;

г) численность и состав временного населения, прибывшего в регион, в том числе для обучения в высших и средних специальных учебных заведениях, для лечения в санаторно-курортных учреждениях, отдыха и др.;

д) особенности планировки и застройки всех типов населенных мест региона, характер их коммунального оборудования и уровень благоустройства, санитарно-гигиенические условия проживания, возможность и целесообразность дальнейшего их развития и пространственного расширения.

Практическая реализация предложенной методики изучения Енисейской Сибири осуществлена на примере новой общественной географии Красноярского края [3].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/>
2. Шадрин А.И. Интеграция образования и науки в регионе: вопросы теории и практики: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2018. 218 с.
3. Ларионова Л.Ю., Шадрин А.И. Новая экономическая и социальная география Красноярского края / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2018. 211 с.

Alexandr I. Shadrin

V.P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk

STUDY OF YENISEI SIBERIA IN THE LIGHT OF SPATIAL TRANSFORMATIONS

Abstract. *The article presents the results of studies on the subjects of the Russian Federation included in the Yenisei Siberia. A technique for studying the spatial development of the region is proposed. The study is based on an interdisciplinary approach that provides a solution to the problem.*

Keywords: *region, Yenisei Siberia, research methodology.*

СЕКЦИЯ 4
ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ
В МЕНЯЮЩЕМСЯ ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 314.72

Биктимиров Н.М., Мустафин М.Р.
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань

ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕКАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19

***Аннотация.** В данной статье представлены некоторые методологические проблемы исследования миграции. На примере Республики Татарстан показано как во время пандемии коронавируса COVID-19 происходило протекание миграционных процессов. В работе выявлены основные тенденции развития миграции на региональном уровне за 2019-2021 г.*

***Ключевые слова:** миграция, миграционные процессы, коронавирус COVID-19, миграционные потоки, Республика Татарстан, г. Казань.*

В зависимости от обстоятельств и влияния разных факторов, а также изменения социально-экономических условий и принятых политических решений экономическая ситуация на территории любого уровня может кардинально измениться. Это, как правило, способствует росту миграционных потоков, порождая на определенных территориях улучшение ситуации, или еще сильнее углубляя существующие проблемы.

Современная миграция стала более динамичным и сложным явлением, которое связано не только с социально-экономическими причинами. Желания и возможности людей перемещаться формируют целый конгломерат факторов – социально-экономических, политических, этнических, религиозных, экологических, демографических и иных [1, с. 132]. Даже сама научная трактовка понятия миграция не столь понятна и очевидна и до сих пор нуждается в специальном рассмотрении, а исследование процессов миграции – в разработке специальных теоретико-методологических подходов [2, с. 201].

Официальные данные о миграции населения не всегда показывают полную картину происходящего. Следует отметить, что в целом изучение миграционных процессов характеризуется междисциплинарными подходами. Много исследований проводится на стыке демографии, этнологии и политологии [3].

На практике невозможно изучить миграционную политику в отдельной стране и полностью её применить для другой страны или территории, при этом надеясь получить в кратчайшие сроки заметный положительный эффект. Опыт изучения важен, но у каждой страны и ее территориальных образований есть своя специфика и характер, и содержание миграции имеет свои особенности.

Наличие значительных миграционных потоков может отразиться на снижении эффективности использования трудового потенциала страны. Если какие-либо территории в значительной степени обеспечиваются рабочей силой за счет мигрантов, но те там надолго не задерживаются, то это может явиться поводом для пересмотра государственной экономической политики. Мигранты, готовящиеся к отъезду, показывают, как правило, более низкие результаты труда [4, с. 221].

По оценкам ООН, число международных мигрантов продолжает быстро расти. К середине 2020 г. оно достигло, с учетом влияния пандемии COVID-19, почти 281 млн чел. [1, с. 132].

В период активности пандемии коронавируса существенно вырос миграционный прирост Республики Татарстан с другими регионами России. Со странами СНГ и другими зарубежными странами, наоборот, в 2020 г. произошло резкое снижение миграционного прироста. С зарубежными странами за пределами СНГ даже образовалась миграционная убыль, но уже в следующем году миграционная убыль компенсировалась и показатели 2021 г. уже в несколько раз превысили показатели 2019 г. [3].

В абсолютных показателях, как по Всероссийской переписи 2010 г., так и по переписи населения 2020 г. больше всего в Татарстане из представителей других стран проживали народы Средней Азии – узбеки и таджики (рис.).

Существенное изменение доли народов Средней Азии проживающих в Республике Татарстан за 10 лет, особенно туркмен, таджиков и киргизов объясняется в первую очередь их ростом численности на счет миграционного прироста. Это подтверждается данными территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [5].

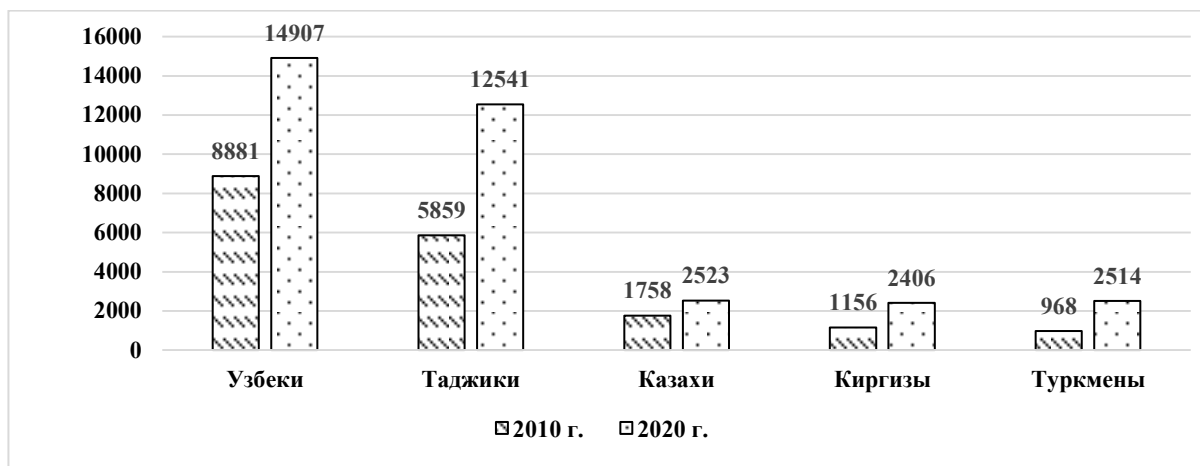

Рис. Численность народов Средней Азии проживающих в Республике Татарстан в 2010 и 2020 гг., чел. [5]

В период пандемии динамика миграционного обмена Республики Татарстан со всеми регионами Приволжского Федерального не претерпела сильных изменений. В 2019 г. миграционный прирост наблюдался всего в 11 из 45, в 2020 г. в 10, в 2021 г. в 11 муниципальных образованиях республики [5].

По данным 2021 г. численность населения города Казань увеличилась благодаря миграции, в первую очередь, за счет обмена со странами СНГ (3783 чел.), во вторую, благодаря обмену с другими регионами России (2512 чел.) и с другими зарубежными странами (407 чел.). В результате миграционного обмена с другими муниципальными образованиями столица республики теряет свою численность, и эти потери составляют минус 2455 чел. Казань, согласно данным 2020 г., представляет интерес для населения до 40 лет, Набережные Челны до 30 лет, потом из этих городов начинается отток населения [4].

Как среди прибывших в республику, так и выбывших из республики за 2019-2021 гг. уменьшается доля лиц, никогда не состоявших в браке.

Доля, приходящаяся на категорию «вдовы» и «разведенные», наоборот, среди выбывших за эти годы непрерывно увеличивалась, для прибывших характерна обратная тенденция. Среди выбывших растёт доля нежелающих указать свое брачное состояние. Среди прибывающих в Татарстан, состоящих в браке, увеличилась доля мужского населения.

Согласно проведенному анализу миграции по возрасту и полу на муниципальном уровне можно отметить, что мужчины по сравнению с женщинами образуют более устойчивые миграционные потоки.

За 2019-2021 гг. во встречных движениях увеличилась доля лиц, указавших главную причину смены места жительства в связи с «приобретением жилья».

За рассматриваемые годы наблюдается снижение доли как у прибывших, так и выбывших в связи с «вступлением в брак».

В ряде муниципальных образований население образует положительный миграционный прирост в пенсионном возрасте. Полученные результаты показывают, что, в первую очередь, население старше трудоспособного возраста стремится в населенные пункты муниципальных образований, где наблюдается численное преобладание татарского населения [7, с. 288].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аббасхонова Н.А. Новые тенденции в миграционных процессах в условиях глобализации // International Journal of Humanities and Natural Sciences, Vol. 2-1 (65), 2022. P.132-134.
2. Хот З.З. Методологические подходы к изучению миграционных процессов. Вестник АГУ. 2016. Вып. 4 (189). С. 201-206.
3. Градировский С., Межуев Б. Западный населенческий дрейф локального и глобального масштаба // Развитие государственности в ситуации демографической трансформации мира. М., 2004.
4. Юкиш В.Ф. Инструментарий для прогнозных расчетов показателей интенсивности муниципальных показателей в России. Economy and Business. Journal of Economy and Business. 2020. Vol. 11-3 (69). P.221.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatstat.old.gks.tu> (дата обращения: 30.01.2023).
6. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2022: стат. сб. / Татарстанстат. Казань: Изд. центр Татарстанстата, 2022. 163 с.
7. Демографический доклад-2022. Социодемографический капитал Республики Татарстан в контексте национальной безопасности (2019-2021 гг.): моногр. / под ред. д.с.н. Ч.И. Ильдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2022. 352 с.

FEATURES OF MIGRATION PROCESSES IN THE REGION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. This article presents some methodological problems of migration research. The example of the Republic of Tatarstan shows how migration processes occurred during the COVID-19 coronavirus pandemic. The paper identifies the main trends in the development of migration at the regional level for 2019-2021.

Keywords: migration, migration processes, COVID-19 coronavirus, migration flows, Republic of Tatarstan, Kazan.

УДК 314.9

Богатуров Д.С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

РАССЕЛЕНИЕ РУССКИХ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье представлены выводы об особенностях современного этнического расселения в Республике Дагестан. С исторических времен русские проживают в сельской местности, на равнинной территории региона. Последние десятилетия наблюдается устойчивое сокращение русских в городских и сельских поселениях Дагестана.

Ключевые слова: городское и сельское расселение народов, компактность расселения, этническая структура населения городов и административных районов

В настоящее время Дагестан входит в число республик РФ с наименьшей долей русского населения в общей структуре (наравне с Ингушетией и Чечней). На 2021 г. в республике насчитывалось 102 тыс. русских или 3 % от всего населения. В течение советского периода не возникло существенных предпосылок для демографического доминирования русских. Слабая индустриализация и специфические физико-географические особенности ограничили процесс «русификации» Дагестана. Правда, стоит отметить, что это обстоятельство не помешало повсеместному распространению русского языка в исследуемом национально-территориальном образовании (НТО).

Основная цель представленного исследования заключалась в выявлении параметров расселения русских в Дагестане на начало XXI в. В рамках данной работы географическим объектом исследования выступают – территориальные группы русских.

В процессе исследования были изучены труды В.Ф. Алиевой и В.С. Белозерова [1; 2] – известных специалистов в области этнической географии Северного Кавказа и непосредственно самого Дагестана. Значительный массив информации по исследуемому вопросу представлен в монографии З.М. Гаджиевой «География и динамика расселения русских в Дагестане» [3].

С 1989 по 2010 г. численность русских в Дагестане сократилась более чем в 1,5 раза. Процесс активной «дерусификации» был вызван демографическими и социально-экономическими факторами. Значительное влияние оказали и политические факторы, а также межэтническая напряженность в обществе [4]. Основную роль сыграла механическая убыль, в 90-е гг. ежегодный миграционный отток из региона составлял около 2 % от общей численности русского населения. Результатом миграции стало «старение» народа. Высокая доля пенсионеров среди русских наблюдается в северных районах Дагестана (более 50 % от всего русского населения места) [5].

По данным переписи населения 2010 г. уровень урбанизации у русских Дагестана составлял 86 %. Русское население городов отличается достаточно высокой квалификацией и образованием. Оно занято в обрабатывающей промышленности, отраслях ЖКХ и в транспортном секторе [3]. Несмотря на падение производства в постсоветский период, в республике все же продолжают функционировать крупные предприятия машиностроения: завод «Дагдизель» в Каспийске; «Завод имени Гаджиева» в Махачкале. Кадровый состав данных предприятий в значительной мере формируется из русского населения.

Из данных табл. видно, что в четырех крупнейших городах и двух районах с наивысшей концентрацией русских проживало 4/5 всех представителей этноса. При этом в Махачкале и Кизляре проживало более половины всех русских Дагестана. Следует обратить внимание и на показатель компактности расселения. В пределах своего традиционного ареала проживания, на севере НТО, сосредоточено 33 % представителей этноса. Таким образом, все русское население Дагестана можно разделить приблизительно на три равные по численности группы:

- компактно проживающие в северных районах республики (включая г. Кизляр);
- проживающие в столице региона;
- проживающие дисперсными группами в других городах и районах Дагестана.

В южной части Дагестана русское население практически полностью отсутствует. Этот факт объясняется слабым индустриальным освоением данной территории, а также горным характером местности. Действительно, если обратить внимание на физико-географический аспект, то можно отметить, что подавляющее большинство русских проживает в равнинной части республики. В горной же зоне Дагестана отсутствуют городские поселения. Для сравнения, в других республиках Северного Кавказа – Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии – русские проживают в высотных зонах.

Таблица

Расселение русских в Дагестане на 2010 г. (города и районы с наивысшей концентрацией)

Города и административные районы	Абсолютная численность представителей этноса, тыс. чел.	Относительная доля этноса в населении места, %	Доля от общей численности этноса в республике, %
г. Махачкала	37,6	5	36
г. Кизляр	19,8	40	19
г. Каспийск	9,0	9	9
г. Дербент	4,5	4	4
Кизлярский район	8,3	12	8
Тарумовский район	6,2	20	6

Примечание: составлено по [3].

Интересно проследить пространственно-временную динамику в расселении народа по результатам переписей населения. В 70-х гг. прошлого века в предгорных районах Дагестана проживало до 5 % русского населения. В начале XXI в. доля русских в них уже не превышала 1 % в общей структуре населения. В сравнении с советским периодом сокращение удельной доли русских наблюдалось и в городской местности. Если в 70-х гг. XX в. доля русских в городах Дагестана составляла 30-40 %, то к 2002 г. она сократилась до 5-10 %. Лишь в Кизляре, являющемся историческим центром расселения русских на территории Дагестана, в 2010 г. удельная доля этноса составляла 40 %.

Особого внимания заслуживают районы традиционного проживания русских. Экономико-географическое положение равнинного Кизлярского района – достаточно выгодное (особенно если проводить его сравнение с горными районами Дагестана). Через территорию района проходят важные транспортные пути. Выход к Каспийскому морю обеспечивает доступ к богатым рыбным ресурсам. Также в районе активно развивается виноградарство, овощеводство и рисоводство. Соседний Тарумовский район также отличается выраженной сельскохозяйственной специализацией. Половина его территории используется для сезонного выпаса скота, перегоняемого из горных районов республики. Наличие высокотоварного сельского хозяйства в отмеченных административных единицах определило их миграционную привлекательность для коренных народов Дагестана.

По мнению известного специалиста В.С. Белозерова, сокращение русского населения в республиках Северного Кавказа приводит к усилению кавказских черт, что находит себе отражение в изменении облика поселений и образа жизни общества. Происходит переименование улиц и предприятий. Итогом таких процессов может быть ослабление геополитического влияния России в регионе [2, с. 164]. Применительно к Дагестану, изменение облика поселений и уклада жизни населения в XXI в. произошло в Кизлярском и Тарумовском районах. Данные процессы происходили в результате переселения аварцев, даргинцев и других коренных народов на территорию отмеченных выше равнинных районов.

С другой стороны, важно отметить следующее обстоятельство. Коренное население Дагестана в подавляющем большинстве единодушно в том, что наличие русской среды, русского населения в республике, благотворно влияет на остальные народы. При возникновении русской проблемы жители Страны гор воспринимают ее как общедагестанскую [1, с. 238]. Несмотря на сокращение численности русских, русский язык и российская культура продолжают играть важную роль в жизни всего населения Дагестана.

Выводы. В XXI в. русское население утратило ареал сплошного расселения в Дагестане, то есть территорию, которая отличалась бы этнической однородностью. Практически не осталось и локальных мест проживания, с преобладанием русских в общей численности населения. Таким образом, русские Дагестана выступают в роли классического этнического меньшинства. Влияние народа на экономические и политические процессы в регионе – крайне ограничено.

Наибольшая контактность на местности у русских наблюдается с аварцами и даргинцами. Данный факт подтверждается совместным проживанием трех народов, как в городской местности, так и в сельских

поселениях Кизлярского и Тарумовского районов. Практически все сельские населенные пункты этих административных единиц отличаются смешанным этническим составом. Стоит отметить, что в основных ареалах расселения аварцев и даргинцев численность русских крайне незначительна. Аварский и даргинский ареалы расселения приурочены к горной зоне Дагестана.

В сравнении с советским периодом не произошло каких-либо серьезных сдвигов в региональном расселении народа. Русское население по-прежнему локализуется в северной части республики и в приморских городах. Во многом отсутствие динамики расселения на современном этапе можно объяснить ростом числа пожилых людей среди русского населения. Люди старших возрастов не склонны к миграционной мобильности.

Вопрос сохранения русского населения в Дагестане волнует республиканскую общественность. В этих условиях федеральные власти должны приложить определенные усилия, дабы сохранить локальные группы русских в регионе. В первую очередь, речь должна идти о городе Кизляр, как основном историческом и культурном центре для русского населения. В других городах и районах НТО речь может идти о создании культурных автономий для представителей народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиева В.Ф. Русское население Дагестана (этнодемографический портрет) // Вестник Российской нации. 2010. № 1-2 (9-10). С. 231-251.
2. Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. 156 с.
3. Гаджиева З.М. География и динамика расселения русских в Дагестане: моногр. Махачкала: АЛЕФ, ДГПУ, 2019. 152 с.
4. Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А. Русское население Дагестана: проблемы и перспективы этнодемографического развития // Федерализм. 2013. № 2 (70). С. 159-170.
5. Ильясов З.З. К вопросу об оттоке русскоязычного населения Дагестана // Региональные аспекты социальной политики. 2010. № 12. С. 38-42.

Dmitry S. Bogaturov

St. Petersburg State University, Saint Petersburg

SETTLEMENT OF RUSSIANS IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN THE XXI CENTURY

Abstract. *The article presents conclusions about the features of modern ethnic settlement in the Republic of Dagestan. Since historical times, Russians have been living in rural areas, on the flat territory of the region. In recent decades, there has been a steady decline in Russians in urban and rural settlements of Dagestan.*

Keywords: *urban and rural settlement of peoples, compact settlement, ethnic structure of the population of cities and administrative areas.*

УДК 911.37

Борисенко М.А., Быков Н.И.

Тюменский государственный университет,

г. Тюмень;

Институт водных и экологических проблем СО РАН,

г. Барнаул

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РОССИЙСКОГО ОСВОЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Аннотация. *На основе авторской периодизации истории расселения населения и типизации расселенческой ситуации рассматриваются особенности расселенческого процесса в Алтайском крае на начальном этапе его российского освоения (1717-1900 гг.). Анализируются типы расселенческой ситуации, интенсивность расселенческого процесса и другие особенности для каждой фазы расселения.*

Ключевые слова: *периодизация расселения населения, расселенческая ситуация, Алтайский край.*

На основе ранее предложенных нами подходов к периодизации и типизации расселения населения [1] были выделены периоды, этапы и фазы российского освоения территории Алтайского края и рассмотрены характерные для них типы и интенсивность расселенческого процесса. Всего было выявлено два периода, 4 этапа и 11 фаз.

Первый период (1717-1940 гг.) расселения представлен двумя этапами (1717-1900 гг. и 1901-1940 гг.) и семью фазами (первая – 1717-1750 гг., вторая – 1751-1835 гг., третья – 1836-1855 гг., четвертая – 1856-1900 гг., пятая – 1901-1920 гг., шестая – 1921-1930 гг., седьмая – 1931-1940). Он характеризовался общей

тенденцией роста числа населенных пунктов и населения. Для него характерны I, II и VII типы расселения (ТРС). В I ТРС темпы прироста числа населенных пунктов выше чем темпы прироста численности населения, а во втором наоборот. Для VII ТРС характерно уменьшение числа населенных пунктов при росте численности населения. К концу первого периода на исследуемой территории насчитывалось 3353 населенных пунктов. При этом возникло 7259 населенных пунктов и 3906 исчезло. Численность населения к концу периода составила 2,24 млн человек (1939 г.).

Внутри первого периода выделяются этапы медленного (1717-1900 гг.) и быстрого роста числа населенных пунктов (1901-1940 гг.). Первый этап (начальный) характеризуется первым типом расселения. Численность населенных пунктов к концу этапа достигла 870, а численность населения – 1174 тыс. (1897 г.) В первом этапе расселения выделяется 4 фазы.

Начальная (первая, «демидовская») фаза первого этапа расселения (1717-1750 гг.), характеризуется тенденцией нарастания числа новых населенных пунктов и незначительным числом исчезнувших населенных пунктов. Для нее был характерен I ТРС и слабая интенсивность процесса расселения (ИПР) [1]. В начале XVIII в. создавались поселения, которые относились к цепи укреплений на рубеже Российской империи, построенной сибирскими казаками на юге Западной Сибири [2]. Тогда же происходит основание первых русских деревень, первоначально стихийно и самовольно [3].

Первопоселенцы селились обычно по берегам рек, на возвышенных местах, на границах лесной и степной зон, а также у озер [4]. Заселение территории началось с севера и востока (Томска и Кузнецка) и имело приречный характер, то есть сеть населенных пунктов возникла вдоль Оби (в начале лишь на правом ее берегу) и ее притоков первого порядка (Чумыш, Чарыш, Алей, Бия). При этом большая часть населенных пунктов возникла в лесостепной зоне и, в меньшей степени, в умеренно-засушливой степи. Постепенное освоение левобережья Оби началось в 30–40-х гг. XVIII в. Среди населенных пунктов по функциям преобладали сельские населенные пункты (деревни, села, заимки, выселки). Заселение носило как вольный, так и регулируемый характер. Групповая форма сельского расселения возникала в связи с необходимостью осуществления хозяйственных работ и безопасности.

Самые южные населенные пункты на исследуемой территории располагались в районах месторождений полиметаллических руд. В целях развития металлургии стали создаваться горнозаводские поселки (Кольванский, Барнаульский) и поселки при рудниках (Чагырский, Змеевский и другие). Размещение горнозаводских поселков определяли два фактора – сырьевой и топливно-энергетический. Например, в размещении Кольванского завода главную роль сыграла близость к горнорудному сырью, а Барнаульского – наличие сырья для древесного угля и малая река, перекрытие которой плотиной позволяло использовать энергию падения воды в горнозаводском деле. Крепости размещались по фронтиру русского освоения, а также рядом с горнозаводскими поселками для их охраны. Горнозаводские поселки и крепости играли роль центральных мест. Так, в Кольвани до 1748 г. находилась канцелярия горного округа. В них же проводились ярмарки, что является проявлением одной из функций центрального места.

Данная фаза сыграла очень важную роль в формировании опорного каркаса расселения населения на данной территории. В это время определилось ядро расселения с центром плотности расселения в лесостепной, приобской части территории, который сохраняется до настоящего времени. Сформировались две оси расселения (линии опорного каркаса) – обская и алейская. В дальнейшем, их значение будет усиливаться за счет увеличения численности населенных пунктов и их числа, возникновения административных функций, у некоторых из них (Барнаул, Бийск), возникновения дорог и их совершенствования. Окончание данного периода можно связать с переходом горных заводов из рук наследников Акинфия Демидова в руки Кабинета.

Вторая фаза первого этапа расселения (1751-1830 гг.) – это время плавного нарастания числа населенных пунктов и численности населения. В целом для нее характерен I ТРС и средняя ИПР. Темпы прироста числа населенных пунктов и численности населения несколько снизились. Во второй половине XVIII в. было отмечено появление 348 поселений. В то время незаселенным остается лишь ряд западных и юго-восточных территорий Алтая [5].

По-прежнему наибольшая часть сельских населенных пунктов образовывалась в лесостепной зоне. Вместе с тем, стали появляться населенные пункты в лесной зоне Салаира и в алтайских горах. В данное время была сформирована новая Кольвано-Кузнецкая защитная линия, которая представляла собой сеть поселений (крепости, форпосты, редуты, маяки), в которых военная (а в крепостях и административная) функция сочеталась с сельскохозяйственной (Тигирек, Белорецк и т.д.).

Главным административным пунктом становится Барнаул. При этом горнозаводские поселки продолжают играть роль центральных мест. Им подчиняются деревни с приписными крестьянами. Они являются пунктами обмена товаров. Они являются центрами привлечения наемной рабочей силы (вольнонаемные крестьяне). Приречный тип расселения также проявлялся, особенно, вдоль Чумыша. Вместе с

тем, на этом этапе можно выделить приборовой тип расселения, когда населенные пункты стали массово возникать вдоль ленточных боров. Местоположением таких населенных пунктов являлось место пересечения притоков рек Барнаулки, Касмалы, Кулунды и Бурлы с кромкой бора. Такое место сочетало в себе наличие открытых плодородных земель, леса, являвшимся источником топлива, строительного материала, древесного угля и воды. Происходит перенос канцелярии горного округа в Барнаул, который в 1771 г. получил статус города.

Третья фаза первого этапа расселения (1831-1855 гг.) характеризуется резким спадом образования новых поселений и на коротком периоде даже сокращением числа населенных пунктов. Эта фаза совпадает с периодом, когда алтайские предприятия на условиях аренды были переданы в подчинение Департамента горных и соляных дел Министерства финансов (1830-1855 гг.). Для нее характерен II ТРС и слабая ИПР.

Четвертая фаза первого этапа расселения (1856-1900 гг.) характеризуется волнообразным нарастанием числа населенных пунктов. Характеризуется II ТРС и высокой ИПР. Продолжается приборовое расселение. Появляются населенные пункты в умеренно-засушливой зоне, зонах вертикальной поясности, а также в сухостепной зоне. Отмена крепостного права способствовала росту переселенцев на Алтай [5,6]. В 1865 г. был издан закон, согласно которому было разрешено крестьянам переселяться в Алтайский горный округ [4].

С начала 70-х гг. сереброплавильное производство стало приносить убытки. Причиной стало устаревшее производство, не менявшееся технологически несколько десятилетий и использовавшее дешевый труд [4]. К концу XIX в. крупнейшие заводы – Барнаульский, Павловский, Локтевский – были закрыты. Экономика Алтая претерпела изменения, благоприятно стала развиваться торговля, чему способствовало увеличение населения и рост спроса на продукты сельского хозяйства. Наиболее значительными торговыми центрами Алтайского округа стали города, расположенные у пересечения водных и гужевых транспортных путей: Барнаул и Бийск. Также в значительные торговые центры превратились Змеиногорск, Камень-на-Оби, Усть-Чарышская Пристань, Смоленское и др. В городах и в особенности селах были распространены ярмарки [3]. Город Камень-на-Оби был образован путем слияния нескольких мелких сел в деревню Камень. Расположение на р. Обь в окружении многочисленных деревень сделало его в то время центром внутри сибирской торговли и сельскохозяйственного производства. В 1891 г. переселенцами был основан Рубцовск. К концу XIX в. Алтайский округ стал одним из главных сельскохозяйственных районов Сибири [6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Борисенко М.А., Быков Н.И. Подходы к периодизации и характеристике этапов формирования системы расселения населения (на примере Алтайского края) // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз / под общей ред. А.Г. Дружинина и В.П. Сидорова: материалы Междунар. науч. конф. (Ижевск, 13-18 сентября 2021 г.). Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2021. С. 509-515.
2. Муратова, С.Р. На страже рубежей Сибири / С.Р. Муратова // Национальные культуры региона. Научно-методический и репертуарно-информационный альманах. XVI выпуск. Тюмень: Издание Комитета по делам национальностей Тюменской области и Дворца национальных культур «Строитель», 2007. С. 32-46.
3. История Алтая. Часть I: Учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 480 с.
4. Панфилова Т.Е. История Каменной земли: учеб. пособие для уч-ся общеобраз. школ / Т.Е. Панфилова. Барнаул: ООО «Изд. дом «Барнаул», 2009. 72 с.: ил.
5. Колдаков Д.В. Геоинформационные технологии в изучении заселения территории Алтая в XVIII в. / Д.В. Колдаков // Актуальные вопросы истории Сибири. Восьмые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: материалы конференции / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 47-50.
6. Никулина, И.Н. История Алтая: персоналии, термины, хронология: учеб. пособие. Часть I / И.Н. Никулина, Д.В. Жилияков, Е.В. Кунгурова. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2015. 83 с.

Maxim A. Borisenko, Nikolay I. Bykov

*Tyumen State University, Tyumen;
Institute for Water and Environmental Problems
of the SB RAS, Barnaul*

FEATURES OF THE POPULATION SETTLEMENT AT THE INITIAL STAGE OF THE RUSSIAN DEVELOPMENT OF THE ALTAI TERRITORY

Abstract. *On the basis of the author's periodization of the history of population settlement and the typification of the settlement situation, the features of the settlement process in the Altai Territory at the initial stage of its Russian development (1717-1900) are considered. The types of the settlement situation, the intensity of the settlement process and other features for each phase of settlement are analyzed.*

Keywords: *periodization of population resettlement, resettlement situation, Altai Territory.*

Вульфович Р.М.

Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ АГЛОМЕРАЦИЙ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ДИНАМИКИ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ (КЕЙСЫ: САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И УЛАН-УДЭ)

***Аннотация.** Динамическое развитие территорий является одним из условий формирования в стране высокого качества жизни. Особую роль в этом процессе играют города, которые в XXI веке расширяют свои границы, превращаясь в агломерации. Эти урбанизированные территории определяют динамику развития крупных регионов, что характерно для разных частей России. Примеры Санкт-Петербурга и Улан-Удэ показывают особенности агломерационного процесса на Северо-Западе России и в Байкальском регионе.*

***Ключевые слова:** развитие, агломерации, Санкт-Петербург, Улан-Удэ.*

Нынешний век часто называют веком городов: с каждым десятилетием все больший процент жителей планеты проживает в условиях типичных для города. При этом далеко не всегда достаточно внимания уделяется изменениям в самом городе как элементе опорного каркаса расселения в целом. Сложные формы расселения – агломерации, мегалополисы стали более распространенными, чем город в классическом понимании. Территории городов, особенно крупных и крупнейших увеличивается, им необходимы земельные участки для целей жилой застройки.

Одновременно территория вокруг крупного города остается его легкими, рекреационной зоной, и интенсивная застройка и хозяйственное использование создают угрозу для выполнения этих функций. Эта проблема обостряется наличием в регионе природоохранных зон, заповедников, уникальных природных объектов, нуждающихся в защите и сохранении в рамках концепции устойчивого развития.

В настоящее время, в связи с реализацией Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года, а также ряда Национальных проектов проблемы развития городских агломераций приобрели особое значение.

Агломерация создает дополнительные возможности для усиления роли территории вокруг города в регионе (субъекте РФ), а также в макрорегионе (например, в Байкальском регионе, в Сибирском федеральном округе), одновременно усиливая давление на природные ресурсы и обостряя многие проблемы.

Конкуренция между урбанизированными регионами различных стран и континентов требует повышения темпов экономического развития и совершенствования технической инфраструктуры, выравнивания качества жизни на территории. Однако эти процессы ведут к увеличению экологического следа города: искусственная среда замещает собой естественную основу существования человека как биологического вида.

Соответственно, развитие агломераций не должно и не может протекать бесконтрольно: коренное противоречие между их значимостью как доминант развития и одновременно негативного фактора, снижающего устойчивость региона, должно разрешаться через рациональное использование ресурсов в рамках выделения стратегических приоритетов не только города-ядра и ближайшей прилегающей к нему территории, но и всей системы, включенной в агломерационный процесс. Выделение ее границ и формирование правовых отношений между различными ее элементами приобретает особое значение. Без определенности политико-правового статуса городской агломерации невозможно формировать дорожную карту развития и решать проблемы с созданием на всей территории урбанизированного региона единообразного качества жизни. Данный тип развития может осуществляться только на основе системного подхода, на что обращают внимание многие исследователи [1].

Санкт-Петербургская агломерация является второй по размеру в России и крупнейшей в Северо-Западном федеральном округе. С политико-правовой точки зрения одной из главных проблем ее формирования и развития является то, что в состав системы входит территория не только Санкт-Петербурга – города федерального значения, но и часть территории Ленинградской области, также являющейся самостоятельным политико-правовым образованием. Область динамично развивается, проводит активную экономическую политику. Одновременно она является рекреационной зоной крупнейшего города и призвана к сохранению всей экологической системы, которая включает, в том числе Ладожское озеро – крупнейший резервуар пресной воды в Европе. Из озера берет начало река Нева, на которой находятся и основные водозаборы города.

Два варианта территории Санкт-Петербургской агломерации – радиусом 60 и 150 км иллюстрирует рис. 1.

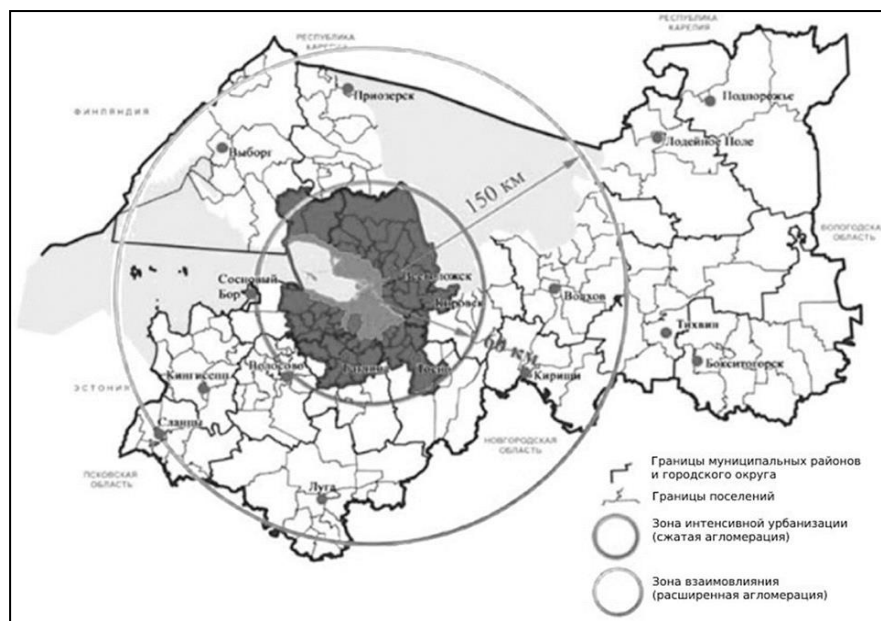

Рис. 1. Санкт-Петербургская городская агломерация

Повышение степени интеграции территории агломерации в обеих зонах создает компрессионный эффект. Большую роль играет в этом железнодорожный транспорт. Появление скоростного поезда «Ласточка» привело к тому, что удаленные районы фактически приблизились к городу, время в пути существенно сократилось: 150 км стало возможным преодолеть за 1,0-1,5 часа, что в классическом варианте считается оптимальным для городской агломерации.

Табл. 1 показывает степень включенности районов Ленинградской области в оба варианта Санкт-Петербургской агломерации: в «сжатый» вариант входят пять районов и городской округ Сосновый Бор, который также является одним из крупнейших поставщиков электроэнергии в регионе, а в «расширенный» шесть районов, причем Лугу, Приозерск, Выборг, так же, как и Сосновый Бор связывает с городом скоростной электропоезд.

Таблица 1

Состав Санкт-Петербургской «сжатой» агломерации (диаметр 60км) и «расширенной» агломерации (радиус 150 км)

№	Название	Площадь	Население	Плотность населения на кв. км	Административный центр	Расстояние до города-ядра, км
Сжатая агломерация (радиус 60км)						
1.	Всеволожский	2945	519360	176,35	Всеволожск	24
2.	Тосненский	3655,97	136200	37,25	Тосно	56,5
3.	Кировский	2590,46	109506	42,27	Кировск	46,7
4.	Гатчинский	2891,81	263942	91,27	Гатчина	43,2
5.	Ломоносовский	1919,17	79079	41,2	Ломоносов (входит в состав СПб)	52
6.	г. Сосновый Бор	71,98	65367	908,13	-	100 (по трассе)
Агломерация (радиус 150км)						
7.	Волосовский	2680,53	50376	18,79	Волосово	125
8.	Выборгский	7546,04	196905	26,09	Выборг	135,3
9.	Кингисеппский	2907,14	84937	29,22	Кингисепп	132,2
10.	Киришский	3045,30	60865	19,99	Кириши	168,1
11.	Лужский	6006,00	76969	12,82	Луга	149,1
12.	Приозерский	3597,03	57597	16,01	Приозерск	148,6

В целом можно констатировать, что в регионе Санкт-Петербурга во все больше степени происходит сжатие пространства и его социальная консолидация за счет более интенсивного совместного экономического развития, интеграции рынка труда, формирования новых селитебных зон и гармонизации мно-

гих социальных процессов. При этом остается острой проблема отчуждения от этого процесса восточных, наименее развитых с социально-экономической точки зрения районов области.

При всех отличиях агломерационного процесса в Байкальском регионе, вокруг самого крупного города Республики Бурятия – Улан-Удэ – процесс этот объективно разворачивается и в этом гораздо менее населенном регионе России. Официально в Улан-Удэнскую агломерацию кроме столицы республики включены четыре района, расположенные от нее на минимальном расстоянии, не превышающем 60 км. На рис. 2 отражена структура агломерационного образования.

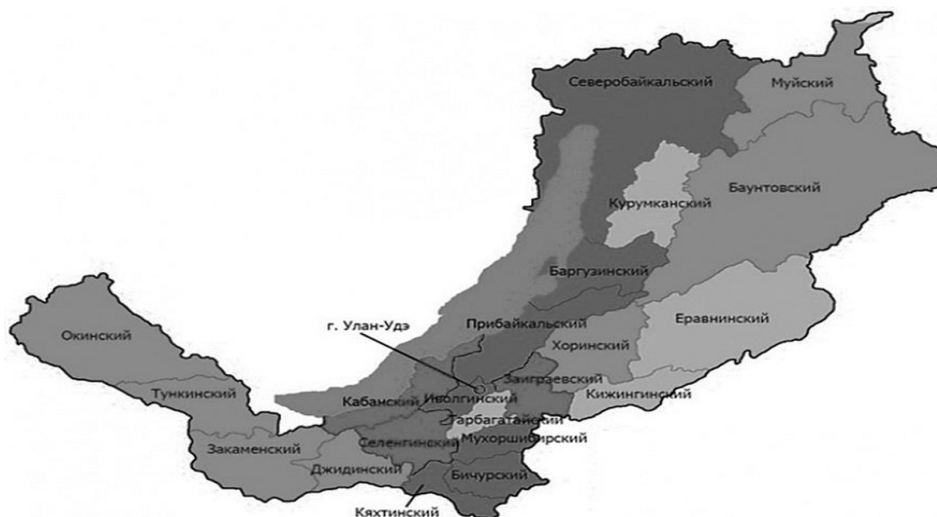

Рис. 2. Улан-Удэнская городская агломерация

Однако при ближайшем рассмотрении выявляются особенности территории, которые фактически не позволяют характеризовать ее как агломерационное образование: крайне низкая плотность населения, отсутствие достаточно развитых населенных пунктов – районных центров. Основные параметры элементов Улан-Удэнской агломерации приведены в табл. 2.

Таблица 2

Состав Улан-Удэнской агломерации

№	Название	Площадь	Население	Плотность населения на кв. км	Административный центр	Расстояние до города-ядра, км
1.	Улан-Удэ	365,71	431922	1257,37	г. Улан-Удэ	-
2.	Иволгинский	2057,53	52227	31,33	с. Иволгинск	30
3.	Заиграевский	6602,42	51251	7,69	пгт Заиграево	61,3
4.	Прибайкальский	15472	26756	1,57	с. Турунтаево	57,6
5.	Тарбагатайский	3304,03	20509	7,76	с. Тарбагатай	51

Несмотря на выявленные особенности перспективы развития агломерации в Республике Бурятия остаются реальными, но требуют достаточно интенсивного дорожного строительства для повышения мобильности населения, а также разработки не только мастер-плана [2] развития города Улан-Удэ, но всей и территории как целостной системы. Такой подход позволит повысить ресурсную базу региона в целом, а также придаст новый импульс развитию прилегающих к столице районов.

При создании метрополии Большой Париж (фр. Métropole du Grand Paris) была определена ее миссия как инструмента восстановления баланса территории, исходя из приоритета солидарности и блага всех жителей и муниципалитетов. Создание такого баланса должно быть целью развития российских агломераций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устина, Н.А., Земцов, А.В Системный подход к исследованию городских агломераций. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2021/11/ustina_zemczov_140-145.pdf
2. Беломестнов, В.Г., Бурмасков, М.А., Куприянова, И.Г. К вопросу о формировании мастер-плана развития Улан-Удэ. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49518097_36715676.pdf.

THE MAIN FACTORS OF AGGLOMERATIONS' FORMATION AS DETERMINANTS OF THE RUSSIA'S TERRITORIES DYNAMICS (CASES: ST. PETERSBURG AND ULAN-UDE)

Abstract. *Dynamic development of territories is one of the conditions for the formation of a high quality of life in the country. A special role in this process play cities, which in the 21st century are expanding their borders, turning into agglomerations. These urbanized territories determine the dynamics of the development in large regions, which is typical for different parts of Russia. The examples of St. Petersburg and Ulan-Ude show the features of the agglomeration process in the North-West of Russia and in the Baikal region.*

Keywords: *development, agglomeration, St. Petersburg, Ulan-Ude.*

УДК 910.3

Гонтарь Н.В.

Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕНТРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ РОССИИ

Аннотация. *Исследуется среднесрочная ретроспектива (в 2002-2021 гг.) концентрации населения России в столичных регионах и в городах-миллионниках.*

Ключевые слова: *население, города России, города-миллионники, региональная политика, крупные города.*

Введение. В 1990-е – начале 2000 гг. сформировался круг факторов и процессов пространственной организации населения России, обусловивший последующее поступательное упрочение демографического потенциала столичных городов и городов-миллионников. Данный тренд включал появление новых городов-миллионников (Красноярск, Краснодар, Воронеж) и возвращение данного статуса (после его утраты в начале 2000-х гг.) такими городами как Пермь и Волгоград. При этом сохранение и достижение статуса миллионника в ряде случаев обеспечивалось многократным административным расширением границ городов (например, Волгограда, Краснодара).

Процессы концентрации и децентрации населения – значимый фактор формирования региональной политики, что актуализирует анализ соответствующих процессов в городах-миллионниках.

Методика исследования. Целью статьи было выявление динамики уровня концентрации населения в крупнейших городах РФ и типология региональных ситуаций такой концентрации в контексте демографических процессов в регионах. Объектом анализа была динамика людности и доли в населении России и в населении «своих» регионов 16 современных (на конец 2022 г.) городов-миллионников, независимо от их людности на начало периода. Анализ охватил период 2002-2021 гг. и опирался на данные сборников «Регионы России» (тт. 1, 3) и данные Всероссийских переписей населения в 2002, 2010, 2021 гг.

Доля населения определялась относительно населения регионов локализации соответствующих центров (кроме Москвы и Санкт-Петербурга, все миллионники России – это столицы субъектов РФ). Население Москвы и Санкт-Петербурга соотносилось с населением России в целом, учитывая, что концентрация населения в Московской и Ленинградской областях является, по сути, отражением притяжения населения именно к столицам, и локализуется на их административных границах (в опоясывающих областях) преимущественно в силу объективных барьеров, таких как стоимость покупки и аренды жилья. Как следствие, столицы и опоясывающие их области рассматривались как целостный – в масштабах России – объект.

Основные результаты. Согласно данным переписи 2021 г., в 16 городах-миллионниках РФ (включая столичные города) проживало 35,5 млн чел, или 24,1 % учтенного переписью населения РФ (в 2002 г. соответствующие показатели составляли 30,3 млн и 20,1 % соответственно, что указывает на значимо большую концентрацию населения в крупнейших городах к 2021 г.).

Население России – согласно официальным данным – в исследуемый период стагнировало (по Переписи 2002 г. – 145 млн чел., согласно Переписи 2021 г. – 147,2 млн чел.). Столичные регионы на этом фоне увеличили как абсолютную численность населения, так и долю своего демографического потенциала на общероссийском фоне (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности и доли населения столичных регионов РФ (составлено автором по [1])

	Население		К роста населения (2021/2002)	Доля в столичном регионе (город и опоясывающая область), %		Доля в РФ, %	
	2002	2021		2002	2021	2002	2021
Москва	10387	13010	1,25	61,1	60,4	7,2	8,8
Московская обл.	6617	8525	1,29	39,9	39,6	4,6	5,8
Москва и область	17004	21535	1,27	100	100	11,8	14,6
Санкт-Петербург	4656	5602	1,20	73,6	73,7	3,2	3,8
Ленинградская обл.	1667	2001	1,20	26,4	26,3	1,1	1,4
Санкт-Петербург и область	6323	7603	1,20	100	100	4,3	5,2

Говоря о городах-миллионниках, следует отметить почти линейную траекторию роста их доли в населении соответствующих регионов (рис. 1).

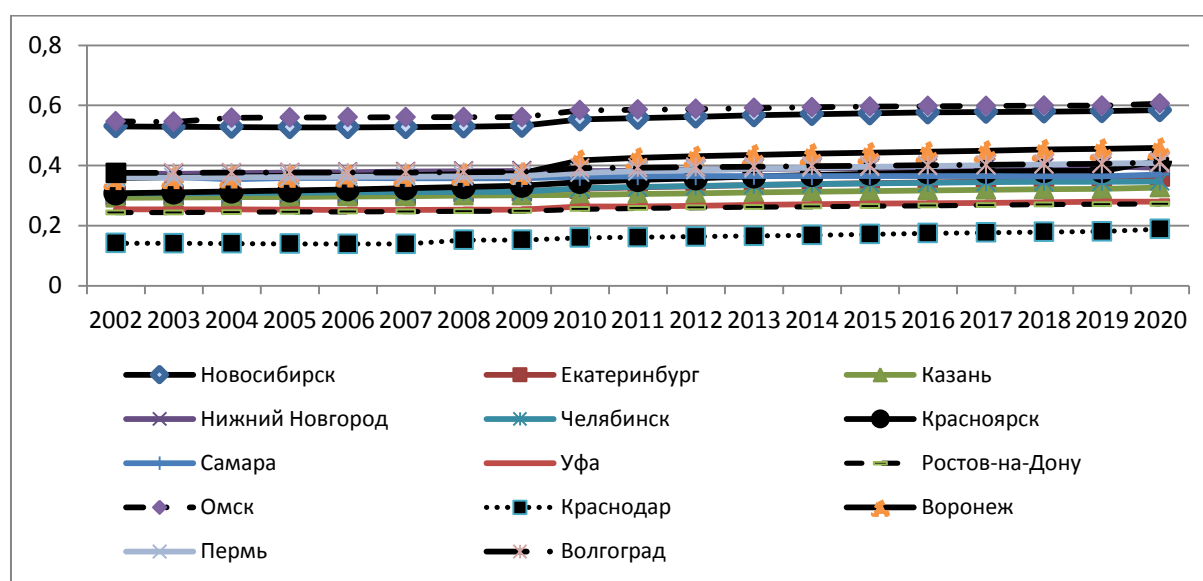

Рис 1. Динамика долей городов-миллионников в населении вмещающих их регионов в 2002-2021 гг. (составлено автором по [1])

Можно говорить о фактически непрерывном поступательном наращивании миллионниками своей доли в населении регионов. Так, **все без исключения** миллионники нарастили свою долю в населении регионов. Однако выраженный синхронный рост долей центров сочетается со значимо различной динамикой абсолютных параметров людности самих центров (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика численности населения в 2002-2021 гг.
в городах-миллионниках и столичных городах, % (составлено автором по [1])**

	Депопуляция (сокращение на 5-10 %)	Стагнация (к изменения, +/-, в пределах 3 %)	Рост населения (на 5-10 %)	Значимый рост населения (на 15-30 %)	Существенный «административный» рост (свыше 50 %)
Города	Нижний Новгород (-6,5%)	Волгоград (1,6), Пермь (2,3), Самара (-0,3), Омск (-07)	Уфа (9,8), Челябинск (7,7 %), Ростов-на-Дону (6,9)	Москва (25,3), Санкт-Петербург (20,3), Новосибирск (14,6), Казань (18,4), Екатеринбург (15,2), Красноярск (30,0), Воронеж (24,6)	Краснодар (52,0)

Таким образом, итогом почти 20 лет для большей части крупнейших городов и столиц стал значимый рост людности (на 15-30 %, и даже в 1,5 раза – для Краснодара), или рост в пределах 5-10 %. Однако сразу

для ряда центров население характеризовалось околонулевой динамикой, а в Нижнем Новгороде депопуляция стала явной.

Сопоставляя динамику людности, можно указать на ряд вариаций соразвития демографических процессов в центрах и «их» регионах (табл. 3):

- 1 тип – синхронный значимый рост населения центра и «окружающего» региона (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Казань, Новосибирск);
- 2 тип – существенный или значимый рост людности центра при депопуляции в регионе (Красноярск, Воронеж, Екатеринбург, Уфа, Челябинск, Ростов-на-Дону);
- 3 тип – Стагнация (малозначимое изменение) численности населения центра при (часто – значимой) депопуляции в регионе (Пермь, Волгоград, Самара);
- 4 тип - Сокращение населения центра при значительной (более 10%) депопуляции в регионе (Омск, Нижний Новгород).

Таблица 3

Сравнительная динамика численности населения миллионников и вмещающих субъектов РФ в 2002-2021 гг., % (составлено автором по [1])

	Динамика населения центра, %	Динамика населения вмещающего региона, %
Краснодар	52,0	14,0
Красноярск	30,7	-3,5
Воронеж	24,6	-2,8
Казань	18,4	6
Екатеринбург	15,2	-4,7
Новосибирск	14,6	4,1
Уфа	9,8	-0,3
Челябинск	7,7	-4,6
Ростов-на-Дону	6,8	-4,4
Пермь	2,3	-10
Волгоград	1,6	-7,2
Самара	-0,3	-1,9
Омск	-0,7	-10,4
Нижний Новгород	-6,5	-11,3

Таким образом, общая концентрация населения в ключевых городах скрывает радикально разные процессы, включая демографическую деградацию миллионника (которая «арифметически» дает рост концентрации в условиях еще более быстрой деградации окружения).

Сопоставление изменения концентрации населения в миллионниках с динамикой их людности позволяет дополнительно охарактеризовать спектр вариантов формальной концентрации населения в центрах (табл. 4).

Так, наращивание доли в населении ряда центров сочеталось с ростом численности населения, что позволяет говорить об устойчивом в перспективе положении таких центров (Новосибирск, Екатеринбург, Казань, Краснодар, Красноярск, Уфа, Воронеж, и, в меньшей мере – Челябинск и Ростов-на-Дону).

Для второй категории можно указать на рост доли центров без столь же явного подтверждения в абсолютных цифрах (Пермь, Волгоград).

Наконец, третья категория миллионников демонстрирует «концентрацию» как следствие опережающей депопуляции окружения – Нижний Новгород, Самара, Омск.

Выводы. Анализ среднесрочной динамики людности и концентрации населения в городах-миллионниках позволяет заключить, что миллионники России, несмотря на приписываемый данной категории городов общий статус актуальных и потенциальных «полюсов роста», и рост их доли в населении «своих» регионов, не могут рассматриваться как однородная категория. Так, рост доли населения центров в ряде случаев сочетается с демографической стагнацией и депопуляцией самих центров и/или их окружения. Как следствие, проведение региональной политики, имеющей в качестве объекта крупнейшие города РФ, должно учитывать реальный демографический потенциал и особенности окружения таких центров. Таким образом, значение приобретает дифференциация инструментария региональной политики в зависимости от принадлежности городов-миллионников к группе действительных центров концентрации, формальным центрам, либо городам, демонстрирующим лишь арифметическую концентрацию.

**Изменение численности населения и доли миллионников в населении «своих» регионов в 2002-2021 гг.
(составлено автором по [1])**

Город-миллионник	Изменение доли миллионника в населении своего региона, %		К роста доли центра в населении, %	Изменение численности населения миллионника, тыс. чел.
	Доля населения, проживающего в столице региона, %			
	2002	2021		
Новосибирск	53,0	58,4	10,2	208,5
Екатеринбург	29,9	36,2	20,8	203,5
Казань	29,3	32,7	11,7	203,7
Нижний Новгород	37,3	39,3	5,4	-85,3
Челябинск	30,7	34,7	13,0	85,4
Красноярск	30,7	41,6	35,5	278,7
Самара	36,4	37,0	1,7	-3,4
Уфа	25,4	28,0	10,1	102,6
Ростов-на-Дону	24,3	27,2	11,9	73,7
Омск	54,7	60,6	10,8	-8,0
Краснодар	14,1	18,8	33,3	376,0
Воронеж	35,8	45,8	28,2	209,2
Пермь	35,9	40,8	13,7	23,1
Волгоград	37,5	41,1	9,5	16,6

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Nicholay V. Gontar

Southern Federal University, Rostov-on-Don

CONCENTRATION OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE MOST IMPORTANT CITIES

Abstract. A medium-term retrospective (in 2002-2021) of the concentration of the Russian population in cities with a population of one million is being investigated.

Keywords: population, cities of Russia, million-plus cities, regional policy, large cities.

УДК 314.02(76.021)

Грибок М.В.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва*

ОБ ОПЫТЕ РАЗРАБОТКИ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ИНФОГРАФИКИ ПО ИТОГАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. На основе данных Всероссийской переписи населения разработана серия инфографических видеороликов для проекта «Россия в цифрах» федерального телеканала «Россия 24». Темы видеоинфографики охватили все основные разделы итогов переписи и способствовали повышению уровня знаний зрительской аудитории о населении России.

Ключевые слова: Всероссийская перепись населения, инфографика, видеоинфографика, телевидение, образ России.

Инфографика, как способ визуализации информации, применяется, как правило, в тех случаях, когда необходимо максимально наглядно и доступно для понимания представить заданной аудитории какие-либо сведения. Инфографика активно используется и набирает всё большую популярность в различных образовательных и просветительских проектах, а также в средствах массовой информации, в том числе на телевидении [1].

На федеральном телеканале «Россия 24» с 2009 г. существует просветительский проект «Россия в цифрах», представляющий собой трансляции информационных видеороликов длительностью 60 секунд в перерывах между новостными выпусками. Видеоинфографика в наглядной форме раскрывает зрителям

актуальную информацию по разнообразным темам: населению, экономике, транспорту, промышленности, сельскому хозяйству, туризму, экологии и т.д. Каждую неделю в эфир выходит по пять новых видеороликов.

Для разработки инфографики используется информация из официальных источников, которая может быть потенциально интересна аудитории телеканала, а также соответствует его информационной политике и повестке дня [2].

Данные Всероссийской переписи населения, которые публиковались на сайте Росстата с мая по декабрь 2022 г. [3], представляют собой большой массив новой информации, позволившей расширить и разнообразить набор тем видеоинфографики для проекта «Россия в цифрах».

Всего с июня 2022 по январь 2023 гг. разработано и создано 13 видеороликов по данным Всероссийской переписи населения. Ниже представлены их рабочие названия и краткие расшифровки содержания.

1. **Города России** (общее число городских поселений и их типы, распределение городов по численности населения, сравнение федеральных округов по количеству крупных городов).

2. **Города-миллионники** (доля населения России, живущего в городах в целом и городах-миллионниках; изменение количества городов-миллионников с 2010 г.; города, достигшие численности населения в 1 млн жителей после переписи 2010 г.; наиболее быстро растущие города-миллионники).

3. **Население регионов России** (прирост численности населения России по сравнению с переписью 2010 г.; структура и динамика населения по федеральным округам; регионы с наибольшим приростом и снижением численности населения по сравнению с предыдущей переписью).

4. **Сельское население** (общее количество сельских поселений; структура по численности жителей; сравнение с городским населением; доля сельского населения в федеральных округах).

5. **Пол и возраст россиян** (распределение россиян по полу; преобладание мужчин среди россиян в возрасте до 25 лет и преобладание женщин в более старших возрастах; сколько женщин приходится на 100 мужчин разного возраста).

6. **Семейное положение россиян** (россияне, состоящие в официальном и неофициальном браке, разведенные, овдовевшие – статистика по разным возрастным группам населения).

7. **Состав домохозяйств** (общее число частных домохозяйств; структура по числу человек; по наличию супружеских пар, количеству детей и других взрослых членов семьи).

8. **Занятость женщин с детьми** (доля трудоустроенных среди женщин разных возрастов, в городской и сельской местности; доля трудоустроенных среди женщин без детей и с разным количеством детей).

9. **Уровень образования россиян** (распределение россиян по уровню образования; доля имеющих высшее образование среди мужчин и женщин, среди разных возрастных групп, среди сельских и городских жителей).

10. **Иностранцы, постоянно проживающие в России** (сколько граждан иностранных государств живут в России; структура по месту рождения; страны ближнего и дальнего зарубежья с наибольшим числом граждан, живущих в России; соотношение мужчин и женщин среди иностранцев, живущих в России).

11. **Мигранты из дальнего зарубежья** (численность иностранных граждан, временно проживающих в России; мигранты из стран ближнего и дальнего зарубежья; структура мигрантов из дальнего зарубежья по причинам приезда, по гражданству).

12. **Национальный состав населения** (доля указавших национальность при переписи населения; основные национальности, населяющие Россию; прирост и сокращение численности представителей крупнейших национальных групп по сравнению с переписью 2010 г.).

13. **Коренные малочисленные народы России** (какие народы относятся к коренным малочисленным, сколько народов имеют такой статус в России; коренные народы с наибольшей и наименьшей численностью).

Основной критерий отбора данных для использования в проекте «Россия в цифрах» можно обозначить как наличие возможности построить при помощи визуальных средств видеоинфографики 3-5 простых для восприятия кадров по какой-либо теме. При этом по каждой выбранной теме было необходимо показать базовую статистическую информацию и по возможности добавить какие-либо неочевидные данные, которые могут заинтересовать зрителя и дать ему возможность сделать собственные выводы и приобрести новые знания.

Для примера на рис. 1 приведены кадры видеоролика о национальном составе населения России. Как мы видим, для инфографики отобрана только наиболее общая информация: о численности указавших и не указавших национальность, численности крупнейших этнических групп, их деление на сельских и городских жителей, а также динамика численности в сравнении с итогами предыдущей переписи 2010 г. В каждом кадре присутствует не более пяти графических элементов и минимум текста, который можно успеть прочитать, не останавливая просмотр видео.

При производстве графики использован принцип управления вниманием, согласно которому все элементы видео анимируются последовательно, чтобы у зрителя не возникало непонимания, в какую часть кадра ему нужно смотреть в каждый момент времени и не приходилось следить сразу за двумя или более областями экрана.

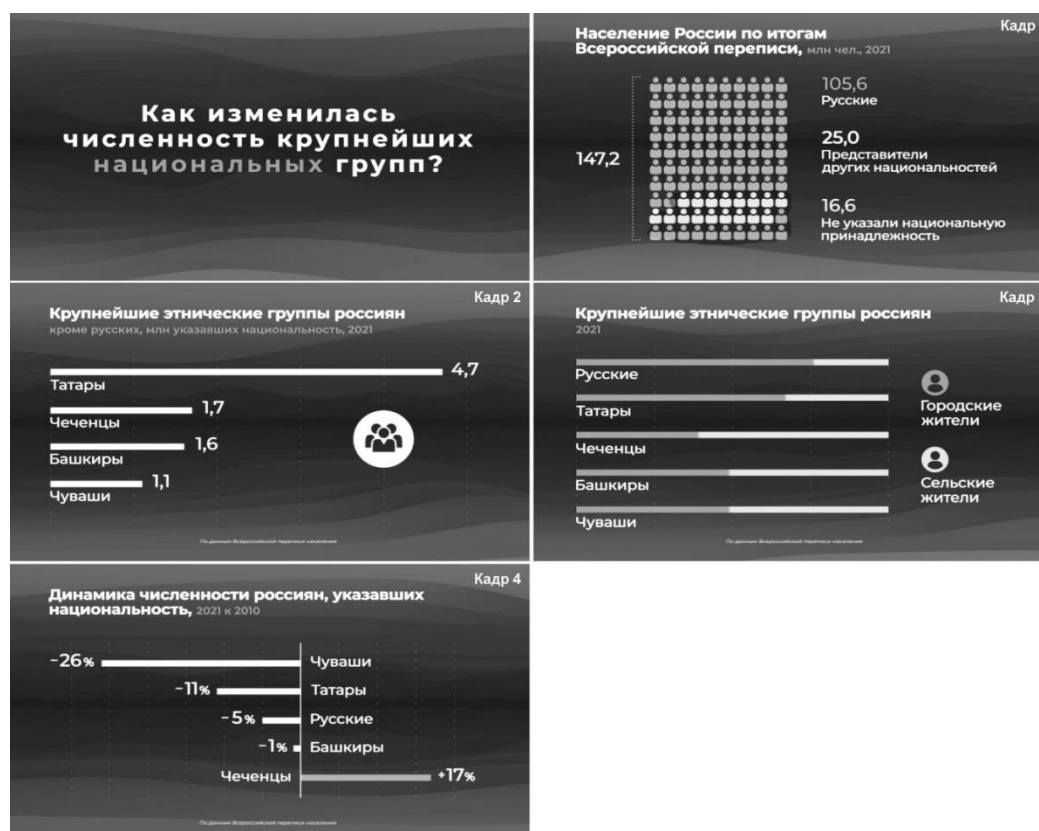

Рис. 1. Кадры видеоинфографики о национальном составе населения России

Таким образом, для разработки видеоинфографики отобраны обобщённые и при этом несложные для восприятия данные по основным разделам итогов Всероссийской переписи населения, использованы наглядные способы их визуализации, подобраны подписи и другие элементы графики. Полученная видеоинфографика, транслируемая в рамках проекта «Россия в цифрах» на федеральном телеканале «Россия 24», способствовала популяризации знаний о населении страны и дополнила образ России в массовых представлениях новой официальной информацией.

Автор выражает благодарность компании «Меркатор» за плодотворное сотрудничество по реализации проекта «Россия в цифрах» и предоставленные видеоматериалы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Симакова С.И. Инфографика на телевидении // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 9 (391). С. 158-165.
2. Грибок М.В. Образ России в телевизионной инфографике (на примере проекта «Россия в цифрах» телеканала «Россия 24») // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы V Междунар. науч. конф. Москва: Московский художественно-промышленный институт, 2021. С. 502-505.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 20.01.2023).

Marina V. Gribok

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

ABOUT THE EXPERIENCE OF DEVELOPING TELEVISION INFOGRAPHICS BASED ON THE ALL-RUSSIAN POPULATION CENSUS RESULTS

Abstract. A series of infographic videos based on the data of the All-Russian Population Census has been developed for the project "Russia in Numbers" of the federal TV channel "Russia 24". The topics of the video infographics covered all the main sections of the census results and contributed to raising the level of the audience knowledge about the Russian population.

Keywords: All-Russian Population Census, infographics, video infographics, television, image of Russia.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

***Аннотация.** Самоорганизация населения – важный индикатор развития здорового гражданского общества. Распространение атомизации и атрофированность института сельских общин свидетельствует о наличии глубинных проблем сельского развития. В статье рассматриваются региональные формы самоорганизации сельского населения на Крымском полуострове, развивающиеся в постсоветский период.*

***Ключевые слова:** сельская местность, самоорганизация населения, сельская община, кооперативы, пространственные различия, человеческий капитал, социальный капитал.*

Кризис российской сельской местности, начавшийся еще в последние десятилетия существования Советского государства, углубляется. Меры, предпринимаемые властями, не оказывают желаемого эффекта по его преодолению. Сельские территории продолжают терять экономически активное население, которое мигрирует в города, несмотря на начавшийся центробежный процесс переселения горожан в сельскую местность. Поэтапная «оптимизация» социальной инфраструктуры, значительные различия условий жизни между городом и сельской местностью, отсутствие мест приложения труда и другие причины сформировали у многих сельских жителей стремление переезда в город. А отсутствие у местных властей реальных полномочий и механизмов участия населения в решении проблем своих населенных пунктов стимулирует равнодушие селян к судьбе своих поселений.

Опыт европейских стран показывает, что преломить стагнацию сельских территорий способны мероприятия по увеличению социального и человеческого капитала. Необходимы меры социальной мобилизации населения, что является обязательным условием формирования гражданского общества в России. Возникновение у жителей доверия к односельчанам и властям, формирование убеждения, что жители способны инициировать проекты и влиять на процессы территориального планирования своих населенных пунктов, поспособствуют развитию гражданского активизма. Одной из форм социальной активности является самоорганизация населения для решения общих вопросов.

Формы самоорганизации сельского населения в России. Исторически в России появление естественных форм самоорганизации населения ограничивалось жестким административным контролем. Их появление происходило в основном в периоды ослабления государственной власти. Например, всплеск наблюдался в период между Февральской революцией 1917 г. и образованием СССР, когда образовалось множество товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ), коммун, артелей и других объединений сельских жителей для совместного хозяйствования. В остальное время возникавшие формы самоорганизации либо репрессировались (например, толстовские общины), либо брались под контроль из-за своей массовости (например, сельские общества, старообрядческие и казачьи общины).

Во времена Российской империи возникла самая распространенная форма самоорганизации сельского населения в стране – сельская община (или сельское общество). Но после реформы князя П.Д. Киселева 1837 г. сельские общества были превращены в единицы административно-хозяйственного самоуправления сельского населения, то есть формировались и контролировались властями для упорядочивания хозяйственных и фискальных отношений в сельской местности. После образования СССР сельское население было «принудительно» коллективизировано, что при жестком административном контроле фактически привело к возвращению крепостного права. Возникшее в период НЭПа разнообразие форм хозяйствования было приведено к единым стандартам уже в конце 1930-х гг. Мелкие коллективные хозяйства, объединявшие население одного населенного пункта, можно считать формой самоорганизации. Однако последующее административное укрупнение колхозов 1950-х гг. отодвинуло сельских жителей от вопросов принятия решений, но оставило за ними право влияния на «жизнь» своих населенных пунктов.

После распада СССР появилась возможность образования естественных форм самоорганизации. Коллективные хозяйства либо исчезли, либо были реорганизованы в акционерные общества. Но в большинстве своем апатичность сельских жителей и их стремление мигрировать в города не позволили возникнуть массовому движению самоорганизации населения в сельской местности. Несмотря на недавние слова Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В. Матвиенко, что

«местное самоуправление в России как форма общественной самоорганизации полностью состоялось» [1], это не так. Об этом свидетельствуют казусы, возникающие в различных сельских муниципалитетах во время местных выборов, когда на должность глав сельских администраций никто не претендует [2].

Впрочем, правительство предпринимает попытки реанимации сельской активности и побуждения жителей к самоорганизации. Это происходит «сверху-вниз», когда населению периодически предлагаются формы, которые подхватываются наиболее активными сообществами. Примерами подобных форм являются кооперативы различных видов и территориальные общественные самоуправления (ТОС), которые пока не носят массового характера.

Параллельно с административными формами в сельской местности возникли и развиваются другие практики самоорганизации, перекочевавшие в Россию из других стран. Это и экологические поселения, и общины, объединенные различными религиозными течениями и общественными движениями. Но их членами являются чаще горожане, мигрировавшие в сельскую местность, но никак не взаимодействующие с сельскими жителями. Подобные многочисленные примеры мы встречали на границе Московской агломерации [3].

Формы самоорганизации населения в Крыму. Формирование современного крымского общества началось в 1944 г., после завершения освобождения Крымского полуострова от немецкой оккупации. Массовое уничтожение еврейского и цыганского населения, партизан и других противников оккупационных властей, депортации немцев, крымских татар, армян, болгар, греков и «асоциальных элементов» прервали естественный ход социального развития. Переселенческое движение, развернутое сразу после освобождения Крыма в 1944 г. и завершенное в 1976 г., сформировало ядро современного общества – славянское большинство (русские, украинцы и белорусы – 75 % (2021) [4]). Вторая составляющая современного общества «болезненно» добавилась в 1990-е гг. в результате репатриации ранее депортированных народов, начавшейся в результате отмены дискриминационных законов и распада СССР. Рост межэтнической напряженности, стремительная пауперизация населения затрудняли процесс налаживания диалога и самоорганизации населения в сельской местности. Но усилия по социальной мобилизации предпринимались, и не только со стороны властей.

Колхозы. В советское время и в первые постсоветские годы коллективные хозяйства являлись организаторами жизни на селе. Многие хозяйства являлись «миллионерами», то есть объем годовой прибыли превышал 1 млн советских рублей. Это позволяло им реализовывать инфраструктурные проекты в своих населенных пунктах – строить объекты социальной инфраструктуры, водоводы, асфальтировать дороги и др. Объединение жителей населенных пунктов также обеспечивалось коллективными хозяйствами – совместное место работы, проведение общих праздников и поездок и поддержание пропагандируемого властями «коллективизма».

Но после начала перехода к рыночной экономике промедление властей в реформировании системы коллективных хозяйств привело к стремительному банкротству ранее успешных «колхозов-миллионеров». Период слабости государственной власти позволил предприимчивым жителям «растачить» колхозные фонды согласно своим возможностям: управленцы приватизировали земельные и имущественные фонды скопом, механизаторы выкупили трактора, доярки – коров, другие жители разбирали здания на камни. В итоге, к концу 1990-х гг. сельские сообщества осиротели, оставшись без попечительства коллективных хозяйств. Выжившие предприятия были реорганизованы в сельскохозяйственные кооперативы либо приватизированы крупными бизнес-структурами (в том числе, агрохолдингами) [5].

Громады. При поддержке Правительства Украины с 1995 г. в Крыму начала работать Программа развития и интеграции Крыма Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРИК ПРООН), целью которой, среди прочего, являлась поддержка развития сельской демократии в муниципалитетах полуострова. Специалисты ПРИК ПРООН налаживали диалог между сельскими жителями и органами власти разных уровней при планировании и реализации проектов в сельской местности (рис. 1).

Основной институт, сформировавшийся в том числе и при поддержке ПРИК ПРООН, это громада (сельская община) – общественная организация, включающая жителей определенного населенного пункта, и взаимодействующая со специалистами программы и властями. Громады создавались для организации общественных обсуждений, поиску приоритетных проектов, необходимых жителям для нормального существования в своем населенном пункте, и формирования у населения убеждения возможности влиять на принятие решений. Задачей специалистов ПРИК ПРООН был поиск частных инвестиций для реализации сельских проектов. Но обязательным условием участия громады в программе являлось минимальное финансовое вложение для формирования у населения чувства ответственности.

В результате работы ПРИК ПРООН в 1995-2014 гг. на полуострове были реализованы более 700 инвестиционных проектов, среди которых строительство водопроводов, фельдшерско-акушерских пунктов,

реконструкция школ, детских садов и клубов и др. [7]. Также организованы более 600 громад, около 80 % из них – при поддержке ПРИК ПРООН [6]. Большинство из них исчезли после завершения реализации проектов, но существуют и примеры громад, которые функционируют и сейчас. Активные жители, организовавшиеся при помощи специалистов ПРИК ПРООН, привыкли слаженно работать и после завершения работы программы инициировали другие проекты по развитию своего населенного пункта [8].

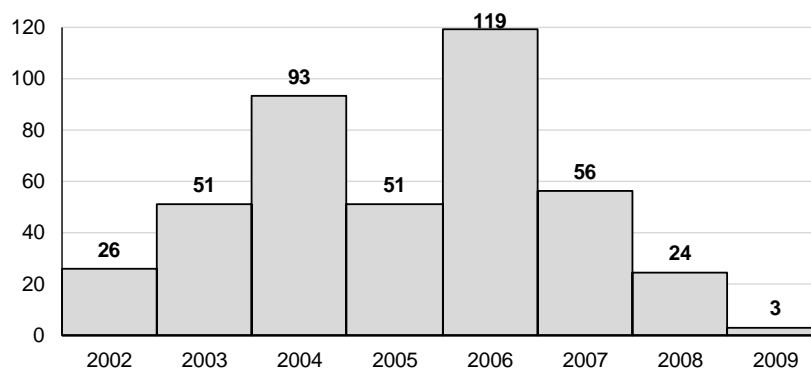

Рис. 1. Количество проектов ПРИК ПРООН в 2002-2009 гг. [6].

Кооперативы. Развитие кооперации в сельской местности является одним из мероприятий по повышению уровня жизни селян в условиях отсутствия рабочих мест в селах Крыма. С начала 2000-х гг. сельские жители объединялись в кооперативы различных видов с целью ведения экономической и хозяйственной деятельности. Специалисты ПРИК ПРООН также поддерживали кооперативное движение: оказывали юридические консультации, проводили обучение участников, популяризировали объединения среди средних сельхозпроизводителей.

Но отсутствие последовательной политики властей по поддержке сельскохозяйственной кооперации не позволило этой практике стать массовой в сельской местности Крыма (рис. 2). В регионе в 2011 г. существовало 54 сельскохозяйственных кооператива [10], на начало 2023 г. действует 65 кооперативов [9].

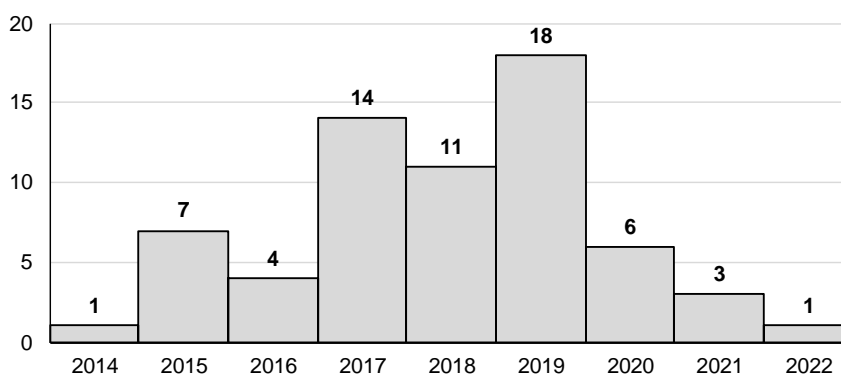

Рис. 2. Динамика количества зарегистрированных на территории Республики Крым сельскохозяйственных потребительских кооперативов за 2014-2022 гг. [9].

Выводы. Российские сельские территории за более чем три десятилетия накопили массу проблем, отдельные из которых разрушили систему расселения в отдельных районах страны. Возникновение процесса обратной миграции из города в село свидетельствует, что антикризисные меры, предпринимаемые властями, не напрасны. Но необходимо пересмотреть приоритетные направления поддержки. Если сейчас упор делается на реализацию инфраструктурных проектов, то в дальнейшем нужно стимулировать накопление, реализацию человеческого и социального капитала в контексте развития форм самоорганизации населения в сельских населенных пунктах.

Положительным примером развития таких форм является усилия властей и неправительственных организаций по социальной мобилизации и развитию сельской демократии в сельских степных районах Крымского полуострова. При поддержке ПРИК ПРООН в депрессивных поселениях были созданы громады, объединившие жителей. С помощью громад удалось решить множество социально-экономических проблем и выработать у населения чувство необходимости гражданской активности при планировании развития территорий проживания.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Местное самоуправление в России как форма общественной самоорганизации полностью состоялось / В. Матвиенко // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/99219/>
2. Никто не хочет становиться главой Фыркала // Информационное агентство Хакассия [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/99219/https://19rus.info/index.php/vlast-i-politika/item/69776-nikto-ne-khochet-stanovitsya-glavoj-fyrkala>
3. Пивовар Г.А., Алексеев А.И., Гавриленко А.С., Гусаков Т.Ю., Дельва К.И., Корюхин Д.М. Рост полифункциональности сельской местности: пример района на границе Московской агломерации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2018. № 2. С. 102-104.
4. Национальный состав населения Российской Федерации согласно переписи населения 2021 года // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/news/99219/https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Том5_tab1_VPN-2020.xlsx
5. Гусаков Т.Ю. Сельский Крым и его агрохолдинги // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 2. С. 106-129.
6. Институциональное развитие органов самоорганизации населения в сельских районах Автономной Республики Крым // Программа развития Организации Объединённых Наций Программа развития и интеграции Крыма. Симферополь, 2009. 59 с.
7. ПРООН в Крыму помогла решить проблемы 700 местных советов // КИА-News [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/99219/http://www.kianews.com.ua/news/proon-v-krymu-pomogla-reshit-problemy-700-mestnyh-sovetov>
8. Отчет по оценке эффективности компонента «Демократическое управление с участием граждан» // Программа развития и интеграции Крыма Программы развития Организации Объединённых Наций. Симферополь. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/news/99219/http://www.undp.crimea.ua/img/content/file/rep_CO_effectiveness.pdf
9. Сельскохозяйственная потребительская кооперация // ГБУ РК «Крымский ИКЦ АПК» [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/99219/https://ikc-rk.ru/сельскохозяйственный-потребительск/>
10. Сельскохозяйственные обслуживающие кооперативы: становление и развитие (на примере АР Крым): пособие. Симферополь, 2011. С. 47.

Timur Yu. Gusakov

*Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Moscow*

REGIONAL FORMS OF SELF-ORGANIZATION OF THE RURAL POPULATION ON THE CRIMEAN PENINSULA

Abstract. *Self-organization of the population is an important indicator of the development of a healthy civil society. The spread of atomization and the atrophy of the institution of rural communities indicates the existence of problems in rural development. The article discusses the regional forms of self-organization of the rural population on the Crimean Peninsula, developing in the post-Soviet period.*

Keywords: *rural area, population self-organization, rural community, cooperatives, spatial differences, human capital, social capital.*

УДК 910.3; 332.142.4

Даньшин А.И.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва;
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск*

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА МАЛОГО ГОРОДА ДЛЯ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ФУНКЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается возможное взаимовлияние малых городов и сельской местности, в том числе ее агропромышленной функции. Предложены показатели оценки потенциала малого города для развития окружающей сельскохозяйственной территории. Важнейшими показателями признаны географическое положение города и динамика его численности населения.*

Ключевые слова: *сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, малый город, потенциал развития.*

Говоря о потенциале, мы предполагаем, что это своеобразная функция определенного поля, где есть источники, создающие возможности распространения тех или иных волн и формирующие вектора влияния этих волн на окружающие поля [1].

В «пространстве» агропромышленного комплекса, соединяющем в себе достаточно разные по функционалу отрасли и одновременно распространяющем свое влияние на значительные территории часто с контрастными условиями развития, существуют точки возмущения этого пространства в виде городов, отличающихся от окружающей их сельской местности с позиций наличия в них отраслей агропромышленного комплекса и развития не характерных для сельской местности агропромышленных функций [2]. Это создает условия для наводящего потенциала на в определенной степени однородную сельскохозяйственную территорию. Вместе с тем, сельскохозяйственная территория формирует условия для возможного развития города как элемента большого агропромышленного поля. То есть потенциал любого объекта в имеющемся агропромышленном поле будет состоять из двух потенциалов полей: площадного агропромышленного (фонового) и локального точечного «вырабатываемого» городом (наведенного на определенную территорию, зависящую от величины города).

В данном случае важное значение будет иметь размер города. Чем больше город, тем меньше сельскохозяйственных функций у него может быть. Часто в крупных и крупнейших городах остается только промышленная функция, да и то оторванная от окружающего сельского хозяйства, а также управление. Правда, в последнее время в странах с высокой плотностью населения и недостатком земельных ресурсов стали говорить о городском сельском хозяйстве, то есть о возможности производства сельскохозяйственной продукции на территории города как в виде крупных вертикальных ферм, так и мелких индивидуальных участков, в том числе на привнесённом субстрате [3; 4]. В малых городах, особенно в Российской Федерации, сельскохозяйственное производство в виде подсобных участков существует до настоящего времени.

Как утверждают Д.Ю. Землянский и др. за счёт активного притока инвестиций сегодня происходят значительные трансформации внутри аграрной отрасли: экстенсивные меры ведения хозяйства заменяются современными высокопроизводительными комплексами, активно происходит модернизация фондов. Появляется всё больше возможностей для развития сельскохозяйственной деятельности в пределах городов: в результате внедрения новых эффективных технологий сельскохозяйственные предприятия становятся более компактными, что повышает возможность их размещения в пределах городских территорий, испытывающих дефицит земельных ресурсов [5].

В период проявления кризисных явлений малые города как ядра развития руральных пространств испытывают сложности собственного существования, а, следовательно, этот негативный процесс может перекинуться на сельскую местность, причем, в свою очередь, состояние сельской местности будет сказываться на малых городах.

Потенциал малого города для агропромышленного комплекса может быть реализован в трёх направлениях: как центра управления территорией; для формирования нормально функционирующей социальной среды; в виде производственного фактора, отражающего как развитие сельского хозяйства, так и переработку сельскохозяйственной продукции.

Исходя из общенаучных умозаключений, можно предположить, что потенциальная специализация малого города на переработке сельскохозяйственного сырья должна определяться теми направлениями сельского хозяйства, которые присущи территории, где располагается малый город, в отличие от крупного города, где потребительский фактор может определять развитие таких отраслей, сырьё для которых привозится на данную территорию. То есть, собственно географическое положение малого города в условиях сопряженных характеристик агроклиматического и почвенного потенциала будет являться фактором развития агропромышленной функции. По нашей оценке, а также по исследованиям К.В. Аверкиевой [6] в недавнем прошлом 3/4 малых городов в той или иной степени были связаны с обслуживанием сельскохозяйственного производства и населения, тяготеющих к ним сельских районов.

Принято считать, что зона рентабельного земледелия может заканчиваться в европейской части страны не севернее широты 60°, на востоке спускаясь южнее до 56° в районе Красноярска, до 53° в Иркутской и Амурской областях, а на побережье до 51°. В нашем случае это говорит о том, что все малые города, расположенные вне пределов земледельческой зоны не должны иметь как таковой «серьёзной» агропромышленной составляющей, а пищевые отрасли, если они есть, могут производить продукцию, исключительно ориентированную на местное потребление (хлебозаводы, молокозаводы и т.п.). Да и, как правило, функцию производства пищевых продуктов в более северных районах на себя перетягивают средние и крупные города.

При этом существенно, что в зоне рискованного земледелия (севернее выше обозначенной границы) локально можно наблюдать развитие не только животноводческих отраслей сельского хозяйства, но и растениеводство, представленное как товарным тепличным хозяйством, так и индивидуальным земледелием закрытого грунта площадью до 10 м². Экспертные интервью, проведенные нами в населённых пунктах по

трассе «Колыма» (август 2019 г.), показывают, что в большинстве случаев это индивидуальные инициативные проекты. Так, сотрудница (45 лет) одного из поселковых учреждений в Усть-Нере (64°34' с.ш.), имея небольшую теплицу, причиной ее наличия назвала «... отдых от сидячей работы, и всё-таки это своё, а не покупное». Молодой человек (32 года) в городе Сусуман (62°47' с.ш.) взял на семью несколько гектаров земли (бывшие сельскохозяйственные угодья) по программе «Дальневосточный гектар» для восстановления на них тепличного хозяйства: «... хочу попробовать себя в качестве фермера, да и возможно буду дуть свежие овощи для жителей Сусумана».

Возможность возникновения (продолжения функционирования) отраслей перерабатывающей промышленности (как в нашем случае) или промышленной отрасли вообще, также может быть связано с динамикой численности населения в малых городских населенных пунктах (МГНП), то есть в малых городах и поселках городского типа. Можно предположить, что даже при имеющемся освоенном агропромышленном потенциале МГНП, то есть наличие уже в настоящее время предприятий, обеспечивающих функционирование АПК (переработка, инфраструктура, управление) при отрицательной динамике численности почти четверть МГНП окажется бесперспективной.

Динамика МГНП показывает¹⁶, что из исследованных 2073 объектов (778 малых городов и 1295 пгт) около 16 % всех МГНП не изменили число жителей по сравнению с 1995 г. (динамика в пределах 0,95-1,05). Более 5,6 % поселений имели прирост населения до 15 % (119 МГНП), рост численности населения от 15 до 30 % наблюдался в 78 МГНП (3,7 %) и 73 МГНП (3,5 %) увеличили численность более чем на 30 %. В почти 70 % всех МГНП (1437) преобладала отрицательная динамика численности населения. Из этих населенных пунктов подавляющая часть (894 или 43 %) снизила численность населения на 5-15 %, 381 МГНП (18,4 %) – на 15-30 %, и 167 МГНП (8,1 %) – более чем на 30 %.

Если рассматривать группу малых городских населенных пунктов, в значительной степени снизивших свои показатели численности посубъектно, то в неё попадают почти все городские поселения Магаданской области, 22 МГНП из Якутии, по 12 МГНП севера Иркутской области и Забайкальского края, значительная часть населенных пунктов северо-востока Республики Коми, 9 МГНП севера Свердловской области, по 3-5 МГНП из Красноярского и Хабаровского краев, Мурманской, Сахалинской областей, Чукотского АО, 3 пгт с севера Бурятии, 3 поселка из Карачаево-Черкесии. Из других по динамике групп МГНП можно исключить из рассмотрения по взаимодействию с сельской местностью (если это не лесные угодья) населенные пункты, расположенные севернее границы результативного земледелия (1651). Это отражает их экономико-географическое положение применительно к сельскому хозяйству. В итоге, сельское хозяйство может оказывать влияние почти на две трети МГНП, увеличивая число функций за счет потенциала переработки.

Как мы уже ранее предполагали, МГНП, характеризующиеся резким ухудшением показателей динамики численности населения за рассматриваемые 15 лет, тоже не должны быть выведены за скобки, так как их инвестиционная привлекательность (даже если в них уже есть какая-то сельскохозяйственная переработка) совсем низкая. То есть 59 МГНП также могут быть исключены из списка. Следовательно, 1571 МГНП находятся в зоне сельскохозяйственного освоения и по своему макрогеографическому положению могут претендовать на развитие перерабатывающих отраслей.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ (23-27-00357) «Малый город в приграничных с Белоруссией регионах России: новая миссия и функции в эпоху неоиндустриальных трансформаций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Идельсон Н.И. Теория потенциала с приложениями к теории фигуры Земли и геофизике. Ленинград; Москва: Объединенное научно-техническое издательство, 1936. 424 с.
2. Крючков В.Г., Носонов А.М. Моделирование взаимодействия природных и производственно-территориальных систем сельского хозяйства // География и природные ресурсы. 2000, № 2. С. 85-91.
3. Duží B., Frantál B., Rojo M. S. The geography of urban agriculture: New trends and challenges // Moravian Geographical Reports. 2017. V. 25. № 3. С. 130-138.
4. Zeeuw H., Drechsel P. Cities and Agriculture: Developing of urban food systems // New York, Routledge, Earthscan Food and Agriculture, Taylor & Francis Group. 2015. UN DESA.2014. Revision of World Urbanization Prospect.
5. Землянский Д.Ю., Куликов Д.А., Медведникова Д.М. Развитие агропромышленного сектора как способ диверсификации экономики и рынка труда моногородов (на примере моногородов Кемеровской области) // Colloquium-journal. 2020. № 1 (53). С. 129-137.
6. Аверкиева К.В. Взаимодействие городов и сельской местности в России. Lambert, 2010. 72 с.

¹⁶ Данные динамики отражают период с 1995 г. по 2010 г. (год переписи населения). В перспективе для верификации данных динамики будут привлечены данные последней переписи населения (2020/2021 г.)

ASSESSMENT OF THE POTENTIAL OF A TOWN FOR THE DEVELOPMENT OF AGRO-INDUSTRIAL FUNCTION

Abstract. *The possible mutual influence of small towns and rural areas, including its agro-industrial function, is considered. Indicators for assessing the potential of a small town for the development of the surrounding agricultural area are proposed. The most important indicators are the geographical position of the city and the dynamics of its population.*

Keywords: *agriculture, agro-industrial complex, towns, development potential.*

УДК 502.53:528.946556.5:911.9

Добрякова В.А.

Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В статье представлены результаты пространственно-временного моделирования изменения численности населения в Тюменской области за период с 2010 по 2020 гг. в рамках реализации гранта № 20-411-720005 «Демографическая динамика и совершенствование региональной демографической политики Тюменской области». Информационным источником являются официальные статистические данные Федеральной службы. В качестве основного инструмента использовался функционал ArcGIS Pro 2.8.*

Ключевые слова: *статистика Getis-Ord G_i^* , пространственно-временной анализ, куб пространство-время, анализ возникновения горячих точек, демографическая ситуация, Тюменская область.*

Введение. Самым значимым фактором развития территории являются процессы, связанные с изменением численности населения. Развитие демографической ситуации, понимание процессов, приводящих к изменению в численности проживающего населения позволяют выявить основные факторы территориального развития и подобрать оптимальные решения в территориальном планировании [1].

Анализ и выполнение различных операций с большими массивами данных, привязанных к точкам на территории, требуют применения современных ГИС-инструментов визуализации и пространственной статистики. Результаты практических и аналитических исследований, где успешно применялись инструменты пространственного анализа подробно рассматриваются в International Encyclopedia of Human Geography (2019) [2].

На наш взгляд, особенно интересные результаты можно получить, применяя комплексные пространственно-статистические инструменты, которые расширяют возможности исследования, определяя статистически значимые, наиболее важные закономерности, позволяющие создавать наглядные высокоинформативные карты. Одним из таких комплексных инструментов является инструмент «Анализ возникновения горячих точек» приложения ArcGISPro.

Постановка задачи. Цель данной работы: на основе опубликованных данных Росстата, проанализировать динамику численности населения Тюменской области в пространстве и во времени, выявить закономерности в развитии территории с помощью методов пространственной статистики.

В качестве основного выбран инструмент ArcGISPro «Анализ возникновения горячих точек» (терминология ESRI, подробно <https://pro.arcgis.com/ru/pro-app/latest/tool-reference/space-time-pattern-mining/emerginghotspots.htm>).

Исследование выполнялось по гранту РФФИ № 20-411-72005 «Демографическая динамика и совершенствование региональной политики Тюменской области» и является одним из этапов создания Демографического атласа Тюменской области.

Результаты работы:

1. Используя базу данных о численности населения в сельских/городских поселениях, рассчитаны изменение населения для каждого населенного пункта за каждый год в период с 2010 по 2020 гг.;

2. За каждый год из 10 выявлены горячие точки (терминология ESRI) по изменению населения, для чего использована z-оценка, рассчитанная по значению критерия Getis-Ord G_i^* ;

3. Переход к пространственно-временному анализу выполнен через создание куба пространства – времени. Переменная для анализа – изменение численности населения в пределах 1 бина в течение 1 года. Размер бина подбирался исходя из географии расселения населения области;

4. По результатам работы инструмента «Анализ возникновения горячих точек» построены карты, показывающие тренды в изменении численности населения;

5. Проведен анализ полученных карт, выявлены причины данных изменений, намечены принципы использования складывающейся демографической ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад / под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н. С.В. Рязанцева. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. 79 с.

2. Murray A.T. Spatial Clustering, Detection and Analysis of. International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition). Elsevier, 2020. P. 367-373.

Valentina A. Dobryakova
Tyumen State University, Tyumen

MODELING OF SPACE-TIME CHANGE IN THE POPULATION OF THE TYUMEN REGION

Abstract. The article presents the results of space-time modeling of changes in the population in the Tyumen region from 2010 to 2020 within the framework of grant No. 20-411-720005 "Demographic dynamics and improvement of the regional demographic policy of the Tyumen region". The information source is the official statistics of the Federal Service. ArcGIS Pro 2.8 functionality was used as the main tool.

Keywords: Getis-Ord G_i^* statistics, space-time analysis, space-time cube, analysis of hot spots genesis, demographic situation, Tyumen region.

УДК 911.3

Житин Д.В.
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ КРУПНЕЙШИХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Россия – многонациональная страна и вопросы межэтнических взаимоотношений занимают важнейшее место во внутренней политике государства. В работе на основе сравнительного анализа данных Всероссийских переписей населения 1989-2021 гг. рассмотрены пространственные особенности динамики численности крупнейших этнических групп Российской Федерации и их локализации на региональном уровне.

Ключевые слова: этнос, ассимиляция, этническая локализация, динамика численности.

Россия – многонациональная страна. Это положение записано в Конституции Российской Федерации и этой особенности населения нашей страны обоснованно уделяется большое внимание. Но, несмотря на то, что фактор полиэтничности имеет огромное значение для существования российского государства, официальный статистический учёт национальной принадлежности, на основе принципа самоидентификации, осуществляется только при проведении переписей населения.

Перепись населения Российской Федерации 2021 г., несмотря на существенные недостатки её проведения, стала единственным более-менее достоверным источником информации о населении страны. При этом практически не скрывается, что перепись стала далеко не всеобщей. Так, из опубликованных сведений следует, что на вопросы об уровне образования, характере занятости и месте рождения ответило только 84 % всех учтенных переписью россиян, об источнике средств существования – 87 %, а о национальной принадлежности – 88 %.

За последние 11 лет с момента проведения предыдущей переписи этнический состав населения России претерпел определённые изменения. Так, численность ряда автохтонных народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, аварцы, кумыки, балкарцы, черкесы) выросла на 20 % и более. Ещё больше выросла численность тувинцев, а также диаспор, проживающих в России крупнейших центральноазиатских народностей – узбеков, таджиков, киргизов (табл. 1).

В то же время, ряд крупнейших этносов России за межпереписной период заметно сократил свою численность. В первую очередь, это относится к финно-угорским и славянским народам России. Так, ко-

личество удмуртов за 2010-2021 гг. снизилось на 24 %, мордвы – на 29 %, коми – на 32 %, коми-пермяков – на 36 %, карел – на 42 %. В результате ассимиляции более чем в два раза сократилась численность украинцев и белорусов. Почти наполовину за тот же период уменьшилось и количество проживающих в стране корейцев, российских немцев и евреев.

Таблица 1

Динамика расчётной численности наиболее крупных этнических групп Российской Федерации в 1989-2021 гг., тыс. чел.

Этнос	Год переписи				2021 / 2010	2021 / 1989
	1989	2002	2010	2021		
русские	120227	117072	115570	119488	103,4	99,4
татары	5539	5611	5528	5335	96,5	96,3
украинцы	4376	2973	2007	1000	49,8	22,9
чуваш	1779	1654	1495	1208	80,8	67,9
башкиры	1349	1690	1650	1779	107,8	131,8
белорусы	1210	816	543	235	43,4	19,5
мордва	1076	852	775	548	70,8	51,0
чеченцы	902	1374	1490	1896	127,2	210,2
немцы	845	603	410	221	53,9	26,2
удмурты	717	643,4	575	437	76,1	61,0
марийцы	646	610	570	480	84,1	74,3
казахи	638	661	674	670	99,4	105,0
аварцы	546	823	950	1145	120,6	209,9
евреи	538	232	163	94	57,3	17,4
армяне	534	1142	1231	1071	87,0	200,5
буряты	419	450	480	521	108,4	124,4
осетины	404	520	550	550	99,9	136,2
кабардинцы	387	525	538	592	110,1	153,0
якуты	381	448	498	541	108,8	142,0
даргинцы	354	515	614	709	115,6	200,1
коми	337	296	238	162	68,4	48,1
азербайджанцы	337	628	628	537	85,6	159,4
кумыки	278	427	524	640	122,3	230,3
лезгины	258	416	493	553	112,1	214,3
ингуши	216	417	463	585	126,4	271,3
тувинцы	207	246	275	334	121,7	161,6

Разнонаправленный характер динамики численности этносов России отражает как различия в характере демографических процессов, протекающих в их среде, так и направленность, и скорость ассимиляционных процессов, обусловленных особенностями их взаимодействия с представителями других этнических групп. Последнее обстоятельство в значительной степени связано с компактностью/дисперсностью расселения рассматриваемых этносов. В этой связи рассмотрим, как изменилась за последние десятилетия пространственная локализация 25 этнических групп, имеющих «свои» национально-территориальные образования на территории Российской Федерации.

Необходимо отметить, что за постсоветский период практически у всех рассматриваемых этнических групп удельный вес их представителей, проживающих на территории своей республики, увеличился. Но обращает внимание то, что скорость увеличения уровня локализации у рассматриваемых этнических групп различается очень существенно. Так, для большинства народов Северного Кавказа данный показатель за последние десятилетия увеличился незначительно, что говорит о примерно одинаковых темпах роста численности данных этносов, как на территории своего традиционного проживания, так и за её пределами. При этом у всех автохтонных народов данного региона уже в конце 80-х гг. прошлого века наблюдался высокий уровень локализации в пределах своего региона (табл. 2).

Наибольшие изменения рассматриваемого показателя за последние десятилетия произошли у карел и народов Волго-Уральского региона. Так, доля марийцев, проживающих в Республике Марий Эл, выросла с 1989 по 2021 гг. на 7,8 п.п., удмуртов в Республике Удмуртия – на 8,1 п.п., татар в Татарстане – на 12,4 п.п., чувашей в Чувашской Республике – на 13,1 п.п., башкир в Башкортостане – на 16,5 п.п. На 16,8 п.п. увеличилась пространственная локализация у карел: доля представителей этого российского этноса, проживающих в Республике Карелия, достигла почти 80 %. Но в наибольшей степени за последние тридцать лет вырос уровень этнической локализации мордвы. Если в 1989 г. только 29 % мордвы Российской Федерации проживало на территории Республики Мордовия, то в 2021 г. этот показатель составил уже 60%.

Уровень локализации некоторых этносов Российской Федерации, %

Этнос	Год переписи				Динамика за 1989-2021, п.п.
	1989	2002	2010	2021	
татары	32,0	36,0	37,9	44,4	12,4
башкиры	64,2	73,0	74,0	80,7	16,5
чуваши	51,1	54,3	56,7	64,2	13,1
мордва	29,2	33,7	44,8	60,0	30,8
марийцы	50,4	51,7	53,1	58,2	7,8
удмурты	69,5	72,3	74,3	77,6	8,1
коми	86,7	87,4	88,7	88,6	1,9
коми-пермяки	83,8	82,7	85,8	90,0	6,2
карелы	63,2	70,4	75,0	79,9	16,8
чеченцы	81,7	75,8	84,3	87,0	5,3
ингуши	76,2	87,4	86,7	91,5	15,4
аварцы	91,2	93,1	93,2	94,5	3,3
даргинцы	79,4	83,4	83,2	83,2	3,8
кумыки	83,6	86,6	85,8	87,8	4,1
лезгины	79,4	81,8	81,3	85,3	5,9
лакцы	86,3	89,3	90,3	93,7	7,4
табасараны	83,5	83,6	81,1	83,4	-0,2
осетины	83,2	86,5	87,0	90,6	7,3
кабардинцы	94,1	95,9	94,9	96,0	1,9
карачаевцы	94,9 ¹⁷	88,0	89,0	90,9	-4,1
балкарцы	90,4	96,9	96,2	96,7	6,3
якуты	96,1	97,4	97,6	98,1	2,0
буряты	59,8	61,3	62,2	64,2	4,4
тувинцы	96,2	96,7	94,5	94,7	-1,5
калмыки	88,2	89,6	88,7	88,6	0,4

Проведённый краткий пространственно-временной анализ динамики расселения наиболее крупных этнических групп Российской Федерации позволяет сделать некоторые выводы:

1) У крупнейших этносов России в последние десятилетия (1989-2021) наблюдается разнонаправленная динамика численности. Если для большинства автохтонных народов Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока характерно увеличение численности, то для чувашей, финно-угорских народов Волго-Уральского региона и Европейского Севера, российских немцев, евреев, украинцев и белорусов характерна обратная тенденция;

2) За редким исключением (башкиры, татары, корейцы, народы Закавказья), всем крупнейшим этническим группам Российской Федерации в 1989-2021 гг. был присущ однонаправленный тренд изменения численности. Они (этносы) весь рассматриваемый период либо устойчиво росли, либо – устойчиво сокращали свою численность. При сохранении высокого уровня полиэтничности нашей страны, это привело к существенному изменению национального состава её населения;

3) Для всех автохтонных («коренных») народов России в последние десятилетия было характерно увеличение уровня этнической локализации в районах традиционного расселения, прежде всего, в пределах своих национальных республик. Исторический этап их «этнического расселения» по территории страны, наиболее активно проявившийся в советский период, закончился, сменившись периодом пространственной консолидации. Наиболее высокий уровень этнической локализации наблюдается сегодня у народов Северного Кавказа, якутов и тувинцев;

4) Рост уровня этнической локализации в пределах своих республик, у крупнейших по численности народов Российской Федерации не всегда сопровождается увеличением доли титульных этносов в общей численности населения данных регионов. Часто пространственная консолидация этноса происходит не в условиях опережающего демографического развития, а при их быстрой ассимиляции, когда за пределами территории традиционного расселения этот процесс просто протекает более интенсивно.

Пространственные особенности процессов этногенеза у народов Российской Федерации не исчерпываются разной направленностью динамики их численности на федеральном и региональном уровнях. Важным направлением изучения межэтнического взаимодействия являются вопросы этнической ассими-

¹⁷ Включая территорию Ставропольского края.

ляции и территориальная обусловленность данного процесса. И в этом плане, анализ материалов последней Всероссийской переписи населения 2021 г., при всей неполноте полученных данных, открывает широкое поле для исследований в области этногеографии.

Dmitry V. Zhitin

St. Petersburg State University, Saint Petersburg

FEATURES OF DYNAMICS AND SPATIAL LOCALIZATION OF THE LARGEST ETHNIC GROUPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *Russia is a multinational country and issues of interethnic relations occupy an important place in the internal policy of the state. Based on a comparative analysis of the data of the All-Russian Population Censuses in 1989-2021, the spatial features of the dynamics of the number of the largest ethnic groups of the Russian Federation and their localization at the regional level are considered.*

Keywords: *ethnicity, assimilation, ethnic localization, population dynamics.*

УДК 911.375

Замалетдинов Р.И., Хамидуллина Р.М., Шигапов И.С.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ДИНАМИКА СТРУКТУРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗОН г. КАЗАНИ В XX–XXI вв.

Аннотация. *В настоящей работе приведены результаты исследования изменений функциональных зон на территории города Казани в течение XX–XXI вв. Выявлены, что развитие территории Казани происходило неравномерно, выделены этапы скачкообразного развития, которые коррелируются с общим ростом уровня производства, повлекшим увеличение спроса на рабочую силу. Соответственно менялось и соотношение различных функциональных зон за изучаемый период.*

Ключевые слова: *город, Казань, урбанизация, картографический анализ.*

Современные города представляют собой неоднородные системы, и в настоящее время наблюдается рост научного интереса к различным методам оценки неоднородности структуры и функционирования городской среды [1]. В этой связи для понимания закономерностей развития городов представляется целесообразным изучение динамики изменения площадей отдельных функциональных зон. В настоящей работе мы приводим уточнения опубликованных ранее результатов [2; 3].

В качестве материалов использовались исторические очерки [4; 5]. Картографический материал размещенный на электронных ресурсах [6; 7], был обработан с использованием ГИС-систем QGIS 3.22 и Sas-Planet.

Анализ территории города проводилось на основе выделения следующих функциональных зон:

- Зона I. Промышленная. Основной характер антропогенного воздействия в пределах данной зоны заключается в загрязнении компонентов окружающей среды. Сюда были отнесены территории, занятые промышленными предприятиями, а также транспортные узлы, полосы отчуждения, полигоны ТБО и т.п.;
- Зона II. Зона многоэтажной застройки и исторического центра города, являющийся местом проживания большей части городского населения. Основной тип антропогенного воздействия здесь связан, в первую очередь, с коренным преобразованием природного ландшафта;
- Зона III. Зона малоэтажной застройки. Антропогенное воздействие выражается в относительно слабом преобразовании естественных ландшафтов. Преимущественно эти участки застроены одно- и двухэтажными зданиями с приусадебными участками;
- Зона IV. Данная зона нами условно обозначена в качестве «зеленой». Сюда относятся городские и пригородные леса, а также отдельные остепненные участки города. Основной характер антропогенного воздействия – рекреационная нагрузка. В состав данной зоны входит большая часть ООПТ г. Казани. Данная зона характеризуется сравнительно малонарушенными экосистемами.

Основная сложность при выделении зон состояла в том, границы городских зон достаточно условны, что потребовало существенно ограничить количество рассматриваемых зон, для определения четких критериев их разграничения.

Мы использовали этот принцип для получения карт функционального зонирования за 1910, 1943, 1966, 1988, 2003 и 2021 гг.

Исходя из исходных масштабов карт, была выполнена процедура оцифровки карт с последующим выделением указанных выше функциональных зон и оценки их площади. В обобщенном виде информация представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика значений соотношения площади отдельных функциональных зон г. Казани за период 1910-2021 гг., %

Зоны	1910	1943	1966	1988	2003	2021
зона I	5%	15%	20%	17%	14%	11%
зона II	11%	6%	10%	18%	15%	14%
зона III	15%	11%	24%	17%	21%	22%
зона IV	69%	68%	46%	48%	50%	53%
Общая площадь, км ²	59,53	162,38	236,80	344,81	439,39	636,34

На рис. 1 приведена схема динамики общей площади города за исследованный период.

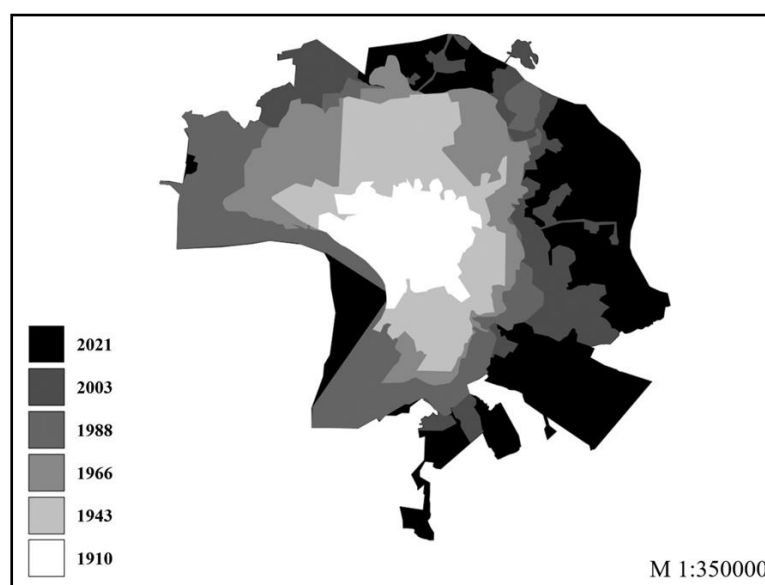

Рис. 1. Схема изменения площади г. Казани за период 1910-2021 гг.

Согласно полученным данным, в начале прошлого столетия суммарная площадь территории города составляла 59,5 км². Примерно 2/3 территории занимала «зеленая» зона. Большая часть населения проживала в пределах малоэтажной застройки (зона III), а зона многоэтажной застройки была приурочена главным образом к центральной части города. Минимальная площадь приходилась на I зону (5 % от всей площади).

За последующие годы произошли существенные трансформации городской среды, что было обусловлено целым рядом исторических событий. Таковыми являются Октябрьская революция и последовавшая за нею индустриализация страны; массовое переселение в город людей из различных районов Татарии; Великая Отечественная война, в ходе которой в Казань были эвакуированы некоторые промышленные предприятия с семьями их работников. В результате почти втрое возросла площадь, приходящаяся на долю промышленной зоны. Однако, на этом фоне снизилась доля селитебной зоны (6 % приходится на долю многоэтажной застройки и 11 – на долю малоэтажной). Доля IV зоны незначительно сократилась (68 %).

В 1966 г. суммарная площадь территории г. Казани составляет 236,8 км². В это время в городе имеется хорошо развитая промышленность (доля I зоны от площади города составляет 20 %). Но преобладающей является IV зона (около 46 % от суммарной площади города). Малоэтажная застройка преобладает в селитебной части (24 % от площади города). Зона многоэтажной застройки сравнительно невелика (около 10 %).

Анализ данных за 1988 г. показал, что территория города значительно увеличилась в сравнении с 1966 г. Суммарная площадь города, численность населения которого с 1979 г. составила более 1 млн человек, составила 344,8 км². В этот период имеет место заметное увеличение площади II зоны в сравнении с 1966 г. За 22 года ее площадь выросла почти вдвое (18 % от общей площади города). Это стало возможным за счет реализации проектов по массовому строительству. Относительная площадь I зоны уменьшается и достигает величины 17 %. Примечательно, что за этот период произошел рост площади зеленой зоны города. Это стало возможным за счет расширения площади города с включением в ее состав пригородных лесов.

Начало текущего столетия характеризуется существенным приростом площади города по сравнению с показателями 1988 г. В 2003 г. суммарная площадь города стала составлять 439,4 км². В это время наблюдается прирост первой и второй зоны. Примечательно, что прирост I зоны стал возможным за счет развития транспортных узлов и коммуникаций – начиная с 1990-х гг. в Казани наблюдается ощутимый спад промышленного производства. В итоге на долю этой зоны приходится 14 % от общей площади города. Зона многоэтажной застройки активно расширялась в этот период за счет массового строительства жилья в так называемых «спальных» районах города (15 %). Факт снижения относительной доли объясняется присоединением новых поселков к территории города. Этим же фактом объясняется прирост относительной площади IV зоны.

Современный этап развития территории Казани является отражением общей тенденции изменения крупных российских городов. Суммарная площадь Казани на 2021 г. составляет 636,3 км². Территория города по сравнению с 2003 г. существенно возросла. Но, несмотря на активную застройку города многоэтажными жилыми зданиями, в настоящее время наблюдается незначительное снижение относительной величины площади второй зоны по сравнению с предыдущим периодом. Также возросла относительная доля зоны малоэтажной застройки и зеленых зон. Все это можно объяснить только тем, что за это время произошло присоединение к городу ряда близлежащих поселков. Последние застроены чаще всего малоэтажными домами с приусадебными участками. Также имеет место тенденция к росту доли IV зоны, что также обусловлено присоединением новых территорий к городу.

Таким образом, было установлено, что имеет место тенденция к увеличению, к скачкообразному росту общей площади территории Казани, что связано, прежде всего, с ростом потребности в рабочей силе, как вследствие эвакуации предприятий в середине XX в., так и в 2000-х гг. роста экономического благосостояния. На этом фоне можно наблюдать изменение соотношения площадей функциональных зон, которые в целом отражают основные тенденции в экономико-политической истории города.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Pickett S.T.A., Cadenasso M.L., Grove J.M., Nilon C.H., Pouyat R.V., Zipperer W.C., Costanza R. Urban ecological systems: linking terrestrial ecological, physical, and socioeconomic components of metropolitan areas. *Annu. Rev. Ecol. Syst.* 2001. 32:127-157.
2. Shigapov I.S., Zamaletdinov R.I., Yuzmukhametova Z.R. Geocological Changes in the Structure of the Anthropogenic Landscape in Kazan (Russia) for XVIII-XXI Centuries. *Advances in Economics, Business and Management Research.* 2019. vol. 113. P. 488-491.
3. Замалетдинов Р.И., Шигапов И.С. Изменение структуры территории г. Казани в 18-21 вв. // X научная Ассамблея Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО): Сб. докладов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 486-488.
4. Остроумов В.П. Казань. Очерки по истории города и его архитектуры. Казань: КГУ, 1978. 352 с.
5. Галлямова А.Г., Кабирова А.Ш., Иванов А.А., Гайнетдинов Р.Б., Миннуллин И.Р., Алмазова Л.И. История Татарстана и татарского народа 1917-2013 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 434 с.
6. Официальный сайт «Etomesto». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etomesto.ru/>
7. Официальный сайт «Spumaps». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spumaps.space/>

Renat I. Zamaletdinov, Regina M. Khamidullina, Irshat S. Shigapov
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

DYNAMICS OF THE FUNCTIONAL STRUCTURE OF KAZAN IN XX-XXI CENTURIES

Abstract. *The paper presents the results of the assessment the dynamic of relationship between functional zones the territory of Kazan in the XX-XXI centuries based on cartographic analysis. Were shown that the territory of Kazan developed unevenly and it can be explained by the general increase of production rate, because enterprises required more labor, and this factor led to change the ratio of different functional areas over the studied period.*

Keywords: *city, Kazan, urbanization, cartographic analysis.*

УДК 911.375.6

Кириллов С.Н., Козлов М.О., Слипечук М.В.
*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва*

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И АНАЛИЗ КОМФОРТНОСТИ ПРОЖИВАНИЯ В ТРОИЦКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ ОКРУГЕ МОСКВЫ

Аннотация. *В работе представлены результаты комплексного анализа комфортности проживания в быстро развивающемся Троицком административном округе Москвы с учетом объективной ситуации и мнения жителей.*

Ключевые слова: комфортность проживания, городская среда, Троицкий административный округ.

Троицкий административный округ (ТАО) – самый большой по площади административный округ города Москвы, который был образован 1 июля 2012 г. в результате реализации проекта расширения территории города. Его площадь – 1084,3 км² [1]. Наряду с Новомосковским, это один из двух новых административных округов Новой Москвы, притом более дальний, несмежный с городскими территориями в границах до 2011 г. На северо-востоке он граничит с Новомосковским административным округом, на юго-западе – с Калужской областью, а на северо-западе и юго-востоке – с Московской областью. Столица округа – город Троицк.

Население округа в 2021 г. составило 130,3 тыс. человек, плотность населения – 120 чел./км². Самые густонаселённые поселения в округе – это Троицк (единственный город округа) и Киевский, здесь городская многоэтажная застройка преобладает над частной малоэтажной. Прочие поселения заселены слабо, в них преобладают частные хозяйства, население здесь сельское.

Экономико-географические особенности положения ТАО будут в дальнейшем способствовать его ускоренному развитию. Транспортно-географическое положение довольно благоприятное, так как здесь проходят транспортные магистрали и планируется скорое открытие новой ветки метро. Геодемографически это слабо заселённый регион, по сравнению с близлежащими территориями, но в нём есть трудовые ресурсы и человеческий потенциал. За последние 10 лет численность населения увеличилась примерно в 1,5 раза.

Для развития промышленности район благоприятный – здесь есть научные институты, технопарки, готовые к сотрудничеству с производством, однако природно-ресурсный потенциал не обеспечен источниками первичной энергии и поблизости нет крупных промышленных предприятий. Рекреационно это привлекательный округ как для своих же жителей, так и для прочих туристов, потому что 35 % суммарной площади округа составляют естественные лесные массивы. Сельскохозяйственно округ не подходит для широкого земледелия, так как этому препятствуют природные условия, однако здесь представлено фермерское животноводство.

Важным элементом технической инфраструктуры округа является транспорт. Основа грузовых и пассажирских перевозок в округе – это автомобили, грузовики, общественный транспорт, однако с конца 2023 г. здесь будет появляться метро. Железнодорожный транспорт находится в стороне от округа – Киевское направление железной дороги заходит в поселения Киевский и Новофёдоровское, Курское направления находится на востоке от округа. Однако Большое кольцо МЖД пересекает сразу три поселения – Киевский, Вороновское и Клёновское. Оно используется для грузоперевозок, а также в пассажирообороте. Речной транспорт используется только для предоставления рекреационных услуг.

Развитие округа базируется на научных, человеческих и рекреационных ресурсах для формирования округа с устойчивой и комфортной жизнью. Обеспечение комфортной среды проживания является одной из приоритетных задач городского планирования. Человек использует природные компоненты и влияет на городское пространство, поэтому важно рационально использовать его. Главные аспекты, определяющие комфортность проживания в населённом пункте, включают природные компоненты, городскую инфраструктуру, транспортную доступность, человеческий капитал и безопасность населения (табл. 1) [2; 3].

При оценивании природной среды использовались индикаторы и индексы атмосферы, водных объектов, почв и зелёных насаждений [4]. Обобщая полученные данные, были составлены геоэкологические карты округа, отражающие качество природной среды, и мнение жителей, а также карта комплексной геоэкологической оценки. Геоэкологическая оценка не может быть полной без мнения жителей, поэтому был проведён социологический опрос, включающий 50 вопросов про городскую инфраструктуру, безопасность, благоустройства, а также социальную, экологическую и урбанистическую комфортности.

Социологический опрос прошёл с марта по май 2022 г. через онлайн-анкетирование. Для этого использовался ресурс Google форм, ссылка на него <https://forms.gle/vUC1SyJfJnVAfznD7>. Опрос состоял из разных блоков, посвящённых темам городской среды и комфортности: общие вопросы; городская инфраструктура; работа администрации; экологическая, социальная и урбанистическая комфортности. В данном исследовании целевая группа респондентов – заинтересованные жители Троицкого административного округа, которые имеют возможность использовать интернет и просматривают тематические группы про управление поселениями в социальных сетях. Опрос распространялся по группам в социальных сетях – «ВКонтакте» и «Telegram».

Помимо природных компонентов на комфортность проживания влияют и городские черты, а именно социальная, урбанистическая и экологическая комфортности. Этим пунктам было посвящено три блока социологического опроса. Усредненные результаты опроса можно видеть на рис. 1. Они были сравнены с

нормативными показателями градостроительных документов города Москвы. Именно на городскую инфраструктуру жители жаловались больше всего.

Таблица 1

Классификация факторов комфортности городской территории

Тип комфортности	Вид	Влияние на человека
Экологическая	Медико-экологическая	Увеличение продолжительности жизни; повышения качества жизни; безопасность жизнедеятельности
	эколого-геологическая	
	природно-антропогенная	
	климатическая	
Социальная	Демографическая	Создание креативных и культурных зон; создание региональных кластеров; создание системы специализированных коммуникаций; формирование индивидуальной среды для создания востребованных продуктов; создание условий для развития цифровой экономики
	миграционная	
	образовательная	
	здравоохранения	
	эмоциональная	
	интеллектуальная	
	культурная	
Урбанистическая	Визуальная	Достаточность числа и разнообразия видимых элементов среды; создание положительного эмоционального фона; формирование удобного городского пространства; создание комфортного ландшафта; удовлетворение средовых потребностей
	Функциональная	

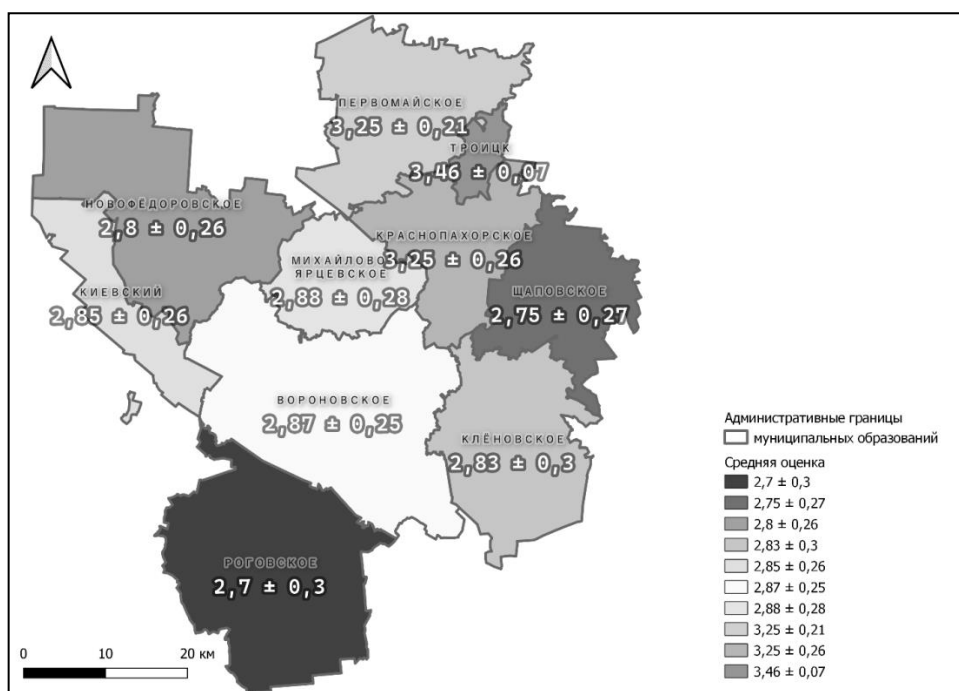

Рис. 1. Общая оценка комфортности по мнению жителей

В поселениях с наименьшим числом жителей не наблюдается дефицита дошкольных и средних образовательных учреждений (наличествующие 1-3 учреждения удовлетворяют требованиям нормативов). Однако в более крупных поселениях – в особенности в ГО Троицк – поселения с более развитым городским пространством привлекают новых жителей, в то время как инфраструктура требует времени на адаптацию к возрастающим потребностям жителей.

Обратная ситуация наблюдается с объектами торговли и предприятиями бытового обслуживания: в поселениях с небольшим количеством жителей участники опроса чаще отмечали недостаток торговых заведений и/или недостаточную транспортную доступность к имеющимся объектам.

В части транспортной сети в городских населенных пунктах значительная часть участников опроса называла основной проблему недостатка машино-мест в многоквартирной жилой застройке: существующий норматив в 1,0 машино-мест оказывается недостаточным в актуальном режиме использования индивидуальных легковых автомобилей.

Что касается «зеленых зон» в округе, как объективные (оценки площадей зеленых насаждений), так и субъективные (социальный опрос жителей) оценки указывают на то, что потребности городской среды в озеленениях удовлетворены, в том числе с точки зрения нормативов (транспортно-пешеходная доступность не более 15 минут).

Объектов медицинской инфраструктуры недостает в большинстве поселений, на что неоднократно указывают участники опроса в развернутых ответах.

Во многих зонах округа идёт активный экономический рост, но в Троицке, Первомайском, Краснопахорском и Вороновском поселениях это заметно сильнее всего. Причиной тому являются научные центры, хорошее развитие транспортной коммуникации, производственные предприятия, человеческий капитал. Хотя качество природных компонентов здесь ниже, чем в других поселениях (Михайлово-Ярцевском, Новофёдоровском, Роговском, Клёновском), эти различия не так сильны. Также с появлением метро именно эти поселения получают наибольшую выгоду, потому что они будут находиться непосредственно близко к станциям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сайт администрации Троицка. [Электронный ресурс]. URL: <https://admtroitsk.ru/> (дата обращения: 03.09.2022).
2. Кочуров Б.И., Стульшапку В.О., Костовска С.К. Оценка комфортности проживания населения (на примере локальной территории вблизи Москвы) // География в школе. 2006. № 6. С. 26-29.
3. Угрюмова А.А., Паутова Л.Е., Паутова Е.П. Комфортность как фактор устойчивого развития городской среды // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. Вып. 13. Ч. 2. С. 245-251.
4. Доклад «О состоянии окружающей среды в городе Москве в 2020 году» / под ред. А.О. Кульбачевского. Москва, 2021. 330 с.

Sergey N. Kirillov, Michael O. Kozlov, Michael V. Slipenchuk
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

TERRITORIAL DEVELOPMENT AND ANALYSIS OF LIVING COMFORT IN TROITSKY ADMINISTRATIVE DISTRICT OF MOSCOW

Abstract. *The paper presents the results of a comprehensive analysis of the comfort of living in the rapidly developing Troitsky administrative district of Moscow, taking into account the objective situation and the opinions of residents.*

Keywords: *comfort of living, urban environment, Troitsky administrative district.*

УДК 911.37

Лекомцев А.Л.

Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск

ИЖЕВСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ КАК ЯДРО ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ УДМУРТИИ

Аннотация. *Рассмотрена пространственная организация систем населенных пунктов Удмуртии и роль Ижевской агломерации в её трансформации и развитии. Предложены подходы к определению границ и состава Ижевской агломерации, дана её краткая характеристика. Описываются экономические перспективы развития Ижевской агломерации, а также влияние агломерационных процессов на экономику региона.*

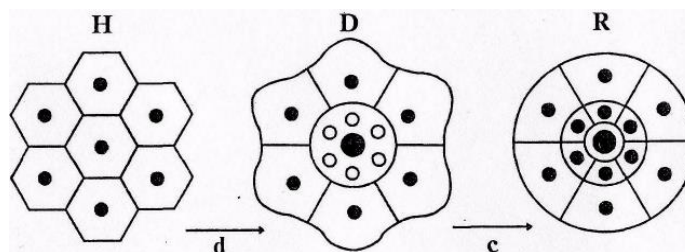
Ключевые слова: *городская агломерация, система расселения, эволюция системы расселения, узловый район.*

Городская агломерация – это система тесно взаимосвязанных городских и сельских поселений, а любой системе характерна внутренняя иерархия. Чем строже внутренние взаимосвязи в системе согласуются с её иерархией, тем эффективнее она функционирует. Для системы расселения населения, коей является городская агломерация, характерна иерархия подсистем, представляющих собой одну из важнейших территориальных ячеек жизни общества – социально-экономический узловый район. Выявление сети иерархически упорядоченных узловых районов расселения, дает возможность более точно выделить границы городской агломерации.

По теории «центральных мест» Кристаллера – Леша любая система расселения населения представляет собой сетку узловых районов. При этом наиболее удачной для территориального развития является гексагональная сетка [3]. Но такая структура может существовать лишь на идеально ровной и однородной

поверхности, где нет весомых факторов, влияющих на систему расселения извне, иначе её правильная гексагональная форма сильно искажается. В своей работе Б.Б. Родоман [4] такую деформацию узловых районов под влиянием какого-либо фактора назвал дисторсией узловых районов, и описал несколько видов ее проявления.

Для территории Удмуртии, где г. Ижевск со своим ближайшим окружением сосредотачивает в себе более 40 % населения республики, более характерна так называемая центрическая дисторсия. Суть ее в том, что, когда один из центров теоретически первоначальной гексагональной решетки усиливается настолько, что подчиняет себе остальные, происходит ее трансформация в секторно-кольцевую (рис. 1).

Свойства решеток: Н – гексагональность, D – центрическая дисторсия, R – радиальная концентричность. Преобразования: d – центрическая дисторсия, с – окончательная централизация. Центры: ● – сложившиеся, ○ – зарождающиеся (сателлитные).

Рис. 1. Центрическая дисторсия узловых районов по Б.Б. Родоману [4].

Здесь крупный центральный узел становится главным, а центры окружающих узловых районов подчиняются ему. При этом в центральном узловом районе, вокруг «суперцентра» появляются поселения-спутники со своими собственными районами.

Трансформация сети систем населенных пунктов Удмуртии и её представление в виде центрической дисторсии описаны нами ранее [2]. На территории республики, можно выделить часть секторно-кольцевой решетки узловых районов образованной г. Ижевском с пятью (из шести существующих) секторами в приядерной зоне и тремя (из шести теоретически должных) во внешней зоне, а также одну самостоятельную полигональную ячейку сети узловых районов, образованную г. Глазов (рис. 2). Ижевск, а точнее узловой район Ижевска, в данной сетке является центром дисторсии, а окружающие его районы становятся эксцентричными. Эти районы в конечном счете образуют зонно-секторные фасеты (сектора или узловые районы внешней зоны по Родоману Б.Б.) во внеядерной зоне. В Удмуртии – это Игринская, Увинская и Можгинская фасеты (рис. 2). Каждая из них объединяет по четыре административных района, находящихся в подчинении центра фасеты. Центры данных фасет отстоят от суперцентра на одинаковом расстоянии 86-88 км. Еще две подобных фасеты расположены вне территории республики, что препятствует развитию связей между районами. Это территории, обслуживаемые городами Чайковский и Нефтекамск.

Центральный район или ядро дисторсии, коим принято считать совокупность Ижевского, Воткинского и Сарапульского узловых районов второго порядка, можно считать территорией формирующейся Ижевской агломерации. Данная территория расслаивается на зоны. В ней выделяется внутреннее ядро – это г. Ижевск со своей пригородной зоной, к которой можно отнести весь, окружающий город, сельский Завьяловский район, и приядерную зону. Внутри последней, на осях, соединяющих суперцентр с центрами фасет выделяются сателлитные центры, каждый из которых возглавляет свой внеядерный сектор. К таковым, можно отнести г. Воткинск с подчиненными Воткинским и Шарканским районами, г. Сарапул с Камбарским, Каракулинским и Сарапульским районами, с Якшур-Бодья со своим районом, с. Малая Пурга, а точнее связку поселений Малая-Пурга-Агрыз с Малопургинским, Киясовским районами и, в некоторой степени, Агрызским районом Татарстана. На оси Ижевск-Ува сателлитом могло бы стать с. Нылга (внутрирайонный центр второго порядка), но его развитие в этом статусе ограничено тем, что Нылга входит в Увинский район (Увинская фасета).

Наиболее распространенный метод делимитации городских агломераций основан на построении изохрон – выделении так называемых колец вокруг ядра агломерации. Первая – 0,5-часовая изохрона относительно границ города – ядра агломерации; вторая – часовая изохрона; третья – 1,5-часовая изохрона; четвертая – 0,5-часовая изохрона относительно средних и больших городов, расположенных вблизи границ агломерации (или же 2-часовая изохрона относительно города-ядра).

На основе первых двух методик П.М. Полян, Н.И. Наймарк и И.Н. Заславский предлагают унифицированную методику делимитации, которая объединяет отдельные черты каждого из подходов. На первом этапе определяются потенциальные центры агломераций – города с численностью населения от 100 тыс. человек. На втором этапе устанавливается зона потенциального действия агломерационных связей: 2-

часовая (брутто) изохрона транспортной доступности центра, совмещенная с 0,5-часовой изохроной от больших и средних городов, расположенных на периферии. Если при этом во внешней зоне окажется не менее двух городских поселений и система успешно преодолет тест на развитость, то выделенную систему поселений следует отнести к разряду сложившихся [1].

Рис. 2. Сеть узловых районов расселения Удмуртии

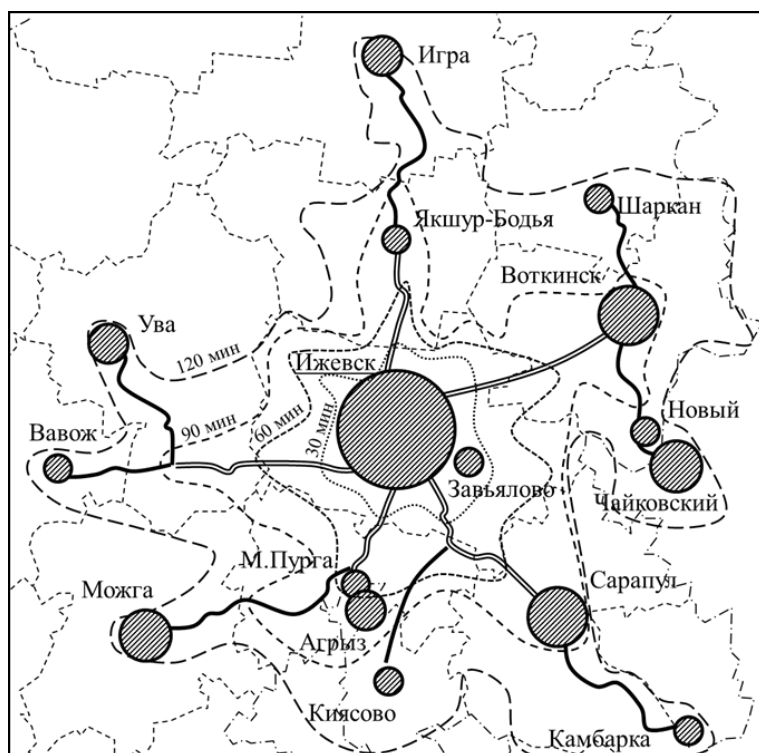

Рис. 3. Пояса доступности Ижевской агломерации

Если провести границы Ижевской агломерации по современному контуру 120-минутной транспортной удаленности относительно ядра агломерации (от центра города), то в состав агломерации войдут практически все территории, относящиеся к ядру дисторсии (рис. 3). Также в пределах 2 часовой изохроны расположены центры фасет внешней зоны Игра, Ува, Можга, Чайковский и Нефтекамск (при условии рабочей переправы через Каму). Последние поселения отличаются тесными связями с г. Ижевском, что можно проследить по количеству рейсов пассажирского автотранспорта (более 40 в день в каждом направлении) и общему пассажиропотоку. Последние факты дают право считать данные населенные пункты частью формирующейся Ижевской агломерации.

Выделенная территория Ижевской агломерации обладает следующими характеристиками:

1. Площадь территории в целом превышает 12 тыс. км²;
2. Численность населения более 1220 тыс. чел., в том числе сельское около 200 тыс. чел.;
3. Население каждой из ячеек сети, исключая население их центров, в приядерной зоне составляет от 10 до 50 тыс. чел.;
4. Плотность населения уменьшается по движению от центра к периферии, и в целом с юго-востока на северо-запад, в среднем составляет 102 чел./км²;
5. Плотность автодорог с покрытием и обеспеченность населения маршрутной сетью уменьшается от центров первого и второго порядка к периферии;
6. Наибольшее количество автобусных рейсов в день от центра первого порядка производится до сателлитов и центров узловых районов внешней зоны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Агломерации в России в XXI веке // Вестн. Фонда регион. развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45-52
2. Лекомцев, А.Л. Влияние развития транспорта и транспортной сети на системы расселения населения (на примере территории Удмуртии) / А.Л. Лекомцев // Вестник Удмуртского университета. Сер. Биология. Наука о Земле. 2010. Вып. 4. С. 110-114.
3. Максаковский В.П. Географическая культура: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ВЛАДОС, 1998. 416 с.
4. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.: ил.

Alexander L. Lekomtsev
Udmurt State University, Izhevsk

IZHEVSK AGGLOMERATION AS THE CORE OF THE SPATIAL ORGANIZATION OF THE SYSTEMS OF SETTLEMENTS OF UDMURTIA

Abstract. *The spatial organization of the systems of settlements in Udmurtia and the role of the Izhevsk agglomeration in its transformation and development are considered. Approaches to determining the boundaries and composition of the Izhevsk agglomeration are proposed, its brief description is given. The economic prospects for the development of the Izhevsk agglomeration are described, as well as the impact of agglomeration processes on the economy of the region.*

Keywords: *urban agglomeration, settlement system, evolution of the settlement system, nodal area.*

УДК 911.3

Любичанковский А.В.
Оренбургский государственный университет,
г. Оренбург

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕНТАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

Аннотация. *Данная статья представляет собой интерпретацию ключевых дефиниций этногеографии и географии религии сквозь призму географии ментальности. Методологический комментарий к используемым в этих направлениях основным понятиям – этнос, религия, конфессия, секуляризация – с эпистемологической точки зрения, является феноменологическим.*

Ключевые слова: *география ментальности, этногеография и география религий.*

Отмеченная В.Н. Стрелецким лакуна в феноменологической ветви культурно-ландшафтных исследований, работу в которой позиционирует себя только В.Л. Каганский [1, с. 62-70], негативно сказывается на использовании концепта культурного ландшафта в идентификации ядер специфической ментальности населения.

Между тем, на наш взгляд, география ментальности заполняет феноменологическую лакуну в культурно-ландшафтных исследованиях и позволяет идентифицировать ядра специфической ментальности в географическом пространстве. Феноменологический подход позволяет трактовать ландшафт как «социальный конструкт» [2]. «Территориализация мысли» по М. Фуко [3] может быть рассмотрена в контексте культурно-географических исследований как пространственная самоидентификация населения и основа для анализа географических представлений человека. Отметим также выход на основное проблемное поле нашего исследования в работе, проблематизирующей соотношение пространственной организации ментальной деятельности к территории, месту и ландшафту [4].

Исследование конфессиональных факторов и возможностей их использования в укреплении интеграционных процессов в межэтнических отношениях входит в задачи федеральной и региональной политики России. Поэтому уточнение ключевых дефиниций, используемых в информационной политике, является актуальной задачей.

Феноменологический комментарий к используемым дефинициям. Понятия «религия» и «этнос» не являются внеисторическими категориями, их содержательное наполнение отражает динамику исторических процессов.

Религия по-прежнему остается в фокусе мировой политики. Национальные лидеры могут вбирать в себя черты религиозного лидера, в зависимости от конкретных политических ситуаций.

Можно привести примеры, когда нация и религия как бы камуфлировались друг под друга в зависимости от политической конъюнктуры. Так, например, пакистанский лидер Мухаммад Али Джинна, разделив Индию по религиозному признаку, заставил поверить британскую администрацию в то, что жители Пакистана являются нацией. Однако при этом религиозное единство Пакистана и Бангладеша не сумело предотвратить их дальнейшее разделение.

Отметим важность феномена секуляризации, без анализа которого невозможно оценить религиозную ситуацию в обществе. Секуляризация подразумевает уменьшение роли религии не только в общественной жизни, но и в степени религиозности самой религии [5]. Феноменологически более корректно говорить о секуляризации религии, чем о секуляризации общества, исповедующего данную религию. Во всяком случае, секуляризация общества исторически предшествует секуляризации религии.

Довольно условными представляются юридические формы взаимоотношения религии и государства в контексте секуляризации. Так, королева Великобритании остается главой англиканской церкви (то есть конституционно церковь не отделена от государства), при этом религиозная ситуация Великобритании обычно характеризуется как светская. Фактическая религиозность, которую можно оценить процентом граждан, посещающих богослужения, и частотой посещений церкви на душу населения в Бельгии в семнадцать раз выше, чем в Великобритании. При этом в Бельгии церковь отделена от государства и исключена из системы образования [5].

Такой подход позволяет нам рассматривать и фундаментализм как одну из форм секуляризации. Например, фундаменталистская теократия в Иране с 1979 г. полностью разрушила государственную власть, заменив её религиозным институтом. Это, на наш взгляд, свидетельствует не на проникновение религии в структуры государственной власти, а на разрушение последней. Исключительно шиитский иранский фундаментализм, противопоставивший себя суннитскому большинству арабского мира, позиционирует себя как наиболее чистая форма ислама.

Таким образом, послереволюционная иранская идентичность выстраивается по чисто этническому признаку. Именно это объясняет войну с Ираком, репрессии против курдов, и, в целом, крайней политизации религии самой себя.

Другой пример – индонезийский ислам. Падение режима Сукарно в 1965 г. привело к господству исламских сил, находящихся при нем в оппозиции к коммунистам. Таким образом, процесс секуляризации в Индонезии способствовал включению в социально-экономическую и культурную жизнь страны политизированных исламских сил.

Оценивая религиозную ситуацию с позиции ментально-географического анализа, чрезвычайно важно для идентификации секуляризационного процесса отметить особенности центрального и периферийного характера. Скажем, характерное для России феноменальное религиозно-этническое многообразие диктует необходимость пересмотреть некоторые методологические подходы к оценке религиозной ситуации в регионах в полимасштабном ракурсе, имея в виду как общероссийский, так и общемировые тренды.

Используемый в географии религий термин «конфессия» (в англосаксонской интеллектуальной традиции «деноминация»), обычно сводимый к понятию религиозной организации, не имеет четких критериев для своего выделения со стороны разнообразных религий.

Редуцирование религии к религиозной общине не учитывает существенных особенностей некоторых религий, в которых нет сформулированной идеи коллектива как субъекта религии. Так, с точки зрения

феноменологии, шаманизм нельзя считать конфессией. Например, идентификация удмуртов-шаманистов не включает в себя выделение общины шаманов – последнее основано на этническом обособлении, для которого характерен этот религиозный феномен. Попутно отметим, что шаманизм – это введенный этнографами XIX века религиозный термин, который исключает выявление религиозной идентичности населения, строящейся по принципу «я шаманист».

Также существуют конфессии, в которых, напротив, именно принадлежность к определенному религиозному коллективу дает возможность самоотождествления с этой религией, обладание именно этой религиозной идентичностью. Например, Свободная Церковь Шотландии догматически практически не отличается от других протестантских конфессий Великобритании, и только наличие особой церкви делает ее отдельной конфессией. Сюда же можно отнести некоторые старообрядческие беспоповские конфессии, рассматриваемые как отдельные только за счет особенностей практики коллективного учения и молитвы.

Иными словами, не все религии конфессиональны, содержание некоторых будет принципиально стоять в оппозиции к конфессиональности. Религия более широкое понятие, чем конфессия, и ее взаимосвязь с этносом выстраивается в экстра-национальном, экстра-конфессиональном и экстра-территориальном порядке.

Соотношение религии и этноса осуществляется в действительности конкретных религиозных ситуаций. На современном этапе можно отметить возросшую роль выбора адепта, который сознательно принимает определенную религиозную идентичность.

Религиозная идентичность может быть противопоставлена этнической идентичности, но во многих культурно-географических контекстах неразрывно с ней связана. Иногда религиозная идентичность может быть даже обусловлена этнической принадлежностью. Например, переход православного русского в бахаизм может рассматриваться как чудачество, тогда как подобный переход для шиита-азербайджанца будет связан не только с потерей исламской религиозной идентичности, но и с выходом из азербайджанского этноса.

С нашей точки зрения, именно этнос как индигенный фактор организации антропосферы и наиболее выявленная форма коллективной идентичности является субъектом религии [5]. Конечно, такой вывод не является новым. Он подтверждает общее направление мысли ряда предшествующих ученых, из которых наиболее значительные – это Б. Малиновский, Л.Н. Гумилев и А.М. Пятигорский. Религиозная идентичность в этносе практически исключает другие способы религиозного самосознания. Отметим, что такое наблюдение сделал в начале XX в. Макс Вебер [6].

Ретроспективно можно отметить взаимопретекание понятий «нация» и «народ» в различных идеологических контекстах. До Великой Отечественной войны в СССР доминировало выражение «советский народ», во время войны – «русский народ» (при отсутствии выделенного понятия советская или русская нация). После войны слово «народ» полностью вытесняет из всех публикаций слово «нация». Идентичность, связанная с понятиями «национальность – нация» обычно завязана на идеолого-политической риторике. В административно-территориальном делении использование этих понятий подразумевает какую-то дополнительную оговорку, как правило, не высказанную в прямом виде. Например, номенклатурные названия «Коми-Пермяцкий национальный округ» или «Кабардино-Балкарская АССР» подразумевали отождествление коми и пермяков, кабардинцев и балкарцев в одной нации.

В территориальном разрезе население может оказаться субъектом религии только эвентуально. Методологически нельзя назвать Поволжье христианско-мусульманским регионом, то есть коррелировать население в его отношении к религии через территорию. При религиозном многообразии корреляция населения с регионом может осуществляться только через этнос. То есть точной будет следующая формулировка: ислам шиитского толка в Поволжье представлен азербайджанцами, которые живут в крупных городах региона и т.д.

Прогностическая компонента религиозной ситуации в регионах может строиться через этнос как субъект религии с определенным религиозным потенциалом. Динамика этно-религиозно-культурной ситуации позволяет говорить о том или ином уровне религиозного потенциала для отдельных этносов. Например, традиционный ислам имеет меньший религиозный потенциал, чем православие, и тем самым менее подвержен прозелитизму так называемых «новых» или «граничных» религий, под распространение которых скорее попадет русское, а не тюркское население России. Такой подход, с нашей точки зрения, может дополнить современные исследования в области географии религий, посвященные анализу конкурентных отношений в компонентной структуре конфессионального геопространства [7].

Таким образом, этническая идентичность более стабильна, чем религиозная. В географии конфликтов постсоветского пространства именно этносы выступают основными акторами. Для примера приведем Таджикистан 90-х гг. XX в. Нападение на русских имело этнический характер со слабой религиозной мотивацией.

вировкой. Гонения на мусульман-месхетинцев также носили межэтнический характер. Такой же расклад имели и памирско-таджикские конфликты. Точно так же, думается, феномен якутского национализма было бы абсурдно объяснять через подъем шаманизма у якутов.

Выводы. Наш методологический комментарий к основным дефинициям, используемым при оценке и характеристике этноконфессионального состава населения, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, этническая идентичность является одной из наиболее устойчивых форм коллективной идентичности, менее подверженной модальностям, чем религиозная идентичность.

Во-вторых, понятие «этнос» нейтрализует в научном дискурсе понятие «национальность», имеющую большую подверженность идеолого-политическому контексту.

В-третьих, религиозная идентичность, как правило, реализует себя через этническую. Во всяком случае, исторически это наиболее часто встречающаяся идентификация.

В-четвертых, и это прямо вытекает из третьего, феноменологически самым корректным понятием для идентификации субъекта религии выступает именно этнос.

Таким образом, встает задача использования содержательной номенклатуры, организованной не сверху, административным путем, и не путем социологических замеров у населения на тему: «кто мы – нация, народ или племя?». Эти термины должны стать реальными факторами самосознания населения, использоваться самим местным сообществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2009. № 1. С. 62-70.
2. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974. 512 p.
3. Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of "Herodote" // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings / ed. by C. Gordon, 1972–1977. Brighton: Harvester, 1980. P. 63-77.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с. [Deleuze, Guattari, 1991].
5. Пятигорский А.М. Этнос или религия? [Электронный ресурс]. URL: <https://alexanderpiatigorsky.com/ru/teksty/stati/filosofskie-stati/etnos-ili-religiya/> (дата обращения: 26.12.2022).
6. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bde.1–3. Tübingen, 1920-1921. T. 2. – «Исследование об индуизме и буддизме».
7. Горохов С.А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Москва, 2017. 47 с.

Alexsey V. Lyubichankovskiy
Orenburg State University, Orenburg

ETHNO-REFESSIONAL COMPOSITION OF THE POPULATION THROUGH THE PRISM OF MENTAL- GEOGRAPHICAL REPRESENTATIONS

Abstract. This article is an interpretation of the key definitions of ethnogeography and the geography of religion through the prism of the geography of mentality. The methodological commentary on the basic concepts used in these areas – ethnoscience, religion, confession, secularization, from an epistemological point of view, is phenomenological.

Keywords: geography of mentality, ethnogeography and geography of religions.

УДК 911.3

Мальганова И.Г.¹, Фрузенкова А.В.²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань;

²Национальный исследовательский университет ИТМО,
г. Санкт-Петербург

ГОРОДСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ Г. КАЗАНИ

Аннотация. В данной работе проведена оценка эффективности использования городского функционального зонирования с использованием метода М.А. Креймера на примере города Казань. На основе полученных данных были проведены расчеты, направленные на получение параметров плотности населения, преодоления географического детерминизма, а также эффективности формирования городских каркасов. Авторами предложены некоторые рекомендации по эффективности использования каркасов муниципального образования за период с 2018 по 2021 гг.: экономического; социального; экологического и общественного.

Ключевые слова: город, пространственное развитие, метаморфозы, Казань, территориальное планирование, эффективность, географический детерминизм.

Как известно, планирование и развитие территорий основывается на выполнении требований, прописанных в документах, регулирующих территориальное планирование. Регулирование территориального планирования призвано обеспечить проведение качественного развития, основанного на равномерности и совокупности развития [1].

Территориальное планирование города Казань действует на базе схемы территориального планирования Республики Татарстан, утвержденной Постановлением Кабинета Министров № 134 от 21.02.2011 г. (в редакции от 13.08.2021 г. № 709) [2].

Формирование территориального планирования г. Казань отображено наличием исторического ядра и поясов освоения территории муниципального образования. Пояса освоения имеют различную плотность населения. Так, на территории города выделяют два пояса освоения – переходный и окраинный, границы между которыми имеют естественный и антропогенный характер.

Также как исторический центр, так и переходный пояс отличаются осуществлением системного преобразования территорий жилищно-коммунального хозяйства, общественных и производственных объектов. Территория Казанского Окраинного пояса претерпевает освоение новых территорий, путем расширения границ г. Казань и преобразования земель сельскохозяйственного и лесного фонда в земли поселений.

Разделение муниципального образования на ядро и пояса способствует сбалансированному росту точек численности населения, районов производственной и социальной активности. Сбалансированный рост приводит к уменьшению транспортной, социально-демографической и экономической нагрузок. Кроме этого, расширение Окраинного пояса приводит к созданию агломерационных связей со смежными районами Республики Татарстан. Таковыми районами являются Пестречинский, Зеленодольский, Высокогорский, Лаишевский и другие муниципальные районы.

Авторами для данного территориально-планировочного исследования был отобран метод оценивания эффективности использования функционального зонирования М.А. Креймера [3], позволяющий оценивать функциональное зонирование в таких областях, как: преодоление географического детерминизма; эффективность формирования городских каркасов и т.д. Базовыми городскими каркасами выступают экономический, селитебный и экологический.

Для проведения исследования использовались данные схемы территориального планирования Республики Татарстан и генерального плана муниципального образования г. Казань за 2018 и 2021 гг.

Исследование эффективного территориального планирования в заданный период позволяет отобразить динамику изменений планирования, а также оценить изменения в формировании городских каркасов. Полученные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Входящие данные муниципального образования г. Казань

Показатель	2018	2021
Численность населения, чел.	1243500	1257341
Общая площадь муниципального образования, га	61420,0	63839,6
Площадь производственно-коммунальной зоны, га	5706,8	5700,0
Площадь сельскохозяйственной зоны, га	10175,4	9437,7
Площадь общественной зоны, га	1344,1	1717,0
Площадь селитебной зоны, га	12237,9	14490,0
Площадь природной зоны, га	9796,0	14906,9

Примечание: составлено по [4].

Таким образом, на основе входящих данных полученных из генерального плана муниципального образования г. Казань, в период с 2018 по 2021 гг. произошло увеличение численности населения на 13841 чел. или 1,1 % от значений 2018 г. Кроме этого, площадь г. Казань возросла на 2419,6 га. В структуре распределения площадей функциональных зон произошло увеличение таких зон муниципального образования, как зоны селитебного и общественного назначения.

Увеличение селитебной зоны напрямую отражено увеличением общей площади Казани. Кроме этого, увеличение площади селитебной зоны оказало прямое воздействие перевод земель, где ключевыми переводимыми землями явились земли сельскохозяйственного и промышленного назначений в категорию земель населенных пунктов. Несмотря на это, площадь природной зоны в исследуемый период не претерпела изменений.

На основе полученных данных были проведены расчеты, направленные на получение параметров плотности населения, преодолении географического детерминизма, а также эффективности формирования городских каркасов (табл. 2).

Таблица 2

Эффективность использования городских территорий

Показатель		2018	2021
K ₁	Плотность населения, чел./га	20,24	19,69
K ₂	Площадь городского округа, га	61420	63840
K ₃	Преодоление географического детерминизма, га/га	3,86	4,22
K ₄	Эффективность использования экологической каркаса, га/га	0,16	0,23
K ₅	Эффективность использования общественного каркаса, га/га	0,02	0,03
K ₆	Эффективность использования социального каркаса, га/га	0,20	0,23
K ₇	Эффективность использования экономического каркаса, га/га	0,26	0,24

Примечание: рассчитано авторами по [4].

Таким образом, согласно проведенным вычислениям на основе метода М.А. Креймера, для всех исследуемых показателей за исключением эффективности использования экономического каркаса и плотности населения характерны увеличения значений в период с 2018 по 2021 гг.

Уменьшение плотности населения и увеличение площади Казанского муниципального образования находятся в прямо пропорциональной зависимости.

Изменение в назначении земель сельскохозяйственного и промышленного назначений привело к снижению параметра эффективности использования экономического каркаса.

Территориальное планирование городского округа города Казань основывается на генеральном плане г. Казань, важной целью которого является увеличение площадей размещения селитебных зон и социальной инфраструктуры. Этим объяснено увеличение площадей городской части, а также селитебной и общественной зон. Рост площадей селитебной зоны осуществился за счет перевода земель сельскохозяйственного назначения и промышленного назначения и объектов.

Благодаря присоединению к Казани площадей Высокогорского, Пестречинского и Лаишевского муниципальных районов Республики Татарстан, увеличилась эффективность использования социального каркаса города.

Таким образом, мы видим расширение городских границ в северо-восточном, восточном, юго-восточном направлениях. Присоединение площадей муниципальных районов также позволяет расширять окраинный пояс. Это, в свою очередь, обеспечивает полицентрическое развитие города.

Реорганизация объектов промышленного, производственно-коммунального, складского и жилого назначения охватывает юг Окраинного пояса, а также восток Переходного пояса. Реорганизация объектов на юге города Казань охватывает улицы Генерала Ерина и Ярышлар Приволжского района. Кроме этого, существует необходимость в благоустройстве лесных массивов, таких как Усадский лес, Девликеевский лес. Реорганизация объектов на востоке Переходного пояса включает в себя жилые комплексы «Весна», «Весна 2», включая улицы Ф. Табеева, Удивительная, Мира и Мамадышский тракт.

Реорганизация объектов на данных территориях позволит достичь баланса между местами проживания и приложения труда, что способствует минимизации нагрузки на транспортную инфраструктуру на востоке и юге муниципального образования, а также улучшения экологической обстановке на данных территориях.

Кроме этого, в период с 2018 по 2021 гг. произошли изменения в переводе земель промышленного назначения на востоке Переходного пояса. Это связано с переносом промышленных и производственно-коммунальных объектов. Перенос промышленных и производственно-коммунальных объектов осуществляется в Приволжском, Московском, Кировском районах. Изменение в составе функциональных зон Советского района охватывает улицы Аделя Кутуя, Родины, Рылеева, Скрябина, Бухарская, Р. Зорге и Гвардейская, а также промышленные, производственно-коммунальные и складские объекты, расположенные по улицам Портовая, Поперечно-Кукушкинская, Магистральная, Тихорецкая и Владимира Кулагина Приволжского района. В Московском районе северо-западная граница г. Казань – улица Химическая. В Кировском районе изменения в составе функциональных зон касаются улиц Майкопская и Большая. Перенос промышленных, производственно-коммунальных и складских объектов позволил присвоить данным территориям селитебное функциональное назначение.

Изменения в функционально зонировании, а также территории, требующие реорганизацию представлены на рис. 1.

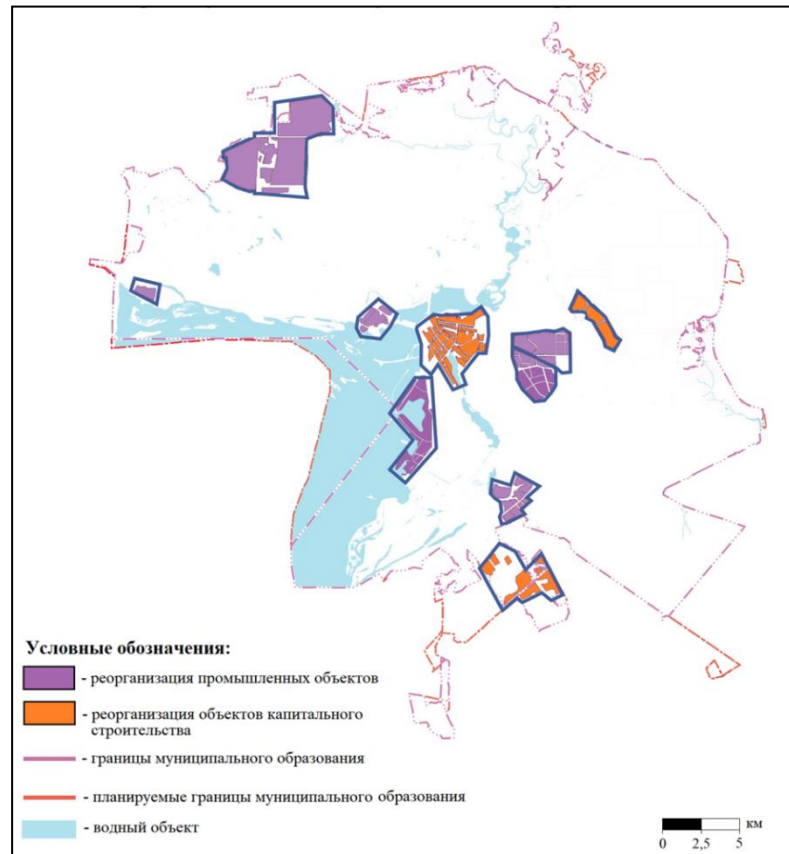

Рис. 1. Реорганизуемые объекты муниципального округа г. Казань (составлено авторами)

Согласно вычислениям, проведенным на основе метода эффективности функционального зонирования М.А. Креймера [3], территориально-планировочная структура г. Казань является достаточно эффективной. Однако в разработке концепций территориального планирования можно выделить ослабленный интерес населения к разработке документов планирования территорий. Так, подход к территориальному планированию г. Казань отличается от зарубежных методов и подходов, основанных на совместной разработке направлений планирования и развития территорий муниципальных образований между разработчиками планировочной структуры, представителями бизнеса и населением. Население выполняет роль целевой аудитории, на которую ориентировано территориальное планирование. Из этого следует, что существует необходимость в удовлетворении мнений и запросов населения.

Кроме этого, для всех каркасов за исключением экономического каркаса г. Казань характерно увеличение значений, что свидетельствует об эффективности территориального планирования.

Таким образом, было установлено эффективность использования каркасов муниципального образования в период с 2018 по 2021 гг. Таковыми явились экономический, социальный, экологический и общественный каркасы. Установлено, что для всех каркасов за исключением экономического каркаса г. Казань характерно увеличение значений, что свидетельствует об эффективности территориального планирования.

Для дальнейшего исследования определено, что на территории г. Казань существует необходимость в повышении эффективности территориального планирования экономического каркаса.

Основной проблемой эффективности территориального планирования муниципального образования г. Казань явилось недостаточное взаимодействие разработчиков планирования и местного населения [6].

Исходя из определения эффективности территориального планирования, была предложена методика, ориентированная на повышение качества планирования и развития территорий. Установлено, что привлечение населения в процесс территориального планирования позволяет увеличить устойчивость и актуальность планирования и развития территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Территориальное планирование. Цели и задачи. Виды и особенности проведения работ. Правила землепользования и застройки, генеральные планы и проекты межевания территории // Региональный кадастровый центр. [Электронный ресурс]. URL: <https://rkc56.ru/articles/4085>
2. О составе схем территориального планирования Российской Федерации [постановление Правительства РФ от 13 ноября 2006 г. № 680] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-13112006-n-680/>

3. Креймер М.А. Метод анализа экономической эффективности территориального планирования (на примере Новосибирской области) / М.А. Креймер // Вестник СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). 2016. № 3 (35). С. 168-171. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-analiza-ekonomicheskoy-effektivnosti-territorialnogo-planirovaniya-na-primere-novosibirskoy-oblasti>.

4. Генеральный план муниципального образования г. Казань от 28.02.2020 // Официальный портал органов местного самоуправления города Казани. [Электронный ресурс]. URL: <https://kzn.ru/content/upravleniearkhitektury/GenPlan/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BA%20%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E%20%E2%84%965-38.pdf>

5. Мальганова И.Г., Зобова И.Ю. Институциональные и социально-экономические трансформации развития территорий (на региональном и муниципальном уровнях) // Международный экономический форум «Экономика в меняющемся мире»: сб. научных статей (24-27 апреля 2018 г.). Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2018. С. 148-150.

Irina G. Malganova¹, Anna V. Fruzenkova²
¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan
²ITMO University, Saint Petersburg

URBAN METAMORPHOSIS: SPATIAL AND SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF KAZAN CITY DEVELOPMENT

Abstract. *The paper assessed the effectiveness of the use of urban functional zoning using the method of M.A. Kramer by the example of Kazan city. On the basis of the data obtained the calculations were carried out to obtain data on population density, overcoming geographic determinism, as well as the effectiveness of the formation of urban frameworks. The authors proposed recommendations for the effectiveness of municipal frameworks in the period from 2018 to 2021: economic, social, environmental and social.*

Keywords: *city, spatial development, metamorphosis, Kazan city, spatial planning, efficiency, geographic determinism.*

УДК 314.04

Монгуш С.П.
Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
г. Иркутск;
Тувинский институт комплексного освоения
природных ресурсов СО РАН, г. Кызыл

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ НАСЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Аннотация. *Рассчитаны варианты прогноза общего количества населения Хакасии и Тывы до 2027 года. Выполнена сравнительная характеристика реализации национального проекта «Демография» с учетом региональных компонентов изучаемых республик.*

Ключевые слова: *общая численность населения, динамика, рост, убыль, прогноз, Республика Тыва, Республика Хакасия.*

Демографические установки населения влияют на демографическое поведение и одно из научных направлений заключается в поиске оптимального варианта совокупности факторов, способствующих формированию необходимых условий реализации выработанной социально-демографической политики. То есть, одним из определяющих факторов выступает социально-демографическая политика, под влиянием которой формируются условия реализации демографического поведения [1; 2].

За последние десять лет численность населения республик Ангаро-Енисейского макрорегиона показывает, как положительную, так и отрицательную динамику (рис. 1).

Из прогнозных расчетов наиболее оптимальным вариантом развития для Республики Хакасии – Вариант 1 с потенциальным ростом населения до 535443 чел. (рост составит 7105 чел., в среднем 1421 чел./год). Наихудший – Вариант 3, при котором рост всего 749 чел. (в среднем 149 чел./год). Для Республики Тыва наиболее оптимальным является наоборот Вариант 3, когда количество потенциального населения составит 342571 чел. (рост составит 9962 чел., (в среднем 1992 чел./год). Наихудший – Вариант 1, при котором рост населения произойдет на 7479 чел. (ежегодно 1495 чел.).

Согласно ФЗ-256¹⁸ вступившим в силу с 1 января 2007 г. (действует по 31.12.2026 г.), предусматривается дополнительная финансовая поддержка в связи с рождением (усыновлением) ребенка (детей). Госу-

¹⁸ Федеральный закон от 29.12.2006 №256-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/5b54bfa5614134ce79cbf61456b1364d296519b2/ (дата обращения: 28.01.2023).

дарственная поддержка, стала толчком к естественному приросту населения, в особенности в Республике Тыва, где доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляет почти треть (31,7 %), а уровень безработицы – 18,0 %. И своевременная мера поддержки для населения проблемного субъекта стала еще одним видом дохода, в виде различных выплат на ребенка.

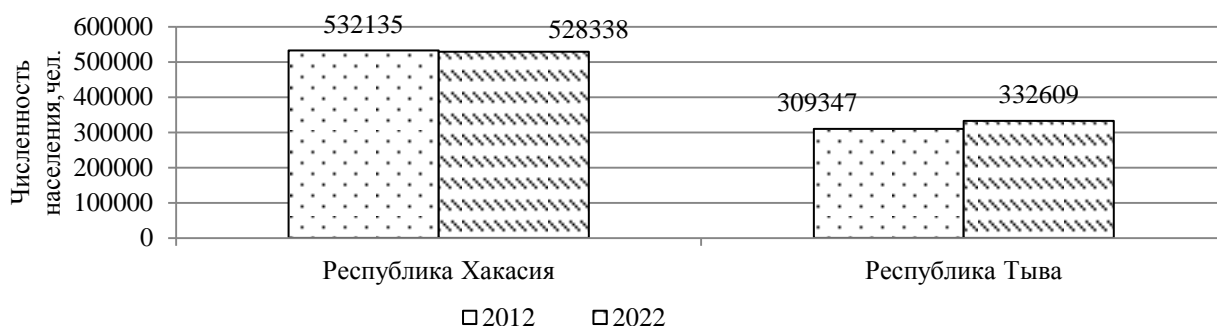

Рис. 1. Численность населения республик Ангаро-Енисейского макрорегиона (на 1 января)
 Источник: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 08.02.2023).

Представлены рассчитанные прогнозные варианты общей численности населения республик (табл. 1).

Таблица 1

Прогноз населения национальных республик, чел.

Годы	Вариант 1		Вариант 2		Вариант 3	
	РХ	РТ	РХ	РТ	РХ	РТ
2007	531140	302357	531140	302357	531140	302357
2008	531307	303783	531307	303783	531307	303783
2009	531874	305306	531874	305306	531874	305306
2010	532739	307323	532739	307323	532739	307323
2011	532286	308132	532286	308132	532286	308132
2012	532135	309347	532135	309347	532135	309347
2013	533025	310460	533025	310460	533025	310460
2014	534079	311761	534079	311761	534079	311761
2015	535796	313777	535796	313777	535796	313777
2016	536781	315637	536781	315637	536781	315637
2017	537668	318550	537668	318550	537668	318550
2018	537513	321722	537513	321722	537513	321722
2019	536167	324423	536167	324423	536167	324423
2020	534262	327383	534262	327383	534262	327383
2021	532036	330368	532036	330368	532036	330368
2022	528338	332609	528338	332609	528338	332609
2023	534844	332119	534834	332365	528488	334601
2024	534994	334111	534983	334464	528637	336594
2025	535144	336104	535132	336576	528787	338586
2026	535293	338096	535282	338702	528937	340579
2027	535443	340088	535431	340841	529087	342571

Примечание: 2023-2027 прогнозные варианты численности населения на 1 января. Самостоятельные расчеты автора.

При этом такой вид административного воздействия на естественный прирост населения, не стал эффективным для большинства субъектов по отношению к репродуктивности населения, что стало толчком к разработке конкретных мер социальной направленности (табл. 2).

Региональная составляющая национального проекта «Демография»¹⁹

Регионы	Региональные составляющие	Национальные цели
1	2	3
Республика Хакасия ²⁰	<p>«Финансовая поддержка семей при рождении детей» (Минтрудом Хакасии предоставляются ежемесячные выплаты на 1-го, 3-го и последующих детей. Размер выплат – 11705 руб./мес. (а первенца получили эту выплату 3060 семей на 158 млн рублей, на третьего и последующих детей получили 116 семей на 5 млн руб.) и др.</p> <p>«Старшее поколение» строится Жилой корпус на 200 мест на базе Туимского психоневрологического интерната; открываются гериатрические кабинеты; жители в возрасте 50+ имеют возможность пройти профессиональное обучение (в 2020 г. образовательные сертификаты выданы 186 чел. на сумму 4,5 млн руб.).</p> <p>«Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет в Республике Хакасия» создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет в Республике Хакасия» строятся детские сады, женщины, находящиеся в декретном отпуске, имеют возможность получить новую профессию (на обучение уже направлено 238 чел.) и др.</p> <p>«Спорт – норма жизни»: планируется открытие 2 площадок ГТО (Бейский и Усть-Абаканский районы), малых спортивных форм (г. Черногорск), завершить строительство в Абакане спортзала и центра настольного тенниса) и др.</p> <p>«Укрепление общественного здоровья»: Минздравом Хакасии в Ширинском районе внедрена программа, направленная на формирование у жителей мотивации к ведению здорового образа жизни; прорабатывается вопрос распространения опыта в Саяногорске, Абазе, Боградском и Бейском районах</p>	<ul style="list-style-type: none"> - повышение рождаемости; - увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; - обеспечить возможность женщинам, имеющим детей, совмещать трудовую деятельность с семейными обязанностями; - формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни; - создание для населения условий для занятий физической культурой и спортом
Республика Тыва ²¹	<p>Финансовая поддержка семей при рождении детей:</p> <ul style="list-style-type: none"> - осуществление ежемесячных денежных выплат в связи с рождением (усыновлением) 1-го ребенка (5121 семье); - осуществление ежемесячных денежных выплат в связи с рождением третьего ребенка и последующих детей до достижения ребенком возраста 3-х лет (3156 семье); - вручение сертификатов на региональный материнский капитал (225 семьям); - предоставление единовременной денежной выплаты 30 семьям при рождении двоих и более детей одновременно; - оказание мер социальной поддержки 5223 семьям в рамках Губернаторских проектов «Социальный картофель», «Социальный уголь», «Корова-кормилица»; - выполнение процедур экстракорпорального оплодотворения семьям, страдающим бесплодием, за счет средств базовой программы ОМС <p>Содействие занятости:</p> <ul style="list-style-type: none"> - планируется строительство 5 детских садов для детей в возрасте от 1,5 до 3 лет на 360 мест в пгт Каа-Хем Кызылского района, с. Кунгуртук Тере-Хольского района, с. Эржей Каа-Хемского района. г. Ак-Довурак и г. Чадан; - создание 70 мест для детей в возрасте до 3 лет в частных детских садах; - модернизация Центра занятости населения г. Кызыл <p>Старшее поколение:</p> <ul style="list-style-type: none"> - проведение старшего трудоспособного возраста вакцинации против пневмококковой инфекции из группы риска; - охват граждан старше трудоспособного возраста профилактическими осмотрами, включая диспансеризацию; - осуществление учреждениями социального обслуживания доставки граждан в медучреждения для прохождения диспансеризации; - выявление заболеваний и патологического состояния у лиц старше трудоспособного возраста, находящихся под диспансерным наблюдением; - предоставление гражданам старше трудоспособного возраста и инвалидов социальных услуг в организациях социального обслуживания; - строительство новых корпусов в Буренском и Хайыраканском домах-интернатах 	<ul style="list-style-type: none"> - повышение продолжительности жизни населения до 78 лет к 2024 г.; - увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет к 2024 г.; - повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 к 2024 г. - увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни и систематически занимающихся физической культурой и спортом до 55 % к 2024 г.

¹⁹ <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения: 10.02.2023).

²⁰ <https://r-19.ru/ispolnenie-porucheniy-prezidenta-rossii/5574/102190/> (дата обращения: 08.02.2023).

²¹ <https://rtyva.ru/natsionalnye-i-gubernatorskie-proekty/2562/> (дата обращения: 08.02.2023).

1	2	3
	<p>Укрепление общественного здоровья:</p> <ul style="list-style-type: none"> - увеличение обращений граждан в Центр здоровья по вопросам здорового образа жизни; - участие социально ориентированных некоммерческих организаций в реализации проекта «Укрепление общественного здоровья»; - участие муниципальных образований в реализации муниципальных программ «Укрепление общественного здоровья в кожунах» <p>Спорт – норма жизни:</p> <ul style="list-style-type: none"> - приобретение спортивного оборудования для школ олимпийского резерва г. Кызыла, Барун-Хемчикского и Дзун-Хемчикского районов; - создание 2 малых спортивных площадок в Пий-Хемском, Тоджинском районах и 1 физкультурно-оздоровительного комплекса открытого типа в мкр. Спутник (г. Кызыл); - поддержка спортивных организаций, осуществляющих подготовку сборных команд 	

Вывод: Таким образом, проработка итогов реализации социально-демографической политики является важной частью, учет социально-культурных условий на основе региональной специфики должны обособивать выбор того или иного механизма в оптимальной модели социально-демографической политики национальных республик. Пример практикоориентированных республиканских проектов – «Социальный картофель», «Социальный уголь», «Корова-кормилица». Но, при этом, современным социальным институтам общества, в первую очередь, необходимы и востребованы работники, которые не обременены семейными узами или детьми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шабунова А.А., Ростовская Т.К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 38-57. DOI:10.15838/esc.2020.4.70.2
2. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2020 / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова, В.Н. Архангельский [и др.]; отв. ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М.: ИТД «Перспектива», 2021. 214 с.

Snezhana P. Mongush

*V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk;
Tuva Institute for Integrated Development
Natural Resources SB RAS, Kyzyl*

DEMOGRAPHIC FORECAST OF THE POPULATION OF THE NATIONAL REPUBLIC OF THE ANGARO-YENISEI MACROREGION

Abstract. The variants of the forecast of the total population of Khakassia and Tyva until 2027 are calculated. A comparative characteristic of the implementation of the national project «Demography» is carried out, taking into account the regional components of the studied republics.

Keywords: total population, dynamics, growth, decline, forecast, Republic of Tyva, Republic of Khakassia.

УДК 314.18

Полтев А.Е., Сазонова Н.В.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород*

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены современные демографические проблемы Белгородской области. Приводятся результаты анализа таких статистических данных, как заболеваемость взрослого населения, заболеваемость детского населения, показатели рождаемости, смертности, естественной убыли (прироста). Отмечаются лидирующие заболевания в структуре смертности региона. Выделяются наиболее благоприятные и неблагоприятные муниципальные образования области по медико-демографическим показателям.

Ключевые слова: демография, демографическая ситуация, рождаемость, смертность, естественный прирост, половозрастная пирамида, медико-демографические показатели.

В наше время все больше внимания обращается к проблеме человека, происходит улучшение его условий жизнедеятельности, удовлетворения потребностей. В связи с этим возрастает потребность в анализе демографической ситуации и здоровья населения регионов.

Здоровье человека зависит от множества факторов, а влияние его велико на социально-экономические показатели региона. В последние годы демографическая ситуация в Белгородской области является напряженной, наблюдаются высокие показатели уровня заболеваемости системы кровообращения, органов дыхания, органов пищеварения, новообразованиями. В регионе наблюдается естественная убыль из-за высоких показателей смертности и низких показателей рождаемости.

В регионе сложилась следующая медико-демографическая ситуация. В течение анализируемого периода численность населения Белгородской области выросла, но на момент 2021 г. не находилось в максимальной своей точке, каковым был 2018 г. с его показателем в 1549,9 тыс. чел. В период с 2018 по 2021 гг. население сократилось на 8,6 тыс. чел (рис. 1). Прирост населения происходил в основном за счет миграционного прироста, в течение 2000-2021 гг. он уменьшился с показателя 15 тыс. чел. до 3853 чел. соответственно.

Рис. 1. Динамика численности Белгородской области

За период с 2016 по 2021 гг. уровень рождаемости по области снижался в среднем на 7,0 %. Во всех 22 муниципальных образованиях Белгородской области отмечалось снижение уровня рождаемости. Минимальный показатель рождаемости отмечался в Красногвардейском районе (рис. 2), максимальный – в Белгородском районе.

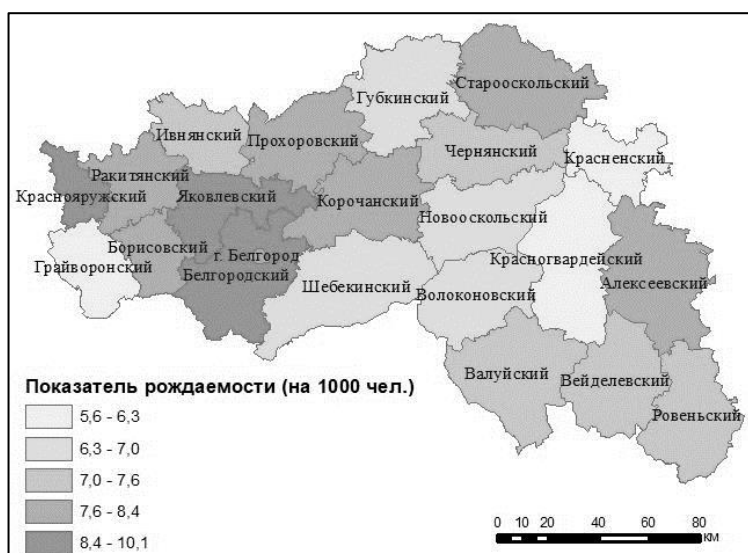

Рис. 2. Картограмма рождаемости (на 1000 человек населения) в муниципальных образованиях Белгородской области

С 2000 г. показатель рождаемости в целом по Белгородской области снижался и достиг показателя 8,0 чел. на 1000 населения, что является ниже, чем среднероссийский показатель (9,8) (табл. 1). Падение рождаемости связано с ухудшением уровня жизни, нестабильной ситуацией в стране, увеличением смертности от инфекционных заболеваний (в особенности COVID-19), уменьшением количества заключенных браков.

За период с 2015 по 2021 г. уровень смертности по области увеличивался в среднем на 3,1 %. В 19 муниципальных образованиях Белгородской области фиксировался ежегодный прирост смертности, в

Чернянском, Красненском, Волоконовском районах отмечалось снижение. Самые неблагоприятные районы области: Красненский, Вейделевский, Новооскольский.

Таблица 1

Показатели рождаемости на 1000 человек населения [1]

	2000	2010	2015	2019	2020	2021
Белгородская область	8,0	10,9	11,5	9,2	8,5	8,0
Средний показатель по РФ	8,7	12,5	13,3	10,9	10,1	9,8

В 2021 г. во всех муниципальных образованиях Белгородской области отмечена естественная убыль населения, наибольшая и наименьшая естественная убыль населения отмечена в Красненском районе (-16,8 на 1000 населения) и Белгородском районе соответственно (-4,5 на 1000 населения) (рис.3).

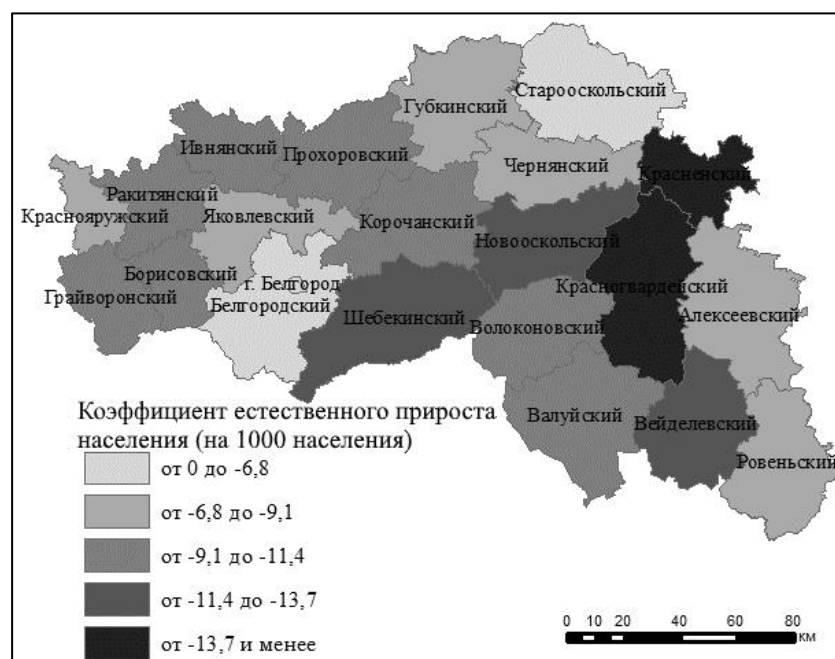

Рис. 3. Картограмма естественного прироста (убыли) (на 1000 человек населения) в муниципальных образованиях Белгородской области

На естественную убыль населения влияют такие факторы как: нестабильная экономическая ситуация в стране; высокий уровень смертности по сравнению с рождаемостью [2].

Количество заключаемых браков в период с 2000 по 2010 гг. росло, достигнув максимума – 8,5 на 1000 человек, в последующие годы показатели начали падать, достигнув в 2021 г. – 4,8 брака на 1000 человек. Этот показатель является на 0,6 брака меньше среднероссийского показателя. Сокращение количества браков связано с ухудшением экономической стабильности в стране, политика «индивидуализма», в определенной степени также связано с соответствующим движением «демографической волны».

Также стоит построить и рассмотреть половозрастную пирамиду населения (рис. 4), а также возрастную динамику (рис. 5).

Так, в области наблюдается равенство соотношения между количеством мужчин и женщин, которое продолжается до 40 лет (рис. 4), начиная с этого момента, начинает проявляться все больший перевес женщин, который достигает максимума в категории старше 70 лет и составляет разницу в 63,0 тыс. чел. Причиной преобладания женщин в половозрастной структуре в старшем возрасте является более высокий риск смерти у мужчин [3]. Так, у мужчин в доле смертности преобладают сердечно-сосудистые заболевания, вызванные злоупотреблением алкоголем, табачными изделиями. Второй причиной становятся внешние факторы, такие как несчастные случаи, ДТП, убийства. Третьей причиной является традиционная разница в опасности работ разных полов, так, мужчины выполняют более сложные и опасные виды деятельности.

Демографической проблемой Белгородской области является также тенденция старения региона в связи с увеличением доли населения пожилого и старческого возраста и стабилизацией в популяции доли детей (рис. 5).

Показатель общей заболеваемости взрослого населения в 2021 г. увеличился на 1,5 % и составил 165134,9 на 100000 взрослого населения (2019 г. – 156134,9), РФ – 150540,5. Антилидерами по этому по-

казателю являются Красненский и Прохоровский районы. Наиболее благополучные муниципальные образования – Борисовский и Ракитянские районы (рис. 6).

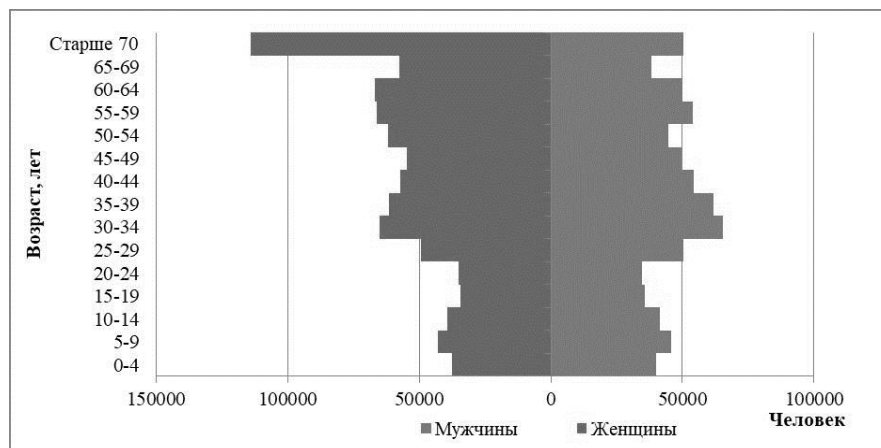

Рис. 4. Половозрастная пирамида населения Белгородской области

Рис. 5. График доли лиц в возрасте 0-14 и 60 и более лет в общей численности населения Белгородской области

Рис. 6. Картограмма общей заболеваемости взрослого населения Белгородской области в разрезе муниципальных образований (случаев на 100 тыс. населения)

Показатель общей заболеваемости детей (0-14 лет) в 2021 г. в сравнении с уровнем предыдущего года снизился на 3,2 % и составил 180026,7 на 100000 соответствующего населения (2019 г. – 186025,7), РФ – 219821,9.

Обращая внимание на рис. 3 и 6., можно заметить, что муниципальным образованием, в котором зафиксирован максимальный показатель общей детской заболеваемости является Вейделевский район (316308,7 случаев на 100 тыс. нас.). Наиболее благополучным можно назвать Новооскольский район с показателем в 73973 случаев на 100 тыс. населения.

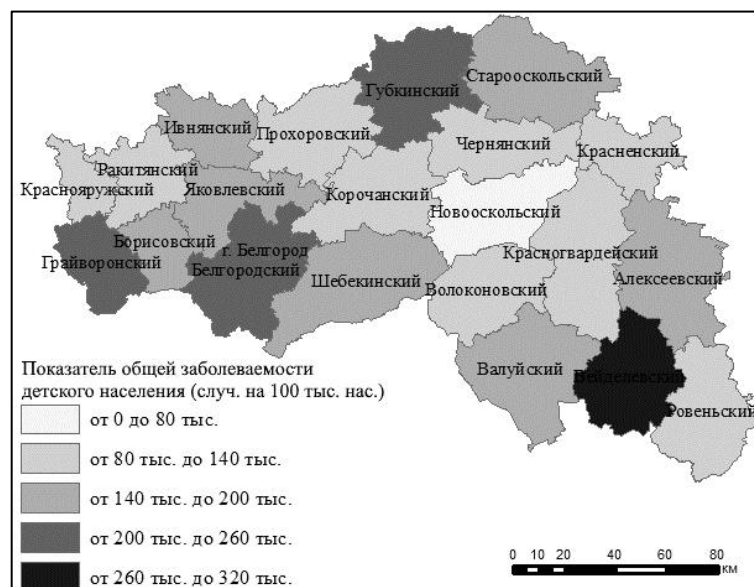

Рис. 7. Картограмма общей заболеваемости детского населения Белгородской области в разрезе муниципальных образований (случаев на 100 тыс. населения)

Рассматривая структуру заболеваемости Белгородской области в 2021 году (рис. 8), можно прийти к выводу, что в регионе на лидирующем месте стоят болезни систем кровообращения, на втором – новообразования, на третьем – болезни органов дыхания.

Рис. 8. Динамика смертности от различных заболеваний на территории Белгородской области, на 100 000 человек населения

В заключении можно сказать, что основными демографическими проблемами региона можно назвать: низкий показатель рождаемости, который в совокупности с ростом смертности приводит к естественной убыли населения региона. Демографической проблемой Белгородской области является также тенденция старения региона в связи с увеличением доли населения пожилого и старческого возраста и стабилизацией в популяции доли детей, которое приводит к экономическому напряжению и требует проведение более тщательной социальной политики.

Высоки показатели заболеваемости, как детской, так и взрослой, лидирующие позиции в причинах смертности занимают болезни систем кровообращения, новообразования, болезни органов дыхания. Демографические показатели Белгородской области имеют неоднозначные, но в основном негативные тенденции динамики.

Общая численность населения увеличивалась исключительно из-за миграционного прироста, но и он в последние годы снижается. В области отмечается естественная убыль населения. Можно прогнозировать то, что с каждым годом численность населения Белгородской области будет уменьшаться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Статистический ежегодник. Белгородская область. 2021 / Т.В. Бондаренко, С.В. Харитоновна, Э.Е. Воинова, и др. Белгород: Белгородстат, 2021. 508 с.

2. Сазонова Н.В. Современные тенденции демографической ситуации Белгородской области / Н.В. Сазонова, О.А. Сазонова // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: материалы форума (Воронеж, 30 сентября – 02 октября 2021 г.). Воронеж: Изд-во ООО «Цифровая полиграфия», 2021. С. 576-580.

3. Ситникова О.О. Сопряженный анализ техногенных нагрузок на окружающую среду с экологически обусловленными заболеваниями (на примере Белгородской области) / О.О. Ситникова // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM)

УДК 910.1

Поспишенко М.А.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

«НЕЛЕГКИЕ КАДРЫ» В ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация.** Необходимость реновации отечественной легкой промышленности и выход ее на качественно новый уровень развития требует решения целого ряда проблем, среди которых нехватка квалифицированных кадров. Глубокий кризис постсоветского периода нанес урон не только производству товаров, оборудования, сырьевым поставкам, но и системе подготовки трудовых ресурсов для отрасли. Акцентируется внимание на развитии отрасли в условиях импортозамещения и острой конкуренции на мировых рынках индустрии моды.*

***Ключевые слова:** легкая промышленность, трудовые ресурсы, подготовка кадров, регионы России.*

Легкая промышленность – сложная по составу отрасль, включающая более 20 видов деятельности, нацеленных на производство товаров для населения и материалов практически для всех отраслей экономики. В условиях сложной геополитической ситуации, усиления санкций, необходимости импортозамещения перед отраслью встали серьезные задачи по возрождению и реновации. Переживая глубокий кризис постсоветского реформирования, отрасль постепенно выходит на качественно новый уровень развития, определяемый внедрением современных технологий в производство, изобретением новых материалов, переходом к автоматизации производства. Превращение легкой промышленности в креативную индустрию стало важной целью развития ряда регионов России, где производство тканей, одежды, обуви традиционно является отраслью специализации [1]. Наметившиеся в начале тысячелетия перемены легли в основу современных положительных тенденций. Усиление санкций, изменения в поставках сырья и оборудования, уход с российских рынков ряда производителей актуализировал необходимость возрождения отечественной легкой промышленности. Важным стимулирующим фактором является быстрая отдача вложенных средств, а технологические особенности отрасли позволяют осуществлять быструю смену ассортимента при минимуме затрат, что обеспечивает высокую прибыльность производства.

Положительным знаком является тот факт, что объем отгруженных товаров собственного производства легкой промышленности за январь-май 2022 г. составил 427,5 млрд рублей или 120,2 % от объема отгрузки в аналогичном периоде 2021 г., в том числе: 217,7 млрд руб. (+17,2 %) – производство текстильных изделий; 153,3 млрд руб. (+27,4 %) – производство одежды; 56,4 млрд руб. (+13,6 %) – производство кожи и изделий из кожи [2]. Но проблемы технологического переоснащения отрасли остаются на повестке дня.

По данным Инновационного Центра Текстильной и Легкой промышленности количество предприятий легкой промышленности в 2019 г. составило 22 тыс., а численность персонала превысила 292 тыс. чел. Как подчеркивается в документе, среднемесячная заработная плата работников (23 660 руб.) отрасли почти вдвое ниже среднего заработка в России по обрабатывающим производствам [3].

Эти проблемы стали одной из главных причин острой нехватки кадров в отрасли. По мнению О.А. Коленниковой, система обеспечения кадрами легкой промышленности в советское время имела серьезные дефекты, но функцию свою выполняла. Сегодня фактически произошел откат назад, когда обучение ключевых кадров, от которых зависит развитие отрасли, легло полностью на плечи предприятий [4]. Как доказывает автор на примере Ивановской области, современный образовательный и квалификационный уровень трудовых коллективов предприятий легкой промышленности – это гибридный продукт советской системы подготовки кадров для отрасли и западных производителей, поставляющих оборудование. Но системной и стабильной подготовки кадров не существует. В большинстве регионов страны кризис легкой промышленности в 1990-х гг. подорвал и всю систему подготовки кадров.

Обращаясь к проблеме обеспеченности кадрами предприятий легкой промышленности, мы заострили внимание не только на низкой оплате труда, но и на непрестижности рабочих профессий, отсутствии возможности подготовки специалистов высокого уровня, передачи опыта молодому поколению.

Так, например, проведенный нами анализ двух крупных трикотажных предприятий в г. Москве и в Калужской области показал, что лишь 5 % сотрудников работают по специальности, основная часть сотрудников работает на предприятии уже более 10 лет, но без должной квалификации. Средний возраст специалистов – 40-50 лет, большинство практически самостоятельно получали опыт на данном предприятии, некоторые пришли с конкурирующих производств. Руководящие должности занимают специалисты с высшим образованием, но они обучались еще в советское время на станках прошлой эпохи. Особенно характерен дефицит кадров начальных этапов технологической цепочки, причем, даже для массового пошива, но особенно не хватает высококвалифицированных швей, технологов, конструкторов.

Традиционный способ набора кадров – запросы в высшие и средние учебные заведения на практикантов и выпускников – в настоящее время практически отсутствует. Предприятия делают запросы через службы занятости, СМИ и интернет, дают уличные объявления, посещают ярмарки вакансий. Зачастую расширяющиеся производства приглашают кадры из закрывающихся фабрик, практикуют «переманивание» работников с других предприятий, но и эти способы проблему нехватки кадров не решают.

Еще важной проблемой является отсталость технологической базы в сохранившихся средних профессиональных учебных заведениях (станки советского периода, неактуальные технологии производства и т.п.), что не дает возможности подготовить современного, инновационного и перспективного сотрудника.

Необходимость подготовки кадров для легкой промышленности обсуждается на разных уровнях. В сентябре 2022 г. на ВДНХ (г. Москва) прошла 58-ая Федеральная ярмарка товаров и оборудования текстильной и легкой промышленности. Мероприятие прошло под лозунгом: «Специалисты, способные двигать страну вперед, не приходят «из ниоткуда» их нужно создавать!». Более 5,5 тыс. человек приняли в нем участие, это были представители Минпромторга России, Палаты текстиля и моды, руководители предприятий легкой промышленности и представители профессионального образования. На форуме обсуждались вопросы привлечения молодежи для работы в отрасли, поддержки молодых специалистов и наставничества, повышении имиджа профессий, организации практик студентов на современных предприятиях и др. [5].

К решению проблем подготовки кадров уже подошли в ряде регионов. В г. Санкт-Петербург открылась Академия моды и дизайна. Это инновационный центр профессиональной подготовки кадров для легкой промышленности. Здесь установлено современное высокотехнологичное оборудование, а студентов будут обучать проектированию и изготовлению продукции малыми партиями. Академия представляет собой полноценное швейное производство с лабораториями печати на ткани, компьютерной графики, лазерной обработки изделий, мастерской автоматизированного изготовления одежды и экспериментальным цехом [6].

В Ивановской области при содействии Минобрнауки России планируется создание Научно-образовательного кампуса «Большая Ивановская мануфактура». Это будет не только образовательный центр и технопарк мирового уровня, многофункциональные пространства с библиотекой, но и общежитие на 2,5 тыс. студентов. Среди основных направлений стратегии будет разработка новых материалов в текстильной промышленности, медицине, энергетике и строительстве; дизайн и цифровое проектирование одежды; преобразование и развитие малых городов [7].

Таким образом, современные геополитические условия, политика импортозамещения, программы поддержки со стороны государства дают возможность для реновации легкой промышленности, которая должна осуществляться комплексно, поэтапно, решая самые острые проблемы, в том числе и по подготовке квалифицированных кадров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балина Т.А., Коньшев Е.В., Поспищенко М.А. Легкая промышленность Пермского края и Кировской области: особенности развития // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: материалы Междунар. науч. конф. (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Тюмень, 12-17 сентября 2022 г. / отв. ред. А.Г. Дружинин, Д.А. Дишин. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 116-122.
2. Легкая промышленность России. URL: <https://www.ruslegprom.ru/ob-otrasli> (дата обращения: 20.01.2023).
3. Итоги развития легкой промышленности России в 2015-2019 гг. Перспективы отрасли в 2020-2025 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://inpctlp.ru/doc/Итоги_развития_ЛП_России.pdf (дата обращения: 20.01.2023).
4. Коленикова О.А. Кадровое обеспечение легкой промышленности: проблемы и поиск решения // ЭКО. 2018. № 2. С.48-61.
5. «Кадры решают все» - это уже не лозунг, а проблема будущего легпрома [Электронный ресурс]. URL: <https://textilexpo.ru/novosti/52-novosti-tekstillegprom/902-kadry-reshayut-vsjo-eto-uzhe-ne-lozung-a-problema-budushchego-legproma> (дата обращения: 20.01.2023).

6. PROfashion.ru / журнал и портал о моде для профессионалов «Петербург станет кузницей кадров для легпрома» [Электронный ресурс]. URL: <https://profashion.ru/business/career/peterburg-stanet-kuznitsey-kadrov-dlya-legproma> (дата обращения: 22.01.2023).

7. Научно-образовательный кампус «большая ивановская мануфактура» будет готовить кадры для легпрома [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruslegprom.ru/novosti/nauchno-obrazovatelnyj-kampus-bolshaya-ivanovskaya-manufaktura-budet-gotovit-kadry-dlya-legproma/> (дата обращения: 21.01.2023).

УДК 911.3

Попкова Л.И.

*Курский государственный университет,
г. Курск*

ГОРОДА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ: КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ

***Аннотация.** В статье предпринята попытка оценки различных подходов к определению истинности города в Центральном Черноземье. С опорой на известные публикации проведён анализ критериев истинности города, дополненный факторами известности и восприятия городского пространства местными жителями и сторонними наблюдателями. В результате выявлено, что универсальные показатели истинности города не всегда приводят к искомому результату.*

***Ключевые слова:** Центральное Черноземье, город, истинность, подходы, критерии.*

Введение. Города Центрально-Чернозёмного района представлены 52 территориальными единицами. Среди них есть один город-миллионер, один крупнейший город, три крупных, три больших, пять средних и тридцать девять малых городов. Они мозаичны по широкому набору концептов и их сочетаниям: возникли в разные исторические периоды, отличаются по генезису, выполняемым функциям. Среди них есть древние и молодые, возникшие из сёл и основанные в чистом поле, ресурсные, энергетические, транспортные, аграрные, православные, исторические, туристические.

Динамика развития городских поселений, их сети и системы в целом позволяет создать реальную картину связности Центрального Черноземья, способности выполнять возложенные на города функции, в том числе в качестве основных центров и узлов, ставших вершинами каркаса социально-экономической устойчивости региона.

Многообразие городов предоставляет широкий набор возможностей для выявления их особенностей, типичности и индивидуальности. В связи с этим возникает ключевая проблема: определения истинности города для упорядочения поселений по их урбанизационному потенциалу.

Между городом и сельской местностью нет и не может быть никаких разломов: ни цивилизационных, ни тектонических, ни гуманитарных, ни когнитивных, поэтому в той или иной степени практически все индикаторы присущи обоим типам расселения. Но степень их выраженности – разная. Поэтому была предпринята попытка обобщить разные подходы к определению истинности города. К ним относится разносторонний учёт первичных статистических показателей, расчётный балльный индекс, наличие атрибутов, связанных с транспортным обслуживанием. Эти подходы дополнены косвенными показателями известности города, а также субъективным восприятием, складывающимся из атмосферы города и самоопределения его жителей.

Ценный материал для дополнения статистических и расчётных показателей получен в результате непосредственных наблюдений на местности, экспертные опросы, беседы и анкетирование во время экспедиционных выездов во все города Центрального Черноземья.

Основные результаты. Анализ опубликованных источников свидетельствует о том, что некоторые важные положения и подходы в вопросах анализа критериев истинности городов отражены в исследованиях многих ученых [1–10], что отражает сложность и многогранность города и составляет теоретическую базу статьи, адаптированную к современным реалиям и особенностям региона. Сеть городов Центрального Черноземья представляет собой сложную многоуровневую систему, сформированную на протяжении длительного времени, под влиянием различных социально-политических и экономических факторов [11; 12].

Рассмотрение современных критериев истинного города с опорой на предшествующие исследования и разработка комплексного индекса истинности города потребовал обращения к разноплановым источникам информации. Например, обращение к теоретическим обобщениям понятия «город»: количественным; политико-административным; экономическим; социальным показало, что они важны, но недостаточны. Географически к ним следует добавить иерархическую, опирающуюся на теорию центральных мест, выявление зон влияния города, отметив решающую роль городов в территориальной организации региона.

Помимо теорий в литературе приводится огромное множество критериев города, которые работают только все вместе, в совокупности. Каждый в отдельности лишён той целостности, которой определяется понятие «город». Следует согласиться с показателем, согласно которому город всегда имеет более высокую плотность населения, чем сельская местность. Но трудно назвать ту нижнюю границу, за которой руральный ландшафт превращается в индустриальный. Вводят в заблуждение и пасторальные сельско-городские виды, которыми так славятся малые российские провинциальные города. Часто бывает трудно определить, это признаки какой жизни? Городской? Сельской? Скорее, традиционной для этих мест, сложившейся веками.

Рассмотрим подходы к определению истинности города на примере районного центра Курской области, г. Фатежа, символом которого стала личность Г.В. Свиридова. Здесь он родился и прожил до 9 лет. Начнём с некоторых классических определений города. Не утверждаем, что они абсолютно объективны, но всё же к ним стоит присмотреться. Что об этом писали известные исследователи? Фридрих Ратцель городом считал долговременное скопление людей и их жилищ, занимающее значительное пространство и расположенное в центре крупных коммуникаций. Примерим на Фатеж: долговременное – да; пространство значительное – ну это смотря с чем сравнивать; центр крупных коммуникаций – скорее полоса, дорога. С оговорками, по Ратцелю, Фатеж – город. Макс Вебер городом предложил считать замкнутое большое поселение, в котором отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом, как одна из черт образа жизни горожан. Во-первых, что значит «замкнутое», имеющее чёткие границы, это есть в Фатеже; большое поселение – нет, не очень; и, конечно же, все всех знают, всё на виду. Нет, по М. Веберу, Фатеж не город.

Г.М. Лаппо считал, что город – это центр своего окружения, фокус территории (*село или пгт ведь тоже центр?*); поселение, в котором преобладают несельские занятия; среда жизни людей с особыми свойствами; городской образ жизни. Несомненно, Фатеж – центр своего района, по поводу городских занятий и образа жизни – вопрос. Город никогда не был промышленным, но занимался переработкой сельскохозяйственного сырья и торговал продуктами переработки. Это минус. Плотность населения выше средней по городам Центрального Черноземья – 1419 чел./км². Это плюс.

Что добавить? Можно многое: демографическую ситуацию; деятельность предприятий; среднесписочную численность работников и среднемесячную заработную плату; инвестиции в основной капитал; показатели работы коммунальной сферы; площадь жилых помещений; оборот розничной торговли и общественного питания, и это далеко не всё. Это большая и кропотливая работа, и в отношении к Фатежу, без сопоставления с другими городами, вряд ли добавит что-то новое к тому, о чём уже написано.

Поэтому остановимся на индексе качества городской среды, который рассчитывался на основе оценки шести типов городских пространств в соответствии с шестью критериями качества городской среды. В итоге складывается матрица оценки из 36 индикаторов. Индекс города рассчитывается как сумма баллов по шкале от 0 до 10. Таким образом, самый высокий индекс города 360 баллов. Фатеж в этой шкале ровно посередине – 180 баллов.

Кроме того, каждый город существует в медийном пространстве. Оставляет цифровой след. И его известность связана с количеством упоминаний или ссылок. В качестве такой информационной базы нами выбраны данные среднегодового количества запросов в мета-машине Яндекс по ключу «название города», что косвенно может говорить об «известности города» и «стоимости его бренда». Фатеж оказался в этом рейтинге на предпоследнем месте, меньше из нашей выборки запрашивают только «лучший город Земли» – Дмитриев. В том, что мало о тебе знают тоже есть свой позитив. Находиться на трассе и быть невидимкой, – надо очень постараться.

Заключение. Подводя промежуточный итог исследования, отметим, что истинность города потому и не была до сих пор «посчитана», что, во-первых, это очень динамичный процесс, обусловленный многообразием факторов влияния – от локальных до глобальных. Поэтому в каждый переломный период критерии эти меняются в зависимости от приоритетов конкретного времени. Вторая важная черта сложностей с определением истинности заключается в непредсказуемости города, о чём наглядно можно судить по фундаментальному труду В.П. Семёнова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России» [10], который предоставил нам возможность проследить более, чем 100-летнюю эволюцию изменения условий и факторов, определяющих истинность города.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГО, № 09/2021-Р.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Водарский В.Я. Исследования по истории русского города. Факты, обобщения, аспекты. М.: Институт российской истории РАН, 2006.

2. Водарский В.Я. Города и городское население России XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по истории географии. М., 1974.
3. Воейков А.И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири / А.И. Воейков. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 52 с.
4. Воейков А.И. Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека // Изв. ИРГО. Вып. 2/3, 1906. С. 649-782.
5. Иофа Л.Е. Города Урала [Электронный ресурс]. Ч. 1: Феодалный период. М., 1951 (2016). 423 с.
6. Лаппо Г.М. География городов: учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1997. 480 с.
7. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа / Лаппо Г.М. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
8. Лаппо Г.М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Сер. геогр. 2019. № 4. С. 3-23.
9. О'Салливан, А. Экономика города: учебник / Артур О'Салливан; пер. с англ. В.П. Пипейкина. 4-е изд. Москва: ИНФРА-М, 2002. XXVI, 706 с.
10. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1910. IV, 212 с.
11. Попкова Л.И. Проблемы развития Центрального Черноземья // Вопросы географии. 2016. № 141. С. 381-403.
12. Попкова Л.И. Урбанистическая структура территории Центрального Черноземья // Полимасштабные системы «центр-периферия» в контексте глобализации и регионализации: теория и практика общественно-географических исследований: материалы междунар. науч. конф. (Симферополь, 16-20 сентября 2015 г.) / под общей ред. И.Н. Воронина, А.Г. Дружинина. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. 556 с.

Lyudmila I. Popkova
Kursk State University, Kursk

CITIES OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION: CRITERIA OF TRUTH

Abstract. *The article attempts to evaluate different approaches to determining the validity of a city in the Central Chernozem region. Based on well-known publications, an analysis of the criteria for the truth of the city was carried out, supplemented by the factors of fame and perception of urban space by local residents and outside observers. As a result, it was revealed that the universal indicators of the truth of the city do not always lead to the desired result.*

Keywords: *Central Chernozem region, city, truth, approaches, criteria.*

УДК 911.3:31:32 (571.53)

Размахнина Ю.С., Фартышев А.Н.
Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН,
г. Иркутск

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧНОСТИ НА ИТОГИ ВЫБОРОВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ, БУРЯТИИ И ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ)

Аннотация. *Приводятся данные социологического опроса представителей коренных народов в Капсальском МО (Иркутская область, Эхирит-Булагатский район), МО «Южный Аргалей» (Забайкальский край, Агинский район), МО «Сойотское» (Республика Бурятия, Окинский район). Полученные результаты согласуются с осуществленным ранее анализом статистики, который показал взаимосвязь доли коренных народов со значительным уровнем явки и высокой степенью поддержки партии «Единая Россия».*

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, явка, политические предпочтения, социологический опрос.*

Этничность наряду с местом проживания (город или село), социально-экономическим положением муниципальных образований (МО) и т.д., влияет на итоги выборов, а именно на явку и политические предпочтения. Для этнических территорий Восточной Сибири (рассматриваемых нами в составе республик Бурятия, Тыва, Хакасия и Якутия, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской области) присуща особая электоральная культура (ее контролируемый тип), характеризующаяся способностью властных институтов обеспечить на выборах необходимый уровень явки и голосования за нужный результат [1, с. 371].

Ранее нами на основе анализа статистики по данным ГАС «Выборы» была рассчитана теснота связи с одной стороны между долей восточносибирских коренных этносов и явкой, с другой – политическими предпочтениями. Полученные коэффициенты корреляции показывали преимущественно среднюю тесноту связи (0,50-0,70) на муниципальных выборах относительно явки на муниципальных выборах в некоторых регионах: республики Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Забайкальский край и Иркутская область. Высокая теснота (0,70-0,90) связи между долей коренных народов и явкой наблюдается на выборах глав регионов и

депутатов законодательных собраний, Президента и депутатов Государственной Думы, например, выборы Президента в 2018 г. (0,85). [2, с. 255]. Наиболее отчетливо прослеживается теснота связи (в данном случае наблюдается как положительная, так отрицательная) между удельным весом коренных народов и политическими предпочтениями на региональных и федеральных избирательных кампаниях: тесноту связи можно охарактеризовать как высокую, так и очень высокую (0,90 и выше). В качестве примера можно привести кандидатуру Г.П. Парахнина на выборах главы Республики Саха (Якутия), где теснота связи составила 0,96 [2, с. 254].

Помимо статистики указанные закономерности подтверждаются и путем социологического анкетирования респондентов. В 2020-2021-х гг. нами было проведено социологическое анкетирование представителей коренных народов, проживающих в МО и отдельных населенных пунктах: «Капсальское» (Иркутская область, Усть-Ордынский Бурятский округ (УОБО), Эхирит-Булагатский район) – опрошено 100 человек, МО «Южный Аргалей» (Забайкальский край, Агинский Бурятский округ, Агинский район) – 80 человек, «Сойотское» (Республика Бурятия, Окинский район) – 102 человека. Указанные территории характеризуются высокой долей аборигенных народов (более 80 %). Опрос был произведен среди лиц трудоспособного и старше трудоспособного возраста. Выборка основывается на данных ГАС «Выборы»: в Капсальском МО опрошено 17,6 % от общего числа избирателей (включая русское население, которое здесь не было нами учтено), МО «Южный Аргалей» – 16,6 %, МО «Сойотское» – 13,3 %. В целом, общее число опрошенных соответствует нормативам проведения социологических опросов.

Среди вопросов анкеты особо следует отметить те, которые показывают отношение респондентов к выборам в целом (ходят ли они на них?) и к основным политическим партиям. На вопрос «Голосуете ли Вы на выборах?», опрашиваемые ответили следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Вопрос анкеты «Голосуете ли Вы на выборах?» (явка)*			
МО	«Обычно да»	«Иногда, зависит от обстоятельств»	«Нет, не хожу»
Капсальское	81	13	6
Южный Аргалей	73	6	1
Сойотское	91	5	6

* здесь и далее в таблицах указано количество человек.

Указанные ответы подтверждают высокую явку коренных народов. Важно отметить, что нами было проведено пробное анкетирование жителей русского села (д. Кыцигировка Иркутского района, граничащая с Капсальским МО). Было опрошено 10 человек, из них 6 признались, что выборы им не интересны и соответственно, они не голосуют на них. Следующий вопрос ставил цель выяснить отношение респондентов к основным политическим партиям – «Единая Россия» (ЕР), КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Этот вопрос задавался только тем опрашиваемым, которые ответили, что голосуют в ходе избирательных кампаний. Предлагалось выразить свое отношение к партиям посредством следующих ответов: «положительное», «нейтральное», «отрицательное». Стоит отметить, что чаще всего респонденты называли вариант «нейтральное», применительно к оппозиционным партиям. В данной связи, более контрастно проявилось отношение опрашиваемых к ЕР (табл. 2).

Таблица 2

Отношение респондентов к партии «Единая Россия» (ЕР)			
МО	«Положительное»	«Нейтральное»	«Отрицательное»
Капсальское	25	46	23
Южный Аргалей	42	30	8
Сойотское	43	41	11

Причины позитивного восприятия «партии власти» кроются в конформизме местного населения, который подкрепляется дотациями из федерального центра и поддержки партии на региональном и муниципальном уровнях (со слов респондентов), административном давлении на местах и т.д. В то же время, заметно, что жители Капсальского МО более сдержаны в своем отношении к партии. Это может объясняться более низкой долей титульного населения Эхирит-Булагатского района (51 %), в составе которого находится Капсальское МО (85 %). Для сравнения доля коренного населения в Агинском районе с Южным Аргалеем составляет 67,1 % и Окинском районе Бурятии с входящем в него Сойотским МО – 94 %.

Отношение к другим партиям следует охарактеризовать как ровное (нейтральное). При этом негативные оценки возможно объяснить через призму высказываний бывших партийных лидеров (некоторые респонденты также говорили об этом): «Защитить русских!» (В.В. Жириновский), «Слабый народ никогда

не сплотит страну. Сегодня стоит вопрос не национальных окраин, а национальной сердцевины» (Г.А. Зюганов) [3, с. 164]. Стоит также отметить, что партия ЛДПР среди прочих набрала больше всего негативных оценок: 30 (Сойотское МО), 28 (Капсальское МО), 20 (с. Южный Аргалей). Наибольшее количество положительных оценок среди оппозиционных партий получила КПРФ, что вероятно объясняется ностальгией старшего поколения по советскому прошлому – 32 (Капсальское МО), 21 (Сойотское МО), 18 (Южный Аргалей). Наши респонденты оказались мало осведомлены о деятельности партии «Справедливая Россия», поэтому варианты ответов «положительно» или «отрицательно» встречаются реже.

Следующий вопрос «как Вы голосовали по поправкам в Конституцию?» важен, поскольку является маркером одобрения действующей власти, на него предлагалось четыре варианта ответа: «за», «против», «не желаю говорить», «не голосовал». Этот вопрос был задан всем опрашиваемым, включая тех, кто не ходит голосовать на выборы. Полученные результаты свидетельствуют о поддержке жителями изменений, вносимых в Конституцию (табл. 3).

Таблица 3

Вопрос «Как Вы голосовали по поправкам в Конституцию?»

МО	«За»	«Против»	«Не желаю говорить»	«Не голосовал»
Капсальское	48	20	13	19
Южный Аргалей	45	10	21	4
Сойотское	60	7	19	16

Тем не менее, исходя из полученных данных, заметно, что менее всего внесение поправок поддержали жители Капсальского МО – 19 респондентов (19 %), а наибольшая поддержка вносимых изменений отмечена в Сойотском МО – 60 человек (58,8 %). Стоит также отметить, что значительное число респондентов выбрали вариант «не желаю говорить», что может свидетельствовать о давлении «сверху» на местный электорат.

Таким образом, полученные ранее статистические закономерности (высокий уровень явки, поддержка ЕР, незаинтересованность деятельностью оппозиционных партий) подтвердились с помощью проведенного нами социологического опроса. Указанные черты политического поведения (контролируемый тип электоральной культуры) коренных народов совпадают с позицией наших респондентов, что также свидетельствует об их конформизме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Туровский Р.Ф. Политическая география / Р.Ф. Туровский. М.: Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.
2. Размахнина Ю.С. Влияние этнического фактора на итоги избирательных кампаний Восточной Сибири // Гео-политика и геоэкодинамика регионов. 2020. Т. 6, № 3. С. 251-259.
3. Белова Е.В. Влияние этнического фактора на результаты парламентских выборов 4 декабря 2011 г. // Вестник Удмуртского университета. Сер. история и филология. 2015. Т. 5. С. 163-169.

Yulia S. Razmakhnina, Arseniy N. Fartyshev
V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

INFLUENCE OF ETHNICITY ON THE ELECTION RESULTS IN EASTERN SIBERIA (ACCORDING TO SOCIOLOGICAL SURVEYS IN THE IRKUTSK REGION, REPUBLIC OF BURYATIA AND THE TRANS-BAIKAL REGION)

Abstract. The data of a sociological survey of representatives of indigenous peoples in the Kapsalsky municipal district (Irkutsk region), South Argalei municipal district (Zabaikalsky Krai), Soyotskoye municipal district (Republic of Buryatia) are presented. The results obtained are consistent with the previous analysis of statistics, which showed the relationship of the share of indigenous peoples with a significant level of turnout and a high degree of support for the party “United Russia”.

Keywords: Eastern Siberia, turnout, political preferences, sociological survey.

УДК 911.373.2(571.53/.55)

Сафронов С. Г.

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва

НАСЕЛЕНИЕ БПТ: ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА, СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА И СТРУКТУРА

Аннотация. На основе данных статистики и экспертных оценок представителей сельских администраций проанализированы основные тенденции трансформации сельского расселения в пределах БПТ с учетом постоянного и временного (сезонного) населения. Трансформация зонального очагового типа сельского расселения происходит под влиянием ведущего центр-периферийного фактора, по-разному дополняемого сезонной динамикой населения.

Ключевые слова: сельское расселение, Байкальская природная территория (БПТ), очаговый тип сельского расселения.

Введение. Усложнение функциональной структуры БПТ территории происходит на фоне неоднозначных процессов в территориальной организации населения. До начала 1990-х гг. определяющее влияние на расселение, в первую очередь сельское, оказывали *зональные*, в первую очередь ландшафтные факторы, определившие преимущественно среднеселенную структуру сельского расселения, анализ которой опирался на численность постоянного (или наличного) населения, которая в условиях всеобщей занятости в целом адекватно отражала размещение населения по территории.

В постсоветский период развитие системы расселения все сильнее определяется внешними по отношению к ней *азональными факторами*, связанными в первую очередь с положением территории по отношению к зонам влияния крупногородских агломераций. Кроме того, для ведущих рекреационных регионов, к которым относится и БПТ, важное значение играет поток рекреантов, сильно колеблющийся в течение года. Таким образом, территориальная структура жизнедеятельности населения в разных пропорциях в разные сезоны года включает *три составляющие* – постоянное (зарегистрированное) население, временное население, которое в разное время и в разных ареалах может превышать или быть меньше постоянного, и рекреанты, организованные, останавливающиеся в местах коллективного размещения, и неорганизованные.

Особенности статистического учета позволяют лишь примерно оценить численности как жителей, так и рекреантов. За основу берутся данные о постоянном населении, которые необходимо корректировать с учетом поправок на сезонное население. Численность *организованных туристов* в имеющейся официальной статистике чаще всего дается в человеко-днях, а неорганизованных – обычно по результатам опросов экспертов с учетом проводившихся ранее исследований (например, [3]).

Статистические материалы, которые используются при оценке населения и рекреантов, можно разделить на три группы в зависимости от того, на каком масштабном уровне они будут использоваться.

Уровень муниципальных районов (МР):

- ежегодные данные текущего учета населения по муниципальным образованиям (официальный бюллетень Росстата), корректируемые каждые десять лет по итогам переписи населения;
- данные региональной статистики о размещении рекреантов в местах коллективного размещения по МР (в человеко-днях).

На *уровне сельских поселений (СП)* основной источник – текущий учет по сельским населенным пунктам (СНП) на основе регистрации, скорректированный экспертными оценками численности наличного населения представителями сельских администраций. На современном этапе развития расселения расхождение численности постоянного и наличного населения касается в большей степени МР за пределами ЦЭЗ, в первую очередь пригородных районов региональных столиц, в дальнейшем эта проблема может распространиться и на ЦЭЗ. В ее пределах максимальные различия постоянного и временного населения касаются в основном мелких и мельчайших населенных пунктов, что не оказывает серьезного влияния на оценку численности населения в целом.

Общая динамика численности населения. Сельское расселение в пределах БПТ согласно типологии С.А. Ковалева относится к двум основным типам. Северное и восточное Прибайкалье и Забайкалье – ареал очагового расселения, связанного как с весьма непростыми и контрастными природно-климатическими условиями, так и особенностями промышленного и лесохозяйственного освоения территории [4]. Юго-западная часть БПТ – крайняя восточная часть зоны выборочного земледельческого освоения на юге лесной зоны. Как следствие, основные характеристики и динамика сельского расселения ЦЭЗ отражают основные особенности двух указанных типов.

Основные факторы современной трансформации этих типов расселения, подробно описанные как на примере Европейской, так и Азиатской России, – естественная убыль населения, связанная с завершением демографического перехода в большинстве регионов России, и, во-вторых, перестройка организационной структуры сельского и лесного хозяйства, где была занята основная часть сельских жителей, которая в свою очередь стимулировала интенсивный отток населения в более западные регионы страны и крупногородские агломерации [1; 2; 5].

Кроме того, произошедшие в последние десятилетия серьезные изменения в стандартах и образе жизни населения, целевыми установками которого стало проживание в комфортной и разнообразной среде, которую сложно создать вне постоянно расширяющихся зон влияния крупных городов. В то же время крупные центры рождают постоянно растущий спрос на рекреационные ресурсы окружающих территорий, порождая разные по периодичности и продолжительности пульсации населения.

Численность постоянного сельского населения в пределах ЦЭЗ в 2010-2021 гг. уменьшилась не столь значительно, как в предыдущие межпереписные периоды, на которые пришелся основной отток населения: соответственно, сокращение составило 2 % по сравнению с 6 % в 2002-2010 гг. При этом структура расселения по СНП разной людности за последние двадцать лет была довольно стабильна: более двух третей сельских жителей проживают в крупных поселениях, что в большей степени характерно для очагового типа расселения.

В то же время, начиная с 2002 г., **средняя людность СНП** постепенно уменьшилась с 320 до 293 человек, а без учета административной рурализации – с 277 до 260 человек. Исходя из современной динамики, тренд на мелкоселенность будет усиливаться: число растущих СНП невелико, при этом значительную часть из них составляют мелкие поселения в низкой исходной статистической базе (рис. 1). При этом большая часть крупных поселений с людностью более 500 человек также имеет отрицательную или нулевую динамику.

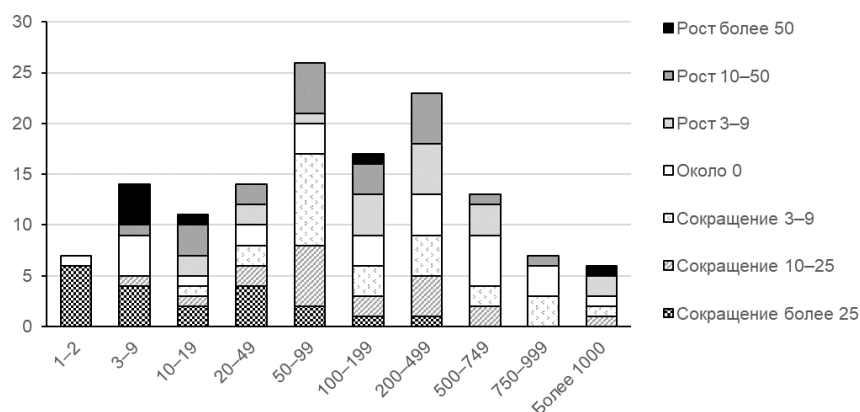

Рис. 1. Распределение СНП по группам людности (ось X, человек) и типам динамики в 2010–2021 г. (легенда, %), число СНП (Составлено по данным МО)

Основной тренд трансформации **структуры сельского расселения** – ее поляризация, которая видна в пределах ЦЭЗ даже на относительно небольшом временном интервале 2010-2021 гг. Происходит «вымывание» средних по численности поселений (200-500 человек), составлявших основу системы расселения, в которых в советский период обычно размещались структурные подразделения сельскохозяйственных, лесопромышленных, а также рекреационных организаций (рис. 2).

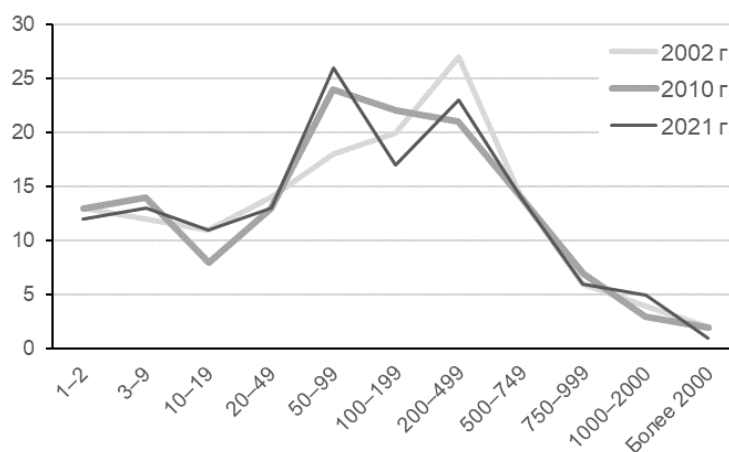

Рис. 2. Распределение населенных пунктов ЦЭЗ по численности населения в 2010 и 2021 гг., число СНП (Составлено по данным МО)

Для территории ЦЭЗ хотя и с некоторой задержкой характерна общая для нечерноземной сельской местности России черта: распределение СНП по людности постепенно утрачивает черты сходства с нормальным распределением, а развитие системы расселения все сильнее определяется внешними по отношению к ней факторами, связанными с в том числе положением территории в зоне влияния Иркутской и Улан-Удэнской агломерации.

Выделяется два значительных *ареала роста сельского населения*. Если в Ольхонском районе Иркутской области он связан преимущественно с интенсивным развитием рекреационной деятельности, то в Кабанском районе Республики Бурятия, который пересекает Транссибирская магистраль и федеральная

автодорога «Байкал» ситуация сложнее. Здесь сохранилось несколько центров промышленного производства, а сезонную дополняет дачная рекреация в зоне влияния Улан-Удэ.

Факторы, определяющие соотношение постоянного и **временного населения** довольно разнообразны и далеко не всегда определяются лишь природной сезонностью. Для мелких и мельчайших населенных пунктов ключевым фактором является положение в системе расселения (рис. 3). Наиболее сильно колеблется численность населения в СНП, расположенных на периферии МР и не имеющих подъездных дорог, для которых характерно превышения летнего населения над зимним.

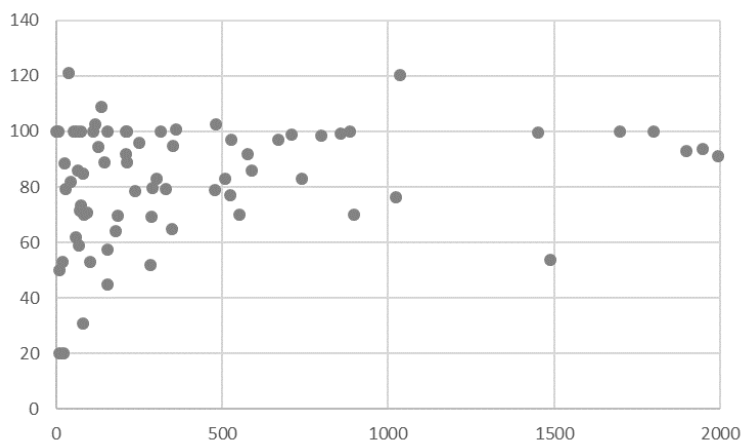

Рис. 3. Соотношение оценочной среднегодовой численности (ось X, человек) и доли постоянного населения (ось Y, %) в СНП ЦЭЗ Республики Бурятия (Составлено по данным МО и экспертным оценкам)

В центрах МР, СП и крупных населенных пунктах, с более благополучной социально-экономической ситуацией, по оценкам экспертов, как правило, достигается баланс между приезжающими в летний период городскими дачниками, и возвращающимися в зимний период вахтовиками и мигрантами-отходниками. В результате численность наличного населения отличается от зарегистрированного в меньшую сторону в среднем не более, чем на 10 %. В средних по размеру (300-700 человек) СНП превышение максимального (летнего) населения над зимним находится в пределах 20 %.

Превышение же численности фактического населения над числом официально зарегистрированного характерно для пригородных районов региональных центров, где экстенсивная субурбанизация происходит, прежде всего, за счет снимающих жилье на длительный срок бывших сельских жителей периферийных сельскохозяйственных районов. Хотя в настоящее время таких населенных пунктов в пределах собственно ЦЭЗ нет, но по мере развития транспорта и расширения зон влияния региональных центров, такой вариант в перспективе исключить нельзя.

Выводы. Динамика постоянного населения в регионе в целом повторяет общие тенденции: одним из ключевых факторов ее трансформации становится центр-периферийный, который накладывается на исторически сложившийся очаговый тип сельского расселения. Сезонные колебания, связанные с рекреационной нагрузкой, затрагивают лишь отдельные участки прибрежной зоны, а на остальной территории в большей степени связаны с изменениями на рынке труда. Поляризация сельского расселения вносит свой вклад в усиление влияния населения на состояние прибрежной зоны БПТ.

Благодарности. Исследование выполнено в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова при поддержке проекта РНФ № 21-17-00112 «Трансформация различных типов сельской местности России под влиянием внутренних и внешних факторов в современных социально-экономических и демографических условиях».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев А.И., Сафронов С.Г. Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5: География. 2017. № 6. С. 55–61.
2. Воробьев Н.В., Емельянова Н.В., Воробьев А.Н., Валева О.В. Расселение и динамика населения центральной экологической зоны Байкальской природной территории // География и природные ресурсы. 2016. № 5. С. 168-178. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2016-5(168-178).
3. Евстропьева О.В., Бибаева А.Ю., Санжеев Э.Д. Моделирование туристских потоков на региональном и локальном уровнях. Опыт реализации в ЦЭЗ БПТ // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. Т. 13. № 1. С. 85-97. DOI: 10.24411/1995-0411-2019-10110.
4. Ковалев С.А. Сельское расселение (географическое исследование). М: Изд-во Моск. ун-та, 1963.
5. Нефедова Т.Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Вестник АРГО. 2018. № 7. С. 4–20.

**BAIKAL NATURAL TERRITORY POPULATION: PROBLEMS OF ACCOUNTING,
MODERN DYNAMICS AND STRUCTURE**

Abstract. *On the basis of statistical data and expert assessments, administrative indicators were identified, and the main indicators of the transformation of population growth within the BNT were analyzed, taking into account the regular and temporary (seasonal) population. Transformation of the zonal focal type develops under the influence of the leading central-peripheral disease, filled in different ways by the seasonal dynamics of the population.*

Keywords: *rural settlement, Baikal Natural Territory, focal type of settlement.*

УДК 314.7

Соловьев И.А., Зольникова Ю.Ф.

*Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь*

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Аннотация. *В исследовании на основе официальной статистики дана общая характеристика современной миграции молодежи (15-29 лет) в России на страновом уровне. Исследовательский акцент был направлен на пространственный анализ миграционной подвижности молодежи, миграционного прироста молодежи в общей и международной миграции, а также миграции молодежи в разрезе городского и сельского населения.*

Ключевые слова: *миграция молодежи, Россия, миграционная подвижность молодежи, городское и сельское население.*

В условиях затяжного демографического кризиса в России изучение миграции молодежи приобретает чрезвычайную актуальность. В полюсах выбытия отток молодежи приводит к углублению депопуляции населения и способствует депрессивности экономики. В принимающих сообществах приток молодежи содействует смягчению демографического кризиса и благотворно влияет на экономическую безопасность территории. Целью исследования является рассмотрение современных особенностей миграции молодежи в России на страновом уровне.

Изучению миграции молодежи посвящено значительное число работ. В исследованиях странового уровня С.В. Рязанцева, А.С. Лукьянец и А.С. Максимовой, рассматриваются проблемы эмиграции молодежи из России, ее факторы, масштабы и формы, а также последствия [1; 2].

Ряд работ Н.К. Габдрахманова, Л.Б. Карачуриной, Н.В. Мкртчяна, О.В. Лешукова, Ю.Ф. Флоринской посвящены территориальным аспектам образовательной и молодежной миграции в России [3-11].

В отечественной социологии, психологии и педагогике чаще всего нижней границей молодежи называют возраст между 14-20, а верхней границей считается диапазон между 25-29 годами [12]. Таким образом, под молодежью в исследовании считается когорта населения от 15 до 29 лет.

Информационной основой исследования являются данные официальной статистики по возрастной структуре миграционных потоков и населения России.

Молодежь является самой активной частью населения в миграционном отношении, что связано с образовательными миграциями и необходимостью поиска работы в этом возрасте, в том числе за пределами своих населенных пунктов. О высокой миграционной подвижности молодежи в России свидетельствует то, что в 2020 г. удельный вес молодежи в стране составлял 16 %, при доле молодежи в числе прибывших и выбывших более 30 % (табл. 1) [13].

Наибольшая миграционная активность молодежи в России отмечается в возрастных группах 20-24 и 25-29 лет, в которых миграции связаны с окончанием обучения в профессиональных учебных заведениях и дальнейшим поиском работы. В 2019 г. в России доля прибывших 15-19 лет составляла 9,9 %, а в возрастах 20-24 и 25-29 – 12 % и 11 % соответственно. В структуре обратного потока также отмечалась высокая доля категорий населения 20-24 (на 1,7 %) и 25-29 (на 0,8 %) лет, чем 15–19-летней когорте, что связано с их обучением в 10–11 классах общеобразовательных учреждений.

В условиях высокой мобильности молодежи в миграционном приросте отмечается значительный её вклад. В частности, в 2018-2021 гг. на долю молодежи приходилось примерно треть сальдо миграции России (табл. 1).

Миграционный прирост молодежи в России преимущественно складывается за счет стран СНГ. Так, в 2021 г. на эти страны приходилось 87,6 % миграционного прироста молодежи (табл. 2).

Таблица 1

Удельный вес молодежи в количестве прибывших, выбывших и миграционном приросте РФ в 2008-2021 гг.¹ [14]

Показатели	Единицы измерения	2008	2010	2015	2018	2019	2020	2021
Прибывших, в том числе:	тыс. чел.	2215,9	2102,3	4734,5	4911,6	4749,8	4120,7	4277,4
Молодежь	тыс. чел.	964,9	885,5	1812,5	1668,7	1564,7	1301,2	1312,5
	%	43,5	42,1	38,3	34,0	32,9	35,6	30,7
Выбывших, в том числе:	тыс. чел.	1973,8	1944,2	4489,1	4786,7	4464,7	4014,3	3847,5
Молодежь	тыс. чел.	876,2	824,7	1755,2	1627,3	1465,7	1281,0	1171,6
	%	44,4	42,4	39,1	34,0	32,8	31,1	30,4
Миграционный прирост, в том числе:	тыс. чел.	242,1	158,1	245,4	124,8	285,1	106,5	429,9
Молодежь	тыс. чел.	88,8	60,8	57,3	41,4	99,0	20,2	140,9
	%	36,7	38,4	23,3	33,2	34,7	19,0	32,8

¹В 2008 и 2010 г. с учетом 14-летнего возраста.

Таблица 2

Число молодежи в миграционном приросте РФ в 2015–2021 гг., тыс. чел. [14]

Миграционные потоки	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего, в том числе:	57,3	83,8	75,1	41,4	99,0	20,2	140,9
Со странами СНГ	52,6	81,2	72,3	43,1	80,5	29,8	123,4
С другими странами	4,7	2,6	2,8	-1,7	18,5	-9,6	17,5

Численность и миграция.

В миграционных потоках подвижность молодежи в городской местности выше, чем в сельской. Это связано с концентрацией в городах учреждений для подготовки профессиональных кадров (табл. 3). Здесь также более развитые и ёмкие рынки труда. В миграции городского и сельского населения отмечается различная результативность. В 2015, 2018 и 2021 гг. в городах России наблюдался миграционный прирост молодежи. В то же время в сельской местности сложилась противоположная ситуация.

Таблица 3

Удельный вес молодежи в миграционных потоках городского и сельского населения РФ в 2015, 2018 и 2021 гг. [14]

Показатели	Единицы измерения	2015		2018		2021	
		Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
Прибывших, в том числе:	тыс. чел.	3 365,5	1 369,0	3 530,4	1 381,2	3 049,8	1 227,6
Молодежь	тыс. чел.	1 337,7	474,7	1 239,0	429,7	979,7	332,8
	%	39,7	34,7	35,1	31,1	26,1	27,1
Выбывших, в том числе:	тыс. чел.	3 072,6	1 416,5	3 336,1	1 450,6	2 654,6	1 192,9
Молодежь	тыс. чел.	1 206,1	549,1	1 153,1	474,2	826,3	345,4
	%	39,2	38,7	34,6	32,7	31,1	28,9
Миграционный прирост, в том числе:	тыс. чел.	292,9	245,5	194,3	-69,5	395,2	34,7
Молодежь	тыс. чел.	131,6	-74,3	86,0	-44,6	153,4	-12,5
	%	44,9	-	44,3	64,2	38,8	-

Ещё более интенсивная миграция городской молодежи России отмечается в международных потоках, т.к. для иммигрантов наиболее привлекательными являются города (табл. 4). В 2021 г. в структуре прибытия городского населения удельный вес молодежи составлял 33,1 %, а для сельского населения этот показатель был почти на 10 % ниже.

В отличие от общего миграционного потока в международных миграциях сельского населения России складывается положительное сальдо миграции.

Подведем итог, миграционная привлекательность России для молодежи и её высокая доля в сальдо миграции определяет важную роль международных потоков, и, прежде всего, со странами СНГ в смягчении депопуляции населения. При этом, молодежь является самой мобильной частью населения.

Наиболее аттрактивными территориями для миграции молодежи в России выступает городская местность, где отмечается более высокая подвижность молодежи и миграционный прирост. Сельская местность России является привлекательной только для международных мигрантов, тогда как в общем миграционном потоке здесь наблюдается отток молодежи.

Таблица 4

Удельный вес молодежи в международной миграции городского и сельского населения РФ в 2015, 2018 и 2021 гг. [14]

Показатели	Единицы измерения	2015		2018		2021	
		Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
Прибывших, в том числе:	тыс. чел.	464,8	133,8	452,3	113,4	530,2	137,7
Молодежь	тыс. чел.	156,7	36,5	157,4	29,3	175,7	32,3
	%	33,7	27,3	34,8	25,8	33,1	23,4
Выбывших, в том числе:	тыс. чел.	291,5	61,7	359,2	81,6	191,1	46,9
Молодежь	тыс. чел.	115,5	20,4	125,3	20,0	57,2	9,9
	%	39,6	33,1	34,9	24,5	29,9	21,1
Миграционный прирост, в том числе:	тыс. чел.	173,2	72,1	93,1	31,8	339,1	90,8
Молодежь	тыс. чел.	41,2	16,1	32,1	9,3	118,4	22,4
	%	23,8	22,3	34,5	29,2	34,9	24,7

Благодарности Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 23-27-00056.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рязанцев С.В., Лукьянец А.С. Эмиграция молодежи из России: факторы, формы и последствия // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2015. № 4. С. 7-19.
2. Лукьянец А.С., Максимова А.С. Дифференциация эмиграционных намерений российской молодежи // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 17–23.
3. Габдрахманов Н.К. Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности // Географический вестник = Geographical bulletin. 2020. № 1 (52). С. 96-107.
4. Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88-116.
5. Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 48 с.
6. Карачурина Л.Б., Флоринская Ю.Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2019. № 6. С. 82-89.
7. Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 4 (52). С. 162–180.
8. Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О.В. Миграция молодежи в России // Демоскоп Weekly. 2016. № 703-704. С. 1-30.
9. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169-203.
10. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI веков // Известия РАН. Сер. геогр. 2013. № 6. С. 19-32.
11. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225-242.
12. Соловьева Е.В. Организация воспитания студенческой молодежи в современных социокультурных условиях // Кавказский диалог: материалы X междунар. науч.-практ. конф. Невинномыск: ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2019. С. 215-220.
13. Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам / ЕМИСС [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43219> регионы РФ, 2012-2021 гг. (дата обращения: 26.01.2023).
14. Численность и миграция населения Российской Федерации / статистический бюллетень Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 26.01.2023).

MAIN FEATURES OF YOUTH MIGRATION IN RUSSIA

Abstract. Based on official statistics, the study provides a general description of the migration of young people (15–29 years old) in Russia at the country level. The research focus was on the spatial analysis of youth migration mobility, youth migration growth in general and international migration, as well as youth migration in the context of the urban and rural population of Russia.

Keywords: youth migration, Russia, youth migration mobility, urban and rural population.

УДК 314.1

Филиппова В.В.

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,*

г. Якутск;

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск*

КОМПАКТНОСТЬ РАССЕЛЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, показывающие особенности современной локализации коренных малочисленных этносов, проживающих в Республике Саха (Якутия). На территории Якутии представители малочисленных народов проживают на своих исторических территориях, где их удельный вес в общей численности населения как районов, так и муниципальных образований (населенных пунктов) высок. Их расселение характеризуется компактностью размещения этносов, что подтверждается осуществленными автором результатами расчета коэффициента компактности расселения.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, расселение, Якутия.

Территория Республики Саха (Якутия) является регионом, где совместно проживают эвенки, эвены, долганы, юкагиры и чукчи. Каждый из данных этносов занимает свою нишу на огромной площади республики. По данным переписи населения 2020 г. здесь сконцентрированы 83,8 % юкагиров, 66,5 % эвенов, 62,0 % эвенков, 26,3 % долган и 4,4 % чукчей России. В общей численности населения Якутии доля долган составляет 0,2 %, чукчей – 0,07 %, эвенков – 2,4 %, эвенов – 1,3 % и юкагиров – 0,2 % [1].

Цель исследования заключалась в выявлении локализации представителей малочисленных этносов на территории Якутии через расчет коэффициента компактности их расселения. Степень компактности (концентрации) проживания этноса является показателем протекания внутренних этнических и межэтнических процессов в полиэтничной среде. Абсолютная и относительная площадь основных ареалов расселения, которая используется в большинстве исследований не всегда определяет уровень компактности проживания этносов.

Данная статья является продолжением многолетних исследований автора по выявлению географических различий и особенностей в динамике населения малочисленных этносов Якутии на локальном уровне. Материалом для исследований послужили данные переписи 2010 г., в виду того, что не все материалы переписи 2020 г. в разрезе низовых административных единиц доступны в настоящее время. В статье использованы статистический, сравнительно-географический и картографический методы.

Одним из показателей компактности населения является его плотность, в отличие от неё определить компактность этносов несколько сложнее. В работе использована методика определения компактности расселения этносов, предложенная В.В. Сажиным [2]. Она сводится к вычислению двух показателей – условной плотности и коэффициента компактности этноса:

$$P_y = N/S_y; K = P_y/P_\phi = S_\phi/S_y;$$

где, N – численность этноса на исследуемой территории; S_ϕ – фактическая площадь расселения этноса (или общая площадь этнических ареалов); S_y – условная площадь расселения этноса (или территория проживания); P_ϕ – фактическая плотность этноса на данной территории; P_y – условная плотность этноса на исследуемой территории; K – коэффициент компактности этноса.

Отличие условной площади расселения этноса от фактической состоит в том, что она включает в себя помимо площади этнических ареалов и межареальное пространство. Условная площадь показывает, какой

бы была плотность этноса, если бы он был распределен по всей территории проживания, а условная плотность (P_y) является одной из характеристик компактности расселения этноса.

Коэффициент компактности (K) – это отношение условной плотности фактической, или, что-то же самое, фактической площади расселения к условной. Значение коэффициента варьирует в пределах от 0 до 1. Коэффициент равен 1, в случае повсеместного расселения этноса на данной территории, равен 0 в случае отсутствия этноса на рассматриваемой территории.

Вычисление коэффициента компактности расселения малочисленных этносов осуществлено в ГИС «Расселение коренных малочисленных народов Севера Якутии», созданной и наполняемой автором с 2000 г. [3]. Указанная ГИС создается в программе QGIS, где атрибутивные сведения включают данные о численности и национальном составе населения переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг. Атрибутивные сведения авторского ГИС зарегистрированы в виде базы данных «Расселение коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)», что подтверждается свидетельством о государственной регистрации базы данных №2023620586, выданным Федеральной службой по интеллектуальной собственности.

Для достижения цели данной статьи в атрибутивные сведения были внесены данные о фактической и условной площади, необходимых для вычисления. За фактическую площадь были взяты площади муниципальных образований (населенных пунктов), являющихся местами традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, за условную площадь – площади населенных пунктов, непосредственного проживания коренных малочисленных народов Севера. Если ранее при определении населенных пунктов пользовались специальной шкалой усредненных площадей, то в настоящее время площадь поселений можно взять из генпланов и/или подсчитать непосредственно в QGIS, остальные показатели вычисляются по вышеприведенным формулам.

На основе расчетных данных были построены карты коэффициента компактности расселения эвенков, эвенов, юкагиров, долган и чукчей (рис. 1). Составленные карты отражают основные особенности локализации коренных малочисленных народов Севера на территории Якутии.

Эвенки имеют наибольшую территорию расселения, занимая северо-западную и южную части республики. Расселение эвенков в этих районах связано с историческими районами их проживания. Территория проживания анабарских и оленёкских эвенков граничит с Эвенкийским муниципальным районом Красноярского края (бывшая территория одноименного автономного округа). Олекминские эвенки имели общую территорию с иркутскими и забайкальскими эвенками. Алданские и иенгринские эвенки раньше имели тесную связь с амурскими и хабаровскими эвенками. Коэффициент компактности расселения эвенков в отличие от других представителей малочисленных этносов характеризуется высокими значениями и равен 0,9 и 1,0, что говорит о моноэтничности мест их компактного проживания. Невысокие показатели характерны для Юрюнг-Хаинского наслега Анабарского улуса (района), где эвенки проживают совместно с долганами и в Бестяхском наслеге Жиганского улуса (района), Жарханском и Чаринском наслегах Олекминского улуса (района), где преобладают саха (якуты).

Территорией расселения эвенов являются северо-восточные районы Якутии. Места компактного проживания эвенов также являются моноэтничными. Коэффициент компактности расселения эвенов равен 1 в их национально-территориальных образованиях: Эвено-Бытантайском национальном улусе (районе), Момском районе, Ламынхинском национальном наслеге Кобяйского района, Томпонском национальном (Эвенском) наслеге Томпонского района, Березовском национальном (кочевом) наслеге Среднеколымского улуса (района). В других наслегах, где эвены проживают совместно с якутами, коэффициент компактности составляет 0,5-0,8.

Якутия в настоящее время является единственным регионом компактного проживания юкагиров, как было указано выше, их удельный вес в общей численности юкагиров России составляет 83,8 %. Несмотря на высокую долю, они в основном сконцентрированы на территории двух муниципальных образований (населенных пунктов). В Суктуле «Нелемнский юкагирский наслег» коэффициент компактности юкагиров равен 1. В национальном юкагирском муниципальном образовании «Олеринский Суктул», где юкагиры проживают совместно с эвенками, чукчами, якутами коэффициент имеет значение 0,603. В Халарчинском наслеге, граничащем с Олеринским Суктулом, значение коэффициента равен 0,219. В Казачинском наслеге Усть-Янского улуса (района) и Юкагирском национальном наслеге Аллаиховского улуса (района) коэффициент компактности юкагиров составляет 0,028 и 0,082 соответственно.

По выполненным расчетам коэффициент компактности долган равен значению 1 в единственном наслеге их компактного проживания на территории Якутии – Юрюнг-Хаинском национальном (долганском) наслеге Анабарского национального (долгано-эвенкийского) улуса (района). Также долганы проживают в Саскылахском национальном (эвенкийском) наслеге, входящем в состав Анабарского улуса.

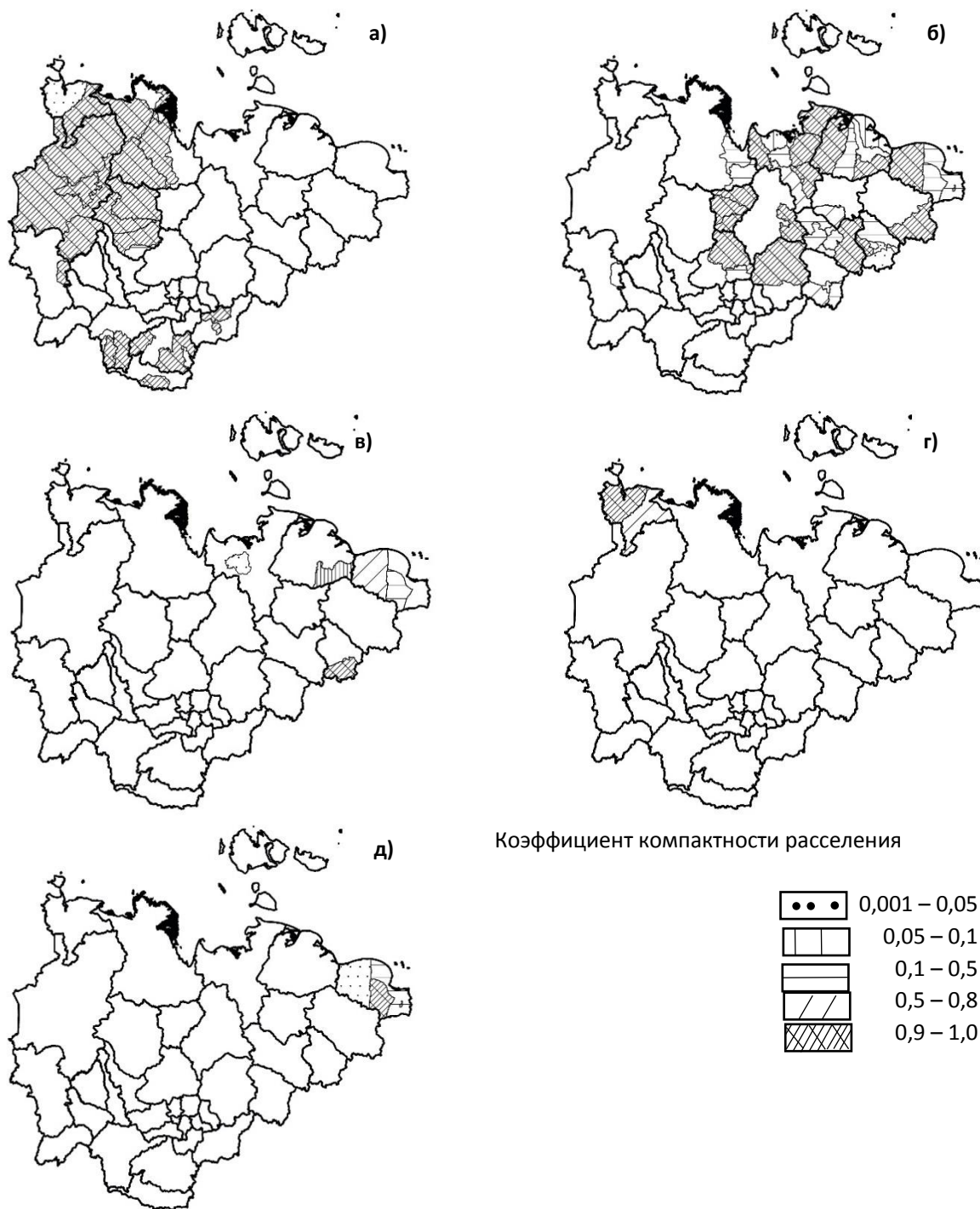

Рис. 1. Коэффициенты компактности малочисленных этносов в Республике Саха (Якутия) – эвенков (а), эвенюв (б), юкагигов (в), долган (г) и чукчей (д). Составлено автором.

Территория расселения чукчей охватывает наслега Нижнеколымского района. Наибольшее значение 1 имеет Чукотский национальный Халарчинский наслег, где находится единственное поселение компактного проживания чукчей. В соседних с данным наслегом муниципальных образованиях (Олеринском Суктуле и Походском наслеге) коэффициент компактности составляет 0,06 и 0,129 соответственно.

Изучение современной локализации коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) на основе расчета коэффициента компактности показало наличие пространственной дифференциации в их расселении, а места их компактного проживания характеризуются моноэтничностью, что подтверждается значением коэффициента компактности равному единице.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 21-17-00250.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Росстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Росстат – Всероссийская перепись населения 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

2. Сажин В.В. Определение компактности расселения этносов // Советская этнография. 1984. № 5. С. 94–97.
 3. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера в арктическом пространстве Якутии: геоинформационное исследование расселения в XX веке // Арктика и Север. 2012. № 9. С. 112-117.

Viktoriya V. Filippova
*Institute for Humanitarian Research and Problems
 Indigenous Peoples of the North SB RAS, Yakutsk;
 M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk*

COMPACTNESS OF SETTLEMENT OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA): SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Abstract. *The article presents the results of a study showing the features of the modern localization of Indigenous peoples of the North living in the Republic of Sakha (Yakutia). On the territory of Yakutia, representatives of Indigenous peoples of the North live in their historical territories, where their share in the total population of districts and municipalities (naslegs) is high. Their settlement is characterized by the compactness of the placement of ethnic groups, which is confirmed by the results of the calculation of the coefficient of compactness of settlement carried out by the author.*

Keywords: *indigenous peoples of the North, settlements, Yakutia.*

УДК 314.1

Харимаева В.Г., Зангеева Н.Р.
*Байкальский институт природопользования СО РАН,
 г. Улан-Удэ*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Аннотация. *В работе представлены статистические результаты исследования, направленные на изучение демографических изменений, приводящих к старению населения в регионах Азиатской части России за период с 2002 по 2022 гг. Старение населения является доминирующим демографическим явлением XXI века. Это изменение имеет два элемента: неуклонный рост ожидаемой продолжительности жизни и одновременное снижение рождаемости. Продолжающийся рост пожилого населения, создает существенную нагрузку на бюджет страны так, как возрастают расходы на здравоохранение, социальную защиту и пенсионную систему. В статье использованы статистический и картографический методы исследования. Проведенное исследование свидетельствует о том, что феномен старения населения для регионов Азиатской части России неизбежен.*

Ключевые слова: *старение населения, рождаемость, смертность, половозрастная структура населения.*

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет стареющее общество как общество, в котором более 7 % населения составляют люди в возрасте 65 лет и старше, пожилое общество – как общество, в котором эта возрастная группа составляет более 14 % всего населения, и гипервозрастное общество как общество, в котором этот показатель превышает 20%. (табл.1) [1; 4].

Согласно шкале ООН, Россия – одна из демографически старых стран мира, в котором доля лиц в возрасте 65 лет и старше превышает 7 %. Активное старение населения началось в стране в середине XX века и продолжается до сих пор. Азиатская Россия стала стареющим обществом в 1980 г. В 2020 г. люди в возрасте 65 лет и старше составляли 14,04 % от общей численности населения Азиатской России, что указывает на то, что каждый седьмой человек был пожилым гражданином. В связи с быстрыми демографическими изменениями за последние 40 лет тесно связанный с ними рынок труда также претерпел значительные изменения. В регионах Азиатской части России наблюдается старение населения, и низкая рождаемость доля молодежной рабочей силы в общей численности населения продолжает снижаться, а доля лиц в возрасте 65 лет и старше увеличивается, так, например, в 2002 г. составляло 10,2 %, а в 2022 г. этот показатель составляет 14,3 % (рис. 1-2).

Таблица 1

**Временной тренд глобального старения населения, население
 в возрасте от 65 лет и старше в % общей численности населения**

Страны	7 %	10 %	14 %	20 %
Азиатская Россия	1980	2002	2020	2040
Россия	1970	1995	2017	2034
Китай	2000	2016	2025	2035
Япония	1970	1984	1994	2005
Германия	1932	1951	1971	2008
США	1942	1972	2013	2029

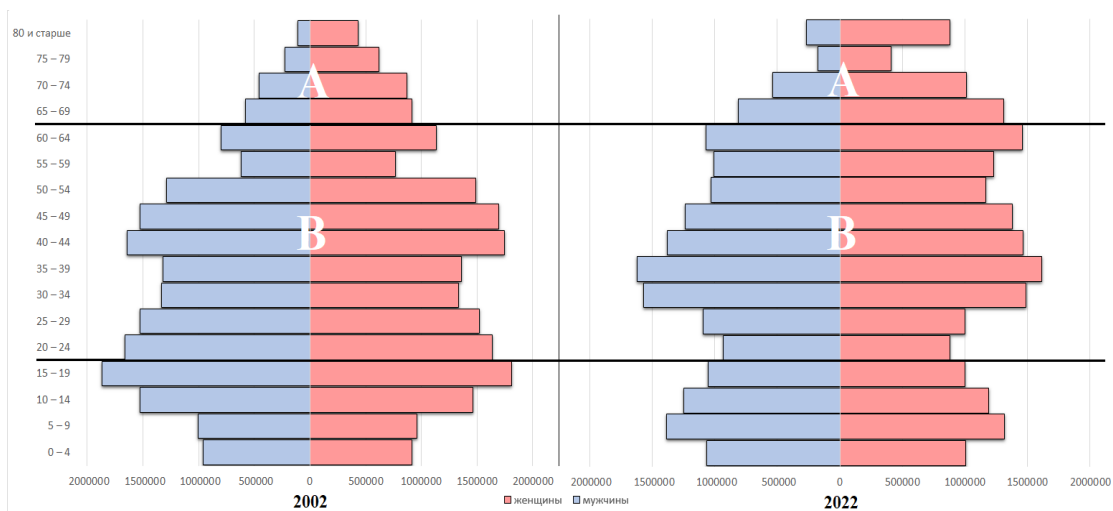

Рис. 3. Половозрастная пирамида Азиатской России

Переход от пирамиды к столбцам, отношение людей старше определенного пенсионного возраста (от 65 лет) к людям трудоспособного возраста (от 20 – 65 лет), А к В на рис. 1, повышается так что увеличивается так называемый «коэффициент иждивенцев пожилого возраста».

Таким образом, продолжающийся рост пожилого населения, создает существенную нагрузку на бюджет страны, так как возрастают расходы на здравоохранение, социальную защиту и пенсионную систему. Стратегии экономического развития должны быть адаптированы к реальности падения рождаемости и увеличения пожилого населения. Чтобы справиться со стареющим обществом, потребуются согласованные усилия, включающие всестороннюю реструктуризацию пенсионной системы со стороны правительства, продуманные сберегательные и инвестиционные стратегии для стареющих и пожилых людей, поддержку со стороны населения трудоспособного возраста. Необходимо больше информации о важности инвестиций и сбережений в пожилом возрасте. Наконец, повышение качества медицинского обслуживания пожилых людей и соответствующих программ социального обеспечения должно стать важным аспектом национальной системы социального обеспечения. Разработчики политики должны тщательно анализировать и разрабатывать политику, учитывающую изменяющиеся демографические потребности.

Работа выполнена в рамках бюджетного проекта БИП СО РАН № 122021800169-0.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Демографический прогноз до 2035 года / Росстат. М., 2020: [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 02.02.2023).
2. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года: стат. бюлл., Москва, 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения: 02.02.2023).
3. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2002 года: стат. бюлл., Москва, 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_02_02_0.htm (дата обращения: 02.02.2023).
4. Чистякова Н.Е. Старение российского населения: современное состояние и перспективы // Экономика и управление. 2016. № 11 (133). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starenie-rossiyskogo-naseleniya-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 23.03.2023).

Valentina G. Kharimaeva, Nataliya R. Zangeeva
Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF POPULATION AGING ASIAN PART OF RUSSIA

Abstract. The paper presents the statistical results of a study aimed at studying demographic changes leading to population aging in the regions of the Asian part of Russia for the period from 2002 to 2022. Population aging is the dominant demographic phenomenon of the 21st century. This change has two elements: a steady increase in life expectancy and a one-time decline in fertility. The continued growth of the elderly population creates a significant burden on the country's budget, as spending on health care, social protection and the pension system increases. The article uses statistical and cartographic research methods. The conducted research shows that the phenomenon of population aging is inevitable for the regions of the Asian part of Russia.

Keywords: population aging, birth rate, mortality, sex and age structure of the population.

Цыденов Б.Б., Гончиков Ц.Д., Урбанова Ч.Б.
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

Аннотация. В исследовании дан анализ внутрорегиональной динамики численности населения. Информационной базой для аналитической работы послужили данные с официального сайта федерального органа государственной статистики Забайкалкрайстата. В ходе исследования применялись теоретические, статистические, сравнительные и аналитические методы обработки материалов. Также в работе была проведена группировка численности населения муниципальных образований Забайкальского края на 2019 г. по трем категориям.

Ключевые слова: численность населения, динамика, муниципальные образования.

Актуальность темы исследования – для оценки уровня социально-экономического развития и демографической ситуации в стране, а также в регионе в целом, для принятия решений органами власти и организации их практической деятельности по реализации демографической и социальной политики необходима полная и точная информация о населении.

Цель исследования – провести анализ численности населения в Забайкальском крае с 2001-2019 гг.

Численность населения – число людей, проживающих в данный момент времени на конкретной территории [1].

По данным федерального органа государственной статистики Забайкалкрайстата динамика численности населения Забайкальского края характеризуется поступательным снижением численности населения региона с 2001 до 2019 г. Стоит отметить, что в 2001 г. наблюдался самый пиковый показатель численности населения в абсолютных показателях, который составил 1178,8 тыс. чел. Данная отрицательная динамика, в первую очередь, связана с кризисным периодом начала 1990-х годов, который значительно сказался на социально-экономическом развитии региона, в том числе и на численности населения, причем настолько, что регион до сих пор не может восполнить потери конца XXI в. (табл. 1) [3].

Таблица 1

Численность населения (тыс. чел., 2001-2019 гг.)

Показатели	2001	2005	2010	2015	2019
Все население	1178,8	1132,8	1109,2	1087,5	1043,5
в том числе:					
городское	750,3	725,4	731,6	732,6	729,3
сельское	428,5	407,4	363,6	354,9	336,5
В общей численности населения, %					
городское	63,6	66,0	65,5	67,4	68,4
сельское	36,4	36,0	34,5	32,6	31,6

Составлено по данным Забайкалкрайстата [2].

Внутрирегиональная динамика численности населения по территориям края, напротив, неоднозначна. Статистические данные населения по муниципальным образованиям Забайкальского края в табл. 2, указывают на то, что показатели увеличения численности населения приходятся только в Читинский и Приаргунский районы на период с 2010 по 2019 гг. Но стоит отметить, что в остальных районах на данном промежутке времени, напротив, проявляется тенденция постепенного снижения численности населения. Фактор снижения показателя связан, в первую очередь, со снижением уровня рождаемости и низким уровнем естественного прироста в регионе, а также с миграционным оттоком из муниципальных районов в краевой центр г. Чита (табл. 2) [3].

Также для наглядности была проведена группировка численности населения муниципальных образований Забайкальского края по трем категориям за 2019 г. (табл. 3):

- от 0 до 10000 чел. (9 административных районов);
- от 10.000 до 30000 чел. (16 административных районов);
- от 30000 чел. и более (6 административных районов) [3].

Вывод: Анализ динамики численности населения Забайкальского края позволил выявить, что на территории края наблюдается неблагоприятная демографическая ситуация, выражающаяся в постепенном снижении общей численности населения за исследуемый период. Данные наблюдающиеся отрицательные

процессы в регионе, являются следствием проявления негативных последствий после развала Советского Союза и социально-экономических кризисов после 90-х годов прошлого века. Данные последствия экономических кризисов, непосредственно, оказали негативные влияния на внутрирегиональную динамику численности населения практически во всех районах Забайкальского края.

Таблица 2

Численность населения Забайкальского края по муниципальным районам (тыс. чел., с 2010- 2019 гг.)

Муниципальное образование	2010	2015	2019
Городские округа			
Город Чита	324444	339929	351784
Город Петровск-Забайкальский	18549	17144	15785
Агинский Бурятский округ–территория с особым статусом	15667	76557	74038
Поселок Горный	12341	11547	10238
Города			
Краснокаменск	55666	53795	51387
Чита	324444	339929	351784
Петровск-Забайкальск	18549	17144	15785
Борзя	31379	299405	29225
Могоча	13258	13640	12953
Нерчинск	14959	14746	14726
Сретенск	6850	6608	6433
Шилка	13947	13162	12491
Хилок	11539	10969	10381
Муниципальные районы			
Акшинский район	10682	9594	8799
Александрово-Заводский район	8726	7994	7115
Балейский район	220500	19011	17222
Борзинский район	51647	48660	46905
Газимуро-Заводский район	9407	9091	8494
Забайкальский район	20485	21414	21049
Каларский район	9051	8306	7666
Калганский район	8771	8126	7272
Карымский район	37161	35926	34429
Город Краснокаменск и Краснокаменский район	64597	60970	57527
Красночикойский район	19453	18594	17595
Кыринский район	13650	13055	11953
Могочинский район	25508	25315	23751
Нерчинский район	28455	27483	26776
Нерчинско-Заводский район	10782	9871	8986
Оловянинский район	43494	37977	34713
Ононский район	11199	10181	9320
Петровск-Забайкальский район	19351	18033	16790
Приаргунский район	21831	20801	21177
Сретенский район	23311	22271	21103
Тунгиро-Олекминский район	1432	1380	1340
Тунгокоченский район	12685	12062	11228
Улетовский район	18946	18724	18091
Хилокский район	31760	29667	27481
Чернышевский район	35019	33695	31899
Читинский район	64642	65860	65954
Шелопугинский район	8369	7510	6542
Шилкинский район	43194	40704	38583
Агинский район	18687	17440	16382
Дульдургинский район	15350	14766	14115
Могойтуйский район	27463	26784	25388

Составлено по данным Забайкалкрайстат [2].

Внутрирегиональная динамика численности населения также характеризуется отрицательными тенденциями, связанными со снижением уровня рождаемости, низким уровнем естественного прироста и миграционным оттоком населения.

Группировка муниципальных районов Забайкальского края (тыс. чел., на 2019 г.)

0 до 10000	От 10000 до 30000	От 30000 и более
Акшинский – 8799	Хилокский – 27481	Читинский – 65954
Нерчинско-Заводский – 8986	Нерчинский – 26776	Краснокаменский – 57527
Газимуро-Заводский – 8494	Могочинский – 23751	Борзинский – 46905
Каларский – 7666	Забайкальский – 21049	Оловянинский – 31899
Калганский – 7272	Приаргунский – 21177	Карымский – 34429
Александро-Заводский – 7115	Сретенский – 21103	Шилкинский – 38583
Шелопугинский – 6542	Улетовский – 18091	
Тунгиров-Олекминский	Балейский – 17.222	
Ононский – 932	Красночикойский – 17595	
	Петровск-Забайкальский – 16790	
	Агинский – 16382	
	Дульдургинский – 14115	
	Кыринский – 11953	
	Тунгокоченский – 11228	

Составлено по данным Забайкалкрайстата [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Численность и размещение населения. [Электронный ресурс]. URL: <https://foxford.ru/wiki/geografiya/chislen-nost-i-razmesteniye-naseleniya> (дата обращения: 06.02.2023).
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <https://chita.gks.ru/population> (дата обращения: 06.02.2023).
3. Цыденов Б.Б. Социально-экономическое развитие Забайкальского края / Б.Б. Цыденов: выпускная квалификационная работа / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2017. 87 с.

Bair B. Tsydenov, Tsyben D. Gonchikov, Chimit B. Urbanova
Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

“THE DYNAMICS OF POPULATION IN THE TRANS-BAIKAL TERRITORY”

Abstract. The study analyzes the intra-regional dynamics of the population. The information base for the analytical work is the data from the official website of the federal body of state statistics Zabaikalkraystat. During the study we used theoretical, statistical, comparative and analytical methods of data processing. The paper also grouped the population of municipalities in Zabaykalsky Krai into three categories for 2019.

Keywords: population, dynamics, municipalities.

УДК 911.37

Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Морковская Д.Н., Ткачев Е.В.
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДИНАМИКИ И ТЕНДЕНЦИЙ РАССЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Установление результатов и причин динамики численности населения в формах расселения Белгородской области, тенденций их развития; определение демографических типов населенных пунктов и степени их устойчивости в центрo-периферийной системе расселения являлось основными целями работы. Результатом исследования стало выделение пяти демографических типов групп населенных пунктов.

Ключевые слова: динамика, причины, население, расселение, типы, Белгородская, муниципалитеты.

Введение. Пространственная организации России стремительно меняется, и задача географов-обществоведов увидеть изменения, найти предшествующие им причины, дать объективную оценку, определить тенденции развития.

Изучение тенденций и закономерностей размещения населения, форм расселения, различных типов населенных мест позволяет познать «механизм» действия общих законов развития в частных областях [1], выявлять значение различных условий и факторов формирования региональных особенностей населения, его расселения. На основе познания закономерностей и развития территориальных групп населения, систем населенных мест можно определить пути их дальнейшего развития в стране, регионах.

Объектом нашего исследования является территория Белгородской области, предметом – ее системы населения и расселения.

Основной целью работы стало установление результатов и причин разнонаправленной динамики численности населения в формах расселения Белгородской области, тенденций их развития; задачами – оценка территориальных различий динамики численности населения; определение по характеру динамики численности населения демографических типов населенных пунктов; выявление степени их устойчивости в центрo-периферийной системе расселения области.

Материалы и методы. Информация для исследования получена из материалов Федеральной службы государственной статистики и ее территориального органа по Белгородской области, полевых экспериментов и многолетних исследований авторов работы. Территориальная подвижность сельского населения оценивалась по показателям сальдо миграции. В некоторых случаях необходимая информация по сельской местности была получена на основе паспорта сельского поселения (так называемая муниципальная статистика). Сочетание различных источников информации позволило получить актуальную оценку характера динамики численности населения, процессов трансформации расселения, определить основные тенденции развития различных групп населенных пунктов в зависимости от центрo-периферийного положения. Основные задачи исследования решены авторами путем применения методов пространственно-временного, сравнительно-географического, статистического анализов, ГИС-картографирования.

При решении поставленной цели использован полимасштабный подход [2].

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенное изучение системы населения и расселения Белгородской области в рамках полимасштабного подхода позволило прийти к следующим основным результатам.

Белгородская область, расположенная на площади 27 тыс. км² с населением 1,5 млн человек, из которых 67,7 % проживают в городской местности, 32,3 % – сельской, в том числе: 11 городах, 18 пгт, 1573 населенных пунктах [3], находится в состоянии постоянной эволюции [4].

Динамика численности населения области по результатам переписей населения 2010 и 2021 гг. свидетельствует о ее росте (преимущественно до 2018 г.) за счет притока мигрантов из разных районов России и стран ближнего зарубежья (естественная убыль населения отмечена с 1991 г.).

В результате использования вышеуказанных методов, показателей интенсивности депопуляции, масштабов сальдо миграции, естественной убыли населения [5; 6] установлены разные группы типов муниципальных образований – городов, пгт, сельских поселений (см. рис. 1).

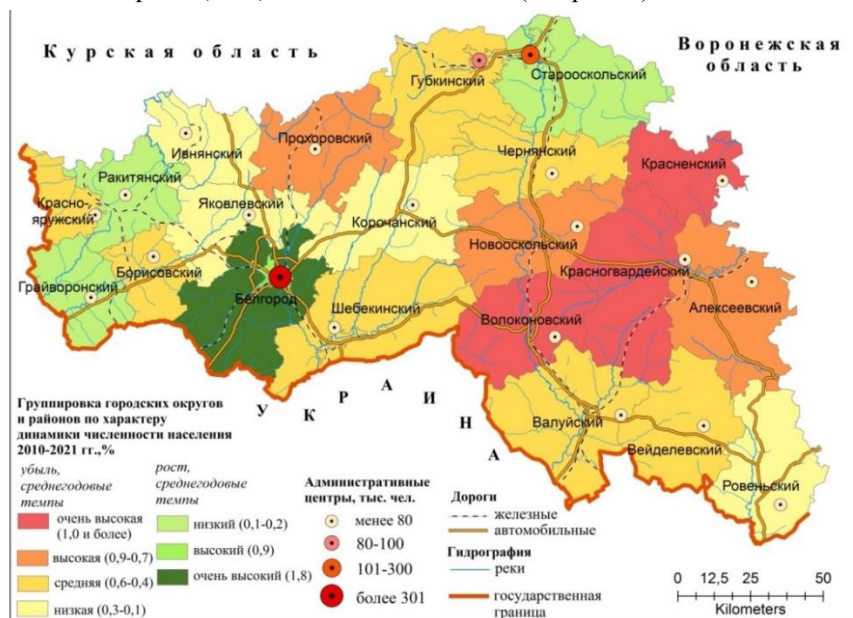

Рис. 1. Динамика численности населения Белгородской области. 2010-2021 гг., % (составлено по данным [6]).

1) Успешные города в демографическом (и социально-экономическом) плане: столичный Белгород; «второй» город, город-противовес Белгороду – Старый Оскол; малый город – Грайворон.

2) Успешные поселки городского типа, динамика развития которых обусловлена локацией в первой пригородной зоне Белгорода (Разумное – 28 % прироста; Северный – 27 % прироста). В составе «успешных» находятся два периферийных со слабым, но ростом (Ракитное – 1,2 %; Ровеньки – 4,8 %).

3) Очень успешные сельские поселения пригорода Белгорода. К ним относятся 10 из 21 поселения Белгородского района со значительным темпом роста: Новосадовское – 136,1 %; Дубовское – 45,4 %; Стрелецкое – 42,8 % и одно Корочанского района – Мелиховское – 53,2 %.

4) *Сельские поселения неустойчивого равновесия*, очень малочисленные (два в Корочанском, три Ракитянском, одно Чернянском районах).

5) *Депопулирующие муниципальные образования (города, пгт, сельские поселения)* – наиболее распространенный тип – преимущественно полупериферийные, периферийные населенные пункты. По результатам динамики численности населения 2010-2021 гг. 92,3 % сельских поселений Белгородской области отнесены к депопулирующим.

Детерминантами успешного развития города стали статус столичности или полицентричность большого, «второго» города; для сельского поселения – пригородное положение, локализация в зоне влияния столицы или большого, «второго» города. Ограничивающими причинами, условиями демографической стагнации/деградации малого города является отсутствие конкурентных преимуществ, монофункциональность, периферийность. Доминирующим, основным фактором деградации сельского населенного пункта – периферийность, системная безработица, непрестижность сельскохозяйственного труда, низкая заработная плата, неразвитая социальная среда, притягательный образ крупного города.

Основополагающим демографическим трендом Белгородской области становится рост естественной убыли (с 2019 по 2022 гг. в 2,1 раза на 1000 жителей), падение миграционного прироста (в 1,4 раза на 1000 жителей) [6], соответственно, депопуляция с 2018 г., усугубленная событиями 2022 г.

Социологические опросы населения, анализ характера демографических процессов свидетельствуют о нарастании темпов депопуляции в результате изменения геополитической ситуации 2022 г., приграничного положения и роста барьерных функций границы с Республикой Украина (в Белгородской области из девяти приграничных районов два граничат с Луганской Народной Республикой, шесть – Харьковской, один – Сумской областями).

Растет контраст между пригородами больших городов и поселениями периферии области. Процессы депопуляции охватили 81 % муниципалитетов области и лишь Белгородский район выделяется стабильно высоким ростом: с 2010 г. по 2022 г. индекс роста составил 177 % (на 5 % территории проживают 18 % всех сельских жителей, 8,5 % всего населения области).

Краткие выводы. Выявленные демографические особенности, основные тренды развития форм и групп населенных пунктов свидетельствуют о наличии в их составе определенных типов развития в зависимости от локализации в центр-периферийном положении. Детерминантами успешности развития являются населенные пункты с определенными преимуществами, конкурентоспособностью: статусом столичности, «второго города», пригородного положения в составе агломерации. К градиенту центр-периферия следует добавить изменившиеся условия геополитического положения региона.

Тенденции характера динамики численности населения и расселения Белгородской области, в связи с изменением геополитической ситуации, свидетельствуют о сложном будущем воспроизводства населения, его расселения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ковалев С.А. Сельское расселение: Географическое исследование. Москва: Изд. МГУ, 1963. 371 с.
2. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Шелудков А.В. Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2022. № 86(3). С. 289-309. DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
3. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2016-2020 гг.): стат. сб. Белгород: Белгородстат. 2022. 288 с.
4. Чугунова Н.В., Нарожная А.Г., Полякова Т.А., Кухарук Н.С., Морковская Д.Н. Поляризация пространства Белгородской, Воронежской, Курской областей: роль региональных столиц // Известия РГО. 2021. Т. 153. № 2. С. 18-29.
5. Итоги Всероссийской переписи населения (2021 г.) Том 1. Численность и размещение населения [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 07.11.2022 г.).
6. Муниципальные образования Белгородской области: демографический аспект: стат. сб. Белгород: Белгородстат. 2022. 193 с.

**Nadezhda V. Chugunova, Tatiana A. Polyakova,
Daria N. Morkovskaya, Egor V. Tkachev**
Belgorod State National Research University, Belgorod

DETERMINANTS OF THE DYNAMICS AND TRENDS OF SETTLEMENT OF THE BELGOROD REGION

Abstract. *The main objectives of the work were to establish the results and causes of population dynamics in the main forms of settlement of the Belgorod region, trends in their development; to determine the demographic types of settlements and the degree of their stability in the central-peripheral settlement system. The result of the study was the identification of five demographic types of groups of settlements.*

Keywords: *dynamics, causes, population, settlement, types, Belgorod, municipalities.*

СЕКЦИЯ 5
ПОРУБЕЖНЫЕ, ТРАНСГРАНИЧНЫЕ И ЛИМИТРОФНЫЕ ПРОСТРАНСТВА
ЕВРАЗИИ: ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.
РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ:
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

УДК 913.1/911.3

Бадмаев А.Г.

*Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ*

ОБ ИСТОРИИ ОДНОЙ ИЗ КРУПНЕЙШИХ В СССР УЗКОКОЛЕЙНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ –
ХАНДАГАТАЙСКОЙ УЖД

***Аннотация.** Рассмотрены основные этапы существования Хандагатайской узкоколейной железной дороги, обеспечивавшей вывоз древесины и полезных ископаемых из восточных районов Бурятии.*

***Ключевые слова:** узкоколейная железная дорога, Бурятия.*

Общая характеристика. Хандагатайская узкоколейная железная дорога (УЖД) на востоке Бурятии (Заиграевский, Кижингинский, Хоринский и Ероавнинский районы) – одна из самых протяжённых в Советском Союзе (рис. 1). Год открытия: 1934. Год закрытия: 2004. Подчинение – Хандагатайский лесокombинат, с. Новоильинск (Заиграевский район). Общая длина дороги в период максимального развития – 338 км. Ширина колеи – 750 мм. Состояние – разобрана. Дорога использовалась в основном для вывоза древесины и в меньшей степени для пассажирского сообщения.

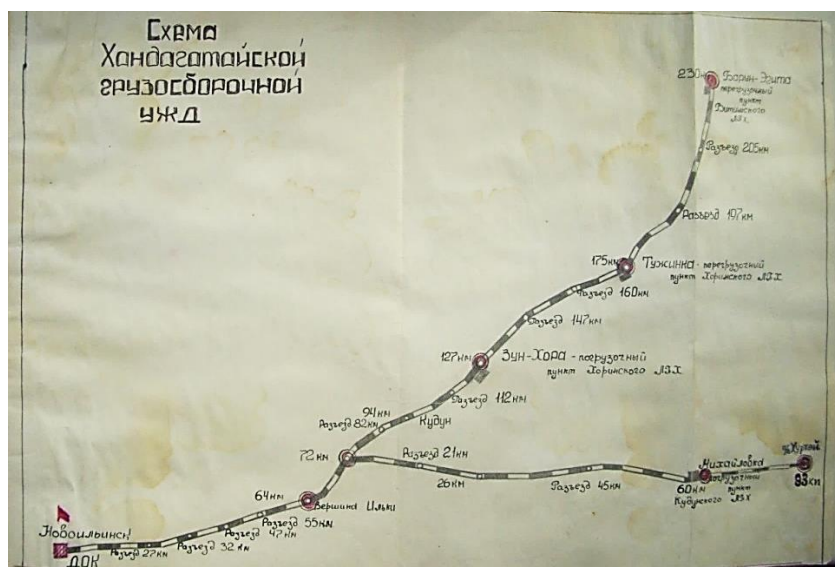

Рис. 1. Схема Хандагатайской грузосборочной УЖД

Предыстория. В 1930-е годы перед страной стояла задача освоения обширных лесных массивов Сибири и Дальнего Востока. Для этого в стране была создана система лесозаготовительных участков, лесопромышленных комбинатов и прочих организаций лесопромышленного комплекса. Для обеспечения предприятий сырьём необходимо было организовать транспортировку древесины из мест заготовки к крупным транспортным узлам. Одним из основных видов транспортировки древесины, наряду с автомобильным грузовым транспортом и молевым сплавом, и являлась узкоколейная железная дорога. Поскольку лесная промышленность Бурятии и Иркутской области занимала традиционно высокую долю в отраслевой структуре промышленности (>10%), то интерес представляло развитие УЖД в леспромхозах (ЛПХ), в частности на востоке Бурятии.

Строительство и развитие. Строительство производилось по проекту конторы «Востсибстроймеханизация». Проект утверждён приказом Наркома от 5 августа 1934 г. № 769. Строительством и эксплуатацией Хандагатайской УЖД занимался Хандагатайский лесокombинат (управление находилось в Новоиль-

инске), который вырос из Хандагатайского леспромхоза Бурятского производственного лесозаготовительного объединения «Забайкаллес», образованного на базе небольшого лесозаготовительного участка в 1931 г. Объединение «Забайкаллес» представляло крупнейший лесопромышленный комплекс Сибири. Здесь выпускалась продукция лесопереработки: шпалы, тара, арболит, пиломатериалы, товары культбыта, технологическая щепа и т.д. Главной станцией стала станция Карымка, где весь доставленный по узкоколейной железной дороге лес перегружался в вагоны широкой колеи (станция Новоильинск на Транссибирской магистрали) [2].

В 1933 г. в с. Сулхара (Кижингинский район) открывается лесозаготовительный участок, а в 1942 г. основан п. Зун-Хурай (Хоринский район) как лесозаготовительный пункт (оба от Хоринского леспромхоза), докуда позже дойдёт узкоколейка. Основным занятием рабочих была заготовка и сплав леса по рекам Худан и Сулхара. С 1934 по 1939 гг. построено 27 км по долине р. Ильки и 4 км ветка по пади Горхон. Общая протяжённость составила 31 км (рис. 2).

Рис. 2. Динамика длины Хандагатайской узкоколейной железной дороги, км

Первое время парк подвижного состава состоял из зарубежных тепловозов: 5Е (Финляндия), Гр (ГДР), Кв4 (Венгрия). Первые отечественные тепловозы ТУ-2 поступили в 1962 г. С 1964 г. поступали ТУ-4, а с 1972 г. – ТУ6 и ТУ-7. Основной парк состоял из тепловозов Камбарского машиностроительного завода (Удмуртия) [3]. Период 1971-1975 гг. характерен наивысшей производительностью и самым большим объёмом на вывозке. Дорога выросла в одну из крупнейших в стране узкоколейных железных дорог, способная перевозить более 2000 м³/сут. при среднем расстоянии вывозки более 180 км.

Изначально Хандагатайская дорога не была рассчитана на длительный срок эксплуатации. Однако в ходе проведённых в начале 1950-х гг. таксационных измерений стало известно о богатых лесных насаждениях у трассы. В начале 1950-х гг. возникает посёлок Хара-Кутул (Заиграевский район) как лесоучасток Хандагатайского леспромхоза. С 1956 г. рассматривался проект четвёртой очереди строительства УЖД, предусматривающей её продление до Кижингинских лесных массивов. В это время дорога простиралась вдоль поймы Ильки на 70 км, имея 105 км веток и усов с годовым грузооборотом 504 тыс. м³. В 1958 г. основан Хуртэй (Кижингинский район). Строительство лесопункта в Хуртэе началось в 1959 г. Сюда передислоцировались основные силы из Барун-Тарбагатайского ЛПХ, располагавшегося в с. Верхние Тальцы Заиграевского района. В послевоенное время роль УЖД усилилась, и фактически 1950-е гг. можно назвать «золотым временем» для УЖД, когда они достигли максимального количества протяжённости и грузооборота. В мае 1962 г. основана Тужинка (Еравнинский район) в связи с основанием лесозаготовительного пункта от Хоринского леспромхоза. Только по Хандагатайской УЖД в 1963 г. вывозилось 375 тыс. м³ из 3690 тыс. м³ грузов комбината «Забайкаллес» при наличии 37 автодорог. В 1969 г. построено 36 км дороги, депо на 8 тепловозов и механический вагонный парк.

В 1981 г. эта дорога отличалась самой ритмичной работой среди УЖД СССР, что позволяло вывозить до 700 тыс. м³ леса в год. На 1984 г. протяжённость дороги составляла 338 км, объём вывозки снизился до 540 тыс. м³/год. Хандагатайскую УЖД можно назвать гордостью узкоколейного прошлого, которую в 1984 г. признавали эталонной во всём СССР [1].

Последние годы работы УЖД. В 1980-е годы, в связи с сильным развитием грузовой автомобильной промышленности в стране, становится ясно, что изношенный парк тепловозов и состояние железных дорог в совокупности явно уступают парку грузовиков-лесовозов по различным основным параметрам: по охвату территории; по численности подвижного состава; по количеству тонно-километров. Кроме того, ремонт одного тепловоза обходился намного дороже, чем ремонт нескольких грузовиков, способных перевезти тот же объём древесины. Развал Союза пошатнул и без того слабые позиции железной дороги, что привело к её дальнейшему упадку, закрытию и демонтажу.

На 1998 и 2003 гг. функционирует только линия Карымка – Хуртэй (вывозка леса, а также флюорита с месторождения «Осеннее»). На Зазинской линии в 1998 г. разбирают путь: разборка ведется чуть дальше пересечения с автодорогой Улан-Удэ – Романовка, куда 1-2 раза в неделю ходит состав для вывоза рельсов. В августе 2004 г. рабочие разбирали последние 20 км пути [4]. В с. Усть-Орот сохранились остатки деревянного железнодорожного узкоколейного моста через р. Худан, разобранного примерно в 1999 г.

Заключение. Этот инфраструктурный проект, изначально строившийся на 30-40 лет эксплуатации, просуществовал вдвое дольше. Кроме своего основного назначения, дорога перевозила и другие виды грузов, а также пассажиров. Узкоколейка, в простонародье именуемая «Кукушка», оказала большое влияние на социально-экономическое развитие восточных районов республики. Для обеспечения деятельности УЖД и инфраструктуры были созданы новые (Хара-Кутул, Хуртэй, Зун-Хурай, Тужинка) и получили развитие уже существующие (Новоильинск и Сулхара) рабочие посёлки, являвшиеся погрузочно-разгрузочными и лесозаготовительными пунктами, подчинявшиеся леспромхозам. Были созданы рабочие места для местного населения и привлекались квалифицированные работники из других регионов СССР.

По нашему мнению, такой уникальный для нашего региона транспортный проект властям следовало бы поддержать, чтобы как минимум он сохранился, а как максимум развился дальше, вплоть до БАМа. Эксплуатационные возможности можно было бы диверсифицировать до перевозки полезных ископаемых, продуктов питания, товаров для населения и т.д. В итоге, один узкоспециализированный и бедный оператор не смог справиться с эксплуатацией Хандагатайской УЖД. Если бы руководство Республики Бурятия или РЖД были заинтересованы в сохранении дороги, то её реально можно было сохранить.

Работа выполнена в рамках государственного задания БИП СО РАН №122021800169-0.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Цырендоржиев, Д.Б. Левченко Л.Т. Хандагатайский леспромхоз / Л.Т. Цырендоржиев, Д.Б. Левченко. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. 40 с.
2. Railway archive. Архив о железной дороге [Электронный ресурс]. URL: <https://railway-archive.studio-petukh.ru/article?name=26/novoilyinsk.html> (дата обращения: 04.04.2023).
3. Список подвижного состава Восточно-Сибирская железная дорога, Хандагатайский леспромхоз [Электронный ресурс]. URL: <https://railgallery.ru/list.php?did=2220> (дата обращения: 04.04.2023).
4. Энциклопедия узкоколейных железных дорог бывшего СССР «Младший Брат» [Электронный ресурс]. URL: <https://narrow.parovoz.com/emb/index.php?ID=3472> (дата обращения: 03.04.2023).

Aldar G. Badmaev

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

ABOUT THE HISTORY OF ONE OF THE LARGEST NARROW-GAUGE RAILWAYS IN THE USSR – THE KHANDAGATAI RAILWAY

Abstract. *The main stages of the existence of the Khandagatai narrow-gauge railway, which ensured the export of timber and minerals from the eastern regions of Buryatia, are considered.*

Key words: *narrow-gauge railway, Buryatia.*

УДК 631.4

Бадмаев Н.Б.¹, Цыдыпов Б.З.²

¹*Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН,
г. Улан-Удэ;*

²*Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ*

ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА ПАХОТНЫХ УГОДИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Аннотация. *На территории Республики Бурятия, в связи с глобальными изменениями и земельной реформой, наблюдаются значительные трансформации землепользования. За последние 30 лет по данным Росреестра в результате аридизации климата общая площадь сельскохозяйственных угодий уменьшилась на 38 %, в том числе пашни – 32 %, сенокосов – 37 % и пастбищ – 42 %. Пахотные угодья используются только в тех СПК муниципальных образований, где имеются оптимальные природно-климатические условия и сохранились относительно плодородные почвы.*

Ключевые слова: глобальные изменения, аридизация климата, трансформация землепользования, сокращение пахотных угодий.

За последнюю половину века глобальная температура воздуха росла со скоростью $\sim 0,2$ °C за десятилетие. Климатические изменения влияют на глобальные колебания пожаров, их количество и площадь в ближайшие десятилетия, а также на распространение и деградацию сезонной и многолетней мерзлоты в Забайкалье [2]. Климатические изменения и проведенная административная (земельная) реформа смогли внести свои изменения на режим землепользования, структуру сельскохозяйственных угодий, что, в конечном итоге, отразилось на плодородии почвенного покрова.

Задачей настоящих исследований является оценка влияния глобальных изменений климата на трансформацию сельскохозяйственных угодий Республики Бурятия, особенно пахотных и посевных площадей.

Радикальные изменения в политике и экономике нашей страны в конце прошлого века вызвали существенные изменения земельного фонда. Прошедшие в течение последних 30 лет земельные преобразования в основном ограничились перераспределением земель и формированием многообразия форм собственности на землю. В то же время вопросы рационального использования земель в ходе земельной реформы отошли на второй план, что привело к сокращению продуктивных земель, снижению их плодородия и уменьшению производства сельскохозяйственной продукции. Несмотря на наличие обширных статистических материалов, нет ответа на принципиальный вопрос: на сколько действительно уменьшилась площадь сельскохозяйственных угодий в разных регионах страны за кризисные годы?

Анализ литературных и статистических данных и полномочий органов исполнительной власти РФ показывает, что величина уменьшения сельскохозяйственных площадей в целом по стране существенно колеблется от 40 до 50 млн га [4].

Для устранения существующих разногласий и полномочий министерств и ведомств, достоверной оценки динамики земель сельскохозяйственных угодий предлагается использовать последовательно несколько блоков:

1. Статистический (Росстат, Росреестр, Министерство сельского хозяйства, Министерства имущественных и земельных отношений);
2. Архивный (данные Гипрозема – Проектного института по землеустройству);
3. Картографический (материалы Аэрогеодезического предприятия);
4. Дистанционного зондирования Земли (ретроспективный мониторинг почвенно-земельного покрова).

Использование предлагаемого подхода позволило установить динамику сельскохозяйственных угодий на разных уровнях организации землепользования. В целом по России уменьшение сельскохозяйственных площадей за период 1990-2007 гг. составило 48 млн га, при этом произошло заметное уменьшение доли пахотных угодий на 41 млн га [1]. В кризисные годы на фоне общего сокращения аграрных угодий во всех регионах России продолжается зональная дифференциация сельскохозяйственных земель, особенно в европейской части страны.

На азиатской территории России этот вектор имеет уже не меридиональное, а широтное направление: если в Западной Сибири сжатие угодий в кризисные годы было ниже среднероссийского уровня, то в Приморье намного превзошло его. В Восточной Сибири к 2007 г. сельскохозяйственные земли в целом сократились на 5,8 млн га или на 37 % относительно 1990 г., из них более 4 млн га пашни и 1,5 млн га сенокосов и пастбищ. В пространственном отношении наибольшие сокращения сельскохозяйственных земель произошли в Тыве (более 55 %), Бурятии (30 %), Хакасии (29 %) и Иркутской области (33 %).

Подробный анализ динамики сельскохозяйственных угодий на уровне Республики Бурятия с 1983 по 2016 г. показывает значительное сокращение и изменение их структуры (табл. 1). За последние 30 лет общая площадь агроландшафтов уменьшилась на 38 %, в том числе: пашни – 32 %, сенокосы – 37 %, пастбища – 42 % [3]. Такие значительные сокращения обусловлены в основном за счет передачи в земли лесного фонда и в земли запаса. Основная причина сокращения пахотных угодий – неиспользование малопродуктивных земель, их деградация, предоставление под застройку, зарастание древесно-кустарниковой растительностью и самозахват земель для индивидуального строительства, особенно в пригородных районах республики. Пахотные угодья используются только в тех СПК муниципальных образований (МО), где имеются оптимальные природно-климатические условия и сохранились относительно плодородные почвы. На других аридных степных и сухостепных ландшафтах использование пахотных и сенокосных угодий ограничено низким плодородием и почвенной засухой.

Динамика изменений структуры и площадей сельскохозяйственных угодий (тыс. га) в Республике Бурятия

Угодья	1983	1993	1999	2016	2019
	по данным Росреестра				по данным Росстата
Пашня	1021,8	943,0	858,4	698,9	115,8
Сенокосы	444,8	343,4	486,3	279,7	13,9
Пастбища	1933,3	1784,0	1732,9	1114,4	43,2
Итого	3399,9	3070,4	3070,4	2093,0	172,9

Необходимо отметить, что по данным Росстата структура и площади сельскохозяйственных угодий заметно изменились [5]. Первое, резко уменьшились пахотные угодья и посевная площадь в целом по Республике и по муниципальным образованиям. Второе, возможна несогласованность органов исполнительной власти по сбору и оценке данных по сельскохозяйственным угодьям.

В результате анализа этих данных установлено, что пахотные и посевные площади сохранились в основном по долинам крупных рек на плодородных черноземных и каштановых почвах (тыс. га): Хилок (Бичурский район) – 19, Тугнуй (Мухоршибирский) – 20, Джида (Джидинский) – 15, дельта р. Селенга (Кабанский) – 12, Чикой (Кяхтинский) – 11, Селенга (Тарбагатайский) – 11. Из этих 88 тыс. га посевных площадей более 53 % приходится на зерновые и зернобобовые культуры, в основном на территории Мухоршибирского и Бичурского МО. Эти шесть МО занимают более 76 % в общей доле пахотных и посевных площадей республики, оставшиеся 24 % относятся к остальным 15 МО.

Таким образом, на территории Республики Бурятия, в связи с глобальными изменениями климата и земельной реформой, наблюдаются значительные трансформации землепользования. По данным Росреестра за последние 30 лет в результате аридизации климата общая площадь сельскохозяйственных угодий уменьшилась на 38 %, в том числе пашни – 32 %, сенокосов – 37 % и пастбищ – 42 %. Пахотные угодья используются только в тех СПК МО, где имеются оптимальные природно-климатические условия и сохранились относительно плодородные почвы.

Работа выполнена при финансовой поддержке государственных заданий по проектам НИР № 121030100228-4 и № АААА-А21-121011990023-1, а также Комплексной программы фундаментальных научных исследований СО РАН II.1 № АААА-А17-117112870130-4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Badmaev N.B., Tsydyrov B.Z., Ton S.-Kh.A. Dynamics of changes of agricultural lands in the Republic of Buryatia // Role of environmental assessment of agricultural land in developed of regions and in protection of ecological balance. Materials of International seminar devoted for the 2015 Agriculture Year of the Azerbaijan Republic (15 December, 2015, Baku, Azerbaijan Republic). pp. 35-36.
2. N. Badmaev, A. Bazarov, A. Kulikov, A. Gyninova, D. Sympilova, E. Shakhmatova, N. Badmaeva, B.-M. Gonchikov, A. Mangataev. Global climate change: wild fires and permafrost degradation in the Republic of Buryatia (Eastern Siberia, Russia). IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 320 (2019) 012017.
3. Бадмаев Н.Б., Тон С.-Х.А., Хертуев В.Н. Методы оценки изменений сельскохозяйственных угодий Республики Бурятия // Региональные системы комплексного дистанционного зондирования агроландшафтов: материалы II Всерос. науч.-практ. сем-ра (Красноярск, 14 февраля 2019 г.) / под общ. ред. А.А. Шпедта. Красноярск: Изд-во ИФ ФИЦ КНЦ СО РАН, 2019. С. 5-10.
4. Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г. Динамика сельскохозяйственных земель России в XX веке и постагрогенное восстановление растительного и почв. М.: Геос, 2010. 416 с.
5. Сельское хозяйство в Республике Бурятия. Ст. сб. Улан-Удэ: Бурятстат, 2020. 85 с.

Nimazhap B. Badmaev¹, Bair Z. Tsydyrov²

¹*Institute of General and Experimental Biology SB RAS, Ulan-Ude;*

²*Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude*

GLOBAL CLIMATE CHANGE AND LAND REFORM IN RUSSIA: SPATIO-TEMPORAL DYNAMICS OF ARABLE LAND IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. *On the territory of the Republic of Buryatia, due to global changes and land reform, there are significant transformations of land use. Over the past 30 years, according to Rosreestr, as a result of climate aridization, the total area of agricultural land has decreased by 38%, including arable land – 32 %, hayfields – 37 % and pastures – 42 %. Arable land is used only in those agricultural production cooperatives of municipalities where there are optimal natural and climatic conditions and relatively fertile soils have been preserved.*

Keywords: *global changes, climate aridization, land use transformation, reduction of arable land.*

ПОДХОДЫ К СОЗДАНИЮ КОМПЛЕКСНОЙ ТИПОЛОГИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ БАЙКАЛЬСКОЙ ПРИРОДНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. Предложены подходы к типологизации муниципалитетов БПТ на основе объективных показателей антропогенного воздействия, анализ которых позволил выделить семь наиболее приемлемых оснований для разработки типологии: воздействие на атмосферу, водные и лесные ресурсы, аграрное, фоновое, твердые отходы, нарушенные земли и объекты накопленного вреда. По интегральному индексу выделено пять основных типов территорий, по характеру воздействия на окружающую среду выделяются подтипы.

Ключевые слова: муниципалитеты, интегральный индекс, антропогенное воздействие, Байкальская природная территория (БПТ).

Введение. Типология территориальных единиц характеризует контрасты и асимметрию развития социально-экономических процессов и, как следствие, антропогенного воздействия (АВ). Дифференциация пространственных характеристик АВ свойственна всем уровням административно-территориальной иерархии, поэтому к типологизации муниципальных образований (МО) теоретически могут быть применены подходы, использовавшиеся для регионов или городов [3; 4]. Так же, как и для регионов, для муниципалитетов важны показатели выбросы и сбросы загрязненных вод, образование и размещение отходов, нагрузка на лесные ресурсы. Однако муниципальный уровень имеет и ряд ограничений (финансовой слабости местных бюджетов, статистической базы большинства показателей на уровне муниципалитетов, значение загрязнения от печного топлива и т.д.), поэтому требуется специальная методика.

Для оценки неравномерности АВ могут применяться как системы показателей в дезагрегированной форме, так и синтетические (интегральные) показатели. Преимущество последних – в комплексной оценке совокупности важнейших факторов экологического состояния. БПТ – глубоко и много сторонне исследованная территория, однако, интегральная оценка АВ с пространственной дискретностью по муниципалитетам не проводилась [1].

Материалы и методы исследования. Большинство типологий муниципальных образований для страны в целом делаются на основе 2-3 ключевых социально-экономических [2; 6] или экологических [3] характеристик, причем они фактически являются результатом мониторинга существующей ситуации, а не основой для него, поскольку основываются на оценке текущего положения муниципалитетов [5]. Предлагаемая типология, основанная на алгоритме интегрирования объективных показателей АВ на окружающую среду может стать основой для внедрения системы мониторинга экологического развития на муниципальном уровне для одной из наиболее уникальных территорий страны.

Предлагаемая методика расчета интегрального индекса антропогенного воздействия (ИАВ) включает 22 нормированных показателя, агрегированных в семь субиндексов. Воздействие на *атмосферу* определялось плотностью выбросов от стационарных, передвижных источников и от печного топлива; на *водные ресурсы* – удельным объемом водопотребления, стоков; на *лесные ресурсы* – долей вырубленных лесов, лесов погибших от пожаров и болезней; *аграрное воздействие* – долей сельхозугодий, пашни, плотностью поголовья скота и внесения удобрений; *отходы* – плотностью размещения бытовых и промышленных отходов, степенью их опасности. Важную роль играют блоки *нарушенные земли и объекты накопленного вреда*, а также *фоновое воздействие*, определяемое плотностью населения, размещения туристов, дорожной сети и уровнем автомобилизации. Для определения веса показателей был проведен опрос 47 экспертов, представляющих научное, экспертное сообщество и систему управления природопользованием регионов, входящих в БПТ.

Типология муниципальных образований по структуре ИАВ. Интегральная оценка уровня АВ позволила построить рейтинг муниципальных образований, и выделить пять основных типов муниципальных образований, по структуре индекса – подтипы (рис. 1).

1 тип объединяет наиболее крупные по численности населения и объемам промышленного производства муниципалитеты, в которых повышены значения большинства видов АВ. Высокий уровень АВ, как правило, связан с достаточно равномерной структурой ИАВ. Он представлен двумя подтипами, различающимися по структуре расселения и географии входящих в них муниципальных образований: *1а* – крупные городские округа в пределах Иркутско-Ангарской агломерации (Иркутск, Ангарск, Черемхово, Усо-

ль-Сибирское) и 1б – Селенгинский, Петровск-Забайкальский, Мухоршибирский МО, на территории которых имеются крупные горнодобывающие предприятия и ГРЭС, существенное влияние испытывают земельные и лесные ресурсы.

2 тип с повышенным уровнем АВ, обусловленным наличием отдельных крупных источников воздействия на окружающую среду и напротив, сниженным влиянием других групп факторов. В зависимости от особенностей источника он делится на три группы:

- 2а – городские МО, имеющие за счет численности населения повышенное фоновое воздействие, средние значения АВ на атмосферу и водные ресурсы (городские округа Улан-Удэ, Северобайкальск, Петровск-Забайкальский, Свирск и Шелеховское МО);
- 2б – МО с повышенным фоновым воздействием (Иркутский, Слюдянский), с высокой долей сезонного населения;
- 2в – сельские районы со сравнительно высоким уровнем развития сельского хозяйства (Бичурский, Тарбагатайский, Черемховский), а также периферийные Красночикоийский и Казачинско-Ленский с заметной ролью в загрязнении среды горнодобывающих производств. В Казачинско-Ленском районе основное антропогенное воздействие на водные и лесные ресурсы формируется в результате реализации проекта газопровода «Сила Сибири».

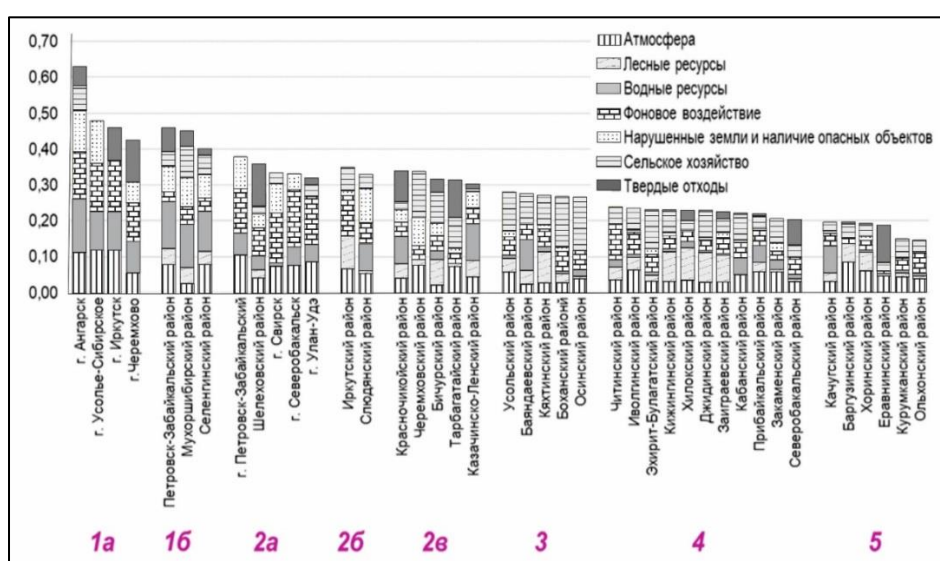

Рис. 1. Муниципальные образования БПТ по уровню и структуре ИАВ, 2020 г. (рассчитано по данным МО, Росстата и БДПМО)

3 тип со средним уровнем АВ выделен в небольшом количестве сельских районов и малых городах с средним уровнем воздействия сельского и лесного хозяйства (Усольский и полупериферийный Кяхтинский, а также районы Усть-Ордынского округа).

4 тип с пониженным уровнем АВ формируется в основном в полупериферийных МО, где основную роль играет АВ на лесные ресурсы, и некоторых пригородных районах с развитым сельским хозяйством и относительно высокой плотностью освоения (Иволгинский и Читинский в части, входящей в БПТ, районы). В более плотно заселенных Прибайкальском и Иволгинском районах также несколько выше доля загрязнения от печного топлива. В Северобайкальском районе имеется объект накопленного вреда – штольни Холоднинского месторождения свинцово-цинковых руд. В Хилокском, Джидинском и Заиграевском районах в структуре индекса заметен ущерб, нанесенный лесным ресурсам. Кабанский район, несмотря на наличие на его территории целлюлозно-картонного комбината, также выделяется в основном сельскохозяйственным и фоновым воздействием в результате жизнедеятельности населения и рекреации.

5 тип с низким уровнем АВ характерен для полупериферийных или глубинных МО с умеренными значениями фонового воздействия и сельскохозяйственной деятельности. Для большинства районов этого типа характерна и относительно высокая доля загрязнения атмосферы от печного отопления.

Выводы. Типология муниципальных образований, входящих в БПТ показала, что высокий уровень АВ, как правило, сопряжен с конкурентными преимуществами развития территорий и приурочен к размещению крупных производств и крупным формам расселения. ИАВ значительной части муниципальных образований находится скорее в зависимости от объемов промышленного производства, даже для тех районов, где вклад сельского хозяйства велик, как в объемы производства, так и в интегральный индекс воздействия.

Варианты выделения типов муниципальных образований БПТ можно представить, как ядра экологической напряженности, локализованные в региональных столицах, служащие ядрами агломераций, их пригородные зоны, «вторые города» регионов (Ангарск, Петровск-Забайкальский, Северобайкальск), муниципальные образования, расположенные вдоль транспортных коридоров, осями которых выступают Транссибирская магистраль и верхнее течение р. Ангара, БАМ и газопровод «Сила Сибири». Здесь отмечаются наиболее высокие значения субиндексов воздействия на атмосферу, водные объекты, имеются значительные площади нарушенных земель, отмечается сильное фоновое воздействие на окружающую среду за счет высокой численности населения. Среди типов МО БПТ будут присутствовать типы «сельская периферия», где основным фактором АВ становится сельское, лесное хозяйства, во всех трех регионах ряд МО формируют тип «ресурсных периферий» с высоким уровнем локального воздействия от горнодобывающей промышленности.

***Благодарности.** Исследование выполнено в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в рамках темы исследования кафедры экономической и социальной географии России «Современная динамика и факторы социально-экономического развития регионов и городов России и стран Ближнего Зарубежья (ГЗ)».*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Владимиров И.Н., Корытный Л.М., Плюснин В.М., Сороковой А.А. Исследования Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН на Байкальской природной территории // География и природные ресурсы. 2016. № S5. С. 6-14.
2. Ворошилов Н.В. К вопросу о типологизации муниципальных образований // Развитие территорий. 2019. № 3. С. 28-34.
3. Долгих Е.И., Антонов Е.В. Рейтинг устойчивого развития российских городов [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2015. № 631–632. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0631/tema01.php> (дата обращения: 25.02.2022).
4. Касимов Н.С., Битюкова В.Р., Малхазова С.М., Кошелева Н.Е., Никифорова Е.М., Шартова Н.В., Власов Д.В., Тимошин С.А., Крайнов В.Н. Регионы и города России: интегральная оценка экологического состояния / под ред. Академика РАН Н.С. Касимова. М., 2014. 560 с.
5. Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. Типология муниципальных образований для мониторинга их социально-экономического развития // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4 (104). С. 35-53.
6. Ромашина А.А. Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. 2019. № 3. С. 42-52.

Victoria R. Bitjukova

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

APPROACHES TO CREATING OF THE ENVIRONMENTAL SITUATION COMPLEX TYPOLOGY OF THE BAIKAL NATURAL TERRITORY'S MUNICIPALITIES

***Abstract.** Approaches to the typology of Baikal natural territory (BNT) municipalities based on anthropogenic impact objective indicators were proposed. Their analysis allowed identifying the 7 most acceptable grounds for developing a typology: impact on the atmosphere, water and forest resources, agrarian, background pollution, solid waste, disturbed lands and objects of accumulated damage. According to the integral index, there were distinguished five main types of territories, and subtypes were distinguished by the nature of the environment impact.*

***Keywords:** municipalities, integral index, anthropogenic impact, Baikal, Baikal natural territory*

УДК 330.59(571.54)

Болхосоева Е.Б., Габеева Д.А., Доржонова Ю.Д.

*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ*

АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

***Аннотация.** В статье анализируются статистические показатели уровня жизни населения Республики Бурятия. Социально-экономический и политический кризис на фоне пандемии коронавируса привели к естественной убыли, снижению уровня жизни и увеличению миграционного оттока населения региона, а также к повышению уровня бедности, как следствие, безработицы и низкой заработной платы.*

***Ключевые слова:** Республика Бурятия, население, уровень жизни.*

В рейтинге российских регионов по качеству жизни по итогам 2021 г. Бурятия вновь оказалась в аутсайдерах – в последней десятке рейтинга. Республика на 78 месте из 85-ти, наряду с такими субъектами как Республика Калмыкия, Республика Алтай и т.д. В основном это национальные регионы с низким уровнем социально-экономического развития, невысокими доходами населения и высокой безработицей [1].

Глубинно-периферийное положение Республики Бурятия на фоне глубоких социально-экономических проблем обуславливает снижение уровня жизни, а также приводит к демографическим проблемам и миграционному оттоку населения. Так, по данным статистики за 2021 г. население республики сократилось на 2,8 тыс. чел., из которых вызвано естественной убылью – 1,5 тыс. чел. и миграционным оттоком населения – 1,3 тыс. чел. Снижение рождаемости в республике до 12,2 ‰, наряду с ростом смертности (13,7 ‰), привело к естественной убыли населения впервые с 2005 г. Наибольшая депопуляция населения произошла в Кижингинском, Северо-Байкальском, Закаменском, Курумканском районах, а рост численности зафиксирован лишь в Иволгинском, Тарбагатайском районах и в г. Северобайкальске [2].

Существует большое количество понятий и терминов, отражающих поиск социальных индикаторов и критериев оценки состояния уровня и качества жизни населения. Самыми распространенными показателями уровня жизни являются доходы, расходы населения, а качество жизни включает еще состояние здоровья и продолжительность жизни человека. Рассмотрим эти показатели для анализа текущей ситуации по региону.

Одним из главных критериев уровня жизни является объем доходов на душу населения. В целом по России наблюдается увеличение среднедушевых денежных доходов населения. Рост денежных доходов отмечен также в большинстве регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО), в том числе в Бурятии. В то же время место, занимаемое республикой в рейтинге субъектов РФ по среднедушевым доходам по состоянию на 2021 г. – 62, а по уровню бедности в топ-десятке – на 8 из 87 субъектов РФ. Если среднедушевые показатели растут, то данные по реальным денежным доходам отображают динамичное снижение – с 111 % в 2005 г. до 98 % в 2020 г.

По численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума среди субъектов СФО и ДФО в 2021 г. Бурятия находилась в тройке лидеров, а среди 11 субъектов ДФО на первом месте (рис. 1). В Республике Тыва эта группа составляла 28,2 % от общей численности населения республики, то есть почти треть жителей, в Республике Алтай – 22,4 %, в Бурятии – 19,5 % населения региона.

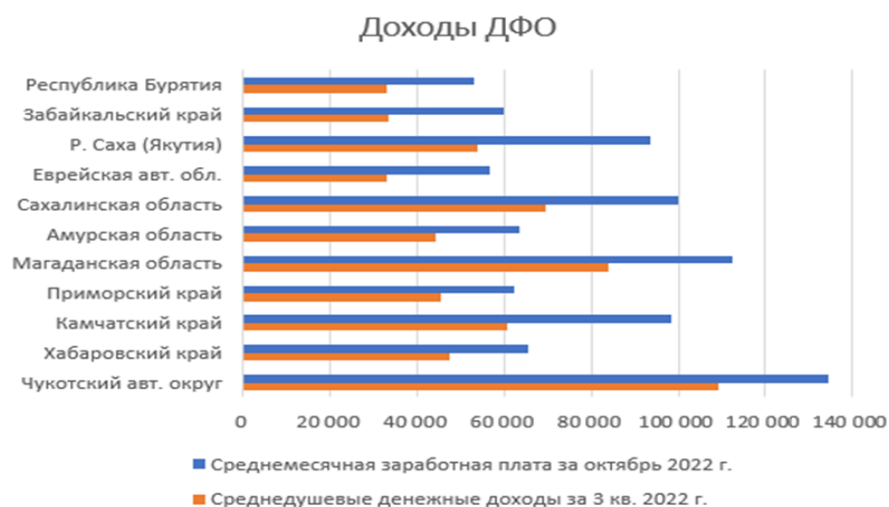

Рис. 1. Дифференциация доходов в ДФО. Источник: [2].

Высокий уровень бедности населения региона сопряжен с такими индикаторами как уровень безработицы (самый высокий в ДФО) и среднемесячная зарплата работников (самый низкий в ДФО). На рис. 2 видно, что сравнение этих показателей совсем не в пользу жителей республики. Также заметно ухудшились показатели по заболеваемости – в 2015 г. с 610,6 случаев на 1000 человек, в 2021 г. – до 769,4.

Опираясь на данные органов государственной статистики, отметим, что среднедушевые доходы населения РБ в последние несколько лет стабильно увеличиваются. Несмотря на это, по тем же данным, уровень бедности также стабильно увеличивается – если в 2013 г. за чертой бедности проживали 17,5 % населения республики, то в 2021 г. уже 19,9 % (таб.1), что почти в два раза выше среднероссийских данных (11 %).

Распределение общего объема денежного дохода по 20-процентным группам населения показывает, что группа с наименьшими доходами в Бурятии больше, а группа с наибольшими доходами меньше, чем в среднем по России (табл. 2). Причем темпы уменьшения или увеличения этих групп в Бурятии сравнительно выше среднероссийских, что, возможно, выявляет более глубокое и резкое снижение уровня жизни населения. Хотя, социальное расслоение населения становится менее выраженным, так как неравномерность распределения доходов в обществе снижается, но это касается в большей степени группы с

наибольшими доходы, где сокращение происходит интенсивнее. Это подтверждается таким показателем как коэффициент Джини, который в общем-то падает во всех субъектах федерации, но в Бурятии особенно заметно.

Рис. 2. Дифференциация бедности и безработицы в ДФО. Источник: [2].

Таблица 1

Динамика доходов населения Республики Бурятия

Год	Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума	
		тыс. чел.	%
2013	18901	169,9	17,5
2014	20710	177,5	18,2
2015	23858	185,0	18,9
2016	23723	189,7	19,3
2017	23860	186,9	19,0
2018	24105	188,0	19,1
2019	25302	197,2	20,1
2020	26222	197,2	20,0
2021	27767	196,1	19,9

Источник: [2].

Таблица 2

Распределение денежного дохода по 20% группам населения

Годы	Республика Бурятия		Российская Федерация	
	2018	2021	2018	2021
Денежные доходы - всего	100	100	100	100
в том числе по 20 % группам населения				
первая (с наименьшими доходами)	6,1	6,7	5,3	5,4
вторая	10,9	11,5	10,1	10,1
третья	15,8	16,3	15,0	15,1
четвертая	22,9	23,0	22,6	22,7
пятая (с наибольшими доходами)	44,3	42,5	47,0	46,7
Коэффициент Джини	0,378	0,359	0,414	0,409

Источник: [2; 3].

В структуре денежных доходов наибольшая доля приходится на оплату труда: за 2020 г. в РФ – 57,2 %, а в республике – 58,6 %. В октябре 2022 г. среднемесячная номинальная заработная плата в республике составила 53008 руб. – самая низкая в ДФО и значительно ниже среднего по России – 62470 руб.

Уровень жизни является показателем материальной обеспеченности людей, благодаря которой они могут удовлетворять ключевые потребности, необходимые для нормальной жизнедеятельности. Одним из показателей, отражающих перечень реализуемых потребностей, может выступать структура расходов населения [4].

Структура использования денежных доходов РФ, так же, как и в РБ существенных изменений не претерпела: в ней по-прежнему продолжают доминировать расходы на покупку товаров и оплату услуг. В РФ эта категория за 2021 г. по сравнению с 2020 г. увеличилась с 75,7 % до 80,2 % [3], а в РБ с 84,5 % до 90,2 % [2]. В процентном отношении на первом месте оказываются расходы на покупку непродоволь-

ственных товаров, где первую строчку рейтинга занимает «транспортные средства, аксессуары и ГСМ» – 12,5 %, «одежда, обувь, белье и ткани» – 8,5 %, «мебель, домашнее оборудование, предметы для ухода за домом» – 5,2 %. Треть расходов составляют продукты питания (наибольшая статья расходов в продуктовом разделе «мясо и мясные продукты» – 9,2 %, «хлеб и хлебобулочные изделия» – 5,1 %, «молоко и молочные продукты» – 4,8 %). На третьем месте по затратам составляют расходы на оплату услуг, из которых жилищно-коммунальные услуги занимают самую весомую долю среди всех расходов населения в республике и составляет 9,3 %. Затем идут «транспортные, почтовые и курьерские услуги» (4,4 %) и «информационно-коммуникационные услуги» (3,6 %). Таким образом, очевидно, что большую часть расходов населения составляют необходимые предметы жизнеобеспечения, покрывающие минимальные человеческие потребности.

В последние несколько лет осложнение политической и социально-экономической ситуации в условиях пандемии коронавируса привели к немалым трудностям, связанным с ухудшением состояния здоровья населения, сопряженное с проблемой качества и доступности социальных услуг, а также с ростом уровня бедности и, как следствие, безработицы и низкой заработной платы. Анализ статистических данных уровня жизни населения Республики Бурятия показывает ухудшение всех социальных индикаторов, приводящих к естественной убыли и миграционному оттоку населения региона. Совокупное влияние социально-экономического, политического кризиса, а также пандемии коронавируса оказали существенное влияние на жизнь общества, вызывая депопуляционные процессы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения: 25.12.2022).
2. Официальная статистика // Территориальный орган Федеральной государственной статистики по Республике Бурятия. [Электронный ресурс]. URL: <https://burstat.gks.ru/> (дата обращения: 17.01.2023).
3. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2022).
4. Уровень жизни // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/economics/text/4701319> (дата обращения: 25.12.2022).

Elena B. Bolkhosoeva, Darima A. Gabeeva, Yulia D. Dorzhonova
Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ANALYSIS OF STATISTICAL INDICATORS OF LIVING STANDARDS OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. *The article analyzes statistical indicators of the standard of living of the population of the Republic of Buryatia. The socio-economic and political crisis against the background of the coronavirus pandemic led to a natural decline, a decrease in the standard of living and an increase in the migration outflow of the region's population, as well as to an increase in poverty as a consequence of unemployment and low wages.*

Keywords: *Republic of Buryatia, population, standard of living.*

УДК 913; 332.1

Водичев Е.Г.

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск;
Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
г. Томск*

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ: ФАКТОР ТРАНСГРАНИЧНОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Аннотация. *В статье сформулированы представления о характере трансграничных территорий, текущих рисках и ограничениях трансграничных взаимодействий в азиатской части России. Дана интерпретация фактора трансграничности. В качестве методологической основы междисциплинарного исследования трансграничных территорий предлагается использовать геосистемный подход, базирующийся на представлениях об интегрированных природно-антропогенных системах.*

Ключевые слова: *Азиатская часть России, трансграничные регионы, трансграничные взаимодействия, геосистемный подход, парадигма междисциплинарных исследований.*

Постановка задачи. В последние годы происходит явное возрастание интереса к анализу социально-экономических, социокультурных, демографических и политических процессов на трансграничных территориях с выделением различных драйверов и риск-факторов их развития. В этой связи в силу геополитических обстоятельств особое внимание привлекают регионы азиатской части Северной Евразии, где сходятся границы нескольких государств, каждая из которых отличается высокой степенью социально-экономического и социокультурного своеобразия.

Представляется, что предпосылкой формирования стратегий регионального развития, ориентированных на капитализацию фактора трансграничности и оптимизацию трансграничных взаимодействий, должно стать комплексное изучение совокупности природных и связанных с антропогенным воздействием детерминант. В этой связи особую актуальность приобретает исследование природно-цивилизационных факторов, связывающих азиатскую часть России с её соседями – Казахстаном, Китаем, КНДР и Монголией. Соответственно, цель данной работы двояка: выделить текущие риск-факторы и ограничения трансграничных взаимодействий, а также сформулировать методологические основания, позволяющие сформировать платформу для их комплексного исследования и понимания векторов взаимодействий в трансграничных регионах.

Результаты. Несомненно, осознание значимости трансграничья как фактора регионального развития должно дать импульс развитию эколого-экономических и социокультурных взаимодействий на сопредельных территориях. Однако пока теория расходится с практикой, и глубина интеграции остаётся незначительной. Это объясняется, на наш взгляд, рядом причин, определяющих текущие пределы трансформаций приграничных территорий в регионы эффективных трансграничных взаимодействий.

Во-первых, возможности и компетенции региональных властей в сфере трансграничных взаимодействий часто ограничены условным центром в силу понимания геополитических и геоэкономических интересов государства.

Во-вторых, и у «центра», и на периферии у субъектов экономической и социокультурной деятельности и институтов управления зачастую отсутствует представление о дихотомии контактных и барьерных функций границы в контексте трансграничных взаимодействий и о потенциале трансграничности как факторе социально-экономического развития [1]. Применительно к востоку РФ такая схема в общих чертах была операционализирована нами ранее [2; 3].

В-третьих, проблемой является сложившийся далеко неоптимальный подход к «разделяемым трансграничным ресурсам», несмотря на то, что концепт таких ресурсов поддержан Программой ООН по окружающей среде. Зачастую управление и использование части общего ресурсного потенциала осуществляется, исходя из принципов «государственного эгоизма». Это формирует предпосылки для возникновения экономических и экологических противоречий, хорошо прослеживаемых в трансграничных речных бассейнах на востоке России (см., например, [4]).

В-четвертых, проблемой является отсутствие эффективных стратегий взаимодействия власти и общества, а также экономических и социокультурных акторов в трансграничных регионах. Существующие механизмы таких взаимодействий далеко не оптимальны. Это приводит к обилию «институциональных ловушек», в которые попадают субъекты экономической деятельности в трансграничных регионах [5].

В-пятых, там, где элементы таких стратегий всё же имеются, явно доминируют механизмы государственного регулирования. Прочие инструменты используются мало и не лучшим образом. В этой связи справедливо мнение, что в приложении к разделяемым ресурсам ни государство, ни субъекты рынка по отдельности не способны в долгосрочной перспективе обеспечить их продуктивное использование. В то же время, по авторитетному мнению Э. Острём, мировой опыт показывает, что «на практике общественные и частные институты не существуют в изолированных мирах, а часто бывают смешанными и зависят друг от друга» [6].

Выводы. Трансграничные взаимодействия с регионами стран-соседей на востоке РФ до сих пор не стали значимым драйвером регионального развития. Как представляется, одной из важнейших причин этого является недооценка фактора трансграничности субъектами власти и управления.

Во многом это связано со сложившейся центростремительной конфигурацией власти и с лакунами в области научного обеспечения экономической, социокультурной и управленческой деятельности в трансграничных регионах. Оставив за рамками текущих рассуждений первую проблему, отметим, что вторая во многом коренится в отсутствии понимания комплексного характера интегрированных трансграничных гео- и экосистем, базирующихся на общности природных комплексов и/или цивилизационных детерминант. В силу своего специфического характера процессы, происходящие в трансграничном пространстве, требуют междисциплинарных подходов, но в настоящее время они во многом исследуются в рамках традиций отдельных научных дисциплин. Формирование общей исследовательской парадигмы становится трудноразрешимой задачей для специалистов, занимающихся анализом отдельных аспектов социально-

экономического, этнокультурного и т.д. взаимодействия на приграничных территориях. В особенности часто это происходит тогда, когда возникает задача обеспечения коллабораций представителей естественных и общественных и гуманитарных наук, у которых, как правило затруднено взаимопонимание и отсутствует «общий язык».

Представляется, соответственно, что в концептуальном смысле ключевой задачей становится формирование научного «метаязыка», выражающего единую междисциплинарную парадигму для исследования трансграничных территорий, и способного обеспечить синергетический эффект за счет комплексирования инструментария различных наук. На наш взгляд, такая интегративная методология может быть построена на основе географических концептов, в частности, с использованием геосистемного подхода и базирующихся на ней разработок о международных трансграничных территориях, представляющих из себя природно-антропогенные системы, включающие в свой состав природно-ресурсный потенциал геосистем, а также типы его хозяйственного использования [7; 8]. Детализация такой парадигмы представляет собой особую исследовательскую задачу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Martinez O.J. The Dynamics of Border Interaction. New Approach to Border Analysis // Schofield C.H., (ed.) World Boundaries. Vol. 1. Global Boundaries. London, New York: Routledge, 1994. Pp. 1-5.
2. Водичев Е.Г. Российско-казахстанское приграничье: возможности институциональных трансформаций и перспективы формирования трансграничных регионов // Известия АО РГО. 2018. № 1 (48). С. 6-16.
3. Vodichev Evgeny, Glazyrina Irina, Krasnoyarova Bella Transboundary Cooperation on the East of Russia: Regional Development and Institutional Bottlenecks // Journal of Geography, Politics and Society. Vol. 6 (2016), Iss. 2. S. 13-20.
4. Современные трансформационные процессы в регионах Большого Алтая / отв. ред. Ю.И. Винокуров. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 247 с.
5. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. 2010. № 2 (28). С. 3-14.
6. Острём Э. Управление общим. 1990. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1046594/9/Ostrom_-_Upravlenie_obschim.html (дата обращения: 23.01.2023).
7. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Понятия и типы приграничных и трансграничных территорий // Изв. РАН. Серия геогр. 2004. № 4. С. 27-34.
8. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 14.

Evgeniy G. Vodichev

*Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk;
National Research Tomsk State University, Tomsk*

CROSS-BORDER TERRITORIES: THE FACTOR OF TRANSBORDERNESS IN REGIONAL DEVELOPMENT ON THE EAST OF RUSSIA

Abstract. *The author formulates ideas about the nature of cross-border territories and the current risks and limitations of cross-border interactions in the Asian part of Russia. The interpretation of the transboundary factor is provided in the paper. As a methodological basis for the interdisciplinary study of cross-border territories, it is proposed to use a geosystem approach based on the concept of integrated natural-anthropogenic systems.*

Keywords: *Asian part of Russia, cross-border regions, cross-border interactions, geosystem approach, interdisciplinary research paradigm.*

УДК 910.1:324

Диденко Д.Ю.¹, Михеева Н.М.^{2,3}

¹*Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург*

²*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

³*Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург*

ДИНАМИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы территориальной электоральной поляризации территории Республики Бурятия по результатам выборов главы Республики Бурятия в 2017-2022 гг. При оценке динамики пока-*

зателей использовался пространственно-временной корреляционный анализ площадных единиц на уровне городских округов и муниципальных районов. Расчет индекса Морана позволил выявить тенденцию к образованию статистически значимых кластеров изменений результатов в пределах Иволгинского и Тарбагатайского районов и городского округа Улан-Удэ и незначительных в пределах Кяхтинского района.

Ключевые слова: *электоральная география, Республика Бурятия, дифференциальный индекс Морана, электоральная поляризация, результаты региональных выборов.*

Проблематика территориальной электоральной поляризации в российской политической географии только начинает разрабатываться. Это можно увязать с двумя факторами. Во-первых, начиная с середины 2000-х гг. электоральная география России претерпела существенные трансформации, приведшие к исчезновению так называемые «красного пояса», где наибольшую поддержку получали левые силы [1]. Это сняло актуальность проблемы разделения страны на электорально-географические макрорегионы, что напрямую связано с формированием в России партийной системы с доминирующей партией, существующей и по сей день. Во-вторых, методы квантификации территориальных структур стали набирать популярность в российской политической географии относительно недавно [2].

В настоящей статье под территориальной электоральной поляризацией понимается процесс образования двух и более гомогенных с точки зрения поведения избирателей регионов. И если электоральная поляризация сама по себе может способствовать политической конкуренции, то в своей географической форме она представляется более деструктивным явлением, так как формирование территориальных баз электоральной поддержки при ожесточении политической борьбы может привести к серьезным социальным расколам.

Рассмотрение данного процесса только через призму страновых случаев чревато игнорированием региональных политических сюжетов, в том числе и в национальных республиках. В 2017 г. в Бурятии произошла смена руководителя региона. Вместо В.В. Наговицына главой республики стал А.С. Цыденов, набравший 87,43 % голосов [3]. А.С. Цыденов первоначально не имел собственной команды и не был связан с политическими элитами региона [4]. Если к моменту проведения выборов Президента России и Народного Хурала новый глава региона смог наладить диалог с представителями оппозиции, то к моменту проведения выборов мэра Улан-Удэ, где проживает около половины жителей региона, борьба вновь обострилась. В рамках электорального цикла 2016-2019 гг. некоторые исследователи рассматривают избирательную кампанию мэра как апогей политического противостояния в республике, закончившегося не самой уверенной победой кандидата от «Единой России» И.Ю. Шутенкова и митингом против итогов выборов, организованном активистами, поддерживавшими кандидата от КПРФ В.М. Мархаева [5]. К моменту очередных выборов главы Республики Бурятия также прошло общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в российскую Конституцию и выборы в Государственную думу, проходившие в условиях пандемии коронавируса.

Таким образом, начиная с 2016 г. Бурятия проходила через избирательные кампании той или иной степени напряженности, что, на наш взгляд, должно было так или иначе отразиться на росте уровня электоральной поляризации, которая особенно ярко должна проявиться на выборах главы региона по следующим причинам, имеющим структурный характер: 1) важность контроля наиболее значимого в республике поста; 2) использование мажоритарной избирательной системы, в рамках которой победитель получает все, что приводит к обострению политической борьбы; 3) в рамках региональных кампаний значение республиканского электората на порядок выше, чем на федеральных выборах. Кроме того, республика неоднородна не только по распределению этнических групп, но и по уровню социально-экономического развития – факторов, которые, как показывают более ранние работы, традиционно влияют на электоральное поведение [6].

Для оценки динамики территориальной электоральной поляризации использовался пространственно-временной корреляционный анализ. В качестве площадных единиц использовались городские округа и муниципальные районы республики. Для расчета матрицы пространственных весов было выбрано соседство по смежности по правилу ферзя. В качестве зависимой переменной использовался процент голосов, поданных за А.С. Цыденова [7].

Использование дифференциального индекса Морана, измеряющего пространственную автокорреляцию, позволило оценить, имеется ли кластеризация объектов (в данном случае, электоральных предпочтений) или они распределены разбросанно, или случайно [7]. Расчеты индекса Морана показывают статистически значимое на 5 % уровне значение индекса 0,22 (рис. 1). Значение индекса изменяются в диапазоне от -1 до +1, где -1 означает тенденцию к полному рассредоточению, а +1 – идеальную группировку. Коэффициент в 0,22 означает, что результаты А.С. Цыденова имеют тенденцию к группировке. Итоги расчета локального индекса пространственно-временной корреляции (который показывает, какие именно

территориальные ячейки демонстрируют тенденцию к кластеризации) демонстрируют тенденцию к образованию статистически значимых кластеров значительных изменений результатов в пределах Иволгинского и Тарбагатайского районов и городского округа Улан-Удэ и незначительных в пределах Кяхтинского района. Данные электоральной статистики показывают, что поддержка действующего главы в пределах Улан-Удэ действительно снизилась с 88,8 % в 2017 г. до 82,97 % в 2022 г. Можно предположить, что в пределах столицы республики и ее агломерации имеются собственные паттерны электорального поведения избирателей, что говорит о поляризации по расколу «город – село». Несмотря на то, что измеренная тенденция к территориальной электоральной поляризации невысока (как и разброс результатов выборов главы региона), результаты исследования демонстрируют, что в Республике Бурятия наблюдаются процессы территориальной концентрации высоких и низких результатов. Данные тенденции объясняются скорее изменением предпочтений избирателей, чем мерами административного характера. По мнению авторов, это требует проведения в будущем подобных исследований на материале других регионов.

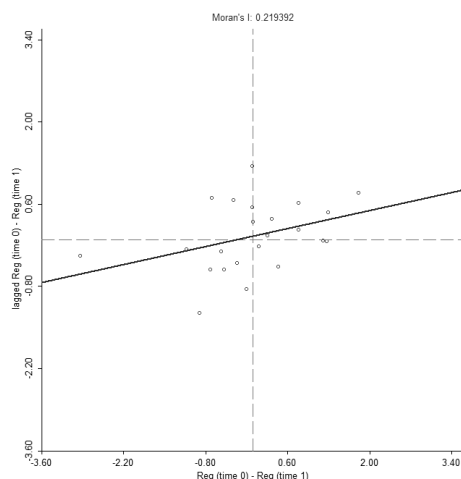

Рис. 1. Дифференциальная диаграмма рассеяния Морана пространственной автокорреляции результатов А.С. Цыденова на выборах главы Республики Бурятия в 2017-2022 гг. (расчеты авторов по данным [3])

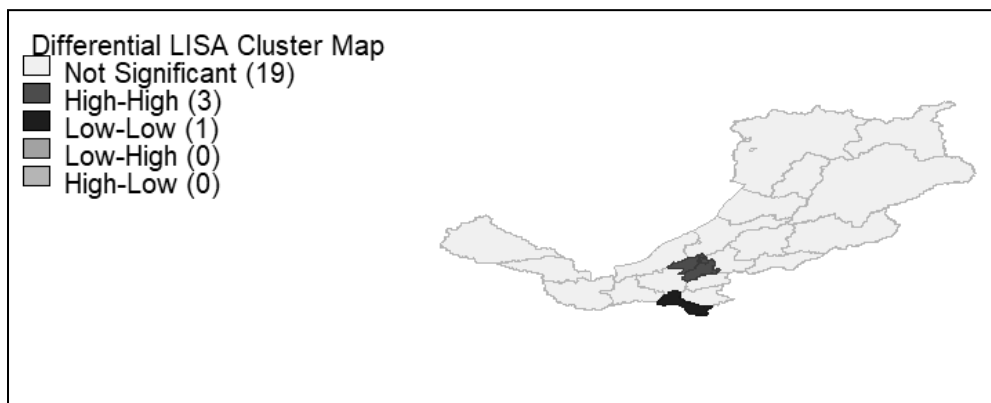

Рис. 2. Картограмма кластеров локальных индикаторов пространственно-временной корреляции результатов А.С. Цыденова на выборах главы Республики Бурятия в 2017-2022 гг. (расчеты авторов по данным [3])

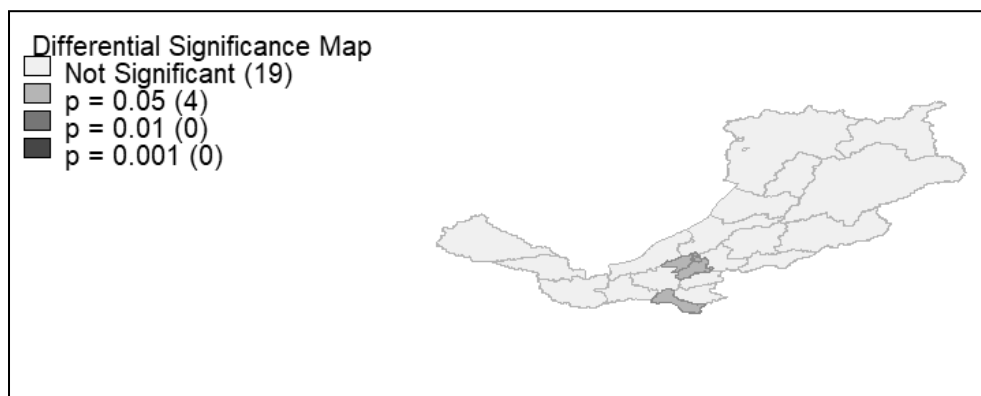

Рис. 3. Картограмма значимости локальных индикаторов пространственно-временной корреляции результатов А.С. Цыденова на выборах главы Республики Бурятия в 2017-2022 гг. (расчеты авторов по данным [3])

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция // Полис. Политические исследования. 1996. № 4. С. 33-46.
2. Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа: моногр. / И.Ю. Окунев. М.: Аспект Пресс, 2020. 255 с.
3. Цыденов вступил в должность главы Бурятии // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170922/1505290152.html> (дата обращения: 10.01.2023).
4. Анисимов И.В., Комбаев А.В. Особенности функционирования регионального политического режима в Республике Бурятия // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т. 14. № 1. С. 97-101.
5. Будаев Б.С., Бадмацыренов Т.Б. Политические партии и «длинный» электоральный цикл в Республике Бурятия 2016-2019 гг. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 48-58.
6. Раднаев Б.Л., Данзанов Е.С. Электорально-географические различия в политических предпочтениях и факторы голосования в Республике Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Биол., Геогр. 2009. № 4. С. 46-50.
7. Выборы и референдумы // Избирательная комиссия Республики Бурятия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buriat.vybory.izbirkom.ru/region/buriat> (дата обращения: 26.01.2023).

Dmitry Yu. Didenko¹, Natalia M. Mikheeva^{2,3}

¹European University at St. Petersburg, Saint Petersburg

²St. Petersburg State University, Saint Petersburg

³North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg

DYNAMICS OF TERRITORIAL ELECTORAL POLARIZATION IN REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. *The article deals with the issues of territorial electoral polarization of the territory of the Republic of Buryatia according to the results of the elections of the head of the Republic of Buryatia in 2017-2022. When assessing the dynamics of indicator was used spatial-temporal correlation analysis of area units at the level of urban districts and municipal districts, when calculating the matrix of spatial weights. The calculation of the Moran index made it possible to identify a tendency to form statistically significant clusters of changes in results within the Ivolginsky and Tarbagataysky districts and the urban district of Ulan-Ude and insignificant within the Kyakhta district.*

Keywords: *Electoral geography, Republic of Buryatia, Moran differential index, electoral polarization, results of regional elections.*

УДК 314.01/913.1/913.8

Иванова С.Н.

Байкальский институт природопользования СО РАН,

г. Улан-Удэ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. *В статье рассматривается демографическая динамика геополитически значимых территорий России в постсоветский период. Раскрываются основные факторы демографического развития регионов Азиатской России. Материалом для статьи послужили статистические данные Федеральной службы государственной статистики и материалы трех переписей населения (1989, 2010, 2021 гг.). Проведенный анализ демографического развития Азиатской России может быть использован для разработки программ по стимулированию социально-экономического развития регионов, формированию привлекательности территории для инвестирования и проживания.*

Ключевые слова: *демографическая динамика, регионы Северной Азии; депопуляция; геополитически значимые территории.*

Кардинальные изменения условий жизни в начале 1990-х годов оказали огромное на протекающие в обществе демографические процессы. Для территорий Азиатской России этот период трансформаций стал особенно значимым. Как известно, динамика численности населения, проживающего на территории Азиатской России зависела от государственной политики освоения, проводимой первоначально царской Россией, а в последующем и Советским Союзом. Реализация крупнейших проектов общегосударственного значения по развитию топливно-энергетического комплекса, добывающей и обрабатывающей промышленности, транспортной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока, строительство БАМ стимулировало приток мигрантов из других частей страны и, соответственно, рост численности местного населения.

[2; 5; 6]. Для привлечения населения в данные районы страны создавались специальные условия, но главными стимулами выступали высокая оплата труда и льготы. Большинство жителей, приезжавших на территории Сибири и Дальнего Востока, рассматривали свое пребывание там как временное состояние. После завершения советского периода истории страны эти территории стали испытывать трудности, так как большинство преференций перестало действовать, что привело к массовой миграции. Свертывание программ хозяйственного освоения в 1990-е гг. отразилось на деятельности индустриальных центров, созданных здесь за прошедшие годы. Качественно новые характеристики приобрели и демографические процессы.

Тенденции социально-экономического развития, динамики демографических процессов Азиатской России являются объектом научного интереса исследователей, поскольку экономическое благополучие страны во многом определялось успехами в освоении топливно-энергетических, минеральных, лесных и водных биоресурсов. Исследование демографической динамики указанных территорий особенно актуально, поскольку требует тщательного изучения развития демографического потенциала, специфики воспроизводственных и миграционных процессов в ретроспективе для достижения стратегических целей подьёма Сибири и Дальнего Востока, определенных как национальный приоритет на весь XXI век.

Демографическая динамика в широком смысле – это изменение всей системы показателей воспроизводства и миграции населения [7].

Особо значимыми с точки зрения геополитических интересов страны являются территории приграничных регионов Азиатской России. Внешняя государственная граница проходит через территории республик Алтай, Бурятия, Тыва, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Курганскую, Челябинскую, Тюменскую, Новосибирскую, Амурскую, Сахалинскую и Омскую области, Еврейскую автономную область, а также Чукотский автономный округ (АО).

С момента освоения Сибири и Дальнего Востока основным каналом роста населения была внутренняя миграция. В исследованиях отмечается, что в период с 1960 по 1980 г. численность населения Сибири выросла на 4,9 млн чел., а Дальнего Востока – на 2,6 млн чел., или на 25,5 и 48,7 % (РСФСР – на 16,7 %) [2].

Ускоренное развитие в 1960-1989 гг. топливно-энергетического комплекса, добывающей и обрабатывающей промышленности, транспортной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока, строительство БАМ и государственная политика стимулирования миграционных потоков, с использованием различных форм материального и нематериального поощрений, обеспечили высокие темпы роста численности населения. В современных реалиях миграция по-прежнему является определяющей в демографическом развитии на указанных территориях, но с противоположным значением, поскольку стала причиной уменьшения численности населения.

Анализ статистических данных Федеральной службы государственной статистики и материалов Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2010 и 2021 гг. итогов переписей населения свидетельствует том, что в целом за период 1989-2021 гг. население Сибирского федерального округа (в границах 2019 г.) сократилось на 1,862 млн чел. (9,98 %), Дальневосточного федерального округа – на 1,677 млн чел. (17,37 %). [9; 10; 11]. В период 2010-1989 гг. процессы депопуляции населения имеют более выраженный характер, чем за период 2021-2010 гг. Население Сибири с 1989 по 2010 гг. сократилось на 1,477 млн чел. (7,92 %), Дальнего Востока на 1,280 млн чел. (13,27 %), а за период 2010-2021 г. – на 384,3 тыс. чел. (2,24 %) и 396,28 тыс. чел. (4,73%).

За межпереписной период 1989-2010 гг. на территории 19 из 21 регионов Сибири и Дальнего Востока наблюдалось сокращение численности населения, прирост зафиксирован лишь в Республике Алтай и Томской области. За период 2010-2021 гг. сокращение численности населения отмечено на 13 территориях, рассматриваемых регионов. *Прирост населения зафиксирован в национальных республиках (Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия, Саха (Якутия))*, Красноярском крае, Новосибирской, Томской областях (благодаря городам-миллионерам, научно-образовательному, студенческому центру Сибири и Дальнего Востока). Население Чукотки сократилось в 3,5 раза, Магаданская область потеряла более половины населения, на Сахалине и Камчатке отмечается убыль более трети населения.

Анализ показателей рождаемости показывает, что лишь в Республиках Тыва и Алтай показатель суммарного коэффициента рождаемости (СКР) выше уровня простого воспроизводства и ли близко к нему (2,971 и 2,086). В 2020 г. в 21 регионе Азиатской России показатель СКР выше среднероссийского уровня (1,505), в Алтайском, Красноярском краях, Кемеровской, Омской, Томской Амурской областях – ниже среднероссийского уровня. В 20 регионах Азиатской России общий уровень смертности превышает среднероссийский показатель.

Динамика численности населения Сибирского и Дальневосточного федеральных округов*

Территории	Население, тыс. чел.			Прирост/убыль (-), в %			Прирост/убыль (-), тыс. чел.		
	1989	2010	2021	1989-2010	2010-2021	1989-2021	1989-2010	2010-2021	1989-2021
Сибирский и Дальневосточный федеральный округа	28308,0	25549,6	24769,0	-9,74	-3,06	-12,50	-2758,42	-780,58	-3539,00
Сибирский федеральный округ**	18655,0	17177,3	16793,0	-7,92	-2,24	-9,98	-1477,70	-384,30	-1862,00
Республика Алтай	191,0	206,2	210,9	7,94	2,30	10,42	15,17	4,73	19,90
Республика Тыва	308,0	307,9	336,7	-0,02	9,34	9,32	-0,07	28,77	28,70
Республика Хакасия	567,0	532,4	534,8	-6,10	0,45	-5,68	-34,60	2,40	-32,20
Алтайский край	2631,0	2419,8	2163,7	-8,03	-10,58	-17,76	-211,25	-256,06	-467,30
Красноярский край	3039,0	2828,2	2857,0	-6,94	1,02	-5,99	-210,81	28,81	-182,00
Иркутская область	2825,0	2428,8	2370,1	-14,03	-2,41	-16,10	-396,25	-58,65	-454,90
Кемеровская область	3171,0	2763,1	2600,9	-12,86	-5,87	-17,98	-407,87	-162,24	-570,10
Новосибирская область	2779,0	2665,9	2797,2	-4,07	4,92	0,65	-113,09	131,29	18,20
Омская область	2142,0	1977,7	1858,8	-7,67	-6,01	-13,22	-164,34	-118,87	-283,20
Томская область	1002,0	1047,4	1062,7	4,53	1,46	6,06	45,39	15,31	60,70
Дальневосточный федеральный округ**	9653,0	8372,3	7976,0	-13,27	-4,73	-17,37	-1280,72	-396,28	-1677,00
Республика Бурятия	1038,0	972,0	978,6	-6,36	0,68	-5,72	-65,98	6,58	-59,40
Республика Саха (Якутия)	1094,0	958,5	995,7	-12,38	3,88	-8,99	-135,47	37,17	-98,30
Забайкальский край	1375,0	1107,1	1004,1	-19,48	-9,30	-26,97	-267,89	-103,01	-370,90
Камчатский край	472,0	322,1	291,7	-31,76	-9,43	-38,20	-149,92	-30,38	-180,30
Приморский край	2256,0	1956,5	1845,2	-13,28	-5,69	-18,21	-299,50	-111,30	-410,80
Хабаровский край	1598,0	1343,9	1292,9	-15,90	-3,79	-19,09	-254,11	-50,99	-305,10
Амурская область	1050,0	830,1	766,9	-20,94	-7,61	-26,96	-219,90	-63,20	-283,10
Магаданская область	392,0	157,0	136,1	-59,95	-13,31	-65,28	-235,00	-20,90	-255,90
Сахалинская область	710,0	498,0	466,6	-29,86	-6,30	-34,28	-212,03	-31,37	-243,40
Еврейская автономная область	214,0	176,6	150,5	-17,50	-14,76	-29,67	-37,44	-26,06	-63,50
Чукотский автономный округ	164,0	50,5	47,5	-69,19	-5,99	-71,04	-113,47	-3,03	-116,50

* Рассчитано автором по результатам Всесоюзной переписи 1989 г., Всероссийских переписей 2010 и 2020 г.

** - в границах 2019 г.

Различные факторы влияют на миграцию, в числе которых экономические, политические, социальные, демографические и др. Важное значение имеет группа природно-климатических факторов. В исследованиях [5] было доказано, что фактор географического положения оказывается более значимым, нежели социально-экономические параметры рыночной природы. Чем дальше от центра, восточнее и севернее расположен регион, тем выше его миграционные потери, а чем ближе к центру, южнее и западнее – тем выше его миграционный прирост.

Миграция на территориях Азиатской России связана с перераспределением трудовых ресурсов. Распространенным типом миграционного обмена является переселение сельских жителей, чему способствует развитые городская и социальная инфраструктуры, система здравоохранения, наличие рабочих мест, в том числе активно распространяющиеся вахтовые методы. Кроме того, население пенсионного возраста мигрирует в регионы с более благоприятными климатическими условиями. В числе основных причин сокращения численности населения рассматриваемых территорий является суровые природно-климатические условия, относительно низкое качество жизни, высокие транспортные расходы, стоимость жилья, услуг ЖКХ и продовольствия [1; 3; 4]. Действие факторов на миграцию населения в регионах Азиатской России имеет комплексный характер, что определяет необходимость рассмотрения их не изолированно, а во взаимодействии и системе.

Исследования демографической динамики территорий Северной Азии могут быть востребованы при разработке программ социально-экономического и пространственного развития территорий [8]. Проведенный анализ демографического развития Азиатской России может быть использован для разработки программ по стимулированию социально-экономического развития регионов, формированию привлекательности территории для инвестирования и проживания.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН Проект № АААА-А21-121011590039-6 (0273-2021-0003)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дагбаева С.Д.-Н. Территориальные проблемы развития социальной инфраструктуры // *Фундаментальные исследования*. 2019. № 4. С. 38-42.
2. Дашинамжилов О.Б. К вопросу об особенностях демографического развития Сибири и Дальнего Востока в 1965-1989 годах // *Историческая демография*. 2016. № 2 (18). С. 26-30.
3. Иванов С.Н. Общественное здоровье и развитие здравоохранения в регионах России // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021. Т. 13, № 2. С. 47-63. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-2-47-63.
4. Исупов В.А. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.) Новосибирск, 2017.
5. Корель И.И., Корель Л.В. Современные контрасты межрегиональной миграции в России // *Регион: экономика и социология*. 2014. № 2 (82). С. 137-154.
6. Рыбаковский Л.Л., Савинков В.И., Кожевникова Н.И. Демографическое развитие азиатской России в XX–XXI веках: оценка результатов // *Социологические исследования*. 2018. № 11 (415). С. 64-74. DOI 10.31857/S013216250002786-7.
7. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Демографическая динамика регионов России и её компоненты в 1959-2017 гг. // *Народонаселение*. 2019. Т. 22, № 1. С. 4-20. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00001.
8. Тулохонов А.К. Как сохранить географическое пространство Азиатской России? // *ЭКО*. 2018. № 10 (532). С. 7-25.
9. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц. Итоги Всесоюзной переписи 1989 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php
10. Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 1. Численность и размещение населения [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
11. Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 1. Численность и размещение населения [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Sembrika N. Ivanova

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORIES OF ASIAN RUSSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD

Abstract. *The article deals with the demographic dynamics of the geopolitically significant territories of Russia in the post-Soviet period. The main factors of the demographic development of the regions of Asian Russia are revealed. The material for the article was the statistical data of the Federal State Statistics Service and the materials of three population censuses (1989, 2010, 2021). The analysis of the demographic development of Asian Russia can be used to develop programs to stimulate the socio-economic development of the regions, to form the attractiveness of the territory for investment and living.*

Keywords: *demographic dynamics, regions of North Asia; depopulation; geopolitically significant territories.*

**ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ МАЛЫХ ГОРОДОВ В ПРИГРАНИЧНЫХ С БЕЛОРУССИЕЙ РЕГИОНАХ
РОССИИ: ПЕРЕЧИТЫВАЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ РАБОТЫ Г.М. ЛАППО**

Аннотация. В статье рассмотрены современные проблемы малых городов приграничных с Республикой Беларусь регионов России. Отмечается что помимо традиционного демографического вызова, появились новые, препятствующие их экономическому развитию. Неоиндустриализация требует качественно нового человеческого капитала, которым большинство малых городов не располагают. Акцент делается на георурбанистических идеях Г.М. Лаппо, которые сохранили актуальность до нашего времени.

Ключевые слова: малый город, неоиндустриализация, депопуляция, токсичность столичных регионов, демографическая устойчивость, Г.М. Лаппо.

Российско-белорусское приграничье – особый регион Союзного государства России и Республики Беларусь, поскольку на него возложена роль скрепы. С российской стороны в него входят Псковская, Смоленская и Брянская область. Занимая относительно небольшую по меркам Российской Федерации площадь территории (140,1 тыс. км²) и обладая небольшой численностью населения (2,66 млн чел) регион играет важную геополитическую роль и все его субъекты согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» носят статус геостратегических территорий. Согласно данной Стратегии в регионе только Псков относился к перспективным центрам экономического роста субъектов Российской Федерации, которые обеспечат вклад в экономический рост Российской Федерации от 0,2 % до 1 % ежегодно. В регионе отсутствовали перспективные центры экономического роста, в которых сложились условия для формирования научно-образовательных центров (НОЦ) мирового уровня. Не было здесь и наукоградов. Происходит снижение роли региона в экономической жизни страны. Если в 2001 г. на три российских приграничных с Республикой Беларусь региона приходилось 1,2 % ВРП страны, то в 2020 г. – только 1,0 %. [1, с. 5]. Как отметила К.А. Морачевская «Хотя российско-белорусская граница – единственная на постсоветском пространстве, на которой практически никогда не было пограничного контроля, и которая почти с первых лет после распада СССР была интеграционной, приобретение ею статуса государственной сыграло заметную роль в усугублении периферийного характера приграничных районов обеих стран, особенно явственного с российской стороны. Все три области, граничащие с Беларуссией, относятся к числу депрессивных» [2, с. 431]. Исследование экономической ситуации приграничных регионов Запада России, показало, что, несмотря на минимальные барьеры трансграничного взаимодействия, приграничные с Беларуссией регионы России оказались самым «слабым звеном» всего Западного порубежья страны [3]. Главным вызовом для успешного развития региона стала демографическая ситуация, активная депопуляция. В староосвоенной части Европейской России нет регионов с большими демографическими потерями за последние тридцать лет, чем приграничный с Республикой Беларусь. По сравнению с 1990 г. к октябрю 2021 г. численность населения Брянской области уменьшилась на 20,5 %. Смоленской – на 23,3 %, Псковской – на 29,0 %. За Псковской областью закрепился «статус» столицы российской депопуляции. Депопуляция охватила все типы поселений. Единственный городской населенный пункт в порубежье с Республикой Беларусь, где выросло население – поселок городского типа Навля в Брянской области.

По состоянию на 01.01.2023 г. в регионе насчитывалось 45 городов и 47 поселков городского типа (пгт), Система городов включала два крупных (Смоленск и Брянск), один большой (Псков), три средних (Великие Луки, Клинцы и Вязьма). Однако большая часть городов по официальным классификаторам относилась к малым городам. Статус малых городов в последние двадцать лет обрели три бывших средних города Смоленской области (Рославль, Ярцево и Сафоново). Если общее число городов в приграничье с 2002 по 2022 гг. не изменилось, то число малых городов даже выросло.

Официально к малым городам в соответствии с Градостроительным Кодексом Российской Федерации от 1998 г. и Сводом правил по градостроительству относятся города с населением менее 50 тыс. чел.^{22,23}

²² Градостроительный кодекс РФ от 7 мая 1998 г. №73-ФЗ Глава I. Общие положения (ст.ст. 1 - 6). Статья 5. Типы поселений Российской Федерации (СП 42.13330.2016)». [Электронный ресурс]. URL: (<https://docs.cntd.ru/document/456054209>).

²³ Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. СНиП 2.07.01-89. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209>

Однако для регионов с развитой сетью малых городов практическое значение при их изучении имеет группировка Росстата, согласно которой принято выделять малые города с населением менее 3000 чел., города с численностью населения 3000-4999 чел., с численностью населения 5000-9999 чел., города с населением 10000-19999 чел., города с населением 20000-49999 чел. Последние иногда называют полусредними. Впервые эту группу еще в 1955 г. выделил Л.Л. Трубе [4]. Позднее её выделяли В.Г. Давидович, Г.М. Лаппо Б.С. Хорев и др. [5; 6; 7] По мнению А.В. Беловой, которой выполнен детальный обзор исследований по полусредним городам, этим городским населенным пунктам отводится особая роль в региональном развитии [8]. В приграничных с Республикой Беларусь регионах России все полусредние города выполняют межрайонную роль, поэтому выделение их в особую группу, среди малых городов, вполне закономерно. Полусредние города выступают в качестве межрайонных центров. Однако их устойчивость, как и городов с меньшим населением, зависит от функций и географического положения. Размер не стал гарантом незначительной депопуляции. Рославль, Сафоново, Ярцево, Десногорск, Дятьково за последние двадцать лет потеряли более 20 % численности населения, Остров, Унеча более 15 %. Новозыбков чуть более 10 %. И лишь население Гагарина сократилось менее 10 %.²⁴ В межпереписной период группу полусредних городов покинул Карачев.

В Псковской области остался всего один полусредний город (Остров). В Смоленской области наиболее развитая сеть таких городских населенных пунктов. Помимо недавних средних городов (Рославль, Ярцево и Сафоново) в группу входят Гагарин, Десногорск. В Брянской области критериям полусреднего города отвечают Новозыбков, Дятьково и Унеча. При существующих тенденциях динамики численности населения категорию полусредних городов к следующей переписи населения может покинуть Остров.

Из 39 малых городов, самой многочисленной группа с населением от 5000 до 9999 чел. Если в 2002 г. таких городов в регионе было 14, то двадцать лет спустя – 16. Более устойчива в демографическом отношении система городов в Брянской области. Однако при сохранении темпов депопуляции можно ожидать переход городов в группы с меньшей численностью населения. В Псковской области происходит централизация населения вокруг Пскова и Великих Лук и лакунизация территорий, как между ними, так и между Псковом и Великим Новгородом. Самая масштабная депопуляция с 2002 по 2021 гг. наблюдалась на востоке области (Порхов, Дно, пгт Дедовичи) и в городах Центральной части области (Новоржев, Пустошка, Опочка, Невель, Новосokolьники). Пустошка, Новоржев могут в ближайшие 10 лет перейти в категорию мельчайших городов с населением менее 3000 чел., Печоры из группы 10000-19999 могут перейти в группу городов с численностью 5000-9999 чел. Остров из категории полусредних городов перейти в группу с населением 10000-19999 чел. Подобная демографическая деградация вызывает особую озабоченность.

К малым городским населенным пунктам относятся и поселки городского типа. В отличие от малых городов их число с 2002 по 2021 гг. сократилось с 57 до 47. Статус городских поселений потеряло десять населенных пунктов. В том числе по пять в Брянской области и Смоленской области. Причем среди бывших пгт, «разжалованных» в сельские поселения в Смоленской области было два действующих районных центра.

В Псковской области, где имела место наиболее масштабная депопуляция, число городов и поселков городского типа не изменилось. При значительном разнообразии по размерам и функциям для многих малых городов характерен симбиоз городского и сельского образа жизни, сельской и городской застройки. Среди значимых вызовов росту малых городов, как правило, выступает их отставание от больших по численности населения городов по степени благоустройства. Это объективно не способствует attractiveness малых городов для молодежи.

Однако главный фактор городской динамики – функции. В городах, где имеется более диверсифицированный рынок труда и несколько успешных в экономическом отношении предприятий, где могут предоставить интересную более высоко оплачиваемую работу, масштабы сокращения меньше. Вместе с тем, наличие одного крупного градообразующего предприятия не гарантирует стабилизации численности населения. В Десногорске, где расположена Смоленская АЭС, население по сравнению с 2002 г. сократилось на 20,1 %, в Дедовичах, где действует Псковская ГРЭС, население сократилось на 29,9 %, в Дорогобуже, где действует одно из крупнейших в Европейской России предприятий по производству азотных удобрений – на 22,2 %.

Второй фактор, это географическое положение. В городских населенных пунктах в хорошей доступности с Москвой (Гагарин), с областными центрами (Рудня, Кардымово) потери населения менее суще-

²⁴ Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.01.2023).

ственные. Самые большие потери в городских населенных пунктах без железных дорог в приграничных с Республикой Беларусь районах (Шумячи – 32,5 %, Велиж – 24,6 %, Хиславичи – 31,1 %, Монастырщина – 30,3 %) ²⁵. Значительное сокращение население в городских населенных пунктах приграничных муниципальных образований, объясняется тем, что они оказались вне главных полимагистралей, связывающих Россию и Беларусь и не обрели в отличие от Рудни роль ядра интеграции.

Разница в оплате труда с Москвой слишком велика, не позволяет обеспечить демографическую устойчивость малым городам. В отдельных профессиональных группах данное неравенство создает проблему оттока квалифицированных кадров. Например, средняя заработная плата врачей с высшим образованием в 2021 г. в Брянской области составила 56,9 тыс. руб., Смоленской – 61,3 тыс. руб., Псковской – 64,8 тыс. руб., а в Московской области – 111,9 тыс. руб., Ленинградской – 92,3 тыс. руб., Москве – 168,4 тыс. руб. ²⁶ Несмотря на наличие крупного медицинского университета, в Смоленской области имеет место дефицит врачей в городских и районных медицинских учреждениях. В области распространена практика работы врачей в столичном регионе по вахтовому принципу. «Большинство малых и средних городов вокруг столичного региона при отсутствии официальных мест приложения труда, низких зарплатах, неустроенности быта либо теряют жителей, либо их население зарабатывает в Москве и городах Подмосковья [9, с. 67]. В реальной действительности идет сочетание двух процессов. Но в городах с лучшей транспортной доступностью к столичному региону (Гагарин, Вязьма) преобладает второй вариант. Данный процесс имеет место и в Припетербуржье, к которому относится значительная часть севера Псковской области.

Демографический потенциал сельской местности, за счет которой пополнялись малые города, в значительной степени исчерпан. По Переписи 2020 г. в Псковской области половина сельского населения старше 46,9 лет, в Смоленской – 45,5 лет. И лишь в Брянской области медианный возраст сельского населения составлял 42,8 года ²⁷.

Поскольку рост населения Москвы и Московской области в значительной степени происходит за счет соседних с Московской области регионов, то до тех пор, пока не будут преодолены значительные неравенства в заработной плате между столичным регионом и соседними областями, население последних, включая малые города, будет сокращаться.

Демографическая ситуация – важнейший, но далеко не единственный вызов малым городам. Неиндустриализация требует качественно нового человеческого капитала, которым большинство малых городов не располагают. В отличие от периода плановой экономики абсолютное большинство малых городов вне агломераций малоинтересны для инвесторов, когда речь идет об инвестициях в высокотехнологичные предприятия с высокой добавленной стоимостью. Деиндустриализация оставила многие малые города без машиностроительных предприятий, уменьшила число предприятий легкой и пищевой промышленности. Попытки адаптации к новым условиям путем открытия небольших предприятий деревообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности решают проблемы занятости, но не решают проблемы развития городов.

В связи с «близостью» малых городов к природе одним из направлений их адаптации становится сервисная модернизация. Малые города, особенно, с хорошей транспортной доступностью к столичным регионам, с благоприятной экологической обстановкой, лишённые «шума городского» и обладая более развитой по сравнению с сельской местностью социальной инфраструктурой, становятся привлекательными для дачной и других видов рекреации.

Чем объясняется подобная динамика численности населения в малых городах? Почему большая часть малых городов приграничных с Республикой Беларусь регионов России не смогла адаптироваться к рыночным условиям? Что будет с малым городом как особым социально-экономическим институтом в ближайшее время? И, пожалуй, самый главный вопрос. Что делать, чтобы малые города, не только преодолели новые и традиционные вызовы своему развитию в настоящее время? Ответы на эти и подобные вопросы, связанные с жизнью малых городов мы пытались найти в трудах, пожалуй, самого известного со-

²⁵ Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.01.2023)

²⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 1122 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210> (дата обращения: 20.01.2023)

²⁷ Итоги Переписи населения 2020. Население по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.01.2023)

ветского и российского геурбаниста, знатока российских, советских городов, главного «певца» отечественной геурбанистики Георгия Михайловича Лаппо, которому 18 апреля 2023 г. исполнилось 100 лет.

В 2003 г. в издательстве Ставропольского государственного университета вышел библиографический указатель трудов Георгия Михайловича Лаппо [10]. По состоянию на 2002 г. он насчитывал 382 публикации, 251 из которых была посвящена городам, урбанизации. В последующие годы в свет вышло много новых трудов, в качестве главного героя которых выступали города. С 2003 по 2023 гг. в библиографической базе научной электронной библиотеки, которая далеко не полно отражает работы ведущего отечественного геурбаниста содержатся сведения о 29 публикациях по городской проблематике. Творческое наследие Георгия Михайловича Лаппо бесценно, и обретает особую актуальность и практическую значимость в наши дни.

Как заметил еще в 2004 г. Г.М. Лаппо: «Лишены основания суждения о том, что вместо того, чтобы распылять средства по огромной территории, пытаясь поднять экономику всех без исключения городов, необходимо было развивать большие города, основываясь на поверхностном знании реальности» [11]. Данное утверждение приобретает особую актуальность и практическую значимость в связи с приоритетным развитием согласно «Стратегии пространственного развития на период до 2025 года» крупнейших агломераций. Малые города играют важнейшую роль в опорном каркасе расселения. Они также совместно с сельской местностью образуют локальные системы расселения.

Малые города приграничных с Республикой Беларусь регионов России очень разнообразны. Одно дело это Десногорск или Дорогобуж, в которых имеются крупные успешные градообразующие промышленные предприятия, и совершенно иное дело, если это Духовщина, Пустошка или Новоржев. Поэтому неправомерно свойства и особенности какой-либо одной категории малых городов распространять на всю их совокупность. Как отмечал Г.М. Лаппо «Чем больше узнаешь о малых городах, чем больше видишь, тем лучше чувствуешь их индивидуальность, которую нельзя считать привилегией только большого города. Начинаешь глубже ощущать малые города как личность [12, с. 133].

В 2019 г. в Известиях РАН, серия географическая, выходит статья Г.М. Лаппо, которую можно квалифицировать как наказ ученого. Об этом свидетельствует её название: «Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России» [13].

У малых городов есть свои конкурентные преимущества. Не всё в этой жизни измеряется деньгами. Малые города по-прежнему выполняют особую духовную миссию. Эра малых городов не прошла, но они должны приспособиться к новым социально-экономическим условиям.

Малым городам надо помочь, но и они призваны помочь, с одной стороны, большим городам и, с другой – сельскому расселению. Малые города – опорные центры и рычаги преобразования распыленного сельского расселения [14].

Благодарность. Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 23-27-00357 «Малый город в приграничных с Белоруссией регионах России: новая миссия и функции в эпоху неоиндустриальных трансформаций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Российско-белорусское приграничье: вызовы межстоличного положения. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2022. 308 с.
2. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина, 2018. 562 с.
3. Западное порубежье России: моделирование развития и обеспечение экономической безопасности / под ред. Г.М. Федорова. Калининград, 2020. 319 с.
4. Трубе Л.Л. Типы городов Центрально-Промышленного района // География в школе. 1955. № 5. С. 10-14.
5. Давидович В.Г. Величина городских поселений СССР // Вопросы географии. 1962. Сб. 56. С. 5-30.
6. Лаппо Г.М. География городов. М.: 1997. 480 с.
7. Хорев Б.С. Проблемы городов (Урбанизация и единая система расселения в СССР). М., 1975. С. 144-151.
8. Белова А.В. Полусредние города СЗФО как двигатели регионального развития // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2018. № 4. С. 65-74.
9. Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Столичность, центральность, размеры и соперничество городов в мире и России // Геурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. М.: Геогр. ф-т МГУ, 2021. С.49-71.
10. Лаппо Г.М. Библиографический указатель. Москва – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 62 с.
11. Лаппо Г.М. Особенности российской урбанизации и их отражение в урбанистической структуре страны // Региональные исследования. 2004. № 1 (3). С. 3-12.
12. Лаппо Г.М. Рассказы о городах. М. Мысль. 1976. 219 с.
13. Лаппо Г.М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Сер. геогр. 2019. № 4. С. 3-23.
14. Лаппо Г.М. Российские малые города: роль, особенности и проблемы // Малые города Смоленской области: от депрессии и стагнации к устойчивому развитию. Смоленск, 2006. С.6-10.

**CHALLENGES TO SMALL TOWNS IN THE REGIONS OF RUSSIA BORDERING BELARUS:
REREADING AND RETHINKING THE WORKS OF G.M. LAPPO**

Abstract. The article deals with modern problems of small towns bordering with the Republic of Belarus regions of Russia. It is noted that in addition to the traditional demographic challenge, new ones have appeared that impede their economic development. Neo-industrialization requires a qualitatively new human capital, which most small towns do not have. The emphasis is on the geo-urban ideas of G.M. Lappo, which have retained their relevance to our time.

Keywords: small town, neo-industrialization, depopulation, the supporting frame of the settlement, toxicity of capital regions, demographic stability, G.M. Lappo.

UDK 332.13

Li Xiaoling

Key Laboratory of Geographical Processes and Ecological Security in Changbai Mountains,
Ministry of Education, School of Geographical Sciences, Northeast Normal University,
Changchun 130024, China

EVOLUTION OF SPATIAL ORGANIZATION PATTERNS OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN HEILONGJIANG PROVINCE OF CHINA AND FAR EAST OF RUSSIA

Abstract. Since China proposed the Belt and Road Initiative (BRI) in 2013, trans-border economic cooperation has received increasing attention. The existing studies have discussed the geopolitical environments of cross-border economic cooperation and its cooperative contents, but there is few literature on the historical evolution of its spatial organization models. This study tries to fill the gap to explore the evolutionary process of the spatial organization models of trans-border economic cooperation between China and Russia. Taking Heilongjiang and the Russian Far East as a case. We situated this study at the intersect of „New State Space” and (trans-) border geography, and proposed a novel concept framework for understanding trans-border economic cooperation from multi-scalar perspective, based on Brenner’s New Nation Space theory. The research reveals that the spatial organization pattern of China-Russia trans-border economic cooperation since the 1990s has experienced three evolution stages: trans-border trade-based in 1990s, overseas industrial park-based between 2000 and 2013, and transport corridor-oriented from 2013 to present. After the borders in Heilongjiang province were gradually opened in late 1980s, Sino-Russian trans-border trades entered into a rapid development stage. After mid-1990s, disputes and crisis emerged in the trans-border economic cooperation pattern propelled by border trade, which led to a new round of reshaping cooperation pattern based on the industry parks established by Chinese enterprises. Since 2013, the new mode of transportation corridor-oriented cooperation has emerged. In general, each new pattern is a result of reorganizing multi-scale and multi-dimensional factors in order to response to the crisis of the old pattern, suggesting that there is a certain degree of historical dependence between the new and old patterns. This study extended the theory of New Nation Space and also serves as scientific foundation for promoting the high-quality development of trans-border cooperation between China and Russia.

Keywords: trans-border economic cooperation; spatial organization pattern; multi-scale; Far East of Russia; Heilongjiang province.

Ли Сюэлин

Ключевая лаборатория географических процессов и экологической безопасности в горах Чанбайшань, Министерство образования, Школа географических наук, Северо-Восточный педагогический университет, Чанчунь 130024, Китай

УДК 339.972

Лой Д.К., Тургель И.Д.

Уральский федеральный университет
им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ТРАНСМОНГОЛЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ)**

Аннотация. Третий этап разворота на Восток, характеризуется созданием трансграничных территорий опережающего развития, задачей которых станет освобождение бизнеса от избыточных требований, увеличение скорости реализации инвестиционных проектов и вовлечение граждан в развитие экономики.

В статье мы изучили перспективы создания таких территорий на примере Трансмонгольской железнодорожной магистрали и оценили эффект от погружения территории трех стран в единое правовое поле.

Создание трансмонгольской железной дороги позволяет увеличить логистическую доступность проблемных регионов, а самой Монголии развить не только транзитные, но и внутренние логистические коммуникации.

Несмотря на высокий экономический потенциал созданного экономического коридора, участие в таком глобальном проекте нескольких стран создает несогласованность в некоторых вопросах.

В статье охарактеризованы основные проблемы, с которыми пришлось столкнуться:

- *разные стандарты в размерах колеи, и, как следствие, необходимость замены колесных пар при пересечении границы между Китаем и Монголией;*
- *управление участками железнодорожной магистрали совместными предприятиями, которые используют в своей деятельности право различных государств;*
- *риск наложения санкций на собственников и бенефициаров таких компаний, что может поставить под угрозу их дальнейшую деятельность.*

Указанные проблемы можно решить, если правила, стандарты и требования к эксплуатации магистрали на всей протяженности будут осуществляться по единым правилам в рамках одной трансграничной территории.

Создание особой экономической зоны позволяет применять на ее территории специальные административные режимы, изъяв ее полностью или частично из-под действия законодательства всех государств, на территории которых она будет находиться, что позволит создать единое правовое поле и устранил неопределенность во взаимоотношениях между резидентами.

Создание трансграничных территорий опережающего социально-экономического развития – это новая инициатива для России, поэтому настоящая статья рассматривает лишь один аспект их создания и станет началом для дальнейшей оценки эффективности их создания и потенциала для развития экономики приграничных регионов.

Ключевые слова: *трансграничная территория, особая экономическая зона, экстерриториальность, Трансмонгольская железнодорожная магистраль, международные правовые режимы, правовое поле, экономический коридор.*

Введение. В связи со сложной международной обстановкой, все чаще можно услышать о развороте на Восток. Однако, необходимо отметить, что разворот начался еще в 2009 г., когда Президентом Российской Федерации и Председателем Китайской Народной Республики была утверждена программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики.

Следующим этапом стало принятие Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации», на основании которого, на Дальнем Востоке создано 18 зон опережающего развития, которые расположены вдоль границы, вдоль примыкающих территорий и вдоль дорог между Китаем и Россией [1].

Настоящее время можно охарактеризовать как старт третьего этапа. Так, 8 июня 2022 г. Юрий Трутнев – полномочный представитель Президента России в ДФО заявил о необходимости создания трансграничных территорий опережающего развития, задачей которых станет освобождение бизнеса от избыточных требований, увеличение скорости реализации инвестиционных проектов и вовлечение в развитие экономики максимального количества граждан [2].

Целью проведенного исследования является изучение перспектив создания таких территорий на примере Трансмонгольской железнодорожной магистрали и оценка экономического эффекта от погружения территории, на которой совместно оперируют несколько государств, в единое правовое поле. Для этого были поставлены задачи выявить основные проблемы, связанные с применением различных правовых режимов и изучить способы их решения, реализация которых возможна при условии создания трансграничной экономической зоны.

Характеристика проекта создания трансграничных территорий. Экономический коридор Китай-Монголия-Россия представлен двумя линиями:

• **Западная линия Китай-Монголия-Россия:** Шицзячжуан – Тяньцзинь – Пекин – Улан-Каб – Эренхот – Замын Ууд – Сайншанд – Чойр – Улан-Батор – Дархан – Сухэ-Батор;

• **Восточная линия Китай-Монголия-Россия:** Далянь – Шэньян – Чанчунь – Харбин – Цицикар – Маньчжурия – Забайкальск – Чита.

Линии соединяются в г. Улан-Удэ, проходят через Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Омск, Тюмень, Екатеринбург, Пермь, Киров, Нижний Новгород, Владимир, Москву Санкт-Петербург, пересекая 30 провинциальных единиц (18 в России, 7 в Китае, 5 в Монголии) и 39 городских единиц, включая Пекин, Улан-Батор и Москву.

В настоящее время введены в эксплуатацию участок Пекин –Шицзячжуан и участок Цицикар – Харбин – Далянь. Также существуют планы включить городскую агломерацию Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй и экономический пояс Бохай, что позволит с большим удобством экспортировать промышленные и технические товары в Монголию и Россию и даст толчок к развитию сотрудничества России и Монголии в области ресурсов, энергетики и международных производственных мощностей, а также создаст условия для

двустороннего регионального сотрудничества между Россией и Китаем, связав китайскую инициативу по возрождению Северо-Востока и российскую инициативу по развитию Дальнего Востока.

Концепция логистической доступности была впервые предложена У. Хансенom, и представляла собой возможность взаимодействия между городами в транспортной сети [3], что подразумевает способность прибыть в назначенное место в соответствующее время на каком-либо виде транспорта [4]. Логистическая доступность включает в себя такие факторы как: временное значение; пространственную концепцию; экономическую и социальную ценность; отправную точку; конечный пункт; транспортную систему и пр. [5].

Экономический потенциал проекта рассчитывается как общая экономическая активность, вызванная открытием экономического коридора в конкретной области и в определенное время, с учетом следующих основных факторов регионов и городов вдоль линий:

- пространственное расположение;
- экономическое качество и экономический потенциал;
- расстояние и требуемое время на логистику от конкретного города до экономического центра.

Чем выше экономический потенциал, тем выше экономическая доступность, и наоборот [6].

Проблемы и решения. Несмотря на высокий экономический потенциал, участие в глобальном проекте сразу трех стран создает несогласованность в некоторых вопросах.

Одним из самых заметных неудобств при эксплуатации железнодорожной магистрали Китай-Монголия-Россия является различие в размерах колеи. Для продолжения движения составов по территории Монголии и России, при пересечении границы в пункте Эрэн-Хото поездам заменяются колёсные пары, что занимает несколько часов.

Неоднократно звучали предложения построить несколько узкоколейных дорог для соединения крупнейших логистических пунктов, обслуживающих перевозки между Монголией и Китаем, что позволит осуществлять перевозки между этими двумя странами без постоянной замены колесных пар, а также создать более удобные пункты для их замены на территории Монголии.

Однако, внутреннее законодательство Монголии не позволяет строить и эксплуатировать железные дороги с размером колеи, отличным от принятого стандарта.

Внутреннее законодательство – не единственная причина, по которой не был реализован проект строительства узкоколейных дорог. Это являлось частью инвестиционного плана, предлагаемого западными и китайскими компаниями, которые, к тому же, были основными инвесторами крупнейших месторождений. В 2010 г. в Монголии даже был принят Закон о концессиях, в соответствии с которым, приоритетное значение отдавалось схеме «строительство-эксплуатация-передача», которая предполагала строительство инфраструктуры иностранными инвесторами, установление срока оперативного управления и последующую передачу в собственность Монголии, но из-за серии конфликтов между правительством Монголии и иностранными инвесторами, начавшейся в 2012 г., ни одно концессионное соглашение не было заключено [7].

В настоящее время управление участками железнодорожной магистрали осуществляется совместными предприятиями, с российским, китайским и монгольским участием в различных пропорциях. В соответствии с нормами международного права, такие предприятия вправе использовать в своей деятельности право различных государств, что также вносит несогласованность в вопросы взаимодействия.

Кроме того, актуален вопрос международных санкций, которые могут быть наложены на участников, акционеров или руководителей таких совместных предприятий, что может поставить под угрозу их дальнейшую деятельность. Действуя в рамках правового поля любой из трех стран (Китай, Монголия, Россия), организации обязаны раскрывать сведения о руководителях и бенефициарах.

Создание особой экономической зоны подразумевает, что на ее территории будут действовать иные административные режимы, нежели на остальной территории государства.

Когда мы говорим о трансграничной территории со специальным административным режимом, мы подразумеваем, что, по принципу экстерриториальности, она будет изъята из-под действия законодательства всех государств, на территории которых она будет находиться, а нормы, требования и правила, применяемые на ее территории, будут иными для всех ее резидентов и установлены межправительственным соглашением всех стран-участниц. В качестве альтернативы полной экстерриториальности, возможно частичное изменение и упрощение основных процедур (таможенных, налоговых, административных и т.д.), осуществляемых в рамках целевых видов деятельности, без изменения законодательства в сферах, не связанных с ними.

Создание единой правовой среды позволит преодолеть перечисленные административные барьеры.

Например, в рамках особой экономической зоны можно дать разрешение на строительство узкоколейных дорог, при условии, что их эксплуатация возможна лишь для резидентов и они останутся закрытыми для внутреннего использования.

Помимо упрощения и смягчения правового режима, также можно ввести обратные условия и ограничить права инвесторов, распространив их на обязательства только в рамках взаимоотношений, существующих внутри трансграничной зоны. Тем самым, ограничив контроль инвесторов над месторождениями и иными активами, критически важными для сохранения экономической и политической самостоятельности, что было одним из основных опасений правительства Монголии при заключении инвестиционных соглашений [8].

Вместе с тем, создание единого правового поля устранил неопределенность во взаимоотношениях между резидентами, а также позволит принимать оперативные решения и изменять правовые процедуры, не затрагивая внутреннее законодательство стран-участниц, например, принять решение о том, что резиденты вправе не раскрывать список бенефициаров или раскрывать его частично, до определенного колена или процента участия.

Заключение. Инициатива создания трансграничных территорий имеет большой потенциал для развития регионов с низкой экономической доступностью, в данном случае Забайкальского края, Республики Бурятия, Монголии и Северо-Восточных регионов Китая, которые характеризуются слабым экономическим развитием, медленным экономическим ростом, отрицательным приростом населения и слабой транспортной инфраструктурой, по сравнению с другими регионами России и Китая [9].

Создание трансмонгольской железной дороги позволяет увеличить логистическую доступность проблемных регионов, а самой Монголии развить не только транзитные, но и внутренние логистические коммуникации.

Однако, несмотря на положительный экономический эффект, различия в правовом регулировании трех различных государств создают ряд неудобств в работе экономического коридора Китай-Монголия-Россия [10]. Проблемы можно избежать если правила, стандарты и требования к эксплуатации магистрали на всей протяженности будет осуществляться по единым правилам в рамках одной трансграничной территории.

Безусловно, создание специальных юрисдикций в рамках единой трансграничной зоны – это лишь одна из предоставляемых возможностей, однако, возможность создания таких территорий стала новым явлением в российской практике, поэтому наши дальнейшие исследования будут направлены на дальнейшую оценку эффективности их создания для развития экономики приграничных регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Справочная информация КонсультантПлюс: «Территории опережающего развития». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_293862/
2. Российская газета, Ю. Трутнев: В ДФО могут быть созданы трансграничные ТОРы, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/06/08/reg-dfo/trutnev-v-dfo-mogut-byt-sozdany-transgranichnye-tory.html>
3. Hansen, W.G. How accessibility shapes land use. J. Am. Inst. Plan. 1959, 25, 73-76.
4. Morris, J.M.; Dumble, P.L.; Wigan, M.R. Accessibility indicators for transport planning. Transp. Res. A 1978, 13, 91-109.
5. Li, P.H.; Lu, Y.Q. Review and prospectation of accessibility research. Prog. Geogr. 2005, 24, 69-78.
6. Huang, J.C.; Sun, G.Y.; Yan, M.; Liu, T.; Xiao, L. The spatio-temporal evolution of urban field strength and pattern of autocorrelation among cities in China. Geogr. Res. 2012, 31, 1355-1364.
7. Макаров А.В.; Макарова Е.В.; Михеева А.С. Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития // ЭКО. 2019. № 6. С. 62-82.
8. Грайворонский В.В. Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества // Восточная аналитика. 2011. № 2. С. 123-130.
9. Chu, N.C.; Zhang, P.Y. Transnational urban economic connection based on railway accessibility – taking Sino-Russian K19/K20 class train as an example. Econ. Geogr. 2018, 38, 10-18.
10. Макаров А.В., Макарова Е.В., Андреев А.Б. Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии // ЭКО. 2020. № 10. С. 34-49.

Dmitry K. Loy, Irina D. Turgel

*Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg*

PROSPECTS FOR THE CREATION OF CROSS-BORDER TERRITORIES (BY EXAMPLE OF THE TRANS-MONGOLIAN RAILWAY)

Abstract. *We are at the threshold of the third stage of the turn to the Orient, which is characterized by the creation of cross-border territories of advanced development, the task of which will be to free businesses from excessive requirements, increase the speed of implementation of investment projects and involve the maximum number of citizens in the development of the economy.*

In the article, we studied the prospects for the creation of such territories on the example of the Trans-Mongolian railway and assessed the effect of immersing the territories of the three countries in a single legal field.

The creation of the trans-Mongolian railway makes it possible to increase the logistical accessibility of problem regions, and Mongolia itself to develop not only transit, but also internal logistics communications.

Despite the high economic potential of the created economic corridor, the participation of several countries in such a global project creates inconsistency in some issues.

The article lists the main problems that had to be faced, such as:

- *different standards in track sizes, and, as a result, the need to replace wheelsets when crossing the border between China and Mongolia;*
- *management of railway sections by joint ventures that use the law of various states in their activities;*
- *the risk of imposing sanctions on the owners and beneficiaries of such companies, which may jeopardize their further activities.*

These problems can be solved if the rules, standards and requirements for the operation of the highway along its entire length will be carried out according to the same rules within one cross-border territory.

Creation of a special economic zone to apply special administrative regimes on its territory, removing it completely or partially from the legislation of all states on whose territory it will be located, which will create a unified legal field and eliminate uncertainty in the relationship between residents.

The creation of cross-border territories of advanced socio-economic development is a new initiative for Russia; therefore, this article considers only one aspect of their creation and will be the beginning for further evaluation of the effectiveness of their creation and potential for the development of the economy of border regions.

Keywords: *cross-border territory, special economic zone, extraterritoriality, Trans-Mongolian railway, international legal regimes, legal field, economic corridor.*

УДК 911.3

**Лялина А.В.¹, Волошенко К.Ю.¹,
Новикова А.А.², Фарафонова Ю.Ю.¹**

¹*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград;*

²*Калининградский государственный технический университет,
г. Калининград*

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ В ИНТЕРЕСАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *Миграционные процессы, напрямую и косвенно вносят значительные коррективы в экономическую безопасность, являющуюся одной из наиболее актуальных исследовательских тем последнего времени. Статья посвящена формулировке основных тенденций межрегиональной миграции в приграничных регионах России с целью выявления рисков и угроз экономической безопасности в изменившихся геополитических условиях.*

Ключевые слова: *миграция населения, приграничные регионы, межрегиональная миграция, экономическая безопасность.*

Развитие миграционных процессов в приграничных регионах России происходит в условиях значимых общероссийских демографических трендов последнего десятилетия. Это, прежде всего, ускорение низкой рождаемости и постепенное сокращение высокой смертности до 2019 г., сменившееся всплеском в годы пандемии COVID-19 и в современных геополитических условиях, колоссальный рост демографической нагрузки на трудоспособное население, демографическое старение населения и общая депопуляция [1]. Миграционные процессы вносят свои коррективы в демографическую ситуацию в регионах, не только напрямую влияя на их численность населения, но и косвенно, изменяя гендерную и возрастную, этническую и религиозную структуру населения, меняя брачные и семейные установки населения. И как в естественном движении населения наблюдаются существенные различия между российскими регионами, в миграционных процессах также отсутствует единообразие, причины которого лежат в особенностях физико-географического и экономико-географического положения регионов, их истории, уровне их социально-экономического развития.

Российское порубежье достаточно активно вовлечено в процессы, формирующие миграционную обстановку в России. На его территорию приходится около половины всей валовой межрегиональной миграции и почти 60 % всех прибывших в Россию и выбывших из нее в зарубежные страны. Особенности развития миграционных процессов в российских приграничных регионах изучаются, как в контексте общих тенденций миграции населения в стране [2; 3; 4; 5], так и применительно к отдельным субъектам Федерации [например, 6].

Исследователи отмечают, что миграции являются одним из «наиболее серьезных вызовов развитию приграничных регионов, испытывающих как миграционный отток «своего» населения в другие регионы страны и за рубеж, так и его замещение, благодаря притоку трудовых мигрантов и переселенцев из ближайших регионов соседних стран» [7, с. 66]. Специфика протекания миграционных процессов в российском порубежье заключается в их транзитном характере, что характерно для большинства приграничных регионов России. Это означает, что «основной миграционный поток направляется не в российские приграничные регионы, а в столичные центры (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург) и нефтегазовые округа страны [7]. За десятилетие (2011-2021 гг.) условия развития миграционных процессов в стране сильно изменились ввиду как внутренних, так и внешних трансформаций, к которым можно отнести: нарастание геополитической напряженности и турбулентности в глобальном контексте и в двусторонних отношениях России с сопредельными странами; рост курса национальной валюты по отношению к мировым в 2014 г.; кризисные явления в российской экономике в 2014-2015 гг., сопровождающиеся ухудшением уровня жизни населения; широкомасштабные ограничения, связанные с противодействием распространению пандемии COVID-19 в 2020-2021 гг. и их последствия в социальной и экономической жизни российского общества.

За период 2011-2021 гг., статистика зафиксировала рост численности населения России. Приграничные регионы в 2021 г. приросли на 2,8 млн человек или почти на 4 % по отношению к 2011 г. В то же время этот период сопряжен с вхождением новых регионов в состав страны – Республики Крым и г. Севастополь – численность населения которых в прошедший период также увеличилась. Без учета этих территорий численность населения российского пограничья практически не изменилась в процентном соотношении за прошедшие десять лет, в абсолютных цифрах рост составил 381 тыс. человек. Очевидно, что причиной этому является не только миграционное движение населения, но и естественные процессы. Более того, данные изменения не учитывают реальное трансграничное миграционное перемещение и наличие значительного числа незарегистрированных трудовых мигрантов и переселенцев.

Режимы воспроизводства населения в приграничных и внутренних регионах России в 2011-2021 гг. были схожи: до 2013-2016 гг. отмечается рост численности населения, сменившийся в последующем ее сокращением, особенно в период пандемии COVID-19. Для внутренних регионов в целом характерны более высокие показатели и миграционного прироста, и естественной убыли населения, чем для приграничных субъектов РФ (рис. 1.) Роль миграционного движения населения здесь была выражена более ярко вплоть до смены режима воспроизводства в 2017 г., когда ведущее место заняла естественная убыль населения.

В российском приграничье, напротив, основной движущей силой в воспроизводстве населения являлся естественный прирост населения, сопровождаемый околонулевым сальдо миграции до 2018 г. Повышенная, относительно внутренних субъектов, интенсивность валовой миграции здесь не ведет к высокой результативности миграции. Последняя значительно уступала значениям внутренних регионов России практически на всем исследуемом временном промежутке, за исключением 2020-2021 гг. Падение численности населения в субъектах РФ, начавшееся в 2017 г., было ознаменовано стремительным увеличением естественной убыли населения вследствие старения населения, низкой рождаемости и продолжительности жизни населения, усиленные последствиями пандемии COVID-19 [8]. Однако активизация миграционных процессов в приграничье в этот период сыграла позитивную роль, смягчив сокращение численности населения и обеспечив некоторые преимущества перед внутренними субъектами федерации.

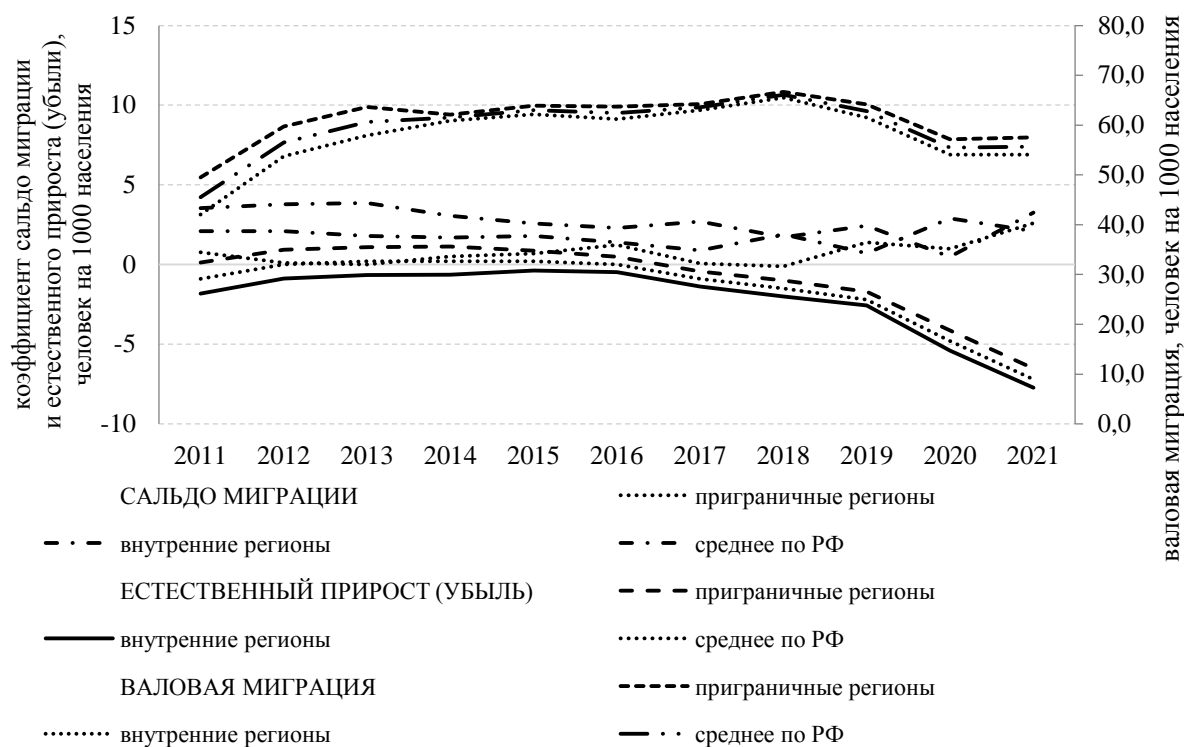
Миграционная обстановка в российских приграничных регионах разнится довольно сильно, что обусловлено как складывающимися особенностями социально-экономического развития и внешнеэкономического взаимодействия, геополитической обстановкой на рубежах, так и историческими предпосылками, и сформированными миграционными связями.

В последнее десятилетие только 11 регионов российского порубежья характеризовались высоким миграционным приростом в результате обмена с другими субъектами федерации и другими странами. Они объединены в тип I – регионы, характеризующиеся высоким миграционным приростом в результате международной и межрегиональной миграции (рис. 2). В состав этого типа включены субъекты Азово-Черноморского порубежья (Краснодарский край, Республика Крым и г. Севастополь) и Балтийского порубежья (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калининградская область), которые выступают «ядрами» притяжения мигрантов на протяжении всей постсоветской истории. Важное значение для этих регионов и Республики Ингушетия играет стягивание населения из других регионов РФ. К данному типу также отнесены черноземные регионы Западного сухопутного порубежья (Белгородская и Воронежская области) и два региона Казахстанского порубежья (Тюменская (без АО) и Новосибирская области), для

которых, напротив, основное значение отводится взаимодействию с другими (чаще всего сопредельными) странами.

а) общий прирост (убыль) численности населения

б) компоненты воспроизводства населения, валовая миграция

Рис. 1. Воспроизводство населения в приграничных и внутренних регионах России в 2011-2021 гг.

Источники: Число прибывших. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 11.08.2022); Число выбывших. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 11.08.2022); Естественный прирост за год. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31018> (дата обращения: 11.08.2022); Численность постоянного населения в среднем за год. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.08.2022).

Переходный тип регионов – тип II – объединил 24 субъекта с околонулевым сальдо миграции в результате компенсации оттока населения в другие регионы РФ положительным сальдо международной миграции. Это остальные регионы Западного сухопутного порубежья (Псковская, Курская и Смоленская области), четыре региона Казахстанского порубежья (Самарская, Саратовская и Челябинская области, Республика Алтай), Ростовская область, два региона Восточно-Арктического морского порубежья (Ямало-Ненецкий АО и Красноярский край), которые объединены в подтип II.1 с полной или высокой (более 60 %) компенсацией низкой межрегиональной убыли. Преимущественно эти субъекты включены в миграционные процессы недостаточно активно. Исключение составляют Смоленская и Курская области, которые находятся в зоне влияния столичных регионов, стягивающих население с периферии, и в зоне активных миграционных потоков в/из сопредельных государств. А также сырьевой Ямало-Ненецкий АО, представляющий рабочие места для многих мигрантов из стран СНГ. К подтипам II.2 и II.3 отнесены регионы, где убыль населения в пределах страны компенсируется международной миграцией лишь отчасти.

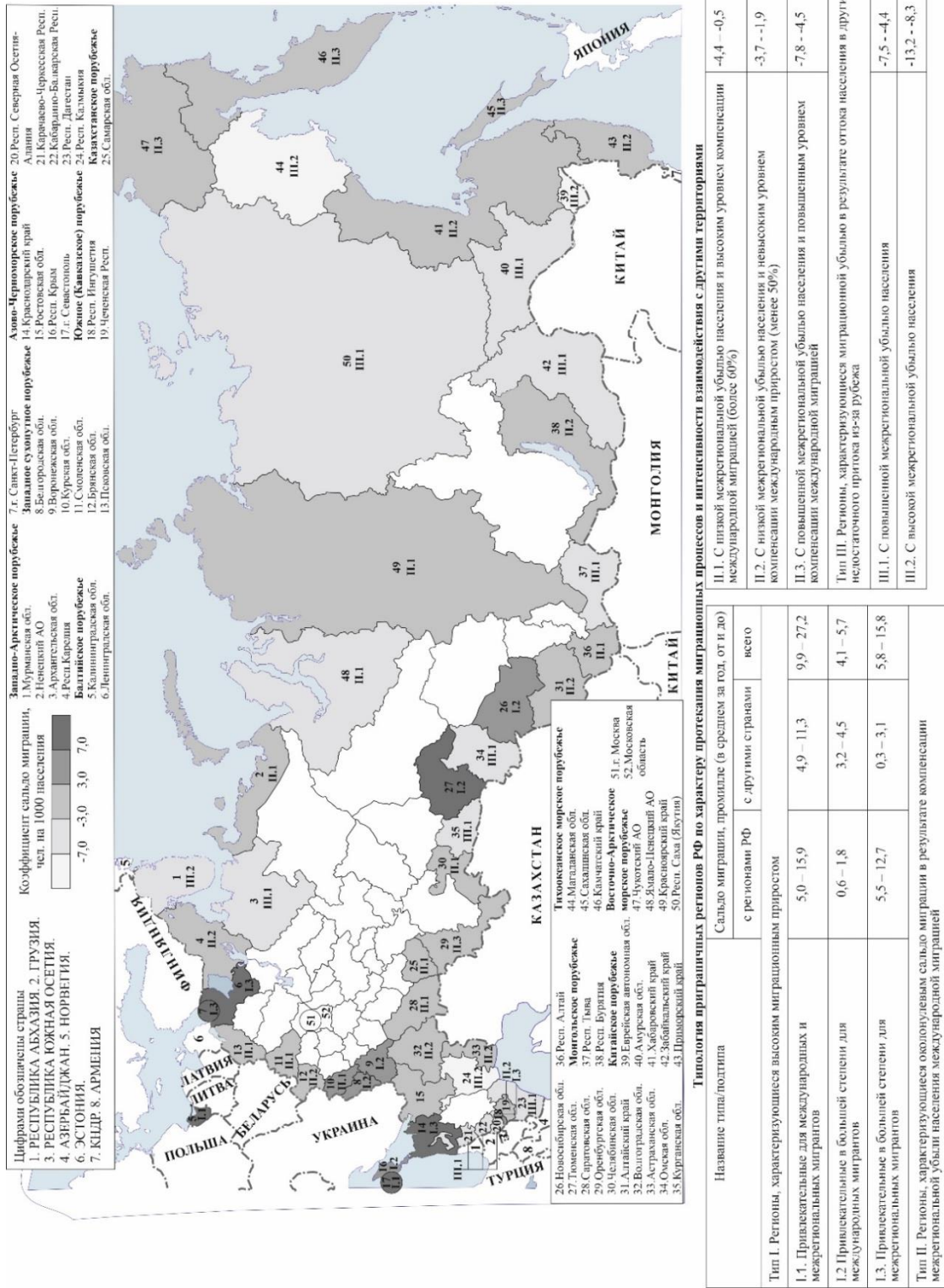

Рис. 2. Миграционные процессы в российском пограничье в 2011-2021 гг.

Составлено авторами по: Число прибывших. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 11.08.2022); Число выбывших. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 11.08.2022); Численность постоянного населения в среднем за год. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.08.2022)

Остальные 15 приграничных регионов РФ демонстрируют стабильный миграционный отток населения в результате внутривнутригосударственных перемещений. В их числе субъекты Арктического (Мурманская и Архангельская области, Республика Саха (Якутия)) и Магаданская область, регионы Монгольского и Китайского порубежья (Республика Тыва, Забайкальский край, Еврейская автономная область, Амурская область), пять субъектов Кавказского порубежья (республики Северная Осетия-Алания, Дагестан, Калмыкия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская), два субъекта Казахстанского порубежья (Курганская и Омская области).

Несмотря на отмечаемое экспертами усложнение и значительную диверсификацию миграционных перемещений населения России, в межрегиональной миграции населения в последние годы преобладали следующие тренды (табл. 1).

Во-первых, для подавляющей части приграничных регионов РФ сохраняет важнейшее значение «западный» вектор миграционных потоков в направлении ЦФО и СЗФО, обусловленный разницей в социально-экономических и природно-климатических условиях европейской и азиатской частей страны.

Во-вторых, миграция в европейскую часть России из азиатской как правило организована в несколько этапов – с транзитом через регионы Западной и Восточной Сибири [8]. В значительной степени они базируются на миграционной связанности близко расположенных (что особенно значимо для миграции по трудовым мотивам) регионов.

Таблица 1

Коэффициент суммарного сальдо межрегиональной миграции приграничных регионов России по федеральным округам в 2011-2020 гг. (промилле)

Сегмент по-граничья	Регион	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Западно-Арктическое порубежье	Мурманская область	-26,6	-44,9	-4,6	2,4	-0,3	0,7	2,2	1,1
	Ненецкий АО	-13,5	-17,8	-1,3	2,7	1,7	0,5	2,3	0,3
	Архангельская область	-24,9	-32,1	-5,8	0,1	-2,2	-0,4	0,3	0,3
	Республика Карелия	-4	-19	-1,4	0,6	0,8	0,5	0,9	0,7
Балтийское порубежье	Калининградская область	-0,2	3,4	1	1,9	6,2	5,5	15,9	13,1
	Ленинградская область	12,1	46,8	7,6	7,4	20,8	8,1	13,8	9,3
	г. Санкт-Петербург	8,4	12,1	6,4	5,8	15,7	8,0	11,2	8,6
Западное сухопутное порубежье	Белгородская область	-13,6	-0,8	-1,3	0,7	2,0	5,1	4,9	7,3
	Воронежская область	-4,0	0,0	0,4	1,3	1,8	2,1	2,4	3,0
	Курская область	-21,3	-2,5	-1,1	0,3	0,8	1,2	2,2	3,0
	Смоленская область	-28,9	-7,1	-2,0	0,1	0,4	1,0	1,6	1,0
	Брянская область	-31,1	-7	-1,3	0,1	0,1	1,0	1,0	1,1
Псковская область	-6,1	-15,6	-2,3	0,8	2,5	1,5	2,4	2,0	
Азово-Черноморское порубежье	Краснодарский край	-0,2	1,7	5,1	8,2	10,2	10,7	17,5	13,1
	Ростовская область	-12,5	-2,4	-2,4	3,8	0,9	1,2	1,9	2,4
	Республика Крым	-2	0,2	-4,4	1,3	2,8	2,6	2,8	1,9
	г. Севастополь	13,3	8,1	37,2	4,2	10,3	7,1	8,8	7,9
Южное (Кавказское) порубежье	Республика Ингушетия	-2,2	-0,8	1	55,1	0,7	0,4	1,3	1,5
	Чеченская Республика	-4,7	-1,4	-3,3	-8,7	-2,1	-2,7	-0,1	0,1
	Республика Северная Осетия-Алания	-21,4	-8,4	-11,2	-25,4	-3,1	-1,0	-1,6	-1,1
	Карачаево-Черкесская Республика	-11	-4,4	-13	-22,5	-3,6	-2,0	-0,3	-0,2
	Кабардино-Балкарская Республика	-20,7	-9,0	-9,7	-7,0	-1,3	-0,6	-0,3	-0,3
	Республика Дагестан	-16,7	-6,2	-6,4	-6,2	-1,8	-10,1	-1,4	-0,8
	Республика Калмыкия	-35,6	-11,8	-22,6	-16,5	-1,4	-4,4	-0,3	-2,1
Казахстанское порубежье	Самарская область	-10,3	-4,5	-2,8	-0,1	6,6	2,1	1,0	0,7
	Новосибирская область	-7,7	-3,3	-3,9	-0,1	0,1	0,0	26,6	6,5
	Тюменская область	-4,8	-2,4	-2,9	0,0	2,7	61,7	6,9	1,1
	Саратовская область	-22	-6,3	-2,4	1,1	-0,2	0,2	0,9	0,8
	Оренбургская область	-17,9	-9,6	-5,3	-0,8	-9,9	-7,5	-1,3	-0,1

Сегмент пограничья	Регион	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
	Челябинская область	-7,2	-4,7	-4,8	-0,4	3,1	2,0	1,7	0,7
	Алтайский край	-8,2	-5,5	-4,8	-0,9	-0,9	-3,3	-13,7	-0,8
	Волгоградская область	-21,4	-7,1	-4,5	-0,3	-1,6	-0,2	0,5	0,7
	Астраханская область	-17,9	-5,9	-9,7	3,6	-1,9	-0,7	0,1	0,2
	Омская область	-13,4	-8,5	-9,0	-1,4	-1,4	-10	-2,1	-0,2
	Курганская область	-7,7	-5,5	-4,4	-0,9	-1,7	-51,1	-6,1	-0,4
	Республика Алтай	-1,1	-1,9	-1,4	-0,3	0,1	0,2	-4,9	-3,7
Монгольское порубежье	Республика Тыва	-4,2	-3,7	-1,4	-0,3	-0,3	-0,7	-46,6	-8,2
	Республика Бурятия	-9,4	-6,0	-4,4	-0,5	-1,1	-2,1	-12	1,7
Китайское порубежье	Еврейская автономная область	-9,8	-6,4	-12,8	-2,8	-3,1	-1,8	-3,4	-54
	Амурская область	-11,4	-7,1	-11,3	-1,6	-2,1	-1,6	-3,7	-11,3
	Хабаровский край	-15,8	-13,1	-20,3	0,0	-2,4	-0,7	0,7	20,5
	Забайкальский край	-10,9	-7,4	-7,8	-1,1	-2,9	-3,1	-22,8	-13,7
	Приморский край	-10,5	-8,7	-6,8	0,2	-1,2	-0,5	0,8	1,3
Тихоокеанское морское порубежье	Магаданская область	-56,3	-30,7	-30,3	-2,7	-8,2	-3,3	-5,9	2,0
	Сахалинская область	-14	-12,4	-15,8	0,9	-0,6	-0,3	3,1	-5,0
	Камчатский край	-31	-34,7	-7,6	-16,5	-3,9	-0,5	3,3	-0,6
Восточно-Арктическое морское порубежье	Чукотский АО	-56,6	-23,9	-8,5	6,0	-3,7	-2,2	17,5	-7,5
	Ямало-Ненецкий АО	-33,9	-16,1	-15,7	15,2	-7,6	-48	8,7	0,7
	Красноярский край	-10,9	-6,3	-7,3	2,0	-0,9	-0,6	11,3	2,0
	Республика Саха (Якутия)	-18,9	-10,2	-10	-0,7	-5,3	-2,3	-15,9	-3,2

1. Примечание: ЦФО – Центральный Федеральный округ, СЗФО – Северо-Западный Федеральный округ, ЮФО – Южный Федеральный округ, СКФО – Северо-Кавказский Федеральный округ, ПФО – Поволжский Федеральный округ, УФО – Уральский Федеральный округ, СФО – Сибирский Федеральный округ, ДФО – Дальневосточный Федеральный округ; цветом выделены значения сальдо миграции:

Источник: фондовые материалы Росстата, предоставленные в соответствии с официальным запросом.

Наконец, некоторые приграничные регионы остаются как бы в стороне от протекающих межрегиональных миграционных процессов. В их числе Воронежская область, Республики Крым и Алтай.

Обозначенные тенденции развития миграционной ситуации в приграничных регионах и специфика миграционного взаимодействия с другими регионами России обуславливают следующие риски экономической безопасности: депопуляция большинства приграничных регионов вследствие оттока населения и, как следствие, сокращение трудового потенциала регионов; чрезмерная локализация миграционных потоков и рост миграционной нагрузки на миграционно привлекательные регионы; замещение выбывших мигрантов переселенцами из других стран (прежде всего, СНГ). Современные геополитические условия окажут существенное влияние на трансформацию миграционных процессов в российском порубежье, усложнив старые и породив новые риски и угрозы экономической безопасности. Их выявление и мониторинг определяют актуальность дальнейших исследований.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-27-20064, <https://rscf.ru/project/22-27-20064/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Щербакова Е.М. Демографические вызовы России. Часть первая – население и пространство // Демоскоп Weekly. 2017. № 749-750. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0749/tema01.php> (дата обращения: 14.11.2022).
2. Демографические вызовы России: Экспертной-аналитический доклад. 2017. Москва: ЦСР. 71 с.
3. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Известия РАН. Сер. геогр. 2021;(1):24-38. <https://doi.org/10.31857/S2587556621010076>
4. Mkrтчyan N., Vakulenko E. Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle // Geo Journal. 2019. Vol. 84. No. 6. P. 1549-1565.
5. Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. 344 с.
6. Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, 3. С. 102-128. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.
7. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина, 2018. 562 с.

8. Население России 2017: двадцать пятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 480 с.

Anna V. Lialina¹, Ksenia Yu. Voloshenko¹,
Anna A. Novikova², Yulia Yu. Farafonova¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University;

²Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad

INTERREGIONAL MIGRATION OF THE POPULATION IN THE RUSSIAN OUTSIDE IN THE INTERESTS OF ECONOMIC SECURITY

Abstract. *Migration directly and indirectly significantly influences economic security, recently one of the most relevant research areas. The paper defines major trends in interregional migration in Russian border regions to identify risks and threats to economic security in the new geopolitical environment.*

Keywords: *migration of population, border regions, interregional migration, economic security.*

УДК 914/919

Макаров А.В., Бешенцев А.Н., Макарова Е.В.

Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ

МОНГОЛЬСКИЙ КОРИДОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются перспективы создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия, заявленного в качестве одного из шести коридоров Экономического пояса Шёлкового пути. Показывается, что в рамках трехсторонней программы прорабатывается реализация ряда инфраструктурных проектов, которые могут вывести на новый уровень экономические отношения трех стран. В качестве наиболее значимых инициатив, которые могут стать основой Монгольского коридора, выделяются планы модернизации Трансмонгольской магистрали и строительства транзитного газопровода.*

Ключевые слова: *Монголия, Россия, Китай, внешнеэкономическое сотрудничество, трансграничная инфраструктура, экономический коридор.*

Введение. Современная специфика внешних связей Монголии определяется двумя факторами: наличием богатой сырьевой базы и географическим положением. Полезные ископаемые формируют до 90,0 % экспорта. В структуре экспорта преобладают уголь, медный концентрат и железная руда.

В географическом плане Монголия зажата между Россией и Китаем, что ограничивает ее торговлю с другими странами. Сырьевая корзина экспорта и отсутствие выхода к морю определяют Китай в качестве основного рынка сбыта. Вместе с тем, Монголия имеет ограниченные запасы нефти и у нее отсутствует нефтепереработка. Поэтому Монголия зависит от импорта нефтепродуктов. При этом до 90,0 % импорта нефтепродуктов поставляет Россия. Последняя остается также партнером (50/50) в АО «Улан-Баторская железная дорога», управляющей единственной магистралью Монголии. Наряду с этим Россия является конкурентом Монголии по поставкам сырья в Китай.

Зажатое положение между Россией и Китаем, экономики которых по размеру ВВП соответственно в 100 и 1000 раз превышают монгольскую, рассматривается в качестве одной из угроз национальной безопасности. Поэтому Монголия придает важное значение экономическому сотрудничеству с развитыми странами мира (Японией, Южной Кореей, странами Европы, США, Канадой и Австралией), которые рассматриваются в качестве приоритетных партнеров, объединенных под общим понятием «третьего соседа» [1].

В то же время Монголия стремится воспользоваться своим положением между Россией и Китаем для развития инфраструктуры, выхода к морю и диверсификации экономики. В 2016 г. три страны формализовали намерения укрепить связи в рамках программы создания экономического коридора. Однако эти намерения до сих пор не воплотились в конкретные результаты.

В этой связи сотрудниками БИП СО РАН в рамках государственного бюджетного задания был проведен ряд исследований, направленных на выявление проблем и перспектив создания Монгольского коридора.

Проблемы и перспективы создания Монгольского коридора. В 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI века («Пояс и Путь»). В составе «Пояса» были определены шесть экономиче-

ских коридоров, которые должны связать Китай с Юго-Восточной, Южной, Центральной и Западной Азией, Россией и Европой.

В качестве одного из коридоров был заявлен экономический коридор Китай – Монголия – Россия, в целях создания которого была согласована одноименная программа. В этой программе планы развития трансграничной инфраструктуры для транзита грузов, электроэнергии и углеводородов рассматриваются в качестве основы трехстороннего сотрудничества.

Взаимосвязанное развитие транспортной инфраструктуры для увеличения объемов транзита грузов через Монголию рассматривается в качестве приоритетного направления Программы [2]. Реализовать это планируется за счет развития четырех железнодорожных коридоров (рис. 1).

На роль основного коридора рассматривается Центральный коридор на базе Трансмонгольской магистрали. Однако раскрыть ее потенциал для транзитных грузопотоков между Китаем и Европой до сих пор не удалось.

Во-первых, Трансмонгольская магистраль не единственный маршрут на этом направлении. Казахстанский маршрут также идет в Европу через Россию. Маньчжурский маршрут напрямую соединяет Китай с Россией в Забайкалье. При этом большая часть расстояния этих маршрутов проходит в Китае и России, тем самым обеспечивая большие доходы национальным железнодорожным компаниям, заинтересованным в их использовании.

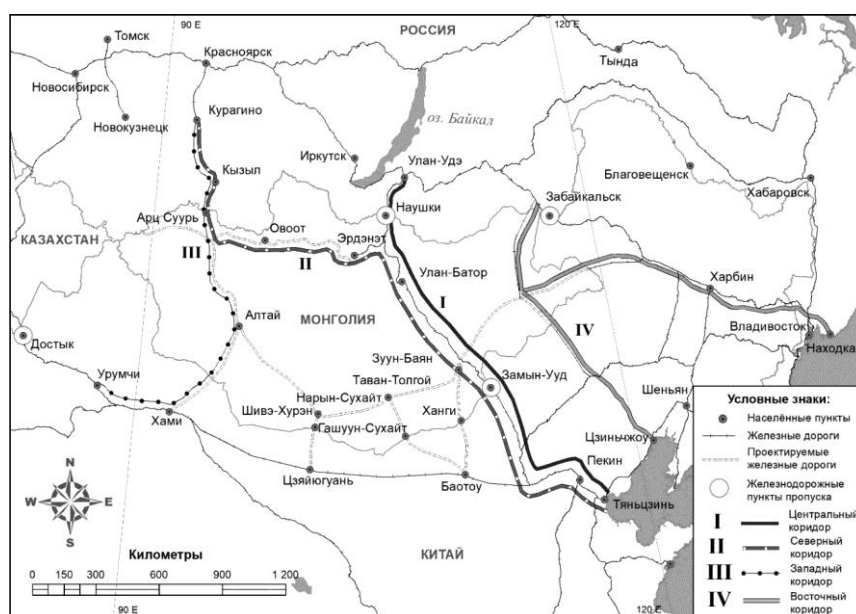

Рис. 1. Планы развития железнодорожных коридоров через Монголию

Во-вторых, Трансмонгольская магистраль находится не в лучшем состоянии. Вообще, однопутная железная дорога на тепловозной тяге мало подходит на роль сухопутного моста между Азией и Европой. В 2020 г. объем грузоперевозок по ней превысил 30,0 млн т при проектной мощности в 25,0 млн т. Это серьезно ограничивает пропускную способность и скорость движения, тем более что сам путь нуждается в обновлении.

В-третьих, за последние двадцать лет акционеры Трансмонгольской магистрали (ОАО «РЖД» и «Монголын Тумур Зам») не смогли договориться о привлечении инвестиций в ее модернизацию (строительство второго пути и электрификация). Пока не будет решен ключевой вопрос финансирования этих мероприятий планы превращения Трансмонгольской магистрали в ключевое звено железнодорожной сети Евразии будут оставаться только на бумаге.

Более ясные перспективы в последние годы приобрел план строительства транзитного газопровода через Монголию (рис. 2). В планах АО «Газпром» официально заявлено строительство газопровода «Сила Сибири-2» для соединения Западной и Восточной частей газотранспортной системы России и поставок газа в Китай через Монголию [3].

В этой конфигурации газопровод «Сила Сибири-2» позволит не только диверсифицировать поставки газа из Западной Сибири. Соединение с газопроводом «Сила Сибири-1» обеспечит гибкость и надежность экспортных поставок газа как в Азию, так и Европу. Кроме того, будет газифицирован ряд промышленных центров Восточной Сибири. Продолжение газопровода через Монголию («Союз-Восток») позволит напрямую выйти к Пекину. Новые возможности для развития получит также Монголия. Помимо платы за

транзит доступ к газу придаст импульс развитию электроэнергетики. Не менее важными для страны, испытывающей дефицит нефтепродуктов, являются перспективы использования газа в качестве моторного топлива.

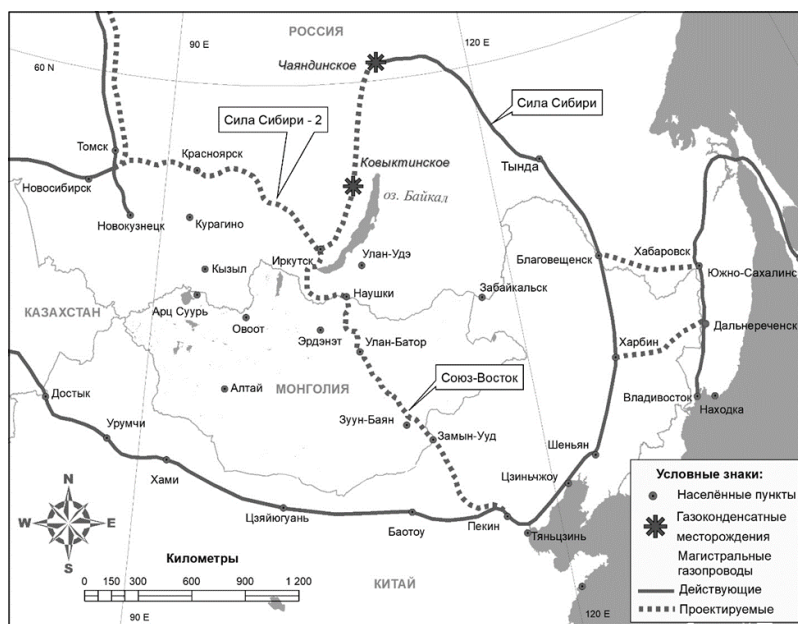

Рис. 2. План строительства транзитного газопровода через Монголию

В целом можно предположить, что Монгольский коридор обладает потенциалом развития. Вполне реалистичными представляются строительство транзитного газопровода и модернизация Трансмонгольской магистрали. Эти объекты инфраструктуры станут основой Монгольского коридора. Реализация планов их развития будет отвечать интересам трех стран и способствовать взаимовыгодному использованию транзитного потенциала Монголии.

Заключение. Программа создания экономического коридора обозначила перед Монголией новые возможности для развития в качестве одного из ключевых регионов Евразии. Реализация железнодорожных проектов позволит повысить доступность месторождений полезных ископаемых Монголии и улучшить внутреннее сообщение, а также связанность с соседними странами. Более того, модернизация Трансмонгольской магистрали и строительство новых железных дорог помогут Монголии создать конкурентоспособные транзитные коридоры между Китаем, Россией и Европой.

В числе мероприятий Программы, которые могут обеспечить переход на новый уровень сотрудничества, выделяются также планы строительства энергетической инфраструктуры. Реализация этих планов будет иметь огромное значение для трех стран. Россия и Китай резко увеличат торговлю энергоресурсами. Новые перспективы откроются также Монголии.

В целом Программа должна была стать платформой для согласования интересов трех стран и мобилизации финансирования. Однако начать реализацию ее мероприятий до сих пор не удалось. Поэтому Монголии следует принять активные меры, которые сделают инвестиции в ее железные дороги привлекательными для России и Китая, а также продолжить следовать в русле их транзитных интересов чтобы стать участником нового этапа российско-китайского сотрудничества в области поставок газа.

Это позволит не только привлечь Россию и Китай к развитию собственной инфраструктуры и направить транзитные потоки грузов и энергоресурсов через свою территорию, но и перейти к новым отношениям с ними в качестве одного из ключевых коридоров Экономического пояса Шелкового пути и привилегированного транзитного партнера.

Статья подготовлена в рамках государственного бюджетного задания БИП СО РАН (проект № 0273-2021-0003).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макаров А.В., Макарова Е.В., Михеева А.С. Внешнеэкономические связи Монголии: современная ситуация и проблемы развития // ЭКО. 2019. № 6. С. 62-82.
2. Макаров А.В., Макарова Е.В., Андреев А.Б. Монгольский коридор: проблемы и перспективы развития транзитно-транспортной сети Монголии // ЭКО. 2020. № 10. С. 34-49.
3. Макаров А.В., Макарова Е.В., Бешенцев А.Н. Монголия: между Россией и Китаем (пути реализации транзитного потенциала) // ЭКО. 2022. № 11. С. 144-157.

MONGOLAN CORRIDOR OF THE SILK ROAD ECONOMIC BELT

Abstract. The paper discusses the prospects for creating an economic corridor China-Mongolia-Russia, declared as one of the six corridors of the Silk Road Economic Belt. It is shown that, within the framework of the trilateral program, the implementation of a number of infrastructure projects is being worked out, which can bring economic relations in the China-Mongolia-Russia triangle to a new level. The most significant initiatives that can become the basis of the Mongolian corridor are the plans for the modernization of the Trans-Mongolian railway and the construction of the transit gas pipeline.

Keywords: Mongolia, Russia, China, foreign economic cooperation, cross-border infrastructure, economic corridor.

УДК 911.6: 504.4.062.2

Рыбкина И.Д., Орлова Е.С.

Институт водных и экологических проблем СО РАН,
г. Барнаул

ПРИГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ВОДНО-РЕСУРСНЫЕ ОЦЕНКИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Выполнена оценка водообеспеченности по данным речного и подземного стока муниципальных образований Алтайского края, Новосибирской и Омской областей в пределах Обь-Иртышского междуречья.

Ключевые слова: речной и подземный сток, прогнозные ресурсы стока, балансовые запасы, потенциальная водообеспеченность, бессточная область, Обь-Иртышский бассейн.

Приграничные территории Западной Сибири имеют протяженную государственную границу с Республикой Казахстан на юге и юго-западе макрорегиона. Эта часть российско-казахстанского пограничья располагается в пределах бессточной области Обь-Иртышского междуречья и характеризуется не самыми благоприятными природными условиями для социально-экономического развития. И всё же именно эта территория во времена СССР была распахана и значительно преобразована в период освоения целинных и залежных земель в 1950-1960 гг., а в последние десятилетия подверглась процессам опустынивания и социально-экономической трансформации [1].

На современном этапе развития с учетом сложившихся геополитических изменений степная зона России, для которой характерны высокие уровни вовлеченности в сельскохозяйственный и особенно земледельческий оборот, и ее исследования приобретают повышенную значимость и актуальность, в первую очередь, в вопросах продовольственной безопасности страны и импортозамещения. В этой связи, необходим детальный анализ всех факторов развития исследуемой территории. Среди них не последнюю роль играют водные ресурсы.

В пределах бессточной области Обь-Иртышского междуречья расположены муниципальные образования (МО) трех субъектов Сибирского федерального округа общей площадью 173,5 тыс. км², в том числе территории 28 МО Алтайского края, 22 – Новосибирской, 4 – Омской областей, в которых проживает более 600,0 тыс. человек [2]. В экономическом отношении это преимущественно сельскохозяйственно-развитые территории, но есть и городские поселения (города Славгород, Яровое, Каргат, Купино и др.), в которых получило развитие промышленное производство.

По данным Верхне-Обского бассейнового водного управления (БВУ) в бессточной области протекает 1082 реки или 1,3 % их общего количества в бассейнах Верхней и Средней Оби [3]. Речные воды здесь используются в целях сельскохозяйственного водоснабжения и представлены, главным образом, малыми и средними водотоками (рр. Карасук, Бурла, Кулунда, Чулым, Каргат и др.).

Потенциальная водообеспеченность одного жителя степной и лесостепной зон Западной Сибири, рассчитанная по речному стоку, составляет не более 1-2 тыс. м³ в год, что сопоставимо с установленными ранее [4-7] критическими уровнями обеспеченности водными ресурсами (1,7 тыс. м³ на человека в год) при умеренном водном стрессе (10-20 %) этих территорий [8]. В таких условиях водные ресурсы по существу являются лимитирующим фактором развития, если не учитывать подземный сток.

В условиях недостатка речных вод и их неудовлетворительного качества на большей части территории бессточной области Обь-Иртышского бассейна в хозяйственно-питьевых целях используются исключительно подземные (в том числе грунтовые) воды. По данным Верхне-Обского БВУ прогнозные эксплуатационные ресурсы подземных вод с минерализацией до 1,5 г/дм³ составляют 1,0 км³/год или 3,6 % их общих запасов в бассейнах Верхней и Средней Оби.

Сравнительный анализ потребностей в воде и обеспеченности ресурсами подземных вод показывает, что в некоторых МО вододефицит достигает значительных масштабов. Наиболее сложная водохозяйственная обстановка складывается на территории Новосибирской области и Алтайского края. Так, 13 муниципальных районов Новосибирской области испытывают вододефицит. Например, в Казанском сельском поселении Баганского района потребности в воде в 1,25 раза превышают общий дебит скважин. В ряде районов Алтайского края жители вынужденно используют ограниченно пригодную по природному солевому составу воду в питьевых целях [9].

Для оценки возможностей перспективного водоснабжения МО бессточной области Обь-Иртышского междуречья нами изучены и оценены водоресурсные ограничения природного характера, которые накладывают определенный отпечаток на вид и особенности целевого использования водных ресурсов. Для этого использованы материалы геолого-гидрогеологических съемок и опубликованных литературных источников [10–16], а также Интернет-ресурсы [17].

В условиях отсутствия пригодных для хозяйственно-питьевого водоснабжения поверхностных вод ограничения развития водоснабжения связаны, главным образом, с количеством и качеством подземных вод, водообильность и химический состав которых изменяются в зависимости от глубины залегания водоносных горизонтов и удаленности от областей питания. Известно, что в западной части бессточной области Обь-Иртышского междуречья отмечаются наибольшие глубины залегания подземных вод, используемых в хозяйственно-питьевых целях (до 1,5 км), имеющие удовлетворительное качество и хорошую водообильность ($>200 \text{ м}^3/\text{сут.}$), малую минерализацию, по химическому составу – гидрокарбонатно-натриевые. Восточная часть бессточной области характеризуется небольшим залеганием подземных вод (до 300 м), неустойчивым качеством и минерализацией до 3 г/дм^3 , водоносные горизонты невыдержанные по простиранию с пониженным водообменом и высокой водообильностью.

Значения водопроницаемости и минерализации подземных вод взяты нами как критерии водоресурсных ограничений развития водоснабжения исследуемых территорий. По материалам [16] составлены карты-схемы распространения водоносных комплексов с приемлемыми, по нашим оценкам, характеристиками, водопроницаемостью более $100 \text{ м}^2/\text{сут.}$ и минерализацией вод, используемых для разных целей до 1 г/дм^3 (хозяйственно-питьевых) и до 3 г/дм^3 (для сельскохозяйственного водоснабжения).

Анализ водоресурсных возможностей перспективного развития водоснабжения МО позволил провести зонирование территории по степени проявления ограничений и выделить районы благоприятные для крупного хозяйственно-питьевого водоснабжения (в том числе городского), районы благоприятные для водоснабжения сельских населенных пунктов с незначительным водоотбором подземных вод, а также районы с ограниченно пригодными водами для питьевых целей [18].

На примере МО Алтайского края также рассчитаны и определены уровни водообеспеченности по балансовым запасам месторождений подземных вод [19]. Наивысшие уровни водообеспеченности составляют 2,5-3,5 тыс. $\text{м}^3/\text{чел. в год}$. Отмечены медианные и средние значения водообеспеченности в сельских районах края – 116,7 и $400,6 \text{ м}^3/\text{чел. в год}$.

Таким образом, территории, для которых водоресурсные ограничения выступали бы жестким лимитирующим фактором развития, нами не выделены, поскольку при появлении ограничений по минерализации или водообильности в верхнем горизонте, водоснабжение может осуществляться из более глубоких горизонтов, имеющих требуемое качество вод. Однако для бесперебойного и гарантированного хозяйственно-питьевого водоснабжения требуется водоподготовка и финансовые вложения.

Статья подготовлена в рамках выполнения работ по госбюджетной тематике ИВЭП СО РАН и гранту РФФИ №21-55-75002 «Разработка рекомендаций в целях устойчивого совместного использования почв и грунтовых (подземных) вод: принятие решений при поддержке и участии заинтересованных сторон».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Спирин П.П., Рыбкина И.Д. Трансформация социально-экономического пространства российско-казахстанского приграничья (на примере Алтайского края) // Экономика и управление. 2007. № 4 (30). С. 25-28.
2. Рыбкина И.Д., Магаева Л.А., Губарев М.С. Ограничения и возможности развития водоснабжения муниципальных образований бессточной области Обь-Иртышского междуречья // Вода: химия и экология. 2015. № 3 (81). С. 83-90.
3. Верхне-Обской бассейновый округ // ЭКО-бюллетень ИнЭКА. 2009. № 4 (135). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ineca.ru/?dr=bulletin/arhiv/0135&pg=007>.
4. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Потребление воды: экологические, экономические, социальные и политические аспекты. М.: Наука, 2006. 221 с.
5. Entekhabi D., Arsar Ch., Betts A.K. et al. An Agenda for land surface hydrology research and call for the second international hydrological decade // Bull. Amer. Meteorol. Society. 1999. V. 80. № 10. P. 2043-2058.

6. Falkenmark M., Lundqvist J., Widstrand C. Macro-scale Water Scarcity Requires Micro-scale Approaches: Aspects of Vulnerability Semi-arid Development // Natural Resources Forum. 1989. V. 13. № 4. P. 258-267.
7. Falkenmark M., Wang-Erlandsson L., Rockström J. Understanding of water resilience in the Anthropocene // Journal of Hydrology. 2019. № 2. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.hydroa.2018.100009>
8. Современное состояние водных ресурсов и функционирование водохозяйственного комплекса бассейна Оби и Иртыша / отв. ред. Ю.И. Винокуров, А.В. Пузанов, Д.М. Безматерных. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 242 с.
9. Салдан И.П. Гигиенические проблемы питьевого водоснабжения населения Алтайского края // Мат. науч.-практ. конф. «Питьевые воды Сибири – 2014» / под ред. Ю.И. Винокурова, Ю.А. Рахманина. Барнаул: Принтэкс-пресс, 2014. С. 30-36.
10. Магаева Л.А., Казьмин С.П., Энес И.И. и др. Отчет о результатах специализированной комплексной геолого-гидрогеологической съемки масштаба 1:50 000 для обоснования строительства Карасукской оросительной системы (по работам Кочковского и Краснозерского участков за 1986-1990 гг.). Новосибирск: Новосибирские ТГФ, 1990. 215 с.
11. Казьмин С.П., Королев В.А., Тарасов С.П. и др. Отчет по групповой инженерно-геологической съемке масштаба 1:200000 и геолого-гидрогеологическому доизучению территории листов N-44-VII, N-44-XIII, N-44-XIV, N-44-XIX, N-44-XX (по работам Здвинского участка за 1984-1986 гг., 1990-1995 гг.). Новосибирск: Новосибирские ТГФ, 1995. 345 с.
12. Мартынов В.А., Михеева Л.С., Марченко П.Г. Отчет по теме № 20/55 «Составление каталога опорных разрезов Западно-Сибирского артезианского бассейна и сводной серийной легенды Государственной гидрогеологической карты СССР масштаба 1:200 000 по территории Новосибирской и Омской областей. Инженерно-геологическое районирование восточной части Кулундинско-Барабинского региона и прогноз изменений инженерно-геологических условий при мелиорации». Работы Палеонтолого-стратиграфической партии за 1987-1989 гг. Т. 2. Новосибирск: Новосибирские ТГФ, 1990. 220 с.
13. Васькина В.Н., Казьмин С.П. Отчет Новосибирского Центра мониторинга за подземными водами / Новосибирская геолого-поисковая экспедиция. Новосибирск: Новосибирские ТГФ. 2006. 235 с.
14. Государственная геологическая карта Российской Федерации масштаба 1:200 000. Изд. 2-е. Серия Западно-Сибирская. Омско-Кулундинская подсерия. Листы N-44-VII (Здвинск), N-44-XIII (Верх-Урюм), N-44-XIV (Довольное). Объяснительная записка. СПб: Изд-во картфабрики ВСЕГЕИ, 2001. 119 с.
15. Гидрогеология СССР. Т. XVII. Кемеровская область и Алтайский край. Западно-Сибирское геологическое управление / ред. М.А. Кузнецова, О.В. Постникова. М.: Недра, 1972. 399 с.
16. Ресурсы пресных и маломинерализованных подземных вод южной части Западно-Сибирского артезианского бассейна / И.М. Земскова, Ю.К. Смоленцев, М.П. Полканов и др. М.: Недра, 1991. 262 с.
17. Информационный сайт о состоянии недр Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://geomonitoring.ru/inform_product_ib.html
18. Рыбкина И.Д. Водоресурсное обеспечение долгосрочного регионального развития Западной Сибири (на примере Обь-Иртышского бассейна): дис. ... д-ра геогр. наук, спец. 25.00.36. Барнаул, 2020. 249 с.
19. Государственный баланс запасов полезных ископаемых Российской Федерации на 1 января 2019 года. Вып. 101. Подземные воды. Т. 1. Питьевые и технические воды. Кн. 7. Сибирский федеральный округ. М., 2019.

Irina D. Rybkina, Elena S. Orlova

Institute for Water and Environmental Problems of the SB RAS, Barnaul

BORDER TERRITORIES OF WESTERN SIBERIA REGIONS: WATER RESOURCE ASSESSMENTS AND DEVELOPMENT VECTORS

Abstract. *The assessment of water availability was carried out according to the data of river and underground runoff of municipalities of the Altai, Novosibirsk and Omsk regions within the drainless area of the Ob-Irtysh basin.*

Keywords: *river and underground runoff, predicted runoff resources, balance reserves, potential water availability, drainless area, Ob-Irtysh basin.*

УДК 911.3.32+(571.56+571.65)

Ткаченко Г.Г., Шведов В.Г.

Тихоокеанского института географии ДВО РАН,

г. Владивосток

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ БЕРИНГИЯ – РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. *Берингия – регион, расположенный в окраинных частях Евразии и Северной Америки, на стыке Северного Ледовитого и Тихого океанов. Основная характеристика её положения – прямое соприкосновение двух ядерных держав – России и США. Здесь современная конфронтация этих стран осложнена рядом пространственных споров. В данной ситуации необходимо иметь четкое представление о формировании современного пространства в Берингии и об истоках, возникших на этой основе межгосударственных разногласий.*

Ключевые слова: *Берингия, суверенное пространство, формирование, акваториальные и территориальные споры.*

Введение. В настоящее время Арктика рассматривается как макрорегион, опыт геополитического зонирования которого находится на ранней стадии. Пока можно лишь говорить о выделении в Арктике региона Берингия на стыке северо-западной окраины Северной Америки и северо-восточной Евразии [1]. Её геополитический облик представлен российско-американским соседством, которое не лишено акватерриториальных противоречий. Раскрыть их специфику позволяет ретроспективный анализ и рассмотрение современных отношений между этими государствами.

Материалы и методы. Статья написана на основе тематических научных публикаций и аналитических оценок. Использовались методы: фактологический, территориального анализа, геополитического зонирования.

Обсуждение. Термин «Берингия» введён в научный оборот с 30-х годов XX в. полярным исследователем Э. Хултенем для обозначения пространства на стыке Евразии, Северной Америки, Северного Ледовитого и Тихого океанов [2]. В настоящее время в это понятие включаются Чукотский АО, Камчатский край, Магаданская область, северо-восток Республики Саха и штат Аляска [3]. Для геополитического положения Берингии характерны:

- соседство двух крупнейших ядерных держав;
- их соприкосновение здесь своими окраинными частями, которые расположены в экстремальных природно-климатических условиях;
- устойчиво напряжённый характер соседства России и США.

На практике геополитическое выделение Берингии уже состоялось [4]: её пространство является зоной ответственности Северо-Восточного командования вооружённых сил России и Арктического командования армии США.

Современный геополитический облик Берингии начал складываться со второй половины XVII в. В это время фронт России достиг хребтов Верхоянского и Юдомского, дальнейшее продвижение за которые стимулировали сведения о богатых биоресурсах. Обогнув в 1648-1649 гг. Чукотку и Камчатку, С. Дежнёв и Ф. Попов обозначили первый рубеж российского продвижения в Берингии. Серьёзное сопротивление включению «захребетных» земель в состав России оказали лишь имевшие развитые милитарные традиции чукчи [5], за которыми было закреплено формальное подданство.

В XVIII в. Россия достигла новых уровней технического и военного развития, что позволило ей активно продвигать свои геополитические интересы в Берингии. В 1724 г. Пётр I инициировал проекты создания Северного морского пути и участия в разделе Северной Америки [6]. Возможность их реализации поручалось решить I и II Камчатским экспедициям 1726-1743 гг. В.И. Беринга и А.И. Чирикова. И если создание Северного морского пути оказалось тогда технически невозможным, то экспансия в Северной Америке развивалась успешно. В 1786 г. было учреждено «владение Аляска», граница которого шла от побережья Северного Ледовитого океана по 141° з.д. до водораздела Берегового хребта к проливу Сигаай (Диксон-Энтранс).

Проведение этого рубежа подвело итог формированию геополитического региона Берингия в его современном восприятии, который целиком принадлежал России. Но обладание им было весьма проблемным. Он был предельно удален от центра страны и фактически не имел сухопутной связи с ним. Морское сообщение осуществлялось вокруг Южной Америки либо Африки. Здесь природно-климатические условия в большинстве экстремальны, что затрудняло процесс освоения. Наконец, заселение Берингии исключалось наличием в России крепостного права.

И всё же, при благоприятной обстановке интеграция Берингии во внутрисоюзное социально-экономическое пространство, несомненно бы, продолжалась. Но этому препятствовало негативное внешнее воздействие. Европейские державы стремились не допустить усиления России в бассейнах Северного Ледовитого и Тихого океанов. Первоначально для этого использовался международный криминальный синдикат. Его члены вели в российской Берингии браконьерский промысел, нападали на русские поселения. Во время Крымской войны 1853-1856 гг. Берингию атаковали англо-французские интервенты. И хотя они потерпели поражение, стало очевидно, что Россия не имеет возможности для надёжной обороны удалённой восточной окраины.

Это во многом определило продажу в 1867 г. наиболее уязвимой части Берингии – Аляски США. Её результатом стала утрата Россией монопольного территориально-политического положения в берингийском регионе [7].

Потеря Аляски могла стать причиной и иных утрат России в Берингии. Полунезависимый статус Чукотки позволял американским купцам вести здесь неофициальную экспансию: создавать укрепленные пункты; снабжать местное население огнестрельным оружием; насаждать среди родовой верхушки сепаратистские настроения. Эту деятельность пресекло упразднение самоуправления Чукотки в 1888 г., что продемонстрировало решимость России в защите своих суверенных прав в Берингии. В последующее,

равное почти столетию, время ситуация здесь сохраняла относительную стабильность, что объяснимо следующим:

- отсутствием долгосрочных принципиальных противоречий между Россией и США в предреволюционный период 1889-1917 гг.;
- сосредоточением СССР и США в 20-е – 80-е годы XX в. на являвшихся для них более актуальными аспектах международных и двусторонних отношений;
- состоянием ядерного паритета между ними;
- отсутствием до конца 1970-х годов в сфере международных отношений пристального внимания к вопросам принадлежности континентального шельфа.

Ситуация изменилась в связи с внутренним кризисом и Советского Союза, и последующим тяжёлым посткризисным состоянием Российской Федерации, когда США активизировали ранее вялотекущие разногласия по морскому разграничению. Их основой стал пробел в договоре 1867 г., который не учёл разницу в использовании картографических проекций странами-контактёрами. Из-за этого в Беринговом море образовался сектор взаимного наложения их исключительных экономических зон площадью в 77 тыс. км². В 1990 г. министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе по личной инициативе передал его США, которые фактически аннексировали её.

Данный прецедент спровоцировал ситуацию вокруг острова Врангеля, наносимый на российские карты с 1707 г. Отечественный исследователь Ф.П. Врангель в 1824 г. определил его координаты. Но это не помешало американцу К. Хуперу, высадившись на нём в 1879 г., объявить его территорией США. Конгресс тогда отклонил эту инициативу в силу того, что остров Врангеля расположен к западу от линии российско-американского разграничения по договору 1867 г.

Тем не менее в 1999 г. парламент штата Аляска выдвинул к России требование о «возвращении» острова Врангеля (резолюция HJR-27). Это демарш вновь не был поддержан официальным Вашингтоном; но и мер по его деэскалации принято не было. Текущее обострение отношений между Россией и США стало новым поводом для поднятия в американских СМИ вопроса об «оккупации» Россией острова Врангеля. И в нынешних условиях нет гарантии, что этот мотив не будет озвучен официально.

В начале XXI в. Россия взяла курс на отстаивание своих национальных интересов, в том числе – и в пространственном отношении. Так, руководствуясь Конвенцией ООН по Морскому праву, она в 2015 г. она оформила заявку на переход под её юрисдикцию шельфа Северного Ледовитого океана площадью в 1,9 млн км², треть которого составляет хребет Менделеева, простёртый от острова Врангеля до Северного полюса и являющийся подводным продолжением суши российской Берингии.

Эта заявка в 2019 г. была признана ООН обоснованной. Но её противником являются США. Апеллируя к декларациям экологического плана и «справедливого» распределения природных ресурсов, они настаивают на придании Арктике статуса «достояния человечества». То есть, США, стараясь заблокировать соответствующие международным нормам пространственные права России в Арктике, сами стремятся занять положение абсолютного доминанта в высоких широтах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Romanov M.T., Shvedov V.G. About Dynamics of the Geopolitical Position of the North-East of Russia in the 17th-21st Centuries // Humanities & Social Sciences Review, 2019. Vol. 7. № 6. P. 169-175.
2. Hulten E. History of Arctic and Boreal Biota. Stockholm: Bokforlagsaktiebolaget Thule, 1937. 168 p.
3. Кожевников Ю.П., Железнов-Чукотский К.Н. Берингия: история и эволюция. М.: Наука, 1995. 382 с.
4. Матвеев И.В. Пентагон: США должны военным путём защитить свои интересы в Арктике. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politrus.com/2018/06/15/usa-russia-6/> (дата обращения: 31.07.19).
5. Нефёдкин А.К. Очерки военно-политической истории Чукотки (начало I тысячелетия Нашей эры – XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. 368 с.
6. Майков Л.Н. Рассказ Нартова о Петре Великом // Записки Академии наук. 1891. Т. LXVII. Прил. № 6. С. 99.
7. Baklanov P. Ya., Romanov M.T., Shvedov V.G. The Pacific Vector of Spatial Development of Russia and the USA in XVII – XX Centuries and Transformation of their Geopolitical Relations // RevistaInclusiones. 2020. Vol. 7. NumeroEspacial. Julio/Septiembre. P. 865-881.

Grigoriy G. Tkachenko, Vyacheslav G. Shvedov
Pacific Geographical Institute of the FEB RAS, Vladivostok

RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS IN THE GEOPOLITICAL REGION OF BERINGIA – RETROSPECTIVE AND CURRENT STATUS

Abstract. Beringia is a region located in the marginal parts of Eurasia and North America, at the junction of the Arctic and Pacific oceans. The main characteristic of its position is the direct contact of two nuclear powers - Russia and the United States. Here, the modern confrontation of these countries is complicated by a number of spatial disputes. In this situation, it is

necessary to have a clear idea about the formation of the modern space in Beringia and about the origins of the interstate disagreements that arose on this basis.

Keywords: Beringia, sovereign space, formation, water and territorial disputes.

УДК 913

Ушаков Е.А.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,

г. Владивосток

ГРАНИЦЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УРОВНЯ)

Аннотация. В статье рассматривается административная граница как фактор развития муниципальных районов. Установлено, что административная граница создает совокупный потенциал развития муниципалитета, который формируется за счет факторов развития территории – ее природно-ресурсной базы и природных условий. Особо важно учитывать и другую составляющую – экономико-географическое положение территории. Особую роль в формировании социально-экономического потенциала муниципального района играют поселения.

Ключевые слова: административная граница, факторы развития, административно-территориальная единица, муниципальный район, поселения, пространство, территория.

Одной из важных проблем регионального развития является изучение взаимосвязей между социально-экономическим положением административно-территориальных единиц и прохождением их границ, которые создают пространство территории, потенциал развития и его экономико-географические факторы (включая природно-ресурсный) [1].

Следует отметить, что в последние десятилетия произошло резкое изменение в социально-экономическом развитии страны – трансформация территориально-отраслевой структуры экономики, выделение новых приоритетных факторов развития территории. Все эти процессы развертывались на федеральном, региональных и муниципальном уровнях. И на каждом этих уровнях имелись не только общие тенденции, но и различия [2]. При этом, трансформация территориально-отраслевых структур на муниципальном уровне имеет свои специфические особенности развития на современном этапе [3–5].

В свою очередь административная граница выполняет важную роль в региональном развитии. Она служит важным фактором социально-экономического состояния выделяемой административно-территориальной единицы (АТЕ), пространственно фиксируя ее нынешнее состояние и внутренние географические факторы развития, которые могут быть как благоприятными, так и ограничивающими факторами развития [6]. По сути, административные границы задают для определенной АТЕ ее экономико-географическое положение, пространственно фиксируют и закрепляют за ней определенный природно-ресурсный и социально-экономический потенциал (рис. 1, 2).

Рис. 1. Экономико-географические факторы, определяющие развитие административно-территориальной единицы

При определении границ необходимо учитывать сложившуюся социально-экономическую основу развития муниципальных образований. Изучение социально-экономической основы территориального управления административным районом должно включать оценку его демографического потенциала, природных, инфраструктурных, финансовых, трудовых ресурсов, и производственных мощностей.

Рис. 2. Роль административных границ в развитии муниципального района

Среди факторов развития АТЕ, площадь и конфигурацию которой определяет граница необходимо отметить следующие:

1. **Природно-ресурсная база**, которая включает несколько главных компонентов. Это природные условия, которые могут играть решающую роль в развитии муниципального района – климатические условия, рельеф местности и т. п.

Наличие месторождений полезных ископаемых на территории муниципалитета. Ярким примером являются *минеральные ресурсы*, продукция которых пользуется стабильным спросом на мировых рынках (нефть, газ, драгоценные металлы, алмазы и т.д.). За счет таких видов минеральных ресурсов ряд муниципальных районов более активно развиваются по сравнению с большинством других районов.

Земельные ресурсы пространства – это территориальный потенциал для будущего развития муниципального района. Также необходимо учитывать агроклиматические характеристики этих земельных ресурсов для ведения сельскохозяйственной деятельности, которое может создать специализацию района за счет экспорта большей части ее продукции на внешние рынки.

Водные ресурсы – необходимы муниципалитету, как для жизнедеятельности его населения, а также для развития ряда производств, где необходимо большое количество воды для изготовления продукции и может выступать транспортной артерией (например, речной).

Отдельно необходимо выделить *биологические ресурсы* – в данном случае можно назвать два ярких примера – это *лесные ресурсы* и *рыбопромысловые ресурсы*, которые служат специализацией для многих муниципальных районов.

2. **Экономико-географическое положение самого пространства** – внешнеэкономические связи с соседями и возможное влияние этого положения как на само пространство (или его часть).

3. **Качество самого пространства** – освоенность самого пространства муниципального района, его расселенческая структура с наличием населенных пунктов и их людности, социально-экономической развитости территории, ее инфраструктурной обустроенности и производственного потенциала.

Другой главной составляющей АТЕ являются поселения. Они являются одним из важных связующих элементов территориальной организации общества, территориальной структуры хозяйства и природными компонентами территории на пространстве АТЕ. Поселения сосредоточивают демографический, основной инфраструктурный и производственный потенциал АТЕ и являются ядром формирования уровня развития и общего социально-экономического потенциала муниципальных районов. Иногда сами поселения имеют статус муниципального района, участвуя в формировании уровня развития и общего социально-экономического потенциала вышестоящей АТЕ (субъекта РФ).

Общей целью развития любого муниципального образования является повышение уровня и качества жизни проживающего в нем населения, на основе устойчивого социально-экономического развития. Для достижения этой цели необходимо решить совокупность проблем, связанных с рациональным использованием имеющихся экономико-географических факторов (природно-ресурсных, демографических, социальных, экономических, научно-технических, экологических, пространственных и т.п.). Важнейшая проблема – преодоление различий в уровнях социально-экономического развития муниципальных образова-

ний, наличие которых негативно сказывается на качестве жизни населения в менее развитых муниципалитетах.

Разные варианты выделения границы и осуществления её функции могут приводить к различным эффектам в социально-экономическом развитии муниципалитетов. Поэтому, при моделировании изменения административно-территориального устройства необходимо рассматривать не только наличие факторов развития (демографический и природно-ресурсный потенциалы, экономическая самодостаточность, инфраструктурная, в том числе транспортная обустроенность территории, комплексность освоения природных ресурсов, формирование инфраструктурных комплексов и т.д.), но и наиболее оптимальные варианты их использования для целей экономического роста и повышения уровня жизни населения.

Одна из важных предпосылок эффективного регионального управления – всесторонне обоснованное проведение границы при выделении административно-территориальных единиц. В конечном счете, это сказывается на обеспечении доступности для населения и хозяйства к необходимым ресурсам и факторам производства, формировании комфортной среды проживания. При административном районировании необходимо учитывать совокупность критериев – экономических, социальных и экологических условий, транспортную взаимосвязанность, особенности исторического развития и др. Особое место в этом перечне принадлежит сохранению физико-географической целостности АТЕ, в том числе и за счет использования бассейнового принципа размещения населения и хозяйства.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-17-00186, <https://rscf.ru/project/22-17-00186/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бакланов П.Я. Географические и геополитические факторы в региональном развитии // Региональные исследования. 2014. № 2. С. 4-10.
2. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Территориальные структуры хозяйства и экономические районы в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 2011. № 2. С.18-28.
3. Бакланов П.Я., Романов М.Т., Мошков А.В. Экономико-географические аспекты разработки Программы социально-экономического развития муниципального образования. Владивосток: Дальнаука, 2007. 87 с.
4. Воробьев Н.В., Заборцева Т.И., Лещенко Я.А. Валева О.В. Социально-экономические особенности формирования качества жизни в Байкальском регионе // География и природные ресурсы. 2016. № 6. С. 108-112.
5. Ханин С.Е. Границы узлового района как фактор формирования его территориальной структуры // Географические границы. М: МГУ, 1982. С. 54-64.
6. Baklanov P. Ya., Moshkov A. V., Ushakov E. A. Zoning as a Method for Assessing Geographic Factors for the Purposes of Sustainable Development of the Region // Advances in Economics, Business and Management Research. 2021. V. 195. P. 534-537.

Evgeniy A. Ushakov

Pacific Geographical Institute of the FEB RAS, Vladivostok

BORDERS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL UNITS

Abstract. *The article considers the administrative border as a factor in the development of municipal districts. It has been established that the administrative boundary creates an aggregate potential for the development of the municipality, which is formed due to the factors of development of the territory - its natural resource base and natural conditions. It is especially important to take into account another component - the economic and geographical position of the territory. Settlements play a special role in shaping the socio-economic potential of a municipal district.*

Keywords: *administrative border, development factors, administrative-territorial unit, municipal district, settlements, space, territory.*

УДК 910.3

Федорова А.С.

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск*

ОПЫТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) С СОПРЕДЕЛЬНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы содержания и специфика реализации существующих соглашений о сотрудничестве между Якутией и прилегающими к ней регионами. Проведен анализ нормативных документов по межрегиональному сотрудничеству, подписанных в разные годы. Выявлено, что не во всех региональных стратегиях социально-экономического развития республики и сопредельных территорий уделяется внимание общим проектам и не в полной мере отражаются возможности перспектив развития межрегионального сотрудничества.*

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество, соглашения, социально-экономическое развитие, соседние территории, интеграция, Республика Саха (Якутия)

В последние годы интерес к изучению межрегионального сотрудничества на региональном уровне становится все более значительным. Эти исследования имеют особую актуальность для территории Республики Саха (Якутия) и прилегающих к ней регионов, что в первую очередь обусловлено общим географическим положением территорий, природно-климатическими особенностями, существующими историческими, экономическими и культурными связями. Установление долгосрочных, равноправных и взаимовыгодных отношений между ними отвечает интересам соседних регионов и позволяет способствовать их социально-экономическому развитию и эффективному использованию природных условий и ресурсов.

Основным документом, определяющим направления взаимодействия между регионами, является подписание двустороннего соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Документом предусмотрен перечень мер по содействию развитию торгово-экономических связей, привлечению и реализации крупных инвестиционных проектов, расширению деловых контактов, а также обмену информацией и опытом. На сегодняшний день заключены двусторонние соглашения между Правительством Республики Саха (Якутия) со всеми приграничными субъектами: Чукотским автономным округом, Магаданской, Амурской и Иркутской областями, Хабаровским, Забайкальским и Красноярским краями [1]. Достигнутое соглашение сопровождается протоколом совместных действий по его реализации и обновляется по истечении срока действия. Важное внимание уделяется развитию международного сотрудничества субъектов Российской Федерации в стратегиях социально-экономического развития регионов, нацеленных на долгосрочную перспективу.

Анализ содержания действующих документов по осуществлению взаимного сотрудничества между Якутией и соседними регионами выявил наиболее значимые реализуемые совместные проекты. Осуществляется более глубокая интеграция между Республикой Саха (Якутия) и Магаданской областью, где ведется совместная работа по развитию промышленности и электроэнергетики, а также транспортного комплекса. Наиболее значимым проектом является освоение Яно-Колымской золоторудной провинции и перспективы объединения энергетических систем двух регионов.

Исторически сложилось так, что взаимодействие Республики Саха (Якутии) с Иркутской областью влияет на социально-экономическое развитие двух регионов. Наиболее важными промышленными межрегиональными проектами являются строительство и развитие магистрального газопровода "Сила Сибири", нефтепровода "Восточная Сибирь - Тихий океан", а также строительство новых линий электропередачи Усть-Илимская ГЭС - Усть-Кут - Пеледуй - Вилюйская ГЭС. Большие перспективы в развитии севера Иркутской области и юго-западной части Якутии связаны со строительством новых транспортных путей: строительством федеральной автомобильной трассы А331 «Вилюй» на участке: г. Усть-Кут–Пеледуй–Якутск и участка железной дороги Лена–Непа–Ленск. Важное межрегиональное значение имеет Осетровско-Ленский транспортный узел, обеспечивающий северный завоз в районы Крайнего Севера в период летней навигации.

Амурская область для Якутии является одним из основных партнеров в развитии сотрудничества в области транспортной инфраструктуры, сельского хозяйства, культуры, образования и т.д. Одним из перспективных межрегиональных проектов является формирование нового международного транспортного коридора Республика Саха (Якутия) – Амурская область – Китайская Народная Республика.

Республику Саха (Якутия) и Чукотский А.О. связывают давние экономические и культурные связи. Морской порт Зеленый мыс является главной транспортной магистралью для приграничных районов двух регионов. Осуществляется поставка топлива, техники, строительных материалов и продовольствия. Билибинская АЭС, а впоследствии Билибинская ТЭЦ будут снабжать электроэнергией морской порт Зеленый мыс и поселок Черский. Разработка крупных месторождений с запасами золота и меди «Купол», «Клен» и «Песчанка» в Билибинском районе Чукотского автономного округа будет способствовать развитию порта Зеленый мыс и строительству круглогодичной автомобильной дороги Черский – Аннойск.

Якутию и Хабаровский край связывают не только общие приграничные территории и исторические события, но и современные торгово-экономические и культурные связи. Наиболее перспективными совместными направлениями межрегионального развития являются строительство участка автомобильной дороги Якутск-Амга-Усть-Мая-Эльдикан-Югоренок - Нелькан – Аян и придание ей статуса федеральной автодороги и развитием портовых сооружений в поселке Аян Хабаровского края.

В протоколах мероприятий по реализации двустороннего Соглашения Республики Саха (Якутии) и Красноярского края наибольшее внимание уделяется решению социальных вопросов поселка Ессей Эвенкийского муниципального района, расположенному недалеко от границы с Якутией. Содействие в органи-

зации в области здравоохранения, образования и науки, культуры и искусства, физической культуры и спорта. Также рассматриваются вопросы возможности перевозок социально-значимых грузов из Якутии в поселок Хатанга Красноярского края.

Соглашение между Якутией и Забайкальским краем было впервые подписано 4 сентября 2021 г. Строительство автомобильной дороги межрегионального значения, соединит субъекты Российской Федерации: Усть-Кут (Иркутская область) - Таксимо (Республика Бурятия) - Новая Чара (Забайкальский край) - Олекминск (Республика Саха (Якутия)).

В 2016 г. было подписано соглашение о сотрудничестве и взаимодействии между восемью регионами, входящими в состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации. Одним из пунктов соглашения является скоординированная политика, обеспечивающая сохранение и улучшение качества жизни коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни. Межрегиональные соглашения Республики Саха (Якутия) и прилегающих к ней регионов также предусматривают разработку программ по сохранению исконной среды обитания и традиционного хозяйственного уклада коренных малочисленных народов Севера. Сотрудничество в развитии традиционных отраслей хозяйствования коренных малочисленных народов Севера осуществляется по вопросам оленеводства на пастбищах приграничных территорий регионов, модернизации переработки продукции традиционных отраслей (олeneводство и рыболовство), организации подготовки профессиональных кадров в области оленеводства и рыболовства. Регионы способствуют установлению культурных и образовательных связей, сохранению культурного наследия и языков, народного декоративно-прикладного искусства, а также развитию этнографического туризма в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера.

Все регионы заинтересованы в расширении межрегионального сотрудничества и укреплении двусторонних связей на долгосрочной основе, о чем неоднократно говорилось в выступлениях глав регионов. Но в то же время многие протоколы мероприятий по реализации Соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве носят скорее «протокольный» характер и имеют идентичное содержание и мало отражают региональную специфику сторон. Выявлено, что не во всех региональных стратегиях социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) и прилегающих территорий уделяется внимание общим проектам и они не в полной мере отражают возможности перспектив развития межрегионального сотрудничества.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №21-17-00250.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Реестр Межрегиональные связи Республики Саха (Якутия) Министерство по внешним связям и делам народов РС(Я) [электронный ресурс], URL: <https://mvsdn.sakha.gov.ru/deya/federativnyye-otnosheniya> (дата обращения 06.02.2023).

Alla S. Fedorova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

EXPERIENCE OF INTERREGIONAL COOPERATION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) WITH ADJACENT TERRITORIES

Abstract. *The article discusses the content and specifics of the implementation of existing cooperation agreements between the Yakutia and its adjacent regions. The analysis of normative and other documents on interregional cooperation signed in different years is carried out. It was revealed that not all regional strategies of socio-economic development of the republic and adjacent territories pay attention to common projects and the possibilities of prospects for the development of interregional cooperation are not fully reflected in them.*

Keywords: *interregional cooperation, agreements, socio-economic development, neighboring territories, integration, Republic of Sakha (Yakutia).*

УДК 332.1(292.471):(1-24):316.61

Швец А.Б., Вольхин Д.А.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь*

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПОСЛЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РУБИКОНА РОССИИ

Аннотация. *В работе анализируются изменения, происходящие в Причерноморском регионе после начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации на*

Украине. Отмечается влияние смены долговременной внешнеполитической стратегии взаимоотношений России и «коллективного Запада» на региональное развитие Причерноморья. Выявлены черты сходства в стратегиях развития стран Причерноморья, которые могут отразиться на их индивидуальной судьбе в новой архитектуре социокультурного пространства Евразии.

Ключевые слова: география, Причерноморье, Евразия, социокультурное пространство.

Смысл геополитического Рубикона для стран Причерноморья следует трактовать как ситуацию коренного изменения их внешнеполитической стратегии под влиянием факторов, которые можно обозначить как непреодолимые. 24 февраля 2022 г. вместе со специальной военной операцией Вооруженных Сил Российской Федерации на Украине мир вступил в новый этап своего развития. Исторически обусловленное противостояние России и «коллективного Запада» активизировалось, приняло характер «горячего» столкновения на территории Украины и создало прецедент смены политических и экономических доминант во всех регионах западного мира. «Мы безвозвратно и радикально порвали с Западом. Но этого пока ещё не осмыслили», – отмечал А.Г. Дугин [1]. В геополитическом контексте России страны разделились на недружественные, занимающие нейтральную позицию и поддерживающие право России вступить в открытое противостояние с западной концепцией однополярного мира.

В настоящее время страны Причерноморья как фрагмент сложной конструкции Евразии объединены в этом регионе не столько наличием прибрежных территорий в акватории Чёрного моря, сколько общими последствиями нарушения здесь системы международной безопасности, получившими выход в конфликте на Украине. Эти последствия во многом определяют новую экономическую и политическую реальность на всём Евразийском пространстве, но в Причерноморье они имеют свою специфику, важную для будущего России.

С началом военной операции на Украине Российская Федерация существенно не изменила характер взаимодействия с Причерноморскими государствами. Среди них у России по-прежнему нет военно-политических союзников (исключение составляет непризнанная Республика Абхазия), и не появились предсказуемые экономические партнёры. Ключевым ситуативным партнёром России в Причерноморье остаётся Турция, которая не признаёт воссоединения Крыма с Российской Федерацией, сотрудничает на форумах «Крымской платформы» с запрещенной в России организацией Меджлис крымско-татарского народа и крайне заинтересована в российских энергоносителях и туристах.

По оценкам экспертов Турция располагает второй по численности после США армией среди стран НАТО, насчитывающей свыше 510 тыс. человек. Подобно России, Турция претендует в Причерноморье на статус региональной державы, отвечающей за безопасность региона. В её руках остаётся контроль над Черноморскими проливами. Турция ускоренно осуществляет инфраструктурные работы, необходимые для превращения в международный «газовый хаб», который заменит российскому поставщику этого ресурса взорванные в Европе «Северные потоки». Страна вносит определённый вклад в энергобезопасность ещё одного причерноморского государства – Болгарии, соглашаясь на частичные поставки газа в Европу через территорию болгарского государства.

Акватория Чёрного моря, особенно её западный болгарско-румынский сектор, оставаясь в зоне досягаемости украинских и российских систем наступательного и оборонительного вооружения, видимо, не сможет до окончания специальной военной операции полноценно выполнять логистическую функцию в мирохозяйственных связях. Да и сами мирохозяйственные связи в Причерноморье приобретают регулируемый характер, связанный с введением Европейским Союзом и странами G7 в декабре 2022 г. эмбарго на морские поставки нефти из России и потолка цен на этот энергоноситель. В торговле со странами Причерноморья Россия сохраняет тенденцию доминирования углеводородного сырья, а также продовольственных товаров.

С введением регулируемых цен в мире началась деградация содержания понятия «международное разделение труда» – важнейшего фактора развития мировой экономики. Одним из проявлений этого процесса стало вынужденное изменение географической конфигурации международных экономических связей, генерируемых Россией. Они фрагментировались и перенаправляются в сторону Азии, в полном соответствии с новейшим геополитическим расколом. Один из аспектов этого раскола локализован в Причерноморье по условной оси «Севастополь – Стамбул». Турция сохраняет и усиливает в регионе роль главного аккумулятора и распределителя морских потоков. Именно турецкая сторона является главным партнёром всех стран Причерноморья по двусторонней связности морских перевозок [2]. Роль Турции как главного внешнеторгового партнёра России в Причерноморье существенно усилилась на фоне суммарного сокращения товарооборота с Украиной (табл. 1).

Российские черноморские порты в ситуации нефункционирующих Северных потоков–1 и 2 и проблем с поставками сухих грузов по северо-западным морским маршрутам отчасти замещают функции Балтий-

ского морского региона по поставке указанных грузов в страны Европы и других регионов. Об этом свидетельствует статистика российских портов за 2022 г., в которой отражено увеличение на 2,7 % российских грузоперевозок через порты Азово-Черноморского бассейна, по сравнению с сократившейся на 2,9 % работой портов Балтики [3]. Таким образом, в процессе поворота России на Восток Причерноморье по-прежнему занимает позицию региона с неопределённым балансом преимуществ, совпадающую с его рубежным географическим положением в Евразии.

Таблица 1

Внешняя торговля РФ со странами Причерноморья 2021–2022 гг., млрд долл. США

Государство	Экспорт		Импорт		Торговый оборот (ТО), 2022 г.	Динамика ТО 2021–2022 гг., %
	2021	2022	2021	2022		
Болгария	2,685	н/д	0,57	н/д	н/д	> +150
Грузия	1,023	1,835	0,61	0,651	2,486	+52,2
Румыния, евро	0,147	0,299	0,08	0,09	0,389	+71,4
Турция	28,959	54,307	5,774	8,031	62,338	+79,5
Украина	6,083	5,555	3,414	0,476	6,031	-36,5

Источник: статистические и таможенные службы стран Причерноморья.

В условиях глобальной геополитической турбулентности в Причерноморье формируются предпосылки для «регионализации внутри региона». Территории Ростовской области, Краснодарского края, Республики Крым, Севастополя, Херсонской и Запорожской областей, Донецкой Народной Республики формируют своеобразный морехозяйственный регион с существенными различиями в транспортной связности, горизонтальных и вертикальных межрегиональных и межкорпоративных связей, с наличием угрозы военных действий и новых санкций. Перспективной задачей России является создание в пределах своих новых регионов единой кольцевой аква-территориальной хозяйственной системы.

Для Ростовского и Краснодарского секторов этой системы стратегической целью является усиление лидерства в социально-экономическом пространстве Юга России, сохранение роли портово-логистической доминанты в Причерноморье и встраивание в складывающуюся новую геоэкономическую структуру Большой Евразии. Для Крымского сектора важно достижение перехода от «догоняющих» к опережающим и инновационным тенденциям развития морской экономики, участие в роли «региона-адаптера» в процессе интеграции постукраинских субъектов России в экономическое, транспортно-логистическое и гуманитарное пространство страны. Для приморских территорий постукраинских субъектов ключевой экономической целью является восстановление морского хозяйства и создание устойчивых связей с причерноморскими регионами России.

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дугин А.Г. Интегральный суверенитет // Официальный сайт Изборского клуба. 04.07.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/23057> (дата обращения: 30.01.2023).
2. Морской транспорт: индекс двусторонних линейных перевозок. UNCTAD. [Электронный ресурс]. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 20.01.2023).
3. Федеральное агентство морского и речного транспорта. [Электронный ресурс]. URL: <https://morflot.gov.ru/novosti/lenta/gruzooborot-morskikh-portov-rossii-v-2022-godu-vyros-na-0-7-do-841-5-mln-tonn> (дата обращения: 30.01.2023).

Alexandra B. Shvets, Denis A. Volkhin

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

THE BLACK SEA REGION AFTER THE GEOPOLITICAL RUBICON

Abstract. *The paper analyzes the changes taking place in the Black Sea region after the start of a special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine on February 24, 2022. The influence of the change in the long-term foreign policy strategy of relations between Russia and the "collective West" on the regional development of the Black Sea region is noted. The similarities in the development strategies of the Black Sea countries are revealed, which may affect their individual fate in the new architecture of the socio-cultural space of Eurasia.*

Keywords: *geography, Black Sea region, Eurasia, socio-cultural space.*

СЕКЦИЯ 6 ТУРИЗМ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ И РЕСТРУКТУРИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 332.1

Адашова Т.А.

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва*

АРКТИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Рассматривается специфика северных, в том числе арктических территорий России. Оцениваются подходы понятия «арктический туризм». Анализируются факторы, лимитирующие сферу туристской индустрии, и потенциал использования арктического туризма в северо-восточных регионах страны.

Ключевые слова: Российский Дальний Восток, арктический туризм, туристические природные ресурсы.

Несмотря на отсутствие единой трактовки понятия «арктический туризм», по мнению многих специалистов он рассматривается как туризм, получивший развитие в арктическом регионе. Но при этом наблюдаются различные подходы и при определении границ сектора Арктики.

Говоря о международном секторе под ним понимаются обширные береговые территории, острова и акватории морей Северного Ледовитого океана Европы, Азии и Северной Америки севернее 60° с.ш. В силу особенностей своего географического положения восемь государств считаются арктическими: Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция, США. С 1996 г. они образуют Арктический совет, который решая широкий круг вопросов, занимается совместными научными исследованиями, оказывает помощь коренному населению и другими жителями Арктики (в сумме их больше миллиона).

В России, где почти 20 % территории расположено к северу от полярного круга, в состав арктической зоны входят земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других нормативных актах СССР. В соответствии с Указом Президента РФ от 02 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» с изменениями от 27.06.2017 г. № 287, от 13.05.2019 г. № 220, от 05.03.2020 г. № 164 к ним относятся 4,8 тыс. км², около 28 % сухопутной площади страны. Там проживает 2,4 млн чел, что составляет менее 2 % населения России (около 40 % от общего населения всей Арктики). Значимость северных районов России для экономики страны колоссальна. На них приходится около 11 % национального дохода страны, создается 22 % объема общероссийского экспорта.

Однако следует отметить, что в отличие от сухопутной территории международно-правовой статус акватории российской Арктики окончательно не урегулирован. Исходя из особенностей географического положения, общая площадь арктического сектора РФ составляет около 9 млн км², из которых 6,8 км² – морская акватория Северного Ледовитого океана. Однако действующее международное законодательство не признает особых прав приарктических стран ссылаясь на Конвенцию ООН по морскому праву (1982 г.). В соответствии с ней, полный суверенитет прибрежного государства охватывает только 12-мильную зону прибрежных территориальных вод. Частичный суверенитет распространяется на 200-мильную исключительную экономическую зону. Исследования рельефа морского дна служат основанием для юридически обоснованного расширения российских внешних границ в Арктике. В случае одобрения их результатов Комиссией ООН по границам континентального шельфа на 1,2 млн км² (в настоящее время – 4,1 млн км²) увеличится площадь российского континентального шельфа.

В отличие от приарктических зарубежных стран, где наряду с разработкой сырьевых ресурсов успешно продвигают услуги арктического туризма, в России (а прежде в СССР) интересы государства связаны, прежде всего, с безопасностью обширного пограничного региона северных государственных границ (по данным Пограничной службы ФСБ РФ, они составляют около 20 тыс. км), добычей природных ресурсов, развитием транспортных коммуникаций, обеспечением условий проживания населения. Поэтому несмотря на то, что на протяжении нескольких десятилетий наблюдается устойчивый интерес к этому суровому краю со стороны иностранных и отечественных туристов, основными лимитирующими факторами стала военно-стратегическая значимость этих территорий, закрытость для посещения гражданскими лицами островов и прибрежных территорий, имеющих пограничное положение. Это практически полно-

стью исключало создание объектов, предназначенных для стоянки туристического транспорта (например, портов для приема круизных судов) и туристской инфраструктуры (гостиниц, кемпингов, объектов питания). К тому же, следует принимать во внимание суровые природные условия и особенности акватории шельфа морей Северного Ледовитого океана, имевших непродолжительную навигацию для плавания Северным морским путём (СМП).

После распада СССР идея развития арктического туризма вообще не рассматривалась. К сожалению, был утрачен создаваемый десятилетиями позитивный опыт освоения и развития северных районов, успехи переселения и закрепления населения, не жизнеспособными оказались многочисленные научно-исследовательские программы и работа полярных станций.

Длительный период восстановления экономики северных районов, военно-стратегического потенциала позволило рассматривать возможность развития там сферы туризма в качестве относительно нового направления в сфере государственного стратегического планирования и коммерческой деятельности. Важным решением, обозначившим вектор действия стала Стратегия развития Арктической зоны РФ до 2020 г., предусматривающая «развитие арктического туризма и расширение экологически безопасных видов туристской деятельности в Арктике, совершенствование нормативно-правового обеспечения в сфере туризма, создание системы его финансовой поддержки на принципах государственно-частного партнёрства, содействие формированию региональных туристических кластеров, продвижение арктического туризма на национальном и международном рынках» [1]. Значимость принятого решения подтверждает Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», в котором акцентируется внимание на расширение возможностей туристской деятельности. Этому способствует наличие природных ресурсов – самые большие в мире площади арктических и полярных ландшафтов, непосредственный выход к семи северным морям (Баренцеву, Белому, Карскому, Лаптевых, Западно-Сибирскому, Берингову и Чукотскому), разнообразные и уникальные объекты показа.

В Европейской части российского арктического сектора уже сейчас ощутимы результаты вложения инвестиций в сферу туризма и проведения масштабных работ: разрабатываются новые маршруты, популяризируются дестинации, строятся места отдыха, питания, развивается транспортная инфраструктура, в том числе для круизного туризма. Самыми популярными регионами среди туристов в допандемийный период были Мурманская область (40 %), Архангельская область (18 %), Республика Карелия (15 %), Ямало-Ненецкий автономный округ (15 %) [2]. При этом в целом показатели развития арктического туризма в России занимают очень скромные позиции, а многие из разрабатываемых маршрутов не могут быть реализованы в ближайшее время по объективным причинам.

Развитие арктического туризма в восточных районах страны в настоящее время по-прежнему очень незначительно. Сказывается очаговый характер хозяйственного освоения территорий, ограниченные возможности транспортной инфраструктуры. Так, к примеру, основными видами транспорта являются водный (речной в Саха (Якутии)), морской (на Чукотке) и воздушный. Основные объекты туристского посещения там – отдаленные и труднодоступные островные территории, ООПТ с ограниченными возможностями приема туристов, например, объект наследия ЮНЕСКО – Остров Врангеля. Развитие туристских кластеров в арктическом северо-восточном секторе страны рассматривается, но не входит в сферу приоритетных задач. Поэтому сложно ожидать, что в скором времени ситуация изменится кардинальным образом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/info/18360/> (дата обращения: 30.01.2023).
2. Туризм в Арктике набирает обороты // Инвестиционный портал Арктической зоны России. [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-russia.com/article/arkticheskiy-turizm/> (дата обращения: 30.01.2023).

Tatiava A. Adashova

Moscow Pedagogical State University, Moscow

ARCTIC TOURISM OF THE EASTERN REGIONS OF RUSSIA: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Abstract. *The specifics of the northern, including the Arctic territories of Russia are considered. Approaches to the concept of "Arctic tourism" are evaluated. The factors limiting the sphere of the tourism industry and the potential for the use of Arctic tourism in the north-eastern regions of the country are analyzed.*

Keywords: *Russian far East, Arctic tourism, tourism natural resources.*

ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. В последние годы все больше внимания уделяется развитию внутреннего туризма, так как данная сфера оказывает значительное влияние на региональную экономику. Республика Татарстан обладает богатыми природными ресурсами, которые позволяют привлекать в регион туристов все зависимости от сезона. В статье рассматривается природный туристско-рекреационный потенциал, его современное состояние, а также природно-экологическая обстановка в республике и проводимые мероприятия по улучшению природной составляющей региона.

Ключевые слова: туристско-рекреационный потенциал, природные объекты, экологический туризм, особо охраняемые природные территории.

Сфера туризма является одной из приоритетных сфер не только России, но и Республики Татарстан. Туристический поток в республику с каждым годом растет, а также повышается и спрос на различные виды туризма. В последнее время все больше внимания уделяется видам туризма, которые связаны с природой, таким как: экотуризм; пеший туризм; горнолыжный туризм; конный туризм. Данные виды туризма активно распространяются и пользуются популярностью у туристов, которые посещают республику.

Рассматривая факторы, которые оказывают влияние на развитие туризма, можно выделить: природные, культурные, исторические, социально-экономические, технологические и экологические. Данные факторы в совокупности представляют собой туристско-рекреационный потенциал, который позволяет оценить привлекательность региона, как для туристов, так и для инвесторов [1].

Туристический сектор является одним из важнейших в экономике. Для формирования туристской структуры необходимо наличие туристско-рекреационных ресурсов, которые в свою очередь позволяют сохранять целостность туристского пространства. Развитие данных ресурсов благоприятно влияет на социально-экономическую среду. Формирование туристско-рекреационного потенциала напрямую влияет на конкурентоспособность региона [2].

В данное время не существует какого-то единого понятия «туристско-рекреационный потенциал». Чаще всего, туристско-рекреационный потенциал рассматривают как совокупность туристских и рекреационных ресурсов. Однако не стоит забывать и про условия, которые влияют на эти ресурсы. Туристско-рекреационный потенциал напрямую зависит от туристических потоков, которые в свою очередь связаны с транспортной инфраструктурой, демографической ситуацией, природными и культурно-историческими объектами. Данные факторы позволяют привлекать туристов и следить за тем, как формируются туристические потоки.

Далее рассмотрим природный туристско-рекреационный потенциал Республики Татарстан. Природная составляющая также является одной из основных в структуре рекреационного потенциала. [3] Природные ресурсы в свою очередь позволяют организовывать на территории так: спортивный, экологический, оздоровительный, данные виды туризма являются очень популярными и с каждым годом приобретают все большую популярность, так как ковидные ограничения изменили туристические предпочтения туристов. Также для построения карты необходимо провести классификацию, которая представлена в табл. 1.

Таблица 1

Классификация районов Республики Татарстан

Количество районов	Классификация	Уровень
18	I. 3-12	Низкий
17	II. 13-21	Ниже среднего
3	III. 22-30	Средний
1	IV. 31-39	Выше среднего
4	V. 40-48	Высокий

Природный потенциал республики более-менее сформирован равномерно по территории всего Татарстана. В республике 18 районов имеют «низкий» уровень, 17 районов – «ниже среднего», что позволяет сделать вывод о том, что большинство районов имеют низкий природный потенциал. Три района республики находятся на уровне «средний», 1 – «выше среднего» и 4 района – «высокий».

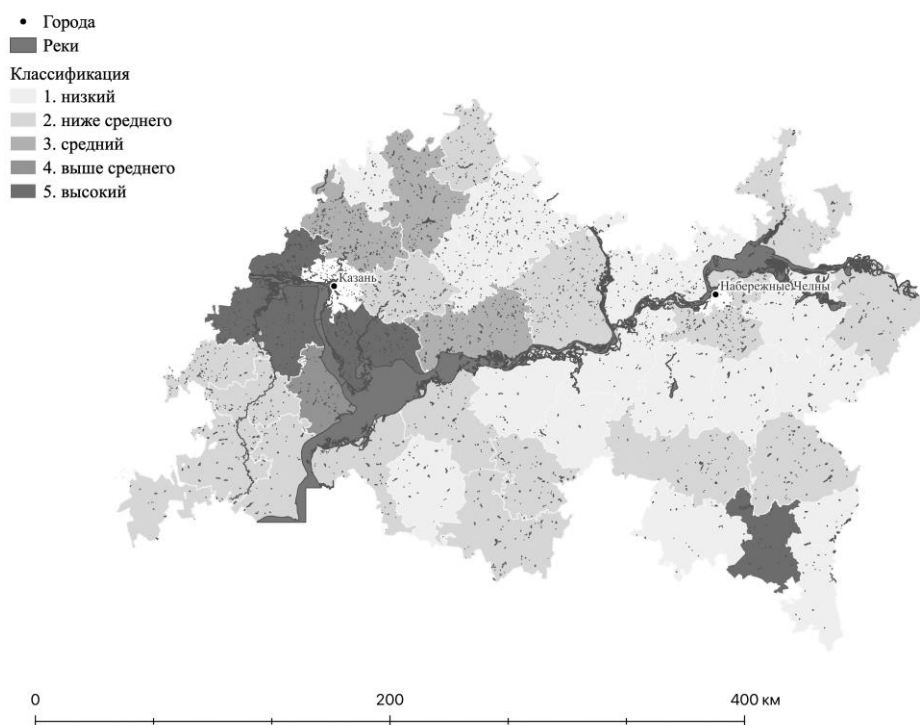

Рис. 1. Природный туристско-рекреационный потенциал Республики Татарстан

На рис. 1 можно заметить, что большинство районов с потенциалом «средний», «выше среднего» и «высокий» территориально располагаются в западной части Республики Татарстан и непосредственно граничат с городом Казань.

Данная тенденция объясняется тем, что в данных районах находятся особо охраняемые природные территории. К таким относятся:

- ФГБУ «Волжско-Камский государственный природный биосферный заповедник»;
- Национальный парк «Нижняя Кама».

Так как 2020 г. был ковидным и действовало много ограничений, то и туризм претерпел изменения. Если раньше туристы активно выезжали за рубеж на отдых, то теперь они предпочитают отдыхать внутри страны. Вырос спрос на отдых в кемпингах, глемпингах, а также в целом повысился спрос на экологический туризм. Однако не все районы Татарстана имеют достаточно богатые природные ресурсы, что не позволяет организовывать на их территориях полноценный отдых.

Основной проблемой при организации экологического туризма можно отметить то, что большинство предприятий не использует рациональное природопользование. Общество только сейчас начинает использовать данную концепцию при организации туризма. Среди проблем, при организации туризма, также можно отметить и то, что при массовом потоке туристов он может носить разрушительный характер для окружающей среды, а, следовательно, это влечет ухудшение условий жизни людей, растительного и животного мира [4].

В первую очередь, стоит уделить внимание сохранению и увеличению численности особо охраняемых природных территорий. В республике данный фонд образует около 190 ООПТ, которые в совокупности занимают 464,68 тыс. га. На рис. 2 представлена структура природно-заповедный фонда Республики Татарстан.

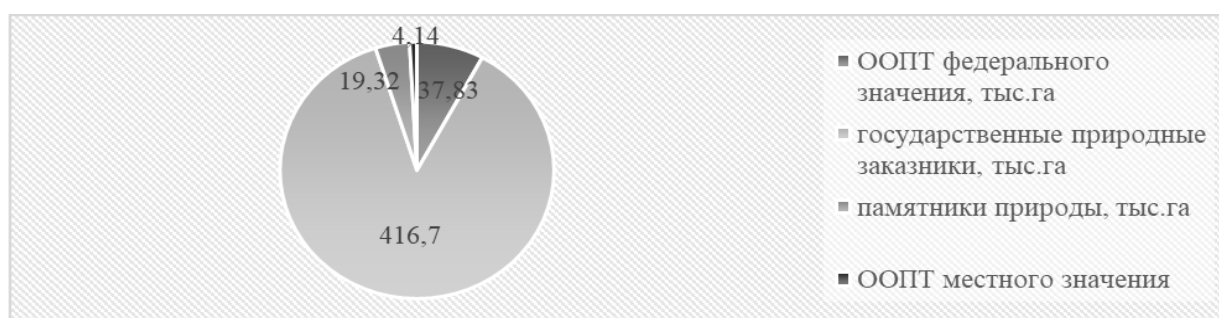

Рис.2. Природно-заповедный фонд Республики Татарстан [5]

В республике активно ведется работа по увеличению площади ООПТ, для дальнейшего сохранения уникальных природных ландшафтов и ценных видов.

Помимо сохранения уже имеющихся ООПТ, в Татарстане создаются новые памятники природы регионального значения. В 2021 г. на месте впадения р. Вятка и р. Кама был создан «Остров Сокольский» общей площадью 7634 га. В Казани в этом же году образовали охранную зону памятника природы регионального значения Урочище «Русско-немецкая Швейцария» с площадью 256,6 га.

Республика Татарстан также проводит различные мероприятия, по озеленению территорий. Так как лесопарки и зеленые зоны непосредственно относятся к рекреационной деятельности и влияют как на местных жителей, так и туристов, которые приезжают в регион, то необходимо уделять особое внимание к озеленению городов и сельских поселений. Зеленый фонд является неотъемлемой частью городского пространства, который оказывает значительное экологическое влияние на микроклимат, регулируют газовый состав воздуха, защищают жилые территории от городского шума, выделяют фитонциды, а также являются эстетическим источником красоты. В республике за 2021 г. было проведено озеленение, сведения о котором представлены на рис. 3.

Сведения об озеленении городов республиканского подчинения РТ по состоянию на 01.01.2021 г.								
Город	Общая площадь города	Общее число жителей	Общая площадь зеленого фонда		Площадь под озелененными территориями общего пользования (сады, скверы, парки, бульвары)	Площадь под озелененными территориями общего пользования (сады, скверы, парки, бульвары) на 1 жителя	Создано зеленых насаждений общего пользования в 2020 г.	Объемы финансирования
	га	тыс. чел.	га	%				
Казань	63968,97	1257,0	18425,0	30,0	449,0	0,00036	96,644	446953,73
Наб. Челны	17103,0	532,0	6328,11	37,0	704,29	0,00132	11,97	25519,5
Нижнекамск	11639,0	240,152	4194,0	36	260,0	0,0011	0	-
Заинск	5838,0	39,6	168,0	2,8	87,3	0,0023	1,0	-
Чистополь	5765,0	58,777	1112,0	19,3	441,0	0,007	0,2	-
Зеленодольск	3773,0	100,009	744,0	19,7	254,6	0,002	2,46	23,954865
Елабуга	4912,0	70,799	534,2	11,0	18,0	0,24	2,2	-
Бугульма	27871,0	81,7	75,0	2,7	58,6	0,00072	2,5	-
Альметьевск	11499,0	156,0	2296,0	19,96	1782,0	0,1	3,1	-
Азнакаево	2407,4	34,197	899,9	37,0	461,8	0,03	5,4	600,0
Бавлы	1819,0	21,794	558,0	31,0	440,0	0,08	2,07	9100,0
Буинск	1589,1	20093	158,9	10,0	12,0	0,0006	1,5	-
Нурлат	2260,0	31,555	520,51	23,0	25,1	0,007	2,75	=
ИТОГО:	160444,5	22716,58	36013,62	21,5	4993,69	0,03	131,7941	35243,45

Рис. 3. Сведения об озеленении городов республиканского подчинения РТ по состоянию на 01.01.2021 г. [5]

Рассматривая работу по озеленению и природный туристско-рекреационный потенциал, то можно заметить, что мероприятия проводятся в административных центрах районов с «низким» потенциалом, таких как: Нижнекамск; Заинск; Чистополь; Елабуга; Бавлы.

А также в административных районах, которые имеют потенциал «ниже среднего»: Альметьевск; Азнакаево; Буинск; Нурлат.

Данные мероприятия направлены не только на улучшение зеленого фона городов, но и способствует привлечению туристов в данные города, что также благоприятно скажется на экономической составляющей районов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лазукина, С.В. Проблемы экологии в России и их влияние на туризм и гостеприимство / С.В. Лазукина, А.Р. Зейналова // Российские регионы: взгляд в будущее. 2022. Т. 9. № 2. С. 88-95.
2. Чибилёва В.П., Филимонова И.Ю. Специфика формирования туристско-рекреационного опорного каркаса степных регионов (на примере Оренбургской области) в условиях современных вызовов // Вопросы степеведения. 2021. № 2. С. 45-52.
3. Сидоров В.П., Рубцов В.А., Шабалина С.А., Булатова Г.Н. Природно-рекреационный потенциал республики Татарстан // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». 2013. № 3. С. 152-161.
4. Першина, А. В. Влияние экологических факторов на развитие туризма в Крыму / А. В. Першина, М. А. Шостак // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2015. № 49. С. 158-163.

5. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан за 2021 год // Министерство экологии и природных ресурсов Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: https://eco.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_3288791.pdf (дата обращения: 26.01.2023).

Yulia P. Alekseeva

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

THE NATURAL AND ECOLOGICAL SITUATION OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN AND ITS IMPACT ON THE TOURIST AND RECREATIONAL POTENTIAL

Abstract. *In recent years, more and more attention has been paid to the development of domestic tourism, as this area has a significant impact on the regional economy. The Republic of Tatarstan has rich natural resources that make it possible to attract tourists to the region, regardless of the season. The article examines the natural tourist and recreational potential, its current state, as well as the natural and ecological situation in the republic and the measures taken to improve the natural component of the region.*

Keywords: *tourist and recreational potential, natural objects, ecological tourism, specially protected natural territories.*

УДК 338.48

Бабилов В.А., Урбанова Ч.Б.

*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
г. Улан-Удэ*

ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО БРЕНДА ГОРОДА УЛАН-УДЭ

Аннотация. *В статье представлена информация, посвященная формированию туристско-географического бренда города Улан-Удэ – столицы Республики Бурятия. В последние годы наметилась тенденция увеличения количества туристов, посещающих республику и ее столицу – г. Улан-Удэ. Авторы предпринимают попытку осуществить разработку туристского бренда, на основе методики предложенной Е.А. Джанджугазовой, для различных видов туристско-рекреационной деятельности.*

Ключевые слова: *туризм, рекреация, бренд, туристский потенциал, городская агломерация, природные и антропогенные комплексы.*

Город Улан-Удэ расположен в Иволгино-Оронгойской межгорной впадине в 100 км восточнее от побережья оз. Байкал, на правом берегу р. Селенги у ее слияния с р. Уда. Межгорная впадина, в которой расположен Улан-Удэ представляет собой обширное понижение, вытянутое с юго-запада на северо-восток и ограниченное отрогами хребтов Хамар-Дабан и Улан-Бургасы – на северо-западе и Цаган-Дабан – на юго-востоке.

В качестве основных причин, продолжающих тормозить развитие туристского рынка Улан-Удэ, как столицы Республики Бурятия, это проблемы, связанные со слабостью туристической политики как механизма управления продвижением совокупных туристических продуктов территориальных туристско-рекреационных комплексов в туристском информационном поле [1], в том числе вопросы создание собственного туристско-географического бренда.

Понятие «туристско-географический бренд» является системным комплексным понятием, характеризующим стратегию создания конкурентных преимуществ туристического продукта, перспективность развития туристско-рекреационной деятельности и максимальное получение социально-экономического эффекта, на основе географических закономерностей.

Основой туристско-географического бренда является буквально любая характеристика, вызывающая у потребителя определенный набор положительных эмоций, – уникальный природный объект, историческое событие, деятельность известного человека, миф, образ, легенда. При создании туристско-географического бренда территории очень важна реанимация старых и создание новых мифов. Это, по мнению Ю.П. Веденина, является необходимым условием эффективной деятельности, направленной на создание уникального ресурсного потенциала региона, формирование систем новых мест и объектов.

В настоящее время позиционирование – одна из основных задач продвижения территории. Благодаря позиционированию можно выделиться на фоне остальных, представить в выгодном свете достопримечательности, специфику муниципального образования или субъекта федерации, результаты деятельности властей, привлечь к себе внимание, финансы, получить привилегии и более высокий статус [2].

Рис. Структура туристско-географического бренда г. Улан-Удэ (по материалам Е.А. Джанджугазовой)

Таблица 1

Формирование туристско-географического бренда г. Улан-Удэ и его окрестностей¹

Компоненты туристско-географического бренда города Улан-Удэ	Краткое описание
1	2
Туристское пространство: А. Естественное туристское пространство (система ООПТ), памятники природы (геологические, палеонтологические, минералогические, гидрогеологические, гидрологические, ботанические, зоологические, ландшафтные)	Экологический каркас ООПТ вокруг оз. Байкал. Омудевая гора. Местность Верхняя Березовка. Острова в русле рр. Селенга и Уда, самые крупные в городской черте – Богородский и Комсомольский. Многочисленные родники и ключи в пригородной зоне города. Генеральские озера и многочисленные антропогенные котлованы используемые для акварекреации.
Б. Культурно-историческое туристское пространство (памятники архитектуры, памятники истории, памятники культуры, памятники археологии, музейные экспозиции, памятники религиозного назначения, учреждения культуры и досуга)	Православные, старообрядческие, буддистские храмы, поселения гуннов. Улица Ленина в г. Улан-Удэ (Улан-Удэнский Арбат), Гостиные ряды. Православные храмы: Одигитриевский собор, Троицкая церковь, Никольская церковь, Вознесенская церковь. Буддистские храмы: дацан «Римпоче-Багша», Буддистский женский дацан «Зунгон Даржалинг», дацан «Хамбын-Сумэ» (Верхняя Березовка) и многочисленные дуганы в разных частях города. Проект: Старый Верхнеудинск. Памятник В.И. Ленину. Музеи: Национальный музей Республики Бурятия, Музей истории города Улан-Удэ, Геологический музей, Музей природы Бурятии
В. Рекреационное туристское пространство (курорты, лечебно-оздоровительные местности, лечебно-оздоровительные учреждения)	Центр Тибетской медицины, подготовка эмчи-лам и специалистов по традиционной медицине. Атлас тибетской медицины, единственный экземпляр в России. Детские оздоровительные лагеря в окрестностях города.
Г. Этническое туристское пространство (этнические деревни, этнические центры, народные художественные промыслы и ремесла)	Этнографический музей народов Забайкалья. Старообрядческие села Тарбагатайского района сохранившие традиции допетровской Руси. Проекты: «В гостях у семейских»; «Степной кочевник»
Е. Событийное туристское пространство (фестивали, ярмарки, праздники, события)	Ежегодный музыкальный фестиваль «Голос кочевников». Международный фестиваль моды монголоязычных народов «Торгон, Сайн Зам». Фестиваль «Ночь ёхора». Байкальский Сабантуй. «Раздайся корогод» – фестиваль старообрядческой культуры. «Алтаргана» – международный фестиваль монгольских народов. Сагаалган – Новый год по лунному календарю
Ж. мифологическое туристское пространство (мистические места, мистические объекты, мистический эпос места);	Нетленное тело Хамбо-Ламы Д. Итигэлова. Шаманские места в окрестностях города
З. научное туристское пространство (научные организации и учреждения).	Разработка новых биологических фармацевтических препаратов (на основе лекарственных растений высокогорья). Бурятский научный центр СО РАН.

1	2
Архетипический образ	«Солнечный Улан-Удэ». Улан-Удэ – ворота в Азию» Многонациональный и гостеприимный Улан-Удэ».
Символы, имена, достопримечательности	Театры: Бурятский государственный академический театр оперы и балета им. Г.Ц. Цыдынжапова; Бурятский государственный академический театр драмы им. Х. Намсараева; Государственный русский драматический театр им. Н.А. Бестужева; Театр кукол «Ульгэр»; Молодежный художественный театр. Театр народной музыки и танца «Забава»; Бурятский государственный национальный театр песни и танца «Байкал». Имена: Доржи Банзаров, Хоца Намсараев, Флегонт Голдобин, Исай Калашников, Намжил Нимбуев, Бау Ямпиров, Лариса Сахьянова, Петр Абашеев, Дугаржап Дашиев, Ким Базарсадаев и др.
Специфические товары, производимые в г. Улан-Удэ	Товары с национальной спецификой, производимые в г. Улан-Удэ
Исторические события, относящиеся к г. Улан-Удэ	Гуннские городища Иволгинского района. Сакральные шаманские комплексы (обоо, барисаны, сэргэ).

¹Составлено с использованием материалов [2–5].

Не менее эффективным методом создания туристско-географических брендов является технология организации «событий», когда турист приезжает в новую для себя территорию для посещения и участия в зрелищном шоу или мероприятии, после чего он возвращается сюда уже в качестве обыкновенного туриста, пытаясь узнать больше об этом регионе [2]. Таким образом назрела необходимость в разработке и создании туристско-географического бренда нашего города с целью привлечения значительного количества иностранных и внутренних туристов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабинов В.А., Цырендоржиева Т.Б. Особенности пригородного отдыха на примере города Улан-Удэ / В.А. Бабинов, Т.Б. Цырендоржиева // Научно-практическая конференция, посвященная 100-летию Красноярского отделения Русского географического общества. Красноярск, 2001.
2. Бабинов В.А., Урбанова Ч.Б. Проект тура лечебно-оздоровительного туризма в Иволгинском районе Республики Бурятия «Долоон Арюун баялиг» (Семь лазурных драгоценностей) // Труды Бурятского отделения Русского географического общества: Сборник материалов круглого стола в рамках ежегодной Недели туризма на Великом Шелковом пути. Том XXIII / под ред. А.К. Тулохонова, Э.А. Батоцыренова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 31-38.
3. Бреславский А.С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.) / А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. 156 с.
4. Бабинов В.А., Урбанова Ч.Б. Перспективы создания и развития туристского бренда этнопоселения Дулан в Кабанском районе (Республика Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Биол. Геогр. 2009. № 4. С. 3-7.
5. Старкова И.И., Кондрашова Е.В., Мантатова А.В. Формирование бренда как фактор развития внутреннего туризма (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия Экономика и менеджмент. 2021. № 3. С. 81-88.

Vladimir A. Babikov, Chimit B. Urbanova
Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

FORMATION OF THE TOURIST AND GEOGRAPHICAL BRAND OF THE CITY OF ULAN-UDE

Abstract. The article presents information on the formation of the tourist and geographical brand of the city of Ulan-Ude – the capital of the Republic of Buryatia. In recent years, there has been a tendency to increase the number of tourists visiting Ulan-Ude city, including foreign ones. The authors attempt to develop a tourist brand, based on the methodology proposed by E.A. Dzhandzhugazova, for various types of tourist and recreational activities.

Keywords: tourism, recreation, brand, tourism potential, urban agglomeration, natural and anthropogenic complexes.

**Батоцыренов Э.А., Андреев С.Г.,
Сат С.А., Супруненко А.Г.**

*Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ*

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ОСНОВАНИЯ ЦАГАН-УСУНСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ (РЕСПУБЛИКА БУРЯТИЯ)

Аннотация. В статье рассматривается история основания Цаган-Усунской Николаевской церкви (Джидинский район, Республика Бурятия). Официальные источники указывают дату постройки – 1866-1867 гг. Нами с помощью дендрохронологического анализа определена дата начала постройки – 1865 г. Установлено, что Георгиевская церковь с. Боций, входящая в Цаган-Усунский стан перевезена из с. Цакир.

Ключевые слова: Цаган-Усунская Николаевская церковь, Георгиевская церковь с. Боций, Бурятия, годичные кольца, дендрохронология, православные миссии, памятник архитектуры.

История появления православных храмов неотрывна от истории городов и сел Бурятии [1]. Более трех столетий назад наряду с Троицкосавском, Посольском, Селенгинском и Верхнеудинском Джида стала форпостом Российской империи на ее южных границах.

История многих сел Джидинского района связана с организацией караульных сторожевых казачьих постов вдоль реки Джиды. В начале XVII века на участке границы, охраняемой селенгинскими бурятами, от Чикоя и Кяхты до Харацайского караула располагалось 13 постов (маяков). Границу охраняли русские и бурятские казаки, эвенки.

Известно донесение Иркутского генерал-губернатора Бриля от 25 июля 1773 г. о переселении казаков на караулы по линии китайской границы. На основе этого документа можно предположить, что 1773 г. и есть дата основания русских поселений на границе, в том числе и станицы Цаган-Усунской.

Пограничные казаки строили дома, обзаводились хозяйством. Места для поселений выбирали не у самих маяков, а поодаль от границы. Заселенные ими пограничные караулы вскоре превратились в казачьи станицы: Цаган-Усун, Боций, Харацай, Желтура.

Впоследствии казачьи походные церкви становятся стационарными, особенно в местах наиболее плотного расселения забайкальских казаков в станицах, по южной границе Забайкалья (Желтура, Харацай, Цаган-Усун, Цакир, Джида и др.) [2].

Цаган-Усунская казачья станица административно относилась к Троицкосавскому округу и включала в себя поселки: Дюрбенский, Убур-Селенгинский, Джидинский Енхор. Цаган-Усунская станица входила в состав 1-го военного Забайкальского казачьего округа и имела свое административное устройство [3]. В станице Цаган-Усунской в 1893 г. число жителей обоого пола достигало 1419 душ [4].

В официальных источниках дата постройки Цаган-Усунской Николаевской церкви указывается 1866 г. или 1867 г. В описании монастырей, соборов, церквей и часовен, составленным преосвященным Мартинианом, епископом Селенгинским указано: «Миссионерская Цаган-Усунская деревянная с колокольнею, построена в 1866 году усердием Кяхтинского купца Матвея Шишмакова во имя Св. Николая» [5].

В памятной книжке Забайкальской области на 1897 г. приводятся такие сведения: «Цаган-Усунская – Николаевская, миссионерская построена в 1867 г., деревянная, священник Ксенофонт Александрович Попов, псаломщик Григорий Николаевич Очиров, старосты Дмитрий Алексеевич Прошутинский и Иван Иннокентьевич Трутнев; приписная церковь Босинская Георгиевская, построена в 1867 г., деревянная». [6].

В Трудах православных миссий Восточной Сибири епископ Вениамин писал: «...Другой приготовляемый стан находится в другом конце Забайкалья на запад от Кяхты, в Закаменском бурятском вдовстве. С 1864 г. начата здесь постройка церкви, которую приняли на себя пограничные казаки, с тем, чтобы иконостас и вся церковная утварь доставлены были от миссии» [7]. Название населенного пункта не указывается, но из «Православного обозрения» за май 1868 г. можно предположить, что это село Боций: «Цаганусунский стан. До 1867 г. миссионер, служивший в сих ведомствах, имел место пребывания в цакирском карауле в вершине р. Джиды; но как там построение миссионерской церкви по обстоятельствам замедлилось, а в цаганусунском карауле доброхотно взялся построить церковь кяхтинский купец М.В. Шишмаков, то в сем году стан был перенесен ближе к устью Джиды на реку Цаган-Усун (курсив наш). Построение храма окончено весною, а освящение его совершено мною 18-го июля во имя святителя и чудотворца Николая, благоговейно чтимого не только бурятами, но и живущими недалеко от стана пограничными монголами. За то многие из бурят и монголов и даже ламы присутствовали при освящении храма» [8].

Поскольку в Цаган-Усунский стан входило две церкви – Цаган-Усунская Николаевская и приписанная к ней Георгиевская церковь, мы предполагаем, что недостроенную церковь из села Цакир в 1866 г. разобрали, сплавляли по Джиде, собрали ее и достроили в с. Боций (расстояние между двумя населенными пунктами составляет около 160 км). В окрестностях Цакира сосна обыкновенная отсутствует, из-за климатических условий там произрастает лиственница сибирская (*Larix sibirica* L.), дендрохронологический анализ показал, что древесина, из которой построена Цаган-Усунская церковь – сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.). Подтверждает наш предположение и клировая ведомость за 1918 г. о Георгиевской церкви, приписанной к Цаган-Усунской Николаевской церкви: «Церковь построена в 1867 г. тщанием прихожан при участии доброхотных деятелей, перенесена в новый Боций и освящена в 1890 г. октября 13 дня. Перестроена заново с пристройкой новой колокольни в 1904 году» [9].

В Иркутских епархиальных ведомостях от 31 августа 1868 г. отмечено: «Цаганусунский стан. Действия Цаганусунского миссионерского стана простираются на протяжении р. Джиды, в 30 верстах ниже Кяхты, впадающей в Селенгу. По течению ее расположены два бурятских ведомства первой конной бригады Забайкальского казачьего войска и закаменской инородной управы, и одно тунгусское армацкой инородной управы». [10] Также в ведомостях раскрывается причина замедления строительства церкви в Цакире: «После смерти в октябре 1866 г. миссионера Ф. Альбицкого, имевшего пребывание в Цакире, до настоящего года никем не занимался этот стан, по неимению необходимого для того лица. С начала 1867 г. поступил туда иеромонах Паисий, в 1866 г. находившийся на служении в Посольском монастыре. Хотя служение в двух станах на протяжении трехсот верст оказывается и не совсем удобным для цели Евангельской проповеди, но по неимению другого лица для занятия цакирского стана, по необходимости один должен служить и тут, и там» [10].

Постройку церкви в Цаган-Усуне в 1866 г. начал кяхтинский купец 1-й гильдии Матвей Васильевич Шишмаков (?-1908), которого 3 февраля 1869 г. Государь Император наградил орденом св. Анны 3-й степени «за построение им на собственный счет церкви ...» [11]. Был большим меценатом, кроме того построил богадельню в Усть-Кяхте, школу для девочек в Троицкосавске, был церковный старостой Усть-Кяхтинской и Воскресенской церкви, на его средства открылось женское приходское училище в Троицкосавске [11].

Год постройки Цаган-Усунской церкви согласно Иркутским епархиальным ведомостям – 1866 г., епископ Вениамин в 1867 г. писал: «...Другой Кяхтинский купец М.В. Шишмаков в 1866 г. начал постройку миссионерской церкви в Цаган-Усуне, на китайской границе в 45 верстах от Кяхты. Церковь заложена мною 28 апреля. При освящении оснований ее присутствовали не только русские, но и монголы, кочующие около границы. Стан этот должен служить просвещению христианскою верою бурят казаков и, если Господь благословит, пограничных монголов, кочующих здесь в значительном числе и имеющих неподалеку свой ламский дацан (Атаган-Дырестуйский – прим. авт.)» [12].

Метод датирования по годичным кольцам (древесно-кольцевой анализ) существует более ста лет [13]. В Западном Забайкалье нами проводится работа по датировке исторических деревянных построек [14]. Были отобраны буровом Пресслера по мертвой древесине керны деревьев с нижних до верхних венцов, где старались отбирать в местах с остатками коры или подкоркового материала. Так же были отобраны спилы венцов, которые шли на замену.

После измерения на дендрохронологической установке образцов древесины Lintab-5, в программах TSAP-Win и Cofesha была проведена перекрестная датировка с ранее полученными древесно-кольцевыми хронологиями [14; 15]. Анализ показал, что с 1 по 7 венец и крайнее верхнее бревно строения показали сформировавшие годичные кольца, которые значатся – 1864 г. (рис. 1). Предположительно древесина заготовлена в зимний период с ноября 1864 г. по февраль 1865 г. Следовательно, год начала постройки Цаган-Усунской Николаевской церкви, скорее всего, нужно исчислять с летнего сезона 1865 г.

Ныне здание находится в аварийном состоянии. С 2019 г. церковь начали реставрировать и планируют найти закопанные неподалеку от нее в 1930-х гг. колокола (рис. 2).

В заключение отметим, что дендрохронологический анализ показал дату начала постройки Цаган-Усунской Николаевской церкви – 1865 г. Учитывая возраст постройки – 158 лет, ее историческую и культурную ценность авторы статьи предлагают придать ей статус памятника архитектуры и поставить под государственную охрану. К сожалению, церковь в с. Боций до настоящего времени не сохранилась, но в процессе исследования удалось установить, что ее перевезли из с. Цакир. Удлинение дендрошкалы позволило получить новую информацию о цикличности режима увлажнения в Байкальском регионе.

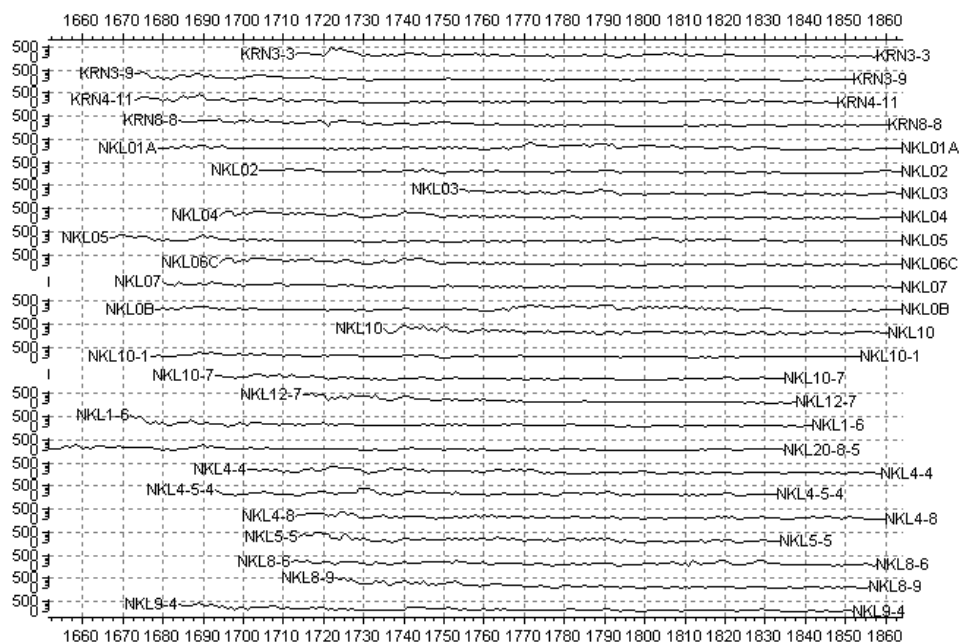

Рис. 1. Датированные образцы с нижних и верхних бревен.

Рис. 2. Восстановительные работы Цаган-Усунской Николаевской церкви. 30 июня 2020 г.

Работа выполнена в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жалсараев А.Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII-XX столетий: Энцикл. справ. Рус. Православ. церковь, Благодичиние Бурят. округа Чит. и Забайкал. епархии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001. 447 с.
2. Митыпова Г.С. История становления и развития православной традиции в Бурятии (XVII-XXI вв.): дис. ... д-ра истор. наук. Улан-Удэ, 2006. 387 с.
3. Джидинское казачество. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--jlahb.xn--blajkq.xn--plai/about-okorb/dzhidinskoe-kazachestvo> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Памятная книжка Забайкальской области на 1893 год. Чита. Типография Забайкальского Областного Правления. 1893 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1176106> (дата обращения: 20.01.2023).
5. Памятная книжка Забайкальской области. Издание Забайкальского областного статистического комитета, под редакцией секретора И.А. Менчукова Иркутск. Печатано в типографии И.Н. Синицына, 1871 г. С. 137. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1437321/ (дата обращения: 20.01.2023).
6. Памятная книжка Забайкальской области на 1897 г. Часть 1. Издание Забайкальского областного статистического комитета. Чита. Типография Забайкальского областного правления. 1897. С. 135. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/436276> (дата обращения: 20.01.2023).

7. Труды православных миссий Восточной Сибири. Иркутск: Издание Иркутского комитета православного миссионерского общества, 1883. С. 120.
8. Православное обозрение. Том 26. Москва. В университетской типографии (Катков и К), 1868 г.
9. Клировая ведомость Цаган-Усунской Николаевской церкви Забайкальской епархии 14 благочинного округа за 1918 г. Национальный архив Республики Бурятия, фонд 389, опись №1, дело №31.
10. Иркутские Епархиальные ведомости. № 35. 31 августа 1868 г. С. 271-272. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/03/f7/03f7b7fd-c9f4-444f-93d8-c93d6b4fecb2.pdf>. (дата обращения: 20.01.2023).
11. Батоцыренов Э.А. Деятели Троицкосавско-Кяхтинского отделения РГО. Улан-Удэ: ЭКОС, 2015. С. 133.
12. Забайкальская духовная миссия в 1866 году/ Еп. Вениамин // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 12, прибавления. С. 130-140; № 13, прибавления. С. 142-151; № 14, прибавления. С. 154-163 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/02/c2/02c2174d-e9b9-4eda-9940-2c2fa88e99c1.pdf>. (дата обращения: 20.01.2023).
13. Douglass A E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. Washington: Carnegie Inst, 1919. Vol. 1. 127 p.
14. Андреев С.Г., Аюржанаев А.А., Батоцыренов Э.А., Супруненко А.Г., Сат С.А., Содномов Б.В., Черных В. Дендрохронологическое исследование этапного амбара XIX в. (Этнографический музей народов Забайкалья, г. Улан-Удэ) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Биология. 2022. Т. 15. № 2. С. 279-292.
15. Динамика радиального прироста сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) как индикатор гидротермического режима лесостепи Западного Забайкалья / А.В. Демина, Л.В. Белокопытова, С.Г. Андреев [и др.] // Сибирский экологический журнал. 2017. Т. 24. № 5. С. 553-566. DOI: 10.15372/SEJ20170503. EDN ZQLXKJ.

Eduard A. Batotsyrenov, Sergey G. Andreev,

Sayga A. Sat, Andrey G. Suprunenko

Baikal Institute for Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

ON THE QUESTION OF THE DATE OF FOUNDATION OF THE TSAGAN-USUN ST. NICHOLAS CHURCH (BURYAT REPUBLIC)

Abstract. *The article deals with the history of the founding of the Tsagan-Usun Nicholas Church (Dzhidinsky district, Buryat Republic). Official sources indicate the date of construction - 1866-1867. Using dendrochronological analysis, we have determined the date of construction - 1865. It is established that the St. George's Church village Botsiy, which is part of the Tsagan-Usun camp (Stan), was transported from the village Tsakir.*

Keywords: *Tsagan-Usun St. Nicholas Church, Botsiy St. George's Church, Buryatia, annual rings, dendrochronology, Orthodox missions, architectural monument.*

УДК: 008:39:338.484

Баутиста Х., Гераськина Э.С., Мустафин М.Р.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ШАМАНСКИЙ ТУРИЗМ В САЯНОГОРСКЕ: СИМВОЛЫ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. *В статье исследованы возможности развития шаманского туризма на территории города Саяногорска, как способа привлечения туристов, поддержания этнической идентичности и реклама о туристских возможностях Хакасии. Приведены основные достопримечательности и их связь с культурой региона.*

Ключевые слова: *этнический туризм, шаманизм, культурно-образовательный туризм, природные и археологические ресурсы.*

Введение. Говоря о современном состоянии туристской сферы в России, можно с уверенностью сказать, что на первый план выходят поездки именно внутри страны, которые представлены огромным многообразием направлений и различными вариантами отдыха на любой вкус и бюджет. Наряду с традиционными видами туризма, большую популярность набирают путешествия с целью приобщения к культуре народов России, а также изучения их особенностей и уникальных черт. Шаманский туризм может стать одним из приоритетных направлений для Республики Хакасия [1], где туристам могут познакомиться не только с самобытной культурой традиционной жизни хакасов, но и с захватывающими дух обрядами тюркских шаманов.

Республика Хакасия располагает одной из богатейших культур, обычаи которой формируют немалый туристский интерес. Одним из важнейших достижений для республики стал результат конкурса National Geographic Traveler Awards, где Хакасия в 2016 и 2018 гг. стала наилучшей территорией в Российской Федерации для этнического туризма [2; 3]. И хотя шаманизм является неотъемлемой частью культуры хака-

сов, данное направление остаётся практически недоступным для туристов из-за отсутствия большого разнообразия центров хакасской культуры, готовых работать с туристскими группами.

Стоит отметить, что при формировании туристского продукта, многие туроператоры обращаются к теме шаманизма, как к фактору развития этнического туризма в некоторых районах республики из-за недостаточной осведомленности об истории хакасского этноса и сакральных для шаманов мест, информация о которых может заинтересовать приезжающих путешественников. В особенности данный аспект культуры хакасов меньше всего раскрыт для туристов, посещающих город Саяногорск, где традиционно объектами показа являются лишь Саяно-Шушенская ГЭС, а также расположенные в Саянских горах горнолыжные курорты [1; 4; 5].

Целью статьи является раскрытие влияния шаманизма на создание туристского продукта в городе Саяногорске, а также определение мест, значимых для этнического туризма и его популяризации по Республике Хакасия в целом.

Хакасия является одним из лучших мест для туристов, мечтающих скрыться от бешеного ритма больших городов, восполнить запасы «духовной энергии», а также окунуться в неизведанный и интригующий мир традиционного шаманизма. Потомственные шаманы предлагают свои услуги приезжим, даря им возможность узнать ответы на самые сокровенные вопросы, а также попросить благословения у щедрых хакасских духов. К большому списку сакральных мест можно также добавить и достопримечательности, находящиеся в окрестностях Саяногорска.

Ландшафтные ресурсы Саяногорска представляют собой уникальное сочетание обширных степей и горных массивов. Город располагается у подножия горной цепи Саяны, которую многие туристы прозвали «сибирской Швейцарией». Она является не только уникальным, завораживающим своей красотой природным объектом, но также рассматривается, как место энергетической силы, глубоко почитаемое хакасскими шаманами. Как отмечают исследователи культуры народов Юга Сибири, хакасы считают себя людьми, «рождёнными от гор». Шаманы, как посредники между миром смертных и духов, помогали людям поддерживать связь с горными хозяевами, прося у них помощь в трудную минуту или благословение на дальнейшие успехи в жизни.

Так, например, для туристов, приезжающих в Саяногорск, станет открытием, что гора, виднеющаяся с берегов Енисея, является священным местом, названным в честь богини Ымай, которая является покровительницей всех женщин, детства и материнства [1; 6]. В городе для посетителей также открыт этнокультурный комплекс с одноименным названием, откуда на гору открывается лучший вид. Для туристов, мечтающих о простом женском счастье, посещение горы Ымай вместе с потомственным шаманом, может изменить жизнь к лучшему. Также туристы могут приобрести на территории комплекса шаманские обереги, украшения, бубны и увезти с собой не только памятные сувениры, но и частичку духовной энергетики хакасских гор.

Многие путешественники, приезжающие в Саяногорск ради спортивно-развлекательного туризма, не упускают возможности совершить восхождение на гору Борус. Но не многие из них задумываются, что данная гора испокон веков является своеобразным центром обучения будущих шаманов [6; 7]. С каждым шагом ближе к вершине человек проходит испытание духа и воли, закаляя свой характер. Хакасские шаманы верят, что именно на горе Борус обитает в своём дворце Адам-хану – глава всех шаманов рода. При формировании туристского продукта наличие связи вершины с шаманскими повериями может также привлечь в Саяногорск туристов, желающих обрести душевное равновесие, наполнить организм положительной энергетикой, а заодно познакомиться с шаманами, готовыми поделиться мудростью предков и помочь с решением жизненных трудностей.

Безусловно, одной из главных природных достопримечательностей Саяногорска является р. Енисей, на левом берегу которой и располагается город. Само зарождение традиционного хакасского шаманизма и этнической культуры в целом происходило на берегах могучей сибирской реки, о чём свидетельствуют множественные археологические находки в виде древних тотемов, украшений, инструментов, а также наличие располагающихся в близлежащих пещерах выгравированных на стенах древних надписей.

Нередко шаманы сплавливались по Енисею, чтобы достичь так называемого «шаманского мира» и попасть в иную реальность. Целью таких путешествий являлось преодоление препятствий на пути к очищению. Даже сейчас сплав по реке – это популярное развлечение как для местных жителей, так и для приезжих туристов. Для путешественников, желающих испытать на себе незабываемое водное приключение, и даже для туристов, не заинтересованных в активном отдыхе, использование связи Енисея с шаманизмом может стать отличной рекламой. Также на берегу реки возможна организация непосредственных встреч с потомственными шаманами. Сочетание эстетически-привлекательного вида и уникальная программа, связанная с духовным исцелением, не может не вызвать интерес у потенциальных туристов.

Вывод. В ходе исследования различной литературы, посвящённой особенностям хакасского этноса, традиционного шаманизма тюрков, а также благодаря изучению достопримечательностей Саяногорска удалось установить, что город, наравне с традиционными центрами этнического туризма республики Хакасия, обладает ресурсами необходимыми для формирования туристского продукта, сосредоточенного на знакомстве с шаманами, в том числе и при помощи проведения особых обрядов и ритуалов. Возле города расположены места энергетической силы, имеющих богатую историю и значение в контексте этнической культуры.

Шаманизм является интригующей темой для многих туристов. Правильно составленные и, самое главное, подкреплённые богатой теоретической базой туры по Хакасии способствуют развитию туризма во всех районах республики, в том числе и городе Саяногорске.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая / В.Я. Бутанаев. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. 253 с.: [12] л. цв. ил.
2. Постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 11.02.2022 № 18-п «Об утверждении Стратегии развития туризма в Республике Хакасия на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://r-19.ru/documents/140/127017.html> (дата обращения: 23.11.22).
3. Баутиста Х. Актуальные проблемы и перспективы развития анимации во внутреннем туризме в России / Х. Баутиста, А.А. Плетнева // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: материалы IV Всерос. с междунар. уч-ем науч.-практ. конф. Симферополь, 2020. С. 183-188.
4. Анжиганова Л.В. Этнокультурный туризм: учеб.-метод. компл. по дисциплине: конспект лекций / Л.В. Анжиганова. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова», 2015. 87 с.
5. Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов: учебное пособие для студентов вузов / В.Я. Бутанаев. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1998. 352 с.
6. Бутузов А.Г. Этнокультурный туризм: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 100400 «Туризм» / А.Г. Бутузов. Москва: КноРус, 2013. 247 с.
7. Неврюев В.Е. Традиции шаманизма у кольских саамов и их роль в организации этнотуризма. / В.Е. Неврюев. Мурманск, 2021. С. 104-108.

Hugo Bautista, Eleonora S. Geraskina, Marat R. Mustafin
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

SHAMAN TOURISM IN SAYANOGORSK: SYMBOLS AND ETHNIC IDENTITY

Abstract. The article covers the possibilities for the development of shamanic tourism in Sayanogorsk, using shamanism as a way to advertise the region to tourists and rescue of ethnicity. Most popular places of interest are explored and identified their connection to oldest ancient civilizations and traditions.

Keywords: ethnic tourism, shamanism, cultural tourism, natural and archeological resources.

УДК 910.3

Булатова Г.Н.¹, Рубцова А.В.², Мингалиев Т.Р.²

¹АО «Центральный НИИ геологии нерудных полезных ископаемых»,
г. Казань;

²Казанский государственный архитектурно-
строительный университет,
г. Казань

КАМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА ГОРОДА ЧИСТОПОЛЬ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается проблема утраты и сохранения объектов кирпичной застройки г. Чистополя. Дается описание одного из значимых и интересных туристских объектов г. Чистополь – улицы Архангельской. Предлагается проект реставрации одного старейших зданий, расположенных на этой улице – здание главного пожарного обоза XIX века.

Ключевые слова: туризм, город, каменная архитектура, памятники, туристские маршруты.

Актуальность исследования определяется значительным, но не полностью используемым историко-культурным потенциалом г. Чистополь, прогрессирующим процессом исчезновения исторически примечательных мест городской среды, возрастающим в обществе интересом к историко-культурному наследию и жизненно необходимым для города развитием туристического движения.

Чистополь имеет прекрасное географическое положение близ слияния рек Волги и Камы, уходящее в глубь веков прошлое, многочисленные памятники истории и культуры, в том числе здания XIX – начала XX вв. Если к этому добавить близость замечательных историко-культурных заповедников – Билярский (48 км), Болгарский (124 км), Елабужский (172 км), музей классика татарской литературы Гаяза Исхаки, то Чистополь вполне можно рассматривать и как радиальный центр организации туристических поездок по Татарстану [1].

Архитектурный облик Чистополя представляет собой образец типичного провинциального города Казанской губернии конца XIX – начала XX века. Во всем облике Чистополя пронзительно ощущается история, её периоды, веки. Обаяние купеческих кварталов, сохранивших свой неповторимый колорит с позапрошлого столетия, величественность православных храмов и каменных особняков, изящность мечетей и деревянный декор жилых домов татарской слободы – все это в Чистополе удивительным образом переплетается и гармонично сочетается между собой.

В историческом центре Чистополя сохранились здания, построенные в XIX веке, 144 из них являются объектами культурного наследия. Пройдя по одной из центральных улиц города можно узнать историю города с древних времен и до наших дней. Город застраивался по генеральному плану [2], как в то время писали, «конфирмованному» плану (рис. 1).

Рис. 1. План Города Чистополя 1847 г.

Улицы прямые, разбиты на кварталы, архитектура каждого дома продумана и образует единый стиль города. По мере застройки улиц им давали названия. В основу этой работы, был положен сложившийся тип наименования улиц в других, более древних городах. Так, одна из первых застроенных улиц Чистополя получила название Екатерининская (ныне – К. Маркса). Названия городских объектов в честь Екатерины II были в большинстве городов России. Также по примеру других городов многие улицы получали и церковные названия. Это Архангельская (ныне – Ленина), по нахождению на ней деревянной холодной церкви Архангела Михаила, за церковью было кладбище; Петропавловская (ныне – Вахитова), в честь апостолов Петра и Павла, но для многих жителей города это была Первая Татарская улица; Монастырская (ныне – Пионерская), по нахождению на ней Успенского монастыря и др. [3].

Архангельская улица – одна из центральных улиц г. Чистополь. В самом конце 90-х годов XVIII века во время пожара выгорела почти половина села, сгорела и старейшая в городе Михаило-Архангельская церковь, в честь которой была названа улица. В 1804 г. рядом с этой церковью была построена еще одна – каменная Спасская церковь в византийском стиле (до середины XIX века церковь Спаса Нерукотворного Образа являлась городским собором). В 1930-е годы церковь была закрыта и снесена. Сейчас на этом месте – площадь и памятник В.И. Ленину [4].

Выше и ниже вновь построенной церкви на широкой Архангельской улице вскоре вновь появились торговые ряды, лавки, навесы, складские амбары, поэтому улицу часто называли еще и Базарной. Это название можно было увидеть на вывесках магазинов и торговых лавок, расположившихся на этой улице. Купеческие особняки, соревновались друг с другом в богатстве и величии своих фасадов и внутренней отделки. В основном все строения выдержаны в одном архитектурном стиле – эклектика в сочетании с различными элементами классицизма, псевдорусского зодчества и модерна, к ним относятся здания (рис. 2).

Рис. 2. Город Чистополь. Левая сторона Архангельской улицы

В 1876 г. на пересечении улиц Архангельской и Старо-Казематной (улиц Ленина 67 и Урицкого) на месте старого тюремного корпуса по проекту петербургского военного инженера Н. Смирнова под наблюдением казанского архитектора И.А. Васенкова построено здание городского общественного управления. В 1883 г. в этом здании размещались городское общественное управление, мещанская управа, общественная библиотека, сиротский суд, общественный банк, приходское училище и др. В настоящее время в этом здании размещается школа № 10. Архитектурный стиль – эклектика с неоренессансными мотивами. Домовладение по ул. Ленина 67 является объектом культурного наследия местного (муниципального) значения г. Чистополя.

Соседнее здание (домовладение по ул. Ленина 69) в прошлом служило каретником для пожарной службы города при здании Общественной Управы. Строение кирпичное одноэтажное с неоштукатуренными фасадами. По фасаду расположены четыре широких дверных проема прямоугольной формы для въезда пожарных машин. Простенки декорированы рустованными пилястрами. Правая часть фасада завершена массивным кирпичным парапетом с акцентированной центральной частью в виде небольшого треугольного фронтона [5; 6]. Рядом находится двухэтажное кирпичное строение. Фасад разделен межэтажным карнизом между первым и вторым этажом. К дому примыкают массивные кирпичные ворота с двумя калитками. Архитектурный стиль – эклектика с декоративными элементами классицизма.

В настоящее время здание главного пожарного обоза находится в аварийном состоянии, лестница на второй этаж частично разрушена, потолки и полы в некоторых комнатах обрушены (рис. 3). Первый этаж подвергся пожарам, о чем свидетельствует копоть на стенах и обвалившиеся потолки. Входные и оконные проемы полностью заложены. На фасадах имеются отдельные обрушения кирпичной кладки. Также имеются намокания на фасадах и карнизах в силу разрушенных водосточных труб. Заметны биологические повреждения на основном фасаде, появившиеся также из-за поврежденных водосточных труб. Утрачены оконные рамы, первоначальный вид первых этажей. На здание также заметны трещины на стенах и обрушение кирпичной кладки.

Согласно данным ряда официальных источников (Приказ Минкультуры РФ от 07.08.2015 г. № 849 «Об установлении границ территорий объектов») домовладение 69 по ул. Ленина г. Чистополь является объектом культурного наследия местного (муниципального) значения и включено в программу мероприятий в сфере туризма по Чистопольскому муниципальному району до 2030 г.

Авторами предложен свой вариант восстановления и дальнейшего использования здания. Рассматриваемый объект по ул. Ленина, 69 находится между школой № 10 для детей с ограниченными возможностями здоровья (коррекционной) и детским садом № 4 (ул. Ленина, 71), что позволяет создать комфортную среду для организации детского досуга.

Рис. 3. Здание главного пожарного обоза XIX в.

После проведения реставрационных работ в бывшем здании пожарного обоза предполагается разместить центр дополнительного образования. Основными принципами проектирования являются создание многофункционального пространства для всестороннего развития детей и обеспечение безопасных условий пребывания их на территории центра.

Рис. 4. Предлагаемый вариант реконструкции фасада здания главного пожарного обоза XIX в.

Здесь будет размещаться общеобразовательный корпус, спортивные залы, досуговые центры для детей дошкольного возраста, во внутреннем дворе – зона отдыха и детская площадка.

За последние 30 лет в нашей стране и в Европе сформировалась развитая организационная инфраструктура сохранения и регенерации объектов наследия. Появилась и стала общепризнанной такая специализация в области государственного управления, как «менеджмент наследия», задачей которого является создание конкурентоспособных девелоперских и туристических продуктов, разработка и реализация проектов регенерации с сохранением сохранности подлинных памятников и рядовой исторической застройки, а также с учетом интересов местных жителей и бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рубцов В.А. Туризм в малых исторических городах Республики Татарстан как фактор сбалансированного развития / В.А. Рубцов, Э.И. Байбаков, Н.М. Биктимиров, Н.К. Габдрахманов, Г.Н. Булатова. Казань: Отечество, 2016. 180 с.
2. План города Чистополя 1847 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-kazan_chistopol-1847/ (дата обращения: 31.01.2022).
3. Лыков Г.И. Названия улиц - живая память о прошлом [Электронный ресурс]. URL: <http://chistopol-rt.ru/news/nashey-istorii-stroki/nazvaniya-ulits-zhivaya-pamyat-o-proshlom> (дата обращения: 31.01.2022).
4. Кронберг С. Типичный Чистополь. Улица Архангельская в прошлом [Электронный ресурс]. URL: <https://smartik.ru/chistopol/post/134352908> (дата обращения: 31.01.2022).
5. Центр культурного наследия Татарстана. Здание главного пожарного обоза, XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://centr-nasledie.ru/objects/2345/> (дата обращения: 31.01.2022).
6. Объекты культурного наследия Республики Татарстан: Административные районы. Иллюстрированный каталог / под ред. А.М. Тарунова. М.: НИИЦентр, 2017. 760с., ил.

STONE ARCHITECTURE OF THE CITY OF CHISTOPOL AS ONE OF THE FACTORS OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM

Abstract. The article deals with the problem of loss and preservation of brick buildings in Chistopol. The description of one of the most significant and interesting tourist sites of Chistopol – Arkhangelsk Street is given. A restoration project is proposed for one of the oldest buildings located on this street – the building of the main fire wagon train of the XIX century.

Keywords: tourism, city, stone architecture, monuments, tourist routes.

УДК 338.46

Булатова Г.Ф., Бунаков О.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТУРИЗМ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация. По мнению экспертов Всемирной туристской организации, религиозный туризм считается одним из самых перспективных видов туристских путешествий XXI в. В Республике Татарстан религиозный туризм исторически играл ведущую роль в развитии туризма. Отличительной особенностью региона является то, что здесь гармонично сосуществуют две главные мировые религии: ислам и христианство.

Ключевые слова: религиозный туризм, Республика Татарстан, потенциал территории.

Паломничество и религиозные путешествия всегда были связаны с туризмом. Религия уже давно является важным мотивом путешествий, а паломнические путешествия часто рассматриваются как первая форма организованного туризма. Связь между туризмом и духовностью получила широкое распространение и популяризировалась в последние десятилетия, занимая важный сегмент международного туризма.

Религиозные путешествия могут быть дифференцированы в различные формы, и они были предметом интереса многих исследователей. Более того, многие исследования сосредоточены на различии между паломниками и туристами. Паломники и туристы часто посещают одни и те же места и места назначения, но их интересы и отношения могут привести к различным изменениям в местной среде и сообществе. Это особенно характерно для мусульманских стран, где туризм, как правило, не поощряется из-за его воздействия на местных жителей.

В Республике Татарстан религиозный и паломнический туризм исторически играл ведущую роль в развитии туризма. Религиозный туризм оказывает значительное влияние на экономику республики, социальную сферу и демографические показатели региона. Отличительной особенностью региона является то, что здесь гармонично сосуществуют две главные мировые религии: ислам и христианство. Это является фактором, который привлекает туристов, принадлежащих различным конфессиям [1].

По последним данным в республике действует более 1700 объектов недвижимости, носящих религиозный характер. Объекты различаются по времени создания. В республике есть некоторые здания XV-XVIII века постройки, которые являются культурно-историческими объектами. Этот фактор и количество религиозных исторических объектов делают Татарстан лидером в Приволжском федеральном округе.

К наиболее известным объектам, относящимся к религиозному туризму относятся мечеть Кул-Шариф, мечеть Марджани, Султановская мечеть, Богородице-Успенский мужской монастырь, Иоанно-Предтеченский мужской монастырь, Раифский Богородицкий мужской монастырь и другие. Особо хочется выделить остров Свяжск, на территории которого находятся старейшие храмы в республике: Успенский собор, Троицкая церковь, Сергиевская церковь [2].

Для оценки состояния развития религиозного туризма в Республике Татарстан сначала проанализируем развитие туризма в республике в целом.

Согласно последнему отчету Государственного комитета по туризму Республики Татарстан в 2020 г. показатели туристской отрасли показали тенденцию к снижению. В 2021 г. сфера туризма начала вновь функционировать в полном объеме. Согласно официальным данным республику в 2021 г. посетило более трех миллионов туристов, что приближается к показателям 2018 г. Религиозный туризм также показал тенденцию к развитию. В 2022 г. показатели продолжили увеличиваться [3].

При этом динамика туристического потока в основные туристические достопримечательности республики также показали тенденцию к снижению. Эта тенденция возникла в связи ограничениями, связанными с пандемией.

С целью сохранения и развития религиозного туризма в республике происходит реставрация старых и ветхих религиозных сооружений и строительство новых религиозных объектов.

Для иностранных туристов нужно, чтобы инфраструктура туризма была развита на международном уровне, а также, чтобы в республике был представлен официальный бренд. Для этих целей в 2016 г. для развития туризма в Республике Татарстан с помощью Государственного комитета Республики Татарстан по туризму создали свой туристический бренд Visit Tatarstan. В рамках данного проекта туристы могут использовать специальный ресурс, на котором размещена информация о культурных и исторических объектах республики и предложены варианты экскурсий, в том числе и религиозные [4].

Религиозный туризм является довольно перспективным видом туристической деятельности в Республике Татарстан и, таким образом, для развития экономического и социального развития республики. Также Татарстан считается центром татарского мира. Каждый год здесь проводится Всемирный конгресс татар, который затрагивает вопросы религии. Республика Татарстан отличается своей многоконфессиональностью.

Туристические мероприятия религиозного туризма включают в себя индивидуальные и групповые туры различной продолжительностью. Причем можно отметить, что групповые религиозные туры плохо развиты. В основном, туристские организации проводят комбинированные туры, которые включают в себя экскурсии по историческим и культурным местам, в которые также входят религиозные объекты.

На данный момент с развитием сфер туризма в республике многие турфирмы стали предлагать туры по святым местам и религиозным памятникам. Профессиональные экскурсоводы рассказывают туристам исторические и религиозные факты, приобщая туристов к религии. Так как религиозный потенциал Республики Татарстан огромен, планируется проведение экскурсий религиозной направленности не только вблизи столицы, но и отдаленных населенных пунктах, богатых памятниками религии и культуры.

Таким образом, ориентируясь на территориальные и культурные особенности Республики Татарстан, с целью развития религиозного туризма: реставрируются ветхие религиозные объекты и строятся новые; повышается узнаваемость Республики Татарстан как туристского бренда в рамках международного туризма; создаются специализированные религиозные туры для паломников.

Все это говорит о необходимости формирования имиджевой политики Республики Татарстан в сфере туризма и в целом эффективных подходов к устойчивому развитию туризма [5; 6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Религиозный туризм как тренд мировой и российской туристической индустрии: концептуальная сущность и модели развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. Т. 13. № 3. С. 7-27. DOI: 10.24411/1995-0411-2019-10301
2. Информация о Татарстане [Электронный ресурс]. URL: www.tattravel.ru/tatarstan-puteshestviya-pobrespublike.html (дата обращения: 12.01.2023).
3. Итоги работы Государственного комитета Республики Татарстан по туризму за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: https://tourism.tatarstan.ru/file/pub/pub_3557316_enc_179829.pdf (дата обращения: 12.01.2023).
4. Презентация туристического потенциала Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: www.tatspb.tatarstan.ru/rus. (дата обращения: 17.01.2023).
5. Валеева Г.Ф. Формирование имиджевой политики Республики Татарстан в сфере туризма // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2022. С. 264-268.
6. Бунаков О.А. Основные проблемы современного управления устойчивым развитием туризма в регионах Российской Федерации / О.А. Бунаков // Системное развитие индустрии туризма и сервиса: научный и методический подход: Материалы международной научно-практической и научно-методической конференции. 2019. С. 84-88.

Gulnara F. Bulatova, Oleg A. Bunakov
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

RELIGIOUS TOURISM AS A PRIORITY DIRECTION OF DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract. According to experts of the World Tourism Organization, religious tourism is considered one of the most promising types of tourist travel of the XXI century. In the Republic of Tatarstan, religious tourism has historically played a leading role in the development of tourism. A distinctive feature of the region is that two major world religions coexist harmoniously here: Islam and Christianity.

Keywords: religious tourism, the Republic of Tatarstan, the potential of the territory.

Верхозина Е.В.¹, Верхозина В.А.²

¹ Институт Земной коры СО РАН,

г. Иркутск,

² Иркутский государственный технический университет,

г. Иркутск

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КАЧЕСТВА ВОДЫ И УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОСИСТЕМЫ ОЗЕРА БАЙКАЛ ПРИ АКТИВНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА

***Аннотация.** Представлены результаты многолетних мониторинговых исследований изменения качества воды в прибрежных водах экосистемы Байкала. В результате антропогенного фактора в литорали озера появляются бактерии нетипичные для экосистемы Байкала. Выявлено увеличение численности бактерий на несколько порядков во временном аспекте и появление бактериальных штаммов, устойчивых ко многим антибиотикам. Установлено, что развитие туристической деятельности негативно воздействует на качество воды экосистемы озера.*

***Ключевые слова:** мониторинг, антропогенное влияние, бактерии, литораль озера, экосистема.*

Одним из приоритетов национальной экологической политики России является соблюдение экологической безопасности путем решения многочисленных экологических проблем на региональном уровне. Поэтому возникает острая необходимость в активизации деятельности природоохранных служб по созданию комплексных экологических программ. Соблюдение мер в области экологического развития Российской Федерации отражено в постановлении Правительства № 133 от 8 февраля 2022 г. Разработан ряд программ по экологической безопасности России путем решения многочисленных проблем на региональном уровне. Куда включены: мониторинг и прогнозирование состояния окружающей среды и климата, а также смягчение антропогенного воздействия на окружающую среду и адаптация экологических систем.

Озеро Байкал и его водосборный бассейн являются регионом с особым режимом природопользования. Для этих целей разработана нормативно-правовая база: ФЗ РФ «Об особо охраняемых территориях», ФЗ РФ «Об охране озера Байкал» и Федеральная целевая программа «Охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие Байкальской природной территории на 2012–2020 годы». Позже, были разработаны меры запрещающие или ограничивающие виды деятельности, при осуществлении которых оказывается негативное воздействие на уникальную экологическую систему озера Байкал (Ф.З. от 30.12.2021 № 445-ФЗ). Поэтому задачи сегодняшнего дня актуальны и состоят в предотвращении попадания в оз. Байкал опасных загрязнителей различного происхождения.

Пути поступления загрязнений различны. Особое значение в этом играет неконтролируемый туризм, локальные участки массового отдыха с палатками и отсутствием туалетов, бытовые сточные воды гостиниц и кемпингов, закусочных, бань и саун. Немаловажную угрозу представляют автомобили, их стоянки и автозаправочные. Кроме того, возросло количество маломерных судов и яхт, где бытовые стоки поступают прямо в озеро. В последнее время в прибрежной зоне идет интенсивное строительство домов отдыха, гостиниц, кемпингов. Неконтролируемое развитие туризма особенно опасно.

Число туристов на байкальском побережье за последние десятилетия многократно выросло. Почти двукратное увеличение притока туристов на Байкал произошло за 2010–2014 гг. Это связано не только с изменениями экономической ситуации в России, но и с активным развитием отраслевой инфраструктуры, в частности гостиничного сектора [1].

Прибрежная зона самого теплого залива - Малое море, п. Листвянка, о. Ольхон и другие живописные места интенсивно застраиваются. В то же время, уровень данных строений не всегда соответствует правилам и нормативам по экологическим требованиям. Рельеф и грунт территории поселка способствует хорошей миграции веществ в водоносных горизонтах, что четко прослеживается по их содержанию в колодцах, расположенных в нижней части склонов или в днище падей. Традиционное обеззараживание выгребных ям приводит к интенсивному поступлению хлора в водоносные горизонты [2].

Положение дел в индустрии отдыха вызывает беспокойство экологов. Наиболее посещаемые места быстро теряют привлекательность из-за мусора и бытовых отходов. Это очень опасная вещь для развития региона, поэтому необходимо, чтобы туризм был в контролируемых рамках, соответствующих экологическому туризму.

В республике Бурятия осуществляется планомерная государственная поддержка развития экотуризма. Анализ сотрудничества заповедников и национальных парков с туристическими компаниями указывает на необходимость разработки форм взаимодействия ООПТ с туроператорами, что позволит регулировать

туристский поток. С учетом растущего потока туристов подтверждается необходимость принятия нормативно-методических документов по оценке предельно допустимых рекреационных нагрузок на природные комплексы ООПТ [3].

Развитие туристической индустрии крайне негативно воздействует на экосистему озера Байкал. Кроме химических загрязнений, особую опасность для байкальской воды представляет микробиологическое загрязнение. Особенно подвержены загрязнению литоральные (прибрежные) зоны экосистемы Байкала. В основном, источниками антропогенного воздействия являются объекты рекреационного и жилищно-коммунального хозяйства на территории населенных пунктов.

В литоральной зоне экосистемы озера Байкал, испытывающей антропогенное воздействие, наблюдается увеличение численности хемоорганотрофных бактерий. Выявлено, что за годы проведенных исследований их количество в озере Байкал в районе пос. Листвянка, г. Слюдянка, г. Байкальска многократно возрастает. Проведенные многолетние мониторинговые исследования выявили, что в условиях активного антропогенного загрязнения литоральной зоны экосистемы Байкала, с 2003 г. наблюдается появление бактериальных штаммов, устойчивых ко многим антибиотикам во всех исследуемых районах [4,5]. В пелагиали озера, где отсутствует антропогенное влияние, количество этой группы бактерий во все сезоны года ниже на 2-3 порядка.

Анализ результатов показал, что устойчивость к антибиотикам в разные месяцы за период одного года достоверно отличается друг от друга ($P_value = 0.003 < \alpha$). Дисперсионный анализ усредненной устойчивости бактерий к антибиотикам за рассматриваемый период, практически не выявил межгодового различия ($P_value = 0.34 < \alpha$) [6].

Выявлено, что аллохтонная микрофлора, не типичная для самого озера, поступает в экосистему Байкала и включается в биологический круговорот. Бактерии, являющиеся биологическим компонентом антропогенного влияния систематически или непрерывно попадая в озеро нарушают один или несколько компонентов экосистемы прибрежной зоны Байкала, нарушая качество воды.

Таким образом, планы развития туристической деятельности в регионе, имеющие достаточное эколого-экономическое обоснование, почти не рассматриваются. с точки зрения природопользования и охраны окружающей среды. Учитывая уникальность экосистемы Байкала, назрела ситуация развития строительства современных систем водоснабжения и канализации, реконструкции и модернизации устаревших очистных сооружений, а также выполнения комплексных работ по организации мест складирования твердых бытовых отходов, и планомерно-регулярной системе очистки территории. Поскольку, в туристский сектор вовлекается не только бизнес, но и местное население, а также особо охраняемые природные территории, необходимо решать вопрос не только в прибрежных зонах, но и по всему водосборному бассейну.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Евстропьева О.В. Развитие туристической системы на Байкальской природной территории // География и природные ресурсы. 2016. №5. С. 184 - 195.
2. Воробьева И.Б., Власова Н.В., Белозерцева И.А., Гагаринова О.В. Туризм на территории юго-западного побережья озера Байкал как фактор обострения экологических проблем // География и природные ресурсы. 2019. № 1 Т.13. С. 70-78.
3. Будаева Д.Г. Развитие туризма на особо охраняемых природных территориях республики Бурятия // Объекты природного наследия и экотуризм. Материалы Международной научно-практической конференции. Гремячинск, 2014. С. 219-226.
4. Верхозина Е.В., Верхозина В.А., Савилов Е.Д., Верхотуров В.В. Антибиотикоустойчивость микробного сообщества экосистемы озера Байкал в районе п. Листвянка, г. Слюдянки и г. Байкальска // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2014. № 3. С. 62–65.
5. Верхозина Е.В., Верхозина В.А., Верхотуров В.В. Эколого-биотехнологические исследования экосистемы озера Байкал: монография. Иркутск. Изд-во ИРНИТУ. 2019. 160 с.
6. Верхозина Е.В., Верхозина В.А., Верхотуров В.В., Букин Ю.С., Сафаров А.С. Анализ микробиального сообщества в литоральной зоне южной части экосистемы озера Байкал // Вода и экология: проблемы и решения. 2017. № 3. С. 99-113.

Elena V. Verkhovina¹, Valentina A. Verkhovina²

¹Institute of the Earth's Crust of the Siberian Branch of the RAS, Irkutsk

²Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk

THE PROBLEM OF PRESERVING WATER QUALITY AND SUSTAINABILITY OF THE ECOSYSTEM OF LAKE BAIKAL WITH THE ACTIVE DEVELOPMENT OF REGIONAL TOURISM

Abstract. The results of long-term monitoring studies of changes in water quality in the coastal waters of the Baikal ecosystem are presented. As a result of the anthropogenic factor, bacteria atypical for the ecosystem of Lake Baikal appear in the

littoral part of the lake. An increase in the number of bacteria by several orders of magnitude in the temporal aspect and the emergence of bacterial strains resistant to many antibiotics were revealed. It has been established that the development of tourism activities has a negative impact on the water quality of the lake ecosystem.

Key words: *monitoring, anthropogenic impact, bacteria, lake littoral, ecosystem.*

УДК 338.12.017

Вишняков Н.В.,

*Волгоградского государственного университета,
г. Волгоград*

ЗНАЧЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ТУРИСТСКОЙ АТТРАКТИВНОСТИ РЕГИОНА

Аннотация. *Волгоградская область – регион богатейшей истории и традиций, отличающийся мультикультурным обликом. Непосредственным отражением истории Волгоградской области, процесса создания и развития поселений и городов региона является архитектура. Архитектура позволяет увидеть все стили и направления исторического развития территории во всей полноте их проявлений.*

В свете повышения внимания властей как регионального, так и федерального уровней к развитию туристско-рекреационного потенциала Волгоградской области, стоит отметить, что историко-архитектурное наследие имеет огромное значение как в нравственной и духовной жизни общества, так и в стратегии повышения туристской привлекательности региона.

Ключевые слова: *культурно-историческое наследие, памятники архитектуры, туристская привлекательность.*

Состояние многих архитектурных объектов культурного наследия Волгоградской области в настоящее время может рассматриваться как критическое, хотя именно они участвуют, наряду с другими культурно-историческими объектами, в формировании положительного имиджа любой туристской дестинации. В этой связи сохранение архитектурного наследия является не только насущной экономической необходимостью нашего времени, но и важным инструментом трансляции культуры прошлого новым поколениям.

В настоящее время классификацию объектов культурного наследия можно считать сложившейся. Все наследие делится на два больших класса, недвижимое (которое подразделяется на несколько групп, включая памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, памятники искусства) и движимые памятники. Особое место в структуре недвижимых памятников принадлежит историко-культурным территориям. Они включают исторические города и поселки, музеи-заповедники, национальные и исторические парки. В класс движимых памятников истории, культуры и архитектуры включаются все предметы, которые могут быть перенесены с места на место [3].

Таким образом, архитектурное наследие может быть представлено следующими памятниками архитектуры:

1. Строения и конструкции, а также их элементы, части и структуры, имеющие историческую, археологическую, художественную, научную и другие ценности;
2. Комплексы строений в виде однородных групп городских или сельских построек, представляющие историческую, художественную, научную и другие ценности;
3. Достопримечательные места, то есть совместные творения человека и природы, территории, достаточно отличительные и однородные, чтобы их можно было определить топографически, представляющие историческую, археологическую, художественную и другие ценности;
4. Исторический город – поселение или его часть, прошедшие длительный путь развития, с присущими им планировкой, совокупностью зданий, сооружений и открытых пространств, во взаимосвязи с особенностями деятельности, быта и форм поведения жителей, ценность которых признана с археологической, исторической, эстетической или социально-культурной точек зрения;
5. Утраченные памятники архитектуры, воссоздаваемые для сохранения целостности и историчности архитектурной среды, а также во имя других задач на основе полной идентификации и научной достоверности» [2].

Датой основания города Царицын принято считать 2 июля 1589 г., когда царем Федором Ивановичем была издана грамота о постройке на Волге острога для защиты южных окраин Московского государства от кочевников. С этого времени начинается история города Царицын.

Всего на территории Волгоградской области находится 233 объекта историко-культурного наследия, памятников архитектуры XVIII – начала XX вв., подлежащих государственной охране как памятники ис-

тории и культуры регионального значения: 185 объектов – на территории г. Волгограда и 48 объектов – на территории районов Волгоградской области (рис.). Также на территории Волгоградской области выявлено четыре объекта историко-архитектурного наследия XVIII – начала XX в. Таким образом, на территории региона находятся 237 памятников архитектуры XVIII – начала XX в. [4].

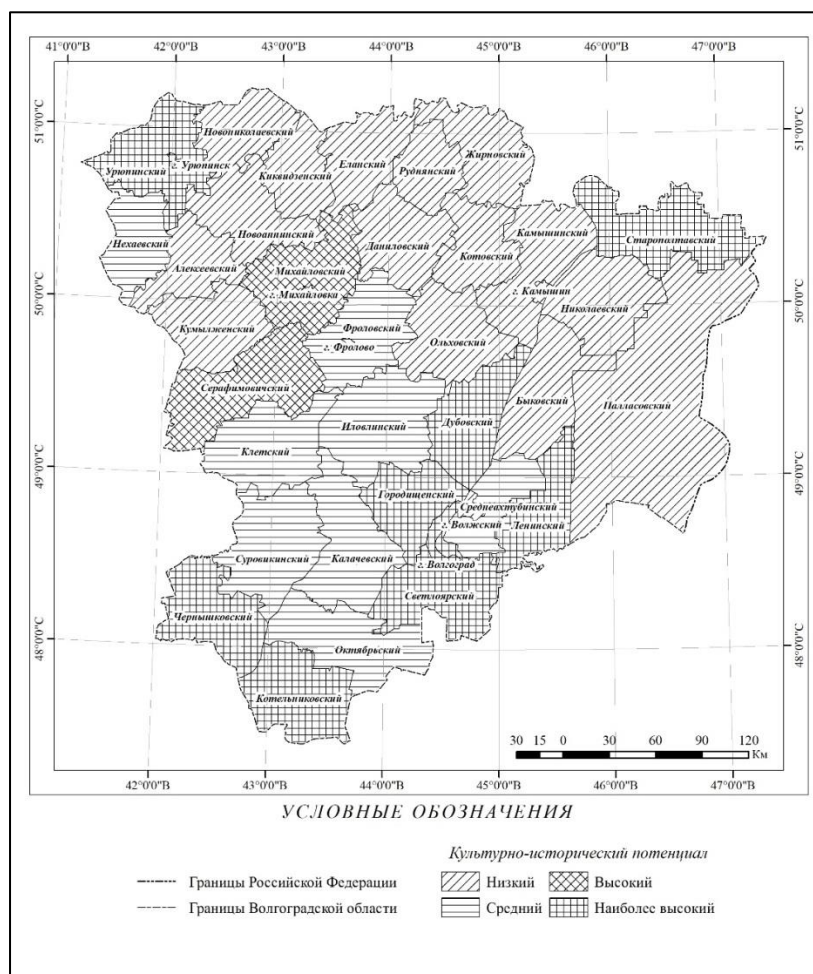

Рис. Пространственная структура распределения культурно-исторического потенциала Волгоградской области (составлено автором)

Анализ приведённой выше карты свидетельствует о неравномерности распределения объектов культурно-исторического потенциала по территории региона. Максимальное количество их наблюдается в городе-герое Волгограде и в некоторых ближайших к нему районах, а также районах, относившихся прежде к Области Войска Донского и сохранивших на своей территории элементы традиционной казачьей культуры.

Большинство объектов историко-архитектурного наследия г. Волгограда являются бытовыми постройками (жилыми домами, торговыми лавками, учебными заведениями, административно-хозяйственными постройками), которые могут являться источником по изучению повседневной истории Царицына. Имеются на территории г. Волгограда и памятники культового зодчества: Синагога, Свято-Духов монастырь, Римско-католический костел, Казанская кладбищенская церковь, Церковь Никиты Исповедника, Домовая Церковь Лапшиных, Кирха. А также промышленные объекты: Орудийный завод, Металлургический завод, Швейная фабрика им. 8 Марта, Кожевенный завод Смирнова, Завод братьев Максимовых, Горчичный завод Галича, Преображенский форштадт, особняк царицынских купцов Репниковых [4].

На сегодняшний день в современном Волгограде сохранилось немного мест, связанных с эпохой Царицына, которые могли бы представлять ценность для создания перспективных туристических объектов.

К сожалению, как показывает анализ, исторические объекты эпохи Царицына в Волгограде крайне малочисленны, к тому же они не репрезентативны и находятся в неподобающем для осуществления туристической деятельности состоянии. Одной из главных причин этого является то, что историческое наследие Царицына было практически полностью уничтожено во время Сталинградской битвы. Именно поэтому в Волгограде отсутствуют базовые туристические объекты, олицетворяющие царицынскую эпоху, как, например, Историко-мемориальный комплекс «Мамаев курган» и Музей-заповедник «Сталинградская

битва» наглядно демонстрируют нам яркие и героические события истории Сталинграда, современные парки, стадион, многочисленные театры и новый Интерактивный музей «Россия – моя история» отображают облик современного Волгограда.

Историко-архитектурное наследие Волгоградской области – это ресурс для развития познавательного туризма, что, в свою очередь, могло бы увеличить приток инвестиций для сохранения историко-культурного наследия. Наиболее перспективными направлениями культурно-познавательного туризма могут стать экскурсии по памятникам культового зодчества, местам и центрам развития народно-прикладного искусства, историческим городам Волгоградской области [1].

Все имеющиеся архитектурные объекты культурного наследия Царицына отражают быт и культуру того времени, но, к сожалению, их количество и состояние не позволяет полноценно организовать и развивать бренд г. Волгограда как города с более чем четырёхсотлетней историей.

Сохранение культурного наследия, его грамотное использование может принести не только значительную экономическую выгоду через повышение туристской аттрактивности (увеличение количества туристов, развитие туристской инфраструктуры, рост посещаемости музеев, издание научной и научно-популярной литературы и пр.), но и позволит изменить к лучшему социокультурное развитие региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вишняков Н.В., Семенова Д.А. Актуальное состояние и территориальные диспропорции в развитии туристско-рекреационного потенциала Волгоградской области / Н.В. Вишняков, Д.А. Семенова // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23, № 4. С. 71–85. DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.4.6>
2. Генералова Н.К. Прогнозирование в сфере туризма: классификация и анализ методов / Генералова Н.К. // Журнал международного права и международных отношений. 2014. № 4. С. 256–259.
3. Мир и Россияне в XX в.: учеб. книга по истории / под общ. ред. Г.В. Орлова. Волгоград, 1997. С. 45–48.
4. Полякова Т.В. Туристическая привлекательность Волгоградского региона: реальность и перспективы // Стратегическое развитие АПК и сельских территорий РФ в современных международных условиях: материалы Международ. науч.-практ. конф. (Волгоград, 03-05 февраля 2015 г.). Волгоград: ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, 2015. Том 5. С. 88–92.

Nikolay V. Vishnyakov

Volgograd State University, Volgograd

THE SIGNIFICANCE OF THE ARCHITECTURAL HERITAGE OF THE VOLGOGRAD REGION IN THE CONTEXT OF INCREASING THE TOURIST ATTRACTIVENESS OF THE REGION

Abstract. *The Volgograd region is a region of the richest history and traditions, characterized by a multicultural appearance. Architecture is a direct reflection of the history of the Volgograd region, the process of creation and development of settlements and cities in the region. Architecture allows you to see all styles and trends in their entirety.*

In light of the increased attention of the authorities at both the regional and federal levels to the development of the tourist and recreational potential of the Volgograd region, it is worth noting that the historical and architectural heritage is of great importance both in the moral and spiritual life of society and in the strategy of increasing the tourist attractiveness of the region.

Keywords: *cultural and historical heritage, architectural monuments, tourist attraction.*

УДК 910.27

Джумаев Б.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

ВЛИЯНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ТУРИСТСКУЮ ОТРАСЛЬ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. *В статье рассматривается транспортная инфраструктура как один из основополагающих факторов влияния на организацию межрегионального и регионального туристических кластеров в Узбекистане. Оптимальное передвижение туристов по туристическим центрам между регионами, исследования ценообразования туристических маршрутов в перспективе оказывает влияние на количественное и качественное преимущества в потреблении турпродуктов туристами страны. Поэтому автор в своем исследовании анализирует именно транспортную инфраструктуру, как основной фактор развития туристической отрасли Узбекистана. Автором предлагается создание специализированных маршрутов исключительно для путешественников, при этом частично искоренив проблемы в транспортной отрасли, при взаимодействии с хозяйственными субъектами туристской направленности. В исследовании изображены и перечислены вариации оптимальных маршрутов между регионами и внутри регионов. Разработаны рекомендации по решению проблемных аспектов транспортно-коммуникационного комплекса для более качественной интеграции в организации туристической отрасли Узбекистана.*

***Ключевые слова:** организация туристических кластеров, транспортно-коммуникационный комплекс, региональные туристско-рекреационные комплексы, ценообразования туристических маршрутов, центральная периферия туристических маршрутов.*

Введение. Степень влияния транспортной индустрии на туристическую дестинацию является одним из самых главных экономических факторов, привлекающих потребителей туристского рынка. Исходя из того, что именно туристы нацелены при путешествии потреблять туристские продукты в максимальных количествах в периоде пребывания. Но, не хотят основное время тратить в поездках из одного региона в другую, если протяженность маршрута длинная, тем более если условия дорог регионов не совсем качественные. Следовательно, пути и способы маршрута до туристско-рекреационных комплексов, учитывая географическое расположение, должно осуществляться всеми видами транспортных средств и коммуникаций.

По мнению С.Г. Абсалямова, историко-культурные и природные наследия, в их совокупности – это специфический и важный экономический ресурс региона, он может стать не только фактором развития духовной жизни, но и основой с особыми отраслями специализации, одним из перспективных направлений стимулирования социально-экономической политики и развития транспортной инфраструктуры [1]. Исследования в данном направлении, по мнению ученого, приводит туристическую отрасль как основной фактор, стимулирующий развития транспортной инфраструктуры региона, тогда как, по нашему исследованию, в качестве основного фактора, влияющего на развитие туристских комплексов, выступает степень развитости транспортных узлов, условия преобразования туристических комплексов при создании и функционировании специализированных туристических маршрутов в Узбекистане.

Эффективное использование объектов культурного наследия во многом зависит от современной инфраструктуры региона и, в качестве основной, выступает транспортная инфраструктура, которая обеспечивает максимальное потребление туристских благ во время путешествия [2]. Степень разработанности транспортной индустрии в регионе обладает высоким коэффициентом, который может сократить важное для туриста время пути из одного места в другое.

Обсуждение результатов. Транспортная инфраструктура как основной двигатель экономического прогресса занимает особую нишу, превосходя по экономической направленности многие сферы хозяйственно-организационных структур. Вместе с тем, сегодня в Узбекистане модернизируется транспортная инфраструктура, особое внимание уделяется развитию железнодорожных сообщений и авиасообщений, когда дело касается международных грузовых и пассажирских перевозок. Внутри страны высокую долю занимает автомобильные перевозки и другие транспортные средства.

Исторически сложилась так, что Узбекистан входил в транзитную зону Великого Шёлкового пути, целенаправленно формируя экономическую интеграцию с другими государствами. Потому что, в отличии от государств, где основная часть границ омывается морями и океанами, Узбекистан не имеет возможности прямого выхода к океану и по этой причине необходимо во многом развивать остальные виды транспортных средств для совершенствования транспортной инфраструктуры.

Связь транспортной инфраструктуры с индустрией гостеприимства непосредственно учитывается при пассажирских перевозках. Статистические данные Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике показывают, что пассажирооборот всех видов транспорта республики в периоды с 2016 по 2021 гг. увеличился на 8 %, при этом автомобильный – на 5,4 %, занимающий самый высокий удельный вес в общем объеме. Среднегодовой темп прироста количества отправленных пассажиров – 103 %. В связи с кризисом из-за пандемии в 2020 г. вышеперечисленные показатели уменьшились по сравнению с предыдущими годами [3].

На рис. 1 показаны главные автомобильные дороги и железнодорожные пути передвижений транспортных средств между регионами. Следовательно, к туристско-рекреационным и историко-культурным объектам туристы добираются внутренними местными маршрутами или объездными путями внутрирегиональных автомобильных и железнодорожных сообщений. Зачастую, поездка к тому или иному туристско-рекреационному объекту оборачивается для туриста потерей большого количества времени в пути от одного объекта к другому.

Учитывая потери временных интервалов, необходимо исследовать оптимальное ценообразование туристического маршрута, потому что для путешествующего одним из основных приоритетов являются доступность и оптимальные цены на услуги транспортных средств при совершении путешествия. В работе В.А. Рубцова и др. приводятся результаты исследования ценообразования стоимости туристического маршрута, его компонентов и содержания. Разработанный подход позволил объединить малые исторические города в единый туристический кластер [4].

Рис. 1. Транспортная коммуникация и региональные туристские центры Узбекистана

Определенно, туристы во время экскурсии предпочитают комфортные условия передвижения, выбирая наиболее комфортные транспортные средства. Но при значительном увеличении туристического потока, что происходит в Узбекистане в последние годы, большинство туристических хозяйствующих субъектов предлагают совершать туры на автобусах. Однако в регионах именно для больших по габаритам транспортных средств дорожных покрытий не имеется. Или их качество затрудняет совершение поездок по местным и основным автомобильным трассам, которые зачастую предназначены преимущественно для передвижения местного населения и не соответствуют требованиям конвенции [5] и нормам международных перевозок туристов в транспортных средствах.

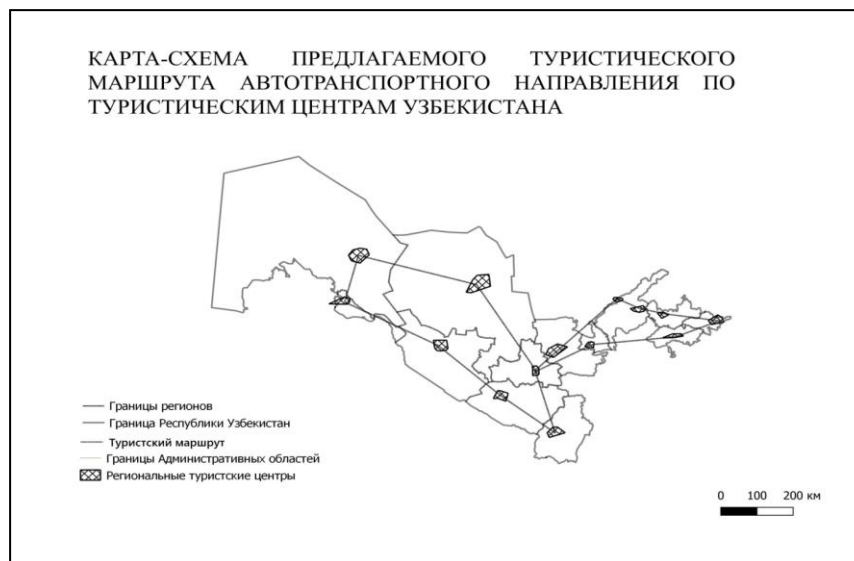

Рис. 2. Предлагаемый туристический маршрут для легковых и автобусных транспортных средств

Поэтому, первоочередной задачей исследования стоит изучение степени доступности туристско-рекреационных центров и видов транспортной инфраструктуры, которые могут использоваться не только местным населением, но и туристами, посещающими те или иные регионы Узбекистана. При этом уровень комфорта должно соответствовать международным требованиям транспортировки пассажиров.

Выводы. В качестве теоретических и практических разработок в усовершенствовании туристических маршрутов автор в своем исследовании разработал и предложил создание специализированного туристского маршрута для легковых и автобусных автотранспортных средств. Началом туристского маршрута выступает региональный туристский центр – туристская зона Самарканда, которая имеет большое количество историко-культурных достопримечательностей. На рис. 2 приведены два основных маршрутных направления к туристическим центрам. Первый межрегиональный маршрут охватывает северо-восточную часть страны такие регионы как начиная от Самаркандской области, Джизакская, г. Ташкент, Ташкентская, Ферганская, Андижанская, Наманганская и Сырдаринская области. Второй межрегиональный

маршрут также, начинается от Самарканда и тянется в южном и западном направлении охватывая такие регионы как Сурхандарьинская, Кашкадарьинская, Бухарская, Хорезмская области, Республика Каракалпакстан и Навоийская области.

Создание и усовершенствования транспортных узлов в стране исключительно для туристов:

- влияет на развитие и формирование туристических кластеров в регионе;
- между регионами способствует созданию инновационных природных и антропогенных рекреационных зон;
- будет способствовать повышению качества сервиса и туристско-рекреационных продуктов и повышению конкурентоспособности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абсалямова С.Г. Роль объектов культурного наследия в развитии транспортной инфраструктуры Республики Татарстан / С.Г. Абсалямова, Р.Л. Сахапов, Н.Н. Петрова // Техника и технология транспорта. 2017. № 4 (5). С. 14. EDN ZWJWBP.
2. Бунаков О.А. Эффективное использование объектов культурно-исторического наследия в индустрии туризма и гостеприимства на примере Республики Татарстан / О.А. Бунаков // Научный поиск в современном мире: сб. материалов 6-й Междунар. науч.-практ. конф. (Махачкала, 30 мая 2014 г.). Махачкала: ООО «Апробация», 2014. С. 62-64. EDN TFZMTT.
3. Итоговый отчет пассажирооборота всех видов транспортных средств Узбекистана / Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novostigoskomstata/34090-0kichik-tadbirkorlik-subyektlarining-yo-lovchi-aylanmasi-3>
4. Рубцов В.А. Ценообразование туристического маршрута на примере туристического маршрута по малым историческим городам республики Татарстан / О.А. Бунаков, В.А. Рубцов, Н.К. Габдрахманов, Э.И. Байбаков // Научное обозрение. 2017. № 3. С. 71-76. EDN YHFBFR.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов. Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/carriage_of_goods.shtml

Bobir A. Djumaev

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

IMPACT OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE ON THE TOURIST INDUSTRY OF UZBEKISTAN

Abstract. *The article considers transport infrastructure as one of the fundamental factors influencing the organization of interregional and regional tourism clusters in Uzbekistan. The optimal movement of tourists in tourist centers between regions, the study of the pricing of tourist routes in the future has a quantitative and qualitative advantage in the consumption of tourist products by tourists in the country. Therefore, the author in his study analyzes the transport infrastructure as the main factor in the development of the tourism industry in Uzbekistan. The author proposes the creation of specialized routes, exclusively for travelers, while partially eradicating problems in the transport industry, while interacting with business entities of a tourist orientation. The study depicts and lists variations in optimal routes between regions and within regions. Recommendations have been developed for solving problematic aspects of the transport and communication complex for better integration into the organizations of the tourism industry in Uzbekistan.*

Keywords: *Organization of tourist clusters, transport and communication complex, Regional tourist and recreational complexes, pricing of tourist routes, central periphery of tourist routes.*

УДК 338.48

Захарова Ю.С.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ТУРИЗМА В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «НЕИЗВЕДАНЫЙ ТАТАРСТАН»)

Аннотация. *В статье рассмотрено современное состояние сферы туризма в Республике Татарстан. В рамках формирования рекомендаций по ее развитию, представлен инновационный проект «Неизведанный Татарстан».*

Ключевые слова: *туризм в Республике Татарстан, видео-экскурсия, виртуальные экскурсии, инновационный проект.*

В современном мире туризм является одной из самых перспективных сфер экономики многих городов, регионов и стран. Туризм способствует внедрению новых технологий, развитию рынка товаров и услуг, решению задач, связанных с инвестированием средств в различные сферы производства. Мировой

и российский опыт наглядно демонстрирует, что туризм может занимать одно из главных мест в социально-экономическом развитии региона. Именно поэтому для руководства многих регионов Российской Федерации совершенствование сферы туризма является одной из основных задач в рамках социально-экономического развития.

Республика Татарстан является одним из самых динамично развивающихся регионов Российской Федерации в сфере туризма. В представленном регионе расположено около семи тысяч объектов, обладающих исторической, художественной, научной или иной культурной ценностями [1, с. 75]. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Республика Татарстан входит в список десяти самых посещаемых регионов Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Оценка туристского потока Российской Федерации за 2022 год

№	Регион (город) Российской Федерации	Туристский поток (с января по ноябрь 2022 г.)
1	Краснодарский край	19183999
2	Московская область	14631457
3	Ленинградская область	14630478
4	г. Москва	13201864
5	г. Санкт-Петербург	7620600
6	Республика Крым	4060379
7	Республика Татарстан	3539543
8	Тюменская область	2336271
9	Свердловская область	2262038
10	Нижегородская область	2027215

Составлено автором по [2].

Республику Татарстан за период с января по ноябрь 2022 г. посетило 3539543 человека. Стоит также отметить, что Республика Татарстан является лидером по числу обслуженных туристов во всём Приволжском Федеральном округе.

Последствия пандемии Covid-19 и геополитическая обстановка в мире оказывают большое влияние на развитие туристско-рекреационной сферы. На сегодняшний день в России делается ставка на туристскую отрасль, которая способна подстегнуть экономику России и увеличить темпы ее развития. Именно изменение предпочтений российских туристов повлияло на решение совершенствовать и развивать туристскую деятельность в внутри страны [3, с. 36].

В настоящее время, внутренний туризм является одним из самых перспективных направлений развития в Российской Федерации. К примеру, показатели отрасли туризма в Республике Татарстан, постепенно растут, об этом свидетельствует динамика туристского потока в основные туристские центры Республики Татарстан (рис. 1).

Рис. 1. Динамика туристского потока в основные туристские центры Республики Татарстан [4]

Несмотря на рост туристского потока в республику, согласно государственной программе «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан» данный регион в сфере туристской индустрии имеет ряд проблем, характерных для современного состояния туризма в Российской Федерации. Наиболее актуальными из них являются: недостаточная информированность о Республике Татарстан как туристском направлении; недостаточно активное продвижение туристского потенциала республики на мировых и региональных туристских рынках [5].

Таким образом, в настоящий момент стоит выделить следующие проблемы, препятствующие развитию туризма в Республике Татарстан:

- низкая популяризация территории;
- отсутствие у населения средств для осуществления поездок с целью отдыха;
- проблема привлечения повторных туристов в дестинацию;
- отсутствие возможности организации путешествий для маломобильных групп населения.

Для решения вышеуказанных проблем следует создать инновационный проект, способный позиционировать Республику Татарстан, как привлекательное место для отдыха, а также решить проблемы с привлечением туристов, желающих посетить регион впервые или повторно. Концепция проекта подразумевает съемку познавательных видео-экскурсий с целью популяризации территории с перспективно высоким, но не реализованным туристско-рекреационным потенциалом. Размещение данного контента предполагается на площадках социальных сетей, наиболее популярных в настоящее время (Telegram, YouTube, ВКонтакте).

Актуальность проекта заключается в том, что Республика Татарстан обладает огромным туристско-рекреационным потенциалом, способным привлечь еще большее количество туристов. Одним из перспективных направлений для развития туризма республики является демонстрация данного потенциала через съемку и распространение видео материала об основных культурно-исторических достопримечательностях, природных объектах городов и муниципальных центров, являющихся в настоящее время непопулярными и неизвестными для туристов. Таким образом, наиболее подходящим названием для проекта служит название «Неизведанный Татарстан».

Важно отметить особую значимость для сферы туризма видео-экскурсий. Данный формат предполагает имитацию физического пространства туристской дестинации с использованием комбинации видео и изображений. Проекты подобного рода являются комфортными, удобными и безопасными, позволяя, не покидая привычного места жительства, познакомиться с культурой и традициями других городов и даже государств [6, с. 5].

В рамках проекта можно реализовать различные идеи, подразделив их на следующие рубрики:

- видео о необычных местах, нестандартных маршрутах, авторских экскурсиях;
- видео-экскурсии о центрах муниципальных районов Республики Татарстан;
- тематические видео-экскурсии в крупных городах республики;
- видео о необычных, интересных фактах культурно-исторических и природных достопримечательностей;
- видео обзор событийных мероприятий республики;
- короткие рекламные ролики о достопримечательностях, музеях, культурно-досуговых учреждениях.

Оценивая финансовые прогнозы и ключевые показатели от реализации проекта, необходимо отметить, что основными показателями коммерциализаций являются будущие туристы. Затраты для реализации идеи минимальны, на начальном этапе они не требуются. Реализация и продвижение проекта «Неизведанный Татарстан» возможны при поддержке Государственного комитета Республики Татарстан по туризму, а также сотрудничая с высшими учебными заведениями.

В настоящее время виртуальный туризм активно развивается в условиях современного технологичного мира. Несмотря на то, что формат мультимедийных экскурсий ограничивает возможности создания запросов в режиме реального времени, он имеет ряд весомых преимуществ. Во-первых, видео-экскурсии имеют особую познавательную ценность, предоставляя зрителям возможность узнать интересную информацию, условно переместившись в новые, необычные места. Возможность путешествовать, не выходя из дома, особо актуальна для лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также для людей, утративших возможность организации путешествий в связи с пандемией Covid-19 и геополитической обстановкой в мире. Во-вторых, съемка и распространение видео-экскурсий в рамках проекта «Неизведанный Татарстан» способствуют популяризации территории республики и ее позиционирования, как привлекательного места для организации отдыха, что в свою очередь способствует развитию внутреннего туризма Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гильфанов А.Р. Перспектива развития туризма в Республике Татарстан / А.Р. Гильфанов // Казанский вестник молодых учёных. 2019. № 4 (12). С.75-78.
2. Оценка туристского потока // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 02.01.2023).
3. Базаров Р.Т., Сюркова С.М., Дорошина О.П., Розанова Л.Н. Основные направления развития туристской отрасли Российской Федерации и Республики Татарстан в современных условиях / Р.Т. Базаров, С.М. Сюркова, О.П. Дорошина, Л.Н. Розанова // Современные проблемы сервиса и туризма. 2022. № 4. С. 33-44.
4. Итоги работы Государственного комитета Республики Татарстан по туризму за 2021 год // Государственный комитет Республики Татарстан по туризму. [Электронный ресурс]. URL: https://tourism.tatarstan.ru/documents.htm?pub_id=3108929 (дата обращения: 26.12.2023).
5. Государственная программа «Развитие сферы туризма и гостеприимства в Республике Татарстан» // Справочно-правовая система «Гарант». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/22517592/> (дата обращения: 15.12.2023).
6. Богомазова И.В. Мультимедийные экскурсии как возможность в реальном времени знакомства туристов с достопримечательностями города и области / И.В. Богомазова // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2017. № 3. С.4-11.

Yulia S. Zakharova

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

INNOVATIVE APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE PROJECT "UNEXPLORED TATARSTAN")

Abstract. *The article considers the current state of tourism in the Republic of Tatarstan. As part of the formation of recommendations for its development, the innovative project "Unexplored Tatarstan" is presented.*

Keywords: *tourism in the Republic of Tatarstan, video tour, virtual tours, innovative project.*

УДК 379.85

Зырянова И.С.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

МАРКЕРЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА

Аннотация. *Исследование самостоятельного туризма задача не из простых. Проблема статистического учета туристов в России актуальная тема изучения и исследователи туризма стараются вычлнить самостоятельных путешественников из общего числа, для дальнейшего исследования их покупательской способности и поведения, вклада в экономику дестинации и общего осмысления их вклада в развитие туризма. В данной статье используется метод изучения запросов Яндекс через выделенные маркеры самостоятельного туризма.*

Ключевые слова: *самостоятельный туризм, маркеры самостоятельного туризма, статистика туризма.*

Самостоятельные путешественники сложно вычлняемый сегмент среди туристов. Существует несколько методов статистических исследований, направленных на изучение туристского потока, в том числе и самостоятельного. Это метод транспортно-путевых затрат, метод подсчета по хлебу, был возможен в советское время, в условиях планово-административной экономики, метод подсчета по спутникам, применяется ЮНВТО, метод учета рекреантов при помощи мобильных операторов [1; 2; 3]. Исследователи отмечают, что для изучения мобильности туристов особенно важны различные наборы данных отслеживания, мобильное позиционирование, отслеживание Bluetooth, геокодированные социальные сети и анализ базы данных фотографий [4]. Также возможно использовать ресурсы сети Интернет: метод анализа запросов в поисковых системах, анализ информации социальных сетей, форумов и др. В данной статье применяется метод анализа запросов Яндекс по изучению региональных различий в заинтересованности к путешествиям через маркеры самостоятельного туризма в субъектах РФ.

Чтобы понять активность регионов в самостоятельном туризме мы постарались определить уровень самостоятельности при планировании поездок в субъектах РФ через анализ поисковых запросов людей. Покупка билетов, мест в гостиницах практически полностью перешла в онлайн-пространство, все действия человека можно отследить через его цифровой след, поэтому в качестве инструмента исследования мы выбрали «запросы Яндекс», как открытый источник данных [5].

В данном ресурсе приводится статистика запросов в месяц, по заданным словам, и словосочетаниям, есть удобные фильтры для изучения популярности запросов пользователей. Для получения территориальных данных мы использовали фильтр – «регион». Надо отметить, что запросы учитываются по месту регистрации IP-адреса пользователя, то есть учитывается запрос туриста по его местонахождению.

Первым этапом мы анализировали *уровень самостоятельности при организации поездки*. Самостоятельные туристы ориентируются на покупку отдельных услуг, а организованные – на комплексные турпродукты. Поэтому для анализа мы ввели маркеры, то есть слова и сочетания, наиболее часто используемые при самостоятельном планировании путешествия. Для этого были выбраны самые популярные запросы единичных услуг за август 2022 г.: «билеты на самолет», «билеты на поезд», «авиабилеты», «жд билеты», «билеты на автобус», «отель», «гостиница», «букинг», «booking», «санаторий» и популярные слова при планировании поездок «отдых», «путешествие», «туризм». Введя поочередно эти словосочетания, мы получили суммарное количество запросов для каждого региона РФ. Всего 78 483 332 запросов. Соответственно, «отдых» – 12 339 907, «путешествие» – 3 104 235, «туризм» – 830 393, «авиабилеты» – 10 655 949, «билеты на самолет» – 4 225 386, «билеты на поезд» – 3 708 411, «жд билеты» – 3 288 001, «билеты на автобус» – 1 448 913, «отель» – 20 517 891, «гостиница» – 8 272 044, «санаторий» – 7 324 427, «booking» – 1 772 868, «букинг» – 994 907 (при этом показатели запросов по маркерам «букинг», «booking» были приведены по данным 2021 г. из-за прекращения деятельности поисковика в 2022 г. в России). Выявлена прямая корреляционная связь между всеми маркерами (более 0,9), доказывающая правильность их выбора.

Благосостояние граждан – важный фактор развития туризма. Одним из показателей является средний размер заработной платы. Поэтому вторым этапом мы сравнили количество запросов по маркерам самостоятельного туризма с данными по средней зарплате в регионе. Интересно, что коэффициент корреляции между этими показателями в целом оказался низким – 0,3. Но, при разборе интервалов, заданных при расчёте коэффициента корреляции, выявилась тенденция на его уменьшение при понижении числа запросов в регионах. Например, регионы, имеющие более 1 млн запросов, дают коэффициент корреляции 0,9, регионы с более 400 тыс. запросов, показывают – 0,7, а у субъектов РФ с количеством запросов менее 400 данный коэффициент имеет отрицательное значение (-0,3). Таким образом, можно утверждать, что районы с большим количеством запросов более объективно отражают процессы в самостоятельном туризме, небольшое количество запросов в регионе не связано с низкой средней заработной платой в регионе и зависит от других причин (например, низкая туристская активность населения в сельскохозяйственных районах).

Второй этап состоит в *анализе запросов, характеризующих организованный туризм*. Для ОТ выбраны запросы на комплексные услуги: «туры», «путевка», «экскурсия», «круиз», «туры из столиц регионов». Все данные запросов между собой коррелируют (коэффициент между региональными запросами стремится к 1). Соответственно, получилось «туры» – 6 357 530, «путевка» – 1 239 235, «экскурсия» – 1 602 666, «круиз» – 841 796, «туры из столиц регионов» – 2 048 451. Всего получилось 12 089 678 запросов.

При поиске коэффициента корреляции между запросами по организованному туризму и средней зарплате в регионе наблюдается также низкий показатель (0,3) и прямая взаимосвязь прослеживается в регионах с численностью более 30000 запросов в Яндекс.

Следующим этапом мы рассмотрели запросы по основным маркерам самостоятельного туризма по регионам РФ – «гостиница»/«отель» и «билеты». Маркеры отбирали по большему количеству запросов, например, если запросов «гостиницы Барнаул» больше, чем «отели Барнаул», то мы выбирали первые и т.д. Таким образом, мы выявили туристский интерес регионов по отношению к друг другу.

«Региональная популярность» – это доля, которую занимает регион в показах по данному слову, деленная на долю всех показов результатов поиска, пришедшихся на этот регион [5]. На основе полученных данных были проведена типология регионов РФ по туристской популярности регионов и туристской активности самих субъектов федерации.

Регионы с высокой популярностью (показывающие высокий уровень заинтересованности в них) и *высокой активностью* (высокий уровень заинтересованности в других) это, например, Москва, Иркутская область, Краснодарский край, Новосибирская область, Республика Башкортостан, Ростовская область, Санкт-Петербург, Свердловская область и др.

В категорию *регионы с высокой популярностью и средней активностью* попали Республика Татарстан, Калининградская, Самарская области и др.

Регион со средней популярностью и высокой активностью только один – Московская область.

40% всех регионов РФ вошли в категорию *регионы со средней популярностью и средней активностью*, такие как Республика Бурятия, Мурманская область, Республика Дагестан и др.

Регионы со средней популярностью и низкой активностью представлены Чеченской республикой, Камчатским краем и др.

Регионы с низкой популярностью и низкой активностью, например, Ненецкий АО, Еврейская АО и др.

Регионы с низкой популярностью и средней активностью – Республика Марий Эл, Адыгея.

В регионы с низкой популярностью и высокой активностью попали ЯНАО и Ленинградская область.

Таким образом, проведенный анализ показал возможность изучения источников из сети Интернет как ресурса для определения туристских потоков между регионами, взаимного интереса между ними и помог выявить регионы-поставщики самостоятельных туристов, на которые можно ориентироваться для продвижения туристских услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова А.Ю., Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Ховавко И.Ю. Сверхтуризм на Байкале: проблемы и пути решения // География и природные ресурсы. 2021. Т. 42. № 3. С. 73-84.
2. Ячменева В.М., Чугунова Т.Н., Виноградов Н.В. Анализ существующих методик подсчета рекреантов // Культура народов Причерноморья. 2011. № 218. С. 225-228.
2. Максимов Д.В., Кузнецов И.К., Куделя Е.В., Максимова А.Д. Методика определения величины туристского потока по данным о роумерах операторов сотовой сети // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. 2017. № 1. С. 324-327.
3. Мильто А. В правительстве обсудили, как считать туристов в России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tourdom.ru/news/v-pravitelstve-obsudili-kak-schitat-turistov-v-rossii.html?sphrase_id=251625 (дата обращения: 11.02.2022).
4. Яндекс. Подбор слов. [Электронный ресурс]. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 28.08.2022).

Inna S. Zyrianova

Perm State National Research University, Perm

MARKERS IN INDEPENDENT TOURISM

Abstract. *The study of independent tourism is not an easy. The problem of tourist statistics in Russia is a hot topic. Researchers of independent tourism try to single out independent travelers from the total number of tourists. To explore their purchasing power and behaviour, contribute to the economy of the destination and understand their contribution to tourism development. This article uses the method of studying Wordstat.yandex through the selected markers of independent tourism.*

Keywords: *independent tourism, markers of independent tourism, statistics in tourism.*

УДК 338.48

Ивлиева О.В., Ма Цзья, Лю Чэнь

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ТУРИЗМУ В КИТАЕ

Аннотация: *Индустрия туризма переживает серьезный экономический кризис, вызванный коронавирусом. Глобальные международные туристские прибытия сократились на 20-30 % в 2020 г. Во многих городах мира количество запланированных туристических поездок сократилось на 80-90 % в том числе и в Китае. В 2020 г. выручка отелей Китая снизилась почти на 50 %. Авиакомпании также очень сильно пострадали, и это оказало сильное негативное влияние на сотрудников и на смежные отрасли производства. Пандемия изменила образ жизни туристов.*

Ключевые слова: *туристские прибытия, авиакомпании, пандемия, экономический кризис, туристская индустрия.*

Одним из общих показателей развития туризма в национальных экономиках является Индекс развития путешествий и туризма (TTDI – сокр. от Travel & Tourism Development Index), рассчитываемый экспертами Всемирного экономического форума ежегодно, начиная с 2007 г. для 117 стран.

Эксперты Всемирного экономического форума разбили группу АТР (20 стран) на три кластера: Восточный Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) (Австралия, Китай, Япония, САР Гонг-Конг, Япония, Южная Корея, Монголия, Новая Зеландия), Южная Азия (Бангладеш, Индия, Пакистан, Непал, Шри Ланка), Юго-Восточная Азия (Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам). Страны КНР, Южная Корея и Япония являются странами-центрами социально-экономического и технологического развития в Азии, являются соседями, имеют общую траекторию исторического развития, которая выражается в том числе в конфуцианских традициях.

Группа стран Восточного Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) лидирует по значению TTDI – 4,6 балла, но отстаёт по доле туризма в ВВП от стран Юго-Восточной Азии 8,4 % против 13,1 %.

Япония является лидером как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в мире, Австралия занимает (7-е место), Сингапур (9-е место) и входят также в первую десятку мировых лидеров. Китай занимает 12-е

место в ТТДИ, хотя является крупнейшей туристской экономикой в регионе. Индонезия занимает 32-е место, Пакистан 83-е, Филиппины занимают 75-е место, хотя ВВП этой страны в наибольшей степени зависит от туризма в 2020 г. Индия является лучшим игроком в Южной Азии, занимая (54-е место) [1].

Индустрия туризма переживает серьезный экономический кризис, вызванный коронавирусом. По оценкам ЮНВТО (Всемирной организации туризма при ООН), глобальные международные туристские прибытия сократились на 20-30 % в 2020 г., что привело к потерям в размере 30-50 млрд долларов США. Во многих городах мира количество запланированных туристических поездок сократилось на 80-90 % в том числе и в Китае. Данная пандемия затронула почти все отрасли туризма. Ресторанная индустрия пострадала в наибольшей степени. В секторе размещения, введенные COVID-19 ограничения на поездки, привели к падению бронирований Airbnb на 96 %. У аналогов данного сервиса в Китае (Tujia, Fliggy, Xiaozhu, Muniuo, Strip и Meituan Homestay) также наблюдалось падение числа бронирований в отдельных районах в отдельные периоды времени даже на 100 % – локдауны в Ухани, Шанхае и др. В 2020 г. выручка отелей Китая снизилась почти на 50 %. Восемь из 10 гостиничных номеров пустовали в течение года, а до 70 % сотрудников отелей были уволены [2]. Авиакомпании также очень сильно пострадали, и это оказало сильное негативное влияние на сотрудников и на смежные отрасли производства. Международная организация гражданской авиации сообщила о значительном сокращении регулярных международных пассажирских перевозок в 2020 г., что привело к сокращению числа международных пассажиров на 44-80 %. Международный совет аэропортов констатировал, что кризис привел к сокращению числа пассажиров на 4,6 млрд человек в 2020 г., и вызвал глобальные убытки в размере 97 млрд долларов США.

Пандемия изменила образ жизни туристов в поездках, их поведение и привычки. Вспышка COVID-19 повлияла на модели поездок китайских путешественников. Отмечается небывалый рост самостоятельных путешествий туристов, поездок небольшими группами, набирает популярность оздоровительный туризм. Предполагается, что появятся новые формы туризма, такие как «медленный» и «умный» туризм. Эти изменения в развитии туризма в Китае сильно отличаются от традиционной китайской коллективистской культуры и социалистической социальной структуры.

COVID-19 ограничил права людей в Китае на перемещения по месту жительства, на посещение друзей и семьи, ограничения коснулись перемещения в туристских местах, наблюдалось закрытие достопримечательностей и туристских объектов, отмена ряда прав на защиту потребителей в сфере гостеприимства и туризма, получили распространение большие штрафы за несоблюдение правил.

Хотя COVID-19 негативно влияет на экономику и социально-культурное благополучие людей, он, вероятно, оказывает положительное, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, воздействие на окружающую среду в местах ограничений. Более чистый воздух, увеличение количества диких животных, резкий переход к менее углеродоемкому образу жизни показывают возможность того, чего можно достичь за несколько дней. Загрязнение окружающей среды и выбросы парниковых газов снизились на всех континентах. Например, в Китае выбросы снизились на 25 % в начале года, поскольку людям было приказано оставаться дома. Заводы закрылись, а потребление угля сократилось на 40 %. Процент дней с хорошим качеством воздуха вырос на 11,4 % по сравнению с тем же периодом прошлого года в 337 городах Китая. В Европе на спутниковых снимках видно, что выбросы двуоксида азота (NO₂) над северной Италией уменьшаются, аналогичная ситуация наблюдалась в Испании и Великобритании [3].

Эти примеры показывают, как может выглядеть будущая углеродно-нейтральная экономическая производственная система, при переходе от нынешней модели потребления с высоким потреблением ресурсов к модели, которая является экологически чистой и нейтральной в отношении ресурсов [4].

Резкое сокращение числа прибытий туристов и, как следствие, падение спроса в туристском секторе из-за COVID-19, начиная с начала 2020 г., привели к потере миллионов рабочих мест и экономическим трудностям, а также к ликвидации многих фирм, особенно субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере туризма и в смежных отраслях.

Пандемия коронавируса нарушила развитие мировой экономики, в том числе в странах АТР, вызвала замедление экономического роста в развивающихся странах этого региона с 6,3 % в 2018 г. до 5,8 % в 2019 г., затем 5,7 % и 5,6 % соответственно в 2020 и 2021 гг. МВФ ожидает, что ВВП Китая вырастет всего на 3,2 % в 2022 г., что намного медленнее, чем поставленные цели правительства. Безработица среди молодежи приближается к 20 %. Коммерческий центр Китая, Шанхай, в начале 2022 г. перенес двухмесячную блокировку. Регион Синьцзян был в значительной степени изолирован с лета из-за многочисленных вспышек. По данным ЮНВТО, число международных туристских прибытий в Азиатско-Тихоокеанский регион с января по май 2022 г. было на 90 % ниже уровня 2019 г., что делает этот регион самым неблагоприятным в мире. Внутренний и международный трафик в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2022 г., как ожидается, достигнет лишь 68 % от показателей 2019 г. По прогнозам, уровень путешествий до 2025 г. не достигнет уровня, предшествовавшего пандемии.

Наиболее важные изменения, которые можно ожидать в индустрии туризма в АТР после пандемии COVID-19, можно резюмировать следующим образом:

- население, скорее всего, будет избегать дальних туристских направлений. В данном контексте развитая сеть сверхскоростного железнодорожного транспорта в Китае является технологическим преимуществом по сравнению с другими странами АТР. Решения, принимаемые туристами в пользу более коротких маршрутов, могут существенно способствовать более интенсивному развитию внутреннего туризма;
- стоимость международных рейсов возрастет вследствие снижения туристского спроса в связи с уменьшением количества пассажиров. Кроме того, на повышение цен на перелеты дополнительно повлияет процедура социального дистанцирования, которую должны соблюдать авиакомпании;
- ожидаются изменения в круизной индустрии, средняя продолжительность круиза, скорее всего, в будущем будет уменьшаться вместе с количеством пассажиров;
- гостиничные предприятия также претерпят преобразования в результате инвестирования крупных сумм в бесконтактные технологии и повышения стандартов гигиены. Санитарно-гигиенические условия туристских направлений станут важными факторами, влияющими на принятие туристами решений;
- будущее массовых мероприятий событийного туризма неясно. Из-за многочисленных ограничений, наложенных на трансграничное перемещение, социальную дистанцию, температурный контроль и сокращение числа международных авиакомпаний.

Вследствие эпидемиологических ограничений значительно ускорилась и всестороннее распространилась цифровизация туристских услуг. Это позволило снизить транзакционные издержки туристам: становится легче составлять свой маршрут, бронировать отель, подбирать меню и т.д. Получили импульс развития новые туристские продукты – виртуальные экскурсии, дистанционная вовлеченность в решение тех или иных вопросов, связанных с функционированием предприятий туризма и смежных с ним отраслей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Казаков О.И. Туризм в Японии: от падения к восстановлению // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 3. С. 31-46.
2. Becken S., Loehr J. Asia-Pacific tourism futures emerging from COVID-19 recovery responses and implications for sustainability // Journal of Tourism Futures. 2022.
3. COVID-19 and Tourism | 2020: A year in review – UNWTO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwto.org/covid-19-and-tourism-2020> (дата обращения: 01.11.2022).
4. Gössling S., Scott D., Hall C. M. Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19 // Journal of sustainable tourism. 2020. Vol. 29. No 1. pp. 1-20.

Olga V. Ivlieva, Ma Jia, Liu Chen
Southern Federal University, Rostov-on-Don

CONSEQUENCES OF THE COVID-19 PANDEMIC AS IT RELATES TO TOURISM IN CHINA

Abstract. *The tourism industry is going through a serious economic crisis caused by the coronavirus. Global international tourist arrivals declined by 20-30% in 2020. In many cities around the world, the number of planned tourist trips has decreased by 80-90%, including in China. In 2020, China's hotel revenue fell by almost 50%. Airlines have also been hit hard, and this has had a strong negative impact on employees and related industries. The pandemic has changed the lifestyle of tourists.*

Keywords: *tourist arrivals, airlines, pandemic, economic crisis, tourism industry.*

УДК 314.72

Комарова Е.Е.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕЧНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Аннотация. *В статье рассматривается о проблемах и состоянии рынка речного круиза в Республике Татарстан. Целью исследования является выявление и решение проблем, возникших при организации данного вида туризма.*

Ключевые слова: *речной туризм в Республике Татарстан, внутренний и въездной туризм, река Волга, Кама.*

Передвижения по рекам с посещением портовых городов, с размещением на комфортабельных теплоходных судах называется круизом. Несомненно, круиз является способом реализации отдыха

туристов и получения ими неизгладимые впечатлений. Основной целью туризма является отдых, поэтому водное путешествие можно назвать одно из самых подходящих методов достижения данной цели, так как спокойные и медленные хождение по водным просторам способствуют снятию стресса, а свежий воздух и живописные ландшафты благотворно влияют на оздоровление организма отдыхающих [6].

Крупнейшими реками в Республике Татарстан являются Волга, Кама и два её притока – Белая и Вятка [4]. Длина Волги 3530 км, длина Камы 1804 км. Соответствующие реки владеют огромными возможностями для развития круизного туризма в регионе. Отправка круизов производится с причалов речного порта. Имеются местные путешествия вверх и вниз по Волге. В республике имеются многочисленные озера, пруды и реки – не только ценные экосистемные объекты, создающие уникальный природный компонент. Они также скрывают в себе большой потенциал для развития внутреннего туризма.

Республика Татарстан располагает богатыми рекреационными ресурсами и потенциалом, который способен реализовать речной круиз и пользоваться спросом у гостей нашей республики [5].

Формы речного туризма довольно разнообразны и предполагают, как возможность активного времяпровождения, так и пассивный отдых в виде созерцания речных пейзажей с палубы судна [1]. В ходе такого отдыха можно не только расслабиться и отвлечься от решения важных жизненных проблем, но и получить новые впечатления, посетить новые места, познакомиться с новой культурой и обычаями тех мест, которые доведется посетить во время речного круиза.

К сожалению, благоприятных условий береговой инфраструктуры в республике создано катастрофически мало. На весь Татарстан оборудовано лишь чуть больше десятка официальных пляжей (все остальные можно считать стихийными), рыбаки обеспечивают свой досуг самостоятельно, а места, где можно покататься на арендованных лодках и катамаранах, можно в Татарстане перечислить по пальцам [2]. Есть несколько видов водного туризма, которым могут организовать финансовую стабильность на сезонный период и привлекать в республику большое количество туристов: рыболовный; пляжный; круизный; сплавной; экологический; образовательный детский туризм.

Необходимо выделить несколько факторов, которые сдерживают развитие речного туризма [3]:

1. слабое навигационное оборудование проход на тех акваториях, которые наиболее привлекательны для прогульно-экскурсионного судоходства;
2. отсутствие необходимой сети топливных заправочных станций для заправки яхт и катеров на Волге и Каме;
3. неразвитость причальной и береговой инфраструктуры, пристаней и береговых турбаз, сезонных гостевых стоянок;
4. недостаточно проработанное водное законодательство, усложняющее режим использования маломерных туристических, прогулочных и спортивных судов в акватории рек Татарстана;
5. низкое бюджетное финансирование отрасли;
6. низкое качество туристских услуг.

Исходя из вышеперечисленных факторов, которые актуальны в течении продолжительного периода, мы делаем вывод, чтобы решить проблемы и развить в республике данный аспект, нужно разработать и осуществить комплексную программу поэтапного решения проблем в туристской индустрии на водных объектах Татарстана. Республика имеет большой опыт правильно организовать и применить системный подход к решению поставленных задач. Поэтому, применение подобного подхода к реализации потенциала развития речного туризма в республике позволит не только увеличить доходы данной отрасли, но и обеспечить ускоренное развитие различных отраслей экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адельшин А.А. Туристский потенциал республики Татарстан // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 134-138.
2. Боголюбова С.А., Телегина Д.В. Проблемы и перспективы развития туризма в Республике Татарстан // Интеллектуальный и ресурсный потенциалы регионов: активизация и повышение эффективности использования: материалы 5-й Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 16 мая 2019 г. / под науч. ред. А.П. Суходолова, Н.Н. Даниленко, О.Н. Бaeвой. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. – С. 436-442. [Электронный ресурс] URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>.
3. Валиуллина А.Р. К вопросу о проблемах и перспективах круизного туризма в республике Татарстан // Университетский спорт: здоровье и процветание нации в 2 томах. Т. 2: материалы V Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых: (23-24 апреля 2015 г.). Казань: Поволжская ГАФКСиТ, 2015. С. 211-214.
4. Галимова Л.И., Галимов Ш.Ш., Зиннуров И.Н. Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Татарстан в условиях санкций // Прогрессивная экономика. 2022. № 5. С. 27-39.
5. Ползикова Е.В., Заднепровская Е.Л., Завьялова Д.В. Пути продвижения и проблемы реализации речных круизов в России // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. 2018. Т. 3. С. 24-26.

6. Штанькова И.С., Безуглова М.С. Проблемы и перспективы развития речного круизного туризма в астраханской области // Астраханский вестник экологического образования. 2014. № 1 (27). С. 215-217.

Elena E. Komarova
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

PROBLEMS OF RIVER TOURISM DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract. *The article discusses the problems and the state of the river cruise market in the Republic of Tatarstan. The purpose of the study is to identify and solve problems.*

Keywords: *river tourism in the Republic of Tatarstan, domestic and inbound tourism, Volga River, Kama.*

УДК 911.9

Коньшев Е.В., Смирнов В.Е.
*Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь*

МЕНТАЛЬНОЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕКРЕАЦИОННОЙ ГЕОГРАФИИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос о выделении ментального туристско-рекреационного пространства как нового направления исследования в рекреационной географии. Предложена авторская методика его изучения. Отражены основные результаты изучения ментального туристско-рекреационного пространства на примере Кировской области.*

Ключевые слова: *ментальное туристско-рекреационное пространство, Кировская область, PolyAnalyst, TripAdvisor, текстовый анализ, индекс тональности.*

Введение. Объектом изучения рекреационной географии является рекреационное (туристско-рекреационное) пространство (далее ТРП). Туристско-рекреационное пространство – это реальное пространство туристских и рекреационных объектов в сочетании с пространством физических связей и отношений между ними. Сущность туристского пространства определяется наличием туристско-рекреационной системы [1]. Следует отметить, что актуальным и неизученным остается вопрос трансформации ТРП в новых социально-экономических и политических условиях.

На наш взгляд, в условиях всеобщей информатизации, происходит расширение объекта исследования рекреационной географии за счет туристско-рекреационного информационного пространства. В современной интерпретации оно представляет собой территориальную систему пользователей, информационных ресурсов, программно-технических средств взаимодействия и информационных потоков между ними, и состоит из территории, информационных ресурсов, пользователей-производителей и потребителей информационных ресурсов, а также средств информационного взаимодействия [2].

Туристско-рекреационное информационное пространство делится на виртуальное и ментальное. Виртуальное – это своего рода иллюзия, которая генерируется с помощью компьютерных программ и технологий и может восприниматься через специальные устройства. Ментальное туристско-рекреационное пространство представляет собой результат взаимодействия объективных свойств компонентов реального туристско-рекреационного пространства с субъективным опытом человека, и существующего в виде совокупности впечатлений и цифровых следов. Ментальное туристско-рекреационное пространство, по мнению ученых, существует параллельно с реальным пространством [3; 4].

Изучение ментального туристско-рекреационного пространства становится актуальным направлением в эпоху общества впечатлений. Впечатления становятся важнейшим критерием оценки качества отдыха, являются результатом реакции туриста на взаимодействие с отдельными компонентами туристской сферы. Они отражают восприятие туристско-рекреационного пространства туристом или группой туристов [5].

Нередко впечатления остаются зафиксированными в едином информационном поле в виде цифровых следов, представляющих собой огромный массив неструктурированных данных. Поэтому изучение ментального туристско-рекреационного пространства стало возможным благодаря развитию цифровых технологий и методов текстового анализа больших данных.

Методология и направления исследований. Текстовый анализ данных для изучения сферы туризма стал применяться относительно недавно. В основном, применяя подходы машинного обучения для анализа отзывов, размещенных на TripAdvisor, специалисты осуществляют сегментацию потребителей, учатся

управлять принятием решений о выборе потребителем дестинации и отелей, а также решать иные маркетинговые задачи. Текстовый анализ данных позволяет выявить структурные и территориальные особенности восприятия пространства, оценить тональность отзывов (положительный или отрицательные). Тональность является одним из показателей изучения мнения путешественников о различных компонентах туристско-рекреационного пространства – средствах размещения или туристских объектах.

Предлагаемая нами методика исследования опирается на подходы и методы общественной географии в определении сущности и структуры ментального туристско-рекреационного пространства. Для анализа цифровых следов использовались технологии больших данных (извлечение большого массива данных из TripAdvisor и машинного обучения (анализ полученных данных – определение тональности и темы отзывов). Особое внимание уделялось покомпонентному и географическому анализу ментального туристско-рекреационного пространства.

Результаты исследования. Оценка ментального туристско-рекреационного пространства региона проводилась на базе данных, сформированных по Кировской области. В базу включено 6300 отзывов, оставленных клиентами с 2004 по 2021 гг. База данных включала в себя отзывы по компонентам туристско-рекреационного пространства: коллективные средства размещения; культурно-исторический объект; общественное питание; парки отдыха и развлечений; рекреационное предприятие; территория; транспортная инфраструктура; турагентства; рекреационная природная зона и природный туристский объект; туроператоры.

Наибольшее количество отзывов было собрано и обработано в отношении предприятий общественного питания. Среди причин негативной оценки данного компонента ТРП можно выделить как объективные, так и субъективные. К объективным относится недовольство техническим состоянием или интерьером помещений, временем обслуживания, высокой ценой, а среди субъективных причин негатив вызывает в основном вкус блюда. В адрес коллективных средств размещения также поступает большое количество отзывов. На портале TripAdvisor большинство оценок оставлены по отношению к гостиницам. Такие сообщения наиболее ценны, так как позволяют выявить отношение к данному компоненту туристско-рекреационного пространства со стороны иностранцев или жителей других регионов.

Географический анализ заключался в выявлении территориальных особенностей восприятия ментального туристско-рекреационного пространства городов Кировской области. Лучшее соотношение положительных и негативных отзывов отмечается для областного центра (Киров), города Слободской. Это крупнейшие города Кировской области, в которых имеется необходимая инфраструктура для обслуживания туристов.

Покомпонентный и географический анализ цифровых следов позволяет определить проблемные зоны и территории туристско-рекреационного пространства региона. Еще большую ценность имеет информация об изменении восприятия туристско-рекреационного пространства с течением времени (рис. 1). В целом, за последние девять лет, наблюдается снижение индекса тональности восприятия туристско-рекреационного пространства Кировской области.

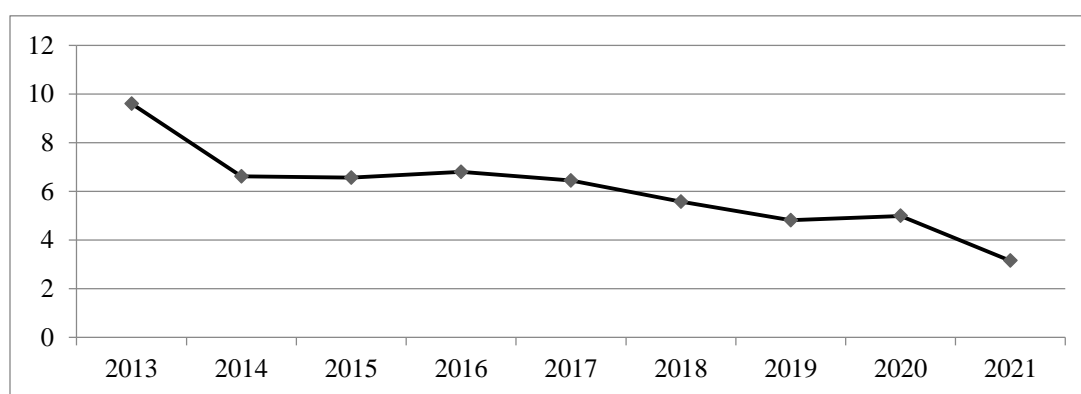

Рис. 1. Изменение индекса тональности восприятия туристско-рекреационного пространства Кировской области (составлено автором)

Доля положительных отзывов снижается, а отрицательных увеличивается. Уже сейчас на три положительных отзыва приходится один отрицательный. То есть, порядка 30 % гостей уезжает из Кировской области с негативным отношением. Такая отрицательная динамика может привести к дальнейшему снижению популярности Кировской области как туристского направления. А рост недовольства при удовлетворении рекреационных потребностей, низкое качество предоставляемых услуг, вынудит местных жителей уезжать в другие регионы с более высоким качеством жизни.

Заключение. Таким образом, предложенный алгоритм текстового анализа ментального туристско-рекреационного пространства позволяет получить результаты, которые могут использоваться как для совершенствования деятельности отдельных организаций, так и для улучшения свойств реального туристско-рекреационного пространства. Необходимо учитывать, что большое количество негативных отзывов может отпугнуть потенциальных туристов, которые все чаще при планировании путешествия опираются на чужое мнение, зафиксированное в виде цифрового следа на профильных сайтах. Следует отметить, что ключевые проблемы, требуют взвешенного решения, как в реальном, так и в ментальном пространстве. Зачастую негативный образ может быть более стойким и исправить его только лишь устранением проблемы в реальном пространстве невозможно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мажар, Л.Ю. Геосистемный подход к освоению туристского пространства: проблемы и перспективы / Л.Ю. Мажар // Рекреационная география и тренды развития туризма: материалы III междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 22-26 сентября 2021 г.). Иркутск: ИГ им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2021. С. 24-26.
2. Туристско-рекреационное информационное пространство: сущность, структура, картографирование / А.Н. Бешенцев, Д.Г. Будаева, Э.Д. Санжеев [и др.] // Системы контроля окружающей среды. 2019. № 1 (35). – С. 123-129. – DOI 10.33075/2220-5861-2019-1-123-129.
3. Александрова А.Ю. Изменение туристского геопространства в эпоху всеобщей мобильности / А.Ю. Александрова // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2020. № 2. С. 3-12.
4. Liszewski, S. Przestrzenie turystyki i ich transformacja we współczesnym świecie / S. Liszewski // Turyzm (Łódź), 2006, T.16, Z. 2. S. 7-19.
5. Kowalczyk A. The phenomenology of tourism space. Tourism, 2014, Vol. 24, No. 1, p. 9-15.

Evgeny V. Konyshev, Vladimir E. Smirnov
Perm State National Research University, Perm

MENTAL TOURIST AND RECREATIONAL SPACE AS A NEW DIRECTION OF RESEARCH IN RECREATIONAL GEOGRAPHY

Abstract. The article deals with the issue of allocation of mental tourist and recreational space as a new direction of research in recreational geography. The author's method of its study is proposed. The main results of the study of the mental tourist and recreational space are reflected on the example of the Kirov region.

Keywords: mental tourist and recreational space, Kirov region, PolyAnalyst, Tripadvisor, text analysis, the sentiment index.

УДК 332.132

**Куклина М.В.¹, Хадбаатар С.², Красноштанова Н.Е.³,
Труфанов А.И.¹, Богданов В.Н.³, Дирин Д.А.⁴**

¹ИрНИТУ, г. Иркутск,

²Монгольский национальный университет образования,
г. Улан-Батор, Монголия,

³Институт географии СО РАН им. В.Б. Сочавы, г. Иркутск,

⁴Тюменский государственный университет, г. Тюмень

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ДОСТУПНОСТИ И РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА НА ТЕРРИТОРИЯХ «САЯНСКОГО ПЕРЕКРЕСТКА»

Аннотация. Достижение целей устойчивого развития требует соблюдения баланса трех компонентов – экономического роста, социального благополучия и экологической стабильности, что актуально для любого уровня реализации целей от глобального до локальных сообществ. Однако, в реализации территориальных и отраслевых планов развития, часто возникают противоречия, обусловленные разнонаправленными интересами (индивидуальными и групповыми) множественных участников этих процессов. Характерные противоречия проявляются в отношении развития туризма на удалённых территориях с компактным проживанием коренного населения, ведущего традиционный образ жизни. В настоящей работе была поставлена задача выявления деталей взаимодействия и взаимовлияния развития туризма и состояния транспортной инфраструктуры на территориях «Саянского перекрестка». Нами были рассмотрены Окинский район Бурятии, Тофалария Нижнеудинского района Иркутской области, Тоджинский кожуун Тывы, Хубсугульский аймак Монголии. Полевые работы были проведены в 2020-2023 гг.

Ключевые слова: удаленные территории, кроенные малочисленные народы Сибири, туризм, транспортная удаленность/доступность.

Введение. В проблеме устойчивого существования и развития сложных социально-экономических и экологических комплексов на удаленных и труднодоступных территориях центральной в научном и практическом смыслах является транспортная компонента.

Мобильность коренных народов Сибири отмечалась издавна, транспортные пути даже в самых труднодоступных и слабоосвоенных районах в том или ином виде присутствовали всегда. В эпоху социализма среди северных народов пропагандировался и продвигался оседлый образ жизни. Новые экономические связи, трансформация связей культурных, техническое и технологическое освоение новых коллективных и индивидуальных транспортных средств не могли не сказаться на степени мобильности местного населения. При этом, коренное население удаленных и труднодоступных местностей, по большей части, оставалось задействовано в традиционных формах хозяйствования, приспособившись и развиваясь в рамках социалистической экономики.

Самым серьезным образом изменился взгляд коренных жителей на мобильность, связанную с передвижением между поселениями в связи с мощнейшим развитием авиатранспортных маршрутов на громадных просторах Сибири.

Значительная субсидирующая поддержка и организационные меры обеспечивали практическую регулярность авиасообщений, возможность выбора направлений, доступные по стоимости билеты, что способствовало общей социализации коренных народов удаленных территорий в советском обществе.

С изменением предшествующего политического и экономического уклада в постсоветской России трансформация и реструктуризация транспортной системы, нацеленная на её «оптимизацию», подразумевающую экономическую эффективность, затронула, в первую очередь, сферу авиационного транспорта, обслуживающего удаленные труднодоступные районы.

Значительные сокращения субсидий привели к тому, что многие отдаленные территории оказались изолированными как друг от друга так и от ключевых транспортных узлов («Большой земли»), где проживает основное население административного субъекта. Было время, когда межпоселенческая мобильность осуществлялась крайне редкими (до одного раза в месяц) авиарейсами, альтернативой которым были автомобильные пробеги по труднопреодолимому бездорожью или малопроезжим грунтовыми дорогам.

Труднодоступность является следствием недостаточной освоенности, несмотря на то, что именно такие территории потенциально богаты полезными ископаемыми. Традиционно подобные районы или их участки привлекательны для ресурсодобывающих отраслей, для которых, как правило, малонаселенность и отсутствие какой-либо инфраструктуры не является значительным препятствующим фактором к промышленному освоению.

Развивая дорожно-транспортную инфраструктуру, повышая степень доступности территории, горнодобывающая промышленность создает благоприятные условия для проникновения и других отраслей экономики, в первую очередь, туризма.

При этом бессистемное и непродуманное туристское освоение ранее труднодоступных районов наряду с общим развитием транспортной сети без глубокого понимания культурных, социальных и природных ценностей, присущих территории, провоцирует столкновение и конфликт интересов участвующих сторон и влечет угрозы традициям и устоям коренного населения.

Поэтому на первый план выходит выявление и анализ сложной взаимозависимости коллективных участников взаимодействия в треугольнике «население – транспорт – туризм» и их отдельных акторов.

Целью настоящего исследования является выявление закономерностей во взаимосвязях и взаимовлиянии развития туризма, транспортной инфраструктуры и местного сообщества на территории «Саянского перекрестка». Название территории «Саянский перекресток» определяет общность истории народов, которые в современном административном делении представлены: тофами Нижнеудинского района Иркутской области, тувинцами-тоджинцами Тоджинского кожууна Тывы, сойотами Окинского района Бурятии и духа Хубсугульского аймака Монголии [1].

В 2020 году в администрации Бурятии была разработана дорожная карта по развитию туризма, где среди выделенных туристических зон и прочего был представлен коридор Байкал (РФ)-Хубсугул (Монголия) [2]. Поскольку этот маршрут также проходит через Окинский район, могут появиться новые возможности для развития туризма в исследуемой зоне.

Материалы и методы. Используемые методы исследования включают глубинные и групповые интервью с местными жителями, невключенное наблюдение, экспертные интервью, анализ статистических данных, муниципальных отчетов и архивных материалов. Полевые исследования проводились в августе 2020 г, октябре 2021г в Окинском районе Бурятии, августе 2021г., июле 2022г. в Тоджинском

кожууне Тывы, в апреле 2022г., июне 2022г., марте 2023г. в Хубсугульском аймаке Монголии, феврале 2023 г. в Тофаларии Нижнеудинского района Иркутской области.

Результаты исследования и их обсуждение. С использованием комплекса социологических и статистических методов были выявлены детали и особенности взаимозависимости развития туризма и степени транспортной доступности изучаемых территорий, а также отношение местного сообщества к происходящим изменениям в данных сферах.

Множественность вопросов в рамках проблемы развития транспортной инфраструктуры в ранее труднодоступных местностях как фактора, способствующего продвижению туризма, касается мнения и отношения акторов первого круга – включающего как участников туристской отрасли со стороны компаний и туристов, заинтересованных в освоении территории, так и со стороны представителей местного социума, задействованных в обслуживании приезжих.

Местные жители, имеющие собственные культурные традиции и устои формируют второй круг акторов рассматриваемой социальной системы. В большинстве своем участники этого круга вовлечены в традиционное природопользование, и воспроизводят традиционные культурные ландшафты, что дополняет привлекательность территории для потенциальных туристов[3].

Третий круг акторов представлен работниками предприятий в наибольшей степени несущих угрозы экологии – промышленных добывающих и обрабатывающих компаний. Региональные, национальные и международные компании проявляют интерес к нетронутым сырьевым запасам территорий, удаленных от основных транспортных артерий.

При этом проблема взаимодействия туристической и промышленных отраслей в плане обеспечения труднодоступной местности необходимой дорожной инфраструктурой остается малоизученной.

Три заявляемых круга множественных акторов с их разноплановыми интересами и видением приоритетов будущего, погруженных в технологическую и природную среду представляют собой систему, ожидающую детальных междисциплинарных исследований, нацеленных на создание правовых и организационных механизмов устойчивого развития территорий.

В результате настоящей работы обнаружены закономерности, на первый взгляд неочевидные, характеризующие процессы взаимовлияния и явлений взаимозависимости, сопутствующие развитию туристской отрасли, транспортной инфраструктуры и местного социума (с преобладающим коренным населением) на малоосвоенных территориях. Построены оригинальные видения, понимания и отношения населения к туристскому и транспортному освоению районов его проживания.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-57-44002.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванов А.А., Калихман А.Д., Калихман Т.И., Петри Б.Э. В истории Саянского перекрестка. Иркутск: Оттиск, 2008. 260 с.
2. Калихман А.Д., Калихман Т.И. *Проектирование трансграничной этно-природной охраняемой территории «Саянский перекресток»*. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2009
3. БОАЖЯ. Аялал жуулчлалын тогтвортой хөгжлийн төлөвлөгөө 2014-2020 он. Улаанбаатар, 2014. 96 хууд.

Maria V. Kuklina¹, Khadbaatar Sandag², Natalia E. Krasnoshtanova,³ Andrey I. Trufanov¹, Victor N. Bogdanov³, Denis A. Dirin⁴

¹*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk,*

²*Mongolian National University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia,*

³*V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk,*

⁴*Tyumen State University, Tyumen*

TRANSFORMATION OF TRANSPORT ACCESSIBILITY AND DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE TERRITORIES OF THE SAYAN CROSSROADS

Abstract. *Achieving sustainable development goals requires maintaining a balance of three components - economic growth, social well-being and environmental stability, which is relevant for any level of goals implementation from global to local communities. However, in the implementation of territorial and sectoral development plans, contradictions often arise due to the divergent interests (individual and group) of multiple participants in these processes. Characteristic contradictions are manifested in relation to the development of tourism in remote areas with a compact residence of the indigenous population leading a traditional way of life. In this work, the task was set to identify the details of the interaction and mutual influence of tourism development and the state of transport infrastructure in the territories of the Sayan Crossroads. We*

considered the Okinsky district of Buryatia, Tofalaria of the Nizhneudinsky district of the Irkutsk region, Todzhinsky kozhuun of Tyva. Field work was carried out in 2020-2023. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project number 20-57-44002.

Key words: remote territories, indigenous peoples of Siberia, tourism, transport remoteness/accessibility

УДК: 338.488.2

Логвина Е.В.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Таврическая академия, г. Симферополь*

СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – КАК ОДНО ИЗ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СФЕРЫ ТУРИЗМА

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы развития сельского туризма на территории Российской Федерации. Автором приведена структура участников сельского туризма, построена карта распространения сельского туризма в России. Даны рекомендации по развитию сельского туризма в Российской Федерации.

Ключевые слова: сельский туризм, сельские услуги, туристская услуга, сельская территория, субъект Российской Федерации, турист.

В последние годы вопрос развития сельского туризма является актуальным. С одной стороны, данное направление можно рассматривать с позиции развития сельских территорий. С другой, как один из сегментов туризма (в том числе сельского), позволяющий диверсифицировать туристские предложения разных регионах России. Это отразится и на развитии внутреннего туризма, который является одним из приоритетным направлением политики государства. Фактором эффективного развития сельского туризма является создание необходимых условий для использования всех ресурсных возможностей, предоставляемых сельской местностью (ландшафты и рекреационные возможности регионов; пляжный отдых, верховая езда; культурно-исторические ресурсы; событийные мероприятия, с обрядовыми праздниками, т.д.). Сельские услуги должны быть комплексными и включать в себя:

- информацию об объекте отдыха (бронирование, трансфер, проживание и питание);
- организация досуга как для взрослых, так и для детей (активный отдых, детская анимация и др.);
- обратная связь после поездки и целевая реклама для «старых гостей».

Сельский туризм является видом туризма, основным условием которого является посещение и размещение туриста в сельской местности, с последующим его вовлечением в сельскохозяйственную деятельность и/или погружением в сельскую атмосферу. Его характерными чертами являются: организация туристской деятельности на сельских территориях, с обязательным размещением в фермерских хозяйствах, и других коллективных средствах размещения, расположенных в сельской местности, и предоставлением туристских и других услуг, характерных для конкретной местности и/или вида сельскохозяйственной деятельности.

За последние несколько лет в Российской Федерации сельский туризм начинает набирать популярность. Согласно данным Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, Федерального агентства по туризму, Национального туристского портала RussiaTravel сельский туризм распространён в таких регионах как:

- Астраханская, Архангельская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Смоленская, Саратовская, Свердловская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Тюменская, Челябинская, Ярославская области;

- город федерального значения Севастополь;
- Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский край;
- Республики Адыгея, Алтай, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Карелия, Крым, Марий Эл, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Татарстан, Тыва, Хакасия, Удмуртская, Чеченская, Чувашская;
- Еврейская автономная область;
- Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа (см. рис.).

На рис. показаны наличие региональной государственной поддержки сельского туризма, туристские маршруты, организованные на территории сельской местности, продвижение сельского туризма в рамках регионального туристского продукта на туристских порталах и событийные мероприятия. Согласно данным национального туристского портала RussiaTravel, на территории России в сегменте сельского туризма насчитывается 237 предприятий, которые оказывают туристские услуги. Из них около 80 % от общего количества расположены в Европейской части России. На 2019 г. в России насчитывалось около 6 млн хозяйствующих субъектов сельского хозяйства [5]. Из них могут быть вовлечены в туристскую деятельность около 1 % от общего числа хозяйствующих субъектов. Кроме них в сельский туризм вовлечены различные ремесленные дома, мастерские, сельские музеи и т.д. Далекo не все могут быть представлены в информационном поле, на туристских порталах [1; 3; 5].

Рис.. Карта распространения сельского туризма в Российской Федерации [2; 3; 4].

Общее количество предприятий, вовлеченных в туристскую сферу и принимающих участие в развитии сельского туризма установить затруднительно. Если говорить о доходах от сельского туризма, то установить точный размер дохода затруднительно, так как показатели туристской отрасли не распределяются по видам и подвидам туризма. Примерный доход от размещения туристов и оказания дополнительных туристских услуг и реализации продукции собственного производства в сельской местности на 2021 г. составил около 400 млн рублей. Если добавить реализацию туристских услуг и турпакетов, в программы которых вовлечены объекты интереса сельского туризма, то доход составит более 5 млрд руб. [1].

Существует прогноз увеличения дохода только от объектов сельского туризма (крестьянские/ фермерские хозяйства, усадьбы, фермы и др.): начиная с 2030 г. сегмент сможет приносить от 180 до 200 млрд руб. Это возможно при поддержке государства и финансировании предприятий сельского хозяйства, а также при условии увеличения количества туристских путешествий по стране [8]. Органы государственной власти федерального и регионального уровня осуществляют поддержку малого и среднего бизнеса в развитии сельского туризма, разрабатывая и реализуя программы развития сельских территорий или развития туризма в целом. В июле 2021 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». В этом документе вводится понятие «сельский туризм». Этот закон утвердил Программу развития нового направления отечественного туризма до 2030 г. Согласно этому документу, сельский туризм, наряду с внутренним, социальным, выездным, самостоятельным и детским туризмом признан приоритетным направлением государственной политики на ближайшее время. В 2021 г. в эту отрасль были вложены более 520 млрд рублей [9].

Выводы. Активное вовлечение местного населения в отрасль, понимание им выгоды и престижа данного вида деятельности, готовность принимать гостей и стремиться к высокому качеству оказываемых услуг – важнейшее условие успешного развития сельского туризма.

Для дальнейшего развития сельского туризма можно выделить три драйвера роста:

- создание объектов и с мастер-классами по приготовлению блюд, знакомству с традиционными ремеслами, отдыхом на природе;
- упрощение условий ведения бизнеса. К примеру, с 01 июля 2022 г. в Москве, Подмосковье, Татарстане и в Калужской области для предпринимателей заработала автоматизированная упрощённая система налогообложения (АУСН), которая освобождает от ведения бухгалтерии и сдачи отчётности и т.д. Подобную практику необходимо расширять и на другие регионы;
- проведение активной информационной кампании по привлечению желающих инвестировать в этот сектор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Национальная ассоциация по развитию сельского и экотуризма. [Электронный ресурс]. URL: <https://selturacademia.ru/assocziacziya/> (дата обращения: 12.04.2022).
2. Официальный туристский портал RussiaTravel. [Электронный ресурс]. URL: https://russia.travel/guide/?group=rostur_rural.
3. Сельский туризм: эффективное направление фермерства с господдержкой – 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.zemvopros.ru/page_12908.htm
4. Федеральное агентство по туризму. Статистические показатели взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан иностранных государств: официальный сайт. – Москва. [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/>
5. Сельское хозяйство по Росстат: структура, отрасли, продукция [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/selskoe-hozyajstvo/>
6. Сельский туризм. Агротуризм. Отдых в России / официальный туристский портал Росагротуризм. [Электронный ресурс]. URL: <https://росагротуризм.Российской Федерации/>
7. Климов Р.В. О ситуации с развитием сельского туризма в России [Электронный ресурс] / Р.В. Климов, А.Н. Иволга // Вестник сельского развития и социальной политики. 2016. № 1 (9). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-situatsii-s-razvitiem-selskogo-turizma-v-rossii/viewer>
8. Сельский туризм может приносить фермерам по 200 млрд рублей ежегодно до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rshb.ru/news/481589/>
9. Сельский туризм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/russia/selskij-turizm-v-rossii/>

Elena V. Logvina

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Taurian Academy, Simferopol*

RURAL TOURISM IN THE RUSSIAN FEDERATION – AS ONE OF THE PROMISING AREAS OF TOURISM

Abstract. *The article deals with the development of rural tourism in the territory of the Russian Federation. The author presents the structure of participants in rural tourism, a map of the spread of rural tourism in Russia is constructed. Recommendations on the development of rural tourism in the Russian Federation are given.*

Keywords: *words rural tourism, rural services, tourist service, rural territory, subject of the Russian Federation, tourist.*

УДК 379.85: 338.48: 502.45

Максанова Л.Б.-Ж, Будаева Д.Г., Андреева А.М.

*Байкальский институт природопользования СО РАН,
г. Улан-Удэ*

РАЗВИТИЕ ЭКОТУРИЗМА В НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКАХ РОССИИ: АНАЛИЗ ДВУХ ПАРКОВ У БАЙКАЛА

Аннотация: *в статье рассматриваются вопросы реализации государственной политики по развитию экотуризма на ООПТ. Выполнен анализ современного состояния и перспектив развития экотуризма в Забайкальском и Тункинском национальных парках. Выявлено, что парки могут служить конкретным примером воплощения современной экотуристской политики на ООПТ.*

Ключевые слова: *особо охраняемые природные территории, экологический туризм, национальный парк, инфраструктура.*

В России к 2024 году в 32 национальных парках будет создана инфраструктура для обеспечения сервисного обслуживания посетителей. Большинство ООПТ приступило к реализации стратегической задачи [1]. В работе на примере Забайкальского и Тункинского национальных парков (далее - ЗНП и ТНП) выполнен анализ реализации федеральной повестки по организации и осуществлению туризма на ООПТ. Эти два парка характеризуются разными территориальными, природными, историко-культурными, инфраструктурными и социально-экономическими условиями [2, 3].

Динамика посещаемости парков за анализируемый период (2012-2021 гг.) сильно отличается [4]. Так, в ЗНП наблюдается устойчивый рост количества посетителей, а в ТНП динамика посещений нестабильная, данные 2020-2021 гг. демонстрируют последствия сокрушительного удара пандемии COVID-19 по туристской индустрии (рис.).

На основе данных GPS-треков, полученных с сервиса пространственной информации GPSies (www.gpsies.com), и данных сервисов по обмену фотографиями, размещенными в социальной сети «ВКонтакте», выполнен анализ туристской активности в парках, который позволил определить портрет

посетителя, географию прибытий, сезонные предпочтения, наиболее популярные туристские маршруты и объекты.

1) В ЗНП посетители предпочитают песчаные пляжи Чивыркуйского перешейка, посещение термального источника в бухте Змеёвая, экскурсии на Ушканьи острова, пешие прогулки и походы по побережью Байкала и в горах. Среди посетителей парка 58% из других регионов и зарубежных стран, 42% - из Республики Бурятия, женщины составляют 61%, а мужчины - 39%, при этом почти 47% из них это люди в возрасте 18-35 лет, 31,3% - в возрасте 36-50 лет. 63,4% туристов предпочитают теплое время (июль-сентябрь).

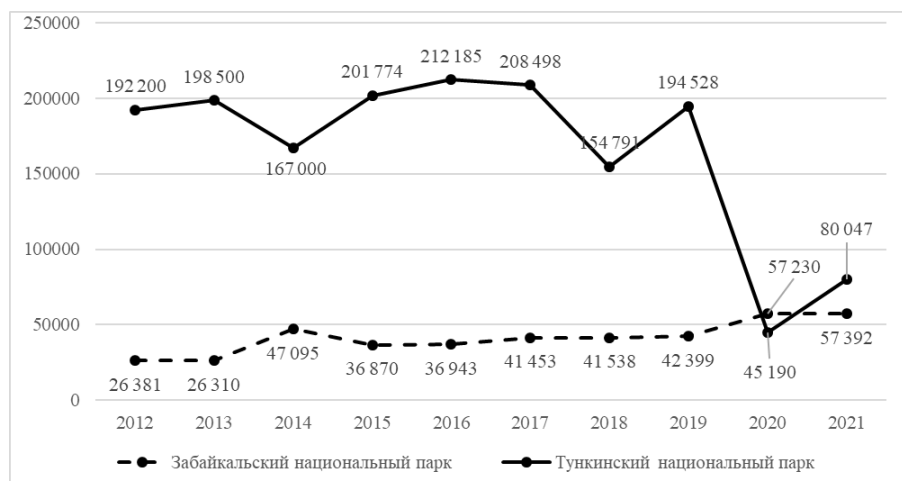

Рис. Динамика количества посетителей в Забайкальском и Тункинском национальных парках за 2012-2021 гг., чел. (источник: составлено по [4, 5]).

2) 90% посетителей ТНП прибывает из-за пределов Бурятии. По путевкам на бальнеологических курортах отдыхают 32% посетителей парка, самостоятельно организуют отдых 68%. ТНП привлекает посетителей разных возрастов: 32% - это посетители в возрасте от 18 до 30 лет, 26% - от 31 до 40 лет, 17% - от 41 до 50 лет, 13,2% - старше 50 лет. Женщины среди посетителей ТНП - 52,5%, мужчины - 47,5%. 59% посетителей предпочитают отдыхать в ТНП в теплое время (май-октябрь). Наибольшая фотоактивность в ТНП прослеживается в окрестностях поселений, где расположены средства размещения, а также популярные объекты посещения.

В работе выявлена положительная динамика организационно-функциональных изменений в деятельности парков, связанных с созданием условий для развития экотуризма в части совершенствования управления, функционального зонирования, разработки концептуальных и проектных решений, инфраструктурного обустройства, финансирования, вовлечения местного населения, рекреационного мониторинга.

В природоохранных учреждениях закреплена деятельность и функционируют отделы по развитию туризма, обновлено функциональное зонирование парков. Так, рекреационная зона в ЗНП занимает 51,55 % площади парка [6], в ТНП - 63,3% [7].

В парках разработаны концептуальные и проектные решения по развитию инфраструктуры туризма, среди которых важное место занимают мероприятия по устойчивому обращению с твердыми коммунальными отходами, по экологическому просвещению и образованию. Создание в ЗНП отдельных объектов некапитального строительства на 8 популярных участках с применением альтернативных источников электроэнергии и локальных систем водо-, теплоснабжения и очистки позволит принимать до 150 тыс. посетителей в год.

В ТНП инфраструктурное развитие экотуристского кластера в 7 ключевых центрах связано с: i) расширением туристских услуг; ii) созданием объектов обеспечивающей инфраструктуры; iii) обустройством туристских маршрутов, включая сеть экологических троп. К 2030 г. планируется обслуживать около 1 300 тыс. посетителей.

В парках особое внимание уделяется вовлечению местного населения в сферу обслуживания туристов. Наиболее актуальна эта задача для ТНП, в границах которого проживает свыше 20 тыс. человек. Из них в сфере туризма занято свыше 1000 человек. Поскольку туризм является одной из ключевых отраслей экономики Тункинского района, дирекция ТНП и местная власть отводят важное значение укреплению сотрудничества парка с местным населением и выстраиванию партнерских отношений с бизнесом.

В контексте финансирования планов развития экотуризма ключевое значение для парков имеют средства федерального бюджета. В 2021 г. по отношению к 2012 г. рост федерального финансирования ЗНП в 2,6 раза, ТНП в 1,6 раза во многом связан с инвестициями на улучшение инфраструктуры туризма. В фор-

мировании собственных доходов в парках наблюдается существенная разница, что связано с особенностями оплаты доступа в парки, услуг размещения, экскурсий и иных видов деятельности. В ТНП собственных доходов меньше, чем в ЗНП. Но в ТНП значительные доходы от предоставляемых услуг получает частный бизнес. Так, в 2021 г. эти доходы составили 362191,6 тыс. руб. [5], что более чем втрое превышает общий объем финансирования деятельности ТНП.

В парках осуществляется постоянный мониторинг редких и исчезающих видов, популяций, сообществ и экосистем [4]. Несмотря на то, что охрана природных комплексов в парках находится на удовлетворительном уровне, ситуация с нарушениями природоохранного законодательства в парках разная.

В ЗНП на фоне снижения общего количества нарушений с 450 случаев в 2013 г. до 16 в 2021 г., все еще регистрируются случаи незаконного проезда транспорта и граждан, особенно водным путем. В ЗНП регистрация посетителей, осуществляется во всех визитно-информационных центрах, что позволяет контролировать рекреационную нагрузку.

В ТНП за 2012-2021 гг. общее количество нарушений продолжало расти за счет нарушения правил пожарной безопасности в лесах и незаконного нахождения в тех зонах парка, где запрещен проход гражданам и проезд автомобилей [4]. Более того, анализ цифровой активности показывает, что движение некоторых посетителей остается незаметным для ТНП, а их предпочтения не учитываются при пространственной планировке объектов инфраструктуры [7].

Таким образом, анализируемые парки служат конкретным примером реализации федеральной повестки по развитию экотуризма на ООПТ. Несмотря на достигнутые результаты, у парков имеются и слабые стороны с позиций решения задач по привлечению частных инвестиций, кадровой обеспеченности, мониторингу рекреационного воздействия. При этом ТНП, как крупная и освоенная территория, имеет более значимые социальные и экономические последствия для людей, чем ЗНП. Создание объектов инфраструктуры в парках в значительной степени осуществляется за счет бюджетных средств, крайне низка роль частного сектора в оказании туристско-рекреационных услуг. В то же время успех в долгосрочной перспективе зависит от дальнейшего развития национальных парков с участием бизнеса в рамках государственно-частного партнерства.

Исследование выполнено в рамках государственного задания БИП СО РАН (проект № АААА-А21-121011590039-6).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Maksanova L.B.-Zh., Kharitonova O.B., Andreeva A.M. Creating models of integrated development of ecotourism in Russian protected areas // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 885. 012056. DOI:10.1088/1755-1315/885/1/012056.
2. Официальный сайт ФГБУ «Заповедное Подлеморье». — URL: <https://zapovednoe-podlemorye.ru/> (дата обращения 04.04.2023).
3. Национальный парк «Тункинский». — URL: <http://tunkipark.ru> (дата обращения 04.04.2023).
4. О состоянии озера Байкал и мерах по его охране. Государственные доклады. Минприроды России. — URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennyye_doklady/o_sostoyanii_ozera_baykal_i_merakh_po_ego_okhrane/ (дата обращения 03.04.2023).
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. — URL: <https://burstat.gks.ru> (дата обращения 04.04.2023).
6. Овдин М.Е., Ананин А.А. О развитии экологического туризма на ООПТ, находящихся под управлением ФГБУ «Заповедное Подлеморье» // Вестник Бурятского государственного университета. Биология, география. 2021. N 3. С. 49–55. DOI: 10.18101/2587-7143-2021-3-49-55.
7. Будаева Д.Г., Максанова Л.Б.-Ж., Шаралдаева В.Д. Эволюция функционального зонирования национального парка «Тункинский» // Известия Русского географического общества. Т. 154, N 3. С. 66–76. DOI 10.31857/S0869607122030028.

**Lyudmila B.-Zh. Maksanova, Darima G. Budaeva,
Alyona M. Andreeva**

Baikal Institute for Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

ECOTOURISM DEVELOPMENT IN RUSSIAN NATIONAL PARKS: ANALYSIS OF TWO PARKS NEAR BAIKAL

Abstract. *the article deals with the implementation of the ecotourism policy development in protected areas. The analysis of the current state and prospects for the development of ecotourism in the Zabaikalsky and Tunkinsky national parks has been carried out. It was revealed that parks can serve as a concrete example of the implementation of modern ecotourism policy in protected areas.*

Key words: *protected areas, ecotourism, national park, infrastructure.*

РОССИЯ – МОРСКАЯ ДЕРЖАВА: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РАЗВИТИИ МОРСКОГО КРУИЗНОГО ТУРИЗМА В СТРАНЕ

Аннотация. В статье раскрывается состояние российского морского круизного бизнеса, проводится анализ Концепции развития круизного туризма в Российской Федерации, вскрываются причины медленного развития данного вида туризма. На основании анализа предлагаются меры по ускорению развития круизного туризма.

Ключевые слова: круиз, круизный туризм, морской пассажирский транспорт, концепция развития туризма, Россия.

Круизный туризм в мире развивается достаточно динамично, за 10 лет количество пассажиров круизных туров возросло почти в два раза, достигнув отметки в 27-30 млн чел. по разным оценкам. Учитывая, что средняя стоимость тура составляет около 5 тыс. долл., можно предположить, что прямые доходы компаний от круизного туризма составляют примерно 150 млрд долл. Основные «круизные» локации в мировом океане расположены в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах, как правило, вблизи групп островов и побережий материков (рис.).

Рис. Круизные destinations мира [3].

Россия, протянувшись через всю Евразию с запада на Восток, имеет самую протяженную морскую границу в мире, выход к морям трех океанов. Протяженность морских границ после вхождения Крыма в 2014 г. и новых субъектов в 2022 г. в состав России составляет 39,4 тыс. км². Страна располагает одним из самых мощных военно-морских флотов в мире, в том числе подводным, постоянно его увеличивает и модернизирует. Флот мирного назначения, контролируемый Россией, насчитывает 1423 судна, из которых пассажирских судов – 47 ед. При этом из них всего одно настоящее круизное судно – лайнер «Князь Владимир» (ООО «Черноморские круизы» – дочернее предприятие ФГУП «Росморпорт») – был построен в далеком 1971 г. как автомобильный паром (эксплуатировался как паром до 1982 г.). Данное судно имеет 9 палуб и берет на борт 950 пассажиров. На фоне современного кораблестроения и круизного бизнеса он выглядит, конечно, явно устаревшим [9].

Помимо «Князя Владимира», круизы осуществляют судна, не имеющие прямого туристского назначения. Так, научно-исследовательское судно «Профессор Хромов», которое имеет высочайший ледовый класс, было переоборудовано для комфортного размещения до 50 пассажиров. Оно осуществляет круизы по маршруту Камчатка – Курильские острова – Сахалин (стоимость тура – 440 тыс. руб.). Еще одно судно

– атомный ледокол «50 лет Победы» (находится в управлении ФГУП «Атомфлот») осуществляет туры двухнедельные на Северный полюс (стоимость тура – от 2,5 млн руб.). На борт оно может взять до 128 чел., так как имеет 65 кают разного уровня комфорта [6]. Однако современных крупных специализированных круизных судов в России на сегодняшний день нет, в то время как потребность в них есть: около 500 тыс. россиян ежегодно покупают туры за рубежом, при этом им приходится добираться к месту начала тура и возвращаться обратно с большими проблемами, связанными с введением санкций в отношении нашей Родины [12].

Стали проявлять интерес к российскому туристу иностранные операторы, организуя круизы из российских портов. Так, единственным доступным круизом в 2023 г. из России с посещением зарубежья является круиз из Сочи в ряд турецких портов, организуемый турецкой компанией Miray Cruises. Круизы длятся семь дней, минимальная стоимость путешествия в формате all inclusive в каюте без окон – 88,5 тыс. руб. (12,5 тыс. руб. в сутки). Загрузка судна составляет 90 %, при которой доход от одного круиза приносит турецкой компании 53 млн руб. [5].

В 2008 г. была Правительством России принята «Транспортная стратегия РФ на период до 2030 г.», подразумевающая в части морского транспорта строительство пассажирских судов (в том числе круизных и морских пассажирских терминалов), создание и развитие мультимодальных транспортно-пересадочных узлов, подготовку трудовых ресурсов в области управления транспортным комплексом [10].

Однако с того времени мало что изменилось: до 2020 г. не было построено ни одного, и закуплено за границей (Израиль) всего одно судно – «Князь Владимир». В 2016 г. на волжских верфях были заложены два круизных судна класса река-море: «Мустай Карим» и «Петр Великий». Первое уже введено в эксплуатацию в 2020 г. и используется на речных круизах. «Мустай Карим» – первое пассажирское круизное судно, построенное на российской верфи за последние 60 лет. Второе судно будет введено в эксплуатацию весной 2024 г. (эти планы постоянно корректируются, и в ряде источников называется дата – 2025 г.) и будет осуществлять круизы по Каспийскому морю по маршруту: Астрахань – Актау – Туркменбаши – Баку – Махачкала – Астрахань. Вместимость каждого лайнера проекта РУ 300 VD – 300 чел. (155 кают) и 90 чел. экипажа. Ежегодно в этом круизе смогут побывать до 30 тыс. туристов [2].

Причина таких медленных темпов освоения этой части туристского рынка кроется, по-видимому, в серьезных капиталовложениях на строительство судов, отсутствии кадров, обладающих современными компетенциями в судостроении. В России сумма инвестиций на постройку судна, в расчете на одну каюту, составляет 500 тыс. долл., в Германии – несколько меньше – 350 тыс. долл. Например, строительство судна типа «река-море» («Петра Великого») обойдется в 4,2 млрд руб., что составит около 350-340 тыс. долл. США.

Естественно, что при такой первоначальной стоимости окупить вложения представляется достаточно проблематично: пароходство должно не уйти в убыток при продаже туров и значительной сумме амортизационных отчислений, рассчитанных как минимум на 30-летний период, а также процентных платежей по кредитам. При этом, конечно, амортизация помогает окупить инвестиции, если продукт (морской тур) является востребованным. Так, круиз по Каспию может ежегодно привлечь (по оценке бывшего Ростуризма), до 30 тыс. чел. Ежегодные амортизационные отчисления по «Петру Великому» составят 140 млн руб., тогда в расчете на одного круизного туриста придется 4,7 тыс. руб. Учитывая вместимость судна, оно должно совершить 100 круизов в год (выполняя задачу Ростуризма), что невозможно при длительности круиза минимум в шесть дней (не более 46 круизов, а реально, при продолжительности сезона в пять месяцев, около 20 ед.). Тогда сумма амортизационных отчислений составит в расчете на один билет – 23 тыс. руб. Полные эксплуатационные затраты сложно оценивать, но можно предположить, что их размер в расчете на одно место может составить такую же сумму, и тогда минимальная стоимость тура для может достичь 60 тыс. руб. (10 тыс. руб. в сутки).

В то же время социологические опросы говорят о том, что туристы готовы платить в сутки от 5 до 7 тыс. руб. Если будет высокий спрос на данный маршрут, то рыночная цена в 10-12 тыс. руб. в сутки возможна, по крайней мере в первые годы [4].

Однако одно-два судна не решают проблемы удовлетворения спроса россиян на круизы по всему миру, и пока еще они будут вынуждены пользоваться услугами зарубежных компаний. Хотелось бы обратить все-таки внимание органов власти, бизнеса на перспективы круизного туризма, несмотря на высокую стоимость кораблей: потенциальный российский рынок – около 240 млрд руб. в год (по мнению экспертов, в ближайшее время количество круизных туристов должно возрасти до 1 млн чел.) [1].

Сегодня Россия находится только в начале пути постройки гражданского пассажирского флота собственными силами, но тренды последних лет позволяют говорить о том, что необходимо форсировать раз-

витие этого направления. Принятие Правительством России в феврале 2022 г. Концепции развития круизного туризма до 2024 г. является несомненным успехом в решении данного вопроса, однако она была принята до СВО, поэтому нуждается в некоторых корректировках [4].

Во-первых, желательно пересмотреть перечень и содержание перспективных круизных маршрутов с учетом отношения «недружественных стран». Предлагаем организовывать и развивать круизы как из портов России, так и из портов дружественных стран по следующим направлениям (табл.).

Таблица

Предлагаемые направления морских круизов, организуемых российскими компаниями в условиях санкций

<i>Порты стран</i>	<i>Направления</i>
Астрахань, Махачкала (Россия)	Каспийское море
Анадырь	Берингов пролив, Чукотское и Восточно-Сибирское море
Сочи (Россия)	Черное и Средиземное моря (Турция, Северная Африка, Сирия)
Мурманск, Архангельск (Россия)	Северный морской путь (моря, острова Северного Ледовитого океана)
Санкт-Петербург (Россия)	Балтийское море (Калининград) – паром
Владивосток, Южно-Сахалинск (Россия)	Курильские острова, Сахалин, Южно-Китайское море, Желтое море
Петропавловск-Камчатский	Камчатка, Курильские острова, Чукотка, Командорские и Шантарские острова
Сирия	Средиземное море (Северная Африка)
Китайская народная республика, Вьетнам	Южно-Китайское море, Желтое море
Индонезия	Зондский архипелаг
ЮАР	Побережье Африки (Мадагаскар, Мозамбик, Танзания, ЮАР, Ангола, Намибия)
Куба, Никарагуа, Венесуэла	Бассейн Карибского моря
Бразилия, Аргентина	Побережье Атлантического океана, Амазония

Во-вторых, пересмотреть участие российских компаний в международных выставках, переориентировать участников на дружественные страны, в первую очередь, Китай.

В-третьих, рост круизного флота России должен осуществляться исключительно за счет отечественного судостроения, с привлечением опыта зарубежных стран. При этом государству для повышения привлекательности сектора круизного морского бизнеса желательно не только предоставлять гарантии по кредитам, но и разработать программы льготного кредитования и субсидирования строительства судов (в том числе в рамках программ импортозамещения).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева Галина Как основные тренды в туризме влияют на развитие круизной отрасли в России [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/u/1396157-galina-andreeva/593554-kak-osnovnyye-trendy-v-turizme-vliyayut-na-razvitiye-kruiznoy-otrasli-v-rossii> (дата обращения: 19.01.2023).
2. Гороностаев Игорь «Петр Великий» – крупнейший круизный долгострой // Портал «Круиз-инфо». [Электронный ресурс]. URL: <https://kruiz-info.ru/rechnye-kruizy/15-vazhno/6531-petr-velikij-krupnejshij-kruiznyj-dolgostroy> (дата обращения: 30.03.2023).
3. История морского круизного туризма // Все о туризме. Портал «Туристская библиотека». [Электронный ресурс]. URL: <https://tourlib.net/stati4/istoria-morskogo-kruiznogo-turizma.htm> (дата обращения: 11.02.2021).
4. Концепция развития круизного туризма в Российской Федерации на период до 2024 года. (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 января 2022 г. № 117-п) [Электронный ресурс]. URL: https://portnews.ru/upload/basefiles/2531_pkropnchcpeppchpichja%20pkchrchupipz.pdf (дата обращения: 19.02.2023).
5. Круизный лайнер «Astoria Grande». [Электронный ресурс]. URL: <https://cruises-sochi.ru/> (accessed: 31/03/2023).
6. На ледоколе к вершине планеты: Тур на Северный полюс в 2023 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiadiscovery.ru/tours/severnyu-polyus-na-ledokole-k-vershine-planety-2017/> (дата обращения: 01.04.2023).
7. Переверзев А.В. Анализ рынка черноморских круизов // Вестник НАТ. 2015. № 4 (36) октябрь-декабрь. [Электронный ресурс]. URL: elibrary_25001852_66833321.pdf (дата обращения: 30.03.2023).
8. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-п). [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips> (дата обращения: 19.02.2023).
9. Теплоход «Князь Владимир». [Электронный ресурс]. URL: <https://bscruises.ru/broning/> (дата обращения: 01.04.2023).
10. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. (Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. N 1734-п). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/economic/document123/> (дата обращения: 20.01.2023).

11. Филобок А.А., Турлучев А.П. Актуальные проблемы развития морского круизного туризма Юга России // Сборник научных трудов. Региональные географические исследования, Вып. 13. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2020, С. 267-271.

12. Эксперты ожидают бум морских круизов в 2022 году. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/54296.html>. (дата обращения: 30.03.2023).

Dmitry V. Maksimov
Kuban State University, Krasnodar

RUSSIA IS A MARITIME POWER: SOME WORDS ABOUT THE DEVELOPMENT OF SEA CRUISE TOURISM IN THE COUNTRY

Abstract. *The article reveals the state of the Russian sea cruise business, analyzes the Concept of development of cruise tourism in the Russian Federation, reveals the reasons for the slow development of this type of tourism. Based on the analysis, measures are proposed to accelerate the development of cruise tourism.*

Keywords: *cruise, cruise tourism, sea passenger transport, concept of tourism development, Russia.*

УДК 338.48-6:502/504

Миненкова В.В.
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар

КАВКАЗСКАЯ ТРОПА КАК ПРОЕКТ КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. *В статье описывается проект создания межрегионального туристского маршрута «Кавказская тропа» протяженностью около 2000 км. На сегодняшний день проект реализован на территории Дагестана, где представлено четыре этапа маршрута. Тропа представляет интерес для туристов, предпочитающих активный природоориентированный отдых, позволяющий ознакомиться с многообразием и эстетикой кавказских ландшафтов, а также с многообразием культур местных сообществ. Проект следует рассматривать как скреп межрегионального туристического пространства и фактор его комплексного развития.*

Ключевые слова: *Кавказ, туризм, межрегиональный туристский маршрут, Кавказская тропа.*

Важным аспектом развития горных территориально-рекреационных систем является их частый трансграничный характер. Политические (межгосударственные и межрегиональные) границы влияют на все сферы жизни географических ТРС. Трансграничное сотрудничество крайне важно для обеспечения развития туристических направлений на основе моделей потребления, а также взаимного сотрудничества и партнерства, а не на политико-административных границах. Трансграничные территории могут иметь единые туристско-рекреационные пространства, где могут размещаться, например, единые трансграничные зоны горнолыжного катания, трансграничные горные пешеходные маршруты и т.д. От открытости и активного приграничного сотрудничества особенно выигрывают два вида турпродукта: однодневные экскурсии и тематические маршруты. Тематические маршруты считаются особенно интересными, поскольку они могут несколько стран/регионов принося разнообразие и универсальность туристам на маршруте. Например, Via Claudia Augusta (Германия, Австрия, Италия), Lechweg и Salzalpensteig (Германия, Австрия), др. [1].

Проект «Кавказская тропа» инициирован в 2021 г. группой активистов, профессионалов, обладающая ценным опытом в международном пешем туризме, из Республики Дагестан. Кавказская тропа станет российским аналогом таких зарубежных проектов как Pacific Crest Trail (США, 4270 км), Путь Святого Иакова (Испания, Франция, более 1000 км), Ликийская тропа (Турция, около 500 км), Путь Святого Олафа (Норвегия, 800 км). В России данный проект не является уникальным, многим известны маршруты Большая Байкальская и Большая Севастопольская тропы, Дорога в Лавру (Московская область).

На практике такие туристические маршруты имеют длинную протяженность и состоят из разных участков. Разделение на части делает путешествия по тропам более удобным: можно выбрать подходящий участок, исходя из количества свободного времени, уровня физической подготовки и достопримечательностей, которые могли бы заинтересовать туристов. Таким образом, турист может «войти» на маршрут в предпочитаемом месте. Для лучшей ориентации на местности по всей протяженности троп устанавливают навигацию и информационные столбы.

Пешая, почти 2000-километровая Кавказская тропа пройдет по территории Северного Кавказа в России от Каспийского моря до Черного через семь субъектов (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Краснодарский край, см. рис.).

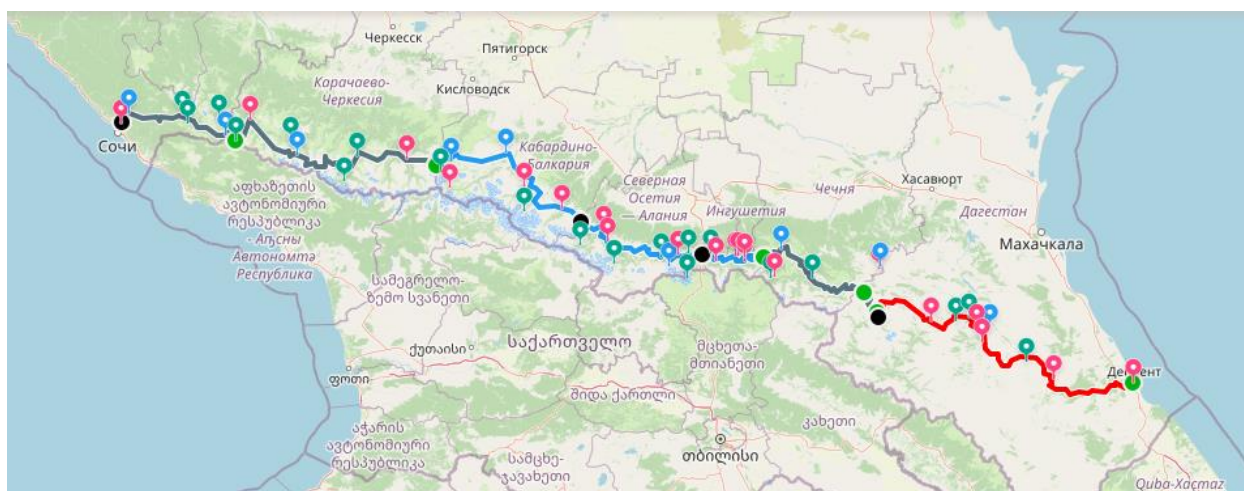

Рис. Карта Кавказской тропы. Источник: [2].

Тропа представляет собой протоптанную дорожку, промаркированную метками (основная нитка маршрута промаркирована бело-красно-белыми полосами, радиальные выходы – бело-зелено-белыми, а альтернативные пути – бело-желто-белыми полосами), с продуманными местами для ночлега в палатке или в селах, до которых не более одного дня пути.

Важно, что философия проекта связана не только с активной рекреационной деятельностью (трекинг/хайкинг), наполненной глубокой экологической составляющей, но и с погружением в культуру местных сообществ. Маршрут продуман так, чтобы пополнять запасы еды в селах на пути, посещать частные небольшие музеи или мастерские ремесленников. Где-то это будут легкие прогулки с ночлегами в гостевых домах у горцев и знакомством с разнообразием их культур, а где-то практически безлюдные дикие высокогорья и заросшие буйной субальпийской растительностью ущелья.

На сегодняшний день от концепции проекта к стадии его полноценной реализации удалось перейти лишь в Республике Дагестан. Современная нитка Кавказской тропы в Дагестане включает четыре маршрута общей протяженностью 400 км:

- «Узоры времен», Дербент – Кубачи, протяженность 106 км, среднее время прохождения – 8 дней, направленность – экологическая, историческая; прохождение возможно с палатками или с размещением у жителей в селах по пути. Маршрут проходит вдоль персидской стены Даг-Бары и через маленькие дагестанские сёла, в которых еще встречаются ковры ручной работы с традиционными узорами;
- «Горы мастеров», Кубачи-Кумах, протяженность 80 км, среднее время прохождения – 7 дней, направленность – экологическая, культурно-этнографическая, посвящен ремеслам Дагестана; прохождение налегке с проживанием в гостевых домах по пути;
- «Тропой императоров», Кумух – Корода, протяженность 90 км, среднее время прохождения – 8 дней, направленность – экологическая, историческая, этап повторяет маршруты Николая I и Александра II; прохождение налегке с проживанием в гостевых домах по пути;
- «По краю башен», Корода – Тинди, протяженность 130 км, среднее время прохождения – 10 дней, направленность – экологическая, культурно-историческая. Проходит через традиционные сигнальные башни Кахиб, Гоор и др. Самый дикий и близкий к нетронутой природе западной части Дагестана этап; прохождение возможно с палаткой.

Посмотреть нитку Кавказской тропы в Дагестане можно на официальном сайте проекта (создан в 2021 г.) в разделе Карта развития тропы [2]. На сайте размещено подробное описание первого маршрута «Узоры времен», которое включает все достопримечательности, места стоянок, ночевков, питьевых источников, сложностей на пути, гостевых домов, возможных мастер-классов, контакты такси, описание по дням маршрута, трек маршрута в различных форматах для скачивания.

На конец 2022 г. было авторами проекта было исследовано 457 км тропы, 377 км было размечено [3].

В рамках проекта Кавказской тропы была создана некоммерческая организация АНО «Пешком по Кавказу», которая занимается организацией путешествий по Кавказской тропе.

Согласно планам развития полностью Кавказская тропа от Каспийского до Черного моря будет сформирована к 2025 г. и будет представлять пешеходную тропу мирового уровня. При этом руководители проекта заявляют, что рассчитан он на долгие годы, и у него не будет четкой финальной точки. Помимо прокладывания первоначальной нитки тропы и создания инфраструктуры вокруг, планируется поддерживать ее и создавать новые радиальные маршруты.

Более долгосрочные планы связаны с созданием мобильного приложения с информацией о тропе, сервисом по бронированию жилья и мастер-классов. В разработке треки для мобильного телефона с подробной информацией по маршруту (расстояние от точки до точки, перепады высот, расположение источников воды, магазинов, гостевых домов, кемпингов и достопримечательностей).

Спроектированная и организованная тропиночная сеть по интересным местам, маршрутам и видовым площадкам Северного Кавказа, для людей, предпочитающих активный природоориентированный отдых, позволяющий ознакомиться с многообразием и эстетикой кавказских ландшафтов, а также с многообразием культур местных сообществ.

Кроме того, реализация проекта прямым и косвенным образом будет оказывать влияние на прилегающие территории, выступая катализатором регионального развития.

Развитие проекта Кавказская тропа, безусловно, должно включать мероприятия по оборудованию маршрутов, совершенствованию имеющейся и созданию новой инфраструктуры благоустройства (санитарной, информационной, инженерной, архитектурной и др.). Объединение усилий и возможностей семи южных субъектов РФ, в конечном итоге, позволит сформировать уникальный турпродукт, который в перспективе может войти в число национальных туристических маршрутов. Последние выступают сегодня в качестве механизмов взаимодействия между регионами в сфере туризма, сохранения историко-культурного наследия, а также в вопросах развития внутреннего туризма, которое все больше требует концептуализации и планомерной организации туристического пространства, что выражается в росте популярности существующих и появлении новых туристских маршрутов [4]. Кавказская тропа, однозначно, способна выступить скрепом межрегионального туристического пространства и проектом его комплексного развития.

В перспективе можно предположить соединение российской Кавказской тропы и Транскавказской тропы (Transcaucasian Trail) по территории Грузии и Армении (1500 км, завершена только армянская часть) и создание единого маршрута по горной стране Кавказ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Миненкова В.В. Устойчивый туризм в горных территориях: отечественный и зарубежный опыт // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: материалы Междунар. науч. конф. (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Тюмень, 12-17 сентября 2022 г. / отв. ред. А.Г. Дружинин, Д.А. Дирин. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 700-705.
2. Кавказская тропа. Официальный сайт проекта. [Электронный ресурс]. URL: <https://caucasiantrail.ru> (дата обращения: 03.02.2023).
3. Кавказская тропа. Официальный Телеграм-канал проекта. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.telegram.org/z/#-1528695493> (дата обращения: 03.02.2023).
4. Миненкова В.В., Лазарева В.А. Национальные туристские маршруты Российской Федерации: история, тенденции и перспективы // География и туризм. 2022. №2(10). С 23-30.
5. Трекинг в Дагестане. 110 километров пешком вдоль древней персидской стены, через села ремесленников и заброшенные аулы. [Электронный ресурс]. URL: <https://samokatus.ru/treking-po-dagestanu> (дата обращения: 03.02.2023).

Vera V. Minenkova
Kuban State University, Krasnodar

THE CAUCASIAN TRAIL AS A PROJECT FOR THE INTEGRATED REGIONAL DEVELOPMENT OF THE TOURIST SPACE

Abstract. *The article describes the project of creating an interregional tourist route "Caucasian Trail" with a length of about 2000 km. Nowadays, the project has been implemented on the territory of Dagestan, where four stages of the route are presented. The trail is of interest to tourists who prefer active nature-oriented recreation, which allows them to get acquainted with the diversity and aesthetics of the Caucasian landscapes, as well as with the diversity of cultures of local communities. The project should be considered as a staple of the interregional tourism space and a factor in its integrated development.*

Keywords: *Caucasus, tourism, interregional tourist route, Caucasian Trail.*

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье проведено комплексное исследование развития туристской отрасли на общероссийском уровне. На основе использования методов системного анализа, экономико-статистической и сравнительно-описательной оценки проанализирована динамика основных показателей развития туризма в Российской Федерации за период с 2011 по 2021 гг. На основании полученных данных определён ряд проблем, сдерживающих развитие туристской отрасли на территории Российской Федерации, предложены перспективные направления ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: туризм, тенденции развития туризма, COVID-19, турпродукт.

Стремительно меняющаяся обстановка, обусловленная глобальными экономическими, политическими и социальными преобразованиями, в том числе негативное воздействие пандемии COVID-19 на туристскую отрасль, обуславливает необходимость проведения новых исследований в области изучения современных тенденций, проблем и перспективных направлений развития туристской отрасли в настоящее время.

Туризм является важнейшим социально-экономическим сектором Российской Федерации. Во многом это обусловлено важной ролью туризма в решении таких вопросов, как социально-экономическое развитие отдельных территорий федерального, регионального и муниципального значения страны, улучшение социальной, транспортной инфраструктуры, повышение уровня жизни и качества населения, создание дополнительных рабочих мест, привлечение дополнительных инвестиций и т.д.

Анализ динамики основных показателей развития туризма в Российской Федерации за период с 2011 по 2021 г. позволяет выделить основные тенденции туристической индустрии. В то же время стоит отметить, что большое влияние оказало воздействие пандемии COVID-19, которое привело к экономическому кризису данной сферы не только в России, но и во всей мировой туристической индустрии.

Одним из основных показателей, характеризующих развитие туризма в стране является количество въездных поездок иностранных граждан и выездных поездок граждан России. Динамика данных показателей представлена на рис.

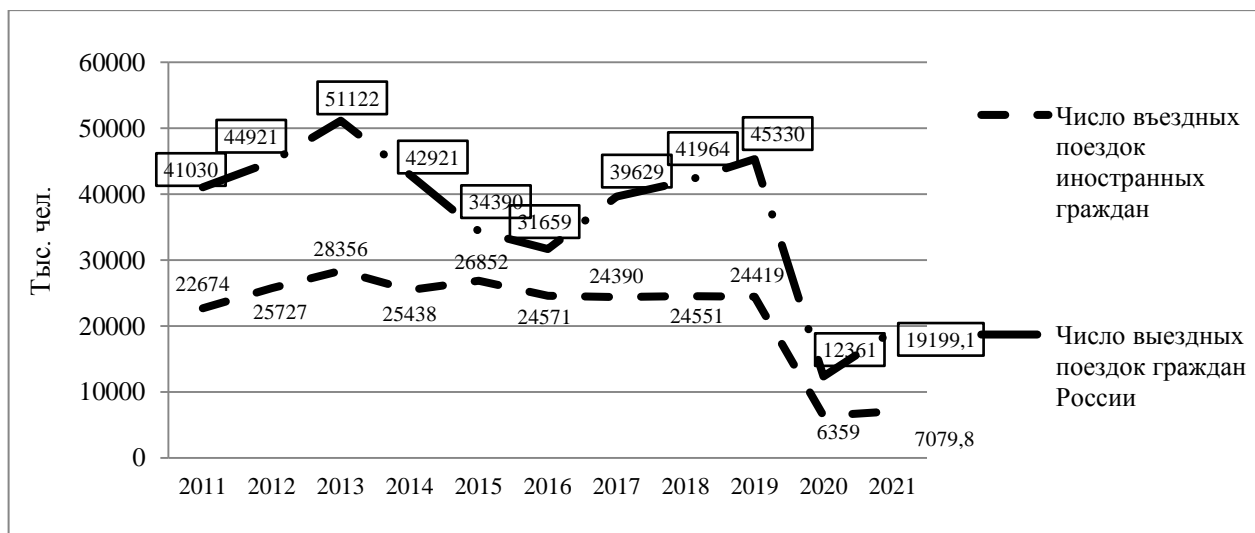

Рис. Динамика въездных и выездных поездок с 2011 по 2021 гг.

С 2011 г. количество въездных поездок иностранных граждан на территорию России увеличилось с 22674 тыс. до 24419 тыс. чел. в 2019 г. В результате пандемии COVID-19 и закрытия государственных границ в 2020 г. страну посетили только 6359 тыс. иностранных туристов. В тоже время в результате принятых мер в 2021 г. наметилась положительная тенденция, данный показатель составил 7079,8 тыс. чел.

Количество выездных поездок граждан России с 2011 г. также увеличилось с 41030 тыс. до 45330 тыс. чел. В 2020 г. данный показатель составил 12361 тыс. чел. Показатели 2021 г. показывают благоприятные тенденции к восстановлению показателей 2019 г., так количество выездных поездок составило 19199,1 тыс. чел. [3; 4].

В 2020 г. произошло сокращение количества туроператоров с 4613 в 2019 г. до 4298 в текущем году. В большей степени пострадали туроператоры, оказывающие услуги по организации международных туристских поездок. Во многом это вызвано закрытием государственных границ. В связи с этим с 2020 г., под влиянием ограничений в сфере въездного и выездного международного туризма, наблюдается тенденция в сторону увеличения спроса на внутренний туризм. Так, если в 2019 г. по количеству реализованных населению турпакетов преобладал выездной туризм – 2911 тыс., в то время как внутренний туризм составлял – 2111 тыс. чел. То в 2020 г. наблюдается преобладание спроса на внутренний туризм – 1722 тыс. чел., в то время как выездной туризм составил – 1233 тыс. чел. [3; 4].

С 2011 по 2019 гг. на территории Российской Федерации наблюдался рост количества коллективных средств размещения. С 2011 г. их количество увеличилось более чем в 2 раза и составило в 2019 г. – 28302 ед. Общую тенденцию увеличения коллективных средств на протяжении указанного периода можно объяснить активным развитием туристской инфраструктуры, проведением спортивных мероприятий мирового масштаба и т.д. В связи с негативным воздействием пандемии в 2020 г. количество коллективных средств размещения сократилось на 974 единицы. В тоже время в 2021 г. показатель увеличился до 28979, что превысило показатель 2019 г. [3; 4].

По итогам 2019 г. вклад туризма в ВВП страны составил 3,9 %, что на 0,9 % больше по сравнению с 2011 г. Объем платных туристских услуг, оказанных населению, вырос с 112,8 млрд руб. в 2011 г. до 179,8 млрд руб. в 2019 г. В 2020 г. данный показатель сократился до 91,9 млрд руб. В 2021 г. показатель составил – 149,7 млрд руб. [3,4].

С 2011 г. наблюдается тенденция увеличения показателей численности лиц, размещённых в коллективных средствах размещения. Данный показатель увеличился более чем в 2 раза с 33,18 млн чел. в 2011 г. до 76,04 млн чел. в 2019 г. В 2020 г. данный показатель составил 47,38 млн чел. Из них, количество граждан иностранных государств увеличилось практически в 3 раза с 3,87 млн чел. в 2011 г. до 10,86 млн чел. в 2019 г. В связи с закрытием государственных границ данный показатель в 2020 г. сократился до 2,16 млн человек. Количество граждан Российской Федерации увеличилось с 29,31 млн чел. в 2011 г. до 65,19 млн чел. в 2019 г. В 2020 г. данный показатель сократился до 45,22 млн человек. В 2021 г. показатель увеличился до 66,53 млн чел. [3; 4].

В связи со сложной ситуацией в сфере туристской индустрии, связанной с пандемией COVID-19, с 2020 г. Правительством РФ успешно реализуются меры по субсидированию и предоставлению льгот предприятиям, специализирующимся на туризме. Так, для предприятий малого и среднего бизнеса были реализованы такие меры поддержки, как: выделение субсидий на возобновление деятельности; снижение страховых взносов; продление сроков уплаты налогов; отсрочка по арендным платежам; беспроцентные кредиты на выплату зарплаты и т.д. [1].

Для предприятий туристской отрасли крупного бизнеса были реализованы такие меры поддержки, как: продление программ поддержки; субсидии на возобновление деятельности; налоговые каникулы для пострадавших отраслей; мораторий на проверки (налоговые, таможенные, выездные); мораторий на банкротство для пострадавших отраслей; беспроцентные кредиты на выплату зарплат; продление лицензий и разрешений и т.д. [1].

Экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, дал новый толчок к разработке необходимых мер по стимулированию и эффективному развитию туристской деятельности. Тем не менее, проблемы развития туристской отрасли активно прослеживались и до 2020 г. Так, например, несмотря на рост количества прибытий туристов из зарубежных стран на территорию России, данный показатель находится на относительно не высоком уровне и составил в 2019 г. – 24,4 млн туристов.

Одной из основных причин невысокого спроса российского турпродукта среди иностранных туристов является недостаточный уровень продвижения бренда российских туроператоров в зарубежных странах, а также сложный визовый режим для иностранных туристов при въезде на территорию России. Кроме того, общими сдерживающими причинами развития въездного и внутреннего туризма являются зависимость отечественного турпродукта от сезонности (в результате чего происходит снижение количества оказываемых туристских услуг, реализуемых турпакетов, уровня загруженности туристской инфраструктуры и т.д.) высокая стоимость туристских путевок, а также высокие транспортные издержки для туристов, что объясняется большими расстояниями, недостаточным уровнем транспортной доступности и т.д.

Для решения данных проблем, а также повышения качества российского туристского продукта необходима реализация следующих основных мер: развитие цифровой туристской инфраструктуры и сервиса продвижения туристских продуктов; упрощение визового режима; повышение уровня кадрового обеспечения развития туризма; совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере внутреннего и выездного туризма; повышение уровня качества туристской и транспортной инфраструктуры; разви-

тие транспортной доступности территорий; увеличение спроса на сферу туризма среди инвесторов; увеличение уровня загрузки туристской инфраструктуры, а также снижение сезонной зависимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Актуальные и реализованные меры поддержки туристской отрасли. [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/deyatelnost/mery-podderzhki-turistskoj-otrasli> (дата обращения: 01.10.2022).
2. Аналитическое исследование. Российский туризм после пандемии: перспективы восстановления турбизнеса. [Электронный ресурс]. URL: https://delprof.ru/upload/iblock/63f/DelProf_Analitika_Rynok-turizma.pdf (дата обращения: 30.09.2022).
3. Россия в цифрах. 2020: Краткий стат. сб. / Росстат. М., 2020. 550 с.
4. Федеральная служба государственной статистики // Официальная статистика. Туризм. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 30.09.2022).

Sergey M. Petelin

Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

ANALYSIS OF THE MAIN INDICATORS OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article presents a comprehensive study of the development of the tourism industry at the all-Russian level. Using methods of system analysis, economic-statistical and comparative-descriptive evaluation, and the dynamics of the main indicators of tourism development in the Russian Federation for the period from 2011 to 2021 was analyzed. Based on the data obtained, a number of problems that hinder the development of the tourism industry in the Russian Federation were identified, and promising directions for its further development were proposed.*

Keywords: *tourism, tourism development trends, COVID-19, tourist product.*

УДК 911

Писаренко С.В., Константинова А.С.

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Пушкин*

ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКОГО БРЕНДА «ПРОМЫШЛЕННЫЙ КРАЙ – ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ»

Аннотация. *В данной работе выявляются особенности разработки концепта бренда промышленного туризма Ленинградской области, который основывается на проведении анализа концентрации производительных сил и ресурсов промышленного туризма в регионе и выявлении составляющих туристского бренда «Промышленный край – Ленинградская область».*

Ключевые слова: *туристский бренд, промышленный туризм, брендинг, промышленность, внутренний туризм, Ленинградская область.*

Ленинградская область является одним из староосвоенных регионов России, обладающая огромным промышленным и туристским потенциалами, которые не нашли должного отражения в организации туристской деятельности в сегменте промышленного туризма – создании многообразия туристских продуктов.

Потребность в оных обозначены в целевом документе [1], приведем цитату одной из поставленных задач Стратегии по направлению туризм «реализовать комплекс мер по продвижению регионального туристского потенциала, в том числе за счет информационно-рекламной кампании и мероприятий, направленных на популяризацию внутреннего и въездного туризма в Ленинградской области, а также участия Ленинградской области в реализации межрегиональных и международных туристских проектов; *промышленного туризма* в Ленинградской области способно стать одним из успешных проектов привлечения инвестиций и туристского потока, поскольку регион обладает для этого неисчерпаемым потенциалом. С каждым годом растет доля промышленных предприятий в регионе, многие из них имеют межрегиональные и международные связи» [1]. Однако на практике региональный бренд промышленного туризма фактически отсутствует. Данное обстоятельство определило актуальность нашего исследования.

Проведенное изыскание имеет явную практическую значимость для туристской отрасли и социальную направленность, а именно, возможность проведения профориентации среди школьников и студентов средствами экскурсионной деятельности.

Сложившиеся в гуманитарных науках тенденции подчеркивают важность формирования образа территории с целью ее узнаваемости. По нашему мнению, брендинг территории Ленинградской области

как промышленного края является одним из основополагающих элементов продвижения региона на рынке внутреннего и въездного туризма.

Эффективность географического подхода для брендинга территории показано в работе [2], понятие «бренд территории» авторами понимается «как многомерный конструкт, опирающийся на комплексный географический образ, включающий набор уникальных символических и ассоциативных элементов и передающий идентичность территории» [2, с. 127].

На основе указанных теоретических положений при разработке бренда промышленного туризма Ленинградской области преследовалась цель – комплексно отразить предприятия, олицетворяющие отраслевую структуру региона. Для этого проводился анализ производственного сектора Ленинградской области в 2015-2016, 2020-2021 гг. Результаты первого периода исследования позволили выявить привлекательные центры и очаги для развития делового туризма (рис. 1) [3], второго – уникальные промышленные предприятия, образы которых легли в основу туристского бренда промышленного туризма Ленинградской области.

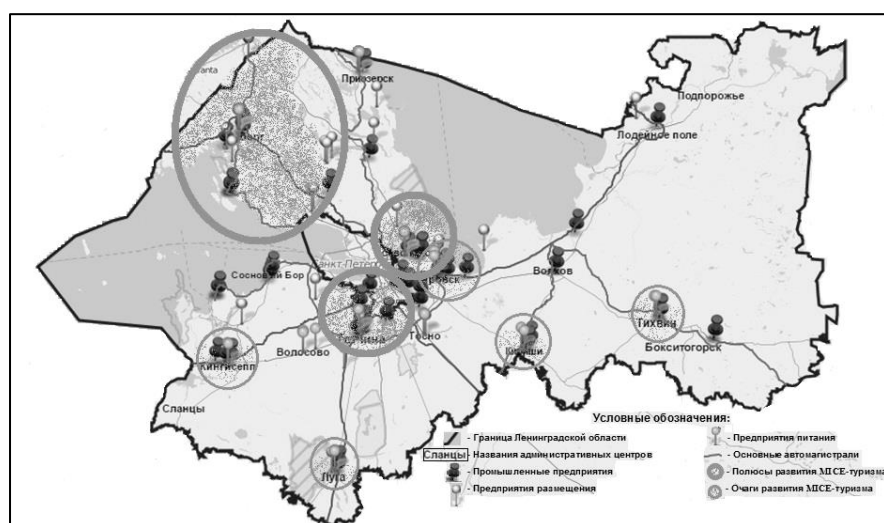

Рис. 1. Карто-схема туристского потенциала МСЭ-туризма Ленинградской области [3]

Определение наиболее привлекательных объектов туристского интереса осуществлялось по критериям: возможность проведения экскурсии или наличие музея на предприятии, имеющей сложившийся истории развития предприятия; использование уникальных передовых технологий, благодаря которым компания вышла на новый уровень производства; наличие средств размещения и питания вблизи объектов туристского интереса и развитой транспортной инфраструктуры.

В результате были отобраны 12 предприятий, которые располагаются вблизи крупных городов Ленинградской области – Волхов, Кингисепп, Волосово, Шлиссельбург, обладающих развитой туристской инфраструктурой – объектами питания, средствами размещения, сферой досуга: АО «Морозовский химический завод», ООО «Невский судостроительный-судоремонтный завод», ОАО «Сясьский целлюлозно-бумажный комбинат», АО «Апатит» Волховский филиал (хим. кластер Группы «ФосАгро»), ПАО «ТГК-1» Волховская ГЭС, ОАО «Узор», ООО Кондитерская фабрика «Ленинградская», АО «МХК «ЕвроХим-Северо-Запад», ООО «Полипласт Северо-Запад», АО «Новатэк Усть-Луга», АО «Усть-Луга Ойл», Филиал АО «Концерн Росэнергоатом» Ленинградская атомная станция.

Широкое распространение и удаленность друг от друга предприятий на территории Ленинградской области целесообразно связать в единый кольцевой маршрут, дополнительно охватывая природные и культурные достопримечательности региона.

Предполагаемая целевая аудитория: школьники, студенты, работники промышленной сферы. Первые познакомятся с циклом производства промышленной продукции, расширят кругозор в рамках соответствующих дисциплин и получают первичные профессионально-ориентирующие знания. Вторые получат познавательные и профессионально-ориентированные экскурсии о технологических процессах создания промышленной продукции, представление о будущей профессии. Третьи узнают о специфике производимой продукции, экономическом потенциале предприятия, об опыте организации производства. Сделав акцент на деловых туристах при реализации маршрута, будет возможность привлечь новые инвестиции и расширить круг инвесторов и потенциальных покупателей создаваемой продукции.

На основе всех полученных данных и их оценке был разработан логотип туристского бренда «Промышленный край – Ленинградская область» (см. рис. 2). Название бренда отражает многообразие и масштабность отраслей промышленности области наряду с уникальностью конкретных предприятий.

Рис. 2. Логотип туристского бренда «Промышленный край – Ленинградская область»²⁸

Аналогичный смысл заложен в визуальное воплощение бренда – логотип, в графике которого отражены самые привлекательные и перспективные предприятия – Волховская ГЭС, ЕвроХим – Северо-Запад, Новатэк, порт Усть-Луга, знакомство с которыми является ключевым в изучении промышленности региона.

При цветовом оформлении логотипа, прежде всего, подбирались цвета, отражающие основные сферы промышленности области и сочетающиеся с основным логотипом туристского бренда Ленинградской области, что позволит представить созданный бренд и развиваемый им вид туризма, одним из направлений туризма всего региона.

Разработанный туристский бренд промышленного туризма Ленинградской области направлен на символизацию производительных сил области и их выдающихся предприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О внесении изменения в областной закон «О Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года» и признании утратившим силу областного закона «О Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года». Принят Законодательным собранием Ленинградской области 3 декабря 2019 г. // Официальный сайт Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://econ.lenobl.ru/ru/budget/planning/concept2030/>
2. Исаченко Т.Е., Постникова Е.А. Географический подход при создании бренда региона и проектировании туристических кластеров // Вестник СПбГУ. Сер.7. Геология. География. 2015. Вып. 4. С.124-135.
3. Гончар А.Ф. Туристский потенциал развития делового туризма в Ленинградской области // Географическое изучение территориальных систем [Электронный ресурс]: сб. материалов X Всеросс. науч.-практ. конф. студ., асп. и молодых учёных (27-29 апр. 2016 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2016. С. 106-108. – 5 Мб. – Загл. с этикетки диска.

Sergey V. Pisarenko, Alexandra S. Konstantinova
A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin

FORMATION OF THE TOURIST BRAND "INDUSTRIAL REGION –LENINGRAD REGION"

Abstract. This paper identifies the features of the development of the brand concept of industrial tourism of the Leningrad region, which are based on the analysis of the concentration of productive forces and resources of industrial tourism in the region and the identification of the components of the tourist brand "Industrial Region-Leningrad region".

Keywords: tourist brand, industrial tourism, branding, industry, domestic tourism, Leningrad region.

²⁸ Выполнено А.С. Константиновой

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ, КИТАЯ И МОНГОЛИИ

Аннотация. Анализ развития туризма на сопредельных регионах России, Китая и Монголии показывает его динамичное развитие. Однако пандемия коронавируса внесла свои коррективы в положительную динамику числа туристских прибытий в российские регионы и сопредельные регионы Китая и Монголии, и также повлияла на состояние индустрии туризма. В 2022 г. отмечается рост объемов туристских потоков в послепандемийный период. В дальнейшем, необходима консолидация усилий России, Китая и Монголии для развития туризма.

Ключевые слова: Северная Азия, сопредельные регионы, туризм, туристские потоки, пандемия коронавируса.

В последние годы вырос спрос на отдых в регионах, имеющих незатронутые хозяйственной деятельностью человека участки природной среды. Одним из наиболее ярких примеров таких регионов являются сопредельные территории разных стран, которые отличаются слабой и средней степенью освоенности территории и наличием богатого рекреационного потенциала, благодаря которому активно развивается туризм. Поэтому рациональное использование рекреационных ресурсов становится первостепенной задачей социально-экономического развития регионов. Среди российских регионов можно выделить те, которые находятся в Северной Азии и часть из них располагается на сопредельных территориях с Монголией и Китаем.

Анализ туристских потоков по модельным территориям исследования позволил выявить сходства и различия в их распределении по отдельным регионам. Основное значение для государства имеют въездные туристские потоки, которые приносят в бюджеты регионов дополнительные поступления от оказания туристам различных услуг. Среди модельных российских регионов отмечаются большие различия по количеству приезжающих туристов (рис. 1).

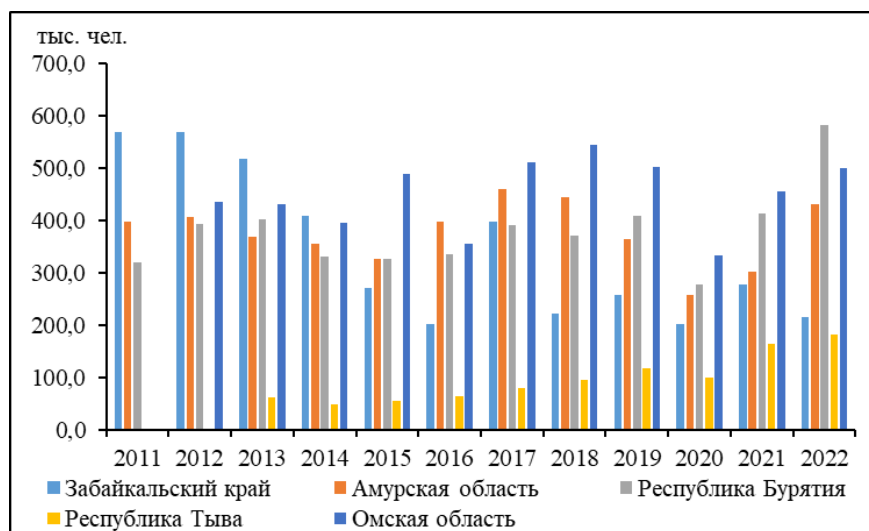

Рис. 1. Динамика количества туристов по модельным территориям Северной Азии. Источник: [11; 12]

Практически во всех регионах, за исключением Амурской области, с 2011 г. наблюдается значительный рост числа туристских прибытий. На прирост числа туристов в российские регионы практически не оказали влияние мировые экономические кризисы 2008 г. и 2013 г. Это во многом объясняется стабильностью развития внутреннего туризма, с одной стороны, с другой, вследствие изменения обменного курса рубля по отношению к доллару отдых в России становится дешевле и предпочтительнее. Немаловажную роль играют государственная поддержка отечественных туроператоров. Закрытие границ, сначала в результате эпидемии коронавируса, потом в результате санкций против нашей страны со стороны стран ЕС и США, придали импульс развитию внутреннего туризма.

Безусловными лидерами по числу туристских прибытий являются Алтайский край, где количество туристов на 2019 г. превысило два миллиона человек (рис. 2), а также Тюменская область, где рекордным был 2017 г., когда количество туристов составило почти 2,9 млн чел. (рис. 3). Эти регионы были и остаются

ся лидерами по данному показателю. Этому благоприятствует развитая инфраструктура туризма в Алтайском крае, близость регионов центральной России к Тюменской области и активно развивающаяся туристская инфраструктура. Следует отметить, что по итогам 2022 г. объем турпотока в Алтайском крае практически достиг допандемийных показателей, а в Тюменской области – превысил.

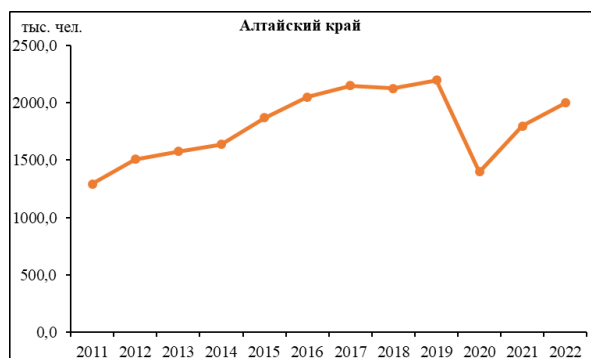

Рис. 2. Динамика количества туристов в Алтайском крае. Источник: [11; 12]

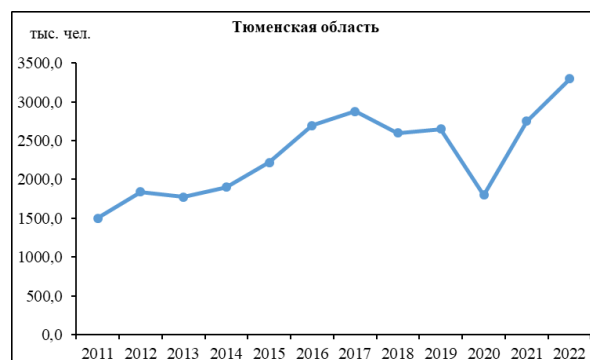

Рис. 3. Динамика количества туристов в Тюменской области. Источник: [11; 12]

Ограничения вследствие пандемии коронавируса оказали влияние на развитие практически всех отраслей экономики. Одной из отраслей, наиболее пострадавшей от пандемии, является туризм. По всем рассматриваемым регионам произошло сокращение объемов туристских потоков. В Республике Бурятия, Забайкальском крае, Амурской и Омской областях в 2020 г. по сравнению с 2019 г. количество туристов сократилось в 1,3-1,5 раза. На общем фоне несколько благополучной выглядит ситуация в Республике Тыва, где не произошло существенного снижения числа туристских прибытий.

Следует отметить, что большую часть въездного турпотока на модельных территориях России составляют отечественные туристы. Исключение составляют два региона, Амурская область и Забайкальский край, где преобладают туристы из Китая. Однако для этих регионов большой проблемой является превышение выездного туристского потока над въездным. Это негативно отражается на состоянии развития туристской отрасли. Необходимо разработка комплекса мероприятий по увеличению въездных туристских потоков.

Проведенный анализ позволил показать не только общие тенденции для регионов в развитии туризма, но и выявить его региональные особенности. Приграничное положение рассматриваемых регионов, с одной стороны, дает различные выгоды и преимущества, с другой стороны, влечет за собой сильную зависимость от внешнеполитических и внешнеэкономических процессов.

Анализ показывает, что в целом туризм в регионах стабильно развивается. Однако вклад туристской отрасли в экономику приграничных регионов небольшой. По нашим расчетам, он колеблется в диапазоне примерно от 0,5 до 1,5% в зависимости от региона, и показывает стабильный рост. Это свидетельствует об устойчивости развития туристской отрасли. На современном этапе необходимо увеличение объемов инвестирования отрасли в связи с нехваткой современных комфортабельных средств размещения туристов, отвечающих мировым стандартам, оборудованием объектов показа, строительством развлекательных комплексов и т.д. Требуется диверсификация этой отрасли экономики с увеличением ассортимента и качества предоставляемых туристских услуг для более полного использования выгод и преимуществ приграничного положения.

Основной турпоток в сопредельных регионах разных стран обеспечивается за счет жителей соседней страны. Туристский обмен отличается сильной зависимостью от покупательской способности национальной валюты. Любые изменения, происходящие в мировой экономике и объективно влияющие на изменение обменных курсов, становятся причиной изменений в направлениях туристских потоков между странами-соседями.

Как отмечают специалисты, большинство туристов по территории российских регионов распределяются крайне неравномерно. Наблюдается концентрация туристов в отдельных административных районах, обладающих максимальным рекреационным потенциалом и имеющих развитую туристскую индустрию. Это приводит к увеличению предельно-допустимых рекреационных нагрузок на природные комплексы, сопровождающиеся негативными явлениями.

В сопредельных регионах Китая, то есть в Автономном районе Внутренняя Монголия (АРВМ) и провинции Хэйлуцзян наблюдаются большие различия в туристских потоках (рис. 4). Если в АРВМ отмечается постоянный рост туристских прибытий, то в провинции Хэйлуцзян с 2013 г. наблюдалось падение

их объемов. На наш взгляд, это связано с кризисными явлениями в мировой экономике и увеличением международной напряженности. Переломным был 2015 г., когда в провинции начался рост числа туристов. Пандемия коронавируса сильно сказалась на туристской отрасли Китая. Во-первых, были закрыты границы, во-вторых, резко сократилось количество внутренних туристов в 2020 г., а по 2021-2022 гг. официальные статистические данные по туризму отсутствуют в силу объективных причин. В марте 2020 г. были закрыты границы и прекращена выдача виз иностранцам, лишь в начале 2023 г. Китай открыл границы для иностранных туристов.

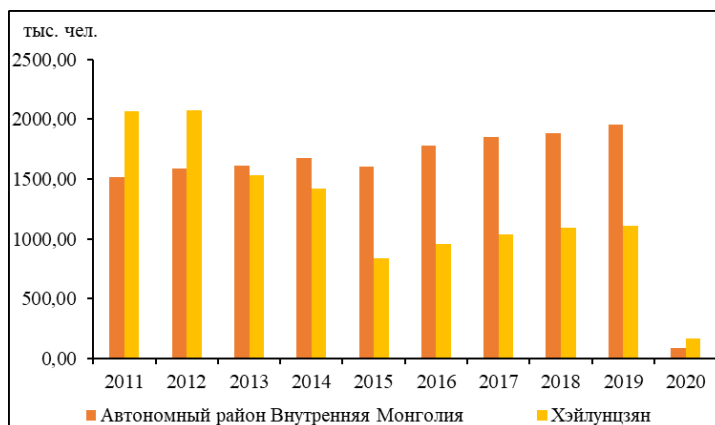

Рис. 4. Динамика количества туристов в Автономном районе Внутренняя Монголия и провинции Хэйлунцзян. Источник: [1–8]

В Монголии также отмечается небольшое падение числа въезжающих иностранных туристов с 2013 г., но с 2016 г. начался стабильный рост (рис. 5). Однако вследствие пандемии туристская отрасль Монголии понесла значительные убытки. Так, количество туристов в 2020 г. по сравнению с 2019 г. сократилось почти в 10 раз. По словам С. Амгаланбата, вице-президента Монгольской туристической ассоциации (МТА), «...туристская отрасль с годовым доходом в размере 600 млн долл. из-за коронавируса потеряла весь свой доход и 50 % человеческих ресурсов» [10].

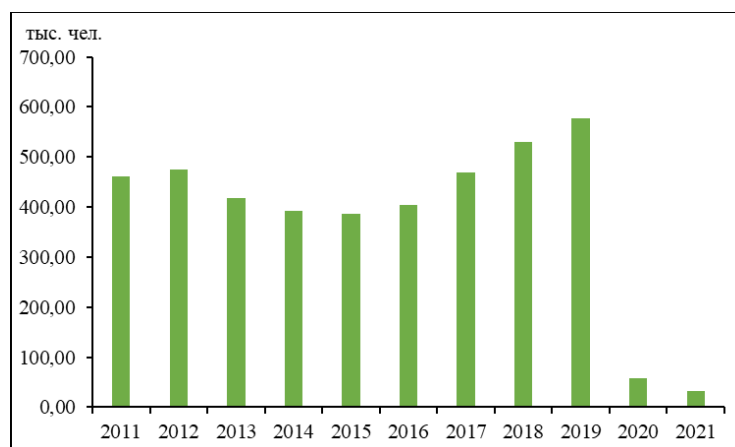

Рис. 5. Динамика количества туристов в Монголии. Источник: [9]

По мнению специалистов, туристской отрасли вследствие пандемии коронавируса был нанесен значительный урон. Многие турфирмы, туристские предприятия вынуждены были либо значительно сократить масштабы своей деятельности, либо полностью свернуть ее. Как показывает практика, туризм сильно подвержен влиянию внешних факторов, но за периодом спада обычно следует период стабильного роста. Поэтому в этих условиях необходимо обратить внимание на расширение сотрудничества с Китаем и Монголией в сфере туризма.

Следует отметить, что важность сохранения нетронутых антропогенной деятельностью ландшафтов, объективно ставит задачу развития именно тех видов деятельности, которые позволят обеспечить высокий уровень жизни населения при соблюдении природоохранных требований и учитывать необходимость реализации согласованных программ социально-экономического развития [13].

В настоящее время Китай активно продвигает проекты по развитию международных транспортных коридоров в рамках концепции «Один пояс – один путь». Помимо этого, развивается сотрудничество Рос-

сии, Монголии и Китая в сфере туризма по разработке и реализации проектов трансграничных туристских маршрутов, в том числе туристский маршрут «Великий Чайный путь» [14]. Необходимо разрабатывать совместные программы развития туризма на сопредельных территориях, чтобы они представляли собой не разрозненный набор мероприятий, а целостную систему с взаимозависимыми между регионами элементами.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания БИП СО РАН № АААА-А21-121011590039-6 (мнемо-код 0273-2021-0003).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Development tourism // China Statistical Yearbook. China Statistics Press. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2013/indexeh.htm>
2. Development tourism // China Statistical Yearbook. China Statistics Press. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2017/indexeh.htm>
3. Development tourism // China Statistical Yearbook. China Statistics Press. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2019/indexeh.htm>
4. Heilongjiang statistical yearbook / Heilongjiang Bureau of Statistic. China Statistics Press. 2020.
5. Heilongjiang statistical yearbook / Heilongjiang Bureau of Statistic. China Statistics Press. 2022.
6. Inner Mongolia statistical yearbook / Inner Mongolian Autonomous Region Statistical Bureau. China Statistics Press. 2020.
7. Inner Mongolia statistical yearbook / Inner Mongolian Autonomous Region Statistical Bureau. China Statistics Press. 2022.
8. Main indicators of tourism // China Statistical Yearbook. China Statistics Press. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2022/indexeh.htm>
9. Number of inbound tourists, by country / National Statistic Office of Mongolia [Электронный ресурс]. URL: https://www.1212.mn/en/statistic/statcate/573068/table-view/DT_NSO_1800_003V2
10. Монголия выйдет на туристический рынок Японии и Южной Кореи / Ариунбаяр Б. 14.04.2022 // Информационное агентство «Монцамэ». [Электронный ресурс]. URL: <https://montsame.mn/ru/read/294721>
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.
13. Санжеев Э.Д., Соловова А.Т. Рекреационный потенциал трансграничных речных бассейнов в контексте международного туризма: проблемы сохранения и использования (на примере рек Селенга и верховьев Амура) // Известия Иркутского государственного университета: Серия «Науки о Земле». 2014. Т.8. С. 119-132.
14. Санжеев Э.Д., Осодоев П.В. Особенности интеграционных процессов в сфере туризма в регионах Великого Чайного пути // Московский экономический журнал. 2020. №9. С. 435-449. DOI: 10.24411/2413-046x-2020-10636

Erdeni D. Sanzheev

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

THE CURRENT STATE OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE ADJACENT TERRITORIES OF RUSSIA, CHINA AND MONGOLIA

Abstract. *An analysis of the development of tourism in the adjacent regions of the Russia, China and Mongolia shows its dynamic development. However, the coronavirus pandemic has made its own adjustments to the positive dynamics in the number of tourist arrivals in the Russian regions and neighboring regions of China and Mongolia, and has also affected the state of the tourism industry. In 2022, there is an increase in the volume of tourist flows in the post-pandemic period. In the future, it is necessary to consolidate the efforts of Russia, China and Mongolia for the development of tourism.*

Keywords: *North Asia, adjacent regions, tourism, tourist flows, coronavirus pandemic.*

УДК 338.48-53:63 (470 + 571)

Сергеева А.М.¹, Омирзакова М.Ж.², Канитаева К.П.³

¹*Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова,
г. Актобе (Республика Казахстан);*

²*Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева,
г. Астана (Республика Казахстан);*

³*Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова,
г. Кокшетау (Республика Казахстан)*

ИНТЕГРАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация. *Как мощная сельскохозяйственная сила, сельская проблема является важным фактором, ограничивающим уровень развития страны, решает проблему деревни, гарантирует сельскую нищету. Интеграция совре-*

менного сельского хозяйства и туризма предполагает не только интеграцию различных ресурсов отрасли, но также функции и культуру двух типов отраслей. Когда туризм интегрируется в сельскую среду, продлевая производственную цепочку сельского хозяйства и туризма, мы также должны подумать о том, как лучше использовать сельскую природную среду: уникальную атмосферу и культурную среду сельской местности. Комплексная модель развития современного сельского хозяйства и сельского туризма является одним из важных способов сохранения сельского колорита.

Ключевые слова: сельский туризм, сельское хозяйство, индекс оценки, система интеграции.

В настоящее время некоторые ученые провели количественное и качественное исследование интеграции сельского хозяйства и туризма. Tiexin Meng анализирует промышленную ассоциацию и механизм власти как в сельском хозяйстве, так и в туризме; считает, что интеграция сельского хозяйства и туризма по существу является интеграцией функций, рынка и ресурсов [1]. При анализе системы оценки сельскохозяйственного туризма А.И. Зырянов, М.В. Гудковских и др. применили метод комплексной оценки для построения системы индексов оценки досугового сельского хозяйства [2; 3; 4]. Существуют количественные исследования досугового сельского хозяйства и сельского туризма, которые устанавливают систему индексов оценки интеграции современного сельского хозяйства и сельского туризма [5]. В этой статье оценивается нынешняя ситуация интеграции сельского хозяйства и туризма в Актыбинской области, исследуются проблемы, существующие в процессе его развития и предлагаются соответствующие меры по их решению.

Современное сельское хозяйство отличается от традиционного сельского хозяйства тем, что оно относится к промышленным кластерам, сформированным вокруг сельского хозяйства и опирающимся на инновационные сельскохозяйственные технологии, такие как растениеводство, лесное хозяйство, животноводство, водная промышленность, пищевая промышленность, средства производства и так далее [6; 7; 8]. Сельское хозяйство представляет собой не только уникальную промышленную систему в сельской местности, но и имеет декоративное значение. Интеграция современного сельского хозяйства и сельского туризма является одной из основных тенденций трансформации сельского хозяйства. Ren Y. считает, что интеграция традиционного сельского хозяйства и сельского туризма может не только придать сельскому туризму первоначальный экологический оттенок, но и способствовать интеграции антропогенного и природного ландшафтов, сельскохозяйственным инновациям туризма [9]. Интеграция сельского хозяйства и туризма развивается на основе сохранения уникальных особенностей сельской культуры, пейзажей, дикой природы, экономического развития и промышленной трансформации сельских районов [10; 11].

Построение системы индексов оценки комплексного развития современного сельского хозяйства и сельского туризма. Настоящая оценка развития современного сельского хозяйства и сельского туризма в основном анализируется с трех аспектов, а именно: качество ресурсов сельскохозяйственного туризма, развитие современного сельского хозяйства и сельского туризма; движущие факторы современного сельского хозяйства и сельского туризма; и факторы, которые влияют на развитие трех аспектов. На основе индексов, связанных с агротуризмом, авторы окончательно определяют систему индексов развития современного сельского хозяйства и сельского туризма (табл. 1).

Система индексов оценки интеграции современного сельского хозяйства и сельского туризма состоит из трех частей: целевого слоя, критериального слоя и факторного слоя. Среди них целевой слой (А) – это интеграция современного сельского хозяйства и сельского туризма. Критериальный слой основан на трех наиболее важных аспектах интеграции и развития агротуризма, а именно, поддерживающих условиях развития сельского туризма [12]. Качество сельскохозяйственных ресурсов является самым прямым выражением туристической привлекательности и удовлетворенности. Природная среда сельского ландшафта, культурная атмосфера и экологическая сельскохозяйственная продукция влияют на качество сельского туризма. Развлекательные объекты в селах, экологический сельскохозяйственный сад, садовый комплекс и т.д. представляют собой туристические проекты, интегрированные в сельское хозяйство. Статус дохода сельского туризма зависит от факторов степени интеграции и развития крестьянских хозяйств. Объекты общественного обслуживания являются важными движущими факторами, способствующими развитию интеграции сельского хозяйства и туризма [13; 14].

Обзор Актыбинской области. Актыбинская область расположена на западе Казахстана. Площадь территории Актыбинской области составляет – 300629 км². Численность населения – 905,3 тыс. чел. на 2021 г. По административно-территориальному делению область разделена на 12 районов, 139 сельских и 2 пгт. На территории области расположены восемь городов, из них семь малых городов.

Актыбинская область имеет свои особенности в территориальном развитии социальной инфраструктуры, так как характеризуется большой площадью, низкой плотностью населения (по состоянию 2021 г. – 3,01 человека на 1 км²), асимметрией в хозяйственном освоении территории. Для Актыбинской области

характерно очаговое расселение, которое оставляет незаселенными большие пространства засушливых пустынь и полупустынь.

Таблица 1

Индексная система оценки современного состояния интеграции сельского хозяйства и сельского туризма

Целевой слой (A)	Критериальный слой (B)	Факторный слой (C)
Современное сельское хозяйство и статус развития интеграции сельского туризма (A)	Качество ресурсов агротуризма B1	Сельскохозяйственная природная ландшафтная среда (C1) Культурная среда агротуризма (C2) Степень координации между сельской архитектурой и ландшафтом (C3) Качество экологической сельскохозяйственной продукции (C4) Сельские развлекательные места (C5)
	Статус развития сельскохозяйственного туризма B2	Обилие национальных культурных мероприятий (C6) Интенсивность разработки экспериментального продукта сельскохозяйственного туризма (C7) Интенсивность развития проживания в семье и общественного питания (C8) Доля сельских жителей в индустрии туризма (C9) Отношение дохода от сельскохозяйственного туризма к общему доходу (C10)
Современное сельское хозяйство и инфраструктура сельских местностей. B3		Степень совершенства системы дорожного движения (C11) Совершенство объектов бытового обслуживания (C12) Типы маркетинговых каналов (C13) Отношение к туристическим услугам (C14) Государственный финансовый вклад (C15)

Концентрация населения Актюбинской области в особенности высока вокруг г. Актобе. На севере Актюбинской области проживает более 55 % населения всей этой области. Городское население – 651,3 тыс. чел. Только в г. Актобе проживает более 80,2 % городского населения области. На долю города приходится около 71,9 % населения всей области. Наиболее заселенными ареалами является территория Актюбинской городской администрации (менее 0,77 % территории Актюбинской области, около 57,8 % всего населения Актюбинской области), территория Мугалжарского района с г. Кандыгаши (более 7,5 % населения), Шалкарский район с ближайшим окружением (5,05 % населения Актюбинской области). В то же время в Хромтауском районе на площади около 4,29 % территории области проживает лишь около 4,8 % ее населения, в Алгинском районе с площадью около 2,5 % – 4,6 % населения. Таким образом, на остальной части территории Актюбинской области (62,6 %) проживает всего 20,2 % населения области. Южные и частично Восточные и Западные районы заселены крайне слабо.

Рис. 1. Карта Актюбинской области

В настоящее время нельзя считать сложившуюся инфраструктурную систему Актюбинской области достаточным. Для эффективной территориальной организации хозяйства и населения Актюбинской области необходимо дальнейшее опережающее развитие инфраструктуры с учетом потребностей населения.

В настоящее время остро стоит проблема дефицита воды и засухи, что приводит к огромным потерям урожая зерновых культур. Более трети земной поверхности составляют территории засушливых регионов (годовая сумма осадков ниже 250 мм). Половина этой площади (около 12 % суши) относится к крайне аридным территориям. Многие сельскохозяйственные районы расположены в аридных зонах.

Оценка интеграции современного сельского хозяйства и сельского туризма в Актюбинской области. Система показателей интеграции современного сельского хозяйства и сельского туризма включает объективные показатели (С9, С10, С11, С12) и субъективные показатели (С1, С5, С6, С8, С13, С15). Субъективный индекс задается непосредственно в анкете, а туристы и местные жители оцениваются по их самовосприятию, и все баллы являются процентильными. Авторы провели анкетный опрос в Актюбе в сентябре 2021 г. и январе 2022 г. В ходе опроса местным жителям и туристам было предложено оценить сопутствующие проблемы каждого субъективного показателя в соответствии с их туристическим опытом в Актюбинской области, а также были тщательно опрошены и исследованы причины различий в оценивании. Всего было разослано 70 анкет, из них 60 действительных. Показатели анкеты в табл. 2.

Таблица 2

Оценка интеграции современного сельского хозяйства и сельского туризма в Актюбинской области

<i>Факторный слой (С)</i>	<i>Средний балл</i>
Сельскохозяйственная природная ландшафтная среда (С1)	63,1
Культурная среда агротуризма (С2)	39,3
Степень координации между сельской архитектурой и ландшафтом (С3)	25,6
Качество экологической сельскохозяйственной продукции (С4)	76,0
Сельские развлекательные места (С5)	41,5
Обилие национальных культурных мероприятий (С6)	40,6
Интенсивность разработки экспериментального продукта сельскохозяйственного туризма (С7)	27,2
Интенсивность развития проживания в семье и общественного питания (С8)	71,3
Доля сельских жителей в индустрии туризма (С9)	24,1
Отношение дохода от сельскохозяйственного туризма к общему доходу (С10)	24,1
Степень совершенства системы дорожного движения (С11)	60
Совершенство объектов бытового обслуживания (С12)	45
Типы маркетинговых каналов (С13)	55,1
Отношение к туристическим услугам (С14)	45
Государственный финансовый вклад (С15)	50

Согласно табл. 2 средний балл туристов по субъективному индексу интеграции и развития сельского хозяйства и туризма Актюбинской области составляет 72,37, что отражает невысокую общую удовлетворенность туристов интеграцией и развитием сельского туризма Актюбинской области. Среди них сельская ландшафтная среда, финансовые инвестиции правительства в туристический проект Актюбинской области и строительство соответствующих развлекательных объектов, а также координация сельской архитектуры и окружающего ландшафта, маркетинговая пропаганда отделов управления туризмом и создание сельской культурной атмосферы, которые необходимо и далее укреплять, особенно продукты культурного туризма, связанные с мясопродуктами (конина, баранина и говядина), кумысами и шубатами. Значимым показателем являются объекты дорожного движения Актюбинской области. Совершенствуется строительство таких объектов, как пункты сбора мусора, медпункты, общественные туалеты, центры обслуживания туристов и т.д., которые в основном могут удовлетворить потребности местных жителей и туристов. Кроме того, в ходе интервью авторы также узнали, что сельский туризм не только увеличивает близлежащие фермерские каналы занятости, располагаемый доход и розничные продажи, но и обогащает повседневную развлекательную деятельность местных жителей.

Анализ качества сельскохозяйственных и туристических интегрированных туристических ресурсов в Актюбинской области. В системе индексов оценок оценочные баллы двух сельскохозяйственных природных ландшафтов С1 и сельских развлекательных заведений С2 составили 63,1 и 39,3 соответственно, из которых почти 40 % туристов говорили о меловых горах Актолагай в Байганинском районе и Ащылысайском водопаде в Каргалинском районе. Крестьянские хозяйства не до оценивают, что туристы в основном приезжают с целью оздоровления, поэтому туристическая ценность сельского хозяйства, одного из наиболее важных элементов интеграции сельскохозяйственных путешествий, не используется полно-

стью. Причина может заключаться в том, что местная власть заинтересована в экспорте мяса, для которого необходимы удобные сельские ландшафты. В степени координации сельской архитектуры и ландшафта С3, качества экологической сельскохозяйственной продукции С4 и туристической культурной среды С2 оценки туристов Актыбинской области составили 25,6, 76,0 и 39,3 соответственно. Видно, что оценка туристами этих трех факторов невысока. Когда авторы исследовали и посетили местных жителей на месте, они обнаружили, что большинство сельских зданий в Актыбинской области были зданиями в советском стиле.

С целью интеграции и развития сельского хозяйства и туризма в Актыбинской области проводятся народные культурные массовые мероприятия: ежегодные сельскохозяйственные ярмарки, всевозможные национальные фестивали, игры и выставки с июня по август, с сентября по октябрь. В это время наблюдаются поток туристов, для которых непииковый сезон, поэтому нужно внести соответствующие коррективы в сроки проведения мероприятий. В анкетах туристы оценили проживание и питание в Актыбинской области на 71,3 баллов. Авторы считают, что нет существенной разницы между жилыми помещениями в Актыбинской области и обычными гостиницами. Атмосфера и питание в создании характерного рациона еще нуждается в дальнейшем улучшении. Доля сельских жителей среди практикующих туристов составляет около 24,1 %.

Анализ движущих факторов сельскохозяйственной и туристической интеграции в Актыбинской области. Пять аспектов движущих факторов интеграции сельского хозяйства и туризма: совершенствование системы дорожного движения С11; совершенствование объектов общественного обслуживания С12; тип маркетингового канала С13; отношение туристической службы С14; и финансовые вложения правительства С15. Согласно мнениям туристов и местных жителей по этим пяти аспектам комплексная оценка составила 60, 45, 55,1, 50 баллов.

Существующие проблемы и меры по улучшению. Конечной целью комплексного развития современного сельского хозяйства и сельского туризма является повышение жизнеспособности и содействие возрождению сельских районов. В соответствии с нынешней ситуацией интеграции современного сельского хозяйства и сельского туризма в Актыбинской области существуют следующие проблемы:

- туристический продукт, непосредственно связанный с животноводством, больше склоняется к национальным играм как кокпар, кыз куу, аламан байге и др. Дополнительные туристические мероприятия, такие как опыт сбора урожая, ведения животноводства, сельскохозяйственное культурное восприятие и другие функции сельского хозяйства не были глубоко изучены;
- туристические проекты в районе интеграции сельского хозяйства в Актыбинской области в основном сосредоточены в четырех районах. Эти районы не разработали туристические маршруты. Туристическая ценность каждого туристского проекта не используется в полной мере.

Ввиду вышеперечисленных проблем авторы предлагают при планировании сделать более совершенным маршрут планируемого тура, использовать более привлекательные туристические продукты в качестве темы сельскохозяйственного производства. Использование медиа-платформы для продвижения сельского туризма в Актыбинской области необходимо. В данной статье для оценки современной ситуации интеграции сельского хозяйства и туризма выбраны качество ресурсов сельского туризма, развитие агротуризма и поддерживающие условия. Сбалансированное развитие туризма и сельского хозяйства определяет жизнеспособность сельского туризма. Целесообразно не только рассматривать строительство городских продуктов туризма или рекреационных объектов, но и обращать внимание на ценность уникальной природной системы в сельской местности. Интеграция сельского хозяйства и туризма оказывает наиболее очевидное влияние на местных жителей. Экономические последствия туризма изменят традиционную модель дохода и первоначальную среду обитания фермеров. Стоит подумать о том, как строить туристические объекты и туристические продукты на основе сохранения деревенского стиля и особенностей региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Meng, T. (2019) The Dynamic Mechanism and Countermeasures of the Integration of Agriculture and Tourism Industry Based on Value Chain. *Jiangsu Agricultural Science*, 47, 320.
2. Zyrianov, A.I., & Semiglazova, V.A. (2021). Rural Tourism: From Geographical Constructs to Models of Development. *Geography and Natural Resources*, 42, 24–31. <https://doi.org/10.1134/S1875372821010145>
3. Гудковских М.В. Методика комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала // Географический вестник. 2017. № 1 (40). С. 102-116.
4. Trukhachev, A. (2015). Methodology for evaluating the rural tourism potentials: A tool to ensure sustainable development of rural settlements. *Sustainability*, 7(3), 3052–3070. <https://doi.org/10.3390/su7033052>
5. Tatikova, A., Baitilenova, Y., Narenova, A., Kaldygozova, M., Kazhieva, Zh., Dzhaambayeva, B., & Aktymbayeva, A. (2019). Agriculture sector and agribusiness entrepreneurship potential in kazakhstan: A swot-tows analysis. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 10(8), 2542–2548. [https://doi.org/10.14505/jarle.v10.8\(46\).32](https://doi.org/10.14505/jarle.v10.8(46).32)

6. Seken, A., Duissembayev, A., Tleubayeva, A., Akimov, Zh., Konurbaeva, Z., & Suieubayeva, S. (2019). Modern potential of rural tourism development in Kazakhstan. *Journal of Environmental Management and Tourism*, 10(6), 1211–1223. DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v10.6\(38\).03](https://doi.org/10.14505/jemt.v10.6(38).03)
7. Tleubayeva, A. (2018). Rural tourism as one of the priority factors for sustainable development of rural territories in Kazakhstan. *Journal of Environmental Management and Tourism*, 2018, 9(6), 1312–1326. DOI: [https://doi.org/10.14505/jemt.v9.6\(30\).21](https://doi.org/10.14505/jemt.v9.6(30).21)
8. Wendt, J.A., Pashkov, S.V., Mydlowska, E., & Bógdał-Brzezińska, A. (2021). Political and historical determinants of the differentiation of entrepreneurial ecosystems of agritourism in Poland and Kazakhstan. *Sustainability*, 13(18), 10487. <https://doi.org/10.3390/su131810487>
9. Ren, Y. (2017) Under the New Normal, the Integration of Rural Tourism Industry and Traditional Agriculture in China Is Optimized. *Agricultural Economy*, No. 10, 38–40.
10. Kóródi, M., & Dávid, L.D. (2019). The Uniqueness of the Hungarian Rural Tourism Supply. *Journal of Tourism and Services*, 10(19), 24–39. DOI: <https://doi.org/10.29036/jots.v10i19.93>
11. Плохих Р.В. Агротуризм Карагандинской области: возможности и проблемы развития // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2017. Т. 3. № 3. С. 53–64.
12. Phillip, S., Hunter, C., & Blackstock, K. (2010). A typology for defining agritourism. *Tourism Management*, 31, 6, 754–758. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2009.08.001>
13. Алиева, Ж.Н., Қырықбай А.Б. (2021). Ауыл туризмін дамыту мақсатында Оңтүстік Қазақстанның туристік климаттық индексін бағалау. *ҚазҰУ Хабаршысы. География сериясы*, 1 (60), 28–38. DOI: <https://doi.org/10.26577/JGEM.2021.v60.i1.03>
14. Lane, B. (1994). What is rural tourism? *Journal of Sustainable Tourism*, 2 (1&2), 7–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/09669589409510680>

Aigul M. Sergeyeva¹, Miroslava Zh. Omirzakova², Karima P. Kanitayeva²

¹K. Zhubanov Aktobe Regional University,
Aktobe (Republic of Kazakhstan)

²L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana (Republic of Kazakhstan)

³Sh. Ualikhanov Kokshetau State University,
Kokshetau (Republic of Kazakhstan)

INTEGRATION OF AGRICULTURE AND RURAL TOURISM IN AKTOBE OBLAST, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract. As a powerful agricultural force, the rural problem is an important factor limiting the level of development of the country, solves the problem of the village, guarantees rural poverty. The integration of modern agriculture and tourism involves not only the integration of various resources of the industry, but also the functions and culture of the two types of industries. When tourism is integrated into the rural environment, extending the production chain of agriculture and tourism, we also need to think about how to make better use of the rural natural environment: the unique atmosphere and cultural environment of the countryside. A comprehensive model of the development of modern agriculture and rural tourism is one of the important ways to preserve rural flavor.

Keywords: rural tourism, agriculture, assessment index, integration system.

УДК 330.15: 728.5

Хребтова Т.А., Максанова Л.Б.-Ж.

Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ

ВЛИЯНИЕ КОЛЕБАНИЙ УРОВНЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ НА РЕКРЕАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (В ГРАНИЦАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Аннотация. В статье представлены методический инструментарий и оценка влияния изменений уровня озера Байкал на рекреационный потенциал. Выполнена оценка ущерба для коллективных средств размещения, расположенных в прибрежных районах в границах Республики Бурятия.

Ключевые слова: озеро Байкал, колебания уровня, коллективные средства размещения, ущерб.

В рамках выполнения научно-исследовательской работы «Влияние изменения уровня в озере Байкал на состояние экосистемы озера, определение ущерба объектам экономики и инфраструктуры прибрежной территории Республики Бурятия, Иркутской области в зависимости от уровней озера и сбросов Иркутской ГЭС» (далее – НИР) выполнена экономическая оценка ущерба рекреационному потенциалу прибрежных территорий вследствие колебаний уровня озера Байкал в границах Республики Бурятия. Под экономической оценкой воздействия уровня озера на природно-хозяйственные комплексы и население понимается стоимостная оценка снижения социально-экономических функций территорий в результате выбытия основных и оборотных фондов, объектов жилой и общественной застройки, потерь естественной про-

дуктивности и полной или частичной утраты экологических функций вследствие затопления или подтопления территорий [1].

Несмотря на то, что в российской законодательной практике и научном поле в контексте тесной взаимосвязи понятий закрепилось использование определения туристско-рекреационный, характеризующего многогранную деятельность в сфере туризма и рекреации [2, С.27], в данном исследовании авторами используется термин «рекреационный потенциал» (далее – РП). В литературных источниках рекреационный потенциал в значительной степени определяется как совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации туристской деятельности на определенной территории [3,4].

В Республике Бурятия в прибрежных муниципальных районах туристская деятельность осуществляется на землях населенных пунктов, лесного фонда, особо охраняемых территорий и объектов, сельскохозяйственного назначения. Организация хозяйственной деятельности в сфере туризма и активный процесс туристского комплексообразования предусмотрены в документах территориального планирования Республики Бурятия [5].

В рамках НИР снижение рекреационного потенциала из-за колебаний уровня оз. Байкал определяется через оценку ущерба коллективным средствам размещения, пляжным территориям, термальным источникам, неосвоенным земельным участкам, предназначенным для инвестиционной и предпринимательской деятельности, которые подвергаются вредному (негативному) воздействию вод вследствие повышения уровня оз. Байкал [6].

Определение ущерба объектам туризма и рекреации проведено в соответствии с «Методикой оценки вероятного ущерба от негативного воздействия вод и оценки эффективности осуществления превентивных водохозяйственных мероприятий», разработанной ФГУП «ВИЭМС» (2005 г.) [7]. Несмотря на то, что методика имеет ряд замечаний, в настоящее время она представляет собой одну из немногих, пригодных для оценки ущерба [8].

Учитывая, что к основным характеристикам последствий затопления, согласно методике, относится количество объектов, оказавшихся в зоне затопления, а именно база отдыха, пансионат, санаторий в данной статье представлена оценка ущерба для КСР (табл.).

Таблица

Количество средств размещения в прибрежных муниципальных образованиях Республики Бурятия, в том числе подпадающих под негативное воздействие вод, по состоянию на 01.06.2022 г.

Муниципальное образование	Количество КСР	в т.ч. в зоне негативного воздействия вод	Количество койко-мест	в т.ч. в зоне негативного воздействия вод
Баргузинский район	29	4	1138	96
Кабанский район	108	47	4402	2255
Прибайкальский район	73	0	2561	0
Северобайкальский район	19	0	621	0
г. Северобайкальск	17	0	473	0
Всего	246	51	9195	2351

Источник: составлено по результатам исследования.

Полный ущерб КСР включает:

- (i) ущерб основным фондам (земля и сооружения);
- (ii) прямые потери доходов от неоказания услуг КСР;
- (iii) косвенный ущерб.

При оценке ущерба КСР были учтены следующие методические посылки.

- (i) Ущерб основным фондам (земля и сооружения).

1) В работе для всех типов средств размещения, являющихся объектами непроизводственного назначения, применяется нормативный удельный базовый показатель 7120 руб. на 1 кв. м. на восстановление [7].

2) При расчете ущерба зданиям и сооружениям учитывается площадь объекта капитального строительства (далее – ОКС). Поскольку не все ОКС стоят на государственном кадастровом учете (на основании Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 518-ФЗ администрациями МО организована работа по выявлению правообладателей ранее учтенных объектов недвижимости), расчет ущерба производится двумя способами:

2.1) ОКС стоит на кадастровом учете, расчет ущерба выполняется умножением площади ОКС на удельный показатель;

2.2) В случае, когда строения не стоят на кадастровом учете, применяется показатель «максимальный процент застройки в границах земельного участка», который установлен Правилами землепользования и застройки сельского поселения. Если прилегающие к побережью озера Байкал земельные участки, на которых размещены КСР, относятся к рекреационным зонам, то для расчета площади застройки применяется показатель «максимальный процент застроенной территории в рекреационной зоне», который не превышает 20%; если в жилой зоне, то 50%. В этом случае площадь застройки земельного участка умножается на удельный показатель.

3) Оценка ущерба земельному участку, на котором расположено КСР, определяется следующим образом: площадь затопляемого участка при разных уровнях режима умножается на удельный показатель кадастровой стоимости. В случае его отсутствия площадь умножается на средний уровень кадастровой стоимости земельного участка по муниципальному району (городскому округу) Республики Бурятия [8].

(ii) Прямые потери доходов от неоказания услуг.

При оценке ущерба от потери доходов от неоказания услуг вследствие приостановки деятельности КСР применяются следующие показатели:

- количество койко-мест в КСР;
- срок, в течение которого КСР не работает, определяется продолжительностью стояния воды;
- средняя цена за проживание, по данным Бурстата, по состоянию на июль 2022 г. составила 2615,54 руб./сутки.

(iii) Косвенный ущерб.

В результате вынужденного простоя КСР и неоказания услуг возникает косвенный ущерб в виде налоговых потерь, упущенной выгоды, а также потери в смежных отраслях. В работе оценка косвенного экономического ущерба определяется с использованием коэффициента от прямого ущерба, значения коэффициента варьируются от 0,02-0,05 [7]. По расчетам, выполненным в БИП СО РАН, наиболее обоснованным является значение коэффициента 0,036.

Полный вероятностный ущерб КСР по всем видам негативного воздействия вод в диапазоне 457,10 – 457,85 м ТО составляет от 52,5 до 3803,9 млн. руб.

Работа выполнена в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тулохонов А.К., Михеева А.С., Аюшеева С.Н., Бардаханова Т.Б., Бешенцев А.Н., Максанова Л.Б.Ж. Методологические подходы к экономической оценке последствий изменений уровня режима Байкала // География и природные ресурсы. 2022. Т. 43. № S5. С. 25-35
2. Мажар, Л.Ю. Геосистемный анализ туристско-рекреационной деятельности / Л.Ю. Мажар // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. – 2008. – № 1. – С. 27-31
3. Исламова Ф.С. Факторы и условия развития структуры туристско-рекреационного потенциала территории // Научное обозрение. Экономические науки. – 2016. – № 6. – С. 75-79
4. Ушакова Е.О., Цой М.Е. Разработка методического подхода к оценке туристско-рекреационного потенциала региона // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т.11. №4 (74). С.18-34
5. Максанова Л.Б.-Ж., Санжеев Э.Д., Будаева Д.Г. Территориальная организация туристско-рекреационной деятельности на региональном уровне: теоретические и практические аспекты // Вестник СГУГиТ. – 2017. – Т.22. № 3. – С.128-146
6. Отчет о НИР «Совершенствование научных основ оценки влияния уровня режима оз. Байкал на экологические и экономические системы Республики Бурятия», FWSU-2021-0009 / БИП СО РАН. – Улан-Удэ, 2022, 221 с.
7. Методика оценки вероятного ущерба от негативного воздействия вод и оценки эффективности осуществления превентивных водохозяйственных мероприятий, разработанной ФГУП «ВИЭМС», 2005 г.
8. Дугарова Г.Б., Хаборцева Т.И. Методологические и методические основы оценки ущерба при изменении уровня режима водоема (на примере озера Байкал) // География и природные ресурсы. 2022. Т. 43. № S5. С. 179-186
9. Приказ Министерства имущественных и земельных отношений Республики Бурятия от 09.03.2021 №18 «Об утверждении среднего уровня кадастровой стоимости земельного участка по муниципальным районам (городским округам) Республики Бурятия (Зарегистрировано в реестре нормативных правовых актов органов исполнительной власти Республики Бурятия 31.03.2021 N 032021094).

INFLUENCE OF WATER LEVEL FLUCTUATIONS IN LAKE BAIKAL ON RECREATIONAL POTENTIAL OF COASTAL TERRITORIES (WITHIN THE BOUNDARIES OF REPUBLIC OF BURYATIA)

Abstract. The article presents methodological tools and assessment of the impact of changes in the level of Lake Baikal on the recreational potential. An assessment of damage to collective accommodation facilities located in coastal areas within the borders of the Republic of Buryatia was carried out.

Key words: Lake Baikal, level fluctuation, level, collective accommodation facilities, damage.

УДК 913.1

Черных В.Н.

Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КРИОГЕННОЙ ПРИРОДЫ В ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В работе рассматриваются возможности увеличения привлекательности туров к природным достопримечательностям Бурятии с помощью расширения номенклатуры объектов показа за счет распространенных на территории ледовых образований геокриологической природы – наледей. Описывается известный пример использования наледей в туристско-рекреационной деятельности в Республике Саха (Якутия), перспективы организации похожих маршрутов в пригороде Улан-Удэ. На основе данных натурных наблюдений и обследований выбраны наиболее аттрактивные и перспективные объекты, приведены их описания и рекомендации по включению в уже реализуемые маршруты туров выходного дня.

Ключевые слова: наледь, туристско-рекреационная деятельность, Булуус, Байкальский регион, туры выходного дня, аттрактивность.

Туристско-рекреационная деятельность в Байкальском регионе является одним из приоритетных и динамично развивающихся направлений хозяйственной деятельности. В связи с происходящими геополитическими событиями внутренний туризм в России получил новый вектор развития, а это значит, что будет возрастать интерес к регионам. В Республики Бурятия туризм и отдых ассоциируется, прежде всего, с оз. Байкал [1], а также с термальными и минеральными источниками, расположенными на прилегающих территориях. Кроме того, приезжающим в регион гостям интересна культура и быт народов, проживающих здесь, этнокультурные, исторические и природные достопримечательности. При этом, перечень потенциально интересных мест посещения, давно сформировался, устоялся. Взыскательного туриста в Бурятии, как приезжего, так и числа местных жителей, уже сложно удивить новым маршрутом или объектом показа, но перспективы разнообразить путешествия в регионе есть. Особенно это касается туров выходного дня, которые интересны, прежде всего, местным потребителям турпродуктов, но также могут быть включены и в программы экскурсий для гостей из других регионов страны. Речь идет об объектах геокриологической природы – наледах.

Наледи – это скопления льда, образующиеся в результате многократного излияния и последующего замерзания на поверхности речных или подземных вод в холодный период года. Это явление характерно для районов с развитием многолетней мерзлоты [2]. Поскольку многолетнемерзлые горные породы разного типа широко распространены и в Байкальском регионе, здесь наледообразование проявляется достаточно активно. Так, только в северной (русской) части бассейна р. Селенга, по данным на 2022 г. насчитывается около 15,5 тыс. наледей разных размеров и мощности [3]. Большинство из них расположены в удаленных, труднодоступных местах, но есть некоторые объекты, которые привлекают к себе внимание, так как формируются рядом с населенными пунктами и объектами инфраструктуры, зачастую провоцируя чрезвычайные ситуации, связанные с подтоплением. Но, при определенных условиях, такие наледы можно использовать во благо, прежде всего, как источник воды, ну а во вторую очередь – как объекты туристско-рекреационного типа.

Идея использовать наледы как объекты показа не нова. Об этом в одном из своих интервью, ставшем основой для научно-образовательного фильма [4], говорил основоположник наледоведения В.Р. Алексеев. На сегодняшний день она успешно реализована на территории Республики Саха (Якутия) на наледи в районе руч. Булуус.

Наледь «Булуус» является одной из самых посещаемых достопримечательностей Якутии, но за ее пределами об этом объекте почти не известно. Наледь формируется в зимний период, может достигать мощности три метра [5]. Тает наледь только к концу лета. В процессе таяния тело ледяного массива топится водой, образуются причудливые коридоры, арки, углубления. Именно они, а также возможность посетить массив льда в разгар летней жары привлекают сюда туристов. На прилегающей к наледи территории создана определенная инфраструктура, дорожки, туалеты, а вход к объекту осуществляется за плату.

В процессе проведения работ по изучению наледей в малых водосборных бассейнах Селенгинского среднегорья было отмечено, что в указанном районе достаточно много интересных объектов, по своим характеристикам и аттрактивности схожим с наледью на руч. Булуус в Якутии. Так, наледи мощностью до 3 м в окрестностях столицы Республики Бурятия г. Улан-Удэ (наиболее густонаселенные районы) образуются в долинах малых рек Воровка, Кокытэй, Брянка, Куйтунка и др. Эти наледи по своим характеристикам относятся к большим и очень большим, имеют площади до 100 тыс. м², а мощности в районе русел до 4-5 м. Тают наледи быстрее чем на территории Якутии и в первых числах июня уже практически исчезают. Экспертная оценка, выполненная на основе аэровизуального обследования объектов и сравнительного анализа, позволяет сделать вывод о том, что наледи отдельных малых водосборных бассейнов можно успешно использовать как объекты показа в период с конца марта до начала июня. Особенностью, определяющей их привлекательность, является и то, что расположены они в непосредственной близости от природных памятников, которые являются излюбленными местами посещения туристов (рис.).

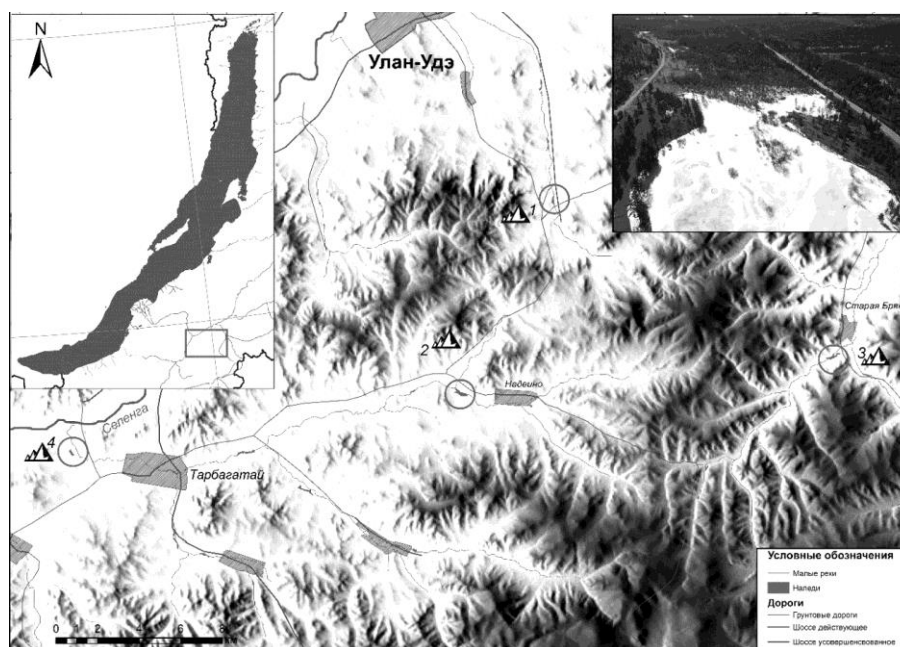

Рис. Карта-схема расположения привлекательных в туристическом отношении наледей. Цифрами обозначены места расположения популярных объектов посещения: 1 – Николаевские столбы, 2 – Надеинская пещера, 3 – Пещера «Старая Брянь», 4 – Караванка. Наледи обведены. На фото: наледь в районе пос. Николаевский

Перспективы превращение некоторых наледей подземных вод в туристско-рекреационные объекты вытекают из современных запросов потребителей туристических продуктов. Любителям активного отдыха уже недостаточно скал-останцев, водопадов, живописных видов, поэтому для них наледи будут являться новыми и интересными локациями. Это прекрасная возможность получить оригинальные фотографии среди льда в жаркий период конца весны и загар в ее самом начале, можно здесь и кататься на коньках.

На сегодняшний день такие природные объекты, как наледи, в Байкальском регионе известны только как источник риска возникновения чрезвычайных ситуаций. Между тем, в условиях расширения возможностей по привлечению туристов в регион, а также в рамках популяризации науки, наледи могут стать интересными объектами показа и логическим дополнением к уже существующим и развивающимся туристическим маршрутам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тулохонов А.К., Болданов Т.А., Базаржапов Ц.Ж., Бильгаев А.В., Янгутова А.Б., Dong S., Cheng H. Новые подходы к развитию туристического потенциала в Байкальском сегменте международного транспортного коридора «Один пояс – один путь» // Вопросы степеведения. 2022. № 1. С.50-59.
2. Алексеев В.Р. Наледеведение: словарь-справочник. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2007. 438 с.

3. Черных В.Н., Батоцыренов Э.А., Алымбаева Ж.Б. Наледи среднегорных районов бассейна оз. Байкал в условиях изменения климата // Экологические проблемы бассейна озера Байкал: сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. уч-ем: (Улан-Удэ, 28 августа – 01 сентября 2022 г.): электронное издание. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2022. с. 116-118.

4. Наледи-тарыны Северо-Востока России. Научно-популярный фильм. Проект Русского географического общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://coolhydro.ru/>

5. Николаев А.Н. Дендрохронологические исследования наледей в Центральной Якутии // Лед и снег. 2010. № 1 (109). С. 93-102.

Vladimir N. Chernykh

Baikal Institute of Nature Management SB RAS, Ulan-Ude

PROSPECTS FOR THE USE OF OBJECTS OF GEOCRYOLOGICAL NATURE IN TOURIST AND RECREATIONAL ACTIVITIES ON THE TERRITORY OF THE BAIKAL REGION

Abstract. *The paper considers the possibilities of increasing the attractiveness of tours to the natural attractions of Buryatia by expanding the range of display objects due to the ice formations of geocryological nature that are widespread on the territory - icings. The experience of using icings in tourist and recreational activities in the Republic of Sakha (Yakutia), the prospects for organizing similar routes in the suburbs of Ulan-Ude are described. Based on field observations and surveys, the most attractive and promising objects were selected, their descriptions and recommendations for inclusion in already implemented weekend tour routes are given.*

Keywords: *icing, tourist and recreational activities, Buluus, Baikal region, weekend tours, attractiveness.*

УДК 914/919

Шабалина С.А.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань

РОЛЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

Аннотация. *Китай и Россия – страны с колоссальным туристическим потенциалом и большими возможностями для его реализации. Сотрудничество с Китаем в области туризма является стратегическим для России, так как туристическая индустрия нашей страны только начала оправляться от недавних негативных последствий и нуждается в поддержке более сильного партнера для того, чтобы выйти на международный уровень и получить возможность в полной мере показать свой туристический потенциал.*

Китайская туристическая отрасль, получившая активное развитие только с началом реформ «открытости», за достаточно короткие сроки достигла высочайших показателей, извлекая выгоду сначала из въездного, а затем из выездного туризма. В связи с некоторыми политическими и экономическими ограничениями в последние годы, вся туристическая индустрия в России ощутила заметный спад. Однако внутренний туризм России на сегодняшний день претерпел положительные изменения и начал своё активное развитие.

Туристическое сотрудничество в приграничных районах оказывает незаменимое влияние на расширение обмена и укрепление дружбы между соседними регионами Китая и России, а также приносит значительную выгоду экономическому и социальному развитию в приграничных районах.

Таким образом, на сегодняшний день сотрудничество России с Китаем в области туризма является стратегическим и наиболее перспективным направлением как для России, так и для Китая. Активно поддерживая и развивая отношения, обе стороны имеют возможность в полной мере реализовывать свой туристический потенциал.

Ключевые слова: *туризм, российско-китайские отношения, туризм в Китае, туризм в России, приграничный туризм, геополитическое положение China Friendly.*

Сотрудничество с КНР в сфере туризма на сегодняшний день является одним из немногих перспективных направлений для России в плане выездного туризма. Китай, в свою очередь, активно распространяя свою культуру за рубеж, снабжает нашу страну наибольшим по численности въездным потоком туристов. Российской индустрии туризма для выхода на международный уровень необходимо планомерное развитие и решение существующих проблем отсутствия надлежащей инфраструктуры и качества туристических услуг, в то время как Китай на сегодняшний день находится на пути к становлению крупнейшей туристической державы. Соответственно, для России сотрудничество с Китаем как со страной с передовой индустрией туризма в данной сфере представляет колоссальную важность и необходимость, а для нас, в свою очередь, важность представляет изучение данных взаимоотношений и возможные перспективы их развития [1].

Правительство КНР и Государственное управление по делам туризма КНР всеми силами пытаются реализовывать туристский потенциал страны, проводя активную политику по развитию туризма в стране.

Но стоит отметить, что Китай долгое время был закрытой страной в плане въездного, международного туризма. Первые шаги в развитии индустрии туризма были предприняты Правительством КНР только во второй половине XX в.

Только в 1954 г. в Пекине было основано Бюро Международного Туризма (China International Travel Service), которое стало первым государственным органом, регулирующим туристическую индустрию страны. В 1964 г. в КНР было создано Государственное управление по делам туризма (ГУДТ КНР) – орган, который по сей день является ответственным за развитие туризма в государстве [12].

Туризм стал восприниматься китайцами иначе, когда в стране стали проводиться реформы «открытости» (1978 г.). В первые годы развития туризма в КНР страну в основном посещали этнические китайцы (то есть гонконгцы, тайванцы, а также выходцы из Макао), но с каждым годом интерес иностранных граждан к китайской культуре рос, и Китай принимал все больше и больше туристов из-за рубежа. Реформы «открытости», в первую очередь, положили начало развитию въездного туризма, так как въездной туризм на тот момент представлялся легким и быстрым способом обеспечения притока иностранной валюты в государство. Стремительно возраставший поток туристов способствовал открытию большого количества новых гостиниц разного уровня и, соответственно, зарождению новой экономической отрасли КНР – гостиничного бизнеса [7].

Помимо въездного туризма, новая политика государства также оказала положительное влияние и на внутренний туризм. Внутренний туризм в Китае всегда был многочисленным. Политика, проводимая Правительством в конце XX – начале XXI в. также оказала положительное влияние на увеличение внутренних (и выездных) туристических потоков. В 1999 г. было увеличено количество отпускных и выходных дней [10].

Говоря о внутреннем туризме КНР, не стоит также забывать и о таком его направлении, как «Красный туризм». Такие путешествия представляют собой посещение мест революционной славы КНР, и с каждым годом данное направление китайского туризма только набирает популярность, причем как среди пожилых китайцев, так и среди молодежи. А в 2004 г. развитие данного направления было объявлено приоритетной задачей в туристской отрасли КНР [6].

Началом перспективного развития сотрудничества между Россией и Китаем в области туризма можно считать 18 мая 1989 г., когда М.С. Горбачев нанес визит в КНР, а после (15-19 мая 1991 г.) состоялся ответный визит председателя КНР Цзян Цзэминя в СССР. Данный визит «открыл» Россию для Китая, и наша страна стала рассматриваться китайской стороной как перспективное направление для развития туризма. Ввиду кризисных явлений 1990-х гг., на данном этапе КНР в основном развивала двусторонние отношения с приграничными регионами России, и наибольшее внимание уделялось Дальнему Востоку России и Восточной Сибири. «Традиционными стали взаимные визиты официальных и деловых делегаций регионов, участие в выставках, конференциях, проведение презентаций и деловых форумов, проходящих в России и Китае» [8].

Период с середины 1990-х гг. по начало 2000-х ознаменован наиважнейшими Соглашениями, которыми оба государства руководствуются и по сей день. Во-первых, 3 декабря 1993 г. Правительства КНР и РФ подписали Соглашение «О сотрудничестве в области туризма», и это стало официальным документом, который ознаменовал начало и дальнейшее развитие взаимодействия в туристской сфере между двумя государствами. Для того чтобы увеличить численность потоков туристов из Китая в Россию и наоборот, а также расширить географию поездок, Россия и Китай подписали соглашение «О безвизовых групповых туристических поездках» (1993 и 2000 гг.), в рамках которого китайские туристические группы численностью от 5 до 50 человек могут посещать Россию без оформления визы. Такое значительное упрощение формальностей для въезда в Россию сыграло немаловажную роль в развитии отношений между двумя государствами. В 2006 г. появилась необходимость внести в данное соглашение некоторые поправки. Ввиду того, что стали частыми случаи, когда под видом туризма китайцами стали совершаться поездки в других целях, Правительство РФ приняло решение об ограничении сроков пребывания безвизовых туристов с 30 дней до 15. Помимо этого, внесенные изменения были направлены и на урегулирование правовых действий туроператоров, которые организовывали поездки по безвизовому режиму [8].

Для укрепления и расширения взаимовыгодных туристских связей между Китаем и Россией в период с 2006 г. по настоящее время создаются совместные масштабные проекты: Национальные годы России и Китая (2006-2007), Годы русского и китайского языков (2009-2010), Годы туризма (2012-2013), Годы российско-китайского молодежного обмена (2014-2015). В феврале 2018 г. был дан старт Годам межрегионального сотрудничества России и Китая (2018-2019). Каждый из вышеперечисленных проектов включает в себя несколько сотен мероприятий, таких как выставки, конференции, фестивали [8].

Россия становится все более интересной страной для китайских туристов в плане шоппинга. Согласно данным крупнейших торговых центров Москвы и Санкт-Петербурга, на долю китайцев сегодня приходит-

ся от 5 до 20 % выручки. Наибольшей популярностью пользуются люксовый сегмент товаров, часы, косметика и российские драгоценности (изделия из золота и янтаря). Также, в последнее время, увеличился спрос на отели и гостиницы класса «люкс» [44]. Экономные же гости обычно закупаются лишь сувенирной продукцией, отдавая за неё примерно 3-6 тыс. рублей. Матрёшка, шапка-ушанка, шоколад, водка, футболка с изображением Ленина или Путина и изделие из янтаря – и стандартный набор из России готов. Янтарь особенно интересен жителям Поднебесной, ведь данного вида камня просто нет в Китае. Китаец отдаст свои последние деньги, но купит заветный янтарный кулон или браслет.

Наиболее значимый фактор увеличения численности потока туристов из Китая в нашу страну – стремление к созданию в России благоприятной среды для пребывающих здесь китайских туристов. Сегодня все больше и больше гостиниц и ресторанов России присоединяются к программе «China Friendly», являющейся важнейшим проектом РФ по созданию комфортной среды для китайцев. Еще одной целью данной программы является продвижение российского турпродукта на международной арене и увеличение доходов от турбизнеса.

Китайский турист – целевое направление развития российской индустрии туризма на сегодня, и все туристические объекты страны стараются снабжать китайскоязычными указателями и гидами, служащими, говорящими на китайском языке и т.д. Согласно данным, полученным от Института маркетинговых исследований GfK, житель КНР тратит на одну турпоездку в среднем порядка 15 тыс. юаней (~2400 \$).

Наряду с Москвой и Петербургом, не меньшей популярностью пользуется и Приморский край. Так же привлекательным для китайских туристов является и Амурский регион. Именно поэтому в Амурской области активно ведется организация глобальных туров, включающих посещение объектов гидроэлектростанции и возможностью порыбачить на водохранилище. Так же достигнуты договоренности об организованной поездке на космодром Восточный, разрабатываются маршруты сельского туризма [4].

Еще одним открытием за последние несколько лет для китайских туристов стали г. Казань и оз. Байкал. Не малую роль в этом сыграло участие г. Казань в культурно-познавательном туре «Красного маршрута», посвященному возврату к истокам социалистического прошлого нашей страны.

Среди межрегиональных путешествий по Кавказу особое место занимает новый автобусный тур «Великий Шелковый Путь», начало которому было положено осенью 2016 г. В ходе данного тура туристы успевают побывать в каждом из регионов Северо-Кавказского Федерального округа, увидеть достопримечательности каждого из них и познакомиться со знаменитым кавказским гостеприимством. Организаторами маршрута выступили такие организации, как Минкавказ России, «Корпорации развития Северного Кавказа» и фонд «Посети Кавказ».

Открытие маршрута «Великий шелковый путь» позволит укрепить стратегическое взаимодействие между Россией и Китаем, считает Глава Дипломатического представительства Госуправления по делам туризма КНР в Москве Чжао Хунцин [3].

Отдельно хочется отметить, что в 2016 г. впервые было организовано путешествие группы китайских туристов (более 20 человек) в Республику Крым [3]. Целью их визита послужил историко-познавательный маршрут, включающий эпоху правления династии Романовых и Великой Отечественной войны. По словам главы комитета Госсовета Республики Крым по санаторно-курортному комплексу и туризму Алексея Черняка, в будущем они планируют организовать турпоток групп туристов из Поднебесной на регулярной основе [3]. Вообще Китай является одной из немногих влиятельных стран мира, которая приняла факт присоединения Крыма к России и не ввела против нашей страны никаких санкций, что еще раз подтверждает крепость связей между двумя государствами.

Иностранцам (из 18 стран), желающим посетить Дальневосточный регион России, уже начали выдавать электронные визы с 1 августа 2017 г. В то время пункт приема таких лиц располагался только в одном аэропорте Владивостока. Сейчас же таких пунктов стало уже шесть и планируется открытие еще нескольких (в Республике Бурятия и Забайкальском крае). Однако стоит отметить, что максимальное количество дней пребывания иностранцев в России по этой визе не должен превышать 8 дней [4].

Между Китаем и Россией проходит широкий приграничный район, где несколько десятков открытых портов-городов и пунктов пропуска. Так же хотелось бы отметить, что под «приграничными районами» России, в первую очередь понимаются такие регионы, как Амурскую область, Еврейская автономная область, Приморский и Хабаровский края. Со стороны Китая – это северо-восточные провинции Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин. В последние годы туризм между этими регионами двух стран начал довольно быстро и успешно развиваться.

Развитие приграничного туризма между двумя странами происходит в хороших природных и социально-экономических условиях. На Северо-Востоке Китая развита наземная транспортная система, а на Дальнем Востоке России – морская, наземная и воздушная транспортные сети. Между приграничными городами налажены транспортные связи.

Высокие технологии – это еще одна область, где у Пекина и Москвы активная совместная работа. Например, информационным агентством «Россия сегодня» и Международным радио Китая запустили новое российско-китайское приложение для мобильных устройств «Россия-Китай: главное». Их целью было создание информационного притяжения между двумя народами. Приложение работает на двух языках – русском и китайском. Оно позволяет читать новости по разным направлениям, включая туризм, смотреть фото и видео, прямые эфиры, слушать радио и многое другое. Ну и, конечно же, имеется русско-китайский переводчик для полного взаимопонимания. «Россия-Китай: главное» – принципиально новый информационный продукт, это первая в мире совместная СМИ двух стран в мобильном формате.

Много внимания при разработке уделили национальному коду и традициям обеих стран. Но создать такое приложение было не просто. Разработчики использовали одну из передовых технологий Big Data. Она позволяет ежесекундно обрабатывать огромные объемы данных, чтобы не только оперативно, но и точно доставлять пользователю только интересную и нужную именно ему информацию. С каждым годом приложение улучшается, разработчики прислушиваются к своей аудитории и добавляют информацию, которая, по результатам исследований будет более востребованной.

Приложение «Россия-Китай: главное» даже имеет свой логотип – два звена одной цепи, даже он указывает на тесные связи России и Китая.

На сегодняшний день важность для России представляет привлечение новых туристов из Китая. На данный момент нашу страну посещают в основном представители старшего поколения китайцев, которые помнят СССР и воспитывались на советской культуре. Для привлечения китайской молодежи как сегмента рынка, которые пока отдают предпочтение западному направлению, нужно не только улучшать качество услуг в туризме, но и предпринимать достаточно усилий по созданию комфортных условий нахождения молодых китайских туристов: сделать указатели на китайском языке; обучить персонал китайскому языку; активно позиционировать свой качественно сформированный турпродукт, который заинтересует не только взрослое поколение, но и молодёжь. Но нужно заметить, что меры по предотвращению ряда проблем уже предприняты: стали издаваться путеводители, справочники на китайском для некоторых регионов России, все чаще можно встретить китайское меню в отелях, ресторанах, у главных достопримечательностей городов, что значительно улучшило ситуацию в целом.

Собрав воедино и обдумав все претензии и недостатки в России от туристов из Китая, в 2014 г. была создана программа China Friendly. Именно она должна стать ключом к решению многих проблем, с которыми сталкиваются китайцы, решившие посетить Россию. Цель данного проекта – заинтересовать жителей Поднебесной приезжать в Россию с туристическими целями, путем развития сервиса и качественных услуг, адаптированного под китайскую аудиторию [5]. Стандарты China Friendly, по которым сегодня работают многие туристические организации в нашей стране – это не просто набор услуг, а среда, которая включает в себя, в первую очередь, уважительное и терпимое отношение к гостям и стремление обеспечить им более комфортную среду. В условиях построения данной среды множество сложностей, возникающих сегодня на китайском направлении, будут определяться скорее.

China Friendly объединяет около 100 организаций индустрии приема туристов в 17 регионах России. Участниками программы могут стать – гостиницы, рестораны, музеи, туроператоры и аэропорты. Данная программа вошла в структуру проекта Федерального агентства по туризму «Русское гостеприимство», связавшего программы приспособления сервиса для разных групп туристов по территории всей страны [12].

Так же, в рамках привлечения китайских туристов и расширения въездного рынка туризма, российской стороной был запущен еще один немаловажный и небезынересный для китайцев проект – «Красный маршрут». Этот тур включает в себя посещение нескольких городов: Москвы, Ульяновска (Родины В.И. Ленина), Казани и Санкт-Петербурга. Туристам из Китая будет показана современная Россия, они смогут узнать, что такое СССР, «прикоснуться» к богатому культурному наследию, ощутить весь колорит русской жизни, а также самое главное – пройти путём «вождя мирового пролетариата» и повязать красный галстук в Торжественном зале Ленинского мемориала [6].

В основу идеи проекта «Красный маршрут» заложены нормы для роста социальной базы дружбы двух государств, гуманитарные связи, способствующие укреплению обоюдного доверия и создающие крепкую общественную почву межгосударственного сотрудничества.

В настоящее время в рамках ностальгии по социалистическому прошлому, китайские туристы все более активно интересуются местами революционной славы СССР, таким образом, продвигая «Красный туризм» за пределы государства.

С каждым годом все больше новых регионов, связанных с советской историей нашей страны, изъявляют желание присоединиться к «Красному маршруту», что не может не радовать. Если расширение гео-

графии «Красного маршрута» будет продолжать так же стремительно расти, то в скором времени, можно будет уже говорить об этом проекте не как о межрегиональном, а как о международном [11].

У проекта «Красный маршрут», как и у China Friendly имеется официальный сайт с переводом сразу на двух языках: русском, китайском. То есть любой гражданин Китая может зайти на тот, или иной сайт и беспрепятственно посмотреть необходимую ему информацию. Так же у проекта есть еще и англоязычная версия сайта.

Если говорить о «Красном туризме» и «Красном маршруте» как об одном из важнейших направлений взаимодействия в области туризма между двумя нашими государствами, то наибольшую важность он представляет не только как способ привлечь туриста к нам, но и как способ расширения списка городов, посещаемых китайскими туристами в России.

И China Friendly, и «Красный маршрут» – оба проекта, которые были созданы с целью увеличения потока китайских туристов в Россию, а также с целью повышения осведомленности и заинтересованности граждан Китая в нашей стране. Данные проекты успешно продвигаются на китайском рынке, помогая продвижению российского турпродукта на международном рынке.

Сегодня Китай является самым перспективным туристским союзником России, поэтому в нашей стране появляется всё больше программ по упрочнению и развитию сотрудничества между двумя государствами.

В заключение хотелось бы сказать, что перспективы туристского взаимодействия между Россией и Китаем на сегодняшний день достаточно многообещающие, даже не смотря на неоднозначные прогнозы потоков российских туристов в Китай. Что же касается России, то по мнению участников рынка, в ближайшие несколько лет российский въездной рынок ждут значительные изменения, которые обозначат новые механизмы работы на российско-китайском направлении. Туристический бизнес будет более прозрачным, поменяется качество регионального турпродукта, появятся средства активного инвестирования туристических объектов России со стороны партнеров из Китая, а также новые формы взаимовыгодного сотрудничества между двумя государствами в области увеличения взаимных турпотоков.

Китай и Россия – страны с колоссальным туристическим потенциалом и большими возможностями для его реализации. Сотрудничество с Китаем в области туризма является стратегическим для России, так как туристическая индустрия нашей страны только начала оправляться от недавних негативных последствий и нуждается в поддержке более сильного партнера для того, чтобы выйти на международный уровень и получить возможность в полной мере показать свой туристический потенциал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Максимова В.И., Шабалина С.А. Современное состояние и перспективы развития туристских связей Китая и России / С.А. Шабалина, В.И. Максимова // Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма в России: сб. I Всерос. конф. Симферополь, 2018. С. 110-115.
2. Официальный сайт информационного агентства «РИА Новости». [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 13.01.2023).
3. Официальный сайт межрегионального туристического маршрута «Шелковый путь». [Электронный ресурс]. URL: <http://silkway.teatrain.ru/silkway-2018/#more-2165> (дата обращения: 14.01.2023).
4. Официальный сайт Правительства Амурской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amurobl.ru/> (дата обращения: 12.01.2023).
5. Официальный сайт программы China Friendly. [Электронный ресурс]. URL: <https://chinafriendly.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).
6. Официальный сайт проекта «Красный маршрут». [Электронный ресурс]. URL: <http://redrouterussia.com/#top> (дата обращения: 08.01.2023).
7. Официальный сайт туристической ассоциации «Мир без границ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.visit-russia.ru> (дата обращения: 07.01.2023).
8. Официальный сайт Федерального агентства по туризму. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russiatourism.ru/> (дата обращения: 02.01.2023).
9. «Российская газета» – издание Правительства РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).
10. «Синьхуа» – китайское государственное информационное агентство. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.news.cn> (дата обращения: 10.01.2023).
11. ТАСС – информационное агентство России. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/4951935> (дата обращения: 10.01.2023).
12. Туристический портал о Китае VisitChina.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://visitchina.ru> (дата обращения: 11.01.2023).

THE ROLE OF THE GEOPOLITICAL FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Abstract. China and Russia are countries with enormous tourism potential and great opportunities for its implementation. Cooperation with China in the field of tourism is strategic for Russia, as the tourism industry of our country has just begun to recover from the recent negative consequences and needs the support of a stronger partner in order to reach the international level and be able to fully show its tourism potential.

The Chinese tourism industry, which was actively developed only with the beginning of the “openness” reforms, has reached the highest levels in a fairly short time, benefiting first from inbound and then from outbound tourism. Due to some political and economic restrictions in recent years, the entire tourism industry in Russia has experienced a noticeable decline. However, domestic tourism in Russia today has undergone positive changes and began its active development.

Tourism cooperation in the border areas has an irreplaceable impact on expanding exchanges and strengthening friendship between the neighboring regions of China and Russia, and also brings significant benefits to the economic and social development in the border areas.

Thus, today cooperation between Russia and China in the field of tourism is a strategic and most promising area for both Russia and China. By actively maintaining and developing relations, both parties have the opportunity to fully realize their tourism potential.

Keywords: tourism, Russian-Chinese relations, tourism in China, tourism in Russia, border tourism, geopolitical position China Friendly.

УДК 338.46

Эйдельман Б.М.¹, Фахрутдинова Л.Р.¹, Эйдельман Л.О.^{1,2}

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет,

г. Казань

²МБУ МП Доверие,

г. Казань

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ БРЕНДИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В данной статье показаны пути создания территориальных брендов в современных условиях и их роль в развитии туризма. Показана важность работ по территориальному брендингу, прежде всего, для тех стран, которые только начинают активно заниматься развитием индустрии туризма на своей территории. Много внимания уделено необходимости разработки территориальных брендов в Республике Узбекистан и ее городах, являющихся центрами туризма в стране.

Ключевые слова: территориальный бренд, территориальный брендинг, туризм.

Активное развитие туристской индустрии во многих странах мира вызывает настоятельную необходимость повышения конкурентоспособности, как самого туристического продукта, так и туристских организаций, создающих эти продукты, и, как следствие этого процесса, индустрии туризма в целом. При этом следует помнить о том, что одним из важных факторов усиления конкурентных позиций стран и отдельных регионов в сфере туризма выступает разработка и продвижение территориальных брендов.

По моему мнению, территориальный бренд характеризует собой совокупность складывающихся представлений о соответствующем регионе в сознании людей, подкрепленный ценностными характеристиками данного региона в различных сферах деятельности: административной, рекреационной, спортивной, инновационной или какой-нибудь другой.

Территориальный брендинг – это процесс формирования, разработки и продвижения территориальных брендов в сознании местных жителей, туристов общественности, и властей с целью создания определенных репутационных преимуществ соответствующего региона [1].

Следует отметить, что работа по брендингу крайне важна для всех стран, ориентированных на развитие туристической индустрии, но особое значение она приобретает для тех стран, которые еще только начинают активно развивать туризм на своей территории. К числу таких стран, без сомнения, можно отнести и Республику Узбекистан.

По данным статистики к началу 2022 г. доля туризма в ВВП Республики немногим превышала 2,2 %. Для страны, обладающей огромным потенциалом в сфере туризма и гостеприимства, это довольно скром-

ная цифра. Понятно, что после эпидемии коронавируса туристический поток еще не восстановился в полной мере. К настоящему времени такая ситуация сложилась в большинстве стран мира, что по всей видимости является общемировой тенденцией.

Вместе с тем, Узбекистан имеет очень большие возможности для существенного роста всех показателей, связанных с функционированием туристской индустрии. Сюда можно отнести, в частности:

- большое число памятников всемирного культурного наследия, сосредоточенных в древних городах Республики – Самарканде, Бухаре, Хиве, Коканде и др.;
- благоприятные климатические условия, делающие возможным практически круглогодичное посещение страны туристами;
- наличие замечательного узбекского гостеприимства, притягивающего в Республику большое число туристов;
- возможности развития на территории Республики Узбекистан разнообразных видов туризма (помимо культурно-исторического) – гастрономического, медицинского, экологического, событийного и некоторых других;
- благожелательное отношение местных органов власти и широких слоев общественности к дальнейшему росту сферы туризма и гостеприимства, поскольку это создает благоприятные возможности для реализации крупных инфраструктурных проектов на территории Республики, создания новых рабочих мест, повышения уровня доходов и качества жизни местного населения.

Территориальное брендинг представляет собой систематический комплексный процесс, в котором принимают участие менеджеры туристской индустрии, маркетологи, представители органов государственной власти всех уровней от федерального и регионального до местного, средства массовой информации, активисты различных общественных организаций, а также местные жители [2].

Если говорить конкретно о Республике Узбекистан с учетом проблем, связанных с разработкой и продвижением территориальных брендов, то можно констатировать, что в настоящее время эта работа находится еще в начальной стадии. Совершенно очевидно, что для активного развития туризма в регионах Республики нельзя ограничиваться только разработкой общенационального бренда. Необходимо также создание территориальных брендов в регионах, особенно в тех, где имеются хорошо известные туристские дестинации. Дело в том, что без создания региональных брендов, способных наглядно показать особенности той или иной территории и находящихся на ней туристских дестинаций, невозможно обеспечить постоянный рост числа, как местных, так и зарубежных туристов в эти регионы [3].

Очень важным для Республики Узбекистан представляется нам разработка брендов городов, являющихся признанными центрами развития туризма в настоящее время. Сюда можно отнести помимо Ташкента, столицы Узбекистана, целый ряд городов. В их число, без сомнения, можно включить такие «жемчужины Востока» как – Самарканд, Бухара, Хива, Коканд и некоторые другие города, которые уже в течение длительного времени имеют довольно высокую туристско-рекреационную притягательность для огромного числа туристов со всех уголков земного шара [4].

При разработке подобного бренда, в данном случае его можно назвать туристским (и он выступает в данном случае как разновидность территориального) необходимо обязательно учитывать основные достопримечательности соответствующего региона. Например, для Самарканда это будут, скорее всего, Регистан, Ансамбль мавзолеев Шахи Зинда или обсерватория Улугбека. При этом можно представить такие слоганы как:

- «Самарканд – ярчайшая жемчужина Востока»;
- «Седая древность и вечная молодость Самарканда»;
- «Самарканд – сказка 1001 ночи наяву» и т.д.

Создание подобных брендов Самарканда и ряда других городов, признанных туристских центров Республики Узбекистан, будет способствовать формированию позитивных отношений узнаваемости, доверия и симпатии и, в конечном итоге, приведет к значительному увеличению туристского потока в этот регион. Следствием этого станет существенное улучшение показателей социально-экономического развития Республики Узбекистан, а также постепенное превращение его в один из крупнейших центров туризма во всем мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Эйдельман Б.М., Бунаков О.А., Фахрутдинова Л.Р. Разработка и продвижение территориальных брендов как фактор повышения инвестиционной привлекательности региона // Экономическое развитие общества в современных кризисных условиях. Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. В 3-х частях. Самара, 2017. С. 271-275.

2. Эйдельман Б.М. Формирование региональных брендов как фактор развития культурного туризма в регионе (на примере Республики Татарстан) // Дополнительное профессиональное образование как стратегический ресурс развития культуры регионов: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 19 апреля 2017 г.). Казань: Медицина, 2017. С. 367-375.

3. Эйдельман Б.М., Пономарева С.И., Васенева Н.А., Бунаков О.А. Брендинг территорий как важный фактор повышения конкурентоспособности регионов в современных условиях // Вестник РМАТ. 2018. № 1. С. 55-60.

4. Эйдельман Б.М., Эйдельман Л.О. Особенности развития индустрии туризма после окончания пандемии коронавируса // Вестник «ТИСБИ». 2021. № 1. С.58-65.

Boris M. Eidelman¹, Lilia R. Fakhrutdinova¹, Lubov O. Eidelman^{1,2}

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan;

²MBU MP Trust, Kazan

TERRITORIAL BRANDING AS ONE OF THE IMPORTANT FACTORS OF TOURISM DEVELOPMENT IN MODERN CONDITIONS

***Abstract.** This article shows the ways of creating territorial brands in modern conditions and their role in the development of tourism. The importance of territorial branding works is shown, first of all, for those countries that are just beginning to actively engage in the development of the tourism industry on their territory. Much attention is paid to the need to develop territorial brands in the Republic of Uzbekistan and its cities, which are the centers of tourism in the country.*

***Keywords:** territorial brand, regional branding, tourism.*

УДК 911.3:316

Яковенко И.М., Страчкова Н.В.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В КРЫМУ

***Аннотация.** Мифологические ресурсы территории рассматриваются как социокультурный феномен, средство производства и продвижения национального и регионального туристского продукта. На примере Крыма выявлены важнейшие географические объекты – мифологические туристские аттракции, изучена этническая структура мифов и легенд и степень их пространственной дифференциации.*

***Ключевые слова:** миф, мифологические туристские ресурсы территории, сторителлинг, туристская дестинация.*

Современной тенденцией развития туристской отрасли является переход на принципы «экономики впечатлений», когда объектом потребления и продажи выступает не продукт или отдельная услуга, а положительный туристский опыт, туристское впечатление [1], включающее значительный объем эмоциональной составляющей. Это обуславливает формирование процесса «коммерциализации человеческих чувств» [2] и перенос внимания с обеспечения объема и качества реального природного и культурно-исторического наследия туристской дестинации на такие ее свойства, как уникальность, новизна, экзотичность, что не только определяет потенциальное богатство эстетических, эмоциональных и ассоциативных впечатлений, которые могут получить туристы, прибывшие в район, но и формируют конкурентные преимущества данной дестинации среди прочих дестинаций туристского рынка.

В туризме ценность сторителлинга как инструмента формирования и продвижения бренда туристских дестинаций осознали сравнительно недавно, и за последние несколько десятилетий сформировалось целое практическое направление, ориентированное на освоение важнейшего для любого туриста ресурса – нарратива в виде историй, мифов, легенд, преданий, жизнеописаний и пр. [3], которые становятся самостоятельными аттракторами, дополняющими или в отдельных случаях заменяющими традиционные объекты туристского интереса.

Современные геополитические и социально-экономические процессы диктуют необходимость рассмотрения мифологических туристских ресурсов региона как социокультурного феномена, важнейшего средства идеологического воздействия на потребительскую аудиторию, инструмента формирования устойчивого позитивного образа, отражающего реальную идентичность населения полиэтничного региона.

Туристское пространство Крыма в достаточной степени мифологизировано; мифы, легенды и предания уже давно прочно закрепились в структуре туристско-рекреационных ресурсов региона и действующих туристско-экскурсионных программах. Многие известные туристские дестинации имеют собственные популярные мифы и легенды, выступающие визитной карточкой того или иного объекта [4]. Это про-

является в тематике и содержании экскурсий, направленности и формах туристской анимации, создании тематических центров и опорных пунктов туристско-экскурсионных маршрутов.

Анализ основных сборников собраний мифов и легенд, посвященных Крыму [5–8], позволил выявить около 120 мифов, легенд и преданий, в которых нашли отражение различные географические объекты (табл.).

Таблица

Мифологические ресурсы – географические объекты Крыма

Тип объекта	Мифологические объекты – туристские аттракции
Геоморфологические объекты, в том числе:	
Горы	гг. Фунна (Демерджи), Чатырдаг, Кастель, Аю-Даг, Крестовая, Шан-Кая, Опук, Ифигения, Митридат, Кара-Даг, Лысяя гора, Отлу-Кая, Эчкидаг, Келисэ-Кая, Куш-Кая, Агармыш
Скалы, камни	Скала Святого Георгия, Адалары, скалы Верхней Никиты, Дива, Кошка, Монах, Басман, камни Мать и Дочь, Камни-Корабли, Орлиный залет, Курбан-Кая, Делик-ли-Кая
Пляжи	Золотой пляж (Ялта)
Мысы	Мыс Казантип, мыс Ильи
Пещеры	Тысячеголовая, Кызылгаш
Водные объекты, в том числе:	
Моря	Черное море
Реки, озера	рр. Хаста-Баш, Чурук-Су, Бельбек, озеро Сакское
Источники, родники	Источник под г. Ай Петри, родник Святославы, источник Святого Саввы, Ванна молодости (Большой каньон)
Биологические объекты, в том числе:	
Флористические объекты	Кизил, тополь, гранат, кипарис
Фаунистические объекты	Медведь, кошка, лебедь
Социально-экономические объекты, в том числе:	
Населенные пункты	Сугдея (Судак), Каффа (Феодосия), Массандра, Никита, Ялос (Ялта), Херсонес, Бахчисарай, Семь Колодезей (Ленинский район), Пантикапей (Керчь), Гезлев (Евпатория), Алустон (Алушта), Солхат (Старый Крым), Кохтебель (Коктебель)
Оборонительные сооружения	Кырк-Ор, крепость Сугдея, Перекопский ров
Пещерные города	Мангуп, Тепе-Кермен
Культовые объекты	Святая могила на Папас-Тепэ, Церковь святого Ильи в деревне Тотлук, Ай-Савская долина, Мечеть Мюск-Джами, Мечеть Султан-Салэ
Иные объекты	Скульптуры «Русалка», «Фонтан», Фонтан слез, Кутузовский фонтан

Наиболее многочисленную группу объектов, с которыми связаны мифы и легенды, используемые в экскурсионных программах Крыма, составляют геоморфологические объекты – горы, скалы, камни, чаще всего расположенные вблизи аттрактивных туристских центров или маршрутов.

Основными типами легенд по тематике являются космогонические, героические и этические, главные места распространения – районы древних поселений. По степени насыщенности мифологическими ресурсами выделяются районы Южного, Юго-Западного, Юго-Восточного и Центрального (Горно-Предгорного) рекреационных районов Крыма; в степных районах полуострова мифотворчество не оставило заметных следов [9].

Большинство легенд Крыма, помимо привязки к определенной географической локации, отражает особенности быта, культуры, традиций, обычаев народов, населявших Крым в различные исторические периоды. Более всего представлены мифы и легенды народов тюркской группы, греков и славян (рис. 1), в ряде мифов действующие персонажи и сюжеты характеризуются полиэтничностью, что отражает кросс-культурный генезис и историческую рубежность Крымского региона.

Обобщая, следует отметить, что мифологические ресурсы имеют значительный потенциал для развития специализированных (нишевых) видов туризма, а при наличии доминантного мифа могут стать основой организации туристского продукта региона, главным образом, в контексте развития познавательного природного и культурного (экскурсионного) туризма, этнографического, событийного и фестивального туризма. Важную роль мифологические ресурсы призваны сыграть в налаживании производства и сбыта тематической сувенирной продукции, оформлении интерьеров гостиниц и ресторанов, изменении эстетических свойств культурного ландшафта. С помощью возрождения старых и создания новых мифов воз-

можно расширение ресурсного туристского потенциала территории, формирование системы новых туристских дестинаций и анимационных объектов, проведение мероприятий, стимулирующих туристскую активность.

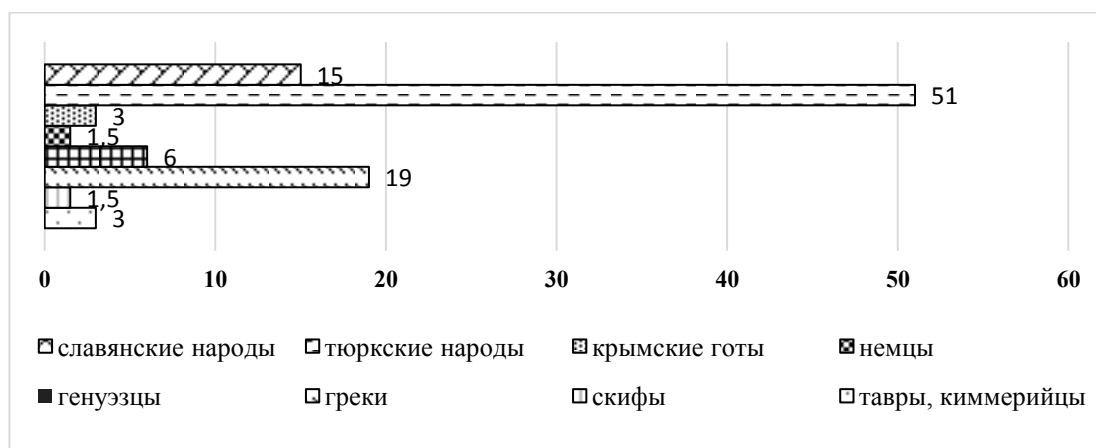

Рис. 1. Структура мифологических ресурсов Крыма в зависимости от упоминаемого этноса, %
Составлено авторами

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Афанасьев О.Е. Опыт внедрения инноваций при предоставлении экскурсионных услуг / О.Е. Афанасьев // Стратегические изменения в сфере туризма и гостеприимства: поиск нового вектора развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 21 сентября 2018 г. / под ред. Е.Е. Коноваловой. М.: РУСАЙНС, 2018. С. 28-35.
2. Сувалко А.С. Эмоциональный капитализм: коммерциализация чувств: препринт WP20/2013/05. / А.С. Сувалко. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 48 с.
3. Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Сторителлинг дестинаций как современная технология туризма / О.Е. Афанасьев, А.В. Афанасьева // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. № 3. С. 7-24
4. Троценко А.В. Контент-анализ легенд как ресурсной составляющей туристского пространства Крыма / А.В. Троценко // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontent-analiz-legend-kak-resursnoy-sostavlyayuschey-turistskogo-prostranstva-kryma> (дата обращения: 27.01.2023).
5. Кондараки В.Х. Легенды Крыма / В.Х. Кондараки. Москва: Типография В.В. Чичерина, 1883. 100 с.
6. Легенды Крыма / под ред. Г. Таран. Симферополь: Изд. Крымиздат, 1961. 252 с.
7. Легенды и сказания Крыма / под ред. А. Таврического [Электронный ресурс]. URL: <https://knigogid.ru/books/1235501-legendy-i-skazaniya-kryma/toread?ysclid=ldh7mlswgn455731043> (дата обращения: 20.01.2023).
8. Легенды Крыма / сост. М.С. Филатова. Симферополь: Изд-во Бизнес-Информ, 2006. 197 с.
9. Яковенко И.М., Якубова Ф.А. Мифологические ресурсы и направления их исследования для целей туризма / И.М. Яковенко, Ф.А. Якубова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2016. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologicheskie-resursy-i-napravleniya-ih-issledovaniya-dlya-tseley-turizma> (дата обращения: 29.01.2023).

Irina M. Yakovenko, Natalya V. Strachkova
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

MYTHOLOGICAL RESOURCES AS A FACTOR OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE CRIMEA

Abstract. The mythological resources of the territory are considered as a socio-cultural phenomenon, a means of production and promotion of national and regional tourist products. On the example of Crimea, the most important geographical objects – mythological tourist attractions are identified, the ethnic structure of myths and legends and the degree of their spatial differentiation are studied.

Keywords: myth, mythological tourism resources of the territory, storytelling, tourist destination.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Агафшин Максим Михайлович**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, г. Москва
2. **Адашова Татьяна Алексеевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максакковского Географического факультета, Московский педагогический государственный университет, г. Москва
3. **Алексеева Юлия Петровна**, ассистент кафедры сервиса и туризма Института управления экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
4. **Андреев Максим Владимирович**, заместитель начальника отдела аналитики и мониторинга выборов Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ, г. Санкт-Петербург
5. **Андреев Сергей Геннадьевич**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геоэкологии, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
6. **Андреева Алёна Михайловна**, инженер 2 категории, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
7. **Анимица Евгений Георгиевич**, Заслуженный деятель науки РФ, доктор географических наук, профессор, главный советник при ректорате, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург
8. **Антипина Юлия Вадимовна**, ведущий инженер, Институт географии СО РАН им. В.Б. Сочавы, г. Иркутск
9. **Антюфеева Татьяна Валерьевна**, кандидат географических наук, доцент, руководитель Высшей экологической школы, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск
10. **Аюржанаев Александр Андреевич**, кандидат технических наук, старший научный сотрудник лаборатории геоэкологии, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
11. **Бабиков Владимир Александрович**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры технологического образования и профессионального обучения, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
12. **Бабкин Роман Александрович**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы», Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва
13. **Бабурин Вячеслав Леонидович**, профессор, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
14. **Бадалов Этибар Санан оглы**, кандидат географических наук, доцент, старший научный работник отдела демография и география населения, Институт Географии им. акад. Г.А. Алиева НАНА при Министерстве науки и образования Азербайджанской Республики, г. Баку (Республика Азербайджан)
15. **Бадина Светлана Вадимовна**, кандидат географических наук, научный сотрудник НИЛ геоэкологии Севера географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва; старший научный сотрудник, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва
16. **Бадмаев Алдар Геннадьевич**, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
17. **Бадмаев Нимажап Баяржапович**, доктор биологических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией географии и экологии почв, Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН, г. Улан-Удэ
18. **Базаров Кирилл Юрьевич**, кандидат географических наук, научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
19. **Бакланов Петр Яковлевич**, академик РАН, доктор географических наук, профессор, вице-президент Русского географического общества, научный руководитель института, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
20. **Балина Татьяна Анатольевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
21. **Барина Вера Александровна**, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией исследований проблем устойчивого развития, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; заведующий лабораторией инновационной экономики, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, г. Москва

22. **Бардаханова Таисия Борисовна**, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
23. **Батомункуев Валентин Сергеевич**, кандидат географических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
24. **Батоцыренов Эдуард Аюрович**, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории геоинформационных систем, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
25. **Баутиста Хьюго**, доцент, кандидат биологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
26. **Безруков Леонид Алексеевич**, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
27. **Белицкий Максим**, Бизнес-школа Хенли, Университет Рединга, Рединг, Великобритания; Бизнес-школа ICD, IGS-Group, Париж, Франция
28. **Белозеров Виталий Семенович**, доктор географических наук, профессор, директор Института наук о Земле, профессор кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
29. **Бешенцев Андрей Николаевич**, доктор географических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией геоинформационных систем, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
30. **Биктимиров Нияз Миннахматович**, кандидат географических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
31. **Бильгаев Алексей Владимирович**, доктор (PhD), научный сотрудник, Институт географии и природных ресурсов Китайской академии наук, г. Пекин (Китай); научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
32. **Битюкова Виктория Расуловна**, профессор, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
33. **Биче-оол Татьяна Николаевна**, старший преподаватель кафедры географии и туризма, Тувинский государственный университет, г. Кызыл
34. **Бобровский Роман Олегович**, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
35. **Богатуров Дмитрий Сергеевич**, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
36. **Богданов Виктор Николаевич**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии СО РАН им. В.Б. Сочавы, г. Иркутск
37. **Болхосоева Елена Борисовна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и геоэкологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
38. **Борисенко Максим Александрович**, старший преподаватель Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Тюменского государственного университета, г. Тюмень
39. **Бочарников Владимир Николаевич**, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
40. **Будаева Дарима Гармаевна**, кандидат географических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
41. **Булатова Гульнара Нуровна**, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник АО «Центральный научно-исследовательский институт геологии нерудных полезных ископаемых», г. Казань
42. **Булатова Гульнара Фаридовна**, ассистент кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
43. **Бунаков Олег Александрович**, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
44. **Бурнасов Александр Сергеевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
45. **Быков Николай Иванович**, кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул
46. **Валиахметова Гульнара Ниловна**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
47. **Ван Хуанле**, профессор государственной ключевой лаборатории системы информации о ресурсах и окружающей среде, Институт географических наук и исследования природных ресурсов Китайской академии наук

48. **Верхозина Валентина Александровна**, доктор технических наук, профессор, Иркутский государственный технический университет, Иркутск
49. **Верхозина Елена Владимировна**, кандидат биологических наук, ведущий инженер, Институт Земной коры СО РАН, Иркутск
50. **Вишняков Николай Владимирович**, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры географии и картографии, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград
51. **Власова Наталья Юрьевна**, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург
52. **Водичев Евгений Григорьевич**, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск; профессор Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск
53. **Волошенко Ксения Юрьевна**, кандидат экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград
54. **Вольхин Денис Антонович**, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры физической и социально-экономической географии, ландшафтоведения и геоморфологии, Крымский федеральный университет, г. Симферополь
55. **Вульфович Ревекка Михайловна**, профессор, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург
56. **Габеева Дарима Аркадьевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры вычислительной техники и информатики, начальник управления довузовской подготовки, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
57. **Галустов Кирилл Артёмович**, аспирант, научный сотрудник, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
58. **Гераськина Элеонора Сергеевна**, студентка, Казанский (Приволжский) федеральный университета, г. Казань
59. **Гольцман Анна Владимировна**, бакалавр, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
60. **Гомбоев Баир Октябрьевич**, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
61. **Гонтарь Николай Владимирович**, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
62. **Гончиков Цыбен Дашицыренович**, кандидат географических наук, доцент, профессор кафедры географии и геоэкологии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
63. **Горохов Станислав Анатольевич**, доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, г. Москва
64. **Горячко Мария Дмитриевна**, кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебной работе, заведующий научно-исследовательской лабораторией регионального анализа и политической географии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
65. **Грибанова Галина Исааковна**, профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры международных политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
66. **Грибок Марина Владимировна**, кандидат географических наук научный сотрудник, географический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
67. **Гусаков Тимур Юрьевич**, научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва
68. **Даньшин Александр Иванович**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России, Московский государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва; доцент кафедры географии естественно-географического факультета, Смоленский государственный университет, г. Смоленск
69. **Демидов Михаил Олегович**, научный сотрудник лаборатории стратегического развития и евразийской интеграции, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург
70. **Демидова Ксения Викторовна**, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва

71. **Деточенко Лилия Валерьяновна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, геоэкологии и методики преподавания географии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград
72. **Джумаев Бобир Аскарлович**, аспирант кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г. Казань
73. **Диденко Дмитрий Юрьевич**, аспирант, факультет политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург
74. **Дирин Денис Александрович**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой физической географии и экологии, Тюменский государственный университет
75. **Дмитриев Руслан Васильевич**, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, г. Москва
76. **Добрякова Валентина Аркадьевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры картографии и геоинформационных систем, Институт наук о Земле, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
77. **Доржонова Юлия Донидовна**, аспирант кафедры географии и геоэкологии, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
78. **Дружинин Александр Георгиевич**, доктор географических наук, профессор, Президент Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону; ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, г. Москва
79. **Дугарова Гэрэлма Банзаровна**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии СО РАН им. В.Б. Сочавы, г. Иркутск
80. **Емельянова Наталья Владимировна**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии СО РАН им. В.Б. Сочавы, г. Иркутск
81. **Есикова Виктория Олеговна**, аспирант, кафедры социально-экономической географии, Институт наук о Земле, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
82. **Есипова Светлана Александровна**, доцент, кандидат географических наук, доцент Института цифровой экономики, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск
83. **Жамьянова Юлия Батоевна**, ведущий инженер, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
84. **Жирнова Лидия Сергеевна**, научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений, Институт международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва
85. **Житин Дмитрий Викторович**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
86. **Заборцева Татьяна Ивановна**, доктор географических наук, доцент, заведующий лабораторией экономической и социальной географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
87. **Самбунова Светлана Алексеевна**, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
88. **Закиров Ильнур Вагизович**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма, георбанистики и экономической географии факультета наук о Земле и туризма, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа
89. **Заляза Никита Юрьевич**, студент 4-го курса географического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
90. **Замалетдинов Ренат Ирекович**, кандидат биологических наук, доцент кафедры природообустройства и водопользования Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
91. **Замятин Дмитрий Николаевич**, доктор культурологии, главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского, факультет городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
92. **Зангеева Наталья Робертовна**, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
93. **Засядь-Волк Владимир Валентинович**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры землеустройства и кадастров, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
94. **Затолокин Александр Сергеевич**, магистрант кафедры геоэкологии и природопользования, Тюменский государственный университет, г. Тюмень

95. **Захарова Юлия Сергеевна**, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
96. **Земцов Степан Петрович**, кандидат географических наук, директор Центра экономической географии и регионалистики, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва
97. **Зенькова Инга Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики, Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, (Республика Беларусь)
98. **Зольникова Юлия Федоровна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
99. **Зырянов Александр Иванович**, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
100. **Зырянов Григорий Александрович**, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва
101. **Зырянова Инна Станиславовна**, старший преподаватель кафедры туризма, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
102. **Ибрагимов Айдын Исмаил оглы**, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической, политической географии зарубежных стран и туризма Бакинского Государственного Университета, г. Баку (Республика Азербайджан)
103. **Иванова Анастасия Игоревна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск
104. **Иванова Сембрика Нимаевна**, доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
105. **Иванова Юлия Павловна**, кандидат географических наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
106. **Ивлиева Ольга Васильевна**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры туризма Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
107. **Илюшкина Мария Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
108. **Иманов Фарда Али оглы**, доктор географических наук, профессор, проректор по организации учебного процесса и технологиям обучения, Бакинский Государственный Университет, г. Баку (Республика Азербайджан)
109. **Имрани Заур Тахир**, доктор (PhD) по географии, доцент, исполнительный директор, Институт географии им. акад. Г.А. Алиева НАНА при Министерстве Науки и Образования Азербайджанской Республики, г. Баку (Республика Азербайджан)
110. **Исупова Екатерина Николаевна**, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск
111. **Итегелова Анна Петровна**, старший преподаватель, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск
112. **Каледин Николай Владимирович**, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
113. **Калуцков Владимир Николаевич**, профессор, доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
114. **Канитаева Карима Паритовна**, доцент, Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова, г. Кокшетау (Республика Казахстан)
115. **Катровский Александр Петрович**, профессор, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Смоленский государственный университет, г. Смоленск
116. **Кашин Алексей Александрович**, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
117. **Кириллов Сергей Николаевич**, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры рационального природопользования географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
118. **Ковалев Юрий Юрьевич**, кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, департамента международных отношений, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

119. **Козлов Михаил Олегович**, магистрант географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
120. **Колдобская Наталья Андреевна**, кандидат географических наук, младший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва; доцент Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского факультета городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва
121. **Коломак Евгения Анатольевна**, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом территориальных систем, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск; профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск
122. **Комарова Елена Евгеньевна**, инженер кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
123. **Комов Игорь Владимирович**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет, г. Воронеж
124. **Константинова Александра Сергеевна**, студентка 4 курса кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Пушкин
125. **Коньшев Евгений Валерьевич**, кандидат географических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
126. **Корытный Леонид Маркусович**, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
127. **Кравченко Наталия Александровна**, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск; профессор кафедры менеджмента экономического факультета, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск
128. **Красноярова Бэлла Александровна**, доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией ландшафтно-водноэкологических исследований и природопользования, главный научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул; профессор кафедры экономической географии и картографии, Алтайский государственный университет г. Барнаул
129. **Красноштанова Наталья Евгеньевна**, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии СО РАН им. В.Б. Сочавы, г. Иркутск
130. **Кубышкина Елена Николаевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры теории и методики географического и экологического образования Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
131. **Кудрявцев Андрей Федорович**, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики Института естественных наук, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
132. **Кузнецова Эльза Афанасьевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и экологии, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
133. **Кузьмин Юрий Васильевич**, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности, научный руководитель Центра изучения Монголии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск
134. **Куклина Мария Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры АиУ, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск
135. **Куница Марина Николаевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, экологии и землеустройства, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск
136. **Лекомцев Александр Леонидович**, старший преподаватель кафедры географии, картографии и геоинформатики, Институт естественных наук, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
137. **Ли Сяолин**, доктор наук, доцент, Северо-Восточный педагогический университет, г. Чаньчунь, Китай
138. **Лимпинская Алла Андреевна**, старший преподаватель кафедры туризма, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
139. **Логвина Елена Владимировна**, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма Таврической академии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
140. **Лой Дмитрий Константинович**, аспирант, Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

141. **Лубсанова Наталья Борисовна**, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
142. **Лучников Андрей Сергеевич**, старший преподаватель, географический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
143. **Лыгденова Арюна Борисовна**, ведущий инженер, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
144. **Лю Чэнь**, аспирант кафедры туризма Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
145. **Любичанковский Алексей Валентинович**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург
146. **Лялина Анна Валентиновна**, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград
147. **Ма Цзя**, аспирант кафедры туризма Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
148. **Макар Светлана Владимировна**, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
149. **Макаров Александр Валерьевич**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
150. **Макарова Елена Владиславовна**, доцент, кандидат экономических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ
151. **Максанова Людмила Бато-Жаргаловна**, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
152. **Максимов Дмитрий Васильевич**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры международного туризма и менеджмента, Кубанский государственный университет, г. Краснодар
153. **Макушин Михаил Алексеевич**, магистрант, ведущий инженер кафедры экономической и социальной географии России географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
154. **Малов Владимир Юрьевич**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск
155. **Мальганова Ирина Григорьевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и картографии Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
156. **Мандах Нямцэрэн**, доктор, Институт географии и геоэкологии Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия
157. **Мартынов Василий Львович**, профессор, доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
158. **Марциневская Лариса Владимировна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
159. **Машуков Михаил Юрьевич**, аспирант, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
160. **Медведникова Дарина Михайловна**, младший научный сотрудник Центра пространственного анализа и региональной диагностики, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
161. **Мелентьев Борис Викторович**, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск
162. **Мельникова Лариса Викторовна**, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела территориальных систем, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск
163. **Меркушев Сергей Александрович**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и кафедры туризма, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
164. **Мингалиев Тимур Радикович**, студент (архитектор), Казанский государственный архитектурно-строительный университет, г. Казань
165. **Миненкова Вера Владимировна**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической, социальной и политической географии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

166. **Михеева Наталия Михайловна**, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
167. **Монгуш Снежана Петровна**, аспирант, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск; младший научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, г. Кызыл
168. **Морковская Дарья Николаевна**, магистрант кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
169. **Мотошкина Марина Александровна**, кандидат географических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
170. **Мошков Анатолий Владимирович**, доктор географических наук, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
171. **Мустафин Марат Рафаэлевич**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
172. **Нагиев Салех Касум оглу**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой География Азербайджана и методики преподавания географии, Бакинский государственный университет, г. Баку (Республика Азербайджан)
173. **Никифоров Сергей Александрович**, аспирант кафедры экономики, Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк (Республика Беларусь)
174. **Николаев Роман Сергеевич**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
175. **Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, безопасности жизнедеятельности и технологии факультета естественных наук, математики и технологий, Забайкальский государственный университет, г. Чита
176. **Новикова Анна Александровна**, старший преподаватель, соискатель, Калининградский государственный технический университет, г. Калининград
177. **Оберюхтина Татьяна Евгеньевна**, старший преподаватель кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
178. **Омирзакова Мирослава Жамбыловна**, докторант, Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, г. Астана (Республика Казахстан)
179. **Орлова Елена Сергеевна**, младший научный сотрудник лаборатории водных ресурсов и водопользования, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул
180. **Осоргин Константин Сергеевич**, ассистент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
181. **Павлов Константин Викторович**, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк (Республика Беларусь)
182. **Панасюк Михаил Валентинович**, профессор, доктор географических наук, профессор кафедры географии и картографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
183. **Панков Сергей Викторович**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры экологии и природопользования Института естествознания, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов
184. **Петелин Сергей Михайлович**, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры географии и геоэкологии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
185. **Петров Юрий Владимирович**, кандидат географических наук, доцент кафедры геоэкологии и природопользования, Тюменский государственный университет, г. Тюмень
186. **Писаренко Сергей Васильевич**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Пушкин
187. **Полтев Александр Евгеньевич**, магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
188. **Полуэктова Елена Анатольевна**, учитель географии МБОУ «Кардымовская средняя школа имени Героя Советского Союза С.Н. Решетова», пгт Кардымово, Смоленская область
189. **Полякова Татьяна Анатольевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
190. **Полякова Яна Рафаиловна**, старший преподаватель кафедры картографии и геоинформатики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

191. **Попкова Людмила Ивановна**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии Курского государственного университета, г. Курск
192. **Поспишенко Мария Александровна**, аспирант кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
193. **Потоцкая Татьяна Ивановна**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, Смоленский государственный университет, г. Смоленск
194. **Прудникова Татьяна Николаевна**, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Центр биосферных исследований Республики Тыва, г. Кызыл
195. **Пудовик Елена Михайловна**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии и картографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
196. **Размахнина Юлия Сергеевна**, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
197. **Родионова Ирина Александровна**, доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, г. Москва
198. **Рожко Михаил Викторович**, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
199. **Рубцов Владимир Анатольевич**, профессор, доктор географических наук, профессор кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
200. **Рубцова Алина Владимировна**, студент (реконструктор-реставратор), Казанский государственный архитектурно-строительный университет, г. Казань
201. **Рыбкина Ирина Дмитриевна**, доктор географических наук, доцент, заведующий лабораторией водных ресурсов и водопользования, ведущий научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул
202. **Рыгзынов Тумун Ширапович**, младший научный сотрудник лаборатории геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
203. **Савельев Павел Сергеевич**, научный сотрудник лаборатории стратегического развития и евразийской интеграции, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург
204. **Савельева Полина Борисовна**, главный специалист отдела землепользования и имущественных отношений ГКУ «Ленавтодор», г. Санкт-Петербург
205. **Саввинова Антонина Николаевна**, кандидат географических наук, доцент эколого-географического отделения, Институт естественных наук, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск
206. **Садыкова Эржена Цыреновна**, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
207. **Сазонова Ирина Евгеньевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
208. **Сазонова Нина Васильевна**, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
209. **Сазонова Оксана Александровна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, г. Воронеж
210. **Самбуров Кирилл Владимирович**, ведущий эксперт по пассажирскому транспорту Общества с ограниченной ответственностью «Центр экономики инфраструктуры», г. Москва
211. **Санжеев Эрдэни Доржиевич**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономики природопользования, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
212. **Сат Сайгаа Аясовна**, инженер лаборатории геоэкологии, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
213. **Саттарова Гульнара Ансафовна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры туризма, геоурбанистики и экономической географии факультета наук о Земле и туризма, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа
214. **Сафронов Сергей Геннадьевич**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
215. **Сергеева Айгул Максатовна**, кандидат географических наук, доцент, Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, г. Актобе (Республика Казахстан)

216. **Сидоров Валерий Петрович**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии, картографии и геоинформатики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск
217. **Сидоров Игорь Васильевич**, аспирант кафедры географии, Смоленский государственный университет, г. Смоленск
218. **Слипенчук Михаил Викторович**, доктор экономических наук, заведующий кафедрой рационального природопользования географического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва
219. **Смирнов Владимир Евгеньевич**, аспирант кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
220. **Смирнов Илья Петрович**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования, Тверской государственный университет, г. Тверь
221. **Смирнова Александра Андреевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования, Тверской государственный университет, г. Тверь
222. **Соловьев Иван Алексеевич**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
223. **Солонго Цогтбаатар**, магистрант, Институт географии и геоэкологии Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия
224. **Сопнев Николай Владимирович**, аспирант кафедры социально-экономической географии, Институт наук о Земле, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
225. **Сорокин Егор Александрович**, студент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
226. **Степанов Анатолий Владиславович**, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права, Институт по переподготовке и повышению квалификации, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
227. **Столбов Вячеслав Алексеевич**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
228. **Страчкова Наталья Васильевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры туризма факультета географии, геоэкологии и туризма, Институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
229. **Субботина Татьяна Васильевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
230. **Субетто Дмитрий Александрович**, доктор географических наук, старший научный сотрудник, декан факультета географии, профессор кафедры физической географии и природопользования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург
231. **Супруненко Андрей Геннадиевич**, инженер лаборатории геоэкологии, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
232. **Супрунчук Илья Павлович**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
233. **Суслов Никита Иванович**, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск
234. **Сюй Шусин**, государственная ключевая лаборатория системы информации о ресурсах и окружающей среде, Институт географических наук и исследования природных ресурсов, Китайская академия наук, г. Пекин, Китай
235. **Ткачев Егор Витальевич**, магистрант кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
236. **Ткаченко Александр Андреевич**, профессор, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии и территориального планирования, Тверской государственный университет, г. Тверь
237. **Ткаченко Григорий Геннадьевич**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
238. **Труфанов Андрей Иванович**, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент института ИТиАД, Иркутский научно-исследовательский технический университет, г. Иркутск
239. **Тулохонов Арнольд Кириллович**, академик РАН, доктор географических наук, профессор, научный руководитель института, Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ

240. **Тургель Ирина Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, директор Школы экономики и менеджмента, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
241. **Уразметов Ильдар Анварович**, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики географического и экологического образования Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
242. **Урбанова Чимит Болотовна**, кандидат географических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой географии и геоэкологии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
243. **Уставщикова Светлана Владимировна**, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов
244. **Ушаков Евгений Александрович**, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
245. **Уянга Батболд**, магистрант, Институт географии и геоэкологии Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия
246. **Фарафонова Юлия Юрьевна**, старший преподаватель научно-образовательного кластера «Институт управления и территориального развития», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград
247. **Фартышев Арсений Николаевич**, кандидат географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
248. **Фахрутдинова Лилия Раисовна**, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
249. **Федорко Виктор Николаевич**, доктор философии (PhD) по географическим наукам, учитель географии высшей категории, средняя общеобразовательная школа № 233, г. Ташкент (Республика Узбекистан)
250. **Федоров Геннадий Михайлович**, доктор географических наук, профессор, директор Центра геополитических исследований Балтийского региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград
251. **Федорова Алла Семеновна**, заведующий лабораторией электронных картографических систем, старший преподаватель Эколого-географического отделения Института естественных наук Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск
252. **Фесенко Владимир Владимирович**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и картографии, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград
253. **Филиппова Виктория Викторовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск; доцент эколого-географического отделения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск
254. **Фрузенкова Анна Викторовна**, магистрант 1 года обучения, Национальный исследовательский университет ИТМО, г. Санкт-Петербург
255. **Хабибуллина Альбина Ринатовна**, студентка кафедры теории и методики географического и экологического образования Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
256. **Хадбаатар Сандаг**, кандидат географических наук, Монгольский национальный университет образования, г. Улан-Батор, Монголия
257. **Хальчевский Дмитрий Николаевич**, студент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
258. **Хамидуллина Регина Муслимовна**, бакалавр кафедры природообустройства и водопользования Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
259. **Харимаева Валентина Гармаевна**, младший научный сотрудник лаборатории геостратегических исследований и пространственного развития, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
260. **Хребтова Татьяна Анатольевна**, аспирант, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
261. **Царева Юлия Викторовна**, научный сотрудник Международной лаборатории исследования проблем устойчивого развития, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва
262. **Цыбикова Арюна Баировна**, ведущий инженер, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
263. **Цыденов Баир Баясхаланович**, аспирант кафедры географии и геоэкологии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ
264. **Цыдыпов Баир Зугдырович**, кандидат технических наук, старший научный сотрудник лаборатории геоэкологии, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ

265. **Чекменева Лариса Юрьевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
266. **Черных Владимир Николаевич**, младший научный сотрудник лаборатории геоэкологии, Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
267. **Чижова Лия Олеговна**, соискатель кафедры социально-экономической географии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь
268. **Чистобаев Анатолий Иванович**, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный профессор СПбГУ, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
269. **Чихичин Василий Васильевич**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
270. **Чугунова Надежда Васильевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород
271. **Шабалина Светлана Александровна**, доцент, кандидат географических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
272. **Шадрин Александр Иванович**, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры географии и методики обучения географии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, г. Красноярск
273. **Шатунов Александр Анатольевич**, магистрант 1 курса направления «Зарубежное регионоведение», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
274. **Шведов Вячеслав Геннадьевич**, доктор географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
275. **Швец Александра Борисовна**, кандидат географических наук, доцент кафедры физической и социально-экономической географии, ландшафтоведения и геоморфологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
276. **Шерин Егор Александрович**, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск
277. **Шигапов Иршат Сайдашович**, кандидат географических наук, доцент кафедры природо-обустройства и водопользования Института управления, экономики и финансов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
278. **Шупер Вячеслав Александрович**, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, г. Москва
279. **Щитова Наталия Александровна**, профессор, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии, Институт наук о Земле, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
280. **Эйдельман Борис Мойшевич**, доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
281. **Эйдельман Любовь Олеговна**, педагог-психолог 1 категории МБУ МП «Доверие», г. Казань; Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань
282. **Эминов Закир Намин оглы**, доктор географических наук, доцент, Генеральный директор Института Географии им. акад. Г.А. Алиева НАНА при Министерстве Науки и Образования Азербайджанской Республики, г. Баку (Республика Азербайджан)
283. **Юсупова Альмира Талгатовна**, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск; заведующий кафедрой менеджмента экономического факультета, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск
284. **Яковенко Ирина Михайловна**, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма факультета географии, геоэкологии и туризма, Институт «Гаврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь
285. **Яковенко Наталия Владимировна**, доктор географических наук, профессор, директор НИИ «Инновационных технологий и лесного комплекса», Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова, г. Воронеж
286. **Яковлев Сергей Валентинович**, доцент кафедры «Водные биоресурсы и аквакультура», Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград

**СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ:
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**MODERN EURASIA:
A SOCIO-GEOGRAPHICAL ANALYSIS**

Материалы Международной научной конференции
(XIV научная Ассамблея АРГО)

(10–19 сентября 2023 г., г. Улан-Удэ)

Утверждено к печати ученым советом

Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Байкальский институт природопользования СО РАН

Научное издание

Статьи публикуются в оригинале (авторской редакции);
стилистическому и научному редактированию не подвергались

Художник Д. Т. Олоев
Верстка и макетирование Г.В. Кашина

Подписано в печать 09.08.2023 г. Формат 60×84 1/8.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 59,8. Уч.-изд. л. 57,6.
Тираж 300. Заказ № 5.

Редакционно-издательский отдел Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.